

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА (ФАКУЛЬТЕТ)

X МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**РУССКИЙ ЯЗЫК
И КУЛЬТУРА
В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА**

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
Высшая школа перевода

X Международная научная конференция

**Русский язык и культура в
зеркале перевода**

Материалы конференции

Издательство Московского университета
2020

УДК 81'25:008
ББК 81-7:71.0
Р89

Русский язык и культура в зеркале перевода: X Международная научная конференция; Материалы конференции. – М.: Издательство Московского университета, 2020. – 711 с.

Рецензент: доктор филологических наук, профессор В.И. Аннушкин.
ISBN 978-5-19-011541-3 (e-book)

В сборник включены материалы докладов, представленных на X Международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода».

В опубликованных докладах освещаются различные аспекты общей теории, истории, методологии и дидактики перевода, а также теории художественного перевода. Ряд выступлений посвящен творчеству С.А. Есенина и критическому анализу переводов его произведений на разные языки мира (к 125-летию со дня рождения). Традиционно в докладах рассматриваются также вопросы преподавания русского языка как иностранного и сравнительной культурологии. Сборник представляет интерес для исследователей в области методики и практики преподавания русского языка как иностранного, теории, методологии и дидактики перевода, сопоставительной лингвистики и сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации.

Материалы сборника будут, несомненно, полезны для преподавателей, аспирантов, студентов и всех, кому близка данная тематика.

Ключевые слова: теория и методология перевода, художественный перевод, творчество С.А. Есенина, сравнительная культурология, межкультурная коммуникация, русский язык как иностранный.

УДК 81'25:008
ББК 81-7:71.0

Russian Language and Culture Reflected in Translation: Proceedings of the 10th International conference – Moscow: Moscow University Press, 2020. – 711 p.

Reviewer: PhD in Philology, professor V. Annushkin.

The compilation includes materials of the reports presented at the 10th International scientific conference “Russian Language and Culture Reflected in Translation”.

The published reports touch on various aspects of the general theory, history, methodology, translation didactics as well as the theory of literary translation. A number of presentations is focused on the work of Sergei Yesenin and the critical analysis of existing translations of his books into different languages (dedicated to the 125th anniversary of his birth). Traditionally, reports also examine the aspects of teaching Russian as a foreign language and comparative culturology.

This compilation is of interest to the researchers studying technique and practice of teaching Russian as a foreign language, theory, methodology and translation didactics, contrastive linguistics and literary criticism, culturology and intercultural communication.

The compilation materials will be undoubtedly of use to teachers, postgraduates, students and anyone related to the subject.

Key words: theory and methodology of translation, literary translation, the work of Sergei Yesenin, contrastive linguistics, intercultural communication, Russian as a foreign language.

ISBN 978-5-19-011541-3 (e-book)

© Коллектив авторов, 2020

© Высшая школа перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020

ПЕРЕВОД В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

<i>Аксенова А.В.</i> О некоторых особенностях перевода произведений А.А. Фета на итальянский язык	7
<i>Алевич А.В.</i> Duo cum faciunt idem, non est idem: об эмпирической стадии науки о переводе...17	
<i>Бобер Я.</i> Анализ перевода на польский язык выбранных фрагментов романа «Очередь» Владимира Сорокина.....	26
<i>Буйлов В.В.</i> Перевод метонимии в свете лингвопереводоведческого анализа прозы Андрея Платонова.....	40
<i>Васильева Г.М.</i> Переводы трагедии «Фауст» в контексте научных изысканий И.В. Гёте.....	56
<i>Гарбовский Н.К., Костикова О.И.</i> Мифы о переводе: от Вавилона до «цифры».....	65
<i>Есакова М.Н., Леоненкова Е.Д.</i> Диминутивы: языковая асимметрия и перевод (на материале повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» и ее переводов на французский, английский и китайский языки).....	81
<i>Зигмантович Д.С.</i> Синтаксис устной речи как дестабилизирующий фактор в устном синхронном переводе.....	94
<i>Киынова Ж.К., Оналбаева А.Т., Озгамбаева Р.О., Орынханова Г.А.</i> Переводческий анализ невербальных средств общения на материале оригинального и переводного текстов (по трилогии И. Есенберлина «Кочевники»).....	106
<i>Ковалева К.Н.</i> Соотношение вербальных и музыкальных составляющих при переводе текстов либретто. Фонетический аспект.....	114
<i>Ковалевич Е.П., Томашева И.В., Чернова Л.В.</i> Контенсивно-синтаксические трансформации в переводах С.А. Есенина на английский и испанский языки.....	123
<i>Коровкина М.Е.</i> Наследие Г.В. Чернова и его значение для российских и европейских исследований.....	132
<i>Крюкова Е.В.</i> Некоторые аспекты обучения переводу в эпоху цифровизации.....	142
<i>Ксёнжек А.</i> Доминанты в переводе сказок юлиана тувима на русский язык.....	149
<i>Кулешова Н.М.</i> Трудности письменного перевода: наиболее типичные ошибки и способы их предупреждения (на примере перевода оригинальных текстов общественно-политической тематики с немецкого языка на русский).....	160
<i>Мешкова Е.М.</i> Об английских переводах поэзии С.А. Есенина: интерпретация/трансформация образа.....	173
<i>Мишкuroв Э.Н.</i> Язык современного социума: норма и девиантный узус (лингвокультурологические, социолингвистические и переводческие аспекты).....	181
<i>Серкова С.Е.</i> Речевые ошибки в устном синхронном переводе у обучающихся при работе в комбинации В->А.....	193

<i>Сорокина Т.В.</i> К вопросу об эквивалентности художественно-изобразительных средств в переводе романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на греческий язык Катерины Ангелаки-Рук (на материале отрывка из письма Татьяны к Онегину).....	200
<i>Трухтанов С.И., Трухтанова Е.В.</i> К вопросу о методологии перевода каламбуров (на примере русских переводов сонетов Шекспира).....	215
<i>Шапич Ю.Л.</i> Об актуализаторе категории определенности/неопределенности «један» в переводе с сербского на русский.....	226
<i>Шмелёв А.Д.</i> Перевод как инструмент анализа семантики лингвоспецифичных слов: страх и трепет в русском языке в свете данных параллельных корпусов.....	238

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ

<i>Адинаев Ш.</i> К теоретическим основам методики обучения русскому языку в вузах и школах Кыргызстана (когнитивная психология, теория концепта, теория деятельности А.Н. Леонтьева).....	251
<i>Антипина И.В., Короткова Т.В.</i> Учебный комплекс «Учим русский всей семьей» как средство языковой адаптации трудовых мигрантов и их детей.....	258
<i>Балуш Т.В., Чуханова А.В.</i> Преподавание РКИ в условиях белорусско-русского двуязычия: лингводидактический аспект.....	266
<i>Вотякова И.А.</i> Суффикс –инг- в словообразовательной системе современного русского языка.....	275
<i>Зеленова А.А.</i> Категория одушевленности-неодушевленности в преподавании русского языка как иностранного для иностранных студентов из Китая.....	283
<i>Конюхова Е.С.</i> Лингвострановедческий аспект в русских сказках и былинах на уроках литературы.....	292
<i>Кульгавчук М.В.</i> Русская культура на уроках РКИ: слушаем, читаем, обсуждаем.....	300
<i>Лейфланд Бернтссон Л.В., Новикова В.В.</i> Сложности подготовки к сдаче экзамена ТРКИ- 4 вне языковой среды.....	309
<i>Лесневская Д.С.</i> Актуальные проблемы методики преподавания русского языка как иностранного.....	318
<i>Майко Т.</i> О проблеме овладения конструкциями с опорным глаголом при изучении РКИ (на примере глагола делать).....	328
<i>Маркова Е.М.</i> Явление универбации в современном русском языке и отражение его в учебном словаре для иностранцев.....	340
<i>Немыка А.А., Кумуржи О.В.</i> Специфика формирования терминологической компетенции обучающихся.....	348

<i>Нефедов И.В.</i> Социальные сети как виртуальное пространство для обучения РКИ.....	356
<i>Обухова Т.М., Зеленская А.А.</i> Опыт использования аутентичного подкаста о языке и лингвистике «Розенталь и Гильденстерн» в рамках спецсеминара для иностранных учащихся: обучение русскому языку и научно-профессиональное ориентирование.....	365
<i>Плешикова-Синицкая О.Н.</i> О проблемах аудирования на продвинутом этапе изучения русского языка в италоязычной аудитории: обучение пониманию имплицитных смыслов.....	385
<i>Стамбулиди З.А., Федотова Н.Л.</i> Принципы разработки профессионально ориентированных средств обучения греческих студентов-переводчиков русскому языку.....	395
<i>Харшиладзе Н.В., Цагарешивили Н.А.</i> Использование ИКТ при обучении русскому языку как иностранному.....	406
<i>Шаронов И.А.</i> Русский речевой этикет в пространстве диалога.....	414
<i>Шоканова Р.</i> Эффективен ли учебник РКИ, созданный по модульной технологии, для студентов высшей школы национальной аудитории?.....	422
<i>Шоканова Р.</i> Теоретико-методологическая основа образовательной технологии по обучению РКИ студентов национальной аудитории.....	438

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

<i>Аймагамбетова М.М.</i> Интертекстуальность как прецедентный феномен массмедиа.....	452
<i>Богданова Л.И.</i> Доминанты русской культуры в зеркале грамматики.....	460
<i>Быкова А.А.</i> Особенности перевода фразеологизмов в политических текстах.....	471
<i>Вьюнов Ю.А.</i> Русское мессианство как фактор межкультурной коммуникации в историческом контексте.....	481
<i>Гик А. В., Петрова З. Ю.</i> Эволюция образной картины мира русской литературы: фрагмент «человек - насекомое».....	495
<i>Голубева-Монаткина Н.И., Чэнь Хао</i> О некоторых аспектах русско-китайского трансфера философского знания.....	503
<i>Громова Л.Г., Громова В.Р.</i> Особенности лингвокультурного пространства современного российского города в восприятии иностранных студентов.....	512
<i>Дондоков Д.Д.</i> Вербализация этнических стереотипов и репрезентация повседневности в русскоязычных социальных сетях (краудсорсинговое исследование).....	522
<i>Жауынишева Ж.Б., Жандыкеева Г.Е., Кыынова Ж.К.</i> Символика числа «семь» в межкультурной коммуникации.....	531
<i>Новикова М.Г.</i> Герменевтический подход к культурологической непереводимости поэтических текстов.....	538

<i>Пушкарёва Н.В.</i> Языковая личность профессионала в русской языковой картине мира (на материале русской прозы).....	560
<i>Разумовская В.А., Тарасенко Т.В.</i> Память: мегаобъект науки, искусства и перевода.....	571
<i>Сванидзе К.А., Диасамидзе Т.В.</i> Национально-культурная семантика пословичного фона (кросс-культурный анализ).....	579
<i>Сивова Т.В.</i> Колористическая визуализация небесных светил в прозе К.Г. Паустовского. Луна.....	588
<i>Шмелева Е.Я., Швечкова Л.А.</i> Русские и английские слова со значением собственности в зеркале параллельного корпуса.....	600
<i>Янкович М.</i> Язык современной российской прессы. Военные метафоры в текстах о конфликте в Донбассе.....	613

**ПОЭЗИЯ С.А. ЕСЕНИНА В МИРОВОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(К 125 ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

<i>Анастасьева И.Л.</i> Оказиональный смысл понятия «человек» в поэме С.А. Есенина «Черный человек».....	626
<i>Артемьева Ю.В., Явари Ю.В.</i> Интерпретация русских реалий в переводах произведений С.А. Есенина.....	634
<i>Борис Л.А.</i> Письма вслух: риторический аспект монологов в поэзии Сергея Есенина.....	646
<i>Кур-Кононович И.</i> Флорообраз в идиостиле Есенина – черемуха. Попытка интерпретации (лингвистический аспект).....	659
<i>Лыткина О.И.</i> Американский текст С. Есенина.....	671
<i>Петрова З.Ю., Фатеева Н.А.</i> Персонифицирующие метафоры и сравнения в поэзии С. Есенина.....	681
<i>Трубина О.Б.</i> О переводческой рецепции стихотворения С. Есенина «Не напрасно дули ветры».....	691
<i>Шестакова Н.Н.</i> Явления поэзии Сергея Есенина в итальянской культуре.....	701

ПЕРЕВОД В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аксенова Анна Владимировна
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Aksenova Anna
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.А. ФЕТА НА ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК

SOME ASPECTS OF TRANSLATION OF POEMS BY A.A. FET INTO ITALIAN

В данной статье рассматриваются некоторые особенности перевода произведений А.А. Фета на итальянский язык. Стихи Фета стали переводить на итальянский язык в начале 20 века. Широкое распространение имели метр, рифма, словарь, насыщенный поэтизмами. Наиболее ранние переводы стихов Фета на итальянский язык принадлежат Доменико Чамполи, стоявшему у истоков итальянской славистики. Впоследствии произведения Фета переводили Джованни Гандольфи, Этторе Ло Гатто, Ренато Поджоли, Вольф Джусти, Джованни Буттафава и Алессандро Ньеро. Д. Чамполи и Д. Гандольфи переводили Фета рифмованными стихами, в то время как Джованни Буттафава старался сохранить формальные элементы оригинала. В большей части своих переводов Гандольфи и Ньеро стремились подчеркнуть временную дистанцию между Фетом и современным читателем, насыщая текст архаизмами и поэтизмами.

This article deals with the description of some problems related to the translation into Italian of some of A.A. Fet's poems. His poems were first translated into Italian in the early 20th century. The earliest translations of Feta's poems into Italian belong to Domenico Ciampoli, who was the forefather of the Italian Slavistics. Fet's works were subsequently translated by Giovanni Gandolfi, Ettore Lo Gatto, Renato Poggioli, Giovanni Buttafava, and Alessandro Niero. D. Ciampoli and D. Gandolfi translated Fet's poems in rhymed verse, while Giovanni Buttafava tried to preserve the formal elements of the original. In most of their works, Gandolfi and Niero sought to emphasize the temporary distance between Fet and modernity, introducing into their translations various archaisms and poeticism.

Ключевые слова: поэтизмы, грамматическая трансформация, рифмованные стихи, метр, архаизмы, лексическая трансформация.

Key words: poeticism, grammatical transformation, rhymed poems, meter, archaisms, lexical transformation.

Стихотворный перевод в культуре есть один из важнейших способов эстетического конструирования современности и одновременно ее историзации. Проблема перевода поэтического текста является одной из сложнейших задач современного переводоведения, решить которую под силу далеко не каждому. По мнению О.Ю. Школьниковой «основная проблема заключается в том, что в поэтическом тексте одинаково важную роль играют содержание и форма, которая характеризуется рядом специфических признаков: наличие рифмы, ритма, размера и т.д. [Школькова, 2018, с. 72-73].

Попытки сохранить форму поэтического текста зачастую приводят к утрате ключевых образов произведения. Точно так же, стремление сохранить лексико-семантическое содержание может привести к разрушению гармонии и благозвучности произведения.

Поэтому необходимо найти и учесть все особенности оригинала, стремясь при этом к максимальной функциональности перевода.

К.И. Чуковский отмечал, что «прежде чем взяться за перевод какого-нибудь иностранного автора, переводчик должен точно установить для себя стиль этого автора, систему его образов, ритмику» [Чуковский, 2014, с. 189]. Он также приводит слова М. Л. Лозинского, который утверждал, что «звукопись, звуки слов в стихах, всего ярче воздействуют на нашу эмоциональность. Это не просто музыкальный звук, так или иначе нас настраивающий. Звучат слова, а слова — носители мыслей, образов, понятий, чувств. И вот эти-то мысли, образы, понятия, чувства проникнуты звуком, светятся изнутри разно окрашенным звуковым светом. Они вступают между собой в сложную переключку, звуки таинственно роднят их между собой, создают для нас сложные сети мысленных и чувственных ассоциаций. Вот перед вами два стиха. Они живут этой светящейся переключкой звуков. Измените звук в одном из слов первой строки, и сразу во второй строке погаснет нетронутое вами слово, которое было полно волнующего смысла. Оно станет слепо и невыразительно только потому, что в первой строке в каком-то слове погас перекликающийся с ним звук» [Лозинский, 1955, с.164].

Множество поэтов и переводчиков полагали, что точный перевод поэтического произведения есть безнадежное, заранее обреченное на неудачу дело. Наиболее ярким примером является сравнение П.Б. Шелли, который сравнивал поэтический перевод с тщетной попыткой постичь первооснову цвета и запаха фиалки.

Тем не менее, в современном переводоведении принято считать, что поэзия переводима, поскольку для реализации эстетического воздействия произведения в целом служат все элементы, а не отдельные, вызывающие затруднение компоненты.

Стихи Фета стали переводить на итальянский язык в начале 20 века, когда современная итальянская поэтическая традиция была близка к традиции позднего русского романтизма. Широкое распространение имели метр, рифма и словарь, насыщенный поэтизмами. Классицистически-благородные формы навевали мысли о прошлом. Однако подобная классичность стиха не могла в полной мере предать всю красоту и своеобразие переводимых произведений [Фет, 2012, с. 6-10].

Доменико Чамполи (1852-1929) стоял у истоков итальянской славистики. Именно ему принадлежат наиболее ранние переводы стихов Фета на итальянский язык. Впоследствии, для антологии русской поэзии девятнадцатого века, Фета переводил поэт и романист Джованни Гандольфи (1868-1946).

Они оба переводили Фета рифмованными стихами, вводя его произведения в русло итальянской поэтической традиции второй половины 19 века. Так, например, Чамполи

перевел произведение «Над озером лебедь в тростник протянул...», назвав это стихотворение «Лебедь», и заключив его в мартелианский стих с парной рифмой: *S'era nascosto il cigno del lago fra i cannetti;/ Capovolti nell'acqua si specchiavan gli abetti*. Любопытно, что в итальянской традиции более длинный на один слог, чем александрийский, мартелианский стих чаще использовался при написании пьес.

Еще одним примером рифмованного перевода может послужить перевод стихотворения «На заре ты ее не буди...», состоящего из пяти четверостиший, написанных восьмистопным хореем. Чамполи в своем переводе «*Non destarla...*» использует шесть двустиший с длинными шестнадцатисложниками, при этом цезура не всегда четко прослеживается.

При переводе этого же произведения «На заре ты ее не буди...» Гандолфи обращается к десятисложному стиху и перекрестной рифме: *Non destarla, se l'alba pur rida! /E'si dolce nell'alba dormire! / Il mattin nel bel seno s'annida, / E fa il volto di rose fiorire*.

Многие слависты такие, как Этторе Ло Гатто, Ренато Поджоли, Вольф Джусти, Джованни Буттафава и Алессандро Ньеро в своей книге «Как трудно воссоздать живую красоту» (Милан, 2012), пробовали свои силы на поприще перевода стихов Фета.

Итальянский поэтический язык позволяет переводить канонические метры, размеры, рифмы свободным стихом. Оставляя в стороне формальную составляющую поэтической традиции, Этторе Ло Гатто переводит Фета лишенным рифмы свободным стихом. Такой подход к стихотворному переводу в период после Второй мировой войны стал в Италии преобладающим. Вольф Джусти же переводит «Чудную картину», во многом следуя принципам поэтического минимализма: *Meravigliosa immagine, / Come mi sei intimamente vicina:/ La bianca pianura, / La luna piena...*

Таким образом, в течение всего 20 века, а также в начале 21 века (с 1904-2011) произведения А.А. Фета переводили ранее упомянутый Доменико Чамполи (2); Джованни Гандольфи (20); Ренато Поджоли (1); Этторе Ло Гатто (7); Вольф Джусти (9); Джованни Буттафава (4); Гвидо Карпи (2); Александр Ниеро (8); Стефано Гардзонио (20).

При этом лишь одно произведение Фета вошло в знаменитую антологию Ренато Поджоли «Цветок русской поэзии» (*Il fiore del verso russo*, 1949). Это стихотворение «У Камина», переведенное восьмисложным стихом с перекрестной рифмовкой. В первой строфе отчетливо видна необычная разносложная рифма (*fiamella/libellula*): *Si spegne il fuoco. Una fiammella/ Nella penombra ancor vibra./ Così una cerula libellula/ Sovra i papaveri si libra*.

Нерифмованными строками разной длины переводил Фета Буттафава, великолепный интерпретатор русских поэтических текстов. Название антологии Алессандро Ньеро «Как трудно воссоздать живую красоту» напоминает нам о том, что у Фета «живая» красота –

значит красота «звонкая», «гармоничная». Перевод становится попыткой достичь прекрасной «звнящей дали», соединив музыку и мысль.

Как мы видим, разница в подходе к переводу произведений Фета обусловлена приверженностью их авторов к разным переводческим концепциям. Далее мы попытаемся углубиться в более детальный анализ различных решений итальянских переводчиков.

Практически через двадцать лет после появления первых работ Чамполи Джованни Гандольфи также осуществил около двадцати переводов произведений Фета. Отличительной чертой его переводов является относительная строгость в плане сохранения рифм оригинала. Кроме того, что касается метрических решений, Гандольфи прибегает к своеобразному подражанию: использование изосиллабизма, практически калькированного с оригинала распределения ударений и реприза клаузул.

Рассмотрим отрывок из произведения «Ива» в переводе Гандольфи:

Сядем здесь, у этой ивы,
Что за чудные извивы
На коре вокруг дупла!
А под ивой как красивы
Золотые переливы
Струй дрожащего стекла!

Ветви сочные дугою
Перегнулись над водою,
Как зеленый водопад;
Как живые, как иглою,
Будто споря меж собою,
Листья воду бороздят.

В этом зеркале под ивой
Уловил мой глаз ревнивый
Сердцу милые черты...
Мягче взор твой горделивый...
Я дрожу, глядя, счастливый,
Как в воде дрожишь и ты.

Vieni sotto il salcio adesso...
Che bel fregio attorno ad esso
Nella grigia scorza va!
Guarda ben l'aereo riflesso
della luce, tremar fa!

Guarda i rami, d'umor vaghi,
verso d'acqua che li appaghi
in verdi archi giù cascar;
e le foglie, viventi aghi,
rigar l'acqua in giri vaghi,
sì che sembrano lottar.

Se lo sguardo mio geloso
Sul malfermo specchio poso,
vedo il viso tuo laggiù.
Là il tuo sguardo è pietoso,
ed io tremo, oh avventuroso!
Perchè là tremi anche tu!

Стихотворение написано четырехстопным хореем, сплетенная рифмовка (ААБАБ). Переводчику удалось сохранить исконный размер и рифмовку. Особое внимание следует обратить на отсутствующую в оригинале аллитерацию, к которой прибегает Гандольфи (*sotto il salcio adesso*). Так, сибилант s по своему звучанию напоминает едва уловимый вздох, и ассоциируется тишиной и гармонией природы.

В стихотворении «Ива» А. Фет изображает трепетную картину любовного свидания. Восторженное состояние лирического героя подчеркивает ряд восклицаний. Для влюбленного человека весь мир преобразуется, начинает играть красками: он замечает каждую мелочь,

каждую деталь пейзажа и самозабвенно любит окружавшей обстановкой. Об этом свидетельствуют использованные поэтом на лексико-семантическом уровне анализа произведения эпитеты («чудные извивы», «золотые переливы»), служащие планом выражения для метосодержания, а метафоры на метасемиотическом уровне («переливы струй дрожащего стекла») в свою очередь, служат выражением «образного» содержания. Так, традиционный для русского фольклора образ склонившейся над водой плакучей ивы связан с женским романтическим переживанием.

В своем переводе Гандольфи прибегает к различным видам переводческих трансформаций. Наиболее часто используемой грамматической трансформацией является использование определенного артикля вместо указательного местоимения (*il salcio, il viso, lo specchio*), а также перестановки языковых элементов в тексте перевода и замена некоторых грамматических единиц (*guarda ben, verso d'acqua che li appaghi*). Замена грамматических единиц связана с рядом лексических трансформаций, таких как добавление (*grigia scorza va, verso d'acqua che li appaghi, sul malfermo specchio poso*), смысловое развитие (замена следствия причиной: ветви сочные - *i rami, d'umor vaghi*), конкретизация (*vedo il viso tuo laggiù*), целостное преобразование (*l'aereo riflesso della luce*).

Еще одним блестящим примером переводческого таланта Гандольфи может послужить стихотворение «Чудная картина...» («Oh, la stupenda scena»):

Чудная картина, Как ты мне родна: Белая равнина, Полная луна,	Oh, la stupenda scena che tanto avvince il cuore! La luna splende piena dei campi sul candore.
Свет небес высоких, И блестящий снег, И саней далеких Одинокий бег.	Il cielo chiaro è in pace, sfavilla il niveo piano; sola, una slitta audace dilegua via lontano.

Трохеический триподий передается при помощи семисложного стиха (2а, 4а и 6а). Этот перевод примечателен благодаря своему достаточно современному звучанию. Относительно устаревшими можно считать лишь инверсию («*dei campi sul candore*») и поэтизм «*niveo*» (белоснежный). Гандольфи также использует грамматическую трансформацию, связанную с добавлением артикля (*la stupenda scena, la luna, il cielo chiaro*). В рамках анализа приемов лексической трансформации отметим целостные преобразования и компенсации (*tanto avvince il cuore*), лексические добавления (*la luna splende piena, il cielo chiaro è in pace, sfavilla il niveo piano; una slitta audace dilegua via lontano*).

Многие из переводов Гандольфи считаются классическими благодаря своим метрическим решениям. Так, переводчик часто прибегает к одиннадцатисложникам при

переводе произведений, написанных пятистопным ямбом: «Какая ночь! На всем какая нега!» (Notte di maggio), «Как нежишь ты, серебряная ночь» («Come sei blanda tu, corrusca notte...»). Гандольфи остается под очарованием Фетовского трехстишия. Это становится особенно очевидным, когда переводчик использует десятисложный стих (3а, 6а и 9а) для передачи трехстопного анапеста таких произведений, как «На заре ты ее не буди...» («Non destarla, se l'alba pur rida...»), «За горами, песками, морями» («Agli amici»), «На качелях» (Sull'altalena).

Как было отмечено ранее, в своем знаменитом сборник «Il fiore del verso russo» Поджоли приводит лишь одно произведение Фета «У камина» (Accanto al camino).

Тускнеют угли. В полумраке Прозрачный вьется огонек. Так плещет на багряном маке Крылом лазурным мотылек. Видений пестрых вереница Влечет, усталый теща взгляд. И неразгаданные лица Из пепла серого глядят.	<u>Si spegne il fuoco. Una fiaella</u> nella penombra ancora vibra. Così una cerula <u>libellula</u> sopra i papaveri si libra. Seguono gli occhi assorti <u>mille</u> <u>labili iagini</u> in catene. Strane enigmatiche <u>pupille</u> guardan dal <u>grigio</u> della cenere.
Встает ласкательно и дружно Былое счастье и печаль, И лжет душа, что ей не нужно Всего, чего глубоко жаль.	Dolce risuscita nel sogno il bene e il male che passò. L'anima mèn te se bisogno non ha di ciò che sospirò.

Поджоли мастерски использует фонетические приемы для передачи различных образов. Так, аллитерация *s* в первой строфе передает шипение угасающего огня, а тончайшие языки пламени описываются при помощи чередования альвиолярной сонанты *l*: *la/li/le (fiaella/libellula)*. Нарастающее повторение дрожащей альвеолярной *r* в *guardan dal grigio della cenere* позволяет нам очертить робкие, призрачные лики. Будто желая уверовать в ложь (*и лжет душа*), переводчик использует сонорные и *m*, и *n*, тщательно артикулируя каждое слово (*l'anima mèn te se bisogno*).

Поджоли достаточно свободно в своем переводе использует грамматическую трансформацию, заменяя части речи (*из пепла серого глядят - guardan dal grigio della cenere; былое счастье и печаль - il bene e il male che passò*), а дифференциация является наиболее распространенным видом лексических замен (*cerula libellula, gli occhi assorti, strane enigmatiche pupille*).

В отличие от ранее упомянутых переводчиков, Этторе Ло Гатто, Буттафава и В. Джусти не стремятся в своих переводах сохранить ритмический рисунок оригиналов. Однако они продолжают использовать семисложные стихи, которые являются не столь распространенными в итальянской традиции.

Сравним два перевода стихотворения «Шепот, робкое дыханье...» в исполнении Александро Ньеро и Гуидо Карпи.

Шепот, робкое дыханье, Трели соловья, Серебро и колыханье Сонного ручья,	Александрo Ньерo <u>S</u> ussuro, timido respiro un usignolo e il suo trillio, <u>g</u> orgoglio argentino d'un ruscello insonnolito.	Гуидo Карпи Brusio, timido respiro, trillar di rosignolo, fremere argentino di rivo sonnolento,
Свет ночной, ночные тени, Тени без конца, Ряд волшебных изменений Милого лица,	Notturna luce, ombre n o t e t e m p o, ombre interminate, fila di portentosi mutamenti sul volto dell'amata,	Luce e notte, notte ed ombre, ombre senza fine, muta in magica cadenza il sembiante amato,
В дымках тучках пурпур розы, Отблеск янтаря, И лобзания, и слезы, И заря, заря!...	porpora di rosa tra nubi fumiganti, baleno d'ambra , e baci, e pianti, e l'alba, e l'alba!...	Porpora di rosa in fosche nubi, riflesso d'ambra, e scambiarsi baci e pianto, ed aurora, aurora!...

Произведение написано трехстопным хореем, с перекрестной рифмой АБАБ. Композиционно стихотворение делится на три части. Особенностью стихотворения является то, что в нем нет ни одного глагола. Существительные позволяют придать каждой фразе необычный ритм, размеренный и неторопливый. Вместе с тем, каждая строфа представляет собой завершенное действие, которое констатирует то, что уже произошло. Читатель обращает внимание на цветовую гамму произведения, которая, несомненно, имеет символический характер. Так, серебро принято считать символом чистоты, невинности, непорочности, пурпурный цвет розы, наоборот, является символом любви, а отблеск янтаря говорит о страсти влюбленных.

На метасемиотическом уровне анализа произведения, отметим, значение слова «тени», имеющее множество аллегорических, метафорических и переносных значений. В данном произведении оно приобретает дополнительную коннотацию «призрачности», «эфemerности».

Рассматривая два перевода данного произведения, следует отметить, что А. Ньеро не сохраняет размер оригинала, и отдает предпочтение ямбу. Он также не меняет в переводе порядок слов. Образ наступивших сумерек и приближающейся зари поддерживается акустическими приемами аллитерации (*gorgoglio argentino, notturna luce, ombre nattetempo, sul volto dell'amata*) и ассонанса (регулярное повторение гласных а, и, о). Следует отметить, что в своем переводе Ньеро, несомненно, использовал своеобразный звуковой символизм. Возможно, он следовал принципам, отмеченным французским поэтом А. Рембо, утверждавшему, что гласный *a* ассоциируется с черным цветом, миром мрака, *и* с «дивными кругами морей зеленоватых», а *o* с синим цветом и «медным звоном». При помощи грамматической трансформации Ньеро заменяет существительное «серебро» на прилагательное *argentino*, в некоторой степени изменяя исходный поэтический образ: серебро и колыханье сонного ручья становится «серебристым колыханьем» (*gorgoglio argentino*)

сонного ручья. Отметим, что подобная грамматическая трансформация присутствует и в переводе Карпи, которому не удалось сохранить номинативный характер произведения, так как в его переводе встречается глагольная форма (*muta in magica cadenza il semiante amato*). Целостные лексические преобразования помогают обоим переводчикам достаточно точно передать художественную ценность оригинала (*timido respiro, ruscello insonnolito, rivo sonnolento, portentosi mutamenti, riflesso d'ambra*).

Перевод Карпи примечателен с лексической точки зрения: использованием устаревшей, необычной лексики (*trillar, rosignolo, rivo, semiante*), а также опущением артиклей и предлогов (*di rivo sonnolento*), что придает произведению достаточно архаичное звучание.

Далее обратим наше внимание на слависта Стефано Гардзонио и рассмотрим его перевод произведения «Я жду...»

Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Aspetto... Usignolo che canta,
Riecheggia dal fiume lucente,
Sta l'erba in brillanti di luna,
E lucciole là sul comino.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Aspetto... Blu tenebra è il cielo,
Negli astri più grandi e nei piccoli
Intendo del cuore il sussulto,
Tremori di man e di gambe.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатила на запад...
Прости, золотая, прости!

Aspetto... Ecco il vento da sud;
E tipido è stare ed andare;
Via cade una stella all'ocaso...
Addio, tutta dorata, addio!

Стихотворение написано трехстопным амфибрахийем с чередующимися женскими и мужскими окончаниями. Произведение имеет анафорическую композицию. Каждое четверостишие начинается с фразы «я жду» после которого стоит многоточие, призванное подчеркнуть некую недосказанность. Новая строфа – новая картина ожидания, при изображении которой важное место отведено ярким пейзажным деталям. В первой – соловьиное эхо, трава, блестящая при лунном свете, светлячки. Во второй – темно-синее небо, усыпанное мелкими и крупными звездами. В третьей – покотившаяся на запад золотая звезда. От всех картин веет умиротворением, спокойствием, гармонией человека с самим собой и окружающим миром. Для описания природы поэт использует ингерентно-коннотативные прилагательные (блестящей реки, темно-синее небо, мелких, крупных звездах), а дополняют образ полной жизни природы такие средства художественной выразительности, как олицетворение (соловьиное эхо несется, звезда покатила на запад).

Стефано Гардзонио был склонен сохранять силлабитонический ритм. Если в русском оригинале стихотворение написано четырехстопным амфибрахийем, то в итальянском переводе также сохраняется четырехстопный амфибрахий, но присутствует чередующийся безударный слог. Рифма женская, смешанная, девятисложный стих (2а, 5а и 8а).

Переводчик сохраняет анафорическую композицию, каждая строфа начинается со слова «Aspetto...». Гардзонио достаточно часто используется аллитерация в изобразительной функции: *Sta l'erba in brillianti di luna,/ E lucciole là sul comino; Addio, tutta dorata, addio!*

Подобно Карпи, Гардзонио также использует в своих переводах поэтизмы и архаизмы (man, occaso). Прием лексической дифференциации (*fiume lucente, blu tenebra è il cielo*) и компенсации (*usignolo che canta*), помогают сохранить основную образность подлинника.

Изучение переводов произведений Фета в диахронии позволило прийти к ряду важных выводов. Так, некоторые переводчики ставили перед собой популяризаторские задачи (Ло Гатто, Джусти), другие же концентрировали особое внимание именно на специфике перевода поэтического слова, как, например, Гандольфи, который полагал, что перевод должен быть максимально приближен к оригиналу, как в плане лексическом, так и в ритмико-синтаксическом.

Проведенный нами метрический анализ показал, что Стефано Гардзонио и Этторе Ло Гатто следуют оригинальной авторской рифме и размеру. Джованни Буттафава и Джованни Гандольфи, в свою очередь, стараются сохранить формальные элементы оригинала, и при переводе применяют разносложный стих с рифмами и созвучиями. А. Ньеро опирается на «гибкую» полиметрию, пытаясь сочетать структуру классического одиннадцатисложника с ассонансами, неточными рифмами и общей музыкальностью текста. В большей части своих переводов Гандольфи и Ньеро стараются подчеркнуть временную дистанцию между Фетом и современным читателем. Такой подход обусловлен желанием увидеть функционирование текста, богатого архаизмами и поэтизмами, в рамках современного сознания. Поэтому стихотворения чаще всего воспроизводятся с силлабическим ритмом, хотя иногда все же используется тонический рисунок ритмики, свойственный русскому оригиналу. Некоторые переводчики отказываются от рифм, чтобы избежать значительных семантических потерь.

Список литературы:

- Лозинский М.Л. Искусство стихотворного перевода // «Дружба народов», 1955, №7
Фет А. А. Уноси мое сердце в звенящую даль (*Porta lontano nel suono il mio cuore ...*) // М.: Центр книги Рудомино, 2012
Чуковский К.И. Высокое искусство // М.: Время, 2014
Школьникова О.Ю. Лексико-семантические проблемы перевода в практическом аспекте: русский - итальянский // М.: Век информации, 2018
Garajová Kateřina *Manualetto di stilistica italiana* // Brno: Masarykova univerzita, 2014

Scandura Claudia La poesia russa da Puškin a Brodskij. e ora? Русская поэзия от Пушкина до Бродского. Что дальше? // Edizioni Nuova Cultura, Roma, 2012

References:

Chukovskii K.I. Vysokoe iskusstvo [A High Art]// M.: Vremya, 2014 (In Russian)

Fet A. A. Unosi moe serdtse v zvenyashchuyu dal' (Take my heart to the singing distance. Porta lontano nel suono il mio cuore) // M.: Tsentr knigi Rudomino, 2012 (In Russian)

Garajová Kateřina Manualetto di stilistica italiana // Brno: Masarykova univerzita, 2014 (In Italian)

Lozinskii M.L. Iskusstvo stikhotvornogo perevoda [The Art of Verse Translation] // «Druzhba narodoV», 1955, №7 (In Russian)

Scandura Claudia La poesia russa da Puškin a Brodskij. e ora? Русская поэзия от Пушкина до Бродского. Что дальше? [Russkaya poehziya ot Pushkina do Brodskogo. Chto dal'she?] // Edizioni Nuova Cultura, Roma, 2012 (In Italian)

Shkol'nikova O.Yu. Leksiko-semanticheskie problemy perevoda v prakticheskom aspekte: russkii - ital'yanskii [Lexical-semantic problems of translation in practical aspects] // M.: Vek informatsii, 2018 (In Russian)

Алевич Анисия Вячеславовна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Alevich Anissia
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

DUO CUM FACIUNT IDEM, NON EST IDEM: ОБ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СТАДИИ НАУКИ О ПЕРЕВОДЕ

DUO CUM FACIUNT IDEM, NON EST IDEM: ON EMPIRICAL STAGE OF TRANSLATION SCIENCE

Статья посвящена эмпирической стадии науки о переводе, ставшей временем обобщения и критической оценки предшествующего опыта, выработки ключевых категорий и оппозиций, заложивших основу для определения методов и стратегий науки о переводе на примере первых переводов Священного Писания, ставших осмыслением ветхозаветной традиции. Буквализм первые переводчики Священных текстов оправдывали боязнью исказить божественный смысл, ссылаясь на переводы определенных фрагментов священного текста эллинистических иудеев и древней Христианской Церкви Септуагинты. Впоследствии буквализм, лишавший оригинал «глубины и изящества», сменился стремлением переводить не слова, а мысли, соблюдать ясность речи и чистоту языка, что привело к созданию трактатов, призванных предостеречь от совершения переводческих ошибок, в которых осмыслились принципы переводческой деятельности, ставшие началом переводческой критики.

The article studies the empirical stage of the science of translation, known as the time of generalization and critical evaluation of previous experience, development of key categories and oppositions, that form the basis of methods and strategies of translation science on the materials of the first Bible translations viewed as an interpretation of an Old Testament tradition. The first translators of the Sacred texts justified word for word translation by fear of distorting the divine meaning, referring to translations of certain fragments of Septuagint, the sacred text of the Hellenistic Jews and the ancient Christian Church. Subsequently, literalism, depriving the original of “depth and grace”, was replaced by a desire to translate meanings instead of words, as well as to observe speech clarity and language purity, which led to the creation of translation treatises aimed to evade translation errors, which laid the basis of translation critics.

Ключевые слова: эмпирическая стадия науки о переводе, переводческие стратегии, переводческое решение, переводческая критика.

Key words: empirical stage of the science of translation, translation strategies, translation decision, translation criticism.

Первые переводы Священных текстов стали появляться в эпоху Античности. Переводы Нового Завета были выполнены на многие языков, начиная с сирийского и латинского и заканчивая эфиопским, готским, грузинским, армянским. В переводах, ставших подстрочником греческого оригинала, перевод слов довлел над передачей духа оригинального текста, что определяло выбор переводческих решений¹.

Во втором веке начинают появляться первые переводы христианской литературы с греческого языка. Латынь укрепляла свои позиции среди верующих Рима. Во втором веке римский епископ Виктор (186 – 198) впервые провёл богослужение на латинском языке. В это

¹ Впоследствии «неуклюжесть и буквализм» первых переводов подверглись критике [Мецгер, 1996, с. 70].

время был осуществлен перевод на латинский язык послания к коринфянам римского епископа Климента. Во второй половине III века св. Илариум Пиктавийским были переведены сочинения Оригена, который, согласно св. Иерониму, выступил не в роли переводчика, а автора собственного произведения (*Ejus tractatus non ut interpretes, sed ut auctores proprii operis transtulerunt*).

Методу перевода, при котором переводчик выступает в роли автора переводного произведения, св. Иларий Пиктавийский, борец с арианской ересью, следовал не во всех случаях. При переводе вероучительных документов, как в сочинении «О соборах» (*De Synodis seu fide orientalium*), где даётся перевод Никейского символа, второй формулы Антиохийского собора, св. Иларий Пиктавийский следует буквальному переводу, при этом отмечая, что буквализмы вносит «неясность» в перевод².

К IV веку относятся произведения Гая Мария Викторина, язычника, обратившегося в христианство, первого латинского экзегета, стремившегося разрешить сложнейшие богословские вопросы, опираясь не только на христианскую традицию, но и лучшие произведения античной мысли³. Помимо собственных сочинений, к которым относятся трактат «О принятии понятия единосущный» (*De homousio recipiendo*), трёх гимнов о Пресвятой Троице, руководство по грамматике (*Ars grammatica, De definitionibus*), его перу принадлежал перевод «Введения» Порфирия к категориям «Аристотеля», лежащего в основе формирования богословской терминологии на латинском языке⁴. Данным переводом пользовался Боэций в VI веке, противопоставляя его собственному буквальному переводу.

Во второй половине IV века появляется перевод на латинский язык памятника раннехристианской литературы «Жития святого Антония» св. Афанасия Александрийского. Первый перевод содержал черты разговорной речи, что являлось свидетельством того, что перевод был продиктован и впоследствии не исправлен. Диктовать перевод под запись с дальнейшим редактированием было широко распространено во времена Античности и раннего Средневековья.

Второй перевод «Жития святого Антония» был выполнен епископом Антиохийским Евагрием и оформлен в соответствии с требованиями времени: в предисловии приводилось

² «буквальный перевод с греческого на латинский по большей части вносит неясность, ибо, хотя и сохраняется сочетание слов, однако он не может сохранить ту же самую точность для простоты понимания» (*sed quod ex graeco in latinum ad verbum expressa translatio affert plerumque obscuritatem, dum custodita verborum collatio eandem absolutionem non potest ad intelligentiae simplicitatem conservare*) (nep. – Н.А. Кулькова) [Кулькова, 2007, с. 40].

³ Расцвет латинской христианской литературы пришелся на вторую половину IV века и связан с именами свт. Амвросия Медиоланского, блаж. Иеронима Стридонского, блаж. Августина, Руфина Аквилейского, отдававших должное переводческой деятельности, во многом лежащей в основе латинского языка христианской литературы.

⁴ В своих сочинениях Марий Викторин приводит термины на латинском и греческих языках, чтобы сделать их понятными для читателя.

обращение переводчика к читателю с просьбой благосклонно отнестись к его труду и принципы, лежащие в основе перевода. Исследователи полагают, что перевод «Жития святого Антония», выполненный Евагрием, лежал в основе «Жития Павла Фивейского» (374 г.) Иеронима Стридонского, первого жития на латинском языке.

Во второй половине IV века епископом Евсевием Верчелльским, покровителем Пьемонта, был выполнен перевод комментариев Евсевия Кесарийского к псалмам. В письме к Вигилианцию от 396 года, св. Иероним написал, что при переводе епископ Евсевий опускал еретические фрагменты оригинала, «оставляя всё лучшее» (*licet haeretica praetermittens, optima quaeque transtulerit*).

Расцвет латинской христианской литературы пришелся на вторую половину IV века и связан с именами свт. Амвросия Медиоланского, блаж. Иеронима Стридонского, блаж. Августина, Руфина Аквилейского, отдававших должное переводческой деятельности, лежащей в основе латинского языка христианской литературы. Одним из распространённых приёмов было подражание (*aemulatio*) греческим авторам. Так, Св. Амвросий Медиоланский (ок. 340 – 397), епископ Милана, создавал произведения на латинском языке на основе греческих произведений, подбирая латинские эквиваленты греческим богословским терминам. Прагматика перевода определяла как метод перевода, так и выбор текста оригинального произведения.

Во 2 веке н.э. Аквилла, современник императора Адриана, выполнил перевод Библии на греческий язык. Боязнь исказить божественный смысл текста оригинала приводила к буквальному переводу. Адриан сохранял синтаксис древнееврейского языка, передавая его греческими словами, что противоречило грамматике переводящего языка, затуманивая смысл оригинала (напр. *σύν τὸν ἀόρατον καὶ σύν τὴν γῆν*).

Переводы Библии были впоследствии исправлены Симмахом, «человеком с нежным сердцем и блестящим умом», жившем при императоре Коммодe и Севере. Перевод Симмаха отличался чистотой и изяществом языка. По свидетельству Иеронима, Симмах выражал не букву, а смысл ветхозаветного текста⁵.

Буквализм первые переводчики Священных текстов оправдывали стремлением пословно следовать слову божию и ссылались на буквальные переводы определенных фрагментов Септуагинты, священного текста эллинистических иудеев и древней Христианской Церкви, являющейся древнейшим осмыслением ветхозаветной традиции. Текстологически Септуагинта является независимым изводом Ветхого Завета, священным текстом древней Христианской Церкви, положившим начало всей литературе

⁵ «Он придал смысл Священному Писанию», - напишет впоследствии Иероним [Grant, 1961, с. 25].

эллинистического иудаизма. Аллюзиями на Септуагинту пронизаны книги Нового Завета. Септуагинта, являясь переводом, всегда уступала Масоретскому тексту, иудейскому традиционному изводу, что приводило к постоянному соотнесению перевода и оригинала.

Перевод Септуагинты не был выполнен в русле единой переводческой традиции, поскольку первоначальный текст не сохранился, а последующие копии содержали исправленные фрагменты неоднородного по содержанию древнееврейского текста. Перевод, преимущественно буквальный, содержащий многочисленные кальки с древнееврейского языка, сопровождался комментариями, несущими отпечаток живой традиции. Ряд переводческих приемов носил описательный, интерпретативный характер, раскрывающий природу перевода в качестве герменевтического процесса⁶. В понимании древних перевод был сопряжен с истолкованием, а переводчики именовались толковниками (*армивентаи*). Именно на Септуагинту опирался Блаженный Иероним⁷ во время работы над Вульгатой, латинским переводом Ветхого Завета, пришедшим на смену переведенной с греческой версии Септуагинты Италю.

Иероним первым из латинских писателей называл себя переводчиком, вначале «Хроник» епископа Евсевия Кесарийского, а позднее – «Бесед» Оригена. В предисловии к «Хроникам» Иероним впервые приводит теоретическое обоснование метода перевода, воспринимая перевод, подобно Цицерону (*de finibus bonorum et malorum*), в качестве соперничества, испытания своих сил, способностей передать смысл и форму оригинала, органично вписав перевод в латинскую литературную традицию⁸. Св. Иероним полагал, что при буквальном переводе уходит красота оригинала, но вольный перевод воспринимается современниками в качестве уклонения от обязанностей переводчика.

Взгляды на принципы, критерии «верности» и границы перевода изложены в трактате «К Паммахию. О наилучшем способе перевода», ставшем ответом на обвинения в искажении истинного смысла в переводе на латинский язык письма св. Епифания к епископу

⁶ Описательный перевод, характерный для ряда фрагментов перевода Септуагинты, позволяет некоторым исследователям рассматривать Септуагинту в качестве «первого художественного перевода Античности» [Десницкий, 1999, с. 157].

⁷ Эразм в письме папе Льву X писал: «Сама учёная Греция едва ли имеет кого-нибудь, с кем могла бы сравнить этого мужа [Иеронима – А.В.], наделённого столькими исключительными дарами. Сколько в нём римского красноречия, какое знание языков, какая осведомлённость во всём, что касается истории и древностей. Какая верная память, какая счастливая разносторонность, какое совершенное постижение мистических писемён 7 (св. Писание). И сверх того, какой пыл, какая изумительная вдохновенность души божественной» [цит. по: Диесперсов, 1916, с. 5].

⁸ В предисловии к переводу св. Иероним упоминает Цицерона как образца переводчика: «Таков был древний обычай красноречивых мужей, что они ради упражнения ума переводили на латынь греческие сочинения и – что само по себе является более сложным – поэтические сочинения известных авторов, поскольку это требует и соблюдение метра» (*Vetus iste disertorum mos fuit, ut exercendi ingenii causa Graecos libros Latino sermone absolverent, et quod plus in se difficultatis habet, poemata illustrium virorum, addita metri necessitate, transferrent*) (nep. А.В. Серегина).

Иерусалимскому Иоанну. Трактат стал первым в европейской культуре теоретическим произведением о переводе, в котором перевод предстает в качестве интерпретативной деятельности по толкованию средствами переводящего языка системы смыслов оригинального произведения, сопоставляя переводчиков с евангелистами [См об этом: Гарбовский, Костикова, 2009, с. 12]. Оправдывая отклонения от оригинала, Иероним ссылается на текст Священного писания («Талифа куми» <..> «Что значит: девица, тебе говорю, встань» [Мк 5:41]) и опыт предшественников, в частности переводы с греческого на латынь гомилии на книгу Иова Илария Исповедника, который не «корпел над мёртвой буквой», а переложил, по праву победителя, «пленённые мысли на свой язык»⁹, а также переводы Теренция, Плавта, Цецелия, епископа Антиохийского Евагрия. «И Септуагинта и наш перевод, - писал Иероним, - отличаются от текста Евангелиста, но разница в словах примиряется единством духа» [Иероним Стридонский, 1995, с. 183]. В ряде случаев Иероним вводил в перевод греческие слова и выражения для разъяснения туманных фрагментов текста.

Принципы перевода св. Иеронима, заимствованные у Цицерона, заключаются в следующем: переводить не слова, а мысли; при переводе использовать выражения и фигуры речи, соответствующие норме языка перевода (*sententiis isdem et earum formis tamquam figuris, verbis ad nostram consuetudinem aptis*); избегать буквального, пословного перевода (*non verbum pro verbo reddere*), выражать смысл, следуя за оригиналом (*sensum exprimere de sensu*); соблюдать ясность речи и чистоту языка. При этом, развивая идеи Цицерона о методах перевода, св. Иероним полагал, что переводчик должен переводить не только как оратор, но и писатель (*Sciendum etenim est, me et interpretis et scriptoris ex parte officio usum*).

В ответ на критиков собственных переводов, св. Иероним заявлял, что сохранил лучшие фрагменты в переводах Оригена, при этом исправив, опустив и сократив ошибочные фрагменты (*amputavi, correxi, tacui*). Иероним критиковал сторонников вольных переложений¹⁰. В «Апологии против Руфина» св. Иероним выступил с критикой переводов Руфина «Начал» Оригена. Руфин убирал из перевода фрагменты, не соответствующие догмам Церкви. С работами св. Иеронима связано зарождение переводческой критики.

⁹ В трактате приводится предисловие к жизнеописанию блаженного Антония: «Дословный перевод с одного языка на другой затемняет смысл, как разросшийся сорняк заглушает семя. Пока речь служит падежам и фигурам, она едва выражает сложным оборотом то, что могла бы сказать одним словом. Избегая этого, я по твоей просьбе так переложил жизнь блаженного Антония, что ничего не пропало из смысла, хотя и пропало кое-что из слов. Пусть другие гоняются за слогами и буквами, ты же ищи мыслей» (*пер. с лат. Н.Л. Холмогоровой*) [Иероним Стридонский, 1995: 181].

¹⁰ О.И. Костикова: «Принцип отхода от дословности и стремление передать не количественную, а качественную сущность оригинала, переводя не значение за значением, а смысл высказывания в целом, распространяется на любой текст кроме Священного Писания, где, по словам Иеронима, «и порядок слов есть таинство» [Костикова, 2002, с. 12].

Эпоха Средневековья для Западной Европы характеризовалась преимущественно переводами религиозных сочинений на латынь, одного из трёх «священных языков», противопоставляемых новоевропейским, «варварским» языкам¹¹. Установление христианства в качестве государственной религии европейских стран привело к переводу на латинский язык греческих произведений, где главенствовал буквальный тип перевода, что было обусловлено боязнью исказить божественный смысл священных текстов.

К одним из знаковых представителей эпохи относится Иоанн Скотт Эриуген (ок. 810–877), уроженец «острова святых», высоко ценимый при дворе Карла Лысого за тонкий ум и изящество речи, в своих работах объединивший бога и мир в едином понимании сущего, проходящего четыре стадии диалектического самовыдвижения.

Среди работ философа-неоплатоника выделяется перевод «Ареопагитик», памятника христианской богословской литературы, в котором всеобщая и все превосходящая Первопричина мира представляется в качестве «пресущественной и пребожественной» Троицы¹². Переводы Эриугена подверглись критике по стороны хранителя Ватиканской библиотеки Анастасия Библиотекаря (810–879) за чрезмерный буквализм, лишивший оригинал глубины и изящества¹³. В ответ Эриуген писал следующее: «Если для кого-то язык перевода покажется слишком сложным для понимания, пусть имеет в виду, что ни он, ни я не сможет понять больше дозволенного Богом. Если для кого-то текст перевода покажется неясным и недоступным для понимания, пусть знает, что я переводчик, а не истолкователь. Ввиду этого, я готов принять на себя вину переводчика, оставшегося верным оригиналу»¹⁴.

Переводы эпохи средневековья выполнялись преимущественно не с греческих оригиналов, а с их «восточных копий», где одним из факторов, оказывающих влияние на выбор переводческого решения, выступил язык-посредник. В эпоху Средневековья центр переводческой деятельности сместился на Восток. Переводческая деятельность в Арабском халифате носила официальный характер. Фонды Библиотеки «Дома мудрости» содержали копии рукописей греко-эллинских ученых по различным отраслям знаний, которые поступали из Византии в соответствии с договором о мире с императором Михаилом III, среди которых

¹¹ Исключением стали переводы, выполненные по указы Карлу Великому и Альфреда Великому, преследовавшие воспитательные цели.

¹² «Божественное законоположение священного обоим (душе и телу) дарует приобщение к Богоначалию: душе – в чистом созерцании и знании совершаемых обрядов, телу же – как в образе – посредством божественнейшего мира и священнейших символов приобщения к Богоначалию. Это (двойное приобщение) освящает всецело человека, священнодействует целостность его спасения и посредством всецелостности обрядов возвещает его будущее совершеннейшее воскресение» (пер. В.В. Петрова) [De ecclesiastica hierarchia VII. 9].

¹³ Перевод вызвал недовольство Папы Римского Николая I, поскольку был осуществлен без одобрения церкви.

¹⁴ “Si quis autem nimis tardae aut nimis inusitatae redarguerit elocutionis, attendat, non me tantum, sed et se ipsum nihil posse plus accipere, quam quod ipse distribuit, qui dividit singulis propria, prout vult. Sin vero obscuram minusque apertam praedictae interpretationis seriem iudicaverit, videat, me interpretem huius operis esse, non expositorem. Ubi valde pertimesco, ne forte culpam fidi interpretis incurram” [Copeland, 1991, с. 91].

были работы авторов Греции и Рима, содержавшие «лаконизм Евклидовой геометрии, богатство оттенков философских рассуждений, путаный стиль тайных учений чернокнижников, фактологическую простоту естественно-научных сочинений» [Халидов, 1982, с. 71-72].

Во времена «великой эпохи переводов» XII-XIII веков был осуществлён значительный объем переводов древнегреческих и эллинистических трудов на латинский язык с арабского. К XII веку столица королевства Кастилии и Леона Толедо стала центром знания и переводов классических греческих произведений на латынь¹⁵. «Таким образом, - как отмечают Л.Л. Нелюбин и Г.Т. Хухуни, - возникала весьма опасная для адекватного понимания текста ситуация, когда, ссылаясь на Аристотеля, тот или иной западноевропейский схоласт на самом деле имел в виду латинский перевод арабского перевода сирийского перевода греческого оригинала со всеми вытекающими отсюда последствиями» [Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 28]. Перевод посредством языка-посредника вызывал недовольство. Роджер Бэкон рекомендовал переводить Аристотеля «не с арабского, а греческого». Отмечались трудности передачи на латинский язык в переводе с арабского философских и научных понятий.

С XII века стали предприниматься попытки перевода античных текстов с языка оригинала. В XII веке Моше бен Маймон, виднейший представитель еврейской средневековой философии, кодификатор законов Торы, полагал, что пословный перевод приводит к «недостовверным и неясным переводам» (*пер. мой – А.В.*) [Luzzatto, 1957, с. 63].

С эпохой средневековья связано зарождение переводческого скептицизма. «Пусть каждый знает, – писал Данте в трактате «Пир», – что ни одно произведение, связанное и подчиненное законам ритма, не может быть переложено со своего языка на другой без нарушений всей его сладости и гармонии. В этом причина, почему Гомер не переводился с греческого на латинский, подобно другим сочинениям, дошедшим до нас от греков. И такова причина, почему стихи Псалтыри лишены сладости музыки и гармонии; ибо они были переведены с еврейского на греческий, а с греческого на латинский, и уже в первом переводе вся сладость исчезла» [Данте, 1968, с. 123.].

В эпоху позднего средневековья процесс перевода сопоставляется с экзегезой, интерпретацией смыслов священных текстов, что знаменует постепенный отход от главенства пословного способа перевода. Данные принципы нашли отражение в словаре «Католикон» (*Catholicon*, 1286) Иоганна Бальба, имевшего широкое хождение в XV веке. В «Католиконе» *interpretatio* означает перевод и толкование смыслов языка оригинала на языке перевода, сопряженное с идеей посредничества, в особенности между Богом и человеком: «Переводчик

¹⁵ По территории Испании проходила граница между христианским и мусульманским мирами.

излагает смысл одного языка посредством другого, является посредником между языками. Истолкователь находится между двух языков во время перевода и перевыражения языка оригинала средствами другого языка. Тот, кто является посредником между Богом и человеком, раскрывает последнему божественные тайны, также именуется истолкователем»¹⁶.

Понимание перевода как сложного, многокомпонентного процесса приводило к широким обсуждениям о наилучших способах перевода. В 1401 году английский писатель, теолог и канцлер Оксфордского университета Ричард Уллерстон пишет о переводе и истолковании не как о различных понятиях, а как о сторонах единого целого: «Кто он, человек, отдавший мне на рассмотрение свой перевод, переводчик или истолкователь? Мы называем переводчиками тех, кто передает на другом языке мысли и слова оригинала. Если это так, не означает ли, что глагол “переводить” означает “истолковывать”? <...> Тем самым “переводить” означает, в том числе, “раскрывать”, “объяснять”, “раскрывать” смысл, заключенный в словах»¹⁷. Во времена Высокого средневековья наметилось постепенное возвращение к греческим оригиналам, подготовившим основу для переводческой деятельности эпохи Возрождения. Эмпирическая стадия науки о переводе, ставшая временем обобщения и критической оценки предшествующего опыта, выработки ключевых категорий и оппозиций теории перевода, заложила основу для построения теории перевода. Трактаты о наилучших способах перевода, в которых осмыслились принципы переводческой деятельности, были призваны предостеречь от совершения переводческих ошибок, положив начало переводческой критике.

Список литературы:

- Гарбовский Н.К., Костикова О.И.* Исповедь великого переводчика, или Первый европейский трактат о переводе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2009, № 3. С. 3-36.
- Данте А.* Малые произведения [Текст]: [Перевод] / Изд. подготовил [и примеч. сост.] И. Н. Голенищев-Кутузов. - Москва: Наука, 1968. 651 с.
- Диесперсов А.* Блаженный Иероним и его век. М.: Изд-во «Канон», 2002. 398 с.
- Десницкий А.* Септуагинта как художественный перевод // Библия. Литературоведческие и лингвистические исследования. Вып. 3. М., 1999.
- Иероним Стридонский, блаженный.* Письмо LVII к Паммахию о наилучшем способе переводить / Пер. с лат., вступление Н.Л. Холмогоровой // Альфа и Омега. № 4. М., 1995. С. 173-186.

¹⁶ “et dicitur interpres qui diversa genera linguarum novit. Scilicet quod unam linguam exponit per aliam vel unam linguam transfert per aliam. Et dicitur sic quia mediator est inter unam linguam seu loquelam et aliam . . . Quia interpres sit medius duarum linguarum [c]um transfert vel exponit unam linguam per aliam[...]. Sed qui inter deum interpretatur et homines quibus divina indicat misteria interpres vocatur” [Balbus, 1971].

¹⁷ “Antequam enim ad questionem respondeatur, aut ad eius materiam descendatur, uidentum est quid nominis? huius quod dico transferri et interpretari, translator et interpres . . . Et ex hinc dicuntur translatores qui vnam lingwam alteri coaptant seu proporcionant, aut vnam per aliam exponunt. Et sic loquendo de transferre accipitur pro interpretari, quod est vnam lingwam per aliam exponere, et translator pro interprete sumitur. Vnde translatores dicuntur interpretes et e contra . . . Sumitur enim interpretari aliquando pro exponere, reuelare, explanare, seu reserare e sensum in uerbis latentem” [Hudson, 1975].

- Костикова О.И.* Трансформации и деформации как категории переводческой критики: дис. канд. фил. наук: 10.02.20 / Костикова О.И. М., 2002. 212 с.
- Кулькова Н. А.* Переводческая деятельность Руфина Аквилейского в контексте предшествующей традиции // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2007. С. 32-98.
- Мецгер Б.* Текстология Нового завета: Рукописная традиция, возникновение искажений и реконструкция оригинала. М.: Библийский-богослов. ин-т св. апостола Андрея, 1996. 325 с.
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе. История и теория с древнейшего времени до наших дней. М.: Изд-во «Флинта», 2006. 412 с.
- Халидов А.Б.* Арабский язык // Очерки истории арабской культуры V-XV вв. М.: Изд-во «Наука», 1982. С. 13-74.
- Balbus J.* *Catholicon*. England: Gregg International Publishers, 1971.
- Copeland Rita.* *Rhetoric, Hermeneutics Translation. Academic traditions and vernacular texts.* Cambridge University Press, 1991.
- Hudson A.* The Debate on Bible Translation. Oxford, *The English Historical Review* 90, 1975. P: 1-18.
- Grant F.C.* *Translating the Bible.* Greenwich Conn.: Seabury Press. 1961.
- Luzzatto G.L.* *Opinions sur la traductions // Babel*, 1957. 3. 63-72.

References:

- Balbus J.* *Catholicon*. England: Gregg International Publishers, 1971.
- Copeland Rita.* *Rhetoric, Hermeneutics Translation. Academic traditions and vernacular texts.* Cambridge University Press, 1991.
- Hudson A.* The Debate on Bible Translation. Oxford, *The English Historical Review* 90, 1975. P: 1-18.
- Garbovskij N.K., Kostikova O.I.* *Ispoved' velikogo perevodchika, ili Pervyj evropejskij traktat o perevode [Confession of the Great Translator or the First European Treaty on Translation] // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda. 2009, № 3. S. 3-36 (in Russian).*
- Grant F.C.* *Translating the Bible.* Greenwich Conn.: Seabury Press. 1961.
- Dante A.* *Malye proizvedeniya [Tekst] : [Perevod] [Minor works] / Izd. podgotovil [i primech. sost.] I. N. Golenishchev-Kutuzov. - Moskva : Nauka, 1968. 651 s (in Russian).*
- Diespersov A.* *Blazhennyj Ieronim i ego vek. [St. Jerome and his age]. M.: Izd-vo «Kanon», 2002. 398 s (in Russian).*
- Ieronim Stridonskij, blazhennyj.* *Pis'mo LVII k Pammahiyu o nailuchshem sposob perevodit' [To Pammachius on the Best Method of Translating] / Per. s lat., vstuplenie N.L. Holmogorovoj // Alfa i Omega. № 4. M., 1995. S. 173-186.*
- Kostikova O.I.* *Transformacii i deformacii kak kategorii perevodcheskoj kritiki: dis. kand. fil. nauk: 10.02.20 [Transformation and deformation as the categories of translation critics] / Kostikova O.I. M., 2002. 212 s. (in Russian).*
- Kul'kova N.A.* *Perevodcheskaya deyatel'nost' Rufina Akvilejskogo v kontekste predshestvuyushchej tradicii [Translations of Rufinus of Aquile in the context of translation tradition] // Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya. 2007. S. 32-98. (in Russian).*
- Luzzatto G.L.* *Opinions sur la traductions // Babel*, 1957. 3. 63-72.
- Mecger B.* *Tekstologiya Novogo zaveta: Rukopisnaya tradiciya, vzniknovenie iskazhenij i rekonstrukciya originala. [The text of the New Testament; its transmission, corruption, and restoration]. M.: Biblejskij-bogoslov. in-t sv. apostola Andrey, 1996. 325 s. (in Russian).*
- Nelyubin L.L., Huhuni G.T.* *Nauka o perevode. Istoriya i teoriya s drevnejshih vremeni do nashih dnei. [The science of translation (history and theory from ancient times to the present days)]. M.: Izd-vo «Flinta», 2006. 412 s. (in Russian).*
- Halidov A.B.* *Arabskij yazyk // Ocherki istorii arabskoj kul'tury V-HV vv. [The Arabic language] M.: Izd-vo «Nauka», 1982. S. 13-74. (in Russian).*

Бобер Якуб
Силезский университет
г. Катовице (Польша)

Bober Yakub
University of Silesia
Katowice (Poland)

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА НА ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК ВЫБРАННЫХ ФРАГМЕНТОВ РОМАНА «ОЧЕРЕДЬ» ВЛАДИМИРА СОРОКИНА

ANALYSIS OF THE THE VLADIMIR SOROKIN'S NOVEL THE QUEUE IN POLISH TRANSLATION

Статья посвящена проблемам перевода выбранных языковых явлений в *Очереди* Владимира Сорокина. Предметом анализа являются прежде всего подстандартные языковые явления и нетрадиционные стилистические средства, часто употребляемые автором. Приведенные фрагменты романа и их анализ можно трактовать как попытку ответить на вопрос, в какой степени переводчику удалось сохранить смысл всех языковых явлений в языке перевода.

The article puts forward the translation issues of the linguistic phenomenon in Vladimir Sorokin's novel *The Queue*. It analyzes the non-standard phenomena which constitutes a big challenge for the translator. The reasons behind this state of affairs should be sought within a selection of unconventional means of expression which revolutionized the perception of literature and its translation. Some excerpts of the novel are an attempt to provide an answer as to what degree the translator has managed to successfully portray the novel's connotation in Polish with analogical linguistic measures.

Ключевые слова: языковые явления, смысл в языке оригинала, смысл в языке перевода, возможности перевода, анализ произведения.

Key words: language phenomenon, meaning in the original language, meaning in the translation language, the possibility of translation, the analysis.

Владимир Сорокин известен как ведущий представитель российского концептуализма и постмодернизма. Помимо этого он прославился многочисленными скандалами и литературной революцией. Это писатель, который бросил вызов переводчикам во всём мире, ожидая от них шокового воздействия на читателя, то есть такого же эффекта, как в случае восприятия его произведений в языке оригинала. Чёткое изысканное представление сцен интимной близости, с одной стороны, и смелое описание убийства молодых влюбленных, которые с фантазией совершают дерзкое преступление с другой, вызывают глубокие споры среди критиков и читателей [Wawrzyńczak, 2007, s. 194]. Владимир Сорокин получил звание автора, с преднамеренностью игнорирующего общепринятые литературные ценности, издеваясь над классикой и переосмысляя прошлое [Sorokin, 2005, s. 6.]. Ведь не случайно говорят о нём, что он «забил золотой гвоздь в голову великой русской литературы» [Сорокин, электронный ресурс]. Однако слишком поверхностно оценивать Сорокина исключительно, как писателя, который усиленно хочет стать популярным только благодаря скандальным произведениям. Возможно читатели, у которых после прочтения его романов появляются крайне сильные (большой частью негативные) эмоции, со всей вероятностью не отдадут себе

отчёт в том, что для Владимира Сорокина литература – это всего лишь буквы на бумаге, о чём сам автор не раз вспоминал в интервью [Wawrzyńczak, 2007, s. 185]. Литературное творчество для Сорокина – это прежде всего языковая игра и эксперимент. Названия большинства книг следует воспринимать, как слова-ключи, потому что они, зачастую, представляют собой введение в интерпретацию его работ. Одно из таких слов – именно «очередь». *Очередь* является одним из тех произведений, которое с момента появления в литературном пространстве делит мнение российских читателей. Можно сказать, что у немногих писателей есть столько заклятых врагов, сколько у Сорокина. Не случилось в истории литературы, чтобы из-за смелого содержания, выраженного языковой авангардной смесью, чьи-то книги спускали в туалет, а именно так было в случае Сорокина [Кучерская, электронный ресурс]. Причину следует искать, прежде всего, в том, что смелое содержание должно вызывать эффект шока и связанные с ним эмоции: отвращение, в лучшем случае смущение или стыд. Громкие протесты, направленные против творчества писателя привели к тому, что Сорокин получил статус большой литературной звезды а также стал иконой постмодернизма [Waszkielewicz, 2007, s. 169]. Появление такого нешаблонного романа как *Очередь* было огромным литературным и общественным событием. Успех за рубежом доказал, что иностранный язык не является ограничением для понимания литературного образа. В Соединенных Штатах роман был выпущен издательством «New York Review of Books». На английский язык перевела его Салли Лэрд, британская переводчица, специализирующаяся в русской литературе. В Польше *Очередь* появилась в переводе Ирены Левандовской в 1988 году. Перевод такого произведения – необычного не только из-за содержания, но также литературной формы – был для каждого переводчика немалым вызовом. Трудности вытекали прежде всего из факта, что на страницах романа имеем дело с многочисленными подстандартными явлениями, с которыми сталкивался переводчик. Работать с такого рода языковыми особенностями приходится не легко (здесь возникли также ограничения доступа к источникам в 90 годы.). Следует обратить внимание на то, что упомянутое произведение полностью лишено нарратива, нет в нем описаний действительности, окружающей героев, а действие заменено диалогом, составляющим единую форму образа. Одновременно Сорокин предпринимает некий эксперимент. Нарратив здесь не нужен, так как естественный и выразительный язык героев становится средством влияния на воображение читателя. Действие романа идёт в Советском Союзе в начале 80-тых годов. Люди ждут в очереди, движутся вперёд и таким образом постепенно «толкают» сюжет произведения, в котором можно заметить некие мотивы. Герои (их несколько, читателю известны лишь имена) затрагивают разные темы, задают множество вопросов. Звучат названия предметов, однако только потом оказывается, что речь идёт о товарах дефицита в то время – одежде и

электронике. Читатель знакомится с героями в момент, когда они называют свои имена, других идентифицирует на основании их высказывания. Среди них – Лена и Вадим, которые познакомились в очереди, потом ведут разговор, из которого следует, что Лена – девушка, которая ещё учится. Вадим немного старше, закончил университет. Окружает их своеобразное универсум – мир очереди. Язык героев естественен, насыщен фразеологизмами, выражениями, принадлежащими разговорной речи и нецензурной лексикой. Диалоги чаще всего имеют форму кратких отдельных предложений, что кажется существенным с точки зрения перевода. Можно предположить, что, если участники диалогов выражают свои мысли прямо, это облегчит процесс перевода. На самом деле всё получается намного сложнее, так как язык героев, как было упомянуто выше, содержит множество нестандартных элементов. Следует, например, обратить внимание на функцию вульгаризмов в тексте, что подразумевает их соответствующее место в переведённом тексте. При этом нельзя забывать о словосочетаниях на нейтральном уровне. Элементы идиостиля Сорокина составляют одно, точно запланированное целое, поэтому их нейтрализация в переводе может сделать невозможным передать замысел автора.

Самое главное, это, наверное, актуальность произведения. Роман в языке оригинала всегда будет представлять какую-то конкретную эпоху, будет вызывать ассоциации с реальностью, которую он описывает. Действительность *Очереди* – это советские реалии, Сорокин представил все элементы, на которые по его мнению стоило обратить внимание. Для переводчика важен, прежде всего, лингвистический аспект этого эксперимента. *Очередь* представляет фрагмент жизни людей в советской России, жизни с виду скучной и предсказуемой. В момент, когда её герои начинают шутить, рассказывать истории, используя слова признанные всеми разговорной речью или вульгаризмами, переводчик имеет много возможностей, чтобы при помощи соответствующих техник и собственной креативности создать произведение, которое заинтересует читателя другого культурного пространства. *Очередь* является дебютом и одновременно огромным удачным экспериментом, так как разрывает связи с рамочными правилами литературы соцреализма. Сатирический дискурс *Очереди* относился к обществу, живущему в условиях постоянного недостатка и имеющего к этому недостатку соответствующий подход. Однако самый главный элемент – это указание на человеческое поведение и отношения между людьми, в которых на первое место выдвигаются мужско-женские отношения, являющиеся лучшей мерой для получения товара вне очереди.

Очередь Владимира Сорокина – это произведение с неожиданными решениями на уровне языка, оно выявляет намерения автора, который хочет ввести читателя в шоковую терапию [Mięśowska, 2013, s. 186].

Анализируя перевод *Очереди* на польский язык, возникает несколько вопросов: что конкретно искать в сопоставлении русского оригинала с польским переводом? Есть ли в переводе то, что имеет существенное значение? Передаёт ли перевод ключевой смысл?

Итак, начнём со следующего диалога:

- Товарищ, кто последний?
- Наверно я, но за мной еще женщина в синем пальто.
- Значит я за ней?
- Да. Она **щас** придет. Становитесь за мной пока [Сорокин, 1985, с. 5].

Все в романе, как мы уже заметили, является разговором, но в отличие от диалогов, приспособленных к их литературному смыслу, вышеупомянутый фрагмент вполне естественен. Можно даже сказать, что он напоминает отчет, записанный журналистом, который слушает и наблюдает за происходящим в очереди. С другой стороны, диалогическую форму построения романа можно сравнить с практикой, применяемой в направлении поп-арт, например, в фильмах Энди Уорхола, где фрагмент действительности записывался в неизменном виде. В экранизации из 1964 года *Empire*, например, было представлено восьмичасовое наблюдение высотного здания. Энди Уорхол опубликовал стенограмму, 24-часовую запись разговора на ленте [Sorokin, 2005, s. 11]. Возможно, такие явления стали для Владимира Сорокина вдохновением к созданию литературной действительности в *Очереди*. Уже в вышеупомянутом фрагменте появляется элемент языкового приёма, применённого Сорокиным: *щас* – лексема, которая является неотъемлемым элементом разговорной речи и производит впечатление, как будто это был естественный, незапланированный диалог.

В следующем фрагменте стоит обратить внимание на характерную для устной передачи частицу *ну*. Для Сорокина этот языковой элемент не только украшение, а ключевое слово и преднамеренный стилистический прием. Данная частица усиливает в приведённом диалоге значение следующих после неё глаголов в повелительном наклонении [Колесникова, электронный ресурс]:

- Ну, скажите, не вредничайте.
- Неа.
- Ну, скажите, пожалуйста.
- Ну, а зачем вам?
- Ну, что вам жалко что ли? [Сорокин, 1985, с. 10]

Интересным становится тогда факт, как это языковое явление отразилось в переводе:

- No, niech pani powie...
- Niece.
- A ja proszę.

– A na co to panu?

– No co pani szkodzi? [Сорокин, 1985, с. 10].

Упомянутая частица имеет прямой эквивалент в польском языке: *no*. Однако в переводе лексема была использована всего лишь один раз. Исходя из этого, можно предполагать, что замысел автора не нашёл отражения в польском тексте. Если переводчик поступил бы аналогичным образом как Сорокин, вероятно, данный фрагмент принял бы следующую форму:

– No, niech pani powie...

– No, nie powiem.

– No, ale ja proszę.

– No dobra, a po co to panu?

– No, a co pani szkodzi?

Оказывается, что упомянутая частица *no* [Szymczak, 1979, s. 384] могла бы заменить русский аналог и выполнить свою семантическую роль. Проблемой остается вопрос: Смогла бы она заполнить предназначенные для нее места в польском языке? Переводчик, видимо, не обратил внимание на ее роль в исходном языке и в результате не сохранил в языке перевода. Частица *no* играет в этом фрагменте определенную задачу, автор использует ее для создания атмосферы языковой игры, так как она является постоянным элементом разговорной речи. Похожая ситуация имеет место в польском языке, где частица *no* появляется очень часто, но это не нашло своё отражение в переводе.

Каждый литературный эксперимент должен поощрять переводчика вести игру с подлинным текстом. Такое поощрение участвовать в своеобразной игре можно найти именно в произведениях Сорокина, что показывает следующий пример:

– Ух ты, тяжелая какая! Как вы несли такую?

– Так и несла.

– А что здесь – гантели?

– Книжки. [Сорокин, 1985, с. 11]

– Och, jaka ciężka! jak pani ją niosła?

– Jakoś niosłam.

– Co tam jest w środku – ołów?

– Książki. [Sorokin, s. 13]

Ответом польского переводчика на русскую лексему *гантели* стал *ołów*, то есть *свинец*. Такая лексическая трансформация выполняет свою семантическую задачу, но не полностью, потому что в польской действительности, особенно в разговоре, *ołów* как определение тяжести

не используется. В таком случае в польском языке говорим о *киртичах*. Тогда диалог принял бы следующую форму:

– Och, jaka ciężka! jak pani ją niosła?

– Jakoś niosłam

– Niosła pani chyba cegły w tej torbie

– Та, od razu cegły. Książki.

Cegły нередко появляются в польском языке как номинация, определяющая женские сумки¹⁸.

В других диалогах можно заметить лексемы, являющиеся средствами выражения экспрессии, среди прочего, в форме восклицаний. Одно из них *фу*, которое в польском переводе осталось как *fu*. Это вызывает некие споры, потому что в таком виде оно нарушает аутентичность и соответствие первоисточника. Такое слово существует в польском языке, однако более приемлемым эквивалентом, как правило, является *fuj*. В связи с этим употребление *fu* можно считать не очень удачным переводческим решением:

– Ффуу... что... что такое...

– Дядь! Дядь!

– Чего... чего такое... что...

– Дядь!

– Ну чего тебе?

– Вы это... встаньте, пожалуйста. А то там это...

– Что это?... фу... [Сорокин, 1985, с. 164]

– Oj, kurwa... fuuu...

– Proszę pana. Proszę pana... proszę pana!

– Ffu... co... co się stało...

– Proszę pana!

– Czego... czego... co...

– Proszę pana! Proszę pana!

– No, czego chcesz?

– Niech... niech pan wstanie, dobie? Bo on tam leży...

– Kto leży?... fu... [Sorokin, s. 147]

¹⁸ Buty, rajstopy... Co jeszcze przeciętna kobieta nosi w torebce? [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://archiwum.radiozet.pl/Rozrywka/O-tym-sie-mowi/Co-kobieta-ma-w-torebce-TOP-10-rzeczy-z-damskiej-torebki-RANKING-00009509>

Вышеприведенный пример показал, что польский перевод начинается с вульгаризма, хотя в подлиннике его нет. Однако, это не обозначает, что нельзя его употребить, но его появление в этом месте не решает проблемы раньше обсужденных деталей, то есть *фу*. Восклицание *fuj*, примененное вместо *fu*, тоже звучало бы неестественно несмотря на то, что так в польском языке можно выразить отвращение. Возможно, переводчик пришел к выводу, что здесь диалог должен быть выражен более экспрессивно и поэтому применил нецензурную лексику, которая, может быть, подходит к данной ситуации: вдруг просыпается пьяный мужчина и не знает, что вокруг него происходит, можно даже сказать, он почему-то злится.

С другой стороны, есть более нейтральная лексема, подходящая к данной ситуации. В польской разговорной речи адекватный смысл отражается в подобных случаях в слове *tfu*. Оно не только выражает отвращение или презрение, но также имитирует плевок, если появится в форме междометия¹⁹. Применение такого приема в данном фрагменте можно бы считать не только удачной попыткой увеличения экспрессивности в языке перевода, но также увеличило бы персуазивный эффект высказывания:

- Jasna cholera... tfu!...
- Proszę pana. Proszę pana... proszę pana!
- Tfu!... czego... co się dzieje...
- Proszę pana!
- No co... czego... co...
- Proszę pana! Proszę pana!
- No, czego chcesz?
- Niech... niech pan wstanie, dobie? Bo on tam leży..
- Kto leży?...tfu!...

Похожим примером может послужить предложение, в котором находится выражение *ух ты*. В польской версии оно звучит точно так же: *uch ty*. Этот пример, а также вышеприведенное *фу* можно признать языковой калькой, где обе лексемы совпадают с семантической точки зрения на обоих языках. В настоящее время это можно было бы считать русизмом, роль которого заключалась бы в том, чтобы подчеркнуть место действия – в Советском Союзе. В некоторых фрагментах переводчик использовал другой эквивалент, вполне соответствующий польскому языку – *och*:

- Ух ты, тяжелая какая! Как вы несли такую?
- Och, jaka ciężka! jak pani ją niosła?

¹⁹ *Słownik współczesnego języka polskiego*, T. 2., Warszawa: Przegląd Reader`s Digest 1998, s. 425.

Зато в нижеследующем примере было использовано восклицание *och* в сочетании с местоимением. Само слово *och* определяет *Словарь современного польского языка* как восклицание, которое подчеркивает интенсивность выражаемого эмоционального состояния²⁰. Оно также не находит своего отражения в сочетании с местоимением, в результате чего звучит неестественно. В других же фрагментах, где в исходном языке автор употребил *ух ты*, переводчик перевел данное выражение как *uch ty*

Есть и другие возможности, ибо в польском разговорном языке можно без проблем найти словосочетание, например: *a niech cię; o ja cię kręcę czy niech to diabli*. Русское *ух ты* должно подчеркнуть и увеличить значение следующего слова. Это типичное явление для разговорных или слэнговых выражений.

- Ой, насиделась, нога онемела...
- Идем, идем скорей...
- Ух ты, а тут тоже порядком народу... [Сорокин, 1985, с. 93]

- Oj, nasiedziałam się, noga mi zdrętwiała...
- Chodźmy, chodźmy szybciej...
- Och ty, a tutaj też pełno ludzi... [Sorokin, s. 83]

В других фрагментах, в которых в исходном языке выступает *ух ты*, в польском переводе появляется *uch ty*:

- Хороший чай?
- Хороший.
- Ух-ты... очередь какая... [Сорокин, 1985, с. 104]

- Dobra herbata?
- Dobra
- Uch ty, ale kolejka... [Sorokin, s. 92]

Однако в польском языке существует несколько других эквивалентов, которые могли бы передать такое значение, как например, оборот с двумя частицами – *Ożeż ty!*

- Dobra herbata?
- Dobra
- Ożeż ty! Ale kolejka...

Кроме этого, можно применить словосочетание – *a niech to*.

- Chodźmy, chodźmy szybciej...

²⁰ *Słownik współczesnego języka polskiego*, T. 1., Warszawa: Przegląd Reader`s Digest 1998, s. 642.

- A niech to! Tutaj też pełno ludzi...
- Dobra herbata?
- Dobra
- A niech to! Ale kolejka...

Словосочетания, часто выступающие в разговорном языке и одновременно частые в текстах Сорокина, становятся очередным вызовом для переводчика, потому что их значение и выбор соответствующего эквивалента зависят целиком от контекста. Как оказывается, интуиция переводчика иногда подводит.

Очередным выражением, на которое следует обратить внимание, – это словосочетание *не надо*. Первым эквивалентом, который наводит переводчика на мысль, является польское выражение *nie trzeba*. Однако не в каждом контексте совпадает он с нормой польского языка:

– НЕ НАДО ПИХАТЬСЯ, ТОВАРИЩИ! ИНАЧЕ Я БУДУ ВЫВОДИТЬ! [Сорокин, 1985, с. 25]

В польском переводе, данное словосочетание звучит:

– NIE ROZPYCHAĆ SIĘ, TOWARZYSZE! BO ZACZNĘ USUWAĆ Z KOLEJKI! [Sorokin, s. 25]

Так же как и в нижеприведённом фрагменте:

- Да и красивее ткань намного.
- Володя, не надо бросаться.
- А кошка проворней тебя. [Сорокин, 1985, с. 41]

- I materiał znacznie ładniejszy.
- Wołodia nie rzucaj kamieniami.
- Kot jest sprytniejszy od ciebie. [Sorokin, s. 41]

Как можно заметить, в переводе была использована форма повелительного наклонения. Это кажется правильным решением, ибо контекст не даёт здесь переводчику других возможностей. В очередном фрагменте, русское *не надо* осталось как *nie trzeba*:

- Ты знаешь... наверно за последние пять лет это у меня самый чудесный вечер.
- Правда?
- Да...
- А почему?
- Потому что... потому что...
- Вадим... Вадим...
- Прелесть моя... очарование...

– Вадим... Вадим...
– пре... лесь...
– ... Вадим... ну зачем... а...
– **Вадим... ну не надо...**
– очарование.....
– **не надо**.....
–
.....
– Вадим.....
–
.....
– Ну.....ну что..... ну.....
–
.....
–
.....
– Вот так, можно?
– Темно совсем...
– Ты прелесь... прелесь...
– Вадим... ну мы же совсем друг друга не знаем...
– прелесь... какая шейка у тебя...
– Вадим..... Вадим...
– Людочка.....
–
.....
– как... хорошо с тобой.....
– Вадим...
–
.....
– **Ну не надо**..... милый..... зачем...
–
.....
– Вадик..... ааа...
–
.....

– Мальчик мой..... **не надо**..... [Сорокин, 1985, с. 196]

– Wiesz... od pięciu lat to chyba najcudowniejszy mój wieczór.

– Naprawdę?

– Tak.

– A dlaczego?

– Dlatego, że... dlatego że... Wadim... Wadim...

– Moja śliczna... czarująca...

– Wadim... Wadim...

– śli... czności...

– ... Wadim... no po co... a... Wadim... no... **nie trzeba**...

– czarowna

– **nie trzeba**, Wadim....

– No no co no

– A tak mogę?

– Zupełnie ciemno...

– Jesteś cudowna... cudowna...

– Wadim... my się przecież prawie w ogóle nie znamy...

– śliczności... jaką masz szyjkę....

– Wadim Wadim

– Ludeczko... jak dobrze z tobą

– Wadim...

– No **nie trzeba** mój miły po co. Wadik aaa

Mój chłopczyku **nie trzeba** [Sorokin, s. 177]

Данный фрагмент можно смело назвать «приглашением в постель», где читатель становится свидетелем всего, что происходит между Вадимом и Людой. Здесь не просто отношения мужчины и женщины, завершением которых является интимное сближение. Их задача заключается прежде всего в указании на то, как налаживать связи при помощи, так называемых, естественных методов, так как сексуальная сфера уже не является темой табу. Это не оставляет никаких сомнений, касательно действующих правил в тоталитарном обществе [Wawrzyńczak, 2007, s. 184]. Выражение *nie надо*, переведённое здесь, как *nie trzeba*, представляет собой в этом контексте языковую кальку и меняет значение высказанного. В оригинале оно символизирует сопротивление со стороны героини в отношении ухаживающего за ней мужчины. Подлинное значение не сохранилось в переводе, хотя польский язык даёт такие возможности. В ситуации, о которой речь идёт в романе, наиболее желательными были

бы, например, выражения: *przestań; co ty wyprawiasz; oszalałeś czy też zawstydzasz mnie; proszę cię, przestań...*

В процессе поисков эквивалентов, переводчик должен руководствоваться правилом: что в конкретной ситуации сказал бы носитель языка.

В этой же сцене, в доме Людмилы, снова появляется упомянутое раньше *фу*: *Фууу...ты обалденная женщина...фууу...* [Сорокин, 1985, с. 204]. В польском переводе очередной раз наблюдается калька, которая никак не отражает действительности: *Fuu... co za kobieta... fuu...* [SoroKin, s. 187]. И дальше – *Фууу... aaa..., Что такое? Да вспомнил про очередь эту пакостную... черт побрал бы...* [Сорокин, 1985, с. 207] Перевод на польский аналогично: *Fuuu..., aaa... Co znowu? Przypomniałem sobie tę wstrętną kolejkę... żeby to diabli wzięli...*

В русском языке слово *фу* определяется как многозначимая лексема, поэтому чтобы найти настоящее её значение, в первую очередь следует обратить внимание на контекст. Кроме выражения отвращения или презрения, может выступать как слово, обозначающее облегчение²¹. В романе *Очередь*, это, разумеется, существенный элемент языковой игры с читателем. К сожалению, переводчику не всегда удаётся полностью с ним справиться. В предложении *Fuu... co za kobieta... fuu...* применение *fuu* заставляет понимать всю фразу, как выражение отвращения.

Приведённые фрагменты подтверждают факт, что *Очередь* Владимира Сорокина – это произведение, насыщенное элементами языковых игр, роман, представляющий собой отличный пример авангардного сопоставления и соединения слов. Он показывает, какое огромное значение имеет для писателя игра с языком и, это касается не только описания окружающей действительности.

В польском переводе *Очереди* пропущены многие подстандартные явления а возможности польского языка не использованы полностью. Анализ даже нескольких фрагментов показывает, что в языке перевода располагаем соответствующими средствами, позволяющими сохранить аналогичные функции этих явлений. *Очередь* с своими яркими и богатыми диалогами должна провоцировать, вызывать эмоции и даже шокировать. Польский перевод, конечно, содержит те элементы оригинала, которые, всё-таки, позволяют считать этот роман, как некую провокацию. Однако, некоторые детали модифицируют восприятие произведения. Роман, который вызвал в России такие крайние эмоции и привёл к сильной поляризации читателей, скорее всего не должен терять этой силы воздействия в другом

²¹ Словарь русского языка (МАС), фундаментальная электронная библиотека / Русская литература и фольклор [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas_abc/21/ma458605.htm?cmd=0&istext=1

языковом пространстве. Поэтому Владимир Сорокин с гордостью может о себе сейчас сказать «Нет смысла прикидываться, что меня нет».

Список литературы:

Андреева Н.Н. Роман Сорокина «Очередь» // форма в контексте проблемы репрезентации в искусстве московского концептуализма // Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 9, выпуск 4 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-v-sorokina-ochered-forma-v-kontekste-problemy-reprezentatsii-v-iskusstve-moskovskogo-kontseptualizma>

Колесникова С. Фундаментальная наука вузам, разграничение частиц и междометий в предложении-высказывании // Преподаватель XXI век [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-chastits-i-mezhdometiy-v-predlozhenii-vyskazyvanii>].

Кучерская М. Ледовый поход против мясных машин // У Владимира Сорокина новый роман с романом. // Российская газета – Федеральный выпуск № 0(3584) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://rg.ru/2004/09/22/sorokin.html>.

Сорокин В. Очередь // П-риж., Синтаксис, 1985.

Сорокин В. В России прошлое съело настоящее, а настоящее съело будущее // РИА Новости [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ria.ru/20110926/443966831.html>?

Словарь русского языка (МАС) // фундаментальная электронная библиотека // Русская литература и фольклор [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas_abc/21/ma458605.htm?cmd=0&istext=1

Buty rajstopy... Co jeszcze przeciętna kobieta nosi w torebce? [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://archiwum.radiozet.pl/Rozrywka/O-tym-sie-mowi/Co-kobieta-ma-w-torebce-TOP-10-rzeczy-z-damskiej-torebki-RANKING-00009509>

Миśowska L. Powrót do korzeni // Władimira Sorokina język pozarozumowy // Współczesny dramat rosyjski: kontynuacje i przemiany. Łódź, 2013

Sorokin W. Kolejka, Gdańsk, Tower Press, 2005.

Szymczak M. Słownik języka polskiego // Т 2, Warszawa PWN, 1979.

Waszkielewicz H. Metafizyka jedzenia // „Końska Zupa” Władimira Sorokina // Postmodernizm rosyjski i jego antycypacje // Seria Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej // Tom VII. Collegium. Columbinum, Kraków, 2007.

Wawrzyńczak A. Zbrodnia na literaturze // Powieść „Roman” Władimira Sorokina // Postmodernizm rosyjski i jego antycypacje, Kraków, 2007.

Wierzbicka E. Słownik współczesnego języka polskiego // Т. 2., Warszawa, Przegląd, 1998

Wierzbicka E. Słownik współczesnego języka polskiego // Т. 1., Warszawa, Przegląd, 1998

References:

Andreeva N.N. Roman Sorokina «Ochered'» // forma v kontekste problemy reprezentatsii v iskusstve moskovskogo kontseptualizma // Vestnik sankt-petersburgskogo universiteta, seriya 9, vypusk 4 [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-v-sorokina-ochered-forma-v-kontekste-problemy-reprezentatsii-v-iskusstve-moskovskogo-kontseptualizma>

Buty rajstopy... Co jeszcze przeciętna kobieta nosi w torebce? [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://archiwum.radiozet.pl/Rozrywka/O-tym-sie-mowi/Co-kobieta-ma-w-torebce-TOP-10-rzeczy-z-damskiej-torebki-RANKING-00009509>

Kolesnikova S. Fundamental'naya nauka vuzam, razgranichenie chastits i mezhdometii v predlozhenii-vyskazyvanii // Prepodavatel' XXI vek [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-chastits-i-mezhdometiy-v-predlozhenii-vyskazyvanii>].

Kucherskaya M. Ledovyi pokhod protiv myasnykh mashin // U Vladimira Sorokina novyi roman s romanom. // Rossiiskaya gazeta – Federal'nyi vypusk № 0(3584) [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <https://rg.ru/2004/09/22/sorokin.html>.

Миśowska L. Powrót do korzeni // Władimira Sorokina język pozarozumowy // Współczesny dramat rosyjski: kontynuacje i przemiany. Łódź, 2013

Slovar' russkogo yazyka (MAS) // fundamental'naya ehlektronnaya biblioteka // Russkaya literatura i fol'klor [Ehlektronnyi resurs] / Rezhim dostupa:<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/21/ma458605.htm?cmd=0&istext=1>

Sorokin V. Ochered' // P-rizh., Sintaksis, 1985.

Sorokin V. V Rossii proshloe s"elo nastoyashchee, a nastoyashchee s"elo budushchee // ria Novosti [Ehlektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: [https://ria.ru/20110926/443966831.html?](https://ria.ru/20110926/443966831.html)

Sorokin W. Kolejka, Gdańsk, Tower Press, 2005.

Szymczak M. Słownik języka polskiego // T 2, Warszawa PWN, 1979.

Waszkielewicz H. Metafizyka jedzenia // „Końska Zupa” Władimira Sorokina // Postmodernizm rosyjski i jego antycypacje // Seria Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej // Tom VII. Collegium. Columbinum, Kraków, 2007.

Wawrzyńczak A. Zbrodnia na literaturze // Powieść „Roman” Władimira Sorokina // Postmodernizm rosyjski i jego antycypacje, Kraków, 2007.

Wierzbicka E. Słownik współczesnego języka polskiego // T. 2., Warszawa, Przegląd, 1998

Wierzbicka E. Słownik współczesnego języka polskiego // T. 1., Warszawa, Przegląd, 1998

Буйлов Василий Витальевич
Университет Восточной Финляндии
г. Йоэнсуу (Финляндия)

Bouilov Vassili
University of Eastern Finland (UEF)
Joensuu (Finland)

ПЕРЕВОД МЕТОНИМИИ В СВЕТЕ ЛИНГВОПЕРЕВОДОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОЗЫ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

THE TRANSLATION OF METONYMY IN THE ASPECT OF LINGUA- TRANSLATOLOGICAL ANALYSIS OF ANDREI PLATONOV'S PROSE

Ввиду сложностей, связанных с художественным миром Платонова и его «нарушенным» языком, его произведения нелегко переводить адекватно. Нередко прозаические тексты Платонова считают яркими примерами «непереводимых» текстов. Любые попытки перевода текстов Платонова без воспроизведения всех сложных лингвистических компонентов идиостиля писателя и раскрытия их взаимоотношений с особым платоновским художественным миром, а также без полного переводческого понимания взаимодействия микроконтекста этих произведений с их семиотическим макроконтекстом могут привести эти переводческие проекты к неудаче. Несоблюдение вышеперечисленных условий в процессе перевода прозы Платонова может иметь своим результатом разрушение его онтологии, которой определяется его уникальный идиостиль. Чтобы исследовать в этой статье проблему перевода Платонова, нами был подробно проанализирован перевод повести «Котлован» на английский язык, осуществленный Томасом П. Уитни (*The Foundation Pit* 1973). В процессе лингвопереводоведческого сопоставительного анализа исходного и целевого текстов повести были рассмотрены соответствующие части текстов на двух языках. В связи с этим анализом могут быть поставлены три вопроса общего характера в порядке повышения их целевой планки. Первый вопрос состоит в том, является ли попытка перевода Платонова оправданной или же она заранее обречена на провал? Второй вопрос поднимает проблему, возможно ли переводить платоновскую прозу, достигая при этом конгруэнтности этого перевода? Третий вопрос заключается в том, существует ли эффективный механизм для перевода «непереводимых» текстов и какая стратегия перевода может использоваться в этом случае? Отправной точкой для возможной здесь переводческой стратегии может быть то, что Лоуренс Вентути (Lawrence Venuti 1975) называет термином «форенизация», и что определяется им как воспроизведение при переводе языковых и культурных ценностей иностранного текста в целевой культуре. Таким образом, в ходе настоящего анализа мы пытаемся определить, сохранил ли перевод Уитни «чужие» для него элементы. Анализ перевода «Котлована», помимо всего прочего, проясняет и проблематику перевода в целом. Следовательно, еще одной целью этого анализа является попытка проложить «методологический мост» к процессу принятия решений в различных и очень конкретных случаях перевода «непереводимых» текстов.

Andrei Platonov's texts have often been considered to be striking examples of “untranslatable” texts. Any attempts at the translation of Platonov's texts without a reproduction of all the complex linguistic components of Platonov's idiostyle with reference to his special inter-world, as well as without discovering the co-operation of the micro-context of this text with its semiotic macro-level, can cause the whole translation project to fail. Non-observance of all the above-mentioned conditions in the process of translating Platonov's prose can bring about a destruction of his ontology, an ontology that defined a unique Platonov's idiostyle. In order to study in this article the problem of translating Platonov, Thomas P. Whitney's English translation of the short novel *The Foundation Pit* (1973) has been analyzed in detail. In the process of this *lingua-translatological comparative analysis* of the source and the target texts of the short novel, the corresponding parts of the texts in two languages have been studied. In connection with this analysis three common questions can be raised in order of increasing their target bar. The first question is whether an attempt to translate Platonov is reasonable or whether it is generally doomed to failure? The second question is whether it is possible to achieve a congruent translation while translating Platonov's prose? The third question is whether there exists an effective mechanism for translating any “untranslatable” texts and what kind of translation strategy can be used in this case? A starting point for a possible translation strategy could be what Lawrence Venuti (1975) calls 'foreignizing' translation – the registering of linguistic and cultural values of the foreign text in the target culture. The present analysis thus tries to assess whether Whitney's translation has preserved the foreign elements: Platonov's idiostyle and the nature of his mixed language of Utopia and Anti-Utopia. The translation of *The Foundation Pit* will most likely shed some light on the problematics of translation in general. Hence, another aim of this analysis is an attempt

to provide a methodological "bridge" to the process of making decisions in different and very specific cases of translating "untranslatable" texts.

Ключевые слова: идиостиль, Утопия и Антиутопия, лингвопереводоведческий анализ, имплицативность, семантические и синтаксические деформации, «смешанный язык» Утопии и Антиутопии, клишированная речь идеологии, доместикация и форенизация.

Key words: idiostyle, Utopia and Anti-Utopia, lingua-translatological analysis, implicativity, semantic and syntactic deformations, «a mixed language» of Utopia and Anti-Utopia, the cliché's language of ideology, untranslatability, domesticating and foreignizing.

Платоновская **метонимия** как троп и механизм речи, состоящий в окказиональном переносе имени с одного объекта на другой по признакам смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию, является в повести «Котлован» неограниченным источником усиления экспрессивности. Используя механизм метонимического переноса как стилистическое средство повышения языковой выразительности текста, Андрей Платонов добивается значительно большего, создавая при помощи стилистических средств различные формы литературно-художественной условности и поднимая в художественном тексте проблемы социально-политического звучания. Обычно не отражаясь на нормах грамматического согласования, метонимизация имени позволяет Платонову создавать гротескно заостренные образы, когда формально, на синтагматическом уровне, все как бы соответствует нормам грамматики.

Платонов постоянно использует метонимические переносы в своих аллегориях. На метонимизации строятся платоновские гиперболы, олицетворения, перифразы. Она является незаменимой при моделировании писателем многих сатирических ситуаций. Платоновское олицетворение, строящееся на широком применении метонимических переносов, также служит прекрасным инструментом для создания разных форм литературно-художественной условности. Как в метонимии и олицетворении, так и в тропах вообще Платонова привлекает основанная на полисемии двуплановость, семантическая двойственность, которая позволяет писателю строить отличающееся яркой индивидуальностью языковое и эмоционально-образное художественное пространство, наполненное глубокой философской символикой.

С переводоведческой точки зрения проза Андрея Платонова являет собой пример так называемого «непереводимого» текста. Труднопреодолимые препятствия для переводчика создает частичный отказ Платонова следовать нормам русского литературного языка. Язык Платонова представляет исключительный интерес благодаря его особому «платоновскому» словоупотреблению, которое основано на расширении семантики и валентности слов, на сознательном авторском нарушении многих норм лексической и синтаксической сочетаемости. Например, при работе с прозаическим текстом Платонова переводчику приходится актуализировать такие стороны языка переводного текста, как полисемия и

лексико-семантическая вариативность. Часто такие семантические сдвиги должны быть созданы в переводе искусственно, что предполагает необходимость активного и творческого переводческого включения. Анализ текста перевода «Котлована» на английский язык имеет своей целью выработку приемлемых переводческих стратегий, связанных с возможностями и особенностями перевода уникальнейшего в своем жанровом своеобразии и языковом оформлении «непереводимого» платоновского текста [Bouilov, 1996].

Материалом исследования в нашей статье является текст повести А. Платонова «Котлован». Цитирование текста оригинала производится по источнику: [Платонов, 1988]. При осуществлении сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода используется представленный здесь текст «Котлована» и его перевод на английский язык, осуществленный в 1973 году Томасом Уитни (Thomas P. Whitney). Цитирование английского перевода повести производится по источнику: [Platonov, 1973].

В предисловии к публикации, осуществленной издательством «Анн Арбор» в 1973 году [Platonov, 1973], Томас Уитни, автор рассматриваемого в нашей статье перевода повести Андрея Платонова «Котлован» на английский язык, представляется как опытный переводчик русской литературы, проработавший в Советском Союзе много лет в качестве корреспондента. Среди его публикаций можно назвать две таких значительных антологии, как «Новая литература в России» (The New Writing in Russia) и «Молодые русские» (The Young Russians), а также перевод на английский язык романа Александра Солженицына «В круге первом».

Показательным является то, что Предисловие к изданию этого перевода повести «Котлован» (*The Foundation Pit*) написано Иосифом Бродским. Бродский всемерно поддержал и фактически благословил публикацию этого первого и единственного на тот момент перевода «Котлована» на английский язык. Участие в данном проекте Бродского, мастера поэтического слова подобного масштаба и просто любимого поэта, его хрестоматийное по содержанию и теоретической значимости Предисловие к изданию стало лучшей рекомендацией для этой знаковой публикации издательства «Ардис»²². Наряду с издательствами «Посев», «УМСА-Press» и «Издательством имени Чехова», «Ардис» с 1971 года является крупнейшим зарубежным издательством, публикующим литературу на русском языке.

Проводимый нами лингвопереводоведческий анализ текста повести «Котлован» включает в себя лингвостилистическую часть исследования, осуществляемую одновременно с переводоведческим исследованием. Мы уделяем особое внимание языковым факторам, лежащим в основе насыщения текста «Котлована» яркими и чаще окказиональными

²² Ардис – «Ардис Паблишинг»/ *Ardis Publishing*. Известное американское издательство, специализирующееся на издании русской литературы на языке оригинала и в английском переводе.

авторскими фигурами речи и формами художественной образности. Функционирование в «Котловане» этих внутритекстовых элементов мы рассматриваем как процесс художественно осмысленного внедрения Платоновым в художественную ткань текста различных элементов своего идиостиля.

Представляемый нами анализ текста перевода Томаса Уитни предполагает подробное переводоведческое рассмотрение в постмодернистском дискурсе «Котлована» способов и средств выражения в переводном тексте функций исходного текста, определяемых творческим методом Платонова и его языковыми приемами. Наряду с рассмотрением общей образности текста основную роль в этом анализе играет исследование такого характерного для стиля писателя тропа, как **метонимия**, и конкретно **некоторых ее форм**, используемых Платоновым в качестве окказиональных авторских конструкций, грамматических моделей и средств художественной выразительности. Употребляемые с целью художественного воплощения замысла произведения, они настоятельно требуют от переводчика не только творческой выработки способов выражения в переводном тексте заложенного в них эмоционально-экспрессивного воздействия, но и, по мере возможности, более точной передачи свойственных писательскому почерку формальных языковых признаков [Буйлов, 1996].

Вызовами для переводчика «Котлована» являются художественное смешение писателем разных стилей, двуплановость, амбивалентность и имплицативность авторского дискурса, намеренная языковая закодированность скрытых смыслов, коннотативная природа платоновского текста. В этой связи здесь будет уместно упомянуть **проблему переводимости** «закодированных» платоновских прозаических текстов. При осуществлении их перевода должна приниматься во внимание не только лингвистическая сторона, но и все другие экстралингвистические и культурные составляющие, предопределяющие идиостиль Андрея Платонова.

Олицетворение как разновидность метонимии. Метонимическое олицетворение, или **прозопопéя**, как стилистическая фигура и стилистический прием строится на метонимическом переносе и играет особую роль в авторской концепции Платонова. Это объясняется, в первую очередь, тем особым соотношением духовного и материального в творчестве писателя, которое приводит его к широким нравственным и философским обобщениям. Духовное у Платонова часто материализуется, и напротив, материальное начинает наполняться сознанием, одухотворяться, проявлять все признаки одушевленности.

В результате персонификации, очеловечивания в образно-художественном поле «Котловане» повсеместно осуществляется символическое и метафорическое взаимоотождествление природных, материальных и абстрактных духовных объектов. Материальные

элементы природы и культуры одушевляются и наделяются конкретно-чувственным потенциалом бытия. Так, например, в «Котловане» существительное *музыка*, обозначающее абстрактное понятие [2. Исполнение произведений на инструментах, а также само звучание этих произведений. 3. *перен., чего*. Мелодия какого-н. звучания /книжн./ *Музыка голоса*] [Ожегов, 1990, с. 367], в результате метонимического переноса на него физического и эмоционального состояния музыкантов обретает способность чувствовать, испытывать усталость, передвигаться в пространстве.

Традиционно художественный перевод на иностранный язык предполагает следование нормам языка перевода. Именно по этой причине платоновская метонимия как механизм речи, состоящий в авторском окказиональном переносе имени с одного объекта на другой, если следовать норме, в большинстве случаев не применима к системе английского языка. Каким же образом Томас Уитни решает проблему перевода метонимических образований в повести «Котлован»? Вот лишь три примера платоновского расширения лексической сочетаемости отвлеченного существительного *музыка* и перевода этих случаев Уитни:

К бараку подошла музыка и заиграла особенные жизненные звуки <...> [Платонов, 1988, с. 22]

Music approached the barracks and started special vital sounds <...> [Platonov, 1973, с. 17]

Перевод Уитни не соответствует нормам английского языка. Перевод осуществлен дословно. *Музыке* метонимически передана от людей способность к инициативе действий. Коннотация сохраняется. Аллегоричность как свойство платоновского образно-художественного пространства создает такую образность, при которой *музыка*, как и другие отвлеченные понятия, неодушевленные предметы начинают чувствовать и действовать, как люди:

<...> по улице двинулся из глубины города строй детей-пионеров с уставшей музыкой впереди. [Платонов, 1988, с. 18]

<...> along the street from out of the depths of the city was marching a formation of children, Young Pioneers, with weary music leading them. [Platonov, 1973, с. 9]

Перевод Уитни не соответствует нормам английского языка. Переведено как дословно, так и описательно. *Музыка* метонимически наделяется физическими возможностями исполняющих ее людей. Коннотация сохранена. Здесь мы можем наблюдать удачное разрешение Уитни проблемы перевода платоновских олицетворений, происходящее благодаря окказиональному включению им в текст перевода механизма метонимического переноса по аналогии с текстом оригинала при всей его необычности для системы английского языка:

Музыка пионеров отдохнула и заиграла вдали марш движения. [Платонов, 1988, с. 20]

The Pioneers' music took a rest and then off in the distance played a march. [Platonov, 1973, с. 12]

Перевод Уитни не соответствует нормам английского языка. Он использует здесь дословный перевод. В переводе сохранена метонимическая соотнесенность *музыки* с действиями, чувствами и ощущениями, присущими самим музыкантам. Коннотация оригинала сохранена. Подобный переводческий подход можно считать очень продуктивным. Этот подход позволяет ему значительно облегчить для себя перевод различных форм литературно-художественной условности, строящихся на применении метонимического олицетворения и повсеместно представленных в тексте «Котлована».

Говоря о людях, представителях определенных профессиональных или социальных категорий, писатель, сатирически обыгрывая бюрократическую терминологию, так и называет их *категориями*, посредством ввода подобной метонимии акцентируя внимание на казенном отношении представителей власти к трудящимся [категория – 2. Группа лиц, предметов, явлений, объединенных общностью каких-н. признаков] [Ожегов 1990, с. 271]:

<...> *пивная для отходников и низкооплачиваемых категорий* <...> [Платонов, 1988, с. 15]

<...> *a beer parlor for migratory workers and low-paid categories* <...> [Platonov, 1973, с. 3]

Перевод Уитни предложения со словом *категория* не соответствует нормам английского языка. Словосочетание *низкооплачиваемые категории* переведено дословно и с нарушением внешней валентности слова *category*. Согласно норме, слово *category* должно иметь при себе посессивный распространитель, и все словосочетание должно звучать как *low-paid categories of workers*. Коннотация оригинала в переводе сохраняется.

В результате метонимического переноса, осуществленного автором через окказиональный семантический сдвиг в значении существительного *коллективизация* [Объединение мелких единоличных крестьянских хозяйств в крупные коллективные социалистические хозяйства. *Коллективизация сельского хозяйства*] [Ожегов, 1990, с. 284], термин *коллективизация* как название административно-волеаристской акции по насильственному привлечению людей в колхозы Платонов переносит на *людей*, которые являются объектами и невинными жертвами данной акции:

Чиклин глядел вслед ушедшей босой коллективизации, не зная, что нужно дальше предполагать <...> [Платонов, 1988, с. 64]

Chiklin gazed at the departing barefoot collective, not knowing what he ought to suppose beyond this <...> [Platonov, 1973, с. 95]

Перевод Уитни предложения со словом *коллективизация* соответствует нормам английского языка. Существительное *коллективизация* переводится вольно как *collective*. Такая вольная лексическая подмена полностью снимает коннотацию оригинала и утяжеляет, экспрессивно выхолащивает все высказывание, построенное на стилистической актуализации слова *коллективизация* через тончайшую метонимическую игру.

Для того, чтобы показать анонимный, обезличенный характер власти, ее коллективистское лицо, Платонов пользуется некоторыми устоявшимися клише бюрократического языка. Так, он переносит сокращенное наименование окружного бюро профсоюза *окрпрофбюро* и общепринятое название органа управленческого аппарата любого учреждения *администрация* [1. Органы управления исполнительной власти, а также вообще власти. 2. *собир.* Должностные лица управления] [Ожегов, 1990, с. 26] на совокупность сотрудников этих административно-управленческих подразделений и их коллективные действия:

– *Это окрпрофбюро хотело показать вашей первой образцовой артели <...>* [Платонов, 1988, с. 23]

<...> The district trade union bureau wanted to show your first model artel the pitiful character of the old life <...> [Platonov, 1973, с. 19]

Перевод Уитни предложения со словом *окрпрофбюро* не соответствует нормам английского языка. В дополнение к нарушению норм английского языка, перенос Уитни в английский перевод механизма метонимического олицетворения привносит в английский перевод коннотацию оригинала.

Перевод Уитни предложения со словом *администрация* также не соответствует нормам английского языка. Метонимия в семантически расширенном пространстве текста перевода работает хорошо, навязывая англоговорящему читателю свои условия игры:

– *Администрация говорит, что ты стоял и думал среди производства – сказали в завкоме.* [Платонов, 1988, с. 15]

The administration says that you kept standing there thinking in the midst of work» they told him in the trade union office. [Platonov, 1973, с. 5]

Перевод осуществлен дословно и описательно. Коннотация обезличенности власти, возникающая благодаря употреблению Платоновым неопределенно-личной конструкции *сказали в завкоме* передается в переводе конструкцией *they told him in the trade union office*.

В следующих нескольких примерах из «Котлована» Платонов название государственной организации и одновременно места работы и проживания людей, определяемое словом *колхоз*, метонимически переносит на совокупность этих людей, [*колхоз* 1. *Сокращение:* коллективное хозяйство – производственное, социалистического типа объединение трудящихся крестьян для коллективного ведения сельского хозяйства на земле,

навечно закрепленной за этим объединением. 2. О дружной группе людей /разг./, /шутл./ *Всем колхозом /дружно, все вместе/* [Ожегов, 1990, с. 286]. Используя во всех этих случаях метонимический перенос, Платонов выражает в художественной форме принципиальную особенность коллективистского сознания, построенную на той идеологической аксиоме, что все должны действовать, думать и чувствовать одинаково. Приведем лишь несколько примеров:

Вышедши наружу, колхоз сел у плетня и стал сидеть, озирая всю деревню <...> [Платонов, 1988, с. 89]

Emerging, the collective farm sat at the wattle fence and kept on sitting there <...> [Platonov, 1973, с. 142]

– *Скачи прямо! – сообщил путь колхоз.* [Платонов, 1988, с. 89]

«Gallop on, straight ahead!» the collective farm informed him of the route. [Platonov, 1973, с. 142]

Колхоз спокойно пригляделся к опрокинутому активисту <...> [Платонов, 1988, с. 93]

The collective farm calmly studied the toppled activist <...> [Platonov, 1973, с. 149]

– *Какую лошадь портит, бюрократ! – думал колхоз.* [Платонов, 1988, с. 89]

«Spoiling a horse like that, the bureaucrat!» thought the collective farm. [Platonov, 1973, с. 142]

Следует отметить, что Платонов кардинально расширяет рамки лексической и грамматической сочетаемости существительного **колхоз**, по-авторски более вольно трактуя указанное в словарной статье второе, переносное его значение [2. О дружной группе людей /разг./, /шутл./ *Всем колхозом /дружно, все вместе/* [Ожегов, 1990, с. 286]. Платонов пишет не «языком мысли», но «языком чувств», используя его как прием отражения современной ему действительности, внося в него элементы гиперболизации и метафоричности. Автор активно использует метонимическое олицетворение именно для описания коллективистского сознания, когда думают все одинаково и одновременно. Колхоз коллективно выходит через двери наружу, коллективно сидит у плетня, коллективно озирается, коллективно приглядывается к окружающим. Все это находит свое адекватное отражение и работает в переводе Уитни. При несоответствии нормам английского языка примененного Уитни дословного перевода при передаче на английский язык этих коротких фрагментов, он звучит стилизованно «по-русски». Механизм метонимического олицетворения по аналогии с оригиналом успешно приходит и в английский перевод. Коннотация коллективистского сознания сохраняется.

Гипонимическая синекдоха. Характерная для авторского стиля Платонова художественная реализация механизма **гипонимии и гиперонимии** позволяет ему выразить свою

эстетику и расширить философски детерминированную онтологическую функцию текста. Платонов для показа казенной обезличенности и анонимности власти и навязываемой ею деиндивидуализации, духовной нивелированности волюнтаристски управляемых этой властью людских масс применяет такой троп и разновидность метонимического переноса, как гипонимическая синекдоха. Писатель повсеместно осуществляет замену конкретных названий более узкими наименованиями, вводя в текст *соматизмы*, т. е. обозначения человека его органом, что при смешивании слов разных стилей со словами канцелярско-бюрократического стиля и советизмами приводит к значительному повышению экспрессивности текста.

Результатом платоновского авторского словоупотребления, построенного на использовании гипонимической синекдохи, является то, что повествование выходит за рамки лишь лексико-стилистического обогащения текста и рождает множество новых коннотаций, позволяющих делать различные этические и политико-философские обобщения. Одним из примеров употребления Платоновым гипонимической синекдохи для гротескового изображения власти может служить следующий фрагмент:

Особенно долго активист рассматривал подписи на бумагах: эти буквы выводила горячая рука округа, а рука есть часть целого тела, живущего в довольстве славы на глазах преданных, убежденных масс. [Платонов, 1988, с. 58]

The activist spent a particularly long time examining the signatures on the documents; these letters had been written there at headquarters by the hot hand of the district, and the hand is part of the whole body dwelling in the satiation of fame in the eyes of the devoted, convinced masses. [Platonov, 1973, с. 84]

Горячая рука округа символизирует силу, а сила есть символ гегемонии существующей политической власти. В таком гротескно-аллегорическом обобщении звучит открытая и далекая от просто сатиры критика гиперболизированной политической силы, узурпировавшей власть и распространившей свое влияние на «нормализованные», зомбированные ею **«преданные, убежденные» массы.**

Перевод Уитни не соответствует нормам английского языка и является примером «работающего» **дословного перевода**, в котором скрупулезно сохранен даже «русский» порядок слов и эквивалентно передано эмоционально-коннотативное расширение оригинала.

В следующем примере употребление Платоновым гипонимической синекдохи помимо метафорической передачи в тексте символически обобщенной анонимности единолично правящей партии способствует также художественно-аллегорическому выражению силы ее всевластия и, буквально, «цепкости» ее властной и самоуверенной партийной хватки:

По последним материалам, имеющимся в руке областного комитета, – значилось в конце директивы <...> [Платонов, 1988, с. 90]

«According to the latest materials in the hands of the provincial Party Committee» it was stated at the conclusion of the directive <...> [Platonov, 1973, с. 144]

Перевод соответствует нормам английского языка и осуществлен **дословно через словарные эквиваленты**. Здесь можно наблюдать пример использования Уитни метода **нормативного метонимического переноса в системе английского языка**. Применение переводчиком этого метода полностью согласуется со стилистической ситуацией в оригинале и адекватно отвечает целям и задачам перевода, эквивалентно передавая коннотацию оригинала.

В следующем фрагменте из «Котлована» с помощью использования стилистического механизма гипонимической синекдохи Платонов показывает забитость и обезличенность теперь уже народной «**НОРМАЛИЗОВАННОЙ МАССЫ**». **Негромкая рука, в звуках которой был еще слышен страх-пережиток**, из следующего ниже предложения условно может быть противопоставлен **горячей руке**, являющейся **частью целого тела, живущего в довольстве славы** из предыдущего нашего примера:

<...> в дверь постучала чья-то негромкая рука, и в звуках той руки был еще слышен страх-пережиток. [Платонов, 1988, с. 85]

<...> someone knocked at the door softly and in the sounds of that hand could be heard fear as a vestige of the former order. [Platonov, 1973, с. 131]

Как и все предложение в целом, два случая использования Платоновым гипонимической синекдохи **в дверь постучала чья-то негромкая рука** и **в звуках той руки** переданы в переводе **наполовину описательно**. В первом случае с применением стилистически нейтральной описательной конструкции *someone knocked at the door softly*, формально соответствующей русскому гиперониму по отношению к данной русской гипонимической конструкции оригинала. Во втором случае Томас Уитни осуществляет точную **дословную** передачу гипонимической конструкции **в звуках той руки** через эквивалентную, конгруэнтную оригиналу гипонимическую конструкцию *in the sounds of that hand*. Таким образом, в переводе удачно и в достаточной мере сохранена метонимическая «стихия» оригинала.

Гиперонимическая синекдоха. Для гротескового обыгрывания социальной обезличенности и малозначимости людей, играющих роль «винтиков» в данной политической и административно-бюрократической системе, Платонов в одинаковой степени активно и плодотворно использует также такой троп, разновидность метонимии и стилистический прием, как **гиперонимическая синекдоха**. При назывании своих персонажей он во многих

случаях использует название общественной позиции или должности человека взамен его имени. Такие слова, как *активист, профуполномоченный, пионер, землекоп, колхозник* и т.д. в «Котловане» почти никогда не персонализируются через имена собственные.

Так, например, Платонов для обозначения одного конкретного человека неоднократно применяет советизм *актив*, по норме предполагающий широкое обобщение [Наиболее деятельная часть организации, коллектива. *Партийный актив*] [Ожегов, 1990, с. 28]. Более того, простодушные колхозники в «Котловане» наивно-просторечно называют представителей партийной власти *актив*, подразумевая при этом одного отдельно взятого активиста, или *активы* – как окказиональную форму множественного числа для обозначения нескольких таких активистов:

Пользуясь мирной грустью колхоза, а также невидимостью актива <...> [Платонов, 1988, с. 92]

– Как же, товарищи активы, нам дальше-то жить? – спросил колхоз. [Platonov, 1973, с. 94]

Пользуясь этим как стилистическим приемом, Платонов в двух перечисленных выше примерах и в следующем ниже фрагменте саркастически обыгрывает зловредную сущность одного из ведущих персонажей «Котлована» – активиста, который, как внешне может показаться благодаря его показной классовой бдительности и политической гиперактивности, один стоит всего местного партактива, но позже с легкостью отказывается от своих идеологических убеждений:

– Где актив? – крикнул он сидящему колхозу, не теряя скорости. [Платонов, 1988, с. 89]

«Where are the activists?» he shouted at the seated collective farm without slowing down. [Platonov, 1973, с. 148]

В данном фрагменте перевода Уитни переводит слово *актив* буквально и именно в соответствии с нормами английского языка как *activists* в его основном обобщенном значении как определенной, классово детерминированной общности людей, наиболее деятельной части организации и общества. Как мы видим, метонимический перенос, применяемый Платоновым в оригинале для символического изображения коллективистского духа, сознания и поведения, в конкретном примере английского перевода перестает работать.

Платонов пользуется гиперонимической синекдохой и для того, чтобы в художественном тексте выразить свой особый писательский подход ко всей системе сложившихся родовидовых отношений. В тексте «Котлована» гипонимы, организованные по принципу подчинения значений, и соответствующие видовым понятиям, часто заменяются на

соотносящиеся с родовым понятием гиперонимы с целью подведения вида под род, как это можно увидеть в следующем примере:

Чиклин, желая отдыха ребенку, стал ждать его пробуждения <...> [Платонов, 1988, с. 46]

Chiklin, wanting the child to rest, began to wait for her awakening <...> [Platonov, 1973, с. 62]

Существительное *ребенок* является в конкретном контексте «Котлована» **гиперонимом** по отношению к **гипониму** *девочка*. Использование Платоновым определенных **дейктических элементов** (в данном предложении – *его*) также служит реализации платоновской установки на повсеместное подведение вида под род. Перевод Уитни соответствует нормам английского языка. Здесь мы можем констатировать лишь частичную передачу семиотического расширения, подразумеваемого Платоновым:

Ошибка переводчика заключается здесь в том, что несмотря на использование в переводе, как и в оригинале, гиперонима *the child*, возможная концептуальная платоновская коннотация снимается из-за непредусмотрительного присутствия в тексте перевода дейктического слова *her*, которое определяет принадлежность *ребенка* именно к женскому полу и которое целенаправленно пропущено Платоновым. Такой концептуальный просчет сворачивает переводческую стратегию на нет при решении конкретной переводческой задачи в этом фрагменте перевода.

В следующем примере Платоновым используется та же самая позиция гиперонимии, согласно которой существительное *ребенок* является гиперонимом по отношению к гипониму *девочка*. При этом Платонов также включает в текст дейктические элементы для преднамеренного авторского подведения вида под род. Дейктическая лексика представлена здесь местоимениями *он* и *его*:

Чиклин внимательно всмотрелся в ребенка – не поврежден ли он в чем со вчерашнего дня, цело ли полностью его тело; но ребенок был весь исправен, только лицо его горело от внутренних младенческих сил. [Платонов, 1988, с. 89]

Chiklin looked at the girl attentively – to see, if somehow she had been harmed since the day before, but the child was quite intact and in running order; only her face burned with the inner power of youth. [Platonov, 1973, с. 143]

С точки зрения перевода нам интересно гипотетически констатировать, что нормы английского языка допускали бы в этом конкретном случае использование при переводе дейктических слов *it* и *its*, прямо не указывающих на пол. Однако в переводе Уитни дейктические слова *she* и *her*, вопреки авторской интенции Платонова, однозначно указывают на принадлежность ребенка к женскому полу:

Таким образом, при соответствии перевода Уитни нормам английского языка, на первый план здесь опять выходит концептуальная ошибка переводчика, вызванная употреблением в переводе гипонима *the girl* для перевода гиперонима оригинала *ребенок*, и использование уточняющих дейктических слов *she* и *her*, прямо указывающих на принадлежность ребенка к женскому полу. Как и в предыдущем описанном нами случае, это недостаточно внимательное прочтение оригинала переводчиком разрушает авторский концептуальный дискурс, конкретно заложенный в этом фрагменте платоновского текста.

В следующем фрагменте «Котлована» Платонов посредством употребления приема гиперонимической синекдохи искусно создает художественную общеродовую характеристику некоего одушевленного субъекта, лишённого какой-либо конкретности: не птица, корова или собака, а *маленькое животное*:

<...> и только одно маленькое животное кричало где-то на светлеющем теплом горизонте, тоскуя или радуясь. [Платонов, 1988, с. 37]

<...> and only one small animal was crying somewhere out on the brightening warm horizon, being sad or being glad. [Platonov, 1973, с. 45]

Существительное *животное* выступает в качестве гиперонима по отношению к гипонимам *птица, корова, собака* и т.д. Парадоксальным является то, что если бы читатель «Котлована» желал понять, о каком же конкретном виде животного идет речь, обратный переход в тексте от гиперонима к гипониму был бы невозможен без получения дополнительной информации и конкретизации обозначаемого, поскольку значение гипонима семантически сложнее.

Перевод Уитни осуществлен в соответствии с нормами английского языка. Гипероним *животное* переводится дословно как *animal* – и это эквивалентно платоновскому контексту. Приходится констатировать, что снова закраиваясь в перевод данного фрагмента ошибка переводчика вызвана тем, что он здесь «попадает в ловушку», не связанную с использованием в переводе гиперонимической метонимии, а обусловленную совсем иными обстоятельствами. Дело в том, что словосочетание оригинала *одно маленькое животное кричало* здесь переводится как *one small animal was crying*.

Если внимательно прочитать английский перевод этого словосочетания, то из контекста невозможно понять, что же делает это *одно маленькое животное* – кричит ли оно или плачет, *тоскуя или радуясь*. Английский глагол *to cry* обладает полисемией и, в зависимости от контекста, может иметь два разных значения: *to cry* – *кричать* и *to cry* – *плакать*. На наш взгляд, для полной содержательной ясности, исключающей подобный смысловой дуализм, в данном платоновском философско-экзистенциальном контексте русский глагол *кричать* следовало бы перевести английским глаголом *to scream*.

Глубокие смысловые трансформации, осуществляемые Платоновым посредством авторского включения **механизма гиперонимической синекдохи**, приводят к созданию художественного эффекта **амфиболии**, то есть намеренного смешения понятий, двусмысленности и двойственности авторского образного описания при преобладании концептуального, общеродового над видовым, конкретным. В контексте «Котлована» это означает рождение широких философских обобщений, имеющих в своей основе гуманистическое видение жизни Платоновым, ее общепланетарный философский и духовный контекст.

Характерная особенность повести «Котлован», представляющей собой художественный синтез утопии и антиутопии, состоит в том, что утопия, лежащая в основе ее повествования, наднациональна. Поэтому отражение национальной окраски «Котлована» Томасом Уитни проходит прежде всего на уровне передачи идиоматических компонентов языка, сочетающейся с национальной спецификой образов и ситуаций. С точки зрения передачи национальной окраски перевод Уитни можно считать удачным, поскольку в нем с достаточной долей адекватности переданы и отражены идиоматические средства русского языка. Эти наши выводы и методы их получения при анализе перевода Уитни вполне соответствуют следующим теоретическим переводоведческим положениям, выведенным Лоренсом Венути:

Перевод направлен на активную реконструкцию иноязычного текста, отягощенного непереводаемыми лингвистическими, дискурсивными и идеологическими различиями с целевым языком культуры. Эти различия могут быть сформулированы с помощью проведения двух видов углубленного переводческого анализа: во-первых, сравнения исходного и переводного текстов, в ходе которого исследуется соотношение потерь и удач при переводе и рассматриваются дискурсивная стратегия переводчика и любые непредвиденные обстоятельства; и, во-вторых, изучения нестыковок в самом переводе, гетерогенной текстовой работы с целью культурного ассимилирования материалов целевого языка, предназначенных для реконструкции текста исходного языка, но неизбежно дополняющих его.» [перевод с англ. яз. наш – В.Б.] [Venuti, 1992, с. 10]

Принятие в качестве основы работы с переводом таких условий поднимает перед Уитни проблему соблюдения индивидуального творческого своеобразия подлинника в переводе, находящее свое выражение в системе использования средств языка и связанное с мировоззрением автора и его эстетикой. Самой большой трудностью для Уитни как переводчика была такая особенность языка Платонова, которая связана с частичным отказом следовать нормам русского литературного языка. И Уитни также, в основном, успешно справляется с данной задачей в переводе.

Осуществление нами сводного лингвопереводоведческого анализа предполагает следование теоретическому положению переводоведения о том, что полного понимания внеязыковой действительности слов добиться почти невозможно и полное соответствие между исходным языком и переводным языком в переводе недостижимо. При этом конечный, переводной язык принимает на себя как функцию интерпретации форм авторского исходного языка и идиостиля, так и функцию метатекстуального критерия с учетом той особенности литературного и языкового стиля Платонова, при которой обогащение семантики слов в языке Платонова происходит за счет разрушения первичных, соответствующих норме словосочетаний. Разработавший стратегии доместикации и форенизации Венути так оценивает этот процесс творческой интерпретации, переработки и трансформации переводчиком исходного текста:

«Этноцентричное насилие при переводе неизбежно: в процессе перевода иностранные языки, тексты и культуры всегда будут подвергаться различной степени и формы сокращениям, опущениям, шифрованию. Тем не менее, внутренициональная работа над освоением иностранных культур всегда остается с их стороны форенизирующей интервенцией, ставящей под сомнение наши существующие домашние каноны. <...>»

[перевод с англ. яз. наш – В.Б.] [Venuti, 1975/2008, с. 310]

Проведенный нами сопоставительный лингвопереводоведческий анализ оригинала и английского перевода повести «Котлован» свидетельствует о **доминирующем преобладании** в переводе Уитни переводческой стратегии «**форенизации**». При предпочтительном и систематическом использовании модели **филологического перевода**, в ходе осуществления своей переводческой задачи Уитни повсеместно применяет способ **культурного эквивалента**, стараясь скрупулезно подбирать равноценную замену культурным словам в языке оригинала. При этом метод **смыслового перевода** позволяет ему более точно передавать эстетическое значение текста в оригинале. Часто осуществление этой задачи является возможным только через достижение **формальной лингвистической эквивалентности**, то есть через **дословный**, а также **уподобляющий перевод** с включением при крайней необходимости **экспликации**, т.е. **описательного перевода**.

Томас Уитни старается решить свою переводческую «сверхзадачу» при передаче основных черт индивидуального писательского стиля, расширяя в переводе рамки традиционного словоупотребления и лексической сочетаемости и достигая более высокой степени экспрессивности благодаря образованию сверхлинейных смыслов уже в системе английского языка. Здесь он отталкивается от формалистически точного воспроизведения отдельных элементов подлинника вопреки нормам языка перевода. И такой подход приводит его к значительному прагматико-стилистическому успеху, связанному с полноценной

передачей индивидуального своеобразия подлинника. Этот подход позволяет Уитни в значительной степени передать в переводе нарушенное платоновское словоупотребление, языковую и стилистическую «неправильность» идиостиля Платонова.

Список литературы:

Буйлов В.В. О переводе «непереводимой» прозы Андрея Платонова. *Slavica Quinqueecclesiensia II*. Тезисы докладов III-й международной конференции «Теория и практика преподавания славянских языков», JPTE (Печ, 26-27 апреля 1996 г.). Отв. ред. Э. Лендваи. Ун-т г. Печ, Венгрия. Печ: Kronika Kiado, 1996, сс. 439-450.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1990.

Платонов А.П. Котлован. *Избранная проза*. Москва: Книжная палата, 1988.

Bouilov V. Questions concerning the translation of the «untranslatable» prose of Andrei Platonov. *Aspectus varii translationis II. Studia translologica, Ser. B, vol. 2*; Tampere: Tampere University, Department of Translation Studies/Tampereen yliopiston käänntieteen laitos, 1996, pp. 1-25.

Platonov A. Котлован. *The Foundation Pit. A bi-lingual edition*. Michigan: Ann Arbor, 1973.

Venuti L. *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. London & New York: Routledge./ Текст [в нашем исследовании перевод с англ. яз. наш – В.Б.] цитируется по переизданию: Venuti L., 2008. *The Translator's Invisibility: A History of Translation* (2nd ed.). Abingdon, Oxon, U.K.: Routledge, 1975/2008.

Venuti L. Introduction by Lawrence Venuti. *Rethinking Translation: Discourse, Subjectivity, Ideology*. Ed. L. Venuti [в нашем исследовании перевод с англ. яз. наш – В.Б.]. London & New York: Routledge, 1992, pp. 1-17.

References:

Bouilov V. Questions concerning the translation of the «untranslatable» prose of Andrei Platonov. *Aspectus varii translationis II. Studia translologica, Ser. B, vol. 2*; Tampere: Tampere University, Department of Translation Studies/Tampereen yliopiston käänntieteen laitos, 1996, pp. 1-25.

Bouilov V.V. O perevode «neperevodimoI» prozy Andreyaya Platonova. *Slavica Quinqueecclesiensia II*. Tezisy dokladov III-i mezhdunarodnoi konferentsii «Teoriya i praktika prepodavaniya slavyanskikh yazykov», JPTE (Pech, 26-27 aprelya 1996 g.). Otv. red. Eh. Lendvai. Un-t g. Pech, Vengriya. Pech: Kronika Kiado, 1996, ss. 439-450. (In Russ.).

Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. Moskva: Russkii yazyk, 1990. (In Russ.).

Platonov A. Котлован. *The Foundation Pit. A bi-lingual edition*. Michigan: Ann Arbor, 1973.

Platonov A.P. Kotlovan. *Izbrannaya proza*. Moskva: Knizhnaya palata, 1988. (In Russ.).

Venuti L. Introduction by Lawrence Venuti. *Rethinking Translation: Discourse, Subjectivity, Ideology*. Ed. L. Venuti [the cited extract from the text in this article is translated from English into Russian by V. Bouilov – V.B.]. London & New York: Routledge, 1992, pp. 1-17.

Venuti L. *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. London & New York: Routledge. / The cited extract from the text [in this article it is translated from English into Russian by V. Bouilov – V.B.] is taken from the re-edition: Venuti L., 2008. *The Translator's Invisibility: A History of Translation* (2nd ed.). Abingdon, Oxon, U.K.: Routledge, 1975/2008.

Васильева Галина Михайловна
Новосибирский государственный университет экономики и управления
г. Новосибирск (Россия)

Vasilyeva Galina
Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk (Russia)

ПЕРЕВОДЫ ТРАГЕДИИ «ФАУСТ» В КОНТЕКСТЕ НАУЧНЫХ ИЗЫСКАНИЙ И.В.ГЁТЕ

THE «FAUST» TRAGEDY TRANSLATIONS IN THE CONTEXT OF GOETHE'S SCIENTIFIC RESEARCH

В статье исследуются переводческие стратегии трагедии в контексте эталонных и «экспертных» представлений Гёте о переводе. Гёте признавал, что всякий текст переводим на другой язык – приблизительно или точно. В переводе оригинал не только себя воспроизводит, но и «растет». Он считал перевод, воссоздание системы произведения в другом языке регенерацией, усилением. Гёте рассмотрел целый ряд культурологических, исторических вопросов перевода. Требованию писателя в определенной степени отвечает рассуждение Новалиса о «мифологическом переводе». Гёте следил за переводами «Фауста» на европейские языки. Соотношение между переводимым и неперевоаемым особенно непрочно благодаря спонтанности Гёте, художника и мыслителя. В результате текст звучит не как ориентированный в вечность поэтический акт, но неповторимо лично, как высказывание «здесь и теперь». Гёте называл прозаический текст стихотворного произведения «пробудителем голода»: он побуждает читателя к изучению подлинника. Подстрочник, экстенсивный путь следования от фразы к фразе без пропусков, подразумевает академическую точность и составляет своего рода семантический эталон. Он не вуалирует трудные места, наоборот, помогает понять, в чем состоит их трудность. Гёте приводит в разных сценах одни и те же строки (семантические аксиомы), выделяет слова с «уменьшительной» семантикой. Многие высказывания строятся по законам паремии. Языки, которые не входят в один культурный ареал, дают примеры выразительных расхождений. Подход большинства русских переводчиков можно назвать ассимилирующей стратегией.

The tragedy translation strategies in the context of Goethe's etalon and «expert» ideas about translation are explored in the article. Goethe acknowledged that we translate every text into another language - approximately or precisely. In translation, the original not only reproduces itself, but also «grows». He considered the translation, the reconstruction of the work system in another language, regeneration, amplification. Goethe examined a number of cultural, historical translation issues. To a certain extent, Novalis's reasoning about «mythological translation» meets the writer's requirements. Goethe monitored the translations of «Faust» into European languages. The relationship between translatable and untranslated is especially fragile due to the spontaneity of Goethe, the artist and the thinker. As a result, the text does not sound like an eternity-oriented poetic act, but in inimitably private, like the statement «here and now». Goethe called the prose text of the poetic work «the initiator of hunger»: it encourages the reader to study the original. Interlinear, an extensive path from phrase to phrase without omissions, implies academic accuracy and is a kind of semantic standard. He does not veil difficult places, on the contrary, helps to understand what their difficulty consists in. Goethe leads in different scenes the same lines (semantic axioms), highlights words with «diminutive» semantics. Many statements are based on the rules of paroemia. Languages that are not within the same cultural range provide examples of expressive discrepancies. The approach of the most Russian translators can be called an assimilating strategy.

Ключевые слова: регенерация текста, диминутивность, императивный контур, экспрессивно-ономатопоэтическая лексика.

Key words: text regeneration, diminutiveness, imperative outline, expressive onomatopoeitic vocabulary.

Гёте, подобно многим предшественникам и последователям, писал о переводе как дерзновенном виде языковой практики. Представители классической немецкой филологии XIX века обычно подчеркивали «непонимание» изучаемого текста. Направление научных изысканий Гёте, связанных с переводом, диктовалось, прежде всего, его эстетическими

пристрастиями. Писатель признавал, что всякий текст переводим на другой язык – приблизительно или точно. В переводе оригинал не только себя воспроизводит, но и «растет». Он считал перевод, воссоздание системы произведения в другом языке, регенерацией, усилением.

Гёте рассмотрел целый ряд культурологических, исторических вопросов перевода. Требованию писателя в определенной степени отвечает рассуждение Новалиса о «мифологическом переводе»: «Перевод бывает или грамматическим, или же он изменяет произведение, или же он претворяет произведение в миф. Мифотворческие переводы суть переводы в самом высоком смысле. Они передают чистую идеальную сущность индивидуального художественного произведения. Они передают нам не реальное произведение, но идеал его». Далее Новалис пишет: «Только в некоторых критических сочинениях и описаниях произведений искусства можно найти следы подобного уменья. Для этого нужен человек, в сознании которого полностью соединились поэзия и философия». [Новалис, 1980, с. 105]. По убеждению Гёте, к данному типу перевода приближается «Дон Кихот» Л. Тика, точный и воплощающий философско-поэтическую концепцию романа, он вызвал одобрение классика.

Гёте следил за переводами «Фауста» на европейские языки. Он порадовался высокой оценке, данной рецензентом, господином Ампером, первому переводу на французский язык драматических произведений Гёте [Эккерман, 1986, с. 516, 520]. Они были выполнены М.А. Штапфером²³ (1826). В 1828 г. Жерар де Нерваль удостоился одобрения автора за первую часть трагедии. Вопреки французской традиции переводить поэтические тексты прозой, этот третий по счету перевод во Франции содержал также несколько стихотворных отрывков.

Соотношение между переводимым и непереводаемым особенно непрочно благодаря спонтанности Гёте как художника и мыслителя. В результате текст звучит не как ориентированный в вечность поэтический акт, но неповторимо лично, как спонтанное высказывание «здесь и теперь». Творчество поэта проходит почти метафизическое испытание идеей: что же остается в поэзии, когда «исчезает» язык. Неудача переводчика становится знаком причастности его к деянию, подобному борьбе Иакова с ангелом. Но «печать», полученная пророком, с неизбежностью выставляет его в комическом свете перед «толпой» и делает объектом осмеяния. В записях «Table-talk» (первая половина 1830-х гг.) Пушкин, создавая образ Байрона, прибегает к прямой аллюзии библейской сцены [Пушкин, 1978, с. 67]. Иаков боролся с Богом и остался хромым (Бт. 32: 25–31). Увечье и сакральная миссия составляют единство в этой мистической борьбе. Русский поэт имеет в виду опыты Байрона –

²³ Faust, tragedie de M. de Goethe, traduite par M.A. Stapfer. Ornee de vingt-six gravures, d'un beau portrait de l'auteur, et accompagnee de notes. Bruxelles: J.P. Meline, Libraire-editeur, 1828.

поэму «Манфред» и драму «Преображенный урод», в которых отразилось влияние Гёте. Пушкин символически обыгрывает хромоту Байрона. Она становится в такой же мере знаком избранности пророка, как и знаком тщетности его усилий. Ситуация перевода / переложения воплощает в себе исполнение поэтом-пророком миссии, к которой призывает «божественный глагол», – и невозможность ее исполнения. Литературно-художественный перевод предполагает единство истории культуры и поэзии [Гарбовский, 2007, с. 8].

В. Беньямин в эссе «Задача переводчика» («Die Aufgabe des Übersetzers», 1923) цитирует слова философа культуры Р. Панвица: «Принципиальное заблуждение переводящего заключается в том, что он закрепляет случайное состояние собственного языка вместо того чтобы с помощью чужого языка дать ему мощный толчок <...> он должен за счет чужого языка расширять и углублять свой мы не имеем представления в какой мере это возможно» [Беньямин, 2004, с. 44]. В свою очередь, известный переводчик Н.Н. Вильмонт в воспоминаниях о Пастернаке писал о феномене «общечеловека»: «Надо думать: слишком неразреженно-почвенное противоречит полету духа. <...> Не потому ли это *так*, что все разрозненно национальное – только яркие ипостаси общечеловека и что “лишь все человечество в своей совокупности, – по выражению Гёте, – представляет истинного человека”» [Вильмонт, 1989, с. 49–50].

Гёте называл прозаический текст стихотворного произведения «Hungersweckerin» – «пробудителем голода»: он побуждает читателя к изучению подлинника. Органической частью нашего комментария трагедии Гёте стал сделанный нами подстрочник, экстенсивный путь следования от фразы к фразе без пропусков. Он подразумевает академическую точность и составляет своего рода семантический эталон. Текст-подстрочник обретает нейтральный вид, ему присуща языковая «монотонность». Он не вуалирует трудные места, наоборот, помогает понять, в чем состоит их трудность. В данном случае речь идет о переводе, преследующем экспликативные цели. Он может быть охарактеризован как служебный и в то же время «компромиссный» учебный прозаический подстрочник. Именно буквальный перевод облегчит подступы к интерпретационной части исследования. Следующая ступень, художественный перевод, представляет собой один из вариантов, который постоянно уточняется.

Гёте приводит в разных сценах одни и те же строки (семантические аксиомы). Например, Мефистофель повторяет: «Blut ist ein ganz besondrer Saft» («Кровь – совсем особый сок») [Goethe, 1989, S. 58]. «Кровь – сок совсем особенного свойства» [Холодковский, 1973, с. 101]. «Кровь, надо знать, совсем особый сок» [Пастернак, 1976, с. 62]. Согласно мифопоэтической традиции, кровь считалась местопребыванием души. Идеально-точная формула не может быть поэтически превзойдена никаким другим стихом.

Гёте выделяет слова с «уменьшительной» семантикой. Суффиксы делают слово конкретным, обусловленным контекстом, однозначным, даже непоэтическим. Диминутивность «разлита» в пространстве трагедии, она определяет ее тональность и общий смысловой фон. При переводе необходимо сохранить диминутивные образования. Экспансия уменьшительных суффиксов в речи Мефистофеля производит впечатление неожиданного и алогичного явления (они обычно входят в положительное семантическое поле)²⁴. Например, Дьяволу нужны вещественные гарантии: «*Blätchen mit einem Tröpfchen*». «Den Teufel spurt *das Völkchen* nie»; «Ich weiß dir so *ein Schätzchen* auszuspielen». Набор диминутивных суффиксов нельзя назвать обширным и разнообразным. В тексте они сочетаются с одним разрядом слов – с именами существительными. Это и собственно диминутивность (малость определяемого объекта, «уменьшаемого» образца), и этикетные употребления. Они связаны с организацией «своего» мира: «собирают» пространство вокруг человека, способствуют созданию близкого, защищающего локуса. В него вовлекаются место, обитатели, объекты. В рамках отношения старший / младший происходит употребление диминутивов в патронимической функции. Уменьшительность (не только ласкательность) разъяснена словами Фауста: «Vor andern fühl ich mich so klein»²⁵. Аугментативы уравнивают диминутивы. «Du kannst im *Großen* nichts vernichten / Und fängst es nun im *Kleinen* an», – говорит Фауст Мефистофелю [Goethe, 1989, S. 48]. С помощью аугментативов выражается мир архетипов, идей, высоких качеств и совершенства.

В трагедии возникают многочисленные модальные логические цепочки. Высказывания имеют характер эпистемологический (знаю, убежден) или деонтический. Они нуждаются в предпосылках и в этом смысле опираются на онтологическую основу. Глагольные формы служат языковыми манифестациями мотива выбора. Роль глагола соответствует жанру и прагматическому заданию текста трагедии. Они выражают модальные категории, «игру» временами и наклонениями. Дается широкий набор глагольных форм с однократно-моментальным значением (*fuhr herum, fuhr heraus*). Отчетливо подавленным и периферийным является настоящее время. Ярko отмеченным оказывается будущее. «Сделай – и ты обретешь...» – такова исходная смысловая ситуация трагедии. Время цели и ее достижения определяют императивный контур, обилие автономных прескрипций. В нем можно ожидать реализацию предполагаемого действия. Медитация об альтернативном жизненном пути

²⁴ Характерно толкование А.Л. Соколовского с помощью диминутива (№ 130): «В подлиннике Мефистофель говорит, что он является “als edler Junker”. Слово “Junker” значит щеголь-дворянчик» [Соколовский, 1902, с. 308].

²⁵ Шпильгаген постоянно возвращался к теме «Фауста». Его повесть «Faustulus» переводилась дважды под названиями «Маленький Фауст» и «Современный Фауст». Приведу отрывок из письма Арно к другу Фрицу: «Нет, нет! Во мне сидит другой Фауст! В поэтическом отношении, конечно, ничтожество перед Фаустом Гёте. Но сердце у него другое, и он не станет прятаться за дьявола, а сумеет ответить за то, что сделал: за пятьдесят процентов сделанного добра и за пятьдесят процентов сделанного зла!» [Шпильгаген, 1897, с. 25].

образует семантический ореол этих слов. Они оказываются носителями особого медитативного наклонения. Модальные формы заметно преобладают над индикативом. Сослагательное наклонение находит свое место в этой схеме времен. Оно служит для выражения потенциально возможных состояний. К волитивному (волеизъявительному) плану относятся модусы желания, необходимости, допущения. Ирреальность сослагательного наклонения может осмысляться как неосуществившаяся возможность. Просительно-оптативная, почти молитвенная форма неизбежно предполагает вокатив и императив. Мольба заканчивается на строке интонацией завершения (каденцией), в пунктуации почти всегда обозначаемой восклицательным знаком. Многие фразы употреблены в сослагательном увещательном наклонении (*coniunctivus adhortativus*). В положительно-побудительных наставлениях Дьявола есть отрицательно-угрожающая часть. Императивы заменяются бесстрастно-неотвратимым будущим временем, в котором слышится Судьба.

Апеллятивная функция, выражающаяся грамматически в звательной форме и повелительном наклонении, выглядит несколько гипертрофированной. Текст обретает «императивный» контур (цепь императивных форм от разных глаголов, соседство с формами вокатива). Речь идет о языке как силе, созидающей реальность.

Средства выражения модальности в европейских языках не совпадают. В экспрессивно-ономатопоэтическом пласте лексики возможны случайные сходства. И. Кант в «Критике чистого разума» («*Kritik der reinen Vernunft*», 1781) впервые установил шкалу модальностей, охватывающую все промежуточные звенья – от существования до «не-существования» [Кант, 1907, с. 159]. Грамматисты подвергли ее значительному «сокращению». Наиболее конденсированной формой проявления экспрессивной модальности являются междометия. Эта часть речи в любом языке отличается полифункциональностью. Рассмотрим в качестве примера смысловую структуру междометия *ach*. Оно употребляется 55 раз и входит в высокочастотный ряд лексических единиц трагедии, используемых для создания эмоционального тона. «*Verklungen, ach! der erste Widerklang*»; «*Ach wenn in unsrer engen Zelle / Die Lampe freundlich wieder brennt*»; «*Ach, wir Armen!*»; «*Ach Gott!*»; «*Ach daß die Einfalt daß die Unschuld nie / Sich selbst und ihren heiligen Wert erkennt!*». В словарях отмечены следующие функции слова: возглас, огорчение, удивление, восхищение. Оно довольно точно совпадает по объему значения с русским «*ах*» и, как всякое междометие, подчинено контекстуальной, ситуативной обусловленности. Его поддерживают языковые синонимы и другие лексические средства, имплицитные в своем контекстном использовании печаль, удивление. *Weh, ach* предстают как литании энергии. Частицы, «мыслящие» междометия вносят в общее значение текста элемент подчеркнутости, эмфатичности. В европейских языках можно выделить

модальную функцию интонации и внутренней паузы. Ряд модальных слов указывает на ограничительно-уступительный характер высказывания (*хотя, пусть*). Например, в «Посвящении» трагедии поэт обращается к теням ушедших: «nun gut, so mögt ihr walten» («ну хорошо, пусть будете вы царить») [Goethe, 1989, S. 9].

Гёте делает достаточно строгий отбор грамматических категорий и форм. Они задают структуру отношений, обнаруживающих себя в тексте. Сильная позиция перволичности выражается не только личным местоимением, но возвратными глаголами, автореферентными движениями: постичь себя, испытать себя, проявить себя. Наряду с ней в корпусе речевых партий Фауста и Мефистофеля возникает вполне сознательное ограничение сферы употребления «я». Перволичность контролируется некой сдерживающей ее употреблением инстанцией. В трагедии отмеченным является соседство импровизационно-личного и канонически-безличного. Несмотря на личные местоимения (*ich, mein*), дается «третьеличная» трактовка ситуации.

Еще один аспект темы связан с интуитивно ощутимыми количественными характеристиками трагедии. Обстоятельность описания действий достигается с помощью слов, указывающих на отношения между предметами (наречия, местоимения, предлоги). Такой акцент на семантической соотнесенности описываемых объектов сообщает сценам трагедии качество «связности». Моделируется образ мира, где все предметы находятся в отношении друг к другу.

Многие высказывания в трагедии строятся по законам паремии. Языки, которые не входят в один культурный ареал, дают примеры выразительных расхождений. Идиоматические выражения часто имеют для читателя непроницаемую семантическую окраску. Трудно сохранить все примеры фразеологических клише и специфически разговорных словоупотреблений («Dann habt Ihr sie all unterm Hut» («И они все будут у вас вокруг шляпы»)). Обычно мы отдаем предпочтение описательному, перифрастическому выражению перед более «сжатым» наименованием: «Als ging' mir ein Mühlrad im Kopf herum» («Как будто в голове крутится мельничное колесо») – «голова идет кругом». Иногда приходится свести перевод к фразеологическому уровню (вместо требуемого лексического уровня). Так, Фауст произносит в сцене «Ночь»: «Es möchte kein Hund so länger leben!» («Не хотела бы ни одна собака так долго жить!») [Goethe, 1989, p. 20]. Русский фразеологизм «собачья жизнь» способен передать двойную актуализацию. Он помогает понять прямое и переносное значение образности. В основе трагедии Гёте лежит зоологическая номенклатура: метонимия пса, метонимическая фигура мира, Дьявола и человека.

В 1859 г. появился в отдельном издании перевод Н.П. Грекова, печатавшийся раньше частями в «Отечественных записках». Автор использовал все достижения переводческой

техники в передаче содержания и художественного оформления. Н.П. Греков предпочитал точный перевод, образец которого (добросовестный, но несколько тяжеловесный) дал М.П. Вронченко. В буквальности перевода Греков превосходит А.Н. Струговщикова и Э.И. Губера.

Подход А.М. Овчинникова, М. Семперверо и автора, скрывшегося под монограммой Н.Б.²⁶, можно назвать ассимилирующей переводческой стратегией. Они «разъясняют» текст, делают перевод «герменевтическим». При этом генерируют дополнительные смыслы, отсутствующие в оригинале. Отступления, радикальные изменения в ходе сюжета приводят к утрате смыслов, важных для автора. Не выдержана историческая и стилистическая однородность текста. Вступая в сотворчество с Гёте, они соотносили свои тексты с национальной литературной системой. Национальный колорит обретает высокий когнитивный потенциал. Авторы воспроизвели особенные черты разных региональных общностей. В переводе трагедии проявилась дифференциация русской культуры на субэтническом уровне. При этом через «дух нации» (Sinn der Nation) они выражали всемирное чувство (Weltsinn).

История переводов Н.А. Холодковского и Б.Л. Пастернака связана с издательством «Всемирная литература» и серией «Библиотека всемирной литературы», которая наследовала издательству. В нем среди напряженных дискуссий вырабатывались современные критерии перевода: прежде всего, адекватность оригиналу. Издательство выпустило брошюру «Принципы художественного перевода» (1919). Эта сводная работа была посвящена вопросам теории перевода поэзии и прозы. О стиле общения поэта-редактора с переводчиками шла речь в статье К.И. Чуковского «Переводы прозаические». В начале XX века публикации западноевропейских классиков приобретали совершенно иной облик, во многом благодаря усилиям С.А. Венгерова. Он подошел к выпуску переводной литературы как ученый-филолог и создал прототип современного комментированного издания. В основном тексте он помещал лишь один, безусловно лучший, перевод и утверждал обязательность единых принципов перевода при издании собрания сочинений писателя.

В 1920 г. Блок подготовил для «Всемирной литературы» ряд отзывов о намеченных к публикации книгах немецких писателей XIX в. Наиболее существенные замечания о принципах перевода были сделаны в отзывах, связанных с работами над «Фаустом» Гёте. В редакторском заключении Блок должен был дать рекомендации, переводить ли трагедию заново или остановиться на переводе Холодковского. Блок мотивировал высокую оценку работы ученого: она написана «на том русском языке, на каком теперь уже писать несколько разучились» [Блок, 1962, с. 467]. Блок неодобрительно отнесся к выполненному молодым

²⁶Неизвестный рукописный текст 1880-го года найден нами в Научной библиотеке Казанского университета.

Пастернаком переводу «Посвящения» Гёте. Он признавал, что октава – очень трудная форма для перевода, но все же отмечал искусственность русского языка у Пастернака. Блок даже употребил такие слова, как «что-то кропотливое, домашнее, мало талантливое» [Блок, 1962, с. 469]. По сути, здесь говорится о тенденциях «перевыражения», чуждых Блоку. Спустя десятилетия Н.Н. Вильмонт напишет о переводе Пастернака: «Но основное давно достигнуто – поэтическая метаморфоза, замечательное по мощи стиха и слога русское перевыражение “Фауста”» [Вильмонт, 1969, с. 29]. Блок допускал значительно меньший «угол отклонения» от подлинника, чем это стало принятым в работах переводчиков 1950-х гг. Блок призывал вернуть русской речи естественные для нее словосочетания и грамматические связи, ее природное звучание, мелодику и сохранить при этом образную, метафорическую манеру письма²⁷.

Считается, что перевод Холодковского более точен, Пастернак же был свободен по отношению к переводимому оригиналу. Он передавал его с мерой буквальности, необходимой для решения своих художественных задач. Однако это утверждение не основано на глубоком текстологическом анализе, на изучении характера отступлений переводчиков от оригинала.

Список литературы:

- Беньямин В.* Задача переводчика // Беньямин В. Маски времени. Эссе о культуре и литературе / Вальтер Беньямин ; пер. с нем. И.С. Алексеевой; сост., предисл. и примеч. А.В. Белобратова. СПб. : Simposium, 2004. С. 27–47.
- Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова ; подгот. текста Д.Е. Максимова, Г.А. Шабельской; примеч. Г.А. Шабельской. М. ; Л. : ГИХЛ, 1962. Т. 6. 556 с.
- Вильмонт Н.Н.* Гёте и его «Фауст» // И.-В. Гёте. Фауст / пер. с нем. Б.Л. Пастернака; вступ. ст. и примеч. Н.Н. Вильмонта. М. : Худож. лит., 1969. С. 5–29.
- Вильмонт Н.Н.* О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли / Н.Н. Вильмонт. М. : Сов. писатель, 1989. 224 с.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник / Н.К. Гарбовский. М. : Изд-во МГУ, 2007. 544 с.
- Гёте И.-В.* Фауст / пер. с нем. Н.А. Холодковского. М. : Дет. лит., 1973. 352 с.
- Гёте И.-В.* Фауст / пер. с нем. Б.Л. Пастернака // Собр. соч. в 10 т. М. : Худож. лит., 1976. Т. 2. 440 с.
- Кант И.* Критика чистого разума / Иммануил Кант ; пер. с нем. и предисл. Н.О. Лосского. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1907. 464 с.
- Новалис.* Фрагменты // Литературные манифесты западноевропейских романтиков / пер. с нем. ; собр. текстов, вступ. ст. и общ. ред. А.С. Дмитриева. М. : Изд-во МГУ, 1980. С. 94–107.
- Пушкин А.С.* Исторические записки // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / ИРЛИ РАН, изд. подгот. Н.В. Измайлов, Ю.Г. Оксман, и др. 1977–1979. Л. : Наука, 1978. Т. 8. С. 63–105.
- Фауст, трагедия Гёте. В переводе и объяснении А.Л. Соколовского. СПб. : Тип. братьев Пантелеевых, 1902. 364 с.
- Чуковский К.И.* Дневник. 1930–1969 / К.И. Чуковский ; сост., подгот. текста, коммент. Е.Ц. Чуковской. М. : Сов. писатель, 1994. 558 с.

²⁷ Впрочем, представления о естественной мелодике речи могли отличаться. Ср. запись Чуковского от 1-го сентября 1956 г. о том, как Федин «восхищался пастернаковым переводом “Фауста”, просторечием этого перевода, его гибкой и богатой фразеологией, “словно он всего Даля наизусть выучил” [Чуковский К.И., 1994, с. 240].

Шпильгаген Ф. Современный Фауст / пер. с нем. Л.П. Шелгуновой // Домашняя библиотека. Новые романы, повести, рассказы и стихотворения русских и иностранных писателей. СПб. : Высочайше утв. Акционерное Общество печатного дела «Издатель», 1897. С. 3–181.

Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / Иоганн Петер Эккерман ; пер. с нем. Н.С. Ман; вступ. ст. Н.Н. Вильмонт ; коммент. и указ. А.А. Аникст. М. : Худож. лит., 1986. 669 с.

Goethe I.W.v. Werke: in 14 Bde. / Johann Wolfgang von Goethe ; textkritisch durchgesehen und kommentiert von E. Trunz. Vierzehnte durchgesehene Auflage. München : Verlag C.H. Beck, 1989. Bd. 3. 775 S.

References:

Ben'yamin V. Zadacha perevodchika [The task of the translator]. Ben'yamin V. Maski vremeni. Ehsse o kul'ture i literature [Masks of time. Essays on Culture and Literature]. SPb.: Simposium, 2004. pp. 27–47. (In Russian).

Blok A.A. Sobranie sochinenii: v 8 t. [Coll. works]. M.; L.: GIKHL, 1962. V. 6. 556 p. (In Russian).

Ehkkerman I.P. Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni [Conversations with Goethe in the last years of his life]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986. 669 p. (In Russian).

Garbovskii N.K. Teoriya perevoda [The Theory of Translation]. 2-e izd. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2007. 544 p. (In Russian).

Faust, tragediya Gete. V perevode i ob"yasnenii A.L. Sokolovskogo [Faust, Goethe's tragedy. In translation and explanation A.L. Sokolovsky]. SPb.: Tipografiya brat'ev Panteleevykh, 1902. 364 p. (In Russian).

Gete I.-V. Faust. Moscow: Detskaya literatura, 1973. 352 s. (In Russian).

Gete I.-V. Faust. Sobr. soch. v 10 t. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1976. V. 2. 440 p. (In Russian).

Goethe I. W. v. Works, in 14 vols. Munich: Publishing C.H. Beck, 1989. V. 3. 775 p.

Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1907. 464 p. (In Russian).

Novalis. Fragmenty [Fragments]. Literaturnye manifesty zapadnoevropeiskikh romantikov [Literary Manifests of West European Romantics]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1980. pp. 94–107.

Pushkin A.S. Istoricheskie zapisi [Historical records]. Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. [Comp. works] L.: Nauka, 1978. V. 8. pp. 63–105. (In Russian).

Chukovskii K.I. Dnevnik. 1930–1969 [A diary. 1930–1969]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1994. 558 p. (In Russian).

Shpil'gagen F. Sovremenniy Faust [Modern Faust]. Domashnyaya biblioteka. Novye romany, povesti, rasskazy i stikhotvoreniya russkikh i inostrannykh pisatelei [Home Library. New novels, tales, short stories and poems by Russian and foreign writers]. SPb.: Vysochaishe utverzhdennoe Aktsionernoe Obschestvo печатного дела «Издатель», 1897. pp. 3–181. (In Russian).

Vil'mont N.N. Gete i ego «Faust» [Goethe and his «Faust»]. Gёte I.-V. Faust. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1969. pp. 5–29. (In Russian).

Vil'mont N.N. O Borise Pasternake. Vospominaniya i mysli [About Boris Pasternak. Memories and thoughts]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1989. 224 p. (In Russian).

Гарбовский Николай Константинович
Костикова Ольга Игоревна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Garbovskiy Nikolay
Kostikova Olga
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

МИФЫ О ПЕРЕВОДЕ: ОТ ВАВИЛОНА ДО «ЦИФРЫ»

MYTHS ABOUT TRANSLATION: FROM BABYLON TO "FIGURES"

История почти любой человеческой деятельности содержит в себе не только исторические свидетельства о тех или иных событиях, оставивших глубокий след в их истории, но и мифические истории и представления. Чем древнее вид человеческой деятельности, тем к большей древности относятся мифы. Но современное общественное сознание тоже нередко создает мифы о том, что не совсем понятно и не может быть объяснимо – часто ложные, оторванные от действительности состояния сознания, некритические представления; нередки и прогностические мифы о том, что произойдет с тем или иным объектом сознания. Одним из таких объектов мифических предсказаний оказался перевод. В статье предлагается авторская интерпретация древнего мифа о том, почему возник перевод как вид человеческой интеллектуальной деятельности и современного – о том, почему и от чего он погибнет.

The history of almost any human activity contains not only historical evidence of certain events that left a deep mark in their history, but also mythic stories and notions. The more ancient the type of human activity, the more ancient myths are. But modern social consciousness also often creates myths that are not entirely clear and cannot be explained - commonly false, unreal states of consciousness, uncritical ideas; there are also frequent prognostic myths about what would happen to this or that object of consciousness. Translation turned out to be one of such objects of mythic predictions.

The article offers the author's interpretation of the ancient myth about why translation appeared as a type of human intellectual activity and the modern one - about why and because of what it will perish.

Ключевые слова: мифы о переводе, Вавилон, цифровизация и коммуникация, мифы о закате перевода.

Key words: myths about translation, Babylon, digitalization and communication, myths about the decline of translation.

1. Миф о «началах»

Миф, представляя собой донаучную форму знания, способен, однако, пролить свет на явления, произошедшие в глубокой древности, но не оставившие каких-либо свидетельств, достойных служить фактами для научного анализа. Этнограф М. Элиаде, определяя значение мифа для развития знания, писал:

«Le mythe raconte une histoire sacrée, c'est-à-dire un événement primordial qui a eu lieu au commencement du Temps, ab initio <...> C'est donc toujours le récit d'une « création » : on raconte comment quelque chose a été effectué, a commencé d'être » [Eliade, 1965, с. 84-85]²⁸.

²⁸ Миф повествует о какой-то священной истории, т.е. о первичном событии, произошедшем в начале Времени, ab initio. Это всегда рассказ о «сотворении»: в мифе рассказывается, как какая-то вещь появилась.

Одним из древних мифов, получивших множество толкований, и наиболее популярных в исторических разысканиях в области перевода является библейская история о «вавилонской башне и смешении языка»²⁹.

Древнее имя *Вавилон* в современном сознании – это не только образ хаоса, сметения и неразберихи, но и символ переводческой деятельности, обусловленной многоязычием. Именем «BAVEL» называется журнал Международной федерации переводчиков. Изображения вавилонской башни украшают обложки многих книг по переводу и сайты переводческих бюро. В виде Вавилонской башни делаются корпоративные значки переводческих факультетов и переводческих кампаний, этим именем нередко называют себя переводческие бюро.

Существует мнение о том, что в этой библейской истории нашла свое отражение гипотеза моногенеза, и что эту историю можно толковать как косвенное, «донаучное», подтверждение не только происхождения языка из одного источника, но и последующего многоязычия как результата дробления единого ранее человеческого языка при рассеивании людей по всей Земле.

Многоязычие же естественным образом связывается с переводом. Именно многоязычие является фактором, обуславливающим существование перевода, и переход человеческого общества от моноязычия к многоязычию может трактоваться как отправная точка в истории перевода. Перевод предстает как гарант сохранения понимания в многоязычном и поликультурном человеческом обществе.

История о вавилонской башне неоднократно комментировалась религиозными толкователями, философами и лингвистами именно с позиций лингвистического моногенеза, за которым последовало дробление и многоязычие.

Факт «смешения языка» как реакции Всевышнего на аморальные действия возгордившегося в своих технологических возможностях рода человеческого представляет не меньший интерес, так как дает почву для размышлений о преимуществах и слабостях как моноязычия, так и многоязычия, о причинах изменения языковой формации, о необходимых способах и средствах обеспечения понимания в многоязычном мире, о языковых политиках в современном обществе.

Святитель Филарет Московский (Дроздов) отмечал, что «смешение языка» может иметь по меньшей мере три различных толкования: мгновенным или постепенным, но чудесным образованием нескольких новых языков в различных племенах; возникшим между строителями Вавилона несогласием, так как и сие может быть названо не только смешением,

²⁹ Бытие 11 :7

но и разделением языков; беспорядком, в который на некоторое время приведены были в человеках действия памяти и воображения, так что память отдавала не те слова, которых требовали мысленные образы, как то и естественно случается в некоторых болезнях»[Толкования...]³⁰.

В этом комментарии привлекают внимание два последние тезиса – социальное несогласие и некоторый «когнитивный беспорядок», которые оказываются взаимосвязанными. В самом деле, социальное несогласие лежит в основе «беспорядка в действиях памяти и воображения», смены идеологических, этических и аксиологических ориентиров, изменения представления о фактах предшествующей общей истории и пр.

Философ и лингвист Н.С. Трубецкой также усматривал в библейском повествовании о вавилонском столпотворении глубокий внутренний смысл. «В этом повествовании, - писал он, - Священное Писание рисует нам человечество, говорящее на одном языке, т. е. лингвистически и культурно вполне однородное. И оказывается, что эта единая, общечеловеческая, лишенная всякого индивидуального, национального признака культура чрезвычайно односторонняя: при громадном развитии науки и техники (на что указывает самая возможность замысла стройки!) полная духовная бессодержательность и нравственное одичание» [Трубецкой, с. 83].

Но такое состояние человеческого общества вполне может оказаться не столько его естественной фазой, предшествующей фазе национально-культурного дробления, сколько результатом целенаправленной деятельности людей. «Если стремление людей облегчить физический труд и уменьшить применение человеческого труда не заключает в себе ничего по существу греховного и является вполне естественным, – продолжает философ, – то стремление к уничтожению многообразия национальных культур, к созданию единой общечеловеческой культуры практически всегда греховно. Оно ведет к установлению того состояния человечества, которое Священное Писание изображает как непосредственно предшествовавшее вавилонскому столпотворению, и это состояние неминуемо должно привести лишь к новой попытке постройки вавилонской башни. Всякий интернационал не случайно, а по существу, безбожен, антирелигиозен и полон духом человеческой гордыни.

В этом главный и основной грех современной европейской цивилизации. Она стремится во всем мире нивелировать и упразднить все индивидуальные национальные различия, ввести повсюду единообразные формы быта, общественно-государственного

³⁰ Митрополит Филарет (1782 - 1867) — епископ Православной российской церкви, действительный член Академии Российской, почётный член Императорской академии наук, ординарный академик по Отделению русского языка и словесности.

устройства и одинаковые понятия. <...> Она с неминуемой последовательностью идет к новому вавилонскому столпотворению» [Там же, с. 84].

Проведенная Трубецким более ста лет тому назад параллель между современной европейской цивилизацией и вавилонским столпотворением подтверждает предположение о том, что описанное в Библии вавилонское моноязычие могло быть не естественной лингвистической ситуацией, предшествовавшей дроблению единого языка на наречия, диалекты и языки, а результатом целенаправленной языковой политики, утверждавшей доминирование одного, государственного, языка над множеством других языков народов, собранных внутри некоего древнего государства.

В современном сознании Вавилон стал символом победившего многоязычия. Многоязычие – несомненное благо, поликультурного человеческого общества, без которого трудно представить себе развитие национальных культур. «Благодаря закону многообразия национальных культур, – отмечал Н.С. Трубецкой, – общение между представителями разных народов затрудняется, а при известной степени различия между культурами даже становится совсем невозможным. Но наряду с этими отрицательными последствиями закон многообразия национальных культур — поскольку национально-культурное дробление не переходит известного органически необходимого предела — имеет для человечества и благотворные, положительные последствия, ибо, как явствует из предыдущего, только благодаря ему становится возможным возникновение у разных народов культурных ценностей, морально положительных и духовно возвышающих человека» [там же].

В то же время очевидно, что эффективная международная деятельность, взаимодействие в глобальном мировом экономическом пространстве не возможна без средства обеспечения взаимопонимания между людьми, говорящими на разных языках. «Блаженство рода человеческого коль много от слова зависит, всяк довольно усмотреть может, – писал М.В. Ломоносов во Вступлении к «Риторике» о роли человеческого слова – Собраться рассеянными народами в общежития, созидать грады, строить храмы и корабли, ополчаться против неприятеля и другие нужные, союзных сил требующие дела производить как бы возможно было, если бы они способа не имели сообщать свои мысли друг другу?» [Ломоносов].

Это высказывание Ломоносова может быть без всяких натяжек перенесено на переводческую деятельность как на способ «сообщать свои мысли друг другу» в условиях многоязычия и отсутствия единого языка общения.

Именно на изменении сознания людей, на их разочаровании в рухнувшей идее соединения Земли с Небом, объединявшей людей и стимулировавшей коммуникацию между ними настаивал переводчик и философ эпохи заката Советского Союза В.В. Биbihин: «Когда

объединяет интерес, — например, строительство Вавилонской башни, оно объединило людей так тесно, как никогда раньше, — то в таком объединении всегда есть обреченность: именно прочность объединения по интересу, по общему делу склонна превращаться в небывалый раскол, так что в Вавилоне люди стали говорить на разных языках» [Бибихин, 1995]. Бог внес сомнение в души людей, заставив их усомниться в целесообразности объединявшего их дела и погасил стремление к общей цели. Как следствие общий язык, точнее желание его использовать угасло. Именно это изменение общественного сознания и выведено в мифе о Вавилоне. «Что значит смешал язык? – задает вопрос Бибихин, - Это ведь не может означать, что один стал говорить на шумерском, а другой на хеттском. Найти переводчика было бы минутное дело. Иноязычные, иностранцы совсем не помеха для сотрудничества, скорее даже приглашение. Бог смешал языки, скорее всего, в том смысле, в каком мы иногда констатируем, разрывая отношения с говорящим на том же языке, что и мы, с соотечественником, с родственником: мы с вами говорим на разных языках» [Там же].

Такая интерпретация мифа, позволяет увидеть не трех, а четырех частную модель события, с иными причинно-следственными связями. Трехчастная модель поверхностной структуры текста показывает: действие (строительство башни) – притиводействие (уничтожение общего языка коммуникации) – результат (отказ от начатого проекта). В четырех частной модели актанты выстраиваются в несколько иной логической последовательности: действие (строительство башни) – противодействие (успешное убеждение в порочности идеи) – ближайший результат (отказ от начатого проекта и от общения на одном языке, от взаимопонимания) – исторический результат (уничтожение общего языка коммуникации).

Таким образом, можно сделать предположение о том, что прекратилась коммуникация на некоем общем языке. Этот был просто выведен из всеобщего употребления в том многонациональном государстве, народ которого вознамерился посоревноваться в технологиях с высшими силами, иначе говоря, уничтожен в функции средства межнациональной коммуникации в результате утраты общей идеи.

История коммуникации показывает, что подобные явления неоднократно повторялись в истории: с крушением Великой Римской империи рухнула гегемония латинского языка как средства коммуникации в Европе, а латинский язык перешел в категорию «мертвых». В начале XX века французский язык утратил свою функцию языка международной дипломатии, оставшись лишь языком общения франкоговорящих народов.

В XXI веке русский язык планомерно уничтожается как средство коммуникации практически на всем постсоветском пространстве. Представляется, что события новейшей истории, последних десятилетий – это некий исторический «ремейк» вавилонской истории.

Распад Советского Союза, в котором русский язык доминировал над национальными языками населявших эту страну народов, в результате возникшего между строителями коммунизма несогласием. Постсоветская весьма короткая история наглядно показывает, что языковая политика в возникших после распада СССР независимых государствах направлена на то, «чтобы один не понимал речи другого», и уже через тридцати лет (смена лишь одного поколения) молодые поколения грузин, казахов, украинцев, таджиков и других народностей, утратившие владение общим русским языком, испытывают серьезные затруднения в понимании друг друга.

Таким образом, библейскую историю о вавилонском столпотворении скорее можно интерпретировать, не как мифологическое подтверждение гипотезы о моногенезе человеческого языка, а как рассказ о крушении лингвистической гегемонии одного из языков, языка межнационального или международного общения в результате некоего несогласия членов общества.

Подобная участь подстерегает каждый язык, стремящимся к статусу *lingua franca* в глобальном мире.

Многоязычие затрудняет коммуникацию, и, как справедливо замечал Трубецкой, временами делает ее вовсе невозможной. Перевод приходит на помощь как наиболее эффективное средство достижения взаимопонимания, но иногда национальная идентичность столь велика, что степень «чужести» вызывает представление о *непереводимости*. Однако непереводимость – частный случай переводческой практики. Перевод, таким образом, предстает не как богом проклятое дело, новая гордыня людей вознамерившихся преодолеть наказание божие, а как дар Всевышнего человечеству осознавшему тупиковый путь моноязычия.

Если древний миф о Вавилонском столпотворении рассказывает о том, почему мог родиться перевод, Новый миф о переводе, получивший некоторое распространение в начале XXI века в связи с эскалацией цифровых технологий, носит, скорее прогностический характер и рассказывает о том, почему умрет как вид естественной человеческой коммуникативной деятельности.

2. Миф о цифре и конце человеческого перевода

На протяжении всей своей истории перевод нередко определялся как искусство.

Французский ученый-энциклопедист Д'Аламбер в середине XVIII в. в своих «Наблюдениях об искусстве перевода» писал о переводе как об искусстве, от которого не следует требовать слишком жесткого подчинения правилам и законам, ведь, это могло бы уподобить переводчика царю, плененному рабами [Alembert].

Искусство речевого преобразования, искусство медиации, искусство принятия решения в обстановке неопределенности, перевод – это работа интеллекта, предполагающая не только лингвистические знания, технологическое мастерство, но и креативность, даже хитрость, ловкость и сообразительность, а также способность к социальной и психологической адаптивности.

Эти и многие другие качества формируют когнитивный портрет человека, посвящающего свою жизнь служению переводу – виду словесного искусства – независимо от того, в какую историческую эпоху, с какой целью, в какой языковой паре он осуществляется.

В XVI веке гуманист европейского Возрождения Эразм Роттердамский писал о Иерониме Стридонском – переводчике, память о переводческом искусстве которого человеческая цивилизация хранит уже более полутора тысячелетий: «Сама ученая Греция едва ли имеет кого-нибудь, с кем могла бы сравнить этого мужа, наделенного столькими исключительными дарами. Сколько в нем римского красноречия, какое знание языков, какая осведомленность во всем, что касается истории и древностей. Какая верная память, какая замечательная разносторонность, какое совершенное постижение мистических писем. И сверх того, какой пыл, какая изумительная вдохновенность души божественной» [цит. по: Диесперов, с. 5].

XX век превратил перевод в массовую профессию, и искусство перевода уже не могло передаваться от мастера к мастеру: потребовалось научное осмысление феномена перевода. На заре современного научного знания о переводе через двести лет после «Наблюдений об искусстве перевода» Д'Аламбера французский лингвист Мунен заявил, что перевод остается искусством, но подобно медицине, искусством, основанным на науке. Искусством называл свое творчество известный советский переводчик Н.М. Любимов, а для К.И. Чуковского – автора первых в отечественной истории систематизированных заметок по теории художественного перевода – перевод был не просто искусством, а искусством высоким.

XXI век характеризуется новыми вызовами, затрагивающими самые разные сферы жизни человеческого общества, разные виды искусства, самые различные виды профессиональной деятельности. Четвертая промышленная революция бросила новые вызовы и искусству перевода.

Современные технологические преобразования, обусловленные переходом общества к «цифровой» эпохе, носят именно революционный характер и затрагивают все стороны общественной жизни.

О наступлении новой промышленной революции заявил инициатор, идейный вдохновитель и бессменный президент экономического форума Клаус Шваб, известный своими часто сбывающимися экономическими прогнозами: «Мы стоим у истоков революции,

которая фундаментально изменит нашу жизнь, наш труд и наше общение. По масштабу, объему и сложности это явление, которое я считаю четвертой промышленной революцией, не имеет аналогов во всем предыдущем опыте человечества» [Шваб, с. 8].

Предшествовавшие индустриальные революции, технологический прогресс, привлечение на службу энергии пара и электричества, развитие электроники и кибернетики, вызвали в свое время исторические революционные преобразования во множестве сфер жизни и деятельности человеческого общества, они не обошли стороной и искусство перевода.

Действительно, история перевода убедительно показывает, что эволюция этого вида когнитивно-коммуникативной деятельности напрямую связана с развитием технологий, обеспечивающих восприятие, фиксацию, хранение, воспроизведение и передачу информации. С появлением письменности как средства фиксации, хранения и передачи информации возник письменный перевод. Изобретение книгопечатания, значительно расширило круг потребителей переводческой продукции и устранило институт переписчиков, нередко искажавших тексты переводов, изменив тем самым социальный статус перевода, его ценностные характеристики.

Изобретение технических средств для приёма и передачи звука на расстоянии привело к рождению устного синхронного перевода. Развитие алгоритмов автоматических межъязыковых переходов положило начало так называемому машинному переводу.

На протяжении веков изменялись и носители информации: камень, глиняные таблички, восковые дощечки, папирус, пергамент, бумага, а затем дискеты, компакт-диски и флэш-накопители вплоть до облачных хранилищ, которые по объёму и скорости накапливаемой информации превосходят крупнейшие классические библиотеки.

Растут объёмы, скорости и широта охвата информации. Подобная тенденция наблюдалась уже 500 лет назад в Европе в связи с изобретением книгопечатания.

В XXI веке очередной импульс такому развитию придало еще одно изобретение – сетевое взаимодействие компьютеров и дистанционная передача информации от одной машины к другой, получившее название Интернет.

Технологический прогресс изменял и продолжает изменять облик профессии. Он сказывается на самом процессе перевода, его качественных и количественных характеристиках.

Активные разработки в области искусственного интеллекта (ИИ), призванные стать очередным витком научно-технического прогресса вызывают определенные опасения: не таит ли оно угрозу для искусства перевода, как рода творческой деятельности человека и источника его существования, не знаменует ли оно для искусства перевода начало конца?

Цифровой перевод – корреляция человека и искусственного интеллекта в искусстве перевода

Если руководствоваться не столько стремлением к следованию интеллектуальной моде, сколько необходимостью предусмотреть возможные ответы на вызовы современной эпохи, вскрыть сущность изменений в переводческой практике и в подготовке переводческих кадров, как происходящих сегодня на наших глазах, так и прогнозируемых на ближайшие 10-20 лет, то вопрос о корреляции в искусстве перевода деятельности человека и искусственного интеллекта в глобальной информационно-коммуникационной системе оказывается далеко не праздным.

В этой связи в первую очередь могут быть рассмотрены три группы вопросов, затрагивающих следующие аспекты:

1) когнитивно-технологический: о возможных корреляциях традиционных когнитивных операций, составляющих искусство перевода, и цифровых информационно-коммуникационных технологий ИИ в современном мире;

2) социально-экономический: о возможных социальных изменениях способных затронуть профессию переводчика в ближайшие 20 лет.

3) педагогический: об особенностях подготовки переводческих кадров для бесперебойной коммуникации, обеспечивающей функционирование «цифрового общества» будущего, и о выработке конструктивных поведенческих и деятельностных реакций в ответ на прогнозируемые изменения в профессии переводчика³¹.

Перевод в цифровую эпоху представляет собой сложную систему противоречивых отношений в бинеме «человек – умная машина (ИИ)». Эта система может быть определена новым концептом – «цифровой перевод».

Цифровой перевод – это новый вид перевода, представляющий собой систему сетевого взаимодействия когнитивно-коммуникативной деятельности человека переводчика и цифровых информационно-коммуникационных средств. В бинеме человек-ИИ меняется и характер когнитивных процессов, происходящих в сознании переводчика-человека.

Деятельность бинема человек-ИИ должна отличаться более высокой эффективностью переводческой деятельности и более высоким качеством переводческой продукции по сравнению с деятельностью как человека-переводчика, так и ИИ, осуществляемыми в отрыве друг от друга.

Представление о «цифровом переводе» имеет исторический характер и с течением времени может меняться, дополняясь новыми смыслами по мере того, как будет

³¹ См. о педагогическом аспекте проблемы в: [Гарбовский, Костикова, 2019].

эволюционировать искусство перевода уже как совмещенная деятельность человека-переводчика и ИИ, которому мастер-человек делегирует некоторые производственные функции.

Речь идет именно о системе взаимодействия переводчика-человека, использующего преимущества информационных технологий, и ИИ, осуществляющего так называемый автоматический перевод и способного не только выполнять с той или иной степенью успешности функции переводчика-человека, полностью или частично заменяя его в некоторых ситуациях межъязыкового общения, но и постоянно самообучаться для повышения уровня своего «машинного переводческого мастерства».

В этой системе сочетаются и взаимная выгода, и откровенный антагонизм.

Взаимная выгода отношений между человеком и ИИ в этой системе очевидна.

С одной стороны, умная машина, мгновенно оперирующая большими данными, позволяет переводчику быстро просмотреть возможно большое число вариантов вызвавшего затруднения «конкретного случая» и сделать свой выбор, обоснованный индивидуальной логикой.

С другой стороны, каждый новый вариант перевода «конкретного случая», предложенный переводчиком и попавший в облако больших данных в глобальной информационной системе, обогащает систему и позволяет самообучающейся машине предусматривать его в дальнейшем для новых переводческих решений.

Антагонизм между машиной и человеком вызван, с одной стороны, все нарастающим беспокойством о будущем человеческой профессии переводчика, которого во всех ситуациях межъязыкового общения постарается заменить искусственный интеллект, что экономически более выгодно, а с другой стороны, критикой в адрес программ автоматического перевода, предлагающих варианты, не способные конкурировать в самых различных ситуациях межъязыкового общения с вариантами переводчика-человека.

Когнитивно-технологический аспект

Было бы наивным предполагать, что взаимодействие человека и искусственного интеллекта затрагивает только технологические процессы перевода, равно как и то, что развитию, эволюции, подвержен только ИИ. Когнитивные способности человека, постоянно взаимодействующего с ИИ, также не остаются неизменными. Процессы изменения, как правило, необратимого, живых и социальных систем могут вести как к усложнению и повышению уровня организации систем, так и понижению этого уровня и в конечном счете к вымиранию вида, проигравшего в конкурентной борьбе.

Когнитивные операции, осуществляемые человеком в процессе перевода, напрямую зависят от степени развитости таких когнитивных способностей, как восприятие и внимание,

скорость обработки информации, память, одновременное оперирование языковыми системами, речевая деятельность.

Делегируя искусственному интеллекту ряд функций по работе с информацией человек высвобождает свой разум от осуществления некоторых когнитивных операций, что в процессе эволюции может вести либо к ослаблению человеческого интеллекта, либо, напротив к заполнению освободившегося интеллектуального пространства новыми, пока не известными познавательными способностями.

Предусмотреть все возможные изменения в когнитивной деятельности переводчика в биноме человек-ИИ вряд ли возможно. Поэтому остановимся лишь на двух, но чрезвычайно важных для искусства перевода фазах процесса перевода – восприятию и пониманию исходного сообщения.

Всякий акт перевода начинается с процесса восприятия исходного текста на языке оригинала. Исходное сообщение в письменной форме предполагает чтение как определенную когнитивную функцию, реализуемую переводчиком.

Сегодня все чаще письменный текст воспринимается, в том числе и переводчиком, ни со страниц бумажной книги, а из цифровых источников, т.е. в форме текста на электронных носителях после его цифровой обработки. Это вызвало к жизни понятие «цифровизации чтения», которая, по мнению некоторых исследователей, есть «естественная стадия его развития, детерминированная эволюцией письменной культуры и появлением новой, так называемой, «информационно-медийной, письменности, которая лежит в основе цифровой революции». Цифровое чтение теряет линейный характер, нагрузка на мозг при чтении гипертекста намного больше, чем при линейном чтении, а возможность глубокого вдумчивого чтения заметно уменьшается. Снижается и, как показывают исследования, уровень понимания с степенью удовольствия от чтения.

Подобное представление о когнитивных способностях человека современной цифровой цивилизации весьма настораживает. В переводческой деятельности понимание исходного текста является основной когнитивной функцией. Снижение уровня понимания исходного сообщения неизбежно ведет к смысловым ошибкам и искажениям, т.е. самым серьезным «грехам» переводчика.

За счет чего происходит снижение способности понимания текста? Считается, что цифровое чтение напоминает сканирование. Возможность обращения в ходе чтения к множеству ссылок, переходы к другим текстам в сети отвлекают от основного текста и снижают глубину восприятия.

В то же время формирование личности переводчика предполагает и развитие у него особых когнитивных способностей. Переводчик – самый внимательный читатель. Эта аксиома

не теряет своей значимости и в цифровой среде. Переводчик с древних времен вынужден постоянно отвлекаться от основного сообщения в поисках необходимой информации: словари, справочники, второстепенные источники, комментарии и пр. -неизменные участники процесса письменного перевода. При этом переводчик ни коем образом не лишен способности вновь вернуться к тексту-объекту перевода, напротив, способность к «переключению» оказывается одной из важных психических когнитивных доминант сформировавшейся личности переводчика. Желание облегчить и процесс постоянного поиска информации, параллельно процессу извлечения и обработки информации из основного текста приводили к совершенствованию поисковых технологий. Достаточно вспомнить знаменитое «книжное колесо» – конструкцию, напоминавшую колесо водяной мельницы, на крыльях которой лежали раскрытые книги, изобретенную в конце XVI в. итальянским инженером Агостино Рамелли.

Современные информационные технологии – это очередной шаг на пути совершенствования способов поиска попутной информации, необходимой именно для более полного понимания исходного сообщения.

Иначе говоря, переводческое чтение как процесс восприятия исходного текста, какова бы не была природа носителя информации, сохраняет свое основное свойство – глубину понимания, и свой характер – линейность. Переводчик, «поплавав по волнам Интернет», в поисках необходимой именно для максимально полного понимания текста, возвращается к тексту-объекту перевода и продолжает его «линейное освоение». Отсюда следует вывод: глубина понимания в процессе чтения не столько зависит от природы носителя информации, сколько от цели чтения. Цель переводчика – максимально полная передача информации, расшифрованной в процессе познания исходного сообщения, т.е. глубокого понимания исходного текста. Такого понимания можно достичь только в результате внимательного – переводческого – чтения.

Данный вывод оказывается интересным не только для теории и методологии перевода, но и для общей педагогики в цифровую эпоху. Перевод, упражнения в переводе могут оказаться я одним из эффективных способов развития и поддержания на необходимом уровне когнитивных способностей внимательного чтения.

Восприятие устного сообщения в процессе устного синхронного перевода осуществляется переводчиком на слух. Методика подготовки переводчика к восприятию устного сообщения на слух начала разрабатываться еще в середине XX века, когда переводчики, исследователи и педагоги накопили уже некоторый объем эмпирических данных об этом виде переводческого искусства [Миньяр-Белоручев].

Но уже сегодня проводятся эксперименты по дублированию речи оратора бегущей строкой на языке оригинала и в переводе на английский язык, выполненном ИИ. Эти возникающие на экране письменные тексты доступны синхронному переводчику в равной степени с устным сообщением на языке оригинала, поступающим в наушники. Облегчают или, напротив, затрудняют они восприятие оригинала, как могут измениться когнитивные способности восприятия переводчика под воздействием одновременного поступления нужной информации по двум каналам (зрительному и слуховому). Облегчит или, напротив, затруднит процесс девербализации исходного сообщения порождение сообщения на языке перевода доступность переведенного ИИ текста? Эти вопросы отчетливо вырисовываются сегодня для теоретического осмысления переводоведами и психологами.

Социально-экономический аспект

В социально-экономической сфере делать прогнозы о будущем переводчика пока рано. Разумеется, автоматический перевод по сравнению с человеческим более выгоден для потребителей перевода: увеличиваются объемы, возрастает скорость перевода при минимальных затратах. Поэтому вопрос о том, может ли ИИ вытеснить человека из этой деятельности, не совсем точен. Скорее следует задаться вопросом, захочет ли человеческое общество поручить исполнение данной социальной функции ИИ, и если да, то в каких сферах коммуникации, в каких языковых комбинациях, в каких видах перевода, в каких коммуникативных ситуациях. Можно ли допустить ИИ встроенный в глобальную информационную сеть, составляющую основу его преимущества перед человеком, к конфиденциальной информации? Что произойдет, если по злому умыслу или в результате технической или природной катастрофы на какое-то время сеть перестанет функционировать в полной мере, а когнитивные способности человека, необходимые для перевода, будут уже утрачены? Будет ли способен ИИ принимать не только логичные, но и «нелогичные» решения, лежащие в основе искусства?

Развитие цифровых технологий призвано прежде всего оптимизировать работу переводчиков, и впадать в пессимизм по поводу будущего профессии и ее востребованности по меньшей мере неконструктивно. Действительно, «технологическая безработица», связанная с полной заменой человека машиной, пока угрожает переводчикам лишь в слабой степени. Конечно, сложные алгоритмы и разработки в области робототехники и искусственного интеллекта, основанные на больших данных, позволяют сегодня автоматизировать многие нестандартные задачи. Но действия, включающие сложные задачи восприятия и осознания, задачи творческого интеллекта и задачи социального интеллекта, трудно автоматизировать.

Переводческое же искусство, будь то устная или письменная его форма, включает в себя задачи, свойственные творческому интеллекту и, конечно, задачи социального интеллекта.

Основным препятствием для автоматизации искусства перевода является сложность или невозможность классификации творческих ценностей таким образом, чтобы их можно было кодировать в программе. Кроме того, человеческие ценности меняются со временем и различаются в зависимости от культуры. Если искусство и творчество по определению подразумевает не только инновации, но и ценность, и поскольку ценности сильно варьируются, то из этого следует, что многие аргументы, контраргументы и споры о творчестве связаны с разногласиями по поводу самой ценности. Даже если бы мы могли выявить, классифицировать и кодировать наши творческие ценности, чтобы компьютер мог затем работать и осуществлять контроль по этим алгоритмам самостоятельно, то разногласия оставались бы всё равно. Они касались бы того, насколько творчески подошёл компьютер к решению проблемы, насколько он был искусен. Задача становится еще более сложной, когда речь идет об оценке перевода.

Однако, хотя и существуют алгоритмы и роботы, которые могут воспроизводить определенные аспекты взаимодействия людей в обществе, распознать естественные человеческие эмоции в режиме реального времени все еще очень сложно для искусственного интеллекта, а среагировать на них адекватно ещё сложнее.

Таким образом, можно предположить, что под воздействием новейших цифровых технологий профессия переводчика не исчезнет, но будет видоизменяться. Основу профессии составит именно способность функционирования в составе бином «человек-ИИ», в котором человек должен будет занять место «ведущего» по отношению к ИИ – «ведомому».

Ситуация, сложившаяся в мире в 2020 году, сделала более рельефными некоторые проблемы взаимодействия человека и новейших цифровых технологий.

Во-первых, вынужденная самоизоляция и переход к дистанционным формам взаимодействия наглядно продемонстрировал большое отставание методологии от технологий. Эффективность использования технологий оказалась довольно низкой. Многие технологические решения также показали недостаточную разработанность и недостаточную надежность и устойчивость передачи информации.

Во-вторых, человеческое общество оказалось психологически более устойчивым к новым формам дистанционного общения: чем шире и чаще использовались цифровые технологии в коммуникации, тем активнее проявлялось желание «выйти» из этого состояния и вернуться к традиционным формам.

Таким образом, жизненность человеческого перевода оказывается обусловленной социальной психологией рода человеческого.

Список литературы:

- Бибихин В.В.* Мир. Томск. Издатель: Водолей. 1995. <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/323730-vladimir-bibihin-mir.html>
- Гарбовский Н.К.* Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний. // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, издательство Изд-во Моск. ун-та, 2015, № 1, с. 3-20
- Гарбовский Н. К., Костилова О. И.* Интеллект в цифровом переводе: искусственный или искусный? // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2019. — № 4. — С. 3–23.
- Диесперов А.* Блаженный Иероним и его век. — М., 1916. — 195 с.
- Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится Риторика, показывающая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочиненная в пользу любящих словесные науки. Вступление. // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии (1739--1758 гг.). М.,-Л., Издательство Академии наук СССР, 1952. http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_1765_kratkoe_rukovodstvo_k_krasnorechiu.shtml
- Любимов Н. М.* Перевод — искусство.— 2-е изд., Сов. Россия, 1982.— 128 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Методика обучения переводу на слух. М. Изд. ИМО. 1959.
- Принципы художественного перевода. Статьи К. Чуковского и Н. Гумилева. Изд-во «Всемирная литература» при Народном Комиссариате по Просвещению. Петербург. 1919.
- Толкование на Книгу Бытия / святитель Филарет митр.* Моск. и Колом. - М. : Лепта-Пресс, 2004 (Тип. АО Мол. гвардия). - 829 с. https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/tolkovanie-na-knigu-bytija/ .
- Трубецкой Н.С.* Вавилонское столпотворение и смешение языков. // Наследие Чингисхана. С. 83. ЛитМир. Электронная библиотека. <https://www.litmir.me/br/?b=201170&p=84>
- Чуковский К. И.* Собрание сочинений: В 15 т. Т. 3: Высокое искусство; Из англо-американских тетрадей / Сост. Е.Чуковской и П. Крючкова. — 2-е изд., электронное, испр. и дополн. — М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. — 640 с.
- Шваб К.* Четвертая промышленная революция / К. Шваб — «Эксмо», 2016 — (Top Business Awards).
- Alembert, Jean le Rond d', "Observations sur l'art de traduire" (1763).* French Translators, 1600-1800: An Online Anthology of Prefaces and Criticism. 1. https://scholarworks.umass.edu/french_translators/1
- Eliade M.* Le sacré et le profane. Gallimard, 1965.
- Mounin G.* Les problèmes théoriques de la traduction.1963.

References:

- Alembert, Jean le Rond d', "Observations sur l'art de traduire" (1763).* French Translators, 1600-1800: An Online Anthology of Prefaces and Criticism. 1. https://scholarworks.umass.edu/french_translators/1
- Bibikhin V.V.* Mir. Tomsk. Izdatel': Vodolei. 1995. <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/323730-vladimir-bibihin-mir.html>
- Chukovskii K.I.* Sbranie sochineniĭ: V 15 t. T. 3: Vysokoe iskusstvo; Iz anglo-amerikanskikh tetraidei / Sost. E.Chukovskoi i P. Kryuchkova. — 2-e izd., ehlektronnoe, ispr. i dopoln. — M.: Agentstvo FTM, Ltd, 2012. — 640 s.
- Diesperov A.* Blazhennyi Ieronim i ego vek. — M., 1916. — 195 s.
- Eliade M.* Le sacré et le profane. Gallimard, 1965.
- Garbovskii N.K.* Sistemologicheskaya model' nauki o perevode. Transdistsiplinarnost' i sistema nauchnykh znanii. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda, izdatel'stvo Izd-vo Mosk. un-ta, 2015, № 1, s. 3-20
- Garbovskii N.K., Kostikova O.I.* Intellect v tsifrovom perevode: iskusstvennyi ili iskusnyi? // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. — 2019. — № 4. — S. 3–23.
- Lomonosov M.V.* Kраткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой соderzhitsya Риторика, pokazuyushchaya obshchie pravila oboego krasnorechiya, to est' oratorii i poehzii, sochinennaya v pol'zu lyubyashchikh slovesnye nauki. Vstuplenie. // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по

filologii (1739--1758 gg.). M.,-L., Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952.
http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_1765_kratkoe_rukovodsvo_k_krasnorechiu.shtml
Lyubimov H. M. Perevod — iskusstvo.— 2-e izd., Sov. Rossiya, 1982.— 128 s.
Min'yar-Beloruhev R.K. Metodika obucheniya perevodu na slukh. M. Izd. IMO. 1959.
Mounin G. Les problèmes théoriques de la traduction.1963.
Printsipy khudozhestvennogo perevoda. Stat'i K. Chukovskogo i N. Gumileva. Izd-vo «Vsemirnaya literaturA» pri Narodnom Komissariate po Prosveshcheniyu. Peterburg. 1919.
Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya / K. Shvab — «EhksmO», 2016 — (Top Business Awards).
Tolkovanie na Knigu Bytiya / svyatitel' Filaret mitr. Mosk. i Kolom. - M. : Lepta-Press, 2004 (Tip. AO Mol. gvardiya). - 829 s. https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/tolkovanie-na-knigu-bytija/ .
Trubetskoi N.S. Vavilonskoe stolpotvorenje i smeshenie yazykov. // Nasledie Chingiskhana. S. 83. LiTMir. Ehlektronnaya biblioteka. <https://www.litmir.me/br/?b=201170&p=84>

*Есакова Мария Николаевна
Леоненкова Екатерина Дмитриевна*
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

*Esakova Maria
Leonenkova Ekaterina*
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**ДИМИНУТИВЫ: МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ АСИММЕТРИЯ И ПЕРЕВОД
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И ЕЕ
ПЕРЕВОДОВ НА ФРАНЦУЗСКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ И КИТАЙСКИЙ ЯЗЫКИ)**

**DIMINUTIVES: INTERLINGUAL ASYMMETRY AND TRANSLATION
(A STUDY OF THE NOVELLA “HEART OF A DOG” BY MIKHAIL BULGAKOV AND
ITS TRANSLATIONS INTO FRENCH, ENGLISH AND CHINESE LANGUAGES)**

Диминутивы, встречающиеся во многих художественных произведениях, созданных на русском языке, являются важным смыслообразующим средством. Немаловажную роль уменьшительные слова играют в создании речевого портрета персонажа, а также для выражения авторской оценки.

В связи с частым использованием диминутивов в художественной литературе возникает закономерный вопрос, каким образом переводить фрагменты художественного текста, где встречаются уменьшительно-ласкательные суффиксы? Требуют ли эти фрагменты особого внимания и нужен ли их переводческий анализ? Понятна ли та разнообразная палитра смыслов, которые вкладывают писатели в слова с уменьшительными суффиксами носителям иной культуры?

В данной статье рассматриваются фрагменты текста с диминутивами, взятые из повести М.А. Булгакова «Собащее сердце», и их переводы на английский, французский и китайский языки с целью определить, с какими трудностями сталкивается переводчик в работе над такими единицами перевода.

Diminutives are found in many literary works created in Russian and they are an important means of sense-making. They also play an important role in creating a speech portrait of a character as well as in expressing the author's assessment.

There is a legitimate question due to a frequent use of diminutives in literary works: how to translate fragments of a literary text where diminutive suffixes are found? Do these passages require special attention and do they need a pre-translation comment? Is the diverse palette of meanings that writers put into words with diminutive suffixes understandable to people of a different culture?

In this article, we will consider fragments of text with diminutives taken from the novella “Heart of a Dog” by Mikhail Bulgakov, and their translations into English, French and Chinese, we will try to determine what difficulties a translator faces in working on such texts.

Ключевые слова: диминутивы, художественный текст, художественный перевод, «Собащее сердце», М.А. Булгаков.

Key words: diminutives, literary text, literary translation, “Heart of a Dog”, Mikhail Bulgakov.

Диминутивы в русском языке – особые формы слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами - играют важную роль в коммуникации и выполняют самые разнообразные функции. С их помощью можно передать огромное количество эмоций: умиление, нежность, восторг, жалость, недовольство, пренебрежение, иронию, сарказм и т.п. Сам термин «диминутив», а также производный «диминутивность», восходит к латинскому слову

dēminutus, т.е. «уменьшенный». Двойственность значений русских диминутивов способна в ряде случаев привести в замешательство переводчиков русских текстов на ряд иностранных языков. Переводчику, осуществляющему предпереводческий анализ текста оригинала, предстоит расшифровать идею автора, заложенную в тот или иной фрагмент, содержащий форму с уменьшительно-ласкательным суффиксом.

Диминутивность в русском языке может передаваться не только морфологическими, но и лексическими средствами (например, с помощью прилагательных). Следует отметить, что морфологический способ выражения диминутивности имеет более богатую палитру средств в синтетических языках, к которым относится и русский язык. Выделяют 22 уменьшительно-ласкательных суффикса, 14 из которых относятся к продуктивному типу [см. Некрасова, 2010, с. 27]. При этом особенностью русского языка является то, что диминутивную форму можно образовать от очень широкого спектра производящих основ: лексем с конкретно-предметным значением, со значением вещественности, времени, лица, процесса, признака, состояния [см. Воронина, 2012, с. 16]. Например, суффиксы -ик-, -ек-, -чик-, -ок-, -к-, -очк-, -ечк-, -оньк-, -еньк- и др. Как отмечает А. Вежицкая, «русский язык исключительно богат уменьшительными формами, кажется, что они встречаются в речи на каждом шагу» [Вежицкая, с. 50].

Диминутивы, используемые авторами многих художественных произведений, созданных на русском языке, являются важным смыслообразующим средством. Немаловажную роль уменьшительные слова играют в создании речевого портрета персонажа, а также для выражения авторской оценки. С помощью диминутивов можно выразить симпатию или антипатию к определенным героям, вещам, событиям, иронию, сочувствие, пренебрежение. Безусловно, значение этих суффиксов в определенном художественном тексте зависит от тех задач, которые ставит перед собой автор, то есть от их функции в тексте.

Так, в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» в монологах Чацкого уменьшительно-ласкательные суффиксы выполняют сатирическую функцию: «*Французик* из Бордо. Посмотришь, *вечерком* он чувствует себя здесь маленьким *царьком*», Ф.М. Достоевский использовал диминутивы для создания речевой характеристики социально приниженного героя. Например, речь Макара Деушкина из романа «Бедные люди» полна уменьшительно-ласкательными суффиксами: «...было мне всего семнадцать *годочков*, когда я на службу явился; *Стыдненько* мне было, *Варенька!* А оттого, что я *смирненький*, оттого, что я *тихонький*, а оттого, что *добренький!*». В произведениях народного творчества, а также авторских русских сказках подобные суффиксы придают речи определенную напевность и имеют особую прагматику – ориентацию на маленького читателя. Так в сказках А.С. Пушкина мы встречаем следующие формы: «В руки *яблочко* взяла, к алым *губкам* поднесла, потихоньку

прокусила и *кусочек* проглотил» («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»). Русская народная сказка «Гуси-лебеди» начинается следующим текстом: «Жили *старичок* со *старушкою* и у них была *дочка* да *сын* маленький.

— *Дочка, дочка!* — говорила мать. — Мы пойдем на работу, принесем тебе *булочку*, сошьем *платице*, купим *платочек*; будь умна, береги *братца*, не ходи со двора.

Старшие ушли, а *дочка* забыла, что ей приказывали; посадила *братца* на *травке* под *окошком*, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на *крылышках*»³².

В связи с таким частым использованием диминутивов в художественной литературе возникает закономерный вопрос, каким образом переводить фрагменты художественного текста, где встречаются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами? Требуют ли эти фрагменты особого внимания и специального предпереводческого анализа. Понятна ли та разнообразная палитра смыслов, которые вкладывают писатели в слова с уменьшительными суффиксами носителям иной культуры, способен ли язык перевода передать все нюансы значений?

В данной статье мы рассмотрим фрагменты текста с диминутивами, взятые из повести М.А. Булгакова «Собачье сердце», и их переводы на английский, французский и китайский языки, и попробуем определить, с какими трудностями сталкивается переводчик в работе над такими текстами, и требуют ли данные фрагменты булгаковского текста предпереводческого анализа.

Какова же ситуация с использованием диминутивов в сравниваемых нами языках?

В отличие от русского языка, в английском и французском языках, которые являются аналитическими, уменьшительно-ласкательные суффиксы употребляются значительно реже, несмотря на их разнообразие. Как отмечает С.Г. Тер-Минасова: «Носитель английского языка <...> не может даже отдалённо вообразить себе всё то огромное суффиксальное богатство русского языка, которое предоставляет его носителям возможность выразить столь же огромное богатство тончайших нюансов любящей души <...> Уменьшительно-ласкательные суффиксы с одинаковым энтузиазмом присоединяются русскими людьми как к одушевлённым, так и неодушевлённым предметам» [Тер-Минасова, 2000, с. 153].

Что же касается китайского языка, который по своей природе является изолирующим (или аморфным) языком, в нем вообще не существует такого понятия, как уменьшительно-ласкательный суффикс, так как для подобных языков характерно отсутствие форм словоизменения и соответственно формообразующих и словообразующих аффиксов.

³² Выделено нами – М.Е., Е.Л.

Чтобы передать диминутивность на английский, французский и китайский языки обычно переводчики используют переводческую трансформацию, основанную на явлении семантического перераспределения. «Его суть состоит в том, что элементы значения, заключенные в одних языках в содержании одного понятия, оказываются размещенными в разных понятиях, выражаемых другими языками» [Гарбовский, 2004, с. 424]. Определение предмета речи выражается в форме существительного со значением родового понятия, а отношение к предмету с помощью прилагательного, способного выражать уменьшительность либо аффективность. Встречая в тексте оригинала формы с уменьшительно-ласкательными суффиксами, переводчики нередко прибегают к нейтрализации прагматического значения, скрытого в формах диминутивности. Это может быть связано с тремя причинами. Первая - переводчик не сумел расшифровать прагматику использованной грамматической формы. Второе - посчитал такую форму необязательной для передачи при переводе в виду особенностей категоризации концепта «уменьшительность», а также языковой, стилистической и узуальной норм в принимающей культуре. Третье – переводчик не нашел в языке перевода подходящей формы. Во всяком случае нейтрализация значений диминутивных форм обедняет текст художественного произведения, лишая его присущей эмоциональности и экспрессивности.

Диминутивы довольно часто используются в качестве оценочной характеристики того или иного персонажа или явления в произведениях художественной литературы. Не составляют исключение и произведения М.А. Булгакова, в частности в повести «Собачье сердце» диминутивы передают определенную иронию по отношению не только к персонажу, но и к окружающей действительности.

Повесть, написанная в 1925 году и явившаяся откликом писателя на перемены, произошедшие в жизни страны, несколько сложна для восприятия современному читателю прежде всего из-за хронологической отдаленности, однако русской аудитории, безусловно, значительно легче понять жизнь той эпохи, чем иностранному читателю. Поэтому в задачу переводчика входит передача культурно-исторических реалий таким образом, чтобы аудитории стал понятен авторский замысел. В «Собачьем сердце» Булгаков совмещает маловероятное фантастическое происшествие с современными ему реалиями и описывает жизнь общества, частью которого был он сам.

Отношение Булгакова к окружающему его миру было, несомненно, сатирическим. В письме Правительству СССР он писал, что ему как сатирику нет места в советской литературе, так как «никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немислима» [Булгаков, 1992, т. 5, с. 447]. Не проникая, по его собственному выражению, в эту «запретную зону», он высмеивал результаты политической деятельности властей:

формирующийся на его глазах новый уклад жизни, разные стороны советского быта, новый язык, который он воспринимал как нечто чуждое для себя. Поэтому ирония Булгакова — это ирония отстранения. Авторская речь у него не сливается с речью героев. Автор разными способами дистанцируется от речи героев, как бы смотря на этот «новый мир» со стороны. Именно язык представителей власти или народных масс стал объектом насмешки и иронии писателя. Эта ирония отчасти передаётся при помощи слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые достаточно часто присутствуют в речи булгаковских персонажей, в частности представителя нового времени Шарикова, например, “кипяточек”, “машинисточка”, “чулочки”, “магазинишка”, “сапожок”, “квартирка”, “водочка” и т.д.

Напротив, в речи представителей «старой интеллигенции», например, профессора Преображенского, подобные формы слов не встречаются. Профессор Преображенский никогда не называет водку — водочкой, стакан — стаканчиком, рюмку — рюмочкой и т.д.

Например: *«Доктор Борменталь, умоляю Вас, оставьте икру в покое! Если хотите послушаться доброго совета, налейте не английской, а обыкновенной русской водки. <...> Дарья Петровна сама отлично готовит водку...»* [Собачье сердце, с. 368].

Напротив, представитель «нового мира», Шариков, на протяжении всего произведения, использует только слово «водочка».

Борменталь налил Филиппу Филипповичу красного вина и предложил Шарикову.

— Я не хочу, я лучше водочки выпью.

Интересно отметить, что в пределах одной сцены чётко разграничено употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Даже авторская характеристика действий Шарикова и Борменталья включает в себя слова с оценочными суффиксами:

— А я ещё водочки выпью, — заявил он [Шариков] вопросительно.

— А не будет ли Вам? — осведомился Борменталь, — вы в последнее время налегаете на водку <...> Водки мне, конечно, не жаль <...> вы и без водки держите себя неприлично.

Шариков тем временем потянулся к графинчику и, покосившись на Борменталья, налил рюмочку.

Последний пример представляет особый интерес, так как это не речь персонажа, а авторский текст, который содержит характеристику героя. Сохранение тех же диминутивов, что и в речи персонажа, позволяет автору более рельефно представить его психологический портрет.

Как же подобные стилистические нюансы, имеющие большое значение для понимания булгаковской иронии, пронизывающей те фрагменты текста, где речь идёт о представителях «нового времени», передаются в переводе?

В статье рассмотрены следующие переводы: на английский язык: перевод, выполненный в 1990 г. английским учёным в области истории русской литературы Аврил Пайман, на французский язык – переводчиком Владимиром Волковым, на китайский язык – Цао Говеем, профессором Восточно-китайского педагогического университета.

Рассмотрим несколько примеров, в которых фигурируют слова с диминутивами.

До костей проело кипяточком. Я теперь вою, вою, вою, да разве воем поможешь? (глава 1, с. 143)

Шарик с нескрываемой иронией использует слово *кипяточком*, чтобы показать своё отрицательное отношение к повару столовой, который обварил ему левый бок. Как уже было сказано выше, уменьшительная форма слова может передать много эмоций, в том числе пренебрежение, иронию и сарказм. Кроме того, автор намеренно использует глагол *проесть*, чтобы усилить образ. Данный глагол в этом примере имеет значение «разъедая, проделать дыру, отверстие в чем-либо, разрушить» [Толковый словарь Ожегова].

Что же мы наблюдаем в переводе на английский язык:

That boiling water's seared me to the bone. And now I howl and howl, but what's the use of howling... (chapter 1, p. 1)

В английском языке уменьшительно-ласкательные суффиксы употребляются значительно реже, чем в русском. Чаще всего переводчики опускают диминутивы, как мы видим в приведенном примере. Аврил Пайман использует выражение *boiling water*, дословно «кипящая вода», т.е. кипяток. Это может быть связано с тем, что переводчик либо не увидел прагматику, заложенную автором в этой грамматической форме, либо решил, что этот диминутив не обязательно передавать при переводе.

Что касается глагола, то переводчик использовал английский эквивалент *sear*, который в данном случае можно перевести как «ошпарить, обжечь» (перевод наш – Л.Е.) [Longman Online Dictionary of Contemporary English]. Аврил Пайман постарался сохранить прагматику, заложенную в этом глаголе.

В переводе на французский язык В. Волков вместо существительного с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-очк-* (кипяточком), указывающим прежде всего на отношение Шарика к предмету, использует глагольную конструкцию «... я ошпарен до костей», которая полностью нейтрализует прагматику, заложенную в оригинале.

Je suis ébouillanté jusqu'à l'os. Alors je hurle, je hurle, mais ça n'aide pas de hurler. (ch. 1, p. 7)

Следует обратить особое внимание на то, как с этой задачей справляются китайские переводчики. Русский язык богат морфологическими категориями и грамматическими формами; в китайском же языке грамматическое значение выражается с помощью предлогов,

союзов, вспомогательных глаголов и других служебных слов, а также определенным порядком слов.

上帝, 我的上帝, 疼死了! 都伤着骨头啦。我现在只有哀号的份儿, 不停地哀号, 可哀号顶什么用。(第一章, P3)

В данном фрагменте переводчик опускает и глагол *проело*, и существительное *кипяточком*; обратный перевод этого высказывания выглядит следующим образом: «*Боже мой! Болит до смерти, поранили кости ...*» (перевод – Лю Цзинпэн).

Рассмотрим еще один пример, в котором используется стилистически окрашенное существительное с суффиксом –к- «столовка»

Я отравлюсь, - плакала барышня, - в столовке солонина каждый день... он \Шариков\ угрожает, говорит, что он красный командир... со мною, говорит, будешь жить в роскошной квартире... каждый день ананасы... (глава 9, с. 244)

Слово *столовка* за счет суффикса –к– приобретает отрицательную коннотацию. Образ дополняется противопоставлением – солонина в столовке и ананасы в роскошной квартире. За счет этого мы понимаем, что автор намеренно использует данный диминутив.

Перевод данного фрагмента текста на английский язык следующий:

*I'll poison myself," wept the girl, "there's salt meat **at the canteen** every day, and he threatens ... says he's a Red commander, says he'll take me to live in a luxurious flat ... pineapples every day...* (chapter 9, p. 64)

Для передачи слова «столовка» переводчик использует лексему *canteen* – «место на фабрике, школе и т.п., где предоставляется питание; обычно довольно дешевое», что, по существу, является эквивалентом слова «столовая» (перевод наш – Л.Е.) [Longman Online Dictionary of Contemporary English]. Частично переводчику удается показать противопоставление двух миров (столовая – это что-то дешевое), однако прагматика, заложенная автором в суффиксе –к–, не раскрыта.

Во французском переводе данный фрагмент текста выглядит следующим образом:

*Je vais m'empoisonner, pleurait la demoiselle. A **la cantine**, c'est de la viande salée tous les jours...Et il me menace...Il dit qu'il est commandant chez les rouges... Avec moi, qu'il me dit, tu vivras dans un appartement luxueux... **Des acomptes tous les jours...**(p. 145)*

Слово «столовка» переводчик переводит при помощи стилистически нейтральной лексики *la cantine*, что так же, как и в английском языке, означает «столовая».

Однако интересен в данном отрезке текста и еще один фрагмент: в оригинале мы видим следующее: «...будешь жить в роскошной квартире... каждый день ананасы» во французском переводе данный фрагмент переводится следующим образом: «ты будешь жить в роскошной квартире и каждый день получать плату за свои услуги...». В данном случае мы сталкиваемся

со своеобразной переводческой интерпретацией текста, возвращающей нас к эпохе «прекрасных неверных».

Перевод на китайский язык: “我会死的，” 女郎啜泣着，“食堂里天天都是咸肉他还威胁我 说他是红军军官 还说跟着他，我可以住讲究的房子 天天吃菠萝”（第九章，P267）

В данном примере Цао Говэй также не передает уменьшительно-ласкательный суффикс и переводит слово *столовка* как *столовая* (перевод – Лю Цзинпэн), что не передает прагматику суффикса –к–.

В приведенных выше примерах мы видим, что герои показывают свое отношение к объекту с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов, что отсутствует в переводном тексте.

Зачастую переводчики неверно интерпретируют диминутивы, заменяя значение «отношения к предмету» количественным значением:

– *Я еще водочки выпью, – заявил он вопросительно.*

– *А не будет вам? – осведомился Борменталь – Вы последнее время слишком налегаете на водку. (глава 7, с. 219)*

Автор мастерски разграничивает употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов. На протяжении всего произведения Шариков использует слово *водочка* с уменьшительно-ласкательным суффиксом –очк–. В данном случае употребляемый суффикс показывает не количество (немного водки), а желание персонажа выпить водки, что теряется при переводе. В речи Борменталья, представителя интеллигенции, диминутивы не используются.

Перевод на английский язык:

"Another glass of vodka?" he announced on a tentative note.

"Don't you think you've had enough?" asked Bormental. "You've been making rather free with the vodka lately." (chapter 7, p. 49)

Аврил Пайман использует выражение *glass of vodka* – стакан водки, т.е. прагматика данного словосочетания не передана.

Во французском переводе:

- *Je vais prendre encore un petit coup de vodka ? déclara-t-il sur un ton interrogatif.*

- *Vous n'en avez pas assez bu ? s'enquit Bormenthal. Ces derniers temps, vous trop sur la vodka. (p. 111)*

Дословно эту фразу можно перевести следующим образом: «Я выпил бы еще маленький стакан водки...», то есть прагматика суффикса –очк– в слове «водочка», который

явно указывает на вожделенные отношения героя к потребляемому напитку и, конечно, ирония автора по этому поводу нейтрализуется в переводе.

Подобную ситуацию мы наблюдаем и в китайском тексте:

“我能喝点伏特加吗？”他似问非问地说。

“您还没喝够？”博尔缅塔尔问，“近来您伏特加喝得够多的。”（第七章，P201）

В данном фрагменте Цао Говэй интерпретировал уменьшительно-ласкательный суффикс –очк– как показатель объема потребляемого напитка. Предложение «Я еще водочки выпью» в обратном переводе с китайского языка выглядит как: «Могу ли я выпить немного водки?» (перевод – Лю Цзинпэн). Во втором предложении также передается объем, а не аффективность: «В последнее время Вы достаточно много пьете водки» (перевод – Лю Цзинпэн).

Таким образом, уменьшительно-ласкательный суффикс -очк- в русском слове «водочка» не имеет семы небольшого количества, а обозначает лишь некую вожделенность со стороны персонажа повести, над которыми иронизирует автор, в переводах данное значение утрачивается, и возникает значение количества.

Чтобы показать диминутивность, переводчики также могут использовать переводческие трансформации на основе семантического перераспределения. Однако трансформация не передает аффективность, а уводит читателя в сторону количественной характеристики предмета.

Рассмотрим следующие пример:

Что он мог покупать в дрянном магазинишке, разве ему мало Охотного ряда? (глава 1, с. 147)

В русском языке суффикс –ишк– имеет значение пренебрежительности. Образ усиливается за счет разговорного слова *дрянной*. Кроме того, автор очередной раз подчеркивает разницу между двумя сложившимися мирами – кто-то покупает продукты в дрянном магазинишке, а кто-то – в Охотном ряду.

Перевод на английский язык:

What could he have bought in that rotten little shop? Weren't the posh Okhotny Ryad shops enough for him? (chapter 1, p. 3-4)

Аврил Пайман использует прилагательные, чтобы передать значение определения «дрянной»: *rotten* – «очень плохой, испорченный», используется в таком значении в разговорном стиле (перевод наш – Л.Е.) [Longman Online Dictionary of Contemporary English]. Слово *little*, по замыслу переводчика, призвано компенсировать значение суффикса -ишк-, то

есть диминутивность, но значение ограничивается только количественной характеристикой предмета.

Во французском переводе В. Волков идет тем же путем, что и английский переводчик *Que pouvait-il acheter dans cette sale petite boutique? La galerie Okhotny ne lui suffit-elle plus?* (p. 12)

«Sale petite boutique» дословно переводится как «грязная маленькая лавка», что лишь отчасти передает прагматику, заложенную автором.

В переводе на китайский язык ситуация иная:

呜-呜-呜-……他在这个破商店里有什么可买的，难道嫌猎人街的商品少？（第一章P14）

Переводчик не передает прагматику уменьшительно-ласкательного суффикса -ишк, а при переводе разговорного слова *дрянной* употребляет его нейтральный по стилю эквивалент: «покупать в плохом магазине» (перевод – Лю Цзинпэн).

Нередко переводчики, встречаясь с фрагментами, содержащими диминутивные формы, используют прием переводческой перефразы.

Похабная квартирка, – думал пес, – но до чего хорошо! (глава 2, с. 162)

Как уже было сказано выше, суффикс –к– в русском языке может указывать на пренебрежение. В данном примере, помимо того что автор вводит в текст существительное с суффиксом –к- (квартирка), он дополняет образ сниженным разговорным словом *похабный*.

Перевод на английский язык:

What a brothel of a flat, thought the dog, but what comfort! (chapter 2, p. 13)

Переводчик представляет предмет «похабная квартирка» через другой предмет – публичный дом. (*brothel* – публичный дом (перевод наш – Л.Е.) [Longman Online Dictionary of Contemporary English]).

Перевод на французский язык:

Voilà un mauvais lieu, pensait le chien, mais comme on y est bien! (p. 33)

В переводе на французский язык В. Волков перевел словосочетание «похабная квартирка» как «плохое, поганое место». Существительное «*lieu*» - «место», которое использует переводчик, является стилистически нейтральным и не передает отношение к данному месту.

Перевод на китайский язык:

“这地方真下流，” 狗想，“不过舒服极了！”（第二章，P53）

В данном фрагменте Цао Говэю в целом удалось сохранить образ, заложенный М.А. Булгаковым: он также использует прилагательное *похабный*, а слово *квартирка* с уменьшительно-ласкательным суффиксом суффикса –к– заменяет на *место* (перевод – Лю Цзинпэн), таким образом опустив его прагматику.

М.А. Булгаков, описывая героев, зачастую прибегает к сниженным просторечным формам, используемым представителями нового для него общества.

*Что-то вы меня, **папаша**, больно утесняете, – вдруг плаксиво выговорил человек.* (глава 6, с. 204)

Слово *папаша* в данном случае используется для фамильярного обращения к Филиппу Филипповичу. Суффикс -аш-, наделенный аффективным значением ласкательности, в русском языке является просторечным.

Перевод на английский язык:

*"Why are you so strict with me, **Dad**," the man suddenly burst out in a tearful whine.* (chapter 6, p. 39)

В переводе Аврил Пайман использует стилистически нейтральное обращение *Dad* – отец, что устраняет экспрессивность высказывания и нивелирует значение пренебрежительности, заложенное в тексте оригинала, что в целом обедняет речевой портрет персонажа.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем во французском и китайском переводах:

Перевод на французский язык:

- *Dites donc, papa, ça commence à bien faire comme engueulade, prononça soudain l'homme d'un ton pleurard.* (p. 91)

Существительное *papa* является стилистически нейтральным и означает “папа, отец”.

Перевод на китайский язык:

“怎么说呢，**老爹**，您管我也管得太厉害了。”那人突然哭丧着脸说。（第六章，P161）

Обращение **老爹**, которое дословно можно перевести как «старый отец» (перевод – Лю Цзинпэн), является просторечным; так обычно обращаются к отцу в деревнях и к мужчине в возрасте. Китайский переводчик старается передать стилистическую окраску, однако коннотация пренебрежения остаются нейтрализованной.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что формы с диминутивами представляют собой единицы перевода, требующие особого внимания. Несмотря на внешнюю простоту данная категория слов требует тщательного анализа и подбора соответствий в языке перевода, в которых сохранялись бы прагматика и экспрессивность, заложенные автором в тексте оригинала. Как писал В.Н. Комисаров: «Переводчику необходимо заботиться о достижении желаемого воздействия на рецептора в зависимости от цели перевода, либо воспроизведя прагматический потенциал оригинала, либо видоизменяя его. Изучение прагматических

аспектов перевода составляет поэтому одну из центральных задач теории перевода» [Комиссаров, 1990, с. 145].

Для передачи диминутивности на английский, французский и китайский языки переводчик может использовать разные типы трансформаций, позволяющие преодолеть межъязыковую и межкультурную асимметрию. В то же время далеко не всегда перевод сохраняет все нюансы значений, выраженные диминутивными формами, что приводит к деформации системы смыслов, созданной автором оригинального текста.

Перед переводчиком художественных произведений нередко возникает ряд трудностей, связанных, прежде всего, с асимметрией в менталитете представителей разных наций. Разные культуры смотрят на предметы с различных точек зрения. Помимо этого, переводя художественный текст, необходимо учитывать, что в тексте перевода важную роль играет его прагматика, то есть отношение автора речевого произведения к ситуации и героям.

Для того чтобы перевод наибольшим образом соответствовал оригиналу не только в общих чертах, но и в самых небольших, но чрезвычайно важных для понимания замысла автора, его стиля и всей смысловой структуры произведения, необходимо иметь довольно подробный культурологический комментарий. Однако никакой комментарий не может предвидеть на каком фрагменте, на какой детали споткнется переводчик. Поэтому важным оказывается переводческая критика, заключающаяся в подробном анализе большого корпуса текстов оригинала в сопоставлении с текстами перевода. Результаты работы критика способны оказать большую помощь в работе над новыми переводами.

Список литературы:

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
Воронина Л.П. Семантика и прагматика диминутивных суффиксов в русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 15–17.
Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 2004. С. 424.
Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.efremova.info/>
Комиссаров В.Н. Теория перевода: Лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990.
Некрасова И.М. Категория диминутивности в русском и английском языках // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания
Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 259 с. иностранных языков. 2010. №8. С. 26–31.

Словари:

- Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>
Longman Online Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/>

Источники:

Булгаков М.А. «Собацье сердце: повести» / СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.
The Heart of a Dog Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny [Электронный ресурс] – 1968. – Режим доступа: <http://www.masterandmargarita.eu/archieven/tekstenbulgakov/heartdog.pdf>
Boulgakov M. Coeur de chien. Traduit du russe par V.Volkoff. Librairie Générale Française, 1999
狗心》作者：【俄罗斯】米·布尔加科夫.译者：曹国维. 出版社：漓江出版社.出版时间：2018-12
Собацье сердце: повести/ Михаил Булгаков /Переводчик :Цао Говэй , /изд.Лицзян,12.2018

References:

Efremova T.F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi. – М.: Russkii yazyk, 2000 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.efremova.info/>
Garbovskii N.K. Teoriya perevoda: Uchebnik. – М.: Izd-vo Mosk.un-ta, 2004. S. 424.
Komissarov V.N. Teoriya perevoda: Lingvisticheskie aspekty. М.: Vysshaya shkola, 1990.
Nekrasova I.M. Kategoriya diminutivnosti v russkom i angliiskom yazykakh // [LSP]Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya [LSP]
Ter-Minasova S.G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. М.: Slovo/Slovo, 2000. 259 s. inostrannykh yazykov. 2010. No8. S. 26–31.
Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. М.: Russkie slovari, 1996. 416 s.
Voronina L.P. Semantika i pragmatika deminutivnykh suffiksov v russkom yazyke [LSP]// Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. No 359. S. 15–17.

Dictionaries:

Longman Online Dictionary of Contemporary English [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/>
Tolkovy slovar' Ozhegova [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/>

Sources:

Bulgakov M.A. «Sobach'e serdtse: povesti» / SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014.
The Heart of a Dog Mikhail Bulgakov, From the archive section of The Master and Margarita. Translated by Michael Glenny [Электронный ресурс] – 1968. – Режим доступа: <http://www.masterandmargarita.eu/archieven/tekstenbulgakov/heartdog.pdf>
Boulgakov M. Coeur de chien. Traduit du russe par V.Volkoff. Librairie Générale Française, 1999
狗心》作者：【俄罗斯】米·布尔加科夫.译者：曹国维. 出版社：漓江出版社.出版时间：2018-12
Sobach'e serdtse: povesti/ Mikhail Bulgakov /Perevodchik :Tsao Govehi , /изд.Litszyan,12.2018

Зигмантович Дарья Сергеевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В.Ломоносова
г. Москва (Россия)

Zigmantovich Daria
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СИНТАКСИС УСТНОЙ РЕЧИ КАК ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР В УСТНОМ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ

ORAL SYNTAX AS DESTABILIZING FACTOR IN SIMULTANEOUS INTERPRETING

Устный синхронный перевод стал неотъемлемой частью системы международных отношений. Синхронисты обеспечивают коммуникацию между различными главами государств и правительств, представителями стран или делегатами в ходе двусторонних или многосторонних переговоров, конференций и встреч. Это, в свою очередь, диктует необходимость в совершенствовании методики устного синхронного перевода для подготовки высококвалифицированных переводческих кадров. Качество работы (процесс и результат) синхронистов оказывается под непосредственным влиянием со стороны оратора и его ораторского портрета, большая часть компонентов которого может выступать в качестве дестабилизирующих факторов для синхронного перевода. К таким компонентам относятся особенности речи оратора, как: интонация, акцент, темп речи, паузация исходной речи, синтаксические особенности, лексический состав. В настоящей статье описываются результаты проведённого анализа синтаксиса устной речи четырёх политиков с тем, чтобы установить в каких случаях он может облегчить работу синхронистов, а в каких, наоборот, усложнить.

Simultaneous interpreting has become an integral part of the international relations system. Simultaneous interpreters provide communication between various heads of state and government, representatives of countries or delegates at bilateral or multilateral negotiations, conferences or meetings. This dictates the need to improve the simultaneous interpreting didactics in order to train highly qualified interpreters. The quality of the interpreter's work (process and result) is directly influenced by the speaker and his or her oratorical portrait. The majority of the oratorical portrait's components can represent some destabilizing factors for simultaneous interpreting. These components include the speaker's speech features, such as intonation, accent, speech delivery, speech pausation, syntactic features and vocabulary. This article describes the analysis of four politicians' oral speech syntax in order to determine in which cases it can facilitate or? On the contrary, complicate the work of interpreters.

Ключевые слова: устный синхронный перевод, практика устного перевода, синтаксис, дестабилизирующий фактор, оратор, политический дискурс.

Key words: simultaneous interpreting, interpreting practice, syntax, destabilizing factor, orator, political discourse.

Устный синхронный перевод (далее – УСП) начал интересовать психологов, лингвистов и самих практикующих переводчиков в середине XX века после проведения знаменитого Нюрнбергского процесса (1945–1946 гг.). В отечественных и зарубежных работах данный вид переводческой деятельности определяется как комплексный набор операций, сводящийся к одновременному (параллельному, синхронному) восприятию и анализу звучащего сообщения, сравнению двух языков, быстрому переключению между ними, а также преобразованию текста и воспроизведению информации на языке перевода.

В отечественной науке исследование УСП осуществлялось сквозь призму психолингвистики. Практикующие устные переводчики (Р.К. Миньяр-Белоручев, Г.В. Чернов и А.Ф. Ширяев) занимались изучением синхронного перевода в сотрудничестве с психологами (В.А. Артёмов, Б.В. Беляев, Л.С. Выготский, И.А. Зимняя, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьев, А.Н. Леонтьев и др.). В лингвистике акцент делается на исследовании особенностей речевых высказываний и текстов, а в психологии – на речемыслительных и психологических процессах осуществления устного перевода (параллельность восприятия и говорения, особенности переработки информации, роль памяти и внимания).

Известный переводчик и преподаватель устного перевода Р.К. Миньяр-Белоручев, оказавший значительное влияние на дальнейшее становление и развитие советской школы устного перевода, описал УСП как один «из сложнейших видов работ устного переводчика», который является завершающим звеном в курсе подготовки переводческих кадров [Миньяр-Белоручев, 1959, с. 174].

Навык синхронизации и психологические трудности устного перевода упоминаются и в работе лингвиста Л.С. Бархударова, который писал о том, что в УСП автоматизация «одновременного слушания и говорения» требует особого и длительного тренинга [Бархударов, 1975, с. 48].

Более ёмкое определение УСП даёт устный переводчик Г.В. Чернов. По его словам, «это такой вид устного перевода на международной конференции, который осуществляется одновременно с восприятием на слух (плюс иногда зрительно «с листа») предъявляемого однократно устного сообщения на ИЯ в изолирующей переводчика от аудитории кабине и в процессе которого – в экстремальных условиях деятельности – в любой отрезок времени перерабатывается информация строго ограниченного объема» [Чернов, 1987, с. 10].

Другой устный переводчик А.Ф. Ширяев описывает синхронный перевод как «вид деятельности устного переводчика, характеризуемый произнесением текста перевода параллельно со звучанием исходного текста» [Ширяев, 1979, с. 173].

Другой специалист в области теории перевода В.Н. Комиссаров указывает на то, что УСП представляет собой «способ устного перевода, при котором переводчик, слушая речь оратора, практически одновременно (с небольшим отставанием – 2–3 сек.) проговаривает перевод» [Комиссаров, 1990, с. 98].

В зарубежной науке УСП тоже рассматривается как состоящий из ряда операций сложный процесс. Например, французские психологи П. Олерон и Ю. Нанпон в результате проведения нескольких экспериментов сделали вывод о том, что синхронный перевод во многом зависит от навыка переводчиков концентрировать своё внимание на выполнении нескольких задач одновременно [Oléron, Nanpon, 1965/2002].

Британский психолог Д. Гервер в своих работах называет УСП «сложным поведением» (англ. complex behaviour) и «сложным процессом переработки данных человеком, который включает в себя восприятие, хранение, поиск, трансформацию и передачу вербальной информации» [Gerver, 1975, с. 119].

Более простое определение УСП можно найти в работах французского переводчика Д. Жилия, для которого это такой режим устного перевода, когда синхронист, находящийся в переводческой кабине, воспринимает речь оратора через наушники и одновременно с этим воспроизводит перевод воспринимаемого сообщения в микрофон со средним отставанием в несколько секунд [Gile, 1995, с. 12].

Швейцарская исследовательница Б. Мозер-Мерсер рассматривает синхронный перевод с позиций когнитивистики. УСП, по её мнению, является сложной когнитивной деятельностью, в ходе которой переводчик вынужден в синхронном режиме осуществлять операции по восприятию, анализу, пониманию, переводу, правке и воспроизведению перевода речи, с которой выступает оратор [Moser-Mercer, Künzli, Korac, 1998, с. 48].

Приведённые выше определения показывают, что и в отечественной, и в зарубежной науке УСП описывается как сложный вид переводческой деятельности, характеризующийся целым рядом особенностей. К ним относятся: параллельное восприятие и порождение речи, ограниченные временные рамки, навязанная оратором скорость перевода (как и темп восприятия, переработки и воспроизведения информации), работа памяти и внимания, а также психологическая нагрузка и высокие требования к переводчику [Гарбовский, 2007, с. 172; Миньяр-Белоручев, 1959, с. 4; Чернов, 1978, с. 11–12; Ширяев, 1979, с. 173; Gerver, 1969/2002, с. 53; Gile, 1995, с. 12].

Результаты экспериментов (а затем теория и практика устного перевода) доказали, что в выступлениях ораторов имеются элементы (выступающие иногда как дестабилизирующие факторы), которые либо усложняют процесс синхронного перевода, либо упрощают его. Осуществление синхронного процесса (скорость и качество) напрямую зависит от особенностей речи оратора [Миньяр-Белоручев, 1959; Чернов, 1987; Ширяев, 1979; Varik, 1969; Gerver, 1969/2002; Oléron, Nanpon, 1965/2002]. Это указывает на то, что не все выступления политиков одинаково легко могут быть обработаны в процессе синхронного перевода, и что качество и успех перевода зависят как от переводчика, так и от оратора [Зигмантович, 2016, с. 43–44].

Под «дестабилизирующим фактором» мы понимаем те элементы речи, которые нарушают устойчивый ход того или иного процесса [Кузнецов, 2000, с. 254]. В нашем случае речь идёт о тех элементах выступлений политических деятелей, которые являются препятствием на пути к успешному осуществлению УСП. К таким дестабилизирующим

факторам, в частности, относятся: сложный синтаксис исходного сообщения, высокий темп речи оратора, особенности паузации, наличие акцента, количественная информация (числительные), чёткость речи, а также тематика выступлений.

Синтаксис в политическом дискурсе оказывается, наряду с другими дестабилизирующими факторами, важным элементом устной речи, который влияет на УСП. В частности, большое количество союзов и связей приводит к тому, что синхронист может не справиться с делением таких сложных с синтаксической точки зрения предложений на смысловые отрезки. Осуществление перевода в этом случае осложняется ещё и тем, что в оперативной памяти человека данные хранятся в размере от 6 до 9 единиц в течение от 3 до 30 секунд [Miller, 1956; Lederer, 2001, с. 41; Чернов, 1987, с. 49]. Под влиянием высоких темпов переработки информации и перевода синхронист сталкивается с трудностями хранения данных из начала синтаксической конструкции (предложения), что, в свою очередь, приводит к ошибкам и отсутствию согласования разных частей одного предложения.

Настоящее исследование осуществлялось на материале речей четырёх политиков, занимавших в разное время пост президента: президенты Французской республики – Николя Саркози (2007–2012 гг.) и Франсуа Олланд (2012–2017 гг.); президенты Соединённых Штатов Америки – Джордж Буш (2001–2009 гг.) и Барак Обама (2009–2017 гг.).

Все четыре политика используют в своих выступлениях большое количество сложноподчинённых предложений с различными связями (цели, причины, следствия, уступки и др.), что вполне логично и закономерно для речи.

Французские ораторы довольно часто применяют выделительные конструкции (фр. *mise en relief*), которые играют важную роль для расстановки логических ударений и оказания должного эмоционального давления на аудиторию (см. табл. 1). Такие логические ударения оказывают определённую помощь синхронистам при условии их верного интонационного выделения и корректной паузации оратором.

Таблица 1

Выделительные конструкции в речах французских политиков

Оратор	Выделительная конструкция	Перевод
Франсуа Олланд	Et <i>c'est ensemble que</i> nous devons combattre ces fléaux. <i>C'est ce que</i> nous faisons au Mali pour protéger le Sahel, [...] [Hollande, 25.05.2013].	Именно вместе мы должны бороться с этими бедствиями. Именно этим мы и занимаемся в Мали с тем, чтобы защитить страны региона Сахель [...].

Николя Саркози	<i>C'est à l'échelle planétaire qu'il faut maintenant poser et résoudre les problèmes du monde [Sarkozy, 25.09.2007].</i>	Именно в масштабе всей планеты мы должны сейчас ставить перед собой проблемы всего мира и решать их.
----------------	---	---

Другой примечательной особенностью синтаксиса устной речи является синтаксический параллелизм, который построен на анафорическом повторе «отдельных слов и оборотов в начале нескольких относительно самостоятельных отрезков речи» [Анищенко, 2012, с. 110], что помогает создать ритм высказывания и задать нужный эмоциональный фон. Из всех четырёх политиков таким анафорическим конструкциям в большей степени отдаёт предпочтение Николя Саркози. При этом политик может повторить конструкцию от трёх до шести раз (см. табл. 2).

Таблица 2

Анафорические конструкции в речах Николя Саркози

Анафорическая конструкция	Отрывок из выступлений
« <i>Je veux dire au nom de la France que [...]</i> » – «Я хочу сказать от имени Франции, что [...]» в выступлении на 62 сессии Генеральной Ассамблеи ООН	<i>Je veux dire au nom de la France que</i> cette crise ne sera résolue que si la fermeté et le dialogue vont de pair. <i>Je veux dire, au nom de la France, qu'à la volonté de puissance qui sans cesse menace de rompre l'équilibre si fragile de la paix, [...]. Je veux dire au nom de la France qu'il n'y aura pas de paix dans le monde sans le respect de la diversité, [...]</i> [Sarkozy, 25.09.2007].
« <i>On ne peut pas attendre pour [...]</i> » – «Мы не можем ждать, нужно [...]» в выступлении на 63 сессии Генеральной Ассамблеи ООН	<i>On ne peut pas attendre pour faire la paix et mettre fin à la tragédie du Darfour. On ne peut pas attendre pour lutter contre le terrorisme. On ne peut pas attendre pour conjurer la crise alimentaire qui condamne tant d êtres humains à mourir de faim. On ne peut pas attendre pour préparer le monde de l'après-pétrole, pour lutter contre le réchauffement climatique [...]. On ne peut pas attendre pour moraliser le capitalisme financier</i> [Sarkozy, 23.09.2008].
« <i>Qui osera dire que [...]</i> » – «Кто осмелится сказать, что [...]» в выступлении на Конференции ООН по проблемам глобального	<i>Qui osera dire que l'Afrique et les pays les plus pauvres n'ont pas besoin de l'argent [...]? Qui osera dire qu'il est contre que cet argent soit donné aux plus pauvres? [...]</i> <i>Qui osera dire, qui osera dire que nous n'avons pas besoin d'un financement innovant qui taxera les transactions financières</i>

изменения климата в Копенгагене	[...]? Qui osera le dire? Qui osera à cette tribune dire: "on n'a pas besoin de financement innovant"? [...] [Sarkozy, 17.12.2009].
---------------------------------	--

У его преемника Франсуа Олланда данный приём используется в гораздо меньших количествах.

Среди американских политиков мы видим такое же разделение по предпочтениям: из двух политиков в большем количестве анафорические конструкции были найдены в речах Д. Буша (см. табл. 3).

Таблица 3

Анафорические конструкции в речах Джорджа Буша

Анафорическая конструкция	Отрывок из выступлений
«We have a responsibility to [...]» – «На нас возложена ответственность за [...]» в выступлении на 56 сессии Генеральной Ассамблеи ООН	We have a responsibility to share intelligence and coordinate the efforts of law enforcement. [...] We have a responsibility to deny any sanctuary, safe haven, or transit to terrorists. [...] We have a responsibility to deny weapons to terrorists - and to actively prevent private citizens from providing them [Bush, 10.11.2001].
«To the people of [...]» – «К народу [...]» в выступлении на 61 сессии Генеральной Ассамблеи ООН	Today, I'd like to speak directly to the people across the broader Middle East: My country desires peace. [...] To the people of Iraq: [...]. To the people of Afghanistan: [...]. To the people of Lebanon: [...]. To the people of Iran: [...]. To the people of Syria: [...]. To the people of Darfur: [...] [Bush, 19.09.2006].
«Like the ideology of communism [...]» – «Подобно идеологии коммунизма [...]» в ходе обращения к населению Монголии	Like the ideology of communism, the ideology of Islamic radicalism is led by a self-appointed vanguard that presumes to speak for the masses. Like the ideology of communism, [...]. Like the ideology of communism, [...]. And like the ideology of communism, [...] [Bush, 21.11.2005].

Другой синтаксической особенностью проанализированных выступлений является наличие трёхчастных конструкций, под которыми мы понимаем включающий в себя три однородных члена предложения синтаксический ряд. Подобный приём иногда может напомнить градацию, которая часто используется политиками для акцентирования внимания аудитории на описываемой проблеме. Элементы трёхчастных конструкций могут быть либо связаны общей тематикой, либо иметь разные значения. В первом случае синхронисты могут

перевести лишь один из трёх компонентов, чтобы сэкономить время для восприятия и обработки последующей информации (подобного рода упражнения очень полезны на начальном этапе обучения УСП). Во втором случае переводчик вынужден передавать все компоненты фразы, поскольку пропуск одного или двух из них может оказать влияние на общий смысл высказывания.

Из четырёх политических деятелей трёхчастные конструкции чаще всего встречаются в выступлениях Ф. Олланда (в каждой из проанализированной речи). Рассмотрим несколько примеров, в которых части трёхчастных конструкций либо связаны общим смыслом, либо нет (см. табл. 4).

Таблица 4

Трёхчастные конструкции в речах Франсуа Олланда

Трёхчастная конструкция	Вариант перевода
<i>La situation [...] est insupportable, inadmissible, inacceptable</i> [Hollande, 25.09.2012].	<i>Данная ситуация [...] невыносима, неприемлема, недопустима.</i> Значение «недопустимости» => <i>Данная ситуация [...] недопустима.</i>
<i>[...] un fondement injuste, inacceptable [...] [Hollande, 20.09.2016].</i>	<i>[...] невыносимая, несправедливая, неприемлемая основа [...]</i> Значение «неприемлемости» => <i>[...] неприемлемая основа [...]</i>
<i>Enfin, nous avons une coopération culturelle, scientifique, linguistique [...] [Hollande, 22.05.2014].</i>	<i>И, наконец, у нас налажено сотрудничество в области культуры, науки и языков [...].</i>

Остальные три политика используют данную конструкцию в меньшем объёме и отдают предпочтение обычному перечислению не связанных общим смыслом однородных членов предложения (более трёх). В таком случае синхронист должен стремиться к максимально полной передаче всех единиц (см. табл. 5).

Таблица 5

Трёхчастные конструкции в речах Николя Саркози, Джорджа Буша и Барака Обамы

Трёхчастная конструкция	Вариант перевода
<i>C'est la science et c'est la technologie et c'est l'innovation qui permettront à nos deux peuples [...] [Sarkozy, 04.12.2010].</i>	<i>Именно наука, технологии и инновации позволят нашим двум народам [...].</i>

<i>You regained your independence, held free elections, and established a free economy</i> [Bush, 22.06.2006].	<i>Вы восстановили свою независимость, провели свободные выборы и создали свободную экономику.</i>
<i>[...] we've developed a very effective working relationship built on candor, cooperation, and mutual respect</i> [Obama, Medvedev, 08.04.2010].	<i>[...] мы создали очень эффективные рабочие отношения, основанные на искренности, сотрудничестве и взаимном уважении.</i>

Дестабилизирующим фактором в синтаксисе устной речи могут выступить оговорки, которые в больших количествах встречаются у американских ораторов, которые обычно выступают с довольно высокой скоростью речи («ошибка в словах; слово, фраза, ошибочно сказанные вместо других, нужных» [Ушаков, 2013, с. 389]). Такие оговорки были найдены в основном в выступлениях Д. Буша (см. табл. 6). Несмотря на то, что он сразу же исправляет себя, это может создать определённые трудности при осуществлении успешного синхронного перевода и привести к появлению ошибок, если в памяти синхрониста сохранился неверный вариант оригинала.

Таблица 6

Оговорки в речах Джорджа Буша

Отрывок	Описание оговорки
<i>And so, Mr. President, I'm so glad you're here - I mean, so glad I am here</i> [Bush, Lula, 09.03.2007].	<i>Итак, господин Президент, я очень рад тому, что Вы сегодня здесь. Вернее, рад тому, что я сегодня здесь.</i> Оговорка: пресс-конференция проходит в Бразилии, а не в США.
<i>And we urge the regime to free Aung Suu - Aung San Suu Kyi</i> [Bush, Fukuda, 06.07.2008].	<i>И мы призываем лидеров режима освободить Аун Су – Аун Сан Су Чжи.</i> Оговорка: ошибка в имени политика Мьянмы.
<i>[...] there should be no unilateral attempts to change the status by either side - the status quo by either side</i> [Bush, 16.11.2005].	<i>[...] не должно предприниматься односторонних попыток изменить статус ни одной из сторон... статус-кво ни одной из сторон.</i> Оговорка: ошибка в термине.

Ещё одним дестабилизирующим фактором для УСП становятся вставные конструкции: ораторы, вставляя в высказывание фразу, которая косвенным образом связана с основной мыслью. Это может стать серьёзным препятствием для работы синхрониста, поскольку такая вставка значительно увеличивает разрыв между началом и концом предложения, что

сказывается на согласовании при переводе. Чаще других такие вставные конструкции используются Франсуа Олландом (см. табл. 7).

Таблица 7

Вставные конструкции в речах Франсуа Олланда

Вставная конструкция	Описание
<p><i>Nous avons saisi cette occasion, même si nous nous sommes quittés il y a peu, puisque la dernière fois c'était à Bruxelles, et nous avons eu depuis plusieurs conversations téléphoniques. Mais nous avons convenu que cette rencontre pouvait être aussi l'occasion d'aborder d'autres sujets d'actualité.</i> [Hollande, Merkel, 20.02.2015].</p>	<p>Вставная конструкция составляет 25 единиц</p>

Анализ фактического материала помог установить, что синтаксис играет большую роль при осуществлении устного синхронного перевода. Ненагруженный и простой синтаксис частично снимает нагрузку с оперативной памяти и позволяет в некоторых случаях сэкономить время, а также применить релевантные для УСП механизмы прогнозирования и компрессии [Чернов, 1987]. Кроме того, использование ораторами типичного и упрощённого синтаксиса (как, например, анафорические конструкции или объединённые одним смыслом компоненты трёхчастных конструкций) может помочь синхронистам минимизировать долю смысловых и языковых неточностей.

Дестабилизирующими элементами синтаксиса устной речи выступают оговорки (как у американских политиков) или вставные (и, в целом, нагруженные конструкции, как у Франсуа Олланда). В сопряжении с неверной (хаотичной) паузацией и высокой скоростью воспроизведения текста оригинала это может негативно сказаться на качестве синхронного перевода.

Описанные нами результаты анализа синтаксических конструкций, задействованных ораторами, и их влияния на работу синхронистов отражают лишь часть ораторского портрета (который также охватывает и такие переменные, как: скорость речи, паузация, интонация, лексика). Сделанные нами выводы и описанные примеры могут послужить базой для разработки системы упражнений для преподавания УСП, а также отработки и автоматизации соответствующих навыков. Всё это указывает на необходимость проводить дальнейшие исследования с тем, чтобы ещё глубже изучить механизмы УСП и усовершенствовать дидактику и практику устного перевода.

Список литературы:

- Анищенко, Г.А.* Литературный справочник: учебное пособие / Г.А. Анищенко. М.: ФОРУМ, 2012. 176 с.
- Бархударов, Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Гарбовский, Н.К.* Теория перевода: учебник / Н.К. Гарбовский. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
- Зигмантович, Д.С.* Политический дискурс как объект устного перевода (на материале речей российских и французских политиков) / Д.С. Зигмантович // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2016. № 3. С. 41–57.
- Комиссаров, В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
- Кузнецов, С.А.* Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. 1536 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Методика обучения переводу на слух / Р.К. Миньяр-Белоручев. М: Изд-во Института международных отношений, 1959. 190 с.
- Ушаков, Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. М.: "Аделант", 2013. 800 с.
- Чернов Г.В.* Теория и практика синхронного перевода / Г.В. Чернов. М.: Международные отношения, 1978. 208 с.
- Чернов, Г.В.* Основы синхронного перевода: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / Г.В. Чернов. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.
- Ширяев, А.Ф.* Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода / А.Ф. Ширяев. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
- Gerver, D.* A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation [Электронный ресурс] / D. Gerver // Meta : journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal, 1975. Vol. 20. № 2. P. 119–128. – Режим доступа: <http://id.erudit.org/iderudit/002885ar>
- Gerver, D.* The Effects of Source Language Presentation Rate on the Performance of Simultaneous Conference Interpreters, 1969 / D. Gerver // The Interpreting Studies Reader, Franz Pöchhacker and Miriam Shlesinger (eds.). London and New York: Routledge, 2002. P. 53–66.
- Gile, D.* Regards sur la recherche en interprétation de conférence / D. Gile. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1995. 276 p.
- Lederer, M.* Implicite et explicite / M. Lederer // Interpréter pour traduire / éd. par D. Seleskovitch, M. Lederer. Paris: Didier érudition, 2001. P. 37–71.
- Miller, G.A.* The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information / G.A. Miller // Psychological Review, 1956. Vol. 63. P. 81–97.
- Moser-Mercer, B.* Prolonged Turns in Interpreting: Effects on Quality, Physiological and Psychological Stress (Pilot Study) / B. Moser-Mercer, A. Künzli, M. Korac // Interpreting, 1998. Vol. 3. Issue 1. P. 47–64.
- Oléron, P.* Research into simultaneous translation (translated by Ruth Morris) / P. Oléron, H. Nanpon // The Interpreting Studies Reader / ed. by Franz Pöchhacker and Miriam Shlesinger. London; New York: Routledge, (1965) 2002. P. 43–50.

References:

- Anishchenko, G.A.* Literaturnyi spravochnik: uchebnoe posobie [Literary Handbook] / G.A. Anishchenko. М.: FORUM, 2012. 176 s (In Russian).
- Barkhudarov, L.S.* Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda) [Language and Translation (Problems of General and Special Theory of Translation)] / L.S. Barkhudarov. М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 s (In Russian).
- Chernov G.V.* Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda [Theory and Practice of Simultaneous Interpreting] / G.V. Chernov. М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1978. 208 s (In Russian).
- Chernov, G.V.* Osnovy sinkhronnogo perevoda: Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. [The Basics of Simultaneous Interpreting] / G.V. Chernov. М.: Vysshaya shkola, 1987. 256 s (In Russian).
- Garbovskii, N.K.* Teoriya perevoda: uchebnik [The Theory of Translation] / N.K. Garbovskii. 2-e izd. М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. 544 s (In Russian).

- Gerver, D.* A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation [Электронный ресурс] / D. Gerver // Meta : journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal, 1975. Vol. 20. № 2. P. 119–128. – Режим доступа: <http://id.erudit.org/iderudit/002885ar>
- Gerver, D.* The Effects of Source Language Presentation Rate on the Performance of Simultaneous Conference Interpreters, 1969 / D. Gerver // The Interpreting Studies Reader, Franz Pöchhacker and Miriam Shlesinger (eds.). London and New York: Routledge, 2002. P. 53–66.
- Gile, D.* Regards sur la recherche en interprétation de conférence / D. Gile. Lille: Presses Universitaires de Lille, 1995. 276 p.
- Komissarov, V.N.* Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty): Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. [Theory of Translation (Linguistic Aspects)] / V.N. Komissarov. M.: Vysshaya shkola, 1990. 253 s (In Russian).
- Kuznetsov, S.A.* Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language] / S.A. Kuznetsov. SPb.: «NorinT», 2000. 1536 s (In Russian).
- Lederer, M.* Implicite et explicite / M. Lederer // Interpréter pour traduire / éd. par D. Seleskovitch, M. Lederer. Paris: Didier érudition, 2001. P. 37–71.
- Miller, G.A.* The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information / G.A. Miller // Psychological Review, 1956. Vol. 63. P. 81–97.
- Min'yar-Beloruhev R.K.* Metodika obucheniya perevodu na slukh [Methodology of Teaching Oral Translation] / R.K. Min'yar-Beloruhev. M.: Izd-vo Instituta mezhdunarodnykh otnoshenii, 1959. 190 s (In Russian).
- Moser-Mercer, B.* Prolonged Turns in Interpreting: Effects on Quality, Physiological and Psychological Stress (Pilot Study) / B. Moser-Mercer, A. Künzli, M. Korac // Interpreting, 1998. Vol. 3. Issue 1. P. 47–64.
- Oléron, P.* Research into simultaneous translation (translated by Ruth Morris) / P. Oléron, H. Nanpon // The Interpreting Studies Reader / ed. by Franz Pöchhacker and Miriam Shlesinger. London; New York: Routledge, (1965) 2002. P. 43–50.
- Shiryayev, A.F.* Sinkhronnyi perevod: Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda [Simultaneous Interpreting. Simultaneous Interpreter and Methodology of Teaching Simultaneous Interpreting] / A.F. Shiryayev. M.: Voenizdat, 1979. 183 s (In Russian).
- Ushakov, D.N.* Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language] / D.N. Ushakov. M.: “Adelant”, 2013. 800 s (In Russian).
- Zigmantovich, D.S.* Politicheskii diskurs kak objekt ustnogo perevoda (na materiale rechei rossiiskikh i frantsuzskikh politikov) [Political Discourse as a Subject Matter of Interpreting of Speeches Delivered by Russian and French Politicians] / D.S. Zigmantovich // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda. 2016. № 3. S. 41–57 [In Russian].

Список источников:

- Bush G.* President at the 56th Session of the United Nations General Assembly [Электронный ресурс] / G. Bush. – 10.11.2001. – Режим доступа: <https://www.un.org/webcast/ga/56/statements/011110usaE.htm>.
- Bush G.* President Bush Addresses United Nations General Assembly [Электронный ресурс] / G. Bush. – 19.09.2006. – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/09/20060919-4.html>.
- Bush, G.* President Discusses Freedom and Democracy in Kyoto [Электронный ресурс] / G. Bush. – 16.11.2005. – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/11/20051116-6.html>.
- Bush G.* President Discusses Freedom and Democracy in Ulaanbaatar [Электронный ресурс] / G. Bush. – 21.11.2005. – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/11/20051121.html>.
- Bush G.* President Bush Participates in a Joint Press Availability with President Lula of Brazil [Электронный ресурс] / G. Bush, L.I. Lula. – 09.03.2007. – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2007/03/20070309-9.html>.
- Bush G.* President Bush Participates in Joint Press Availability with Prime Minister Fukuda of Japan [Электронный ресурс] / G. Bush, Y. Fukuda. – 06.07.2008. – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2008/07/20080706.html>.
- Bush G.* President's Remarks to the People of Hungary [Электронный ресурс] / G. Bush. – 22.06.2006. – Режим доступа: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2006/06/20060622-6.html>.
- Hollande F.* Conférence de presse conjointe de M. François Hollande, Président de la République, et Mme Angela Merkel, Chancelière de la République fédérale d'Allemagne, sur l'ordre du jour du G7, les accords de

Minsk sur l'Ukraine, la Grèce dans la Zone euro et sur les relations franco-allemandes, à Paris le 20 février 2015 [Электронный ресурс] / F. Hollande, A. Merkel. – 20.02.2015. – Режим доступа: <http://discours.vie-publique.fr/notices/157000493.html>.

Hollande F. Déclaration de François Hollande à la 67e Assemblée générale de l'ONU [Электронный ресурс] / F. Hollande. – 25.09.2012. – Режим доступа: <http://www.voltairenet.org/article176004.html>.

Hollande F. Discours de François Hollande à la 71ème Assemblée générale de l'Onu [Электронный ресурс] / F. Hollande. – 20.09.2016. – Режим доступа: <http://www.voltairenet.org/article193404.html>.

Hollande F. Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur l'avenir des relations entre la France, l'Europe et l'Afrique, à Addis-Abeba le 25 mai 2013 [Электронный ресурс] / F. Hollande. – 25.05.2013. – Режим доступа: <http://discours.vie-publique.fr/notices/137001238.html>.

Hollande F. Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur les relations entre la France et la Serbie, à Paris le 22 mai 2014 [Электронный ресурс] / F. Hollande. – 22.05.2014. – Режим доступа: <http://discours.vie-publique.fr/notices/147001131.html>.

Obama B. START Treaty Signing Joint Presser with President Medvedev [Электронный ресурс] / B. Obama, D.A. Medvedev. – 08.04.2010. – Режим доступа: <https://americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamastarttreaty.htm>.

Sarkozy N. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur la coopération franco-indienne, à Bangalore (Inde) le 4 décembre 2010 [Электронный ресурс] / N. Sarkozy. – 04.12.2010. – Режим доступа: <http://discours.vie-publique.fr/notices/107002613.html>.

Sarkozy N. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur la lutte contre le réchauffement climatique, à Copenhague le 17 décembre 2009 [Электронный ресурс] / N. Sarkozy. – 17.12.2009. – Режим доступа: <http://discours.vie-publique.fr/notices/097003660.html>.

Sarkozy N. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur le rôle de l'Union européenne en faveur de la paix et d'un capitalisme régulé, à New York le 23 septembre 2008 (la 63ème Assemblée générale des Nations unies) [Электронный ресурс] / N. Sarkozy. – 23.09.2008. – Режим доступа: <http://discours.vie-publique.fr/notices/087002941.html>.

Sarkozy N. Nicolas Sarkozy à l'ONU : discours d'ouverture de la 62e assemblée générale [Электронный ресурс] / N. Sarkozy. – 25.09.2007. – Режим доступа: <http://www.linternaute.com/actualite/politique/document/discours-sarkozy-onu-62e-assemblee-generale/discours-ouverture.shtml>.

*Киынова Жанар Кабдыляшимовна
Оналбаева Айгуль Тыныбековна
Озгамбаева Райхан Омирзаковна
Орынханова Гибадат Аманжоловна*

Казахский национальный женский педагогический университет
г. Алматы (Казахстан)

*Kiyнова Zhanar
Onalbayeva Aigul
Ozgambayeva Raikhan
Orynkhanova Gibadat*

Kazakh National Women's Teacher Training University
Almaty (Kazakhstan)

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБЩЕНИЯ НА
МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛЬНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТОВ (ПО ТРИЛОГИИ
И.ЕСЕНБЕРЛИНА «КОЧЕВНИКИ»)**

**TRANSLATION ANALYSIS OF NONVERBAL MEANS OF COMMUNICATION BASED
ON THE ORIGINAL AND TRANSLATED TEXTS (BASED ON THE MATERIAL OF THE
I. ESENBERLIN TRILOGY “NOMADS”)**

Настоящее исследование посвящено исследованию невербальных средств общения, особое внимание уделяется переводческому анализу невербальных средств общения на материале оригинального и переводного текстов. Наибольший интерес вызывает когнитивный аспект невербального общения, поскольку он отражает архетипические оппозиции, мифологические представления, культурные константы, т.е. то, что составляет основу мировоззрения, менталитета этноса. Под невербальным общением авторы понимают использование невербальных средств в ходе межличностного взаимодействия. Кинесическая структура невербального поведения выступает своеобразным «организатором» общения. Невербальная семиотика в основном, за исключением заимствованных, этнически маркированы. Этническая маркированность проявляется как в содержательном аспекте, так и в формальном, т.е. в том, как физически исполняется кинема. В кинесике малейшие изменения в исполнении кинемы свидетельствуют об изменении содержательного характера.

This study is devoted to the study of non-verbal means of communication, the special attention is paid to the translation analysis of non-verbal means of communication based on the material of the original and translated texts. The greatest interest is the cognitive aspect of non-verbal communication, since it reflects archetypal oppositions, mythological representations, cultural constants, i.e. which is the basis of the worldview, the mentality of the ethnos. By non-verbal communication, the authors understand the use of non-verbal means during interpersonal interaction. The kinesic structure of non-verbal behavior acts as a kind of “organizer” of communication. Nonverbal semiotics are mostly, with the exception of borrowed, ethnically labelled. Ethnic marking is manifested both in the content factor and in the formal, i.e. in how the kinema is physically executed. In kinesics, the slightest changes in the performance of kinema show a change in the content nature.

Ключевые слова: невербальная семиотика, переводоведение, оригинальный текст, переводной текст, кинемы, проксеми, лингвокультурология, анализ.

Key words: non-verbal semiotics, translation, original text, translated text, cinema, proxemy, cultural linguistics, analysis.

Одной из ярких примет современной науки является введение в орбиту научного исследования человеческого фактора и интегративный подход к изучаемому объекту, которому обязаны своим рождением многие новые научные направления, невербальная семиотика – не исключение.

Описание специфики невербальных средств коммуникации относится к числу приоритетных направлений современной лингвистики. Данную проблематику в разные периоды и в разных аспектах разрабатывали такие учёные, как Т.М. Николаева, Г.В. Колшанский, И.Н. Горелов, Г.Г. Почепцов, Р.К. Потапова, В.В. Богданов, К.У. Геворкян, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Н.И. Смирнова, Ю.А. Сорокин, Г.Е. Крейдлин. В казахстанской лингвистике – М.М. Муканов, С. Татубаев, М.П. Ешимов, Б.К. Момынова, С.Б. Бейсембаева, Ж. Нурсултанкызы, С. Магжан, В.Д. Нарожная и др.

Наиболее значительными работами, по праву оценивающимися как работы, в которых заложены основы теории невербальной семиотики, являются докторская диссертация и труды Г.Е. Крейдлина [Крейдлина, 2002].

Начало невербальной семиотики как науки, изучающей невербальные средства общения, было положено исследователями Р. Бирдвистеллом, А. Пизом, Е. Холлом, Е.Г. Крейдлиным, П. Экманом и др., каждый из которых внес свою лепту в разработку отдельных аспектов невербального общения. Так, несомненной заслугой Р. Бирдвистелла можно считать исследование жестов как ядерной части кинесики, П. Экман экспериментально исследовал и описал мимику, Е.Г. Крейдлин очертил общие контуры теории невербальной семиотики, включающей в себя десять частных наук: паралингвистику, кинесику, окулесику, аускультацию, проксемику, гаптику, гастику, ольфакцию, хронемиду, системологию, определил ряд аспектов их разработки.

Невербальная семиотика как молодая наука междисциплинарного характера переживает трудности, присущие этапу становления: недостаточная разработанность научно-понятийного аппарата, некоторая размытость границ между объектом невербальной семиотики и объектами смежных наук, отсутствие четкого, последовательно выдерживаемого системного подхода к исследованию средств невербального общения, констатация фактов при отсутствии глубинного анализа. Следовательно, в такой ситуации ощущается потребность в едином подходе к исследованию невербальных средств поведения людей в коммуникативном акте, поскольку только в рамках такого подхода невербальное поведение человека и, в частности, казахская невербальная коммуникация, могут получить максимально многостороннее и адекватное объяснение.

Французский психолог Сюрже пишет, что в процессе общения люди получают 38% информации от интонации, 55% из жестов и мимики, 7% информации передают с помощью слов. Соотношение и взаимодействие вербальных и невербальных компонентов общения варьируется в зависимости от характера речевого акта, от типа коммуникативной ситуации. По сути, характер и формы взаимодействия вербальных и невербальных компонентов могут

выступать параметром, специфически характеризующим тот или иной конкретный жанр общения.

Единым основанием, позволяющим выявить как общность, так и различия между вербальным и невербальным общением, выступает их семиотичность и коммуникативная функция. Отбор тех или иных средств невербального общения, частое их использование в речевом акте определяется рядом факторов социокультурного, коммуникативного, когнитивного характера. Наибольший интерес вызывает когнитивный аспект невербального общения, поскольку он отражает архетипические оппозиции, мифологические представления, культурные константы, т.е. то, что составляет основу мировоззрения, менталитета этноса.

Вербальная коммуникация строится на лексически выделенных единицах, именуемых, отражающих, соответствующих реалиям мира, в первую очередь, предметного мира. Это приводит к большому числу единиц словаря, из которых складывается бесконечное число сообщений. Визуальная коммуникация не обладает подобным набором заранее установленных единиц. «Отсутствие элементарных единиц делает более универсальным процесс восприятия визуальной коммуникации, поскольку не требует предварительного знания списка единиц для понимания сообщения», – пишет Г.Г. Почепцов [Почепцов, 2001, с. 31]. Последнее утверждение Г.Г. Почепцова верно по отношению к коммуникации в рамках одной культуры. Если же речь идет о поликультурном общении, какое характерно для коммуникативного пространства Казахстана, то предварительное знание основных, наиболее активно используемых средств невербального общения является обязательным условием, необходимым для полноценного общения. Во всех видах общения невербальные знаки обязательно присутствуют, хотя их ассортимент и степень участия в разных типах коммуникативных ситуаций различны и зависят от ряда социально-демографических, культурно-коммуникативных факторов.

Невербальное общение тесно связано также с переводоведением. Кинемы, проксемы, гастемы, мимемы в основном, за исключением заимствованных, этнически маркированы. Этническая маркированность проявляется как в содержательном аспекте, так и в формальном, т.е. в том, как физически исполняется кинема. В кинесике малейшие изменения в исполнении кинемы свидетельствуют об изменении содержательного характера. Проиллюстрируем вышесказанное отрывком из романа «Кочевники» И. Есенберлина:

«Жәнібек енді хан Ордасына қарай беттеген Асан қайғы тобына қарсы жүрді... Жәнібек хан нөкерлерімен таяу келіп *қол қусырып иіліп сәлем берді.*

– Арсың ба, Асан ата?

– Барсың ба, жарқыным?

Хан енді қазақ әдетімен *құшағын айқастыра кеудесіне кеудесін тигізіп*, әуелі Асан қайғымен *сәлемдесті*, содан соң барып Қотан жыраумен, Қазтуғанмен амандасты. Қазтуғанның орнына енді Жәнібек ханның өзі Асан қайғының *қолтығынан ұстады*. Бәрі бірдей хан Ордасына беттеді. Ак Ордаға *тәжім етіп* кіргеннен кейін үш жырау хан тағының *оң жағындағы* шайы көрпенің үстіне барып отырды. Асан қайғы *тәрде*. Одан *сәл төмендеу* Қотан қарт, сосын барып Қазтуған тайшы жайғасты. Хан нөкерлері аяқтарының ұшымен дыбыс шығармай жүріп, *шынтақтарына* үлпілдеген мамық *жастық салды*. Сөйтсе де Жәнібек ханды сыйлаған қарттар, аяқтарын көсіліп *жастыққа жантаймады*, сол *малдастарын құрып отырған* қалыптарынан қозғалмады» [Есенберлин, 2002, с. 207].

Приведенный текст изобилует кинемами, тактемами, проксемами, каждая из которых имеет свою семантику. Так, этикетно-приветственная кинема *қол қусырып иіліп сәлем беру* ипользуется мужчинами в ситуации «старший-младший», данная кинема исполняется младшим и направлена к старшему. Кинема выражает почтительно-уважительное отношение к старшему коммуниканту. Исполняется данная кинема следующим образом: обе руки скрещиваются на груди и в этом положении человек делает полупоклон. Исполнение этой кинемы ханом Жанибеком перед известным всей казахской степи мудрецом Асан-Кайгы – это признание ханом величия и мудрости этого человека. Обратная кинема – *құшағын айқастыра кеудесіне кеудесін тигізіп сәлемдесу* (перекрестное объятие с соприкосновением с грудью) – означает- приветствие и выражение особой близости после долгой разлуки.

Следующая тактема – *қолтығынан ұстау* (придерживать под локоть) – используется как знак выражения почтения младшего по отношению к старшему.

В тексте после встречи хан Жанибек использует этот тактильный знак как знак выражения почтения и как знак, отражающий соотношение «старший-младший».

Следующая кинема – *тәжім ету* (полупоклон как знак выражения почтения) – выполняется тремя акынами-жырау перед входом в Ак Орду (ханскую ставку). В этой кинеме отражено древнее представление, что у каждого жилища есть свой дух-покровитель, человек, впервые переступающий порог жилища, обязан выразить ему свое почтение.

Далее в тексте следуют проксемы, опять-таки каждая проксема маркирует статус человека. Так, то, что хан в своей ставке садится не на *төр* – самое почетное место, тем более речь идет о ставке хана, а на правое место от *төр*, означает что в данной коммуникативной ситуации хан считает главным не себя, а Асан-Кайгы. Кроме того, согласно традиционной организации внутреннего пространства казахского жилища, правую сторону от *төр* занимают верные, преданные, почетные люди. Иерархия по степени значимости по старшинству (возраст) маркируется местом по отношению к *төр*: чуть пониже *төр* Қотан қарт, еще ниже Қазтуған тайшы.

Почет и уважение к гостям выражается и действием - *шынтақтарына жастық салу* (подложить под локоть подушку).

Поза гостей – *малдастарын құрып отыру* (сидеть, скрестив ноги), а не *жастыққа жантау* (сесть, развалившись), выражает, в свою очередь уважение к хозяину – хану Жанибеку, что, кстати, представлено и вербально: «Жәнібек ханды сыйлаған қарттар, аяқтарын көсіліп *жастыққа жантаймады*, сол *малдастарын құрып отырған* қалыптарынан қозғалмады».

Обратимся к переводному тексту (перевод выполнен М. Симашко).

«Джаныбек круто повернулся и пошел к Асан-Кайгы, которого с двух сторон поддерживали под руки аргын Котан-жырау и кипчак Казтуган-жырау... А потом случилось непонятное. Хан Белой Орды Джаныбек, пред которым трепетали враги, подошел к холму и, как сын, склонился в глубоком земном поклоне. Такого еще не было в степи, чтобы хан поклонился народному певцу!... И слова приветствия сказал он совсем не ханские: – Здравствуйте, дед Асан!...Все смотрели на великого певца, ожидая его ответа.

– Здоров ли ты, наш светоч?! – Мудрый провидец тоже впервые за свою долгую жизнь произнес по отношению к хану такие простые и значительные слова ... По древнему казахскому обычаю, они трижды обнялись через плечо, как люди, делающие одно и то же дело. Потом хан Джаныбек прижался грудью к Котан-жырау, и все направились к белой ханской юрте, напоминающей высокий парусник в открытой казахской степи... Войдя в юрту, жырау уселись с правой стороны на стеганные шелковые одеяла. Асан-Кайгы усадили выше остальных и даже повыше самого хана. Каждая деталь в степном гостеприимстве имела огромное значение, и все понимали без слов этот немой разговор. Когда прислуживающие воины, что тоже было неслучайным, поднесли мягкие пуховые подушки под локти всем жырау, Асан-Кайгы, а за ним и другие певцы не стали опираться на них, оставаясь сидеть, поджав ноги по-степенному, из уважения к хану Джаныбеку. Хан Джаныбек почтительно склонил голову в их сторону, и лишь тогда они переменили позы» [Есенберлин, 2002, с. 152].

Сравнение переводного текста с оригиналом выявило следующее: во-первых, приветственная кинема *қол қусырып иіліп сәлем беру* переведена как *склонился в глубоком земном поклоне*. Данный перевод можно считать переводческим браком, поскольку здесь ложная эквивалентность. Глубокий земной поклон в русской коммуникативной культуре выполняется тогда, когда человек кланяется и достает рукой до земли, данная кинема означает покорность, преданность, а не почтение и уважение. Казахская же кинема и в содержательном плане, и по форме исполнения не эквивалентна русскому земному поклону.

Во-вторых, в оригинальном тексте приветственная кинема *құшағын айқастыра кеудесіне кеудесін тигізіп сәлемдесу* используется ханом Жанибеком сначала по отношению к Асан-Кайгы, затем к Котан-жырау и Казтуган-тайшы.

В переводном же тексте в описании ситуации приветствия Асан-Кайгы ханом Жанибеком кинема переводится как *трижды обнялись через плечо* (хотя следовало бы *поприветствовал перекрестным объятием*), во второй же ситуации кинема переведена как *прижался грудью*, данное действие отличается от *обняться* и уж ни в ком случае не используется как знак приветствия.

В-третьих, в переводном тексте опущена кинема *қолтығынан ұстау*, которая используется ханом Жанибеком по отношению к Асан-Кайгы и выражает почтительное отношение хозяина к гостю.

В-четвертых, опущена в переводном тексте кинема *тәжім ету* (поклониться) перед входом в ханскую ставку Ак Орду.

В-пятых, описание проксем дано в переводном тексте неадекватно оригиналу, а именно: не сохранена очередность занятия мест во внутреннем пространстве (жилища). В соответствии с традициями коммуникативной культуры казахов первым садится самый главный по статусу человек. В описываемой коммуникативной ситуации этим главным человеком является хан Жанибек, выступающий одновременно и в статусе хозяина. Он первым входит и садится направо от *төр* (ориентир – напротив входа). Далее на *төр* садится Асан-Кайгы, как самый почетный гость. Далее, уже с левой стороны от *төр* садятся другие жырау. Так описано в оригинале. В переводе же *«жырау уселись с правой стороны... Асан-Кайгы посадили выше остальных»*. Возникает ощущение, что пол в юрте разной высоты и понятия выше-ниже относятся к пространственному понятию высоты.

В-шестых, переводчик добавил от себя кинему: *«Хан Джаныбек почтительно склонил голову в их сторону, и лишь тогда они переменили позы»*. В оригинале это отсутствует, переводческая «добавка» ощущается как нечто искусственное, поскольку в казахской коммуникативной культуре поза *жастыққа жантайып отыру* является знаком того, что человек чувствует себя очень раскованно, свободно. Думается, что в описываемой коммуникативной ситуации жырау никак не чувствовали себя в ханской ставке, как у себя дома.

Анализ невербальных средств общения на материале оригинального и переводного текстов иллюстрирует особую сложность отражения невербальных средств в процессе перевода, ибо за каждой кинемой, проксемой стоит культурный концепт, культурное содержание.

Ж.Т. Балмагамбетова в исследовании, посвященном интегративно-концептологическому аспекту художественного перевода, подчеркивает, что специфичность этнических кинем требует от переводчика особого внимания при выполнении перевода, глубокого познания не только языка оригинала, но и системы жестикюляции народа, носителя данного языка. Переводчик должен сохранить авторские культурные маркеры и помочь инокультурному читателю идентифицировать их, адаптируя для восприятия реципиента [Балмагамбетова, 2010, с. 226]. Сложность передачи в переводном тексте невербальных средств общения заключается в том, что в теоретическом плане в переводоведении данной проблемой серьезно никто не занимался, так же, как и в лексикографии. Отсутствие переводных словарей единиц невербального общения, отсутствие качественных словарей единиц невербального общения на материале одного языка и культуры осложняет работу переводчика.

Ж.Т. Балмагамбетова отмечает, что основные причины, обуславливающие трудности при передаче кинем, сводятся к следующему: отсутствие однозначного соответствия жестов в разных культурах, существование кинесических лакун, совпадение кинем в моторном плане не является эквивалентным совпадением. При переводе необходимо конкретизировать функциональное назначение жеста с помощью микроконтекста или фоновых знаний [Балмагамбетова, 2010, с. 230].

В сфере невербального общения относительно меньше различий наблюдается в мимемах эмотивного характера. К.И. Изард подчеркивает: «Исследования эмоциональной мимики у людей разных национальностей убедительно показали, что такие эмоции, как эмоции радости, удивления, грусти, гнева, отвращения и страха носят врожденный характер; они выражаются и понимаются одинаковым образом всеми людьми... Эти девять основных эмоций и соответствующая им мимика представляют фундамент, свободный от языковых и культурных различий и обеспечивающий взаимное понимание между представителями всех культур» [Изард, 1980, с. 52].

Список литературы:

- Изард К.* Теория дифференциальных эмоций // Эмоции человека / К.Изард. М., 1980.С. 52–71.
- Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика / Г.Е.Крейдлин.М.: Новое литературное обозрение, 2002. 400 с.
- Почепцов Г.Г.* Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. М.: Рефл бук., 2001. 656 с.
- Балмагамбетова Ж.Т.* Интегративно-концептологический аспект художественного перевода: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Балмагамбетова Ж.Т. Кокшетау, 2010. 293 с.
- Есенберлин И.* Кочевники / И. Есенберлин. Алм.: ИД «Кочевники», 2002.720 с.
- Оналбаева А.Т.* Стратификация невербального общения в социокультурном контексте: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Оналбаева А.Т. Кокшетау, 2010. 293 с.

References:

- Balmagambetova Zh.T.* Integrativno-kontseptologicheskii aspekt khudozhestvennogo perevoda: dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.19 / Balmagambetova Zh.T. Kokshetau, 2010. 293 s.
- Esenberlin I.* Kochevniki / I. Esenberlin. Alm.: ID «KochevnikI», 2002. 720 s.
- Izard K.* Teoriya differentsial'nykh ehmtsii // Ehmtsii cheloveka / K.Izard. M., 1980. S. 52–71.
- Kreidlin G.E.* Neverbal'naya semiotika / G.E.Kreidlin. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 400 s.
- Onalbaeva A.T.* Stratifikatsiya neverbal'nogo obshcheniya v sotsiokul'turnom kontekste: dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.19 / Onalbaeva A.T. Kokshetau, 2010. 293 s.
- Pocheptsov G.G.* Teoriya kommunikatsii / G.G. Pocheptsov. M.: Refl buk., 2001. 656 s.

Ковалева Кристина Николаевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kovaleva Kristina
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

СООТНОШЕНИЕ ВЕРБАЛЬНЫХ И МУЗЫКАЛЬНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ЛИБРЕТТО. ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE RELATIONS OF VERBAL AND MUSICAL COMPONENTS IN THE LIBRETTO TRANSLATING. THE PHONETIC ASPECT

Статья посвящена проблемам перевода текстов музыкальных произведений, в частности, либретто больших музыкальных форм, таких как мюзикл и оперетта с точки зрения фонетического соответствия. В работе рассматриваются основные фонетические аспекты, которые являются определяющими в переводческом процессе и необходимые для достижения музыкально-вербального единства между текстом перевода и музыкальной композицией. Такие аспекты как воспроизведение музыкальной фразировки оригинала, рифма, ритм и другие акустико-фонетические особенности, которые возникают при взаимодействии вербального текста и музыкального необходимы даже не столько для того, чтобы сделать максимально адекватный и эквивалентный перевод, а для того, чтобы не создавать препятствий певцу в вокальном исполнении переведенных текстов песен. Таким образом, на этапе предпереводческого анализа перед переводчиком встает задача обозначить для себя не только стилистические и лексические особенности переводимого текста, но и основные параметры музыкального (нотного) рисунка для воспроизведения наиболее важных фонетических характеристик, если его задачей является создание перевода текста музыкального произведения предназначенного для вокального исполнения на театральной сцене.

The article is devoted to the problems of translating musical texts, in particular, libretto of large musical forms, such as musical and operetta from the viewpoint of phonetic match. The article considers the main phonetic aspects that are crucial in the translation process and necessary for achieving musical and verbal unity between the translation text and the musical composition. Such aspects as the reproduction of the original musical phrasing, rhyme, rhythm and other acoustic/phonetic features that occur during the interaction of the verbal text and the music are necessary not so much in order to make the most adequate and equivalent translation as possible, but in order not to create obstacles for the singer in the vocal performance of translated lyrics. Thus, at the stage of pre-translation analysis, the translator is faced with the task of identifying not only the stylistic and lexical features of the translated text, but also the main parameters of the musical pattern (notation) for reproducing the most important phonetic characteristics, if his task is to create a translation of a musical work intended for vocal performance (on the stage).

Ключевые слова: перевод либретто, фонетический аспект, фразировка, просодическое соответствие.

Keywords: translation of libretto, phonetic aspect, phrasing, prosodic match.

Проблема переводов текстов музыкальных произведений остается весьма актуальной в современном мире в силу того, что данная область исследований не изучена в полной мере, и до сих пор не выработаны и не унифицированы методы работы с такими текстами. Зачастую исследователи уделяют больше внимания теории и методологии художественного перевода таких литературных форм как проза и поэзия, игнорируя такое литературное направление как тексты вокальных произведений, а именно либретто больших и малых музыкальных форм. Безусловно, исполнительские навыки вокалиста - это важный фактор того, как слушатель

воспримет и интерпретирует для себя то или иное вокальное произведение. То, как будет сочетаться слово с музыкой и, соответственно, как его будет воспроизводить исполнитель, зависит от автора текста, если слова были положены на музыку, и от композитора, если музыка была сочинена к уже готовому тексту.

Основной потенциальный спрос на перевод музыкальных произведений приходится на произведения больших форм, в частности тех жанров, которые вызывают у театральной публики наибольший интерес - это жанр мюзикла и оперетты. Несмотря на то, что долгое время различия этих двух жанров были довольно размыты, вследствие развития американской и европейской оперетты мюзикл стал отдельным театральным-музыкальным жанром. И если жанр мюзикла продолжил свое развитие, то развитие оперетты остановилось в XX веке. Но, несмотря на такую динамику в области музыкального театра, вопрос создания качественных переводов, как мюзиклов, так и оперетт остается все еще актуальным: данные направления играют важную роль в развитии мировой и российской культуры, а также в формировании межкультурной компетенции и культурной грамотности. Термин «межкультурная компетенция» интерпретируется в данной работе, как умение эффективно взаимодействовать с представителями других культур на своем родном языке, которое вырабатывается за счет методов освоения других культур и культурных универсалий, не зависящих от языка общения. [Черняк Н.В.; 2015, с. 69]. Под обучением мы понимаем изучение культурных особенностей посредством просмотра театральных постановок иностранных произведений на родном языке реципиента.

Исследование ВЦИОМ о знании иностранных языков среди граждан России (2019) показывает, что всего 31% респондентов может объясняться и понимать речь на английском языке на бытовом уровне, 5% - владеют языком свободно; 14% опрошенных знают немецкий язык на бытовом уровне, 1%- владеют немецким языком свободно. Анализ статистики показывает, что на знание других языков приходится меньше 3%. Таким образом можно сделать вывод, что для освоения современным человеком культурной грамотности и формирования межкультурной компетенции необходим медиатор. Таким медиатором культур становится переводчик.

Режиссер театра «Московская оперетта», заслуженная артистка России Татьяна Викторовна Константинова, рассказывая о том, как она восстанавливала на сцене театра оперетту «Бал в Савое», которая была забыта российскими постановщиками на более чем полвека, отметила, что она столкнулась с большими трудностями. Из шести существующих переводов на русский язык не было ни одного, который бы соответствовал по качеству и сюжету оригиналу. И именно потому, что не было хорошего перевода либретто этой оперетты,

спектакль не мог быть оценен ни публикой, ни режиссерами – постановщиками [интервью из личного архива].

Для структуризации исследования процесса перевода текстов музыкальных произведений необходимо выделить уровни, на которые следует обратить внимание. Первым и одним из самых важных уровней является фонетический. Изучение фонетической составляющей языка является неотъемлемой частью исследований, связанных с переводом аудио - визуальных произведений. В рамках исследований переводов текстов музыкальных произведений, грамотно проанализированная и переданная фонетика играет не меньшую роль, чем передача смысла текста произведения. Особенности фонетики языка определённого человека может нести в себе важную для восприятия реципиента информацию. Под понятием «фонетика» в рамках исследования мы понимаем комплекс основных составляющих, характеризующих музыкальное вокальное произведение: ритм, рифма, мелодика и фразировка.

Вокальная речь является особой фонетической подсистемой литературного языка, которая обладает специальными акустическими/ фонетическими параметрами и функционирует определенным образом. Музыкальный язык схож с естественным языком (вербальным). Строение обеих систем характеризуется одинаковыми терминами: звук, фраза, предложение и др. И если мы совершаем перевод текста музыкального произведения, необходимо сделать так, чтобы части и музыкального, и вербального текста совпадали и образовывали собой одно целостное произведение.

Если основная цель переводческой деятельности состоит в том, чтобы обеспечить перевод для вокального исполнения, существуют определенные аспекты музыкально-текстуального соответствия, которые требуют особого внимания и которые ведут к дальнейшему выбору. То, как тексты песен воздействуют на аудиторию, неизбежно будет зависеть от того, как музыка функционирует одновременно с текстом. Хотя европейская мелодико-поэтическая норма и не является универсальной, она уже давно требует, чтобы песенная лирика демонстрировала просодическое, поэтическое и по возможности даже семантико-рефлексивное соответствие музыке.

Прежде всего, для просодического соответствия используются следующие элементы просодии: ритм, ударение, интонация - универсальные речевые явления, проявляющиеся в пении в стилизованной и контролируемой форме. Фонетическое соответствие тексту оригинала является проблемой особенно актуальной для перевода музыкальных произведений больших форм и включает в себя обеспечение того, чтобы гласные и согласные были достаточно легки для вокального исполнения. Ронни Аптер описывает это как возможную

просодическую подгонку, стремление к сходству в артикуляции между текстом и мелодией [Apter Ronnie; 1985, с. 310].

Поэтическое соответствие тесно переплетается с гармонической структурой музыкального произведения. Именно через гармоническую структуру подобранных и сопоставленных мелодических характеристик, усиливающегося или сокращающегося аккордового движения внимание аудитории управляется и удерживается. Тексты песен могут отражать такие структуры и свойства с помощью таких средств, как стилистические фигуры, кульминация и динамический диапазон, благозвучные или повторяющиеся звуки, например, рифма.

Семантико-рефлексивное соответствие легко обнаружить в его наиболее очевидном проявлении, в образных описаниях. Идеи и смысл музыкального рисунка в вокальном произведении связаны с вербальным текстом, например, восходящие пассажи обычно характерны для «возвышенных/восторженных» оттенков, а диссонансы для «боли». Этот принцип может также быть применим к общему сходству, например к представлению о том, что позитивные образы текста музыкального произведения должны сопровождаться радостной музыкой (слова отражают музыкальное движение).

Просодическое соответствие можно назвать самым основным требованием к переводчику, так как в его отсутствие технически переводы песен, скорее всего, невозможно будет исполнить. Необходимость поэтического или семантико-рефлексивного соответствия будет варьироваться в зависимости от конкретной ситуации. В некоторых случаях переводчик песни может выбрать только один из трех уровней, скорее всего, первые два, поскольку семантико-рефлексивное соответствие предполагает присутствие первых двух.

В основе данного исследования лежит текст либретто англо-американского мюзикла Эндрю Ллойда Уэббера и Джима Стаймана «Свистни по ветру» («Whistle Down the Wind», 1996). Рассмотрим следующий музыкальный отрывок из одноименной арии на предмет просодических элементов:

The image shows a musical score for a vocal line and piano accompaniment. The key signature is three sharps (F#, C#, G#), and the time signature is 4/4. The vocal line is written in a soprano clef and consists of a single melodic line. The piano accompaniment is written in a grand staff (treble and bass clefs) and consists of a single harmonic line. The score is divided into two measures. The first measure has a chord symbol 'F#B' above the vocal line. The second measure has a chord symbol 'F#B' above the piano accompaniment. The piano accompaniment features a steady bass line and a treble line with chords and some melodic movement.

Попробуем проанализировать данный отрывок. Можно заметить, что он состоит из двух музыкальных фраз (одна фраза в первом такте, другая во втором). Таким образом, еще на этапе предпереводческого анализа мы можем определить количество и длину фраз. Чтобы произвести такой анализ, переводчику не требуется особых знаний в области музыки и сольфеджио. Обратим внимание, что музыкальные пассажи довольно спокойные, нет резких скачков. Поэтому можно предположить, что и в тексте (лексически и стилистически) не будет резких скачков. Теперь посмотрим на тот же отрывок, но с текстовой составляющей.

Здесь в тексте оригинала музыкальные и вербальные фразы, соответственно, совпадают, так как музыка и текст создавались синхронно с участием композитора и для вокального исполнения. Так как перевод является продуктом, предназначенным для вокального исполнения, необходимо сделать его не только понятным для аудитории, но и удобным для исполнителя. Сохраняя фразировку оригинального текста (вербального и музыкального), переводчик не создает лишних проблем и препятствий для всех участников аудио - визуальной коммуникации.

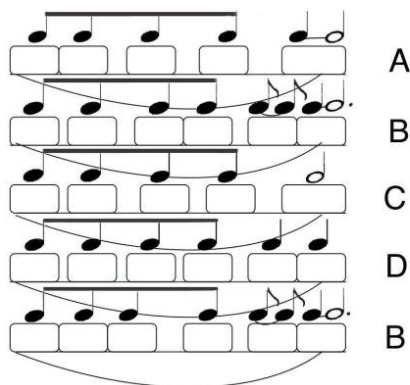
Следующий параметр, который необходимо учитывать при переводе текста музыкального произведения - это рифмический рисунок. Повторение рифмы текста оригинала, во-первых, также поможет выстроить логику музыкально-поэтического текста (нужно отметить, что тексты музыкальных произведений по большей части основаны на текстах поэтических, обладающих определенной рифмой и ритмом), а во-вторых, исполнителю переведенного произведения не придется ломать голову над тем, как исполнить тот или иной фрагмент.

Текст оригинала	Подстрочный перевод
Whistle down the wind, Let your voices <u>carry</u> , Drown out all the rain, Light a patch of darkness,	Свистите по ветру, пусть ваши голоса разносятся, заглушают весь дождь, освещают пятно тьмы

Рассматривая вербальную и музыкальную составляющую (ноты) представленного примера можно на этапе предпреводческого анализа определить рамки, которые поспособствуют созданию перевода текста музыкального произведения. Анализ показал следующие фонетические особенности:

1. Рифмический рисунок: рифмуются 2 и 5 строчки (ABCDB);
2. Музыкальная фразировка совпадает с вербальной;
3. Выявляются вербально и музыкально неделимые отрезки.
4. Нет резких повышений и понижений в мелодии (музыкальный текст представляет собой некое повествование).

На основе представленных показателей попробуем обозначить схематично соотношение музыкальных морфем и фонетических особенностей текста либретто.

Представленная схема дает нам возможность проанализировать данный музыкальный отрывок более подробно:

1. Каждая строчка представляет собой законченную музыкальную фразу;
2. Прямоугольниками обозначены слоги (прямоугольники без пробелов обозначают слова из нескольких слогов);
3. Рифма обозначается буквами на конце строчки;
4. Каждому слогу соответствует нота(-ы) определенной длительности; дугами обозначены залигованные ноты, которые исполняются без пауз.

Создание подобных схем позволит переводчику наглядно обозначить рамки, которые определяют количество возможных вариантов подбора слов при переводе с точки зрения формы музыкального произведения. В первой фразе (строчке) согласно музыкальному рисунку мы имеем право при переводе оставить четыре слова, где первое состоит из двух слогов. А также мы можем варьировать и изменять количество слогов в словах в рамках пяти слогов, потому что все ноты в данной фразе залигованы (исполняются слитно, протяжно, без

пауз). Если бы ноты не были залигованы, а наоборот, было бы обозначения стаккато (отрывистое исполнение каждой ноты), в таком случае каждая нота должна была бы сопровождаться словом из одного слога, так как, согласно правилам вокального исполнения, слово является неделимой единицей (его нельзя разрывать дыханием/паузой и исполнять по слогам).

Из существующих переводов данной композиции представленных в интернете не нашлось такого, который бы полностью соответствовал музыкальному/фонетическому рисунку оригинала, поэтому в таблице ниже предложен также свой авторский вариант перевода отрывка.

Перевод Лианы Б. (сайт en.lyrsense.com)	Перевод от лейбла The Really Useful Group (сайт muztext.com)	Авторский перевод
Свистни по ветру, Позволь унести твои голоса, Заглушая дождь, Освети темные закоулки Предательские и жуткие.	Свист по ветру Пусть ваши голоса несут Заглушить весь дождь Зажги пятно тьмы Коварный и страшный.	Свистни на ветру, Пусть летят все голоса, Дождь исчезнет вдруг, Свет заглушит тьму Предательства и зла.

Рассмотрим еще один пример и обратим внимание на указанные выше особенности фонетических характеристик, формирующих естественность и удобство для вокального исполнения переводов текстов музыкальных произведений:

The image shows a musical score snippet with two staves. The top staff is the vocal line in treble clef, and the bottom staff is the piano accompaniment in bass clef. The key signature has three sharps (F#, C#, G#). The lyrics are: "I'll be there to hold you, I'll be there to stop the chills and all the weep-ing." Above the vocal line, there are chord symbols: F#m4, F#, F#m4/G#, F#/A#, and B. The piano accompaniment consists of chords and moving lines in both hands.

Согласно музыкальному (нотному) тексту в отрывке можно выделить три фразы. Обратим внимание, что количество фраз при переводе не будет зависеть от количества строк в произведении и от количества тактов в строчке, а от музыкального рисунка. Следовательно, и количество слогов в одной переведенной фразе не будет зависеть от количества нот в такте (последняя нота во втором такте принадлежит третьей фразе).

Таким образом, для облегчения переводческого процесса переводчику будет полезно сделать для себя некоторого рода заготовки, в которых схематично будут обозначены музыкальные свойства (фонетические), в частности:

- количество фраз в изучаемом отрывке (текст музыкального произведения обычно логичнее всего рассматривать по куплетам/строфам);
- количество слогов и музыкальных акцентов;
- длительность звучания нот и пауз (целая, половинная, четвертная, восьмая, шестнадцатая, тридцать вторая),
- отношения между нотами и музыкальными фразами (например, в первом рассматриваемом отрывке каждая фраза залигована, то есть должна исполняться на одном дыхании без пауз; также во второй и пятой строчке есть лига, которая соединяет две ноты);
- обозначение рифмического рисунка.

Несмотря на большое количество параметров музыкального текста и особенностей взаимодействия нотных и вербальных составляющих переводимого текста, «верность» переводчика либреттисту и композитору должна быть вполне гибкой в силу различий переводимого языка и родного. Переводчику необходимо решить, какой процент текстовой аппроксимации следует использовать, чтобы соответствовать стилистическим и формальным особенностям текста и для упрощения процесса перевода использовать определенные алгоритмы и схемы (например, за основу можно взять схему предложенную выше). Кроме того, следует учитывать жанр музыки, пространственные, временные, акустические и визуальные ограничения, в которых должна функционировать песня. Связь между музыкой и речью дает право утверждать, что они являются звуковыми процессами с аналогичными правилами и законами, фонетической стилистикой и общими образными закономерностями, которые не стоит игнорировать при переводе либретто.

Список литературы:

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 256

Гавриков В.А. Песенная поэзия: проблема художественности// Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып.37. С.35-41

Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 14–285.

Черняк Н.В. «Межкультурная компетенция» и смежные термины в понятийном аппарате межкультурной дидактики// Вести. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т.13, вып.2. С.68-76

Apter, Ronnie 'A Peculiar Burden: Some Technical Problems of Translating Opera for Performance in English', 1985. *Meta* 30(4): 309-19.

Gorlée, Dinda L. 'Intercode Translation. Words and Music in Opera', 1997. *Target* 9(2): 235-70.

Переводы: https://en.lyrsense.com/sarah_brightman/whistle_down_the_wind

<https://muztext.com/lyrics/1138796-andrew-lloyd-webber-whistle-down-the-wind>

References:

Apter, Ronnie 'A Peculiar Burden: Some Technical Problems of Translating Opera for Performance in English', 1985. *Meta* 30(4): 309-19.

Chernyak N.V. «Mezhkul'turnaya kompetentsiya» i smezhnye terminy v ponyatiinom apparate mezhkul'turnoi didaktike// *Vesti. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya.* 2015. T.13, vyp.2. S.68-76

Gavrikov V.A. Pesennaya poehziya: problema khudozhestvennosti// *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2009. №35 (173). *Filologiya. Iskusstvovedenie.* Vyp.37. S.35-41

Gorlée, Dinda L. 'Intercode Translation. Words and Music in Opera', 1997. *Target* 9(2): 235-70.

Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* // *Lotman Yu. M. Ob iskusstve.* SPb.: Iskusstvo – SPB, 1998. S. 14–285.

Vinogradov V.V. *Stilistika. Teoriya poehticheskoi rechi. Pohtika.* M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963. S. 256

Translations: https://en.lyrsense.com/sarah_brightman/whistle_down_the_wind

<https://muztext.com/lyrics/1138796-andrew-lloyd-webber-whistle-down-the-wind>

*Ковалевич Елена Павловна
Томашева Ирина Владимировна
Чернова Любовь Викторовна*
Армавирский государственный педагогический университет
г. Армавир (Россия)

*Kovalevich Elena
Tomasheva Irina
Chernova Liubov*
Armavir State Pedagogical University
Armavir (Russia)

КОНТЕНСИВНО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПЕРЕВОДАХ С.А. ЕСЕНИНА НА АНГЛИЙСКИЙ И ИСПАНСКИЙ ЯЗЫКИ

CONTENSIVE SYNTAX TRANSFORMATIONS IN ENGLISH AND SPANISH TRANSLATIONS OF S.A. YESENIN

В данной статье, исследование контенсивного синтаксиса С. Есенина представляет собой анализ маркированных элементов и типичных для поэта конструкций, активно используемых им в стихотворных произведениях, что позволяет выделить специфические особенности поэтического синтаксиса. Определяются доминантные компоненты, сохраняющиеся в рамках синтаксической структуры своих произведений поэта на протяжении всего творческого пути или отдельных его этапов. Важнейшая для поэтических текстов функция воздействия обуславливает активное использование лексико-семантических и семантико-синтаксических средств. Оригинальность создается самим есенинским слогом – системой семантико-грамматических соотношений словоформ в словосочетании и в предложении, а также особыми типами синтаксических конструкций, используемых автором в тексте. Помимо часто встречающихся в произведениях поэта определённо-личных конструкций, в стихотворных текстах С. Есенина используются и безличные односоставные предложения, наполняющие его лирического героя эмоциями, которые выражают его неприятие окружающего мира. В процессе перевода, синтаксические трансформации вызываются как языковыми (системно-обусловленными, нормативными, узуальными) причинами вследствие выявленных на основе сопоставительного анализа различий двух языков на этих уровнях, так и коммуникативно-переводческими (прагматическими, индивидуально-переводческими) причинами, связанными с обеспечением успеха межъязыковой коммуникации. Переводческие синтаксические трансформации часто сочетаются друг с другом, принимая характер сложных комплексных трансформаций.

In the article, the contensive syntax of S. Yesenin is analyzed with consideration of both special, marked elements and typical for the poet constructions, actively used in his poetic works, which allows to distinguish the specific features of poetic syntax. The dominant components retained within the syntactic structure of his works throughout his creative path are also determined.

The most important for poetic texts impact function determines the active use of lexico-semantic semantico-syntactic means. Originality is created by the verses themselves presented by the system of semantic and grammatical relations of word forms in word combination and in sentences, as well as by special types of syntactic constructions used by the author in the text. In addition to the frequently found definitely-personal constructions, in S. Yesenin's poems, impersonal one-part sentences are often used, filling his lyrical hero with emotions that express his rejection of the world around.

In the process of translation, syntactic transformations are caused both by linguistic (systemically-conditioned, related to norm and usage) reasons due to the comparative analysis of differences between the two languages at these levels, and communicative-translation (pragmatic, individual-translation) reasons related to ensuring the success of cross-cultural communication.

Translation syntactic transformations are often combined with each other, resulting in complex transformations

Ключевые слова: контенсивный синтаксис, синтаксические конструкции, синтаксические трансформации.

Key words: contensive syntax, syntactic structures, syntactic transformations.

Перевод поэзии относится к отдельной категории перевода, поскольку поэзия как жанр, в силу своих особенностей, требует особого внимания. Уникальность поэтического текста во многом обусловлена как его культурной спецификой, так и структурными особенностями языка, на котором он создан. Основной задачей переводчика становится сохранение не только смыслового, но и структурного, стилистического, художественного и образного единства поэтического текста.

Синтаксис произведений С. Есенина имеет сложную и многогранную структуру. Важнейшая для поэтических текстов функция воздействия обуславливает активное использование как лексических, так и специфических синтаксических средств, контролирующих порядок слов, за которыми проступают образы, словесные знаки, эмоции, впечатления. Оригинальность создается самим есенинским слогом - системой семантико-грамматических соотношений словоформ в словосочетании и в предложении, а также особыми типами синтаксических конструкций, используемых автором в тексте.

Синтаксический рисунок формируется в процессе порождения текста через отбор языковых средств, которые, с позиции С.Есенина, способствовали бы наилучшему решению стоящей перед ним коммуникативной задачи, сильнее воздействовали на адресата. Для реализации этой сложной задачи автор избирает разнообразные эмотивные, оценочные, образные, стилистически маркированные, композиционно-структурные языковые средства, важнейшими из которых являются синтаксические. Все эти факторы являются движущими силами формирования экспрессивности текста, они реализуются в языке эмотивно-оценочными, стилистически-маркированными образными и структурно-композиционными средствами, совокупность которых образует общий интегральный механизм формирования особого, есенинского стиля.

Мы обратились к анализу не только типичных конструкций, активно используемых поэтом в произведениях, но и особых, маркированных, отклоняющихся элементов, что позволяет выделить специфические особенности поэтического авторского синтаксиса, а также определить доминантные компоненты, которые автор сохраняет в рамках синтаксической структуры своих произведений на протяжении всего творческого пути.

В языке поэтических произведений С. Есенина тематические поля обращений (природы, внутреннего мира человека, философских категорий) в основном соответствуют определённым им самим важнейшим личностным доминантам его «особой жизни»: *сердце, дух бродяжий, жизнь моя*, например:

Русский	Английский	Испанский
<i>Ты теперь не так уж будешь биться, Сердце, тронутое холодком</i>	<i>Having got to know the touch of coolness</i>	<i>Ahora ya no vas a batir corazón, tocado por un frío</i>

	<i>I will not feel, as before, so good</i>	
--	--	--

Простое двусоставное частноотрицательное предложение оригинала, осложнённое риторическим обращением в форме полупредикативного определения, в переводе на английский язык трансформируется в собственно-отрицательное, с элиминацией обращения, но с сохранением полупредикативной единицы и переносом модальности непосредственно на лирического героя: *I will not feel, as before, so good*. Переводчик, используя приём генерализации, предлагает иной функционально-коммуникативный тип описания состояния героя.

В переводе на испанский язык обращение сохраняется, но инверсионная трансформация отрицательной конструкции и использование неопределенного артикля "un" приводит к такому пониманию содержания, в соответствии с которым сердце уже не будет биться, а, возможно, остановится от холода совсем, в то время как у С. Есенина сердце не так, как раньше, но будет биться.

Русский	Английский	Испанский
<i>Дух бродяжий! ты всё реже, реже Расшевеливаешь пламень уст</i>	<i>Vagrant's spirit! You do not so often Stir the fire of my lips these days</i>	<i>El deseo de aventura cada vez es menor y el fuego de los labios ya se ha ido</i>

В следующем примере мы наблюдаем, как утвердительное предложение с обращением «Дух бродяжий» становится частноотрицательным, свидетельствуя о трансформации самой формы отражения действительности: *you do not so often*, хотя и с сохранением есенинской образности: *stir the fire of my lips*.

Трансформация предложения, осложненного обращением в русском языке и элиминированного в испанском, приводит к утрате образности и эмотивности, превращая его с функционально-коммуникативной точки зрения в повествовательное, передающее собственно информацию.

Следующий пример иллюстрирует смещение модальности и предметности в англоязычном варианте перевода, а в испанском – сохранение формы обращения, с изменением в первом случае тема-рематической цепочки, а во втором – парцелляции. Отсутствие эксclamации и количественное увеличение форм риторического вопроса приводит к изменениям эмотивной прагматики содержательной части предложения.

Русский	Английский	Испанский
<i>Жизнь моя, или ты приснилась мне?</i>	<i>Oh, my life! Have I been sleeping fast?</i>	<i>¿he vivido mi vida o la he soñado? (перевод Edgardo Malaspina)</i>

		<i>¿Vida mía? ¿O acaso me has soñado? (перевод Olga Starovoitova y José Jiménez)</i>
--	--	--

В испанском переводе данные трансформации обусловлены не языковыми причинами, а скорее индивидуально-переводческими, поскольку система языка, норма и узус позволяют сохранить синтаксическую структуру предложения и его прагматическую функцию.

Оригинальность есенинских произведений создается самим слогом – системой семантико-грамматических соотношений словоформ в словосочетании и в предложении, а также особыми типами синтаксических конструкций, используемых автором. Доминирующими являются двусоставные конструкции с простыми глагольными и составными именными сказуемыми. Подлежащее в большей части предложений выражено местоимением первого лица «Я». На наш взгляд, поэт стремится обнаружить собственную идентичность, заявляя о себе как о личности:

Русский	Английский	Испанский
<i>В первый раз я запел про любовь, В первый раз отрекаюсь скандалить.</i>	<i>For the first time I'm singing of love, For the first time I give up contention</i>	<i>La primera vez que canté sobre el amor, Por primera vez me doy por vencido Por primera vez me puse a cantar del amor, Por primera vez me niego a escandalizar</i>
<i>Был я весь - как запущенный сад, Был на женщин и зелие падкий.</i>	<i>I was all like a desolate grove Loving women and heavily drinking.</i>	<i>Todo yo era como un jardín abandonado, Estuve con las mujeres y me aficioné al vodka.</i>
<i>Худощавый и низкорослый, Средь мальчишек всегда герой, Часто, часто с разбитым носом Приходил я к себе домой.</i>	<i>Used to be undersized and lean, and Yet an ace beside other guys, With a bleeding nose, in the evening I would come back home oftentimes.</i>	<i>Delgada y de tamaño insuficiente, Entre los chicos es siempre un héroe, a menudo, a menudo con una fractura en la nariz Llegué a su casa.</i>

В переводе этих строк на английский язык наблюдается сопряжение оригинала и перевода, что, вероятно, объясняется ориентированностью англоязычных культур на индивидуальность, самоценность личности.

Нормативные параметры, система и узус испанского языка требуют опущения личного местоимения, выполняющего функцию подлежащего в структуре предложения. Однако его употребление в речи рассматривается как синтактико-стилистическое средство экспрессивности и эмотивности. В связи с этим любые синтаксические трансформации,

связанные с языковыми или коммуникативно-переводческими причинами, приводят к изменению или утрате содержательных смыслов в варианте перевода.

В преобладании позиции «Я» в пределах небольших текстов данного периода отчетливо ощущается потребность поэта быть увиденным и быть принятым в своей «инаковости». Именно поэтому в кругу односоставных построений доминируют определённо-личные, специфичность которых связана со способностью русского языка передавать персональность одним главным членом, например: *Не жалею, не зову, не плачу ...* В главном члене органично представлены два значения: вещественное и грамматическое. Стоящий за текстом лирический герой – сам поэт, что, несомненно, особенно сильно ощущается в данном типе личных конструкций. Фразы выстраиваются в трехэлементную восходящую градационную цепочку, что усиливает степень эмоционального воздействия на читателя.

Неопределённо-личные конструкции нечасты, значение их типично для данного типа односоставных предложений: на первый план выходит само действие, а не его деятель, например:

Русский	Английский	Испанский
<i>Если раньше мне били в морду, То теперь вся в крови душа</i>	<i>And if then I was hit in the snout, Now, my soul is in blood all o'er</i>	<i>Si antes me golpearon en la cara, Ahora cubierta en el alma de sangre</i>

В переводах на английский язык такие структуры подвергаются трансформации в сторону Я-конструкций, становясь личными, с составным сказуемым в форме страдательного залога. В испанском переводе структура неопределённо-личных предложений сохраняется, и трансформации касаются исключительно временных форм, обусловленных системой языка.

Стихотворные тексты С. Есенина часто содержат и безличные односоставные предложения, наполняющие его лирического героя эмоциями, которые выражают его отторжение окружающего мира:

Русский	Английский	Испанский
<i>Разонравилось пить и плясать И терять свою жизнь без оглядки.</i>	<i>I don't drink any more and don't love - Like I did, living fast and unthinking.</i>	<i>Ya no me gusta beber y bailar Y perder mi vida sin mirar atrás.</i>

Лирический герой в безличных предложениях пассивен, он испытывает определённое состояние, но оно состояние формируется некими силами окружающей среды как вне, так и внутри героя произведения. Сохранение подобных конструкций трудно представить в англоязычном переводе, который иллюстрирует полярную трансформацию – безличности в личность, что влечёт за собой трансформацию таких категорий, как одушевлённость и

модальность, усиливающих выраженность субъекта, обусловленную как системными, так и прагматическими факторами в переводе.

В испанском переводе безличность предложения так же, как и в английском, была трансформирована в предложение, где субъект действия обозначен грамматической категорией первого лица. Соответственно компонент содержания «пассивное отношение и отторжение окружающего мира» изменяется на эмотивно-личностное состояние лирического героя *ya no me gusta*.

Инфинитивные предложения с частицей *бы* выражают особую модальность: желательность действия, опасение по поводу его неосуществления:

Русский	Английский	Испанский
<i>Мне бы только смотреть на тебя, Видеть глаз злато-карий омут</i>	<i>All I want is <u>to look</u> at the vast Of your gold-brown eyes, and, - oh, bother! –</i>	<i>Para mí solo con mirarte, ver la dorada y castaña hondura de los ojos</i>
<i>Только б тонко касаться руки И волос твоих цветом в осень.</i>	<i>If you let me <u>take hold</u> of your hand And your hair, the colour of autumn.</i>	<i>Con tan solo en otoño, con una flor razar Suavemente tus manos y tus cabellos.</i>

В процессе перевода на английский язык, вместе с полярной трансформацией происходит трансформация модального плана: желательность в оригинале превращается в ярко выражено волеизъявление: *All I want is to look*. Хотя желательность является коррелирующей категорией в переводе, выражается она по-разному: синтаксические отношения условия в англоязычном варианте явно эксплицируются.

В испанском варианте перевода при сохранении инфинитивных конструкций устанавливается функциональная прагматика цели без наличия условия и модальности желания.

Разные тексты имеют неодинаковый синтаксический рисунок. Так, например, предложения текста «*Не жалею, не зову, не плачу*» имеют естественный для русского языка прямой порядок слов, а текст «*Я обманывать себя не стану*» включает немало предложений с обратным порядком слов. За счёт инверсий С. Есенин создаёт определённую ритмическую инерцию восприятия текста:

Русский	Английский	Испанский
<i>Я обманывать себя не стану, <u>Залегла забота в сердце</u> мглистом.</i>	<i>I will not deceive myself, admitting <u>I have worries in my heart</u>, so dreary.</i>	<i>No voy a engañar a nosotros mismos, <u>Colocar en el centro de la</u> preocupación por brumos...</i>

На наш взгляд, такой порядок слов позволяет автору ярко высветить наиболее важные в смысловом отношении предикаты, подвергнутые инверсии. К сожалению, инверсия как таковая не проявляет себя ни в англоязычном переводе этого отрывка, ни в испанском.

Инверсивные предложения в оригинале создают композиционное кольцо: параллелизм вопросов в первом четверостишии дистантно перекликается с репликами-ответами:

Русский	Английский	Испанский
<i>Отчего прослыл я шарлатаном?</i> <i>Отчего прослыл я скандалистом?</i>	<i>Why am I reputed as a cheating Crook and trouble-maker, really?</i>	<i>¿Por qué, yo era conocido como un charlatán?</i> <i>¿Por qué, yo era conocido como un luchador?</i>
<i>Оттого прослыл я шарлатаном,</i> <i>Оттого прослыл я скандалистом.</i>	<i>That's the reason why they tend to count Me to be a crook and trouble-maker.</i>	<i>Debido a que era conocido como un charlatán,</i> <i>Debido a que era conocido como un camorrista.</i>

Инверсия здесь выступает в комплексе с параллелизмом и кольцевым повтором как средство композиционного и архитектурного членения текстового целого и оформления текста, а также как элемент построения доминирующих языковых лейтмотивов. Лексический повтор поддерживается грамматическим, поскольку повторяется и грамматическая форма – составное именное сказуемое начальных предложений, т.е. с грамматической точки зрения повторным элементом выступает грамматическая основа этих предложений.

При переводе на английский наблюдается ослабление воздействующей силы повтора вследствие утраты насыщенности фрагмента риторическими фигурами, а в испанском переводчику удалось сохранить и инверсионность, и структуры синтаксического параллелизма, что позволяет читателю обратить внимание на авторские лейтмотивы.

Параллелизм типичен для многих произведений поэта. Так, в стихотворении «*Всё живое особой метой...*» параллелизм выполняет логическую функцию, этот повтор позволяет читателю осознать единство достаточно крупных фрагментов текста:

Русский	Английский	Испанский
<i>Если не был бы я поэтом,</i> <i>То, наверно, был мошенник и вор.</i>	<i>If I hadn't become a poet,</i> <i>I'd have likely been a thief and a crook</i>	–
<i>Если раньше мне били в морду,</i> <i>То теперь вся в крови душа.</i>	<i>And if then I was hit in the snout,</i> <i>Now, my soul is in blood all o'er.</i>	–

Мы видим, что системные отношения лексики английского языка позволяют сохранить синтаксические особенности оригинала в переводе.

Значительный потенциал влияния несут авторские рассуждения С. Есенина, включающие риторические восклицания, сравнительные конструкции, открыто выражающие

всплеск чувств поэта, не вызывающие затруднений в декодировании эмоционального приращения:

Русский	Английский	Испанский
<i>О, моя утраченная свежесть, Буйство глаз и половодье чувств!</i>	<i>Oh my freshness, that begins to soften! Oh my lost emotions, vehement gaze!</i>	<i>Oh, mi perdida fresca, alboroto de los ojos, inundación de los sentidos.</i>
<i>Словно я весенней гулкой ранью Проскакал на розовом коне.</i>	<i>Well, it feels like early in the morning On a rosy horse I've galloped past.</i>	<i>Como si en resonante madrugada de abril hubiera galopado sobre un caballo rosa.</i>

Что касается англоязычного варианта, он позволяет ощутить эмоции автора, но, к сожалению, не во всём объёме: не переданными оказываются специфическая культурная реалья «половодье» и характеристика раннего утра «усиливающий звуки, имеющий сильный резонанс» [КСВРЯ], превратившегося просто в раннее утро. Нам представляется, что выбор переводческих решений был обусловлен коммуникативно-переводческими причинами, когда предпочтение отдаётся сохранению ритма. В результате происходит обесцвечивание образа розового коня как символа мечты, юности, самой жизни, и в итоге – распад символики произведения.

В испанском варианте перевода риторические восклицания в основном сохраняются с силу национально-специфического узуса языка. В иных случаях, как и в английском переводе, интенсивность эмоции снижается.

Таким образом, использование различных средств контенсивного синтаксиса поддерживается композицией, позволяет передавать психологические нюансы и смыслы, связанные с текстовым целым, помогает поэту самобытно выражать внешние и внутренние состояния, оформлять процесс поэтической коммуникации.

Сложность перевода есенинских стихов связана со сложной образностью избранных автором языковых средств разных уровней. Трансформации, имеющие место в процессе перевода произведений поэта на английский и испанский языки, свидетельствуют о попытках преодолеть системно-обусловленные несоответствия и обеспечить успех межъязыковой коммуникации, решая переводческие задачи на уровне прагматики.

Существующие на данный момент переводы могут помочь как в понимании внутреннего мира и ориентиров С.А. Есенина, так и повысить интерес переводчиков и широкой публики к его творчеству.

Список литературы:

Карта слов и выражений русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://kartaslov.ru>.
Sergey Yesenin. Collection of Poems. Bilingual Version (Russian-English). Translated from the Russian by Alec Vagarov [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://samlib.ru/w/wagapow_a/yesen.shtml.

Traducciones directas al español de poesías y poemas de Serguéi Esenin por Luis Santomá Juncadella [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://eprints.ucm.es/46060/1/TraduccionesSergueiEsenin.pdf>
Los poemas de Sergei Esenin [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sergey-esenin.su>.
Serguéi Esenin en la traducción de Edgardo Malaspina [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://sergey-esenin.su/?lang=es>.

References:

Karta slov i vyrazhenii russkogo yazyka [Ehlektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://kartaslov.ru> (In Russian).

Sergey Yesenin. Collection of Poems. Bilingual Version (Russian-English). Translated from the Russian by Alec Vagapov [Ehlektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: http://samlib.ru/w/wagapow_a/yesen.shtml (In Russian).

Traducciones directas al español de poesías y poemas de Serguéi Esenin por Luis Santomá Juncadella [recursos electrónicos] – <https://eprints.ucm.es/46060/1/TraduccionesSergueiEsenin>.

Serguéi Esenin en la traducción de Edgardo Malaspina. Portal Sergey Yesenin [Ehlektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://sergey-esenin.su> (In Russian).

Коровкина Марина Евгеньевна
МГИМО МИД России
г. Москва (Россия)

Marina Korovkina
MGIMO-University
Moscow (Russia)

НАСЛЕДИЕ Г.В. ЧЕРНОВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

CHERNOV'S LEGACY FOR RUSSIAN AND EUROPEAN RESEARCH

Статья посвящена вкладу Г.В. Чернова в исследование синхронного перевода (СП). В ней дается характеристика модели вероятностного прогнозирования в СП, представленной Г.В. Черновым в монографии, вышедшей в 1987 г. В модели описываются когнитивные механизмы СП – вероятностное прогнозирование, инферирование и компрессия – и специфика их проявления и взаимодействия в СП. Вероятностное прогнозирование отвечает за смысловой прогноз в процессе перевода звучащего текста ИЯ на основе инферирования – осуществления смысловых выводов. Г.В. Черновым были описаны факторы, облегчающие функционирование этих когнитивных механизмов в СП. Речь идет о функциональных характеристиках текста ИЯ, избыточности информации, связности и логичности изложения. В статье также отмечается, что инферирование в СП основывается не только на функционально-дискурсивных характеристиках текста ИЯ, но и на экстралингвистической информации. В связи с этим Г.В. Чернов в своей модели уделяет большое внимание прагматическим факторам: знаниям культурного контекста и а мире в целом, предметной области и коммуникативной ситуации СП, в которую входят в качестве важного элемента тема мероприятия, участники и дейксис. Дальнейшее изучение всех трех когнитивных механизмов СП с использованием инструментария когнитивной лингвистики представляется перспективным направлением исследований СП.

The article highlights the contribution made by Geliy Chernov into the research of simultaneous interpreting and describes the model of probability prediction and anticipation in simultaneous interpreting (SI) presented in his book published in 1987. The model provides a description of SI cognitive mechanisms: probabilistic forecasting and anticipation, inferencing and compression, and the specifics of their interaction in the SI process. Probabilistic forecasting stands for the anticipation of sense (meaning) in the process of interpreting the text of the source language and it is based on inferencing. These cognitive mechanisms depend on the text function, information redundancy and text cohesion and coherence. Moreover, inferencing is based both on functional and discursive features of the text and extralinguistic information related to the text. That is why Chernov was one of the first among researchers of translation and interpretation in the Soviet Union and in Europe to pay a special attention to the pragmatic factors in simultaneous interpreting: the knowledge of cultural context and background information, of a specific subject-matter and of a communicative situation of simultaneous interpreting, which includes the topic of the event, participants and deixis. Further studies of the SI cognitive mechanisms through a perspective of cognitive linguistics seem a promising area of SI research.

Ключевые слова: синхронный перевод (СП), вероятностное прогнозирование, инферирование, компрессия.

Key words: simultaneous interpreting (SI), probabilistic forecasting and anticipation, inferencing, compression.

Исследования синхронного перевода (СП) междисциплинарны по своей природе, и такая же междисциплинарность характерна для когнитивных наук. В настоящее время возрастает интерес к исследованиям этого вида перевода, которые проводятся в рамках двух парадигм когнитивных наук: нейролингвистики или психоллингвистики и когнитивно-коммуникативной парадигмы в переводоведении. Базу исследованиям СП в этих рамках были заложены Г.В. Черновом в 70-е – 80-е годы прошлого столетия.

В то время МГПИИЯ им. М. Тореца был площадкой фундаментальных исследований в области лингвистики и психологии. Трудно переоценить значение психолингвистической школы И.А. Зимней, чей инструментарий также использовался Г.В. Черновым, разработавшим модель вероятностного прогнозирования в СП. Методологическими основаниями этой модели служили теория деятельности Л.С. Выготского, теория речевой деятельности Н.И.Жинкина (1970), А.А.Леонтьева (1969) и И.А.Зимней (1978) и теория отражения П.К. Анохина (1968). Эта модель и по сей день служит базой для дальнейших исследований, проводящихся в России и за рубежом. В этой модели представлен основной когнитивный универсальный механизм перевода – инферирование – осуществление смысловых выводов на основе пресуппозиций – и показано его взаимодействие с другими когнитивными механизмами – вероятностным прогнозированием и компрессией. Эти механизмы характерны не только для СП. В любом виде перевода и при любом его направлении происходит извлечение переводчиком смысловых выводов из контекста (при СП – из звучащего текста). Но именно в СП, жестко зависящем от внешних обстоятельств – скорости речи оратора, они проявляются особым образом.

Вначале рассмотрим общий контекст развития науки о переводе. В данном случае мы называем этот раздел научных знаний термином, предложенным Н.К. Гарбовским и О.И. Костиковой [Garbovskiy, Kostikova, 2012, с. 50]. Попутно заметим, что этот термин нам кажется наиболее подходящим, когда имеются в виду фундаментальные исследования по переводу. Термин «теория перевода» может быть применим к более узким, прикладным аспектам исследования, а переводоведение, несмотря на его употребительность в настоящее время, тем не менее своим узусом восходит к советской школе перевода.

В вышеупомянутые годы (60-е – 80-е гг. XX века) происходил расцвет советской школы перевода, становление которой началось в 40 – 60-е гг. Теория перевода развивалась в тот период в рамках лингвистики, и основное внимание уделялось формированию системы «научных понятий и категорий, предназначенных для изучения перевода» [Олейников, 2014, с. 136]. Среди основных вопросов, вызывавших наибольший интерес среди переводоведов, были понятие переводческой эквивалентности, описание и классификация переводческих приемов и трансформаций, сравнительно-сопоставительный анализ языковых систем исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ). По мнению некоторых современных исследователей, данный субститутивно-трансформационный подход, основанный «на сопоставительном изучении языков» и уделяющий «основное внимание системно-языковым основаниям перевода» [там же], находится в оппозиции к коммуникативно-деятельностному подходу, «сформированному на положениях психолингвистики и изучающему перевод с опорой на законы речемыслительной деятельности» [там же]. На наш взгляд, это

противопоставление несколько искусственно. Несмотря на текстоцентричность лингвистического переводоведения, ставящего во главу угла понятие «эквивалентность», исследователи, работающие в рамках этого направления, не могут не вводить в перевод внеязыковую действительность и предметную ситуацию перевода. Так, А.В. Швейцер ввел понятие «коммуникативная ситуация» с описанием ее участников [Швейцер, 1973, с. 62], что сразу вывело перевод за рамки текста, а В.Н. Комиссаров в высших уровнях своей модели эквивалентности также отходит от языковых средств выражения инварианта смысла, руководствуясь прагматическими факторами перевода [Комиссаров, 2002, с. 112].

Кроме того, в 70 – 80-е гг. активно развивалась школа интерпретации и герменевтики в переводе, одним из основоположников которой считается А.Н. Крюков [Крюков, 1988]. Интерпретация – это прежде всего понимание и толкование смыслов текста ИЯ, которые должны быть переданы в тексте ПЯ [Крюков, 1988, с. 44, Мишкурин, 2013, с. 75-76]. Это предполагает «выбор определенных форм выражения, наиболее приемлемых, с точки зрения каждого конкретного переводчика, для данной системы смыслов, ожиданий публики, получающей перевод, условий перевода» [Гарбовский, 2004, с. 213]. Дается большая свобода при работе с текстом ИЯ при его переводе на ПЯ, потому что, во-первых, подчеркивается важность и неоднозначность понимания контекста. Во-вторых, в понимании и толковании смыслов огромную роль играет переводчик-интерпретатор. И в-третьих, все это подразумевает большую вариативность в переводе. Свобода выбора в переводе связана с двумя аспектами: переводческой этикой и творческими возможностями переводчика [Garbovskiy, Kostikova, 2012, с. 59]. На наш взгляд, последний фактор тесно связан с его профессиональной компетентностью, с уровнем развития переводческих компетенций.

Стоит также заметить, что большая свобода в переводе помогает уйти от буквализмов. При этом, чтобы обойти второй подводный камень – чрезмерные вольности в передаче смысла, переводчик должен руководствоваться его инвариантом, что служит ограничительным фактором для вольного перевода. «Перевод – не интерпретация, в нем не может быть смысловых «приписок» [Иванов, 2015, с. 56].

Таким образом, уже в 80-е гг. в рамках школы интерпретации и герменевтики развивалась коммуникативно-деятельностная парадигма, и в настоящее время эта парадигма стала ведущей: научные исследования перевода и его преподавание не могут не основываться на учете коммуникативной ситуации и функциональных характеристик текста ИЯ [Сдобников, Калинин, Петрова, 2019].

В 80-е годы одним из главных представителей этого направления был Г.В. Чернов, который был первопроходцем в исследовании СП. В соответствии с определением Г.В. Чернова, СП – это «сложный вид двуязычной коммуникативно-речевой деятельности устного

перевода, который осуществляется одновременно с восприятием на слух предъявляемого однократно устного сообщения, осуществляемой в условиях дефицита времени и строгой ограниченности объема перерабатываемой информации, предметом и продуктом которой является семантико-смысловая структура перерабатываемого речевого сообщения» [Чернов, 1987, с. 32].

СП протекает в условиях, навязанных внешними обстоятельствами, а именно, темпом речи оратора. Высокий темп речи и линейность текста, т.е. постепенный характер подачи информации и раскрытия смысла вынуждают переводчика прибегать к когнитивным механизмам, которые впервые с такой фундаментальностью были описаны Г.В.Черновым в его работах, статьях и книгах на русском и английском языках. Как уже отмечалось выше, его огромным вкладом в исследование СП была разработка модели вероятностного прогнозирования, основанной на фундаментальных философских представлениях опережающего отражения действительности [Анохин, 1968, 1978].

Как вытекает из процитированного выше определения СП, объектом исследования является процесс СП, а предметом – его продукт и результат. Вслед за Зимней (1978) и Ширяевым (1979), он выделяет в процессе перевода несколько этапов (что соотносится с общепринятым в настоящее время представлением о трехфазности перевода): осмысление сообщения на ИЯ – принятие решения о переводе – высказывание на ПЯ (плюс механизм самоконтроля) [Чернов, 1987, с. 224]. Эти этапы тесно связаны вероятностным прогнозированием – выдвижением гипотезы о развитии смысла в тексте. Кроме самого текста, успешное прогнозирование зависит также от анализа коммуникативной ситуации в СП, в частности, таких ее прагматических параметров, как мероприятие, предметная ситуация, состоящая из ряда событий, приведших к необходимости проведения данного мероприятия, его тема, говорящий (оратор), адресат (аудитория), время проведения мероприятия [Чернов, 1987, с. 109 - 110], потому что именно эти параметры, наряду с характеристиками текста, делают возможным прогноз развития смысла и его инферирование. Прогнозирование в значительной степени зависит от избыточности текста, что в свою очередь связано с его функциональными характеристиками. Чисто языковая, грамматическая избыточность (словоформы в контексте) изучалась Ленинградской группой статистики под руководством Р.Г. Пиотровского. Ее расчеты показали, что «избыточность развитого языка находится в пределах между 70 и 85% (цит. по [Чернов, 1987, с. 130]. Следующий фактор, повышающий (или понижающий избыточность) – функциональные характеристики текста. Его принадлежность к сфере специальной коммуникации, обслуживаемой языком для специальных целей (ЯСЦ), уже – к определенной предметной области, еще уже – к ситуации СП на мероприятии, где затрагивается определенная тема, – все эти факторы также повышают

избыточность текста и, соответственно, облегчают работу механизма вероятностного прогнозирования. И третий важный фактор, также положительно влияющий на прогноз смысла – логичность и связность изложения. Речь идет о когезии и когерентности текста, т.е. его внутреннего смыслового единства, выраженного формальными языковыми структурами – словами-коннекторами, лексически-семантическими повторами и другими лингвоспецифичными средствами глубинной и поверхностной связи, т.е. тема-рематическим членением текста. Анализ вероятностного прогнозирования с точки зрения языковых уровней (слова, синтагмы), предлагаемый Г.В. Черновым [там же, с. 227] в настоящее время кажется уже устарелым.

Вероятностное прогнозирование тесно связано с инферированием – осуществлением смысловых выводов при интерпретации инварианта смысла в тексте ИЯ и его передаче в ПЯ. Этот вопрос мы уже кратко освещали [Коровкина, 2019]. Осуществление смысловых выводов или импликатур возможно только на основе понимания звучащего текста, а понимание зависит от овладения пресуппозициями в ИЯ и ПЯ, то есть от степени общности знаний коммуникантов. В своей монографии на русском языке (1987) Г.В. Чернов упоминает пресуппозиции как данность, сосредотачивая главное внимание на классификации импликатур. Так, Г.В. Чернов выделяет языковые, референциальные, когнитивно-тезаурусные, ситуативно-дейксические и прагматические³³ импликатуры [Чернов, 1987, с. 95–105]. В своей книге на английском языке, вышедшей в 2004 г., он отмечает особую важность пресуппозиций для извлечения смысловых выводов в переводе [Chernov, 2004, с. 58–59]. На наш взгляд, эта область исследований перевода, особенно СП, представляет в настоящий момент особый интерес. Пресуппозиции – это знания о мире, языке и коммуникативной ситуации, они гораздо шире импликатур, выявляющихся только в контексте и способствующих осмыслению конкретного высказывания и текста. Так как импликатуры напрямую зависят от пресуппозиций, их классификации могут совпадать.

Мы выделяем пресуппозиции (и импликатуры) *референциально-языковые*, связанные с представлением информации в тексте при помощи языковых средств, и *когнитивно-тезаурусные*, имеющие отношение к коммуникативной ситуации перевода, его предметной области и шире к полю культуры и общим знаниям о мире [Коровкина, 2019, с. 214], т.е. прагматика понимается в данном случае широко, в духе Т. Гивона [T. Givon, 1989].

К референциально-языковым пресуппозициям (импликатурам) относятся знания и понимание межъязыковых асимметрий, вызванных различиями в языковых и концептуальных картинах мира языков. Именно знание языковых пресуппозиций помогает переводчику найти

³³ Г.В. Чернов следует узкой трактовке прагматики, сводящейся к описанию коммуникативной ситуации и ее участников.

верное переводческое решение, основывающееся на переводческих трансформациях, когда меняются признаки описания ситуации, и в ПЯ эксплицируется, т.е. оформляется при помощи языковых средств, признак, отличный от признака описания ситуации в ИЯ [Коровкина, 2017, с. 23, 122]. Межъязыковые асимметрии проявляются в случае метонимических переносов, в основании образов метафор, в степени детализации описания ситуации, т.е. в имплицитных языковых моделях,

Чисто языковые пресуппозиции также тесно связаны с референциальными, основывающимися на дискурсивных связях текста ИЯ. Как уже отмечалось выше, связность и логичность текста положительно влияет на работу когнитивных механизмов вероятностного прогнозирования и инферирования. Связность текста зависит от уровня кореферентности цепочек связанных по смыслу высказываний [Чернов, 1987, с. 95], достигаемой при помощи повтора семантических элементов (сем – компонентов значений) или слов (синонимических рядов и даже лексических повторов), а также правильной организации коммуникативной структуры сообщения – тема-рематического членения.

Кроме языковых структур и дискурсивных характеристик текста ИЯ, для успешности вероятностного прогнозирования и инферирования важны тезаурусные знания, от которых зависят когнитивно-тезаурусные выводы [термин Г.В.Чернова, см.Чернов, 1987, с. 99], т.е. от экстралингвистических фоновых знаний: коммуникативной ситуации синхронного перевода (темы конкретной встречи, места и времени ее проведения, участников), предметной области (общей тематики обсуждения), знаний культуры и о мире (энциклопедических знаний).

Знания пресуппозиций способствуют вероятностному прогнозированию и инферированию, между которыми наблюдается сложное взаимодействие, в процессе взаимодействия языковых структур, кореференций и других дискурсивных особенностей текста ИЯ с экстралингвистической информацией. По мере разворачивания звучащего текста ИЯ прогноз или совпадает с реальным текстовым сообщением, или не совпадает и корректируется.

Еще одна важная особенность СП, которую можно представить в качестве его когнитивного механизма, а не просто переводческой стратегии, связана не только с технической стороной, но и с передачей смысла. Речь идет о компрессии. В связи с этим вопросом необходимо рассмотреть несколько аспектов:

1. Структурно-выразительные особенности языков. Английский язык более имплицитен и выражается в более кратких, семантически емких обозначениях (например, *a run on the bank* – ситуация одновременного востребования вкладчиками своих вкладов). Примеров такого рода чисто структурно-языкового плана можно привести очень много [Полуян, 2011]. В связи с этим нужно учитывать также и

направление перевода – если перевод с английского на русский, то в большей степени применяется экспликация, а с русского – компрессия.

2. На необходимость и возможность использования компрессии также влияет и техническая сторона СП – скорость речи оратора. Если она в среднем превышает 100 – 120 слов в минуту, то даже при переводе с русского языка, кроме осуществления структурно-семантических преобразований, связанных с межъязыковыми асимметриями, переводчик вынужден прибегать к значительному сокращению избыточной информации, и происходит ее сгущение и повышение информационной плотности текста. При переводе с английского на русский это обычная ситуация, в соответствии с вышеназванными структурно-выразительными особенностями английского и русского языков и межъязыковыми асимметриями. Подсчет слогов или слов, как это делали в 70-80 гг. прошлого столетия (Чернов, 1987, с. 147) уже не релевантен.

Возвращаясь к взаимодействию трех когнитивных механизмов СП, следует подчеркнуть, что оно во многом определяется функционально-дискурсивными характеристиками текста. Если текст принадлежит к сфере специальной коммуникации, обслуживаемой ЯСЦ, что типично для коммуникативной ситуации СП, то его избыточность и предсказуемость повышается в связи с повторением ключевых понятий и в целом ограниченностью определенными тематическими рамками конкретной предметной области и логичностью изложения.

Ниже представлено взаимодействие этих механизмов в СП:

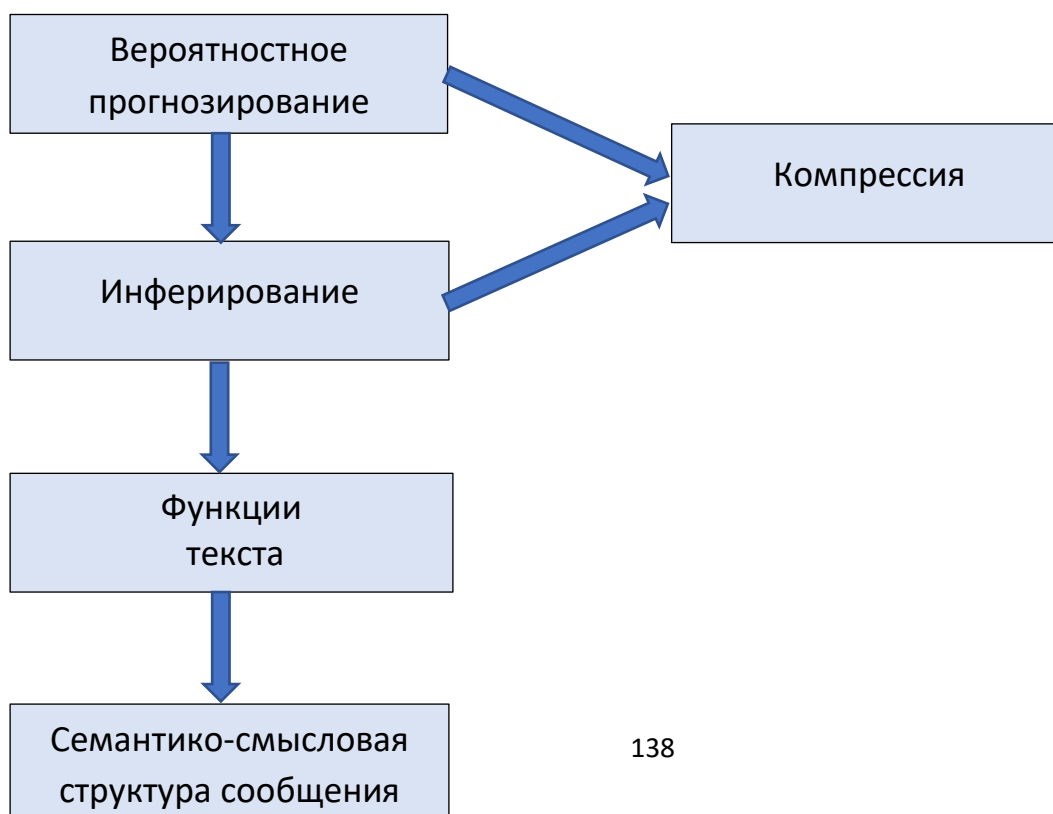

Рис. 1. Взаимодействие когнитивных механизмов в СП.

Функциональные характеристики текста проявляются в конкретной семантико-смысловой структуре сообщения, куда входит предметно-пропозитивная, дейктическая, модально-фактивная, оценочная составляющие и прагматическая рамка [Чернов, 1987: 71–73], но рассмотрение их конкретного проявления в тексте выходит за рамки настоящей статьи.

Все вышеназванные проблемы представляют большой интерес и на современном уровне развития исследований СП, которые велись и ведутся в рамках двух направлений. Первое направление тяготеет к интерпретативной теории перевода (*theorie du sens* Д. Селескович (1998) и М. Ледерер (2003), куда также можно включить и Д. Жилия (D.Gile (2009)) и Р. Сеттона (R.Setton (1999)). В такого рода исследованиях большое внимание уделяется анализу текста, интерпретации смысла в процессе СП и прикладным педагогическим аспектам. Второе направление связано с изучением когнитивных механизмов работы мозга при СП и процессов обработки информации (Д. Жервер (Gerver, 1975, 1976), Д. Массаро (Massaro, 1975), Б. Мозер (Moser, 1978). Г.В. Чернов считал, что его модель вероятностного прогнозирования является тем мостом, который связывает эти две школы воедино (Чернов, 2004, XXV).

Список литературы:

- Анохин П.К.* Биология и нейрофизиология условного рефлекса / П.К. Анохин. М.: Медицина, 1968. 557 с.
- Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования: Мышление и речь / Л.С. Выготский. М.: АПН РСФСР, 1956. 519 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода / Н.К.Гарбовский. М.: МГУ, 2004. 544 с.
- Жинкин Н.И.* Грамматика и смысл // Язык и человек / Н.И. Жинкин. М. : 1970. С. 63–85.
- Зимняя И.А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И.А. Зимняя. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
- Иванов Н.В.* Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник МГУ. Серия 22 «Теория перевода» / Н.В.Иванов. М., 2015. № 4. С. 34 – 65.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение / В.Н. Комиссаров. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
- Коровкина М.Е.* От пресуппозиций к смысловым выводам: обучение синхронному переводу. Языки. Культуры. Перевод / М.Е. Коровкина. 2019. № 1. С.211 – 219.
- Коровкина М.Е.* Теоретические аспекты смыслового моделирования специального перевода с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики): дис. ... канд. филол. наук / М.Е. Коровкина. М., 2017. 241 с.
- Крюков А.Н.* Методологические основы интерпретативной концепции перевода: дис... д-ра фил. наук : 10.02.20 / А.Н. Крюков. М., 1988. 442 с.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
- Мишкурин Э.Н.* О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) // Серия 22 «Теория перевода» / Э.Н.Мишкурин. М.: МГУ, 2013. № 1. С. 69 – 91.
- Олейник А.Ю.* Противостояние двух исследовательских подходов теории перевода // Материалы VIII междунар. науч.конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, 27 июня 2014 г. / А.Ю. Олейник. М.: Международные отношения, 2014. – С. 135 – 143.
- Полуян И.В.* Компрессия в синхронном переводе с английского языка на русский и с русского на английский / И.В. Полуян. М.: Р.Валент, 2011. 112 с.

- Сдобников В.В., Калинин К.Е., Петрова О.В.* Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В.В. Сдобников, К.Е. Калинин, О.В. Петрова. М.: Издательский дом ВКН, 2019. 512.
- Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода / Г.В. Чернов. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика / А.Д. Швейцер. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
- Chernov, Ghelly V.* Inference and Anticipation in Simultaneous Interpreting. A Probability-Prediction Model / Ed. Robin Setton and Adelina Hild. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. 266 p.
- Garbovskiy N., Kostikova O.* Science of Translation Today: Change of Scientific Paradigm // *Meta*, 57 (1), 2012. P. 48 – 66. <https://doi.org/10.7202/1012740ar>
- Gerver D.* A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation // *Meta*, Vol. 20, 1975. P. 119 – 128.
- Gerver D.* Empirical Studies of Simultaneous Interpretation: a Review and a Model // *Translation. Application and Research* / Ed. R. Brislin. N.Y.: Gardner Press. P. 164 – 207.
- Givon T.* Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. New Jersey, L.: Hillsdale. 1989. 456 p.
- Lederer M.* Translation. The Interpretative Model. Manchester: St.Jerome Publishing, 2003. 239 p.
- Gile D.* Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. 278 p.
- Massaro D.W.* Language and Information Processing // *Understanding Language* / Ed. D.W. Massaro. N.Y.: Academic Press, 1975. P. 3 – 28.
- Seleskovitch D.* Interpreting for International Conferences. Washington: Pen and Booth, 1998. 138 p.
- Moser B.* Simultaneous Interpretation: a Hypothetical Model and its Practical Application // *Language Interpretation and Communication* / Ed. D. Gerver and H.W. Sinailo. N. Y., L.: Plenum Press, 1978. P. 353 – 368.
- Setton R.* Simultaneous Interpretation: A Cognitive-Pragmatic Analysis. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. 412 p.
- Setton R., Dawrant A.* Conference Interpreting. A Complete Course. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. 470 p.

References:

- Anokhin P.K.* Biologiya i neirofiziologiya uslovnogo refleksa [Biology and Neurophysiology of the Conditioned Reflex] / P.K. Anokhin. Moscow: Meditsina, 1968. 557 s. (In Russian).
- Chernov G.V.* Osnovy sinkhronnogo perevoda [The Fundamentals of Simultaneous Interpretation] / G.V. Chernov. Moscow: Vysshaya shkola, 1987. 256 s. (In Russian).
- Chernov, Ghelly V.* Inference and Anticipation in Simultaneous Interpreting. A Probability-Prediction Model / Ed. Robin Setton and Adelina Hild. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. 266 p.
- Garbovskii N.K.* Teoriya perevoda [Theory of Translation] / N.K.Garbovskii. Moscow: MGU, 2004. 544 s. (In Russian).
- Garbovskiy N., Kostikova O.* Science of Translation Today: Change of Scientific Paradigm // *Meta*, 57 (1), 2012. P. 48 – 66. <https://doi.org/10.7202/1012740ar>
- Gerver D.* A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation // *Meta*, Vol. 20, 1975. P. 119 – 128.
- Gerver D.* Empirical Studies of Simultaneous Interpretation: a Review and a Model // *Translation. Application and Research* / Ed. R. Brislin. N.Y.: Gardner Press. P. 164 – 207.
- Gile D.* Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. 278 p.
- Givon T.* Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. New Jersey, L.: Hillsdale. 1989. 456 p.
- Lederer M.* Translation. The Interpretative Model. Manchester: St.Jerome Publishing, 2003. 239 p.
- Ivanov N.V.* Dikhotomii perevoda (k ontologicheskim osnovaniyam opredeleniya nauchnogo ob"ekta perevodovedeniya) [Translation Dichotomies (to the Ontologic Basis of Definition of a Scientific Object of Theory of Translation)] // *Vestnik MGU. Seriya 22 «Teoriya perevoda»* / N.V.Ivanov. Moscow, 2015. № 4. S. 34 – 65. (In Russian).
- Komissarov V.N.* Sovremennoe perevodovedenie [Modern Translation Studies] / V.N. Komissarov. Moscow: EHTS, 2002. 424 s. (In Russian).
- Korovkina M.E.* Ot presuppozitsii k smyslovym vyvodom: obuchenie sinkhronnomu perevodu [From Presuppositions to Implicatures: Teaching Simultaneous Interpreting] / M.E.Korovkina. 2019. № 1. S. 211 – 219. (In Russian).

- Korovkina M.E.* Teoreticheskie aspekty smyslovogo modelirovaniya spetsial'nogo perevoda s rodnogo yazyka na inostrannyi (na materiale publitsisticheskikh tekstov ehkonomicheskoi tematiki): dis. ... kand. filol. nauk [Theoretic Aspects of Sense Modelling in LSP-Translation from Mother Tongue into Foreign Language (on the Basis of Journalistic Texts of Economic Discourse): thesis of cand. of sciences (Philology)] / M.E. Korovkina. Moscow, 2017. 241 s. (In Russian) (thesis).
- Kryukov A.N.* Metodologicheskie osnovy interpretativnoi kontseptsii perevoda: dis... d-ra fil.nauk [Methodological Basis of the Interpretative Concept of Translation] / A.N. Kryukov. Moscow, 1988. 442 s. (In Russian) (thesis).
- Leont'ev A.A.* Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost' [Langage, Speech, Speech Activity / A.A. Leont'ev. Moscow: Prosveshchenie, 1969. 214 s.
- Massaro D.W.* Language and Information Processing // Understanding Language / Ed. D.W. Massaro. N.Y.: Academic Press, 1975. P. 3 – 28.
- Mishkurov Eh.N.* O «germenevticheskom povorotE» v sovremennoi teorii i metodologii perevoda (chast' I) [On Hermeneutic Shift in the Modern Theory and Methodology of Translation] // Seriya 22 «Teoriya perevoda» / Eh.N.Mishkurov. Moscow: MGU, 2013. № 1. S. 69 – 91. (In Russian).
- Moser B.* Simultaneous Interpretation: a Hypothetical Model and its Practical Application // Language Interpretation and Communication / Ed. D. Gerver and H.W. Sinailo. N. Y., L.: Plenum Press, 1978. P. 353 – 368.
- Oleinik A.Yu.* Protivostoyanie dvukh issledovatel'skikh podkhodov teorii perevoda [On Confrontation between Two Paradigms in Translation Studies] // Materialy VIII mezhdunar. nauch.konf. po aktual'nym problemam teorii yazyka i kommunikatsii, 27 iyunya 2014 g. / A.Yu. Oleinik. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014. – S. 135 – 143. (In Russian).
- Poluyan I.V.* Kompresiya v sinkhronnom perevode s angliiskogo yazyka na russkii i s russkogo na angliiskii [Compression in Simultaneous Interpreting from English into Russian and from Russian into English] / I.V. Poluyan. Moscow: R.Valent, 2011. 112 s. (In Russian).
- Sdobnikov V.V., Kalinin K.E., Petrova O.V.* Teoriya perevoda. Kommunikativno-funksional'nykh podkhod: uchebnik dlya studentov lingvisticheskikh vuzov i fakul'tetov inostrannykh yazykov [Theory of Translation: Communicative-Functional Approach: Textbook for Students of Linguistic Universities and Departments of Foreign Languages / V.V. Sdobnikov, K.E. Kalinin, O.V. Petrova. M.: Izdatel'skii dom VKN, 2019. 512. (In Russian).
- Seleskovitch D.* Interpreting for International Conferences. Washington: Pen and Booth, 1998. 138 p.
- Setton R.* Simultaneous Interpretation: A Cognitive-Pragmatic Analysis. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. 412 p.
- Setton R., Dawrant A.* Conference Interpreting. A Complete Course. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. 470 p.
- Shveitser A.D.* Perevod i lingvistika [Translation and Linguistics] / A.D. Shveitser. Moscow: Voenizdat, 1973. 280 s. (In Russian).
- Vygotskii L.S.* Izbrannye psikhologicheskie issledovaniya: Myshlenie i rech' [Selected Research in Psychology: Thinking and Speech] / L.S. Vygotskii. Moscow: APN RFSR, 1956. 519 s. (In Russian).
- Zhinkin N.I.* Grammatika i smysl // Yazyk i chelovek [Grammar and Sense] / N.I. Zhinkin. Moscow: 1970. S. 63–85. (In Russian).
- Zimnyaya I.A.* Psikhologicheskie aspekty obucheniya govoreniiyu na inostrannom yazyke [Psychological Aspects of Teaching the Skill of Speaking Foreign Language] / I.A. Zimnyaya. Moscow: Prosveshchenie, 1978. 160 s. (In Russian).

Крюкова Екатерина Викторовна
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва (Россия)

Kryukova Ekaterina
Russian State University for the Humanities
Moscow (Russia)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

SOME ASPECTS OF TEACHING TRANSLATION IN THE AGE OF DIGITALIZATION

В докладе рассматриваются новые аспекты обучения переводу в высшей школе, вышедших на первый план под влиянием процессов глобализации и развития информационных технологий. Также поднимается вопрос о новой роли межкультурного компонента, который не просто становится обыденностью современной высокотехнологичной жизни, но делает современную профессиональную деятельность невозможной без его использования. Соответственно, рассматриваются содержание и способы введения межкультурного компонента при обучении иностранным языкам и переводу, обусловленные, с одной стороны, новыми требованиями современного общества к выпускникам университетов, а с другой, тем, как поменялись сами обучающиеся. Ориентируясь, в первую очередь, на формирование и развитие у студентов компетенций XXI века, а также понимания роли английского языка как лингва-франка в большинстве межкультурных контактов, автор представляет свой опыт апробации элементов новой дисциплины 2 курса бакалавриата «Межкультурная коммуникация и перевод» в обучении переводу. Делается вывод о том, что обучение переводу с учетом функционирования современного общества в эпоху цифровизации позволяет не просто сформировать понимание глубинных структур изучаемого иностранного языка, но и заложить основы для успешного развития будущих специалистов-переводчиков.

The paper considers new aspects in teaching translation at the stage of higher education coming to the foreground under the influence of the processes of globalization and information technology development. It also puts forward the idea of the new role of the intercultural component, which is not only becoming an indispensable part of modern digitalized life but also renders modern professional activity impossible if not applied. Therefore, the paper deals with the scope and ways of introducing the intercultural component in teaching foreign languages and translation associated on the one hand with the demands of modern society to university graduates, and on the other hand with the way students themselves have changed. Focusing, first of all, on the formation and development of the 21st century skills in students as well as the understanding of the role of English as a lingua-franca in most intercultural contacts, the author presents her experience in the approbation of the elements of the new 2nd year Bachelor course «Intercultural communication and translation» when teaching translation. A conclusion is made that teaching translation with due focus on the modern society functioning in the age of digitalization allows not only to shape the understanding of the underlying structures of the studied foreign language but also lay the ground for successful development of would-be translators.

Ключевые слова: перевод, межкультурная коммуникация, компетенции XXI века; цифровизация.

Key words: translation, intercultural communication, 21st century skills, digitalization.

Процессы глобализации и развития информационных технологий навсегда поменяли образ современного общества, успешное существование в котором теперь обусловлено иными факторами, нежели было до этого. Интересно и то, что трансформация общества еще не завершена, и с каждым годом происходит все стремительнее, что, в первую очередь, повлияло на рынок труда. Уже стало очевидным, что интеграция в общество эпохи цифровизации находится в прямой зависимости не столько от академических знаний выпускников образовательных учреждений, сколько от их цифровой грамотности, умения критически

мыслить, нестандартно решать поставленные задачи и успешно взаимодействовать с другими людьми, иными словами, владения компетенциями XXI века.

Перечень компетенций XXI века, необходимых для достижения успеха в обществе и профессиональной деятельности, был составлен ведущими образовательными организациями, органами публичной власти и лидерами делового мира и включают в себя не столько более традиционные «жесткие» навыки (англ. “hard skills”), где речь идет о профессиональных знаниях, сколько «мягкие», или «гибкие» навыки (англ. “soft skills”), для которых необходимы скорее личные качества и эмоциональная вовлеченность. Если же взглянуть на список компетенций XXI века более детально, то мы увидим, что они состоят из:

- learning skills, которые еще называют «4К» (англ. “4C”), поскольку все они начинаются с одной буквы, включают в себя критическое мышление, креативность, коммуникацию и кооперацию,

- literacy skills, где на первый план выходит цифровая и информационная грамотность, то есть понимание разных видов информации, способов ее публикации и умение использовать разные технологии для получения и обработки информации,

- life skills, которые подразумевают личностное ориентирование в различных жизненных ситуациях [What Are 21st Century Skills?].

С другой стороны, эпоха цифровизации сделала межкультурные контакты обыденностью жизни, что поднимает вопрос и о новой роли межкультурного компонента в образовании, и как нигде актуально это звучит в контексте преподавания иностранных языков и перевода. Ни один межкультурный контакт не состоится без общего языка, которым будут владеть все участники коммуникации. Ни одним языком невозможно овладеть, не обучаясь ему. Освоение языка, в свою очередь, невозможно, без освоения культуры, стоящей за ним. Так, один из ведущих специалистов в области межкультурной коммуникации профессор С.Г. Тер-Минасова отмечает, что языки необходимо изучать «в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [Тер-Минасова, 2008, с. 28]. Особенно глубоким в этом контексте кажется вывод о том, что «все тонкости и вся глубина проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации становятся особенно наглядными, а иногда и просто осознаваемыми, при сопоставлении иностранных языков с родными и чужой культуры со своей родной, привычной» [Тер-Минасова, 2008, с. 34]. Соответственно здесь уже невозможно не затронуть вопросы перевода.

В этом смысле важнейшую роль на современном этапе играет английский язык, который интересен не только сам по себе как представитель экономически, культурно и политически важных британской и американской культур, но и выступающий как лингва франка в большинстве межкультурных контактов, что поднимает вопрос “Whose language is

it?» («Чей это язык?»), который сейчас стал по-настоящему актуальным и обсуждается на многих конференциях, посвященных преподаванию английского языка и культуры [McCrum, 2011]. Так, в частности, на одном из мероприятий, в котором принимало участие издательство Кембридж (Cambridge), поднималась тема изучения фонетической стороны, когда цель добиться у обучающихся произношения, как у носителя языка уже не является первостепенной.

Стоит учитывать и то, что под влиянием информационных технологий изменились сами обучающиеся. Современный студент – это молодой человек, живущий в цифровом мире так же, как и в реальном. Это человек, который не может представить жизни без социальных сетей, смартфона с выходом в интернет, ютьюба и инстаграма, который привык к визуальному восприятию информации. Кроме того, это человек, который благодаря беспрецедентной доступности информации в сети интернет и возможности путешествовать, приходит в университет с уже достаточно большим, но в то же время неоднородным запасом знаний о той культуре и том языке, которые он выбрал изучать. Неоднородной, поскольку, лишь вступая на путь формирования собственного мнения, студент часто получает информацию от так называемых «инфлуэнсеров» (англ. “influencer” – «влиятель»), «лидеров мнений», т.е. людей, популярных за счет присутствия в социальных сетях своего контента, актуального на определенный момент. И благодаря многомиллионной аудитории такие люди могут достаточно легко оказать влияние на тех, кто их смотрит или слушает. С учетом всего вышесказанного, естественным образом возникает вопрос, каким теперь должно быть содержание и способы введения межкультурного компонента при обучении иностранным языкам и переводу в эпоху цифровизации.

По-настоящему любопытным в этом контексте оказался опыт написания программы и апробации новой дисциплины «Межкультурная коммуникация и перевод» для студентов-переводчиков. Опыт был настолько интересным, что в дальнейшем я стала внедрять элементы этой дисциплины на практических занятиях по английскому языку и переводу, что имело большой успех. Сама дисциплина «Межкультурная коммуникация и перевод» недавно появилась в учебном плане бакалавриата по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» и является обязательным элементом освоения студентами-переводчиками в осеннем семестре 2 курса, который завершается курсовой работой по этой дисциплине в виде комментированного перевода какого-либо текста. Стоит подчеркнуть, что речь идет о начальных курсах, т.е. периоде, когда закладываются основы для дальнейшей работы и развития будущего переводчика и формируются переводческие горизонты. Кроме того, даже название дисциплины подчеркивает неразрывную связь двух аспектов: межкультурной коммуникации и перевода, ведь перевод невозможен без учета межкультурной специфики.

Поэтому при разработке программы стояла задача среди огромного количества тем и подходов выбрать именно те и в такой форме, чтобы сориентировать вчерашних школьников, задав векторы работы, необходимые как в профессиональном, так и в личностном плане для успешной интеграции в общество эпохи цифровизации.

В итоге, что касается содержания дисциплины, был определен следующий круг тем:

- взаимодействие мира, культуры и языка,
- типы культур и особенности перевода при работе с ними,
- культурная и языковая картины мира,
- межкультурная коммуникация, юмор и перевод,
- эквивалентности слов, понятий и реалий,
- цветообозначения и их перевод,
- понятие социокультурного комментария,
- культурные ценности,
- языковой такт,
- невербальная коммуникация,
- слэнг и обценная лексика,
- реклама и ее перевод/лингвокультурная адаптация,
- культурный шок.

Все эти темы необходимы при изучении не просто иностранных языков, но и при переводе, когда речь всегда идет о непосредственной встрече двух или даже более культур, когда, к тому же, всегда будет сторона, на которую и рассчитан перевод. Все указанные темы можно с успехом использовать на практических занятиях по переводу, ведь обычно именно межкультурная специфичность и вызывает переводческие сложности. Даже такую тему, как артикли, которые тоже имеют свои переводческие особенности, можно сделать более доступной, подав ее через призму картины мира. Другим примером может послужить разбор вокабуляра по разным темам, будь то «Дом» (что такое “upstairs” и “downstairs” в английском доме), «Время» (что представляют собой “lunch”, “dinner” и “supper”) или любая другая.

Для работы с англоязычной культурой особое значение имеет тема языкового такта, или политкорректности, которая представлена в русском языке совсем по-другому. С одной стороны, это языковое явление не стабильно и находится в прямой взаимосвязи с происходящими общественными событиями, за чем переводчик также обязан следить, чтобы не допустить ошибку и не оскорбить никого, как, например, при обращении к человеку или при указании пола человека. С другой стороны, языковой такт проявляется и в вещах, которые были всегда, но для носителей другой культуры могут быть неочевидны, как в тенденции избегать словосочетания “somebody is dead” [Tedx Talks on Youtube].

Другим заслуживающим отдельного упоминания моментом является невербальная коммуникация, что особенно актуально, когда речь идет об устном общении и устном переводе. Умение считывать внешние знаки представителя другой культуры и способность их интерпретировать в определенном контексте поможет избежать возможного конфликта или двусмысленности будущей коммуникативной ситуации. И здесь речь идет как о простой улыбке, так и прикосновениях, расстоянии между людьми и, конечно же, жестах.

Для студентов-носителей русского языка крайне важно и осознание межкультурных различий в слэнге и обценной лексике, которые часто «сглаживаются» или просто обходят стороной при переводе, несмотря на то, что это такая же часть культуры и языка, как и любая другая и также требует изучения и своего подхода.

Что касается способов введения межкультурного компонента, то нельзя не отметить такую технику, как разбор переводческих ошибок из фильмов, поскольку молодое поколение больше смотрит, чем читает. Именно эта техника имеет стопроцентное попадание, поскольку, с одной стороны, сразу вовлекает студентов в рабочий процесс и задает контекст, погружая в историю фильма, а с другой, позволяет затронуть одновременно все пласты языка, активировать и затем уже отточить все необходимые навыки. Конечно, здесь многое зависит и от выбора материала. Есть смысл обратить внимание именно на популярные фильмы, знакомые практически всем, что еще будет иметь и личностную значимость, а значит, через заинтересованность увеличит вовлеченность студентов и как результат повысит шансы на успех выполнения задания. Так, студентам даются фразы, которые необходимо проанализировать на наличие переводческих ошибок, прокомментировать их и предложить свои варианты. Например, особый интерес вызвала фраза из фильма «Аватар» 2009 г. (“Avatar”) «Вы больше не в Канзасе», где один из персонажей описывал сложность ситуации, в которой все оказались [Avatar.]. Среди студентов завязывается настоящая дискуссия по поводу того, о чем идет речь, и каким образом стоит выполнить в таком случае перевод. Такие задания очень хорошо подходят непосредственно для обучения переводу, например, при разборе фразеологизмов.

Стоит сказать и о дальнейшем усложнении задачи, когда можно сравнивать несколько переводов, что еще больше повышает не просто языковые, но и аналитические навыки студентов. Так, полный восторг вызывает разбор фильма «Типа крутые легавые» (“Hot Fuzz”, 2007), у которого существует несколько дубляжей. Кроме очень британской «атмосферы» и специфических британских реалий, фильм интересен также с языковой и межкультурной точек зрения, поскольку является пародией на американские блокбастеры и детективы. Студентам предлагается посмотреть разные переводы, сравнить их и выбрать лучший, обосновав свое решение, что, разумеется, невозможно без выхода на дискуссию. Подобные

задания помогают студентам развивать не только знание языка и культуры, но и способность критически мыслить, решать задачи креативно и вступать в коллаборацию с другими. Обязательная работа с интернет-источниками и представление результатов в виде презентации также позволяет повышать цифровую грамотность. Кроме того, студенты показывают более высокий уровень усвоения языковых единиц и способов перевода после выполнения таких заданий.

Именно выбор и форма материала и способы его проработки приобретают новую роль в контексте обучения переводу в эпоху цифровизации. Введение мультимедийного компонента не только отвечает требованиям современного времени, но и делает материал более визуальным, разнообразным и запоминающимся. Здесь, как уже говорилось ранее, особенно интересными становятся, например:

- фильмы («Прибытие» (“Arrival”, 2016), «Тайна Коко» (“Coco”, 2017), «Типа крутые легавые» (“Hot Fuzz”, 2007), «Испанский английский» (“Spanglish”, 2004)),

- британские и американские шоу (“Very British Problems” от канала “Channel 4” о типично британских проблемах, многие из которых нашли отклик среди студентов, “Saturday Night Live”, который в юмористической форме дает очень хорошее понимание происходящего в современной Америке),

- отдельные вопросы перевода серии «Гарри Поттер» Дж. К. Роулинг на различные языки, «Собачье сердце» М. Булгакова (1925), «Шляпу, полную неба» Т. Пратчетта (2016), «Дневника Джанни Урагани» Вамбы (2015), «Камеру обскура» В. Набокова (1933),

- реклама и проблемы ее адаптации/перевода,

- юмористические ролики.

Немаловажным является и подбор любого другого материала с межкультурным компонентом, который можно давать на чтение, обсуждение, слушание, а затем и перевод, как, например, рассказ известного американского антрополога Laura Bohannan “Shakespeare in the Bush” о том, что даже пересказать «Гамлета» У. Шекспира может оказаться очень сложной задачей, когда речь идет об африканском племени.

Далеко не последнюю роль играет и организация работы студентов, когда упор делается именно на практику, с опережением практической стороны над теоретической, поскольку перевод – это, в первую очередь, практический вид деятельности, оттачивающийся частой практикой. Материал прорабатывается студентами самостоятельно или в мини-группах, а результаты необходимо представить в виде презентации или проекта, что дает им возможность не только максимально развивать все указанные в начале компетенции, но и получить те знания, которые будут необходимы для будущей работы студентов-переводчиков в эпоху глобализации и современных технологий.

Формой контроля по такому переводческому курсу может являться самостоятельный переводческий разбор студентами текста, где им требуется выделить проблематику с точки зрения межкультурной коммуникации и перевода и представить свои решения, опираясь на пройденный курс. Как показывает практика, все студенты справляются с таким экзаменационным заданием на высоком уровне. Показательным в этом плане стало также написание студентами курсовой работы в виде комментированного перевода текста после прохождения этого курса. Выполненные работы продемонстрировали не только более высокий уровень перевода, но и комментариев к переводческим решениям, что говорит о большей осознанности и глубине усвоения темы.

Таким образом можно сделать вывод о том, что обучение переводу в эпоху цифровизации имеет свои особенности, когда на первый план выходит развитие компетенций XXI века и межкультурный компонент, что позволяет не просто сформировать понимание глубинных структур изучаемого иностранного языка, но и заложить основы для успешного профессионального и личностного развития будущих специалистов-переводчиков.

Список литературы:

- Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2008. – 264 с.
Avatar. Twentieth Century Fox Motion Picture, 2009.
Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа по адресу: <https://dictionary.cambridge.org/>
McCrum R. Globish: How English Became the World's Language. W.W. Norton & Company, 2011. – 352 p.
Samovar L.A., Porter R.E., McDaniel E.R. Communication between Cultures. 8th edition. – Wadsworth Publishing, 2012. – 432 p.
Soler E. A. (ed.) Intercultural Language Use and Language Learning. Dordrecht: Springer, 2006. – 287 p.
Tedx Talks on Youtube [Электронный ресурс] – Режим доступа по адресу: <https://www.youtube.com/watch?v=UUqr4P7P3gM>
What Are 21st Century Skills? [Электронный ресурс] – Режим доступа по адресу: <https://www.aeseducation.com/careercenter21/what-are-21st-century-skills>

References:

- Ter-Minasova S.G.* Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and Intercultural Communication]. Moscow: Slovo, 2008. 264 p. (In Russian).
Avatar. Twentieth Century Fox Motion Picture, 2009.
Cambridge Dictionary [Online]. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/>
McCrum R. Globish: How English Became the World's Language. W.W. Norton & Company, 2011. – 352 p.
Samovar L.A., Porter R.E., McDaniel E.R. Communication between Cultures. 8th edition. – Wadsworth Publishing, 2012. – 432 p.
Soler E. A. (ed.) Intercultural Language Use and Language Learning. Dordrecht: Springer, 2006. – 287 p.
Tedx Talks on Youtube [Online]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=UUqr4P7P3gM>
What Are 21st Century Skills? [Online]. Available at: <https://www.aeseducation.com/careercenter21/what-are-21st-century-skills>

ДОМИНАНТЫ В ПЕРЕВОДЕ СКАЗОК ЮЛИАНА ТУВИМА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

DOMINANTS IN THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF JULIAN TUWIM'S TALES

Перевод стихотворных сказок польского модернистского поэта Юлиана Тувима осложнен особенностями их новаторской формы, ритмического оформления, наличием авторских неологизмов и звукоподражательных слов. В настоящей статье рассматриваются русские переводы произведений Ю. Тувима «Про пана Трулялинского», «Зося-Самосья», «Паровоз» и «Азбука». В приведенных примерах автор статьи устанавливает доминанту перевода и анализирует произведения с точки зрения переводческих трансформаций, а также изменений художественной выразительности и функций оригинальных текстов. Анализ переводов проводится с учетом характера сказки, как литературного жанра, посвященного детям в дошкольном возрасте. Вытекающие из данного положения переводческие модификации текстов связаны с воспитанием детей в условиях отличной культуры, а также заложенным универсальным характером сказок. В результате проведенного исследования автор делает вывод, что полная передача всех элементов текста в переводе невозможна, однако каждое произведение Юлиана Тувима отличается уникальной доминантой, отражающейся в его художественных особенностях. Задачей переводчика является выбор в тексте соответствующего инварианта, определяющего характер перевода.

Translation of poetic tales of the Polish modernist poet Julian Tuwim is hampered due to their innovative form, rhythm structure, the presence of author's neologisms and onomatopoeic words. The article researches into Russian translations of the poems of J. Tuwim "Pro pana Trulyalinskogo", "Zosya-Samosya", "Parovoz" and "Azбуka". In the examples, the author establishes the translation dominant and analyzes the poems concerning the translation transformations, as well as changes in the artistic expressiveness and functions of the original texts. During the analysis the translations the author takes into account the characteristic features of the tale, as a literary genre dedicated to children in preschool age. Concerning this fact the translation modifications are established to be related to the way of raising children in different cultural contexts and to intentional universality of tales. As a result of the research, the author concludes that the complete transfer of all elements of the text is impossible, and each poem of Julian Tuwim has a unique dominant, reflected in its artistic features. The task of the translator is to choose the appropriate invariant in the text that determines the character of the translation.

Ключевые слова: доминанта перевода, переводческие трансформации, сказки Ю. Тувима, авторские неологизмы, фоническая структура произведения, ониматопеи.

Keywords: translation dominant, translation transformations, J. Tuwim's tales, author neologisms, phonic structure of poem, onomatopoeia.

К вопросам художественного перевода практики и теории обращались уже с момента возникновения письменности у молодых европейских народов. Переводы поэзии с классических языков нередко предшествовали формированию их литературного языка и поэтической традиции. Как отдельная дисциплина перевод стал выделяться только в середине XX века. Тогда появились первые попытки определить такие понятия, как адекватность, полноценность и эквивалентность перевода. Параллельно с публикациями очередных переводческих теорий продолжала активно развиваться модернистская поэзия, отличающаяся

новаторскими экспериментами с формой и звуковой организацией стихотворений. К течению модернизма в польской лирике относится творчество одного из наиболее ярких поэтов и прозаиков XX века – Юлиана Тувима. За рубежом Тувим известен прежде всего, как автор гениальных сказок для детей, характеризующихся музыкальностью и особым юмористическим колоритом. При переводе данных произведений возникают существенные трудности, связанные не только с особенностями языка поэта, но также со спецификой читательской аудитории. В связи с этим переводчики вынуждены подобрать соответствующий метод перевода, позволяющий наиболее точно воспроизвести заложенные писателем образы.

Юлиана Тувима часто называют первым польским поэтом-лингвистом. В 1916 году двадцатидвухлетний поэт вместе с несколькими польскими модернистами создал литературную группу «Скамандр». Ее члены воспринимали поэта как ремесленника слова, принимающего активное участие в общественной и политической жизни страны. Их отличал особый интерес к достижениям современной техники, проблемам простых людей, красоте повседневной жизни. Отказ от общепринятых принципов и традиций отразился как в тематике, так и в форме их стихотворений. Юлиан Тувим, особенно в раннем этапе своего творчества, эпатировал читателей остроумными, но иногда вульгарными высказываниями (стихотворение «Ухажеры толстой Берты и катовицкие углекопы...») и эротическим характером своих произведений («Персик»). Далеко идущие поиски новых средств выражения своих эмоций и идей сочетались с лингвистическими экспериментами в формальной организации текстов. Лирический цикл Тувима «Словпение» насыщен авторскими неологизмами, создающими необыкновенную мелодичность и почти интуитивно воспринимаемый образ поэтической действительности. Поэт особенно часто обращался к игре слов, как художественному приему, помогающему раскрыть двойственность ситуаций. Тувим придавал лексемам почти мистическое значение, с их помощью создавал целые сети ощущений и ассоциаций. Эти образные сочетания и неординарные формы переплетались в тексте с названиями предметов повседневной жизни.

Целесообразно отметить, что Тувим владел на высоком уровне многими иностранными языками. В России он известен прежде всего, как переводчик поэзии Пушкина, Лермонтова, Блока, Маяковского и Пастернака. Именно он донес до польского читателя «Слово о полку Игореве» и текст «Евгения Онегина». Поэт занимался также переводами французских и немецких произведений. Был одним из первых польских переводчиков, работающих на языке эсперанто. В частности, Тувима интересовал вопрос межъязыковой омонимии: в специальной тетради поэт записывал омонимические ряды слов нескольких языков. Его лингвистический

талант особенно ярко проявился в текстах сказок для детей, на которых воспитались целые поколения поляков.

К жанру сказки Тувим обращался относительно часто. С помощью использованной в нем сатиры критиковал примитивность и консервативность представителей польской и еврейской интеллигенции. Произведения для детей стали возникать позже, в середине 30-х годов. Стихотворные сказки Тувима очень экспрессивны и не всегда подчиняются строгим нормам версификации. Их художественной доминантой, чаще всего, является музыкальность. Темп зависит в них от представленной ситуации, он непостоянен. Неологизмы с юмористическим оттенком и звукоподражательные слова создают легко запоминающийся ритм стихотворений. Выразительность усиливают многочисленные повторения, а перечисления слов, организованных в рифмующиеся группы, позволяют ознакомить молодого читателя с большим количеством единиц данной тематической категории. Сказки Тувима разнообразны, так как выбор средств художественной выразительности зависит в них от сюжета произведения и от цели его сочинения. Если в «Паровозе» провозглашается технический прогресс и скорость современной жизни, то «Птичье радио» нацелено на передачу языка природы. Поэтому при выборе метода перевода сказок Тувима целесообразно сосредоточиться на общей картине, созданной поэтом, и на функции авторских модификаций традиционных форм в тексте.

При переводе модернистской поэзии целесообразно обратиться к работам выдающихся переводчиков-поэтов, одним из которых, несомненно, был Валерий Брюсов. В своей статье «Фиалки в тигеле», опубликованной уже в 1905 году, он представил обобщенный принцип, основанный на выборе одной доминанты, (инварианта) в тексте. Брюсов подчеркивал: «Воспроизвести при переводе стихотворения все (...) элементы полно и точно - немислимо. Переводчик обычно стремится передать лишь один или в лучшем случае два (большею частью образы и размер), изменив другие» [Брюсов, 1975, с. 105]. Позднее эту теорию развивали следующие российские (Е. Эткинд, И. Кашкин, П. Тороп) и польские исследователи (С. Баранчак, А. Беднарчик). О невозможности добиться в переводе полной эквивалентности писал также Александр Смирнов, соавтор Литературной энциклопедии, издаваемой с 1929 по 1939 г. Смирнов отмечал, что адекватность перевода зависит от того, в какой степени переданы намерения автора, относительно идейно-эмоционального воздействия текста на читателей [Смирнов, 1934, с. 527]. Сохранение ритма и колорита оригинала не является самоцелью перевода. С неизбежными потерями некоторых элементов формы и художественной выразительности текст перевода должен донести до читателя основные идеи автора оригинала, функцию созданного им произведения.

Данные теории особенно важны в контексте перевода сказок. Молодой читатель, сталкивающийся с текстом перевода, не воспринимает его как произведение чужой культуры. Сказки представляют определенную идею, нацеленную на формирование в ребенке конкретных черт, и именно эту мысль должен выразить переводчик. Возможно в данном методе заключается успех переводов древнегреческих мифов, выполненных польским писателем Яном Парандовским. Его тексты, имеющие во многих местах черты адаптации, настолько понятны и близки молодым читателям, что они вошли в канон польской литературы. Представленные в них греческие герои, такие как Геракл, Одиссей, стоят на равнее с персонажами местных легенд и преданий. Таким образом, в литературе находит отражение принцип историзма, описанный советским и российским литературоведом Павлом Топером, согласно которому переводческие тексты влияют на развитие культуры и эстетического вкуса народа [Топер, 2001, с. 46-131].

Не менее важное значение в переводе имеет стиль автора, определяющий функцию использованных им средств художественной выразительности. Необходимость воспроизвести отличия языка писателя отмечал Корней Чуковский, поэт, переводчик и автор детской литературы. Чуковский считал, что в стиле заключается плавность поэтической речи, поэтому при анализе произведения необходимо прислушаться к его ритму и передать его главные особенности [Чуковский, 1968, с. 170-171]. В сказках Тувима мелодичность и оригинальность стиля нередко доминируют над самим смыслом, отражают модернистские поиски формы. Во многих текстах именно они составляют доминанту, определяющую характер перевода. Сложно представить себе сказки Тувима без характерных неологизмов, ономастопей и повторений. Однако их буквальный перевод невозможен. Поэтому в первую очередь переводчик должен определить их функцию в каждом произведении отдельно и найти способ их передачи, соответствующий правилам стилистики родного языка.

Одной из знаменитых сказок Тувима, в основе которой лежит применение лексических неологизмов, является произведение «O panu Tralalińskim». Еще в Советском Союзе оно было опубликовано в переводе Бориса Заходера под названием «Про пана Трулялинского». Хотя переводческий вариант Алексея Самсонова «Про пана Тралялинского» более верен оригиналу и эквивалентен, в традиции закрепился именно вариант Заходера.

Оригинал стихотворения

W Śpiewowicach, pięknym mieście,

Na ulicy Wesolińskiej

Mieszka sobie słynny śpiewak,

Pan Tralislaw Tralaliński.

Jego żona - Tralalona,

Jego córka - Tralalurka,
Jego synek - Tralalinek,
Jego piesek - Tralalesek.
[Tuwim, 2006, s. 20]

Перевод Б. Заходера
Кто не слышал об артисте
Тралиславе Трулялинском!
А живет он в Припевайске,
В переулке Веселинском.
С ним и тетка - Трулялетка,
И дочурка - Трулялюрка,
И сынишка - Трулялишка,
И собачка - Трулялячка.
[Тувим, 1988, с. 2-8]

Доминирующее средство художественной выразительности в данном произведении – звуковая инструментовка. На базе звукоподражательного слова «тру-ля-ля» возникает ряд однокоренных лексем, выступающий в функции собственных названий. Повторяющиеся сочетания образуют ритм стихотворения, преобладающий над его буквальным смыслом. Целью создания сказки не является описание жизни Трулялинского как субъекта, а как типа героя – знатного, но полностью погруженного в свое искусство и надменного маэстро, которому все вокруг кажется воплощением музыки. Поэтому серьезным упущением не является замена в тексте жены Трулялинского тетей или в дальнейшем изменение названий профессий. Концепт пения и веселия был верно передан при помощи неологизмов «Припевайск» и «Веселинский переулок», форма которых позволяет сохранить рифму. Как пример экзотизации можно привести сохранение в заглавии произведения формы обращения «пан», характерной для польского языка. С другой стороны, некоторые реалии жизни, представленные в стихотворении, подверглись ассимиляции, напр. завтрак был заменен русским чаепитием. В конце перевод Заходера приобретает черты адаптации: текст сокращается, возникает рамочная композиция, не выступающая в оригинале. Тем не менее, главная идея и мелодичность произведения были точно переданы Заходером, создавшим по аналогии с оригиналом колоритный и весьма легкий в восприятии образ.

Более существенные трансформации появились в переводе произведения «Zosia-Samosia», выполненном Алексеем Самсоновым. Сказка «Зося-Самося» возникла с целью указать детям ценность учебы. В данном стихотворении девочка Зося утверждает, что она

овладела всеми знаниями и способна принимать решения самостоятельно. Самоуверенность ребенка подчеркивают повторы местоимения «сама», которые в русском переводе выступают с меньшей частотностью, чем в оригинале, что ослабляет художественную выразительность стихотворения. Более того, данное местоимение иногда заменяется словом «самая», образующим превосходную степень. Особое внимание целесообразно уделить собственным названиям, неразрывно связанным с польской культурой. Уже само имя девочки, Зося, представляет собой лексическое заимствование, аналогом которого в русском языке является уменьшительная форма имени София, то есть Соня. Остальные собственные имена были заменены или удалены.

Оригинал стихотворения

- A kto był Kopernik?
- Król!
- A co nam Śląsk daje?
- Sól!
- A gdzie leży Kraków?
- Nad Wartą!
- A uczyć się warto?
- Nie warto!

[Tuwim, 2006, s. 63]

Перевод А. Самсонова

- А кто был Коперник?
- Король!
- А что такое уголь?
- Соль!
- А где город Прага?
- Где надо!
- А учиться надо?
- Не надо!

[Тувим, 2010, электрон. ресурс]

В переводе фрагмента разговора поэта с девочкой появляются целостные преобразования. На основе ассоциаций переводчик заменяет топоним «Силезия» существительным «уголь», увеличивая количество рифмующихся элементов. Также с целью прибавления рифмы город Краков заменяется Прагой. Переводчик удаляет название реки «Варта», создающее со словом «warto» весьма интересный пример паронимии. Внесение данных модификаций объясняется желанием создать текст, понятный для ребенка,

воспитывающегося в реалиях русской культуры. Возможно, целесообразна была бы также адаптация имени героини сказки с соответствующим изменением названия стихотворения, если в данном случае в качестве метода перевода была применена ассимиляция.

Самым известным и наиболее часто переводимым произведением Тувима является сказка «Lokomotywa». В России она появилась в переводе И. Белова, А. Самсонова и Э. Мошковской. Основой фонической структуры стихотворения являются специфический ритм и нерегулярная инструментовка. Примененные Тувимом лексемы отражают состояние поезда, имитируют звуки движения. В начале произведения автор создает статический образ, подчеркивает тяжесть паровоза, применяя звукоподражательные глаголы и ономотопеи, представляющие картину полыхающего жара. Эмма Мошковская, автор наиболее известного перевода сказки «Паровоз», заменяет данные элементы русскими эквивалентами.

Оригинал стихотворения

Buch - jak gorąco!

Uch - jak gorąco!

Puff - jak gorąco!

Uff - jak gorąco!

[Tuwim, 2006, s. 3]

Перевод Э. Мошковской

Уфф, жарко,

Пуфф, жарко,

Ухх, жарко, пухх, жарко!!

[Тувим, 1979, с.4]

В дальнейшем следует описание груза и пассажиров, перевозимых паровозом, представляющее собой огромную гиперболу с сатирическим оттенком. В поезде находятся, среди прочих, слоны, жирафы, медведи, тяжелые рояли, шкафы, толстяки, едящие «жирные колбасы». Тяжесть поезда не в состоянии поднять группа, состоящая из тысячи атлетов. В переводе Мошковской многие названия предметов и животных заменены, а числа уменьшаются (группа, поднимающая поезд, насчитывает сто двадцать атлетов). Переводчик прибегает к адаптации и создает новый образ, одновременно сокращая размер строк и увеличивая их количество. Таким образом, Мошковская усиливает имманентную динамику произведения. Еще большее деление строк появляется в описании поезда, набирающего ход. В оригинальном тексте Тувима темп ускоряется за счет образующих длинные ряды перечислений. Мошковская, в свою очередь, разбивает строки и компенсирует ослабление выразительности применением полисиндетона и аллитераций.

Оригинал стихотворения

Przez góry, przez tunel, przez pola, przez las,
I spieszy się, spieszy, by zdążyć na czas,
Do taktu turkoce i puka, i stuka to:
Tak to to, tak to to , tak to to, tak to to.

[Tuwim, 2006, s. 6]

Перевод Мошковской

Поле проехали,
Рошу и речку,
И горы навстречу,
И город навстречу!
И катят, и катят вагоны все вместе
И вовремя, вовремя
Будут на месте!

[Тувим, 1979, с. 12]

Если провести макроанализ сказки Тувима, то окажется, что целое произведение является огромной ономотопеей. Для польского языка характерно обилие шипящих согласных, нагромождение которых имитирует звуки, сопровождающие выпуск пара и движение поезда по рельсам. Передать этот эффект на русском языке практически невозможно. Поэтому переводчик прибегает к ритмизации стихотворения с помощью регулярных лексических повторов и неологизмов («так-чики» вместо «tak to to»), а часто повторяющийся звук «ch» заменяет согласным «ш». Следует также отметить, что Мошковская деформирует равномерный порядок пауз, предложенный автором оригинала, нарушая не только фоническую организацию стихотворения, но также его графическую форму. В результате конкретного целенаправленного расположения строк Тувим создает текст, визуально напоминающий силуэт паровоза, состоящий из дымовой трубы и соединенных между собой вагонов. От данного оформления, являющегося примером модернистских экспериментов в поэзии, полностью отказывается переводчик. Следовательно, текст теряет свою первоначальную образность, его форма значительно нарушается.

Художественной доминантой в «Паровозе» Тувима является его звуковое оформление. Однако Эмма Мошковская решила передать главным образом динамику стихотворения, меняя остальные элементы. Фонетические различия польского и русского языков заставили переводчика полностью перестроить произведение. Некоторые изменения, например перестановки целых строф, не кажутся обоснованными. Данный перевод следует считать вольным. Тем не менее, именно он получил признание среди молодых читателей и до сих пор

остаётся наиболее часто печатанным переводом сказки Тувима. Возможно на данный факт повлияло именно подчинение текста русской литературной традиции и отказ от новаторских форм, предложенных автором оригинала.

Наиболее ярким примером перевода стихотворений Тувима, основанным на выборе семантической доминанты, является текст «Азбуки» Сергея Михалкова. Данное произведение представляет собой полную трансформацию сказки «Abecadło», рассказывающей о смешении букв латинского алфавита после его падения с печки. Графические особенности букв представлены в стихотворении как части тела либо элементы конструкций. Единицы алфавита становятся героями произведения, подвергаются олицетворению. Эта короткая юмористическая сказка нацелена на ознакомление детей с азбукой, она помогает запомнить графическое изображение звуков. В русском переводе латинский алфавит был заменён кириллицей, что привело к значительным трансформациям. Переводчик вынужден был заново изобразить буквы с их отличительными чертами.

Оригинал стихотворения

O -- jak balon pękało,
aż się P przelekało.

T -- daszek zgubiło,

L -- do U wskoczyło,

[Tuwim, 2006, s. 7]

Перевод С. Михалкова

Потеряла буква Ю

Перекладинку свою!

Очутившись на полу,

Поломала хвостик У.

[Тувим, 1959, с. 7-8]

Изменениям подверглись также количество строк и вид рифмовки. Первая строфа, состоящая из четырёх строк, заменилась более экспрессивным двустишием. В описании букв была добавлена следующая строфа. Расположение рифм ABCB, а в дальнейшем до конца произведения AABV, было заменено нерегулярной схемой с преобладанием перекрестной рифмы. Михалков отказался от синтаксического параллелизма, на базе которого построено оригинальное произведение. В тексте перевода появляются риторические вопросы («Что случилось?») и восклицания («С печки азбука свалилась!»), усиливающие художественную выразительность произведения.

Несмотря на факт, что буквальное значение текста перевода не тождественно тексту оригинального произведения, замысел автора был верно передан Михалковым. Учитывая, что

большинство детей в дошкольном возрасте не знает латинского алфавита, переводчик адаптирует стихотворение к условиям русской культуры. Согласно методу перевода, предложенному В. Брюсовым, Михалков выбирает одну доминанту (графические особенности букв алфавита) и сохраняет общий характер произведения.

Как отмечает грузинский переводчик и теоретик Гиви Гачечиладзе, перевод часто требует совершения выбора между дословной точностью и художественной полноценностью. В каждой из вышеприведенных сказок Тувима переводчиком был выбран один инвариантный элемент, определяющий характер перевода; другие составляющие подверглись изменениям либо были пропущены. С учетом культурных особенностей и литературных традиций адресатов стихотворения польского поэта были преобразованы, при сохранении, однако, своей первоначальной функции. Таким образом, сказки Тувима стали частью другой культуры, обогащая ее новыми мотивами и оригинальными формами.

Список литературы:

- Брюсов В.Я.* Фиалки в тигеле // Валерий Брюсов. Собрание сочинений в семи томах. Т. 6. / В.Я. Брюсов. М.: Художественная литература, 1973. 656 с.
- Гачечиладзе Г.Р.* Художественный перевод и литературные взаимосвязи. / Г.Р. Гачечиладзе. М.: Советский писатель, 1980. 255 с.
- Смирнов А.А.* Методика литературного перевода // Литературная энциклопедия в 11 томах. Т. 8 / А.А. Смирнов. М.: ОГИЗ РСФСР, 1934. 512-532 с.
- Топер П.М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. / П.М. Топер. М.: Наследие, 2001. 254 с.
- Тувим Ю.* Азбука / Ю. Тувим; пер. с поль. С. В. Михалков. М.: Детский мир, 1959. 12 с
- Тувим Ю.* Зося-Самося [электрон. ресурс] / Ю. Тувим; пер. с поль. А. Самсонов. 2010. – Режим доступа: <https://stihi.ru>.
- Тувим Ю.* Паровоз / Ю. Тувим; пер. с поль. Э. Э. Мошковская. М.: Детская литература, 1979. 16 с.
- Тувим Ю.* Про пана Трулялинского / Ю. Тувим; пер. с поль. Б.В. Заходер. М.: студия «Диафильм», 1988. 30 с.
- Чуковский К.И.* Высокое искусство / К.И. Чуковский. М.: Советский писатель, 1968. 384 с.
- Tuwim J.* Lokomotywa // Lokomotywa i inne wiersze / pod red. A. Antosiewicz, M. Zagnińskiej / J. Tuwim. Warszawa: Wydawnictwo GREG, 2006. 64 s.

References:

- Bryusov V.Ya.* Fialki v tigele // Valerii Bryusov. Sobranie sochinenii v semi tomakh. T. 6. / V.Ya. Bryusov. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1973. 656 s.
- Chukovskii K.I.* Vysokoe iskusstvo / K.I. Chukovskii. M.: Sovetskii pisatel', 1968. 384 s.
- Gachechiladze G.R.* Khudozhestvennyi perevod i literaturnye vzaimosvyazi. / G.R. Gachechiladze. M.: Sovetskii pisatel', 1980. 255 s.
- Smirnov A.A.* Metodika literaturnogo perevoda // Literaturnaya ehntsiklopediya v 11 tomakh. T. 8 / A.A. Smirnov. M.: OGIZ RSFSR, 1934. 512-532 s.
- Toper P.M.* Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya. / P.M. Toper. M.: Nasledie, 2001. 254 s.

Tuvim Yu. Azbuka / Yu. Tuvim; per. s pol'. S. V. Mikhalkov. M.: Detskii mir, 1959. 12 s
Tuvim Yu. Zosya-Samosya [ehlektron. resurs] / Yu. Tuvim; per. s pol'. A. Samsonov. 2010. – Rezhim dostupa: <https://stihi.ru>.
Tuvim Yu. Parovoz / Yu. Tuvim; per. s pol'. Eh. Eh. Moshkovskaya. M.: Detskaya literatura, 1979. 16 s.
Tuvim Yu. Pro pana Trulyalinskogo / Yu. Tuvim; per. s pol'. B.V. Zakhoder. M.: studiya «Diafil'M», 1988. 30 s.
Tuwim J. Lokomotywa // Lokomotywa i inne wiersze / pod red. A. Antosiewicz, M. Zagnińskiej / J. Tuwim. Warszawa: Wydawnictwo GREG, 2006. 64 s.

Кулешова Нина Михайловна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kuleshova Nina
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ТРУДНОСТИ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА: НАИБОЛЕЕ ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА ОРИГИНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ)

DIFFICULTIES IN TRANSLATION: THE MOST COMMON MISTAKES AND METHODS OF AVOIDING THEM (USING TRANSLATION OF THE ORIGINAL SOCIAL AND POLITICAL TEXTS FROM GERMAN INTO RUSSIAN AS AN EXAMPLE)

Данная статья посвящена анализу наиболее типичных ошибок, допускаемых обучающимися при переводе оригинальных общественно-политических текстов с немецкого языка на русский. К их числу можно отнести: выбор неправильных сочетаний слов; игнорирование логических связей между отдельными членами предложения, абзацами и т.п.; отсутствие учета исторического или актуального контекста; нелогичное использование временных форм; недостаточный учет стилистических нюансов; обращение к ложным друзьям переводчика; ошибочные логические акценты как следствие недостаточного соблюдения правил пунктуации; недостаточное понимание заголовка как квинтэссенции содержания текста; неоправданное обращение к «электронному переводчику»; недостаточное умение пользоваться словарями и другими справочными источниками; неудовлетворительное владение родным русским языком; недостаточное понимание междометий и других вспомогательных частей речи как носителей дополнительной эмоциональной и смысловой нагрузки.

Analysis of the most common mistakes made in translation of the original social and political texts from German into Russian: incorrect collocations; the logical links between sentence members, paragraphs, etc. are ignored; the historical or relevant context is not taken into account; the temporary forms are not used logically; the stylistic nuances are not taken into account sufficiently; false friends; wrong logical accents as a result of inadequate compliance with punctuation rules; limited understanding of the title as the quintessence of the text content; inappropriate use of the "electronic translator"; inadequate ability to use dictionaries and other reference sources; limited knowledge of the native Russian language; limited understanding of interjections and other auxiliary parts of speech as bearers of additional emotional and semantic meaning. Methods of achieving more adequacy of the translation text: pre-translation analysis; use of the original materials in Russian with identical or similar subjects; use of the reliable reference information sources; self-editing of the finished translation; collective/cross-editing of finished translations within the training group; enlarging synonymic rows, taking into account the stylistic register; active use of set phrases, phraseological units and idioms in both Russian and a foreign language.

Ключевые слова: сочетаемость слов, логические связи, реалии, историзмы, стилистические особенности, «ложные друзья переводчика», логические акценты, трансформация, синонимические ряды, электронный перевод, пунктуация, сложные слова, владение родным языком.

Key words: word co-occurrence, logical connection, realities, historicisms, stylistic peculiarities, "false friends", logical emphasis, transformation, synonymous line, electronic translation, punctuation, compound words, native language proficiency.

В данной статье рассматриваются некоторые способы, помогающие достичь при переводе большей адекватности текста перевода тексту оригинала. Среди таких способов можно назвать: предпереводческий анализ; обращение к оригинальным материалам на

русском языке с идентичной или схожей тематикой; обращение к проверенным источникам справочной информации; самостоятельное редактирование готового перевода; коллективное/перекрестное редактирование готовых переводов в рамках учебной группы; пополнение синонимических рядов с учетом стилистического регистра; закрепление устойчивых словосочетаний, фразеологизмов и идиом как на русском, так и на иностранном языке.

Выбор неправильных сочетаний слов как наиболее распространенная ошибка

Недостаточное владение родным русским языком и обращение к буквальному переводу зачастую приводит к выбору нетипичных, неправильных сочетаний слов, неправильному построению русского предложения, что существенно затрудняет понимание и зачастую искажает смысл. Нередко это связано с тем, что обучающийся пользуется буквальным переводом, калькой, игнорированием узуса родного языка. Вот несколько примеров:

Прибор, установленный в обсерватории Калор-альто (*Калар-Альто*) на высоте 2100 м *над нулем (над уровнем моря)*

Он *зарывается* в морских картах. (*Он погружается в изучение морских карт.*)

В докладе Юнисеф, *проходившем (с которым выступил...)* во вторник в Нью-Йорке...

Германии следует *глубже озаботиться (уделить большее внимание)* «забытыми проблемами»

Одиннадцать дней спустя *мужчины проплывают* второй остров, снова якорь *не кинуть*. (*Спустя 11 дней мореплаватели проходят мимо второго острова, но бросить якорь не удается и здесь.*)

Вопреки насмешливому *сообщению (донесению)* посланника, Магеллан отправляется в экспедицию отнюдь *не с гнилыми обломками, (не на гнилых развалинах)*, а на хорошо снаряженных кораблях: (*которые существенно*) они основательно превосходили старые корабли.

Сухари, которые мы ели, уже были не сухарями, а *только (скорее)* пылью, смешанной с червями и *нечистотами мышей (мышиным пометом)*. Или: «Сухари, которые мы ели, уже не были сухарями, а сухарная пыль, смешанная с червями, *которые сожрали самые лучшие сухари, она сильно воняла крысиной мочой*», - пишет Пигафетта.

Необходимо *заключить (установить)* более тесные отношения с Африкой

Переломный этап в *развитии (открытии)* морского пути в Индию

Все незастроенные (*необитаемые*) районы *...падают (попадают в зону влияния Испании)* в Испанию.

Магеллан *путешествует (переправляется)* через границу в Севилью.

Найденная (обнаруженная) планета находится в 30 световых годах (на расстоянии 30 световых лет) от Земли.

В регионах, где *ведутся (отмечаются, продолжаются)* конфликты

Взгляды *о том (на то), как этот (оборонный) щит должен быть выстроен (обеспечен),* расходятся.

Это могло привести к *выпаду (выходу)* Греции из еврозоны.

Шипение пробивалось сквозь утреннюю тишину. *(Утреннюю тишину нарушало странное шипение.)*

Такую *застенчивость (сдержанность)* инвесторов теперь можно *расценивать (расценить)* как продуманную осторожность перед лицом торгового конфликта.

Среди зелени журчат ручьи и *рассыпаются* водопады.

Отсутствие в повествовании логики и логической связи

Некоторые примеры такого перевода: *Прямым морским путем, (Найдя прямой морской путь)* как надеялись в Лиссабоне, можно было разрушить *выгодную* монополию итальянских купцов.

Он *(Магеллан)* должен обеспечивать постоянную торговлю пряностями. На борту также находился 25-летний Магеллан.

Корабли «очень старые и *сшиты вместе*»

Спустя 15 дней их капитан приносит безрадостную весть, *водоем – это не то связующее, которое искали между океанами.* У Армады нет другого выбора, кроме как плыть дальше *по* побережью.

Магеллан *размышлял о идее,* которая могла *снизить* один из самых важных источников дохода Португалии – торговлю специями.

После *очень* эмоциональной речи *президент (Председатель)* Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер *ушел с должности* после пяти лет и *вычеркнул* свои успехи.

Юнкер напомнил о своей встрече с американским президентом Дональдом Трампом в июле 2018 года, в ходе которой он *разрядил* торговый конфликт с Соединенными Штатами. Он заявил тогда Трампу, что только Еврокомиссию *можно благодарить за совместную торговую политику, чем очень заинтересовал президента.*

Запуск новой комиссии фон дер Ляйен *отложился*

Три *назначенных* комиссара потерпели неудачу *во время избрания.*

Под руководством Габера были *назначены* специально подготовленные пионерные полки для выполнения *нелегкой задачи по продувке хлора на фронте.* Или: Под руководством Габера создаются специально подготовленные газовые инженерные войска для *спуска хлора на фронте.*

Начиная с января 1916 года *из под* конвейера стали выходить новые резиновые маски со съёмным трехслойным фильтром.

Газометы и газовые гранаты заменяют газобаллонный *выпуск* отравляющих веществ, зависящий от погоды, *что исключает* необходимое *прежде* время для предупредительного сигнала.

В 1920-х годах он исследует новые яды для борьбы с вредителями. Одним из них являлся Циклон Б, *который Фрицу Габеру не удастся применить в газовых камерах национал-социалистов.*

Среди миллионов убитых евреев, погибли и близкие родственники химика, который хотел быть патриотом, а стал считаться военным преступником. Или: Миллионы немцев, убитых евреями позже, включали близких родственников химика.

В течение двух лет, *между 1821 и 1825 г., Карл Фридрих Гаусс, ... постоянно взбирается на холмы, ищет горизонт на шпильях, ветряных мельницах или самодельных сигнальных столбов. Он исследует землю благодаря особой зеркальной технике, применяя в ней цифры.*

Когда Гаусс умирает в Геттингене в 1855 г., *его наследие выходит далеко за рамки почти 50 математических терминов, названных в его честь.*

Реалии и их различное употребление в разных языках

Нередко слова-интернационализмы вводят обучающихся в заблуждение. Эти слова просто переписывают на кириллице, хотя отнюдь не всегда они имеют такое же значение и употребление в русском языке. Это часто связано с традицией и, по всей видимости, с первичным официальным употреблением того или иного понятия в разных языках. Знание реалий помогает правильному и адекватному переводу. Так, Жан-Клод Юнкер на самом деле – **Председатель**, а не Президент Европейской комиссии.

Переводя с немецкого языка слово *das Land* нужно иметь в виду, что оно имеет два значения *страна* и *земля* (федеральная земля как единица административного деления ФРГ).

А аббревиатура *IPCC*, встретившаяся при переводе текста «Fehlende Aufarbeitung», посвященного действиям полиции Гонконга при разгоне демонстрантов, отнюдь не «Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК)» (англ. Intergovernmental Panel on Climate Change, *IPCC*), а «**Independent Police Complaints Commission in England und Wales**», то есть независимая комиссия по рассмотрению жалоб на действия полиции в Англии и Уэльсе, что как раз отвечает содержанию статьи, посвященной сотрудничеству международных экспертов-криминалистов и полицейских органов Гонконга.

Учитывая административную и политическую специфику Гонконга, не следует действия «*Hongkonger Führung*» переводить как: действия «*правительства КНР*», поскольку это – ошибка политического характера.

Желательно также знать, что немецкое слово *der Schlachter* имеет значение не *забойщик*, а *забойщик скота*, а *das Segelschiff* - не *корабль с парусами*, а *парусник*.

Учет исторического контекста

Переводя текст на историческую тематику, необходимо переводить слова и понятия сообразно исторической реальности, то есть учитывать какие слова из нашего лексикона можно, а какие не следует употреблять в тексте перевода. Так, в тексте о Магеллане и его знаменитом путешествии, состоявшемся в начале 16-го века, вряд ли следует употреблять слово «*оклад*», скорее подойдет слово «*жалованье*»: «Он пришел просить короля не о помощи в (*сложившейся*) ситуации, а об увеличении *оклада*».

Командует кораблями: 25-летний Магеллан. Он *принимает (получает)* аудиенцию у испанского короля.

Также он наблюдает за каждой деталью подготовки (*к плаванию*). На борту *также* 21 383 фунта *печенья*, 5700 фунтов *соленого мяса*, 200 *баррелей* анчоусов, 984 кругов сыра, *зубчики* чеснока и лук, мешки с мукой, бобы, чечевица и рис. Кроме того, 417 *шлангов* и 253 бочки с вином, 50 *шаровых пушек*, 1000 копий, 200 *щук*. Или: Магеллан контролирует каждую деталь *приготовления*. Приказывает погрузить на борт 21 383 *фунта морских галет*, 5700 фунтов *засоленного мяса*, 200 бочек сардин, 984 головок сыра, *веревки* чеснока и лука, мешки с мукой, бобами, чечевицей и рисом. Также были взяты 417 *бордюков* и 253 бочки вина, 50 *пулевых винтовок*, 1000 *копей* (прим. авт.: мн. ч. от *копье* – *копий*, в противном случае речь пойдет о слове *копье*, *копи* = *рудник*, *рудники*), 200 *пик* и *бартер* для торговли пряностями: 20 000 *хомутов* и колокольчиков, 900 маленьких зеркал, почти 5000 ножей, ножниц, латунных украшений и 40 мешков стеклянных *бусин*.

Der Schiffszwieback (сахари) в одном случае переводится как *печенье*, во втором *морские галеты*; *das Pökelfleisch (солонина)* как – *соленое мясо* и *засоленное мясо*; *Schnüre mit Knoblauchzehen und Zwiebeln (связки чеснока и лука)* как - *зубчики* чеснока и лук, а также как *шнуры* с чесноком и луком; *Schläuche und Fässer Wein (бордюки и бочки с вином)*– как *шланги* и бочки с вином, а также как *бордюки (бордюки)* и бочки вина; *die Kugelgewehre (винтовки)* как *шаровые пушки* и *пулевые винтовки*; *die Tauschwaren (товары для обмена)* как *бартер* для торговли пряностями; *die Piken (пики)* как *щуки* и *пики*; *Fässer Sardellen (бочки сардин, анчоусов)* – как *баррели сардин* и *анчоусов* (прим. авт.: хотя эта мера измерения в современном русском языке главным образом употребляется в связи с нефтяными

продуктами); Schellen und Glöckchen (**бубенчики и колокольчики**) как - *хомуты* и колокольчики, а также как *колокольчики и колокольчики*;

Еще пример: «Генрих Мореплаватель», как его стали называть позже, привел картографов и кораблестроителей на свою *ферму* (прим. авт.: слово заимствовано из фр. яз. в 1 половине 19 века) и *заставил* их строить новые *корабли с парусами*.

Приводимые выше примеры наглядно показывают, что при переводе не учитывается исторический контекст, и поэтому в тексте перевода приводятся слова из современного лексикона, зачастую не адекватно передающие реалии того времени. Кроме того, порой не учитывается и просто контекст, например, как рядом могут оказаться такие два понятия как *хомут* и *колокольчик* или при перечислении оружия вдруг появляются *щуки*!? Не исключено, что в этих конкретных случаях свою злую шутку сыграл «компьютерный друг-помощник», к которому обучающиеся порой, к сожалению, обращаются.

Стилистические погрешности

Часто в переводах можно обнаружить и стилистические погрешности. Обучающиеся порой не чувствуют в какой ситуации что-то делается и говорится, не учитывают исторический, ситуативный и субординационный контекст, определяющий выбор лексики и т.п. Несколько примеров на эту тему: Ради хорошего бизнеса компании (**компаниям постоянно приходится**) должны всегда искать новые пути развития, которые будут *по нраву (которые устраивают их инвесторов)* их инвесторам. С другой стороны, тот факт, что именно в эти дни они пытаются справиться со сложной задачей под названием «Китай», свидетельствует о том, что это не просто «маркетинговый треп (ход)», а *серьезные намерения (серьезное намерение)*.

Он встречает Диого Барбозу, который 14 лет *работает (служит)* высшим чиновником в Испании.

Химик прямо-таки *внедрился* в военные круги. Или: Химик регулярно *напрашивался* к военным. (**Химик постоянно предлагает военным свои услуги**). (В оригинале употребляется глагол «*sich aufdrängen*», он действительно имеет значение «напрашиваться», «набиваться», но контекст говорит о том, что химик Фриц Хабер, а именно о нем идет речь, предлагает изобретенный им ядовитый газ военным).

Ошеломленный (радостной вестью), он *наградил (награждает)* Наварро 100 *дукатов (дукатами)*. После 98-дневного плавания по Тихому океану *мужчины (мореплаватели)* достигли *Марианских островов* - архипелага в Микронезии. 6 Марта 1521 года утреннюю тишину нарушает *зов (крик:)* «Земля! Земля!».

Когда Магеллану *передают (сообщают)* эту новость, обычно *нелюдимый человек (сдержанный, он)* плачет от счастья.

Офицер, *который еще мало разбирался в искусстве красивой речи, (не отличавшийся до сих пор красноречием)* на этот раз выступает настолько убедительно, что у Карла и его советников не остается сомнений в *(осуществимости)* плане.

Хромой походкой бородатый офицер небольшого роста входит в зал для приемов: *грубый* мужчина 30 лет, замкнутый, озлобленный... Второй вариант того же предложения: «*Хромая, ... бородатый офицер ступает* в зал для аудиенций».

«Полон злости, он без разрешения своего начальства спешит ... ко двору в Лиссабоне для разговора с королем». (Озлобленный, он без разрешения начальства отправляется в Лиссабон, чтобы получить аудиенцию у короля.)

Несогласованность времен как нарушение логики повествования

При переводе обучающиеся иногда не уделяют должного внимания согласованию временных форм глаголов, произвольно меняют время без учета контекста, а также не очень чувствуют разницу между совершенным и несовершенным видом глагола. Не учитывается также и то, что в немецком языке часто используется *Passiv* (страдательный залог), в то время как в русском языке более предпочтительным является *Aktiv* (действительный залог).

Например: Он *измерил* всю страну *благодаря* специальной технологии картографической проекции, *подводит* итоги в цифрах.

Как писал Пигафетта, корабль сначала *взял* курс на Канарские острова, затем, он должен был *проплывать* мимо островов Кабо-Верде и побережья Гвинеи.

Когда один из капитанов открыто *раскритиковал* Магеллана за *нестандартный* и опасный курс вдоль африканского побережья, генерал-капитан без колебаний *сажает* его под стражу.

Позже европейцы *обменивают* стеклянные бусы и бубенцы на рис, свиней, коз и прочий провиант. И тут они *получили захватывающее* сообщение: жители острова Борнео ... должны знать дорогу к Молуккским островам.

Председатель Европейской комиссии Жан-Клод Юнкер *попрощался, выступая* с эмоциональной речью после пяти лет пребывания на посту, и особо *подчеркнул* свои достижения.

20 января 1518 года. Магеллан *отправился* в Вальядолид, ко двору испанского правителя Карла I, и *получает* аудиенцию.

Трансформация как средство приближения текста перевода к нормам языка перевода

Весьма рекомендуемым способом перевода является трансформация фразы оригинала, что позволяет текст перевода сделать более «русским». Для этого можно, например, фрагменты сложных предложений переводить в предложные конструкции, страдательный

залог глаголов в немецком переводить в действительный залог в русском, дополнять фразы перевода отдельными словами, типичными для русского языка, но не несущими дополнительной семантической нагрузки.

Несколько примеров: На самом деле он с нетерпением ждал возможности, *чтобы* прославиться как исследователь. (*чтобы* вполне можно опустить)

Тем не менее, во второй половине месяца его *мучили* (*начинают мучить*) беспокойство и глубокая неуверенность в себе.

На свою беду, (Оказавшись в трудном положении), он приказывает офицерам письменно сообщить ему «все, что вы думаете о нашем путешествии». (*что они думают о путешествии*)

Почти 800 мужчин, женщин и детей принимают таинство крещения; в эти же дни *крестятся (становятся христианами)* также жители соседних островов.

Князь расположенного рядом с Цебу острова Мактан не хочет платить дань чужеземцам и не признает ... *верховенства (власти)* короля Цебу - Карла.

Несмотря на то, что это не было панацеей, этим можно гордиться (И хотя этот план и не стал некоей панацеей, все-таки результатами можно было гордиться.)

Он *заглядывал* в хижины островитян, *показывал* им копья и *отметил* (*отметив при этом*), что до этого утра они считали, что «они единственные люди на Земле».

Священник *крестит (совершает обряд крещения)* Раджа Хумабона, (*дав ему*) в честь испанского короля (*имя Карл*) именем.

Он ведет свой флот *молчаливо и авторитетно (без лишних слов и со знанием дела)*.

В отличие от русского языка немецкий язык более компримированный. Некоторые слова, понятные из контекста, зачастую опускаются.

В русском же языке, несмотря на избыточность информации, требуется расшифровка, разъяснение, употребление дополнительных слов. Например: Президент Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер покинул свой пост после пятилетнего *срока (пребывания в этой должности)*,

Я покидаю пост не огорченный и не чрезмерно счастливый, но с чётким пониманием того, что сделал все, что мог, - сказал *64-ти летний (политик)* во вторник в Европарламенте.

Возможная новая дата *начала (работы нового председателя)* – 1 декабря.

Заголовки как квинтэссенция содержания текста

Перевод заголовков – дело весьма тонкое. Здесь недостаточно понять и правильно перевести содержащиеся в заголовке слова, нужно также учесть содержание, смысл и основную идею всего переводимого текста. Что бывает сделать порой очень непросто.

Сравним два примера. Один текст о выдающемся немецком математике Карле Фридрихе Гауссе называется «Fürst der Zahlen» (дословно: «Князь чисел»).

1. Обучающимися были предложены следующие варианты перевода: *князь чисел, князь цифр, король математики, принц числа и повелитель чисел*. Пожалуй, наиболее удачным можно считать последний вариант, поскольку он не буквальный, а с элементом некоей сказочности, загадочности, что как раз подчеркивает необыкновенный гений этого человека.

2. Другой пример – статья о помощи иностранных экспертов в расследовании виновников беспорядков Гонконге, которым пришлось отказаться от этой помощи, поскольку власти Гонконга не хотели действительного расследования произошедшего, они хотели использовать иностранных экспертов в качестве «фигового листка», который должен был создать иллюзию разбирательства. Статья называется «Fehlende Aufarbeitung» (дословно: «Отсутствующая обработка»; зд.: Несостоявшееся расследование). Интересно, что обучающиеся дали очень далекие друг от друга варианты перевода.

Например: *опробочивый поступок; прогресс, которого не было; отсутствие работы; недоработка; непринятие мер; незавершенное дело*. Пожалуй, наиболее близким к оригиналу можно признать последний вариант. Поскольку его автор не только исходил из смысла самих слов, но и из содержания всего текста, где говорится о невозможности расследования дела, поскольку эксперты не были наделены местными властями необходимыми правами и полномочиями для решения поставленной задачи.

3. Один из подзаголовков в статье о Магеллане гласит: «Magellan lässt die Leiche vierteilen» (Буквальный перевод: Магеллан приказывает четвертовать труп.) И в самой статье, конечно, расшифровывается подзаголовок. Однако варианты перевода оказались следующими: *Магеллан делит жертву на четверых; Магеллан работает за четверых; Жестокая расправа Магеллана через четвертование; Жесткая расправа Магеллана – четвертование*.

Пожалуй, ни один из предложенных вариантов нельзя назвать удачным.

Синонимические замены повторов

Часто обучающиеся не придают должного внимания возможности использования синонимических рядов или методу трансформации, который позволяет избежать повтора однокоренных слов в одном предложении или абзаце.

Примеры: 50 миллионов детей имеют *недостаток* мышечной массы...; 340 миллионов детей получают *недостаточное (не получают необходимого количества)* количество витаминов или питательных веществ;

согласно сентябрьскому *опросу*, подавляющее большинство *опрошенных (респондентов)* оценили ситуацию в Германии как «весьма безопасную» или «достаточно безопасную»;

Но как добраться до островов пряностей, *не проезжая (минуя)* португальские торговые пути в Индийском океане? Путь (*маршрут*) должен пролегать на запад.

Также он наблюдает за каждой деталью подготовки. На борту *также* 21 383 фунта печени.

Несмотря на это, большинство людей, страдающих от голода, по-прежнему *являются* женщинами и девушками. Обе организации *являются* соиздателями нового ежегодника о праве на пищу, который появится к Всемирному дню продовольствия.

Пунктуация как дополнительный индикатор смысла

Немаловажным моментом, который следует учитывать при переводе, является пунктуация. Так в приводимом ниже примере кавычки должны показать, что сочетание «воронье гнездо» имеет не прямой, а переносный смысл. А прочие кавычки в первом и втором примере показывают, что речь идет о кораблях «Виктория» и «Сантьяго». Одно и то же слово может быть и именем собственным (человека или корабля и т.п.), и топонимом (название города и т.п.), не зная этого можно исказить смысл. Кроме того, употребление, например, кавычек может указывать на косвенную речь, что особенно важно учитывать, когда мнение автора того или иного текста не совпадает с мнением автора той или иной цитаты.

Из своего *вороньего гнезда* («*вороньего гнезда*», *находящегося на высоте 20 метров над палубой «Виктории»*), в 20 метрах над палубой *Виктории*, в дымке Лопе Наварро разглядел берег.

Магеллан отправляет *Сантьяго* в *разведывательный поход* (*парусник «Сантьяго» на разведку*).

Знание правил перевода сложных слов

В немецком языке употребляется очень много сложных существительных. Важно знать, что основным носителем смысла является последняя часть сложного слова, из скольких бы частей оно ни состояло. А впереди стоящие части сложного слова являются определением либо дополнением. Если не учитывать этого правила, можно прийти к курьезным результатам.

Например, следующее предложение "Für eine Spielkarte geben die Einheimischen sechs Hühner her. Und gegen eine Axt werden zwei Mädchen als Sklavinnen angeboten" - нужно перевести так: **«За одну игральную карту местные жители давали 6 кур. А за один топор предлагались две девушки в качестве рабынь.»**

Варианты перевода: За одну *карточную игру* местные жители отдавали шесть кур. (т.е. сложное слово было переведено с точностью наоборот). А вот еще один перевод, который можно считать верхом фантазии: *Для создания игровых карт местные жители использовали перья кур. Казни можно было избежать, отдав двух девушек в рабство.*

Возможно, и здесь не обошлось без помощи компьютера-переводчика?!

Важность учета логических и смысловых акцентов

Также как и в русском в немецком языке место того или иного члена предложения определяется не произвольно, а зависит от логических и смысловых акцентов фразы, что необходимо учитывать при переводе.

Например: Самой большой *потерей* было решение Великобритании о выходе из ЕС в 2016, вопрос, которым Европа до сих пор *непрерывно* занимается. Или: Самой большой неудачей стало решение Великобритании о *Brexit в 2016 году*, над которым содружество продолжает работать с того момента почти беспрерывно. Согласно этим двум вариантам, получается, что выход Великобритании из ЕС должен был произойти в 2016 г. На самом деле речь идет о *решении, принятом в 2016 году*.

Отражение общественного мнения *по внешней политике немецких граждан* – Наверное, следовало бы написать *отражение общественного мнения немецких граждан о внешней политике (государства)*.

Конечно, как говорил классик «нельзя объять необъятное». Поэтому в данной статье представлены лишь наиболее распространенные и типичные ошибки, которые встречаются у обучающихся при переводе с немецкого языка на русский.

В заключение хотелось бы поделиться некоторыми рекомендациями по предупреждению типичных переводческих ошибок:

1. Необходимо совершенствовать знания родного и иностранного языка, знакомясь с отечественной и зарубежной литературной классикой.
2. Больше внимание уделять предпереводческому анализу с целью постижения истинных смыслов, заложенных в тексте. При этом следует учитывать, что при переводе мы имеем дело не с отдельными предложениями или абзацами, а логическим целым. Поэтому нужно стремиться к сохранению этой логики в тексте перевода.
3. Обращать внимание на стилистические, грамматические и лексические особенности двух языков.
4. Обращаться к индивидуальному и перекрестному редактированию переводимых текстов во время аудиторных занятий, выбирая наиболее удачные варианты перевода.
5. Совершенствовать работу с интернет-ресурсами, а также другими справочно-информационными источниками, не доверяясь при этом «компьютерному переводчику».
6. Более тщательно выверять реалии, обращаясь, по возможности, к официальным источникам информации.

7. При переводе заголовков стараться уловить главные мысли, посылы, содержащиеся в переводимом материале, и учесть их при переводе заголовка, переводить который целесообразно не сразу, а в конце работы.

8. Не игнорировать знаки препинания, которые зачастую несут в себе существенную, значимую информацию.

9. При переводе исторических текстов использовать лексику и фразеологию, соответствующую данной исторической эпохе. Для этого целесообразно обращаться к оригинальным текстам соответствующей тематики на русском языке.

10. При переводе специальных текстов использовать соответствующую терминологию и обращаться к аналогичным текстам на русском языке.

11. Учитывать специфику употребления временных форм в одном и другом языке, не нарушая при этом логики повествования в тексте перевода.

12. Избегать повторения однокоренных слов, используя слова-синонимы. С этой целью совершенствовать и расширять «синонимические ряды».

13. Используя междометия и иные второстепенные части речи, следует обращать внимание на логичность и целесообразность их употребления. Нужно иметь в виду невозможность нахождения всех значений таких слов в словаре. Часто смысловые нюансы подсказывает сам контекст.

14. Не следует в тексте перевода слепо придерживаться порядка слов в оригинальном тексте. Нужно ориентироваться на логику, здравый смысл и свои фоновые знания. В этой связи целесообразно прибегать к методу трансформации, то есть преобразования фразы перевода с учетом особенностей и правил русского языка.

15. Готовый перевод желательно прочитать, хотя бы один раз, что называется, на свежий глаз, то есть отложив его на некоторое время и вернувшись к нему позже.

Перевод – дело живое, интересное и творческое. И любой перевод – это продукт штучный, индивидуальный, неповторимый, не укладывающийся в рамки советов, рекомендаций, правил и штампов.

Список литературы:

«Wie Fritz Haber den Tod aus dem Labor erfand», Quelle: www.geo.de

«Der Fürst der Zahlen: Wie Johann Carl Friedrich Gauß die Zahlentheorie revolutionierte»,

Quelle: www.geo.de

Ferdinand Magellan In 1082 Tagen Um Die Welt, Quelle: www.geo.de

«Investieren In Asien: So legen Sie in China Geld an», Quelle: F.A.S.

«Falsche Ernährung: 200 Millionen Kinder weltweit sind laut Unicef krank», Quelle: Dpa

«Umfrage zur Außenpolitik: Deutsche wollen europäischen Nuklearschirm», Quelle: F.A.Z.

«Abschiedsrede im Parlament: Juncker: bekämpft den dummen Nationalismus», Quelle: Nto./Dpa/AFP

«Weißes Haus: Trump warnt Russland vor Einmischung in Wahl», Quelle: AFP

«Fehlende Aufarbeitung: Ausländische Berater der Hongkonger Polizei treten zurück», Quelle: Faz.Net

References:

«Wie Fritz Haber den Tod aus dem Labor erfand», Quelle: www.geo.de

«Der Fürst der Zahlen: Wie Johann Carl Friedrich Gauß die Zahlentheorie revolutionierte»,
Quelle: www.geo.de

Ferdinand Magellan In 1082 Tagen Um Die Welt, Quelle: www.geo.de

«Investieren In Asien: So legen Sie in China Geld an», Quelle: F.A.S.

«Falsche Ernährung: 200 Millionen Kinder weltweit sind laut Unicef krank», Quelle: Dpa

«Umfrage zur Außenpolitik: Deutsche wollen europäischen Nuklearschirm», Quelle: F.A.Z.

«Abschiedsrede im Parlament: Juncker: bekämpft den dummen Nationalismus», Quelle: Nto./Dpa/AFP

«Weißes Haus: Trump warnt Russland vor Einmischung in Wahl», Quelle: AFP

«Fehlende Aufarbeitung: Ausländische Berater der Hongkonger Polizei treten zurück», Quelle: Faz.Net

Мешкова Елена Михайловна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В.Ломоносова
г. Москва (Россия)

Meshkova Yelena
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**ОБ АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА:
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ/ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА**

**ON ENGLISH TRANSLATIONS OF S.A. ESEENIN'S POETRY: IMAGE
INTERPRETATION/TRANSFORMATION**

Доклад посвящен вопросам смысловой интерпретации и семантико-стилистической трансформации отдельных образов в произведениях Сергея Есенина в переводах на английский язык. Под семантико-стилистической трансформацией имеется в виду такая языковая трансформация, при которой трансформируется, меняется, по сравнению с оригиналом, и значение, и стилистическая окраска слов, использованных для создания, точнее, воспроизведения в переводе образа оригинала художественного произведения. Семантико-стилистические трансформации характерны для художественного перевода, в особенности для перевода поэтического. Сопоставление двух английских переводов стихотворения Есенина «Письмо к женщине», выполненных английским и русским переводчиками, показало, что при переводе в данном случае наиболее удачными оказываются семантико-стилистические трансформации в рамках стратегии доместикации, обнаруженные в переводе, выполненном англичанином. Несмотря на то, что перевод при этом не дает представления о национальном и стилистическом колорите произведения, переводной текст звучит естественно на английском языке и соответствует оригиналу в плане общей передачи авторского замысла. Доместикация наблюдается и на уровне фонетическом, в частности, весьма удачным можно считать характерное для английской поэзии использование аллитерации в качестве орнаментального средства. Перевод, выполненный русским переводчиком, нельзя однозначно отнести ни к форенизации, ни к доместикации, но в нем заметно стремление переводчика передать средствами языка перевода все содержательные особенности оригинала.

The paper focuses on conceptual interpretation and semantic-stylistic transformation of some individual images in Sergei Esenin's poetry as reproduced in English translations. Semantic-stylistic interpretation is viewed as a linguistic transformation affecting both meaning and stylistic colouring of words that create an image. Semantic-stylistic transformations are generally typical of literary translation, particularly of poetic translation. A contrastive analysis of two translations of Esenin's "A Letter to a Woman" done by an English and a Russian translator has revealed the effectiveness of semantic-stylistic transformations under domestication translation strategy discovered in the English translator's version. Despite the fact that this version fails to reproduce the national and stylistic colouring of the poem, it sounds natural and is faithful to the source in terms of rendering the author's overall artistic design. Domestication is also observed at the level of phonetic structure of the translation with alliteration used as a decorative element, which is intrinsic to English poetry. The Russian translator's version cannot be conclusively classified as domestication or foreignization, but it demonstrates the translator's intention to render all the conceptual nuances of the original poem.

Ключевые слова: образ, интерпретация, семантико-стилистическая трансформация, переводческая стратегия, форенизация, доместикация.

Key words: image, interpretation, semantic-stylistic transformation, translation strategy, foreignization, domestication.

Поэтическое наследие Сергея Александровича Есенина относится к наиболее трудно переводимым текстам, поскольку в них, особенно в ранних стихах [см., в частности, У Дандань, 2013, эл. ресурс], присутствует огромное количество непередаваемых элементов,

обусловленных спецификой русской народной культуры и быта. Как справедливо отмечает Л.И. Калмыкова, «степень переводимости на другой язык обратно пропорциональна народности, национальной специфике, таким особенностям оригинала, которые делают его очень самобытным и как бы закрепленным за данным национальным языком» [Калмыкова, 1985, эл. ресурс]. Поэтому переводы его стихотворений на другие языки могут служить материалом для рассмотрения семантико-стилистических трансформаций. Можно сказать, что иноязычная и инокультурная интерпретация есенинских образов нередко осуществляется посредством семантико-стилистических трансформаций.

Под семантико-стилистической трансформацией [см., в частности, Солонович, 2016, с. 50] имеется в виду такая языковая трансформация, при которой трансформируется, меняется, по сравнению с оригиналом, и значение, и стилистическая окраска слов, использованных для создания, точнее, воспроизведения в переводе образа оригинала художественного произведения. В качестве иллюстрации нашего положения об интерпретации/трансформации образа рассмотрим два перевода одного из поздних стихотворений Есенина «Письмо к женщине». Первый перевод выполнен англичанином П. Темпестом, второй – А. Вагаповым:

Сергей Есенин. Письмо к женщине	Sergei Esenin. Letter to a Woman (the translation by P. Tempest)	Sergei Yesenin. Letter to a woman (the translation by A. Vagapov)
<p>Вы помните, Вы все, конечно, помните, Как я стоял, Приблизившись к стене, Взволнованно ходили вы по комнате И что-то резкое В лицо бросали мне.</p> <p>Вы говорили: Нам пора расстаться, Что вас измучила Моя шальная жизнь, Что вам пора за дело приниматься, А мой удел — Катиться дальше, вниз.</p> <p>Любимая! Меня вы не любили. Не знали вы, что в сонмище людском Я был, как лошадь, загнанная в мыле,</p>	<p>You remember, Of course, you remember How I stood With my back to the wall While you paced the room in a temper And many a sharp word Let fall. You said: It was high time we parted, My mad life Was torturing you You'd work to do and had to start on it, While I'd slide on down To my doom. Beloved! You did not love me, Didn't you know: in the milling crowd I was like a horse driven to fury By spurs, and foaming at the mouth.</p>	<p>Yes, you remember, You certainly remember The way I listened Standing at the wall As you walked to and fro about the chamber Reproving me With bitter words and all.</p> <p>You said That it was time we'd parted, And that my reckless life, For you, was an ordeal, And it was time a new life you had started While I was fated To go rolling downhill.</p> <p>My love! You didn't care for me, no doubt. You weren't aware of the fact that I</p>

<p>Пришпоренная смелым ездоком. Не знали вы, Что я в сплошном дыму, В развороченном бурей быте С того и мучаюсь, что не пойму — Куда несет нас рок событий.</p> <p>Лицом к лицу Лица не увидеть. Большое видится на расстоянии. Когда кипит морская гладь, Корабль в плачевном состоянье.</p> <p>Земля — корабль! Но кто-то вдруг За новой жизнью, новой славой В прямую гушу бурь и вьюг Ее направил величаво. Ну кто ж из нас На палубе большой Не падал, не блевал и не ругался? Их мало, с опытной душой, Кто крепким в качке оставался.</p> <p>Тогда и я Под дикий шум, Но зрело знающий работу, Спустился в корабельный трюм, Чтоб не смотреть людскую рвоту. Тот трюм был — Русским кабаком. И я склонился над стаканом, Чтоб, не страдая ни о ком, Себя сгубить в угаре пьяном.</p> <p>Любимая! Я мучил вас, У вас была тоска в глазах усталых: Что я пред вами напоказ</p>	<p>You didn't know: In the thick smoke, In the turmoil of life swiftly spreading What tortured me was I didn't know Where our ship of fate was heading....</p> <p>Face to face You can't see the features. You need distance to see what is great. When the ocean surface is seething The ship's a pitiful state.</p> <p>The earth is a ship! But suddenly someone Determined new horizons should be won, Headed straight for the raging hurricane, Streered the ship unswervingly on.</p> <p>And was there a man among us on deck Who did not stumble, start swearing and puke? Few were the men of experience Who stood their ground when all heaven shook.</p> <p>Then did I too In the terrible din, Though knowing well what I was doing, Go down into the hold of the ship Not to witness the passengers spewing.</p> <p>The ship's hold was A Russian tavern And over a glass I bent low</p>	<p>Was like a ruined horse, amidst the crowd, Spurred by a dashing rider, flashing by.</p> <p>You didn't know That I was all a-smoke, And in my life, turned wholly upside-down , I was in misery, downhearted, broke, Because I didn't see which way we were bound.</p> <p>When face to face We cannot see the face. We should step back for better observation. For when the ocean boils and wails The ship is in a sorry situation.</p> <p>The world is but a ship! But all at once, Someone, in search of better life and glory, Has turned it, gracefully, taking his chance, Into the hub of storm and flurry.</p> <p>Well, which of us On board a mighty boat Has never brawled nor barfed nor fallen down? There are not many of them that will not Despair when they're about to drown.</p> <p>Me, too, To loud hue and cry, But knowing well what I was doing Went down to the hold where I Might keep away from scenes of spewing.</p> <p>«Hold» was a Russian pub Where I</p>
---	---	---

<p>Себя растрчивал в скандалах. Но вы не знали, Что в сплошном дыму, В развороченном бурей быте С того и мучаюсь, Что не пойму, Куда несет нас рок событий...</p> <p>Теперь года прошли, Я в возрасте ином. И чувствую и мыслю по- иному. И говорю за праздничным вином: Хвала и слава рулевому!</p> <p>Сегодня я В ударе нежных чувств. Я вспомнил вашу грустную усталость. И вот теперь я сообщить вам мчусь, каков я был И что со мною случилось!</p> <p>Любимая! Сказать приятно мне: Я избежал паденья с кручи. Теперь в Советской стороне Я самый яростный попугчик. Я стал не тем, Кем был тогда. Не мучил бы я вас, Как это было раньше. За знамя вольности и светлого труда Готов идти хоть до Ла- Манша.</p> <p>Простите мне... Я знаю: вы — не та. Живете вы С серьезным, умным мужем; Что не нужна вам наша маета, И сам я вам Ни капельки не нужен.</p>	<p>So, by sight of woe not saddened, I could go to the dogs In a drunken glow.</p> <p>Beloved! I caused you heartache and pain. Weary-eyed On my antics you gazed, Seeing me time and time and again Wasting my talent on wild escapades.</p> <p>But you didn't know: In the thick smoke, In the turmoil of life that was spreading What tortured me was I didn't know Where our ship was heading....</p> <p>In a different way I'm thinking, feeling. When toasts are powered I rise and say: "Praise be to the man who's steering!"</p> <p>Today by tender feelings impelled Your grieving weariness I remembered And now I'm hastening to tell you What I was then And I am at present!</p> <p>Beloved! I've glad news of success: I've not slipped down that slope so hazardous. Now in the land of the Soviets I am the keenest fellow- traveller.</p> <p>I'm not the same chap I was then. You'll have no cause, as before,</p>	<p>Drank, listening to the loud bicker, I tried to stop my worries by Just drowning myself in liquor.</p> <p>My love! I worried you, oh my! Your tired eyes revealed dejection, I didn't hide from you that I Had spent my life in altercation.</p> <p>You didn't know That I was all a-smoke, And in my life, turned wholly upside-down, I was in misery, downhearted, broke, Because I didn't see Which way we were bound.</p> <p>.....</p> <p>Now many years have passed, I'm not so young today. I do not feel the same, and I have new ideas, And here at festive table I will say: Long live the one who's at the steers!</p> <p>Today I, Seized by tender feelings so, Recall your wistfulness, and I am happy To tell you straight, for you to know, About what I was And what has happened!</p> <p>My love, I'm glad to tell you that I have escaped a bad descent, an» Today I'm in the Soviet land A staunch supporter and defender.</p> <p>I'm not the man</p>
--	---	--

<p>Живите так, Как вас ведет звезда, Под кущей обновленной сени. С приветствием, Вас помнящий всегда Знакомый ваш Сергей Есенин</p> <p>1924</p>	<p>To cavil. I'd gladly bear the freedom flag. Of labour right to the English Channel. Forgive me.... You too have changed, I know – You have a husband Who's serious, clever; You don't need our old imbroglio And you are better off Without me altogether.</p> <p>Live As your own star has decreed, To new destinations your way wending. Greetings from one who shall ever esteem Your memory, Sergei Eсенин</p>	<p>I used to be. I wouldn't hurt you now The way I did. So silly! And I would follow Labour, feeling free, As far as English Channel, really.</p> <p>Forgive me please, I know that you have changed. You live with an intelligent, Good husband; You don't need all this fuss and all this pledge, And you don't need me either, such a hazard.</p> <p>Live as you do Lead by your lucky star Under the tent of fern, if there's any. My best regards, You're always on my mind, you are, Yours, faithfully, Sergey Y esenin 1924</p>
---	---	--

(Источники: http://zhurnal.lib.ru/w/wagapow_a/yesenin.shtml#A_letter_to_the_woman;

Sergei Eсенин. Letter to a Woman (Письмо к женщине на английском языке)

<http://englishstory.ru/sergei-esenin-letter-to-a-woman-in-english.html#ixzz681uBAmaB>)

Стихотворение представляет собой обращение к женщине, однако идейное содержание его не ограничивается личными взаимоотношениями Есенина и его бывшей жены, к которой и обращено это «письмо». Поэта тревожит судьба России, он пишет о своей лояльности советской власти, но лояльность эта неискренняя: «Теперь в Советской стороне / Я самый яростный попутчик». Отрицательно коннотативное и в данном контексте ироничное прилагательное «яростный» уничтожает позитивный смысл всей этой фразы. Общий тон стихотворения насмешливо-ироничный по отношению к любимой женщине и злобно-ироничный в отношении политической власти. Есенин делает вид, что принимает советскую власть, но внутренне он протестует: те средства, которыми советская власть насаждалась в русских деревнях, не могли не вызывать протеста, и признать, что они оправдывали высокие цели, было невозможно для человека, любящего Россию и сочувствующего тем, чьим трудом жили остальные слои населения.

В данном стихотворении поэт сравнивает себя с «лошадью, загнанной в мыле, пришпоренной смелым седоком». Есенин использует сложное развернутое сравнение, основанное на просторечной идиоме («лошадь, загнанная в мыле»):

Я был, как лошадь, загнанная в мыле,

Пришпоренная смелым ездоком.

Темпест трансформирует оригинальный образ, выпуская упоминание о смелом седоке и трансформируя образ лошади (буквальный обратный перевод: «я был как лошадь, доведенная до бешенства шпорами и с пеной у рта» – здесь и далее в скобках перевод наш – Е.М.):

I was like a horse driven to fury

By spurs, and foaming at the mouth.

Вагапов сохраняет образ седока, трансформирует образ лошади и добавляет упоминание о толпе людей (почти буквальный обратный перевод: «я был как измученная лошадь посреди толпы, пришпоренная смелым седоком»):

...I

Was like a ruined horse, amidst the crowd,

Spurred by a dashing rider...

В обоих переводах этих строк утрачена просторечная окраска оригинала. Интересным представляется также сопоставление последней строфы подлинника и рассматриваемых переводов:

Живите так,

Как вас ведет звезда,

Под кущей обновленной сени.

С приветствием,

Вас помнящий всегда

Знакомый ваш

С е р г е й Е с е н и н

Live

As your own star has decreed,

To new destinations your way wending.

Greetings from one who shall ever esteem

Your memory,

S e r g e i E s e n i n

Live as you do

Lead by your lucky star

Under the tent of fern, if there's any.
My best regards,
You're always on my mind, you are,
Yours, faithfully,
S e r g e y Y e s e n i n

Есенин использует здесь библеизм «куща». Темпест его не сохраняет, в результате перевод звучит менее иронично, чем оригинал. У Вагапова фраза "Under the tent of fern, if there's any" («под сенью папоротника, если она есть») в целом также передает иронию.

Сопоставление двух английских переводов стихотворения Есенина «Письмо к женщине», выполненных английским и русским переводчиками, показало, что при переводе в данном случае наиболее удачными оказываются семантико-стилистические трансформации в рамках стратегии доместикации³⁴, обнаруженные в переводе, выполненном англичанином. Несмотря на то, что перевод при этом не дает представления о национальном и стилистическом колорите произведения, переводной текст звучит естественно на английском языке и соответствует оригиналу в плане общей передачи авторского замысла. Доместикация наблюдается и на уровне фонетическом, в частности, весьма удачным можно считать характерное для английской поэзии использование аллитерации в качестве орнаментального средства. Перевод, выполненный русским переводчиком, нельзя однозначно отнести ни к форенизации, ни к доместикации, но в нем заметно стремление переводчика передать средствами языка перевода все содержательные особенности оригинала.

Список литературы:

- Калмыкова Л.И.* «Непереводимое» в переводах Есенина на английский язык // Дис. ... кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 германские языки. М.: 1985. 175с. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/neperevodimoe-v-perevodakh-esenina-na-angliiskii-yazyk> (дата обращения 05.01.2020).
- Мишкуроев Э.Н.* О «Герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (Часть III) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 3. С. 3-29.
- Солонович Л.В.* Семантико-стилистические трансформации как способ достижения коммуникативно-прагматического соответствия перевода (на материале романа Г. Бёлля "Глазами клоуна" в переводе на русский язык) // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. 2016. № 1. С. 50-55.
- У Дандань.* Традиции фольклора и авангард в поэзии С.А. Есенина 1910-х годов // Автореф. дис. ... кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература. М., 2013. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/traditsii-folklor-a-i-avangard-v-poezii-sa-esenina-1910-kh-godov/read> (дата обращения 10.01.2020).

³⁴ О форенизации и доместикации Э.Н. О «Герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (Часть III) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 3. С. 3-29.

References:

Kalmykova L.I. “Neperevodimoe” v perevodakh Esenina na angliiskii yazyk [The “Untranslatable” in Esenin's Translations into Russian]. Dis. ... kandidata filologicheskikh nauk po spetsial'nosti 10.02.04 germanskie yazyki. M.: 1985. 175s. Ehlektronnyi resurs. URL: <https://www.dissercat.com/content/neperevodimoe-v-perevodakh-esenina-na-angliiskii-yazyk> (date of retrieval 05.01.2020). (in Russian)

Mishkurov Eh.N. O “Germenevticheskom povorote” v sovremennoi teorii i metodologii perevoda (Chast' III). In Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda [Moscow State University Bulletin. Series 22. Translation Studies]. 2013. № 3. S. 3-29. (in Russian)

Solonovich L.V. Semantiko-stilisticheskie transformatsii kak sposob dostizheniya kommunikativno-pragmaticheskogo sootvetstviya perevoda (na materiale romana G. Bellya “Glazami klouna” v perevode na russkii yazyk). In Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Filologiya. Zhurnalistika. Pedagogika [Belorussian State University Bulletin. Series 4. Philology. Journalism. Pedagogy]. 2016. № 1. S. 50-55. (in Russian)

U Dan'dan'. Traditsii fol'klora i avangard v poezii S.A. Esenina 1910-kh godov [Folklore Traditions and Avant-Garde in Esenin's Poetry of the 1910s]. Avtoref. dis. ... kandidata filologicheskikh nauk po spetsial'nosti 10.01.01 – russkaya literatura. M., 2013. Ehlektronnyi resurs. URL: <https://www.dissercat.com/content/traditsii-folklora-i-avangard-v-poezii-sa-esenina-1910-kh-godov/read> (date of retrieval 10.01.2020). (in Russian)

Мишкuroв Эдуард Николаевич
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Mishkurov Eduard
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА: НОРМА И ДЕВИАНТНЫЙ УЗУС (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ, СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

THE LANGUAGE OF MODERN SOCIETY: NORM AND DEVIANT USUS (LINGUO- CULTUROLOGICAL, SOCIOLINGUISTIC AND TRANSLATION ASPECTS)

Философы-экзистенциалисты, исследуя феномен органической когнитивно-лингвокультурологической связи между языком и бытием человека, констатируют, что отличительной чертой речевого поведения в современном обществе является резкое отклонение «узуса» – как составной части триады «язык-норма-узус» – от «академической нормы» до уровня девиантной речи, нарушающей общепринятые правила кооперативного поведения в духе максим Г. П. Грайса и Дж. Лича. Если, по М. Кронгаузу, «язык – тюрьма, из которой нам никогда не удастся сбежать», то «он не дает ни соврать, ни обмануть себя. Общество становится криминальнее и язык в след за ним». В девиантном узусе реализуются все виды речевого хамства типа «троллинга», «пранка» и т.п., фактически базирующихся на описанных американским социологом Д. Инфанте тринадцати способах унижения реципиента. Девиантный узус, ставший нормой большинства дискурсов – политического, дипломатического, рекламного и др. крайне осложняет работу переводчика, который вынужден придерживаться в трансляте норм литературного языка соответствующего народа. Нередко ИТ изобилует инвективной лексикой, унижающей честь и достоинство адресата и строится на уровне «профанного языка» как характерной черты современной речевой антикультуры. В сложившейся ситуации научно-практическое направление «Коммуникативная конфликтология» должна стать неотъемлемой частью рабочих программ подготовки профессионального переводчика в ВУЗе.

Existentialist philosophers, exploring the phenomenon of the organic cognitive-linguistic-cultural relationship between language and human being, state that a distinctive feature of speech behavior in modern society is a sharp rejection of "usus" – as part of the triad "language-normus-usus" – from the "academic norm" to the level of deviant speech that violates the generally accepted rules of cooperative behavior in the spirit of maxim G.P. Grice and J. Lich. If, according to M. Krongauz, "language is a prison from which we will never be able to escape," then "it does not allow us to lie or deceive ourselves. Society is becoming more criminal and language is in its wake". All kinds of verbal rudeness such as "trolling", "prank", etc., which are actually based on the thirteen ways to abase recipient described by the American sociologist D. Infante, are realized in the deviant usus. Deviant usus, which has become the norm of most discourses – political, diplomatic, advertising, etc., greatly complicates the work of the translator, who is forced to adhere to the norms of the literary language of the people concerned, while the source text is replete with inventive vocabulary that degrades the honor and dignity of the addressee and does not rarely built at the level of "profane language" as a characteristic feature of modern speech anti-culture. In this situation, the scientific and practical direction "Communicative Conflictology" should become an integral part of the training programs for a professional translator at a university.

Ключевые слова: язык-норма-узус, девиантный узус; вербальная агрессия, конфликтное речевое поведение; языковые/дискурсивные игры, троллинг; обценная лексика; переводческие акты нейтрализации инвективной речи.

Key words: language-normus-usus, deviant usus; verbal aggression, conflicting speech behavior; language / discursive games, trolling; obscene vocabulary; translation acts of invective speech neutralization.

Известная триада Э. Косериу «язык-норма-узус» претерпела в современной антропоцентрической парадигме существенную феноменологическую модификацию, явленную в виде «узуса дискурсивного», который репрезентирует коммуникативную деятельность Homo Loquens («человека говорящего») в тесной связи с его экстралингвистическим статусом в социуме и спецификой паралингвистической окраски его речевой деятельности.

Вся его речь, «погруженная, по выражению Н.Д. Арутюновой, в жизнь» есть ни что иное, как та и иная разновидность «языковых игр», которые, по Л. Витгенштейну, – «это живые мыслительные речевые акты, вплетенные в сложную ткань многообразных форм человеческой деятельности». Homo Ludens («человека играющего») Витгенштейн видел в различных его ипостасях – смеющегося, бранящегося, молящегося и т.д., а также «переводящего нечто с языка на язык», т.е. как объекта в языке – являющегося «домом его бытия и духа» человека [Хайдеггер, 1993, с. 272, Витгенштейн, *Philosophical investigations...* 2009, Степанов, 1995, с. 35].

Функциональную сущность этих феноменов можно существенно расширить известными максимами М.А. Кронгауза, который метафорически ярко обрисовал многочисленные ситуативно-коммуникативные проявления языка в отношении его носителей следующим образом: «Язык – это тюрьма, из которой нам никогда не удастся сбежать. Язык – это очки, без которых нам не разглядеть окружающий мир. Язык – слуга и господин. Язык – наш друг и враг одновременно. Любой язык изменяется под влиянием различных факторов: внешних или внутренних. Он как будто бы следит за нами и фиксирует все самые важные наши проблемы и больные места. Он не дает ни соврать, ни обмануть самих себя. Общество становится криминальнее, и язык вслед за ним. Общество поддается чужому влиянию, и язык тоже. Общество становится свободнее, и язык отражает это. Более того, меняясь, язык начинает влиять на всех людей, говорящих на нем» [Кронгауз: эл. ресурс].

Базируясь на толковании Л. Витгенштейном речевой деятельности как различных форм жизни, допустимо верифицировать «языковые игры» как «дискурсивные игры». Последнее терминопонятие позволяет адекватно вписать его в парадигматический тезаурус теории речевой коммуникации вообще и науки о переводе в частности. Оно может служить для обозначения целостных и законченных систем коммуникации, подчиняющихся собственным внутренним правилам, стилистическое нарушение которых приводит к выходу за пределы конкретной «игры», т.е. определённого дискурсивного акта.

По своим стилеобразующим характеристикам «дискурсивный узус» – это риторический феномен, балансирующая между высоким, нейтральным или сниженным стилями в зависимости от обслуживаемого им типа речевого поведения – кооперативного или

некооперативного – конфликтного в ракурсе соблюдения/несоблюдения известных максим Г.П. Грайса и Дж. Лича [см.: Максимумы Г.П. Грайса и Дж. Лича: эл. ресурс].

Иными словами, «дискурсивные игры» – это всегда либо «словесная художественная живопись», либо «хитрое словесное лукавство», либо «словесное хулиганство» и т.д., широко применяемые в текстах различных функционально-стилистических жанров. Главная цель игры заключается в том, чтобы, как мы бы сказали, «завлечь – привлечь – отвлечь – уморить – охмурить» или «осадить – осудить – заклеить – пригвоздить адресата» и т.п. [Мишкур, 2019].

С философско-герменевтических позиций речевое поведение человека следует рассматривать как важную часть его повседневного бытия, бытия понимающего, история которого собственно и раскрывается с помощью языка.

При этом для адресанта важна явная или скрытая итоговая перлокутивная цель локуции – кооперативная или некооперативная (конфликтная).

В последние десятилетия в нашей стране происходит резкое снижение культуры разговорной речи. В этой связи обратимся, в частности, к академически ненормативным типам «дискурсивных игр», к которым относятся, как правило, некооперативные (конфликтные) формы речевого поведения сниженного стиля.

Американский социолог Д. Инфанте, определяя статус вербальной агрессии в сравнении с физической, отмечал, что первая не заменяет вторую, но является «низшим уровнем» агрессии, который может перерасти в «высший» при возрастании последующих угроз. При проведении экспериментального исследования были выделены десять типов агрессивного вербального и невербального поведения: *character attack, competence attack, background attack, physical appearance attack, curse, teasing, ridicule, threat, swearing, nonverbal emblems* [Infante, 1989].

Особенность «дискурсивных игр» заключается в том, что ситуативно гибкий потенциал языка способен одними и теми же средствами сказать комплимент реципиентам или оскорбительно о них отозваться. Так, к примеру, образ парнокопытных животных можно использовать двояко: относя к комплементарному типу афоризации высказывания А.С. Пушкина о переводчиках как «почтовых лошадях просвещения», а также почтительно подражание рефреном поэту со стороны В.В. Набокова, который приравнивал себя к «пони», доносящему сведения о пушкинском творческом таланте американским студентам. Тем не менее он язвительно отзывался о русских переводчиках с английского как «ослах (sic!) просвещения» [Цитаты о переводах и переводчиках, с. 1; Набоков В.В., Комментарий к роману «Евгений Онегин». Предисловие]. Однако ни то, ни другое сравнение не понравилось известной писательнице-переводчице Юлии Моисеенко, которая ехидно отметила, что

пушкинское сравнение переводчика с лошадьёю не совсем уместно так как, «в нашей стране переводчики преимущественно дамы. Когда речь идет о красивой, элегантной, обаятельной женщине, ассоциация с «лошадьёю», пусть даже «просветительской», довольна неуместна» [Моисеенко, 2015, с. 1].

Девиантный узус в дискурсивных играх различных социальных слоев населения, реализуемых в самых разнообразных устных и письменных речевых ситуациях, явление полихронотопное и разножанровое. Так, А.С. Пушкин, «осерчавши» на некоего чиновника, ославил его своим стихотворным памфлетом:

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не по заслугам
Дундуку такая честь.
Почему ж он заседает?
Потому что ж...а есть.

При этом неизбежно манифестируются «принцип обоюдности», проявляющийся в случае агрессивного вербального поведения одного из коммуникантов: вербальная агрессия в речи одного из собеседников непременно приведет к подобному поведению со стороны второго.

Таким образом, вербальная агрессия – это использование речевых средств, противоречащих институциональным и ситуативным нормам коммуникации с целью нанесения вреда или ущерба коммуникативной позиции и самооценке другого лица.

Низший уровень девиантного узуса характеризуется широким, безграничным употреблением в дискурсии нецензурной (матерной) лексики и фразеологии.

Стихотворный панегирик русскому мату неизвестного мне автора контекстуально и источниковедчески недалек от истины:

Мат в русской речи – главный стержень –
Велик, могуч, непобедим,
Сам Пушкин был нередко грешен,
Да и не только он один
Барков слагал срамные оды,
Некрасов, чтит российский мат,
Есенин в молодые годы
Был сквернословить тоже рад
И даже те, кто нас ругают –
Хохлы, прибалты, татарва

Наш русский мат употребляют

Родные, русские слова

Так воздадим хвалу родному

И очень крепкому словцу

Оно нам как привет из дому

Как свет в окошке беглецу

[<https://www.anekdot.ru/id/916285/>].

Как указывает А.М. Шахнарович, «тенденции современного российского общества также, к сожалению, не вдохновляют профессора-руссиста – как и в 20-30-е годы в средствах массовой информации, наиболее адекватно представляющих современный русский разговорный язык, бушуют две неуправляемые стихии: блатной жаргон, избыливающий матерщиной, и молодежный сленг, напичканный американизмами. С точки зрения социопсихологии, языковые личности, представляющие эти социальные группы, наиболее замкнуты, ограничены в общении с себе подобными, стремятся в наибольшей степени противопоставить свою речь официальной кодифицированной <...> Безусловно, употребление данной лексики речь не украшает, однако урезывать, умалчивать отдельные факты живого языка филолог не имеет права» [Шахнарович, 1994, с. 6].

Статистика бесстрастно подтверждает истинность представленной *философии мата*.

По данным опроса социологов «Левада-центра», 59-60% россиян используют нецензурную лексику в повседневной жизни. При этом отмечается, что большинство населения сквернословит «не со зла», не для того, чтобы обидеть собеседника, а просто «по привычке». При этом 10% ругаются «по-матушке» регулярно, т.е. каждый десятый россиянин – «закоренелый матерщинник». 37% опрошенных заявили, что мат в речи практически не используют. Наблюдения с 1992г. по настоящее время показывают, что результаты опросов практически не меняются, т.е. уровень «матерщинности» колеблется в пределах 60%.

Шутка – «мы матом не ругаемся, мы на нём разговариваем» – далеко не совсем шутка! Подтверждено, жители сёл и мегаполисов любят крепкое словцо одинаково. В Москве матом не брезгают примерно 52% жителей, а в сельской местности примерно 51%.

По результатам опроса вполне ожидаемо, что мужчины употребляют мат чаще женщин (60% против 40%), а люди с высшим образованием сквернословят реже (42%), чем со средним (52%).

Одна из значимых причин использования мата – он помогает «отвести, облегчить душу». Это вроде какого-то национального громоотвода.

Ненормативная лексика на работе часто считается недопустимой, но люди молчаливо полагают, что мат повышает доверие между людьми и зачастую становится причиной успеха команды.

Эксперимент в британском университете Кила якобы доказал, что ругательство может работать как анестезия. Участники смогли держать руку в ледяной воде в полтора раза дольше, если ругались, а не молчали. Матерящиеся люди имеют повышенное кровообращение, общее состояние контроля, спокойствия и благополучия, высокий уровень эндорфинов [<https://news.mail.ru/society/39894442/>].

Отметим любопытный факт: только 13% опрошенных заявили, что используют для того, чтобы оскорбить оппонента [<https://www.levada.ru/2015/02/02/ispolzovanie-folkloraslenga-i-mata/>].

Матерно окрашенная коммуникация ныне охватывает не только отдельных индивидов или миноритарных социальных групп населения. Опросы экспертов из маркетингового агентства «Zoom market» выявили наиболее «матерные города» России. Согласно их данным самые агрессивные города РФ и ситуативно провоцирующее агрессивное хамское поведение людей наблюдалось в Ростове-на-Дону; самыми «хамскими городами России» оказались Пермь, Челябинск, Саратов. Чаще всего россиянам хамят на рынках (38% случаев), в общественном транспорте (23%), на улицах (19%) [<https://www.mazm.ru/article/a-2135.html>].

Полифункциональность мата, который иногда трактуется как «культурная роскошь» в языке, а когда «мусор» в русскоязычных дискурсах различных типов не принимается во внимание законодательством РФ. Согласно КоАП РФ употребление нецензурной лексики в общественных местах является административно наказуемым деянием, а лица, его совершающие подвергаются штрафу в установленных законом размерах.

А.Ю. Кудрявцев и Г.Д. Куропаткин в предисловии к своему «Англо-русскому словарю-справочнику табуизированной лексики и эвфемизмов. ABC of dirty English» отмечают, что «огромный пласт английской лексики до сих пор упорно игнорировался официальной советской лексикографией, причем остракизму подвергались не только откровенно грубые слова и выражения, но и совершенно безобидные эвфемизмы. Не вдаваясь в анализ причин этого явления можно констатировать, что сотни тысяч профессиональных переводчиков, учителей и просто людей, интересующихся английским языком, оказались не готовы к полноценному восприятию современного, далеко не всегда литературного разговорного языка, настойчиво проникающего в английскую и особенно американскую литературу и видеокультуру. Всё более обычным становится и неформальное живое общение с носителями языка, которые также часто не стесняются в выражениях» [Кудрявцев, Куропаткин, 1993, 5].

Аналогичная картина наблюдалась и в отношении других иностранных языков, в части касающейся их девиантно-сниженного узуса.

Перевод отдельных высказываний, крылатых выражений, текстов различной жанровой принадлежности в девиантно-стилевой окраске с иностранных языков на русский и с русского языка на иностранные – это особая часть теории и практики межъязыкового посредничества в сфере межкультурной коммуникации.

Разработка данной проблематики является важной стратегической задачей фундаментального переводоведения. Очевидно, что перевод с языка на язык так называемой «озорной литературы» – стихотворений, прозы и т.п., не затрагивающей чести и достоинства, как правило конкретных лиц – это лишь общественно-правовое дело того или иного государства, которое этически регулирует правила издания и распространения подобных сочинений, отличающихся, как правило, различной степенью употребления инвективной, сниженной лексики.

Специалисты справедливо, в частности, сетуют на то, что в научном обороте отсутствуют в достаточном количестве специальные справочники и словари, содержащие инвективный фонд обценной и тому подобной лексики и фразеологии, необходимой для двусторонних переводов. Известный британский издатель, публицист и составитель словарей Алек Флегон (1924-2003) в своей книге «За пределами русских словарей» ратовал за полноту словарей русского языка, адекватно отражающих все уровни сниженной лексики в том числе и так называемой «нецензурной, неприличной». Некорректной он считал практику составления одноязычных словарей по принципу, гласящему, что «в словарь не должно войти ни одно неприличное слово, даже если оно встречается у всех писателей». В то же время «для двуязычных словарей действует принцип «мы должны знать все неприличные слова иностранцев, но иностранцы не должны знать наших неприличных слов». При этом он попытался дать переводы на английский и французский язык ряда оидозных русских слов типа «шмара, бикса, лярва, сука, блядь, курва, стерва» и т.д. с соответствующими примерами из литературных источников. Характерно также примечание «Note to foreign students»: «Для того чтобы студенты, изучающие русский язык, могли легче понимать объяснения, данные в настоящем словаре, они должны знать, что синонимы «брат», «бранное выражение» и «ругательство» соответствуют английским выражениям «swear-word», «curse». Русские глаголы «использовать» и «употреблять» означают не только «to use», но также «to fuck». По этой причине многие русские стараются избегать применение этих глаголов, считая их неприличными. В настоящее время с этими словами происходит то, что во французском языке уже произошло с глаголом «baiser» (Бальзак применял его в значении – «целовать», а сегодня, этот глагол применяется в значении – «использовать женщину»)» [Флегон, 1992, с. 10, 15].

Без специализированных словарей переводчику бывает крайне сложно адекватно передать содержание соответствующих инвективных мест в исходном тексте. Как написал А. М. Шахнарович в предисловии книги «Русский мат»: «Для того, чтобы наш русский язык начал приближаться к лучшим его образцам надо, чтобы в обществе возобновились тенденции «здорового консерватизма», только тогда простая цветочница Элиза Дулитл задумается над тем, как и что она говорит» [Шахнарович, 1994, 6].

Речь идёт о произведении Бернарда Шоу «Pygmalion: A Romance in Five Acts» (1912), в котором его героиня Элиза Дулитл благодаря обучению «королевской фонетике» у профессора Хиггинса была принята в высшем обществе как «своя по благородной крови». Однако с ней произошёл «речевой казус». На ипподроме во время скачек благовоспитанная Элиза из светской дамы вновь превращается в простую цветочницу и в экстазе подгоняет на скачках жокея и лошадь, на которую сделала ставку, неприличным возгласом «Come on, Dover! Come on, Dover! Move your bloomin' arse!» – «Шевели своей толстой ж...ой» [Shaw G.B.: эл. ресурс].

Замечено, что инвективная лексика и фразеология как в классической, так и в современной художественной литературе, в кинофильмах, на театральных подмостках и т.д. стала неотъемлемой частью разговорной речи героев, соответствующих «клоачных» произведений.

Так, исследователи американской киноиндустрии, в частности, установили 11 голливудских актеров, в том числе Сэмюэль Л. Джексон, Джо Пеши, Стив Мартин, Роберт Де Ниро и др. «которые превратили мат в форму искусства». Констатируется, что в кино нецензурная лексика – «это мощнейшее орудие, способное привнести живость, юмор и интеллект в слова, которые традиционно считаются низкими и вульгарными»

В настоящее время в переводческом сообществе уже сложилась определенная традиция по передаче «срамной» лексики в различных инвективных сценах как в печатных изданиях, так и в кинофильмах.

Сэмюэль Л. Джексон – брутальный кино актер в кинофильме «Криминальное чтиво» в полную силу использовал матерный язык. В другом кинофильме «Змеиный полёт» фразу «I have had it with these motherf*ckin' snakes on this motherf*ckin' plane!» перевели в отечественном прокате весьма лояльно «Я уже сыт по горло грёбаными змеями на этом грёбаном самолете!» [<https://uznayvse.ru/interesting-facts/11-gollivudskih-akterov-kotorye-prevratili-mat-v-formu-iskusstva.html>].

Нам импонирует мнение А.П. Чужакина и П.Р. Палажченко о том, как следует работать с подобными сценариями, чтобы «не снизить общее художественное восприятие, не исказить замысел автора, качество диалогов, речевые характеристики (по возможности), сохранить

стиль, передать аромат эпохи и индивидуальность», констатируя, что это – «почетная, но нелегкая миссия» [Чужакин, Палажченко, 2004].

Перевод различных типов, жанров и форм девиантных языковых игр сам по себе является своеобразной разновидностью речевой деятельности, представляющей собой уникальную герменевтико-феноменологическую, семиотико-интерпретационную дискурсию. Другими словами, в рамках юридической концепции речевых актов мы толкуем подобного типа переводческий процесс как особый специфический вид речевой деятельности в сфере межкультурной коммуникации, представляющей собой разновекторное межъязыковое посредничество с целью перевыражения инвективных текстов ИЯ в знаках ЯП на максимально достижимых уровнях информационно-игрового соответствия – системно-структурного, когнитивно-эвристического, этнопсихолингвистического, функционально-стилистического и некоторых других в зависимости от текстотипов оригинала и их жанров.

Беспрецедентное обострение внешнеполитического противостояния государств – «гегемонов», беспринципная внутривнутриполитическая борьба в ряде стран в период президентских, парламентских, партийных и т.п. выборов, дегуманизация высоких моральных принципов и нравственных устоев общественного бытия в последней четверти XX вв. и фактических двух десятилетий XXI вв. и некоторые другие факторы привели к духовному обнищанию как части национальных элит, так и широких народных масс, к культурному и интеллектуальному перерождению, отражение которого нашло удручающее следствие в падении общей культуры речевого поведения: основной чертой стал коммуникативно-конфликтный, некооперативный девиантный узус массовой коммуникации.

Целевая установка на оскорбление, уничтожение и высмеивание адресантом соперника-реципиента во внутривнутриполитической борьбе или в противостоянии на международной арене реализуется в девиантном узусе политического дискурса путём перехода на профанный язык с использованием методов политического троллинга, пранка, инвективной, обценной лексики, оскорбительных паралингвистических средств и т.п. Показательна в этом отношении русофобская истерия в США и ряде западноевропейских стран, характерной чертой которой является нарушение всех правил международного дипломатического этикета и норм межкультурной коммуникации.

Одним из объектов агрессивных нападков «пещерных русофобов», как констатировал В.В. Путин, стал русский язык: «Сегодня мы сталкиваемся с попытками искусственно <...> грубо, подчас бесцеремонно сократить пространство русского языка в мире, вытеснить его на периферию». Поэтому, подчеркнул глава государства на заседании Совета по русскому языку в ноябре 2019г., «на нас, на нашей стране лежит громадная ответственность за сбережение, развитие и распространение русского языка, русской литературы», так как это «уникально

богатый, многообразный, многогранный русский язык – безусловная часть мирового культурного наследия, но главной была и остается его значимость для нашей страны, для России, где он служит основой духовно-исторической общности десятков самобытных культур и народов, в огромной степени обеспечивает суверенитет, единство и идентичность российской нации. В этой связи президент поставил две задачи по сохранению русского языка в мире. Первой он назвал необходимость «обеспечить достойный уровень знаний, общей грамотности граждан России и тем самым – глобальную конкурентоспособность, притягательность русского языка как современного, живого, динамично развивающегося средства общения». «Вторая [задача] – реализовать действенную систему поддержки русской языковой среды за рубежом в информационной, образовательной, гуманитарной сферах» [Путин, 2019, эл. ресурс].

В свете поставленных президентом общеполитических и образовательно-культурологических задач и в духе поднятых в настоящем докладе проблем, считаем крайне важно в рамках учебного процесса шире освещать вопросы повышения культуры речевого поведения обучающихся – наших соотечественников, с одной стороны, и более настойчиво и целеустремленно способствовать качественному обучению иностранных студентов общим основам русского языка и развитию их соответствующего профессионального метаязыка на современном научном уровне при изучении ими программных дисциплин, имея в виду, что они осознают насколько их карьерный рост как специалиста зависит от высококвалифицированного знания русского языка.

Список литературы:

- Кронгауз М.А.* Язык мой — враг мой? // Новый Мир, номер 10, 2002. [Электрон. ресурс] / Режим доступа: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/10/yazyk-moj-vrag-moj.html
- Кудрявцев А.Ю., Куропаткин Г.Д.* Англо-русский словарь-справочник табуизированной лексики и эвфемизмов: Ок. 10 000 слов и выраж. – М.: «КОМТ», 1993. 304 с.
- Максимы Г.П. Грайса и Дж. Лича* [Электрон. ресурс] / Режим доступа: https://studbooks.net/2097058/literatura/maksimy_graysa_lich
- Мишкоров Э. Н.* "Дискурсивные игры" сниженного стиля в речевом поведении коммуникантов // Военно-гуманитарный альманах. Вып. 4. Материалы XIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации "Язык. Коммуникация. Перевод". Т. 1 из Лингвистика. – М.: 2019. С. 15–23.
- Моисеенко Ю.* Всякий переводчик – дама под вуалью. [Электрон. ресурс] / Режим доступа: http://domostroymedia.ru/articles/nerabochee_nastroenie/8796/
- Набоков В.В.* Комментарий к роману "Евгений Онегин". Предисловие [Электрон. ресурс] / Режим доступа: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/evgenij-onegin/predislovie.htm>
- Путин В.В.* Выступление на Совете по русскому языку. 05.11.2019 [Электрон. ресурс] / Режим доступа: https://baltnews.ee/Russia_West/20191105/1018127924/Grubo-i-bestseremonno--Vladimir-Putin-o-goneniyakh-na-russkiy-yazyk.html
- Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. Язык и наука конца XX века. Сб. статей. – М.: РГГУ. 1995. 432 с.
- Флегон А.* За пределами русских словарей. Пер. с англ. Волковинский А.М. – Троицк. 1992. 414 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. 447 с.
 Цитаты о переводах и переводчиках [Электрон. ресурс] / Режим доступа: <http://itmydream.com/citati/perevod-perevodchiki> , <http://newforum.gramota.ru/viewtopic.php?f=8&t=3494>

Чужакин А.П., Палажченко П.Р. Мир перевода-1: Introduction to Interpreting XXI. Изд. 6-е, доп. – М.: Р. Валент, 2004. 224 с.

Шахнарович А.М. Вступительная статья / Русский мат (Антология). – М.: «Изд. дом Лада М». 1994. С. 5–6.

Infante, D. A. Aggressiveness [Text] / D. A. Infante // Personality and interpersonal communication. – Newbury Park, CA: Sage, 1989. P. 157–192.

Shaw G.B. Pygmalion: A Romance in Five Acts [Электрон. ресурс] / Режим доступа: <https://www.imdb.com/title/tt0058385/quotes>

Wittgenstein L. Philosophical investigations. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte, 2009. Blackwell Publishing Ltd.

References:

Chuzhakin A.P., Palazhchenko P.R. Mir perevoda-1: Introduction to Interpreting XXI. [Translation World-1: Introduction to Interpreting XXI] Izd. 6-e, dop. – М.: R. Valent, 2004. 224 s. (In Russian).

Flegon A. Za predelami russkikh slovarei. [Beyond Russian dictionaries.] Per. s angl. Volkovinskii A.M. – Tro-itsk. 1992. 414 s. (In Russian).

Infante, D. A. Aggressiveness [Text] / D. A. Infante // Personality and interpersonal communication. – Newbury Park, CA: Sage, 1989. P. 157–192.

Khaidegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupeniya: [Time and Being: Articles and Speeches:] Per. s nem. – М.: Respublika, 1993. 447 s. (In Russian).

Krongauz M.A. Yazyk moi — vrag moi? [My language is my enemy?] // Novyi Mir, nomer 10, 2002. [Elektron. resurs] / Rezhim dostupa: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2002/10/yazyk-moj-vrag-moj.html (In Russian).

Kudryavtsev A.Yu., Kuropatkin G.D. Anglo-russkii slovar'-spravochnik tabuiziro-vannoi leksiki i ehvfemizmov [English-Russian dictionary-reference book of taboo vocabulary and euphemisms]: Ok. 10 000 slov i vyrazh. – М.: «КОМТ», 1993. 304 s. (In Russian).

Maksimy G.P. Graisa i Dzh. Licha [Maxims G.P. Grice and J. Lich] [Elektron. resurs] / Rezhim dostupa: https://studbooks.net/2097058/literatura/maksimy_graysa_lich (In Russian).

Mishkurov Eh. N. “Diskursivnye igry” snizhennogo stilya v rechevom povedenii kommunikantov [“Discourse games” of a reduced style in the speech behavior of communicants] // Voенно-gumanitarnyi al'manakh. Vyp. 4. Materialy XIII Mezhduna-rodnoi nauchnoi konferentsii po aktual'nym problemam teorii yazyka i kommunikatsii "Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod". T. 1 iz Lingvistika. – М.: 2019. S. 15–23. (In Russian).

Moiseenko Yu. Vsyakii perevodchik – dama pod vual'yu. [Every translator is a lady under a veil] [Elektron. re-surs] / Rezhim dostupa: http://domostroymedia.ru/articles/nerabochee_nastroenie/8796/ (In Russian).

Nabokov V.V. Kommentarii k romanu “Evgenii Onegin”. Predislovie [Commentary on the novel "Eugene Onegin." Foreword] [Elektron. resurs] / Rezhim dostupa: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/evgenij-onegin/predislovie.htm> (In Russian).

Putin V.V. Vystuplenie na Sovete po russkomu yazyku. [Speech at the Russian Language Council] 05.11.2019 [Elektron. resurs] / Rezhim dostupa: https://baltnews.ee/Russia_West/20191105/1018127924/Grubo-i-bestseremonno--Vladimir-Putin-o-goneniyakh-na-russkiy-yazyk.html (In Russian).

Shakhnarovich A.M. Vstupitel'naya stat'ya / Russkii mat (Antologiya) [Introductory article / Russian dirty language (Anthology)] . – М.: «Izd. dom Lada M». 1994. S. 5–6. (In Russian).

Shaw G.B. Pygmalion: A Romance in Five Acts [Elektron. resurs] / Rezhim dostu-pa: <https://www.imdb.com/title/tt0058385/quotes>

Stepanov Yu. S. Al'ternativnyi mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti. Yazyk i nauka kontsa XX veka. [Alternative World, Discourse, Fact and Principle of Causality. Language and science of the late XX century] Sb. statei. – М.: RGGU. 1995. 432 s. (In Russian).

Tsitaty o perevodakh i perevodchikakh [Quotes about translations and translators] [Elektron. resurs] / Rezhim dostu-pa: <http://itmydream.com/citati/perevod-perevodchiki> , <http://newforum.gramota.ru/viewtopic.php?f=8&t=3494> (In Russian).

Wittgenstein L. Philosophical investigations. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte, 2009. Blackwell Publishing Ltd.

Серкова Станислава Евгеньевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Serkova Stanislava
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ В УСТНОМ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ РАБОТЕ В КОМБИНАЦИИ В->А

THE SPEECH ERRORS IN SIMULTANEOUS INTERPRETING MADE BY THE STUDENTS IN B->A LANGUAGE COMBINATION

В современном мире проведение различных международных форумов, конференций, переговоров и тренингов не обходится без синхронного перевода. Специфика устного синхронного перевода выдвигает на первый план понятия межъязыковой и переводческой интерференции, как значимой причины большинства совершенных переводчиками ошибок. Явление интерференции, её давление на язык перевода усиливается в условиях острого дефицита времени, высокой скорости речи оратора, нервного напряжения, которые диктует синхронный перевод. Интерференция может затрагивать любой уровень взаимодействия двух языков: фонетический, лексический, морфологический, синтаксический и стилистический. Для выявления речевых ошибок в устном синхронном переводе у обучающихся при работе в комбинации В -> А нами был проведен анализ аудиозаписей переводов двух разных по стилю выступлений. Перевод этих речей выполнили 15 учащихся пятого курса Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М.В.Ломоносова. Итого нами было проанализировано 30 аудиозаписей перевода. Выявление и анализ переводческих ошибок является неотъемлемой частью дидактики перевода, так как это позволяет структурировано обозначить область проблем и недочетов, а также продумать пути их устранения.

Nowadays simultaneous interpreting is an integral part of international conferences, forums, negotiations and trainings. The specific character of simultaneous interpreting shows that one of the most significant reasons for interpreters' mistakes is interlingual and translation interference. Interference and its pressure on the translation language increases due to the tough time limits, high speed of the speech and nervous tension, which is common for simultaneous interpreting. Interference influences all levels of the language: phonetic, lexical, morphological, syntactic and stylistic. In order to find speech errors made by the students during simultaneous interpreting (B ->A English-Russian language combination) we analyzed the interpreting records of 15 students of Higher School of Translation and Interpreting at Lomonosov Moscow State University. They interpreted two different speeches. 30 records were analyzed all in all. Such analysis of speech errors is indispensable in order to define blind spots and find solutions to these problems.

Ключевые слова: устный перевод, устный синхронный перевод, теория устного перевода, практика устного перевода, дидактика перевода, речевые ошибки.

Key words: interpreting, simultaneous interpreting, the theory of interpreting, interpreting practice, interpreting didactics, speech errors.

Перевод – очень древний вид человеческой деятельности. С самого начала перевод выполнял важнейшую социальную функцию – обеспечивал межъязыковое общение людей. В современном мире проведение различных международных форумов, конференций, переговоров и тренингов не обходится без синхронного перевода.

«Синхронный перевод можно определить как такой профессиональный вид устного перевода конференций, который осуществляется одновременно с восприятием сообщения на

языке оригинала с помощью технических средств в специально оборудованной кабине и в процессе которого – в условиях дефицита времени – на единицу текста перерабатывается информация ограниченного объема» [Чернов, 2009, с.13]. Таким образом, процесс перевода начинается и заканчивается практически одновременно с речью оратора. Синхронный переводчик может полагаться лишь на предшествующий опыт и навыки, приобретенные ранее, а также знания, хранящиеся в памяти, и то лишь на ту их часть, которую он в состоянии быстро, в доли секунды, извлечь из своей памяти.

В процессе своей работы письменный переводчик может советоваться с коллегами, пользоваться словарями, энциклопедиями, справочниками, современными информационными источниками. Он может переписать и отредактировать текст, добавить или снять слово или фразу, сделать перерыв в поиске самого лучшего решения для передачи смысла оригинала. К тому же текст, подлежащий письменному переводу, создан в прошлом, т.е. до начала перевода, он закончен и изменениям не подлежит, его можно прочитать, отложить на время и вернуться к нему позднее. Устный же переводчик имеет дело не с письменными текстами (если только это не перевод с листа, во время которого устный переводчик все равно не может пользоваться привилегиями письменного), а с речью и разговором. Как правило, устный переводчик не имеет времени советоваться с коллегами или пользоваться справочным материалом, он должен немедленно реагировать на услышанное им сообщение. Конец высказывания оратора как правило непредсказуем, в устном сообщении идеи быстро сменяют одна другую, и переводчик может опираться только на память и свои краткие записи. Устный переводчик должен правильно переводить с первого раза, времени на раздумья и подбор вариантов у него нет. Опытный письменный переводчик может перевести около 8 страниц в день, а синхронный переводчик может отработать эти 8 страниц за 30 минут.

В психологическом отношении условия работы синхрониста весьма нелегкие. «Поскольку любой оратор обращается, в конечном счете, не к переводчику, а к слушателям, синхронисту приходится выполнять двойную роль – быть получателем и отправителем информации и делать оба дела одновременно» [Швейцер, 1973, с.63]. В условиях острого дефицита времени, отсутствия вспомогательных источников, в ситуации волнения синхронистам приходится принимать переводческие решения.

Учитывая приведенные выше различия в условиях и специфике деятельности письменных и устных переводчиков, становится понятно, что вероятность ошибок в устном синхронном переводе намного выше.

Самыми очевидными причинами переводческих ошибок, как смысловых, так и речевых, принято считать недостаточный уровень владения родным языком, недостаточный уровень владения языком перевода, невысокий уровень лингвистической культуры, низкий

уровень эрудиции и фоновых знаний. Однако большинство студентов старших курсов сложно упрекнуть в вышеперечисленных проблемах.

В Высшей школе перевода МГУ им. М.В.Ломоносова обучение синхронному переводу осуществляется на пятом и шестом курсах. Первые четыре года обучения студенты получают знания в области стилистики русского языка и культуры речи, теории, истории и методологии перевода, частной теории перевода, развивают свою эрудицию и повышают уровень фоновых знаний на лекциях и семинарах по истории, литературе, экономике, юриспруденции, оттачивают уровень владения иностранным языком, постигают тонкости письменного и устного последовательного перевода. Такая планомерная и тщательная подготовка будущих переводчиков сводит к минимуму общепринятые причины переводческих ошибок.

Специфика устного синхронного перевода выдвигает на первый план понятия межъязыковой и переводческой интерференции, как значимой причины большинства совершенных переводчиками ошибок. «Интерференция может быть обусловлена как воздействием текста оригинала на мышление переводчика, так и доминированием системы одного языка над системой другого в сознании переводчика. Переводческие ошибки возникают на этапе, когда переводчик принимает решение о переводе той или иной единицы ориентирования. Они могут быть обусловлены как неверной расшифровкой смысла знаков, составляющих единицу ориентирования, так и неправильным выбором знаков в переводящем языке для оформления единицы перевода» [Гарбовский, 2007, с.515].

Интерференция может затрагивать любой уровень взаимодействия двух языков: фонетический, лексический, морфологический, синтаксический и стилистический.

Для выявления речевых ошибок в устном синхронном переводе у обучающихся при работе в комбинации В -> А (английский язык – русский язык) нами был проведен анализ аудиозаписей переводов двух разных по стилю выступлений: выступления постоянного представителя Швеции при ООН Мартина Грундиц на Генеральной Ассамблее, а также выступления бизнес-тренера, лектора, всемирно известного консультанта в сфере бизнес-образования, психологии и продаж Брайана Трейси в рамках бизнес-тренинга.

Перевод этих речей выполнили 15 учащихся пятого курса Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М.В.Ломоносова. Итого нами было проанализировано 30 аудиозаписей перевода.

На фонетическом уровне интерференция в устном синхронном переводе в комбинации В -> А особенно отчетлива при неверном интонационном оформлении текста. Например, обучающийся копирует интонацию оригинальной речи, делая движение тона нисходящим или восходящим в тех случаях, когда для русского языка это не характерно. Также это явление

прослеживается, когда переводчик невольно произносит русские слова с английскими звуками.

На лексическом уровне влияние интерференции можно наблюдать в следующем:

1) нарушение лексической сочетаемости:

- national anthem – *национальный гимн*, вместо государственный гимн;

- state secret – *государственный секрет*, вместо государственная тайна;

- general debate – *генеральные дебаты*, вместо общие прения;

- personal papers – *персональные бумаги*, вместо личные документы;

- stop a terrorist group – *прекратить террористическую группировку*, вместо остановить/устранить/ликвидировать;

- I warmly welcome the participants – *очень приветствую участников*;

- we have to stress the importance – *мы должны четко подчеркнуть важность*;

- An enjoyable career will make your whole life enjoyable – *приятная карьера* сделают всю вашу жизнь *приятной*;

- If you are currently stuck in your career – *если вы застряли там, где находитесь сейчас /если вы чувствуете себя застрявшим в карьере*;

- A successful career is something under your own control – *иметь успешную карьеру – это то, что вы можете сделать самостоятельно/ успешная карьера – это, что вы можете контролировать/ карьера находится под вашим собственным контролем*;

- I will teach you how to enjoy a successful career in 6 steps – *Я научу вас, как наслаждаться успешной карьерой на примере 6 шагов/ как наслаждаться успехом в карьере за 6 шагов/ как наслаждаться своей карьерой и о 6 шагах/ хочу научить вас шести способам получения удовлетворения от работы/ хочу рассказать о шести способах, как получать удовольствие касательно своей работы*;

- International community has come together to deal with the challenge posed by the terrorist group – *мировое сотрудничество собирается вместе, чтобы решать угрозу/мировое сообщество должно вместе справляться с угрозой*;

- It is because challenges such as these continue to exist that we need strong international cooperation – *потому что такие проблемы продолжают существовать, мы должны иметь крепкое сотрудничество*;

- Sweden is a part of this common effort – *Швеция является частью этого общего усилия/ Швеция участвует в этих усилиях*;

2) речевая избыточность в форме плеоназмов:

- top priority – *главный приоритет*;

- spare time – *свободный досуг*;

- summit – саммит *на высшем уровне*;

- response – *ответная реакция*;

3) речевая избыточность в форме тавтологии:

- In this video I will teach you how to enjoy career success – в этом видео я *научу вас, как научиться* делать карьеру;

- People don't like their jobs – люди *работают на работах*, которые им не нравятся;

- The workers are busy in my room – *рабочие работают* в моей комнате;

- The international community has come together to take joint action to address the threat – мировое сообщество проявило *решимость принять решительные* коллективные действия;

4) речевая избыточность в форме нанизывания, то есть неоправданном употреблении синонимов в пределах одной фразы:

- Avoid getting stuck in your career – *никогда не останавливайтесь, совершенствуйтесь, самосовершенствуйтесь*;

- This crisis entails significant risks to global stability – этот кризис влечет за собой *серьезные, значительные* угрозы для мировой стабильности;

- We must do our utmost to reach agreement with Iran on its nuclear program – мы должны сделать *все возможное, все, что в наших силах*, чтобы достичь соглашения с Ираном;

- Political engagement will remain indispensable – политическое участие *является и останется* незаменимым;

5) речевая избыточность в форме ляпалиссиады, то есть многословии, доходящем до абсурдности:

- The war brought dead bodies all over the world – в результате войны по всему миру были *трупы, не обнаруживающие признаков жизни*;

Таким образом, давление языка оригинала может привести к образованию калек, а в худшем случае, к появлению такого содержания, которое невозможно будет воспринимать на слух.

На морфологическом уровне интерференция подталкивает к искажению грамматических значений, например, родо-временных значений (the news is quite optimistic – новости была достаточной оптимистичной), к неверному определению рода и числа у аббревиатур:

- the UN should be the model – ООН *должно* подавать пример;

- the WTO insists on application of these measures – WTO *настаивают* на внедрении этих мер;

- It was in order to deal with challenges such as these that the United Nations was created – именно для того, чтобы справляться с подобными вызовами и *был создан* ООН;

Также были отмечены нарушения в падежных окончаниях, отсутствие согласования:

- When the Iraqi government requested humanitarian and military aid – когда правительство Ирака обратилось за *гуманитарной и военной помощью*;

- These actions will contribute to our future which will be more prosperous, gender equal and democratic – эти действия будут содействовать будущему, которое *будет более процветающим, больше гендерного равенства, демократическим*;

На синтаксическом уровне интерференция зачастую является причиной:

1) неправильного порядка слов:

- How dare you! – *Как смеете вы!*

- It is because challenges such as these continue to exist - *из-за того, что эти вызовы имеют место быть*;

2) ошибок в управлении:

- congratulate on the achievement – *поздравляю на достижении*, вместо *поздравляю с достижением*;

- The UN has always contributed to peace building – *ООН всегда вносила вклад для того, чтобы создать мир*;

- In the Middle East, with the brutality of a terrorist organization that has forced entire populations to flee – *на Ближнем Востоке жесткость террористической организации привела к тому, что большое количество людей было вынуждено бежать, при этом наводя угрозу по всему земному шару/ на Ближнем Востоке весь мир был повергнут в ужас жестокостью терроризма, которые вынуждены спасаться бегством*;

Безусловно, явление интерференции, её давление на язык перевода усиливается в условиях острого дефицита времени, высокой скорости речи оратора, нервного напряжения, которые нам диктует синхронный перевод.

Для анализа перевода были неслучайно выбраны выступления в различных стилях. Выступление постоянного представителя Швеции при ООН выдержано в официально-деловом стиле. Более того, языку международных организаций всегда характерны определенные особенности: сложный синтаксис, в котором доминируют сложноподчиненные и сложносочиненные предложения с параллельными оборотами, сложные предлоги. В подобных речах преобладают политические штампы и традиционные формулировки, как правило, отобрана лексика возвышенного, книжного характера. В большинстве случаев, речевые ошибки при переводе подобных речей вызваны незнанием этих особенностей, незнанием закрепленных в речи клише.

Выступление бизнес-тренера Брайна Трейси в большей степени выдержано в разговорном стиле, однако его речи свойственна особая метафоричность и выразительность.

При переводе данной речи явление интерференции сказалось особенно сильно на всех языковых уровнях.

Выявление и анализ переводческих ошибок является неотъемлемой частью дидактики перевода, так как это позволяет структурировано обозначить область проблем и недочетов и продумать пути их устранения.

Список литературы:

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник / Н.К.Гарбовский. 2-е изд. М.: Изд-во Моск.ун-та, 2007. – 544с.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода / Г.В.Чернов. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 208с.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика / А.Д.Швейцер. М.: Врениздат, 1973. – 280с.

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода / А.Ф.Ширяев. М.: Врениздат, 1979. – 183с.

Источники:

Grunditz, Marten. Permanent representative of Sweden to the United Nations at the General Debate of the 69th session of the General Assembly, United Nations, New York, 29 september 2014. – Режим доступа: <https://gadebate.un.org/en/69/sweden>

Tracy, Brian. 6 Ways to Better Enjoy Your Career. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=B2fW3DJf35Y&t=104s>

References:

Garbovskii N.K. Teoriya perevoda: uchebnik / N.K.Garbovskii. 2-e izd. M.: Izd-vo Mosk.un-ta, 2007. – 544s.

Chernov G.V. Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda / G.V.Chernov. Izd. 3-e. – M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. – 208s.

Shiryayev A.F. Sinkhronnyi perevod. Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda / A.F.Shiryayev. M.: Vrenizdat, 1979. – 183s.

Shveitser A.D. Perevod i lingvistika / A.D.Shveitser. M.: Vrenizdat, 1973. – 280s.

Sources:

Grunditz, Marten. Permanent representative of Sweden to the United Nations at the General Debate of the 69th session of the General Assembly, United Nations, New York, 29 september 2014. – Режим доступа: <https://gadebate.un.org/en/69/sweden>

Tracy, Brian. 6 Ways to Better Enjoy Your Career. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=B2fW3DJf35Y&t=104s>

Сорокина Татьяна Валентиновна
Афинский национальный университет имени И. Каподистрии
г. Афины (Греция)

Sorokina Tatiana
National and Kapodistrian University of Athens
Athens (Greece)

**К ВОПРОСУ ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ
СРЕДСТВ В ПЕРЕВОДЕ РОМАНА В СТИХАХ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ
ОНЕГИН» НА ГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК КАТЕРИНЫ АНГЕЛАКИ-РУК
(НА МАТЕРИАЛЕ ОТРЫВКА ИЗ ПИСЬМА ТАТЬЯНЫ К ОНЕГИНУ)**

**ON THE PROBLEM OF EQUIVALENCE OF MEANS OF POETIC EXPRESSIVENESS IN
THE TRANSLATION OF THE NOVEL IN VERSE “EUGENE ONEGIN” BY A. S.
PUSHKIN TO THE GREEK LANGUAGE BY K. ANGELAKI RUK
(BASED ON THE MATERIAL OF THE FRAGMENT OF THE LETTER FROM TATIANA
TO ONEGIN)**

Статья посвящена анализу соответствия метрической структуры, рифмы и художественно-образительных средств на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровне оригинального русского текста романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин» и его греческого перевода, выполненного Катериной Ангелаки-Рук, а также установлению степени их эквивалентности в данном переводе. Исследование проведено на материале фрагмента письма Татьяны к Онегину (первая и вторая строфы) и аналогичного фрагмента перевода при помощи методов описательного и сопоставительного анализа. Результаты исследования показывают, что греческий перевод лишь отчасти передает стилистические и художественно-образительные особенности языка оригинала, которые не всегда сохранены в языке перевода. В частности, в переводе в большинстве случаев теряются смежная и раздельная анафора, присоединительные конструкции и многосоюзие. Вводные слова, метонимия и синтаксический параллелизм сохраняются только в 66% случаев, метафора - в 57%. В переводе размер не соблюден, а точной рифме оригинала отвечает в большинстве случаев неточная. В первой строфе перевода, как и в оригинале, присутствуют все виды рифмовки, но не сохраняется последовательность Пушкинской рифмовки. Напротив, ряд образных средств достаточно точно передан в переводе. Аллитерация сохраняется в нем в 99%, синекдоха, эпитеты, сравнение, гипербола и литота, односоставные предложения, риторические вопросы, смещение синтаксической конструкции и градации, используемые Пушкиным, присутствуют в переводе в 100% случаев. Также в нём сохраняется последовательность употребления мужской и женской рифмы оригинала и рифмовка второй строфы.

This article is devoted to the analysis of the correspondence of the metric structure, the rhythm and the poetic elements on the phonetic, vocabulary and syntactic levels of the A.S. Pushkin novel in verse “Eugene Onegin” with its Greek translation by Katerina Angelaki Ruk as well as on the establishing the extends of equivalence in this translation. The study is conducted on the material of the fragment of the letter of Tatiana to Onegin (first and second verses) and the corresponding fragment of the translation with the use of the descriptive and the comparative analysis. The results of the study show that the Greek translation barely conveys the stylistic and poetic properties of the language of the original, which are not always saved in the translation. More specifically in the translation the majority of cases of the anaphora, the subordinate clauses and the polysyndeton are not conveyed. The parenthesis, the metonymy and the syntactical parallelism are kept only in 66% of cases, while the metaphor is conveyed in only 57% of cases. The poetic metre is not kept in the translation, and the perfect rime of the original fragment is replaced by the imperfect rime in the majority of the riming verses. In the first verse of the translation, like in the original, all types of rhythm patterns are present, but the sequence of Pushkin’s rhythm is not preserved. On the other hand, the use of figures of speech generally is adequately conveyed in the translation. The alliterative verses are preserved in the translation at a 99% rate and the cases of synecdoche, adjectives, similes, hyperbole and litotes, elliptical sentences, rhetorical questions, the shifting of syntactical construction and the gradation used by A. Pushkin are conveyed in the translation in all the above cases. The rhythm pattern in the second verse, as well as the masculine and feminine rimes in the whole fragment are preserved in the translation.

Ключевые слова: поэтический перевод, эквивалентность, художественно-изобразительные средства, А.С. Пушкин, сравнительный анализ, новогреческий язык.

Key words: poetic translation, equivalence, means of poetic expressiveness, Pushkin, comparative analysis, new Greek language.

Поэтический язык фрагментарен, метафоричен, полон эмоций, символизма и образов. Это язык без ограничений, впитавший в себя опыт автора. Передаваемый им смысл, выходящий за пределы грамматики и семантики слов, может вызывать у читателя интенсивные эмоциональные, духовные или философские переживания. [Jones, 2011, с. 2]. (здесь и далее перевод мой – Т.С.)

Поэтический текст символичен, смысл его часто неоднозначен. При переводе велик риск неточной или неправильной его интерпретации. Задачей переводчика является перенос образов и эмоций оригинала в новую культурную и пространственную среду. Таким образом, переводчик выступает посредником между двумя культурами.

Согласно Я.С. Рулевой к переводу художественного текста предъявляется ряд требований: оказание на читателя перевода примерно того же эстетического воздействия, как и на читателя оригинала, отражение индивидуального стиля автора, его сути, эквивалентность оригиналу по насыщенности метrorитмическими, фоническими и металогическими структурами, направленными на выражение концептуально-эстетического содержания, неразрывная связь формы и содержания, сохранение национального своеобразия поэтической формы оригинала, верность художественной и исторической действительности оригинала, точность воспроизведения стилевых особенностей иноязычного подлинника, точное и яркое выражение мыслей автора при помощи синонимии, эмоционально окрашенных слов, близость вызванных переводом ассоциаций оригиналу. [Рулева, 2006, с. 116]

Поскольку согласно В.В. Сдобникову «поэтические тексты отличаются от прозаических значительно более высокой степенью семантико-стилистической и образной концентрации, а, следовательно, и более высокой значимостью каждого отдельного слова, каждого отдельного образа» [Сдобников, 2006, с. 413], при поэтическом переводе возникают дополнительные трудности, связанные с традициями каждого народа, касающимися употребления слов в поэзии, а также с воссозданием формы стиха. Чрезвычайно трудно одновременно сохранить содержание, размер и рифму. Лексические единицы исходного языка в переводящем языке часто не рифмуются и имеют иную слоговую и акцентную структуру [Сдобников, 2006, с. 413, 414].

Личность переводчика и его родной язык играют значительную роль при переводе поэтических текстов. Переводчики, являющиеся носителями языка и культуры переводного текста, должны обращать особое внимание на осмысление оригинала [Гудий, 2012, с. 101]. Как

отмечает А.Д. Швейцер, для них «проникновение в содержание исходного текста и связанная с этим необходимость в декодировании его референциального и прагматического аспектов, опирающихся не только на языковую, но и на внеязыковую информацию, в том числе фоновую, всегда представляет собой сложную проблему» [Швейцер, 1996, с. 84].

Наше исследование может внести свой посильный вклад в критическое изучение огромного материала, посвященного переводам Пушкина.

Научная литература о творчестве А. С. Пушкина включает в себя и значительное количество работ российских и зарубежных авторов, посвященных переводам «Евгения Онегина» на иностранные языки. В данных работах рассматриваются переводы А.С. Пушкина на английский, немецкий, французский, японский, шведский, китайский, славянские и др. языки. К анализу переводов А.С. Пушкина на греческий язык до настоящего момента исследователи не обращались.

Материалом исследования является фрагмент письма Татьяны к Онегину романа в стихах А.С.Пушкина «Евгений Онегин» (1-ая и 2-ая строфа) и аналогичный фрагмент перевода Катерины Аггелаки-Рук. Нами был избран именно этот фрагмент письма к Татьяны к Онегину, так как он, на наш взгляд, характерен для данного письма, и на его основе можно судить о стилистических особенностях письма в целом. С другой стороны, относительно небольшой объем фрагмента позволяет провести подробный и полный анализ его поэтических средств. Письмо это, резко выделяясь стилистически из общего текста пушкинского романа, представляет собой особый интерес для исследования, поскольку играет ключевую роль в его структуре и образно-стилистической системе, наиболее полно раскрывая характер главной героини и неся большую эмоциональную нагрузку. Отметим, что письмо выделено самим автором (так же, как и письмо Онегина к Татьяне): в нем уже нет строго организованной «онегинской строфы», здесь – неограниченная легкость и спонтанность пушкинского стиха. Несомненно, что стилистические особенности письма как средства формирования его художественной выразительности заслуживают особенного внимания.

Звукопись

Применение разнообразных фоностилистических приемов для усиления звуковой выразительности речи называется звукописью. [Голуб, 2010, с. 166,167] Однако, как пишет В.В. Сдобников: «Звукопись в стихе всегда связана с особенностями конкретного языка и со сложившейся у каждого народа системой связанных со звуками ассоциаций». [Сдобников, 2006, с. 419] Согласно исследованиям А.П. Журавлева, отдельные звуки языка подсознательно ассоциируются у говорящих на этом языке с ощущением тепла или холода, цветом, могут осознаваться ими как «хорошие» или «плохие», «женские и мужские» и т.д. [Журавлев, 1974]. Поэтому, видимо, некоторые тексты кажутся им благозвучными, приятными, а другие — нет.

При этом сходные звуки могут вызывать у разных народов совершенно разные, порой даже противоположные ассоциации [Сдобников, 2006, с. 419].

В первом четверостишии оригинала заметна аллитерация на губные [v]-[b]-[p]. В том же четверостишии греческого перевода так же присутствует аллитерация на губные [v]-[b]-[p] (6 случаев).

Я к <u>вам</u> пишу — <u>чего</u> же <u>боле</u> ? -	Τι άλλο δα <u>μ</u> πορώ να <u>π</u> ω;
Что я могу еще сказать? <u>Теперь</u> , я	Ξέρω <u>π</u> ως εξαρτάται <u>α</u> πό σας,
знаю, в <u>вашей</u> <u>воле</u> <u>Меня</u> презреньем	Αν με <u>π</u> εριφρόνηση τιμωρηθώ
наказать. <u>Σας</u> γράφω – τι άλλο <u>π</u> ια;	

(Здесь и далее подчеркнуто мной – Т. С.)

Таким образом, аллитерация в переводе сохраняется в 100% случаев, хотя она появляется в разных словах.

В нижеследующем отрывке появляется аллитерация на переднеязычные [d]-[t]-[n]-[l] (19 случаев). В аналогичном отрывке перевода аллитерация на переднеязычные [d]-[t]-[n]-[l] присутствует в 22 случаях, что составляет 115% - даже больше, чем в русском отрывке. Возможно, причиной этого, является, с одной стороны, употребление в греческом языке артикля, где присутствует звук [t], а с другой стороны, использование в греческом языке для выражения желания вместо инфинитива глагола с частицей να, где присутствует звук [n].

Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда

Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела Хоть редко,
хоть в неделю раз

В деревне нашей видеть вас, Чтоб
только слышать ваши речи, Вам слово
молвить, и потом Все думать, думать
об одном

И день, и ночь до нашей встречи

Πρώτα να σωπάσω την απόφαση πήρα·
Πιστέψτε με: τη δική μου την ντροπή
Δε θα την βλέπατε στιγμή
Όμως τότε κάποια ελπίδα είχα
Πως αν και σπάνια, μια φορά την
εβδομάδα, έστω,

Στο χωριό μου θα μπορούσα να σας
έχω,

Ν'ακούω μόνο τα λόγια σας, τη λέξη
Όπως την αρθρώνετε και μετά
Μόνο να σκέφτομαι, να σκέφτομ'
όλ'αυτά,

Μέρα-νύχτα έως την επόμενη
συνεύρεση.

В последнем исследуемом отрывке в русском варианте преобладают переднеязычные [t]-[d]-[n]-[l]-[s] (19 повторов). В греческом же варианте эти звуки появляются 16 раз. (84%).

Зачем вы посетили <u>нас</u> ?	ερμητήριο
В глуши забытого <u>селеня</u>	Εγώ δε <u>σας</u> είχα γνωρίσει ποτέ <u>εσάς</u> ,
Я никогда не <u>знала</u> б вас,	Δε θα'χα γνωρίσει <u>τέτοιο</u> πικρό
<u>Не</u> <u>знала</u> б горького мученья.	μαρτύριο.
<u>Души</u> <u>неопытной</u> волненья	Μιας άδολης ψυχής το βασανιστήριο
<u>Смирив</u> <u>со</u> временем (как <u>знать</u> ?),	Ποιος <u>ξέρει</u> θα είχε πάψει κάποια μέρα;
По <u>сердцу</u> я <u>нашла</u> бы друга,	Κάποιον άλλο φίλο της καρδιάς θα είχα
Была бы верная супруга	βρει,
И <u>добродетельная</u> мать. Γιατί όμως	Θα'μωνα μια <u>σύζυγος</u> πιστή
να'ρθείτε ως εμάς;	Και <u>εξάριετη</u> μητέρα.
<u>Στο</u> <u>ξεχασμένο</u> μας χωριό, <u>στο</u>	

Кроме того, в этой последней строфе исследуемого отрывка на греческом языке мы наблюдаем аллитерацию на зубные [t], [d], [θ] (20 раз). Аналогично в русском тексте соответствующие зубные представлены только звуками [d]-[t]. Они появляются всего 6 раз. Это 30%.

В этой строфе на греческом языке преобладание этих звуков обусловлено тем, что условное наклонение в греческом образуется при помощи частицы θα, а отрицание - при помощи частицы δε. В русском же языке кроме того, что условное наклонение образуется другим способом, эти звуки просто отсутствуют.

Ассонанс

В исследуемом отрывке преобладают ударные [a]. Общее число гласных (нередуцированных и слаборедуцированных) 129. При этом наблюдается следующая аналогия этих гласных: [a] – 46 (35,6%), [o] – 26 (20,2%), [e] – 23 (17,8%), [i] – 11 (8,5%), [u] 12 (9,3%), [y] – 8,5%. В переводе же мы наблюдаем 348 нередуцированных и слаборедуцированных гласных. Их аналогия следующая: [a]– 93 (26,7%), [o] – 92 (26,4%), [i] – 84 (24,1%), [e] – 72 (20,7%), [u] – 7 (2%). Сразу бросается в глаза, что общее число нередуцированных и слаборедуцированных гласных в переведенном отрывке гораздо больше, чем в оригинале. Это обусловлено тем, что в греческом языке наблюдается только количественная редукция гласных. В оригинале значительно преобладает гласный [a] (35,6%) по сравнению с гласным [o] (20,2%). Гласный [e] присутствует в 17,8% случаев. Довольно часто встречается гласный [u] (9,3%), который не редуцируется в русском языке. На долю же гласных [i] и [y] приходится по 8,5%.

В переводе также преобладает звук [a] (26,7%), но в процентном отношении его доля не так значительна, как в оригинале. На долю [o] приходится 26,4%, т.е. этот звук употребляется

чаще, чем в оригинале. Гласный [i] тоже встречается чаще, чем в оригинале (8,5%). Соответственно на долю [u] (У) приходится всего 2%. По-видимому, это примерно равномерное в процентном отношении появление гласных в переводе (кроме [u]) тоже обусловлено только количественной редукцией гласных в слабых позициях в греческом языке.

Раздельная анафора «в деревне нашей видеть вас» не сохраняется в переводе - «Στο χωριό μου θα μπορώσα να σας έχω». То же самое можно сказать и о другой раздельной анафоре: «В глуши, в деревне все вам скучно» - «Στο χωριό, στην ερημιά ότι βαριέστε». А вот в последнем примере «Все думать, думать об одном и день и ночь до новой встречи» - «Μόνο να σκέφτομαι, να σκέφτομ' όλ' αυτά, μέρα-νύχτα έως την επόμενη συνέντευση» три слова начинаются со звука [s], а в русском варианте таких слов четыре, т.е. 75%.

Однако, в переведенном отрывке появляются и другие раздельные анафоры «Πρώτα να σωπάσω την απόφαση πήρα: Πιστέψτε με: την δική μου την ντροπή...» Кроме того, звук [p] появляется и в других словах «σωπάσω», «απόφαση», что усиливает эффект. Другие примеры анафоры в переводе: «Μιας άδολης ψυχής το βασανιστήριο ποιος ξέρει θα είχε πάψει κάποια μέρα;», «Θα' μουνά μια σύζυγος πιστή Και εξάιρετη μητέρα». А в строчках: «Μόνο να σκέφτομαι, να σκέφτομ' όλ' αυτά, μέρα-νύχτα έως την επόμενη συνεύρεση» наблюдается переключка звуков: [m]-[n]-[s]. В строчках же: «Εγώ δε σας είχα γνωρίσει ποτέ εσάς, δε θα'χα γνωρίσει τέτοιο πικρό μαρτύριο» происходит переключка звуков [ð]-[γ]-[p].

Смежная анафора в исследуемом отрывке не наблюдается. Интересно, что в переводе слова презренье –περιφρόνιση сохраняется двойной звук [p], создающий звуковой образ, связанный с резкими неприятными ощущениями. Смежная анафора в исследуемом отрывке не наблюдается.

При переводе словосочетания «слово молвить», где в оригинале очевидна поэтическая значимость повтора согласных [l] и [v], звукопись теряется - «λέξη αρθρώνετε». Что касается словосочетания ««смирив со временем», то в переводе наблюдается повторение согласных [p], [s], [k], [r]. «Ποιος ξέρει θα είχε πάψει κάποια μέρα;». Это, также, как в оригинале, способствует звуковому сближению грамматически связанных членов предложения.

Перевод, вслед за оригиналом, сохраняет повтор глагола думать – σκέφτομαι. «Все думать, думать об одном» - «Μόνο να σκέφτομαι, να σκέφτομ' όλ' αυτά» - в качестве указания на длительность процесса. В переводе строчек «Я никогда не знала б вас, не знала б горького мученья» - «Εγώ δε σας είχα γνωρίσει ποτέ εσάς, δε θα'χα γνωρίσει τέτοιο πικρό μαρτύριο» - звуковой образ частично теряется, поскольку хоть частица δε и появляется 2 раза, однако, в отличие от оригинала, не дублируется наречием ποτέ (никогда). (здесь и далее курсив мой – Т.С.)

Тропы

Μεταφορά

1) Русскому глаголу *сказать*, употребленному в метафорическом значении, соответствует в переводе глагол *να πω*. Таким образом, этот метафорический образ полностью сохраняется.

2) В переводе отсутствует метафорический образ, передаваемый деепричастием *храня*.

3) В переводе отрывка *Не блещим – δεν έχουμε τίποτε το λαμπρό*, несмотря на то, что глаголу с отрицательной частицей оригинала соответствуют 5 слов греческого текста, метафора сохранена.

4) *По сердцу - της καρδιάς* - на наш взгляд, метафоры оригинала и перевода не совсем идентичны, так как в русском языке метафорическое значение «по нраву, нравится», в греческом же языке скорее имеется в виду любимый.

5) Закрепленное в языке метафорическое значение прилагательного *горький* в переводе находит абсолютно идентичный вариант *πικρός* со значением «то, что вызывает сожаление, горе, душевную боль». [Μπαμπινιώτης, 2002, с. 1406] (Здесь и далее перевод мой – Т.С.)

6) *Забывтое – ξεχασμένο*. В данном случае в переводе также сохраняется метафорический перенос оригинала. Как в оригинале, так и в переводе этот эпитет рассматривается в купе с существительным (*забывтое селенье- ξεχασμένο χωριό*).

7) *Волненья (души) – βασανιστήρια*. В данном случае метафора при переводе теряется. Отметим, что в русском тексте метафорическое значение лексемы *волнение* включает всю гамму чувств, как положительных, так и отрицательных, а в греческом варианте слово *βασανιστήριο* (пер. мученье) имеет только отрицательную семантику.

Итак, в анализируемом отрывке метафора полностью сохраняется при переводе четырех из семи метафор оригинала, т.е. в 57% случаев.

Кроме вышеуказанных, в переводе появляются новые метафоры, отсутствующие в оригинале.

1) Глагол *εξαρτώ* имеет закрепившееся в языке метафорическое значение. Прямое же значение глагола: «вешаю за что-то» - «κρεμώ από κάπου» [Μπαμπινιώτης, 2002, с. 624]

2) Глагол *στάζω* «капать» в сочетании с существительным *οίκτο* «жалость» приобретает метафорический смысл.

Μετωνимία

В оригинале присутствует три случая употребления данного тропа.

1) Метонимический перенос: *не узнали стыда* - по одной (или даже по предположительной) черте характеризуется целое событие. В переводе появляется выражение *τη δική μου την ντροπή δε θα τη βλέπατε στιγμή*. На первый взгляд кажется, что перевод идентичен. Однако именно сочетание существительного *стыд* с глаголом *узнать* в пушкинском тексте

создает метонимический перенос, свидетельствуя о комбинации чувств. В переводе же метонимия не сохраняется, так как речь идет уже конкретно о чувстве стыда, которое возможно увидеть.

2). В оригинале автор характеризует душу как *неопытную*, имея в виду саму Татьяну, в переводе же она характеризуется как *άδολη* – «невинная». Эпитет, используемый в переводе, в сочетании с существительным *ψυχή* (*душа*) создает употребительный штамп (*невинная душа*), в котором уже с большим трудом удаётся различить пушкинский метонимический перенос, хотя, на наш взгляд, он все-таки сохраняется.

3) В переводе лексеме оригинала *друг* соответствует греческое слово *φίλος*, т. е. метонимия сохраняется. Однако в переводе появляется отсутствующее в оригинале определение: *κάποιον άλλο φίλο της καρδιάς θα είχα βρει* – «какого-нибудь сердечного друга бы нашла». Данная строка перевода, прочитанная отдельно, создает неверное впечатление: Татьяне все равно, с кем связать свою судьбу и для кого быть верной женой и отличной матерью.

Итак, в переводе метонимия оригинала сохраняется в 66 % случаев.

Кроме того, в переводе появляются другие метонимии.

1) *Ερημιά*. Словарь новогреческого языка дает такое значение этого слова: а) отсутствие людей, особенно когда речь идет о географической местности (лес, горы); б) местность, в которой нет людей; в) одиночество [Λεξικό της κοινής νεοελληνικής, 1998, с. 499]. Пушкинское слово *глушь*, в качестве перевода которого предлагается эта лексема, употреблено в тексте в прямом значении: «малонаселенный, удаленный от центров культурной жизни город, деревня, село и т. п.; захолустье» [Академический толковый словарь русского языка, 2016, с. 527] (сравните полное отсутствие людей в греческой трактовке и малонаселенный город в русском). Отметим, что новый метонимический образ подчеркивает экспрессивную окраску слова *глушь* («захолустье»).

2) *Ερημητήριο*. Словарь новогреческого языка дает такое значение этого слова: «пространство, где кто-либо живет как отшельник» [Μπαμπινιώτης, 2002, с. 671]. В оригинале же речь идет о сельской местности, где живут герои.

Синекдоха

Синекдоха: лексема *слово* в значении «беседа» сохраняется и в переводе - *λέξη*. Однако в оригинале речь идет о слове, которое молвит Татьяна, а в переводе о слове, которое произносит Онегин: *Ν'ακούω μόνο τα λόγια σας, τη λέξη όπως την αρθρώνετε*. Сохраняется в 100% случаев.

Эпитеты

Все три эпитета оригинала присутствуют в переводе: *души неопытной* (*волненья*)

(метономический) – *ἀδολής ψυχής, забытого (селенья)* (метономический) – *ξηχασμένο (χωριό)*, *горькое (мученье)* (метафорический) – *πικρό (μαρτύριο)*. Таким образом, мы наблюдаем полное сохранение эпитетов в переводе. Отметим, что в исследуемом отрывке (как в оригинале, так и в переводе) немного эпитетов, и все они не поэтические, а общеязыковые.

Единственным добавочным эпитетом, появляющимся в переводе, является прилагательное *αγριωπός*, которое вкуче с другим прилагательным *ακοινώνητος* соответствует пушкинскому существительному *нелюдим*. На наш взгляд, данный эпитет уместен и достаточно точно передает экспрессивную окраску ранее упомянутого существительного оригинала.

Неопределенное сравнение

В оригинале присутствует два случая, сохраняемых и в тексте перевода: *Я к вам пишу — чего же боле?* - *Σας γράφω – τι άλλο πια;* и *Я никогда не знала б вас, не знала б горького мученья* (сравнение знакомства с Онегиным с мученьем) - *Εγώ δε σας είχα γνωρίσει ποτέ εσάς, δε θα'χα γνωρίσει τέτοιο πικρό μαρτύριο*. Таким образом, и о сравнении можно сказать, что оно сохраняется в 100% случаев.

Гипербола: *и день и ночь* тоже сохраняется в переводе - *μέρα-νύχτα* (100%).

Литота: *каплю жалости* сохраняется и в переводе, хотя здесь она представлена глаголом: *να στάζτε λίγο οίκτο*. Интересно, что в оригинале эта литота является общеязыковой, а в переводе - индивидуально-авторской.

Художественно-изобразительные синтаксические средства

Все письмо Татьяны представляет собой прямую речь. В грамматическом плане прямая речь ориентирована на непосредственное, «прямое» воспроизведение высказываний. Поэтому в ней сохраняются все элементы, свойственные непосредственному контакту собеседников: исходное соотношение форм лица у глаголов и местоимений, формы повелительного наклонения глагола и модальные частицы [Скобликова, 2006, с. 172]. Прямой речью (*ευθύς λόγος*) является и перевод письма на греческий язык, т.к. в нем присутствуют все вышеупомянутые элементы.

Перевод достаточно точно передает синтаксические конструкции односоставных предложений, присутствующие в оригинальном тексте. Так, неопределенно-личное и безличное предложения *Но, говорят, вы нелюдим* и *Чего же боле?* переведены соответствующими им в греческой синтаксической системе [Καλοδίκης, 1984, с. 27] односоставными предложениями: *Αλλά λένε πως είστε ον ακοινώνητο, αγριωπό* и *τι άλλο πια;* соответственно. Пушкинскому инфинитивному придаточному предложению цели - *чтоб только слышать ваши речи* - соответствует греческое придаточное цели (*τελική πρόταση*) с использованием глагола 1-го лица в подчинительном наклонении, которое используется в

греческом синтаксисе вместо инфинитива [Καλοδίκης, 1984, с. 103]– *Ν'ακούω μόνο τα λόγια σας.*

Все риторические вопросы (ρητορική ερώτηση) русского текста присутствуют и в тексте перевода. *Я к вам пишу — чего же боле? - Σας γράφω – τι άλλο πια; Что я могу еще сказать? - Τι άλλο да μπορώ να πω; Зачем вы посетили нас? - Γιατί όμως να 'ρθείτε ως εμάς;*

В оригинальном тексте много вводных слов и предложений. Однако в переводе конструкции с вводными словами и предложениями заменены на сложные предложения. Сравните: *Теперь, я знаю, в вашей воле – Ξέρω πως εξαρτάται από σας. Но, говорят, вы нелюдим – Αλλά λένε πως είστε ον ακοινώνητο, αγριωπό.* Только в переводе последнего примера: *Смирив со временем (как знать?), - можно сказать, что сохраняется аналогичная с оригиналом конструкция: Ποιός ξέρει, Θα είχε πάψει κάποια μέρα.*

Синтаксический параллелизм сохраняется в переводе только в 33% случаев. *Хоть редко, хоть в неделю раз* (анафорическое повторение слова *хоть*) не сохраняется в переводе: *Πως αν και σπάνια, μια φορά την εβδομάδα, έστω.* Не сохраняется и анафорическое повторение слова *вы* с отрицательной частицей *не*: *Вы не оставите меня... Вы не узнали б никогда - Χωρίς να στάζετε λίγο οίκτο, έστω και τόσο да μικρό...Δε θα την βλέπατε στιγμή.*

В следующем примере мы наблюдаем частичное сохранение параллелизма в переводе: *не знала вас, не знала б горького мученья - δε σας είχα γνωρίσει ποτέ εσάς, δε θα 'χα γνωρίσει τέτοιο πικρό μαρτύριο.* Параллелизм перевода создается только отрицательной частицей *де*, глагол *γνωρίσει* (знать) не участвует в нем, так как между частицами и глаголами присутствуют дополнительные части речи, которые не идентичны в параллельных конструкциях.

Присоединительные конструкции, присутствующие в оригинале, отсутствуют в переводе. Так, предложение, являющееся самостоятельным не синтаксически, но интонационно: *Но вы, к моей несчастной доле хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня,* - представлено в переводе синтаксически самостоятельным предложением: *Όμως εσείς στην κακη μου μοίρα δεν θα με εγκαταλείψετε θαρρό, χωρίς να στάζτε λίγο οίκτο, έστω και τόσο да μικρό.*

Смещение синтаксической конструкции, представленное в оригинальном тексте предложением: *Я к вам пишу — чего же боле?*, в переводе также присутствует: *Σας γράφω – τι άλλο πια;*

Многосоюзие, представленное в оригинале следующими строками: *Вам слово молвить, и потом все думать, думать об одном и день и ночь до новой встречи* - не сохраняется в переводе: *Ν'ακούω μόνο τα λόγια σας, τη λέξη όπως την αρθώνετε και μετά μόνο να σκέφτομαι, να σκέφτομ'όλ'αυτά, μέρα-νύχτα έως την επόμενη συνέντευση.*

Градация, представленная в оригинале, в частности, предложением с расположением частей сложного предложения и однородных членов, усиливающим нарастание интонации и

эмоционального напряжения речи: *Сначала я молчать хотела; поверьте: моего стыда вы не узнали б никогда, когда б надежду я имела хоть редко, хоть в неделю раз в деревне нашей видеть вас, чтоб только слышать ваши речи, Вам слово молвить, и потом все думать, думать об одном и день и ночь до новой встречи* - присутствует и в переводе: *Πρώτα να σωπάσω την απόφαση πήρα· Πιστέψτε με: την δική μου την ντροπή δε θα την βλέπατε στιγμή, όμως τότε κάποια ελπίδα είχα πως αν και σπάνια, μια φορά την εβδομάδα, έστω, στο χωριό μου θα μπορούσα να σας έχω, ν' ακούω μόνο τα λόγια σας, τη λέξη όπως την αρθρώνετε και μετά μόνο να σκέφτομαι, να σκέφτομ' όλ' αυτά, μέρα-νύχτα έως την επόμενη συνέντευξη.* Однако один однородный член предложения, присутствующий в оригинале, а именно *молвить*, в переводе теряется, так как здесь он заменен глаголом 2-го лица множественного числа *арθρώνετε*, в отличие от оригинала обозначающим действие, производимое Онегиным, а не Татьяной. Другой пример градации в этом же предложении - словосочетания: *хоть редко, хоть в неделю раз* - присутствуют и в переводе *αν και σπάνια, μια φορά την εβδομάδα, έστω*. И, наконец, третий пример градации пушкинского текста: *в глуши, в деревне* - тоже сохраняется в переводе: *στο χωριό, στην ερημιά.*

Метрическая структура и рифма

В исследуемом отрывке перевода, так же, как и в оригинале, 30 строк: в первой строфе 21, а во второй 9 строк. Написан он четырехстопным ямбом со свободной схемой рифмовки.

Я к ВАМ пишУ — чегО же бОле?	Σας γρΑφω – τι Αλλο πιΑ;-
Что Я могУ ещЕ сказАть?	Τι Αλλο δΑ μπορΩ να πιΩ;
ТепЕрь, я знАю, в ВАшей воЛе	ΞΕρω πιΩς εξαρτΑται απΟ σας,
МенЯ презрЕньем наказАть.	Αν με περιφρΟνιση τιμωρηθΩ.

(здесь и далее использование заглавных букв моё – Т.С.)

В первом четверостишии оригинала ударение в каждой строке падает на четные слоги. Каждая строка состоит из 4 стоп. Это означает, что в оригинале от 8 до 9 слогов в строке. В переводе же мы наблюдаем, что размер не соблюден. В 1-ой строке 7 слогов, т. е. 3 стопы, хотя ударение и падает на каждый 2-ой слог строки. Во 2-ой строке - 8 слогов, т. е. 4 стопы и ударение падает на каждый 2-ой слог (здесь размер соблюден). В 3-ей строке 10 слогов, а ударение падает на 1-ый, 3-ий, 6-ой, 9-ый слог. Что касается 4-ой строки - то там 11 слогов, а ударение падает на 2-ой, 5-ый, 11-ый слог.

В исследуемом отрывке оригинала присутствует как мужская, так и женская рифма. Сравните 6 и 7 строки оригинала и перевода.

Хоть каплю жалости хранЯ,	Δεν θα με εγκαταλείψετε θαρρΩ,
Вы не оставите меня	Χωρίς να στάξετε λίγο οίκτο, έστω και τόσο да μικρΟ.

В этих строках в обоих случаях мы наблюдаем мужскую рифму (рифму с ударением на последнем слоге в строке), хотя переводчику не удалось сохранить смысловую

последовательность оригинала.

Рассмотрим еще один пример сохранения мужской рифмы в переводе. Это касается 9-10 строки.

Поверьте: моего стыдА Πιστέψτε με: την δική μου την ντροπΗ
Вы не узнали б никогда Δε θα την βλέπατε στιγμήΗ.

В 8 и 11 строках перевода мы наблюдаем сохранение женской рифмы (с ударением на предпоследнем слоге в строке) оригинала.

Сначала я молчать хотЕла Прώτα να σωπάσω την απόφαση πΗρα·
Когда б надежду я имЕла Όμως τότε κάποια ελπίδα ΕΙχα

В исследуемом отрывке русского текста вся рифма является точной. Этого нельзя сказать о переведенном тексте, где рифма, в основном, неточная. Присутствуют случаи совпадения только одного звука в рифме, например:

Τι άλλο δα μπορώ να πῶ;
Αν με περιφρόνηση τιμωρηθῶ.

Однако в переводе существует и точная рифма (7 примеров из 15, т.е. 47%). К примеру, *ερμητήριο- μαρτύριο-βασανιστήριο*.

В разбираемой части русского текста присутствуют следующие виды рифмовки: ababaccdeedffghhgijj в первой строфе и ababbcdcc во второй. В переводе вид рифмовки второй строфы полностью совпадает с оригиналом: ababbcdcc. В первой же строфе переводчице не удалось подобрать аналогичную рифму в 1, 3 и 5 строках, которые у Пушкина рифмуются между собой.

Сравните:

Я к вам пишу — чего же боле?...
Теперь, я знаю, в вашей воле...
Но вы, к моей несчастной доле...
Σας γράφω – τι άλλο πια;-...
Ξέρω πως εξαρτάται από σας,...
Όμως εσείς στην κακή μου μοίρα...

5-ую строку переводчица рифмует с 8-ой и с 11-ой.

Ὅμως εσείς στην κακή μου μοίρα...

Πρώτα να σωπάσω την απόφαση πήρα...

Ὅμως τότε κάποια ελλίδα είχα.

Таким образом, рифмовка 1-ой строфы перевода приобретает следующий вид: abcdbbbdeedffghhghihi.

Так как количество строк в изучаемых строфах нечетное, то невозможно их четкое разграничение по видам рифмовки. В переводе с 5-ой по 8-ую и с 8-ой по 11 строку наблюдается кольцевая рифмовка, 12 и 13-ая – смежная, с 14-ой по 17-ую – снова кольцевая, и в последних 18-21 строках первой строфы – рифмовка перекрестная. Таким образом, и в переводе, также и как в оригинале, присутствуют все виды рифмовки, но не сохраняется последовательности рифмовки оригинала.

Итак, анализируя фрагменты перевода и оригинала на фонетическом уровне, мы пришли к выводу, что аллитерация в переводе сохраняется в 99 % случаев, хотя она появляется в разных словах. В исследуемом оригинальном отрывке присутствует ассонанс на гласный [а] (35,6%). В переводе также преобладает звук [а] (26,7%), но в процентном отношении его доля не так значительна, как в оригинале. Раздельная анафора в переводе сохраняется только в одном случае из 3-х и то не полностью (т. е. в 25% случаев). Смежная анафора в исследуемом отрывке не наблюдается. Однако в переведенном отрывке появляются собственные примеры раздельной анафоры.

Анализируя фрагменты перевода и оригинала на лексическом уровне (тропы), мы установили, что метафора сохраняется полностью при переводе в 4 из 7 случаев, т.е. в 57% случаев, метонимия оригинала сохраняется в 66 % случаев, синекдоха, эпитеты, сравнение, гипербола и литота в 100% случаев. Кроме того, в переводе появляются новые случаи метафоры, метонимии и один пример эпитета.

Анализируя фрагменты перевода и оригинала на синтаксическом уровне, мы пришли к выводу, что в переводе так же, как и в оригинале письмо Татьяны с точки зрения синтаксиса представляет собой прямую речь. Перевод достаточно точно передает синтаксические конструкции односоставных предложений, присутствующие в оригинальном тексте. Все риторические вопросы русского текста присутствуют и в тексте перевода. Что же касается вводных слов, в переводе они заменены на члены предложения. Синтаксический параллелизм сохраняется в переводе в 33% случаев. Примеры присоединительных конструкций и многосоюзия, присутствующие в оригинале, отсутствуют в переводе. Случаи смещения синтаксической конструкции и градации в

переводе присутствуют.

Проведя сравнительный анализ метрической структуры и рифмы, мы установили, что в переводе размер не соблюден. Перевод сохраняет последовательность употребления мужской и женской рифмы оригинала. В исследуемом отрывке русского текста вся рифма является точной. Этого нельзя сказать о переведенном тексте, где рифма, в большинстве случаев, неточная. Рифмовка перевода второй строфы полностью совпадает с оригиналом, а в первой строфе перевода, как и в оригинале, присутствуют все виды рифмовки, но не сохраняется последовательность рифмовки оригинала.

Итак, эмоциональность и экспрессивность в рассмотренном фрагменте А. С. Пушкина создается поэтом посредством использования использования звукописи и тропов, определенных синтаксических конструкций, метрической структуры и рифмы. Греческий перевод лишь отчасти передает данные стилистические и художественно-изобразительные особенности языка оригинала, которые не всегда сохранены в языке перевода.

Научно-практическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты могут найти применение в курсе теории и практики перевода, лексикологии и стилистике русского и греческих языков, а также послужить теоретической основой для создания нового более совершенного перевода романа А. А. Пушкина «Евгений Онегин» на греческий язык.

Список литературы:

- Академический толковый словарь русского языка*. Том 2: ВИНА—ГЯУР / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 680 с.
- Голуб И.Б.* Стилистика русского языка / М : Айрис пресс, 2010. 442 с.
- Гудий К.А.* От оригинала к переводу: проблема взаимодействия автора и переводчика/ Молодой ученый № 3, 2012. с. 99-104
- Журавлев А.П.* Фонетическое значение/Л : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 159 с.
- Рулева Я.С.* Особенности адекватного перевода стихотворений. Передача метафоры на русский язык при переводе поэтических произведений Дж.Г. Байрона/Вестник КАСУ № 2, 2006. С. 116-122
- Сдобников В.В.* Теория перевода: учеб. пособ. для студ. лингв. фак. высш учеб заведений/ В.В. Сдобников, О.В. Петрова. М. : АСТ, Восток-Запад, 2007. 451 с.
- Скобликова Е.С.* Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения./ М : Флинта, наука, 2006. 320 с.
- Швейцер А.Д.* Основные проблемы обучения переводу с русского языка на иностранный / Актуальные проблемы преподавания перевода и иностранных языков в лингвистическом вузе: Сб. науч. тр. / МГЛУ. Вып. 423. М : 1996. С. 84–92.
- Jones F.R.* Poetry translating as expert action: Processes, priorities and networks / Amsterdam: John Benjamins Pub. Co, 2011. 227 pp.
- Καλοδίκης Π.* Το συντακτικό της δημοτικής γλώσσας / Αθήνα : Gutenberg, 1984. 183 pp.
- Λεξικό της κοινής νεοελληνικής*, Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών (Ίδρυμα Μανώλη Τριανταφυλλίδη) / Θεσσαλονίκη : Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο, 1998. 1532 pp.
- Μπαμπινιώτης Γ.* Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας, με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων: ερμηνευτικό, ετυμολογικό, ορθογραφικό, συνώνυμα-αντίθετα, κυρίων ονομάτων, επιστημονικών όρων, ακρωνύμια/Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας, 2η εκδ., 2002, 2030 pp.

References:

- Golub I.B.* Stilistika russkogo yazyka [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Airis press, 2010, 442 p. (In Russian).
- Gudiy K.A.* Ot originala k perevodu: problema vzaimodeistviya avtora i perevodchika [From the original to translation: cooperation between of the author and translator]. Young scientist № 3. 2012. P. 99-104 (In Russian).
- Jones F.R.* Poetry translating as expert action: Processes, priorities and networks / Amsterdam: John Benjamins Pub. Co, 2011. 227 p.
- Krysin L.P.* Akademicheskii tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Academic Interpretative Dictionary of the Russian language]. Moscow: Izdatel'skii dom YASK, 2016, T.2, 680 p. (In Russian).
- Ruleva Ya.S.* Osobennosti adekvatnogo perevoda stikhotvorenii. Peredacha metafory na russkii yazyk pri perevode pochticheskikh proizvedenii Dzh.G. Bairona [Features of adequate poetry translating. Transmission of Byron's metaphor into Russian]. Vestnik KASU № 2. 2006. P. 116-122 (In Russian).
- Sdobnikov V.V.* Teoriya perevoda [A theory of translation]. Moscow: AST, Vostok-Zapad, 2007, 451 p. (In Russian).
- Shveytser A.D.* Osnovnye problemy obucheniya perevodu s russkogo yazyka na inostrannyi / Aktual'nye problemy prepodavaniya perevoda i inostrannykh yazykov v lingvisticheskom vuze [The main problems of teaching translation from Russian into a foreign language / Actual problems of teaching foreign language and translation at a linguistic university]. Sb. nauch. tr. // MGLU. V 423. Moscow, 1996, P. 84-92 (In Russian).
- Skoblikova E.S.* Sovremennyi russkii yazyk. Sintaksis slozhnogo predlozheniya [Modern Russian language. Complex sentence syntax]. Moscow: Flinta, nauka, 2006, 320 p. (In Russian).
- Zhuravlev A. P.* Foneticheskoe znachenie [The phonetic meaning]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1974, 159 p. (In Russian).
- Καλοδίκησ Π.* Το συντακτικό της δημοτικής γλώσσας /Αθήνα: Gutenberg, 1984. 183 p.
- Λεξικό της κοινής νεοελληνικής, Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών (Ίδρυμα Μανώλη Τριανταφυλλίδη) // Θεσσαλονίκη : Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο, 1998. 1532 p.
- Μπαμπινιώτης Γ.* Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας, με σχόλια για τη σωστή χρήση των λέξεων: ερμηνευτικό, ετυμολογικό, ορθογραφικό, συνώνυμα-αντίθετα, κυρίων ονομάτων, επιστημονικών όρων, ακρωνύμια /Αθήνα: Κέντρο Λεξικολογίας, 2η εκδ., 2002, 2030 p.

Трухтанов Сергей Иванович
Трухтанова Екатерина Викторовна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Trukhtanov Sergei
Trukhtanova Ekaterina
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ПЕРЕВОДА КАЛАМБУРОВ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ СОНЕТОВ ШЕКСПИРА)**

**ANENT METHODOLOGY OF TRANSLATION OF PUNS (BY THE EXAMPLE OF
RUSSIAN TRANSLATIONS OF SHAKESPEARE'S SONNETS)**

В статье кратко изложены некоторые факты биографии В. Шекспира, отмечена роль сонетов в его творчестве.

Более подробно авторы останавливаются на трудностях, возникающих при переводе 135 и 136 сонетов, построенных на игре слов. Авторы рассматривают ранее использованные переводческие стратегии, анализируют их, а также предлагают новые варианты переводов, основанные на оригинальной методике перевода каламбуров на русский язык.

Суть предлагаемого метода состоит в том, что при невозможности перевода каламбура на русский язык, для передачи эмоциональной составляющей текста, он может быть заменен одним из многочисленных видов игры слов.

Предлагаемый метод авторы иллюстрируют новыми, ранее не опубликованными переводами сонетов Шекспира, выполненными в соответствии с новой методологией.

The article gives a brief account of Shakespeare's biography, stressing the significant role of sonnets in his works.

Russian translations of Shakespeare's sonnets has a long history, dating back to the XIX-th century. The article gives a brief account of the difficulties with which the translators met while translating sonnets 135 and 136. The examples are given of various ways to overcome these difficulties. The examples studied in the article show the lack of adequate methodology to overcome the difficulty of translating the puns into Russian. Having studied the strategies used by previous translators, the authors put forward new method of translation of puns. In a nutshell, their method consists of substitution of one type of wordplay by some other one, bearing in mind that all in all they are quite numerous.

As it is stated in the article, this method gives the possibility to make the translation both adequate and equivalent, preserving both aesthetic and semantic aspects of the original text.

The article boasts a number of original translations of sonnets 135 and 136, executed by the authors. This work has been done to illustrate a wide range of possibilities that the new methodology may render in translating English texts containing wordplay.

Ключевые слова: Шекспир, сонеты, перевод, каламбуры, игра слов.

Key words: Shakespeare, sonnets, translation, puns, play of words.

Уильям Шекспир (1564 – 1616) родился в городе Страдфорд-на-Эвоне в семье ремесленника. В биографических преданиях о Шекспире есть легенда, рассказывающая о том, как поэт начал писать стихи. Охотясь на чужой земле, то есть занимаясь браконьерством, поэт оказался лицом, преследуемым местными властями. И он решился отвечать властям, развешивая таблички с зашифрованными поэтически словами

оправдания на всех столбах в округе.

Шекспир знал латынь и греческий с детства, особенно он любил Вергилия и Овидия, чьи стихи знал наизусть. Строки этих авторов можно встретить вставленными или искусно вплетенными в шекспировские тексты. Он скрыто или открыто их цитирует, перефразирует, уточняя и улучшая для современников. Если считать его стихи подражанием античной поэзии, то мы имеем дело с английским риторическим и понятийным его оформлением.

Помимо того, Шекспира можно считать и последователем, и предшественником великого множества драматических поэтов: Джона Белла, Джона Хейвуда, Николаса Юделла, Джона Стилла, Томаса Кида, Кристофера Марло, Бена Джонсона, Томаса Хейвуда, Джона Флетчера, Френсиса Бомонта, Джона Форда, Джо Уэбстера и других. Без них его существование как поэта вряд ли было бы возможно, т.к. совершенно очевидно, что в литературе нет абсолютной новизны, но есть новые интерпретации и прочтения.

Всю поэзию XVI столетия называют эвфуистической (от имени героя романа Джона Лили «Эвфуэс, или анатомия ума»). Не избежал влияния этого стиля и Шекспир. Эвфуизмы встречаются часто в его произведениях. Многочисленные тропы, синтаксические и лексические параллелизмы, восходящие к риторике средневековых латинских проповедей и трактатов, к дидактическим сочинениям гуманистов способствовали обогащению английского языка

Конец шестнадцатого века - это расцвет сонетной формы в Европе. В Англии в тот момент было напечатано около двух с половиной тысяч стихов, а написано наверняка еще больше.

Стихотворение *сонет* состоит обязательно из четырнадцати строк, обычно из двух катренов и двух терцетов. Шекспировские сонеты состоят из трех катренов и одного двустишия, подводящего итог тому, что в виде антитезы противопоставлено в первых двух катренах и объединено «под шапкой» - синтезом в третьем катрене.

Для большинства внимательных читателей Шекспир - поэт, одаренный особым зрением, открывший в самой ткани земного бытия наличие полярных сил, грозное скопление противоборствующих энергий, художник, знающий иную, чем классическая, красоту, драматург, сочетающий свет и тень, большое и малое, низменное и возвышенное.

Его сонеты - это своего рода философские рассуждения, представленные кратко и доходчиво. Шекспир понятен, поскольку, если он рассуждает в стихах, становясь то старым, убеленным сединами мужем, то матроной, то государем, то политиком, то солдатом, значит, он прекрасно видит внутренний мир этих людей и знает их словарь. Однако в сонетах заданная форма требует некоторой нарочитости, он повторяет знакомые

сентенции античных авторов, а также простые истины, расцвечивая их скорописью своего духа - метафорами. Ведь метафоризм, по мнению русского поэта Б. Пастернака, «стенография большой личности, когда поэт рисует целую вселенную», Шекспир восстанавливает, избегая нарушений, целостность всего мира. А весь этот мир он вмещает в поэзию.

Создавая один сонет за другим, Шекспир непременно пользуется перифразом, то есть тоже приближается к эвфуизмам и эстетике барокко, но все чаще уходит от нее. В его сонетах есть катрены, достаточно витиеватые, эвфуистические, но когда он делает умозаключение в конце, оно у него все просто и ясно, как разговорная речь, как пословица: «Умрешь и испаришься, как дымок, а ведь в наследниках остаться мог»; «Но если страх забвенья не знаком тебе совсем, умри холостяком»; «Без слов тебе оркестр поет раз сто, кто жил один, для вечности никто».

По словам Генрих Гейне, язык Шекспира передан ему его предшественниками и современниками: «... не трудно заметить, что во всех трагедиях и комедиях того времени господствует тот же стиль, те же эвфуизмы, та же преувеличенная манерность, неестественность в словообразовании, то же острословие, те же вычурные извороты мысли, которые мы встречаем и у Шекспира и которые вызывали слепое восхищение и у ограниченных умов; проницательный же читатель если не осуждал их, то снисходительно прощал, как нечто внешнее, как требование времени, которое приходилось по необходимости выполнять».

Но поговорим о переводах. Есть правило, что переводимое произведение должно сохранять историческое и национальное своеобразие. Во вселенной или универсуме ШЕКСПИР есть разные планеты. Речь идет в данном случае о сонетах совершенно определенной поры, которые включены в общие собрания сонетов, но порою их печатают и отдельно. Каждый предмет требует своих приближений и уточнения.

Так, приступая к переводу свода сонетов Шекспира, следует полностью отдавать себе отчет в том, что, рано или поздно, придется лицом к лицу столкнуться с сонетами 135 и 136, которые представляют для переводчика особую трудность. Недаром два не худших переводчика всего свода сонетов Шекспира – Н.В.Гербель и М.И.Чайковский, как и многие другие после них, – два вышеупомянутых сонета не переводили вообще. Оба эти сонета построены на обыгрывании омофоров слова will, которое в контексте сонетов может переводиться как воля, желание (в т.ч. и сексуального характера), вождение и его объект. Сонеты содержат целый фонтан намеков в форме каламбуров, в том числе и эротического характера, вряд ли поддающихся однозначному толкованию. Написанное с заглавной буквы, Will становится сокращенным именем поэта и его соперника-тезки. Таким образом,

перед переводчиком стоит не самая простая задача - не меняя имени поэта и его соперников, привязать его к чувству (любви) и объекту вожделения.

Такой прием, как игра слов, построенная на внешнем сходстве далеких по значению слов, целиком и полностью базируется на внутриязыковых отношениях, существующих между словами ИЯ и зачастую отсутствующих в системе ПЯ. Переводчикам далеко не всегда под силу решить эту задачу – часто им приходится прибегать к паллиативу – сноске и пояснению: «непереводимая игра слов».

На примере сонета 135 посмотрим, как разные переводчики решали эту задачу.

Как и у всех, есть у тебя желанья.

Твой желанья – сила, мощь и страсть. [Финкель, 1976, с. 44]

Я – твой Уилл. Ты, жен иных не хуже

Уиллов всех пленишь для разных дел... [Фрадкин, 2003, с. 71]

Средь разных волей твоих зовусь я «Виль».

Свою как хочешь волю позабавь... [Микушевич, 2004, с. 76]

Есть страсти у других, а у тебя есть воля*,

И Воля есть еще в придачу у тебя.... [Гербель, 1980, с. 75]

Недаром имя, данное мне, значит

«Желание». Желанием томим.... [Маршак, 1960, с. 494-495]

Здесь представлены основные переводческие стратегии: игнорирование каламбура (Фрадкин и Финкель), обыгрывание родительного падежа «воли» и несколько видоизмененного имени Шекспира «воль – Виль» (Микушевич), переименование Шекспира (Воля – уменьшительное от Владимир) (Гербель), включение перевода имени Шекспира в ткань сонета (Маршак) или в затекстовый комментарий (Гербель).

Как мы видим, проблему каламбура заметили все, но попытки ее решения вряд ли можно назвать удачными.

Принимая во внимание несовершенство каждой отдельно взятой стратегии, а также их детальную проработанность предыдущими поколениями переводчиков, было решено идти своим путем и пожертвовать эквивалентностью перевода в пользу его адекватности. Разница между данными понятиями видится в том, что «эквивалентность» оценивает перевод по логико-семантическому содержанию, а «адекватность» - по иллокутивной цели

и эстетическому воздействию. Проблемы, стоящие перед переводчиками, очень хорошо проиллюстрировал Г. Гейне, сравнив перевод с женщиной: «Если она красива, то неверна, а если верна, то некрасива».

Итак, было решено закрыть глаза на неверность женщины и каламбур перевести каламбуром, а если невозможно – то какой-либо другой формой языковой игры (ЯИ), коей каламбур является частью. Современные исследователи (Земская, Лыков, Санников) выделяют следующие традиционные формы ЯИ:

Каламбуры

Окказиональные слова

Окказиональные словосочетания

Метафоры

Фразеологизмы

Цитирование

Игра графикой

Эквилибристика

Собственно каламбуры в современных энциклопедических словарях определяются как игра слов, оборот речи, шутка, основанная на комическом обыгрывании звукового сходства разнозначных слов или словосочетаний [БЭС, 1991]

Некоторые ученые полагают, что в отличие от перевода обычного текста, при котором его содержание (в том числе образы, коннотации, фон, авторский стиль) нужно влить в новую языковую форму. При переводе каламбура перевыражению подлежит сама форма подлинника – фонетическая или графическая. Больше того. Нередко приходится менять даже содержание в угоду форме – на новое, если невозможно сохранить старое. Это необходимо потому, что для полноценного перевода художественного ... произведения план выражения может оказаться важнее плана содержания (Влахов, Флорин).

Основной стратегией при переводе 135 сонета в 2003 году стала попытка наиболее полно (на протяжении всего текста) связать желания автора и объект его вожделения с именем поэта и его производными посредством игры графикой и элементами параномазии, основанной на обыгрывании слов с формальными сходствами. Полагаем, что в принципе и подобный подход имеет право на существование.

135

Имеешь всех, кого желаешь пылко;

Двух Уиллов призвала твоя звезда.

Не *свил ли* новый кто себе гнезда

В том черном мхе на роковой *развилке*?

Холмов *иль ям* размер - под стать желанью
Снаружи ль, изнутри ль владеть тобой;
Иль что? Князьям - и глаз, и губ сиянье,
А *вил* друзьям - надежды никакой?

Ты видишь: океан, несущий челн,
Приемлет влагу, что дожди пролили;
Пристрой меня к тем, что с тобою *были* -
Я Биллом сам *был* в детстве наречен.

Друзей не рань холодным "Нет" своим:
Желанен в каждом я, я – стоедин. (перевод 2003 года)

В переводе 2009 года был использован другой прием – образование окказиональных слов, нарушающих языковую норму. По мнению специалистов в области ЯИ (Меснянкина, Спасова), современные окказионализмы характеризуются не только экспрессивностью, но и более насыщены по смыслу и эмоциональной насыщенности. В данном случае использованы окказиональные слова, образованные при помощи вкрапления лишних букв.

135.

Всем – дай *одно*, тебе – я нужен, *Уилл*,
А также *Билл* и *Вилл*, *жилланных* - стая!
Жиллею, - сам не удовлетворилл
Все *пожиллания* твои, тебя *жиллая*.

Ужель в *вилликий* грот твоей *любви*
Впустить моё *жилланье* трудно *билло*?
Чужой порыв ты назовешь *благим*,
А я *просилл* – *гналла*, не *допустилла*!

Смотри: дожди, морям себя даря,
За сотни *ллет* чрез край не *перелилли*;
Впустилла б *понырять* в свой *омут Уилли*,
И я б *долилл* *жилланьями* тебя.

Не злись! Всех *миллых* на груди приветь

И именем моим зови нас впредь.

(перевод 2009 года)

В переводе 2013 года в качестве заменителя каламбура был взят прием акростиха, формы, где из первых букв стихотворения составлено читающееся снизу-вверх словосочетание «Твой Вил Шекспир», повторенное в последней строчке сонета.

135.

Раз пир любовный ищет женский пол
И мне б туда, где он идет горою;
Прошу давно, но так и не обрел,
Стараясь пир украсить твой собою.

К чему же не нашлось мне места тут?
Единственному – мне – ты отказала:
Шесть сотен приняты – едят и пьют,
Лишь я с позором выгнан прочь из зала.

Известно: море, полное воды,
В себя приемлет дождевые воды;
И я б хотел, чтоб точно так же ты
Ответила на зов моей природы.

Впусти нас всех в себя, хоть целый мир:
Там точно буду я – *твой Вил Шекспир*.

(перевод 2013 года)

Похожие трудности возникают и при переводе сонета 136. В первом катрене поэт предлагает возлюбленной обмануть ее слепую душу, которая противится их сближению, назвав ей его имя. При этом, в силу игры слов, душа должна понять, что дружба с поэтом – желание самой девушки («мой Вилл» звучит как «моя воля», «мое желание»).

В переводах 2003 и 2009 годов также использована ЯИ в виде создания окказиональных слов, но уже с помощью т.н. контаминации (Цонева)– объединения двух слов или их частей для создания третьего.

136

Коль Вильям сердцу твоему не мил,
Скажи, что я Жельям - твое желанье:
Слепому стражу ведомо названье

Той силы, что главнее прочих сил.

Я Вольям, вольно реющая птица,
Что в стае начирикается вволю;
Увы, в любви один - ноля не боле,
Хоть до колен свисает единица.

Один - забыт, заброшен, уничтожен;
Мне б голым колом быть, а не одним
Из частокола, чтоб я был любим
Нолем пушистым, на гнездо похожим.

Так дорожи желаньями своими:
Ты и меня полюбишь вслед за ними.
(перевод 2003 года)

136.

Раз имя Уилл душе твоей претит,
Скажи: я – *Милл*; она, слепая, знает,
Как к милому влечет любви магнит,
Тогда все получу, о чем мечтаю.

Твой грот набью желанием своим,
Мое-то много больше прочих будет;
Там, где считают сотнями, один -
Ничто, но от тебя-то не убудет!

Я – нолик на счету твоих побед,
Хоть должен быть нехилой единицей;
Считай, как хочешь, Уилл я, *Милл*, иль нет,
Пусть лишь твое желание продлится.

Чтоб ты меня до смерти не забыла,
Зови меня и впредь любимым *Миллом*

(перевод 2009 года)

Аналогично переводу 135 сонета (2013 года), 136 сонет также представляет собой акростих («Твой Вил Шекспир»), который в отличии от предыдущего, читается сверху вниз. Помимо этого, с целью создания юмористического эффекта, говорящий представлен в виде человека, страдающего дефектом речи. Это дало возможность ввести в текст каламбур, основанный на фамилии Шекспира – «Секспир» - «Секс пир», что представляется оправданным, учитывая общий смысл этого сонета 136.

136.

Твоя дуса тебя ругает, сто я
Восол, куда не просят, но тогда
Ответь – то на секс-пир, - не споря,
И на ухо тугая скажет – да!

Войду в тебя я несно, осторосно
И вмиг тебя заполню. Сем *они*,
Люблю тебя сильней, но сювства – лосны:
Соперников не ссесть, а я - один.

Единственный, я буду неустенным,
Как *бы* сам по себе – и ни при ком;
Сситай меня нелепым и зеленым,
Пусть сепеляв, но я с тобой знаком.

И будь для всех нас, как любовный пир,
Раз я твой пир – ведь я *твой Вил Секспир*.

(перевод 2013 года)

В заключении мы хотели бы подчеркнуть, что предлагаемая методика «перевыражения» - замены различных видов языковой игры как метода перевода может применяться не всегда, а лишь в том случае, когда применение других методов невозможно или нецелесообразно.

Сонеты Шекспира переводят сейчас многие - и профессиональные переводчики, и те, кто только стремится стать таковым. С большим количеством вариантов переводов любой желающий может познакомиться через Интернет. За последнее время значительно возросло количество людей, достаточно хорошо владеющих иностранными языками, любящих классическую мировую литературу, стремящимися не только читать ее произведения в подлиннике, но и желающих представить свой вариант перевода широко

известных произведений на суд других читателей. Станет ли результатом этого интереса появление нового перевода, который превзойдет работы предшественников, сможет ли кто-либо перевести сонеты Шекспира безупречно для всех категорий читателей и специалистов, покажет время.

Список литературы:

- Влахов С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М., 1980.
Гербель Н.В. Сонеты Шекспира в переводе Николая Гербеля. СПб., 1980.
Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
Лыков А.Г. Окказиональное слово как лексическая единица речи //(Современная русская лексикология - русское окказиональное слово). М., 1976
Маршак С.Я. У. Шекспир ПСС, т .8, М., «Искусство», 1960.
Микушевиц В.Б. William Shakespeare/ Sonnets. Перевод Владимира Микушевича. М., Водолей Publishers, 2004.
Моснянкина Е.И. и Спасова Р.А. Традиционные формы языковой игры и их стилистические особенности. // Русистика: язык, культура, перевод. Доклады юбилейной международной научной конференции, София, Восток-Запад, 2012, стр. 334.
Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 2002.
Стахеева А.В. Аббревиация: словопроизводство и словотворчество. Ростов-на-Дону, 2008.
Тимашова О.В. Затеиливые стихи о мужской дружбе. // Предисловие. Астрель. 2006
Трухтанов С.И. Новые переводы сонетов Шекспира. М., АСТ, 2006.
Трухтанов С.И. 555 – число ангела. Переводы сонетов В. Шекспира. // Рукопись. 2009
Трухтанов С.И. Вильям Шекспир. Сонеты. Перевод-триптих, М. Onebook.ru, 2019
Финкель А.М. «Шекспировские чтения». М., «Наука», 1976. п/р А.Т. Лифшица.
Фрадкин И.З. Вильям Шекспир. Сонеты. СПб., Deah, 2003/
Цонева Л.М. Языковая игра в современной публицистике. Велико Търново, 2000.
Большой энциклопедический словарь. В 2-х томах. Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1991-1992

Интернет-ресурс:

WWW.SHAKESPEARE.OUC.RU // сонет 135, сонет 136.

References:

- Fradkin I.Z.* Vil'yam Shekspir. Sonety. SPb., Deah, 2003/
Finkel' A.M. «Shekspirovskie chteniYA». М., «Nauka», 1976. p/r A.T. Lifshitsa.
Gerbel' N.V. Sonety Shekspira v perevode Nikolaya Gerbelya. SPb., 1980.
Lykov A.G. Okkazional'noe slovo kak leksicheskaya edinita rechi //(Sovremennaya russkaya leksikologiya - russkoe okkazional'noe slovo). М., 1976
Marshak S.Ya. U. Shekspir PSS, t .8, М., «IskusstvO», 1960.
Mikusheviya V.B. William Shakespeare/ Sonnets. Perevod Vladimira Mikushevicha. М., Vodolei Publishers, 2004.
Mosnyankina E.I. i Spasova R.A. Traditsionnye formy yazykovoi igry i ikh stilisticheskie osobennosti. // Rusistika: yazyk, kul'tura, perevod. Doklady yubileinoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sofiya, Vostok-Zapad, 2012, str. 334.
Sannikov V.Z. Russkii yazyk v zerkale yazykovoi igry. М., 2002.
Stakheeva A.V. Abbreviatsiya: slovoproizvodstvo i slovotvorchestvo. Rostov-na-Donu, 2008.
Timashova O.V. Zateilivye stikhi o muzhskoi druzhbe. // Predislovie. Astrel'. 2006
Trukhtanov S.I. Novye perevody sonetov Shekspira. М., AST, 2006.
Trukhtanov S.I. 555 – chislo angela. Perevody sonetov V. Shekspira. // Rukopis'. 2009
Trukhtanov S.I. Vil'yam Shekspir. Sonety. Perevod-triptikh, М. Onebook.ru,

2019

Tsoneva L.M. Yazykovaya igra v sovremennoi publitsistike. Veliko T"rnovo, 2000.

Vlakhov S.I., Florin S.P. Neperevodimoe v perevode. M.,1980.

Zemskaya E.A. Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'. M., 1992.

Bol'shoi ehntsiklopedicheskii slovar'. V 2-kh tomakh. Gl. red. A.M. Prokhorov. M., 1991-1992

Web resource:

WWW.SHAKESPEARE.OUC.RU // sonet 135, sonet 136.

Шапич Юлия Леонидовна
РЦНК «Русский дом»
г. Белград (Сербия)

Shapich Yulia
PCNK «Russkiy dom»
Belgrade (Serbia)

**ОБ АКТУАЛИЗАТОРЕ КАТЕГОРИИ
ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ «ЈЕДАН»
В ПЕРЕВОДЕ С СЕРБСКОГО НА РУССКИЙ**

**ACTUALIZATOR “JEDAN”
OF THE CATEGORY OF DEFINITENESS/INDEFINITENESS
IN TRANSLATION FROM SERBIAN TO RUSSIAN**

В работе рассматривается проблематика перевода с сербского на русский язык лексемы *један* как одного из языковых средств актуализации категории определенности/неопределенности. Лексема *један* может выполнять функцию детерминации, которая в артиклевых языках отводится неопределенному артиклю – например, введение в ситуацию нового предмета или явления. Однако, не являясь служебным словом, данная лексема в разной степени сохраняет оттенки значений численности и партитивности, а также служит для выражения некоторых прагматических смыслов. Связанные с переводом трудности представлены на корпусе текстов сербских исследований. Сопоставление сербских примеров и их русских эквивалентов направлено на поиск внутриязыковых и межъязыковых соответствий. Описание может послужить материалом для дальнейшего изучения категории определенности/неопределенности в славянских языках, а также для теории и практики перевода.

The paper deals with the problems of translating from Serbian into Russian the word *један* as one of the language tools for actualization the category of definiteness/indefiniteness. The *један* can fulfill the function of determination, which in the languages, having the category of articles, is assigned to the indefinite article – for example, the introduction of a new object or phenomenon into the situation. However, not being a service word, this lexeme preserves, to varying degrees, the nuances of numeral or part meanings, and it also expresses some pragmatic meanings. Translation-related difficulties are presented on the material of Serbian studies. Comparison of Serbian examples and their Russian equivalents is aimed at finding intralinguistic and interlinguistic correspondences. The description can be used as material for further study of the category of definiteness/indefiniteness in Slavic languages, as well as for the theory and practice of translation.

Ключевые слова: перевод, категория определенности/неопределенности, детерминатив, русский, сербский, *један*, *один*, сопоставительный.

Key words: translation, category of definiteness/indefiniteness, determiner, Russian, Serbian, *један*, *один*, comparative.

В эпоху глобализации обмен научным опытом не может быть осуществлен без перевода исследований на языки межкультурного общения. Переводчикам приходится преодолевать трудности при выборе средств выражения той или иной семантической категории даже при работе с близкородственными языками. При структурно-типологической схожести языковых систем сербского и русского языков их семантические категории характеризуются различной степенью дифференцированности языковых средств выражения категориальной семантики, различной адекватностью коммуникативным ситуациям и традициями употребления, а также специфическими особенностями,

касающимися некоторыми актуализаторами семантических категорий и требующих от переводчика более глубокого погружения в языковые системы.

Одной из таких категорий является семантическая (коммуникативная) категория *определенности/неопределенности*, а одним из ее актуализаторов – лексема *један* «один» в функции детерминации. Языковая категория определенности/неопределенности (О/Н), восходящая к когнитивной категории *известное/неизвестное*, в терминах А. В. Бондарко [Бондарко, 1992] может быть представлена как функционально-семантическое поле, которое ни в русском, ни в сербском языке не имеет грамматикализованного ядра, т.е. является, по словам Л. С. Бархударова, «неуточненной» [Бархударов, 1975, с. 151]. Ее семантические центры структурированы разноуровневыми языковыми средствами – лексическими, морфологическими, синтаксическими. Она тесно связана с понятиями референции и актуализации [Бондарко, 1992]. Лингвисты расходятся во мнениях по вопросу инвентаря и статуса средств выражения категории О/Н в различных языках, а также самого термина *детерминатив* (о детерминативах в сербском языке см. [Mrazovic, 2009; Тошковић, 2000] и др., обзор мнений российских и зарубежных лингвистов в грамматике [Бондарко, 1992], а также публикациях [Алексеева, 2009]), но в переводоведении этот термин определяется как дейктическое служебное слово (группа), выполняющее роль артикля [Толковый переводоведческий словарь, 2003].

Сербская лексема *један*, так же, как и русская *один*, может выражать значение неопределенности наряду с прилагательными и местоименными словами – *Жил один рыжий человек...* (рус. *какой-то, неизвестный*, серб. *неки*). Тем не менее, в каждом славянском языке – болгарском, македонском, сербском – семантические структуры словосочетаний с «один» имеют свои особенности [Николаева, 1979, с. 164]. Ряд примеров демонстрирует специфическое употребление данной лексемы в сербском языке – например, в названиях лингвистических работ³⁵: серб. *Једно лингвистичко питање – ?Один лингвистическиј вопрос; Један општи поглед на црногорске говоре – ?Один общиј вглед на черногорские говоры* или примеры из текстов³⁶: серб. *Шта је довело до настанка такве једне функције код човека? – Что привело к возникновению такой ~~одной~~ функции у человека?;* серб. *...Чији су радови изазвали читав један нови талас истраживања когниције... - ...Работы которого вызвали ~~одну~~ целую новую волну исследований когниции...;* серб: *Нашао се у једној средини какву је само пожелети могао... – Он okazaо се именованно в ~~одной~~/такой среде, какой мог только пожелать;* серб.: *Уместо да за предложак узме један*

³⁵ Подробнее примеры анализируются ниже вместе со ссылкой на источник.

³⁶ См. примеч. 1.

грчки Номоканон и преводе га... – Вместо того, чтобы взять в качестве образца ~~один~~/один из/какой-нибудь греческий Номоканон и перевести его... и др.

Детерминатив *један* в приведенных примерах выполняет функцию введения в коммуникативную ситуацию нового предмета или явления – функция, которую в артиклевых языках отводится неопределенному артиклю. На эту роль лексемы указывали и сербские лингвисты, одной из первых – Милка Ивич, заметившая также, что такое употребление *један* характерно для так называемых «интеллектуализированных» текстов [Ивић, 1971, с. 104, 106]. В названиях исследований на русском языке лексема *один* появляется менее частотно и в иной грамматической форме: *Об одном читательском восприятии «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина* (Ю.М. Лотман), а в большинстве случаев в виде *один из + мн.ч.* (в цитированном названии этому очевидно препятствовала неисчисляемость и непредметность существительного *восприятие*, ср. **одно из восприятий*) или полностью опускается, подразумеваясь в тексте, как подразумевается «один» в любой грамматической форме единственного числа.

Наименования сербских работ из цифрового репозитория «DAIS» [DAIS], Сербской Академии наук и искусств подтверждают частотность употребления данного «артиклеобразного элемента», как называет подобные единицы Т. М. Николаева [Николаева, 1979, с. 7-8]), в сербском языке в текстах научного стиля по теме филология: *Један прилог историји српске лексикографије* – Н. Ивановић 2017; *Један начин решавања проблема избора номинатора концепта у случају семантичког паралелизма* – М. Стефановић 2016; *Сеобе Милоша Црњанског: на путу између стварног и жељеног – један могући језички аспект* – С. Танасић, 2015; *Сакрална и профана топографија у парохији средњовековне Србије: нацрт за једно истраживање* – С. Бојанин 2013; *Темељи модерне српске синтаксе: Једно подсјећање на Ђуру Даничића* – С. Танасић 2009; *Један случај везе између значења глаголске лексеме и типа реченице у савременом српском језику* – С. Танасић, 2008; *Једно могуће читање Петријиног венца: књижевно дело као етнодијалекатски текст* – С. Милорадовић 2008; *Једна фонетска појава у говору плавско-гусињских муслимана* – Ћ. Драго, 2007; *Један спис о српској цркви у Коморану крајем XIX века* – Д. Стефановић 2006; *Један случај модалне употребе футура другог у говору Срба добојског краја* – С. Танасић, 2006; *Употреба надежних облика у говору Радимње и Параћинског Поморавља – једно поређење* - С. Милорадовић, 2006; *Уз један важан славистички јубилеј у Србији* – С. Милорадовић 2006; *Један поглед у топонимију Црне Горе* - А. Лома 2005; *О једном мање познатом придевском образовању (трагом Радосава Бошковића)* – А. Лома 2003; *Појмовне метафоре и семантика предлога: о једном апстрактном значењу предлога у с локативом* – Д. Кликовац, 2000; *Пејоративни називи за*

женску особу у једном народном говору – М. Радовић-Тешић, 2000; *Једно поређење истих или сродних глаголских лексичких јединица у бугарском језику и јужноморавском говору српског језика* – Р. Жугић 1996; *Једно ишчезло ваљевско село* – А. Лома, 1994; *Једна дијалекатска паралела* – А. Пецо, 1984 и др.

Среди вариантов передачи значений на русский язык, предлагаемыми самими авторами или переводчиками в названиях или резюме, преобладает формальный эквивалент *один* со значением «специфической неопределенности» «один из класса X» [Николаева, 1979, с. 9; 1979а; 247], чаще всего при сохранении прямого или косвенного падежа оригинала:

Једно подсећање на Ђуру Даничића – одно воспоминание о Джуро Даничиче; једно поређење глаголских лексичких јединица – одно сравнение глагольных лексических единиц; један случај модалне употребе футура другог – об одном случае употребления футура II; један тип безличне реченице с глаголом морати – один тип безличных предложений с глаголом морати; један проблем словенске синтагматике осветљен трансформационим методом – один вопрос славянской синтагматики в свете трансформационного метода; једно акценатско питање – один вопрос акцентологии; о једном типу редукованог инфинитива - об одном типе редуцированного инфинитива.

В некоторых случаях предлагается перевод с помощью синтаксемы *один из + мн. ч.*, а также нулевой перевод на месте детерминатива:

Један случај везе између значења глаголске лексеме и типа реченице – один из примеров связи..., Употреба падежних облика у говору Радимње и Параћинског Поморавља – једно поређење. – Употребу падежних форм в говоре Радимњи и Парачинског Поморавља – сравнение; Један општи поглед на црногорске говоре – Черногорские говоры (к проблеме их классификации и взаимоотношений с другими говорами); Један начин решавања проблема избора номинатора концепта у случају семантичког паралелизма / О проблеме выбора номинатора концепта в случае семантического паралелизма.

Передачу лексемы *један* с разной степенью ослабления значения эквивалентом *один / одна / одно* нельзя назвать необоснованной, особенно когда речь идет об исчисляемых, предметных или сравнительно компактных явлениях, ср. *Један тип Вуканова Јеванђељија* (В. Савић, 2019) – *Один лист (Об одном листе) Вуканова Евангелија*. Однако факт низкой частотности появления формы именительного падежа в русском лингвистическом корпусе говорит о том, что такая синтаксическая конструкция и не всегда типична в русском языке в аналогичных условиях, в отличие, скажем, от конструкции *один из + мн.ч.*: *Професионална реч как один из способов создания жаргона* (Л. А. Бессонова); *Один из подходов к рассмотрению электромагнитных явлений* (С. Л. Березницкий) и др. Известно,

что наличие указателя определенности или неопределенности в русском языке является факультативным (в отличие от, например, английского языка [Бархударов, 1975, с. 151, 180]). Конструкция *один из + мн.ч.* выражает значение партитивности и подразумевает существование единого целого (раздела, темы, вопроса), (одна) часть которого рассматривается в работе; причем форма множественного числа имплицитно также подразумевает существование и относительное равенство (по второстепенности по отношению к целому) других частей. В грамматике сербской конструкции *један + суш. ед.ч.* импликация множества и равенства частей целого скрыты. Кроме значения партитивности, лексема *один* в русском языке привносит также оттенок значения притяжательности: *один взгляд = мой взгляд*. Там, где речь идет о личном мнении автора, его взгляде, подходе, понимании, приеме и т. п., в русском языке обычно преобладают косвенные формулировки наподобие *к вопросу о.../ к проблеме... /о (чем-л.) ...* и т. п. без личностного начала, которое не приветствуется в научном стиле русского языка. Сербское *један* производит эффект анонсирования содержания, формального вступления, о чем говорит иногда добавляемая после двоеточия или в скобках конкретизация наименования (см. примеры выше). Можно лишь строить предположения о том, сложилась ли такая традиция в сербском языке под влиянием научной литературы на европейских языках с их личностным началом, или под влиянием категории артиклей европейских (*ein, un* и др.) или ареально близких балканских языков [Ђурић, 2019], или искать корни в лингвокультуре, – однако проблема перевода остается актуальной – буквализм несет с собой дополнительные оттенки, а адаптация меняет наименование текста – его визитную карточку, адаптируя его к русской традиции.

В самих текстах научных работ употребление детерминатива *један* в рассматриваемой функции не только превышает частотность русского коррелята, но и часто выглядит совершенно излишним в переводе. В качестве иллюстрации приведем примеры их двух книг – о древнесербской литературе *Светогорска баитина* [Шпадијер, 2014] и психологии развития *Їовек као animal symbolicum - razvoj simboliĉkih sposobnosti* [Ивић, 2015], а также их переводов на русский язык³⁷ [Шпадиер, 2015, пер. с серб. Ю.Л. Шапич; Ивич, 2016, пер. с серб. Ю. Шапич], которые здесь приводятся в узком контексте.

...Уобличава се једна светогорска традиција, не само монашка него и специфична књижевна... [ИШ: 11]	...Складывается одна афонская традиция – не только монашеская, но и особая литературная...
...Манастир Хиландар од свога оснивања па све до времена цара Душана био (је) једно релативно целовито средиште... [ИШ: 95]	...Монастырь Хиландар с момента основания до времен царя Душана был одним относительно цельным центром...

³⁷ Возможны незначительные модификации опубликованных переводов.

...Istraživanja R. Bajaržona... su izazvali čitav jedan novi talas istraživanja kognicije kod odojčadi [ИИ: 281].	...Исследования Р.Бейларжона вызвали целую <i>одну</i> новую волну исследований когниции у новорожденных.
...Ispitivanje ...pokazuje da se u tim uzrastima razvija jedan skup ponašanja gestovnog tipa koja imaju sve jasniju komunikativnu funkciju... [ИИ: 289]	...Исследования показывают, что в эти возрастные периоды развивается <i>одна</i> совокупность видов поведения жестового типа, имеющих все более ясную коммуникативную функцию.
Ta ponašanja uključuju razumevanje komunikativne namere partnera... i u tom smislu su jedan rani oblik ispoljavanja „teorije uma“ [ИИ: 291].	Эти виды поведения включают понимание коммуникативного намерения партнера... и в этом смысле являются <i>одной</i> ранней формой проявления «теории разума» (=одной из ранних).

Антецедентное положение детерминатива указывает, что далее последует определение – определительный оборот, подчиненное предложение или большой синтаксический фрагмент: *jedna tradicija, ne samo monaška...* «традиция (какая?) не только монашеская...», *jedan skup ponašanja koji...* «совокупность (какая?), которая...» и т. д. Детерминатив может явиться как в составе ремы, так и в составе темы [Гак, 2009, с. 24; Бархударов, 1975, с. 112-113, 197-198]. В любом случае он передает значения неопределенности, но его место может указывать на то, какая часть будет конкретизироваться [Тошović, 2000, с. 1246]: *В одном монастыре был обнаружен список...* (далее речь пойдет о списке); *Список был обнаружен в одном монастыре* (далее – о монастыре). Если рема не конкретизируется, автор, осознавая созданный эффект ожидания у читателя, оговаривается, что к этому он вернется позже. «Давление» раскрытия значения *jedan* заставляет автора порой оговариваться и тогда, когда детерминатив содержится в составе темы:

U jednom citatu koji će biti naveden kasnije kaže se, na primer, da suptilnije razumevanje drugih ljudi dugujemo jednoj vrsti specijalnih neurona... [ИИ: 266]	В одной цитате, которую приведем позже, говорится, например, что мы более тонко понимаем других благодаря особому виду нейронов...
--	--

В коммуникативную ситуацию может вводиться также новое лицо. Так же, как и предмет/явление, оно может сопровождаться маркером неопределенности *один*, но сопровождается не всегда. При переводе передаются не только основное референциальное значение и стилистические особенности текста, но, по возможности, и дополнительные, прагматические оттенки – *один критически настроенный автор говорит о...* («не будем называть, кто», функция игноратива по [Пипер, 2005, с. 936]; *один из критически настроенных авторов говорит о...* («не важно, кто именно» – функция индиффератива [Пипер, 2005, с. 937]).

...Пред нама се у светлости литерарних искустава XX века, где границе жанра постају врло растегљиве, а сама суштина из основа мења, појављује један нови Доментијан схваћен на сасвим другачији начин [ИШ: 48].	...Перед нами в свете литературного опыта XX века, где границы жанра становятся весьма растяжимыми, и сама его суть в корне меняется, предстает еднн новый Доментиан, понимаемый совсем по-другому.
Средину XIII века обележиће у Хиландару једна изузетна књижевна личност – јеромонах Доментијан [ИШ: 43].	Средину XIII века в Хиландаре обозначит одна исключительная личность – иеромонах Доментиан.
...Jedan kritički nastrojen autor govori čak o modernoj frenologiji... [ИИ: 266]	Один критически настроенный автор говорит даже о современной френологии...

Сам процесс определения тесно связан с референцией – сопоставлением новой информации с уже имеющимися знаниями собеседников. Процесс мысленного сопоставления, соотношения, сравнения, уподобления отражается соответствующими функциональными единицами русского языка: *такой; такой, как этот; подобный; наподобие; подобного рода; такого рода; некий* и т. д., а предметом мысленного сравнения может быть более общий предмет или прототип, например, *таква једна монашка заједница* «такая монашеская община, как эта»: то, что характерно для прототипа общины, будет характерно и для конкретно взятой (денотата). Формулировки с использованием детерминатива *један* имеют прагматичную направленность – они помогают автору оградиться от прямых утверждений, что также следует учитывать при переводе: ср. *манастир је био преводилачки центар...* «монастырь был переводческий центр» и *манастир је био један преводилачки центар...* «монастырь был как/наподобие/своеобразным переводческим центром». Такую же функцию могут иметь и некоторые вводные слова и выражения – *так сказать, будто бы, как бы, условно говоря...* и др., а поскольку сравнение подразумевает степени, то и *в некоторой степени, в определенной мере* и др.

...Живот на Светој Гори зна да буде непријатан и суров за оне који природом својом не могу да испуне строге захтеве једне такве монашке заједнице [ИШ: 49].	...Жизнь на Афоне может быть неприятна и сурова для тех, кто по своей природе не отвечает строгим требованиям едной (=этой; такой; такой, как эта...) монашеской общины
...Није искључено да се заматак замисли о настајању једне келије каква је била Карејска испосница... (која би у великој мери била посвећена управо књижевном раду) могла родити (код св. Саве) већ у руском манастиру [ИШ: 16].	...Не исключено, что замысел о создании едной келии, каковой стала Карейская келия (которая бы в большой степени посвящена именно литературной деятельности) мог зародиться (у св. Саввы) уже в русском монастыре (=такой, как...)

У једном релативно малом манастиру толики број списа указује на... преписивачки и преводилачки центар у коме су грчке књиге биле превођене на словенски језик [ИШ: 15].	В едном односително небольшом манастире такое количество рукописей указывает на ...переписческий и переводческий центр, где греческие книги переводились на сербский язык (=этом; таком, как этот; таком...)
Трудом инокa Исаије настао је први превод Псеудо-Дионисија на један, условно речено, народни језик [ИШ: 114].	Усилиями инокa Исаии выполнен первый перевод Псевдодионисия на еднн народный, условно говоря, язык.
Posebnu ulogu u tom procesu ima... internalizacija jednog socijalnog sistema kakav je jezički sistem... [ИИ: 357]	Особую роль в данном процессе играет... интернационализация едной такой социальной системы, как языковая...
...Odloženu imitaciju možemo tretirati kao jedan objektivni znak nekih drugih semiotičkih sredstava... [ИИ: 318]	...Отсроченную имитацию можно считать едним объективным знаком некоторых других семиотических средств...

В сербском языке маркеры категории О/Н могут оказаться рядом: *један такав, тај један*, что соответствовало бы русскому *какой-то такой*. Даже сама лексема *определенно* является показателем перехода от неопределенности к определенности, ср.: *Отсроченную имитацию можно определенно считать объективным знаком...* Одновременное употребление указательных и неопределенных местоимений лингвисты считают неудачными – так, сочетание *тај неки* расценивается И. Клайном как неверное [Пипер, 2005, с. 935]. Тем не менее, кажется объяснимым, что само изложение мысли сопровождается процессом, в ходе которого неопределенность превращается в определенность, сохраняя в тексте сигналы обоих полюсов, а фразы типа *какой-то такой* (правда, в разговорном языке) лишь передают процесс поиска и построения референции, т. е. выбора объекта для определения/сравнения. Кроме того, данная категория как полностью зависящая от референции может быть многослойной, и сочетание *тај неки* может подразумевать подчеркнутую неопределенность.

Детерминатив *један* в ряде случаев выражает неспецифическую неопределенность [Николаева, 1979, с. 9; 1979а, с. 247], приближаясь к русским эквивалентам *любой, вообще, какой-нибудь*:

Уз остало што је било важно за функционисање једнога манастира и одвијање богослужења, у њему су се свакако морали налазити неопходни литургијски списи... [ИШ: 17]	Кроме всего прочего, что было важно для функционирования едного монастыря и проведения богослужений, в нем должны были находиться необходимые литургические сочинения... (=любого, вообще).
Уместо да као предложак узме један грчки Номоканон и преведе га, он је урадио нешто друго [ИШ: 33].	Вместо того, чтобы взять за образец еднн греческий Номоканон и

	перевести его, он сделал по-другому (=какой-нибудь, любой, один из).
Могуће је да су Доментијан и Теодосије у једном дужем или краћем временском распону били савременици... [ИШ: 53]	Возможно, что Доментиан и Феодосий в одни /какой-то/определенный период времени были современниками...
Test se sastoji u tome što se deci prikazuje scena u kojoj jedan lik ...izlazi na scenu i jedan predmet stavlja u korpu pored koje se nalazi i jedna kutija [ИИ: 273].	Тест заключается в том, что детям показывают сцену, в которой одно/одно из/какое-нибудь действующее лицо ...выходит на сцену и кладет один/любой/какой-нибудь предмет в корзинку, рядом с которой помещается одна коробка.

В последнем примере *један предмет* обозначает «какой-нибудь/любой», в то время как *једна кутија* может обозначать и «одна», и «какая-то/некая», т. е. численное значение смешивается с неопределенным, причем, речь идет о специфической неопределенности. Так как аналогичное смешение может характеризовать слово *один*, такой перевод представляется наиболее оптимальным.

Детерминатив *један* достигает отношений формально-семантической эквивалентности с русским *один* и симбиоза с числительным *один* в некоторых нарративных конструкциях, которые в целом не характерны для научного стиля в связи с требованиями сжатости текста и неупотреблении художественных приемов (цитируемые тексты взяты из книг и не должны подчиняться требованиям сжатости; текст о литературе оправданно не лишен художественности):

У једном рукопису из манастира Светога Павла на Атосу помињао се монах Силуан као изузетан књижевник...[ИШ: 105]	В одной рукописи монастыря Святого Павла на Афоне упоминается монах Силуан как выдающийся литератор...
--	--

Такие нарративные художественные приемы в русском языке используются в других жанрах, например, жанре сказки – ср. *Жил-был один старик* и др.

Ограниченный объем работы не позволяет рассмотреть все заслуживающие внимания ситуации несимметричного с русским языком употребления сербского *један* в других стилях и жанрах, т. е. других коммуникативных ситуациях. За пределами статьи остаются конструкции *подржавати једно друго – поддерживать друг друга; на један или други начин – так или иначе; једним делом – частично; има једно пет страна – содержит примерно пять страниц; селаче један! – деревенщина!* и др.; а также ситуации опущения лексемы *један* в нумерической функции: *састанак у један – встреча в час*.

Таким образом, формальная схожесть лексем *један* и *один* в их нумерической функции и их частичное функциональное соответствие, с одной стороны, облегчают работу при переводе с сербского на русский, а с другой – создают почву для интерференции, опасной при переводе с близкородственных языков. Причиной этому может являться полуслужебный характер сербского знаменательного слова *један* вследствие ослабления у него лексического значения, в различной степени и в различных контекстуальных ситуациях. В процессе перевода приходится учитывать совокупность факторов, влияющих на выбор переводного эквивалента, а в первую очередь вычленять, является ли он актуализатором определенности/неопределенности или привносит некоторые оттенки значений (числа, посессивности, партитивности и др.), которые нередко выступают в симбиозе, а также учитывать структурные и стилистические особенности языков и прагматику текста. Лингвистические знания о «духе языка», т. е. о способах функционирования языковых систем, помогут добиться лучших результатов и повысить профессионализм и качество перевода.

Список литературы:

- Алексеева М.Е.* О проблеме детерминативов в контексте современных синтаксических теорий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13, вып. 1, СПб. 2009. с. 107-113.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Бондарко А.В.* [и др.] Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб.: Наука, 1992. 304 с.
- Гак В.Г.* Теория и практика перевода / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев. М.: Либроком, 2009. 456 с.
- Ивић Милка.* Лексема један и проблем неодређеног члана // Зборник за филологију и лингвистику, XIV/1. Нови Сад: 1971. с. 103-120.
- Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Наука, 1979. 368 с.
- Мурясов Р.З.* Категория неопределенности существительных в разноструктурных языках // Вестник Башкирского университета: филология и искусствоведение. Т. 21 № 3 (2016). с. 662-668.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь [электрон. ресурс]. М.: Флинта: Наука, 2003. Режим доступа: <http://www.academic.ru>.
- Николаева Т.М.* Словосочетания с лексемой «один». Форма, значения и их контекстная маркированность /Т.М. Николаева. Синтаксис текста. Москва: Наука, 1979а. с. 134-161.
- Пипер Предраг* [и др.] Референцијална одређеност и неодређеност / Предраг Пипер. Синтакса савременог српског језика: проста реченица; ур. Милка Ивић. Београд-Нови Сад: Институт за српски језик САНУ, Београдска књига, Матица српска, 2005. с. 915-947.
- Речник српског језика / Милица Вујанић [и др.] – измењено и поправљено издање. Нови Сад: Матица српска, 2011. 1561 с.
- Ђурић Лјубица.* Gramatikalizacija broja 'jedan' u srpskom kao balkanskoslovenskom jeziku u poređenju sa francuskim: arealna i tipološka perspektiva: doktorska disertacija. Beograd: Univerzitet u Beogradu, Filološki fakultet, 2019.
- Ivić Milka.* Srpsko jedan / bugarsko edin u ulozi određene predikatske imenice / Milka Ivić. O zelenom konju: novi lingvistički ogledi. Beograd: Slovoграф, 1995. с. 217-224.
- Mrazović Pavica.* Determinativi / P. Mrazović, Z. Vukadinović. Gramatika srpskog jezika za strance – 2. izdanje. Sremski Karlovci - Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2009. с. 286-304.

Tošović Branko. Prožimanje informativne i komunikativne perspektive rečenice // Јужнословенски филолог LVI (2000). с.1237-1255.

Источники:

- [ИИ] Ivić Ivan. Čovek kao animal symbolicum. Beograd: Zavod za udžbenike, 2015. 370 с.
Ивич Иван. Человек как animal symbolicum. Развитие символических способностей. Пер. с сербского Ю. Л. Шапич. Казань: ЦСГО, РОКС, РИЦ "Школа", 2016.
- [ИШ] Шпадијер Ирена. Светогорска баштина: Манастир Хиландар и стара српска књижевност. Београд: Чигоја штампа, 2014. 229 с.
Шпадиер Ирена. Афонское наследие. Пер. с сербского Ю. Л. Шапич. Белград 2015: Чигоја штампа, 2015. 242 с. 388 с.
- Електронни архив «DAIS» Сербской Академии наук и искусств (САНУ) [електрон. ресурс] <http://dais.sanu.ac.rs>, 10 03 2020 г.

References:

- Alekseeva M.E. O probleme determinativov v kontekste sovremennykh sintaksicheskikh teorii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 13, vyp. 1, SPb. 2009. P. 107–113 (In Russian).
- Barkhudarov L.S. Yazyk i perevod : Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 p. (In Russian).
- Bondarko A.V. [i dr.] Teoriya funktsional'noi grammatiki : Sub"ektnost'. Ob"ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost'/neopredelennost'. SPb.: Nauka, 1992. 304 p. (In Russian).
- Gak V.G. Teoriya i praktika perevoda / V.G. Gak, B.B. Grigor'ev. M.: Librokom, 2009. 456 p. (In Russian).
- Ivic Milka. Leksema jedan i problem neodredenog clana // Zbornik za filologiju i lingvistiku, XIV/1. Novi Sad: 1971. P. 103–120.
- Kategoriya opredelennosti–neopredelennosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh / otv. red. T.M. Nikolaeva. M.: Nauka, 1979. 368 p. (In Russian).
- Muryasov R.Z. Kategoriya neopredelennosti sushchestvitel'nykh v raznostrukturnykh yazykakh // Vestnik Bashkirskogo universiteta: filologiya i iskusstvovedenie. T. 21 № 3 (2016). P. 662–668 (In Russian).
- Nelyubin L.L. Tolkovi perevodovedcheskii slovar' [ehlektron. resurs]. M.: Flinta: Nauka, 2003. Rezhim dostupa: <http://www.academic.ru>.
- Nikolaeva T.M. Slovosochetaniya s leksemoi «odin». Forma, znacheniya i ikh kontekstnaya markirovannost' /T.M. Nikolaeva. Sintaksis teksta. Moskva: Nauka, 1979a. P. 134–161 (In Russian).
- Piper Predrag [i dr.] Referencijalna odredenost i neodredenost / Predrag Piper. Sintaksa savremenog srpskog jezika: prosta recenica ; ur. Milka Ivic. Beograd–Novi Sad: Institut za srpski jezik SANU, Beogradska knjiga, Matica srpska, 2005. P. 915–947.
- Recnik srpskoga jezika / Milica Vujanic [i dr.] Novi Sad: Matica srpska, 2011. 1561 p.
- Djuric Ljubica. Gramatikalizacija broja 'jedan' u srpskom kao balkanskoslovenskom jeziku u poredjenju sa francuskim: arealna i tipoloska perspektiva : doktorska disertacija. Beograd: Univerzitet u Beogradu, Filoloski fakultet, 2019.
- Ivic Milka. Srpsko jedan / bugarsko edin u ulozi odredjene predikatske imenice / Milka Ivic. O zelenom konju : novi lingvisticki ogledi. Beograd: Slovoграф, 1995. P. 217–224.
- Mrazovic Pavica. Determinativi / P. Mrazovic, Z.Vukadinovic. Gramatika srpskog jezika za strance – 2. izd. Sremski Karlovci – Novi Sad: Izdavacka knjizarnica Zorana Stojanovica, 2009. P. 286–304.
- Tosovic Branko. Prožimanje informativne i komunikativne perspektive recenice // Juzhnoslovenski filolog LVI (2000). P. 1237–1255.

Sources:

- [И] Ivić Ivan. Čovek kao animal symbolicum. Beograd: Zavod za udžbenike, 2015. 370 p.
- Ivić Ivan. Čelovek kak animal symbolicum. Razvitie simvolicheskikh sposobnostei. Per. s serbskogo Yu. L. Shapich. Kazan': TSSGO, ROKS, RIT “Shkola”, 2016. 388 с. (In Russian).
- [ИШ] Spadijer Irena. Svetogorska bastina : Manastir Hilandar i stara srpska knjizevnost. Beograd: Cigoja stampa, 2014. 229 p.

Shpadier Irena. Afonskoe nasledie. Per. s serbskogo Yu. L. Shapich. Belgrad 2015: Chigoja shtampa, 2015. 242 p. (In Russian).
Ehlektronnyi arkhiv «DAIS» Serbskoi Akademii nauk i iskusstv (SANU) [ehlektron. resurs]
<http://dais.sanu.ac.rs>, 10 03 2020 g.

Шмелев Алексей Дмитриевич
Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН
г. Москва (Россия)

Shmelev Alexei
Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow (Russia)

**ПЕРЕВОД КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА СЕМАНТИКИ
ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНЫХ СЛОВ: СТРАХ И ТРЕПЕТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В
СВЕТЕ ДАННЫХ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСОВ**

**TRANSLATION AS A TOOL FOR ANALYSIS OF LANGUAGE-SPECIFIC WORDS:
'FEAR' AND 'TREMBLING' IN RUSSIAN IN THE LIGHT OF THE DATA OF
PARALLEL CORPORA**

В статье представлены результаты контрастивного корпусного анализа, используемого для изучения специфических характеристик семантической системы русского языка («моноцентричное» использование параллельных корпусов). Отправной точкой анализа служит гипотеза, согласно которой переводные эквиваленты и парафразы языковой единицы могут быть использованы в качестве источника информации о ее семантике.

Исходной точкой исследования послужил предварительный список русских слов, выражающих семантику 'страха'. Для анализа был использован «челночный» метод, разработанный автором статьи и описанный в ряде предшествующих публикаций. Такой подход позволил обнаружить определенные закономерности, связанные с концептуализацией 'страха' в русском языке. Были выявлены разновидности 'страха', типичные симптомы страха, как они представлены в разных языках (выражение *дрожал от страха* иногда переводится как *paralyzed with fear* 'парализован страхом'), проведен анализ предложных конструкций (*от страха, со страха, из страха*).

This paper demonstrates the possibilities of contrastive corpus-based methods for studies of specific features of Russian semantic system. I part from the hypothesis that translation equivalents and paraphrases of a linguistic unit can be used as a source of information about semantics of the latter.

The starting point for the investigation is an ad hoc preliminary list of Russian 'fear' words. I used the "shuttle" method developed in my earlier publications. This approach revealed some regularities relating to the Russian linguistic conceptualization of 'fear': various types of 'fear', typical symptoms of fear (*дрожал от страха* is sometimes translated as *paralyzed with fear*), causative prepositional constructions (*от страха, со страха, из страха*).

Ключевые слова: семантика, перевод, параллельные корпусы, челночный метод.

Key words: semantics, translation, parallel corpora, shuttle method.

В статье представлены некоторые результаты «моноцентричного» контрастивного корпусного анализа, используемого для изучения специфических характеристик семантической системы русского языка. Анализ был проведен на основе параллельных подкорпусов (английского и французского) «Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Отправной точкой анализа была гипотеза, согласно которой переводные эквиваленты и парафразы языковой единицы могут быть использованы в качестве источника информации о ее семантике (эта гипотеза была высказана в статье [Шмелев, 2015]; ср. также [Anderman, 2008]).

Исходной точкой исследования послужил предварительный список русских слов, выражающих семантику «страха»: *бояться, опасаться, (ис)пугаться, (ис)пугать, страх,*

испуг, перепуг, ужас, боязнь, опасение, паника, жуть, тревога, трепет, страшный, ужасный, жуткий, пугливый, боязливый, страшиться, ужасаться, паниковать, тревожиться, трепетать и т. д. Для анализа был использован «челночный» метод, описанный в ряде моих предшествующих публикаций. Я сопоставлял русские слова, выражающие значение «страха» с их переводными английскими и французскими эквивалентами, а также смотрел, каким словам английского и французского оригинала соответствуют эти слова, когда они появляются в русских переводах. Таким образом я получил список английских и французских коррелятов русских слов со значением «страха». Далее та же процедура была применена к полученному списку английских и французских слов со значением «страха». Такой подход позволил обнаружить определенные закономерности, связанные с концептуализацией «страха» в русском языке, проверить, уточнить или опровергнуть утверждения, сформулированные без привлечения материала параллельных корпусов. В настоящей статье нет никакой возможности сколько-нибудь подробно изложить результаты проведенного исследования. В частности, в результате удалось уточнить классификацию разных видов «страха», выбор предлога в предложно-падежных конструкциях (*от страха, со страха, из страха, с перепугу, от испуга, из опасения*). Обнаружены определенные межъязыковые различия в том, как воспринимаются типичные симптомы страха. Остановлюсь на этом чуть подробнее. И в русском, и в английском языках симптомами страха могут быть как дрожь (*трястись от страха, дрожать от страха*), так и неспособность к движению (*остолбенеть от страха, замереть от страха*). Однако в русских текстах в качестве симптома страха чаще фигурирует дрожь, а в английских текстах – неспособность к движению. Не случайно иногда упоминание неспособности к движению в английском оригинале русские переводчики передают не буквально (парализован страхом), а при помощи указания на дрожь. Ср. примеры из НКРЯ:

They [one bank president after another] were *paralyzed with fear*... – Директора *дрожали от страха*... (здесь и далее выделение в примерах мое — А. Ш.) [Джек Лондон. Время-не-ждет (В. Топер, 1956)]

Not *paralyzed with fear* like the old days when a mere cell phone ring was enough to cause my heart to flip-flop... – Не *тряслась от страха*, как прежде, когда от простого телефонного звонка у меня все внутри переворачивалось... [Лорен Вайсбергер. Дьявол носит Прада (М. Маяков, Т. Шабаетова, 2006)]

В дальнейшем я ограничусь лишь отдельными любопытными наблюдениями относительно русских слов *бояться, страшный* и *ужас* в параллельных подкорпусах НКРЯ и лишь английским подкорпусом, не привлекая материал французского подкорпуса.

Словам разных языков, выражающим значение «страха», посвящена необъятная литература. Из работ, созданных в докорпусную эпоху и посвященных русским словам *бояться* и *страх* и их синонимам, можно упомянуть, напр., [Зализняк, 1983; Иорданская, 1984аб; Кибрик, 1987; Апресян, 1997; Урысон, 1997]. Что же добавляет к сделанным в этих работах наблюдениям материал, полученный при помощи параллельных корпусов? Чтобы ответить на этот вопрос, кратко изложим некоторые выводы, к которым пришли их авторы на основе проведенного ими анализа.

В статье [Зализняк, 1983] у глагола *бояться* с одушевленным субъектом различаются два типа употребления, обозначенные как *бояться 1* (*Она боится сдавать экзамен*) и *бояться 2* (*Она боится не сдать экзамен / провалиться на экзамене*). (Кроме того, можно выделить значение *бояться 3*, реализуемое при неодушевленном субъекте: *Эти растения боятся мороза*.) Основное различие между *бояться 1* и *бояться 2* сводится к различию в распределении семантических компонентов между пресуппозитивной и ассертивной частью значения. Именно, в глаголе *бояться 1* субъект думает о некотором высоковероятном событии и испытывает по его поводу отрицательные эмоции, а в глаголе *бояться 2* субъект думает о некотором отрицательно оцениваемом событии и считает его высоковероятным. В первом случае в фокусе внимание оказывается отрицательная эмоция (страх), во втором речь идет скорее о состоянии ума, которое может и не сопровождаться эмоцией, особенно при ослабленном употреблении (как в предложении *Боюсь, ничем не могу вам помочь*). Различие двух типов употреблений ярко проявляется во взаимодействии с отрицанием или со словом *напрасно*. Так, *Она не боится сдавать экзамен* означает, что субъект не испытывает чувства страха в связи с предстоящим экзаменом (не отрицается то, что он будет его сдавать, т. е. то, что выражено подчиненным инфинитивом), тогда как *Она не боится провалиться на экзамене* означает, что субъект уверен, что успешно сдаст экзамен (не *провалится*), т. е. отрицается как раз то, что выражено подчиненным инфинитивом. Соответственно, *ты напрасно боялась* при понимании *бояться 1* означает, что событие, внушавшее адресату речи страх, произошло, но ни к чему плохому не привело, а при понимании *бояться 2* – что то, что адресат считал высоко вероятным, не произошло.

Языковое оформление объекта при *бояться 1* и *бояться 2* в русском языке несколько различно. Если дополнение выражено глаголом несовершенного вида, то понимание всегда *бояться 1*, напр. *Она боится идти к зубному врачу*; при этом речь идет о действии, контролируемом субъектом. Если дополнение выражено глаголом совершенного вида, то, как правило, понимание – *бояться 2*. Такое распределение обусловлено тем, что вид подчиненного инфинитива коррелирует с признаком контролируемости: несовершенный вид предполагает, что субъект совершит некоторое контролируемое

действие, тогда как несовершенный вид используется для описания ситуаций, не контролируемых субъектом. Лишь при некоторых, немногочисленных глаголах совершенного вида, таких, как *подойти*, понимание – *бояться 1*, напр. *Она боится подойти к нему*; при этом, вопреки общей закономерности, глагол обозначает контролируемое действие. Если дополнение выражено придаточным изъяснительным, то имеет место понимание *бояться 2*, напр. *Она боится, что не сдаст экзамен*. Если дополнение выражено существительным, соотносящимся с единичным предметом (*бояться начальника*), классом предметов или ситуаций (*бояться мышей; бояться грозы*), то имеет место понимание *бояться 1*; при этом подлинным источником страха служит некоторый класс возможных ситуаций, непосредственно связанных с формально-грамматическим объектом (эта непосредственная связь составляет пресуппозицию): субъект исходит из того, что они могут реализоваться и, если они реализуются, это плохо, и чувствует по этому поводу нечто плохое (сообщение об этом чувстве составляет ассерцию). Если дополнение выражено существительным, соотносящимся с некоторым вероятным событием, то понимание определяется прагматическими факторами: в предложении *Она боится экзамена* глагол *бояться* естественное понимание – *бояться 1* (ассерция – ‘чувствует нечто плохое в связи с предстоящим экзаменом’ а в предложении *Она боится провала на экзамене* – *бояться 2* (ассерция – ‘считает вероятным провал на экзамене’). В каких-то (не очень частых) случаях может возникнуть неоднозначность: *Я боюсь его приезда* может означать как то, что говорящий, считающий приезд высоковероятным, сообщает, что испытывает по его поводу чувство страха, так и то, что говорящий, исходящий из нежелательности приезда, сообщает, что считает его высоковероятным.

В английском языке две разновидности оборота *to be afraid*, соответствующие прочтениям *бояться 1* и *бояться 2* с инфинитивом, различаются управлением. Приведем комментарий «Словаря типичных ошибок английского языка» [Хитон, 1991, с. 6]:

be afraid to do something = be unwilling to do something because you are frightened:
“She was afraid to eat it in case it was poisonous.”

be afraid of doing something = be worried or anxious about something which might happen

При этом сам факт включения соответствующей информации в «словарь типичных ошибок» показывает, что указанное распределение часто не соблюдается носителями английского языка. В качестве примера типичной ошибки словарь приводит высказывание *The road to the airport was very busy and we were afraid to miss the plane* вместо правильного *The road to the airport was very busy and we were afraid of missing the plane*. Тем самым мы видим, что использование конструкции *be afraid to do something* в значении ‘be worried or

anxious about something which might happen' считается «типичной ошибкой» (*common error*), т. е. вполне распространено в речи.

Характерной чертой английских речевых стратегий принято считать использование оборота *I am afraid* в тех случаях, когда говорящий сообщает, что какие-то надежды адресата не могут оправдаться, напр. *I am afraid I cannot help you* 'Боюсь, не могу вам ничем помочь'. Говорящий смягчает утверждение о невозможности оправдать надежды, сообщая только, что высока вероятность того, что надежды не будут оправданы, и одновременно демонстрируя эмпатию к адресату, поскольку включает в высказывание пресуппозицию, что это плохо.

В русской речи такие стратегии тоже используются. В словарной статье глагола *бояться* в «Активном словаре русского языка» в комментарии к значению *бояться 1.1*, в котором объединены значения *бояться 1* и *бояться 2* приведенного выше описания³⁸, указано, что имеются ослабленные употребления в первом лице единственного числа в следующих значениях: (1) 'считать наступление или существование нежелательной ситуации вероятным' (*Боюсь, он не сдаст экзамен; Боюсь, я ее обидел*)³⁹; (2) 'сожалеть о том, что имеет место нежелательная ситуация' (*Боюсь, я ничем не могу Вам помочь*) [Апресян, 2014, с. 336]⁴⁰. Соответствующая конструкция часто используется в переводах с английского языка – ср. пример из русско-английского параллельного подкорпуса НКРЯ:

"I'm afraid I disagree with you," he told Pearson politely. — Боюсь, что я с вами не согласен, — вежливо возразил он Пирсону. [Артур Хейли. Окончательный диагноз (Н. Кузнецова, Д. Мишне, Т. Николаева, Т. Пельц, 1980)]

Возникает вопрос: действительно ли эта стратегия в большей степени характерна для английской, чем для русской речи?

Если мы обратимся к англо-русскому подкорпусу НКРЯ, то обнаружится, что русские переводчики нередко реконструируют эту стратегию, когда в английском

³⁸ Этому значению дается такое толкование: *A1 боится A2* 'Человек A1 испытывает неприятное чувство, какое бывает, когда он думает, что от контакта с объектом A2 или в ситуации A2, которую он не может контролировать, с ним может произойти что-то плохое, и когда он хочет избежать A2' [Апресян 2014: 336]. Толкование в большей степени ориентировано на понимание *бояться 1*, но и по отношению к нему оно не вполне точное: оно не охватывает тех случаев, когда субъект контролирует ситуацию A2, но не может контролировать ее последствия, напр. *Я (A1) боюсь пить (A2) это вино, потому что оно может быть отравлено* – очевидно, что субъект выбирает пить или не пить вино, но он не может контролировать его возможную отравленность. Наряду со значением *бояться 1.1*, в указанном словаре выделяется значение *бояться 1.2* (*бояться за кого-то*) и значение *бояться 2*, соответствующее значению *бояться 3* по приведенной выше нумерации.

³⁹ Легко видеть, что этот тип «ослабленного употребления» вполне укладывается в приведенное выше описание понимания *бояться 2*.

⁴⁰ Строго говоря, этот тип «ослабленного употребления» жестко не привязан к форме первого лица единственного числа. В частности, очевидно, что он возникает при передаче косвенной речи в третьем лице, напр. *А что он написал? – Он боится, что ничем не может помочь.*

оригинале нет непосредственного стимула, указывающего на нее (часто говорится нечто вроде «думаю», но, как правило, говорящий располагает достоверным знанием, что обсуждаемая ситуация имеет место). Из огромного множества примеров приведем лишь несколько:

I cannot quite agree with you there. — Боюсь, наши взгляды в этом отношении слегка расходятся. [Джейн Остин. Гордость и предубеждение (И. С. Маршак, 1967)]

“I don't believe I quite understand,” replied Clyde... — Боюсь, что я не совсем понимаю вас, — ответил Клайд... [Теодор Драйзер. Американская трагедия (ч. 1-2) (Нора Галь, З. Вершинина, 1948)]

I think I've made my bed, I'll just have to lie in it now. — Боюсь, я уже застелила себе постель, и теперь мне остается лишь лежать на ней. [Хелен Филдинг. Дневник Бриджит Джонс (А. Москвичева, 2000)]

I'm sorry to tell you that Miranda's not in yet. — Боюсь, Миранды еще нет. [Лорен Вайсбергер. Дьявол носит Прада (М. Маяков, Т. Шабаева, 2006)]

Actually, I think I'd like to use the rest room. — Боюсь, мне надо посетить туалет. [Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

I've got some bad news. — Боюсь, у нас плохие новости. [Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

Правда, иногда включение в перевод конструкции *боюсь, что* при отсутствии непосредственного стимула для *бояться* в оригинале может быть оправдано тем, что говорящий действительно испытывает страх. Так в переводе диалога из повести Лемони Сникета «Кровожадный карнавал» мы могли бы видеть «ослабленное употребление» глагола *бояться* без малейшего указания на чувство страха (в оригинале нет глагола со значением ‘бояться’):

“Is there anything else you can invent from that fan belt that can help us?” “I don't think so,” — А ты можешь изобрести еще что-нибудь полезное из приводного ремня? — Боюсь, что нет.

Но из более широкого контекста видно, что Вайолет испытывала сильное чувство страха:

“Is there anything else you can invent from that fan belt that can help us?” “I don't think so, Violet replied, her voice faint with fear.” — А ты можешь изобрести еще что-нибудь полезное из приводного ремня? — Боюсь, что нет, — ответила Вайолет упавшим от страха голосом. [Лемони Сникет. Кровожадный карнавал (Н. Рахманова, 2005)]

Ср. также диалог из *Alice's Adventures in Wonderland* в переводе Н. Демуровой:

“<...> I vote the young lady tells us a story.” “I'm afraid I don't know one,” said Alice,

rather alarmed at the proposal. — ...Я предлагаю: пусть барышня расскажет нам сказку. — Боюсь, что я ничего не знаю, — испугалась Алиса. [Льюис Кэррол. Приключения Алисы в Стране чудес (Н. Демурова, 1967)]

Тем не менее, как кажется, приведенные данные свидетельствуют, что рассматриваемая речевая стратегия характерна для русской речи не в меньшей степени, нежели для английской.

Коснемся также конструкций, когда глаголу со значением 'бояться' подчинена нефинитная глагольная форма (в этом случае как в русском, так и в английском языке субъект установки 'бояться' совпадает с субъектом данной глагольной формы). В соответствии с приведенным выше описанием в русском языке инфинитив несовершенного вида может быть подчинен глаголу *бояться 1*, а инфинитив совершенного вида – глаголу *бояться 2*, за исключением ограниченного числа глаголов совершенного вида, инфинитив которых может употребляться и при *бояться 1*, и при *бояться 2*. В соответствии с нормами английского языка значение 'бояться 1' используется в конструкции с *to+Inf*, а 'бояться 2' – в конструкции с *of+V-ing*. Тем самым можно было бы ожидать, что переводными соответствиями для конструкций с *to+Inf* в большинстве случаев будут конструкции с глаголами несовершенного вида, а для конструкций с *of+V-ing* – конструкции с глаголами совершенного вида.

Что же нам демонстрируют данные НКРЯ? Выясняется, что в большинстве случаев указанное соответствие действительно имеет место. Отклонения от него чаще всего бывают связаны или с тем, что автор английского текста не соблюдает нормы, предписываемые справочником [Хитон, 1991], или с тем, что подчиненный русский инфинитив относится к ограниченному классу глаголов совершенного вида, способных употребляться в контексте *бояться 1*. В последнем случае выбор вида определяется особыми факторами, не сводимыми к различию *бояться 1* и *бояться 2*. Приведем пример, когда один и тот же переводчик в пределах одного текста выбирает то совершенный, то несовершенный вид:

"I daren't come and drink," said Jill. — Я боюсь подойти, — созналась Джил. [Клайв Стейплз Льюис. Хроники Нарнии. Серебряное кресло (Г. А. Островская, 1991)]

I wouldn't dare go near them. — Я боюсь даже подходить к этому месту. [Клайв Стейплз Льюис. Хроники Нарнии. Серебряное кресло (Г. А. Островская, 1991)]

На фоне данных, представленных в переводных текстах, особенно заметны лакуны в словарных описаниях. Коснемся лакуны в описании прилагательного *страшный*. В Малом академическом словаре [Евгеньева, 1984] у этого слова выделяются три значения, и у каждого из них различаются «оттенки значения», при этом все значения прямо или косвенно восходят к эмоции страха (разговорное значение 'очень сильный или очень

большой’ – *страшная боль* – связано со значением страха регулярным семантическим переходом).

Примерно так же описано данное слово в «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова [Кузнецов, 2014], только значений в нем выделено не три, а пять, но это обусловлено тем, что некоторые оттенки значения, выделенные в словаре [Евгеньева, 1984], представлены в нем как самостоятельные значения.

Представляется удивительным, что ни в том, ни в другом словаре не учтено значение ‘способный причинить ущерб’, которое реализуется в краткой форме в контексте эксплицитного или подразумеваемого отрицания, как в песенке на слова А. Кронгауза и М. Львовского:

Ни мороз мне не страшен, ни жара.

Удивляются даже доктора,

Почему я не болею,

Почему я здоровее

Всех ребят из нашего двора.

Особенно очевидно, что ни о каком «страхе» речи не идет, когда в дательном падеже стоит обозначение неодушевленного объекта, как в многочисленных примерах из основного подкорпуса НКРЯ, из которых приведем лишь несколько:

Теперь кораблю не страшны волны Внешнего моря. [Василий Ян. Финикийский корабль (1931)]

Капусте не страшны сейчас блошки... [Н. Н. Плавильщиков. Календарь природы. Август // «Юный натуралист», 1956]

Кто не знает, что холере не страшны надолбы и противотанковые рвы? [В. А. Каверин. Открытая книга (1949-1956)]

При такой кладке грузу не страшны никакие штормы. [Н. Галимон. Для английских шахт // «Огонек». № 15, 1956]

Современным курткам не страшен ни мороз, ни дождь [Алла Добровольская. Наследники тулупа. Современным курткам не страшен ни мороз, ни дождь (2001) // «Известия», 2001.11.22]

Благодаря применению особых пигментов макияжу не страшны дождь и снег... [Приятные хлопоты ради красоты все что нужно — под рукой! // «Даша», 2003]

Обнаружить эту лакуну в словарных описаниях можно без использования данных, представленных в переводных текстах. Однако некоторые примеры из переводных текстов свидетельствует об этой лакуне особенно наглядно. Так, в следующем примере английский

оригинал ясно свидетельствует, что *не страшен* указывает не на отсутствие чувства страха, а на отсутствие опасности, напр.:

...in the darkness, where you were safe even from the telescreen so long as you kept silent... — ...в темноте даже телекран не страшен, если молчишь... [Джордж Оруэлл. 1984 (В. Голышев, 1989)]

Интересный семантический сдвиг можно наблюдать в том, как Сергей Михалков передал фразу из песенки трех поросят из одноименной сказки. В оригинальном английском тексте говорится: *Who's afraid of the big bad wolf?* Риторический вопрос имплицитно означает: 'Мы не боимся большого злого волка'. В русском переводе эта фраза звучит как *Нам не страшен серый волк*. Если верить словарным описаниям, *нам не страшен* и должно означать 'мы не боимся'; однако естественное понимание этой фразы несколько иное: 'волк не может причинить нам вреда'. Это естественное понимание поддерживается и другой фразой из той же песенки, в которой совершенно очевидно, что речь идет именно об отсутствии возможности ущерба (в английском оригинале для нее нет непосредственного соответствия):

У меня хороший дом,
Новый дом, прочный дом.
Мне не страшен дождь и гром...

Наконец, коснемся случая, когда слово со значением 'страха' играет текстообразующую роль в художественном произведении. Речь пойдет о романе «Преступление и наказание» (далее – ПиН), в котором, как показал В. Н. Топоров, одним из ключевых слов оказывается слово *ужас*⁴¹. При передаче ключевых слов какого-либо произведения в переводе возможны две стратегии: контекстно-смысловая и стратегия конкорданса. Перевод ПиН, выполненный Констанс Гарнетт и включенный в НКРЯ, представляет собою пример контекстно-смысловой стратегии перевода; к переводчикам, придерживающимся стратегии конкорданса при передаче ключевых слов переводимого произведения, относятся Р. Певеар и Л. Волохонская. Разница между указанными стратегиями может быть продемонстрирована на примере передачи слова *тоска* – еще одного ключевого слова ПиН⁴². Слово *тоска* используется в романе 22 раза; К. Гарнетт использует в качестве переводного соответствия разные английские слова. Самое частое соответствие в ее переводе – слово *misery* (5 раз из 22), но остальные 17 раз она использует другие соответствия: *wretchedness, anguish, dismay, depression, dejection, distress, agony, restlessness, misgivings*. Стратегия Р. Певеара и Л. Волохонской ясно видна на примере их перевода

⁴¹ «“Ужас”, “ужасный” и под. отмечены в “Пр. и наказ.” около полутора раза» [Топоров, 1973, с. 100].

⁴² О роли слова *тоска* для поэтики «Преступления и наказания» см. [Топоров, 1973, с. 100].

романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», который, как и перевод ПиН, выполненный Гарнетт, включен в НКРЯ. Слово *тоска* является одним из ключевых слов этого романа (оно встречается в нем 17 раз), и переводчики, в соответствии со стратегией конкорданса, последовательно передают его как *anguish* (15 раз из 17) несмотря на то, что в некоторых случаях смысл ощутимо сдвигается. В переводе ПиН (пока отсутствующем в НКРЯ) Певеар и Волохонская также стремятся передавать единообразно слово *тоска* они (стандартное выбираемое ими соответствие опять-таки *anguish*). Выбранная ими стратегия позволяет передать нагнетание тоски, характерное для ПиН; при этом каждое отдельное вхождение слова *тоска* переведено с некоторым семантическим сдвигом. При этом часто *тоска* соседствует со словом *тесный*, а *ужас* со словами *узкий* и *угол* (просто звуковое сближение или народная этимология?). (Примечательно, что английское *anguish* этимологически родственно русскому слову *узкий*, а также словам *angst*, *anxiety* и *anger*.)

Мы можем ожидать, что точно такое же различие стратегий будет характерно и для передачи слова *ужас*, которое встречается в ПиН 44 раза (считая за один раз повтор фразы *Еще бы это не ужас! Еще бы не ужас, что ты живешь в этой грязи, которую так ненавидишь...*), из которых в одном случае это просто интенсификатор⁴³: *...пусть пройдет, воздухом хоть подышит... ужас у него душно... а где тут воздухом-то дышать?* Но, хотя Констанс Гарнетт в целом следует контекстно-смысловой стратегии, используемые ей способы передачи слова *ужас* не очень разнообразны. Из 43 употреблений в тексте ПиН слова *ужас* в основном значении более чем в половине случаев (23 раза) она использует в качестве эквивалента слово *horror*, 11 раз – *terror*, еще семь раз используются различные переводы (каждый по одному разу), в том числе образованные от тех же корней (*horrified*, *terrified*, *terrible*), и два раза слово *ужас* оставлено без соответствия. При этом Гарнетт, кажется, не всегда правильно понимает русский текст. Напр., в ПиН есть такие два отрывка:

(1) Он проснулся весь в поту, с мокрыми от поту волосами, задыхаясь, и приподнялся в ужасе.

(2) В ужасе приподнялся он и сел на своей постели, каждое мгновение замирая и мучаясь.

А вот переводы Гарнетт:

(1) He waked up, gasping for breath, his hair soaked with perspiration, and *stood up in terror*.

(2) *In terror he sat up* in bed, almost swooning with agony.

⁴³ Впрочем, связь с тесным, узким пространством выражена вполне явно.

Во втором случае эксплицитно сказано, что Раскольников *сел на постели*, и Гарнетт переводит *приподнялся* как *sat up*. А в первом этого не говорится, и она переводит *приподнялся* как *stood up*, хотя, кажется, ясно, что Раскольников не вставал: перед этим рассказывалось, как он заснул на траве, а после этого – *Слава Богу, это только сон! — сказал он, садясь под деревом и глубоко переводя дыхание*. А потом рассказывается, как он встал.

У Певеара и Волохонской в целом перевод точнее, и для слова *ужас* они даже не злоупотребляют стратегией конкорданса (впрочем, у них *horror* используется чаще всего, еще чаще, чем у Гарнетт). Нередко их решение и решение Гарнетт в отношении распределения *horror* и *terror* в переводе совпадают. Обычно в английском языке *terror* выбирается, когда имеет место непосредственно грозящая и часто трудно объяснимая опасность; тогда как *horror* совмещает чувство сильного страха (причем не обязательно это страх за себя) и чувство отвращения [Апресян, 1979, с. 176]. Примеры переводов ПИИ подтверждают эти наблюдения. Не случайно и Гарнетт, и Певеар и Волохонская используют одни и те же обороты (*horror and loathing* в первом отрывке и *loathing and horror* – во втором) для перевода следующих фраз:

... очень может быть, что он бросил бы всё и тотчас пошел бы сам на себя объявить, и не от страха даже за себя, а от одного только *ужаса и отвращения* к тому, что он сделал.

...тотчас же и сдернул его *с отвращением и ужасом*.

Созвучие со словом *узкий* в обоих переводах почти утрачивается – почти, поскольку некоторое отдаленное сходство со словом *narrow* (два слога и два *r* в середине) и у *horror*, и у *terror* все же имеется. Но общее ощущение обеих разновидностей ужаса: иррационального страха перед неизвестным (*terror*) и сильнейшего страха пред чем-то отвратительным (*horror*) – вполне передается.

Итак, хотя какие-то утраты в переводе неизбежны, жертвуя чем-то небольшим переводчик может передать главное. Изучение переводных текстов на фоне оригиналов особенно полезно для выявления нетривиальных особенностей языка перевода. Традиционно в российской лингвистике в качестве языковых данных было принято использовать материал оригинальных текстов на русском языке, а также искусственные примеры, специально сконструированные носителями языка (чаще всего – самим исследователем). К примерам из переводных текстов принято было относиться с некоторым пренебрежением. И лишь в последние годы стало осознаваться, что выявление в оригинальных текстах стимулов, побуждающих переводчиков использовать те или иные слова языка перевода, позволяет верифицировать описание этих слов, полученное без использования переводных текстов и параллельных корпусов.

Список литературы:

- Апресян Ю.Д.* Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян. М.: Русский язык, 1979. 544 с.
- Апресян В.Ю.* Бояться / В. Ю. Апресян // Активный словарь русского языка. Т. 1. М., 2014. С. 336-337.
- Апресян В.Ю.* Бояться 1, пугаться, страшиться, опасаться, трусить, дрейфить, робеть, трепетать 2, дрожать 2, трястись 2 / В. Ю. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997. С. 15-20.
- Евгеньева А.П.* (ред.) Словарь русского языка. Т. 4 / Гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1984.
- Зализняк А.А.* Семантика глагола *бояться* в русском языке / Анна А. Зализняк // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 1. С. 59-66.
- Иорданская Л.Н.* Бояться / Л. Н. Иорданская // Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984а. С. 158-162.
- Иорданская Л.Н.* Страх 1 / Л. Н. Иорданская // Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. Вена, 1984б. С. 806-814.
- Кибрик А.Е.* Семантика и синтаксис глаголов ХОТЕТЬ и БОЯТЬСЯ / А. Е. Кибрик // Пропозициональные предикаты в логическом и лингвистическом аспекте. Тезисы докладов рабочего совещания. М.: 1987. С. 56-59.
- Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. Авторская редакция 2014 (<http://gramota.ru/slovari/info/bts/>) [первое издание: СПб.: Норинт, 1998].
- Топоров В.Н.* Поэтика Достоевского и архаичные схемы мифологического мышления («Преступление и наказание») / В. Н. Топоров // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск: Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, 1970, 91-109.
- Урысон Е.В.* Страх 1, боязнь, испуг, ужас 1, паника / Е. В. Урысон // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1. М., 1997. С. 406-412.
- Хитон Дж. Б.* Словарь типичных ошибок английского языка / Дж. Б. Хитон, Н. Д. Тэртон. М.: Русский язык, 1991. [Переиздание словаря: Heaton J. B., Turton N. D. Longman dictionary of common errors: Longman, 1987.]
- Anderman G.* Incorporating Corpora: The Linguist and the Translator / Ed. by G. Anderman and M. Rogers. Clevedon/Buffalo/Toronto: Multilingual Matters Ltd, 2008.

References:

- Anderman G.* Incorporating Corpora: The Linguist and the Translator / Ed. by G. Anderman and M. Rogers. Clevedon/Buffalo/Toronto: Multilingual Matters Ltd, 2008.
- Apresyan Yu.D.* Anglo-russkii sinonimicheskii slovar' / Yu. D. Apresyan. M.: Russkii yazyk, 1979. 544 s.
- Apresyan V.Yu.* Boyat'sya / V. Yu. Apresyan // Aktivnyi slovar' russkogo yazyka. T. 1. M., 2014. S. 336-337.
- Apresyan V.Yu.* Boyat'sya 1, pugat'sya, strashit'sya, opasat'sya, trusit', dreifit', robet', trepetat' 2, drozhat' 2, tryastis' 2 V. Yu. Apresyan // Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka. Vyp. 1. M., 1997. S. 15-20.
- Evgen'eva A.P.* (red.) Slovar' russkogo yazyka. T. 4 / Gl. red. A. P. Evgen'eva. M.: Russkii yazyk, 1984.
- Iordanskaya L.N.* Boyat'sya / L. N. Iordanskaya // Mel'chuk I. A., Zholkovskii A. K. Tolkovo-kombinatornyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Opyty semantiko-sintaksicheskogo opisaniya russkoi leksiki. Vena, 1984a. S. 158-162.
- Iordanskaya L.N.* Strakh 1 / L. N. Iordanskaya // Mel'chuk I. A., Zholkovskii A. K. Tolkovo-kombinatornyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka. Opyty semantiko-sintaksicheskogo opisaniya russkoi leksiki. Vena, 1984b. S. 806-814.
- Kibrik A.E.* Semantika i sintaksis glagolov KHOTET' i BOYAT'SYA / A. E. Kibrik // Propozitsional'nye predikaty v logicheskom i lingvisticheskom aspekte. Tezisy dokladov rabocheho soveshchaniya. M.: 1987. S. 56-59.
- Kuznetsov S.A.* Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Gl. red. S. A. Kuznetsov. Avtorskaya redaktsiya 2014 (<http://gramota.ru/slovari/info/bts/>) [pervoe izdanie: SPb.: Norint, 1998].

Toporov V.N. Poehtika Dostoevskogo i arkhainnye skhemy mifologicheskogo myshleniya («Prestuplenie i nakazaniE») / V. N. Toporov // Problemy poehtiki i istorii literatury. Saransk: Mordovskii gosudarstvennyi universitet im. N. P. Ogareva, 1970, 91-109.

Uryson E.V. Strakh 1, boyazn', ispug, uzhas 1, panika / E. V. Uryson // Novyi ob"yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka. Vyp. 1. M., 1997. S. 406-412.

Zaliznyak A.A. Semantika glagola *boyat'sya* v russkom yazyke / Anna A. Zaliznyak // Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz. 1983. T. 42. № 1. S. 59-66.

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ

Адинаев Шукур

Кыргыско-Узбекский университет (КУУ)
г. Ош (Кыргызская республика)

Adinaev Shukur

Kyrgyz-Uzbek University
Osh (Kyrgyz Republic)

К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ОСНОВАМ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗАХ И ШКОЛАХ КЫРГЫСТАНА (КОГНИТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ КОНЦЕПТА, ТЕОРИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. ЛЕОНТЬЕВА)

ABOUT THEORETICAL BASIS STUDY OF RUSSIAN LINGUISTIC AT SCHOOL AND UNIVERSITIES OF THE KYRGYZ REPUBLIC (COGNITIVE PSYCHOLOGY, THEORY OF CONCEPT, ACTIVITY THEORY BY A. N. LEONTEV)

В настоящей статье на основе изучения концепции известного американского психолога Скиннера об оперантном обуславливании (ОУ) исходя из изучения теории деятельности А. Н. Леонтьева, анализируя теоретические постулаты когнитивной психологии, а также на основе изучения теории развития ребенка Пиаже и, наконец, на примере конкретных жизненных событий прошлого столетия опираясь теоретически обосновывается возможность улучшения качества содержания и методов изучения русского языка в школах и вузах.

Possibility of improvement of public prosecutors supervision locates theoretically and specified in the present article on the basis of studying of the of the concept of the American psychologist Skinner of a service on the example of concrete vital (realities) events of last century and on the basis supervision over study linguistic This article devoted de done is actuals problem study in Kirgizstan and tray showed one is waves improve – used the theory Operant concessions in order the this actual problem We mast used also the greet theory AKTUVITI the thamoos rashes psychologist A N LEONTEV and ideas PIASHE child devolvemnt.

Ключевые слова: когнитивная психология, А. Н. Леонтьев, деятельность, оперантное обуславливание, учебный процесс, русский язык, Найсер, Роберт Солсо, Скиннер.

Key words: cognitive psihologistikes. A N Leontev activate. Operative concessions/. Study protses/. Russian lingvistic, Naiser, Robert Colco, behavior.

Среди важных открытий последних лет - установление связи между мыслительным процессом и соответствующей нейрофизиологической активностью модели человеческого познания, восприятие, внимание, память, высшие когнитивные процессы и т.д.

Всестороннее изучение когнитивной психологии включает в себя оценку всех компонентов, сплетающихся в тончайший узор психической жизни представителей нашего вида. Этот раздел когнитивной науки начал вытеснять из учебников другие, когнитивная психология - это прежде всего наука о человеческом разуме: мыслях, умозаключениях, языке, памяти и роли сенсорных стимулов.

Академик Л.В. Щерба писал: «Мир, который нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных

языках, даже в тех, на которых говорят народы, представляющие собой известное единство с точки зрения культур. Сравнивая детально разные языки, мы разбиваем иллюзию, к которой нас приучает знание лишь одного языка, - иллюзию, будто бы существуют неизблемые понятия, которые одинаковы для всех времен и для всех народов. В результате получается освобождение мысли из плена слова, из плена языка и придание ей истинной диалектической научности» [Щерба, 1974, с.316—317] Именно это обстоятельство является одним из камней преткновения в обучении русскому языку в национальной школе и составляет для многих учащихся главную и иногда непреодолимую трудность.

Теоретические постулаты оперантного бихевиоризма Скиннера нашли свое практическое применение в некоторых вариантах программированного обучения (в становлении которого Скиннера сыграл существенную роль) и бихевиоральной терапии. Продолжая намеченную уже в исследованиях 30-х гг. стратегию на применение результатов исследований к решению практических задач обучения, одна из возможных областей такого применения. Скиннер разрабатывает идею управления поведением и создает технологию поведения, целью которой является разрешение социальных проблем общества путем модификации поведения человека средствами внешнего контроля. Технология поведения выступает логическим – завершением натурализации человека в бихевиоризме.

Влияние Скиннера выразилось в возникновении новых школ психиатрии, новой социальной практики, новых технологий обучения, которые явились практической реализацией его идей. Его концепция и разработанная на ее основе технология поведения, используемая в качестве орудия управления поведением людей, получили широкое распространение в США и оказывают влияние и в других странах.

Цель настоящей статьи - доказать возможность использования основных постулатов теории Скиннера, когнитивной психологии, теории научения ведущих зарубежных ученых психологов, прежде всего психологов-когнитивистов и знаменитую теорию деятельности А.Н. Леонтьева [Леонтьев, 1977], с насущными проблемами обучения русскому языку в вузах и школах Кыргызстана.

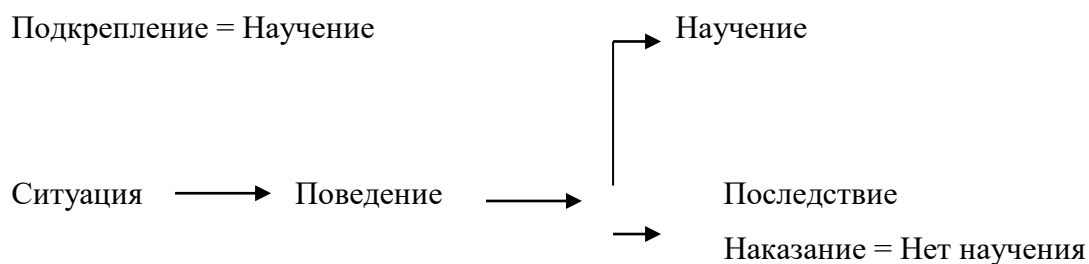
Точки соприкосновения когнитивной психологии и теории концепции в том, что предметом исследования этих трех наук является как внутренняя интенция (намерение) говорящего, думающего индивида, (то есть человека, ученика и студента и т д). Именно в этом плане следует решать, на наш взгляд, основные проблемы улучшения содержания обучения русскому языку. Заслуга психологов-когнитивистов в том, что они «реабilitировали» «сознание» как предмет психологии (Robert Solso, Naiser, Fridman). В этом плане представители когнитивной психологии Роберт Солсо, Найсер и др сознательно

или бессознательно близки к корифеям советской (русской) психологии Рубинштейну [Рубинштейн, 1989, с. 97] и А.Н. Леонтьеву [Леонтьев, 1977, с. 127] [Леонтьев, 1971, с. 276]. Следующим фактором, улучшающим процесс улучшения качества содержания обучения является теория обучения американского психолога Халла. Применяя логический и математический анализ Халл пытается вычислить достоверную связь между этим переменным стимулом и поведением. Вместо схемы (стимул и поведение) или стимул-реакция Халл развивает формулу стимул - организм – реакция, и тем самым сформулировал свою теорию поведения индивида. Основным детерминантом поведения он считает потребность. Именно потребность, согласно концепции Хала, определяет характер поведения индивида и важнейшим условием образования новой связи в поведении человека **он считает смежность стимула, реакции и подкрепления**, которые снижают потребность. В принципе в известной мере теория Хала и учение об оперантном обуславливании Скиннера идентичны. Различие лишь в том, что Халл выводит и понятие «градиент цели» на основе проведенных многочисленных опытов над крысами, точь-в-точь, как Павлов в свое время проводил над собаками, прежде чем сформулировать свою знаменитую теорию о работе высшей нервной деятельности.

Следующим фактором, улучшающим проблему совершенствования качества методов и содержания обучения в нерусской аудитории, является когнитивная психология и исходящая из нее когнитивная лингвистика.

Основным в процессе мышления, т.е. решающую роль в восприятии окружающего мира по утверждению психологов-когнитивистов [Роберт Солсо, 2011, с. 94] и в свете теории концепта, являются две вещи: Восприятие и мозг. Процесс Восприятия согласно теории Найсера и работы Схемы индивидуален и специфичен и зависит от многих факторов (тип характер темперамента, социальная принадлежность, семейные и социальные условия, и т д). Именно этот фактор следует учитывать при определении не только содержания, но и **методов обучения русскому языку в вузах и школах Кыргызстана**

Подкрепление и наказание—два важнейших процесса, составляющих то, что Скиннер называл оперантным обуславливанием (в дальнейшем ОУ) и что можно схематически изобразить следующим образом:

Если определенное поведение некоторое время подкрепляется, а затем подкрепление прекращается, вероятность этого поведения постепенно уменьшается до тех пор, пока оно не прекратится вовсе. Этот процесс подавления поведения называется угашением.

Теория Скиннера получила свое теоретическую и экспериментальную значимость в результате многочисленных опытов над крысами и голубями и получило название как теория оперантного обуславливания (ОУ). [Скиннер, 2011, с. 49]. «Все что психическое - поведенческое» утверждает Скиннер. С ним солидарен и А. Леонтьев «Что такое человеческая жизнь? В сущности - вся человеческая жизнь -это смена одной деятельности другой.» [Леонтьев, 1997, с. 17] В принципе вся человеческая жизнь, на наш взгляд, не что иное, как бесконечная цепь оперантных обуславливаний, сопровождающая всю его жизнь, как и деятельность А.Н. Леонтьева. В целях использования данного архиважного постулата учения Скиннера и когнитивистов-психологов. Роберта Солсо [Солсо, 2011, с. 107] **выдвигаем гипотезу - применения принципов ОУ** и основных идей теории деятельности А.Н. Леонтьева придаст учебному принципу желательный действенный «функциональный» характер и для этой цели следует создать **ИЕРАХИЮ оперантного обуславливания учебно-воспитательной деятельности студента, школьника** при изучении норм и закономерностей русского языка

Действенность и эффективность этого постулата ОУ проиллюстрируем на **примере политической жизни государств с различным социально-экономическим устройством и идеологией**: обратимся к политическим события прошлого столетия -ко временам «холодной войны» между супердержавами того времени СССР и США. В 1960 году был так называемый Карибский кризис; американская военно-морская сила по приказу Дж Кеннеди блокировала первую социалистическую страну на Западном полушарии - Кубу. Мир был на грани третьей мировой войны между двумя супердержавами - США и СССР. В то время мы, ученики 10 класса, и весь советский народ оперантно-обусловленные советским телевидением и радио, «совместно со всеми прогрессивным человечеством и революционным пролетариатом всего мира осуждали действие империалистов» и требовали снятие блокады с Кубы – первой социальной страны на Западном полушарии». И даже хулиганская выходка лидера нашего государства - генсека КПСС Хрущева на заседании ООН, (он снял свои ботинки и начал стучать по кафедре, угрожая империалистам

«показать им Кузькину мать»), у граждан СССР вызвала восторг и мы считали, что живем в самом лучшем мире на земле (поскольку мы, советской прессой радио и телевидением были *оперантно обусловлены* и нисколько не сомневались, что «могущественный СССР всего лишь «...Верхняя Вольта с боевыми ракетами» (железная леди Маргарет Тэтчер).

Эти же события совсем по-иному интерпретировались американской прессой, телевидением и радио: американский народ был в восторге от мудрого решения своего президента Дж. Кеннеди, который принял решение блокировать военно-морским флотом США Кубу, куда тайно «коварные русские разместили свои ракеты с атомной боеголовкой всего лишь в 40 миль от США». Кеннеди не поддавался давлению своих воинственно настроенных генералов, требовавших немедленно начать войну против СССР [Адинаев, с.38.]

Примером огромной силы ОУ на уровне религии может служить также и сила духа самурая, совершающего обряд «субуку» над собой [Takuma Nakamura, 1982, с. 239] известный у нас в стране как «харакири» Сознание Самурая до такой степени *обработано (оперантно обусловлено)* самурайской моралью, что в момент совершения процесса «суицида» - старейшина самураи следят - как совершается священный обряд – (истинный самурай не закрывает свои глаза не и вздрогнет), нанося на себя смертельный удар мечом. Такова сила и мощь ОУ на уровне религии. Другим примером может служить и «героические» поступки летчиков террористов самоубийц, сознание которых одурманено реваншистской ультрареакционной частью мусульманской религии- хизбут тахрир представителями террористической группы «Алкайдо», атаковавшие Нью-йоркские небоскребы, повлекшие за собой многочисленные бессмысленные жертвы среди ни чем не неповинных людей, а также поведение японских летчиков-камикадзе, превративших американскую военную базу «Пил-Харбор» в руины и пепелище. [Takuma Nakamura, 1982, с.390]

Знаменитый швейц. психолог Юнг отмечает роль и других мощных факторов, таких как культура, коллективное бессознательное в формировании ОУ [Юнг, 2007, с.48]

Сила Оу проявляется в художественной литературе. Однако восприятие худ.литературы, как и других отраслей культуры и жизненных явлений, на сознание читателя во многом зависит от так называемой Схемы [Найссер, 2005, с. 107]. Гениальные отечественные и зарубежные писатели Толстой, Пушкин, Чехов, Айтматов, Экзюпери и др. на примере положительных героев стремятся оперантно обуславливать на положительные поступки своих читателей. К сожалению, это им не удается не в полной мере в то время как государственный строй с его тремя могущественными ветвями власти- законодательной, исполнительной и судебной - влияют на сознание своих граждан гораздо сильнее. Яркой

иллюстрацией тому вышеприведенное двойное восприятие кубинского кризиса советскими и американскими гражданами.

В плане улучшения качества воспитания и обучения студентов в свет теории ОУ следует исходить из ведущих принципах ОУ, вызывающие (закрепляющие) положительные качества черты характера и создать систему педагогических и учебных действий, способствующих лучше освоить программные материалы по русскому языку угасанию **интерферирующего** влияния норм и закономерностей родного языка. Это задача не из легких и, как отметил один из современных американских психологов, Уэзенегги [Уэзенегги, 2007, с. 209], исследующий проблему задатков участие двух полушарий головного мозга «тут у нас с Вами есть **подумать «двумя полушариями головного мозга»**.

Авторы учебников, составители типовых программ по русскому языку должны учитывать следующие принципы когнитивной психологии и теории концепта:

1. Принцип единства сознания и деятельности [Леонтьев, 1997, с. 17]
- 2 Основные идеи женеvской генетической школы Пиаже [Психологический словарь под ред. В.П. Зинченко и др. Астрель Транзиткнига, 2006. с. 48]
- 3 Зоны ближайшего развития Выготского [Психологический словарь под ред. В.П. Зинченко и др. Астрель Транзиткнига, 2006, с.488]
4. Исследования Пиаже о развитии
5. Законы когнитивного развития ребенка и теорию оперантного обуславливания Скиннера

Будущие учителя русского языка должны обладать такими личностными качествами, как целеустремленность, стрессоустойчивость, толерантность, способность к саморазвитию и самоусовершенствованию. Профессиональные компетенции будущего учителя формируются, прежде всего, в зависимости от профессионально значимых качеств личности студента, **от его вооруженности вышеуказанными теоретическими основами методики преподавания русского языка**. Соответственно необходимо усилить внимание к студенту как к личности.

В учебном процессе должны использоваться такие технологии, которые способствуют развитию у будущих учителей личностно-профессиональных качеств.

Исследуя личностное и профессиональное развитие человека, вышеуказанные корифеи психологии пришли к выводу об их единстве, где фактором развития является внутренняя среда личности, ее активность, потребность в самореализации. Профессиональное развитие неотделимо от личностного - в основе того и другого лежит принцип саморазвития, детерминирующий способность личности превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования, приводящий к высшей форме

Список литературы:

- Адинаев Ш.* Когнитивная психология как основа активизации учебной деятельности студентов. В журн. НОТ КУУ №3 2007.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность, Сознание Личность. М.,1977 ИПЛ. 348 с.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики.: МГУ,1972.548 с.
- Найссер.* Что такое когнитивная психология. В кн. История психологии 20 век Академический проект 2005. 379 с.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии Москва «Педагогика» 1989 том 2. 320с.
- Роберт Солсо.* Когнитивная психология Санкт-Петербург Питер 2011. 588 с
- Скиннер.* По ту сторону свободы и достоинства», Астрель 2011. 335 с.
- Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе., М.Высшая школа 1974. 450с
- Уэзенегу.* 40 выдающихся открытий в психологии Изд. Санкт Петербург2007.278 с.
- Юнг.* Аналитик Азбука Санкт-Петербург 2007. 247 с.
- Takuma Nakamura* Nippon Publishing Co. Ltd 1982 Printed Japan.390 с.

References:

- Adinaev Sh.* Kognitivnaya psikhologiya kak osnova aktivizatsii uchebnoi deyatel'nosti studentov. V zhurn. NOT KUU №3 2007.
- Leont'ev A.N.* Deyatel'nost', Soznanie Lichnost'. M.,1977 IPL. 348 s.
- Leont'ev A.N.* Problemy razvitiya psikhiki.: MGU,1972.548 s.
- Naisser.* Chto takoe kognitivnaya psikhologiya. V kn. Istoriya psikhologii 20 vek Akademicheskii proekt 2005. 379 s.
- Robert Solso.* Kognitivnaya psikhologiya Sankt-Peterburg Piter 2011. 588 s
- Rubinshtein S.L.* Osnovy obshchei psikhologii Moskva «Pedagogika» 1989 tom 2. 320s.
- Shcherba L.V.* Prepodavanie inostrannykh yazykov v srednei shkole., M.Vyshshaya shkola 1974. 450s
- Skinner.* Po tu storonu svobody i dostoinstva», Astrel' 2011. 335 s.
- Takuma Nakamura* Nippon Publishing Co. Ltd 1982 Printed Japan.390 с.
- Uehzenegi.* 40 vydayushchikhsya otkrytii v psikhologii Izd. Sankt Peteburg2007.278 s.
- Yung.* Analitik Azbuka Sankt-Peterburg 2007. 247 s.

Антипина Ирина Вениаминовна
Короткова Татьяна Викторовна
Ивановский химико-технологический университет
г. Иваново (Россия)

Antipina Irina
Korotkova Tatyana
Ivanovo State University of Chemistry and Technology
Ivanovo (Russia)

УЧЕБНЫЙ КОМПЛЕКС «УЧИМ РУССКИЙ ВСЕЙ СЕМЬЕЙ» КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И ИХ ДЕТЕЙ

EDUCATIONAL COMPLEX “ALL THE FAMILY ARE LEARNING RUSSIAN” AS A MEANS OF LANGUAGE ADAPTATION OF WORKING MIGRANTS AND THEIR CHILDREN

В статье излагается опыт создания Учебно-методического комплекса «Учим русский всей семьей», состоящего из Пособий для взрослых мигрантов и их детей, а также Рабочих тетрадей для взрослых и детей. Комплекс предназначен для адаптации семей мигрантов, попавших в трудную ситуацию: приехавших на работу в Россию без знания русского языка, нашей культуры и традиций. Пособие рассчитано на любую языковую аудиторию, включает перевод заданий, лексики и интенций на родной язык обучающихся, а также предлагает богатый иллюстративный материал региональной направленности, что делает процесс обучения понятным, интересным и полезным. Учебно-методический комплекс возрождает традиции совместного семейного выполнения домашних заданий для самостоятельной работы, в процессе которого родители выполняют функции репетиторов, кураторов, воспитателей, что значительно увеличивает количество времени общения на русском языке, решая геополитические, лингвистические, педагогические, психологические и другие задачи. Работа выполнена в рамках проекта Фонда президентских грантов № 19-2-003897.

The article runs about the experience of creating Educational methodical complex “All the Family are learning Russian”, which consist of Manuals for adults and children. The complex is aimed at adapting the migrants’ families who find themselves in a difficult situation as they have come to work in Russia without knowing Russian, our culture and traditions. The manual is intended for any language audience, it includes the translation tasks, vocabulary and intensions in the learners’ mother-tongue and also offers rich illustrative material of regional character, which makes the process of teaching an understandable, interesting and useful one. The Educational methodical complex restores the traditions of mutual family fulfillment of home assignments for individual work in the process of which parents act as tutors, supervisors, mentors, which prolongs the time of communication while solving geopolitical, linguistic, pedagogical, psychological and other tasks.

The paper is written as part of the project of Presidential Grants Fund № 19-2-003897.

Ключевые слова: учебно-методический комплекс, адаптация семей мигрантов, трудная ситуация, перевод на родной язык, региональная направленность.

Key words: educational methodical complex, adapting the migrants’ families, difficult situation, translation in mother-tongue, regional character.

Глобальные проблемы современности – в научной литературе характеризуются как «совокупность социально-природных проблем, от решения которых зависит социальный прогресс человечества и сохранение цивилизации» [Голубинцев, Данцев, Любченко, 2008, с. 482]. Глобальные проблемы взаимосвязаны, касаются всех стран и всех сторон жизни людей. Данные проблемы возникают как объективный фактор развития общества, характеризуются динамизмом, требуют постоянного внимания и глубокого многогранного

анализа – для их решения необходимы объединенные усилия всего человеческого сообщества. Одной из таких проблем является демографическая проблема, затрагивающая разные аспекты становления и развития взаимоотношений людей в обществе.

Современный человек живет в условиях взаимодействия множества разных культур, типов мышления и моделей поведения. Чтобы чувствовать себя комфортно, он должен приспособиться, «войти» в пространство мировой культуры, быть готовым к общению с разными ее представителями, владеть разными языками, стилями и жанрами речи. Без знания языка страны проживания интеграция в общество невозможна. Именно изучение языка лежит в основе любой адаптации иностранного гражданина к жизни в новом для него сообществе.

Среди путей решения большинства глобальных проблем, в том числе проблем народонаселения, особая роль принадлежит проведению международных конференций, позволяющих рассматривать эти вопросы на международном уровне. Особенно это важно при решении проблем, связанных с миграцией, при которой потоки беженцев и трудовых мигрантов, перемещаются из одной страны в другую в поисках работы. Десятая международная научная лингвистическая конференция Школы перевода МГУ, в сферу интересов которой входит анализ опыта создания современных учебников, учебных пособий и словарей для мигрантов, безусловно способствует решению демографической проблемы, т.к. именно учебники, словари и пособия являются инструментарием языковой адаптации мигрантов.

Центр подготовки и тестирования граждан зарубежных стран ИГХТУ обучает мигрантов с 2015 года. Опыт нашей работы с мигрантами отражен в ряде публикаций [Антипина, 2018, с. 83 - 88; Антипина, 2019, с. 514 – 523; Антипина, 2019; с. 190 - 199].

В настоящий момент коллективом авторов создаются учебные материалы, способствующие решению геополитических, педагогических, психологических, лингвистических и других задач, связанных с обучением мигрантов и их детей русскому как иностранному с учетом особенностей современных методик обучения русскому как неродному. Учебные материалы создаются при поддержке Фонда президентских грантов № 19-2-003897.

В мировой практике и в России опыт создания подобной современной литературы представлен достаточно широко и отражен в списке рекомендуемой литературы по самым разным аспектам: по проблемам двуязычия; по вопросам обучения русскому языку в современной поликультурной школе; по методикам преподавания фонетики, грамматики, развития русской разговорной речи; по современным технологиям преподавания русского

языка как неродного [Методика обучения русскому языку как неродному под ред. Лысаковой И.П.; 2015, с. 142 - 149].

Теоретические и практические материалы по обучению детей мигрантов русскому языку как неродному представлены в сборнике «Регионального центра развития образования» Томской области [Обучение русскому языку детей мигрантов; 2012, с. 294].

Традиционно при создании учебных материалов решаются такие задачи, как:

- ориентация на уровни общеевропейских компетенций владения иностранным языком (A1, A2, B1, B2);
- сохранение методической системы (последовательность, этапность) формирования навыков (фонетических, лексических, грамматических) и развития умений: в говорении (монологическая и диалогическая речь), аудировании, чтении (различные виды чтения и аудирования) и письме;
- коммуникативная направленность формулировки заданий;
- моделирование аутентичных ситуаций общения в четырех видах речевой деятельности;
- использование аутентичных текстов;
- формирование межкультурной компетенции;
- организация различных форм учебного процесса: индивидуальные, парные, групповые, фронтальные;
- формирование общедоступных умений (умения учиться);
- организация различных видов контроля, в том числе самоконтроля и взаимоконтроля.

Учебно-методический комплекс «Учим русский всей семьей», имеет свои особенности. Пособие рекомендовано для обучения взрослых мигрантов и их детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, и предназначено для работы на адаптационных интенсивных курсах в мультиязычных группах с использованием семейного подхода к процессу обучения.

Определенная специфика целевой аудитории накладывает отпечаток на комплекс задач, решаемых при создании учебных материалов. Учащимися как правило являются малообразованные или вовсе не получившие никакого образования на родине люди, не имеющие опыта приобретения и структурирования знаний, не имеющие абстрактного мышления, необходимого для работы с грамматическими категориями языка. В этом смысле само учебно-методическое пособие является источником и средством формирования способностей к участию в образовательной деятельности, к получению

знаний и усвоению основ грамматической системы русского языка, речевого этикета, культуры, а также источником и средством развития речевых способностей учащихся.

Учебный комплекс с символическим названием «Учим русский всей семьей» предполагает вовлечение в процесс параллельного обучения взрослых и детей из семей мигрантов. Материалы пособия отобраны с учетом возрастных особенностей и значительно отличаются по оформлению и минимально разнятся по содержанию. Учебник для детей ориентирован на детей среднего школьного возраста, так как именно эта категория учащихся испытывает наибольшие трудности в процессе адаптации к новым условиям обучения и проживания.

Учебник и Рабочая тетрадь для взрослых лаконичны в оформлении, интенциональный и грамматический материал сопровождается переводом на родной язык, в каждом уроке используется единообразная система символов, рисунков и фотографий, помогающих ориентироваться в материале как отдельного урока, так и всего учебника. В качестве приложений к учебнику даны грамматические справочные таблицы, способствующие обобщению, систематизации и запоминанию материала.

В учебниках и Рабочих тетрадях для детей также использован перевод интенций, грамматических правил и речевых моделей-образцов на родной язык учащихся. Но значительно большая роль в ускорении процессов обучения языку и социальной адаптации отведена иллюстративному материалу. Наряду с символами, рисунками и т.д. детские пособия содержат иллюстративные тематические словари, завершающие каждый урок. Все это поддерживает интерес к процессу обучения, развивает догадку, лингвистическое чутье, структурирует материал и вырабатывает алгоритм процесса изучения языка, способствует развитию памяти.

Важной составной частью учебно-методического комплекса являются Материалы для дистанционной методической поурочной помощи, которые дают преподавателю возможность объективно оценить объем работы как в масштабе всего учебника, так и в масштабе одного урока, правильно сформулировать цели и задачи каждого этапа обучения, рационально использовать время при введении интенций, при изучении, закреплении и активизации в речи языкового материала.

Наличие учебно-методического комплекса дает возможность преподавателям русского языка и учащимся мигрантам осуществлять процесс обучения в комфортных условиях, т.к. обеспечивается необходимый минимум учебных материалов и, в то же время, обучающимся предоставляется возможность самостоятельно пополнять и расширять полученные знания, выполняя задания, предложенные в Рабочей тетради.

Отсутствие желания и необходимости в общении дома (внутри семьи) на русском языке тормозит языковую адаптацию мигрантов, а может быть, и препятствует ей. Предложенный семейный подход в обучении русскому языку заключается в том, что обучение взрослых мигрантов, получение ими знаний, умений и навыков, объективно происходит с некоторым опережением развития этого же процесса в группах детей. Дома в Рабочих тетрадях взрослые мигранты закрепляют полученные на уроке знания, вырабатывают навыки самостоятельного поиска знаний, получают навыки самообразования и параллельно контролируют выполнение домашних заданий детьми. Таким образом, сама форма проведения и организации самостоятельной работы становится одним из способов обеспечения высокой эффективности обучения языку, который дает возможность не только ускорить запоминание иностранной лексики, но и значительно активизировать ее употребление.

Одним из необходимых и важных условий быстрого достижения элементарного уровня владения языком, на наш взгляд, является использование «опоры на родной язык» учащегося. Для лучшего понимания материала и результативного усвоения весь грамматический материал в учебном пособии «Учим русский всей семьей» дается в переводе на родной язык, учащихся. Этот способ организации учебного материала позволяет проводить урок в высоком темпе, допускает применение интенсивных методик, а также повышает интерес учащихся к излагаемому материалу и их активность на занятии. Перевод на родной язык учащегося обеспечивает качество и глубину понимания изучаемого материала, при том условии, что русский язык выступает в роли единственного общего для всех средства общения на занятии.

Дома взрослые мигранты могут на родном языке пояснить своему ребенку материалы и задания, вызывающие затруднения и не усвоенные на уроке. При совместном выполнении родителями и детьми домашних заданий в Рабочих тетрадях объективно значительно увеличивается количество времени общения на русском языке взрослых и детей, что совершенно необходимо для закрепления речевой практики в реальных условиях.

Потребность и возможность выступить в роли репетитора своих детей, безусловно, повышает авторитет родителей в глазах ребенка, повышает самооценку взрослых мигрантов и служит стимулом к дальнейшему изучению русского языка, развивая стремление к самообразованию, обеспечивая повышение скорости и качества процесса изучения иностранного языка. Русский язык становится средством общения в домашних условиях.

Необходимость учета социального и материального положения обучающихся мигрантов диктует задачу планирования в организованного места для выполнения в классе минимальных заданий по письму в учебниках и специально подготовленных Рабочих тетрадях, позволяющих быстро выполнять значительный объем заданий для самостоятельной работы в домашних условиях. Учебное пособие выполняется на бумаге формата А4, что способствует «формированию четкого почерка, развитию навыка выравнивая строки и способности к длительным непрерывным мышечным усилиям руки» [Антипина, Артемьева, 2008, с. 45]. Задания по русской каллиграфии, выполняемые в Рабочих тетрадях, приобщают мигрантов к культуре русского письма как элементу общей культуры русского человека.

Для минимизации временных затрат при введении лексики на занятии в конце каждого урока учебника расположены поурочные переводные словари. Для итоговых форм работы предпочтительны общие переводные словари, которые предлагаются в конце каждого учебника. Каждый урок учебника для детей завершается иллюстрированным тематическим словарем, способствующим лучшему усвоению новой лексики и вызывающим живой интерес у детей мигрантов.

Особое внимание уделяется грамматическим таблицам, которые обеспечивают возможность систематизации знаний и являются справочными материалами для выполнения самостоятельных работ.

Следует заметить, что обучение мигрантов русскому языку как иностранному по программам дополнительного образования на языковых курсах в центрах тестирования с целью их подготовки к сдаче комплексного экзамена проводится в крайне сжатые сроки и нередко позволяет решить лишь самую проблему формальной сдачи экзамена по РКИ, а не проблему владения русским языком. Дополнительные трудности для языковой и социально-психологической адаптации мигрантов создает отсутствие регионально-ориентированных учебных пособий, где наряду с языковыми знаниями учащиеся могут получить фоновую, в том числе краеведческую информацию. Именно поэтому пособие «Учим русский всей семьей», создаваемое для интенсивных адаптационных курсов, ориентировано на региональную ивановскую тематику. Курс, состоящий из 10 уроков, рассчитан на 120 академических часов аудиторных занятий.

Материалы уроков развивают прежде всего разговорные навыки учащихся и закрепляют некоторые основы грамматики и письма. При этом каждый урок учебников построен строго по алгоритму: предъявление интенционального материала (интенций) с переводом на родной язык учащегося; подбор и введение лексико-грамматического материала, необходимого для реализации интенций; отработка интенций в упражнениях;

использование отработанных моделей в диалогической и монологической речи; продуцирование собственного устного или письменного высказывания.

Структура и содержание языкового материала учебников для взрослых и детей – аналогичны и могут быть представлены следующим образом:

Раздел I: Фонетическая разминка: графика, фонетика, интонация.

Раздел II: Интенции и лексико-грамматические средства их реализации.

Раздел III: Ситуации речевого общения, речевые модели.

Раздел IV: Разговорные темы.

Раздел V: Работа с текстом, видеофильмом.

Раздел I корректирует владение фонетико-графической системой русского языка, основными типами ИК и способствует выработке элементарных навыков письма и говорения на русском языке.

Раздел II знакомит учащихся с лексическими и грамматическими средствами, необходимыми для решения конкретных коммуникативных задач.

Раздел III содержит речевые образцы, необходимые для выработки умения реализовать коммуникативные намерения в конкретных ситуациях общения.

Раздел IV содержит текстовый материал для развития речевых умений учащегося в области чтения, говорения, аудирования, письма.

Раздел V способствует активизации в речи языкового и речевого материала разделов I, II, III, IV.

В таблице приведен пример распределения речевого и языкового материала 3 урока.

Отбор речевого и языкового материала проведен в соответствии с требованиями Государственного стандарта по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень / Владимирова Т.Е. и др. – М. - СПб.: «Златоуст», 2001.

Отраженный в алгоритме урока процесс языковой адаптации мигрантов, вплетенный в систему из десяти уроков, превращает учебный комплекс «Учим русский всей семьей» в надежное средство языковой адаптации трудовых мигрантов и их детей.

Успешности языковой адаптации мигрантов в проекте «В Россию – с надеждой» способствуют их участие в базовых коллективных мероприятиях проекта в ситуациях реального общения.

Список литературы:

Голубинцев В.О. Философия для технических вузов. / В.О Голубинцев, А.А Данцев, В.С Любченко. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. - 500с.

Антипина И.В. Проектная деятельность в области обучения трудовых мигрантов и их детей// Международное сотрудничество российских университетов в императивах регионального

развития: коллективная монография / Под ред. А.Р. Грошева, С.О. Крамарова, Н.В. Пелихова. — М.: РИОР, 2018. — 127 с. — (Международная деятельность).

Антипина И.В. Проблемы, задачи и перспективы обучения трудовых мигрантов и их детей// Русский язык и культура в зеркале перевода: IX Международная научная конференция (г. Салоники, Греция, 10–14 апреля 2019 г.): Материалы конференции. — М.: Издательство Московского университета, 2019. — 647 с.

Антипина И. В. Пути решения проблем адаптации и интеграции трудовых мигрантов и их детей в Ивановской области//Современные проблемы и перспективы интернационализации интеллектуальных ресурсов России (вызовы, стратегии, модели, интересы национального, регионального и отраслевого развития): коллективная монография / Под ред. А.Р. Грошева, С.О. Крамарова, В.И. Круглова, Н.В. Пелихова. — Москва: РИОР, 2019. — 287 с. — (Международная деятельность).

Методика обучения русскому языку как неродному: учебное пособие / под ред. проф. И.П. Лысаковой. М.: «Русайнс», 2015. 160 с.

Обучение русскому языку детей мигрантов. Статьи и методические материалы / Отв. редактор О.В. Горских. — Томск: ОГБУ «Региональный центр развития образования», 2012 — 294 с.

Антипина И.В., Учебно-методический комплекс как средство национально ориентированного обучения. / Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы международной научно-практической конференции. И.В. Антипина И.В. / Г.В. Артемьева, М.: МГУ, 2008, с. 39 – 48.

References:

Golubintsev V.O. Filosofiya dlya tekhnicheskikh vuzov. / V.O Golubintsev, A.A Dantsev, V.S Lyubchenko. Rostov-na-Donu: Feniks, 2008. - 500s. (In Russian).

Antipina I.V. Proektnaya deyatel'nost' v oblasti obucheniya trudovykh migrantov i ikh detei// Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo rossiiskikh universitetov v imperativakh regional'nogo razvitiya: kollektivnaya monografiya / Pod red. A.R. Grosheva, S.O. Kramarova, N.V. Pelikhova. — М.: RIOR, 2018. — 127 s. — (Mezhdunarodnaya deyatel'nost'). (In Russian).

Antipina I.V. Problemy, zadachi i perspektivy obucheniya trudovykh migrantov i ikh detei// Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: IX Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (g. Saloniki, Gretsiya, 10–14 aprelya 2019 g.): Materialy konferentsii. — М.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019. — 647 s. (In Russian).

Antipina I.V. Puti resheniya problem adaptatsii i integratsii trudovykh migrantov i ikh detei v Ivanovskoi oblasti//Sovremennye problemy i perspektivy internatsionalizatsii intellektual'nykh resursov Rossii (vyzovy, strategii, modeli, interesy natsional'nogo, regional'nogo i otraslevogo razvitiya): kollektivnaya monografiya / Pod red. A.R. Grosheva, S.O. Kramarova, V.I. Kruglova, N.V. Pelikhova. — Moskva: RIOR, 2019. — 287 s. — (Mezhdunarodnaya deyatel'nost'). (In Russian).

Metodika obucheniya russkomu yazyku kak nerodnomu: uchebnoe posobie / pod red. prof. I.P. Lysakovoi. М.: «RusainS», 2015. 160 s. (In Russian).

Obuchenie russkomu yazyku detei migrantov. Stat'i i metodicheskie materialy / Otv. redaktor O.V. Gorskikh. — Tomsk: OGBU «Regional'nyi tsentr razvitiya obrazovaniYA», 2012 — 294 s. (In Russian).

Antipina I.V., Uchebno-metodicheskii kompleks kak sredstvo natsional'no orientirovannogo obucheniya. / Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. I.V. Antipina I.V. / G.V. Artem'eva, М.: МГУ, 2008, s. 39 – 48. (In Russian).

Балуш Татьяна Владимировна
Минский государственный лингвистический университет
г. Минск (Республика Беларусь)
Чуханова Анжела Викторовна
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка
г. Минск (Республика Беларусь)

Balush Tatyana
Minsk State Linguistic University
Minsk (Belarus)
Chukhanova Anzhela
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk (Belarus)

ПРЕПОДАВАНИЕ РКИ В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

TEACHING RAF UNDER THE CONDITIONS OF BELARUSIAN-RUSSIAN BILINGUALITY: LINGUODIDACTICAL ASPECT

В статье внимание акцентируется на лингводидактическом аспекте преподавания РКИ в условиях билингвизма. Для Республики Беларусь как государства, характеризующегося высокой степенью индивидуального и общественного двуязычия, это особенно актуально, поскольку в республике обучается 23 000 иностранных студентов из 108 стран (данные на 04.09.2020). Для этой группы молодых людей русский язык – это не только объект, но средство обучения. В связи с этим поиск новых подходов к преподаванию РКИ в условиях билингвального общества является одной из актуальных проблем. Актуальность статьи обусловлена отсутствием специальных работ, посвященных выявлению специфики изучения русского языка как иностранного в условиях билингвизма. Кроме того, актуальным является обращение к проблеме формирования лингвокультурологической компетенции иностранных студентов в ситуации белорусско-русского двуязычия, а также необходимость разработки учебно-методических материалов, предполагающих знакомство обучающихся с лингвокультурами не только страны изучаемого языка (России), но и Республики Беларусь – государства, в котором они обучаются.

The article focuses on the linguodidactic aspect of teaching RAF in bilingualism. For the Republic of Belarus as a state characterized by a high degree of individual and public bilingualism, this is especially true, since 23000 foreign students from 108 countries study in the republic (data as of 04.09.2020). For this group of young people the Russian language is not only an object, but a learning tool. In this regard the search for new approaches to teaching RAF in a bilingual society is one of the urgent problems. The relevance of the article is due to the lack of special works devoted to identifying the specifics of studying Russian as a foreign language in the context of bilingualism. In addition, it is urgent to address the problem of the formation of linguistic and cultural competence of foreign students in the situation of Belarusian-Russian bilingualism, as well as the need to develop teaching materials that require students to learn linguistic cultures not only of the country of the language studied (Russia), but also of the Republic of Belarus – the state in which they are trained.

Ключевые слова: билингвизм, когнитивно-культурное пространство, лингвокультурные концепты, русский язык как иностранный, фоновая информация.

Key words: bilingualism, cognitive-cultural space, linguistic and cultural concepts, Russian as a foreign language, background information.

Одной из отличительных особенностей современного общества является этнокультурная и языковая полифония. По мнению социолингвистов, сегодня в мире можно выделить только 12 государств, которые *условно* (курсив наш – Т. Б., А. Ч.)

относятся к числу этнически однородных [Яцкевич, 2010, с. 97]. Иными словами, билингвизм и полилингвизм как языковые феномены сегодня стали маркерами общекультурного и языкового пространства. Не случайно изучение этих явлений уже в течение длительного времени является предметом особого научного интереса, что во многом обусловило становление и развитие такого направления, как билингвология.

Республика Беларусь относится к группе государств, которые характеризуются высокой степенью индивидуального и общественного двуязычия. На территории Беларуси генетически близкие белорусский и русский языки имеют статус государственных и используются (нередко и параллельно!) в экономической, политической, культурной, научной и других сферах общения. Для граждан республики такая языковая и культурная «многоликость» уже стала привычной. Но лишь для граждан... Иная ситуация возникает в том случае, когда на обучение в Республику Беларусь приезжают иностранные студенты, в частности китайцы-филологи, изучающие русский язык в рамках программы включенного обучения. В данном случае образовательный процесс «осложняется», во-первых, интерферентными процессами, а во-вторых, необходимостью освоения дополнительной национально маркированной информации. По справедливому замечанию Е.И. Пассова, «если образование есть передача культуры, то логично заключить, что иноязычное образование есть передача иноязычной культуры» [Пассов, 2010, с. 25]. Действительно, этот процесс является важным компонентом иноязычного образования и необходимым условием успешного освоения нового когнитивно-культурного пространства, формирования «фундамента» фоновой информации, которая необходима для изучения русского языка в ситуации «языкового погружения». Для тех иностранных граждан, которые по окончании учреждений высшего образования остаются в Беларуси, это особенно актуально.

Все сказанное свидетельствует о том, что современную модель обучения русскому языку как иностранному уже невозможно представить без такого компонента, как национально маркированный контекст. В условиях билингвизма его границы значительно расширяются за счет включения в него лингвокультурем не только страны изучаемого языка (России), но и, например, Республики Беларусь – государства, в котором они обучаются.

Безусловно, ядро системы профессиональной подготовки иностранных студентов формирует комплекс специальных упражнений. Подчеркнем: именно комплекс, а не отдельные упражнения, поскольку только системный характер их содержательно-структурной организации позволит сформировать необходимую систему компетенций, развить механизмы осмысления и творческой переработки полученной информации в

рамках включенного профиля как вида краткосрочного обучения иностранных студентов-филологов в стране изучаемого языка. Иными словами, использование специальных упражнений позволит приблизиться к решению ключевых проблем как в рамках преподавания РКИ, так и иноязычного образования в целом.

Предлагаемая нами система обучающих упражнений на примере текста «“Вавилонская башня” Виктора Альшевского» направлена на преодоление трудностей, связанных как с языковой формой сообщения, так и со спецификой лингвокультурологической информации, содержащей белорусский национально-культурный компонент.

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Прочитайте новые слова. В случае возникновения сложностей, связанных с пониманием отдельных слов и словосочетаний, воспользуйтесь их переводом на китайский язык.

Полотно́ – ‘картина художника (обычно на холсте)’. *Выставка лучших полотен русских художников.*

画布–“艺术家的照片（通常在画布上）”。俄罗斯艺术家最好的画展。

Художественная галере́я – ‘специальное помещение, в котором размещены для обозрения предметы искусства; художественный музей’.

美术馆–‘陈列艺术品的特殊房间；美术馆’。

Лауреа́т – ‘звание, присуждаемое за выдающиеся заслуги, достижения в области науки, искусства’. *Лауреат Государственной премии.*

获奖者–“授予杰出成就，科学，艺术领域成就的头衔”。国家奖得主。

Ре́бус – ‘что-то загадочное, непонятное’. *Разгадать ребус.*

再说–“有些不可思议的东西”。解决问题。

Пали́тра – ‘совокупность красок, красочных сочетаний в отдельной картине, в творчестве художника’. *Красочная палитра.*

调色板–“在艺术家的作品中，颜色的组合，单独图片中的彩色组合”。多彩的调色板。

За́мок – ‘дворец, большое здание затейливой архитектуры’. *Средневековый замок.*

城堡–“宫殿，一座错综复杂的大型建筑”。中世纪城堡。

Холст – ‘картина, писанная на льняной суровой или белёной ткани полотняного переплетения’. *Выставлять холсты.*

画布–“在粗糙的亚麻布或漂白的普通亚麻布上绘制的图片”。**暴露画布。**

Периметр – ‘сумма длины всех сторон плоской геометрической фигуры’. *Периметр прямоугольника.*

周长–“平面几何形状的所有边的长度之和”。**矩形的周长。**

Артефакт – ‘предмет, сделанный или обработанный человеком (особенно как объект археологических исследований)’. *Коллекция индейских артефактов.*

神器–“由人制造或加工的物体（特别是作为考古研究的物体）”。**美国原住民文物的集合。**

Ба́шня – ‘высокое узкое архитектурное или инженерное сооружение (круглой, четырёхгранной или многогранной формы) различного назначения’. *Сторожевая башня.*

塔–“用于各种目的的高度狭窄的建筑或工程结构（圆形，四面体或多面的）”。**望塔。**

Каркас – ‘остов какого-либо сооружения’. *Каркас корабля.*

框架–“建筑物的骨架”。**船的框架。**

Калейдоско́п – ‘игрушка в виде трубки с несколькими продольными зеркальцами, вставленными в неё под углом, и разноцветными осколками стекла, которые при поворачивании, отражаясь в зеркальцах, создают разнообразные узоры’. *Неожиданный поворот калейдоскопа.*

万花筒–“呈管状的玩具，成角度地插入了几个纵向镜子，并且彩色的玻璃碎片在旋转时会反射到镜子中，从而产生各种图案”。**万花筒意外转动。**

2. Подберите синонимы к выделенным в предложениях словам.

Работы художника **хранятся** в Национальном художественном музее Республики Беларусь, Музее современного изобразительного искусства в Минске.

Одним из его самых **грандиозных** проектов является «Вавилонская башня».

Виктор Альшевский является лауреатом Государственной премии Республики Беларусь, **награждён** медалью Франциска Скорины.

Виктор Альшевский **создаёт** собственную «Вавилонскую башню» с 2003 года, стремясь показать взаимосвязь эпох, народов и культур в пространстве и во времени.

Вавилонская башня – это как **ребус**, который можно разгадать.

3. вспомните дефиницию понятия «метафора».

4. Составьте из двух простых предложений сложноподчинённое с придаточной определительной.

Виктор Альшевский – один из самых известных художников Республики Беларусь. Он не просто создаёт картины, он заставляет оживать историю.

Виктор Альшевский – один из самых известных художников Республики Беларусь. На его полотнах сближаются реальность и мистика, история и современность.

Художник создаёт собственную «Вавилонскую башню» с 2003 года. Он стремится показать взаимосвязь эпох, народов и культур в пространстве и во времени.

В выставочном зале перед ними вырастет металлическая конструкция. Высота конструкции составит около 5 метров.

В Могилёве, в музейном здании, удалось реализовать мечту художника. Музейное здание является памятником архитектуры начала XX века.

5. Прочитайте текст, приготовьтесь ответить на вопросы.

«ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ» ВИКТОРА АЛЬШЕВСКОГО

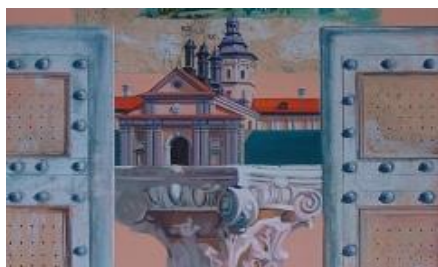
Виктор Альшевский – один из самых известных художников Республики Беларусь. Это человек, который не просто создаёт картины, это мастер, который заставляет оживать историю. На его полотнах сближаются реальность и мистика, история и современность. Работы художника хранятся в Национальном художественном музее Республики Беларусь, Музее современного изобразительного искусства в Минске, выставочном объединении «Центральный дом художника» (Москва); художественных галереях Германии, Норвегии, Польши, Сербии, Венгрии, Италии, Франции, Испании, Португалии, Австрии, Великобритании, США, Турции, Сирии, Китая и ряда других стран. Виктор Альшевский является лауреатом Государственной премии Республики Беларусь, награждён медалью Франциска Скорины.

Его творческая биография «включает» более девяноста работ. Но одним из его самых грандиозных проектов является «Вавилонская башня». Виктор Альшевский создаёт собственную «Вавилонскую башню» с 2003 года, стремясь показать взаимосвязь эпох, народов и культур в пространстве и во времени. Вавилонская башня – это как ребус, который можно разгадать.

Узнаёте Мирский замок?

Несвижский замок?

Знаменитые ворота Минска?

Здание цирка, Национальной академии наук, Большого театра Беларуси?

Современные здания, благодаря замыслу и умелой кисти художника, вписались в палитру истории.

Это настоящий сюрприз для посетителей выставки картин Виктора Альшевского. Любители его творчества не увидят традиционного картинного ряда. В выставочном зале перед ними вырастет металлическая конструкция, которая в высоту составит около 5 метров. По её периметру разместят 52 холста разных форм и размеров, на которых, как в ярком калейдоскопе, предстанут образы исторических памятников и артефактов, символы разных стран и эпох, объекты архитектуры, геометрические фигуры. Возводить башню на металлическом каркасе Альшевскому помогала целая команда.

Построить башню было нелегко: в Минске, в Национальном художественном музее, не хватило высоты стен. Зато в Могилёве, в музейном здании, которое является памятником архитектуры начала XX века, удалось реализовать мечту.

В таком виде картины художника будут презентованы впервые в Беларуси. Впоследствии «Вавилонскую башню» увидят и в других городах, в том числе за рубежом.

(По материалам сайтов: https://masheka.by/mogilev_afisha/4148-proekt-vavilonskaja-bashnja-hudozhnika-viktora-alshevskogo-vpervye-udalos-osuschestvit-v-mogileve.html; <http://mogilev-region.gov.by/news/hudozhnik-viktor-alshevskiy-predstavit-v-mogileve-vavilonskuyu-bashnyu>.)

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

1. Ответьте на вопросы.

Кто такой Виктор Альшевский? Чем он знаменит в Республике Беларусь?

В каких музеях хранятся картины Виктора Альшевского?

Какой государственной награды удостоен художник?

Сколько картин создано умелой кистью художника?

Какие памятники архитектуры Беларуси запечатлел на своих холстах Виктор Альшевский?

Можно ли назвать картины Виктора Альшевского традиционными?

В чём необычность картин Виктора Альшевского?

2. Заполните пропуски, употребив предложенные слова для справок в нужной грамматической форме.

На полотнах художника ... реальность и мистика, история и современность.

Творческая биография Виктора Альшевского «включает» более ... работ.

Виктор Альшевский является лауреатом Государственной премии Республики Беларусь, награждён

По ... металлической конструкции разместят 52 холста разных форм и размеров.

В таком виде картины художника ... впервые в Беларуси.

В Могилёве, в музейном здании, которое является ... начала XX века, удалось реализовать

Слова для справок: девяносто, сблизаться, периметр, памятник архитектуры, мечта, медаль Франциска Скорины, презентовать.

3. Объясните значение метафорических конструкции, употреблённых в предложениях.

Это человек, который не просто создаёт картины, это мастер, который **заставляет оживать историю.**

Вавилонская башня – это как **ребус**, который можно разгадать.

Современные здания, благодаря замыслу и умелой кисти художника, вписались в **палитру истории.**

В выставочном зале перед ними **вырастет металлическая конструкция**, которая в высоту составит около 5 м.

4. В тексте встречается такой стилистический приём, как аллюзия, т. е. отсылка, намёк на общеизвестный факт, произведение литературы или искусства. С каким всемирно известным сюжетом и почему проводит параллель автор?

5. В тексте упоминается имя величайшего исторического деятеля Беларуси – Франциска Скорины. Сканируйте QR-код и прочитайте текст. Создайте презентацию на тему «Франциск Скорина – белорусский просветитель и первопечатник».

6. Пройдите по ссылке (<http://alshevski.by/pictures/>) и познакомьтесь с другими картинами Виктора Альшевского. Опишите наиболее понравившееся вам творение автора по предлагаемому плану.

План описания картины

1. Небольшая справка о творчестве данного художника (какие картины и когда он написал, направление, в котором он работал, особенности его творчества).

2. Описание картины:

а) сюжет картины (о чём повествует картина);

б) что изображено на переднем плане;

в) что изображено на заднем плане картины;

г) описать основных героев картины (если они есть);

д) детали картины;

е) основные цвета (краски) картины (почему художник выбрал именно их).

3. Используемые художником выразительные и композиционные средства (какое настроение передает эта картина?).

4. Роль этих средств в выражении авторской позиции, идеи картины.

5. Свои впечатления от картины (какое впечатление произвела, чем особенно понравилась, что осталось не до конца понятным...).

Таким образом, обучение русскому языку иностранных студентов в условиях билингвизма представляет собой двунаправленный процесс: с одной стороны, это погружение в языковое и культурно-когнитивное пространство русского этноса, а с другой – освоение национального кода белорусского народа. Такое расширение границ иноязычного образования обусловлено экстралингвистическими факторами и, безусловно, способствует расширению представлений иностранных студентов о диалоге культур, общечеловеческих ценностях и специфике межкультурной коммуникации.

Список литературы:

Пассов Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. М.: Русский язык. Курсы, 2010. 568 с.

Яцкевич С. Масс-медиа национальных меньшинств в межкультурных коммуникациях этнически неоднородного общества / С. Яцкевич // KALBA IR KONTEKSTAI. Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2010. 288 p.

References:

Passov E.I. Osnovy kommunikativnoi teorii i tekhnologii inoyazychnogo obrazovaniya : metodicheskoe posobie dlya преподаvatelei russkogo yazyka kak inostrannogo [Fundamentals of communicative theory and technology of foreign language education] / E.I. Passov, N.E. Kuzovleva. M. : Russkii yazyk. Kursy, 2010. 568 s. (In Russ.).

Yatskevich S. Mass-media natsional'nykh men'shinstv v mezhkul'turnykh kommunikatsiyakh etnicheski neodnorodnogo obshchestva [Mass media of national minorities in intercultural communications of an ethnically heterogeneous society] / S. Yatskevich // KALBA IR KONTEKSTAI. Vilnius : Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2010. 288 r. (In Russ.).

Вотякова Ирина Александровна
Гранадаский Университет
г. Гранада (Испания)

Votyakova Irina
University of Granada
Granada (Spain)

СУФФИКС –ИНГ- В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

SUFFIX –ING- IN THE WORD-FORMATION SYSTEM OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

За последние двадцать лет частотность употребления существительных с конечным *-инг* значительно выросла. Чаще всего, по данным Национального корпуса русского языка, в материалах 2014-2015 гг. отмечаются *рейтинг, холдинг, мониторинг, митинг, маркетинг, лизинг, тренинг*. С другой стороны, членимость данных слов по-прежнему остается непоследовательной, в связи с чем многие исследователи не считают выделяемый элемент *–инг-* суффиксом. Среди других факторов, препятствующих формированию продуктивного словообразовательного типа, можно отметить: а) неупорядоченность в выражении регулярного словообразовательного значения, что, возможно, обусловлено широкой семантической палитрой данных существительных в языке-источнике, где такие производные могут обозначать процесс и результат действия, инструмент и т.д.; б) нерегулярную глагольную словообразовательную мотивированность, в связи с чем целая группа производных на *-инг* взаимно мотивируются существительными со значением лица: *аутсорсинг – аутсорсер, кикбоксинг – кикбоксер* и др. в) отсутствие однотипных словообразовательных связей с однокоренным глаголом и образование в русском языке глаголов на базе существительных с конечным *–инг*: *митинг – митинговать, прессинг – прессинговать* и др., г) отсутствие новых суффиксальных производных, образованных уже от русских основ в литературном языке (отдельные слова зафиксированы в молодежном жаргоне), д) употребление существительных на *–инг* в составе сложных составных слов: *допинг-контроль, допинг-проба, допинг-скандал* и др.

Over the last couple of decades, the frequency of use of the nouns ending with *-ing* has increased significantly. According to the National Russian Corpus, such words as *reiting* [rating], *kholding* [holding], *monitoring* [monitoring], *miting* [meeting], *marketing* [marketing], *lizing* [leasing], *trening* [training] are mostly often recorded in the materials of 2014-2015. On the other hand, the dividedness of these words still remains inconsistent. Therefore, many researchers do not consider the distinguished element as a suffix. Among other factors that impede the formation of a productive word-building type, we can note: a) the disorder in the expression of a regular derivational meaning which might be due to a wide semantic palette of these nouns in the source language where their derivatives can indicate the process and the result of an action, the instrument, etc.; b) the irregular verbal word-forming motivation whereupon a whole group of derivatives ending with *-ing* are reciprocally linked to the nouns denoting a person: *outsorsing - outsorser* [outsourcing – an outsourcer], *kikboksing – kikboksyor* [kickboxing – a kickboxer], etc. c) the lack of the same-type derivational relations with the cognate verb as well as the formation of verbs in Russian based on the nouns ending with *-ing*: *miting – mitingovat'* [a rally - to hold a rally], *pressing – pressingovat'* [pressure – to pressure], etc., d) the lack of new suffix derivatives that have been already formed from the Russian word stems in the standard language (some individual words are recorded in the youth-speak); e) the use of the nouns ending with *-ing* as part of complex compound words: *doping-kontrol'* [doping control], *doping-proba* [doping test], *doping-skandal* [doping scandal], etc.

Ключевые слова: иностранный суффикс, русский язык, словообразование.

Keywords: a foreign suffix, the Russian language, word formation.

За последнее время частотность употребления существительных с конечным *–инг* значительно выросла. Так, по данным Национального корпуса русского языка, в языке СМИ 2014-2015 гг. они встречаются в 4-6 раз чаще по сравнению с 2000 г. Этому, на наш

взгляд, способствуют активное проникновение англицизмов в русскую речь, обусловленное общими глобальными процессами, происходящими в политике, экономике, культуре, образовании и т.д. Среди наиболее частотных существительных, согласно Новому частотному словарю русской лексики, до 2000 г. отмечаются (в порядке убывания): *рейтинг, митинг, мониторинг, холдинг, маркетинг, лизинг, тренинг, смокинг, стерлинг и браунинг*. После 2000 г. наиболее употребительными, по данным Национального корпуса русского языка являются (в порядке убывания): *рейтинг, холдинг, мониторинг, митинг, маркетинг, лизинг, тренинг, допинг, боулинг, смокинг* и т.д. Популярность существительного *мониторинг* не подлежит сомнению: в материалах Национального корпуса русского языка оно встречается чаще некоторых синонимов, как *изучение, наблюдение*; уступая *исследованию, анализу, оценке, прогнозу*. Таким образом, мы, действительно, являемся свидетелями живого процесса адаптации значительной группы иностранных слов с единым финальным формантом.

При заимствовании словообразовательного аффикса исследователи отмечают следующие стадии приобретения иноязычным структурным элементом морфемных свойств в русском языке: 1) иноязычные элементы выделяются лишь как регулярно повторяющиеся отрезки в ряде слов; 2) структурный элемент уже начинает формироваться как самостоятельная морфема в русском языке, в связи с тем, что структура слов, включающих данный компонент, уже четко осознается; 3) дальнейшее функционированием иноязычной морфемы в русском языке; на этом этапе могут появиться омонимичные морфемы; 4) определенная словообразовательная активность иноязычных морфем в русском языке, когда становятся возможными единичные образования на почве русского языка с участием русских производящих основ, нередко окказионального характера; 5) иноязычный структурный элемент становится полноценной морфемой в словообразовательной системе русского языка; 6) морфемы иноязычного происхождения начинают развивать свою словообразующую активность, становиться все более продуктивными, притягивая к себе все большее число основ для образования новых слов, в том числе и на русской почве, тем самым расширяя свое значение и развивая многозначность [Сологуб, 2002, с. 130-134]. Заметим, что не все эти стадии проявляются последовательно в словообразовании при помощи суффикса *-инг-*.

Как мы уже писали выше, на рубеже XX – XXI веков стала заметна словообразовательная «самостоятельность» английского аффикса *-инг*. Уже в Русской грамматике 1980 он отмечается как словообразовательный суффикс, «встречающийся в небольших группах отглагольных существительных с процессуальным значением, составляющих непродуктивные словообразовательные типы: *крекировать - крекинг*

(техн.), *тренинг*, *форсинг* (спорт.)» [Русская грамматика, § 283]. С другой стороны, целый ряд исследователей более позднего периода считает, что данный аффикс не может являться полноценным словообразовательным суффиксом. Так, Ш. Сешан пишет, что в 90-х годах прошлого столетия данный формант еще не является самостоятельной словообразовательной единицей, т.к. заимствованные слова на *-инг* не членятся [Сешан, 1996, с.46-49]. О.П. Сологуб также считает, что *-инг-* еще не сформировался как полноценный суффикс, т.к. слова, в которых он выделяется, лишены словообразовательной структуры. Исследователь отмечает, что в русском языке отсутствует производящая основа, на базе которой образован англицизм, а это является необходимым условием для становления самостоятельной морфемы: словообразовательный аффикс сам по себе не может быть вычленен из заимствованных слов, если в нем не вычленена образующая основа, не только формально, но и семантически. «Для активизации чуждого аффикса необходимо, чтобы на новую почву заимствующего языка были перенесены не изолированные слова, а производные вместе с производящими, что составляет основу для проявления словообразовательной модели» [Сологуб, 2002, с. 130-134].

Но активный процесс внедрения английских слов в современный русский язык последние два десятилетия говорит о том, что ситуация меняется: постепенно формант *-инг* приобретает многие черты русского словообразовательного аффикса. Речевая активность существительных на *-инг* на рубеже XX-XXI в. возросла под влиянием медиа-текстов, насыщенных заимствованными терминами [Ращибуурская, 2014]. Об этом, как мы видели, свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка. Кроме того, существительные на *-инг* входят в название официальных организаций: «Как поясняет директор департамента разработки розничных продуктов Бинбанка Антон Маслий, из всех финансовых организаций банки наиболее прозрачны в своей деятельности: они подконтрольны ЦБ РФ, налоговым органам, Роспотребнадзору, Росфинмониторингу, Роскомнадзору» (Национальный корпус русского языка), «Такие сведения содержатся в документах исполнителя проекта — ФГУП «Спецстройинжиниринг при Спецстрое России» (имеются у «Известий»)» (Национальный корпус русского языка).

Однако формированию полноценного словообразовательного типа препятствуют, на наш взгляд, следующие факторы:

1. Нерегулярность в членении существительных на *-инг*. Так, по нашим данным, в текстах официально-делового стиля только в 50 % зафиксированных слов выделяется данный аффикс [Вотякова, 2018, с.215-216]. По-прежнему не членятся следующие высокочастотные слова: *лизинг*, *рейтинг*, *брифинг*, *холдинг*, *тюбинг*, *боулинг*, *кастинг* и др. С другой стороны, все они легко включаются в деривационные процессы русского языка,

становясь производящей основой для соответствующего прилагательного. Например: *маркетинговые инструменты, консалтинговые услуги, процессинговые компании, клиринговый центр, аутсорсинговая компания, инжиниринговые услуги, допинговый скандал, лизинговые структуры, холдинговый центр, дилинговое управление* и т.д.

2. Непоследовательность в членении, проявляемая в отсутствии ожидаемой глагольной мотивированности. В этом случае структурно-семантическая связь устанавливается с соответствующим однокоренным существительным: *маркет-инг – маркет-олог; франчайз-инг – франчайз-ер, аутсорс-инг – аутсорс-ер, кикбокс-инг – кикбоксер* и т.д. Мотивированность глаголом устанавливается в следующих случаях:

- *мониторинг*. Сравните: *монитор-инг – монитор-ить*. Например: «Мы рассчитываем, что скорейшее возвращение ООН и возложение на ООН ведущих функций в Ираке позволят также обеспечить беспристрастный международный **мониторинг** в области прав человека в этой стране» (Национальный корпус русского языка). Это существительное может послужить производящей основой: *мониторинг → мониторинговый*.

- *тренинг*. Сравните: *трен-инг – трен-ировать – трен-ер*. В данном случае отмечается словообразовательная синонимия: *трен-инг – трениров-ка*. *Тренинг* имеет значение «систематическая тренировка или совершенствование определенных навыков и поведения участников тренинга. Различают тренинг делового общения, тренинг продаж, перцептивный тренинг, поведенческий тренинг и др.». Например: «На протяжении работы— регулярные **тренинги**, семинары» (Национальный корпус русского языка). *Тренировка*, как нам кажется, хотя и может обозначать учебное занятие, упражнение в каком-либо навыке и умении, но больше связана со спортивной, военной средой. Оба существительных могут стать производящей основой: *тренинг → тренинговый, тренировка → тренировочный*.

Нерегулярность в единообразии производящей основы проявляется и в том, что соответствующие глаголы могут образовываться на базе существительных на –инг, формируя другой словообразовательный тип:

- *прессинг – прессинговать – запрессинговать*: «К началу третьего периода "Островитяне" вели с отрывом в две шайбы, а Ковалева прессинговали по всей площадке, не давая ему даже прикоснуться к шайбе — за два первых периода он бросил по воротам лишь раз» (Национальный корпус русского языка); «Лоськов запрессинговал Келя на чужой половине поля, отнял мяч и мгновенно вычислил в штрафной Пименова — тот выстрелил в двадцати сантиметрах от «девятки» (Национальный корпус русского языка);

- *митинг* - *митинговать* - *помитинговать* - *заминитинговать*: «Толпа недовольных количеством до тысячи митингует на площади и, по последним донесениям, собирается идти к Дому правительства» (Национальный корпус русского языка); «Были у нас любители помитинговать» (Национальный корпус русского языка); «Но на утро у Днестра, в солнечном местечке Залецики, солдаты замитинговали» (Национальный корпус русского языка);

- *рейтинг* - *рейтинговать*: «Мы хотим отшлифовать порядок конкурса, обеспечить равные права для его участников. Например, изначально рейтинговать их по малым, средним и прочим заказам» (Национальный корпус русского языка);

- *демпинг* - *демпинговать*: «Цены придется снизить, если новичок будет их демпинговать» (Национальный корпус русского языка);

- *пилинг* - *пилинговать*: «Вот поэтому надо начинать ее пилинговать, убирать мертвые клетки, чтобы кожа была постоянно свежей. — Существует мнение, что умываться вредно. — Умываться нужно» (Национальный корпус русского языка);

- *пирсинг* - *пирсинговать*: «Вот если бы пирсинговать язык. Круто будет в процессе утомительных переговоров со всякими занудливыми жлобами невзначай его продемонстрировать» (Национальный корпус русского языка);

- *тюнинг* - *тюнинговать* - *оттюнинговать* - *затюнинговать*: «Он купил около трехсот для маскировки — чтобы наблюдатель, анализируя его метадату, пришел к выводу, что он серьезно тюнингует свою Мэрилин» (Национальный корпус русского языка); «Народ платит хренову тучу денег, чтобы его оттюнинговать» (Национальный корпус русского языка); «Выбрав себе автомобиль, кто-то уже на следующий день начинает прикидывать, как бы его затюнинговать!» (Национальный корпус русского языка);

- *серфинг* - *серфинговать*: «В сочельник старый скареда дядюшка Скрудж, сыгранный Джимом Керри, принимает размеры, соответствующие его мелочности, — чуть больше клопа, серфингует на сосульке и оказывается на краю собственной могилы в качестве единственного ее посетителя» (Национальный корпус русского языка);

- *спарринг* - *спаринговать*: «Скажем так, при мне этот вопрос обсуждался. Наверное, и сама «ЕР» ждет некую оппозицию, с которой можно будет спаринговать» (Национальный корпус русского языка);

- *шоппинг* - *шоппинговать* - *перешопинговать*: «Окружающие помешаны на шоппинге? Отлично, я перешоппингую их всех» (Национальный корпус русского языка);

- *хонинг* - *хонинговать*: «Замена блока нам, к счастью, в обозримом будущем не грозит: геометрия цилиндров — в норме, износа практически нет, будто только вчера хонинговали» (Национальный корпус русского языка).

3. Непоследовательность в формировании единого словообразовательного значения.

В английском языке дериваты на *-инг* (словообразовательная модель «глагол + *ing*») отмечаются со следующими словообразовательными значениями: процесс действия (*chattering-quick talking* «болтовня»), собирательное значение (*unbecoming* «неподходящее»), однократное действие (*bombing* «бомбежка»), результат действия (*saving* «сбережение»), инструмент действия (*sapling* «саженец»), значение эмоционального состояния (*craving* «выпрашивание», «мольба») [Мешков, 1976, с. 219]. В русском языке, как отмечают ученые, данный словообразовательный элемент воспринимается в качестве суффикса *nomina actionis* [Коряковцева, 2012, с. 183].

Однако такое словообразовательное значение фиксируется далеко не всегда: например, в случае с существительным *паркинг*, которое обозначает *место* действия. С другой стороны, иногда довольно трудно определить значение существительного в связи с широкой сферой его применения. Например, слово *мониторинг* «стало общепризнанным как в науке, так и в других областях общественной практики. Речь идет о постоянном наблюдении за каким-либо процессом с целью выявления его соответствия желаемому результату. Иначе говоря, если диагностика ситуации осуществляется систематически с определенной заданной периодичностью и с использованием одной и той же (во всяком случае, базовой) системы индикаторов, мы имеем дело с мониторингом» [Ганеева, с.30].

4. Данный аффикс не используется при образовании слов от «русской» производящей основы в литературном языке. На наш взгляд, это отвечает общей тенденции употребления иностранных аффиксов в русской словообразовательной системе, когда они «тяготеют» к иностранным по происхождению производящим основам. Только в молодежном жаргоне отмечаются существительные, образованные от «русской» производящей основы: «популярный вид экстремального молодежного спорта электричнинг (выполнение трюков на движущихся составах) привел к жизни большое количество терминов на *-инг*, как англицизмов (*руфрайдинг* - поездка на крыше вагона), так и русских словообразований: *зацепинг* (*фронтсайд зацепинг*, *межвагон зацепинг* и др.) *зацеп стопкраннинг*, *андер-трейн залегайтинг* и др.» [Дьяков, 2013, с.180-186]

Таким образом, несмотря на очевидное присутствие этого аффикса в русской словообразовательной системе, можно отметить целый ряд противоречий, препятствующих продуктивности суффикса *-инг*. Возможно, это обусловлено тем, что данный словообразовательный тип еще находится в стадии формирования.

Список литературы:

Вотякова И.А. Особенности употребления существительных на -инг в русских официально-деловых текстах / И.А.Вотякова, Д. Пыжьянова. VI Междунар. науч.-практ. форум : материалы форума, 1-7 июля 2018 г., г. Комонтины (Греция) / МГУ им. Ломоносова, Высш. шк. перевода. Москва : Издательство Московского университета, 2018. С. 210-216.

Дьяков А.И. Суффикс -инг завоевывает свои позиции в русском словообразовании / А.И.Дьяков, Е.В. Сковрецкая. Сибирский филологический журнал, № 4, 2013, с. 180-186.

Коряковцева Е.И. О деривационном статусе новых морфем / Е. И. Коряковцева. Человек о языке - язык о человеке. М.: Азбуковник, 2012, С. 181-193.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>.

Мешков О.Д. Словообразование в современном английском языке / О.Д. Мешков. М., 1976. 245 с.

Рацибурская Л.В. Динамические аспекты интернационализации в современном медийном словотворчестве. Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2014. №5. [Электронный ресурс] / Л.В. Рацибурская. - 2014. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskie-aspekty-internatsionalizatsii-v-sovremennom-mediynom-slovotvorchestve>.(д

Сешан Ш. Существительные на -инг – символ американской языковой экспансии / Ш. Сешан. Русская речь. 1996. № 3. С. 46 – 49.

Сологуб О.П., Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке / О.П. Сологуб. Наука. Университет. 2001. Материалы Третьей научной конференции. Новосибирск, 2002. С. 130–134.

Трубинова А.И. Заимствования как процесс изменения языка / А.И. Трубинова. Молодой ученый. 2016. №10. С. 1209 – 1212.

Русская грамматика [Электронный ресурс] / 1980 - Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/256-283.html#283>

Ганеева Ж.Г. Определение понятия «Мониторинг» в различных сферах его применения / Ж.Г.Ганеева. Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 8. №1. Челябинск. 2005. С. 30-33.

References:

Votyakova I.A., Pyzh'yanova D. Osobennosti upotrebleniya sushchestvitel'nykh na -ing v russkikh ofitsial'no-delovykh tekstakh [Peculiarities of usage of nouns with -ing in Russian official texts]. Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2018. S. 210-216. (In Russian).

D'yakov A.I., Skovretskaya E.V. Suffiks -ing zavoeyvayet svoi pozitsii v russkom slovoobrazovanii [The suffix -ing is gaining its position in the Russian word -formation]. Sibirskii filologicheskii zhurnal, № 4, 2013, s. 180-186. (In Russian).

Koryakovtseva E.I. O derivatsionnom statuse novykh morfem // Chelovek o yazyke - yazyk o cheloveke [The Person on the Language - the Language on the Person]. M.: Azbukovnik, 2012, S. 181-193. (In Russian).

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language] [Elektronnyi resurs] / Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru>.

Meshkov O.D. Slovoobrazovanie v sovremennom angliiskom yazyke [Word formation in modern English]. M., 1976. 245 s. (In Russian).

Ratsiburskaya L.V. Dinamicheskie aspekty internatsionalizatsii v sovremennom mediinom slovotvorchestve [Dynamic aspects of internationalization in modern media word creation]. Vestnik VoLGU. Seriya 2: Yazykoznanie. 2014. №5. [Elektronnyi resurs] / - 2014. - Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskie-aspekty-internatsionalizatsii-v-sovremennom-mediynom-slovotvorchestve>. (In Russian).

Seshan Sh. Sushchestvitel'nye na -ing – simvol amerikanskoi yazykovoi ehkspansii [Nouns that end in -ing as a symbol of the American language expansion]. Russkaya rech'. 1996. № 3. S. 46 – 49. (In Russian).

Sologub O.P. Usvoenie inoyazychnykh strukturykh ehlementov v russkom yazyke [Assimilation of foreign language structural elements in Russian]. Novosibirsk, 2002. S. 130–134. (In Russian).

Trubinova A.I. Zaimstvovaniya kak protsess izmeneniya yazyka [Borrowing as a process]. Molodoi uchenyi. 2016. №10. S. 1209 – 1212. (In Russian).

Russkaya grammatika [Russian grammar] [Elektronnyi resurs] / 1980 - Rezhim dostupa: <http://rusgram.narod.ru/256-283>. (In Russian).

Ganeeva Zh. G. Opredelenie ponyatiya «MonitorinG» v razlichnykh sferakh ego primeneniya [Definition of the concept of "monitoring" in various fields of its application]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Vypusk 8. №1. Chelyabinsk. 2005. S. 30-33. (In Russian).

Зеленова Анастасия Алексеевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Zelenova Anastasia
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**КАТЕГОРИЯ ОДУШЕВЛЕННОСТИ-НЕОДУШЕВЛЕННОСТИ В
ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ДЛЯ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ИЗ КИТАЯ**

**TEACHING PECULIARITIES OF ANIMACY/INANIMACY CATEGORY IN RUSSIAN
AS A FOREIGN LANGUAGE FOR THE CHINESE STUDENTS**

Категория одушевлённости-неодушевлённости проявляется как в русском, так и в китайском языках на разных языковых уровнях. В данной статье рассматриваются морфологический, лексический и синтаксический уровни языка, рассматриваются случаи совпадения и различия в способе реализации данной категории в двух языках. Данная категория вызывает ошибки в русской речи китайских студентов вследствие интерферирующего влияния родного языка на всех трех языковых уровнях. Понимание источника ошибок, связанных с категорией одушевлённости-неодушевлённости может помочь при разработке учебных материалов и методических разработок, нацеленных на аудиторию китайских студентов.

Animacy/inanimacy category appears both in Russian and in Chinese languages at different linguistic levels. This article examines the morphological, lexical and syntactic levels of the language, investigates coincidence and peculiarities in the way this category is expressed in two languages. This category causes errors in the Russian speech of Chinese students due to the interfering influence of the native language at three language levels. Awareness about the source of problems that are associated with the animacy/inanimacy category can help in the development of educational material and methodological approach intended for the Chinese students.

Ключевые слова: категория одушевлённости-неодушевлённости, русский язык как иностранный, китайский язык, межъязыковая интерференция.

Key words: animacy/inanimacy category, Russian as a Foreign Language, Chinese language, cross-language interference.

Известный российский лингвист В.Г. Гак отмечал, что в процессе описания языка лингвист «держит в своем сознании привычную схему родного либо какого-нибудь другого языка, с которым он поневоле сравнивает факты изучаемого им нового языка, пропуская их через привычную сеть понятий» [Гак; 1989, с. 5]. Это утверждение, на наш взгляд, справедливо не только для лингвистов, но и для изучающих иностранные языки. Проблема особенно актуальна для студентов, которые изучают иностранный язык, который не является родственным их родному языку, как, например, языковая пара: русский и китайский, где русский язык – флективный язык синтетического строя, тогда как китайский – изолирующий язык аналитического строя. Таким образом, при обучении китайских студентов русскому языку необходимо учитывать некоторые особенности, которые возникают в результате сопоставления двух языков.

Категорию одушевленности-неодушевленности в русском и китайском языках мы будем рассматривать как лексико-грамматическую. Данная категория проявляется на морфемном, лексическом и синтаксическом уровнях языка как в русском, так и китайском языках. Однако, способы выражения данной категории не всегда совпадают в двух языках, на что следует обратить внимание преподавателям РКИ, работающим в аудитории китайских студентов.

Для носителей русского языка одушевлённым является «всё, что в действительности является им, а также всё то, что может при определенных условиях считаться «одушевлённым» [Боровик, 2010, с. 72]. Это названия людей и животных: человек, сын, студентка, кот. Неодушевленные существительные — это названия всех других предметов и явлений: стол, происшествие, движение, поездка. При кажущейся простоте и очевидности данной категории в русском языке постоянно обнаруживаются большое количество неоднозначных явлений. Здесь следует отметить, что деление существительных на одушевленные и неодушевленные в русском языке не всегда соответствует современной научной идеологии по разделению на живое и неживое в природе.

Для выделения категории одушевленности-неодушевленности в китайском языке используются другие основания, чем в русском языке. Как отмечает А. А. Драгунов, китайские существительные разделяются на подклассы «лиц» и «нелиц» (т.е. различаются с одной стороны, человек, а с другой стороны—остальные живые существа и неживые предметы) [Драгунов, 1952, с. 7-9].

Морфологический уровень

В русском языке наиболее отчетливо данная категория выражена в форме множественного числа. Парадигмы одушевленных и неодушевленных существительных во множественном числе последовательно различаются: у одушевленных существительных форма винительного падежа множественного числа совпадает с формой родительного падежа, а у неодушевленных — с формой именительного падежа. В единственном числе у одушевленных существительных мужского рода совпадают формы родительного и винительного падежа, а у неодушевленных — формы именительного и винительного падежей. А вот у слов женского рода и среднего рода, которые стоят в форме единственного числа, данная категория не проявляется, то есть у них отсутствует формальное разграничение одушевленности-неодушевленности [Шведова, 1980, с. 461]. Рассматриваемая категория в форме единственного числа парадигматически выражается только у слов мужского рода I склонения. Важно отметить, что изменение окончания относится как к самому существительному, так и к согласующимся с ним формам прилагательных или причастий [Лекант, 2007, с. 253].

Так как китайский язык относится к изолирующим, в нём отсутствуют флексии, поэтому для китайских студентов на начальном этапе изучения русского языка необходимо не только освоить падежные окончания, но и чётко разграничивать падежные окончания в зависимости от того, является ли конкретное слово одушевлённым или нет.

Лексический уровень

Как уже отмечалось выше, деление существительных на одушевленные и неодушевленные не отражает полностью существующее в мире деление на живое и неживое. На лексическом уровне данная категория совпадает в русском и китайском языках, за исключением отдельных слов или групп слов русского языка, в которых наблюдаются сложности в определении категории, колебания или неопределенность в отнесении к одушевлённости или неодушевлённости (например, туз, идол, кумир, Марс, «Запорожец», дворник и т.д.). Например, в русском языке слово «труп» относится к неодушевленному, а слово «мертвец» - к одушевлённому. Что же касается китайского языка, с грамматической точки зрения, слово «尸体» shiti (труп) классифицируется как одушевленное существительное (сочетается с суффиксом множественного числа одушевленных существительных; сочетается с глаголами, которые являются косвенными показателями одушевленности). Однако слово «死人» siren (мертвец) в китайском языке не сочетается с показателем множественности 们 men существительных, обозначающих людей.

Кроме того, несовпадения проявляются в области обозначения нерасчленённой или собирательной совокупности живых существ (родня, молодежь): в русском языке они относятся к грамматически неодушевленным, тогда как в китайском языке они относятся к категории «лиц» и выступают как одушевленные существительные. Например, в русском языке слово «народ», с грамматической точки зрения (в форме множественного числа совпадают флексии винительного и именительного падежей. Ср.: ООН призывает народы вернуться к мирному сосуществованию. — Народы веками жили рядом), относится к неодушевленному, то в китайском языке слово «人民» renmin будет классифицироваться как одушевленное. Приведем другой пример, слово «年轻人» nianqingren «молодежь» в русском -неодушевленное существительное, в китайском одушевленное.

Однако на лексическом уровне существуют и совпадения в выражении категории в двух языках в таких областях, как существительные, обозначающие лиц (в том числе такие слова, как дух, покойник, мифические персонажи), и существительные, которые не называют людей и животных (явления, предметы, абстрактные понятия).

Помимо совпадения значений существительных, в русском и китайском языках совпадают вопросительные местоимения (кто? = 谁? shei, что? = 什么? shenme), а также личные местоимения. Личные местоимения третьего лица 他 ta (он) и 她 ta (она) могут заменять в предложении существительные, которые называют людей в зависимости от их рода. Личное местоимение третьего лица 它 замещает существительные, которые обозначают неодушевленные предметы [Драгунов, 1952, с. 7-9].

Что касается существительных, которые обозначают животных, то здесь невозможно дать однозначного ответа, к какой категории они относятся в китайском языке, тогда как в русском языке название животных безусловно относится к категории одушевленности. Названия животных могут употребляться с показателем коллективной множественности одушевлённых 们 men, могут употребляться с префиксами, которые называют род животного. Однако при замене названия животного на личное местоимение, как правило, используется личное местоимение 它 ta, которое употребляется для обозначения неодушевленных предметов.

Как отмечает Н.К. Грабовский, «на лексическом уровне интерференция обусловлена несовпадениями в отношениях между означающими, означаемыми и знаками в разных языках. Часто можно наблюдать различия ассоциативных полей лексики, несовпадения лексической сочетаемости и многое другое», что приводит к ошибкам, связанным с межъязыковой интерференцией [Грабовский, 2007, с. 317].

Здесь хотели бы еще раз подчеркнуть, что категория одушевленно-неодушевленности является лексико-грамматической категорией несмотря на то, что глаголы и прилагательные несут в себе сему «живого» или «неживого», они также сочетаются с существительными, а словосочетания и предложения уже рассматриваются на синтаксическом уровне языка.

Синтаксический уровень

На синтаксическом уровне категория одушевленности - неодушевленности проявляется в специфике сочетаемости имен существительных с глаголами, именами прилагательными, числительными и другими частями речи.

Что касается имен прилагательных и глаголов новую классификацию, основанную на их семантических свойствах, предложила профессор Л.Д. Чеснокова, которую в дальнейшем расширил А.Г. Нарушевич. Ученые предложили разделить глаголы и прилагательные на одушевленно-/неодушевленно-маркированные и нейтральные.

Все глаголы русского языка по своим семантическим свойствам распределяются по следующим группам:

1. Одушевленно-маркированные - обозначают действия, совершающиеся живыми существами («болеть», «дышать», «размышлять» и др.), а также действия, направленные на живых существ («кормить», «воспитывать», «обучать» и др.),

2. Неодушевленно-маркированные - обозначают действия, совершающиеся неживыми предметам («скрипеть», «испаряться» и др.), а также действия, направленные на неживые предметы («конструировать», «консервировать», «ломать» и др.),

3. Нейтральные - обозначают действия, общие для живых и неживых предметов («падать», «лежать» и др.), а также действия, которые могут быть направлены как на живые, так и на неживые предметы («видеть», «любить», «рассматривать» и др.).

Аналогичное деление осуществляется среди имен прилагательных:

1. Одушевленно-маркированные - обозначают признаки живых существ («флегматичный», «вспыльчивый», «добрый», «злой», «умный», «настойчивый» и др.);

2. Неодушевленно-маркированные - обозначают признаки неживых предметов («жидкий», «редкий», «глубокий», «пряный», «кислый», «горький», «прочный» и др.);

3. Нейтральные - обозначают признаки, общие для живых и неживых предметов («левый», «правый», «высокий», «маленький», «тяжелый», «белый», «красный» и др.) [Нарушевич, электрон.ресурс].

В китайском языке мы также наблюдаем распределение глаголов и прилагательных по данным группам, однако отнесение слова к той или иной группе не всегда совпадает в русском и китайском. Например, в русском языке глагол «лежать» относится к нейтрально маркированным, так как в русском языке как живое, так и неживое может совершать это действие: книга лежит на столе — мальчик лежит на диване. В китайском языке мы обнаруживаем несколько глаголов, которые будут переводиться на русский язык глаголом «лежать»: 躺 tang - только для лиц, 放 fang - для нелиц, то есть предметов. Таким образом, могут появляться ошибки, связанные с нарушением лексической сочетаемости русских слов в речи китайских студентов.

При согласовании сказуемого с подлежащим, имеющим в своем составе собирательные существительные, в некоторых случаях категория одушевленности-неодушевленности оказывает влияние. Например, сказуемое в единственном числе будет стоять с подлежащим с зависимыми словами в единственном числе, обозначающими производителей действия, то есть лиц: Большинство группы (класса) выполнило задание досрочно. Но если зависимое слово - неодушевленное существительное, то будет: Большинство писем доставлено утром [Есакова, 2017, с. 402-404].

Исследуемая нами категория на уровне синтаксиса проявляется в согласовании: в винительном падеже прилагательное или причастие, которое относится к

одушевлённому существительному, должно стоять в форме омонимичной родительному падежу, а при неодушевлённом существительном — именительному падежу [Камынина, 1999, с.41].

В.В. Боровик отмечает также, что влияние категории одушевленности обнаруживается и в тех случаях, когда существительное не стоит в форме винительного падежа. Это случаи с местоимениями «которые» или «которых», использующимися для присоединения определительного придаточного предложения к главному. Данные словоформы согласуются с существительными, стоящими в именительном падеже множественного числа, и выступают в форме винительного падежа, обусловленной глаголом придаточного предложения. Приведем пример для большей ясности: Есть песни, которые я не могу слушать – Мы видим двух нападающих, которых меняет главный тренер [Боровик, 2010, с. 76-77].

Для студентов из Китая употребление местоимения «который», в целом, оказывается затруднительным в силу того, что в их родном языке отсутствует союзное слово с аналогичными функциями. Тем не менее, в учебных пособиях по русскому языку для иностранных студентов предлагается значительное количество упражнений на отработку падежных окончаний этого местоимения⁴⁴.

Числительные не могут иметь номинативного значения одушевленности-неодушевленности, однако некоторые существительные реагируют на данную категорию. Числительные непоследовательно обозначают одушевленность или неодушевленность тех существительных, с которыми они сочетаются. Из количественных числительных на одушевленность указывают только слова два, три и четыре: видел две (три) картины, но двух товарищей, трех подруг; поднял четыре кубика, но поднял четырех котят [Шведова, 1980, с. 573]. Собирательные числительные в сочетании с неодушевленными существительными используются, как правило, только в форме именительного-винительного падежа: двое саней, трое ножниц, четверо суток [Есакова, 2017, с. 373].

В китайском языке числительные не отражают категорию одушевленности-неодушевленности следующего за ним существительного, что приводит к ошибкам при построении собственных предложений или переводе предложений с китайского на русский язык студентами из Китая.

⁴⁴ Антонова В.Е., Нахабина М.М., Толстых А.А. Я пишу по-русски. Пособие для иностранных учащихся. Базовый уровень. — 4-е изд. — СПб.: Златоуст, 2020. — 172 с.

Ермаченкова В.С. Повторяем падежи и предлоги: корректировочный курс для изучающих русский язык как второй (электронное издание). — 3-е изд. — СПб.: Златоуст, 2014. — 172 с.

Хавронина С.А. Русский язык в упражнениях. — 19-е изд. — М.: Русский язык. Курсы, 2009. — 384 с.

В силу того, что китайский язык - язык изолирующий, порядок слов в предложении очень важен, поэтому категория одушевленности-неодушевленности в китайском языке на синтаксическом уровне выражается не только в сочетаемости имен существительных с глаголами, именами прилагательными, числительными и другими частями речи, но и в порядке слов в предложении, чего мы не наблюдаем в русском языке. Например, если в роли прямого дополнения выступает местоимение или одушевленное существительное в предложении с дополнением длительности, то схема предложения может отличаться от схемы предложения, в котором прямое дополнение выражено неодушевленным существительным. Для наглядности приведем пример:

1. 我念了四十分钟的法文。wo nianle si sei fenzhong de fawen. Я читал по-французски 40 минут. Схема: Подлежащее + Сказуемое + Дополнение длительности + Служебное слово 的 + Дополнение, выраженное неодушевленным существительным.

2. 我等了他两个小时。wo dengle ta liang ge xiaoshi. Я ждал его два часа. Подлежащее + Сказуемое + Дополнение, выраженное местоимением или именем собственным + Дополнение длительности. На данном примере мы видим, что категория одушевленности меняет обычный порядок слов.

Также данная категория проявляется в предложениях с дополнением кратности. Сравним: 1. 我找过他几次。wo zhaoguo ta ji ci. Я несколько раз заходил к нему. Схема: Подлежащее + Сказуемое + Дополнение, выраженное местоимением или именем собственным + Дополнение кратности. 2. 他量过一次血压。ta liang guo yi ci xueya. Он один раз мерил давление. Схема: Подлежащее + Сказуемое + Дополнение кратности + Дополнение, выраженное неодушевленным существительным. Если дополнение выражено неодушевленным существительным, то оно ставится после дополнения кратности, а если местоимением или именем собственным, то после сказуемого перед дополнением кратности. Также категория одушевленности-неодушевленности проявляет себя и в конструкциях пассива [Кондрашевский, 2009, с. 19 - 23, с. 55-56, с. 573 - 575].

Как в русском, так и в китайском языке категория одушевленности-неодушевленности определяет синтаксическую конструкцию при ответе на вопросы «где? куда? откуда?». Например, в русском языке при ответе на вопрос «где?» с одушевленными существительными употребляется предлог «у» и родительный падеж, с неодушевленными - «в/на» и предложный падеж. Сравним: Где он был? Он был у бабушки в деревне. При ответе на вопрос «куда? откуда?» мы также наблюдаем различие в выборе предлога и

падежа в зависимости от того, какое далее следует существительное [Унченко, 2013, с. 26-30].

Однако в китайском языке при ответе на данные вопросы после объекта, выраженного одушевлённым существительным или личным местоимением, необходимо использовать указательное местоимение (указательный послелог) 这 zhe (здесь, сюда) или 那 na (там, туда) и их вариаций или существительные, которые используются в качестве послелогов, указывая местоположение или местоположение [Кондрашевский, 2009, с. 240-241].

Подобная разница может привести к лексической избыточности. Рассмотрим пример: 我从朋友那儿来。 Я иду (пришел) от друга. Китайские студенты зачастую дают следующий перевод: Я иду от друга оттуда. В данном случае это пример лексической избыточности, который связан с калькированным переводом [Гарбовский, 2007, с. 498].

Как мы видим, на синтаксическом уровне совпадений в выражении категории одушевленности-неодушевленности практически нет. На данном языковом уровне категория одушевлённости-неодушевлённости проявляется по-разному, из-за чего могут возникнуть многочисленные проблемы межъязыковой интерференции.

Таким образом, категория одушевлённости-неодушевлённости в русском и китайском языках проявляет себя на всех языковых уровнях, однако выражается различными средствами, что может привести к ошибкам в речи китайских студентов, связанных с межъязыковой интерференцией.

Список литературы:

- Боровик В.В.* Категория одушевленности/неодушевленности и некоторые аспекты её усвоения иностранными студентами // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, 2010. – №4. с. 72-78.
- Гак В.Г.* О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М., 1989. 440 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та., 2004. - 544 с.
- Драгунов А.А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т.1. 231 с.
- Есакова М.Н.* Речевая культура переводчика. Русский язык: учеб. пособие. Книга для студента / М.Н. Есакова, Ю.Н. Кольцова, Г.М. Литвинова. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 640 с.
- Камынина А.А.* Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. М.: Изд-во МГУ, 1999. - 240 с.
- Кондарешевский А.Ф., Румянцева М.В.* Практический курс китайского языка: Т. 2 / отв. ред. А.Ф. Кондарешевский. – 10-е изд., перер. и доп. – М.: Восточная книга, 2009. 736 с.
- Лекант П.А.* Современный русский язык: учеб. для студ. вузов, обучающихся по спец. «Филология» / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин и др.; под ред. П.А. Леканта. – 4-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2007. 557 с.
- Нарушевич А.Г.* Категория одушевленности-неодушевленности в свете теории поля [Электрон. ресурс]: автореф. дис.. канд. филол. наук: 10.02.01 / А.Г. Нарушевич; Таганрогский

государственный педагогический институт. Таганрог, 1996. 24 с. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/kategoriya-odushevlennosti-neodushevlennosti-v-svete-teorii-polya>
Унченко В.В., Хозяйкина Н.В. Глаголы движения русского языка (сборник таблиц и упражнений слушателям подготовительного отделения для иностранных граждан): – Д.: Национальный горный университет, 2013. 53 с.
Шведова Н.Ю. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. 789 с.

References:

- Borovik V.V.* Kategoriya odushevlennosti/neodushevlennosti i nekotorye aspekty ee usvoeniya inostrannymi studentami // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – Irkutsk, 2010. – №4. s. 72-78.
- Dragunov A.A.* Issledovaniya po grammatike sovremennogo kitaiskogo yazyka. – М., L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. – Т.1. 231 s.
- Esakova M.N.* Rechevaya kul'tura perevodchika. Russkii yazyk: ucheb. posobie. Kniga dlya studenta / M.N. Esakova, Yu.N. Kol'tsova, G.M. Litvinova. – М.: FLINTA: Nauka, 2017. 640 s.
- Gak V.G.* O kontrastivnoi lingvistike // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. – Вып. XXV. Kontrastivnaya lingvistika. – М., 1989. 440 s.
- Garbovskii N.K.* Teoriya perevoda: Uchebnik. – М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. - 544 s.
- Kamynina A.A.* Sovremenniy russkii yazyk. Morfologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov. М.: Izd-vo MGU, 1999. - 240 s.
- Kondareshvskii A.F., Rumyantseva M.V.* Prakticheskii kurs kitaiskogo yazyka: Т. 2 / otv. red. A.F. Kondareshvskii. – 10-e izd., perer. i dop. – М.: Vostochnaya kniga, 2009. 736 s.
- Lekant P.A.* Sovremenniy russkii yazyk: ucheb. dlya stud. vuzov, obuchayushchikhsya po spets. «Filologiya» / P.A. Lekant, E.I. Dibrova, L.L. Kasatkin i dr.; pod red. P.A. Lekanta. – 4-e izd., stereotip. – М.: Drofa, 2007. 557 s.
- Narushevich A.G.* Kategoriya odushevlennosti-neodushevlennosti v svete teorii polya [Elektron. resurs]: avtoref. dis.. kand. filol. nauk: 10.02.01 / A.G. Narushevich; Taganrogskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. Taganrog, 1996. 24 s. – Rezhim dostupa: <http://cheloveknauka.com/kategoriya-odushevlennosti-neodushevlennosti-v-svete-teorii-polya>
- Shvedova N.Yu.* Russkaya grammatika. – М.: Nauka, 1980. 789 s.
- Unchenko V.V., Khozyaikina N.V.* Glagoly dvizheniya russkogo yazyka (sbornik tablits i uprazhneniĭ slushatelyam podgotovitel'nogo otdeleniya dlya inostrannykh grazhdan): – D.: Natsional'nyĭ gornyy universitet, 2013. 53 s.

Конюхова Елена Станиславовна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Konyukhova Elena
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ В РУССКИХ СКАЗКАХ И БЫЛИНАХ НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

CULTURE-SPECIFIED LINGUISTICS IN RUSSIAN FAIRY TALES AND EPICS IN LITERATURE LESSONS

На занятиях по русской литературе необходимо не только понимание языковых трудностей, но и лингвострановедческий анализ произведений русского фольклора. Лингвострановедческий анализ русских сказок и былин помогает иностранным слушателям преодолеть культурный барьер, снять языковые трудности при их прочтении. В статье рассматриваются некоторые аспекты фольклорной лексики, характеризующие особенности быта, русских традиций и обычаев, исторической действительности. Знакомство с произведениями русского фольклора повышает уровень общего развития студентов, помогает им ближе понять страну и традиции изучаемого языка.

Russian literature classes require an understanding of not only language difficulties, but also culture-specified linguistics analysis of works of Russian folklore. Culture-specified linguistics analysis of Russian fairy tales and epics helps foreign listeners to overcome the cultural barrier and remove language difficulties when reading them. The article considers some aspects of folklore vocabulary that characterize the peculiarities of everyday life, Russian traditions and customs, and historical reality. Familiarity with the works of Russian folklore increases the level of General development of students, helps them to understand the country and traditions of the language being studied.

Ключевые слова: русская литература, фольклор, сказка, былина, лингвострановедческий анализ, РКИ.

Key words: Russian literature, folklore, fairy tale, Bylina, culture-specified linguistics analysis, Russian as a foreign language.

Русские сказки и былины вызывают большой интерес у иностранных студентов, но при их прочтении возникают определённые трудности как языкового, так и лингвострановедческого характера. В этих фольклорных произведениях присутствует специфическая национальная лексика, с помощью которой иностранный учащийся знакомится с особенностями быта, традиций, обычаев, исторической действительности Руси.

Рассмотрим одну из самых известных былин древнерусского эпоса. В начале былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (URL: <https://narodstory.net/russkie-bilyini.php?id=10>) появляются такие реальные названия географических мест, как Муром, Карачарово (топоним имеет тюркское происхождение. Оно может значить: «кара джар» (черный яр) — крутой берег реки или утес, почва которого имеет черный цвет. С другой стороны, слово «кара» переводится с тюркских языков еще и как глагол «смотри,

наблюдай». Поэтому, по другой версии, топоним «Карачарово» означает «дозорный пункт, наблюдательный пост»), стольный Киев-град, Чернигов, речка Смородина. Их легко можно найти на карте и показать студентам, где территориально находились места, описанные в текстах многих былин. Недалеко от города Брянска расположен город Карачев (*Карачарово*), леса Брынские – это леса около города Брянска, стольный Киев-град – столица древней Руси, дорога в который шла через город Чернигов. Город Муром – родина русского богатыря Ильи Муромца, а речка Смородина – один из главных символов славянской мифологии, имеет реальный прототип – река Смородинная в Брянской области около села Девять Дубов (*Соловей-разбойник сидит на 9 дубах*). Названия этих мест обладают «общей языковой историей и, в то же время, отдельной историко-культурной биографией» [Горбаневский М.В. 1991, с. 25]. Название быliny «Илья Муромец и Соловей-разбойник» тоже требует определённого комментария от преподавателя на занятии по русской литературе. Иностранному студенту интересно узнать, что Илья Муромец – не только крестьянский сын, русский богатырь, идеальный герой-воин, защитник Руси, но и реальный человек, которого русская церковь считает святым. Соловей-разбойник – противник героя, злодей-разбойник, поражающий своих врагов громким свистом и криком, объединяет в себе черты птицы (*соловей*) и разбойника (*чудовищного богатыря*), который уже 30 лет никого не пропускает по дороге, ведущей к городу Киеву. Он сидит на девяти дубах и убивает всех не оружием, а своим свистом: «А то свищет Соловей да по-соловьему, Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному» ... Русский богатырь начинает поединок с разбойником и одерживает победу. Когда Илья Муромец приезжает с побеждённым врагом в Киев-град, к славному князю Владимиру на широкий двор, читатель знакомится с особенностями быта того времени. Божья церковь, палаты белокаменные (*дворец*), горенка (*горница*) – чистая комната в крестьянском доме, иногда находилась на втором этаже. По традиционному русскому обычаю богатырь приветствует князя и других его гостей, поклонившись на три, четыре стороны:

«Вёл поклоны по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину (*особенно*),
Еще всем его князьям» ...

Почему Илья Муромец кланяется на четыре стороны? Четыре стороны света - это восток и запад, которые символизировали восход и заход солнца, а юг и север – это направления соответствующих ветров.

Иностранцы имеют возможность узнать, как представлялись люди на Руси в то время, подумать, как мы представляемся сейчас:

«Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству?
Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
- Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович».

Князь Владимир не сразу поверил богатырю, что он совершил такой славный подвиг, но выйдя на широкий двор и увидев Соловья-разбойника, он приказывает ему: «Засвищитко, Соловей, ты по-соловьему». Соловей-разбойник не повинуется князю, ждёт приказа от Ильи Муромца. Получив разрешение, он «засвистал тут по-соловьему, закричал Разбойник по-зверинуму», поэтому «Маковки на теремах покривились,

А околенки во теремах рассыпались.

От него, от посвиста соловьего,

А что-есть-то людюшек - так все мертвы лежат» ...

Необходимо объяснить, что *маковка на тереме* – *верхушка на доме, жилище*; *околенки* – *окна, рамки*; *людюшки* – *люди*.

Тогда сел Илья Муромец на своего доброго коня, отвёз Соловья-разбойника в чистое поле и срубил ему буйну (беспутную, шальную) голову.

В тексте былины перечисляется сложная для понимания иностранным студентом устаревшая военная лексика:

Копьё – *холодное оружие. Имело металлический наконечник, использовалось в бою.*

Воевода – *предводитель войска, военачальник. С X века каждый из полков русского войска имел во главе воеводу.*

Пехота – *сухопутные войска.*

Тугой лук – *разновидность оружия для дальнего боя.*

Стрелочка калёная – *колчан* – *это сумка для стрел, калёные стрелы имели закалённый стальной наконечник.*

Стремя булатное – *приспособление для ноги всадника, булат* – *железо.*

При знакомстве с текстами былин необходимо сокращение этой незнакомой лексики и грамматических конструкций, замена новых слов на синонимы, добавление слов, которые помогают понять смысл фраз, предложений. В былинах используются традиционные устойчивые сочетания, выражения. Например, эпитеты переходят из одной былины в другую. В былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» конь – богатырский, молодец – добрый, руки – белые, уста (*губы, рот*) – сахарные, поле - чистое. Для фольклорного языка

былин характерны и уменьшительно-ласкательные формы слов: удаленький, силушка, дорожка, дороженька, травушка-муравушка, реченька, ручушка и постоянные повторы: «нагнано-то силушки черным-черно, ай черным-черно, как черна ворона». Использование синонимических и тавтологических сочетаний, многократных повторов, уменьшительно-ласкательных суффиксов помогало исполнить певцу былинку ярко, неповторимо, красочно, а читателю насладиться красотой и богатством языка. Повторение предлогов является характерным приёмом, который использовали для замедления ритма речи как в былинах, так и в сказке. Былины написаны тоническими стихами. В них не используется рифма, нет равномерного чередования ударных и безударных слогов, но существует одинаковое количество ударений.

На занятии могут быть использованы следующие виды заданий:

1. Дополните предложения.

_____ - русский богатырь из города Муром.

_____ - свищет по-соловьему, кричит, злодей-разбойник, по-звериному.

_____ - князь из стольного Киев-града.

Палаты белокаменные – это _____.

Горница – это _____.

Терем - _____.

2. Подберите синонимы к данным словам. Составьте с ними словосочетания или предложения.

стольный град; церковь; уста; сражение и т.п.

3. Подберите антонимы к данным словам. Составьте с ними словосочетания или предложения.

победа; добрый; смелый; друг и т.п.

4. От данных слов, с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов, образуйте новые слова.

река – трава – дорога – сила -

5. Выберите правильный план быliny.

1) Илья Муромец едет из Мурома в Киев

2) рассказ черниговцев о Соловье – разбойнике

3) встреча с Соловьём-разбойником

4) победа Ильи Муромца

5) встреча Ильи Муромца с князем Владимиром

6) сомнения князя Владимира

7) два приказа Соловью - разбойнику

8) казнь Соловья-разбойника

- 1) встреча Ильи Муромца с князем Владимиром
- 2) встреча с Соловьём-разбойником
- 3) победа Ильи Муромца
- 4) отъезд Ильи Муромца из Муромца в Киев
- 5) рассказ черниговцев о Соловье – разбойнике
- 6) сомнения князя Владимира
- 7) два приказа Соловью - разбойнику
- 8) казнь Соловья-разбойника

Знакомство с русской литературой может быть продолжено просмотром мультфильма «Илья Муромец и Соловей-разбойник» (URL:<https://www.ivy.ru/watch/34600>), с адаптированным текстом былины, музыкальным сопровождением и яркими новыми, ранее неизвестными персонажами (например, Чурило Пленкович). Аудиовизуальный ряд поможет иностранному студенту лучше понять одну из главных идей былин – стремление защитить русскую землю от врагов, призыв к объединению сил ради этой цели.

Лингвострановедческий анализ волшебной сказки также знакомит иностранных учащихся с особенностями русской культуры. Конечно, сказка имеет более фантастическое содержание, чем былина, но также точно описывает быт, традиции, обряды, выражает национальное мировоззрение, помогает понять менталитет. Волшебные сказки имеют традиционные присказки, зачины, концовки. Например, сказка «Иван-царевич и Белый Полянин» (URL: <http://www.ru-skazki.ru/prince-ivan-and-white-polyanin.html>) повествует о двух богатырях, их дружбе и подвигах и начинается с зачина «в некотором царстве, в некотором государстве», а заканчивается концовкой «жить-поживать да добра наживать».

В этой сказке, как и во многих других русских народных сказках, появляются популярные отрицательные и положительные персонажи: Баба-яга золотая нога, Царь-змей и Иван-царевич.

Баба-яга - в славянской мифологии старуха-волшебница, ведьма. Живёт в лесу, в избушке на курьих ножках, летает в ступе с метлой в руках.

Царь-змей – Змей Горыныч, дракон, который имеет несколько голов, олицетворяет зло, как в русских былинах, так и в сказках. Живёт обычно в горах (Горыныч), нередко у Огненной реки и охраняет Калинов мост (часто в былинах).

Иван-царевич – мифологизированный герой русских народных сказок, который борется со злом и выходит победителем из этой схватки.

В сказке «Иван-царевич и Белый Полянин» два главных героя встречаются друг с другом, так как Иван-царевич решает познакомиться с Белым Полянином, 30 лет воюющим с Бабой-ягой золотой ногой, и, никакого отдыха не знающего. Встретившись с богатырём, спавшим крепким сном, Иван-царевич решает не будить его, а лечь спать рядом. Полянин, проснувшись, не убивает Ивана-царевича, потому что «наехал на меня на сонного, а меча не хотел кровавить; не честь, не хвала и мне, доброму молодцу, загубить его! Сонный что мертвый! Лучше разбужу его». Они стали друзьями и отправились вместе воевать с Бабой-ягой, потому что «коли дружбу водить, так в беде помогать!» Победив злую ведьму и её войско, герои сказки освобождают девицу-красавицу. Белый Полянин женится на ней, а Иван-царевич отправляется дальше в змеиное царство, чтобы освободить прекрасную королевну из неволи и жениться на ней.

У Ивана-царевича есть волшебные предметы (меч-кладенец, клубок), которые помогают ему победить врагов или найти правильный путь в нужное царство. Эта лексика также требует комментария.

Меч-кладенец – оружие богатыря в русских былинах, в русских сказках – это оружие, которое обладает волшебными свойствами и помогает побеждать в сражении с противником.

Волшебный клубок, клубочек – своеобразный компас в путешествии, нить, смотанная в форме шара.

В сказках, как и в былинах, также используются устойчивые выражения, которые нужно объяснять иностранным слушателям. Например, *жили-были, скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается* и т.д.

Характерными особенностями русских сказок являются:

1) присутствие фразеологизмов: *утро вечера мудренее, что посеешь, то и пожнёшь* и т.п.

2) в сказке широко распространены уменьшительно-ласкательные формы слов: *клубочек, избушка* и т.п.

3) обилие форм глаголов движения (например, в сказке «Иван-царевич и Белый Полянин»): *налетает, выехал, поехал, заехал, приезжает, входит, зашёл, ступай(иди)* и т.п.

4) употребление эпитетов, сравнений, метафор; Например, в былинке «Илья Муромец» и в сказке «Иван-царевич и Белый Полянин» повторяются следующие эпитеты: *чистое поле, добрый конь* и т.д. Эпитеты также переходят из сказки в сказку: *красные девицы, богатырские кони, добрые молодцы, белые руки, белокаменные палаты* и т.д.

5) наличие антонимов, обозначающих время и пространство: *долго-коротко, близко-далеко, низко-высоко* и т.п.

6) многократные повторы предлогов, однокоренных тавтологических сочетаний и т.п.

7) отражение в чертах характера положительных героев высоких нравственных принципов и этических идеалов русского народа.

Сказка учит нас умению дружить и помогать в беде, даёт надежду, что добро всегда побеждает зло, а положительные герои сказки всегда обладают такими чертами характера, как находчивость, смелость, доброта, дружелюбие и т.д.

Также в сказке «Иван-царевич и Белый Полянин» присутствуют такие предметы традиционного народного быта, как *изба, избышка – традиционное жилище крестьян или конюшня – помещение для содержания лошадей*; можно узнать и о традициях, нормах поведения русского народа при выражении благодарности, знакомства, приветствия или прощания.

На занятии по литературе могут быть использованы следующие виды заданий:

1. Объясните значение следующих слов, укажите, от каких слов они образованы.

белокаменный, рать-сила, путь-дорога, сильно-могучие (богатыри);

2. Объясните значение русских пословиц и поговорок из сказки. В каких ситуациях их можно употребить?

Богатырский удар и один хорош!

Дружбу водить, так в беде помогать.

Утро вечера мудренее.

3. Найдите эпитеты, которые часто повторяются в сказке.

4. Образуйте краткую форму прилагательных от следующих слов:

Быстрая, чистое, синее и т.п.

5. Составьте план сказки «Иван-царевич и Белый Полянин». Перескажите её по плану.

Таким образом, и в сказке «Иван-царевич и Белый Полянин», и в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник» главными героями становятся богатыри (Илья Муромец или Иван-царевич, Белый Полянин), они совершают подвиги во имя добра и справедливости, защищают несчастных и обиженных, борются со злом и одерживают победу. И сказка, и былина имеют ряд универсальных признаков, присущих языку фольклорных произведений: постоянные эпитеты («поле чистое», «луг зелёный», «море синее», «жена верная»), сравнения; обилие форм кратких прилагательных («сине море», «чисто поле», «быстра речка», «светел месяц»); повторение предлогов, слов и

словосочетаний. Они обладают занимательностью сюжета, вызывают у нас положительные эмоции, учат добру и справедливости.

Сказки и былины являются самым популярным жанром устного народного творчества в культуре любого народа. Они представляют собой универсальный учебный материал, который, с одной стороны, позволяет совершенствовать лингвистические навыки, а с другой - пополнять знания учащегося о культуре страны изучаемого языка (понимать характер русского народа, его мышление, национальное своеобразие). В связи с этим русские сказки и былины обладают огромным лингвометодическим потенциалом, с помощью которого возможно эффективное усвоение иноязычной речи. Комментирование объясняет лингвострановедческие реалии, способствует закреплению изученного материала и помогает совершенствовать знания студента о культуре, традициях страны.

Список литературы:

Горбаневский М.В. Национальные образы в топонимии Москвы / М.В. Горбаневский // Топонимика и межнациональные отношения. – М., 1991.

Илья Муромец и Соловей-разбойник [Электронный ресурс] / Былины. – Режим доступа: <https://narodstory.net/russkie-bilyini.php?id=10>.

Илья Муромец и Соловей-разбойник [Электронный ресурс] / Мультфильм. – Режим доступа: <https://www.ivu.ru/watch/34600>.

Иван-царевич и Белый Полянин [Электронный ресурс] / Сказки. – Режим доступа: <http://www.ru-skazki.ru/prince-ivan-and-white-polyanin.html>.

References:

Gorbanevskii M.V. Natsional'nye obrazy v toponimii Moskvy / M.V. Gorbanevskii // Toponimika v mezhnatsional'nykh otnosheniyakh. – M., 1991. (In Russian).

Il'ya-Muromets i Solovei-razboinik [Elektronnyi resurs] / Byliny. - Rezhim dostupa: <https://narodstory.net/russkie-bilyini.php?id=10>.

Il'ya-Muromets i Solovei-razboinik [Elektronnyi resurs] / Mul'tfil'm. - Rezhim dostupa: <https://www.ivu.ru/watch/34600>.

Ivan-tsarevich i Belyi Polyanin [Elektronnyi resurs] / Skazki. - Rezhim dostupa: <http://www.ru-skazki.ru/prince-ivan-and-white-polyanin.html>.

Кульгавчук Марина Викторовна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В.Ломоносова
г. Москва (Россия)

Kulgavchuk Marina
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

РУССКАЯ КУЛЬТУРА НА УРОКАХ РКИ: СЛУШАЕМ, ЧИТАЕМ, ОБСУЖДАЕМ

RUSSIAN CULTURE AT THE LESSON OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: LISTENING, READING, DISCUSSING.

В данной статье представлена работа над разными видами текстов, позволяющими не просто познакомить обучаемых с именами известных деятелей русской культуры - Третьякова, Репина, Малевича - но и показать, каким может быть путь преподавателя, использующего данный материал. В процессе работы с аудиотекстом развиваются навыки аудирования и письма со слуха. Текст о творчестве русского художника Репина развивает навыки изучающего чтения, знакомит с новой лексикой, этому же способствует работа над текстом о художнике Малевиче. При этом чтение текстов становится лишь одним из этапов работы над темой. Задача преподавателя вывести студентов на обсуждение проблем сосуществования в искусстве реализма и авангардизма, ценности каждого из этих направлений. Итогом работы должно стать творческое задание: презентация каждым студентом собственной выставки, тематика которой выбирается самостоятельно.

This work offers different types of texts, that allow not only to acquaint students with notable Russian artists and artistic figures, such as Tretyakov, Repin, Malevich, but also to show a possible approach of the teacher, using this base. During the work with audio text one can improve his audition and writing by ear skills. The text, dedicated to Russian artist Ilya Repin helps to improve reading skills, contains new words the same way as the text about Kazimir Malevich. At the same time reading is just one of the levels of work on the theme. The aim of the teacher is to inspire students to discuss the matter of co-existence of realism and avant-garde in art and value of each of these trends. The work should result with creative task: presentation of student's own exhibition on selected theme.

Ключевые слова: Русская культура на уроках РКИ, русский язык как иностранный, обучение аудированию, ведение дискуссии.

Key words: Russian culture at the lesson of Russian as a foreign language, Russian as a foreign language, training listening skills, discussion skills.

Трудно переоценить роль русской культуры в процессе обучения русскому языку как иностранному. Тексты, тематика которых связана с историей культуры нашей страны, со «знаковыми» именами, представлены в учебных пособиях разного уровня. В данной работе представлены разные виды текстов, позволяющих не просто познакомить обучаемых с именами известных деятелей русской культуры, но и показать, каким может быть путь преподавателя, использующего данный материал. В рамках темы, которую в общем виде можно сформулировать как «Русская культура: изобразительное искусство», возможна работа, развивающая различные виды речевой деятельности, что и будет представлено далее.

Аудирование – вид речевой деятельности, который вызывает вполне естественные трудности в процессе обучения студентов-иностранцев русскому языку. Именно с работы над аудиотекстом предлагается начать процесс «погружения» в мир русской культуры, причём наиболее подходящим представляется биографический текст, в основе которого история жизни Павла Михайловича Третьякова. До прослушивания текста студентам предлагается ответить на вопросы: *Знаете ли вы, кто такой Павел Михайлович Третьяков? Какую роль сыграл этот человек в культурной жизни России?* Имя этого человека, безусловно, известно студентам, но, как правило, они могут лишь сказать о связи фамилии и названия галереи. Далее студентам предлагается познакомиться с лексикой, которая может вызвать трудности в процессе аудирования. Предполагается, что в данном тексте количество незнакомой лексики может быть весьма незначительным. Разумеется, необходимо предъявить студентам имена тех деятелей русской культуры, с которыми был связан Третьяков, а также членов семьи: *Павел Михайлович Третьяков, Вера Николаевна Мамонтова, Чайковский, Репин, Крамской, Суриков, Левитан*. Эти имена вводят обучаемых в мир русской культуры второй половины XIX века. Разумно предложить студентам объяснить значение следующих словосочетаний, используя при этом синонимы, трансформируя фразы:

носит имя (кого?)

рассматривать

ткацкие фабрики

семейный бизнес

коллекционировать

заниматься благотворительностью

глухонемые.

Далее студентам предлагается прослушать следующий текст, записать информацию, которая поможет ответить на вопросы

Павел Михайлович Третьяков

Имя Павла Михайловича Третьякова знает каждый человек, живущий в России. На карте Москвы в центре столицы мы видим Третьяковский проезд, а рядом с метро Третьяковская находится знаменитая галерея, которая носит имя Третьякова.

Каким же был этот человек?

Павел Третьяков родился в Москве 27 декабря 1832 года в старинной купеческой семье и получил хорошее домашнее образование. Павел любил читать, интересовался искусством, но иностранные языки знал не очень хорошо. Ещё в детстве Павел любил рассматривать книги с красивыми иллюстрациями.

Дед Павла Третьякова был богатым купцом, у его отца были большие ткацкие фабрики и магазины, и Павел уже с 14 лет работал в этих магазинах и помогал семье. Он успешно продолжал дело своего отца, много сделал для развития семейного бизнеса, например, основал Московский купеческий банк. Павел Третьяков умел зарабатывать деньги, но богатство не стало главной целью его жизни. Уже в молодости Павел Михайлович начал коллекционировать (собирать) картины русских художников. Свои первые картины он купил ещё в 1854 году, когда ему было 22 года. Любовь к русскому искусству всегда жила в его душе. Он часто ходил на выставки, знакомился с художниками и покупал картины, которые ему нравились. Другими Третьякова были великие русские художники - Репин, Крамской, Суриков, Левитан. Третьяков мечтал создать галерею российской живописи 19 века, и он сделал это. В 1881 году галерея Третьякова была открыта для свободного посещения, а в августе 1892 он подарил здание галереи и все произведения искусства городу Москве.

Всю свою жизнь Павел Михайлович Третьяков много работал, а всё своё свободное время отдавал галерее. Кроме того, он занимался благотворительностью. Он помогал бедным, платил стипендию молодым художникам, помогал деньгами училищу, в котором учились глухонемые дети.

Третьяков интересовался не только работой, у него была счастливая семейная жизнь. В 1865 году он женился на Вере Николаевне Мамонтовой. Вера была талантливой пианисткой, она любила искусство. Молодые люди хорошо понимали друг друга. В семье Третьяковых было шестеро детей. Родители дали им прекрасное домашнее образование: дети изучали иностранные языки, литературу, занимались музыкой. Часто Третьяковы вместе с детьми посещали театры и художественные выставки. В доме Третьяковых бывали не только художники, с которыми дружил Павел Михайлович, но и известные писатели, музыканты. Великий русский композитор Пётр Ильич Чайковский приходил к ним в гости. Через много лет старшая дочь Павла Михайловича Третьякова писала: «Если детство может быть счастливым, то моё детство было таким».

Павел Михайлович Третьяков прожил яркую жизнь, он был человеком, который внёс огромный вклад в русскую культуру. Он умер в 1898 году. Россия никогда не забудет этого человека.

В зависимости от уровня владения русским языком текст может предъявляться студентам 1-2 раза. Несложные грамматические конструкции дают возможность понять основную информацию и справиться со следующей частью задания: ответить на вопросы и написать собственный связный текст (изложение), в котором должна быть отражена

основная информация. В качестве дополнительного задания студентам может быть предложено письменно ответить на следующие вопросы:

Что стало главной целью жизни Павла Михайловича Третьякова?

Как характеризует Третьякова его благотворительная деятельность?

Согласны ли вы с тем, как оценила своё детство дочь Третьякова?

Что больше всего заинтересовало вас в личности этого человека?

Естественным продолжением работы над развитием навыков аудирования может стать обращение к творчеству двух принципиально разных художников, каждый из которых стал ярким явлением в истории русского искусства. Илья Ефимович Репин – яркий представитель русского реализма – и авангардист Казимир Северинович Малевич. Именно несходство направлений, к которым относят творчество данных художников, даёт возможность, познакомив студентов с основными особенностями их творчества, провести занятия, которые раскроют творческий потенциал обучаемых.

Имя Репина знакомо иностранным студентам, которые не первый год изучают русский язык. Для работы в рамках выбранной темы предлагается текст, в котором отражены отдельные эпизоды жизни художника.

Предтекстовая работа предполагает демонстрацию презентации «Художник Репин».

Студентам предлагается прочитать текст и ответить на вопросы.

Репин – путь реалиста.

Русский художник Илья Ефимович Репин, автор знаменитых полотен – «Бурлаки на Волге», «Не ждали», «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», «Царевна Софья», «Иван Грозный и сын его Иван» - родился в 1844 году, в старинном городе Чугуеве. Талант будущего художника проявился, ещё когда он был подростком. Попав в иконописную мастерскую, мальчик поразил всех своим талантом. Скоро имя его стало известно по всей округе и Илью пригласили в иконописную мастерскую. Вместе с другими художниками он ездил по деревням и городам, писал иконы и получал важный жизненный опыт. А когда юному художнику исполнилось 19 лет, он твердо решил уехать в Петербург и поступать в Академию художеств.

Но с первого раза покорить столицу юному провинциалу не удалось. Вступительный экзамен Илья провалил, но начал учиться в вечерней рисовальной школе. А здесь его быстро признали лучшим учеником. Со второго раза Репин в Академию поступил и учился в ней долгих восемь лет. Именно в это время он написал картину «Бурлаки на Волге», сюжет которой увидел в 1868 году, когда писал этюды на берегах Невы. Художник изобразил на картине трагические лица нищих бурлаков, из последних сил тянувших судно против течения. Именно на этой картине автор впервые показал себя как истинный реалист.

Не случайно эта картина произвела большое впечатление на Федора Михайловича Достоевского, назвавшего в своем «Дневнике писателя» это произведение «торжеством правды в искусстве». Картина получила бронзовую медаль на Всемирной выставке в Вене и была куплена братом императора Александра III, несмотря на то что тему социального неравенства императоры не очень любили.

В 1877 году Илья Репин переехал в Москву и стал членом Товарищества передвижных художников - творческого объединения российских художников – «Передвижников». Эти художники противопоставляли себя академическому стилю и изображали на своих полотнах реальную жизнь. Именно в это время Репин заводит новые знакомства, у него появляются новые темы. Им были написаны портреты многих известных людей: писателя Тургенева, композитора Мусоргского. Несколько известных портретов великого русского писателя Льва Толстого тоже были написаны Репиным.

Устав от московской жизни, Репин вернулся в Петербург. Именно здесь он написал в 1885 году «Иван Грозный и сын его Иван», а в 1891 – «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». А в 1899 году Репин решил уехать подальше от шумного города и стал жить в усадьбе «Пенаты». В этом доме Репин и его жена прожили 30 лет. У них в гостях бывали известные русские писатели: Максим Горький, живший по соседству Корней Чуковский, Александр Куприн, Владимир Маяковский. Часто в «Пенатах» устраивались «литературные среды», когда все гости собирались в саду и читали стихи и прозу.

После революции усадьба Репина оказалась на территории Финляндии. Последние 12 лет своей жизни художник прожил, не имея возможности пересечь границу России. Репин получил приглашение вернуться в Россию, но не стал возвращаться. Революцию он не принял и опасался за жизнь своих родных.

Прошло время. Сейчас в доме, где жил Репин, – в Репино – дом-музей великого русского художника. Сюда приезжают тысячи людей, которые любят его творчество и помнят его имя.

Далее студентам предлагается ответить на вопросы, выразив свою точку зрения на творчество художника. Данные ответы помогут контролировать уровень усвоения материала.

Вопросы к тексту и презентации:

Каким был путь Репина к профессии художника?

Что хотел показать художник на картине «Бурлаки на Волге»?

Какое впечатление произвела картина на современников Репина?

Кто такие «Передвижники» и какова была их цель?

Как проявил себя Репин в качестве портретиста?

Как отразилась русская история в картинах Репина?

Какими были последние годы жизни художника?

Какая из картин Репина кажется вам наиболее интересной?

Данный текст предлагается студентам в качестве материала для чтения. Результатом работы должно стать усвоение новой лексики, повторение грамматического материала, а далее - подготовленное высказывание, в котором описывается одна из картин художника (предлагается выбрать произведение Репина, используя информацию из Интернета), анализируются особенности этой картины, объясняются причины выбора. Важной частью высказывания становится анализ композиции (что позволяет повторить грамматическую тему «Выражение пространственных отношений»), цветовой характеристики («Выражение определительных отношений»). Подготовленный в качестве домашнего задания рассказ о выбранной картине может рассматриваться как элемент ролевой игры «Проводим экскурсию по выставке художника» и вызывает живой интерес у студентов.

Следующий этап работы над темой – чтение текста о Казимире Малевиче, основоположнике супрематизма. «Черный квадрат» многими воспринимается как символ нового, авангардного искусства в развитии русского искусства начала XX века. Обсуждение двух направлений – реализма и авангардизма – даст возможность развить навыки говорения в рамках жанра дискуссии.

Перед прочтением текста студентам предлагается ответить на вопрос:

Слышали ли вы о «Черном квадрате» Казимира Малевича? Далее студентам предлагается прочитать определение супрематизма, после чего они могут риступить к чтению текста.

Супрематизм — одно из самых влиятельных направлений абстрактного искусства XX века. Структура мироздания в супрематизме выражается в простых геометрических формах: прямой линии, прямоугольнике, круге, квадрате на светлом фоне, знаменующем бесконечность пространства. Идеи супрематизма, отсчёт которому положил знаменитый «Черный квадрат», нашли воплощение в архитектуре, сценографии, полиграфии, промышленном дизайне.

Казимир Малевич

Совсем недавно картина этого художника «Супрематическая композиция» была продана за 60 миллионов долларов, став самым дорогим произведением российских художников, проданным за последнее время. А когда-то автор «Черного квадрата» и основатель супрематизма не мог заработать даже на еду, именно за это его попрекала первая жена. Порой Малевичу не хватало средств на холсты. Тогда он ломал мебель, брал деревянную основу и рисовал. «Корова и скрипка», «Станция без остановки», «Туалетная

шкатулка» эти картины были написаны на кусках дерева. О самом знаменитом произведении Казимира Малевича «Чёрном квадрате» и при жизни художника, и сегодня отзывы существуют самые различные, порой неоднозначные. Одни говорят, что из квадрата «раздули слона», для других – это шутка гения. Есть и такое мнение: когда Малевич нарисовал свой первый «Чёрный квадрат» (картина существует в нескольких вариантах), он заявил друзьям, что сам не понимает, что сделал. А потом вдруг признался, что «Чёрный квадрат» - это вершина всего.

Советская власть не баловала художника деньгами и не была готова принимать его искусство. В Европе картины Малевича принимали «на ура», но...денег не платили и там. Вернувшись на родину из заграничной поездки, Малевич попал в тюрьму; его обвинили в том, что он «германский шпион». Лишь с помощью друзей художник смог освободиться из тюрьмы. В 1935 году он умер, но, как это часто бывает, после смерти Малевич стал по-настоящему знаменит. Об этом художнике часто говорят как о человеке, который совершил революцию не только в живописи, но и в архитектуре.

Далее предлагается выполнить следующие задания.

1. Как вы понимаете следующие слова и выражения:

попрекать

раздуть слона

шутка гения

вершина всего

баловать деньгами

германский шпион

принимать на ура

совершить революцию в искусстве

2. Ответьте на вопросы:

Что такое супрематизм?

За какую сумму недавно была продана картина Малевича? Как она называлась?

Как влияло отсутствие денег на личную жизнь художника? На его творчество?

Что говорили и говорят зрители о самой знаменитой картине Малевича?

Как она называлась?

Как относились к творчеству Малевича на родине и за границей?

Как прошли последние годы жизни Малевича?

А как вы относитесь к «Чёрному квадрату»? Нужен ли он нам сегодня?

Чтение текстов, посвященных столь разным художникам, становится лишь одним из этапов работы над темой. Задача преподавателя - вывести студентов на обсуждение

проблем сосуществования в искусстве реализма и модернизма, ценности каждого из этих направлений. Итогом работы должна стать дискуссия: «Реализм или авангардизм: за кем будущее?» Студентам предлагается самостоятельно подготовиться к участию в дискуссии, подготовив выступление, опираясь на следующие вопросы:

Что такое реализм? Дайте определение этого направления в искусстве?

Какое определение авангардизма кажется вам наиболее точным?

Можно ли сказать, что авангардизм – это направление в искусстве, которое тесно связано с революционными изменениями в жизни общества?

Всегда ли революции сопутствует появление новых авангардных течений?

Можно ли сказать, что эпохе реализма приходит конец?

Реализм и авангардизм – за каким из этих направлений будущее?

Какое из этих направлений сегодня понятнее людям?

Ещё одним из вариантов заданий является разработка проекта выставки, которую обучаемые хотели бы организовать, исходя из собственных интересов и предпочтений. Студентам предлагается подготовить выступление в соответствии со следующим планом:

Тематика выставки, её название.

Цели и задачи, которые вы ставите как организатор.

Место проведения выставки (город, страна, площадь выставочного пространства)

Особенности экспонатов.

Как они будут представлены?

Музыкальное сопровождение.

Роль цвета и света в оформлении выставки.

Целевая аудитория.

Почему вы хотите организовать выставку данной тематики?

Предлагаемые материалы дают возможность познакомить студентов со знаковыми именами, которые, безусловно, занимают важное место в истории русской культуры. Данные тексты расширяют представления иностранных студентов о русской культуре, освещая разные её стороны. Помимо важной познавательной составляющей, материалы способствуют расширению лексического запаса, дают возможность развивать различные виды речевой деятельности. Сочетание работы над аудированием, письмом, чтением и говорением в рамках одной темы позволит сделать уроки русского языка как иностранного интересными и насыщенными действительно полезным материалом.

Список литературы:

Анисов Л.М. Третьяков. М.: Молодая гвардия, 2004. 320 с.

Букша К.С. Малевич. М.: Молодая гвардия, 2017. 368 с.

Константинова М. «Пенаты» вдали от родины. Почему Илья Репин отказался вернуться в Россию?/

Источник:

https://spb.aif.ru/culture/person/penaty_vdali_ot_rodiny_pochemu_ilya_repin_otkazalsya_vernutsya_v_rossiyu

References:

Anisov L.M. Tret'yakov. M.: Molodaya gvardiya, 2004. 320 s.

Buksha K.S. Malevich. M.: Molodaya gvardiya, 2017. 368 s.

Konstantinova M. «Penaty» vdali ot rodiny. Pochemu Il'ya Repin otkazalsya vernut'sya v Rossiyu?

https://spb.aif.ru/culture/person/penaty_vdali_ot_rodiny_pochemu_ilya_repin_otkazalsya_vernutsya_v_rossiyu ili Argumenty i fakty // 24.07.2015.

*Лейфланд Бернтссон Лариса Владимировна
Новикова Виктория Викторовна*

Центр русского языка
г. Лондон (Великобритания)

*Leifland Berntsson Larisa
Novikova Victoria*
The Russian Language centre
London (UK)

СЛОЖНОСТИ ПОДГОТОВКИ К СДАЧЕ ЭКЗАМЕНА ТРКИ-4 ВНЕ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ

DIFFICULTIES IN TORFL-4 (C2) EXAM PREPARATION OUTSIDE OF RUSSIAN LANGUAGE ENVIRONMENT

Данная статья посвящена обзору основных трудностей, с которыми сталкиваются учащиеся, достигшие уровня С2 при подготовке к сдаче экзамена ТРКИ-4 в условиях внеязыковой среды. Среди них можно выделить ориентацию тестов на труднодостижимый для иностранного учащегося «уровень носителя» русского языка, отсутствие четких критериев понятия «носитель языка» и «образованный носитель языка», гуманитарную, или даже филологическую, направленность тестовых заданий, отсутствие перечня социокультурных феноменов, которые учащемуся необходимо освоить, и недостаток учебных и тренировочных материалов. Авторами также представлены краткое исследование, основанное на опросе студентов с высоким уровнем владения языком, и сравнительный анализ тестовых материалов ТРКИ и других языковых экзаменов уровня С2. Результаты этих исследований могут быть использованы преподавателями, работающими со студентами высоких уровней вне языковой среды, а также составителями тестовых материалов.

This article is aimed to reveal the main difficulties faced by students who have reached C2 level of Russian language and prepare for TORFL-4 examination in an out-of-language environment.

Among such difficulties, the main ones can be described as the emphasis on testing the "level of the [educated] native speaker" of Russian; lack of a clear definition of such a concept; the sole focus on the field of humanities, in particular philology, in the test design; the absence of a clear list of sociocultural phenomena that students need to be familiar with; the lack of training materials. The authors present a short research paper that includes a survey in which students with a high level of language proficiency participated, and a comparative analysis of TORFL test materials and other language exams of C2 level.

The results of this study can be used by teachers working with higher-level students abroad, as well as by test developers.

Ключевые слова: лингводидактическое тестирование, языковое тестирование, социокультурная компетенция, носитель языка, ТРКИ.

Key words: language testing, language assessment, native speaker, sociocultural competence, TRKI, TORFL.

Общепризнано, что оценка учебных достижений является одной из ключевых стадий процесса обучения, в том числе и иностранному языку. Объективный и полноценный анализ коммуникативных и лингвистических навыков ученика, позволяющий непредвзято оценить его успехи, важен как для студента, так и для самого преподавателя. В связи с этим, все более популярны становятся международные независимые экзамены по иностранным языкам. В сфере русского языка как иностранного ведущей экзаменационной системой является ТРКИ, или «Тестирование по русскому языку как иностранному», разработанное в 1997 году. Одна из причин популярности данного экзамена заключается в понятной линейке уровней, соотносящейся с требованиями CEFR (Common European Framework of

Languages; Общеευропейские компетенции владения иностранным языком): в рамках системы представлены уровни от А1 до С2. Кроме того, ТРКИ проводится как в России, так и во многих странах мира, что обеспечивает его доступность для большинства изучающих русский язык.

Экзамен ТРКИ иностранные студенты выбирают по разным причинам. Наличие официального сертификата о знании языка, который признается в большинстве стран мира, может повысить привлекательность резюме для работодателей. Кроме того, многие университеты выбирают ТРКИ в качестве вступительного или выпускного экзаменов на программах, связанных с русским языком. Наконец, значительная часть студентов проходит тестирование с намерением узнать свой уровень языковой компетенции, оценить имеющийся прогресс и получить понимание того, к какой цели двигаться дальше. Для взрослых людей, изучающих иностранный язык по своей инициативе, успешное прохождение экзамена нередко играет стимулирующую роль, обеспечивая награду за старания и тем самым мотивируя на продолжение обучения [Dörnyei and Ushioda, 2009, с. 121].

Популярность разных уровней ТРКИ неодинакова: по независимой оценке тестирующих организаций, кандидатов, выбирающих начальные уровни от А1 до В1, значительно больше, чем тех, кто решается на более высокие уровни В2, С1 и С2. Безусловно, это отчасти отражает реальную ситуацию во многих языковых центрах, где группы уровня *Beginner* и *Elementary* (уровень элементарного владения языком) чаще всего пользуются большим успехом, чем *Advanced* (продвинутый уровень владения). Тем не менее, даже студенты, которые достигают высокого уровня в русском языке, не стремятся проходить тестирование на уровень ТРКИ-4. По нашим наблюдениям, подтвержденным словами учеников, такое нежелание в первую очередь связано с кажущейся нереалистичностью самой возможности успешного прохождения наивысшего уровня ТРКИ. Аналогичное мнение высказывают и многие наши коллеги-преподаватели, зачастую открыто отговаривающие студентов от сдачи ТРКИ-4. Желание проанализировать и понять причины такой точки зрения легло в основу нашего исследования.

Для получения объективных данных о тенденции мы провели анонимный опрос, в котором приняли участие 69 человек, возраст 94% из которых составляет от 21 года до 60 лет. У 91% из них есть высшее образование, в 64% случаев не связанное непосредственно с русским языком. Работают они, как правило, в банковской, финансовой и других областях бизнеса - только 22% отнесли свою профессию к гуманитарной сфере. Изучение языка для большинства из них является хобби, притом довольно постоянным – 70% участников изучают русский язык более 5 лет, а 40% из них – более 10. Такая выборка демонстрирует

высокий уровень заинтересованности и вовлеченности респондентов, усердно занимающихся русским языком на протяжении многих лет.

Первым фактором, важным для нашего анализа, стала уверенность студентов в своей способности говорить на русском языке. Респондентам было предложено оценить, насколько свободно они чувствуют себя, когда говорят по-русски с другими иностранными студентами, со своим преподавателем, а также с обычными русскоязычными собеседниками. Результаты показали, что студенты в целом довольно уверенно чувствуют себя в общении как друг с другом, так и со своим преподавателем (76% и 71% соответственно ответили на этот вопрос положительно). В то же время, уровень уверенности резко падает в общении с носителями языка: только 40% признались, что ощущают себя достаточно свободно в ситуациях естественной коммуникации. Безусловно, многим изучающим иностранный язык знакомо чувство «языкового барьера» в общении с теми, для кого этот язык является родным. Как правило, эта скованность исчезает в течение первых нескольких лет изучения языка [Brown, 1991, с. 73]. Учитывая, что большинство респондентов начали изучать русский язык не менее 5 лет назад, они, предположительно, уже должны были пройти этот период, но по какой-то причине не сделали этого. На наш взгляд, одной из возможных причин такого несоответствия может являться репутация своеобразной элитарности, сложившаяся у русского языка. Довольно часто в образовательной среде можно встретить мнение о том, что русский язык «невозможно изучить до конца». Разумеется, такое утверждение имеет под собой все основания: как и любой другой язык, русский во всем его многообразии вряд ли можно выучить досконально. Тем не менее, едва ли этот факт означает, что языком нельзя овладеть до уровня свободного профессионального общения, которым по системе CEFR является уровень C2 (*Proficient User*, дословно «опытный пользователь»).

Официальное описание экзамена ТРКИ-4 включает в себя следующее определение уровня кандидата: «Сертификат IV уровня свидетельствует о высоком уровне владения русским языком, близким к уровню *носителя языка*» [Типовой тест ТРКИ-4, 1999, с. 4].

И. Ю. Павловская, ведущий российский специалист в сфере языкового тестирования, дополняет это понятие: «Четвертый уровень (ТРКИ-4/C2): уровень свободного владения русским языком, адекватный уровню *образованного носителя языка*» [Павловская, 2008, с. 28]. Из такого описания следует, что примером для подражания иностранных учащихся должен стать носитель русского языка, имеющий определенное образование. Однако ни степень образования, ни само определение понятия “носитель” в стандарте тестирования ТРКИ не указывается, что окончательно ставит в тупик желающих пройти экзамен на высший уровень владения языком. Итогом такого подхода становится

серьезный психологический барьер для студентов: только 10% наших респондентов осторожно заявили, что считают возможным для себя когда-либо сдать ТРКИ-4. Другими словами, девять из десяти кандидатов, серьезно занимающихся русским языком, не думают, что когда-то смогут достичь высокого уровня владения им. При этом такое мнение основано только на теоретическом представлении об этом уровне: 70% респондентов никогда не пробовали проходить какое-либо тестирование по русскому языку. На наш взгляд, не последнюю роль в этом может играть то, что само понятие профессионального владения в русскоязычной методической литературе часто подменяется уже упомянутым понятием «носитель языка». Сам этот термин постепенно выходит из оборота в международной академической среде ввиду недостаточной определенности его значения [Cook, 1999; Rampton, 1990]. Как правило, статус носителя подразумевает владение языком как основным, что исключает из этого списка билингвов, у которых зачастую вообще отсутствует четко выраженный родной язык. Кроме того, под носителем языка обычно понимается человек, владеющий им с рождения, что автоматически делает невозможным достижение этого статуса людьми, начавшими изучать его позже. Наконец, даже владение определенным языком на протяжении всей жизни не делает человека автоматически знатоком грамматики, лексики и других особенностей этого языка. Нередки случаи, когда человек, изучающий иностранный язык во взрослом возрасте, достигает уровня гораздо большей осведомленности о структуре этого языка и обладает большим словарным запасом, чем его «носитель», никогда не изучавший этот язык профессионально. Более того, состав «носителей» языка крайне разнообразен, что еще больше затрудняет возможность четкого определения их уровня владения им. В целом, стремление к достижению такого уровня, при всей его неопределенности и заведомой недостижимости, приводит к потере студентами мотивации и веры в свои силы.

Необходимость соизучения языка и культуры уже давно не вызывает разногласий у преподавателей и методистов РКИ. 76% учащихся, принявших участие в нашем исследовании, согласны с этой точкой зрения. Темами, наиболее важными при изучении языка, они считают историю России (81%), классическое и современное искусство (74% и 51%) и знание идиом и фразеологизмов (71%). Однако при сдаче экзаменов ТРКИ высоких уровней и учащиеся, и преподаватели сталкиваются с проблемой отсутствия четкого перечня социокультурных феноменов, которые необходимо изучить на том или ином уровне, и особенно эта проблема актуальна для тех, кто изучает русский язык вне языковой среды.

Социокультурная компетенция оказывается неразрывно связана с опытом общения в среде изучаемого языка, получить который не всегда возможно при обучении за

пределами русскоязычного мира, в который входит не только Россия, но и многие другие страны постсоветского пространства. Составители тестов высоких уровней традиционно ориентируются лишь на российские реалии, русскую литературу и культуру. Содержание же социокультурной составляющей знаний о стране обычно неотделима как от эпохи и поколения как студента, так и его окружения. Как справедливо отмечает Н.П. Андриюшина [Андриюшина, 2015, с. 52], «в нормативных документах не содержится разъяснения о том, что ...иностранец должен понимать русскую языковую картину мира, понимать социокультурные реалии страны изучаемого языка, в том числе межличностные отношения, систему ценностей, правила поведения в повседневной жизни». Нельзя также не отметить традиционную филологическую направленность тестов высоких уровней, что также демотивирует учащихся других профессий.

Для того, чтобы объективно оценить вышеописанные особенности структуры и содержания ТРКИ-4, интересным представляется провести сравнение данного тестирования с международными экзаменами по другим иностранным языкам. Для такого сравнения были выбраны экзамены уровня C2 по английскому (Certificate of Proficiency in English (CPE), разработанный и проводящийся подразделением Кембриджского Университета ESOL (English for Speakers of Other Languages) и являющийся одним из старейших языковых экзаменов в мире (проводится с 1913 года), немецкому (Goethe-Zertifikat, предлагаемый Институтом Гете) и итальянскому (Certificazione di Italiano come Lingua Straniera (CILS), проводящийся Сиенским университетом) языкам.

Все проанализированные экзамены, как и ТРКИ, насчитывают 6 уровней, самым высоким из которых является C2. Структура экзаменов C2 по английскому и немецкому языкам включает 4 субтеста, в отличие от ТРКИ-4, где знание грамматики и лексики проверяется в отдельном субтесте.

В тестировании по английскому языку Кембриджского университета представлены следующие субтесты: письмо (Writing), аудирование (Listening), чтение и использование английского языка (Reading and Use of English) и говорение (Speaking). Продолжительность экзамена – около 4 часов (для сравнения - ТРКИ-4 длится 5 часов).

Тексты, представленные в субтесте «Чтение» CPE, отражают широкий спектр тем – от экстремальных путешествий и поисков работы до проблем охраны окружающей среды и исторических справок и являются образцами различных функциональных стилей, задания к ним направлены на проверку понимания содержания и правильное использование синонимичных, антонимичных и омонимичных языковых конструкций, однако ни одно из заданий не требует от кандидата быть специалистом в любой из этих сфер. Тематика текстов в ТРКИ-4 преимущественно гуманитарная, и выполнение заданий к ним

представляется затруднительным для кандидатов с техническим или экономическим образованием (ср. задание, в котором необходимо определить, к какому веку относятся тексты).

Главным отличием субтестов «Говорение» ТРКИ-4 и СРЕ является формат проведения: ТРКИ-4 предполагает общение кандидата один на один с экзаменатором, в случае же СРЕ субтест проводится в мини-группах кандидатов и состоит из 3-х частей: Interview, Collaborative Task и Discussion, в которых проверяются следующие умения:

- использование языка в целях социального взаимодействия (самопрезентация, ответы на вопросы, высказывание мнения)
- умение обсуждать и интерпретировать предложенные ситуации (обычно на основе визуального стимула), выражать согласие, несогласие или готовность изменить точку зрения, достигать соглашения, выработать совместные решения, классифицировать, обобщать, предполагать, принимать решения и др.
- умение развить предложенную тему, высказать свою точку зрения, сравнить существующие точки зрения, высказать гипотезу и прокомментировать ее.

Структура субтеста по письму в СРЕ и ТРКИ-4 схожа: в обоих присутствуют задания, основанные на материале книги, прочитанной кандидатом, различия состоят в следующем:

- в СРЕ произведения известны кандидату заранее, в ТРКИ-4 кандидат может писать о любом произведении по своему выбору, однако для него это задание является обязательным, а кандидат, сдающий СРЕ, имеет возможность выбора;
- в СРЕ от кандидата требуется написать статью или рецензию или осветить какую-либо тему (например, тему доверия и др.), в ТРКИ-4 кандидат должен «обозначить завязку, сюжетное действие, кульминацию, развязку, описать героя/героев, место и время действия, передать словами особенности невербального поведения героев, включить в рассказ прямую речь героев, используя экспрессивно-изобразительные языковые средства»
- объем текста для СРЕ – 280-320 слов, для ТРКИ-4 – 300-350.

Как видим, задание ТРКИ-4 требует специальных знаний и может быть успешно выполнено лишь кандидатом с гуманитарным (в идеале – филологическим) образованием, для СРЕ достаточно уметь рассуждать о прочитанном, используя адекватные ситуации языковые средства.

Одной из крупнейших систем тестирования по немецкому языку является экзамен, проводящийся Институтом Гете. Как и многие другие языковые экзамены, Goethe-Zertifikat состоит из шести уровней, самым высоким из которых является C2. В отличие от ТРКИ, структура экзамена включает четыре, а не пять субтестов: знание грамматики не

проверяется отдельно и входит в состав субтеста «Чтение». Сам экзамен на уровень C2 значительно короче по времени: 3,5 часа по сравнению с 5 часами ТРКИ-4. Кроме того, анализ заданий Goethe-Zertifikat C2 демонстрирует их приближенность к реальным жизненным ситуациям и возможность адаптации их к потребностям студента. Так, в субтесте «Письмо» кандидат может выбрать жанр написания текста: на выбор предлагается статья, рецензия, официальное письмо, отчет и другие варианты. В ТРКИ-4, где студенты должны следовать конкретному заданному жанру, отсутствует такая возможность. Более того, немалая часть времени, отведенного на субтест «Письмо» в ТРКИ, уходит на чтение длинных (2-3 страницы) текстов, на основе которых предлагается написать короткий (1-1,5 страницы) собственный текст. Можно утверждать, что в результате такого подхода субтест проверяет скорее навыки чтения, чем навыки собственно письма.

На субтестах «Чтение» и «Аудирование» экзамена Goethe-Zertifikat C2 кандидатам предлагаются тексты новостей, популярной аналитики, рекламы и дискуссий на актуальные темы. Задания к ним связаны с пониманием сути высказываний и их контекста. В ходе ТРКИ-4, в свою очередь, студент читает и слушает преимущественно художественные тексты, которые впоследствии он должен проанализировать с филологической точки зрения. Такой подход сужает круг потенциальных кандидатов, которые хотели бы сдавать ТРКИ-4 и достигли соответствующего уровня владения языком, но не имеют лингвистического или литературного образования.

Наибольшее сходство с ТРКИ-4 показывает тест по итальянскому языку для иностранцев CILS (Certificazione di Italiano come Lingua Straniera), проводимый университетом Сиенны. Тест уровня C2 также состоит из 5 частей: аудирование (Test di ascolto), чтение (Test di comprensione della lettura), лексико-грамматический тест (Test di analisi delle strutture di comunicazione), письмо (Test di produzione scritta), говорение () общая продолжительность экзамена – около 5 часов (при этом на лексико-грамматический тест выделяется 1.5 часа при меньшем количестве заданий – для сравнения на субтест «Лексика. Грамматика», состоящий из 100 позиций отводится всего час).

Тематика заданий субтестов по аудированию, чтению и письму в CILS не отличается гуманитарной направленностью: в представленных на официальном сайте CILS вариантах присутствуют научно-популярные тексты, тексты СМИ и лишь один из них основан на биографии известного писателя Умберто Эко. Некоторые тексты и задания направлены на студенческую аудиторию, в частности задание, проверяющее знание особенностей официально-делового стиля в субтесте по чтению, основано на документе о порядке приема студентов на один из факультетов университета.

В субтесте «Письмо» CILS отсутствует задание, основанное на анализе прочитанного художественного произведения, и если в первом задании необходимо написать эссе на одну из двух предложенных тем, то во втором задании кандидат может выбрать между рецензией или официальным письмом, в то время как выполняя этот же субтест в ТРКИ-4, кандидат должен либо пересказать прочитанное им художественное произведение, либо написать пересказ прослушанного текста (что также представляется неоправданным, поскольку такое задание направлено больше на проверку навыков аудирования, а не письма).

Тест по говорению CILS значительно короче по времени, чем соответствующий субтест ТРКИ-4, и состоит из двух заданий: дискуссии с экзаменатором и монологического высказывания на одну из 4 предложенных в каждом задании тем, в нем отсутствует характерная для экзаменов ТРКИ высоких уровней проверка умения выражать заданные интенции.

Таким образом, чтобы повысить привлекательность и доступность тестов ТРКИ-4, предлагается выработать более четкие требования к этому уровню, ориентированные не только на специалистов гуманитарного профиля, а также создать большее количество тренировочных тестов и учебных пособий для подготовки.

Список литературы:

- Аверьянова Г. Н.* и др. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Четвертый сертификационный уровень. Общее владение. Москва-Санкт-Петербург: Златоуст, 1999.
- Андрюшина Н. П.* Культурологическая компетенция в лингводидактическом тестировании по русскому языку как иностранному. // *Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ*, 10/9, 2015, стр. 48–54.
- Павловская И. Ю.* Актуальные вопросы языкового тестирования // Коллективная монография под ред. И. Ю. Павловской. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.
- Cambridge English Qualifications: C2 Proficiency* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cambridgeenglish.org/exams-and-tests/proficiency/>
- Cook, V.* Going beyond the native speaker in language teaching. // *TESOL Quarterly*, 33, 1999, pp.185–209.
- Council of Europe *The Common European Framework of Reference for Languages (CEFR) and the development of language policies: challenges and responsibilities*. Strasbourg: Council of Europe, 2007.
- Dörnyei, Z. and Ushioda, E.* Motivation, Language Identity and L2 Self. Bristol: Multilingual Matters, 2009.
- Goethe-Institut *Goethe-Zertifikat C2: Modellsatz*. München: Goethe-Institut, 2011.
- Livello CILS QUATTRO-C2* [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cils.unistrasi.it/79/76/Livello_CILS_QUATTRO-C2.htm
- Rampton, M. B. H.* Displacing the ‘native speaker’: expertise, affiliation, and inheritance. // *ELT Journal*, 44(2), 1990, pp. 97–101.

References:

- Aver'yanova G.N. i dr.* Tipovye testy po russkomu yazyku kak inostrannomu. Chetvertyi sertifikatsionnyi uroven'. Obshchee vladenie. Moskva-Sankt-Peterburg: Zlatoust, 1999.
- Andryushina N.P.* Kul'turologicheskaya kompetentsiya v lingvodidakticheskom testirovanii po russkomu yazyku kak inostrannomu. // *Materialy XIII Kongressa MAPRYAL*, 10/9, 2015, str. 48–54.

- Cambridge English Qualifications: C2 Proficiency* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cambridgeenglish.org/exams-and-tests/proficiency/>
- Cook, V. Going beyond the native speaker in language teaching. // *TESOL Quarterly*, 33, 1999, pp.185–209.
- Council of Europe *The Common European Framework of Reference for Languages (CEFR) and the development of language policies: challenges and responsibilities*. Strasbourg: Council of Europe, 2007.
- Dörnyei, Z. and Ushioda, E. *Motivation, Language Identity and L2 Self*. Bristol: Multilingual Matters, 2009.
- Goethe-Institut *Goethe-Zertifikat C2: Modellsatz*. München: Goethe-Institut, 2011.
- Livello CILS QUATTRO-C2* [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://cils.unistrasi.it/79/76/Livello_CILS_QUATTRO-C2.htm
- Pavlovskaya I.Yu. Aktual'nye voprosy yazykovogo testirovaniya // Kollektivnaya monografiya pod. red. I. Yu. Pavlovskoi. Sankt-Peterburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SpBGU, 2008.
- Rampton, M. B. H. Displacing the 'native speaker': expertise, affiliation, and inheritance. // *ELT Journal*, 44(2), 1990, pp. 97–101.

Лесневская Димитрина
Университет национального и мирового хозяйства
г. София (Болгария)

Lesnevskaya Dimitrina
University of National and World Economy
Sofia (Bulgaria)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

ACTUAL PROBLEMS OF METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Статья посвящена актуальным проблемам методики преподавания русского языка как иностранного в глобализованном мире. Представлена терминологическая проблема определения современных образовательных статусов русского языка. В статье выяснены особенности русского языка как иностранного (РКИ) и русского языка как неродного (РКН). Выделены подвиды РКИ: РКИ в России для иностранцев; РКИ за пределами России; русский как инославянский язык вне России в славянской среде; детский модуль РКИ для детей-билингвов вне России. Рассматриваются в сравнительном плане методики преподавания РКИ в России и за ее пределами. Определена специфика обучения русскому как инославянскому в болгарской среде. Комментируются научные споры по поводу термина «диалог культур». Дан анализ парадигмы экологии языка и экологии речи в рамках обучения РКИ.

The article is devoted to the actual problems of teaching Russian as a foreign language in a globalized world. The article presents the terminological problem of determining the modern educational statuses of the Russian language. Russian as a foreign language (RFL) and Russian as an unnative language (RUL) are clarified in the article. The following subspecies of RFL are distinguished: RFL in Russia; RFL outside Russia; Russian as another Slavic language in a Slavic environment outside Russia; RFL for bilingual children outside Russia. Methods of teaching RFL in Russia and abroad are considered in comparative terms. The specificity of teaching Russian as another Slavic language in the Bulgarian environment is determined. Scientific disputes about the term "dialogue of cultures" are commented on. The analysis of the paradigm of language ecology and speech ecology in the framework of RFL training is given.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, русский язык как неродной, детский модуль русского языка как иностранного, русский язык как инославянский, методика преподавания русского языка как иностранного, диалог культур.

Key words: Russian as a foreign language, Russian as an unnative language, Russian as a foreign language for bilingual children, Russian as another Slavic language, methods of teaching Russian as a foreign language, dialogue of cultures.

В эпоху глобализации английский язык получил широкое распространение и стал глобальным лингва франка. Языковая глобализация изменила статус русского языка (РЯ) : усилилась роль РЯ как государствообразующего благодаря развитию языковой политики Российской Федерации, расширилось мировое пространство РЯ [Баладина, 2016, с.73]. В настоящее время сформировался ряд различных образовательных статусов русского языка в России и за ее пределами. Русский язык как иностранный в качестве мирового языка, учебного предмета и раздел лингводидактики утвердился как в теоретическом, так и в практическом плане. В ходе появления новых образовательных статусов русского языка

возникли терминологические проблемы их названий, появились трудности в определении основных направлений их методик преподавания.

Взаимосвязь и взаимообусловленность социолингвистики, лингводидактики и методики являются основой образовательных статусов русского языка [Джусупов, 2012]. М. Джусупов выделяет 7 образовательных статусов русского языка [Джусупов, 2012, с. 28]: РЯ как родной в России; РЯ как родной вне России (в странах СНГ); РЯ как неродной в России (Татарстан и др.); РЯ как неродной вне России (в странах СНГ); РКИ в России (для иностранцев из дальнего зарубежья); РЯ как первый иностранный в странах СНГ; РЯ как второй, третий, четвертый иностранный в странах Балтии и дальнего зарубежья.

В последнее время большое внимание стало уделяться РЯ в ситуации билингвизма. Активно работает Межвузовский центр билингвального и поликультурного образования РГПУ им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия) со следующими основными направлениями деятельности: Русский язык как иностранный и другой родной в школах русского зарубежья; Русский язык как иностранный в мире и как язык диаспоры в странах СНГ; Русский язык как неродной на территории РФ. Е.А. Хамраева, руководитель Межвузовского центра билингвального и поликультурного образования, выделяет среди образовательных статусов РЯ русский язык как наследный вне России (билингвальные семьи в странах дальнего зарубежья) [Хамраева 1, 2019, с. 85]. Разработан детский модуль РКИ для детей-билингвов вне России [Хамраева, 2014], причем предлагается «методика иммерсии» (погружение в язык) как способ сохранения родного языка [Хамраева 2, 2019, с. 1342].

Рассматривая статус РЯ «в период глобальных потрясений», Е.Г. Тарева намечает следующие варианты РЯ, как объекта овладения иностранными обучающимися: РКИ; РЯ как неродной (межнациональное общение народов России, а также мигрантов); РЯ как второй (после родного или первого иностранного); РЯ в ситуации билингвизма; РЯ как язык диаспоры; РЯ как наследный; РЯ как лингва франка; РЯ как язык интернета. Ведущими вариантами русского языка как учебного предмета и объекта овладения иностранцами за пределами России являются русский язык как иностранный (РКИ), русский язык как неродной (РКН), русский язык как второй, семейный (наследный), как лингва франка, а также как язык интернет-общения [Тарева 1, 2019, с. 1296].

Наблюдается терминологический разнобой при определении таких понятий, как русский как второй язык, как второй родной и как иностранный [Синячкина, 2015]. Русский как второй усваивается после первого языка, в учебных заведениях – это русский как второй иностранный. Понятие «русский как второй родной» не зафиксировано в словарях и академических изданиях. По мнению исследователей, это понятие не корректно (Н.Л.

Синячкина, Л.Г. Громова, М.С. Берсенева, Е.Л. Кудрявцева), так как родной язык не может быть «вторым» родным языком. Есть предложение использовать понятие «русский язык как другой родной» при билингвальном обучении русскому языку вне пределов России [Кудрявцева, 2013]. Перед теорией и практикой преподавания русского языка в мире стоит задача четко разграничить четыре термина: РКИ (русский как иностранный), РКН (русский как неродной), РКДР (русский как другой родной), РКР (русский как родной). Необходима разработка четырех различных методик преподавания русского языка – методика преподавания РКИ, РКН, РКДР, РКР [Кудрявцева].

Определены отличительные особенности РКИ и РКН. РКИ – один из мировых языков и учебный предмет в России и вне ее пределов, целью которого является практическая цель общения, усвоение идет осознанно и намеренно (путь сверху вниз); РКН – средство межнационального общения народов России, учебный предмет в национальной средней и высшей школе, имеет много общего с изучением русского как родного – общие дидактические принципы и воспитательную направленность, цель – свободно говорить и писать по-русски при условиях учебного двуязычия и билингвизма (русский преподается одновременно как родной и неродной) [Азимов, 2009, с. 266]. У РКИ и РКН различный контингент обучаемых – РКИ рассчитан на иностранцев, не знакомых с русским языком, русской культурой и русской ментальностью, РКН – на российских иноговорящих граждан РФ, а также на иноговорящих на постсоветском пространстве в странах СНГ, где РЯ – язык межнационального общения. РКН преподается в России переселенцам-мигрантам (в основном, выходцев из СНГ) и в республиках, входящих в состав РФ (Татарстан и др.), вне России РКН преподается в странах СНГ. В России преподавание РКН и РКР имеет общую методику, основанную на описательной грамматике русского языка, с общей целью – подготовка к заданиям ЕГЭ для успешной задачи централизованного экзамена. Е.Ф. Киров предлагает интегративное описание русского языка как теоретическую основу методики преподавания РКН (глобально представленная описательная грамматика с ярко выраженной практической направленностью), в то время как основой РКИ являются коммуникативная грамматика РЯ и сопоставительная грамматика на базе РЯ в сочетании с лингвострановедением и лингвокультурологией [Киров, 2011, с. 231].

Однако, намечается тенденция стирания границ между РКИ и РКН, причем РКН можно рассматривать как временное и уже уходящее понятие. Так, в недалеком будущем РКН превратится в один из подходов к обучению в рамках РКИ [Добренко, 2018, с. 80]. Коммуникативная методика РКИ (от значения к форме выражения) востребована в современной школе в отличие от принципов преподавания РКР и РКН на основе описательной грамматики от формальной классификации к связной речи [Добренко, 2018,

с. 80]. К тому же, в странах постсоветского пространства изучение РКИ расширяется, а область изучения РКР и РКН сужается. Намечается тенденция к совмещению методик РКИ, РКР и РКН в полиэтнической учебной среде на постсоветской территории [Кудоярова, 2015]. Так, в образовательной среде Туркменистана русский язык изучается, в основном, как иностранный наряду с английским и другими мировыми языками [Кудоярова, 2010].

Рассмотрим РКИ в России, в том числе включенное обучение РКИ, и РКИ вне России, в том числе русский как инославянский язык в славянской среде.

Преподавание РКИ в России имеет большое преимущество: инофоны обучаются РЯ в языковой среде – в стране изучаемого языка. Наличие русскоязычной среды обучения в рамках российского образовательного пространства обеспечивает высокую эффективность обучения РЯ, которое способствует решению практических жизненных задач в быту и учебе иностранцев. Включенное обучение РКИ представляет собой краткосрочную форму обучения иностранных филологов-русистов в России. Для включенного обучения характерны комплексность обучения с целью овладения русским языком на уровне, близком к уровню носителей языка, значительное расширение страноведческой информации о стране пребывания, профессиональная направленность, тесная связь с национальной образовательной программой [Азимов, 2009, с. 40]. С 2000 г. в Тверском государственном университете, Россия, проводится включенное обучение студентов-филологов и переводчиков европейских университетов Финляндии, Франции, Великобритании и др. [Методика, 2018, с. 5].

Преподавание РКИ за пределами России при отсутствии русскоязычной среды, вне российского образовательного пространства, имеет свои методические особенности. При подаче материала используется контрастивный сравнительно-сопоставительный подход: сопоставляется русская грамматика с грамматикой языка иноязычной среды. При обучении РКИ вне России удачно осуществляется принцип ориентации на родную лингвокультуру учащегося. Учет родного языка легко и эффективно проводится в присутствии носителей национального языка. В славянских странах русский язык преподается как инославянский с применением положительной языковой интерференции (общая славянская лексика и др.) [Адамович, 2019, с.76]. В Болгарии русский язык преподается в большинстве случаев как второй иностранный, в некоторых бывших русских школах как первый, а также в филологических университетах на кафедрах русского языка [Лесневская, 2018, с. 85]. Эффективному диалогу культур на уроках РЯ в болгарской среде способствует близость славянских языков (русского и болгарского), общность истории, культуры и славянской ментальности.

Методика преподавания РКИ (в России и за ее пределами) имеет междисциплинарный характер, основываясь на достижениях антропологической лингвистики, когнитивистики, коммуникативной лингвистики, социалингвистики, лингвокультурологии, эколингвистики, этнолингвистики и компаративистики. Дидактический принцип диалога культур ознаменовал современный «постнеклассический этап» теории обучения иностранным языкам, в частности обучения РКИ, для которого характерны этнорелятивизм и культурная эгалитарность; при использовании принципа диалога культур вторичная языковая личность обучающегося оказывается под влиянием иной культуры, происходит взаимодействие (диалог) этих культур [Тарева, 2015]. Диалог культур и цивилизаций является основополагающим принципом в современной языковой педагогике [Сафонова, 2016, с. 512]. Понятие «межкультурная иноязычная коммуникативная компетенция» (МИКК) определяется С.С. Куклиной, И.С. Черемисиновой как «готовность и способность субъекта к продуктивному межкультурному иноязычному общению с представителями иной социокультурной среды, базирующемуся на познании чужой картины мира через призму родной культуры, восприятию культур и организации взаимодействия на коммуникативном и когнитивно-интерактивном уровнях, с целью удовлетворения потребности в общении, обслуживания предметной деятельности, приобщения другого субъекта к своим ценностям и себя к ценностям другого» [Куклина, 2018, с. 267].

Одновременно с этим, существует мнение о невозможности реализации диалога культур и паритетности культур в аудитории в отсутствие языкового окружения, опасности этноцентризма, подавления одной культуры другой, политизации и идеологизации. Так, по мнению Н.В. Барышникова, лингводидактический принцип диалога культур является мифом; аккультурация во время обучения иностранным языкам невозможна; ключевым концептом межкультурного общения является толерантность; владение социокультурной компетенцией иностранцем связано с проявлением толерантности [Барышников]. Рассматривая философскую бинарную оппозицию «диалог культур – не-диалог культур» в лингводидактическом аспекте, В.В. Сафонова намечает типологию барьеров в межкультурной коммуникации и технологию преодоления этих барьеров. «Не-диалог культур» – это отношение неприятия к другой культуре, утилитарное и манипулятивное отношение к чужой культуре. По мнению В.В. Сафоновой, необходима разработка системы заданий для обучения студентов преодолению коммуникативных барьеров в рамках иноязычного образования при использовании социокультурного подхода [Сафонова, 2018, с.34]. В условиях «не-диалога культур» обучающиеся должны реализовать умения

разрешения международных конфликтов, для чего необходима система проблемных культуроведческих заданий и кейс-метод [Сысоев, 2018, с.276].

В противовес утверждению невозможности реализации диалога культур в иноязычном образовании, Е.Г. Тарева [Тарева 2, 2019] справедливо утверждает, что в ходе чтения, аудирования и/ или письма студент погружается в контекст взаимодействия культур посредством аутентичных текстов, диалог затруднен лишь в случае говорения; диалог культур является дидактической реальностью, вмещающей в себя такие методические компоненты, как цели (практическая цель общения), принципы, подходы (коммуникативно-деятельностный подход, социокультурный подход, когнитивный подход, эколлингвистический подход), содержание (тексты-дискурсы), технологии межкультурного обучения иностранным языкам. Так, осуществляя успешно диалог культур в учебной аудитории, кафедры РКИ Северо-Западного университета Республики Саха (Якутия) создали авторскую методику работы с художественными текстами, способствующими пониманию культурного кода русского языка [Петрова, 2016, с. 22]. Диалог культур в иноязычном образовании обеспечивается современной парадигмой экологии языка и экологии речи, требующей коммуникативного равенства и баланса, а также лингвокультурного плюрализма. Парадигма экологии языка связана с правами человека.

В настоящее время востребовано экологическое образование в рамках обучения иностранным языкам, в частности обучения РКИ. Эколлингвистический фактор является феноменом диалога культур при обучении иностранным языкам в рамках эколлингводидактики. Валеологический компонент на уроках иностранного языка направлен на развитие экологической культуры и экограмотности обучающихся с целью сохранения языкового разнообразия. При обучении иноязычной коммуникации важно разграничить экологичную коммуникацию (соблюдение речевого этикета и норм литературного языка) от неэкологичной коммуникации (клевета, диффамация, оскорбление) [Лесневская, 2019, с. 185].

В Болгарии эколлингвистический подход к обучению РКИ в иноязычной, славянской среде успешно осуществляется: изучается русская литературно-нормированная речь как основа культуры русской речи. Согласно целям глобального образования и задачам эколлингводидактики (полиязычие; поликультурность; здоровье человека, общества, планеты) в Болгарии изучаются два иностранных языка, в том числе русский как международный.

Итак, в настоящую эпоху глобализации, характерную своими геополитическими сдвигами, РКИ находит широкое распространение в мире, постепенно вытесняя и замещая РКН. Хорошо разработанная коммуникативная методика преподавания РКИ начинает

превалировать над другими методиками преподавания РЯ, даже в рамках РКР. Достижениями современной методики РКИ является разработанное детское лингводидактическое тестирование по русскому языку для детей-билингвов вне России, а также для детей, изучающих русский язык как иностранный (МЦБПО РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия). Термин «русский язык как другой родной» вытесняет термин «русский язык как второй родной», что считаем правильно. Разграничиваем методику преподавания РКИ в России и за ее пределами. Выделяем «русский язык как инославянский» в нерусской славянской среде. Диалог культур и цивилизаций является основополагающим принципом методики преподавания РКИ. При этом необходимо учитывать негативные проявления не-диалога культур, создавая систему заданий для их преодоления. В предметное содержание обучения РКИ необходимо ввести экологическую составляющую, обеспечивающую толерантность, терпимость, равноправный диалог культур.

Список литературы:

- Адамович М.* Роль текста в обучении русскому языку для специальных целей в сербской языковой среде // Русистика без границы. – 2019. – Т. III, № 4. – С. 76 – 84.
- Азимов Э.Г.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. М.: Изд. ИКАР, 2009. 448 с.
- Баландина Л.А.* Лингвистические аспекты глобализации // Актуальные прикладные исследования. – 2016. – № 3(23). – С. 73 – 84.
- Барышников Н.В.* Мифологемы процесса обучения иностранным языкам в контексте «диалога культур». https://pglu.ru/upload/iblock/ed8/uch_2011_i_00003.pdf
- Джусупов М.* Социоллингвистика, лингводидактика, методика (взаимосвязь и взаимообусловленность) // Русский язык за рубежом. – 2012. – № 1. – С. 22 – 28.
- Добренко Е.И., Соколова Е.В.* К вопросу о методических основах преподавания РЯ как родного, неродного и иностранного // Лингвокультурология. Изд.: УГПУ(Екатеринбург). – 2018. – С. 78 – 84.
- Киров Е.Ф.* Русский язык как неродной и его теоретические основания // Записки Горного института. – 2011. – Т.193. – С. 229 – 233.
- Кудоярова Т.В.* Русский язык как родной, неродной и иностранный в школах стран СНГ: К круглому столу «Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка в странах постсоветского пространства» (г. Истра, Московская обл., 2 июня 2015 г.); 29 мая 2015 от Общественный Совет Базовой организации государств-участников СНГ по преподаванию русского языка.
- Кудоярова Т.В.* Русский язык в современной образовательной среде Туркменистана // Вопросы образования: языки и специальность. – 2010. – № 3. – С. 70 – 74.
- Кудрявцева Е.Л., Громова Л.Г., Берсенева М.С.* Размышление о терминологии и практике преподавания русского языка в мире: русский как иностранный, как неродной и другой родной. <https://studylib.ru/doc/711307/e.l.-kudryavceva--l.g.-gromova--m.s.-berseneva>
- Кудрявцева Е.Л., Громова Л.Г., Берсенева М.С.* О терминологии и практике преподавания русского языка в мире: русский язык как иностранный, неродной, второй родной // Современное филологическое образование. – М., 2013. – С. 190 – 195.
- Куклина С.С., Черемисинова И.С.* Межкультурная иноязычная компетенция как основа обучения иноязычному общению // Язык и культура. Обл. Языкознание. – 2018. – С. 255 – 270.
- Лесневская Д.С.* Эколингвистика и экологизация обучения иностранным языкам // Славистика. – Београд, 2019. – кн. XXIII, св.1. – С. 183 – 188.
- Лесневская Д.С., Лесневска Р.В.* Изучение и продвижение русского языка в Болгарии // Русистика без границы. – 2018. – №1. – С. 81-91.

- Методика включенного обучения РКИ: коллективная монография / Отв. Ред.: Виймаранта Й., Громова Л.Г./ Тверь: ТвГУ, 2018. 395 с.
- Петрова С.М.* Актуальные проблемы методики обучения русскому языку иностранцев в СВФУ // Вестник СВФУ. – 2016. – № 1 (01). – С. 16 – 24.
- Сафонова В.В.* Философская бинарная оппозиция «Диалог культур – Не-диалог культур» в лингводидактическом рассмотрении // Преподаватель XXI века. – 2018. – № 2. – С. 20 – 39.
- Сафонова В.В.* Диалог культур и цивилизаций как основополагающий принцип в современной языковой педагогике // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социогуманитарных практик. Материалы Первой международной конференции (Москва 14 – 16 апреля 2016 г.) / Под общей ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. – 2016. – М.: МГПУ; Языки Народов Мира. – С. 512 – 521.
- Синячкина Н.Л.* Русский как второй язык, как второй родной и как иностранный: к вопросу о терминах // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 5. – С. 292 – 296.
- Сысоев П.В.* Пересматривая конструкт межкультурной компетенции: обучение межкультурному взаимодействию в условиях «диалога культур» и «не-диалога культур» // Язык и культура. – 2018. – № 43. – С. 261 – 281.
- Тарева Е.Г. 1.* Статус русского языка в период глобальных потрясений // Русское слово в многоязычном мире (г. Нур-Султан, Казахстан, Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ). – 2019. – СПб: МАПРЯЛ (CD). – С.1296 – 1300.
- Тарева Е.Г. 2.* Обучение диалогу культур: pro et contra // Русистика без границы. – 2019. – Т. III, № 3. – С. 80 – 84.
- Тарева Е.Г.* Диалектика иноязычного образования: от классического этапа к постнеклассическому. https://www.hse.ru/data/2015/05/29/1096940175/%D0%A2%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B0_%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf
- Хамраева Е.А. 1.* Особенности обучения РКИ на современном этапе. // Русистика без границы. – 2019. – Т. III, № 4. – С. 85 – 91.
- Хамраева Е.А. 2.* Билингвальное образование и иммерсия как способы сохранения родного языка // Русское слово в многоязычном мире (г. Нур-Султан, Казахстан, Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ). – 2019. – СПб: МАПРЯЛ, (CD). – С. 1342 – 1345.
- Хамраева Е.А.* Детский модуль РКИ. Особенности организации русской школы за рубежом и методики преподавания русского языка // Русская школа за рубежом. – 2014. – № 5. – С. 44 – 54.

References:

- Adamovich M.* Rol' teksta v obuchenii russkomu yazyku dlya spetsial'nykh tselei v serbskoi yazykovoi srede [The role of text in teaching Russian for special purposes in the Serbian language environment]. Russian studies without borders. 2019, Vol.III, № 4. pp. 76–84 (In Russian).
- Azimov Eh.G., Shchukin A.N.* Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)]. Moscow: ICARUS Publishing house, 2009. 448 p. (In Russian).
- Balandina L.A.* Lingvisticheskie aspekty globalizatsaii [Linguistic aspects of globalization]. Actual applied research. 2016, № 3 (23). pp. 73-84 (In Russian).
- Baryshnikov N.V.* Mifologemy protsessa obucheniya inostrannym yazykam v kontekste «dialoga kul'tuR» [Mythologems of the process of teaching foreign languages in the context of the "dialogue of cultures"]. https://pglu.ru/upload/iblock/ed8/uch_2011_i_00003.pdf (In Russian).
- Dzhusupov M.* Sotsiolingvistika, lingvodidaktika, metodika (vzaimosvyaz' i vzaimoobuslovlennost') [Sociolinguistics, linguodidactics, and methodology (relationship and interdependence)]. Russian language abroad. 2012, № 1. pp. 22-28 (In Russian).
- Dobrenko E.I., Sokolova E.V.* K voprosu o metodicheskikh osnovakh prepodavaniya RYa kak rodnogo, nerodnogo i inostrannogo [On the issue of methodological foundations of teaching Russian as a native, non-native and foreign language]. Linguoculturology. Yekaterinburg. : USPU, 2018. ,pp. 78-84 (In Russian).
- Kirov E.F.* Russkii yazyk kak nerodnoi i ego teoreticheskie osnovaniya [Russian as a non-native language and its theoretical foundations]. Notes of the Mining Institute. 2011, Vol. 193. pp. 229-233 (In Russian).
- Kudoyarova T.V.* Russkii yazyk kak rodnai, nerodnoi i inostrannyi v shkolakh stran SNG. [Russian as a native, non-native and foreign language in schools in the CIS countries]. Round table: Actual problems of

teaching Russian language in the post-Soviet countries (Istra, Moscow region, June 2, 2015); may 29, 2015 from the Public Council Of the Basic organization of the CIS member States for the teaching of the Russian language (In Russian).

Kudryarova T.V. Russkii yazyk v sovremennoi obrazovatel'noi srede Turkmenistana [Russian language in the modern educational environment of Turkmenistan]. Questions of education: languages and specialty. 2010, № 3. pp. 70-74 (In Russian).

Kudryavtseva E.L., Gromova L.G., Berseneva M.S. Razmyshlenie o terminologii i praktike prepodavaniya russkogo yazyka v mire: russkii kak inostrannyi, kak nerodnoi i drugoi rodnoi [Thinking about terminology and the practice of teaching Russian language in the world: Russian as foreign, as non-native and another native] (In Russian).

<https://studylib.ru/doc/711307/e.l.-kudryavtseva--l.g.-gromova--m.s.-berseneva>

Kudryavtseva E.L., Gromova L.G., Berseneva M.S. O terminologii i praktike prepodavaniya russkogo yazyka v mire: russkii yazyk kak inostrannyi, nerodnoi, vtoroi rodnoi [Russian language teaching terminology and practice in the world: Russian as a foreign language, non-native, second native]. Modern philological education. Moscow, 2013. pp. 190-195 (In Russian).

Kuklina S.S., Cheremisinova I.S. Mezukul'turnaya inoyazychnaya kompetentsiya kak osnova obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu [Intercultural foreign language competence as a basis for teaching foreign language communication] Language and culture. Regional Linguistics. 2018. pp. 255-270 (In Russian).

Lesnevskaya D. S. Ecolinguistics and ecologization of teaching foreign languages [Ecolinguistics and ecologization of teaching foreign languages]. Slavistics. Beograd, 2019, Vol. XXIII, № 1. pp. 183-188 (In Russian).

Lesnevskaya D.S., Lesnevskaya R.V. Izuchenie i prodvizhenie russkogo yazyka v Bolgarii [Learning and promoting the Russian language in Bulgaria]. Russian studies without borders. 2018, № 1. pp. 81-91 (In Russian).

Metodika vkluychennogo obucheniya RKI: kollektivnaya monografiya [Methods of included RFL training: a collective monograph / Resp. Ed.: *Viimaranta Y., Gromova L. G.*]. Tver: Tver State University, 2018. 395 p. (In Russian).

Petrova S.M. Aktual'nye problemy metodiki obucheniya russkomu yazyku inostrantsev v SVFU [Actual problems of teaching the Russian language to foreigners in NEFU]. NEFU Bulletin, 2016, № 1 (01). pp. 16-24 (In Russian).

Safonova V.V. Filosofskaya binarnaya oppozitsiya «Dialog kul'tur – Ne-dialog kul'tuR» v lingvodidakticheskom rassmotrenii [Philosophical binary opposition "Dialogue of cultures – Non-dialogue of cultures" in linguo-didactic consideration]. Teacher of the XXI century. 2018, № 2. pp. 20-39 (In Russian).

Safonova V.V. Dialog kul'tur i tsivilizatsii kak osnovopolagayushchii printsip v sovremennoi yazykovoi pedagogike [Dialogue of cultures and civilizations as a fundamental principle in modern language pedagogy]. Dialogue of cultures. Culture of dialogue: in search of advanced social and humanistic practices. Proceedings of the First international conference (Moscow, April 14 – 16, 2016) / edited by *E. G. Tareva, L. G. Vikulova*, 2016, Moscow: MSPU; Languages of the Peoples of the World. pp. 512-521 (In Russian).

Sinyachkina N.L. Russkii kak vtoroi yazyk, kak vtoroi rodnoi i kak inostrannyi: k voprosu o terminakh [Russian as a second language, as a second native and as a foreign language: on the question of terms]. RUDN University Bulletin, series Questions of education: languages and specialty. 2015, № 5. pp. 292-296 (In Russian).

Sysoev P.V. Peresmatrivaya konstrukt mezhkul'turnoi kompetentsii: obuchenie mezhkul'turnomu vzaimodeistviyu v usloviyakh «dialoga kul'tuR» i «ne-dialoga kul'tuR» [Reviewing the construct of intercultural competence: teaching intercultural interaction in the context of "dialogue of cultures" and "non-dialogue of cultures"]. Language and culture. 2018, № 43. pp. 261-281 (In Russian).

Tareva E.G. 1. Status russkogo yazyka v period global'nykh potryaseni [Russian language status in the period of global upheavals]. Russian word in the multilingual world (Nur-Sultan, Kazakhstan, Materials of the XIV MAPRYAL Congress). 2019. SPb: MAPRYAL (CD). pp. 1296-1300 (In Russian).

Tareva E.G. 2. Obuchenie dialogu kul'tur: pro et contra [Teaching the dialogue of cultures: pro et contra]. Rusistics without borders. 2019, Vol. III, № 3. pp. 80-84 (In Russian).

Tareva E.G. Dialektika inoyazychnogo obrazovaniya: ot klassicheskogo ehtapa k postneklassicheskomu [Dialectics of foreign language education: from the classical stage to the post-non-classical stage] (In Russian).

https://www.hse.ru/data/2015/05/29/1096940175/%D0%A2%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B0_%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf

- Khamraeva E.A.* 1. Osobnosti obucheniya RKI na sovremennom ehtape [Features of RFL training at the present stage]. Russian studies without borders. 2019, Vol. III, № 4. pp. 85-91 (In Russian).
- Khamraeva E.A.* 2. Bilingual'noe obrazovanie i immersiya kak sposoby sokhraneniya rodnogo yazyka [Bilingual education and immersion as ways to preserve the native language]. Russian word in the multilingual world (Nur-Sultan, Kazakhstan, Materials of the XIV MAPRYAL Congress). 2019. SPb: MAPRYAL, (CD). pp. 1342-1345 (In Russian).
- Khamraeva E.A.* Detskii modul' RKI. Osobnosti organizatsii russkoi shkoly za rubezhom i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka [Children's RFL module. Features of the organization of Russian schools abroad and methods of teaching the Russian language]. Russian school abroad. 2014, № 5. pp. 44-54 (In Russian).

Майко Татьяна Владимировна
Миланский государственный университет
г. Милан (Италия)

Maiko Tatsiana
University of Milan
Milan (Italy)

О ПРОБЛЕМЕ ОВЛАДЕНИЯ КОНСТРУКЦИЯМИ С ОПОРНЫМ ГЛАГОЛОМ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РКИ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА ДЕЛАТЬ)

ON THE PROBLEM OF ACQUISITION OF LIGHT VERB CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (A CASE STUDY OF THE VERB DELAT’)

Объектом настоящего исследования является особый вид коллокаций, существующий во многих языках, – конструкции с опорным глаголом. На интерлингвистическом уровне между конструкциями с опорным глаголом не всегда наблюдается прямое соответствие. В силу непредсказуемости формы конструкций с опорным глаголом, исходя из их значения, и асимметричности в концептуализации действительности в разных языках такие словосочетания могут вызывать трудность при изучении иностранного языка.

В рамках данного исследования, основанного на принципах Интегрированного контрастивного подхода (англ. *Integrated Contrastive Model*, Granger, 1996; Gilquin, 2008), мы попытались установить, используя данные учебных корпусов русского языка, вызывают ли конструкции с опорным глаголом *делать* трудность у италоязычных студентов, а также провели сравнительный анализ семантических предпочтений глагола *делать* и его переводного эквивалента *fare* ‘делать’ в итальянском языке на базе данных корпусов русского и итальянского языков.

Light (support) verb constructions constitute a conspicuous class of idiosyncratic, yet semi-compositional and semi-productive constructions both in Italian and in Russian. They often vary cross-linguistically, with languages using different strategies to conceptualize the same denotative situations. Being idiosyncratic, yet semi-productive units, LVCs pose a real challenge for foreign language students.

Our approach is based on the principles of the Integrated Contrastive Model [Granger, 1996; Gilquin, 2008], which combines Contrastive Interlanguage Analysis and Contrastive Analysis. Our goals are firstly to establish based on Russian learner corpora data whether Russian LVCs cause difficulty for Italian-speaking students, and what the regular deviations in the use of these units are and their possible causes; and secondly to conduct a corpus-driven Contrastive Analysis of the semantic preferences of the productive Russian light verb *delat’* ‘to do / to make’ and the semantic preferences of its equivalent in Italian.

Ключевые слова: конструкции с опорным глаголом, русский как иностранный, Интегрированный контрастивный подход, учебный корпус, трансфер.

Keywords: light (support) verb constructions, Russian as a foreign language, Contrastive Interlanguage Analysis, learner corpus, transfer.

Коллокации⁴⁵, представляющие собой двучленную структуру, в которой один элемент употребляется в своем исходном значении, а второй выбирается в зависимости от первого, характеризуются некомпозиционным значением и лексической связанностью и занимают промежуточное положение между свободными словосочетаниями и идиомами

⁴⁵ В литературе представлено два подхода к определению данного явления. В широком понимании (Halliday, 1966, Sinclair, 1991) под коллокацией понимается “неслучайное сочетание двух и более лексических единиц” [Ягунова, Пивоварова, 2011, с. 575], при котором частота коллокации является “более значимой, чем у каждой из входящих в нее единиц по отдельности” [Копотев, Стексова, 2016, с. 35]. В другом, более узком, понимании коллокациями называются единицы, характеризующиеся некомпозиционным значением и лексической связанностью [Борисова, 1995, Melčuk, 1995, Cowie, 1998].

[Melčuk, 1995, Cowie, 1998]. Объектом настоящего исследования является особый вид коллокаций, существующий во многих языках, – конструкции с опорным глаголом⁴⁶ [Albasalas, 2002, Иорданская, Мельчук, 2007, с. 238-239]. Такие словосочетания состоят из частично десемантизированного глагола и имени существительного, в значительной степени определяющего лексическое значение конструкции, в функции прямого или предложного дополнения:

(1) рус. *принимать участие, брать под охрану*;

(2) ит. *prendere una decisione* «принимать решение», *mettere in dubbio* «ставить под сомнение» (букв. «ставить в сомнение»).

В конструкциях с опорным глаголом употребление имени существительного определяется коммуникативным намерением говорящего, а выбор глагола зависит от имени существительного и предопределен узусом [Jezek, 2005, с. 181, Баранов, Добровольский, 2014, с. 74]. Значение конструкций с опорным глаголом довольно прозрачное, но в аспекте сочетаемости опорные глаголы характеризуются лексической связанностью [Иорданская, Мельчук, 2007, с. 231]. На интерлингвистическом уровне между конструкциями с опорным глаголом не всегда наблюдается прямое соответствие. В разных языках могут использоваться различные стратегии концептуализации одинаковых денотативных ситуаций. В силу непредсказуемости формы конструкций с опорным глаголом, исходя из их значения, и асимметричности в концептуализации действительности в разных языках такие словосочетания могут вызывать трудность при изучении иностранного языка.

Сопоставительный анализ конструкций с опорным глаголом в русском и итальянском языках представлен в статье [Бениньи, Котта Рамузино, 2011]. Кроме этого, несколько работ посвящено вопросу преподавания русских конструкций с опорным глаголом [Славкова, 2007, Benigni, Cotta Ramusino, 2015, Бениньи, Майко, 2019], а также оценке компьютерных ресурсов для анализа конструкций с опорным глаголом в русском и итальянском языках [Benigni, Cotta Ramusino, 2013].

Данное исследование, основываясь на принципах Интегрированного контрастивного подхода (англ. *Integrated Contrastive Model*, Granger, 1996, Gilquin, 2008), объединяющего контрастивный интерязыковой анализ и контрастивный анализ, ставит перед собой две цели:

1. установить, вызывают ли конструкции с опорным глаголом трудность у италоязычных студентов, каковы регулярные нарушения в употреблении этих единиц и их возможные причины;

⁴⁶ Для обозначения таких конструкций употребляются различные термины: “устойчивые глагольно-именные словосочетания”, “описательные предикаты”, “словосочетания с лексико-функциональными глаголами” и др.

2. провести сравнительный анализ семантических предпочтений продуктивного опорного глагола *делать* и его переводного эквивалента в итальянском языке – глагола *fare*.

Первая часть статьи посвящена исследованию особенностей употребления конструкций с опорным глаголом *делать* в речи италоязычных студентов на материале данных учебного корпуса. Во второй части работы описывается анализ сочетаемости опорного глагола *делать* в сопоставлении с глаголом *fare*, выделяются наиболее продуктивные группы именных коллокатов для каждого глагола и определяются сходства и различия между двумя языками.

1. Конструкции с опорным глаголом *делать* в речи италоязычных студентов

Для проведения первой части исследования нами были собраны и затем добавлены в итальянский подкорпус Русского учебного корпуса тексты, написанные студентами с доминантным итальянским языком (21.091 слово). Кроме этого, было дополнительно создано и загружено на сайт *Sketch Engine* собрание неакадемических эссе, написанных студентами Миланского университета (39.255 слов). Большинство текстов создано студентами со средним уровнем владения языком (B1-B2).

С помощью автоматического поиска были найдены все случаи употребления глагола *делать*. Полученные коллокации были проанализированы на предмет лексических и грамматических нарушений (орфографические ошибки и такая грамматическая ошибка, как неверная видовая форма глагола, не учитывались). Допустимость коллокаций в русском языке оценивалась по наличию их вхождений в Национальном корпусе русского языка, в частности в подкорпусе, состоящем из текстов, написанных в период с 1950 по 2019 год (приблизительно 160 миллионов слов). В целом в использованных нами учебных корпусах было обнаружено 212 конструкций с опорным глаголом *делать*, из которых 79 нестандартные, что составляет 37% от общего количества.

Отклонения в конструкциях с опорным глаголом были проанализированы с целью установить механизм появления регулярных нарушений и определить элементы, вызывающие наибольшую трудность у студентов. Результаты такого анализа могут быть полезными для выработки необходимых преподавательских стратегий и разработки учебного материала [см. Ellis R., Barkhuizen, 2005, с. 51-71].

Наиболее частым нарушением по нашим данным является выбор неправильного опорного глагола (75% от общего количества ошибок). Это, возможно, объясняется тем, что конструкции с опорным глаголом не вызывают трудностей для понимания, поэтому студенты не стремятся целенаправленно их запомнить. Однако зачастую невозможно предсказать, какой опорный глагол употребляется с тем или иным именем существительным, исходя из значения конструкции. Вторым по частоте отклонением

является употребление нестандартных конструкций с опорным глаголом вместо простого глагола или синтаксической структуры (19% от общего количества ошибок). Кроме того, лексические ошибки представлены отклонениями в выборе имени существительного (6%).

Что касается причин, обусловивших отклонения от нормы в употреблении конструкций с опорным глаголом, наиболее частой (в 89% случаев) по данным учебного корпуса является, вероятно⁴⁷, трансфер с родного языка [см. Odlin 1989].

Студенты часто прибегают к калькированию (3) – (5):

- (3) *Оба описывают общество эпохи и делают вопрос: в чем смысл жизни?*
- (4) *Мне очень понравилось Балтийское море, я бы всегда там делал отпуск.*
- (5) *Люди делают каникулы тут, отдыхают на море или в горах.*

Глагол *делать* употреблен в (3) вместо более специфического опорного глагола *задавать* (ср. с ит. *fare una domanda* букв. «делать вопрос»). В (4) – (5) вместо коллокаций *проводить отпуск / каникулы* студенты создают кальку *делать отпуск / каникулы* (ср. с ит. *fare le vacanze / le ferie* букв. «делать отпуск»). Стоит отметить, что итальянским конструкциям с общим опорным глаголом, имеющим максимально обобщенное значение и обладающим широкой лексической сочетаемостью, часто соответствуют русские конструкции со специфическим глаголом поддержки. Этим может объясняться тенденция употребления студентами общего опорного глагола вместо специфического, в первую очередь глагола *делать*. Например, глагол *делать* употребляется в сочетании с именами существительными *поездка, прогулка, путешествие, экскурсия*, требующими более специфического глагола *совершать*:

(6) *В 1860 сделал поездки в Европе, посещает европейские столицы, где познакомится с писателями современными европейскими.*

(7) *Мы особенно советуем сделать прогулку по дорогам в одном из самых древних городов России.*

(8) *Чехов делал три путешествия в Италию, особенно в Венецию и он думал, что Италия - страна чудес.*

(9) *И наоборот, русские приезжают в Италию, чтобы делать экскурсию в различные живописные города.*

Языковой интерференцией может быть объяснен в некоторых случаях неправильный выбор имени существительного, например, *изменение* (ср. с ит. *fare il cambio* букв. «делать изменение») вместо *пересадка* (10) и *резонанс* (ср. с ит. *fare una risonanza*

⁴⁷ Так как речь идет об анализе письменных текстов, невозможно с точностью установить, чем руководствовался автор при их написании, можно лишь предположить, что он прибегнул к калькированию с родного языка.

букв. «делать резонанс») вместо *томография* (или *MPT* – *магнитно-резонансная томография*) (11):

(10) *После лекций я возьму метро и сделаю изменение на линию А и доеду на станцию Сан Джованни.*

(11) *Мне нужен делать резонанс и встречаюсь с врачом.*

Отклонения от нормы в выборе имени существительного встречаются реже, чем в выборе глагола, что может объясняться наличием достаточно точных эквивалентов итальянских имен существительных в русском языке при частом отсутствии прямых глагольных соответствий.

Кроме того, под влиянием родного языка студенты употребляют нестандартные конструкции с опорным глаголом вместо простого глагола или словосочетания с полнозначным глаголом:

(12) *Очень часто сегодня молодые люди берут квартиру в съем со знакомыми и они делают переезды много раз.*

(13) *Москва и Санкт-Петербург – назначении некоторых итальянских студентов, которые хотят изучать русский язык и делать дружбу с новыми молодыми людьми.*

(14) *Тех, кто уезжает за границу делают знакомства с новыми людьми и другой культурой.*

В (12) – (14) в результате калькирования итальянских коллокаций *fare il trasloco* (букв. «делать переезд»), *fare amicizia* (букв. «делать дружбу») и *fare (la) conoscenza* (букв. «делать знакомство») студенты используют аналитическую форму вместо простых глаголов *переезжать*, *подружиться* и *знакомиться* соответственно.

У большинства конструкций с опорным глаголом, часто встречающихся в работах итальянских студентов, есть прямой эквивалент в их родном языке (в скобках указано количество вхождений в учебном корпусе):

(15) *делать выбор* (5), *делать подарок* (47), *делать карьеру* (24), *делать шаг* (16), *делать выбор* (5), *делать покупки* (4), *делать перевод* (4).

3. Сходства и различия между конструкциями с опорными глаголами *fare* и *fare*

Как было установлено в первой части исследования, ошибки в употреблении конструкций с опорным глаголом в речи студентов чаще всего возникают в результате калькирования глагола или целой коллокации с родного языка в тех случаях, когда стратегии концептуализации соответствующих ситуаций в русском и итальянском языках не совпадают. Вторая часть исследования посвящена установлению сходств и различий между конструкциями с опорными глаголами *fare* и *fare* на основе сопоставления

сочетаемых профилей глаголов по данным веб-корпусов *Russian Web 2011* (14.553.856.113 словоупотреблений) и *Italian Web 2016* (4.989.729.171 словоупотребление).

Исследования на материале различных языков [Wierzbicka, 1982, Апресян Ю., 2004, 2008, Samvelian et al., 2014] показали, что опорные глаголы проявляют семантические предпочтения: сочетаемость определенного глагола может быть представлена в виде семантических классов именных коллокатов, даже если такие обобщения являются скорее вероятностными и не представляют собой строгого правила.

В зависимости от существительного, заполняющего именной слот, могут быть выделены такие семантические классы конструкций с глаголами *fare* и *fare*, как умственные действия, речевые действия, физические и физиологические действия, сложные действия, неконкретные действия, получающие определенную оценку⁴⁸, деятельность.

В итальянском и русском языках представлена продуктивная семантическая группа конструкций, обозначающих умственную деятельность. Конструкции с опорными глаголами *fare* и *fare*, входящие в данную группу, в большинстве случаев эквивалентны:

(16) *fare distinzione* – *делать различие*, *fare un'analisi* – *делать анализ*, *fare una valutazione* – *делать оценку*, *fare una scelta* – *делать выбор*.

Исключением из этой общей тенденции являются такие итальянские коллокации, как *fare attenzione / caso* букв. «делать внимание», *fare una ricerca* букв. «делать исследование / поиск», *fare un'indagine* букв. «делать исследование / расследование», требующие в русском языке другого опорного глагола: *обращать внимание*, *вести / осуществлять поиск* и *проводить исследование* соответственно. Эквивалентом русских коллокаций *делать вывод* и *делать заключение* является коллокация *trarre una conclusione* букв. «добывать / извлекать вывод / заключение», включающая в себя опорный глагол с более узкой сочетаемостью.

Коллокаты, обозначающие речевую деятельность, употребляются как в переходной (транзитивной), так и в дативной (дитранзитивной) конструкциях с опорными глаголами *fare* и *fare*. Большинство итальянских коллокаций этой семантической группы имеют прямой эквивалент в русском языке, например:

(17) *fare un commento* – *делать комментарий*, *fare un'affermazione* – *делать утверждение*, *fare una precisazione* – *делать уточнение*.

Некоторые именные коллокаты употребляются в русском языке с другим опорным глаголом (18) или с полнозначным глаголом (19):

⁴⁸ Названия семантических классов «сложные действия» и «неконкретные действия» заимствованы из [Апресян В. и др., 2017, с. 75].

(18) *fare voto* букв. «делать обет / обещание» – *давать обет / обещание, fare polemica* букв. «делать полемику» – *вести спор / полемику*;

(19) *fare un discorso* букв. «делать речь» – *выступать с речью, произносить речь*.

Конструкции с опорными глаголами *fare* и *делать* могут выражать физические и физиологические действия. Действия могут быть точечными (20), (21) или длительными (22), (23):

(20) *fare un clic* «делать щелчок», *fare un cenno* «делать знак», *fare un gesto* «делать жест»;

(21) *делать вдох, делать выдох, делать глоток*;

(22) *fare(-si) la doccia* «принимать душ» (букв. «делать душ»), *fare l'amore* «заниматься любовью» (букв. «делать любовь»), *fare colazione* «завтракать» (букв. «делать завтрак»);

(23) *делать зарядку, делать гимнастику*.

Всем русским коллокациям с опорным глаголом *делать*, обозначающим физические и физиологические действия, в итальянском языке соответствуют конструкции с опорным глаголом *fare*, кроме коллокации *делать глоток*, эквивалентом которой в итальянском языке является коллокация с полнозначным глаголом *bere un sorso* букв. «пить глоток». Ряд итальянских коллокаций обозначает ситуации, для концептуализации которых в русском языке используется синтетическая форма (24) либо употребляется другой опорный глагол (25):

(24) *fare una risata* букв. «делать смех» – *засмеяться, fare rumore* букв. «делать шум» — *шуметь, fare il bagno* букв. «делать купание» – *купаться, мыться*;

(25) *fare(-si) la doccia* букв. «делать душ» – *принимать душ, fare l'amore* букв. «делать любовь» – *заниматься любовью, fare sesso* букв. «делать секс» – *заниматься сексом*.

Итальянский глагол *fare* и русский глагол *делать* сочетаются с именами существительными, обозначающими деятельность⁴⁹. Некоторые итальянские коллокации имеют прямой эквивалент в русском языке, как например:

(26) *fare il / un lavoro* – *делать работу, fare carriera* – *делать карьеру, fare business* – *делать бизнес, fare politica* – *делать политику*⁵⁰.

⁴⁹ Под деятельностью здесь понимается “совокупность разнородных и разновременных действий, имеющих одну конечную цель, но обычно не укладывающихся в один раунд наблюдения” [Апресян Ю., 2008, с. 8].

⁵⁰ Имя существительное *политика* сочетается с опорными глаголами *делать* и *заниматься*, однако более частотным коллокатом является глагол *заниматься* (51 вхождение с коллокатом *делать* и 252 вхождения с коллокатом *заниматься* в НКРЯ).

Данная группа продуктивнее в итальянском языке. Основными стратегиями выражения соответствующих концептов в русском языке являются конструкции с другими опорными глаголами (27) и конструкции с полнозначным глаголом (28):

(27) а. *fare la guerra* букв. «делать войну» – *вести войну*, *fare lezioni* букв. «делать уроки» – *вести уроки*;

б. *fare un'attività* букв. «делать деятельность» – *заниматься деятельностью*, *fare sport* букв. «делать спорт» – *заниматься спортом*;

(28) а. *fare la scuola X* букв. «делать школу» – *учиться в X школе*, *fare l'università* букв. «делать университет» – *учиться в университете*;

б. *fare il sindaco* букв. «делать мэра» – *быть мэром*, *fare il giornalista* букв. «делать журналиста» – *быть / работать журналистом*.

Как в итальянском, так и в русском языке существуют конструкции с опорными глаголами *fare* и *делать*, обозначающие действия, направленные на дативный аргумент. Ряд конструкций совпадает в итальянском и русском языках, например:

(29) *fare un regalo a qualcuno* – *делать подарок кому-либо*, *fare uno sconto a qualcuno* – *делать скидку кому-либо*, *fare un favore a qualcuno* – *делать одолжение кому-либо*.

Некоторые итальянские конструкции с глаголом *fare* не имеют прямого эквивалента в русском языке, где им соответствует простой глагол:

(30) *fare uno scherzo a qualcuno* – *подшутить над кем-либо*, *fare un sorriso a qualcuno* – *улыбнуться кому-либо*, *fare una carezza a qualcuno* – *приласкать / погладить кого-либо*, *fare il solletico a qualcuno* – *щекотать кого-либо*.

Очень продуктивную группу, особенно в русском языке, представляют собой конструкции, обозначающие оказание медицинских и косметических услуг:

(31) *fare un'iniezione / una puntura a qualcuno* – *делать укол / инъекцию кому-либо*, *fare un massaggio a qualcuno* – *делать массаж кому-либо*, *fare un'operazione / un intervento a qualcuno* – *делать операцию кому-либо*, *fare la manicure a qualcuno* – *делать маникюр кому-либо*.

Коллокации, обозначающие медицинские и косметические услуги, могут употребляться с глаголами *fare* и *делать* как в дативной, так и в переходной конструкциях.

В рамках данной семантической группы можно выделить подгруппу коллокаций, обозначающих неопределенные действия, направленные на другого человека и получающие определенную оценку:

(32) (ит.) *fare un torto a qualcuno* «обижать кого-либо, наносить ущерб кому-либо» (букв. «делать обиду / ущерб кому-либо»), *fare del bene a qualcuno* «делать добро кому-либо», *fare un favore a qualcuno* «делать одолжение кому-либо», *fare del male a qualcuno*

«делать зло кому-либо»;

(33) (рус.) *делать добро кому-либо, делать зло кому-либо, делать одолжение кому-либо, делать гадость кому-либо.*

Только итальянский опорный глагол *fare* используется в конструкциях с каузативным значением. В русском языке для концептуализации соответствующих ситуаций используются опорные глаголы с более узкой сочетаемостью, такие как *приносить* (34), *доставлять* (34), *наводить* (35), *внушать* (35) - (36), *вызывать* (35) - (36):

(34) *fare piacere a qualcuno* (букв. «делать удовольствие кому-либо») – *приносить / доставлять удовольствие кому-либо*;

(35) *fare paura a qualcuno* (букв. «делать страх кому-либо») – *наводить страх на кого-либо / внушать страх кому-либо / вызывать страх у кого-либо*;

(36) *fare schifo a qualcuno* (букв. «делать отвращение кому-либо») – *вызывать отвращение у кого-либо / внушать отвращение кому-либо*; *fare orrore a qualcuno* (букв. «делать ужас кому-либо») — *вызывать ужас у кого-либо / внушать ужас кому-либо.*

Опорные глаголы *fare* и *делать* являются одними из самых продуктивных опорных глаголов в итальянском и русском языках соответственно. Анализ данных учебного корпуса подтвердил, что речь студентов с доминантным итальянским языком характеризуется отклонениями в употреблении русских конструкций с опорным глаголом. Наиболее частой причиной по нашим данным является трансфер с родного языка. В тех случаях, когда стратегии концептуализации денотативных ситуаций в русском и итальянском языках не совпадают, студенты чаще всего прибегают к калькированию глагола или целой коллокации с родного языка.

Сравнительный анализ сочетаемости опорных глаголов *делать* и *fare* показал, что в двух языках наблюдается частичная эквивалентность коллокаций с данными глаголами. Глагол *fare* обладает более широкой сочетаемостью. Так, в отличие от глагола *делать*, он может выступать опорным глаголом в конструкциях, обозначающих профессиональную принадлежность и каузированные ситуации. Кроме того, в рамках большинства выделенных семантических групп именные коллокаты глагола *fare* являются более многочисленными и более частотными по сравнению с именными коллокатами глагола *делать*. В случае отсутствия прямого эквивалента итальянские коллокации чаще всего передаются на русский язык с помощью синтетических форм, а также с помощью аналитических форм с другим опорным или полнозначным глаголом.

Результаты сравнительного семантического анализа конструкций с опорным глаголом в итальянском и русском языках могут найти применение в практике преподавания русского языка как иностранного. Во-первых, представление сочетаемости

опорных глаголов в виде самых продуктивных семантических групп может быть полезным при знакомстве студентов с данным языковым явлением. Во-вторых, сопоставление сочетаемостных профилей опорных глаголов в родном и изучаемом языках позволяет спрогнозировать трудности, с которыми могут столкнуться ученики, и помочь в разработке учебного материала.

Список литературы:

- Активный словарь русского языка* / В. Ю. Апресян [и др.]. – Т. 3. М.; СПб.: Изд-во Нестор-История, 2017. 768 с.
- Апресян Ю.Д.* О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания, 2004, 4. – С. 3-18.
- Апресян Ю.Д.* О семантической мотивированности лексических функций-коллокатов / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания, 2008, 5. – С. 3-33.
- Баранов А.* Основы фразеологии (краткий курс) / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. М.: ФЛИНТА, 2014. 312 с.
- Бениньи В.* Итальянские конструкции с глаголом поддержки *fare* в сопоставлении с русским / В. Бениньи П. Котта Рамузино // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции “Диалог”, 2011. – С. 68-83.
- Бениньи В.* Способы концептуализации реальности в конструкциях с глаголом поддержки и их влияние на изучение РКИ / В. Бениньи, Т. Майко // Russian Language in the Multilingual World, “Slavica Helsingiensia” / под ред. А. Nikunlassi, Е. Protassova. Helsinki: Helsinki University Press, 2019, 52. – С. 333-341.
- Борисова Е.Г.* Коллокации. Что это такое и как их изучать / Е.Г. Борисова. М.: Филология, 1995. 49 с.
- Иорданская Л.Н.* Смысл и сочетаемость в словаре / Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук; под общ. ред. Е.Н. Саввиной; М.: Языки славянских культур, 2007. 672 с.
- Копотев М.В.* Исключение как правило: Переходные единицы в грамматике и словаре / М.В. Копотев Т.И. Стексова. М.: Языки славянской культуры, 2016. 168 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>.
- Славкова С.* Устойчивые глагольно-именные словосочетания, лексические функции и Национальный корпус русского языка в преподавании русского языка иностранным студентам / С. Славкова // Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования / под ред. Н.Р. Добрушиной, 2007. – С. 86-100.
- Ягунова Е.В.* От коллокаций к конструкциям / Е.В. Ягунова, Л.М. Пивоварова // Русский язык: конструкционные и лексикосемантические подходы / отв. ред. С.С. Сай. Санкт-Петербург, 2011. – С. 568-617.
- Alba-Salas J.* Light Verb Constructions in Romance: A Syntactic Analysis: PhD. diss.: / Alba-Salas J. Cornell University, 2002.
- Benigni V. P.* Cotta Ramusino. The computational treatment of support verb constructions in Italian and in Russian. / V. Benigni, P. Cotta Ramusino // *Komputernaja lingvistika i intelektualnye tehnologii*, 2013, 12 (1). – P. 91-103.
- Benigni V.* La struttura argomentale dei verbi supporto in russo: un approccio data-driven / V. Benigni, P. Cotta Ramusino // *Il ruolo della Grammatica Valenziale nell'insegnamento delle lingue straniere* / ed. by V. Benigni, P. Cotta Ramusino. Roma: Aracne Editrice, 2015. – P. 185-209.
- Cowie A.P.* Introduction / A.P. Cowie // *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications* / ed. by A.P. Cowie. Oxford: Oxford University Press, 1998. – 258 p.
- Ellis R.* *Analysing Learner Language* / R. Ellis, G. Barkhuizen. Oxford: Oxford University Press, 2005. 404 p.
- Gilquin G.* Combining contrastive and interlanguage analysis to apprehend transfer: detection, explanation, evaluation / G. Gilquin // *Linking up Contrastive and Learner Corpus Research* / ed. by G. Gilquin, S. Papp, M.B. Díez-Bedmar. Amsterdam: Rodopi, 2008. – P. 3-33.

Granger S. From CA to CIA and back: An integrated approach to computerized bilingual and learner corpora / S. Granger // *Languages in Contrast. Text-based Cross-linguistic Studies* / ed. by K. Aijmer, B. Altenberg M. Johansson. Lund: Lund University Press, 1996. – P. 37-51.

Halliday M.A.K. Lexis as a Linguistic Level / M.A.K. Halliday // *Journal of Linguistics*, 1966, 2(1). – P. 57-67.

Italian Web 2011 (ruTenTen11) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sketchengine.eu>.

Melčuk I.A. Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics / I.A. Melčuk // *Idioms: Structural and Psychological Perspectives* / ed. by M. Everaert, E.J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder. Hillsdale, NJ/Hove, UK: LEA, 1995. - P. 167-232.

Jezeq E. Lessico. Classi di parole, strutture, combinazioni / E. Jezeq. Bologna: *Il Mulino* 2005. 223 p.

Odlin T. Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in Language Learning / T. Odlin. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 224 p.

Russian Web 2011 (ruTenTen11) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sketchengine.eu>.

Russian Learner Corpus [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://web-corpora.net/RLC/search>.

Samvelian P. On the predictability of light verbs / P. Samvelian, L. Danlos, B. Sagot // *Penser le lexique-grammaire, perspectives actuelles* / ed. by F. Kakoyianni Doa. Paris: Éditions Honoré Champion, 2014. - P. 209-221.

Sinclair J. Corpus, concordance, collocation / J. Sinclair. Oxford: Oxford University Press, 1991. 200 p.

Wierzbicka, A. Why can you Have a Drink when you can't *Have an Eat? / A. Wierzbicka // *Language*, 1982, 58 (4). – P. 753-799.

References:

Aktivnyi slovar' russkogo yazyka / V. Yu. Apresyan [i dr.]. – Т. 3. М.; SPb.: Izd-vo Nestor-Istoriya, 2017. 768 s.

Alba-Salas J. Light Verb Constructions in Romance: A Syntactic Analysis: PhD. diss.: / Alba-Salas J. Cornell University, 2002.

Apresyan Yu.D. O semanticheskoi nepustote i motivirovannosti glagol'nykh leksicheskikh funktsii / Yu.D. Apresyan // *Voprosy yazykoznanija*, 2004, 4. – С. 3-18.

Apresyan Yu.D. O semanticheskoi motivirovannosti leksicheskikh funktsii-kollokatov / Yu.D. Apresyan // *Voprosy yazykoznanija*, 2008, 5. – S. 3-33.

Baranov A. Osnovy frazeologii (kratkii kurs) / A.N. Baranov, D.O. Dobrovol'skii. М.: FLInta, 2014. 312 s.

Benigni V. P. Cotta Ramusino. The computational treatment of support verb constructions in Italian and in Russian. / V. Benigni, P. Cotta Ramusino // *Komputernaja lingvistika i intellektualnye tekhnologii*, 2013, 12 (1). – P. 91-103.

Benigni V. La struttura argomentale dei verbi supporto in russo: un approccio data-driven / V. Benigni, P. Cotta Ramusino // *Il ruolo della Grammatica Valenziale nell'insegnamento delle lingue straniere* / ed. by V. Benigni, P. Cotta Ramusino. Roma: Aracne Editrice, 2015. – P. 185-209.

Benin'i V. Ital'yanskije konstruksii s glagolom podderzhki fare v sopostavlenii s russkim / V. Benin'i P. Kotta Ramuzino // *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"*, 2011. – С. 68-83.

Benin'i V. Sposoby kontseptualizatsii real'nosti v konstruksiyakh s glagolom podderzhki i ikh vliyanie na izuchenie RKI / V. Benin'i, T. Maiko // *Russian Language in the Multilingual World, "Slavica Helsingiensia"*/ pod red. A. Nikunlassi, E. Protassova. Helsinki: Helsinki University Press, 2019, 52. – S. 333-341.

Borisova E.G. Kollokatsii. Chto ehto takoe i kak ikh izuchat' / E.G. Borisova. М.: Filologiya, 1995. 49 s.

Iordanskaya L.N. Smysl i sochetaemost' v slovare / L.N. Iordanskaya, I.A. Mel'chuk; pod obshch. red. E.N. Savvinoi; М.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007. 672 s.

Cowie A.P. Introduction / A.P. Cowie // *Phraseology: Theory, Analysis, and Applications* / ed. by A.P. Cowie. Oxford: Oxford University Press, 1998. – 258 p.

Ellis R. Analysing Learner Language / R. Ellis, G. Barkhuizen. Oxford: Oxford University Press, 2005. 404 p.

Gilquin G. Combining contrastive and interlanguage analysis to apprehend transfer: detection, explanation, evaluation / G. Gilquin // *Linking up Contrastive and Learner Corpus Research* / ed. by G. Gilquin, S. Papp, M.B. Díez-Bedmar. Amsterdam: Rodopi, 2008. – P. 3-33.

- Granger S.* From CA to CIA and back: An integrated approach to computerized bilingual and learner corpora / S. Granger // *Languages in Contrast. Text-based Cross-linguistic Studies* / ed. by K. Aijmer, B. Altenberg M. Johansson. Lund: Lund University Press, 1996. – P. 37-51.
- Halliday M.A.K.* Lexis as a Linguistic Level / M.A.K. Halliday // *Journal of Linguistics*, 1966, 2(1). – P. 57-67.
- Italian Web 2011* (ruTenTen11) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sketchengine.eu>.
- Kopotev M.V.* Isklyuchenie kak pravilo: Perekhodnye edinit'sy v grammatike i slovare / M.V. Kopotev T.I. Steksova. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2016. 168 s.
- Jezeq E.* Lessico. Classi di parole, strutture, combinazioni / E. Jezeq. Bologna: Il Mulino 2005. 223 p.
- Melčuk I.A.* Phrasemes in Language and Phraseology in Linguistics / I.A. Melčuk // *Idioms: Structural and Psychological Perspectives* / ed. by M. Everaert, E.J. van der Linden, A. Schenk, R. Schreuder. Hillsdale, NJ/Hove, UK: LEA, 1995. - P. 167-232.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>.
- Odlin T.* Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in Language Learning / T. Odlin. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 224 p.
- Russian Web 2011* (ruTenTen11) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.sketchengine.eu>.
- Russian Learner Corpus* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://web-corpora.net/RLC/search>.
- Samvelian P.* On the predictability of light verbs / P. Samvelian, L. Danlos, B. Sagot // *Penser le lexique–grammaire, perspectives actuelles* / ed. by F. Kakoyianni Doa. Paris: Éditions Honoré Champion, 2014. - P. 209-221.
- Sinclair J.* Corpus, concordance, collocation / J. Sinclair. Oxford: Oxford University Press, 1991. 200 p.
- Wierzbicka, A.* Why can you Have a Drink when you can't *Have an Eat? / A. Wierzbicka // *Language*, 1982, 58 (4). – P. 753-799.
- Slavkova C.* Ustoichivye glagol'no-imennye slovosochetaniya, leksicheskie funktsii i Natsional'nyi korpus russkogo yazyka v prepodavanii russkogo yazyka inostrannym studentam / S. Slavkova // *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka i problemy gumanitarnogo obrazovaniya* / pod red. N.R. Dobrushinoi, 2007. – С. 86-100.
- Yagunova E.V.* Ot kollokatsii k konstruktsiyam / E.V. Yagunova, L.M. Pivovarova // *Russkii yazyk: konstruktsionnye i leksikosemanticheskie podkhody* / otv. red. S.S. Sai. Sankt-Peterburg, 2011. - С. 568-617.

Маркова Елена Михайловна
Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина
г. Москва (Россия)
Католический университет в Ружомберке
г. Ружомберк (Словакия)

Markova Elena
Kosygin State University of Russia
Moscow (Russia)
Katholik University in Ruzhomberok
Ruzhomberok (Slovakia)

ЯВЛЕНИЕ УНИВЕРБАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ОТРАЖЕНИЕ ЕГО В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ

THE PHENOMENON OF UNIVERBATION IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE AND ITS REFLECTION IN THE EDUCATIONAL DICTIONARY FOR FOREIGNERS

В статье речь идёт о массовом в последнее время языковом явлении – универбации, захлестнувшей не только устную речь (телевидение, радиовещание, живое общение), но и страницы газет и журналов. Широкое распространение этого явления в наши дни, вызванное усилением тенденции к экономии языковых усилий и языковых средств, проявляющей себя особенно в разговорном дискурсе, активизация универбации вызвали потребность в создании словаря универбатов. Рассматриваются разные точки зрения на явление универбации и определяется авторское видение этого явления, положенное в основу отбора языковых фактов в словарь. Систематизируются модели и деривационные средства создания универбатов, приводятся основные тематические группы, анализируется их стилистическая принадлежность и функционирование.

In the article is talking about a recent mass phenomenon of language – univerbation, that found not only in the speech (television, broadcasting, live communication), but also in the pages of newspapers and magazines. The widespread occurrence of this phenomenon today, caused by the growing tendency to save language efforts and language means, which manifests itself especially in conversational discourse, and the activation of univerbation, necessitated the creation of a vocabulary of univerbations. Different points of view on the phenomenon of univerbation are considered and the author's vision of this phenomenon, which is the basis for the selection of linguistic facts in a dictionary is determined. Models and derivational means of creating university stores are systematized, the main thematic groups are given, their stylistic affiliation and functioning are analyzed.

Ключевые слова: универбация, способы словообразования, современный русский язык, тенденции развития, словари.

Key words: univerbation, word formation methods, modern Russian language, development trends, dictionaries.

Активные изменения в экономической и социально-политической жизни нашего общества на рубеже XX-XXI вв. нашли отражение в усилении лингвокреативной деятельности человека. В процессе словотворчества происходит поиск языковых, в том числе деривационных, возможностей, которые помогают не только номинировать то или иное явление, событие, процесс, но и выразить отношение к ним. В связи с этим усиливается прагматическая составляющая новообразований, и предпочтение отдаётся тем формам-синкретам, которые соединяют в себе денотативное и коннотативное. К такого

рода образованиям относятся универбаты, принадлежащие к универсалиям славянского словообразования и оказавшиеся на пике словотворчества в переломную эпоху последних десятилетий [Маркова, Григорянова, 2016].

О явлении универбации в лингвистике не существует единого мнения. Есть множество разных точек зрения на это явление. При широком понимании универбация рассматривается как универсальный словообразовательный процесс, и в этом случае всякое словопроизводство приравнивается к универбизации [Кубрякова, 1986; Лопатин, 2003]. По мнению ряда учёных, к универбации относится любая деривация, основанная на сокращении, усечении слова и словосочетания [Маркова, 2018]. В более узком смысле под универбацией понимается либо совокупность разных по структуре и способу образования дериватов, так или иначе свернутых на базе словосочетаний [Янко-Триницкая, 2001; Устименко, 2007]. Наконец, самое узкое понимание универбации включает в него лишь производство суффиксальных существительных на основе атрибутивных словосочетаний, имеющих устойчивый характер [Земская, 2000; Осипова, 1999; Теркулов, 2010; Лукашанец, 2016]. Большинство исследователей всё же сходятся во мнении, что универбация представляет собой словообразовательный процесс, в результате которого продуцируются однословные эквиваленты в разной степени устойчивых словосочетаний, являющихся наименованиями кодифицированного литературного языка.

Это отвечает сути универбации как способа деривации, результатом которого является образование однословной номинации на основе словосочетания, при этом в энциклопедии «Русский язык» универбация понимается как «образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично» [Русский язык, 1997, с. 577], т. е. подчёркивается наличие в языке параллельно существующего составного наименования. Чаще всего результатом такого словопроизводства является имя существительное, а производящей основой служит словосочетание: *прилагательное + существительное*. В образованный дериват входит только основа атрибутивного компонента, тогда как определяемое существительное (или несколько существительных) подразумевается в мотивационной базе, но формально во вновь образованной единице не отражено. При этом происходит **конденсация семантики** словосочетания. Процесс формальной и семантической компрессии, происходящей при этом, сопровождается использованием суффиксов: частный предприниматель → частн-ик, запасное колесо → запас-к(а). Такая трактовка универбации принята при отборе слов в данном словаре.

Подобным способом образуются не только имена существительные, но и глаголы. Глагольная универбация состоит в стяжении словосочетания в однословное глагольное наименование. Глагольная универбация, хотя и находит противников среди учёных-

дериватологов [см., напр. Теркулов, 2010], но имеет все признаки этого способа деривации: формальное и семантическое сжатие словосочетания в одно слово, использование корневой морфемы одного из компонентов словосочетания, несущего основную смысловую нагрузку, оформление при помощи определённых деривационных средств [Маркова, 2018, с. 233]. При этом в языке сосуществуют две формы обозначения одного и того же плана содержания: расширенная, в виде мотивирующего словосочетания, и сжатая, как результат его стяжения. Последняя, как правило, стилистически маркирована и употребляется, в основном в разговорном или профессиональном дискурсе.

Универбаты активно продуцируются в разговорной речи, в повседневной коммуникации, поскольку именно в этих сферах закон экономии находит своё яркое выражение. Некоторые из таких дериватов проникают и в книжные стили. Тенденция к экономии, сокращению, минимизации языковых усилий и в соответствии с этим языковых средств обусловлена многими причинами, среди которых можно назвать: научно-технический прогресс, ускорение общего темпа жизни и деятельности, стремительно происходящие общественно-экономические и политические изменения, глобалистические процессы, вызывающие появление однотипных явлений в разных языках, влияние английского языка, в котором компрессионные способы образования слов являются чрезвычайно продуктивными, наконец, стремление к словомейкерству, окказиональному словообразованию, побуждающее творить новые слова по существующим моделям.

«Словарь универбатов современного русского языка» (Клименко Г. В., Маркова Е. М., Москва: Прометей, 2019) является первым учебным словарём подобного рода и представляет собой словарь смешанного типа: **толково-словообразовательный**, в чём выражается нетрадиционный подход в лексикографической практике. Потребность в создании данного словаря вызвана активизацией универбации и широким распространением этого явления в наши дни, вызванного усилением **тенденции к экономии языковых средств**. В нём авторы преследовали цель систематизировать столь массовое в последнее время языковое явление, как универбация, захлестнувшее не только страницы газет и журналов, но и устную речь (телевидение, радиовещание, живое общение). В словаре делается попытка в учебно-ознакомительном аспекте представить слова-универбаты и их значения путём совмещения двух языковых уровней: лексического и деривационного.

В словаре выделены и собраны наиболее частотные универбаты (материал для словаря извлечён из газетно-журнальной периодики последних десятилетий, а также из Национального корпуса русского языка, использовались также данные современных толковых словарей), дана их комплексная характеристика: лексическая,

словообразовательная, грамматическая, что может быть использовано в учебном процессе. Нетрадиционность и **новизна** работы заключается в том, что, вскрывая связь лексического и словообразовательного значения, стало возможным уточнить семантику таких специфических образований, как универбаты, проследить механизмы их образования, выявить типологические модели их образования и использовать в качестве обучающего материала на занятиях по русскому языку как иностранному.

Словарь ориентирован прежде всего на иностранных учащихся, изучающих современный русский язык, особенно для будущих переводчиков. Так как универбаты, как правило, отсутствуют в толковых словарях, подобный опыт их отбора и систематизации может быть полезен преподавателям русского языка как неродного и как иностранного. Кроме того, материалы словаря могут быть использованы в преподавании филологических дисциплин, спецкурсов и др.

Структура словарной статьи включает в себя следующие компоненты. В качестве словарной единицы выступает лексема-универбат. В словах приводятся указания на произношение (ударение). В словарной статье представлены: лексическая единица (универбат), модель словообразования, его словообразовательная структура, лексическое значение, грамматические характеристики (окончание в форме родительного падежа, род существительного), даётся толкование слова и приводятся иллюстрации с источником. Например: *Авари'йка* -и, ж. *Аварийная служба* + *к(а)*. Служба, вызываемая в случае аварии в доме (из-за воды, электричества) *Кто-то спрашивал, куда подевался электрик, кто-то звонил в аварийку* [Ю.И. Андреева. Многоточие сборки (2009)]. В некоторых случаях, если словообразовательная формула исчерпывающе толкует универбат и не требует дополнительного толкования, не даётся лексическое значение. Например: *Бесполезня́к* -а, м. *Бесполезное дело* + *як*. *Она открыла глаза, посмотрела на него бессмысленно — и уронила голову на колени. «Полная отключка, бесполезняк! — подумал Митя* [А. Житков. Кафедра (2000)].

Наиболее продуктивным суффиксальным элементом, участвующим в механизме создания универбата является суффикс **к**, вместе с тем анализ нашего материала дал возможность выявить и другие форманты, используемые в этом процессе: суффиксы **-нк-**, **-ик-/ник-**, **-ил-/клк-**, **-овк-/ловк-**, **-ёрк-**, **-ок-**, **-ак-/як-**, **-янк-**, **-иц-**, **-учк-**, **-шк-/ушк-/яшк-/ишк-**, **-енец-**, **-ух-/юх-**, **-ур-**, **-ун-**, **-ач-**. Многие из них, помимо разговорного характера, придают новым единицам экспрессивное, оценочное звучание. Встречаются и бессуффиксные универбаты.

В тематическом плане универбаты представляют собой разнородный пласт лексики, что объясняется продуктивностью моделей универбации практически во всех

сферах общественной деятельности и коммуникации. Поэтому многочисленны и разнообразны тематические группы подобной лексики. В разговорной речи универбаты в основном представляют собой бытовую лексику, так называемые «бытовизмы». Они входят в тематические группы «Помещение», «Дороги», «Транспорт», «Одежда», «Лекарственные средства» и др., то есть представляют собой лексические пласты, обозначающие повседневные реалии современного человека [Дозорова, 2015]. Пополнение этих групп происходит по мере распространения новых явлений в общественной и бытовой сферах. Например, к концу XX – началу XXI века можно отнести такие универбаты-неологизмы, как *аварийка, мобильник, струйник, цифровик, наружка* и др. Что касается универбатов непредметной семантики, это в основном дериваты, обозначающие процесс (*кругосветка, пленарка* и т. п.) или отвлечённое понятие или явление (*уголовка, неуставняк, конкретика* и др.). Однако универбатов с непредметной семантикой меньше, чем производных, обозначающих конкретные объекты действительности. Помимо дериватов с предметной и процессуально-отвлечённой семантикой, активизируется производство универбов-наименований человека по профессии или роду занятий (*глазник, международник* и др.).

Тематические группы универбатов различны по количеству единиц, которые в них входят, что обусловлено экстралингвистическими факторами, прежде всего, социокультурными. Так, пополнение таких тематических групп, как «Интернет», «Компьютерная лексика», связано именно с возникновением новых форм коммуникации и развитием информационных технологий. Другие группы, например, тематические группы «Технические устройства», «Косметические средства», в настоящее время продолжают пополняться новыми дериватами, что также объясняется социальными причинами: на их расширение оказывает влияние развитие промышленности, возникновение новых способов производства. Другие же группы более устойчивы и менее многочисленны, например, тематические группы «Части тела человека», «Пищевые продукты». Динамика социокультурной жизни вызывает появление соответствующих дериватов в номинации учебных заведений (*вышка*), общественных мероприятий (*корпоративка / корпоратив*), компьютерной или видеопродукции (*материнка, лицензионка*).

Стилистической особенностью универбатов является их активное функционирование в **разговорной речи**. Большинство универбатов относится к разговорной лексике, например: *бытовка, гречка, побочка* и т. п. Некоторые из них имеют просторечный оттенок, однако многие слова уже вошли в кодифицированный литературный язык. Примером этого могут служить слова, сосуществующие со своими полными вариантами: *вишневка* «вишневая наливка или настойка»; *кожанка* «кожаная куртка или кожаное пальто»; *невидимка* «невидимое существо» и т. п.

Однако в целом универбаты связаны с разными типами дискурсов: политическим, экономическим, правовым, военным, спортивным, медицинским и т. д. Авторы словаря не ставили перед собой нормативных задач, но пытались объективно отразить различные слои лексики: разговорную, просторечную, нейтральную, жаргонную. Столь широкий подход к нормативному аспекту обусловлен неопределённостью во многих случаях стилистического статуса слова, расхождениями в пометах имеющихся толковых словарей. Кроме того, реалии нашего времени, быстрота перемещения из одного стилистического слоя в другой также затрудняет задачу определения того или иного статуса слова.

Некоторые образования относятся к **терминам**, которые, однако, вошли в общее употребление и понятны носителям языка: *валерьянка, щитовидка, аскорбинка*. Узкоспециальные термины не включены в состав словаря. Ряд просторечных и жаргонных универбатов включён в словник, т. к. с одной стороны, авторы преследовали цель наиболее полно представить состав современного языка, с другой стороны, руководствуясь тем, что в настоящее время налицо тенденция перемещения лексем из просторечной или жаргонной лексики в разговорную речь. В толковых нормативных словарях имеются расхождения в этом вопросе. Так, помету «просторечное» носят слова *караулка, самоволка, манка, времянка* и др., хотя, на наш взгляд, их уже вполне можно отнести к разговорной речи. В этом нет ничего необычного: как отмечает В.Г. Костомаров, «вкус – это меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи» [Костомаров, 1999].

В семантическом плане большинство универбатов однозначно. Полисемия встречается редко, например: *грунтовка* а) «грунтовая дорога»; б) «грунтовое покрытие». Встречаются и слова-омонимы, например: *коммуналка I* «коммунальная квартира»; *коммуналка II* «коммунальные услуги»; *двушка I* «двухкомнатная квартира»; *двушка II* (уст.) «двухкопеечная монета»; *микроволновка I* «микроволновая антенна»; *микроволновка II* «микроволновая печь».

Основной аудиторией, к которой обращён его материал, являются иностранные студенты, изучающие русский язык и знакомящиеся с реалиями русской жизни и их номинациями. Данный словарь поможет студентам-иностранцам в овладении современным разговорным русским языком, что соответствует основной цели обучения русскому языку как иностранному – цели формирования коммуникативной компетенции, прежде всего в сфере бытовой коммуникации. К тому же описание в словарных статьях способов образования универбатов даст возможность иностранцам познакомиться с основными словообразовательными моделями новых языковых явлений, увидеть механизмы их создания, что будет способствовать формированию у них лингвистической компетенции.

Приведённый в словаре материал (около 600 универбатов различной тематики и структуры) свидетельствует о большом потенциале деривационных моделей универбации и о прогнозируемом пополнении литературного словарного состава русского языка новыми номинациями. С появлением инноформ, образованных путём универбации, предполагается пополнение и расширение словаря.

Список литературы:

- Дозорова Д.В.* Тематические сферы употребления универбатов в современной русской речи [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2015. № 1. www.evestnik-mgou.ru.
- Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. 480 с.
- Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999.
- Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.
- Лопатин В.В.* Универбация // Русский язык: Энциклопедия / Ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 577 с.
- Лукашанец Е.* Методология исследований русского сленга: новые источники // Koriakowcewa E. (red. nauk.). Współczesne językoznawstwo słowiańskie: teoria i metodologia badań. T. 2: Metody analizu i opisu jednostek leksykalnych i tekstowych. Siedlce, Academia Podlaska w Siedlcach, 2016. С. 51–60.
- Маркова Е.М.* Глагольная универбация в свете славянского словообразования // Русский язык в поликультурном мире. II Международный симпозиум (8-12 июня 2018 г.): Сборник научных статей. Том 1 / Отв. редактор Е.Я Титаренко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. 552 с. С. 232-238.
- Маркова Е. М.* Деривационные тенденции развития русского языка на фоне других славянских языков: общее и специфическое // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи. Материалы Межд. научн. конференции. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. 396 с. С. 54-65.
- Маркова Е. М., Григорянова Т.* Динамические аспекты лексики современных славянских языков // Монография. Брно: TRIBUN EU, 2016. 187 с.
- Осипова Л. И.* Активные процессы в современном русском словообразовании: Суффиксальная универбация, усечение. АДД. М.: МПГУ, 1999.
- Теркулов В.И.* Универбализация: постановка проблемы // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. Серия «Филология, история, востоковедение». 2010. № 3. С. 135–142.
- Устименко И.А.* Явление семантической конденсации в русском словообразовании: Пособие к спецкурсу / И.А. Устименко. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 132 с.
- Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке. М.: Индрик, 2001. 504 с.

References:

- Dozorova D.V.* Tematicheskie sfery upotrebleniya univerbatov v sovremennoi russkoi rechi [Ehlektronnyi resurs] // Ehlektronnyi zhurnal «Vestnik MGOU». 2015. № 1. www.evestnik-mgou.ru. (In Russian)
- Zemskaya E.A.* Aktivnye protsessy sovremennogo slovoproizvodstva // Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995). 2-e izd. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. 480 s. (In Russian)
- Kostomarov V.G.* Yazykovoï vkus ehpokhi. Iz nablyudenii nad rechevoi praktikoi mass-media. SPb., 1999. (In Russian)
- Kubryakova E.S.* Nominativnyi aspekt rechevoi deyatel'nosti. M.: Nauka, 1986. (In Russian)
- Lopatin V.V.* Univerbatsiya // Russkii yazyk: Ehntsiklopediya / Red. Yu.N. Karaulov. M.: Bol'shaya Rossiiskaya ehntsiklopediya, 2003. 577 s. (In Russian)
- Lukashanets E.* Metodologiya issledovaniï russkogo slenga: novye istochniki // Koriakowcewa E. (red. nauk.). Współczesne językoznawstwo słowiańskie: teoria i metodologia badań. T. 2: Metody analizu i opisu

- jednostek leksykalnych i tekstowych. Siedlce, Academia Podlaska w Siedlcach, 2016. S. 51–60. (In Russian)
- Markova E.M.* Glagol'naya univerbatsiya v svete slavyanskogo slovoobrazovaniya // Russkii yazyk v polikul'turnom mire. II Mezhdunarodnyi simpozium (8-12 iyunya 2018 g.): Sbornik nauchnykh statei. Tom 1 / Otv. redaktor E.Ya Titarenko. Simferopol': IT «ARIAL», 2018. 552 s. S. 232-238. (In Russian)
- Markova E. M.* Derivatsionnye tendentsii razvitiya russkogo yazyka na fone drugikh slavyanskikh yazykov: obshchee i spetsificheskoe // Semantika i funktsionirovanie yazykovykh edinit v raznykh tipakh rechi. Materialy Mezhd. nauchn. konferentsii. Yaroslavl': RIO YAGPU, 2016. 396 s. S. 54-65. (In Russian)
- Markova E. M., Grigoryanova T.* Dinamicheskie aspekty leksiki sovremennykh slavyanskikh yazykov // Monografiya. Brno: TRIBUN EU, 2016. 187 s. (In Russian)
- Osipova L. I.* Aktivnye protsessy v sovremennom russkom slovoobrazovanii: Suffiksial'naya univerbatsiya, usechenie. ADD. M.: MPGU, 1999. (In Russian)
- Terkulov V.I.* Univerbalizatsiya: postanovka problemy // Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo. Seriya «Filologiya, istoriya, vostokovedeniE». 2010. № 3. S. 135–142. (In Russian)
- Ustimenko I.A.* Yavlenie semanticheskoi kondensatsii v russkom slovoobrazovanii: Posobie k spetskursu / I.A.Ustimenko. Belgorod: Izd-vo BeLGU, 2007. 132 s. (In Russian)
- Yanko-Trinitskaya N.A.* Slovoobrazovanie v sovremennom russkom yazyke. M.: Indrik, 2001. 504 s. (In Russian)

Немыка Анна Анатольевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар (Россия)
Кумуржи Ольга Васильевна
Языковая школа Кундура,
Гимназия № 5
г. Катерини (Греция)

Nemyka Anna
Kuban State University
Krasnodar (Russia)
Koumourzi Olga
Language School Koundoura
Katerini (Greece)

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

SPECIFIC FORMATION OF THE TERMINOLOGICAL COMPETENCE OF STUDENTS

Современной науке свойственно развитие множества научных школ и разнообразие формирующихся терминосистем, что существенно затрудняет упорядочение терминологии и ведет к дефиниционной неточности. Практика преподавания русского языка и русского языка как иностранного показывает, что у многих студентов различных этапов обучения слабо сформированы терминологическая компетенция и метаязыковая функция в сфере профессиональной коммуникации. Использование различных способов мониторинга остаточных знаний обучающихся может способствовать эффективному решению данной проблемы.

Необходимо также включать в процесс обучения курсы по языку специальности наряду с дисциплиной «Введение в специальность». Это необходимо на всех уровнях владения языком, в том числе на начальном этапе обучения, для дальнейшей успешной систематизации знаний и формирования навыков и умений работы с научным дискурсом. Усиление интерактивного аспекта обучения может быть достигнуто при помощи инновационных технологий – тестирования, эксперимента.

Исследовательский и лингво-дидактический потенциал ассоциативного эксперимента все еще недостаточно используется как по объёму, так и по содержательным аспектам.

Расширение сферы подобных экспериментов позволило бы не только обозначить проблему формирования терминологической компетенции у различных групп обучающихся, но и стимулировало лингвистов активно работать над совершенствованием терминодеривации и научно-дидактического дискурса.

Modern science is characterized by the development of many scientific schools and a variety of emerging terminological systems, which significantly complicates the ordering of terminology and leads to definitional inaccuracy. The practice of teaching Russian and Russian as a foreign language shows that many students at various stages of study have poorly developed terminological competence and metalinguistic function in the field of professional communication.

The use of various methods of monitoring the retained knowledge of the students can contribute to an effective solution to this problem.

It is also necessary to include special language courses in the learning process along with the discipline Introduction to the specialty. This is necessary at all levels of language proficiency, including at the initial stage of training, for the further successful systematization of knowledge and the formation of skills and abilities to work with scientific discourse. Strengthening the interactive aspect of learning can be achieved with the help of such innovative technologies as testing and experiment.

The research and linguo-didactic potential of the associative experiment is still underutilized both in terms of scope and content.

Expanding the scope of such experiments would allow not only to identify the problem of the formation of terminological competence in various groups of students, but also stimulate linguists to actively work on improving terminological derivation and scientific and didactic discourse.

Ключевые слова: терминосистема, язык специальности, терминологическая компетенция, научный дискурс, ассоциативный эксперимент.

Key words: terminological system, language of the specialty, terminological competence, scientific discourse, associative experiment.

Увеличение количественного и качественного разнообразия единиц специальной лексики, наметившееся усложнение их системно-семантических связей становятся факторами, обуславливающими изменение существующих представлений об организации современного учебно-образовательного процесса [Тимофеева, 2009; Угланова, 2006; Лейчик, 1991]. Цельность теоретической базы и системность ее метаязыковой репрезентации, преемственность в реализации лингводидактических методов особенно важны при подготовке будущих специалистов.

Совершенно очевидно, что многие современные студенты испытывают сложности при постановке задачи самостоятельного творческого поиска, не умеют четко формулировать научные проблемы и предлагать стратегию их анализа. Это, в свою очередь, влияет на качество владения научным стилем речи и ключевым терминопараметром различных областей знания. Также искусственное ограничение способности студентов к когнитивной трансформации, активному использованию органичного в данном случае метода синтаксической синонимии приводит к тому, что обучающие не способны на достаточно качественном уровне представлять различные варианты дефиниций при сохранении общего понятийного содержания. При этом варьирование формулировок должно демонстрировать терминологическую компетенцию студента, а повторение стандартных дефиниций не позволяет развивать творческое мышление.

Специальная лексика соотносится, как правило, со структурным, а не содержательным форматом элементов. Это приводит к сокращению числа понятийных ассоциаций, а лингводидактический процесс связан с созданием развернутой системы ассоциативных связей в различных сферах науки. В итоге обучающиеся демонстрируют недостаточно качественное владение навыками профессиональной речи. Решению данной проблемы может способствовать учет и анализ специфики функционирования специальной лексики и использование новых способов мониторинга и контроля усвоения знаний. Отсутствие методов обучения студентов самооценке в рамках их учебного процесса затрудняет формирование системы научных понятий.

Важно также отметить, что специальная лексика внедряется в процесс обучения с учетом тематической логики, но без обращения к функционирующим категориальным моделям. Существенно затрудняет восприятие фундаментальных концепций

и узконаправленная функциональность терминоединиц. Вместо того чтобы расширять когнитивно-ассоциативное поле учащегося, язык специальности может сыграть отрицательную роль, превращаясь в механизм когнитивного разделения различных научных сфер. Таким образом, может происходить нарушение принципов лингводидактической преемственности на этапе перехода между различными уровнями обучения.

Современному научному дискурсу свойственна высокая степень когнитивной интерференции. Методики представления студентам дефиниций-клише приводят к нечеткости восприятия, поскольку срабатывает агнонимическая функция. Это усложняет понимание, а значит, и воспроизведение, мешает обучающимся органично интегрировать новые для них терминоединицы в научные парадигмы [Немыка, 2009 (в)]. Таким образом, терминологическая компетенция студентов во многом зависит от модели обучения языку специальности, характеризующейся систематизацией понятийных элементов научной парадигмы.

Весьма эффективен для решения обозначенной задачи ассоциативный подход. Наблюдения показали, что зачастую участникам научной коммуникации не мешает отсутствие однозначных дефиниций у междисциплинарных терминоединиц (например, *когнитивный, антропоцентрический, дискурсивный, парадигма, модель* и т. д.).

В связи с этим группе обучающихся в качестве эксперимента было дано творческое задание по моделированию максимального количества новых «терминов», включающих в себя сочетания из определенных формантов. Структурно сконструированные таким образом конструкции вполне соответствуют типологическим понятиям о современных терминах («дискурсивная интерференция», «интрапарадигма», «метакоммуникативный» и т. п.).

Всем обучающимся, задействованным в эксперименте, необходимо было подобрать дефиниции к смоделированным на предыдущем этапе «терминам», т.е. попытаться осмыслить ассоциации, позволившие создать подобные единицы. Результаты были апробированы в группе студентов, не участвовавших в первом этапе эксперимента. Почти все участники нового эксперимента не поставили под сомнение семантизацию сконструированных искусственно (хотя и по типичным функциональным моделям) единиц. Использование экспериментов такого типа может быть эффективно при анализе специфики функционирования новых терминоединиц.

Применение методики ассоциативно-дефиниционного эксперимента помогает произвести мониторинг остаточных знаний обучающихся, причем по различным дисциплинам. Данный метод предполагает широкую функциональную вариативность,

например, можно проводить эксперимент в два этапа. Во-первых, обучающиеся должны дефинировать заданные терминоединицы, а во-вторых, представить свой перечень терминов, соответствующих конкретным, сформулированным преподавателем параметрам – привести базовые термины определенной научной сферы, междисциплинарные термины, общенаучные термины, термины заданной структуры и т. п. Сформировать у студентов подобное умение совершенно необходимо по причине существенного и постоянного расширения специального научного словаря. При этом важно учитывать, что существующие стандарты не конкретизируют объем терминологического минимума студента-выпускника. Таким образом, подобный словарь из терминов-неологизмов формируется преподавателем самостоятельно и может включать до 500 и более единиц.

Кроме того, в рамках данного ассоциативно-дефиниционного эксперимента студенты старших курсов получили задание дефинировать наиболее частотные (по их мнению) и хорошо знакомые им терминоединицы уже освоенных дисциплин. Анализ полученных результатов показал, что большое количество ответов ассоциируется с дисциплинами начального этапа обучения. Принимавшие участие в данном эксперименте старшекурсники активно использовали также междисциплинарные термины и в анкеты, разрешающие свободную компоновку понятий, включали такие термины, как *функция*, *периферия*, *интеграция*, *интерференция* и под. Основная задача этого эксперимента заключается в определении собственной языковой интуиции и терминологической компетенции обучающихся, их способности к восприятию и усвоению междисциплинарных терминов-неологизмов.

Также результаты эксперимента позволяют понять, что многие базовые научные понятия знакомы обучающимся только формально. Это можно установить по реакциям на стимулы «дискурс», «термин», «парадигма» и др.

Проведенный нами эксперимент позволяет говорить о том, что обучающимся по мере накопления знаний свойственно развитие междисциплинарной интерференции применительно к терминологии. Так, старшекурсники более свободно используют общенаучные понятия, достаточно уверенно ориентируются в современном научном дискурсе в целом, но приводимые ими дефиниции узкоспециальных терминов часто понятийно удалены от базовых и не содержат метаязыковых характеристик. Второкурсники же более четко дефинируют термины, ассоциируя их с другими в рамках теории изучаемых дисциплин. На основании этого можно сделать следующий вывод: студенты начального этапа обучения оперируют преимущественно базовой частью терминоаппарата, их ассоциирование связано с основными представлениями соответствующей научной области.

В активе старшекурсников, напротив, доминируют периферийные термины, но полученные реакции свидетельствуют о деформации центральной части исследуемой терминосферы. Студенты младших курсов, в свою очередь, недостаточно уверенно оперируют периферийными терминами. Одной из объективных причин этой функциональной особенности является тот факт, что данные единицы обозначают не самостоятельные понятия, а отдельные аспекты категориальных понятий, как правило, имеющие эквиваленты. Это иноязычные заимствования междисциплинарного характера.

Одним из наиболее важных факторов в процессе системного моделирования у студентов метаязыковых научных представлений, создания развернутых цепочек ассоциаций в специальных предметных сферах является интерактивность. Современной научной парадигме свойственны черты синтеза, интегрирования специфики естественной и гуманитарной областей знания, что порождает возникновение множества новых научных направлений и обуславливает качественное и количественное разнообразие в рамках формирующихся терминосистем. Указанные процессы существенно усложняют систематизацию терминологии и приводят к понятийной нестабильности.

Эффективны для решения этой проблемы различные виды контроля остаточных знаний обучающихся, способы проверки сформированности у них соответствующих компетенций. Положительную роль может сыграть включение в образовательные программы, наряду с дисциплиной «Введение в специальность», общих и дифференцированных курсов по языку специальности с опорой на соответствующие научные области. Это особенно необходимо студентам начального этапа обучения для дальнейшей систематизации, накопления знаний, активной интеграции в когнитивно-дидактическую парадигму. Интерактивность в процессе обучения может быть реализовано и посредством совокупности инновационных методов – тестирования, эксперимента.

Среди включенных в анкеты междисциплинарных терминов был предложен термин *антропоцентризм* и его дериваты (таким образом, ассоциативное поле понятия исследовалось соответствующим ему методом). Термин-стимул *антропоцентрический*, в котором легко выделяются знакомые обучающимся производящие основы, дал следующие реакции: «связанный с человеком», «акцент на человека», «направленный на человека», «очень близкий по признакам к человеку» и т.д. Таким образом, было выявлено, что в полученных реакциях преобладает верное понимание студентами сущности этого термина.

Ряд нетипичных ответов был вызван семантизацией термина-стимула через его внешнее сходство: *антропоцентрический* - «человек с характером», «человек стремящийся».

Определяя понятие *метаязык* более 20% студентов соотнесли его с языком науки, специальным языком; более 15% считают, что метаязык – это «праязык», «основа существующего языка»; 10% не ответили на вопрос; около половины респондентов привели разнородные характеристики типа: «описательный язык»; «иностранный язык», «язык литературы», «национальный язык», «язык в своем первоначальном виде» и т. д. Объединяет эти реакции то, что метаязык, по мнению респондентов, должен отличаться от языка в устоявшемся понимании.

Термин *транспозиция* дефинируется в части ответов как «переход», «перенос»; более половины респондентов не дали никакого ответа; часть студентов попыталась представить дефиницию этого термина по значению его компонентов *транс-* и *-позиция*: по их мнению, транспозиция – это «межпозиция», «подвижность».

Увеличение числа экспериментов данного типа рационально для мониторинга сформированности терминологической компетенции обучающихся, а также должно мотивировать языковедов к исследованиям в сфере проблем терминодеривации и научного дискурса. Комплексный мониторинг остаточных знаний и терминологической компетенции обучающихся необходимо реализовать в течение всего процесса обучения, чтобы сделать возможным своевременное регулирование и улучшение работы студентов и преподавателей до итоговой оценки.

Функционирующие в современной образовательной системе способы проверки сформированности у обучающихся необходимых знаний, навыков и умений являются открытой целостностью, которая непрерывно развивается с учетом требований времени и новых стандартов. При этом следует учитывать тот факт, что система все еще не вполне свободна от формализации, обусловленной универсальностью многих форм заданий и аттестации, от усредненности общих требований и сопутствующей недооценки личностных и предметных показателей, то есть человеческого фактора – личности преподавателя и студента. Существенным недостатком повсеместно применяемых тренировочных и проверочных тестов является наличие в них не всегда корректных формулировок. Поскольку сегодня тестирование как метод оценки и контроля выполняет универсальную функцию и с каждым днем расширяет сферы применения, необходимо его развитие и совершенствование, причем серьезным подспорьем в этом могут послужить экспериментальные методы.

Одним из результатов эксперимента, требующим отдельного внимания, является высокий процент вариантов реакций, в которых недостаточно представлены когнитивные связи в сфере научного дискурса.

Так, нами была проведена серия ассоциативно-дефиниционных экспериментов в группах студентов Кубанского государственного университета разных курсов и факультетов (было опрошено около пятисот респондентов) с использованием основ методики, предложенной Ю.Н. Карауловым [Караулов, 1999].

Студентам необходимо было кратко дефинировать несколько десятков частотных междисциплинарных терминов, построить ассоциативные ряды этих научных понятий или включить предложенные терминоединицы в различные синтагматические ряды. Респондентам предлагалась полная свобода в выборе и компоновке данных вариантов действий за ограниченное количество времени (для чистоты ассоциативной составляющей эксперимента). Полученные результаты позволяют говорить о том, что даже базовые термины вызывают затруднения при их дефиниции, а узкоспециальные, как правило, совершенно не известны всем нефилологам и большинству филологов. Очевидно, что современное развитие общенаучной терминологии, усложнение ее понятийных связей влияет на особенности ее восприятия всеми студентами.

Парадигма получила следующие определения: «слово», «принцип», «задача», «что-то из философии», «догма»; более 80% не представили ассоциации на этот стимул. Лексема *синтагма* вызвала проблемы почти у всех опрошенных: 100% нефилологов и 90% филологов вместо ответа поставили прочерк. Следует отметить, что термин *синтагма* был воспринят филологами только в паре с термином *парадигма*.

Определение понятия «дискурс» оказалось наиболее затруднительным для респондентов. Наблюдались преимущественно фонетические ассоциации: «экскурс», «дискуссия», «лирическое отступление в дискуссионной форме» и т.п. Это во многом связано и с отсутствием общепринятого, устоявшегося определения данных терминов.

Лексему *термин* часть респондентов-нефилологов понимает как «определение» («строгое определение», «устойчивое определение», определение какого-либо слова), «понятие», «специализированное слово», «краткое слово, которое может нести большой смысл». Среди филологов доминирующей является реакция *термин* – «понятие».

С одной стороны, ассоциативно-дефиниционный эксперимент представляет собой способ наиболее объективной оценки успешности усвоения обучающимися научного материала, поскольку он базируется на оптимальной компоновке количественного и качественного показателей, методике комплексного анализа и интерпретации результатов. С другой стороны, обучающимся необходимо формирование системы навыков

самооценки и самоконтроля в своей учебно-научной деятельности. Без этого невозможно функционирование устойчивой системы понятий научного дискурса, где бы узкоспециальный характер терминов не являлся бы показателем, затрудняющим усвоение фундаментальных положений.

Список литературы:

- Караулов Ю.Н.* Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.
- Лейчик В.М.* Семантическая омонимия и многозначность в сфере терминов // Лексикология и лексикография. – М., 1991. – С. 115-121.
- Немыка А.А.* Ассоциативное поле предметной области языкознания как лингводидактическая проблема // Культурная жизнь Юга России. – 2009 (в). – №5 (34). – С.85-87.
- Тимофеева М.К.* Язык с позиций философии, психологии и математики: Учеб.пособие. – М., 2009.
- Угланова И.А.* Существует ли мейнстрим в современной лингвистике? // Филологические заметки: межвуз. сб. науч.тр. – Вып.4: в 2 ч.: Перм.ун-т. – Пермь; Скопье; Любляна, 2006. – Ч.1. – С. 163-173.

References:

- Karaulov Yu.N.* Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'. M., 1999.
- Leichik V.M.* Semanticheskaya omonimiya i mnogoznachnost' v sfere terminov // Leksikologiya i leksikografiya. – M., 1991. – S. 115-121.
- Nemyka A.A.* Assotsiativnoe pole predmetnoi oblasti yazykoznanija kak lingvodidakticheskaya problema // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. – 2009 (v). – №5 (34). – S.85-87.
- Timofeeva M.K.* Yazyk s pozitsii filosofii, psikhologii i matematiki: Ucheb.posobie. – M., 2009.
- Uglanova I.A.* Sushchestvuet li meinstrim v sovremennoi lingvistike? // Filologicheskie zametki: mezhvuz. sb. nauch.tr. – Вып.4: в 2 ч.: Perm.un-t. – Perm'; Skop'e; Lyublyana, 2006. – Ch.1. – S. 163-173.

Нефедов Игорь Владиславович
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону (Россия)

Nefedov Igor
Southern Federal University
Rostov-on-Don (Russia)

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РКИ

SOCIAL NETWORKS AS A VIRTUAL SPACE FOR RFL-TEACHING

Статья посвящена роли социальных сетей в преподавании РКИ. Цель доклада – обосновать теоретическую и практическую значимость использования социальных сетей в образовательном процессе с учётом формирования навыков межкультурной коммуникации. Применение данного ресурса – это современный способ сделать обучение РКИ мобильнее и успешнее. Несомненным достоинством использования виртуального пространства социальной сети в образовательном процессе является возможность активного взаимодействия преподавателя и студента в гипертекстовом мультимедийном пространстве. В привычной и комфортной для себя среде студент активнее принимает участие в образовательном процессе, посвящает изучению материалов больше времени. Преподаватель и студент могут приступать к образовательному процессу в любое удобное для них время, что обеспечивает непрерывность образовательного процесса. Появляется возможность более детальной индивидуализированной работы. Обсуждения, начатые во время аудиторных занятий, могут быть продолжены посредством социальной сети. Это позволит студенту больше времени находиться в процессе осмысления учебного контента, что, в свою очередь, приведёт к лучшему усвоению необходимого материала.

В статье представлен подробный анализ информационно-образовательного ресурса, созданного под руководством автора для обучения РКИ на базе социальной сети «ВКонтакте». Рассматриваются возможности ресурса при формировании лингвистической, коммуникативной и лингвокультурологической компетенций. Особое внимание уделяется обучению навыкам межкультурной коммуникации.

The article focuses on the role of social networks in teaching Russian as a foreign language. The report aims to provide a theoretical and practical significance of the use of social media in the educational process through the development of cross-cultural communication skills. The use of this resource is the modern way to make RFL teaching process more mobile and more successful. The undoubted advantage of the use of virtual space, social networks in educational process is the possibility of active interaction of the teacher and the student in the hypertext multimedia space. In a familiar and comfortable environment, the student actively participates in the educational process, devoted to learning materials more time. The teacher and the student can begin the educational process at any time convenient for them, so it makes possible continuity of the educational process. We receive the opportunity to more detailed individualized work. The discussion started during class instruction, may be continued in the social network. This will allow the student more time to be in the process of understanding the learning content, which in turn will lead to better mastering of the necessary material. The article presents a detailed analysis of the e-learning resource, created under the guidance of the author for the training of RFL on the basis of social network "VKontakte". Discusses the capabilities of the resource in the formation of linguistic, communicative and cultural competences. Special attention is paid to learning the skills of intercultural communication.

Ключевые слова: M-learning, E-learning, РКИ, социальная сеть, мобильное приложение.

Key words: M-learning, E-learning, RFL, social network, mobile application.

В последние годы широкое распространение в практике преподавания РКИ получают такие инновационные средства обучения, как E-learning и M-learning. Перед преподавателями РКИ в условиях обучения в языковой среде и вне ее открываются новые

горизонты и образовательные перспективы, способные коренным образом изменить к лучшему процесс обучения.

Электронные устройства предоставляют широкие технические и функциональные возможности для реализации образовательных программ. При их применении активно используется возможность SMS–переписки либо обмена мгновенными сообщениями учащихся с преподавателем при помощи мобильных приложений WhatsApp или Viber [Нефедов, Попова, 2016].

В конце 2010 года Институт информационных технологий в обучении при ЮНЕСКО опубликовал программный документ «Мобильное обучение для качественного образования и социального включения». В этом документе преподавателям и школьным учителям рекомендовано обратить внимание на фантастическую популярность мобильных устройств среди молодежи и проанализировать возможность оптимизации преподавания на базе данных средств [Kukulska-Hulme, 2010].

Выход в Интернет позволяет посещать необходимые сайты, обмениваться электронной почтой, пересылать нужные файлы, а учащийся сам может контролировать уровень знаний по предмету, проходя тестирование на мобильном телефоне. С помощью электронных учебников получить новую информацию можно в любое время независимо от местонахождения обучающегося. Особую важность приобретает возможность воспроизведения звуковых, графических и видеофайлов, что в разы увеличивает эффективность преподавания. Имеющиеся в мобильных устройствах аналоги языковых словарей и справочников удобны в использовании и способны содержать более полную и оперативно обновляемую информацию [Бондаренко, 2014].

Одной из наиболее перспективных форм коммуникации в Интернете, на наш взгляд, является социальная сеть. В современном виртуальном пространстве существует множество социальных сетей: Facebook, Google+, Одноклассники, ВКонтакте, Мой мир, которые могут стать платформой для создания образовательных проектов в обучении РКИ. Разработка образовательного ресурса возможна и на базе одной из специализированных социальных сетей (созданных для обучения иностранным языкам): Livemocha, Mylanguageexchange, Italki, Busuu.com и др.

В последнее время вопрос обучения РКИ с помощью социальных сетей находит отражение в научно-методических статьях и разработках, мультимедийных проектах и диссертационных исследованиях. Так, например, исследователь Г.В. Савицкая пишет о том, что «социальные сети являются идеальным инструментом для обучения благодаря следующим важным характеристикам:

- ... Социальная сеть основывается на реальной коммуникации, целью которой является общение, таким образом, иностранный язык становится уже средством связи, а не предметом изучения.
- В социальных сетях задание превращается в сотрудничество: ученики ищут ответы на поставленные вопросы, помогают друг другу, удаляются от направляющей линии преподавателя, обучаются сами и обучают других.
- Ученики находят информацию, делятся ею и, если что-то заинтересует их по-настоящему, создают свои собственные ресурсы по данной теме, а это уже является самообучением.
- Социальная сеть состоит из людей, которые помогают друг другу, поэтому ответы на вопросы поступают практически мгновенно» [Савицкая, 2012, с. 103].

Несомненный интерес представляет диссертационное исследование Бен Ромдана Сами «Методика использования социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному туниских студентов-филологов (уровень В1)», целью которого является разработка и обоснование дидактического обеспечения обучения туниских студентов РКИ с помощью социальных сетей в Интернете. В третьей главе диссертации «Методика использования социальных сетей в обучении РКИ туниских студентов-филологов» Бен Ромдан рассматривает методику создания учебных видеоматериалов с помощью видеохостинга YouTube, предоставляющего пользователям возможности хранения, доставки и показа видео. По мнению исследователя, новые технологии позволяют легко разместить авторский дистанционный курс обучения РКИ в Интернете. Социальный сервис YouTube позволяет каждому пользователю создать свой собственный канал для хранения и трансляции видеоматериалов [Бен Ромдан Сами, 2014]. В своей работе Бен Ромдан выделяет и описывает 4 группы виртуальных сообществ, которые могут быть потенциальными реципиентами обучающих социальных сетей:

1. «Группа сообществ, целью которых является ознакомление с языком и страной преподаваемого иностранного языка, задача сообщества состоит в привлечении внимания разных пользователей к культуроведческому аспекту изучения иностранного языка.
2. Группа сообществ (она носит профессиональный характер), цель которых – обмен опытом и обсуждение различных проблем изучения и преподавания русского языка.
3. Группа сообществ, которые используются для самостоятельного (внеаудиторного) обучения иностранному языку.

4. Группа сообществ (они обычно бывают закрытыми для посторонних), которые создаются для организации обучения языку определёнными группами учащихся с помощью преподавателя» [Бен Ромдан Сами, 2014, с.17].

На наш взгляд, для преподавателя РКИ, работающего со студентами-иностранцами в российских и зарубежных вузах, первостепенной задачей может являться создание образовательных ресурсов в социальных сетях для первой и четвёртой групп пользователей. «Создание образовательной страницы в социальной сети – это современный и действенный способ сделать процесс обучения более результативным и удобным. Можно отметить большое количество плюсов у данного вида учебного ресурса. К примеру, появление новых способов взаимодействия преподавателя и студента. Обмен информацией становится более доступным, так как появляется возможность делиться полезными ссылками, размещать аудио- и видеоматериалы, вести дискуссии. Студент может загружать свои работы непосредственно на сайт, преподаватель, в свою очередь, комментирует их, проводит интерактивные опросы» [Нефедов, Огрызко, 2014, с.383].

Огромным достоинством использования социальной сети в образовательном процессе является доступность преподавателей в осуществлении коммуникации. В привычной и комфортной для себя среде студент активнее принимает участие в коммуникации, посвящает изучению материалов больше времени. Преподаватель и студент могут приступить к образовательному процессу в любое удобное для них время, что обеспечивает непрерывность учебного процесса. Появляется возможность более детальной организации работы индивидуально с каждым из студентов. Помимо этого, обсуждения, начатые во время аудиторных занятий, могут быть продолжены в социальной сети. Это позволяет студенту больше времени находиться в процессе осмысления учебных вопросов, что, в свою очередь, приведёт к лучшему усвоению необходимого материала. Следует также отметить, что информационная поддержка учебного курса в социальной сети позволяет студентам, пропустившим занятие, не выпадать из образовательного процесса, принимать участие в обсуждениях и выполнять задания дистанционно. [Диких, 2012].

Для широкого внедрения практики применения образовательных ресурсов на базе социальных сетей в курс преподавания РКИ нам представляется важной подготовка молодых специалистов, свободно владеющих E-learning и M-learning. Для этого необходимо при подготовке преподавателей РКИ в рамках дисциплины «Мультимедийные технологии в обучении РКИ» рассматривать следующие актуальные темы:

1. Мультимедийные учебники в обучении РКИ.
2. Курсы видеолекций и аудиолекций по РКИ.
3. Ресурсы Интернета в обучении РКИ.

4. Структура и контент образовательных сайтов и платформ для обучения РКИ.
5. Возможности социальных сетей Facebook и ВКонтакте в обучении РКИ. Специализированные социальные сети для обучения ИЯ.
6. Компьютерное тестирование: online и offline.
7. Мобильные приложения Google Play и App Store для обучения РКИ.
8. Мессенджеры и их потенциал в обучении РКИ.
9. Применение Twitter и Instagram в обучении РКИ.
10. E-mail, sms, чаты и форумы в обучении РКИ.
11. Учебные видеоролики. Возможности YouTube в обучении РКИ.
12. Виртуальные учебные экскурсии в курсе обучения РКИ.

Модуль проектной деятельности в данном курсе посвящен созданию проекта «Образовательный ресурс для обучения РКИ в социальной сети». Каждый студент разрабатывает и создает образовательную страницу, адресованную определенному контингенту студентов-иностранцев. [Нефедов, 2016, с. 188]. Материалы образовательной страницы должны быть направлены на формирование лингвистической и коммуникативной компетенций, при этом особое внимание следует также уделять лингвокультуроведческой и социокультурной компетенциям. Это обусловлено тем, что студенты-иностранцы не владеют фоновыми знаниями и национально маркированными языковыми единицами на уровне носителей русского языка как родного. При выборе учебных материалов для формирования социокультурной компетенции следует учитывать тот важный факт, что у студентов-иностранцев в России важной составляющей обучения является овладение нормами русского этикета, заметно отличающегося от этикета как стран Западной Европы, так и стран Азии и Ближнего Востока.

Примерными целями и задачами создаваемых образовательных страниц могут быть:

- формирование навыков и умений чтения с использованием непосредственно материалов сети;
- совершенствование умений аудирования на основе аутентичных звуковых текстов;
- совершенствование умений монологической и диалогической речи на основе проблемного обсуждения материалов;
- совершенствование умения письменной речи;
- пополнение словарного запаса (активного и пассивного);

- формирование устойчивой мотивации иноязычной деятельности студентов путем создания реальной языковой среды на основе систематического использования on-line материалов;

- формирование лингвокультуроведческой компетенции в процессе диалога культур путем приобретения культуроведческих и страноведческих знаний.

- формирование социокультурной компетенции путём приобретения знаний о нормах русского этикета, овладения национально-маркированной лексикой и фоновыми знаниями, близкими к уровню носителей русского языка как родного.

Структура информационно-образовательного ресурса может состоять из нескольких блоков по разным темам. Каждый блок может включать в себя:

- Текст;
- Активную лексику;
- Упражнения на совершенствование навыков аудирования;
- Лексико-грамматические упражнения;
- Тест для самоконтроля.

Помимо блоков, на данном ресурсе имеются следующие позиции:

- Аутентичные аудио- и видеоматериалы;
- Ссылки на пособия, грамматические справочники и литературу по темам;
- Открытое обсуждение, в процессе которого студенты могут задавать вопросы в режиме онлайн. [Нефедов, Огрызко, 2014, с. 384].

В качестве примера проекта образовательного ресурса на базе социальной сети мы можем привести учебно-методический проект, выполненный Огрызко Еленой в рамках работы над магистерской диссертацией под руководством И.В. Нефёдова, доцента кафедры теории языка и русского языка ИФЖиМКК ЮФУ. Проект представлен в социальной сети ВКонтакте: <http://vk.com/club59223953>

Принципы построения учебного материала данного ресурса можно проиллюстрировать с помощью первой части первого блока «Ростов-на-Дону» (с мультимедийным контентом можно ознакомиться на странице образовательного ресурса):

Ростов-на-Дону. Rostov-on-Don

1. Прочитайте текст. Read the text.

Ростов-на-Дону – большой¹ и красивый² город³ в России. Этот город так называется потому, что он расположен⁴ на берегу⁵ реки⁶ Дон. В Ростове-на-Дону много⁷ красивых

парков, улиц⁸, стадионов, кинотеатров⁹ и супермаркетов. Жители города¹⁰ любят¹¹ гулять¹² по центральным улицам, ходить¹³ в кафе и в кинотеатр.

Догадайтесь о значении слов. Guess the meaning of the words.

Парк – ?

Стадион – ?

Супермаркет – ?

Кафе – ?

2. *Посмотрите видео. Отметьте галочкой, какие предметы там встречались.*

Watch this video. Tick the things which were mentioned.

<http://www.youtube.com/watch?v=fDJL4zGOj>

- Парк
- Берег реки
- Кинотеатр
- Стадион
- Кафе
- Жители города
- Супермаркет

3. *Переведите на русский язык. Translate into Russian.*

- a) Rostov-on-Don is a big and beautiful city.
- b) Rostov-on-Don is situated on the bank of the river.
- c) There are a lot of beautiful parks, streets, cinemas in Rostov-on-Don.
- d) Citizens like to walk along the central streets.
- e) Citizens like to go to cafes and cinemas.

4. *Пройдите тест. Test yourself.*

http://master-test.net/ru#m=Teacher_Tests

a) Вставьте пропущенное слово. Ростов-на-Дону – это большой и красивый... в России.

- Парк
 - Город
 - Стадион
 - Кафе
- б) Когда вам нужно поесть, вы идёте в...
- Парк
 - Берег реки

- Кафе
- в) Вставьте пропущенное слово. Ростов-на-Дону расположен на берегу реки...
 - Дон;
 - Ока
 - Темза
 - Волга
- г) Выберите правильный вариант перевода. Rostov-on-Don is a big and beautiful city.
 - Ростов-на-Дону расположен на берегу реки.
 - Ростов-на-Дону – большой и красивый город.
 - Ростов-на-Дону – город в России.

Таким образом, социальные сети как виртуальное пространство для обучения РКИ представляют собой колоссальный потенциал, реализация которого в практике преподавания русского языка иностранцам может существенным образом повысить качество образовательного процесса. Формирование социокультурной и лингвокультуроведческой компетенций при изучении РКИ с использованием социальных сетей происходит значительно результативнее.

Список литературы:

- Бен Ромдан Сами.* Методика использования социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному туниских студентов-филологов (уровень В1). Автореф. на соиск. уч. степ. канд. пед. наук... Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Москва. 23 с. (2014).
- Бондаренко Н.Г.* Дидактические свойства и функции мобильного обучения / Современные проблемы науки и образования, 6. (2014). – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15552>.
- Диких Э.Р.* Об использовании социальных сетей в образовании / В сборнике научных работ: Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: материалы XVI междунар. науч.-практ. конф. Часть I. Новосибирск: СибАК. (2012). – Режим доступа: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/2968>.
- Нефедов И.В.* М-learning и E-learning как основа разработки современных учебных программ по методике преподавания РКИ / В сборнике научных работ: X Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения. Севастополь, 186-192. (2016).
- Нефедов И.В., Ордышко Е.В.* Роль социальных сетей в формировании лингвокультурологической компетенции при обучении РКИ / В сборнике научных работ: Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтничного региона. Материалы I Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 5-7 ноября 2014 года). Ростов-на-Дону, 381-385. (2014).
- Нефедов И.В., Попова К.А.* М-learning как инновационное средство в обучении РКИ. Известия ЮФУ. Филологические науки, № 3, 170-178. (2016).
- Савицкая Г.В.* Социальные сети как инструмент изучения русского языка. Русский язык за рубежом, № 1, 102-104. (2012).
- Kukulska-Hulme A.* Mobile Learning for Quality Education and Social Inclusion. UNESCO IITE. Moscow. (2010). – Режим доступа: http://iite.unesco.org/files/policy_briefs/pdf/en/mobile_learning.pdf.

References:

Ben Romdan Sami. Metodika ispol'zovaniya sotsial'nykh setei v obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu tunisskikh studentov-filologov (uroven' V1). [Methodology of Using Social Networks in Teaching Russian as a Foreign Language to Tunisian Philology students (B1 level)]. Avtoref. na soisk. uch. step. kand. ped. nauk... Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina. [Abstract. on the Internet. academic step. Cand. PED. State Institute of the Russian Language Named after Of A. S. Pushkin] Moskva. 23 p. (2014). (In Russian).

Bondarenko N.G. Didakticheskie svoistva i funktsii mobil'nogo obucheniya [Didactic Properties and Functions of Mobile Learning]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 6 [Modern Problems of Science and Education, 6]. (2014). – Rezhim dostupa: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15552> (In Russian).

Dikih Je.R. Ob ispol'zovanii social'nyh setej v obrazovanii [About the use of social networks in education.] / V sbornike nauchnyh rabot: Lichnost', sem'ja i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psihologii: materialy XVI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Chast' I. [In the Collection of Scientific Papers: Personality, Family and Society: Issues of Pedagogy and Psychology: Materials of the XVI International Conference. Science-practice. Conf. Part I.] Novosibirsk: SibAK. (2012). – Rezhim dostupa: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/2968> (In Russian).

Kukulska-Hulme A. Mobile Learning for Quality Education and Social Inclusion. UNESCO IITI. Moscow. (2010). – Access mode: http://iite.unesco.org/files/policy_briefs/pdf/en/mobile_learning.pdf .

Nefedov I.V. M-learning i E-learning kak osnova razrabotki sovremennyh uchebnyh programm po metodike prepodavaniya RKI [M-learning and E-learning as the basis for the development of modern educational programs based on the methodology of RFL-teaching] / V sbornike nauchnyh rabot: X Mezhdunarodnye Sevastopol'skie Kirillo-Mefodievskie chteniya [In the Collection of Scientific Works: X International Sevastopol Cyril and Methodius Readings]. Sevastopol', pp. 186-192 (2016). (In Russian).

Nefedov I.V., Orgyzko E.V. Rol' social'nyh setej v formirovanii lingvokul'turologicheskoy kompetencii pri obuchenii RKI [The Role of Social Networks in the Formation of Linguistic and Cultural Competence in Teaching RCTS] / V sbornike nauchnyh rabot: Lingvokul'turnye fenomeny v kommunikativnom prostranstve polijetnicheskogo regiona. Materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [In the Collection of Scientific Papers: Linguistic and Cultural Phenomena in the Communicative Space of a Multi-ethnic Region. Proceedings of the I International Scientific Conference] (Rostov-na-Donu, 5-7 nojabrja 2014 goda). Rostov-na-Donu, pp. 381-385. (2014).

Nefedov I.V., Popova K.A. M-learning kak innovacionnoe sredstvo v obuchenii RKI [M-learning as an Innovative Tool in the RFL-learning] / *Izvestija JuFU. Filologicheskie nauki* [Proceedings of SFU. Philology], no. 3, 170-178 (2016). (In Russian).

Savickaja G.V. Social'nye seti kak instrument izuchenija russkogo jazyka [Social networks as a tool for learning Russian] / *Russkij jazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 1, pp. 102-104 (2012). (In Russian).

*Обухова Татьяна Михайловна
Зеленская Анна Андреевна*
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

*Obukhova Tatiana
Zelenskaya Anna*
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

**ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АУТЕНТИЧНОГО ПОДКАСТА
О ЯЗЫКЕ И ЛИНГВИСТИКЕ «РОЗЕНТАЛЬ И ГИЛЬДЕНСТЕРН»
В РАМКАХ СПЕЦСЕМИНАРА ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ: ОБУЧЕНИЕ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ И НАУЧНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ**

**EXPERIENCE OF APPLYING THE AUTHENTIC LINGUISTICS AND LANGUAGE
PODCAST “ROSENTHAL AND HILDENTERN” AT A SPECIALIZED SEMINAR FOR
FOREIGN STUDENTS: RUSSIAN LANGUAGE LEARNING AND PROFESSIONALLY
ORIENTED TRAINING**

В статье рассматривается опыт организации и проведения спецсеминара для будущих лингвистов и переводчиков, открытого для иностранных учащихся (уровень B2 и выше) разных программ подготовки с целью ориентации в многообразии тем научных исследований в рамках выбранной специальности, а также с целью совершенствования навыков аудирования и владения русским языком. Материалом для занятий послужил аутентичный научно-популярный подкаст о языке и лингвистике «Розенталь и Гильденстерн», еженедельно выпускаемый интернет-изданием Meduza. Выбор данного подкаста и целесообразность его интеграции в образовательную деятельность обусловлены, с одной стороны, его профильной направленностью, с другой стороны, интеллектуальными и учебно-познавательными потребностями самих учащихся, признающих авторитет информационно-коммуникационных технологий в учебной деятельности. Кроме того, в статье описываются дидактические свойства и методический потенциал выбранного подкаста, а также предлагаются примеры заданий, разработанных для одного из эпизодов. Особое внимание уделено двум блокам заданий — переводческим упражнениям и практическим профессионально-значимым заданиям, внедрение которых продиктовано спецификой будущей профессии и направлением деятельности факультета. Статья будет представлять интерес в первую очередь для преподавателей РКИ, организующих работу с аудио- и видеоматериалами, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами методики РКИ и РКН.

The article tells about the experience of organizing and conducting a special seminar for future linguists and translators for foreign students (level B2 and above) of various training programs. The main aim of the seminar is to help students examine research problems within the chosen specialty, as well as to improve listening and Russian language skills. The lessons material was an authentic non-fiction podcast on language and linguistics “Rosenthal and Guildenstern”, weekly published by the online edition of Meduza. This podcast and its integration into educational activities are determined by its profile orientation and by the intellectual and educational-cognitive needs of the students themselves, who recognize the importance of information and communication technologies in educational activities. The article describes didactic characteristics and methodological functions of the selected podcast, as well as offers examples of tasks developed for one of the episodes. The article focused on two task units — exercises for future translators and practical professionally significant tasks, which are defined by the specifics of the future profession and the department profile. The article will be of interest for teachers of RCTs who work with audio and video materials, as well as for a wide range of readers interested in questions of the methodology of RCTs and RCNs.

Ключевые слова: информационные технологии, аудирование, подкаст, спецсеминар, лингвист-переводчик.

Key words: information technology, listening, podcast, a specialized seminar, interpreter.

Каждый студент сталкивается с выбором темы для своей курсовой, а затем и дипломной работы. Общение с научным руководителем, как правило, заканчивается либо предложением разобраться в незнакомой теме, либо списком возможных тем, либо же советом — «выбирайте то, что интересно именно вам». Оказаться наедине с ценным советом неприятнее всего иностранному учащемуся, поскольку ни уровень владения языком, ни понимание специфики ведения научного исследования, ни имеющиеся на данном этапе профессиональные знания и навыки не позволяют быстро сориентироваться в разнообразии научных тем в рамках выбранной специальности.

Для подобного рода ситуаций в Высшей школе перевода МГУ имени М.В. Ломоносова был открыт спецсеминар для иностранных студентов, в ходе которого учащиеся смогли бы попробовать себя в разных учебно-научных практических ситуациях и лучше разобраться в определённой научной области, в нашем случае — в области лингвистики и перевода. Такое учебно-научное занятие в Высшей школе перевода объединяет преподавателей, студентов разных курсов и аспирантов. В отличие от спецкурсов, спецсеминары не изобилуют лекционным материалом, а проходят в форме совместного изучения актуальной и увлекательной для всех участников проблематики. Для студентов подобные занятия — необходимая школа научной работы, где они могут выбрать тему, научиться работать над ней и оценивать перспективы её развития, делать доклады, принимать участие в дискуссиях, проводить исследования и интерпретировать их результаты, оценивать актуальность, новизну, практическую значимость работы и убедиться в том, что научная работа может быть увлекательной сферой, существенно расширяющей границы гуманитарного сознания.

Помимо формы проведения занятий, необходимо также учитывать специфику когнитивных особенностей современного молодого поколения, отдающему предпочтение информационно-коммуникационным технологиям в процессе приобретения знаний. Ввиду этого на факультете была предпринята попытка внедрения подкастов как системообразующей основы для спецсеминара. Побочной целью стало также изучение иностранцами русского языка на аудиоматериале, поскольку в современной методике преподавания РКИ проблема обучения аудированию является одной из актуальных. Это обусловлено тем, что долгое время аудирование не рассматривалось как самостоятельный аспект в учебном процессе [Гончар, 2019, с. 5].

Подкаст — это отдельный файл или серия регулярно обновляемых аудио- или видеофайлов, публикуемых по определенному адресу в Интернете и доступных для загрузки на компьютер или мобильное устройство. Наравне с развитием умений

аудирования подкасты могут способствовать совершенствованию навыков говорения [O'Bryan, 2006]. Преимуществу и особенностям использования аутентичных (созданных носителями языка для носителей) и учебных (например, для изучения иностранного языка) подкастов посвящено достаточное количество научных работ, авторы которых единогласно приходят к выводу, что подкаст — это один из современных ресурсов, обладающий значительным лингводидактическим потенциалом [Ковалёва, 2009; Сысоев, 2014; Савостьянова, Сичинава, 2014; Лазицкая, Колмакова, 2013 и др.].

Хотя пространство звучащих текстов огромно и разнообразно, в интернете не так много подкастов для изучения русского языка как иностранного. В подкастах Multilinguablog, «Русская дача», Speaking Russian освещаются разные темы повседневной жизни: работа, магазин, вечеринка и т.д. The Word's Worth и Slow Russian акцентируют внимание на культурных особенностях России. Следует отметить, что часто подкасты рассчитаны на разные уровни владения языком. Например, эпизоды In Russian Terms адресованы пользователям со средним и продвинутым уровнем знания русского языка и рассказывают о нюансах культурной жизни и текущих общественно-политических событиях. Сервис News in Slow Russian предлагает адаптированные новостные статьи, что подходит для начального этапа обучения. Помимо материалов, посвящённых повседневной и политической жизни, в подкастах разбирают наиболее популярные слова и фразы русского языка. Например, создатели подкастов образовательного портала «Очень по-русски» предлагают информацию о русском сленге, иллюстрируя всё яркими примерами и ситуациями употребления выражений и идиом. Другие подкасты, такие как Speak Russian и A Spoonful of Russian, затрагивают сложные случаи произношения русских звуков и слов.

Хотя данные платформы представляются полезными при изучении русского языка как иностранного, в работу с учащимися продвинутого уровня владения языком необходимо также включать аутентичные подкасты, предназначенные для носителей языка. С их помощью можно как совершенствовать навыки аудирования, так и поддерживать мотивацию и повышать познавательный интерес. При этом одной из трудностей является отбор информативно-содержательного аудиотекста с учётом образовательных потребностей учащихся.

В основу спецсеминара для будущих лингвистов и переводчиков был положен аутентичный научно-популярный подкаст о русском языке и лингвистике — «Розенталь и Гильденстерн», выпускаемый интернет-изданием Meduza. На данный момент подкаст насчитывает более 20 эпизодов, проблемное поле каждого из которых содержит широкий круг лингвистических вопросов, достаточный для выбора и осмысления темы первой

научной квалификационной работы, и множество конкретных профессиональных задач, побуждающих студентов развивать критическое мышление.

Неоспоримыми достоинствами данного подкаста стали следующие параметры: периодичность выхода (один раз в неделю), актуальные современные аутентичные тексты на профессиональные темы в разнообразном исполнении (тембр, ритм, интонация, беглость речи говорящего и т.п.), проблемное поле, информативность, эстетическая привлекательность (в том числе визуальная версия на интернет-странице подкаста), соответствие ожиданиям аудитории, страноведческая достоверность и культурная значимость, что в значительной мере влияет на результативность учебного процесса.

Знакомство с содержательной стороной курса и оценка актуальности представленных лингвистических вопросов предлагается на вводном занятии в виде следующего задания.

Задание. а) Прочитайте список вопросов, которые будут обсуждаться на занятиях в течение курса. Если вам незнакомы выделенные слова и термины, обратитесь к словарю (например, к словарю-справочнику лингвистических терминов Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой, 1976 г.). б) Какие из вопросов могут заставить вас спорить до потери голоса?

1. Как меняется язык, как в нём отражаются история и настроения в обществе? Не пора ли избавиться от модных иностранных выражений, почему в привычных нам словах меняются ударение и род— что происходит с современным русским языком? Почему появляются **заимствования** и можно ли от них избавиться? Как правильно писать и произносить иноязычные слова?

2. Что представляет собой русский язык в интернете? Зачем нам **феминитивы**, как язык отражает изменения в обществе и почему он за ними не успевает? Почему *актриса*, *певица* и *студентка* стали нейтральными, а *экспертка* и *инженерка* вызывают сопротивление у некоторых носителей языка? Что случится с этими словами в ближайшее время? Они закрепятся в словарях и станут нейтральными или о них забудут через несколько лет?

3. Как запомнить все **ударения** в русском языке и почему правильные варианты часто кажутся очень странными?

4. Как быстро меняется **словарная норма**? Почему мы пишем не так, как говорим? Откуда в русском языке столько исключений? Существует ли врождённая грамотность?

5. Зачем нужны **слова-паразиты** и как они меняются со временем? Как перестать говорить *ну*, *по ходу* и *это самое*?

6. Что такое **канцелярит**? Можно ли писать договоры простым языком? Откуда берутся **речевые штампы**? Как избавиться от канцеляризов и штампов? Как слова становятся популярными и почему языковая игра быстро превращается в штампы?

7. Почему **мемы**, как и **фразеологизмы**, — это **культурный код** нации?

8. Почему современный русский язык начинается с Пушкина? Как изменился русский язык за последние столетия? Нужно ли переводить русских классиков для читателей XXI века?

9. Откуда в русском языке столько запятых, тире и двоеточий? Как изменился русский **синтаксис** (и что это вообще такое) и как меняется мода на знаки препинания?

10. Как **менталитет** и **культура** отражаются в речи? Почему мы носители одного языка, но у каждого все равно свой (например, русский) язык? Как кочует из поколения в поколение детский **фольклор**? Как родной язык влияет на человека?

11. В чём разница **сленга** и **жаргона**? А что такое **арго**? Жаргон — это обязательно что-то неприличное?

12. Зачем нужны лингвисты? Как устроена **лингвистическая экспертиза**, как лингвисты помогают разрабатывать умные колонки и что, кроме феминитивов, интересует **гендерную лингвистику**?

13. Как работают справочные службы русского языка (например, Справочная служба Института русского языка и справка «Грамоты.ру») и зачем они нужны?

14. Как в разных странах выбирают слово года? Слова года в русском языке за последнее десятилетие. Каковы итоги десятилетия для русского языка?

15. Зачем переводчикам знать детали снайперской винтовки, особенности женского нижнего белья и устройство опиумной трубки? Почему мы часто недовольны переводами и как отличить хороший **перевод** от плохого? Что такое **лингвоспецифические слова** и почему их сложно (или вообще невозможно) перевести? Непереводимая **игра слов**, анекдоты, непреодолимый акцент и другие казусы устного перевода: что делают синхронисты в безвыходных ситуациях?

С точки зрения учебной программы, спецсеминар проходит один раз в неделю (2 ак.ч.) в течение учебного года — всего 144 часа (72 — аудиторных, 72 — самостоятельная работа учащихся). На аудиторную работу с каждым подкастом выделяется 4 академических часа, два из которых предназначаются для работы над языковым и речевым материалом, представленным в аудиотексте, оставшиеся два — для работы со смысловой и проблемной сторонами вопроса, а также выполнения практических профессионально-значимых заданий, небольших научных исследований и обсуждения их результатов. В числе

критериев отбора слушателей спецсеминара были уровень владения русским языком (от В2 и выше) и высокий уровень мотивации.

В целом, технология работы с подкастом совпадает с технологией работы с над аудиотекстом вообще и имеет чёткую последовательность в действиях преподавателя и студентов: введению в тему и предварительные (предтекстовые) задания; процесс восприятия и осмысления информации подкаста (притекстовые задания); задания, контролирующее понимание услышанного текста, а также направленные на последующие использование или воспроизведение содержания текста, интерпретацию (послетекстовая работа) [Stanley, 2005, с. 12]. Общая модель работы была дополнена за счёт упражнений для переводчиков и блока практических профессионально-значимых заданий, что обусловлено спецификой будущей профессии и направлением деятельности факультета.

Каждый эпизод делится на смысловые блоки (от 7 до 10 частей), различные по времени звучания (2–6 минут). На один смысловой блок приходится одна лингвистическая проблема, задача или вопрос. Текст подкаста разбирается с разными установками — ознакомительной, изучающей, просмотровой и поисковой. Первое знакомство со звучащим текстом проходит самостоятельно, а работа над ключевыми для понимания абзацами и их проблематикой, обсуждение профессионально-значимых проблем осуществляется в аудитории. Кроме этого, выполняется комплекс упражнений, благодаря которым аудиотекст становится реальной и продуктивной основой для общения на профессиональные темы.

Предлагаем конкретные примеры заданий для работы с одним из эпизодов подкаста «Розенталь и Гильденстерн», который называется «Машина заменит Пушкина, но не заменит Толстого. Как мы пытались зашеймить Google Переводчик (безуспешно) и обыграли Google Ассистент». В рассматриваемом нами эпизоде выделено 9 смысловых блоков: что такое компьютерная лингвистика, принципы работы поисковых систем, формирование поисковых запросов, проблема автоматического перевода, связность и осмысленность машинных текстов, состояние российской компьютерной лингвистики и др.

Перед началом работы с подкастом учащимся предлагаются задания на прогнозирование содержания эпизода, устранение смысловых трудностей, понимание лексико-тематической основы текста, а также на выявление фоновых знаний.

Примеры заданий:

Задание. Поразмышляйте над следующими вопросами.

- Что вы знаете о *компьютерной лингвистике*? Чего в ней больше — компьютеров или лингвистики, на ваш взгляд? Перспективна ли эта область знаний? Стоит ли учиться на специалиста в области компьютерной лингвистики?

- Как часто вы пользуетесь *электронным переводчиком*? А *голосовым помощником*?
- Вы чаще переводите самостоятельно или с помощью электронного переводчика? В каких случаях лучше не обращаться к *автоматическому переводу*?
- С какими досадными ошибками вы встречались при *компьютерном переводе*?
- Кому вы доверяете больше — электронному переводчику или же реальному переводчику? Объясните свою точку зрения.
- Как вам кажется, существуют ли правила формирования *поискового запроса*? Будет ли разница в результате, если написать в поисковой строке «пушкин», а не «Пушкин»?

Задание. Как вы думаете, о чём пойдёт речь в эпизоде под заглавием *«Машина заменит Пушкина, но не заменит Толстого»*. Как мы пытались зашеймить Google Переводчик (безуспешно) и обыграли Google Ассистент? Какие лингвистические вопросы и проблемы будут рассматриваться?

Задание. Прослушайте первые две минуты подкаста и проверьте правильность своих предположений. В каких случаях ваша догадка оказалась верной? Какие вопросы ведущие будут обсуждать в этом эпизоде?

После этого дома производится самостоятельная ознакомительная работа со всеми частями эпизода, учащиеся выполняют различные задания, в частности, на выделение смысловых вех в аудиотексте и понимание единичных фактов; на установление смысловой связи между единичными фактами звучащего текста; на объединение отдельных фактов текста в смысловое целое и др.

Задание. Прослушайте подкаст полностью (9 частей). Пока слушаете каждую часть, выполняйте следующие задания:

1. Среди предложенных слов и словосочетаний отметьте те, которые прозвучали в ЧАСТИ 1 (00:00–02:09).

приложение, искусственный интеллект, нейронные сети, лингвист, инженер, пьеса, ударение, переиздавать словари, мобильный телефон, голосовой помощник, научный сотрудник, портал Грамота.ру, язык запросов, слияние техники и гуманитарных сфер, статистика, математическая модель, программирование, компьютерная лингвистика, машина, интернет-ресурс, лауреат премии, синонимы, электронный переводчик, автоматический перевод, допускать ошибку, робот, параллельные тексты

Ответ: приложение, лингвист, пьеса, ударение, переиздавать словари, научный сотрудник, портал Грамота.ру, слияние техники и гуманитарных сфер, компьютерная лингвистика, машина, лауреат премии, электронный переводчик, автоматический перевод

2. ЧАСТЬ 2 (02:10–05:48). Скажите, соответствуют ли данные высказывания содержанию фрагмента.

		да	нет	не сказали
1	Компьютерная лингвистика отвечает за то, чтобы компьютер обращался с языком так же, как это делает человек.			
2	Человек хочет взаимодействовать с компьютером через команды на языке ассемблер.			
3	Голосовые помощники и поисковые запросы распознают естественный (человеческий) язык.			
4	Компьютерные лингвисты в большей степени технари, чем гуманитарии.			
5	Компьютерная лингвистика появилась вместе с компьютерами.			
6	История компьютерной лингвистики началась в Соединённых Штатах Америки в 1950-х годах.			
7	Математические методы используются в компьютерной лингвистике для обработки больших данных.			
8	Искусственные нейронные сети практически не используются в компьютерной лингвистике.			
9	Лингвисты стремятся понять, чем компьютер отличается от человека, почему он допускает такие ошибки, которых мы не ожидаем от человека.			
10	Лингвисты участвуют в конференциях, где обсуждаются проблемы моделирования человеческого языка.			

Ответы: 1 – да, 2 – нет, 3 – да, 4 – нет, 5 – да, 6 – нет информации, 7 – да, 8 – нет, 9 – да, 10 – нет информации

3. Послушайте ЧАСТЬ 3 (05:49–08:01). Постарайтесь услышать ответы на следующие вопросы.

- Сколько лет существует портал Грамота.ру? *(20 лет)*
- Кто отвечает на вопросы на Грамоте.ру — люди или боты? *(люди)*
- На каком мероприятии был ведущий в 2009/2010 году? *(на книжной ярмарке, посвященной Дню словаря)*
 - Кто читал лекцию на этом мероприятии? *(Максим Кронгауз)*
 - О чём была эта лекция? *(о разных ресурсах интернета)*
 - Что из себя представляют словари русского языка, которые есть на сайте Грамота.ру? *(это электронные версии известных всем печатных словарей)*
 - Рассматривается ли на портале Грамота.ру перспектива внедрения автоматического общения с пользователями? *(да, «какие-то сервисы мы всё-таки будем внедрять»)*
 - За что пользователи, по мнению ведущего, любят сайт Грамота.ру? *(за возможность общаться с Грамотой.ру именно как с живыми людьми)*
 - Какими достижениями компьютерной лингвистики пользуется сайт Грамота.ру? *(если пользователь допускает ошибку в правописании, то ошибка автоматически исправляется на правильный вариант)*
 - Как называется раздел Грамоты.ру, который отвечает за проверку орфограмм? *(«Проверка слова»)*

4. Прослушайте ЧАСТЬ 4 (08:02–11:36) установите последовательность мыслей в том порядке, в каком это было предложено во фрагменте.

А. Раньше знание языка запросов можно даже было сравнивать со знанием иностранного языка.

Б. Сайт rusvectores.org представляет интерес для тех, кто занимается компьютерной лингвистикой.

В. Сегодня для формулировки запроса пользователю Интернета не нужны никакие правила.

Г. Язык запросов сильно изменился за последние годы.

Д. Лингвисты всё ещё нужны.

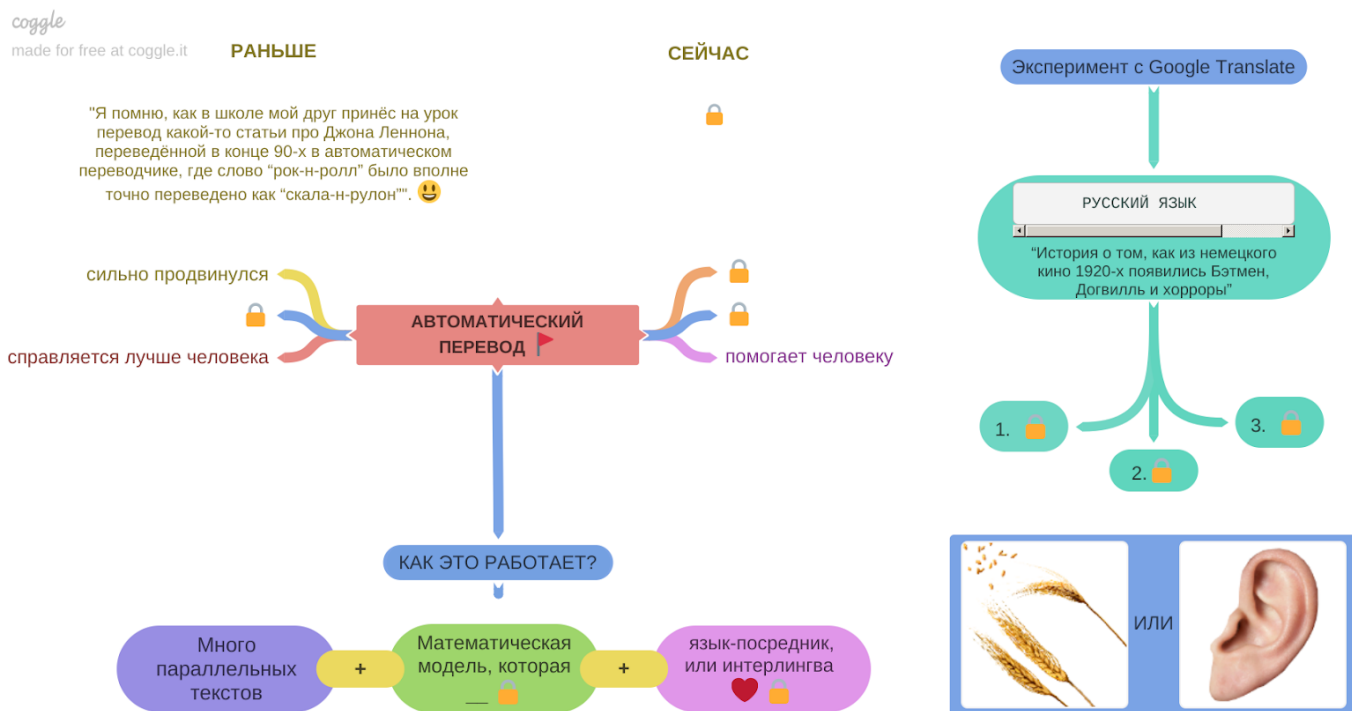
Е. Поисковые системы могут предложить не только заданное слово, но и синонимы, а также близкие по значению слова, что облегчает жизнь, например, разработчикам сайтов.

Ж. На сайте Грамота.ру представлены академические словари русского языка, которым стоит отдавать предпочтение перед Яндексом.

Ответы: 1 – Г, 2 – А, 3 – В, 4 – Е, 5 – Б, 6 – Ж, 7 – Д

5. Прослушайте ЧАСТЬ 5 (11:37–17:52) и дополните денотатную карту (Рис. 1).

Рис. 1

6. Послушайте ЧАСТЬ 6 (17:53–24:37) и выделите в ней микротемы. Каждую из них назовите и запишите свои названия.

- Микротема 1: _____
- Микротема 2: _____
- Микротема 3: _____
- Микротема 4: _____
- Микротема 5: _____

Ответы: (1 - самая амбициозная цель для компьютерных лингвистов - полное воспроизведение того, что может человек, 2 - разрешение анафоры, 3 - мгновенный перевод (письменный и устный) с любого языка на любой, 4 - трудность распознавания звучащей речи в отсутствии контекста, 5 - невозможность в письменном тексте выражения интонации и стилистических особенностей произношения.

7. Послушайте ЧАСТЬ 7 (24:38–26:33) и найдите фрагмент, в котором ведущие обсуждают ошибку в ударении в слове «было». Как объясняется причина возникновения такой ошибки? Кажется ли вам убедительным это объяснение? Можете ли вы привести свои примеры подобных ошибок при произнесении ботом и

объяснить их причину? Если вам трудно самостоятельно найти примеры, обратите внимание, как робот произнёс название подкаста в самом начале эпизода. Порассуждайте, что привело к ошибкам в ударениях и звуках.

8. Прослушайте ЧАСТЬ 8 (26:34–30:54). Составьте список из 3-5 вопросов к прослушанному фрагменту, ответы на которые вы получили в прослушанном фрагменте. Дополните этот список 1-2 вопросами, ответы на которые не прозвучали, но вы хотели бы их получить.

9. Прослушайте заключительную часть эпизода - ЧАСТЬ 9 (30:55–33:59), посвящённого компьютерной лингвистике. Постарайтесь услышать:

- имя известного российского лингвиста;
- название крупнейшей российской компьютерной компании;
- название фильма, посвящённого поисковым алгоритмам;

Напишите, в чём состоит особенность Грамматического словаря русского языка А. А. Зализняка, о котором идёт речь в этой части подкаста (воспользуйтесь энциклопедическим словарём).

После прослушивания всего эпизода студентам предлагается задание на понимание основного содержания в форме теста, а также задания на определение основных лингвистических проблем и вопросов, упомянутых в эпизоде. Приведём примеры нескольких тестовых вопросов (варианты для ЧАСТИ 9) и образец заключительного задания.

Задание. После прослушивания эпизода выполните тест. Выберите правильный вариант ответа.

1. *Российская компьютерная лингвистика занимается*

- а) академическими, а не коммерческими разработками
- б) не академическими, а коммерческими разработками
- в) как академическими, так и коммерческими разработками

2. *В основе русскоязычных поисковых систем лежат базы данных*

- а) грамматического словаря русского языка
- б) морфологического словаря русского языка
- в) лингвистического словаря русского языка

3. *Отечественная компьютерная лингвистика сегодня*

- а) находится на пике развития
- б) переживает не лучшие времена
- в) находится в довольно хорошем состоянии

Ответы: 1 – в, 2 – а, 3 – в

Задание. Какой перечень лингвистических проблем обсуждался в данном эпизоде? Озаглавьте каждую смысловую часть, письменно подкрепив название ключевыми предложениями и опорными словами.

Во время аудиторных занятий разбираются те части, проблематика и лексико-тематическое содержание которых представляет особый интерес. Благодаря изучению и детальному анализу данных фрагментов, учащиеся смогут воспринимать и понимать языковые средства, извлекать полную фактическую информацию и осмысливать её. Фрагменты могут сопровождаться скриптом в случае необходимости. Стоит заметить, что полная расшифровка текста подкаста может быть предложена учащимся только для первых эпизодов, чтобы познакомиться со структурой подкаста, привыкнуть к новому типу работы.

Комплекс заданий дополняется особым типом упражнений, направленных на формирование и закрепление навыков, умений и компетенций будущих переводчиков в первую очередь в области аудирования. Подобного рода упражнения способствуют расширению объёма оперативной памяти; тренируют фонематический слух, скорость восприятия информации и долговременную память; развивают механизмы языковой догадки и вероятностного прогнозирования; наконец, совершенствуют способность сегментировать речевую цепь и идентифицировать языковые и речевые единицы в потоке звучащей речи.

Приведём примеры некоторых заданий, разработанных для **ЧАСТИ 2 (02:10–05:48)**.

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание. Объясните значение следующих слов. Воспользуйтесь справочно-информационным порталом Грамота.ру.

(идея) напрашивается

(дело) доходит до...

Задание. С помощью морфемного анализа (найдите корень, приставку, суффикс(-ы), окончание) установите значение следующих слов:

формализовать, смоделировать, программировать, взаимодействовать

Задание. Дайте наибольшее количество вариантов, которые можно использовать, чтобы закончить каждое из начатых предложений.

1. В 90-ые в компьютерной лингвистике начинался статистический...
2. В компьютерной лингвистике используются искусственные нейронные ...
3. Современная компьютерная лингвистика немыслима без математических...
4. Современные компьютерные лингвисты должны проводить лингвистические

....

5. Основная роль лингвиста состоит в том, чтобы понимать...

ЗАДАНИЯ ДЛЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Задание. Прочитайте вслух и повторите несколько раз. Последнюю часть каждой цепочки повторите, не глядя в текст.

лингвистика — компьютерная лингвистика — компьютерная лингвистика помогает взаимодействовать — компьютерная лингвистика помогает взаимодействовать человеку с компьютером — компьютерная лингвистика помогает взаимодействовать человеку с компьютером посредством языка — компьютерная лингвистика помогает взаимодействовать человеку с компьютером посредством человеческого языка — компьютерная лингвистика помогает взаимодействовать человеку с компьютером посредством человеческого языка, а не кода — **компьютерная лингвистика помогает взаимодействовать человеку с компьютером посредством человеческого языка, а не компьютерного кода**

ПРИТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание. Прослушайте фрагмент подкаста (02:10–2:48) и запишите, как определяет А. Пиперски компьютерную лингвистику. Сравните это определение с тем, что предлагается в Словаре лингвистических терминов. Есть ли разница?

Компьютерная лингвистика — это ...

Задание. Послушайте полностью ЧАСТЬ 2 (2:10–5:48) и отметьте тезисы, которые не прозвучали в тексте.

1	Компьютерная лингвистика способствует взаимодействию человека с компьютером.
2	Язык поисковых запросов в настоящее время приближен к естественному.
3	Лингвист занимается тем, что формулирует поисковые запросы на языке ассемблера.
4	Статистический переворот в компьютерной лингвистике привёл к появлению нейронных сетей.
5	Ключевыми задачами современной компьютерной лингвистики считаются корректный машинный перевод и грамотное распознавание речи.

Ответ: 3, 5

Задание. Составьте список слов и словосочетаний, необходимых для беседы о компьютерной лингвистике.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание. Ответьте на вопросы.

1. В компьютерной лингвистике больше задач выполняют компьютеры или люди?
2. Что умеют благодаря компьютерной лингвистике компьютеры?
3. Когда компьютерная лингвистика начала развиваться?
4. Чем занимаются компьютерные лингвисты?
5. Какие амбициозные цели и задачи стоят перед компьютерными лингвистами сейчас?

Работа над подкастом завершается заданиями на интерпретацию всего эпизода, формулированием собственного отношения к прослушанному, а также специальным блоком практических профессионально-значимых заданий.

Последний блок заданий представляется наиболее важным, поскольку служит фундаментом для знакомства с методологией научного исследования. В процессе выполнения заданий учащиеся используют различные методы эмпирического (наблюдение, опрос, эксперимент, описание, сравнение) и теоретического (классификация, аналогия, анализ и синтез, идеализация, индукция и дедукция, мысленное моделирование и др.) исследования, необходимые для написания научной работы. Кроме того, выполняя задания данного блока, студенты учатся представлять результаты собственной научной деятельности как в письменной (небольшой по объёму реферат, статья), так и в устной (доклад с презентацией) форме. Наконец, подобные задания вызывают интерес и стимулируют коммуникативную активность, что является первым шагом к приобретению навыка ведения дискуссий на профессиональные темы.

Продемонстрируем примеры описанных заданий.

Задание. Согласитесь со следующими высказываниями или опровергните их.

Постарайтесь использовать в качестве аргументов информацию из подкаста.

- Машина заменит Пушкина, но не заменит Толстого.
- Машинный перевод активно развивается, однако ему ещё далеко до идеала.
- В ближайшие годы мир перестанет нуждаться в людях-переводчиках.
- Компьютеры порой производят настолько человекоподобное впечатление, что результаты их деятельности вполне можно перепутать с человеческими.
- У специалиста в области компьютерной лингвистики всегда будет работа.

Задание. Выскажите свою точку зрения по следующим вопросам, используйте информацию из подкаста.

1. Смогут ли автоматические переводчики моментально переводить устную речь с любого языка на любой?

2. По вашему мнению, сможет ли искусственный интеллект заменить лингвиста и переводчика? Если да, то когда, на ваш взгляд это случится? Объясните, почему вы так думаете. В каких профессиях искусственный интеллект уже востребован больше, чем человек?

3. Читали ли вы когда-нибудь стихи, которые написаны роботом? Если да, то какое впечатление они на вас произвели? Как вы думаете, когда мы перестанем различать написанные компьютером стихи и настоящие?

4. Сейчас уже люди могут взаимодействовать с устройствами с помощью голоса, как вы думаете, как в будущем изменится язык запросов?

Задание. Просмотрите интервью, посвящённое компьютерной лингвистике, с директором по лингвистическим исследованиям компании АБВУУ и заведующим кафедрой компьютерной лингвистики МФТИ Владимиром Селегеем (https://mel.fm/intervyu/5613820-artificial_intelligence), а также энциклопедическую статью о компьютерной лингвистике (<https://www.krugosvet.ru/enc/lingvistika/kompyuternaya-lingvistika>). Какая информация оказалась для вас новой? Какие интересные факты вы узнали? Составьте тезисный план этих источников, выпишите важные, на ваш взгляд, слова, фразы и предложения. Подготовьтесь к участию в дискуссии.

*Если тема вас заинтересовала, вы можете посмотреть 12-минутную видеолекцию о компьютерной лингвистике, семантическом анализе, машинном переводе и автоматической морфологии (<https://postnauka.ru/video/66255>), прочитанную филологом Б. Ореховым для образовательного проекта ПостНаука.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЗНАЧИМЫЕ ЗАДАНИЯ

- Проведите опрос среди своих знакомых (не менее 10 человек разного возраста и пола). Узнайте, как часто они пользуются голосовыми помощниками, в каких ситуациях они чаще всего это делают и т.д. Для этого исследования составьте свой лист опроса, в котором должно быть не менее трёх вопросов открытой или закрытой формы. Проанализируйте полученные ответы, составьте на их основе таблицу (график, диаграмму, презентацию или инфографику). Поделитесь своими результатами с однокурсниками.

- Проведите эксперимент с различными голосовыми помощниками (GoogleNow, GoogleAssistant, Siri, Microsoft Cortana, Amazon Alexa, Яндекс Алиса и др.).

А) Сформулируйте одинаковый для всех программ запрос (желательно на русском языке), при этом поэкспериментируйте с голосами (детский, женский, мужской, голос пожилого человека), тембром (высокий, низкий), темпом речи, возможными дефектами при звукопроизнесении (без дефектов, акцент, диалект, шепелявость, картавость, гнусавость,

заикание и т.п.), шумовыми эффектами (дождь, музыка, ремонт, лай собаки и т.п.) и др. Все ли помощники справились с распознаванием голоса? Какие вы получили результаты? Какой из помощников справился лучше всего? Проранжируйте их по результативности выполнения задания.

Б) Теперь сравните функционал голосовых помощников, узнайте, что они умеют делать: вести диалоги, предлагать быстрые ответы на вопросы пользователя, вызывать такси, совершать звонки, прокладывать маршруты, делать заказы в интернет-магазине и т.д. Сравните работу голосовых помощников, результаты представьте в виде таблицы.

- Оцените работу Google-переводчика, проведя небольшое исследование. Сделайте вывод.

А) Выберите несколько (не меньше пяти) общеизвестных фраз вашего родного языка (пословица, фразеологизм, строка из песни или художественного произведения, цитата и т.п.) и переведите их самостоятельно на русский язык. При необходимости можно использовать словари, обратиться за помощью к преподавателю, главное, получить адекватный перевод. Затем переведите эти фразы на русский язык, используя Google-переводчик. Сравните свой перевод с автоматическим переводом. Занесите результат в таблицу, оцените работу автоматического переводчика по 10-балльной шкале (0 — смысл полностью потерян, 10 — полностью верный перевод и в смысловом отношении, и синтаксически).

Б) Теперь осуществите обратный перевод на родной язык. Справился ли Google-переводчик? Похожа ли полученная в результате фраза на исходную? Покажите полученный перевод своим знакомым (10 человек), узнали ли они фразу? Занесите результат в таблицу, оцените работу переводчика по 10-балльной шкале (0 — если никто фразу не узнал, 10 — все десять человек фразу узнали).

- Выберите из 100 представленных русских безэквивалентных слов и выражений 20 таких, значение которых вы понимаете лучше всего. Переведите их на родной язык, посчитайте количество ошибок/неточностей при переводе, обобщите результаты, сделайте вывод. (Подготовленный преподавателем список включает имена собственные, имена литературных героев, названия романов и пьес, географические названия, аббревиатуры, фразеологизмы, поговорки и пословицы, названия чувств, предметов одежды или обуви, названия блюд, музыкальных инструментов и др.)

- Перед вами список таких слов — [марковь, свёкр, винигрет, балет онгиной, дочинька, сыночик, дышешь, пребежать, мыш, камышь, бульвар]. Попробуйте найти их в поисковой строке Google или на Грамоте.ру в разделе «Проверка слова». Вам удалось найти именно эти слова? Какой результат вы получили? Сформулируйте вывод.

- Проведите эксперимент с языком запросов. Введите в поисковую строку слова «купить попугая в Москве». Сколько синонимов или близких по значению слов в заголовках сайтов вам предложила поисковая система на первой странице? Придумайте свои поисковые запросы. Встретились ли вам антонимичные слова и выражения (например, купить – продать)? Какой вывод можно сделать из эксперимента? Подтвердите ваш вывод словами из подкаста.

Пример: для запроса «**покупка** стола» первые два результата «**купить** столы...» и «интернет-магазин» (Рис. 2).

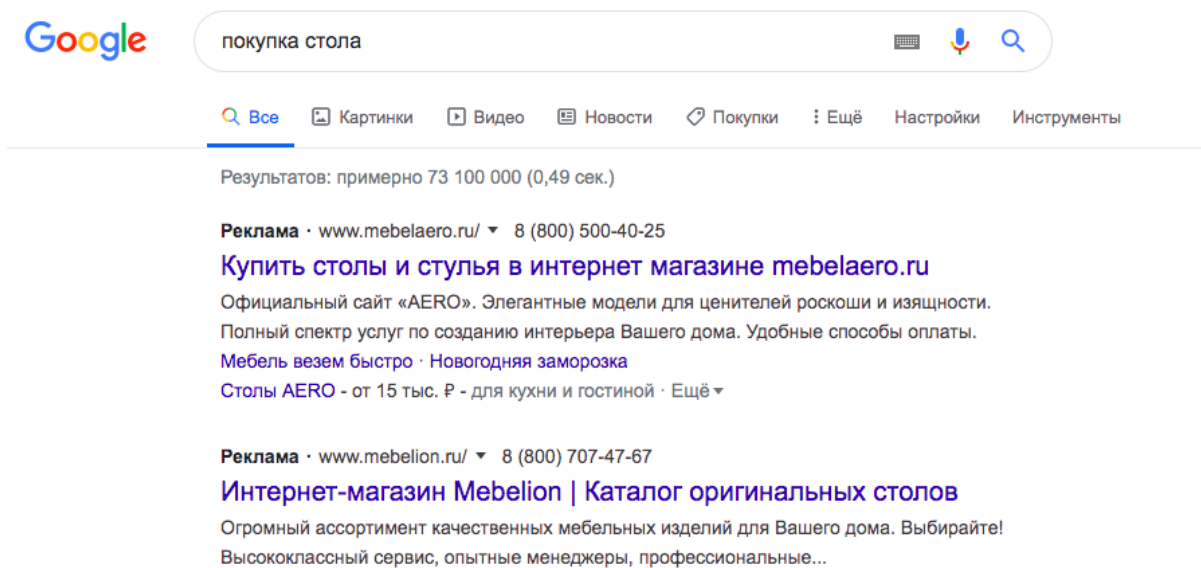

Рис. 2

Если выполнение небольших профессионально-значимых заданий должно способствовать выбору области интересов (или даже конкретной темы) и знакомству с методологической базой лингвистических исследований, то для работы с теоретической информацией необходим среди прочих навыков аннотирования и реферирования.

Для развития этого навыка студентам, посещающим спецсеминар, предлагается составить конспект и/или написать реферат, привлекая рекомендованные преподавателем источники. Список источников, объём и сложность работы будет зависеть от программы подготовки слушателей (бакалавр, магистр или аспирант), уровня владения русским языком, пожеланий самих учащихся. Предложенный в задании ниже список литературы можно существенно дополнить, пересмотреть или изменить. В нашем случае это научно-популярная литература, призванная пробудить интерес к лингвистической науке и переводу.

Задание. Выберите одну (или несколько) из предложенных книг, посвящённых языку и лингвистике. Для этого внимательно прочитайте содержание каждой книги.

А) Законспектируйте 2–5 понравившихся вам глав (объём — 5-10 страниц, *Times New Roman*, размер шрифта — 12, междустрочный интервал — 1), выделяя из текста основные определения, цитаты, мысли и тезисы.

Б) Напишите реферат на выбранную вами тему, используя не менее пяти источников. Для этого выделите в источниках основные мысли, сделайте свои предположения, подтвердите их фактами, подведите итоги (объём — 10-15 страниц, *Times New Roman*, размер шрифта — 12, междустрочный интервал — 1).

- Владимир Плунгян «Почему языки такие разные»;
- Максим Кронгауз «Русский язык на грани нервного срыва»;
- Владимир Алпатов «Языкознание. От Аристотеля до компьютерной лингвистики»;
- Светлана Бурлак «Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы»;
- Александр Пиперски «Конструирование языков. От эсперанто до дотракийского»;
- Нора Галь «Слово живое и мёртвое»;
- Ирина Левонтина «О чём речь»;
- Корней Чуковский «Живой как жизнь».

Рекомендованное задание, включая устное представление выводов, является зачётным. Успешное его выполнение наравне с регулярным посещением занятий гарантирует студенту получение положительного результата при написании и защите первой квалификационной работы. Иностранным студентам разных уровней подготовки в Высшей школе перевода также предлагается курс по письменной научной речи, что является дополнительным фактором, влияющим на результативность процесса подготовки научного исследования.

Научно-популярный подкаст «Розенталь и Гильденстерн» стал одновременно и средством обучения русскому языку, и источником формирования профессиональной компетенции учащихся. В заключении можно сказать, что проведение спецсеминара на материале подкаста позволило углубить и систематизировать наиболее важные и типичные для будущей профессиональной деятельности переводчиков и лингвистов темы и разделы. А форма предъявления материала позволила:

- закрепить и расширить знания, навыки и умения в области аудирования;
- совершенствовать грамматические навыки и обогатить активный и пассивный словарный запас;
- организовать творческое, активное изучение теоретических и практических вопросов;

- установить непосредственное общение студентов и педагога, усилить обратную связь между ними;
- сформировать у студентов самоконтроль за правильным пониманием изучаемого материала, самокритичность в процессе выполнения заданий;
- систематически проверять уровень подготовленности студентов к занятиям, а также оценить качество их самостоятельной работы;
- познакомиться с основами методологии научного исследования;
- подготовить к восприятию лекционных курсов, посвящённых будущей практической деятельности;
- получить необходимые междисциплинарные навыки использования иностранного языка в реальной жизни.

Из явных недостатков использования выбранного подкаста можно назвать существенный объём аудиофрагментов (каждый эпизод длится около 30 минут). Помимо прослушивания, студентам предлагается самостоятельно выполнить и большую часть заданий при подготовке к аудиторному занятию. Кроме этого, в подкасте нет системной подачи языкового материала, а речь ведущих подкаста неоднородна: от достаточно примитивных фраз, представляющих несложные построения на уровне социальных контактов, до постепенного включения концептуальных и научных моментов, более того, с выходом на имплицитный уровень и подтекст.

Несмотря на перечисленные недостатки, можно утверждать, что использование системы подкастов имеет неограниченные возможности и являет собой предопределённый условиями времени закономерный этап информатизации и глобализации языкового образования, а значит, будет актуальным средством обучения и будет пользоваться популярностью у современного молодого поколения.

Список литературы:

- Гончар И. А.* Работа с учебным игровым фильмом: учеб. пособие / И. А. Гончар, Н. Л. Федотова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. 70 с.
- Ковалёва Т. А.* Дидактический потенциал подкастов и методика их использования в дистанционной форме обучения иностранному языку // Иностранные языки дистанционном обучении: материалы III международной науч.-практ. конф., 23–25 апреля 2009 г. Пермь. Том 2. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. С. 48-55.
- Лазницкая Е. Д.* Методика работы с подкастами при организации внеаудиторной деятельности студентов / Е. Д. Лазницкая, О. А. Колмакова // Вестник ИрГТУ. Гуманитарные науки. №9 (80), 2013. С. 285-289.
- Подкаст «Розенталь и Гильденстерн»* [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://meduza.io/podcasts/rozentali-gildenstern>

Савостьянова Ю. И. Интеграция системы языковых подкастов в учебный процесс военного вуза / Ю. И. Савостьянова, Ю. Н. Сичинава // Теория и практика общественного развития. 2014. № 14. С. 35-38.

Сысоев П. В. Подкасты в обучении иностранному языку // Язык и культура. Выпуск № 2 (26), 2014. С. 189–201.

Эко У. Как написать дипломную работу. М.: Симпозиум, 2006. 301 с.

O'Bryan A. Integrating podcasts into an ESL listening course: the what, the how, and the why / A. O'Bryan // Iowa State Applied Linguistics Colloquium. Iowa 2006. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://volkerh.public.iastate.edu/projects/podcasting/01research_base.html#lee

Stanley G. Podcasting for ELT. Barcelona: British Council, 2005. 100 p.

References:

Ehko U. Как napisat' diplomnuyu rabotu. M.: Simpozium, 2006. 301 s.

Gonchar I.A. Rabota s uchebnym igrovym fil'mom: ucheb. posobie / I. A. Gonchar, N. L. Fedotova. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2019. 70 s.

Kovalyova T.A. Didakticheskii potentsial podkastov i metodika ikh ispol'zovaniya v distantsionnoi forme obucheniya inostrannomu yazyku // Inostrannye yazyki distantsionnom obuchenii: materialy III mezhdunarodnoĭ nauch.-prakt. konf., 23–25 aprelya 2009 g. Perm'. Tom 2. Perm': Izd-vo Perm. gos. tekhn. un-ta, 2009. S. 48-55.

Lazitskaya E.D. Metodika raboty s podkastami pri organizatsii vneauditornoi deyatel'nosti studentov / E. D. Lazitskaya, O. A. Kolmakova // Vestnik IRGTU. Gumanitarnye nauki. №9 (80), 2013. S. 285-289.

O'Bryan A. Integrating podcasts into an ESL listening course: the what, the how, and the why / A. O'Bryan // Iowa State Applied Linguistics Colloquium. Iowa 2006. [Ehlektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: http://volkerh.public.iastate.edu/projects/podcasting/01research_base.html#lee

Savost'yanova Yu.I. Integratsiya sistemy yazykovykh podkastov v uchebnyi protsess voennogo vuza / Yu. I. Savost'yanova, Yu. N. Sichinava // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 14. S. 35-38.

Stanley G. Podcasting for ELT. Barcelona: British Council, 2005. 100 p.

Sysoev P.V. Podkasty v obuchenii inostrannomu yazyku // Yazyk i kul'tura. Vypusk № 2 (26), 2014. S. 189–201.

Podkast «Rozental' i Gil'densterN» [Ehlektronnyi resurs] — Rezhim dostupa: <https://meduza.io/podcasts/rozentel-i-gildenstern>

Плешикова – Синицкая Ольга Николаевна
Пизанский государственный университет
г. Пиза (Италия)

Plesikova Sinicka Olga
University of Pisa
Pisa (Italy)

**О ПРОБЛЕМАХ АУДИРОВАНИЯ НА ПРОДВИНУТОМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА В ИТАЛОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ: ОБУЧЕНИЕ
ПОНИМАНИЮ ИМПЛИЦИТНЫХ СМЫСЛОВ**

**ABOUT LISTENING COMPREHENSION PROBLEMS OF THE ITALIAN
SPEAKING STUDENTS DURING THE RUSSIAN LANGUAGE ACQUISITION AT
THE ADVANCED LEVEL: THE IMPLICIT MEANING COMPREHENSION**

В статье обсуждаются основные причины ошибок при прохождении субтеста «Аудирование» на уровне С1 (ТРКИ-3) италогворящими студентами. Как показывает опыт, основной трудностью на данном этапе является непонимание имплицитного содержания высказываний и имплицитных интенций, что приводит не только к неспособности пройти тестирование, но к коммуникативным неудачам при общении с носителями русского языка. Наиболее важными среди имплицитных смыслов являются пресуппозиции, импликации и импликатуры. При обучении пониманию имплицитных выражений самыми трудными являются первые этапы работы с ними – это вычленение их из общего потока информации и правильная интерпретация услышанного. Для облегчения работы по распознаванию имплицитов необходимо ознакомить студентов с наиболее распространенными маркерами, или индикаторами, имплицитных смыслов. Имплицитный смысл затрагивает семантические и прагматические проблемы его интерпретации, являющейся сложным когнитивным процессом, тесно связанным с уровнем развития лингвокультурной компетенции, со степенью знакомства с ядром когнитивной базы русофонов. Привлечение аутентичного аудиовизуального материала позволяет ознакомить обучающихся также и с невербальными средствами выражения имплицитных смыслов, характерными для лингвокультуры изучаемого языка. Невербальные средства коммуникации, звуковое и световое сопровождение, постановка сцен художественных фильмов могут, с одной стороны, помочь правильной интерпретации имплицитов, а, с другой стороны, нести свой, дополнительный, имплицитный смысл. На примере работы с художественным фильмом «Лёд» [Трофим, 2018] показывается, как можно развить у учащихся межкультурную коммуникативную компетенцию, наряду с прочим связанную с пониманием имплицитных смыслов.

The article discusses the main reasons for errors in Listening Comprehension test of Russian as a Foreign Language at the C1 level (TORFL-3) by Italian-speaking students. Experience has shown that the main difficulty at this level is understanding of the implicit meanings and implicit intentions, which leads not only to inability to pass testing, but also to communicative failures during communication with Russians. The most important among implicit meanings are presuppositions, implications, and implicatures. When learning to understand implicit expressions, the most difficult steps are to extract them from the general flow of information and correctly interpret what is heard. In order to facilitate the work of recognition of implicitity, it is necessary to familiarize students with the most common markers, or indicators, of implicit meanings. The implicit meaning touches on the semantic and pragmatic problems of its interpretation, which is closely related to the level of cultural and linguistic competence development, with the degree of awareness of the core of the cognitive base of russophones. The use of authentic audiovisual material allows to familiarize students with non-verbal patterns of implicit meaning expression, typical for the russian linguoculture. Non-verbal communication patterns, sound and light support, scene composition of films can, on the one hand, help to correctly interpret implicitity, and, on the other hand, carry the another (additional) implicit meaning. On the example of work with the film "Ice" [Trofim, 2018] it is shown how it is possible to develop intercultural communicative competence in students, along with other related to understanding of implicit meanings.

The most difficult steps during work with implicit speech to separate them from the general flow of information and to properly interpret what is heard. To facilitate the work of them recognizing, it is necessary to introduce the most common markers, or indicators, of implicit meanings. Implicit meaning touches on semantic and pragmatic problems of its interpretation, which is a complex cognitive process closely related to the level of development of linguological competence, also with a degree of familiarity with the core of

the Native Russian cognitive base. The use of authentic audiovisual material also allows students to be introduced to non-verbal patterns of expressing of the implicit meanings, typical for the Russian culture. Non-verbal means of communication, sound and light accompaniment, staging scenes of feature films can, on the one hand, help the correct interpretation of the implicit meanings, and, on the other hand, carry their own implicit meaning. The example of working with the feature film "Ice" [Trofim, 2018] shows how students can develop intercultural communicative competence, among others related to the understanding of implicit meanings.

The article discusses the reasons for making mistakes during Listening Comprehension test at the C1 level (TORFL-3) by Italian-speaking students. Experience has shown that the main difficulty at this level is a lack of understanding of the implicit speech and implicit intentions. Implicit meaning touches on the semantic and pragmatic problems of its interpretation, which is closely related to the level of cultural and linguistic competence development. The work with the film "Ice" [Trofim, 2018] showed how it is possible to develop intercultural communication competences related also to understanding implicit meanings

Ключевые слова: аудирование, фильм «Лёд» [Трофим, 2018], имплицитный смысл, импликатура, presupposition, межкультурная коммуникативная компетенция.

Key words: listening comprehension, film "Ice" [Trofim, 2018], implicit meaning, implicature, presupposition, intercultural communicative competence.

Как показывает опыт проведения тестирования⁵¹ среди итальянских студентов Пизанского государственного университета, на начальном уровне владения русским языком (РЯ) основные трудности возникают у студентов при прохождении субтестов «Лексика. Грамматика», «Письмо», на продвинутом же уровне, а именно В2+ - С1 (ТРКИ-2/3), акценты смещаются: одной из основных проблем становится прохождение субтеста «Аудирование» несмотря на то, что навыки аудирования на данном этапе уже сформированы. Основными причинами этого являются: быстрый темп речи, недостаточное знание лексики (прежде всего, специальной лексики, характерной для определённого вида деятельности, сленга), фразеологических оборотов, непонимание косвенной речи (например, проявления вежливости), намёков, шуток, подтекста, некоторых коммуникативных интенций и т.д. Это находит проявление не только при прохождении тестирования, но и в реальных коммуникативных ситуациях, когда «контакт» с носителями РЯ, не знакомыми с особенностями итальянской культуры общения, приводит к коммуникативной неудаче.

На наш взгляд, основной проблемой на данном этапе изучения РЯ, когда студенты уже знакомы со многими лексическими единицами и грамматическими структурами, обладают навыками аудирования, знакомы с этикетными нормами РЯ, является развитие понимания имплицитной формы передачи текста, т.е. скрытой, не высказанной прямо, кодифицированной. Именно на уровне ТРКИ-3 вводится требование понимания информации, выраженной в имплицитной форме, и имплицитно выраженных коммуникативных намерений говорящего [Макова, Ускова, 2016, с. 235].

⁵¹ Тестирование проводится в рамках университетского экзамена по русскому языку среди студентов, обучающихся на факультете иностранных языков и литератур Пизанского государственного университета. Выдача сертификатов не предусмотрена.

Имплицитный смысл затрагивает семантические и прагматические проблемы его толкования и в основе имеют ярко выраженную культурную основу, являясь неисчерпаемым источником и объектом исследования. К имплицитным смыслам⁵² относят пресуппозиции (презумпции), следствия (импликации), коннотации, импликатуры, анафоры и т. п. Фейрклау Н. [2003; цит. по Кравченко, 2012, с. 225] обобщил различные типы имплицитного значения в понятии «assumptions».

Наиболее важными среди имплицитных смыслов, по мнению Кронгауза М.А., следует считать пресуппозиции и импликации⁵³, «обрамляющие основную пропозицию и в определенном смысле само высказывание» [Кронгауз, 2005, с. 203]. Коммуникативные пресуппозиции⁵⁴ являются представлением говорящего о степени осведомлённости адресата. «**Пресуппозиция** входит в семантику предложения «как багаж общих знаний» собеседников, их «общий договор», «условие истинности» и соотносится с понятием «мы» и моментом речи», в свою очередь, «**импликация** – с понятием «ты» и моментом, следующим за речью» [Арутюнова, 1988, с. 85-89]. Т.е. пресуппозиция предшествует высказыванию, поскольку определяет условия его уместности, а импликация следует за ним, так как выводится из его значения [Кронгауз, 2005, с. 203-204].

Ещё одним важным способом передачи имплицитных смыслов являются импликатуры. В 1975 г. Грайсом Г.П.⁵⁵ были сформулированы «принцип кооперации», являющийся гарантом успешности коммуникативного акта, т. е. взаимопонимания её участников, и коммуникативные постулаты («максимы»), соблюдение которых в целом и означает соблюдение этого принципа: информативность (1); истинность (2); релевантность (3) и ясность (4). Им же вводится термин **импликатуры** для обозначения скрытых, подразумеваемых значений высказывания, не входящих непосредственно в смысл предложения, но легко декодируемых слушателем, который извлекает из высказывания больше информации, чем в нём было заложено говорящим. Согласно Грайсу Г.П., импликатуры можно поделить **на коммуникативные (или неконвенциональные, импликатуры дискурса) и конвенциональные** [цит. по: Падучева, 2010, с. 42-43;

⁵² . В настоящее время не существует единой классификации имплицитных форм, а также нет полной ясности в терминологии, что указывает на многоаспектность и глубину данной тематики [Падучева, 1986, 2010, с. 42-65; Пирогова, 2001, с. 209-212; Кронгауз, 2005, с. 203; Кравченко, 2012, с. 225]. Термины пресуппозиция, импликация, импликатура, экспликатура, инференция, вследствие пересечения и наложения своего понятийного объёма нередко используются как синонимичные [Кравченко, 2012, с. 225].

⁵³ Это логическая операция для образования сложных высказываний из простых, по смыслу равнозначная условию «если..., то...».

⁵⁴ Н.Д. Арутюнова [1988, с. 85-89] приводит пять определений и видов пресуппозиции: экзистенциональные, прагматические, синтагматические (обусловленность одного слова или предложения другим словом или предложением), коннотативные (связанные с побочными значениями слов и предложений), коммуникативные (представление говорящего о степени осведомленности адресата речи) и логические.

⁵⁵ Цитируется по Падучевой Е.В. [Падучева, 2010, с. 42-43].

Кравченко, 2012, с. 228-229, Кронгауз, 2005, с. 303-307]: **конвенциональные импликатуры** позволяют выводить прямой смысл благодаря принципу кооперации коммуникантов и наличию общего контекста; **неконвенциональные импликатуры** возникают в том случае, когда осознанно и демонстративно нарушается (или якобы нарушается) какой-нибудь из постулатов общения (см. выше). Понятие неконвенциональной импликатуры сопоставимо с прагматическими или контекстуальными выводами.

По словам Бахтина М.М., процесс понимания – это «встреча двух сознаний» [Бахтин, 2002, с. 395], в котором второе сознание, т. е. сознание понимающего неисчерпаемо: «в нём потенциальная бесконечность ответов, языков, кодов». Процесс понимания имплицитных высказываний – сложный когнитивный процесс, который зависит от особенностей **«индивидуальной когнитивной базы (ИКБ), являющейся составной частью индивидуального когнитивного пространства (ИКП).**

В ИКП необходимо (если считать человека существом социальным) входят: **коллективные когнитивные пространства (ККП)** (как определённым образом структурированные совокупности знаний и представлений тех социумов, в которые данная личность входит, например, профессиональных социумов) и **когнитивная база (КБ)** (как минимум её ядро) того **национально-лингвокультурного сообщества**, членом которого данная личность является»⁵⁶ [Красных, 1997, с. 129-131; Гудков, 2000, с. 41-48]. Знания и представления, входящие в КБ, чрезвычайно редко эксплицируются носителями языков в своей речи, присутствуя в ней имплицитно, воспринимаясь как нечто «всем известное», «само собой разумеющееся» [Шабес, 1989, с. 41].

Рецепция речевого акта представляет собой акт его интерпретации. При процессе аудирования уже сложившегося речевого акта, совершаемого непосредственными коммуникантами (в данном случае русофонами) в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе [Арутюнова, 1990, с. 412], слушатели (инофоны) должны декодировать и интерпретировать полученную информацию. При отсутствии общего в когнитивной базе, когда смысловая составляющая некоторых речевых актов не совпадает с грамматической и лексической стороной содержания, возникают ситуации, когда вроде бы и все слова понятны, а смысл высказывания остаётся нераскрытым, в результате происходит «абберрантное декодирование», т.е. неправильное понимание, частичное непонимание или полное непонимание воспринимаемой информации.

⁵⁶ Мы экстраполируем понятие, разработанное Красных В.В. [1997, с. 129-131] при изучении пресуппозиций, на понимание имплицитных смыслов в целом.

Попытки создания методики обучения пониманию имплицитных смыслов были предприняты при изучении интенций отказа [Бойцов, Бойцова, 2015, с. 24-36], просьбы [Бойцов, Бойцова, 2010, с. 69-76] и имплицитных высказываний газетных и журнальных текстов [Добровольская, 2011].

Занятия по подготовке к прохождению тестирования на уровне C1 (ТРКИ-3) проводятся нами со студентами магистратуры Пизанского государственного университета, обучающимся по двум направлениям: «языкознание» и «перевод». Учащиеся являются, с одной стороны, носителями итальянской лингвокультуры, а с другой стороны, изучая иностранные языки, знакомы с другими лингвокультурами, в т.ч. способами выражений имплицитных форм и их расшифровки в разных языках, т.е. их можно назвать носителями (в разной степени) «полилингвокультуры». На занятиях студентами легче понимались имплицитные конструкции, имеющие аналоги в итальянском или в других европейских языках и культурах, содержащие социумно-прецедентные и универсально-прецедентные феномены. Сложность возникала при их отсутствии. Некоторые высказывания не смогли расшифроваться студентами в силу незнания лексики.

Для выработки навыков понимания имплицитов был использован видеоматериал. В основном это отрывки из различных кинофильмов. В этом учебном году к работе был привлечен фильм «Лёд» [Трофим, 2018]⁵⁷. Особенность художественных фильмов – «мультисемиотический характер их языка, оперирование знаками и кодами разных семиотических систем в едином смысловом, структурном и функциональном пространстве кинодискурса», его диалогичность и полифония [Зайченко, 2017, с. 1140]. Просмотр аудиовизуального материала позволяет обратить внимание не только на вербальные, но и на экстра- и паралингвистические средства коммуникации, музыкальное и световое сопровождение, режиссёрскую композиционную постановку сцен и т.д., которые могут, с одной стороны, облегчить интерпретацию вербальных имплицитных смыслов, а с другой стороны, могут нести свой имплицитный смысл [Зайченко, 2017, с. 1140-1141]. Следует отметить, что для каждой лингвокультуры характерны «свои», особые, имплицитные невербальные стили коммуникации [Куликова, 2011, с. 138-154]⁵⁸. Просмотр художественного фильма может породить новую, индивидуальную интерпретацию увиденного и услышанного, отличную от режиссёрского замысла. Просмотр фильмов,

⁵⁷ Даже на продвинутом этапе изучения РЯ большие трудности вызывает неформальное общение, наиболее трудным для понимания даётся разговорный (в частности, молодёжный сленг) язык. Фильм «Лёд» является неплохим материалом для знакомства с современной разговорной речью.

⁵⁸ Модели невербальных стилей коммуникации: индивидуально-эксплицитный невербальный стиль, индивидуально-имплицитный невербальный стиль, общинно-эксплицитный невербальный и общинно-имплицитный невербальный стиль [Куликова, 2011, с. 148].

сопровожаемый комментариями преподавателя РКИ, может стать источником знакомства с коммуникативным стилем общения, характерным для русской лингвокультуры, приближая студента к КБ русофилов.

Как отмечает Гудков Д.Б. [2000, с. 108], невозможно добиться того, чтобы инофон интерпретировал текст так, как это делает русский, но необходимо знакомить иностранца с тем представлением об этом тексте, которое существует у русских, с критерием оценки текста, которые приняты в русском лингвокультурном сообществе, той интерпретацией текста, которая будет восприниматься русским как правильная⁵⁹.

Добровольская М.Г. [2011, с. 6], выработала схему обучения пониманию имплицитных выражений при работе со сми, которая включает в себя следующие этапы: «распознавание – осознание – интерпретация имплицитного смысла – свободное творчество», которой мы и придерживались в нашей работе. Первый этап работы на этом пути – научить студента вычленять имплицитные формы. «Для инофона, обладающего иной КБ, иной «языковой картиной мира» деление информации на имплицитную/подлежащую экспликации будет совсем не таким, как у русского» [Гудков, 2000, с. 51], поэтому необходимо помочь студентам понять, что звучит имплицитная информация. Для облегчения этой работы некоторыми авторами были проделаны описаны маркеры и индикаторы имплицитных выражений, которые могут служить своеобразными подсказками, облегчая индивидуализацию имплицитных высказываний. В случае неконвенциональных импликаций маркерами являются отклонения от постулатов Грайса, заставляющие задуматься о скрытом смысле, например, тавтология, ирония, метафора, литота (мейозис), гипербола, нарушение релевантности, каламбур [Падучева, 2010; с. 42-43]. К имплицитным маркерам можно также отнести эвфемизмы, намёки, обыгрывание иноязычных слов, грубо-просторечной лексики, терминов, употребление фразеологизмов и прецедентных явлений [Добровольская, 2010, с. 10-17⁶⁰], наличие невербальных маркеров. В этой связи ещё раз следует подчеркнуть, что маркерами имплицитности являются и невербальные средства коммуникации.

Приведём некоторые примеры имплицитной информации в фильме «Лёд»:

1) 06:14 Мама, морщась, с трудом проглатывает еду.

Надя: - Зато полезно.

⁵⁹ В этой связи уместно было бы привести мнение Фейрклау Н. [2000, цит. по Кравченко, 2012, с. 225-226] что, в отличие от интертекстуальности, которая «открыта» различиям и акцентирует диалогичность, т.к. вносит в текст «другие голоса», различные типы имплицитного значения («assumptions») ограничивают различия и ослабляют диалогичность, подразумевая «общность взглядов», что осложняет их интерпретацию инофонами.

⁶⁰ К наиболее часто встречающимся в СМИ маркерам имплицитных смыслов можно отнести также графическую игру, обыгрывание аббревиатур, словообразовательную игру.

Мама: - Ты у меня прирожденный повар. Вся в меня!

Мы понимаем, что еда невкусная. На основе увиденного и услышанного можно сделать вывод, что и мама, и Надя плохо готовят. Невербальные коды, при верном их считывании, способствуют правильному пониманию имплицита. Ирония (маркер имплицитного смысла) и выражение лица мамы (Ксения Раппопорт) помогают понять, что мы имеем дело с имплицитным смыслом.

2) 16:22 Тётя садится на диван, подпрыгивает, пробуя пружины.

Тётя: - Как я тут? У меня спина болит.

Надя: - А если хотите, можете на моей.

В данном случае мы имеем дело с намёком, имплицитно выражающим просьбу поменяться кроватями. Подпрыгивание на диване – ход для привлечения внимания. Однако предыдущие фразы заставляют нас задуматься о том, что, возможно, настоящей причиной нежелания спать на диване является страх спать на том месте, где спала преждевременно умершая сестра:

16:01 Тётя: - Мать где спала?

Надя: - На диване.

Тётя: — Вот прям здесь? А я думаю, что она болеет и болеет. Нельзя так по фэн-шую. Нельзя ж так....

3) 45:10 Володя: - Я кашу научился готовить.

Сева (удивлённо): - Чего?

Володя: - Кашу, Сев. Овсяную...с орешками...и мёдом. Она такое любит.

Сева наклоняется к Володе и нюхает его.

Володя: - Сев, ты-то меня знаешь! У меня такого никогда не было!

Эксплицит: не могу поверить, что это говоришь ты!

Невербальный имплицит - прецедентная форма поведения (наклониться к собеседнику, приносиваясь) означает: «Ты случайно не пьян? Такое ты мог сказать только в состоянии опьянения», хотя любой русофон понимает, что Леонов не пьян, и его тренер прекрасно это знает.

4) 46:01 Надя: - Сева говорит, у нас хорошие перспективы....

Тренер Шаталина: - Сева бы и Гитлеру в 45-ом хорошие перспективы нарисовал!

Пресуппозиция (общегуманитарная, поэтому легко угадывается смысл): В 1945 г. у Гитлера не было никаких перспектив, т. к. он проигрывал войну

Эксплицит: Сева всем обещает хорошие перспективы. Не стоит верить его обещаниям.

У вас не так уж и много перспектив. Надо тренироваться.

5) 58:40 Тётя: - Мужчина, Вы к нам?

Саша: - Ну, видимо, да. Блин!

Эвфемизм – ещё один маркер имплицитности. В данном случае мы имеем дело с имплицитной формой выражения досады.

При процессе аудирования студент пропускает через себя как призму услышанное, запускается когнитивный процесс, результат которого преломляется в данной «призме» через национальную культуру, нормы коммуникативного поведения, свойственные данному обществу, а также собственный опыт и индивидуальную культуру. Процесс понимания имплицитов является случаем, когда словарь не всегда может помочь (даже контекстный), а набор специфических кодов собственной лингвокультуры не достаточен для расшифровки кодов русской лингвокультуры. Наиболее высокую степень понимания демонстрировали студенты, лучше знакомые с русской культурой и, в частности, с коммуникативным поведением русофилов: уже побывавшие в России, имеющие русских друзей, выбравшие в качестве бакалаврской дипломной работы тему, связанную с русским языком или русской литературой.

Таким образом, для успешного освоения языка, наряду со знанием грамматических структур и лексических единиц, необходимо владеть основами социокультурного кода русской лингвокультуры, иметь представление о КБ её носителей (по меньшей мере, с его ядром), стремясь к тому, чтобы как можно больше его элементов стало частью ИКП инофона: чем шире зона пересечения когнитивных пространств говорящего и слушающего, тем адекватнее будет коммуникация. Роль преподавателя РКИ – правильно направить процесс обучения.

Список литературы:

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнов. М.: Наука, 1988. 341 с

Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь // Н.Д. Арутюнов. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 412-413

Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов. Собрание сочинений. Т. 6. / М.М. Бахтин. М.: Русские словари. Языки славянских культур, 2002. 800 с.

Бойцов И.А., Бойцова М.И. Импликатуры в обучении аудированию иностранных учащихся в аспекте межкультурной коммуникации (просьба) // Вестник: Современный русский язык: Функционирование и проблемы преподавания. № 24, Будапешт, 2010. С. 69-76

Бойцов, И. А., Бойцова, М. И. Импликатуры в обучении аудированию иностранных учащихся в аспекте межкультурной коммуникации. (отказ) // Педагогика и психология: тренды, проблемы, актуальные задачи, н. 9, Краснодар: Изд-во «Индивидуальный предприниматель Акелян Н. С.», 2015. С. 24-36

Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. Лекционный курс для студентов РКИ / Д.Б. Гудков. М.: Изд-во Московского Университета, 2000. 120 с.

Добровольская М.Г. Понимание имплицитных смыслов газетных и журнальных текстов в практике преподавания РКИ: диссертация ... кан. пед. н.: 13.00.02 / М.Г. Добровольская; Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. М., 2011. 174 с.

Зайченко С.С. Опыт изучения имплицитного содержания художественного кинодискурса // Межд. электронный журнал «Синергия Наук» [Электронный ресурс], номер 17 / СПб.: Изд-во Сиденко А.С., 2017. С. 1138-1144. – Режим доступа: <http://synergy-journal.ru/archive/article1269>.

Издательство: Сиденко Александр Сергеевич.

Кравченко Н.К. Пресуппозиция, импликация, импликатура, экспликатура: к проблеме разграничения терминов / Н.К. Кравченко // К.: Речь и культура. Вып. 15, т. 1., 2012. С. 225-231. - Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Mik_2012_15_1_43

Красных В.В. Когнитивная база vs. культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 1/ Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. 192 с.

Кронгауз М.А. Семантика / М.А. Кронгауз. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.

Куликова Л.В. Коммуникация. Стил. Интеркультура: прагмалингвистические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению: учебное пособие / Л.В. Куликова. Красноярск: СФУ, 2011. 268 с.

Макова М.Н. В мире людей. Выпуск 2. Аудирование. Говорение. Учебник / М.Н. Макова, О.А. Ускова. СПб.: Златоуст, 2016. 235 с.

Падучева Е. В. Выказывание и его соотношенность с действительностью / Е.В. Падучева. Изд. 6-ое, исправленное. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 296 с.

Пирогова Ю.К. Имплицитная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) // Проблемы прикладной лингвистики: сб. статей. М.: Азбуковник, 2001. С. 209-227

Шабес В.Я. Событие и текст / В. Я. Шабес. М.: Высш. шк., 1989. 175 с.

References:

Arutjunova N.D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt [Types of language values: Evaluation. Event. Fact] / N.D. Arutjunov. М.: Nauka, 1988. 341 p. (In Russian).

Arutjunova N.D. Rechevoj akt // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Speech act // Linguistic Encyclopedic Dictionary] / N.D. Arutjunov. М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1990. pp. 412-413 (In Russian).

Bahtin M.M. Rabochie zapisi 60-h – nachala 70-h godov. Sbranie sochinenij. T. 6. [Bakhtin M. M. Collected writings]. / M.M. Bahtin. М.: Russkie slovari. Jazyki slavjanskih kul'tur, 2002. 800 p. (In Russian).

Bojcov I.A. Bojcov M.I. Implikatury v obuchenii audirovaniju inostrannyh uchashhihsja v aspekte mezhkul'turnoj kommunikacii (pros'ba) [The implicit speech in the course of the Russian as a Foreign Language in the aspect of the international culture communication. («request»)] // Vestnik: Sovremennij russkij jazyk: Funkcionirovanie i problemy prepodavaniya. № 24, Budapesht, 2010. pp. 69-76 (In Russian).

Bojcov, I. A. Bojcov, M. I. Implikatury v obuchenii audirovaniju inostrannyh uchashhihsja v aspekte mezhkul'turnoj kommunikacii. (otkaz) [The implicit speech in the course of the Russian as a Foreign Language in the aspect of the international culture communication. («refusal»)] // Pedagogika i psihologija: trendy, problemy, aktual'nye zadachi, n. 9, Krasnodar: Izd-vo «Individual'nyj predprinimatel' Akeljan N. S.», 2015. pp. 24-36 (In Russian).

Dobrovol'skaja M.G. Ponimanie implicitnyh smyslov gazetnyh i zhurnal'nyh tekstov v praktike prepodavaniya RKI: dissertacija ... kan. ped. n. : 13.00.02 [Understanding the implicit meanings of newspaper and magazine texts in the practice of the Russian as a Foreign Language teaching] / M.G. Dobrovol'skaja; Gos. in-t rus. jaz. im. A.S. Pushkina. М., 2011. 174 p. (In Russian).

Gudkov D.B. Mezhkul'turnaja kommunikacija: problemy obuchenija. Lekcionnyj kurs dlja studentov RKI [Intercultural communication learning problems] / D.B. Gudkov. М.: Izd-vo Moskovskogo Universiteta, 2000. 120 p. (In Russian).

Kravchenko N.K. Presuppozicija, implikacija, implikatura, jeksplikatura: k probleme razgranichenija terminov [Presupposition, implication, implicature, explicature: to the problems of differentiating these notions] / N.K. Kravchenko // К.: Rech' i kul'tura. Vyp. 15, т. 1., 2012. pp. 225-231. - Rezhim dostupa: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Mik_2012_15_1_43 (In Russian).

Krasnyh V.V. Kognitivnaja baza vs. kul'turnoe prostranstvo v aspekte izuchenija jazykovej lichnosti (k voprosu o russkoj konceptsfere) [Cognitive Base vs Cultural Space in the Terms of the Studying if the

- Linguistic Persona]. // Jazyk, soznanie, komunikacija: Sb. statej. Vyp. 1/ Red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. M.: Filologija, 1997. 192 p. (In Russian).
- Krongauz M.A.* Semantika [Semantika] / M.A. Krongauz. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 2005. 352 p. (In Russian).
- Kulikova L.V.* Kommunikacija. Stil'. Interkul'tura: pragmalingvisticheskie i kul'turno-antropologicheskie podhody k mezhkul'turnomu obshheniju: uchebnoe posobie [Communication. Style. Interculture: pragmalinguistic and cultural-anthropological approaches to intercultural communication] / L.V. Kulikova. Krasnojarsk: SFU, 2011. 268 p. (In Russian).
- Makova M.N.* V mire ljudej. Vypusk 2. Audirovanie. Govorenie. Uchebnik [In the world of people. Issue 2. Listening. Speaking] / M.N. Makova, O.A. Uskova. SPb.: Zlatoust, 2016. 235 p. (In Russian).
- Paducheva E. V.* Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju [Statement and its correlation to the reality] / E.V. Paducheva. Izd. 6-oe, ispravlennoe. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 296 p. (In Russian).
- Pirogova Ju.K.* Implicitnaja informacija kak sredstvo kommunikativnogo vozdejstvija i manipulirovanija (na materiale reklamnyh i PR-soobshhenij) [Implicit information as a means of communicative influence and manipulation (on advertising and PR messages)] // Problemy prikladnoj lingvistiki: sb. statej. M.: Azbukovnik, 2001. pp. 209-227 (In Russian).
- Shabes V.Ja.* Sobytie i tekst [Event and Text] / V. Ja. Shabes. M. : Vyssh. shk., 1989. 175 p. (In Russian).
- Zajchenko S.S.* Opyt izuchenija implicitnogo sodержanija hudozhestvennogo kinodiskursa [To the Study of Implicit Meaning in Fiction Film Discourse] // Mezhd. jelektronnyj zhurnal «Sinergija Nauk» [Elektronnyj resurs], nomer 17 / SPb.: Izd-vo Sidenko A.S., 2017. pp. 1138-1144. – Rezhim dostupa: <http://synergy-journal.ru/archive/article1269>. Izdatel'stvo: Sidenko Aleksandr Sergeevich. (In Russian).

Стамбулиди Зинаида Анатольевна
Национальный университет Каподистрии
г. Афины (Греция)

Федотова Нина Леонидовна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург (Россия)

Stampoulidi Zinaida
National Kapodistrian University
Athens (Greece)

Fedotova Nina
St. Petersburg State University
St. Petersburg (Russia)

ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ ГРЕЧЕСКИХ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

PRINCIPLES OF DEVELOPING OF PROFESSIONALLY ORIENTED DIDACTIC MATERIALS FOR TEACHING RUSSIAN LANGUAGE TO GREEK STUDENTS- INTERPRETERS

В статье рассматриваются современные научные подходы к исследованию принципов обучения как базовой дидактической категории, как фундаментальных требований, которые предъявляются к процессу обучения иностранному языку. Анализируются и критически осмысляются классификации принципов. Цель статьи – отбор базовых принципов, которые должны стать основой для разработки профессионально ориентированных дидактических материалов, направленных на развитие лингво-профессиональной компетенции будущих гидов-переводчиков, изучающих русский язык в вузах Греции. На примере учебного пособия по русскому языку для греческих учащихся «Я – Ваш гид!» авторы доказывают, что принципы могут быть условно разделены на общедидактические, психологические, лингвистические и методические. Обосновывается необходимость создания национально-ориентированных учебных курсов, которые позволяют решить проблему взаимодействия языка и культуры на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ) в условиях неязыковой среды.

The article discusses modern scientific approaches to researching of the teaching principles as a basic didactic category, as fundamental requirements for the implementation of the process of foreign language training. Classifications of principles are analyzed and critically interpreted. The purpose of the article is to select the basic principles that should become the basis for the development of professionally oriented didactic materials aimed at developing the linguistic and professional competence of future guide-interpreters studying Russian in Greek universities. On the example of a textbook on the Russian language for Greek students “I am Your guide!” the authors prove that the principles can be divided into general didactic, psychological, linguistic and methodological. It is necessary to create nationally oriented course books that allow solving the problem of the interaction of language and culture in the classes of Russian as a foreign language (RCT) in a non-linguistic environment.

Ключевые слова: принципы обучения, профессионально ориентированные средства обучения, греческие учащиеся, студенты-переводчики, русский язык как иностранный (РКИ).

Key words: training principles, professionally oriented didactic materials, Greek students, students-interpreters, Russian as a foreign language (RFL).

В связи с глубокими изменениями, происходящими во многих странах мира, актуальной становится проблема профессиональной подготовки кадров для разных сфер

деятельности, повышения соответствия уровня обученности выпускников требованиям работодателя и общества.

Для достижения поставленной цели в практику обучения иностранному языку активно внедряется компетентностный подход, главной особенностью которого является ярко выраженный практикоориентированный характер, нацеленность на формирование академических и профессиональных компетенций, что должно обеспечить успешность интеграции индивида в общество, в систему социальных и профессиональных взаимодействий.

В то же время пересмотр целей, задач образования, внедрение компетентностного подхода в практику обучения РКИ в вузах Греции существенно затруднено по причине несоответствия учебных материалов обновлённым целям и содержанию образования. Большинство учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному, которые используются в процессе подготовки греческих студентов-переводчиков, были созданы в «докоммуникативный» период, что не позволяет применять эти средства обучения для формирования лингво-профессиональной компетенции как основной для будущих переводчиков. Кроме того, дидактические материалы не учитывают особенностей национальной аудитории и специфики будущей профессиональной деятельности учащихся.

В сложившейся ситуации остро встает проблема разработки учебных материалов, которые направлены на формирование профессиональных компетенций, учитывают особенности национального мировосприятия греков, а также являются эффективным средством подготовки учащихся к профессиональной деятельности. Следует добавить, что, несмотря на очевидную необходимость выявления принципов, позволяющих разрабатывать профессионально ориентированные дидактические материалы для будущих переводчиков, эта проблема изучена фрагментарно. Возникает противоречие между декларацией потребности в повышении качества и результативности подготовки специалистов в области перевода и отсутствием научно обоснованных принципов, которые могут способствовать оптимизации процесса обучения переводчиков иностранному языку.

Цель статьи – отбор принципов, которые могут быть положены в основу разработки профессионально ориентированных средств обучения будущих гидов-переводчиков русскому языку в условиях неязыковой среды.

Методы исследования: анализ научной литературы в области психологии, педагогики, психолингвистики, методики преподавания РКИ; анализ действующих программ, учебников и учебных пособий по РКИ; метод систематизации и анализа точек зрения на проблему отбора принципов профессионально ориентированного обучения.

В методике преподавания иностранных языков принципы обучения традиционно рассматриваются как «фундаментальные положения, которые отражают общие требования к организации учебного процесса. Принципы формулируются на основе научного анализа процесса обучения, соотносятся с его закономерностями, с целями и задачами образования, с уровнем развития педагогической науки, с возможностями существующей системы образования» [Сидоров, 2013]. По мнению И.Е. Брыксиной и О.В. Усачёвой, принцип, представляет собой «центральное понятие, основание системы, представляющее обобщение и распространение какого-либо положения на все явления той области, из которой данный принцип абстрагирован» [Брыксина, Усачева, 2011, с. 431]. Принцип должен «охватывать своим направляющим, регулирующим влиянием важнейшие элементы процесса обучения – его содержание, методы, организационные формы – и не сводиться ни к каким другим положениям, не заменяться ими» [Скаткин, 1982, с. 51].

Исследователи выделяют различные принципы обучения, что препятствует созданию единой универсальной таксономии принципов обучения. Применительно к обучению иностранным языкам выделяют общедидактические, психологические, лингвистические и методические принципы обучения.

Общедидактические принципы – «”переложения” закономерностей в систему требований к процессу обучения, обеспечивающих его эффективность и необходимых для реализации конструктивно-технической функции теории» [Сурыгин, 2000, с. 81]. К группе указанных принципов относятся, например, принцип научности, принцип сознательности, принцип наглядности, принцип систематичности, принцип воспитывающего обучения и др.

Психологические принципы имеют отношение к личности учащегося как субъекту обучения и к механизмам усвоения иностранного языка. В основе данных психологических принципов лежат «скорее, психологические факторы, связанные прежде всего с внутренним миром учащегося и подлежащие контролю с его стороны, нежели привычки, обусловленные воспитанием и окружающей средой, или физиологические факторы» [Розенберг, 2008, с. 69]. В группу психологических принципов исследователи включают принцип смены форм деятельности, принцип стадийности формирования навыков и умений и др.

При обучении РКИ нельзя не учитывать теоретические положения и экспериментальные данные лингвистики, поэтому важнейшими являются лингвистические принципы системности, комплексности, функциональности и др. [Юсупова, 2012, с. 312–313].

Методические принципы – требования, предъявляемые к организации деятельности учащегося по усвоению иностранного языка и деятельности преподавателя как

организатора процесса обучения. Учитывая специфику РКИ, в качестве основных методических принципов можно назвать принцип коммуникативности, принцип ситуативности, принцип сопоставления контактирующих культур, принцип учета современных технологий обучения РКИ и др.

Разумеется, совокупность принципов, которые должны быть учтены в процессе разработки профессионально ориентированных дидактических материалов, не ограничивается вышеперечисленными. Следует добавить, что отдельные принципы и группы принципов взаимосвязаны, взаимообусловлены. В своем взаимодействии они формируют базовые требования к образовательно-воспитательному процессу, обуславливают особенности его протекания, взаимодействие всех акторов этого процесса, а также разработку учебников, учебных пособий и иных дидактических материалов.

Значимые для профессионально ориентированного обучения группы принципов проиллюстрируем примерами из учебного пособия «Я – Ваш гид!», предназначенного для развития лингво-профессиональной компетенции студентов-переводчиков, изучающих русский язык в греческих вузах [Стамбулиди, Федотова, 2020].

Актуальность *принципа направленности на формирование самостоятельности, ответственного отношения к учебной деятельности* обусловлена тем фактом, что, согласно результатам проведенного нами анкетирования греческих учащихся, было установлено, что развитие учебной самостоятельности у греческих учащихся – одна из наиболее трудно решаемых проблем в процессе обучения РКИ [Стамбулиди, 2018].

Реализация данного принципа предполагает:

- развитие общеучебных умений (работа со словарем, поиск информации на русскоязычных сайтах и др.);
- использование творческих видов работы, позволяющих обучающимся проявлять самостоятельность и креативность (проектная деятельность, создание рекламных поликодовых текстов и др.);
- использование групповых форм работы, благодаря чему у обучающегося появляется чувство ответственности за результат коллективной деятельности (разработка профессиональных сайтов, буклетов и т. д.);
- овладение различными видами устного и письменного общения (ведение экскурсии, общение по электронной почте и т. д.).

Психологический *принцип смены форм деятельности* представляется важным в связи с выявленными особенностями национального поведения греческих студентов, которые быстро теряют интерес к изучению иностранного языка. Пособие по РКИ должно создавать условия для того, чтобы организовать работу по развитию умений в разных видах

речевой деятельности, менять виды деятельности в зависимости от психологического состояния и настроения учащихся, делая гибким управление учебным процессом.

С учетом специфики профессиональной деятельности гида-переводчика основным лингвистическим принципом является *принцип стилистической дифференциации*, который находит отражение в использовании языковых средств, характерных для различных функциональных стилей. Обучающимся предлагаются прототипические тексты, которые функционируют в сфере туризма, например,

Неповторимые природные богатства, живописные ландшафты, море с прозрачной и чистой водой, золотистые пляжи, древние памятники и достопримечательности, традиционные поселения и элитные туристические курорты – всё это настоящий рай для тех, кто приезжает на Кассандру – “палец” полуострова Халкидики. Взор туристов радуют прекрасные пляжи и зелёные горы. Кассандра, как и сама Греция, славится приятным средиземноморским климатом. С восточной стороны полуострова располагается залив Торонеос (Τορωναίο Κόλπο), а с западной – Термайкос (Θερμαϊκό Κόλπο). Не меньший интерес для туристов представляют и жилые зоны полуострова Кассандра. Где еще можно найти такие древние и таинственные часовни, храмы, монастырские хутора? Греция всегда славилась своей шикарной местной кухней.

По своим характеристикам приведенный текст сближается с рекламными текстами, направленными на продвижение туристических услуг. В нем представлены разнообразные средства выразительности. При работе с текстом студенты знакомятся с коммуникативными стратегиями и тактиками, спектром языковых средств, которые используются при оформлении русскоязычных рекламных текстов, что, в свою очередь, способствует развитию социолингвистической компетенции обучающихся.

Профессиональная деятельность гида неразрывно связана с устной коммуникацией, что обуславливает необходимость овладения средствами разговорного стиля. Именно поэтому в пособие по РКИ включены диалоги и полилоги, демонстрирующие типичные коммуникативные ситуации обиходно-бытовой сферы общения, в которых участвуют гид-переводчик и туристы:

Модель:

Т.: Такой безлюдный пляж... Даже не знаю, чем заняться...

Э.: Так ведь это хорошо! Тихо, спокойно, а места сколько... Давайте играть в бадминтон!

На основе диалогов и полилогов студенты строят собственные высказывания, усваивая таким образом речевые модели и образцы, которые впоследствии могут использоваться в реальной коммуникации.

Представлены в пособии и материалы, которые могут быть отнесены к научно-популярному подстилю, например,

Таверна – это квинтэссенция греческой демократии.

Греческие таверны делятся на три условных типа:

- *просто таверна, где вам подадут блюда, как мясные, так и рыбные, самый распространенный тип для городов;*
- *мясная таверна (иногда может называться “хасаптаверна”, особенно, если расположена рядом с мясной лавкой), характерный тип для горной Греции;*
- *рыбная таверна, называемая по-гречески “псаротаверна”, где можно отведать дары морей, естественно, чаще всего можно встретить в прибрежной зоне.*

Подобные материалы характеризуются высокой терминологичностью, что позволяет ознакомить обучающихся с профессиональной терминологией, лексическими единицами и устойчивыми выражениями, которые используются в профессиональной туристической сфере. В то же время отнести подобные публикации к научному стилю можно с определенной долей условности, поскольку тексты нацелены на информирование о научных фактах, явлениях в доступной, увлекательной форме, содержат языковые средства выразительности, отсутствующие в научных текстах. В процессе работы с такими текстами, во-первых, студенты усваивают профессионально значимую лексику, во-вторых, простота повествования способствует повышению мотивации обучающихся, в-третьих, содержание текстов отвечает учебно-профессиональным потребностям будущих гидов-переводчиков.

Принимая во внимание усиление роли и значения Интернет-ресурсов во всех аспектах человеческой деятельности, в том числе, и в сфере туризма, представляется необходимым знакомить будущих гидов-переводчиков с особенностями интернет-коммуникации (например, отзывы туристов), которая синтезирует формы и жанры устной и письменной речи, активно используется в процессе взаимодействия как отдельных индивидуумов, так и культурных моделей:

Мелкий дождик перешёл в нескончаемый ливень, холод, ветер, горы-горы, повороты, температура упала до + 13 градусов, туман такой, что ничего не видно, а туристы все в шортах и босоножках на голых ногах. В памятке туристу сказано не забыть солнцезащитный крем. Ага. Лучшие бы про свитера напомнили.

В горах у нашего автобуса пробило колесо. Мы находились в ужасном состоянии. Замёрзли, вымокли, разнервничались. Само плоскогорье никаких впечатлений не оставило. Вообще. Вернулись обратно, отогрелись в кафе горячим чаем с мёдом.

Особо следует упомянуть нашего экскурсионного гида. Эвридикой зовут. Хуже гида ещё поискать. С русским языком проблемы, слушать её не просто тяжело, непонятно.

Но когда поехали в Кносский дворец – археологический музей Ираклиона - не пожалели ни капли. И дождь, кстати, был, а впечатления самые благоприятные. Очень понравилось. И само место, и гид Андреас. Экскурсия была организована прекрасно! Общие впечатления: Ну что можно сказать... мягко говоря не повезло с погодой.

Такого рода тексты отличаются активным использованием разговорной лексики, зачастую содержат речевые ошибки, однако отражают характер живой разговорной речи; позволяют развивать коммуникативные умения, необходимые будущим гидам-переводчикам; подготовить их к устно-письменному общению с русскими туристами.

Принципу коммуникативности подчиняется организация материала пособия «Я – Ваш гид!», выбор форм и методов работы в аудитории и за ее пределами. При отборе учебного материала в полной мере учитываются следующие факторы:

– конкретные сферы общения и профессионального взаимодействия: материалы, взятые из жизни, отражают специфику профессиональной деятельности гида-переводчика, например,

Скажите, что Вы делаете, если Вам необходимо возразить туристу. Можете начать диалог так:

Однажды я не мог (ла) согласиться с мнением (требованием, предложением) туриста, что нужно ..., потому что ...

– специфика профессиональной деятельности (непредвиденные, неожиданные ситуации, без которых не обходится профессиональная деятельность гида-переводчика);

– конструирование системы профессиональной коммуникации: предлагаемые задания позволяют смоделировать взаимодействие между туристом и гидом, между гидом и группой, между гидом и потенциальным туристом, человеком, заинтересованным в приобретении туристического продукта через сайт, телефонный разговор, электронную почту и т. д., например,

***Работа в парах.* Выберите проблемную ситуацию. Составьте диалог экскурсовода и туриста. Используйте выражения из раздела «Как убедить туриста?». Ваша задача – решить проблему.**

Особую значимость в профессионально ориентированном обучении приобретают взаимосвязанные *принцип сопоставления контактирующих культур и принцип учета*

родного языка и культуры. В практике преподавания РКИ в Греции, как правило, используются учебники, в которых отражены особенности национальной русской культуры, однако национальная культура учащихся в них не представлена, что не обеспечивает оптимизацию процесса формирования межкультурной компетенции, установление коммуникативного взаимодействия между представителями различных лингвокультур на основе понимания своей и чужой культуры. Из-за однобокого представления культуроведческих сведений, ориентированных на создание образа России, студенты оказываются в ситуации невозможности применения полученных знаний на практике, отсутствия возможностей для подкрепления полученных знаний в профессиональной деятельности. Несмотря на представленность в учебнике текстов, освещающих специфику русской культурной модели, у иностранных студентов тем не менее «наблюдается слабое представление о России, русской культуре, традициях и образе жизни русского народа» [Ханджани, 2017, с. 126].

Как отмечает Х.-З. Сейед, «в распоряжении студента должны быть не только учебные пособия, рассказывающие по-русски о русской культуре, но и источники, в которых по-русски освещается его родная культура, что создает атмосферу доброжелательности между иностранцами и их русскими собеседниками не только через узнавание иностранцами русской культуры, но и через возможность для них рассказать русским о своей культуре» [Сейед, 2009, с. 92].

У греческих учащихся может сформироваться система представлений о России, однако, в силу отсутствия эмоционального отклика, появляющегося лишь в процессе диалога, понимания и интериоризации ценностей, универсальных для обеих культур, оказывается весьма затруднительным формирование межкультурной компетенции как стимула активизации коммуникативного взаимодействия.

Опора на принципы сопоставления контактирующих культур, учета родного языка и культуры, безусловна, необходима при создании пособий по РКИ для греческих учащихся. В учебном пособии «Я – Ваш гид!» представлены материалы, содержащие страноведческую информацию, и упражнения, направленные на формирование и развитие межкультурной компетенции. Цель таких упражнений – разрушение стереотипов, препятствующих позитивному восприятию образу России и русских. В пособии предусмотрены материалы, посвященные русской культуре, образу жизни России, но и задания, которые позволяют рассказать по-русски о греческой культуре, например,

Прочитайте текст. Объясните, как Вы понимаете поговорки, которые упоминаются в тексте. Приведите примеры русских и греческих поговорок.

Похожи?

Говорят, что греки – это весёлые русские, а русские – это грустные греки. Между нами, несмотря на то, что мы внешне “северные”, а они – “южные”, действительно немало сходства. Например, в наших языках существуют практически одинаковые поговорки. В греческом и русском есть поговорки «Смеется тот, кто смеется последним», «Кто не работает, тот не ест», «Поспешишь – людей насмешишь», «Хорошее начало – половина дела». А ещё русские с удовольствием цитируют древнегреческие крылатые фразы, которые продолжают жить и в современном греческом обществе: «Ящик Пандоры», «Авгиевы конюшни», «Ахиллесова пята», «Нить Ариадны», «Пиррова победа» и т.д. <https://cyrillitsa.ru/past/37423-kakie-narody-pokhozhi-na-russkikh-bolshe.html>

Содержание данного текста предполагает развитие умений сопоставления контактирующих культур. В процессе чтения студенты узнают о специфическом и универсальном, о том, что связывает и что отличает русскую и греческую культуры. Помимо текстов для чтения и аудиотекстов, принципу сопоставления культур отвечают парные и групповые формы работы, проектная деятельность, творческие задания профессиональной направленности (блоги, реклама туристических услуг и др.).

Принципы обучения представляют собой основу организации процесса преподавания иностранного языка. Именно они регулируют формирование ключевых академических, социальных и профессиональных компетенций. На сегодняшний день не существует единой, универсальной классификации принципов обучения. В наиболее общем виде принципы, которые должны быть учтены в профессионально ориентированных дидактических материалах, представлены общедидактическими, психологическими, лингвистическими и методическими принципами. Реализация указанных принципов достигается посредством отбора содержания учебного пособия, профессионально ориентированных заданий и упражнений, которые, с одной стороны, способствуют ознакомлению с особенностями русской культуры, с другой, вызывают живой отклик у греческих учащихся, мотивируя их к реальной коммуникации с носителями русского языка, созданию собственных письменных и устных дискурсов, предполагающих репрезентацию родной греческой культуры.

Список литературы:

- Брыксина И.Е., Усачева О.В.* Общедидактические и методические принципы обучения иностранным языкам в неязыковом вузе и условия их реализации // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 3-4 (025-026). С. 431–436.
- Розенберг О.Ф.* Психологические принципы личностно-ориентированного подхода // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 2 (33). С. 68–72.
- Сейед Х.-З.* О многоаспектности лингвокультурного компонента в преподавании РКИ // Мир русского слова. 2008. № 2. С. 91–97.

Сидоров С.В. Теоретическая педагогика. Электронное учебно-методическое пособие для бакалавров. (Направление подготовки 050100 – Педагогическое образование). ФГУП НТЦ "Информрегистр", 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://si-sv.com/Posobiya/teor-pedag/Tema_4.htm#Принципы_обучения

Скаткин М. Н. Дидактика средней школы: Некоторые проблемы современной дидактики. М.: Просвещение. 1982. 319 с.

Стамбулиди З.А. Особенности национального коммуникативного поведения греческих гидов-переводчиков // Мир русского слова. 2018. №3. С. 107–114. ISSN 1811–1629; DOI: **10.24411/1811-1629-2018-13005**.

Стамболева (Стамбулиди) З.А., Федотова Н. Л. Я – Ваш гид! Учебное пособие по русскому языку как иностранному для греческих учащихся – гидов-переводчиков (уровень В1). Ч. 1. СПб.: ЛЕМА, 2020. 98 с.

Сурьгин А.И. Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. СПб.: Златоуст, 2000. 233 с.

Ханджани Л. Обучение русскому языку в Иране // Беларусь – Иран – Россия: сотрудничество в области преподавания русского языка как иностранного: Материалы телемоста, 24 ноября 2016 г. / Редкол.: Т.Н. Мельникова (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГМУ, 2017. С. 122–128.

Юсупова З.Ф. Интеграция лингвистического и лингвокультурологического принципов в обучении русскому языку как неродному // Труды и материалы II Международного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире» (21–24 марта 2012 г.). М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. С. 312–313.

References:

Bryksina I.E., Usacheva O.V. Obshchedidakticheskie i metodicheskie printsipy obucheniya inostrannym yazykam v neyazykovom vuze i usloviya ikh realizatsii [General didactic and methodological principles of teaching of foreign languages in a non-linguistic university and the conditions for their implementation]// Sotsial'no-ehkonomicheskie yavleniya i protsessy. 2011. № 3-4 (025-026). P. 431–436. (In Russian).

Rozenberg O.F. Psikhologicheskie printsipy lichnostno-orientirovannogo podkhoda [Psychological principles of a personality-oriented approach]// Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2008. № 2 (33). P. 68–72. (In Russian).

Seied Kh.-Z. O mnogoaspektnosti lingvokul'turnogo komponenta v prepodavanii RKI [About the multidimensionality of the linguistic and cultural component in teaching of RLF] // Mir russkogo slova. 2008. № 2. P. 91–97. (In Russian).

Sidorov S.V. Teoreticheskaya pedagogika Ehlektronnoe uchebno-metodicheskoe posobie dlya bakalavrov [Theoretical pedagogy. Electronic educational-methodical manual for bachelors. (Direction of education 050100 - Pedagogical education).]. (Napravlenie podgotovki 050100 – Pedagogicheskoe obrazovanie). FGUP NTTs "Informregistr", 2020. [Ehlektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://si-sv.com/Posobiya/teor-pedag/Tema_4.htm#Printsipy_obucheniya (In Russian).

Skatkin M. N. Didaktika srednei shkoly: Nekotorye problemy sovremennoi didaktiki [School didactics: Some problems of modern didactics]. М.: Prosveshchenie. 1982. 319 p. (In Russian).

Stambulidi Z.A. Osobennosti natsional'nogo kommunikativnogo povedeniya grecheskikh gidov-perevodchikov [Features of the national communicative behavior of Greek guide-translators]// Mir russkogo slova. 2018. №3. P. 107–114. ISSN 1811–1629; DOI: 10.24411/1811-1629-2018-13005. (In Russian).

Stambleva (Stambulidi) Z.A., Fedotova N. L. Ya – Vash gid! Uchebnoe posobie po russkomu yazyku kak inostrannomu dlya grecheskikh uchashchikhsya – gidov-perevodchikov (uroven' V1) [I am your guide! Textbook on Russian as a foreign language for Greek students - guide-translators (level B1)]. Ch. 1. SPb.: LEMA, 2020. 98 p. (In Russian).

Surygin A.I. Osnovy teorii obucheniya na nerodnom dlya uchashchikhsya yazyke [Fundamentals of learning theory in a language that is not native to students]. SPb.: Zlatoust, 2000. 233 p. (In Russian).

Khandzhani L. Obuchenie russkomu yazyku v Irane [Russian language training in Iran] // Belarus' – Iran – Rossiya: sotrudnichestvo v oblasti prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: Materialy telemosta, 24 noyabrya 2016 g. / Redkol.: T.N. Mel'nikova (otv. red.) [i dr.]. Minsk: BGMU, 2017. P. 122–128. (In Russian).

Yusupova Z.F. Integratsiya lingvisticheskogo i lingvokul'turologicheskogo printsipov v obuchenii russkomu yazyku kak nerodnomu [Integration of linguistic and linguocultural principles in teaching

Russian as a second language]// Trudy i materialy II Mezhdunarodnogo simpoziuma «Slavyanskie yazyki i kul'tury v sovremennom mirE» (21–24 marta 2012 g.). M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2012. P. 312–313. (In Russian).

Харшиладзе Надежда Витальевна
Публичная школа № 2 имени И. Оцхели
г. Кутаиси (Грузия)

Цагареишвили Нодар Александрович
Государственный университет Акакия Церетели
г. Кутаиси (Грузия)

Kharshiladze Nadezhda
I. Ockheli Public Schoo #2
Kutaisi (Georgia)
Tsagareishvili Nodar
Akaki Tsereteli State University
Kutaisi (Georgia)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКТ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

USE OF COMPUTER TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы применения компьютерных технологий на занятиях по русскому языку. Использование новых информационных технологий в преподавании является одним из важнейших аспектов совершенствования и оптимизации учебного процесса, обогащения арсенала методических средств и приемов, позволяющих разнообразить формы работы и сделать занятие интересным и запоминающимся для учеников. В современных источниках ИКТ, понимаются как совокупность средств и методов преобразования данных для получения информации нового качества, которые представляют собой широкий спектр цифровых технологий — это компьютерное оборудование, программное обеспечение, электронная почта, сотовые и спутниковые технологии, сети беспроводной и кабельной связи, мультимедийные средства, а также Интернет. Современная образовательная парадигма, строящаяся на компьютерных средствах обучения, берет за основу не передачу ученикам готовых знаний, умений и навыков, а привитие обучающимся умений самообразования. Любой метод обучения обогащается за счет интеграции в него информационных технологий. Применение IT-технологий позволяет оптимизировать обучение иностранному языку, повысить мотивацию студентов и учеников, изучающих русский язык как иностранный, увеличить эффективность организации их самостоятельной работы, разнообразить формы и виды деятельности на занятиях.

The article is devoted to the current problem of the use of computer technologies in Russian language classes. The use of new information technologies in teaching is one of the most important aspects of improving and optimizing the educational process, enriching the arsenal of methodological means and techniques that allow to diversify forms of work and make the occupation interesting and memorable for pupils. In modern sources of ICT, are understood as a set of means and methods of data transformation for obtaining information of new quality, which are a wide range of digital technologies Application of -IT-technologies allows to optimize teaching of foreign language, increase motivation of students and pupils studying Russian as foreign language, increase efficiency of organization of their independent work, diversify forms and types of activities in classes.

Ключевые слова: информационные технологии, русский язык как иностранный, самостоятельная работа учеников, повышение мотивации, источники информации, инновационные методы преподавания русского языка как иностранного.

Key words: information technologies, Russian as foreign language, autonomous activity, motivation, sources of information, innovation methods in teaching Russian language.

В современном глобальном мире изучение и знание иностранных языков обрело совершенно новый статус. Сегодня очень сложно получить хорошее образование, построить карьеру и стать успешным человеком без знания иностранных языков.

Иностранные языки из учебной дисциплины превратился в базовый элемент успешного человека.

Несмотря на то, что в Грузии русский язык не является обязательным иностранным языком, интерес к нему достаточно высок, его выбирают из ряда многих других языков, и изучают с 5 класса. Ученики грузинских школ понимают, что качественное владение русским языком одно из важных условий для их будущего образования и развития, например, еще с ранних классов школьники сталкиваются с потребностью общаться со сверстниками во время игры во всемирной паутине.

Использование новых информационных технологий в преподавании является одним из важнейших аспектов совершенствования и оптимизации учебного процесса, обогащения арсенала методических средств и приемов, позволяющих разнообразить формы работы и сделать занятие интересным и запоминающимся для учеников. В современных источниках информационно-коммуникационные технологии, понимаются как совокупность средств и методов преобразования данных для получения информации нового качества, которые представляют собой широкий спектр цифровых технологий — это компьютерное оборудование, программное обеспечение, телефонные линии, сотовая связь, электронная почта, сотовые и спутниковые технологии, сети беспроводной и кабельной связи, мультимедийные средства, так и Интернет.

Каждый урок русского языка как иностранного должен быть направлен на достижение коммуникативной компетентности, т.е., определенного уровня языковых, страноведческих знаний, коммуникативных умений и речевых навыков, позволяющих осуществлять русскоязычное общение. Использование на уроках ИКТ, позволяет разнообразить процесс обучения, представить учебный материал более наглядным и доступным для восприятия учащимися. Любая схема, иллюстрация, анимация, звукозапись, используемые при организации учебного процесса, становятся не просто украшением урока, а делают его более содержательным. Использование ИКТ при изучении русского языка как иностранного способствует: развитию творческих возможностей и способностей учащихся; созданию условий для самообразования учеников в интересующих их областях знаний; повышению уровня использования наглядности на уроке; повышению производительности урока; установлению межпредметных связей; приобретению реального опыта межкультурного общения на русском языке; обогащению знаний учащихся об истории и культуре России; развитию умения ориентироваться в современной русскоязычной информационной среде. Используя информационные ресурсы сети Интернет, можно, интегрируя их в учебный процесс, более эффективно решать целый ряд дидактических задач, в частности, на уроке русского языка: а) формировать навыки и

умения чтения, непосредственно используя материалы сети разной степени сложности б) совершенствовать умения восприятия русской речи на слух на основе аутентичных звуковых текстов сети Интернет, а также подготовленных учителем текстов. в) совершенствовать умения монологического и диалогического высказывания на основе проблемного обсуждения, представленных учителем или кем-то из учащихся материалов сети; г) совершенствовать умения письменной речи, индивидуально, в письменной форме составляя ответы партнерам, участвуя в подготовке проектов, сочинений, других видов переписки в процессе совместной деятельности партнеров; д.) совершенствование лексико-грамматических навыков, путем тренировки при помощи программ, игр, тестов. Классические и интегрированные уроки в сопровождении мультимедийных презентаций, online-тестов и программных продуктов позволяют учащимся углубить знания, полученные ранее. Как показали исследования немецких ученых, человек запоминает только 10% того, что он читает, 20% того, что слышит, 30% того, что видит; 50-70% запоминается при участии в групповых дискуссиях, 80% - при самостоятельном обнаружении и формулировании проблем. И лишь когда обучающийся непосредственно участвует в реальной деятельности, в самостоятельной постановке проблем, выработке и принятии решения, формулировке выводов и прогнозов, он запоминает и усваивает материал на 90%.

На начальном этапе изучения русского языка очень важно правильно и грамотно научить произносить звуки. Именно фонетическая сторона владения языком влияет на правильные восприятия языковых единиц и формирования общей культуры речи. При правильном формировании фонетической стороны речи, ребенок будет не просто правильно произносить лексические единицы, но и с легкостью воспринимать на слух материал на русском языке, что является неотъемлемой частью грамотного овладения устной речью. При обучении фонетике можно использовать презентации с аудио и видео материалами, словарные статьи, озвученные носителями языка. Также очень важно учитывать возрастные особенности и уровень владения языком. При отработке звуков, можно использовать программы-тренажеры, которые ведут контроль за произношением слова, и ребенок не сможет перейти на новый этап, не произнеся предыдущие лексические единицы, верно.

Чтение — это неотъемлемая часть обучения языку. На данном этапе очень помогают гипертексты. Гипертекст – это возможность не только прочитать текст, но и более подробно изучить те явления, которые встречаются в тексте. На начальном этапе, можно использовать различные тренажеры с упражнениями типа «вставь пропущенную букву, найди одинаковую букву, раздели слова по правилам чтения и т.п.»

Используя ИКТ на уроках при отработке грамматических форм, дети гораздо быстрее усваивают полученную информацию, представленную в наглядной форме, чем просто с использованием схем и таблиц. Когда ребенок видит ситуацию, он ее проживает и оказывается в ней.

К наиболее часто используемым в учебном процессе средствам ИКТ можно отнести электронные учебники и пособия, которые демонстрируются с помощью компьютера и мультимедийного проектора, обращая особое внимание на то, что они, «в отличие от традиционных учебных материалов, обладают значительно большими дидактическими и методическими возможностями: более динамичны, виртуальны, сложно конструируемы, имеют больше возможностей по организации индивидуального обучения, организации обратной связи» [Виштак, 2006, с. 60]. Использование мультимедийной технологии в учебном процессе оказывает опосредованное информационное и эмоциональное воздействие на тех, кто получает знания.

К средствам ИКТ также относятся электронные энциклопедии и справочники, тренажеры и программы тестирования, образовательные ресурсы Интернета, с картинками и иллюстрациями, видео и аудио техника, научно-исследовательские работы и проекты. Таким образом, все средства ИКТ, применяемые в системе образования, можно условно разделить на аппаратные (компьютер, принтер, сканер, фотоаппарат, видеокамера, аудио- и видеомэгафон и др.) и программные (электронные учебники, тренажеры, тестовые среды, информационные сайты, поисковые системы Интернета и т.д.).

Прорыв в области ИКТ заставляет пересматривать вопросы организации информационного обеспечения познавательной деятельности. Программные средства ИКТ позволяют рассмотреть возможности использования информационных технологий в образовательной деятельности для поиска литературы, с применением браузеров типа Internet Explorer, Google, Mozilla Firefox и др., различных поисковых систем (Yandex.ru, Rambler, Mail, Yahoo т.д.) и работы с ними (реферирование, конспектирование, аннотирование, цитирование и т.д.); для работы с текстами, используя пакет основных прикладных программ Microsoft Office (Microsoft Word позволяет создавать и редактировать тексты с графическим оформлением; Microsoft Power Point — создавать слайды-презентации для более красочной демонстрации материала; Microsoft Office Publisher— создавать и изменять буклеты, брошюры и т.д.); Google.translator - для автоматического перевода текстов с помощью программ-переводчиков и электронных словарей (AbbyLingvo7.0); для хранения и накопления информации (CD-, DVD-диски, Flash-диски); для общения (Internet, e-mail, ICQ, Skype, Mail Agenta т.д.); для обработки и воспроизведения графики и звука проигрыватели Microsoft Media Player, WinA mp,

WinDVD, программы для просмотра изображений ACDSee, PhotoShop, CorelDraw, программы для создания схем, чертежей и графиков Visio) и др.

Перечисленные средства ИКТ создают благоприятные возможности на уроках русского языка для существенного пополнения списка тех материалов, которые преподаватель и ученик будут использовать для самостоятельной работы. Также посредством сети выстраивается и непосредственное взаимодействие между участниками процесса, что является основополагающим фактором организации обучения, соответствует среде общения как особому уровню компьютерной среды дидактической системы. Обучающиеся могут использовать компьютерные технологии, как для изучения отдельных тем, так и для самоконтроля полученных знаний. Причём компьютер является самым терпеливым педагогом, способным повторять любые задания, добиваясь правильного ответа и, в конечном счёте, автоматизировать отрабатываемый навык.

Более подробно остановимся на активно используемых в процессе обучения русскому языку как иностранному и переведенных в разряд средств обучения и воспитания технологиях, существующих на данный момент в киберпространстве. Речь идет о средствах синхронной коммуникации, под которыми понимаются Интернет-средства, позволяющие общаться в режиме реального времени (чат, видеочат и аудиочат), и средствах асинхронной коммуникации, дающие возможность обмениваться информацией с задержкой во времени (форумы, электронная и аудио почта, сайты, блоги...).

Примерами средств, предоставляющих возможность синхронного общения посредством чата и голосовой связи, являются Skype и Messenger.

Пользователи messenger и Skype имеют возможность установить мгновенную голосовую связь с абонентом, находящимся в любой точке земного шара при наличии у него данных программ (либо позвонить на обычный стационарный телефон) или общаться посредством письменного чата. Существует также возможность подключения и использования вебкамеры.

Можно создать свой список друзей и приглашать их в чат один-на-один или организовать конференцию, так называемый групповой чат. А можно, задав параметры искомого собеседника (возраст, пол, место жительства, родной язык, интересы и др.), найти друзей для общения в киберпространстве.

Данные чат платформы, используемые в педагогических целях, открывают новые возможности в преподавании русского языка как иностранного. Таким образом, используя чат и голосовую связь, можно проводить уроки-проекты с учениками из России или других стран; обсуждать темы с гостем-представителем; предлагать кардинально новые, нестандартные задания (например, для установки первого языкового контакта обучаемого

и носителя языка, задав параметры искомого собеседника, предложить, используя программу, найти собеседника (определяется в зависимости от целей преподавателя), узнать его имя, интересы, расскажите о себе и т.д.).

Функция архивации текста чата позволит по окончании общения проанализировать его (Чат) с точки зрения грамматики, лексики, пунктуации, стилистики, речевых ошибок и т.п. и на этой основе выстроить новые виды заданий.

Сегодня в практике преподавания русского языка как иностранного уже накоплен определенный опыт использования чатов в учебном процессе, поэтому уместно напомнить об основных видах педагогического чата: чат на свободную тему, основная задача которого — практика говорения, аудирования и письма на изучаемом языке; чат, направленный на решение определенной учебной задачи; чат-семинар или чат-презентация; чат, направленный на отработку какого-то определенного материала или действия, например, чат-интервью; оценочный чат, направленный на контроль и оценку степени усвоения того или иного материала.

Интеграция Skype и Messenger в учебный процесс позволяет более эффективно решать целый ряд дидактических задач на занятии: во-первых, формировать и совершенствовать навыки чтения, письма, говорения и аудирования; во-вторых, формировать и совершенствовать умения диалогического высказывания; в-третьих, пополнять, как активный, так и пассивный, словарный запас лексикой современного русского языка; в-четвертых, знакомить учеников с социокультурными реалиями русского языка (речевой этикет, особенности речевого поведения, особенности культуры, традиций страны); в-пятых, формировать у обучающихся устойчивую мотивацию русскоязычной деятельности.

Из средств асинхронной коммуникации рассмотрим блог, то есть страничку сайта, представленную в виде журнала-дневника, или календаря, в котором информация располагается в хронологической последовательности. Блог может обновляться ежедневно/ еженедельно/ ежемесячно. Правом размещения информации и редактирования блога обладает его создатель, посетители блога могут оставлять свои комментарии к статьям. В блоге можно также размещать фотографии, аудио-видео ссылки на другие сайты, Интернет-статьи и т.п.

В преподавании языковых дисциплин к наиболее используемым блогам можно отнести RealLanguage.Club, блог Юлии Мареевой, который поддерживается преподавателем, например <https://marjulia.livejournal.com/> и др.

Возможности информационно-коммуникационных технологий велики: для публикации и обмена информацией в данный процесс включены Веб- и файловый доступы,

блоги, Вики, социальные фото- и видеосервисы. А электронная почта, аудио- и видеоконференции, чаты, форумы, обсуждения используются как средства общения и источник получения информации.

Важным аспектом использования ИКТ на занятиях по русскому языку как иностранному является проектная деятельность. Мультимедийные презентации активно вошли в процесс обучения. Ученики, для сбора материалов для приготовления проектов активно используют Интернет. Одной из возможностей использования мультимедийных технологий на занятиях является подготовка и проведение интегрированных уроков. Урок русского языка можно провести в компьютерном классе, подготовив для этого мультимедийную презентацию с ярким видеорядом (иллюстрациями, видеоклипами, звуком). Такую презентацию преподаватель может подготовить сам или поручить создание презентации ученикам. Традиционно изучение темы или раздела заканчивается повторением, закреплением и обобщением. Все эти элементы можно объединить, предложив ученикам подытожить пройденную тему создав мультимедийный проект, вместо традиционного итогового тестирования. Создавая презентацию, ученикам предоставляется возможность систематизации приобретенных знаний и навыков, их практического применения и реализации интеллектуального потенциала и способностей. Ученикам важно почувствовать интерес к самостоятельной творческой работе, ощутить значимость результатов своей работы, а также собственную успешность.

Сочетание различных видов работы на уроке с использованием информационных технологий может решить проблему развития мотивации учащихся. Учителю при наличии новейших технических средств, легче осуществить личностно-ориентированный подход к обучению разноуровневых учащихся. Использование мультимедийных презентаций даёт возможность управления вниманием учащихся за счет эффектов анимации; усиление мотивации учения; систематизацию изученного материала; формирование компьютерной мультимедийной компетентности, как учителя, так и обучающегося. Обучение при помощи современных компьютерных технологий несёт в себе огромный мотивационный потенциал, позволяет делать занятия более эмоционально и информационно насыщенными. Однако следует помнить, что коммуникативные задачи на уроке в первую очередь необходимо решать посредством живого общения с учителем и одноклассниками на иностранном языке.

Подводя итог можно сказать, что, качество обучения русскому языку как иностранного напрямую зависит от того, насколько часто преподаватель использует вспомогательный материал, в роли которого выступает ИКТ, Интернет и мультимедийные

технологии. Их применение непременно делает учебный процесс более эффективным и познавательным.

Список литературы:

Виштак О.В. Некоторые аспекты конструктивных критериев учебных материалов // Вести. Московского университета. — Сер. 20. Педагогическое образование/ М.: 2006. с. 55-62.

References:

Vishtak O.V. Nekotorie aspekti konstruktivnih kriteriev uchebnih vaterialov // Vesti. Moskovskogo Universiteta. – Ser. 20. Ptdagogicheskogo obrazovaniya. M.: 2006. 55-62 p. (In Russian).

Шаронов Игорь Алексеевич
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва (Россия)

Sharonov Igor
Russian State University for Humanities
Moscow (Russia)

РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА

RUSSIAN SPEECH ETIQUETTE IN SPACE OF DIALOGUE

Повседневное общение чаще всего имеет форму разговора между двумя и более лицами. Структура разговора стереотипно включает компоненты этикетного характера: приветствия, прощания, благодарности, извинения и т. д. Учебное и лексикографическое описание речевого этикета (далее РЭ) выстраивается обычно на базе списков формул РЭ (см. Акишимна, Формановская 1983) – идиоматически застывших форм слов и словосочетаний. Анализируемые этикетные формулы в основном являются лишь отдельными компонентами формальной этикетной ситуации. Акцент только на одной реплике в традиционных описаниях не раскрывает до конца важные прагматические свойства этикетной ситуации, что может приводить к неточностям в переводе диалогического текста на другой язык. В статье поставлена проблема переосмысления объекта и структуры описания речевого этикета в связи с расширением его объема в сторону разных типов и форм коммуникативной ситуации. Развивается идея, что этикетную формулу правильнее описывать не отдельно, а в рамках коммуникативной ситуации, (микро)диалога, более композиционно сложной, двух-/трехкомпонентной структуры. Количество формул речевого этикета резко возрастает при введении в область речевого этикета неформальных (бытовых) коммуникативных ситуаций и социолингвистических критериев (степень знакомства, социальная иерархия и проч.) и дискурсивного компонента – формул ответного типа, передающих различные этикетно обусловленные стратегии. Рассмотрение использования стереотипных ответных реплик в коммуникативных ситуациях позволяет высвечивать и описывать новые грани русского этикетного поведения, его национально-культурную специфику.

Everyday communication has mostly the form of dialogue. The structure of dialogue includes etiquette components such as greetings, thanks, apologies and so on. Most of training and lexicographic description of Speech etiquette is based at the list of etiquette formulae (see Akishina, Formanovskaya 1983), that is fixed forms of words and word combinations. The description of separate formula cannot explain all its pragmatic peculiarities and sometimes can lead to mistakes in translation. It is stated in the article that the object and the structure of Speech etiquette theory should be modified under the processes of its expansion to the domain of different communicative situations. An etiquette formula is more adequate to be described in frames of communicative situation as a part of two- or three-component dialogue structure. The quantity of etiquette formulae grows extremely when we start to analyze informal and everyday communication and it's the sociolinguistic and discursive varieties. One of the most interesting points for analysis is the etiquette dialogical responses. The analysis of such replies highlights new facets of Russian etiquette behavior and the national peculiarities of it.

Ключевые слова: Коммуникативные ситуации, стратегии, речевого этикет, формулы речевого этикета, коммуникативы.

Key words: Communicative situations, strategies, Speech etiquette, etiquette formulae, communicatives.

Повседневное общение имеет форму разговора между двумя и более лицами. Структура разговора стереотипно включает компоненты этикетного характера: приветствия, прощания, благодарности, извинения и т. д., которые можно определить, как этикетные компоненты ситуации. Речевого этикет, как известно, – это система правил поведения в межличностном взаимодействии, служащая гармонизации такого взаимодействия на основе внешне выраженного взаимного уважения, приязни и

вежливости. Получившие наиболее широкое распространение теории вежливости и речевого этикета основываются на работах по языковой прагматике и дискурсивного анализа см. работы [Leech, 1983, 2015; Грайс, 1985; Brown, Levinson 1987 и др.]. Описание русского речевого этикета представлено в работах В.Е. Гольдина [Гольдин, 1983], Н.И. Формановской [Формановская, 1998, 2009 и др.] и других известных русистов. В последние десятилетия интерес лингвистов к проблемам вежливости в коммуникации значительно возрос и привел к расширению объекта исследования. В частности, стали изучаться случаи невежливого и конфликтного поведения, стереотипные стратегии и тактики, направленные в пользу или в ущерб сохранению гармоничной, вежливой коммуникации. Такая трансформация объема и структуры изучаемого объекта не может не приводить к поиску новых взглядов и методов описания языкового материала, имеющего отношение к речевому этикету, см. [Culpeper, Jonathan, 2011], [Leech, 2014].

Этикетные компоненты коммуникативной ситуации можно разделить на три подгруппы:

- 1) фатические (контактоподдерживающие реплики, содержательно пустые);
- 2) содержательные (этикетно оформленные информативные высказывания)
- 3) дискурсивные (реактивные реплики диалога, связанные с информацией анафорически).

К фатическим компонентам ситуации относятся приветствия, обращения, прощания, переспросы и некоторые другие. Они составляют так называемую «этикетную рамку» коммуникативной ситуации и до некоторой степени ритуальны, обязательны для выполнения участниками диалога.

Содержательные компоненты менее ритуальны. Их этикетный характер обусловлен вежливым оформлением содержательной части диалога. Например, когда мы просим, приглашаем собеседника, советуем ему, мы оформляем эти акты по правилам этикета (не всегда конвенциональным, полученным на основании воспитания и опыта).

Дискурсивные компоненты – ответные реплики, использование которых обусловлено типом иницирующей реплики, содержательного компонента коммуникативной ситуации. Данный тип этикетных компонентов ситуации не получил пока в описаниях русского речевого этикета серьезного внимания.

Учебное и лексикографическое описание речевого этикета (далее РЭ) выстраивается обычно на базе списков формул РЭ, см. [Акишина, Формановская, 1983] – идиоматически застывших форм слов и словосочетаний. Данные формулы рассматриваются как самодостаточные компоненты этикетной ситуации. Описания этикетных формул в

традиционных пособиях по речевому этикету не всегда раскрывают до конца их важных прагматических свойств как компонента диалога [Шаронов, 2019, Брагина, Шаронов, 2019].

Минимальная единица диалога, как известно, состоит из двух элементов – сцепленных друг с другом реплик обоих участников коммуникации, и этикетная ситуация также как минимум двухэлементна. Известно, что даже отсутствие реакции собеседника на этикетную реплику рассматривается в качестве особой, этикетно значимой формой ответа.

Дискурсивный компонент РЭ составляют этикетные формулы ответа на стимульное высказывание. Это, например, выражение благодарности и ответ на благодарность, выражение извинения и ответ на извинение и т. д. Такие формулы лишены конкретного информативного содержания, поскольку они связаны с этим содержанием анафорически, являясь дискурсивной привязкой к предшествующему, стимулировавшему их информативно наполненному высказыванию. Ответные этикетные формулы – важная часть функционального класса коммуникативов, см. [Шаронов 2015]. Основная функция коммуникативов не номинативная, а дискурсивная. Это речевые акты, грамматически аморфные, десемантизированные и служащие для выражения оценочной или эмотивной реакции говорящего лица на речь собеседника. Оцениваться высказывание собеседника может с точки зрения его истинности, важности, необычности, позитивности или негативности. Говорящий может использовать для это реплики типа: *Да уж, Ну нет, Ничего себе, Подумаешь, Кайф, Кошмар* и т. п.

Настоящая статья преследует две цели:

1) Продемонстрировать, что этикетную ситуацию правильнее описывать не через одну формулу, а как более композиционно сложную, двух-/ трехкомпонентную структуру, формирующуюся под влиянием различных этикетно обусловленных стратегий и тактик. Такой подход позволит выявить роль дискурсивного этикетного компонента в речевой ситуации, ввести в лингвистический обиход широкий и пока лишь частично описанный набор этикетных формул ответного типа (этикетных коммуникативов).

2) Скрупулезный анализ примеров стереотипного использования этикетных коммуникативов позволит расширить область описания русского этикетного поведения, его стратегий и тактик.

Коммуникативные ситуации с точки зрения речевого этикета необходимо разделять на формальные и неформальные (бытовые). Данный критерий определяет стратегии этикетного поведения и выбор языковых средств для их реализации. Мы проиллюстрируем данное утверждение демонстрацией использования разных стратегий в коммуникативной ситуации «Выражение благодарности». Стратегия ответа на благодарность выбирается говорящим на основе степени формальности коммуникации, степени знакомства

собеседников; их ролевого места в социальной иерархии по отношению друг к другу; объекта благодарности: помощь, услуга, подарок; оценки говорящим собственных усилий, отношений между собеседниками. Стереотипность той или иной стратегии подчеркивается регулярным использованием формул РЭ. Исследование материала может вестись как через анализ этикетных стратегий, так и в обратном направлении: с позиций описания использования этикетной формулы.

Стратегии ответа на благодарность.

При формальных отношениях между незнакомыми участниками коммуникации в качестве ответа на благодарность за помощь используется стандартная формула *Пожалуйста*. Такой ответ мы слышим в ситуациях покупатель – продавец, на улице между прохожими и т. п. При относительно близких отношениях такой ответ может показаться несколько холодноватым или указывающим на то, что говорящий оценивает свое действие как значительное. Исключением можно считать общение с детьми в целях воспитания.

Эта же формула иногда используется говорящим в конфликтной ситуации. Так, если собеседник выразит обиду на говорящего иронической «благодарностью» за действия, нанесшие ему ущерб, говорящий по правилам этикета должен использовать стратегии извинения, сожаления или сделать попытку оправдаться. Саркастическое же использование *Пожалуйста* в ответ на такое выражение обиды, недовольства указывает на выбор иной стратегии: нежелание извиниться, отсутствие сожаления, сигнал намеренности совершенного действия. Такая стратегия требует от говорящего либо объяснения своей позиции, либо немедленного разрыва коммуникации. Излишне говорить о национальной специфичности данной стратегии: очень во многих культурах использовать такую стратегию невозможно.

Неравенство социальных ролей также определяет выбор конкретной стратегии и связанной с ней формулы РЭ. Более высокий статус говорящего по сравнению с собеседником в ответ на благодарность последнего за помощь может мотивировать формульный ответ *Обращайтесь*, более низкий статус говорящего – *Всегда рады Вам помочь!*

При неформальном общении между знакомыми и друзьями частотна особая стратегия ответа на благодарность, которую можно определить как умаление своей роли и затраченных усилий. Она реализуется в формулах *Чепуха; Да ладно, Пустяки, Ерунда*. Стратегия ответа на чрезмерное и многословное выражение благодарности может быть еще более резкой. Говорящий будет пытаться остановить собеседника, используя формулы: *Да ну, перестань; Да ладно тебе; Да о чем ты (говоришь), свои же люди; Да брось ты; Ой, я тебя / вас умоляю!* Использование таких формул сопровождается обычно слегка

«отталкивающим» движением рукой. Такого рода «контрдействия» служат для сохранения социального равновесия между собеседниками, полезного для дальнейшего гармоничного, бесконфликтного общения.

Стратегии ухода от конфликта

С точки зрения сохранения гармоничного общения интересны этикетные стратегии ухода от возможности возникновения конфликтной ситуации. Одной из конфликтогенных ситуаций является непреднамеренное вторжение говорящего в личную зону собеседника, приводящее либо к лавированию, либо к негативной реакции последнего. Поскольку продолжение «опасной» темы чревато изменением в той или иной степени тональности разговора в худшую сторону, инициатор может принять решение как бы «зачеркнуть» тему беседы и начать новую. Такой прием «зачеркивания» микродиалога производится при помощи этикетных коммуникативов *Ладно, проехали; Ладно, забудем* и *Ладно, забыли*. Приведем несколько иллюстративных примеров рассматриваемой стратегии, собранных в Национальном корпусе русского языка.

— Вот не пойму я, сосед, почему ты все лето в отпуску. Может, по вредности? <...> Я поведал Вячеславу, что я литератор, <...> А чтобы он мне не завидовал, я, как водится, соврал ему, что гнуть слово не легче, чем железо. Вячеслав мне, естественно, не поверил. — **Ладно, проехали**, — сказал он. — Обходишься без работы, и молодец. Но как ты обходишься без бабы — вот вопрос. (О. Зайончковский. *Счастье возможно: роман нашего времени*).

— Что же ты не вышел на палубу? Ведь ты хотел видеть японского моториста? *Он сразу помрачнел*, но ничего не ответил. — **Ладно, забудем...** Я не затем... Есть одна любопытная задача... (С. В. Диковский. *Конец «Саго-Мару»*).

— Тебе что, имя было трудно написать?! — *Я вам не Достоевский! Откуда мне знать, что вы сразу все стрелки переведете на королеву?* — **Ладно, забыли...** Оба хороши: и ты и я! (А. Белянин. *Свирепый ландграф*)

Описание этикетной формулы НА ЗДОРОВЬЕ!

Среди этикетных формул встречаются единицы с дискурсивными ограничениями, нарушения которых приводят к прагматическим ошибкам и тем самым указывают на языковую нечуткость говорящего. Рассмотрим в качестве примера употребление формулы *На здоровье!*

В иностранной среде, даже среди русских эмигрантов укоренилось неверное использование реплики *На здоровье!* в качестве русского заздравного тоста, который иностранцы путают с традиционным русским тостом: *(За) Ваше здоровье!* См. пример такого неправильного использования:

Среди гостей я заметил Алекса, <...> мне припомнилась его способность находить в любой американской Тмутаракани очаровательные рестораны и пабы <...> Мы пожали друг другу руки и чокнулись.

— *Салют.*

— *На здоровье.* (Б. Левин. Иностранное тело).

В русском языке эта этикетная формула – редукция вежливых ответов на благодарность за угощение или подарок. *Кушайте / Пейте на здоровье!* – вежливый ответ на благодарность при принятии угощения. *Носите на здоровье* – ответ на благодарность за подаренную одежду, *Пользуйтесь на здоровье* – за подаренную вещь.

Опущение первого компонента в таких формулах, превращение ее в коммуникатив *На здоровье!* приводит к дискурсивной трансформации. Коммуникатив используют в ответ на благодарность за угощение, обед уже после трапезы.

Когда чашка и вазочка опустели, он благодушно откинулся на спинку стула и сказал: – Большое спасибо. – На здоровье, – ответила я. (Мартовский кот // «Истории из жизни», 2004).

— *Вкусно. Спасибо тебе. — На здоровье. Еще узвар... — Позже (В. Михальский. Храм Согласия).*

Стратегия использования *На здоровье!* может переходить в шуточный режим. При чрезмерности выражения благодарности за помощь говорящий, намеренно неправильно используя формулу *На здоровье*, будет пытаться снизить пафос собеседника (см. выше аналогичные стратегии сохранения социального равновесия). Приведем несколько иллюстративных примеров использования *На здоровье!* для остановки благодарящего собеседника:

— *Ей напишут, — пообещал генерал, <...> – Я сам напишу.*

Нефедов от этого еще сильнее смутился и ответил, кашлянув: – Спасибо...

— *На здоровье, – генерал поднял стопку. – И чего это мы с тобой раскаркались? Верней – я. Ничего не должно случиться (Г.Н. Владимов. Генерал и его армия).*

Еще одно ироническое употребление рассматриваемой формулы можно отметить в конфликтной ситуации, при выражении негативных эмоций. Общая структура коммуникативной ситуации, мотивирующая использование формулы, выглядит следующим образом:

1) Недовольный положением дел говорящий дает резко отрицательную оценку кого- /чего-л.

2) Собеседник иронически реагирует мнимой благодарностью, передаваемой этикетной формулой: *Спасибо (на добром слове)*, пытаясь тем самым снизить «градус» недовольства.

3) Говорящий использует коммуникатив *На здоровье!*, подыгрывая собеседнику. Тем самым он дает понять, что не готов изменить отношение к предмету речи (см. выше ироническое *Пожалуйста*).

Я им сразу сказала: «В этой голове студиться нечему. И без того сквозняк».

– *Спасибо на добром слове.*

– ***На здоровье.*** *Вертолет еще из-за этой сволочи гоняли!* (С. Данилюк. Бизнес-класс).

– *Вам уже за сорок. Талантливые мужики к этому времени успевают все сделать и помереть с сознанием состоявшейся жизни.*

– *Спасибо, – засмеялся Коршунов, – на добром слове.*

– ***На здоровье.*** (Г. Щербакова. Подробности мелких чувств).

Дальнейшая девиация иронического значения формулы привела к выражению безразличия говорящего, чаще с негативным оттенком, к намерениям или действиям собеседника или третьих лиц. Ср.:

*Но его дом требует ремонта, и поэтому мы с Василием Парамоновичем и Петенькой поживем пока у нас, если ты не возражаешь. – **На здоровье!** – сказал резко, чем собирался, а потом жалел.* (Б. Васильев. Дом, который построил Дед).

В статье поставлена проблема переосмысления объекта и структуры описания речевого этикета в связи с расширением его объема в сторону выявления всех этикетных компонентов коммуникативной ситуации. Выдвинута идея, что этикетную формулу правильнее описывать не отдельно, а в рамках коммуникативной ситуации, (микро)диалога, более композиционно сложной, двух-/ трехкомпонентной структуры. Количество формул речевого этикета резко возрастает при введении в область речевого этикета неформальных (бытовых) коммуникативных ситуаций и социолингвистических критериев (степень знакомства, социальная иерархия и проч.) и дискурсивного компонента – формул ответного типа, передающих различные этикетно обусловленные стратегии. Рассмотрение использования стереотипных ответных реплик в коммуникативных ситуациях позволяет высвечивать и описывать новые грани русского этикетного поведения, его национально-культурную специфику.

Список литературы:

Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М., 1983.

- Брагина Н.Г., Шаронов И.А.* Педагогическая агрессия в русской бытовой коммуникации. // *Russian Journal of Linguistics*. 2019 Vol. 23 No. 4, с. 975 – 994.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 16. – М., 1985. С. 220-234.
- Гольдин В.Е.* Речь и этикет. М., 1983,
- Кронгауз М.А.* Обращения как способ моделирования коммуникативного пространства // *Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке*. М., 1999, с. 124-134.
- Ратмайр Р.* Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М., 2003.
- Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты. М.: Рус. яз., 1982.
- Формановская Н.И.* Речевой этикет в русском общении. М., 2009.
- Шаронов И.А.* Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка. // *Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход*. / Под общ. ред. В.И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 145–187.
- Шаронов И.А.* Русский речевой этикет и коммуникативы // *Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля — 3 мая 2019 года)* [Электронный ресурс], с. 724-728.
- Brown P., Levinson S. C.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
- Culpeper, J.* (2011). Impoliteness. Using Language to Cause Offence. Cambridge University Press.
- Leech, G.* (1983). Principles of Pragmatics. London: Longman.
- Leech, G.* (2014). The Pragmatics of Politeness. Oxford University Press.

References:

- Akishina A.A., Formanovskaya N.I.* Russkii rechevoi ehtiket. М., 1983.
- Bragina N.G., Sharonov I.A.* Pedagogicheskaya agressiya v russkoi bytovoii kommunikatsii. // *Russian Journal of Linguistics*. 2019 Vol. 23 No. 4, s. 975 – 994.
- Brown P., Levinson S. C.* Politeness: Some universals in language usage. Cambridge, 1987.
- Culpeper, J.* (2011). Impoliteness. Using Language to Cause Offence. Cambridge University Press.
- Formanovskaya N.I.* Russkii rechevoi ehtiket: lingvisticheskii i metodologicheskii aspekty. М.: Rus. yaz., 1982.
- Formanovskaya N.I.* Rechevoi ehtiket v russkom obshchenii. М., 2009.
- Gol'din V.E.* Rech' i ehtiket. М., 1983,
- Grais G.P.* Logika i rechevoe obshchenie // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 16. – М., 1985. S. 220-234.
- Krongauz M.A.* Obrashcheniya kak sposob modelirovaniya kommunikativnogo prostranstva // *Logicheskii analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke*. М., 1999, s. 124-134.
- Leech, G.* (1983). Principles of Pragmatics. London: Longman.
- Leech, G.* (2014). The Pragmatics of Politeness. Oxford University Press.
- Ratmair R.* Pragmatika izvineniya: Sravnitel'noe issledovanie na materiale russkogo yazyka i russkoi kul'tury. М., 2003.
- Sharonov I.A.* Poisk i opisaniye kommunikativov na osnove natsional'nogo korpusa russkogo yazyka. // *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyi podkhod*. / Pod obshch. red. V.I. Sharonov I.A. Russkii rechevoi ehtiket i kommunikativy // *Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire: Materialy XIV Kongressa MAPRYAL (g. Nur-Sultan, Kazakhstan, 29 aprelya — 3 maya 2019 goda)* [Elektronnyi resurs], s. 724-728.
- Zabotkinoi. M.:* Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2015. S. 145–187.

Шоканова Рашида
Московский Педагогический Государственный Университет
г. Москва (Россия)

Shokanova Rashida
Moscow Pedagogical State University
Moscow (Russia)

**ЭФФЕКТИВЕН ЛИ УЧЕБНИК РКИ, СОЗДАННЫЙ ПО МОДУЛЬНОЙ
ТЕХНОЛОГИИ, ДЛЯ СТУДЕНТОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ
АУДИТОРИИ?**

**IS THE RCT TEXTBOOK CREATED USING MODULAR TECHNOLOGY FOR
STUDENTS OF HIGHER EDUCATION OF A NATIONAL AUDIENCE EFFECTIVE?**

Создание учебников по модульной технологии является сложным и ответственным делом, в котором необходимо хорошо знать и владеть теорией и практикой педагогических технологий, а также четко представлять концепцию будущего учебника. Одной из уникальных педагогических технологий в современной дидактике, является модульная технология как организация учебного процесса с учетом индивидуальных особенностей студентов, позволяющая создать оптимальные условия для реализации потенциальных возможностей каждого обучающегося. При модульном обучении знания формируются в условиях полного дидактического цикла, включающего цель, мотивацию на качественное усвоение, методы и формы учебно-познавательной деятельности, коррекцию, самооценку и оценку результатов усвоения знаний, умений и навыков, входящих в структуру модуля. Создание учебников, используя модульную технологию, априори является оригинальной, потому что цели, задачи, концепция, образовательная парадигма, логическая структура являются той фундаментальной базой, на которой прочно и основательно формируются дидактическая, методическая, содержательная, структурная, образовательная и др. составляющие учебника. Модульная технология, взятая за основу учебника, включает в себя дидактические и методические составляющие, в которой продуманы структура и содержание, актуальность и новизна, комфортность и эргономика. Учебник, основанный на методологической, теоретической и профессиональной основе модульной технологии, делает его фундаментальным, профессиональным, основательным, эффективным и, действительно, результативным. Учебник, активно разрабатываемый на основе последних достижений, вобрало в себя всё то прогрессивное, что было накоплено в педагогике, дидактике, методике, лингвопсихологии, теории управления познавательной деятельности, системном анализе, кибернетики, инженерии знаний и других наук как в теории, так и в практике этих дисциплин.

Creating textbooks on modular technology is a complex and responsible business, in which you need to know and master the theory and practice of pedagogical technologies, as well as clearly present the concept of a future textbook. One of the unique pedagogical technologies in modern didactics is modular technology as the organization of the educational process, taking into account the individual characteristics of students, which allows creating optimal conditions for realizing the potential capabilities of each student. With modular training, knowledge is formed under the conditions of a complete didactic cycle, which includes a goal, motivation for high-quality mastery, methods and forms of educational and cognitive activity, correction, self-esteem and assessment of the results of mastering knowledge, skills that are part of the module structure. The creation of textbooks using modular technology is a priori original because the goals, objectives, concept, educational paradigm, logical structure are the fundamental basis on which didactic, methodological, substantive, structural, educational and other components of the textbook are formed. The modular technology, taken as the basis of the textbook, includes didactic and methodological components, in which the structure and content, relevance and novelty, comfort and ergonomics are thought out. The textbook, based on the methodological, theoretical and professional basis of modular technology, makes it fundamental, professional, thorough, effective and, indeed, productive. The textbook, actively developed on the basis of recent achievements, has incorporated all the progressive that has been accumulated in pedagogy, didactics, methodology, linguo-psychology, theory of cognitive management, systems analysis, cybernetics, knowledge engineering and other sciences, both in theory and in practice these disciplines.

Ключевые слова: модульная технология, компетенция, креативность, результат, качество знаний, познавательная деятельность, профессиональная компетенция, системный анализ, инженерия знаний, дискурс, эргономика, алгоритм.

Key words: modular technology, competence, creativity, result, quality of knowledge, cognitive activity, professional competence, system analysis, knowledge engineering, discourse, ergonomics, algorithm.

Пути создания новых учебников и повышения эффективности обучения в системе высшей школы ищут педагоги, преподаватели, ученые, авторы всех стран мира. За последнее десятилетие отечественная наука значительно продвинулась в реализации проблем адаптивного обучения, сутью которой является разработка и внедрение новых педагогических технологий, создание учебников по этим же технологиям. По мнению международной Организации экономического сотрудничества и развития *OECD* Казахстан⁶¹, ориентирован на мировое

поликультурное образовательное пространство и казахстанская система образования является основой для экономической диверсификации страны. Этот процесс сопровождается существенными изменениями в теории и методологии педагогической, дидактической, методической науках и в практике учебного и научного процесса. В этих условиях педагогу, ученому, автору, преподавателю необходимо четко ориентироваться в широком спектре современных инновационных подходов по конструированию новых учебников, учебных пособий (в том числе и электронных). [Мынбаева, Садвакасова, 2010, с.5] Подготовка новых видов учебных материалов, изменение их функций и способов использования в образовательной практике является одной из составляющих модернизации образования. Оптимизация, интериоризация, цифровизация, технологизация учебного процесса требует создания инновационных учебных материалов:

- ✓ дидактических и методических составляющих;
- ✓ структуры и содержания;
- ✓ актуальности и новизны;
- ✓ комфортности и эргономики

В нашей стране результативность обучения, активно разрабатываемая на основе использования последних достижений, вобрало в себя всё то прогрессивное, что было накоплено в педагогике, дидактике, методике, лингвopsихологии, теории управления познавательной деятельности, системном анализе, кибернетики, инженерии знаний и других наук как в теории, так и в практике этих дисциплин. Учебники русского языка как иностранного, предназначенные для национальной аудитории имеют национально-

⁶¹ Согласно части 2 статьи 7 Конституции Республики Казахстан от 1995 года, русский язык традиционно выступает как второй язык или же (в зависимости от уровня образования и места жительства) первый иностранный язык для большинства населения республики, в первую очередь казахов

ориентированные особенности с той целью, что изучение языка без учета национально-культурных традиций, делает овладение языком менее эффективным. Использование учебников, созданных по модульной технологии:

- во-первых, значительно облегчает труд преподавателя как по подготовке, так и по проведению занятий;
- во-вторых, методика и дидактика учебников продуманы так, что студент вполне самостоятельно может заниматься и осваивать учебный материал;
- в-третьих, поднимает эффективность и результативность образовательного процесса, переносят обучение на качественно новый уровень.

1. Создание учебника способствует совершенствованию методической подготовки преподавателя, в том числе, повышению компетентности, основанной на профессиональном становлении личности современного конкурентоспособного специалиста, готового к полноценной профессиональной, управленческой, производственно-технологической, научно-методической, исследовательской деятельности.

2. Идея, создать учебник, используя модульную технологию, априори является оригинальной, потому что цели, задачи, концепция, образовательная парадигма, логическая структура, компетенция являются той фундаментальной базой, на которой прочно и основательно формируются дидактическая, методическая, содержательная, структурная, образовательная и др. составляющие учебника.

3. Решающее значение в методике образования имеет результат, значит, нужен учебник, который своей конечной целью формирует результат. «Каким надо создать учебник, чтобы обучение по нему было качественным?», «Как выполнить требования Государственного стандарта образования, «нестандартно» написав учебник?», «Как написать учебник с нетрадиционной методикой, но при этом получить фундаментальные знания?», «Как написать учебник, чтобы обучение по нему было эргономически, психологически и методически комфортно?», «Как написать учебник, чтобы изучая его, студент оказался в «стране чудес», т.е. в стране чудесно излагаемых знаний?», «Как надо продумать составляющие учебника: концепцию, структуру, содержание, методику, чтобы освоения материала было практически стопроцентным?» «Какая мотивация должна быть заложена в учебнике, чтобы студент с огромным интересом изучал его?» Учебник, основанный на методологической, теоретической и профессиональной основе модульной технологии, делает его фундаментальным, профессиональным, основательным, эффективным и, действительно, результативным.

4. Поиски ответов на вопросы привели практиков к созданию учебника по модульной педагогической технологии. Высшая школа часто, игнорируя личность студента, не даёт ему максимальных возможностей для развития и укрепления творческого потенциала, превращая студента в посредственность, стирая его индивидуальные особенности. Студент является индивидуальным образовательным продуктом с собственным личным жизненным опытом и потенциалом, возможностями и позициями, потребностями и мотивами, интересами и целями и т.д.

Научная новизна учебников заключается в том, что базированные на модульной технологии методологические и теоретические основы, имеют следующие положения:

- модульный принцип построения содержания и структуры учебника;
- доминирующая составляющая учебника, основанная на деятельностном подходе и направлена на становление сознания и личности в целом;
- универсальные структуры новых дидактических технологий учебника, нацелены на реализацию конкретных образовательных задач;
- описания коррекционных, диагностических компонентов, оценка учебных достижений (рейтинговая система) при использовании технологических учебников;
- модель учебников, с основными составляющими (текстовыми и предтекстовыми, послетекстовыми);
- оригинальные методики планирования учебного процесса на основе технологических учебников:
- нормирование количества теоретических и практических заданий в соответствии со структурой и содержанием изучаемых научных теорий учебников;
- распределение учебного времени, психологической и методической комфортности и эргономики внутри каждого учебного модуля;
- знания, полученные в ходе изучения учебников, дают основания для приобретения личностной значимости и являются условием для самореализации;
- педагогическая концепция учебников органически синтезирует в себе содержание обучения (педагогический дизайн), инновационные дидактические принципы (новые технологии), системное управление (совокупность действий, ведущих к образованию и совершенствованию взаимосвязей между частями) https://studref.com/304871/menedzhment/sistemnoe_upravlenie) инженерии знаний (изучает методы и средства извлечения представления структурирования и создание систем, которые предназначены для решения проблем с использованием знаний) <https://sites.google.com/site/upravlenieznaniami/inzeneria-znaniij>), алгоритмизацию (набор инструкций, описывающих порядок действий исполнителя для достижения

результата (<https://ktonanovenkogo.ru/voprosy-i-otvety/algorithm-chto-eh-to-takoe-vidy-algoritmov.html>),

дискурс (целостная совокупность функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка, находящаяся во взаимодействии с контекстом. «Дискурс = Текст + Контекст».

<https://gtmarket.ru/concepts/6987>);

• самоконтроль - это деятельность самого контролирующего, сознательная оценка результата собственной учебной деятельности;

- самокоррекция заключается в самостоятельном исправлении ошибок.
- развитие коммуникативной активности и информационной культуры;
- межпредметная взаимосвязь;
- соответствие возрастным особенностям студентов;
- стилистика и специфика внешнего оформления; отличие от других аналогов;

Новые дидактические технологии обучения в содержании учебников решают две актуальные педагогические задачи - развитие умственных способностей и формирование интереса к учебному предмету. Технологии оригинальны по форме, методикам применения и обработки результатов, но в то же время базируются на традиционном содержании учебного курса. В структуре дидактических технологий учебников заложена возможность непрерывного мониторинга качества обучения с помощью рейтинговой системы контроля, в которой учитывается вся активная деятельность студента. Применение рейтинговых систем позволяет реализовать принцип систематичности контроля знаний и умений и индивидуальный подход в процессе обучения. Таким образом, использование рейтинговой системы контроля знаний при обучении по технологическим учебникам стало возможным благодаря особенности используемых в учебнике технологий, состоящем в том, что все они имеют в своей основе оценочную компоненту.

Преимущества и достоинства модульной технологии обучения.

Технология модульного обучения создает надежную основу для индивидуальной и групповой самостоятельной работы студентов и приносит до 30% экономии учебного времени без ущерба для полноты и глубины изучаемого материала. Кроме того, достигается гибкость и мобильность в формировании знаний и умений обучающихся, развивается их творческое и критическое мышление. Преимущества и достоинства модульного обучения:

1. Цели обучения точно соотносятся с диагностикой, которая в свою очередь соответствует достигнутым результатам каждого студента.

2. Разработка модулей позволяет «просеять» и «отфильтровать» учебную информацию, включив необходимую и важную.

3. Информация представлена блоками, что позволяет уплотнить ее и рационально распределить по блокам.

4. Поэтапный контроль знаний и практических умений дает определенную гарантию эффективности обучения в модуле.

5. «Технологизированный» процесс обучения позволяет в меньшей степени сделать его зависимым от педагогического мастерства преподавателя. [Можейко, 2020, с.22]

6. Создание учебной обстановки и ситуаций для обеспечения высокого уровня мыслительной активизации на занятии. Модульное обучение основывается на главной своей теории - поэтапного формирования умственной деятельности, развития познавательной активности, умения логически рассуждать, обобщать пройденное, синтезировать и анализировать полученные знания, воспитывать в себе уважение к полученным знаниям, творчески подойти к процессу обучения, компетентно владеть образовательной ситуацией, относиться отрицательно к формальному получению знаний, разумно делать выводы, аргументировать свои доводы, познавать неизведанное, искать новые решения, оттачивать свои умения, заострять внимание на главном, выйти на главный результат- систему профессиональных знаний. Чем в большей степени учтены эти компоненты, тем более личностно ориентирован учебный процесс.

Модульное обучение позволяет практически решать все вышеперечисленные задачи, развить данные качества. Модульное обучение возникло как альтернатива традиционному обучению. В системе высшего образования использование технологий не столь широко задействовано как хотелось бы. Почему именно модульная технология? Сущность модульного обучения состоит в том, что студент самостоятельно достигает конкретных целей учебно-познавательной деятельности в процессе работы с модулем. Задачи преподавателя - мотивировать процесс обучения, осуществлять управление учебно-познавательной деятельностью студентов через модуль и непосредственно их консультировать. [Исламгулова, 2009, с.323]

Цель модульной технологии - повышение эффективности и результативности образовательного процесса. Итак, теоретические положения и практическое применение модульного обучения, планирование результатов обучения позволит поднять обучение на качественно новый уровень. Каждый вид учебных элементов призван активизировать определённые мыслительные механизмы: память, внимание, ощущение, восприятие, мышление, воображение, речь т.е. те критерии, из которых складывается познание, как процесс обеспечивающий приобретение и усвоение знаний. [Исламгулова, 2009, с.442]

Цель модульного обучения — содействие развитию самостоятельности студентов, их умению работать с учетом индивидуальных способов проработки учебного материала.

Модульное обучение базируется на деятельностном принципе: только тогда учебное содержание осознанно усваивается, когда оно становится предметом активных действий обучающегося, причем не эпизодических, а системных. Модульное обучение – гарантия успеха. Модульное обучение – повышение эффективности педагогического процесса.

Модульная технология как теоретическая база создания учебника.

Одной из уникальных педагогических технологий в современной дидактике, является модульная технология. Данная технология - это организация учебного процесса с учетом индивидуальных особенностей студентов, позволяющая создать оптимальные условия для реализации потенциальных возможностей каждого обучающегося. При модульном обучении знания формируются в условиях полного дидактического цикла, включающего цель, мотивацию на качественное усвоение, методы и формы учебно-познавательной деятельности, коррекцию, самооценку и оценку результатов усвоения знаний, умений и навыков, входящих в структуру модуля. При структурировании содержания учебной дисциплины по принципу учебных модулей необходимо, чтобы каждый модуль состоял из связанных между собой теоретических, эмпирических и практических компонентов содержания, каждый из которых выполнял бы самостоятельную функцию. Таким образом, модуль учебной дисциплины - это информационно-дидактический узел, в котором целое структурируется из частей и имеет целью целостного усвоения всего материала.

Личностно-ориентированная установка модульной технологии открывает широкие возможности для **индивидуализации** (от лат. *individuum* – неделимое, особь) обучения, что очень важно в высшей школе, где выпускники получают профессиональные компетенции. При подготовке студента по инновационному учебнику развивается интеллект, он приобретает высокий результат знаний, формируется компетентность; учебный материал развивает творческую одаренность и, во время чтения, студента часто озаряет инсайт. Учебники, написанные по модульной технологии, способствуют проектированию учебного процесса. Автор технологического учебника продумывает темы, какие блоки они будут составлять, механизмы подачи этих тем, т.е. дидактику и соответствующую методику. Модульная технология, опираясь на принципы дифференциации и индивидуализации обучения, способствует реализации личностно-ориентированных установок, предназначенные как для коллективного, так и индивидуального использования. Учебник особое внимание уделяет развитию индивидуальных способностей студента, формированию навыков самообразования, самостоятельности, самоменеджмента и других «само», определению индивидуального темпа учебной деятельности.

Теоретико-методологический принцип учебника, созданного по модульной технологии является одним из эффективных способов оптимизации обучения. Реализация в технологическом учебнике принципов модульного построения содержания и структуры приводит к его следующим особенностям:

- четкой структуризации содержания обучения, последовательному изложению теоретического материала в укрупненных модулях - параграфах и системах обучающих блоков;
- вариативности содержания обучения, адаптации учебного процесса к индивидуальным возможностям и запросам студентов;
- возможности выбора компонентов дидактической системы (модуля) для достижения конкретных педагогических целей;
- удачному сочетанию различных подходов к отбору содержания и организационных процедур восприятия, переработки и представлению этого содержания, выбору форм и методов обучения; вариативности методов и средств обучения. Поэтому модульные учебники – это инновационные методы обучения, которые несут в себе новые способы воздействия на мыслительную деятельность, это определенное новшество как в методике подачи учебного материала, так и новшество в процессе овладения учебным материалом,

Учебник, созданный по модульной технологии экономит время, создает оптимальные возможности быстро понять и освоить материал, обобщить пройденное и анализировать изученное, сформировать компетенцию.

Новый учебник предлагает разнообразные формы активной учебной деятельности, из которых преподаватель может конструировать модели занятий с учётом познавательных возможностей контингента студентов:

- все темы сразу рассматриваются как единый логический блок;
- подход к обучению языка опирается на индукцию, как вид умозаключения от частного к общему;
- последующая тема логически «вытекает» из предыдущей, что способствует комфортному пониманию изучаемого материала.

Именно модульная технология делает учебный процесс интересным, познавательным, нетрадиционным, результативным.

Моделью модульного технологического учебника является модуль - автономный информационный компонент изучаемой научной теории, представляющий собой полный дидактический цикл его освоения. Поэтому структура модуля включает: педагогическую цель, содержание, методы и формы учебной деятельности, формы её коррекции, средства самооценки учебных достижений. В основе построения лежит некая унифицированная

структура, обобщенная и независимая от предметной области модель, которую мы определяем как статическую, отражающую его структуру в готовом виде, в отличие от динамической модели, определяющей процедуру построения его компонентов. В ней в общем виде представлены её основные структурные компоненты, методики, а также отражена совокупность конкретных технологий обучения. Таким образом, для модели характерна универсализация принципов, построение общей структуры, процедуры формирования компонентов, благодаря чему данная модель применима для разработки технологического учебника по различным дисциплинам из любого научного цикла. Исходя из этого, можно определить динамическую (процессуальную) модель как набор частных моделей, программ, процедур, выполняющих роль унифицированного инструментария, с помощью которого можно разрабатывать учебники (в том числе электронные). Можно сказать, что модель - синтез педагогических, методических, технологических и информационных подходов, связанных с проектированием средств обучения. При проектировании модели доминирующими используются принципы:

- ✓ методологический (для отбора и структурирования содержания);
- ✓ онтологический (проявляющийся содержанию, которое отбирается в соответствии с Госстандартом);
- ✓ системный (который состоит в способности к саморазвитию посредством генерирования новых подструктур);
- ✓ структурной целостности (требующий органического единства элементов проектируемого комплекса);
- ✓ информативный (интегрирующая содержание учебного процесса, его методическую трансформацию, инновационные и современные дидактические требования);
- ✓ функциональный (требующий, чтобы проектируемая модель выполняла не только гносеологические функции, но и прикладные),

Основные блоки модели технологического учебника:

- 1) нормативная составляющая (госстандарты, учебные планы, учебные программы);
- 2) теоретическая составляющая - концентрированное изложение изучаемой теории в учебных параграфах;
- 3) методическая составляющая, представляющая собой аппарат усвоения теории при активном использовании форм деятельностного обучения;
- 4) технологическая составляющая - компьютерное приложение.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в разработке теоретико-методологических основ создания учебника в контексте современной парадигмы

и принципов модульного образования. В теории и методологии технологического учебника обоснованы следующие критерии:

- 1.модульный принцип;
- 2.изменение структуры учебника;
- 3.новизна содержания;
- 4.жесткий отбор теоретических и практических заданий;
- 5.совокупность критериев новизны;

Структура методической части новой модели учебников представлена двумя частями - теоретической и дидактической. В первой дается краткое изложение учебного материала - параграфы учебника, во второй -дидактические блоки, с помощью которых студенты изучают теорию, выполняют эксперименты, вникают, повторяют, изучают, закрепляют, контролируют и т. д. Теоретические положения методологически обоснованы и связаны с концептуальными позициями модернизации системы образования.

1.Включение в структуру профессиональной педагогической подготовки теоретических основ учебника, опирающихся на личностно-ориентированный подход, психологическую теорию деятельности, педагогические концепции, содействует решению задач модернизации и оптимизации образования. Одним из вариантов создания таких учебников может быть подход, при котором он структурируется из трёх основных составляющих: теоретическая часть (разделы, параграфы), методическая часть (обучающие блоки и инновационные технологии обучения), интерактивная часть (рабочая тетрадь). В учебниках для каждого параграфа разрабатывается своя система обучающих блоков. Учебники приобретает функции материализованного носителя содержания образования и организатора процесса активного усвоения этого содержания посредством дидактики образовательной технологии. В таких учебниках примерно 20% объёма занимает изложение учебной информации, а 80% - деятельностные технологии активного освоения этой информации. Учебники, созданный по технологии не вытесняется из учебного процесса, а органически дополняет его, создавая позитивный эмоциональный фон учебных занятий.

1.Основной материал учебника содержит параграфы, дополнительный материал выносится в комплекс сопровождающих дидактических блоков.

2.В новых учебниках используется диалоговый стиль общения со студентом: предлагается составить план к тексту, дан образец (алгоритм), выполнить задание по образцу, сделать упражнение, решить ребус, заполнить таблицу, дописать предложения, используя союзы и т.д. Учебники не навязывают студенту жёсткую программу действий, а предлагает различные виды учебной деятельности. Для развития интереса к предмету в

учебник включаются блоки с элементами игр и соревнований: конкурсы, кроссворды, эстафеты, дидактические игры, занимательные задания и др. 3. В новой модели учебника его методические функции существенно усилены, поскольку в учебнике приводятся современные технологии обучения, помогающие преподавателю организовать процесс обучения.

Дидактические технологии учебника обеспечивают педагогические условия для творческого применения, предлагаемых в учебнике способов работы над предметным содержанием.

Теория учебника рассматривается как звено управления учебным процессом и один из видов способов оптимизации обучения.

В настоящее время теория и практика создания учебников получили значительное развитие. [Рапацевич, 2005, с.345]

Современные учебники, созданные для разных профилей обучения, созданы по типовым учебным комплексам. Разрабатываются многочисленные национальные варианты учебников, у которых структура и содержание теоретически обоснованы. Теория учебников интегрирует педагогику, психологию, методику и других базовые лингводидактические дисциплины. Окончательный вывод о качестве учебника можно сделать лишь на основании резюмирования его апробации. Основным критерием оценки является его соответствие учебному плану и государственному образовательному стандарту. В методике преподавания РКИ была предложена классификация видов учебников в зависимости от содержания, структуры и метода обучения.

Методика нормирования теоретических и практических заданий. Состав методического аппарата технологического учебника является избыточным, он не точно определяет ту работу, которую должны выполнить студенты, а предоставляет возможность строить индивидуальные учебные траектории и последовательность учебных ситуаций. Для этого каждый параграф учебника снабжен избыточным количеством заданий, не все из которых могут быть использованы в учебном процессе. Это обеспечивает гибкость в планировании учебного процесса. Поэтому в теории технологического учебника приводится специальная методика нормирования количества упражнений для освоения определенного элемента теории, основанная на использовании количественных параметров. Методика даст возможность планировать более оптимально распределение упражнений по изучаемым элементам научной теории. Эта методика может быть определенным ориентиром в процессе оптимизации планирования учебного процесса.

Основной материал учебника содержит разделы и параграфы. Естественно, что стиль учебника – научный, но написан адаптировано для уровня и восприятия студентов 2 курса.

Эффективность учебников основана на следующих принципах:

принцип креативности. Креативность – это предпосылки творческой деятельности, позволяющие создавать нечто новое, ранее не известное, а также предварительный набор знаний и умений, необходимых для того, чтобы это новое создавать. [Рапацевич, 2005, 133] Принцип креативности раскрывает творческие возможности, стимулирует на создание принципиально новых идей, предоставляет возможность критически относиться к изученному, сравнивать материалы публикуемых авторов, делать анализ прочитанного и пр. [Рапацевич, 2005, с. 140] Учебник предоставляет возможность проявить свой талант и творческий потенциал, подразумевающий возможность реализации личностных качеств. В основу модульной интерпретации учебника и учебного пособия положен принцип системности, предполагающий:

- ✓ системность содержания, т.е. необходимое и достаточное знание тезауруса, наличие которого присутствует во всех темах;
- ✓ чередование познавательных и учебно-профессиональных частей модуля, обеспечивающие алгоритм формирования познавательно-профессиональных умений и навыков.
- ✓ системность контроля, логически завершающий каждый модуль, приводит к формированию способностей, обучаемых трансформировать приобретенные навыки в профессиональные умения, анализировать, классифицировать, систематизировать и прогнозировать.

- **принцип компетенции** – (от лат. *competere* добиваться, соответствовать, подходить). [Азимов, Щукин, 2018, с.147] Учебник, созданный по модульной технологии формирует совокупность знаний, навыков и умений в процессе обучения дисциплины РКИ, а также студент приобретает способность к выполнению какой-либо деятельности на основе приобретенных знаний, навыков и умений. Компетентный должен уметь понимать речь, иметь суждение о высказывании. Компетенция включает в себя три взаимосвязанные компетенции: лингвистическую, коммуникативную, профессиональную.

- **принцип гуманизма** в обучении отражается в формировании положительных мотивов учения, а многообразие используемых форм обучения позволяет апеллировать не только к интеллекту, но и чувствам обучаемых. В новой модели учебника его методические функции существенно усилены. Дидактические и методические

технологии обеспечивают педагогические условия для творческого применения предлагаемых в учебнике способов работы над предметным содержанием. Учебники, созданный по модульной технологии, способствует усилению мотивационного потенциала и гуманистической ориентации.

- **принцип самоподготовки и самопроверки.** С помощью этого принципа организуется самостоятельная работа студентов над учебным материалом (текстом). Освоение учебного текста - это тот фундамент, на котором может строиться вся дальнейшая учебная деятельность. Традиционно работа над учебными текстами сводится к прочтению, запоминанию, пересказу и ответам на вопросы. В новых учебниках предложен набор приёмов по аналитическому освоению текстов: превратить текст в таблицу, выделить главные мысли, сформулировать тезисы, подготовить аннотацию, выявить причинно-следственные связи, расположить фрагменты текста по порядку, построить логическую схему, вставить слова, записать ключевые слова, выявить проблему, собрать мозаику, прочитать быстро и без ошибок, соотнести текст и рисунок, заполнить кроссворд и т. д. Учебники, созданный по модульной технологии, способствует развитию интеллектуальных умений и информационной культуры, а также эффективному освоению предметного содержания с опорой на продуктивную самостоятельную деятельность студентов. Поэтому учебники предусматривают получение знаний методом самообразования (как вариант).

- **принцип систематизации** знаний проводится с помощью структурно-логических схем, таблиц, системы анализа-синтеза, матрицы знаний и др., которые помогают студентам составить последовательный рассказ о содержании и основных понятиях изученной учебной темы.

Преимущества и достоинства учебников, написанных по модульной технологии можно отметить следующие: легко читаются, хорошо запоминаются, ярко воспроизводятся в воображении, прочно остаются в сознании. Учебники, созданный по модульной технологии, имеют блочно-модульную структуру и блок соединяет в себе темы очень близкие по содержанию.

В учебниках, логическая структура образовательного материала систематизирована, тематизирована и спланирована, в конце каждого модуля имеется вывод. Неотъемлемым достоинством учебников, является ее приоритетная функция - **профессиональная подготовка студента**. Профессиональная готовность студента помогает молодому специалисту успешно выполнять свои обязанности, правильно использовать свои знания, опыт, сохранять самоконтроль и перестраиваться при появлении неприятствий. Компетентным качеством выпускника, является его профессиональная готовность, включающая в себя мотивационный, ориентационный, операционный, волевой, оценочный

компоненты. Достаточная развитость и выраженность этих компонентов – показатель высокого уровня профессиональной готовности выпускника вуза к труду.

Профессиональная готовность выпускника включает в себя высокое качество знаний, компетентность, эрудированность, креативность, логическую понятливость, сформированность навыков и умений и др.

Учебники, созданные по модульной технологии, также как и традиционные учебники, вносят огромный вклад по профессиональной подготовке выпускников вуза. У Данные учебники помимо информации содержит технологии для организации продуктивной познавательной деятельности обучаемых, существенно повышающий мотивацию и качество обучения. В новых учебниках реализована формула: содержание + дидактические технологии обучения + педагогический дизайн.

Практическая значимость практическая значимость учебников РКИ для студентов национальной аудитории заключается в положениях, выводах и модели исследования, которые могут играть роль теоретического фундамента для создания практических вариантов учебников по гуманитарным дисциплинам, включающих теоретические, дидактические и раздаточные материалы (рабочая тетрадь) и эффективно поддерживающих образовательный процесс высшей школы; учебники, созданные по модульной технологии, имеет структуру, соответствующую компонентам модели, разработанной в рамках теоретико-методологических основ.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются использованием методов, адекватных предмету, целям и задачам работы, репрезентативностью экспериментальных данных, использованием модульной технологии и апробацией результатов исследования в практике (учебном процессе).

Таким образом, в данной работе обобщена и развита теория учебников, созданных по модульной технологии, теоретические основы и первый практический вариант которого был апробирован. Затем теория была дополнена новыми компонентами - обоснованием механизма интеграции инновационной дидактики, системного анализа, алгоритмизации, учебного дискурса и других критериев в результате чего был создан учебный комплекс по модульной технологии. Итогом нашего исследования являются новые составляющие указанной теории, такие как: обоснование модульного принципа построения содержания и структуры, конкретизация общих подходов к конструированию общей модели учебника; разработке новых локальных дидактических технологий, включение в структуру учебника диагностической компоненты; критерии новизны учебников и способ её количественной оценки. Учебник, написанный по модульной технологии реально «работает» на результат – профессиональную подготовку выпускника.

Учиться по учебникам модульной технологии интересно, результативно, быстро и легко. Создание учебников по модульной технологии – это гарантированный результат качества знаний, которые определяют следующий результат – грамотность – образованность – культура – креативность – компетентность – менталитет – самостоятельность – профессионализм.

Список литературы:

Мынбаева А.К., Садвакасова З.М. «Инновационные методы обучения, или как интересно преподавать», Учебное пособие, - 4-изд, доп., Алматы, 2010, 344 с. – ISBN 9965-791-37-6

Андрей Нелужко, рубрика Experts2biz, /Развитие системы управления// статья «Что такое системное управление организацией и для чего оно необходимо?»//с.2, 24 марта, 2018г.// URL http://www.experts2biz.com/system_management_what_and_why/ (дата обращения: 28.04.2020).

Рубрика Основные определения, Жанр: Управление знаниями, статья «Инженерия знаний»// с.2, На русс.яз., URL <https://sites.google.com/site/upravlenieznaniami/inzeneria-znaniy>), (дата обращения: 08.03.2020).

Редько Перт, Рубрика Ktonanovenkogo, статья «Что такое алгоритм? Редько П., жанр: Алгоритмизация, с.3// На русс.яз, 03.032020, URL <https://ktonanovenkogo.ru/voprosy-i-otvety/algorithm-chto-eh-to-takoe-vidy-algoritmov.html> (дата обращения: 08.03.2020).

Авторы: М. А. Можейко. Г. Б. Гутнер, А. П. Огурцов. Т. Х. Керимов. Подготовка электронной публикации и общая редакция// Центр гуманитарных технологий. Ответственный редактор: А. В. Агеев.// Последняя редакция: 08.02.2020. Гуманитарный портал, Гуманитарная энциклопедия, Жанр: Дискурс, с.1, на русс.яз.// URL <https://gtmarket.ru/concepts/6987> (дата обращения: 05.04.2020).

Исламгулова С.К. Как технологизировать процесс обучения, Методическое пособие, -Алматы: ИПК ПКСО, 2009. – 156 с. / IUSBN 9965-414-87-4

Педагогика: Большая современная энциклопедия / Авт.-сост. Е. С. Рапацевич. – Минск: Современное слово, 2005. – 719 с. - Библиогр.: с. 715-718. – На рус. яз. - ISBN 985-443-481-8.8

Азимов, Эльхан Гейдарович, Анатолий Николаевич Щукин, Современный словарь методических терминов и понятий. (теория и практика обучения языкам). /Э.Г.Азимов, А.Н.Щукин - Москва: Русский язык, Курсы, 2018.- 496 с.- На русс. яз.- - ISBN 978-5-88337-701-2

Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю., Словарь по педагогике, (междисциплинарный) Москва - Ростов- на- Дону, издательский центр «МарТ», на русс.яз.2005. –

References:

Mynbaeva A.K., Sadvakasova Z.M. “Innovative teaching methods, or how interesting it is to teach”, Textbook, - 4th ed., Add., Almaty, 2010, 344 p.- ISBN 9965-791-37-6

Andrey Neluzhko, heading Expert2biz, / Development of a management system // article “What is a system management of an organization and what is it necessary for?” // p.2, March 24, 2018 // URL http://www.experts2biz.com/system_management_what_and_why/ // (Date of treatment: 04/28/2020).

Topic Main definitions, Genre: Knowledge Management, article “Knowledge Engineering” // p.2, In Russian, URL <https://sites.google.com/site/upravlenieznaniami/inzeneria-znaniy>), (date treatment: 03/08/2020).

Redko Perth, Rubric Ktonanovenkogo, article “What is an algorithm? Redko P., genre: Algorithmization, p. 3 // On Russian.yaz, 03.032020, URL <https://ktonanovenkogo.ru/voprosy-i-otvety/algorithm-chto-eh-to-takoe-vidy-algoritmov.html> (date treatment: 03/08/2020).

Authors: M. A. Mozheiko. G. B. Gutner, A. P. Ogurtsov. T.X. Karimov. Preparation of electronic publication and general edition // Center for Humanitarian Technologies. Responsible editor: A.V. Ageev. // Last edited: 02/08/2020. Humanitarian portal, Humanitarian encyclopedia, Genre: Discourse, p. 1, in Russian. // URL <https://gtmarket.ru/concepts/6987> (accessed date: 04/05/2020).

Islamgulova S.K. How to technologize the learning process, Toolkit, -Almaty: ИПК ПКСО, 2009. - 156 p. / IUSBN 9965-414-87-4

Pedagogy: Big modern encyclopedia / Auth. E. S. Rapatsevich. - Minsk: Modern Word, 2005 .-- 719 p. - Bibliography: p. 715-718. - In Russian. lang - ISBN 985-443-481-8.8

Azimov, Elkhan Heydarovich, Anatoly Nikolayevich Schukin, Modern dictionary of methodological terms and concepts. (theory and practice of language teaching). / E.G. Azimov, A.N. Shchukin - Moscow: Russian, Courses, 2018 .- 496 p. - In Russian. LANGUAGE - - ISBN 978-5-88337-701-2

Kodzhaspirova GM, Kodjaspirov A.Yu., Dictionary of Pedagogy, (interdisciplinary) Moscow - Rostov-on-Don, Mart Publishing Center, in Russian. 2005.

Шоканова Рашида
Московский Педагогический Государственный Университет
г. Москва (Россия)

Shokanova Rashida
Moscow Pedagogical State University
Moscow (Russia)

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ПО ОБУЧЕНИЮ РКИ СТУДЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF EDUCATIONAL TECHNOLOGY FOR TEACHING RCT STUDENTS TO A NATIONAL AUDIENCE

В данной статье раскрывается вопрос о модульной технологии, в которой изложены особенности проектирования учебного процесса по обучению РКИ для студентов национальной аудитории гуманитарного профиля. Данная технология, в своей основе, являясь модульной, опирается на элементы концепции «Технологии гарантированного обучения» В.М.Монахова и «Технологии коммуникативного иноязычного образования по обучению иностранным языкам» Е.И. Пассова, которые интегрировали и образовали новые механизмы обучения с изменением гуманистической парадигмы от «знаниецентрическую» парадигму образования на «культурно-сообразную». Для чего нужны инновационные педагогические технологии? Как известно, педагогическая система состоит из дидактической и методической составляющих. Таким образом, чтобы добиться результатов, **они должны быть запланированы**, такова суть инновационной педагогической технологии. Структурой теоретико-методологической основы интегрированной технологии, является модульность, которая опираясь на концепцию логики, компетенцию, мониторинг, лингвокультурологическую концепцию и пр., являются основными деталями интегрированной модульной технологии и проектируется в органическом единстве как целостная модель по достижению гарантированного результата. Выделены ее преимущества и недостатки в преподавании РКИ для национальных студентов.

This article raises the question of modular technology, which outlines the design features of the educational process for teaching RCT for students of a national humanitarian profile. This technology, in its core, being modular, is based on elements of the concept of “Technology of guaranteed learning” by V.M. Monakhov and “Technology of communicative foreign language education in teaching foreign languages” E.I. Passovs, who integrated and formed new learning mechanisms with a change in the humanistic paradigm from the “knowledge-centric” education paradigm to the “culturally consistent” one. Why do we need innovative pedagogical technologies? As you know, the pedagogical system consists of didactic and methodological components. Thus, in order to achieve results, they must be planned, this is the essence of innovative pedagogical technology. The structure of the theoretical and methodological basis of integrated technology is modularity, which, based on the concept of logic, competence, monitoring, linguoculturological concept, etc., are the main details of integrated modular technology and is designed in organic unity as an integral model to achieve a guaranteed result. Its advantages and disadvantages in teaching RCT for national students are highlighted.

Ключевые слова: РКИ для национальных студентов, педагогическая технология, технология гарантированного обучения В.М. Монахова, технологии коммуникативного иноязычного образования по обучению иностранным языкам Е.И. Пассова, диагностика, логика, коррекция, культурно-сообразная парадигма, лингвокультурологическая компетенция, технология полного освоения знаний, мониторинг.

Key words: RCT for national students, pedagogical technology, guaranteed learning technology V.M. Monakhova, technology of communicative foreign language education for teaching foreign languages E.I. Passova, diagnostics, logic, correction, culture-like paradigm, linguistic and cultural competence, technology for the full development of knowledge, monitoring.

Обучение любому языку имеет свои специфические особенности. Многое изменилось в отношении изучения и овладения языком, потому что в высшие учебные

заведения поступают намного сознательнее и в языковом отношении лучше подготовленные первокурсники, но проблема овладения русским языком остается, т.к. овладение языком и речью – это довольно длительный, сложный и целенаправленный психолингвистический процесс. Русский язык в Казахстане занимает достаточно крепкие позиции, он является официальным по Конституции и для представителей многих национальностей, проживающих в республике, языком межнационального общения. Таким образом, необходимо отметить, что русский язык продолжает играть важную роль в жизни республики, т.к. имеет статус официального, остается языком межнационального общения, продолжает выполнять важные социальные и гуманитарные функции. В республике русский язык пользуется огромной популярностью и авторитетом, предметом всеобщей заботы и внимания, поэтому многое изменилось в отношении изучения, популяризации и обогащения русским языком, но тем не менее, овладение русским языком остается еще проблемой и в нем нуждаются тысячи и тысячи людей. В рамках единого образовательного пространства ЕврАзЭС принят закон о чистоте русского языка; поддержке статуса русского языка, что создаст дополнительные стимулы для укрепления его позиций; намечены программы по созданию совместных учебников русского языка, особенно для среднего и высшего специального образования с русским и казахским языками обучения. Сегодняшняя ситуация диктует необходимость объективного, научного изучения языковых процессов и разработки системы мер по усвоению русского языка. [Вдовина, 2008, с.1]

Речь отдельного человека – один из показателей уровня его общей культуры, интеллекта и грамотности. Усваивая язык как общественно-знаковую систему, человек овладевает неразрывно связанными логическими формами и операциями мышления. Задача состоит в непрерывном совершенствовании методов овладения языком и речью. Процесс накопления знаний требует времени, а развитие речи – это не просто процесс накопления знаний. Это выражение этих знаний посредством своих мыслей через механизмы речи. Происходит сложный психологический процесс интериоризации (от лат. interior – внутренний, глубинный) переход извне вовнутрь; формирование внутренних структур человеческой психики посредством усвоения структур внешней социальной деятельности.

Как получить результат? Как сделать, чтобы обучение было качественным? Как, выполняя Государственный стандарт образования, «нестандартно» организовать образовательный процесс?», «Как построить занятие так, чтобы студенты оказались в «стране чудес», т.е. в стране чудесно преподаваемых знаний?», «Как учить, чтобы студент сам осознал необходимость в получении качественных знаний?». Поиски ответа на все эти вопросы, привели к попытке «технологизировать» учебный процесс, превратив обучение в

производственно-технологический процесс с заранее запрограммированными и гарантированными результатами. Чтобы выполнить все эти задачи необходимо применять педагогические технологии обучения. Исходя из сущности и главного предназначения образовательной технологии – научно обоснованное управление образовательным процессом - изучение любого языка по технологии является наиважнейшим процессом развития речемышления. Как известно, педагогическая система состоит из дидактической и методической составляющих, предназначенные для совершенствования учебного процесса и повышением его организации и качества учебного процесса. Результаты достигаются, если они **запланированы** и для этой цели необходимо «технологизировать» учебный процесс, т.е. применять технологии обучения. Процессы обучения и воспитания проектируются, а точнее, «технологизируются», то соответственно, технологизированный учебно-воспитательный процесс называется **«педагогической технологией»** (образовательной, обучающей, термины могут быть различные). Педагогическая технология, по определению ЮНЕСКО – это в общем смысле «системный метод создания, применения и определения всего процесса преподавания и усвоения знаний с учетом технических и человеческих ресурсов и их взаимодействия, ставящий своей задачей оптимизацию форм образования». [ЮНЕСКО и Верховенство Права]

В наш век цифровых и nano технологий в высшей школе образования активно внедрена одна из гуманистических систем организации учебно-воспитательного процесса модульная педагогическая технология по обучению РКИ в национальной аудитории, которая основывается на нескольких принципах, одна из которых - модульность. Понятие модульности приобретает методологический смысл в связи с этим модульная технология приобретает новые черты теоретической значимости. Принцип модульности является нейрофизиологической основой метода модульного обучения. [Юцавичене, 1989, с.94].

Новизной данной педагогической интеграционной технологии являются принципы интеграции системного анализа, алгоритмизации и модульности, рассматриваемые в целостности, в органическом единстве, опережающим изучением теоретического материала, согласованностью и завершенностью циклов познания. Составными частями модульной образовательной технологии является инженерия знаний – фактор сжатия, модульное обучение – фактор модульности, проблемное обучение – фактор проблемности, что соответственно формирует мобильность знания, гибкость метода, критичность мышления. Реализация индивидуального подхода в модульном обучении возможна в нескольких направлениях, когда студенты должны: **трансформировать, систематизировать, интегрировать, координировать, развивать, закреплять** информацию. Таким образом, преподаватель, выступая в роли менеджера (организатора,

мотиватора), используя системно-функциональный подход, который состоит из **конструктивных, ситуативных, диагностических, коррекционных и контролируемых** методов обучения, должен добиться результатов с помощью **самих же студентов**.

Основа теоретико-методологической базы интегрированной модульной технологии по обучению РКИ для национальных учащихся опирается на некоторые теоретические положения концепции технологии гарантированного обучения В.М.Монахова⁶². Гарантированное обучение – технология, формирующая компетентность и предусматривающая гарантированный результат. Технология гарантированного обучения, представляет собой модель совместной двусторонней педагогической деятельности преподавателя и учащегося по организации и осуществлению учебного процесса. Технология гарантированного обучения в деятельности преподавателя предусматривает два этапа: проектирование и реализация учебного процесса. Этап проектирования связан с конструированием технологической карты, которую автор называет «паспортом проекта будущего учебного процесса в данном классе». В технологической карте представлены целеполагание, диагностика, внеаудиторная самостоятельная работа (домашние задания), логическая структура проекта, коррекция. Он применяется при повторном объяснении после анализа диагностических тестов и выяснения какие именно знания не усвоены учащимися. Основной объект проектирования учебного процесса - учебная тема. Целеполагание предусматривает построение учителем в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта и учебной программы микроцелей изучаемой темы. Микроцель должна быть диагностируема, понятна ученику, так как в ней отражается система требований к его знаниям и умениям (что ученик должен знать, уметь, понимать, иметь представления и т.д.). [Монахов, с.36]. Технология модульного обучения, являясь интегрированной моделью, предусматривает тематическое планирование, представляет цель, диагностику, коррекцию, формирование лингвокультурологической компетенции и построение технологии в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта (ГОСТа) и учебной программой. Технология предусматривает гарантированное обучение, комфорт преподавателя и студента. Основа теоретико-методологической базы интегрированной модульной технологии по обучению РКИ для национальных учащихся также, частично, опирается на некоторые

⁶² В.М.Монахов, Вадим Макариевич, член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, автор 11 педагогических технологий, построенных по принципу рекурсии.

теоретические концепции технологии коммуникативного иноязычного образования по обучению иностранным языкам Е.И. Пассова⁶³, по мнению которого необходимо:

1.перейти на обучение иностранному языку в другое измерение, именуемое «иноязычное образование», которое имеет четыре аспекта: познание, развитие, воспитание, обучение.

2.перейти с технократического подхода на диалогический антропоцентризм, который ставит целью духовность человека, проявляющуюся не в наборе компетенций, а в умении вести гуманистически обусловленный диалог культур.

3.сделать содержанием иноязычного образования «иноязычную культуру» как особую интегративную духовную субстанцию, овладение которой вносит свою лепту в становление индивидуальности ученика как субъекта диалога культур.

4.сменить знаниецентрическую парадигму образования на культурно-сообразную, что требует нацеленность на диалог культур. Поэтому используемая стратегия «язык плюс культура» заменяется на другую «культура через язык, язык через культуру». [Пассов, Кузовлева, 2010, с.9] Модульная интегрированная технология, опираясь на концепцию иноязычного образования переосмысливает принцип, беря за основу коммуникативное обучение речи и определяя стадии формирования лексических, грамматических произносительных навыков и уровни развития речи, разработала трехуровневую модель овладения речью – от формирования речевых навыков к совершенствованию и развитию речевого умения. Технология предложила отбор речевого материала путем моделирования системы речевых средств и культуры страны изучаемого языка. Новый подход позволяет сформировать речевой образец, моделируя реальные формы общения. Преподавание РКИ для национальных студентов при обозначении предмета и иноязычного образования использует термин «иноязычная культура». **Культуросообразная парадигма**, (от греч. *paradeigma* –пример, образец). на принципах которой построена технология по изучению русского языка как иностранного. Данная парадигма рассматривает изучение не только языка, но и культуры изучаемого языка. Рассматривает способность понимать культурно-национальную специфику носителей языка, выраженную в культурной семантике языковых знаков и коммуникативных умений. [Азимов, Щукин, 2018, с.152]

Логика (от греч. *logike*). Смежная для методики обучения иностранными языками наука о способах доказательств и опровержений. Применение законов логики в процессе познания обеспечивает приближение к овладению истиной и учитываются в теоретических

⁶³ Пассов Ефим Израилевич – доктор педагогических наук, профессор, специалист в области методики иноязычного образования, заслуженный деятель науки РФ, руководитель Российского центра иноязычного образования.

изысканиях процесса обучения иностранному языку. [Азимов, Щукин, 2018, с.155] Теоретико-методологическая основа интегрированной модульной технологии сохраняет логику учебного предмета, которая способствует наличию базовых и вариативных модулей, а также соответствующих компонентов в структуре каждого отдельного модуля. Логика учебного процесса, являясь закономерностью технологии в обучении русскому языку как иностранному, состоит в формировании логического мышления как фактора развития мыслительных операций средствами языка.

Креативность - (анг.create- создавать, creative- созидательный, творческий), выступающая одним из элементов модульной технологии как любого творческого процесса, который может проявляться в мышлении, чувствах, общении, запоминании и пр. Креативность – как высокий уровень творческой одаренности, готов к созданию и воспроизведению новых идей, способен генерировать множество разнообразных оригинальных мыслей, нетрадиционных, нестандартных задумок, способен оперативному запоминанию и качественному воспроизведению языка как в процессе, так и после обучения. Задачей интегрированной модульной технологии является предоставление возможностей всем учащимся проявлять свои таланты и творческий потенциал, подразумевающий возможность реализации личностных качеств. [Азимов, Щукин, 2018, с.140]. Поскольку технология предусматривает развитие у студента творческих мыслительных операций, то активно используются различные формы и методы развивающие креативность: тренинги, репродуктивно-креативный метод обучения, материалы, содержащие задания по развитию креативности. [Щукин, 2003, с. 289]. Изучение удивительного по лексическому богатству и грамматическому разнообразию русского языка, дает основание для развития креативного мышления, в которых порождаются оригинальные идеи, нестандартные решения ситуаций, формулирование неординарных ответов, воспроизведение редкого творческого мастерства. Креативная деятельность как составная часть технологии, часто способствует порождению инсайта- (от лат. insight -постижение, озарение) – педагогической импровизации, внезапному, логически выводимому пониманию сущности явления, ситуации в целом.

Модульность (от лат. modulus мера)- это свойство системы на внутренне связанные между собой модули; принцип, согласно которому логически связанные между собой звенья (блоки) группируются в отдельные файлы (модули). [Чошанов, 2011, с. 48] Сущность модульной технологии состоит в том, что учебное содержание и технология объединены в одну целую специфическую организацию учебного процесса, представляющая собой полный цикл познания, построенный на логике процесса усвоения

знаний с заранее запрограммированным результатом, образующий качественную систему знаний и формирующая лингвокультурологическую компетентность.

Интеграционная модульная технология обучения преследует цель формирование у студента навыка осознанного самообразования, где студент самостоятельно достигает конкретных целей учебно-познавательной деятельности, правильно организуя самоменеджмент. Модульная образовательная технология преподавания русского языка как иностранного в национальной аудитории базируется на следующих общих принципах:

- технология – научно обоснованное управление образовательным процессом;
- разработана под конкретный педагогический проект: (блок), тему, курс, раздел и отражает определенную методологическую и философскую позицию автора-разработчика;
- предусматривается взаимосвязанная деятельность преподавателя и студента с учетом принципов индивидуализации и дифференциации, т.е. личностно – ориентированный подход;
- технология должна быть воспроизводимой и гарантирует достижение результата планируемых ГОСТом и Концепцией языковой политики;
- мониторинг в технологии- отслеживание результатов, постоянное наблюдение за всем учебным процессом с целью выявления его соответствия желаемому результату; организационная система отслеживания результатов;
- органической частью технологии являются: цель, входной тест; организация обучения; диагностические процедуры-1; коррекция; диагностические процедуры-2; самостоятельная работа; компетенция (результат)
- образовательная технология ориентируется на гарантированное достижение целей и идею полного усвоения заданного материала;

Благодаря современному системному анализу, определена последовательность действий по установлению различных структурных связей строения модуля. Студенту, как субъекту учебной деятельности, сама организация процесса обучения, предоставляет неограниченные возможности самообразования и самообучения. Активный и интенсивный характер интегрированной модульной технологии требует оптимизации процесса обучения, т.е. достижения наилучшего результата с наименьшими затратами сил, времени и средств.

Реализация индивидуального подхода в модульном обучении возможна в нескольких направлениях:

Первое направление - поуровневая дифференциация обучения. Содержание обучения может быть представлено тремя уровнями сложности - **А, В** и **С**. Уровень **А** соответствует минимальному уровню усвоения учебного содержания, рассчитан на студента с низкой обучаемостью и уровнем учебных умений, имеющего пробелы в знании пройденного материала. Уровень **В** для студентов, которые при относительно невысокой обучаемости достигают хороших результатов в обучении, компенсируя недостаточное развитие способностей к отдельным мыслительным операциям прилежанием, организованностью, использованием рациональных приёмов в учении. Уровень **С** представляет собой углублённый вариант содержания материала, который рассчитан на студента с высокой обучаемостью, положительным отношением к учению и высоким уровнем самоорганизации.

Концепция полного усвоения знаний (от лат. *conception*- система взглядов) построенная на процессе такого психического отражения как познание, обеспечивающее приобретение и максимально полное усвоение знаний⁶⁴. Для полного усвоения материала необходимо разработать критерии, которые включают в себя планируемые результаты, где учащийся должен продемонстрировать усвоение темы. [Кларин, 1989, с.16] Весь учебный материал разбивается на отдельные учебные единицы (модули), которые имеют содержательную целостность и невелики по объёму. Психологическое значение таково, что студент постоянно должен держать в поле своей деятельности планируемый и конечный результат и все свои действия направлять на достижение этого результата. В случае удачи студента ждет поощрение, основным из которых является самое успешное - продвижение к намеченной цели. К каждой учебной единице разрабатывается диагностический материал (тесты, контрольные вопросы, контрольная работа, лексико-грамматические задания и пр.) и коррекционный дидактический материал, основная цель которых оценивание уровня знаний. Целью данной концепции является обеспечение на занятиях по языку индивидуализации обучения, способствующий становлению духовности и овладению иноязычной культуры [Азимов, Щукин, 2018, с.137].

Лингвокультурологическая компетенция (от лат. *competere* добиваться, соответствовать, подходить) –совокупность знаний, навыков, умений, формируемых в процессе обучения. [Пассов, Кузовлева, 2010, с.128]

⁶⁴ Авторами технологии полного усвоения являются американские психологи Дж.Кэрролл, Б.Блум и их последователи. В России теоретическое обоснование этой технологии изложена в работах М.В.Кларина

Компетентность – это готовность и способность студента целесообразно действовать в соответствии с требованиями дела, методически организованно и самостоятельно решать задачи и проблемы, а также оценивать результаты своей деятельности.[Сергеев, 2010, с.9] В лингвокультурологическую компетенцию входят знания о культуре и языке, понимание языковой картины мира, осознание национально-культурного компонента языковых единиц, владение языком как хранилищем культуры «креативности, высокого качества знаний и самоуправления человека как важнейшего ресурса экономического и социального развития общества» и коммуникативных умений. Проверка на компетентность проходит на последнем этапе каждого занятия и курса. Лингвокультурологическая компетентность является результатом профессионального образования. Формирование лингвокультурологической компетенции происходит на протяжении всей темы, курса, раздела. [Пассов, Кузовлева, 2010, с. 152]

Мониторинг - система постоянного наблюдения за учебным процессом, результаты которого служат для обоснования результатов качества образования. [Пассов, Кузовлева, 2010, с.176] В рамках системы наблюдения над учебным процессом происходит оценка, контроль, управление состояния качества знания в зависимости от воздействия определённых факторов. В конце модуля студентов задается мониторинговый вопрос: «Я понял тему и могу ее рассказать. А ты?»

Психологическая комфортность являясь частью модульной интегрированной технологии, придерживается следующих критериев:

- грамотная организация структуры и содержания занятий;
- плавный переход от одного элемента урока к другому;
- малоупорядоченная совокупность действий плавно переходит в запланированный и целенаправленный процесс;
- пошаговые действия всех компонентов, где нет спонтанности и неспригодности;
- вежливая просьба, а не требования;
- словесное убеждение, а не агрессивное словесное воздействие;
- компромиссные решения спорных вопросов (ведь безвыходных ситуаций не бывает), а не открытая, либо скрытая конфронтация;
- отсутствие стрессообразующих ситуаций, потому что весь учебно-воспитательный процесс под контролем;
- заранее продуманные методы, формы, приемы, способы и средства;
- эмоциональные разрядки (шутка, улыбка, юмористическая картинка, поговорка, афоризм с комментарием, музыкальная минутка и т.д.);

- прозрачность всей обучающей системы и ее элементов, благодаря которым и создаются комфортные условия;

- отношение к студенту как к личности: не навреди, ищи в студентах хорошее;

Справедливое оценивание знаний. Механизмы технологии предусматривают систему справедливого оценивания знаний как показатель комфортности учебного процесса. Объективное оценивание результатов обучения и справедливое выставление баллов. Технологией предусмотрен механизм («рычаг») оценивания самому своих знаний, (но с помощью преподавателя). Система справедливого оценивания знаний использует:

- вариативную систему оценивания: за одно занятие ставится балл за каждый вид деятельности, суммируя его в конце занятия, тогда понятие «получил F» просто исчезнет. Баллы должны помогать учебе, а не «отбивать охоту» учиться.

- мудрый механизм оценивания знаний, при котором отпадает социальное явление, как обида и несправедливость;

- положительное эмоциональное состояние как условия комфортности;

- замечает и отмечает малейшие успехи студента;

- преподаватель не приписывает успех себе, а вину студенту;

- хвалит студента в присутствии коллектива (об оплошностях беседует наедине);

- оценивает поступок, а не личность;

- стимулирует внутреннюю мотивацию - стремление больше узнать, радость от активности, интерес к изученному материалу, удовольствие от полученных знаний;

создает ситуацию успеха на занятии (необходимо постоянное поощрение интеллектуальных способностей студентов);

- использует динамические паузы или минуты релаксации и т.д.

Создание коллаборативной (анг.collaborativelearning)- среды на занятиях по обучению языку является неотъемлемой частью модульной технологии.

Об успешности коллаборативной среды в процессе преподавания и обучения известно и доказано давно. Коллаборативное обучение образовательный подход, предполагающий совместную тесную работу преподавателя и студентов в процессе обучения. [Бектасова, 2016, с. 1] В основе коллаборативного обучения лежит идея о том, что обучение – это социальная деятельность, в которой процесс обучения осуществляется посредством общения. В коллаборативной среде создается атмосфера, позволяющая личности чувствовать себя свободным, творческим и безопасным. Коллаборативная среда - эта доброжелательная атмосфера, которая дает возможность студенту вникнуть, сосредоточиться, переключиться, «собраться», понять. Основой коллаборативной среды

является доверие. Создание доверительной обстановки - это большой процент качественного и результативного занятия. Организация учебного процесса по интегрированной модульной технологии - это результат «налицо», итогом которого является профессиональная готовность студента.

- разработана под конкретный педагогический курс, тему и отражает определенную методологическую и философскую позицию автора-разработчика;
- предусматривается взаимосвязанная деятельность преподавателя и студента с учетом принципов индивидуализации и дифференциации (лично-ориентированный подход);
- мониторинг в технологии- отслеживание результатов, постоянное наблюдение за всем учебным процессом с целью выявления его соответствия желаемому результату; организационная система отслеживания результатов;
- органической частью педагогической технологии являются: цель, входной тест; организация обучения; диагностические процедуры-1; коррекция; диагностические процедуры-2; самостоятельная работа; компетенция (результат)
- интегрированная модульная технология ориентируется на гарантированное достижение целей и идею полного усвоения заданного материала;
- использование данной технологии как возможность реорганизации традиционной методики в компетентностную.

Образец проекта модульной технологии преподавания РКИ для национальной аудитории.

Модуль №1

- Входной тест (проверочный этап);
- Микроцель 1 (вводно-разъяснительный и целеустанавливающий этап)
- Содержание образования (обучающе-развивающий этап)
- Мониторинг. Диагностические процедуры-1 (проверочно-диагностируемый этап). Инструментарий и показатель измерения результатов содержания образования Мониторинг. Диагностика понимается и реализуется как констатация степени достижения или не достижения студентом микроцели 1. Задания равноуровневые, состоят из трех уровней. Задание первого уровня-состоит из двух заданий. Задания 2 и 3 уровней состоят из одного задания. Единые требования к содержанию заданий. Единые правила оценивания.
- Коррекция (контрольно-оценивающий этап). Коррекционные задания трехуровневые (относительно диагностики)
- Самостоятельная работа (обучающий этап);

- Самостоятельная работа (обучающий этап) дополнительные тесты «для продвинутых». Самостоятельная работа направлена на формирование ЗУН и подготовку к вторичной диагностике

- Мониторинг. Диагностические процедуры-2 (проверочно-диагностируемый этап); инструментарий и повторный показатель измерения результатов содержания образования. Единые правила проведения диагностики.

- При формировании лингвокультурологической компетенции необходимо учитывать степень усвояемости студентом знаний, исходя из этого технология предусматривает следующие уровни:

- уровень **A**- соответствует минимальному уровню усвоения учебного содержания, рассчитан на студента с низкой обучаемостью, низким уровнем учебных умений, имеющего пробелы в знании пройденного материала;

- уровень **B**- для студентов, которые при относительно невысокой обучаемости достигают хороших результатов в обучении, компенсируя недостаточное развитие способностей к отдельным мыслительным операциям, прилежанию; организованности с использованием рациональных приёмов в учении.

- уровень **C**- представляет собой углублённый вариант содержания материала, который рассчитан на студента с высокой обучаемостью, положительным отношением к учению, высоким уровнем знаний и высокому творческому мышлению

- Итоговая контрольно-оценивающая часть и экспертный контроль, результат формирования профессиональной компетенции (аналитико-умозаключительный этап)

Таким образом, технология выстраивать педагогическую систему в соответствии с ключевым вектором развития образования: переход от знаниевой к культуро-сообразной, когда принципиальное значение уделяется учению языка и коммуникации через культуру с помощью технологии иноязычного образования. Формирование лингвокультурологической компетенции происходит на протяжении всего учебного цикла и является конечным результатом процесса обучения И разработчики, и пользователи за уникальность педагогических (образовательных) технологий относят их к **smart** проектам: просто-доступно-креативно-результативно-комфортно-профессионально.

Список литературы:

Вдовина Н.В. - председатель Казахстанской ассоциации учителей русских школ //Н.Вдовина Русский язык в Казахстане //Перспективы. Фонд исторической перспективы. //Информационно-аналитический портал «Евразийский дом», 2008// URL <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36203>

ЮНЕСКО и Верховенство Права. Документы Юнеско по вопросам образования, науки и культуры.
<https://www.un.org/ruleoflaw/ru/un-and-the-rule-of-law/united-nations-educational-scientific-and-cultural-organization/>

Юцавичене П.А. Теория и практика модульного обучения, Каунас, Швиеса, 1989/ Объем: 272с. URL
<https://hum.edu-lib.com/pedagogika-psihologiya/yutsyavichene-p-teoriya-i-praktika-modulnogo-obucheniya-onlayn>

Монахов В.М. Дидактическая аксиоматика когнитивной теории педагогических технологий*
Институт стратегии развития образования РАО, Москва, Россия

URL <http://ceur-ws.org/Vol-1761/paper03.pdf>

Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е., Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования, Методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного, Москва, 2010, Русс - 96 П19 / Е.И. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е.. — М.: Русский язык. Курсы, 2010. — 568 с. ISBN 978-5-88337-186-7

Азимов Э.А., Шукин А.Н., Современный словарь методических терминов и понятий. (теория и практика обучения языкам) / Москва: Русский язык, Курсы, 2018.- 496 с.- На русс. яз.- - ISBN 978-5-88337-701-2

Шукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов по специальности 032900 - рус. яз. и лит. / А. Н. Шукин. – Москва: Высшая школа, 2003. – 333, 1 с.: табл. - Библиогр.: с. 314-324. – Библиогр.в конце гл. – На рус. яз. - ISBN 5-06-004545-5.

Чошанов М.А. Инженерия обучающих технологий, Москва, БИНОМ, Лаборатория знаний, глава 3, 2011 г. Дата выхода на Лит Рес: 08 мая 2014, Объем 242 с., ISBN: 978-5-00101-686-1, URL
<https://www.litres.ru/murat-choshanov/inzheneriya-obuchauschih-tehnologiy-2/>

Кларин М.В., Педагогическая технология в учебном процессе. Анализ зарубежного опыта.

Изд. Знание, Москва, 1989 г., Научно-популярное издание, Жанр: педагогика, объем 77-стр., На русс.яз., ISBN: 5-07-000132-9 URL <https://istina.msu.ru/publications/book/12199002/>

(дата обращения: 10.05.2020).

Сергеев А.Г. Компетентность и компетенции: монография / А.Г. Сергеев; Владим. гос. ун-т. – Владимир: Изд-во Владимир. гос. ун-та, 2010. – 107 с. ISBN 978-5-9984-0049-0 ©

URL eliv.vlsu.ru/bitstream/123456789/2063/3/00711.pdf (дата обращения: 05.05.2020).

Бектасова Г.К. Коллаборативная среда как эффективная форма организации урока в условиях повышения качества образования и воспитания / Г. К. Бектасова. — Текст: непосредственный // Педагогическое мастерство: материалы VIII Междунар. науч. конф.

(г.Москва, июнь 2016г.). — Москва: Буки-Веди, 2016. — С. 3-4. — URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/191/10615/> (дата обращения: 14.05.2020).

References:

Vdovina N.V. - Chairman of the Kazakhstan Association of Teachers of Russian Schools // N.Vdovina Russian language in Kazakhstan // Prospects. Historical Perspective Fund. // Information and analytical portal "Eurasian Home", 2008 // URL <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36203>

UNESCO and the Rule of Law. UNESCO documents on education, science and culture. <https://www.un.org/ruleoflaw/ru/un-and-the-rule-of-law/united-nations-educational-scientific-and-cultural-organization/>

Yutsavichene P.A. Theory and Practice of Modular Learning, Kaunas, Shvies, 1989 / Volume: 272с. URL <https://hum.edu-lib.com/pedagogika-psihologiya/yutsyavichene-p-teoriya-i-praktika-modulnogo-obucheniya-onlayn>

Monakhov V.M. Didactic axiomatics of the cognitive theory of pedagogical technologies * Institute for Education Development Strategy of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia

URL <http://ceur-ws.org/Vol-1761/paper03.pdf>

Passov EI, Kuzovleva NE, Fundamentals of communicative theory and technology of foreign language education, Methodological manual for teachers of Russian as a foreign language, Moscow, 2010, Russ - 96 P19 / E.I. Passov E.I., Kuzovleva N.E. - M.: Russian language. Courses, 2010. -- 568 p. ISBN 978-5-88337-186-7

Azimov E.A., Schukin A.N., Modern dictionary of methodological terms and concepts. (Theory and practice of teaching languages) / Moscow: Russian, Courses, 2018.- 496 p. - In Russian. LANGUAGE - - ISBN 978-5-88337-701-2

Schukin A. N. Methods of teaching Russian as a foreign language: Textbook. allowance for universities in the specialty 032900 - Russian. lang or T. / A.N. Schukin. - Moscow: Higher school, 2003 .-- 333, 1 p.: Tab. - Bibliography: p. 314-324. - Bibliogr. At the end of ch. - In Russian. lang - ISBN 5-06-004545-5.

M. Choshanov, Engineering of Educational Technologies, Moscow, BINOM, Knowledge Laboratory, Chapter 3, 2011. Release Date on Lit Res: May 08, 2014, Volume 242 pp., ISBN: 978-5-00101-686-1 , URL <https://www.litres.ru/murat-choshanov/inzheneriya-obuchauschih-tehnologiy-2/>

Klarin MV, Pedagogical technology in the educational process. Analysis of foreign experience. Ed. Knowledge, Moscow, 1989, Popular science publication, Genre: pedagogy, volume 77-pp., In Russian, ISBN: 5-07-000132-9 URL <https://istina.msu.ru/publications/book/12199002/> (Date of treatment: 05/10/2020).

Sergeev A.G. Competence and competencies: monograph / A.G. Sergeev; Vladim. state un-t - Vladimir: Publishing house Vladimir. state University, 2010 .-- 107 p. ISBN 978-5-9984-0049-0 © URL elibrary.vlsu.ru/bitstream/123456789/2063/3/00711.pdf (accessed 05.05.2020).

Bektasova, G. K. Collaborative environment as an effective form of organizing a lesson in conditions of improving the quality of education and upbringing / G. K. Bektasova. - Text: direct // Pedagogical excellence: materials of the VIII Intern. scientific conf. (Moscow, June 2016). - Moscow: Buki-Vedi, 2016.--S.3-4. - URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/191/10615/> (accessed date: 05/14/2020).

КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аймагамбетова Малика Муратовна

Казахский национальный университет имени аль-Фараби
г. Алматы (Казахстан)

Aimagambetova Malika

Al-Farabi Kazakh National University
Almaty (Kazakhstan)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН МАССМЕДИА

INTERTEXTUALITY AS A PRECEDENT PHENOMENON OF MASS MEDIA

В статье говорится об интертекстуальности в рамках казахстанского, как и любого другого лингвокультурологического сообщества. Она является центральной категорией в газетном дискурсе: с интертекстуальностью сталкивается современный массовый читатель, вступающий в прямой диалог с текстом и взаимодействующий с его создателем, а прецедентный текст служит одним из звеньев гипертекста данного пространства, связывающего разные национальные и социальные группы между собой в условиях полиязычия РК. В полиэтнических условиях Казахстана идет своеобразный культурный обмен между этносами, тесный контакт этноса-носителя культуры с другими этносами. Прецедентные тексты билингвального и полилингвального характера с постоянной регулярностью репрезентируются в дискурсе СМИ, в частности, в газетах.

The article talks about intertextuality within the framework of the Kazakh, as well as any other linguocultural community. It is a central category in newspaper discourse: modern mass readers are faced with intertextuality, engaging in direct dialogue with the text and interacting with its creator, and precedent text is one of the links in the hypertext of this space connecting different national and social groups among themselves in the multilingualism of the Republic of Kazakhstan. In the multi-ethnic conditions of Kazakhstan, there is a kind of cultural exchange between ethnic groups, close contact of the ethnic group in culture with other groups. Precedent texts of bilingual and multilingual nature are regularly represented in the media discourse, in particular in newspapers.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентный текст, медиатекст, фразеологические единицы, постмодернизм, билингвальная и полилингвальная языковая личность.

Key words: intertextuality, precedent text, media text, phraseological units, postmodernism, bilingual and multilingual linguistic personality.

Рассмотрение прецедентных феноменов с позиции теории интертекстуальности на примере газетного дискурса позволяет проследить особенности их функционирования и структурирования в тексте СМИ как отражение мира [Кубрякова, 1996, с. 45] и самоощущения современного человека. С развитием постмодернизма как новейшего направления в современном литературном процессе и искусстве проблема изучения интертекста, интертекстуальности, средств их выражения стала интересовать лингвистов с конца XX - начала XXI вв.

Множество научных работ посвящено исследованию интертекстуальности СМИ, но, несмотря на это, все же не разработан единый подход к рассмотрению феномена интертекстуальности как категории происхождения прецедентных текстов. Теория

интертекстуальности зародилась в конце XX века и широко распространилась в науке, в том числе, в рамках филологических исследований, где вышла на первый план. В 1967 году ученый Ю. Кристева определила интертекстуальность как «текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста», также, по ее словам, «интертекстуальность – это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [Ильин, 1996, с. 225].

Реализация интертекстуального тезауруса и интертекстуальной компетенции, способствующей кодированию и декодированию интертекстуальных знаков, обусловлены коммуникативными условиями и речевой культурой личности носителя определенного языка, так как источниками прецедентных феноменов могут быть материалы, тесно связанные с национальными ценностями и традициями прошлого и современности. Так в совокупности складывается определенная система, транслирующая «культурную память» и фиксирующая в ней аксиологическую направленность. Для кодирования и трансформирования такой информации используется язык, а для изучения этого процесса когнитивная лингвистика как одно из современных направлений лингвистических исследований [Кубрякова, 1996, с. 53-55]. Изучение прецедентности в языке народа во взаимодействии с различными проявлениями в ней национального языка и его ментальности может выявить некоторые особенности процесса категоризации, концептуализации и оценки действительности, которые являются основными объектами данного направления лингвистики.

Интертекстуальность – критерий гносеологической и эстетической ценности текста, без него произведение не сможет стать объектом рассмотрения науки. Данный признак обнаруживается в процессе взаимодействия с творческим субъектом – автором или читателем. Так, в медиатекстах интертекстуальные знаки создаются журналистами, декодируются читателями. Известно, что в газетном дискурсе интертекстуальность является отражением и реализацией интертекстуального тезауруса, порождающего текст субъекта – журналиста. У адресата массовой информации предполагается наличие когнитивной базы с совокупностью всех тех элементов, являющихся для него «чужими», которые имеются и осмысливаются в его фоновых знаниях. Прецедентный феномен является основным маркером интертекстуальности.

Вслед за Ю.Н. Карауловым под прецедентными текстами мы понимаем «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов,

1987, с. 216]. Ученый считает, что особенностью каждого прецедентного текста является то, что он «выступает как целостная единица обозначения», а именно как знак, отсылающий к тексту-источнику и представляющий его по принципу «часть вместо целого». По его мнению, прецедентность определяется как известность, хрестоматийность, востребованность текста как отдельной языковой личностью, так и языковыми группами.

В более поздних работах по лингвистике прецедентные тексты интерпретируются шире. Исследователем Г.Г. Слышкиным предлагается рассматривать прецедентные тексты для узкого круга людей и тексты, которые становятся прецедентными на относительно короткий срок и не только неизвестны предшественникам носителя языка, но и выходят из употребления раньше, чем сменится данное поколение. Автор считает, что ценностная значимость текста, то есть его прецедентность, определяется по мере частотности отсылки к нему в процессе речепорождения в виде реминисценций [Слышкин, 2000, с. 28]. Таким образом, прецедентный текст – это текст, являющийся элементом культурной памяти народа и регулярно используемый в других текстах.

Г. В. Денисова прецедентные тексты определяет как «сильные», то есть «постоянно востребуемые тексты, получившие статус значимых в культуре в определенный исторический момент» [Денисов, 2003, с. 128]. Употребление в устной и письменной речи прецедентных текстов способствует оживлению накопленного культурного багажа, если соотнесены с эстетической ценностью, культурной значимостью.

Общеизвестно, что в современном мире ведущее положение в распространении максимально широкому кругу потребителей и поддержке прецедентных феноменов занимают средства массовой информации, обеспечивая их тотальную рецепцию. Репрезентантом текста часто становятся отдельные единицы системы прецедентных феноменов, отобранных журналистом для номинативно-информативных функций заголовка, которая при этом совмещает в себе эмоционально-оценочную и экспрессивную функции. Приведем несколько примеров, выведенные в заголовки казахстанских газет:

- прецедентные имена:

– «*Тутанхамон*» (Казахстанская правда. 27.05.2019. «Казахстанский Тутанхамон»).

Источник прецедентности: имя фараона Древнего Египта в 1332—1323 годах до н. э.;

– «*Обломов*» (АиФ. 02.10.2018. «Обломов с Темиртауской пропиской»).

Источник прецедентности: фамилия главного персонажа и название романа «Обломов» (1859) И. А. Гончарова (1812—1891);

– «*Мадонна*» (Казахстанская правда. 15.05.2019. «Любовь и нежность казахской Мадонны»). Источник прецедентности: живописное или скульптурное изображение богини, в христианской традиции Дева Мария;

– «*Нострадамус*» (Комсомольская правда. (Казахстан). 31.05.2019. «*Политический Нострадамус*»). Источники прецедентности: Мишель де Нострадам, известный также под именем Нострада́мус (1503 — 1566) — французский фармацевт и алхимик, знаменитый своими пророчествами;

- прецедентное высказывание:

– «*Живое слово дороже мертвой буквы*» (Комсомольская правда. Казахстан. 12.06.2019) Источники прецедентности: пословица;

– «*Не верь, не бойся, не проси*» (АиФ КАЗ 11.12.2015.) Источники прецедентности: поговорка из произведения «Архипелаг ГУЛАГ» (1973) А. Солженицына (2018—2008);

– «*Курить - здоровью вредить...*» (АиФ Казахстан. 16.10.2018.) Источники прецедентности: пословица;

- прецедентная ситуация:

– «*В поисках утраченного*» (Казахстанская правда. 30.04.2019. Евгений Фридли «реставрирует» старый Алматы). Источники прецедентности: «В поисках утраченного времени» – французского писателя-модерниста Марселя Пруста, полу автобиографический цикл из семи романов;

- прецедентный текст:

– «*В гостях у сказки*» (Казахстанская правда. 05.04.2014, статья о случае, изменившем жизнь молодого человека). Источники прецедентности: детская передача, транслируемая по телевидению, «В гостях у сказки».

В материалах, используемых в объекте нашего исследования – газетных текстах – в качестве источников прецедентности, выступают достаточно разнородные единицы, такие как:

– поэзия и художественная литература, включая канонические тексты, мифологию, фольклор;

– фразеологизмы и речевые штампы;

– пословицы и поговорки;

– крылатые слова – речения афористического характера;

– выражения из художественных фильмов и мультфильмов;

– фоновые знания из области культуры, науки и истории: музыкальные произведения, живопись, исторические события и т.п., которые использованы журналистом для восприятия передаваемой информации с определенного ракурса, с помощью известных ему ассоциаций, стереотипов, активизирует сознание массового адресата.

Формирование и способы введения (дословное цитирование или трансформированное цитирование) прецедентных феноменов в газетный дискурс могут

быть разными. Чаще всего оригинальный текст подвергается разнообразным деформациям, и цитирование имеет место в измененной форме, но независимо от этого, является ли цитирование дословным или деформированным, любая цитата приобретает новый смысл, так как в любом случае меняется вербальный и ситуативный контекст, сопровождающий прецедентный феномен. Интертекстуальность может проявляться по-разному, к примеру, аллюзии, цитаты, иностилевые вкрапления, афоризмы и т.д. в газетном дискурсе могут характеризовать интеллектуальное и социальное положение объекта речи, служат для намека на какое-либо качество героя или историческую ситуацию, описания событийной ситуации или повышают выразительность речи, меняют стилистическую окраску и т.п. Как отмечал Лотман, любой текст – это «генератор новых значений и конденсатор культурной памяти» [Лотман, 1996, с. 21], по разным признакам тексты по-разному могут влиять на отдельную языковую личность, определенную референтную группу и тот или иной социум в конкретный временной отрезок.

В полиэтнических условиях Казахстана идет своеобразный культурный обмен между этносами, тесный контакт этноса-носителя культуры с другими этносами. В казахстанской русскоязычной прессе журналисты, используя интертекстуальные знаки в прецедентных текстах, воздействуют на свою аудиторию, принимая во внимание особенности своего реципиента. Здесь принципиально знать своеобразные черты местной, зачастую билингвальной и полилингвальной, языковой личности Казахстана. Сюда входит знание реципиентом артефактов материальной культуры, знакомство с литературными шедеврами, шедеврами искусства, представление о гениях науки или владение достижениями мировой и национальной культуры народов, в основном русского и казахского, также понимание универсальных прецедентных текстов, имеющих общекультурное значение для человечества. Автору необходимо стремиться синтезировать свою мысль в сознании читателя, воспринимающего новый текст, из таких смысловых элементов, которыми владеют все стороны коммуникативного процесса, указав в самом тексте путь смолообразования интертекстуальности. Тем не менее, не всегда адресант информации может адекватно интерпретировать или идентифицировать признаки интертекстуальности, проходящей сквозь текст. Такой фактор обусловлен уровнем речевой культуры носителя языка, которая отражает особую прагматическую специфику данной категории. Степень влияния текста обусловлена особенностями личности, которой он адресован. Решающими являются его позиция в интертексте, его пространственно-временные координаты или национальные, профессиональные, социальные, возрастные, гендерные и др. особенности.

Так, в газетном дискурсе происходит некое «взаимопроникновение» и «взаимодополнение» поликультурного пространства, с доминирующим – русским и казахским – посредством прецедентных текстов. Журналисты используют все возможные инструменты объективного и субъективного воздействия на общественное и индивидуальное сознание казахстанского реципиента, которому не чужды и русское, и казахское, «преодоление «чужеродности», в данном пространстве, которое достигается так же билингвизмом» [Китанина, 2005, с. 28] и полилингвизмом. Такие прецедентные тексты билингвального и полилингвального характера с постоянной регулярностью репрезентируются в дискурсе СМИ, в частности, в газетах.

Приведем примеры, где демонстрируется билингвальная форма коммуникации и отчетливо различимы элементы двух языков: – «*Дастархан дружбы*» (Казахстанская правда, от 03.05.2019, статья о фестивале национальных кухонь народов РК).

Безэквивалентная лексическая единица «дастархан» как символ гостеприимства народа выдвигается на позиции ключевого фрагмента заголовка и содержит в себе все те частные смыслы, которые относительно равномерно распределены по публицистическому произведению.

– «*Все дороги ведут в акимат*» (Казахстанская правда, от 07.05.2019, статья о состоянии тротуаров города).

Источником прецедентности служит известное выражение: «Все дороги ведут в Рим», использование названия регионального органа исполнительной власти РК – «акимат», в данном случае, рассчитано на «целевого адресата».

– «*Батыр и в Канаде батыр!*» (Казахстанская правда, от 21.05.2019, статья о казахстанском спортсмене).

– «*Жарайсын, Анна!*» (Казахстанская правда, от 01.05.2019, о воспитаннице детского дома, ставшей чемпионкой мира). Для достижения желаемого воздействия на чувства читателя и для выражения идей и эмоций авторами статей в рамках русскоязычного контекста используются инонациональные, в частности казахские слова «жарайсын» (рус. «молодец») или «батыр» (рус. «герой»), в качестве экспрессивного субкода. Авторское мировидение, билингвальное мышление отражает самосознание большей части русскоязычного населения Казахстана, их уникальный ментальный формат. Интертекстуальность в рамках казахстанского, как и любого другого лингвокультурологического сообщества, является центральной категорией в газетном дискурсе: с интертекстуальностью сталкивается современный массовый читатель, вступающий в прямой диалог с текстом и взаимодействующий с его создателем, а прецедентный текст служит одним из звеньев гипертекста данного пространства,

связывающего разные национальные и социальные группы между собой в условиях полиязычия РК.

К дискурсивно-прагматическому сегменту массмедиа относятся политический и квазиполитический дискурс, использования различных риторико-конвенциональных фигур, ФЕ, последние особенно артикулированы в заголовках статей и интернет-ресурсов. Дискурсивные практики медиаресурсов Казахстана отличаются, с одной стороны, значительным притяжением социально-адаптивной и социально-манипулятивной стратегии выстраивания коммуникативных мостов с реципиентами, включая аудиовизуальные элементы сообщений на различную тематику, с другой стороны – актуализируются базисные основания метафоризации медиадискурса. Анализ этностереотипизации в медийном дискурсе широкого формата показывает тенденцию к профанизации и намеренному стилистико-семантическому снижению и последующему сужению смыслового ядра базовой той или иной культурного кода (мифологем, философем, идеологем). Одними из наиболее частотными дискурсивными практиками медиадискурса выступают интертекст, неориторика, социальный заказ на злободневные темы, гораздо меньше аналитических материалов пролонгированного действия, т.е. журналистские исследования, популярные в зарубежных, особенно американских.

Особая ситуация кодирования художественного текста посредством вышеуказанных и других кодов требует от реципиента достаточно серьезного опыта в интерпретации и последующем постижении концептосферы произведения, его смыслового, стилистического и нарративного ядра.

Феноменологический статус культурного кода во многом детерминирован его преобладающей синтетической когнитивной, информативно-коммуникативной природой. Будучи феноменом общественного, в том числе художественного, сознания, он предполагает оформление широких интермедиальных когнитивно-ассоциативных коннотаций, нарративных моделей.

Список литературы:

- Денисова Г.В.* В мире интертекста: язык, память, перевод / Г.В. Денисов. М.: Азбуковник, 2003. 297с.
- Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И.П. Ильин. М.: Интрада. 1996. 253 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М. 1987. 216 с.
- Китанина Э.А.* Прагматика иноязычных слов в русском языке: автореф. дис...докт. фил. наук: 10.02.01 / Э.А. Китанина; Краснодар, 2005. 40 с.
- Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. 245 с.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. М.: «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
- Слышкин Г.Г.* От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. М.: Akademia, 2000. 128 с.

References:

- Denisova G.V.* V mire interteksta: yazyk, pamyat', perevod / G.V. Denisov. M.: Azbukovnik, 2003. 297s. (In Russian).
- Il'in I.P.* Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm / I.P. Il'in. M.:Intrada. 1996. 253 s. (In Russian).
- Karaulov Yu.N.* Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' / Yu.N. Karulov. M. 1987. 216 s. (In Russian).
- Kitanina Eh.A.* Pragmatika inoyazychnykh slov v russkom yazyke: avtoref. diS...dokt. fil.nauk: 10.02.01 / Eh.A. Kitanina; Krasnodar, 2005. 40 s. (In Russian).
- Kubryakova E.S.* Kratkii slovar' kognitivnykh terminov / E.S. Kubryakovoi. M.: MGU, 1996. 245 s. (In Russian).
- Lotman Yu.M.* Vnutri myslyashchikh mirov / Yu.M. Lotman. M.: «Yazyki russkoi kul'turY», 1996. 464 s. (In Russian).
- Slyshkin G.G.* Ot teksta k simvolu. Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse / G.G. Slyshkin. M.: Akademia, 2000. 128 s. (In Russian).

Богданова Людмила Ивановна
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Bogdanova Liudmila
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ДОМИНАНТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЗЕРКАЛЕ ГРАММАТИКИ

DOMINANTS OF RUSSIAN CULTURE IN THE REFLECTION OF GRAMMAR

Статья посвящена проблеме отражения культуры в языке. Особое внимание уделяется выявлению роли культурного компонента значения глагола в реализации его синтагматических свойств в рамках актантной структуры. Структура представлений об одной и той же ситуации может существенным образом не совпадать у представителей разных культурных сообществ. Даже при наличии сходного опыта носители разных культур могут по-разному воспринимать и оценивать одни и те же события, отражаемые в актантной структуре глагола. Исследование проводится от значения глагола – к форме выражения его актантных позиций. В ходе исследования было установлено, что такие параметры культуры, как Дистанция Власти, коллективизм /индивидуализм, высокая / низкая контекстуальность, косвенным образом влияют на оформление актантной рамки глаголов, обозначающих межличностные отношения. Данный факт подтверждает тезис о существовании основополагающих кодов культуры, которые способны управлять её языком и её когнитивными схемами восприятия. Изучение закономерностей в соотношении глагольной семантики и синтагматики необходимо при создании грамматики для говорения и письма, а также в процессе обучения русскому языку как иностранному.

The article deals with the problem of reflection of culture in the language. The special attention is paid to the way in which the cultural component of the meaning of the Russian verb is reflected in its actant structure. The structure of views about the same event can not correspond in different cultural communities. Even having similar experience people of different cultures can differently perceive and evaluate the same facts that confirms the thesis about the existence of fundamental culture codes which manage its language and perception schemes. The study is realized from the meaning of the verb to the form of its actant positions. Culture parameters (Power Distance, collectivism / individualism, high / low contextuality) influence the formation of actant frame of verbs denoting interpersonal relations. The identification of regularities of the relationship between semantics and syntagmatics is of practical importance for teaching Russian as a foreign language.

Ключевые слова: культура, грамматика, русский язык, культурные параметры, актантная структура глагола, семантика и синтагматика, код культуры, культурные ценности.

Key words: culture, grammar, Russian language, culture parameters, actant structure of the verb, semantics and syntagmatics, culture code, cultural values.

К настоящему моменту можно считать доказанным тезис о том, что общечеловеческие концепты по-разному группируются и по-разному вербализуются в языках в зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов [Марковина, 2010]. Окружающий нас мир, который «нам дан в нашем непосредственном опыте, оставаясь везде одним и тем же, постигается различным образом в различных языках» [Щерба, 1974, с. 69] в зависимости от культуры, с которой данный язык непосредственно связан. Культура сейчас нередко рассматривается как упорядоченный набор специфических кодов, закрепляющих социально-исторический опыт

людей [Богданова, 2017, с. 70]. Коды, представляя собой особые информационные структуры, призваны обеспечивать саморегуляцию системы [Степин, 1999, с. 63-65]. Своего рода аналогом генетических кодов (ДНК), которые выполняют регулятивную роль в биологических организмах, в обществе, т.е. социальном организме, являются культурные коды и культура в целом. Культурный код в широком смысле описывается как «специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [Маслова, 2016, с. 3].

Определить культурный код помогают доминанты культуры, которые отчётливо выделяются на основе анализа параметров «измерения» культуры. В классификациях культур особое внимание обращают на себя следующие параметры: PD (Дистанция Власти), коллективизм / индивидуализм, высокая / низкая контекстуальность. Эти параметры указывают на такие доминантные черты русской культуры, как иерархизованность социальной жизни, более высокую значимость позиции «мы» (по сравнению с «я»), высокий уровень зависимости от контекста в процессе коммуникации. Характеристика устройства языков тех или иных культур не может оставаться безразличной к параметрам «измерения» этих культур. При этом традиционно считается, что отражение культуры в языке наиболее яркое воплощение получает на уровне лексики, с чем невозможно не согласиться. Тем не менее, грамматика также обладает способностями специфическим образом отражать культуру, что, в частности, проявляется в способах концептуализации объектов. Именно в актантной структуре глагола косвенное отражение получают коллективная «философия» носителей языка и код культуры. В данной статье выявляется роль «культурного» компонента значения глагола в реализации его синтагматических свойств в рамках актантной структуры. Целью работы было выяснение того, каким образом параметры «измерения» культуры влияют на оформление структуры высказывания, стержнем которого является актантная рамка глагола, понимаемая в духе идей Л. Теньера [Теньер, 1988].

В ходе изучения соотношения глагольной семантики и синтагматики в направлении «от значения – к форме» было обнаружено, что ряд социокультурных параметров (коллективизм / индивидуализм, PD, высокая / низкая контекстуальность) приобретает особую ценность при создании грамматики «активного» типа, в которой взаимодействие лексики и грамматики становится особенно значимым, а роль «культурного» компонента значения более очевидной.

При выявлении культурной специфики русского языка неоднократно было замечено, что основное различие в ценностных приоритетах русской и западных культур состоит в том, что в западных культурах в центре иерархии ценностей находится уникальная личность, а в русской – отношения между людьми, коллектив. Н.А. Бердяев, отмечая, что русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, подчёркивал, что у русских есть «потребность часто видеть людей, с которыми у них даже нет особенно близких отношений, выворачивать душу, <...> вести бесконечные споры об идейных вопросах [Бердяев, 2008, с.471]. В таком поведении нетрудно заметить проявление коллективистского духа русской традиционной культуры. Примечательно, что в английском языке слово, обозначающее противоположное коллективизму понятие *индивидуализм*, имеет положительную оценку [Ларина, 2013, с. 72], а в русском, напротив, нередко отрицательную. Ещё не так давно, в XX веке, *индивидуализм* описывался в словарях русского языка как явление чуждое и, следовательно, вредное: «1. Буржуазное воззрение, согласно которому интересы отдельной личности выше интересов общества. 2. Стремление к яркому выражению своей личности, своей индивидуальности с противопоставлением себя коллективу» [Ожегов, 1970, с. 243]. В современном русском языке идеологические «добавки» сняты, однако для людей старшего поколения быть индивидуалистом по-прежнему не очень лестная характеристика.

Русская традиционная культура характеризуется чертами, свойственными коллективистскому типу культуры, где «мы», коллектив, общество, традиционно стоят выше, чем «я». Высокая значимость человеческих взаимоотношений создаёт условия для того, что культура приобретает черты контактной, в которой, согласно Э. Холлу, разграничивавшему культуры на *high-context cultures / low-context cultures* [Hall, 1976], особенно ценными и значимыми становятся общительность, искренность, открытость. Все эти качества способствуют формированию культуры, в которой роль контекста в коммуникации оказывается очень высокой. Так, в русском языке смысл высказываний нередко имплицитен и полностью зависит от коммуникативной ситуации.

Разумеется, культурные параметры воздействуют на язык в своей совокупности, комплексно, поэтому в различных ситуациях мы можем видеть одновременное взаимодействие параметров «высокая контекстуальность», «иерархичность», «коллективизм».

Коллективный характер русской культуры в грамматической проекции косвенным образом проявляется в глагольной конструкции с предлогом *перед*, где актантная позиция обозначает коллектив или лицо, наделённое в глазах отдельной личности особыми полномочиями быть арбитром, судьёй в ситуациях морального падения, публичной неудачи. Эти глаголы нередко имплицитно включают в свою семантику визуальный

компонент: *опозориться, осрамиться, оскандалиться, ославиться, оконфузиться, оплошать, сплеховать, опростоволоситься* (разг.), *скомпрометировать себя* перед кем-н. (на глазах у кого-н.), ср. также жаргонные: *лохануться, облажаться* перед кем-н. и др. Значение глаголов, описывающих указанную ситуацию, предполагает, что многие люди могли видеть героя события в неприглядном свете, из-за чего он испытывает стыд. Ср. *выставить кого-н. на позор, поставить к позорному столбу*. *Позор* – бесчестье, постыдное, унижительное для кого-чего-н. положение, вызывающее презрение [Ожегов, 1970, с. 539]. Примеры из Национального корпуса русского языка иллюстрируют эту идею связи чувства стыда с многочисленными очевидцами какой-либо публичной неудачи: *Довольно стыда и от твоих дел; не с обеих же сторон безумствовать и позориться перед людьми и Богом* (И.И. Лажечников. Беленькие, черненькие и серенькие, 1856); *Имеет ли смысл позориться перед всем флотом, перед санитарным управлением, перед большим начальством? Голос Норы вздрагивал, и всем было понятно, как ей стыдно за доброе, не запятнанное до сих пор имя медсанбата...* (Юрий Герман. Дорогой мой человек, 1961) [НКРЯ].

При глаголах со значением ‘**моральной неудачи**’ социальный, возрастной, гендерный статус лица-каузатора эмоций также очень важен: *На одном занятии по физподготовке Перепелица так оскандалился перед командиром роты, что вспоминать стыдно* (И.Ф. Стаднюк. Максим Перепелица); *Как бы не осрамиться ему перед новым человеком!* (Лев Толстой. Анна Каренина); *И вот, на пороге этого трудного будущего, в ответственный момент знакомства с красивой, смущавшей своею красотой, парадной и кокетливой дамой, — как он опозорился перед ней!* (Борис Хазанов. Я воскресение и жизнь). Однако собранный материал позволяет предположить, что степень морального падения может осознаваться субъектом тем ниже, чем больше было свидетелей этого падения, поэтому *опозориться перед начальником*, лицом более высокого статуса, чем субъект, может оказаться для субъекта менее драматичным, чем *опозориться перед народом, перед людьми*, поскольку из множества лиц с равным субъекту и даже с более низким социальным статусом «формируется совокупность, обладающая несоизмеримо более высоким статусом, чем каждое конкретное лицо» [Богданова, 2018, с. 864], в чём, на наш взгляд, проявляется коллективный характер русской культуры: *И только в Волгограде Валерий, наконец, смог покататься с королевой льда. Правда, сразу же опозорился перед местной ребятней— упал и до крови разбил нос* (Скользкая дорога к победе // Труд-7, 2006.09.21); *После того как торговцев подобным товаром «попросили» от бывшего Музея Ленина, чтобы не позориться перед многочисленными зарубежными туристами, центр реализации подобных книг и брошюр переместился к вокзалам* (Дарья Овчаренко. Вокзал на троих // «Совершенно секретно», 2003.07.10); *И тот смоленский паренек <...> делал*

это, ощущая себя в первую очередь посланцем своих земляков, и работал, и вел себя так, чтобы не ударить перед ними в грязь лицом, чтобы не опростоволоситься перед родной стороной, старым домом, друзьями, ровесниками, родителями, наконец (Владимир Захаренков. Спешу к своей ветле // «Природа и человек», 1983) [НКРЯ].

Коллективистские черты проявляются в русской культуре ещё и в том, что для человека во многих жизненных ситуациях оказывается очень важным мнение других – очень важен взгляд со стороны, особенно при оценке и самооценке личности. Чтобы лучше понять суть какого-либо явления или даже значимость собственной личности, человеку нужен другой человек, нужен авторитетный оценщик, справедливый судья. Ценность этого параметра находит отражение в грамматике. В тех случаях, когда человек, пытаясь оценить себя, обращается к мнению других, открывается уже рассмотренная ранее актантная позиция *перед кем (чем)*. Ситуация самооценки реализуется в русском языке с помощью двух основных моделей, предназначенных для высокой и низкой самооценки. Признак высокой самооценки может входить в значение глаголов чувства (*гордиться, кичиться*), глаголов речи (*хвастаться, хвалиться, бахвалиться*), глаголов поведения (*рисоваться, щеголять*).

Если субъект высоко оценивает себя, то он, как правило, испытывает потребность продемонстрировать свои достоинства другим людям, возможно, даже для того, чтобы вызвать у них зависть. Эта ситуация описывается с помощью конструкции *кто / чем (кем) / перед кем*, где *кто* – субъект оценки, *чем (кем)* – объект оценки, *перед кем* – адресат, реализующийся в семантическом плане как «аудитория» или «зритель», чьё мнение в определённом смысле важно субъекту: *Сергей был настолько бесхитростен и простодушен, что сверх всякой меры гордился перед каждым гостем, а паче того — гостьей, своей экстравагантной экспозицией* (Владимир Тучков. Русская коллекция // «Новый Мир», 2000); *Думая за всех, наперед зная мысли каждого, он не хвастал своим всезнанием, не гордился перед людьми и не спешил высказаться* (Борис Хазанов. Я воскресение и жизнь, 1976) [НКРЯ].

Желание продемонстрировать окружающим атрибуты своей успешной, счастливой жизни нередко становится для человека почти жизненно важной необходимостью: *Бекетова не доучилась, вышла из седьмого (тогдашнего старшего) класса замуж за многообещающего адвоката Блока, и бабушка вспоминала, как она прибежала в гимназию хвастать перед подругами своим положением замужней дамы.* (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава третья, 1995); *Тонкая, острая сталь готова была коснуться груди, пронзить ему сердце, навеки лишив возможности обнимать женщин, пить вино, покупать красивую одежду, ходить в театр, восхищаться талантом Кристофера Марло и*

хвалиться перед друзьями знакомством с великим человеком. (Ю. М. Нагибин. Надгробье Кристофера Марло, 1972-1979) [НКРЯ].

Следует отметить, что положительная самооценка, как правило, отрицательно оценивается в обществе коллективистского типа: — *Стыдитесь! вы стали завидовать бедному ребенку и хвалиться перед ней, что умеете танцевать и играть на фортепьяно. Стыдно; я все расскажу князю* (Ф. М. Достоевский. Неточка Незванова, 1849); *Я со стыдом вспоминала тот ужасный вечер, когда я зазвала Леву к себе. Говорю «зазвала», потому что он стал избегать незнакомых семейств, подозревая, что я буду хвастать перед родными знакомством с сыном Троцкого* (Эмма Герштейн. Перечень обид, 1997); *Ах, друг мой, вся моя жизнь была мечта. Я всё мечтал, всегда мечтал, а не жил, гордился, толпу презирал, а чем я гордился перед людьми? и сам не знаю. Чистотой сердца, благородством чувств?* (Ф. М. Достоевский. Дядюшкин сон, 1858-1859) [НКРЯ].

Указанные позиции объекта и адресата-зрителя (слушателя) необходимы для полного, развёрнутого представления значения глаголов, однако в реальном употреблении некоторые позиции, потенциально входящие в актантную рамку глагола, могут остаться незаполненными, в чём можно увидеть одну из реализаций параметра «высокой контекстуальности»: *А нужно ли было чураться, / И чваниться напропалую, / И лавры, кичась, пожинать, / И всю беззаботность былую / Предательски не вспоминать?* (Ю. Даниэль) [НКРЯ].

Негативная «внутренняя» самооценка требует иного оформления объектной позиции: *кто / чего (за что) / перед кем: стыдиться своих слов (за свои слова) перед кем-н.; совеститься своего поступка (за свой поступок) перед кем-н.; стесняться, смущаться, конфузиться чего-н. перед кем-н.* В позиции адресата может быть как общество, так и отдельная личность: *...совеститься перед обществом нечего, все это делают: и Марья Павловна и Иван Захарыч* (Л.Н. Толстой); *Мужчина никогда не раскрывается перед женщиной, как он раскрывается перед женщиной, — снова улыбнулась Дарья. — Наверное, потому, что считает ее в полной своей власти, рабыней (это живет у него под коркой, в генах), а чего стесняться перед рабыней? Чего притворяться перед ней кем-то другим? Кому она расскажет?* (Эдуард Володарский. Дневник самоубийцы, 1997) [НКРЯ]. Позиция адресата может при этом не замещаться, но семантически она значима: *...после рыданий, стыдясь красных глаз, я отыскивал такого старца...* (В. Набоков).

Параметр «коллективизм» нередко взаимодействует с параметром «Дистанция Власти». Этот параметр обнаруживает себя в различных типах асимметричных социальных взаимоотношений: дети – родители, младшие – старшие, ученики – учителя, подчинённые – руководители. Хотя практически во всех культурах эти отношения являются

асимметричными, но степень «неравенства» при этом оказывается разной. Согласно теории Г. Хофстеде [Hofstede, 1991], культуры с преимущественно иерархическим устройством, как правило, имеют высокую вертикальную дистанцию, при которой отношения строятся на основе подчинения. Значимым оказывается статус по возрасту и социальному положению. В обществе с высокой «вертикальной дистанцией» в этикете и коммуникативном поведении принято выражать уважение к вышестоящим лицам. В культурах такого типа не допускается, либо ограничивается выражение открытого, резкого несогласия или острого критического отношения в адрес лиц, занимающих более высокое положение в социальной структуре общества. В таком социуме негласно признаётся, что иерархический порядок, в котором для каждого определено своё место, – это своего рода общественная ценность, характеристика стабильности жизни и мироустройства. В культурах с низкой дистанцией власти (PD), к каким относят, например, культуры США, Великобритании, напротив, особую ценность представляет собой индивидуальная свобода, поэтому в коммуникации нередко подчёркивается равенство людей, а стиль общения между подчинённым и руководителем имеет менее официальный и формализованный характер. Разумеется, данные параметры культур характеризуют только идеальные модели, своего рода крайние точки континуума культур, в котором каждая конкретная культура занимает определённое место по отношению к тому или другому полюсу. Русская культура по сравнению с западными культурами может быть охарактеризована как «статусная», с высокой вертикальной дистанцией.

Отношение к человеку в соответствии с иерархией по статусу можно считать признаком, получившим отражение в русском языке в системе этикетных норм и правил, в речевом поведении человека, в построении дискурса и в актантной структуре глаголов. Глаголы социально ориентированной семантики нередко содержат векторы межличностных отношений «сверху – вниз» и «снизу – вверх», и эти признаки оказываются значимыми для прогнозирования формы актантных позиций. Так, в частности, если в значении глагола содержится указание на неравное отношение, направленное «сверху – вниз», от сильного – к слабому, то позиция «лица зависимого, подчинённого» выражается с помощью предлога *над*, который в метафорическом плане красноречиво указывает на то, что в данной актантной рамке субъект ставит себя значительно выше в какой-либо сфере, чем объект, что доказывает употребление глаголов «насмешки» (*насмехаться, смеяться, подсмеиваться, подтрунивать, подшучивать, иронизировать над кем-чем*), «издевательства» (*издеваться, изыматься, глумиться, надругаться над кем-чем*), «снисхождения» (*сжалиться, смилостивиться над кем-чем*).

В ситуации «насмешки» актантную позицию объекта могут заполнять слова, обозначающие различные социальные роли, в том числе, объектом иронии нередко становится и сам субъект: *Я смеялся над собой и над ними* (Даниил Гранин. Месяц вверх ногами, 1966); *Обезоруживая других, он смеялся над собой, но не слишком любил, когда это делали другие* (Александр Генис. Довлатов и окрестности); *Она вспомнила, как он уверял её, что звонит по дешёвому тарифу, и разозлилась: он по-прежнему подсмеивался над ней и, в общем, был прав* (Дина Рубина. На солнечной стороне улицы); *... с женой отношения у него всегда были странные, непонятные для меня, и он вроде жалел Наталью и в то же время всегда насмехался, зло иронизировал над ней, обзывал коровой...* (Анатолий Ким. Белка) [НКРЯ].

При обозначении ситуаций «издевательства» соответствующие глаголы, как правило, получают отрицательную оценку социума. В соответствии с одной из «заповедей» русской наивно-языковой этики [Апресян, 1995, с. 351], «нехорошо унижать достоинство других людей» (*глумиться, изыматься, издеваться*). В позиции жертвы при этих глаголах часто оказываются лица с более низким социальным статусом, чем субъект: *... Пояснил, что именно в ночь его дежурства Абдусаламов издевался над одним из курсантов* (Вячеслав Мельченко. «Этнодедовщина» или обычный криминал? // «Солдат удачи», 2004); *Царь глумился над подданными на каждом шагу...* (Ольга Чайковская. Великий царь или Антихрист? // Звезда, 2001); *Яков Абрамов терроризировал свою семью, морил её голодом, держал в ужасающих условиях, издевался, изымался над человеческим достоинством...* (И.Д. Брауде. Речь в защиту В.Я. Абрамова, 1949) [НКРЯ]. Однако глагол *издеваться*, в отличие от глаголов *изыматься, глумиться, надругаться*, может использоваться и в положительных контекстах, при этом социальная (властная) роль объекта издевательства, как правило, оказывается более высокой, чем у субъекта: *Мы сидели за столом в подвале, Юля разливала чай, в изобилии имелись баранки, мармелад и прочее, а Юрий Петрович [Любимов] гневно издевался над начальниками, которые считают искусством глупые коши, и цитировал Гёте...* (Вениамин Смехов. Театр моей памяти) [НКРЯ].

При обозначении «снисходительной жалости» оценка такого поведения чаще бывает положительной, чем отрицательной: *Словно бы Бог сжалился над своими никчемными созданиями, взял их за руку и отвел туда, где они могут получить свою микроскопическую дозу счастья, пусть и незаслуженного* (Вячеслав Суриков. Путь сквозь пустоту // «Эксперт», 2015); *Царь в конце концов смилоствился над своим младшим братом и после двух лет «изгнания» великому князю было предложено принять в начале 1912 года Кавалергардский полк* (В.С. Трубецкой. Записки кирасира, 1936-1937); — *Помилуй,*

государь! — воскликнул старший из вятчан, — *будь нашим спасителем — смилуйся над нами!* (Н. А. Полевой. Повесть о Симеоне, суздальском князе, 1828) [НКРЯ].

Другая картина синтагматического поведения глаголов наблюдается в том случае, если в их значении представлен вектор «снизу – вверх», т.е. от слабого, зависимого – к сильному, главенствующему. В этой ситуации актантная позиция, обозначающая человека с более высоким статусом (духовным, моральным или финансово-материальным), выражается с помощью предлога *перед*, что можно наблюдать на примере глаголов «преклонения» (*благоговеть, неметь, преклоняться* перед кем-н.) и «самоуничужения» (*унижаться, лебезить, заискивать, угодничать, бегать на задних лапках, вилять хвостом* перед кем-н.).

Глаголы со значением «**преклонения**» предполагают высокую степень уважения субъекта эмоции к лицу, являющемуся источником обозначенного отношения, а источник эмоции воспринимается субъектом как стоящий выше его в общечеловеческом, нравственном или интеллектуальном отношении: ... *с тех пор он ещё более считал себя недостойным её, ещё ниже нравственно склонялся пред нею* (Лев Толстой); ...*преклоняясь перед блеском его черновигов...* (Владимир Набоков – о Пушкине).

При глаголах со значением «**самоуничужения**» источником эмоции и самоуничужительного поведения является лицо, занимающее более высокое материальное или социальное положение в обществе по сравнению с субъектом: *Владычество денег сказалось во всем: Булгарин начал лебезить перед гостинодворскими лавочниками, как некогда лебезил перед сановниками* (К.И. Чуковский. Тема денег в творчестве Некрасова); *Этому заядлому чиновнику мало было того, что корабль находился в порядке, ему хотелось, чтобы командир лебезил и угодничал перед его высокой особой* (А.С. Новиков-Прибой. Цусима, 1932-1935) [НКРЯ]. Субъект в такой ситуации является лицом морально униженным. В соответствии с законом наивной этики Ю.Д. Апресяна [там же, с. 351], обществом осуждаются лица, забывающие о собственном человеческом достоинстве, поэтому все глаголы и фразеологизмы данной подгруппы содержат в своём значении отрицательную оценку, в отличие от глаголов «преклонения».

Итак, проникновение в синтагматику культурных параметров проявляется, с одной стороны, в том, что позиция лица, занимающего более высокое положение (позиция «силы»), обозначается предложно-падежной формой *перед кем*, а с другой стороны, в том, что потеря личного достоинства, потеря своего лица в отношениях такого рода маркируется отрицательной оценкой социума (*вилять хвостом, бегать на задних лапках* перед кем-нибудь – это однозначно плохо). Преследовать узкокорыстные интересы, унижаясь перед высокопоставленными людьми, считается в русской культуре одним из самых больших

недостатков: *Товарищи над ним подсмеивались, иногда даже издевались, дразнили «паинькой», но все, однако, чувствовали, что он не был плохим товарищем: он не лебезил перед начальством, не заискивал, не был доносчиком ...* (Н.Н. Златовратский. Детские и юные годы. Воспоминания); *Что же заставляет всех этих людей так униженно вилять хвостом перед человеком, который даже и не взглянет на них никогда внимательно? Или здесь есть какой-то не доступный пониманию психологический закон подобострастия?* (А.И. Куприн. Молох) [НКРЯ]. Уничижительное поведение получает в русском языке и дополнительные средства вербального выражения, связанные с использованием диминутивов: *Ванька лебезил перед гостями. Он пенял дорогим родственникам, что они так долго на него сердились, пожимал им ручки, тил за их здоровьице и выражал надежду, что вперед у него с ними будет мир* (Л. И. Добычин. Шуркина родня). *Он всячески лебезил перед губернатором, снимал с него каждую пушинку, на ухабах поддерживал под локоток, покрикивал кучеру: «Легче!»* (В.Я. Шишков. Угрюм-река). [НКРЯ].

Анализ актантной структуры глаголов показал, что коллективистский характер русской культуры, высокий уровень вертикальной дистанции косвенным образом преломляются в концептуализации межличностных отношений, включающих оценочный компонент, что находит отражение в способе обозначения актантных позиций при глаголах. Грамматика «активного» типа, ориентированная на продуктивные виды речевой деятельности и включённая в широкий культурный контекст, создаёт условия для выявления и формулирования правил выбора тех или иных форм актантов в зависимости от значения, которое стремится выразить говорящий (пишущий) субъект.

Список литературы:

- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. 2. / Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 1995. 767 с.
- Бердяев Н.А.* Судьба России. / Н.А. Бердяев. М.: Эксмо, 2008. URL: www.litmir.me (дата обращения: 10.12.2019).
- Богданова Л.И.* Русские культурные ценности: код культуры / Л.И. Богданова // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2017, №1. С. 70-78.
- Богданова Л.И.* Оценочные смыслы в русской грамматике (на материале глаголов эмоционального отношения) / Л.И. Богданова // *Russian Journal of Linguistics*. 2018 (22). №4. С. 844-873.
- Ларина Т.В.* Англичане и русские: Язык. Культура. Коммуникация. / Т.В. Ларина. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
- Марковина И.Ю.* Культура и текст. Введение в лакунологию / И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 144с.
- Маслова В.А.* Коды лингвокультуры / В.А. Маслова, М.В. Пименова. М.: Флинта: Наука, 2016. 180 с.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка / С.И. Ожегов. М.: Советская энциклопедия, 1970. 900 с.
- Степин В.С.* Культура / В.С. Степин // Вопросы философии. 1999, №8. С. 61–71.
- Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер / Пер. с франц. Вступ. статья и общая ред. В.Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. Л.: Наука, 1974. 428 с.

Hall E. Beyond Culture / E. Hall. N.Y., Doubleday. 1976. 320 p.
Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind / G. Hofstede. L.: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited, 1991. 578 p.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 10.02.2020).

References:

Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. T. 2. / Yu.D. Apresyan. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 1995. 767 s.
Berdyayev N.A. Sud'ba Rossii. / N.A. Berdyayev. M.: Ehksmo, 2008. URL: www.litmir.me (data obrashcheniya: 10.12.2019).
Bogdanova L.I. Russkie kul'turnye tsennosti: kod kul'tury / L.I. Bogdanova // Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. 2017, №1. S. 70-78.
Bogdanova L.I. Otsnochnye smysly v russkoi grammatike (na materiale glagolov ehmtsional'nogo otnosheniya) / L.I. Bogdanova // Russian Journal of Linguistics. 2018 (22). №4. S. 844-873.
Hall E. Beyond Culture / E. Hall. N.Y., Doubleday. 1976. 320 p.
Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind / G. Hofstede. L.: McGraw-Hill Book Company (UK) Limited, 1991. 578 p.
Larina T.V. Anglichane i russkie: Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya. / T.V. Larina. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2013. 360 s.
Markovina I.Yu. Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu / I.Yu. Markovina, Yu.A. Sorokin. M.: GEHOTAR-Media, 2010. 144s.
Maslova V.A. Kody lingvokul'tury / V.A. Maslova, M.V. Pimenova. M.: Flinta: Nauka, 2016. 180 s.
Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka / S.I. Ozhegov. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1970. 900 s.
Stepin V.S. Kul'tura / V.S. Stepin // Voprosy filosofii. 1999, №8. S. 61–71.
Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa / L. Ten'er / Per. s frants. Vstup. stat'ya i obshchaya red. V.G. Gaka. M.: Progress, 1988. 656 s.
Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' / L.V. Shcherba. L.: Nauka, 1974. 428 s.
НКРЯ – Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Ehlektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: www.ruscorpora.ru (data obrashcheniya: 10.02.2020).

Быкова Анастасия Андреевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Bykova Anastasiia
The Higher School of Translation and Interpretation (faculty)
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN POLITICAL TEXTS

Фразеологизмы недаром считаются сокровищницей каждого языка. В них находят свое отражение культура, история, традиции и обычаи народа.

Данная статья посвящена особенностям перевода фразеологизмов в политических текстах. В качестве материала для исследования используются выступления российских политических деятелей и их переводы на английский язык. В статье рассматриваются способы перевода фразеологических единиц, которые могут быть использованы для передачи смысла, заложенного автором, и создания адекватного перевода.

Phraseological units are considered the treasure house of every language. They reflect the culture, history, traditions and customs of the people.

The article deals with the peculiarities of the translation of phraseological units in political texts. Speeches of Russian politicians and their translations into English are used as material for the research. The article discusses ways of translating phraseological units that can be used to convey the idea of the source text and create an adequate translation.

Ключевые слова: фразеологизм, трансформации, перевод, политические тексты, соответствие.

Key words: phraseological unit, transformations, translation, political texts, correspondence.

Фразеологизм – сложное по своему характеру и внутреннему содержанию понятие, единого определения которого не существует. Исследованию фразеологических единиц посвящено множество различных работ как в отечественной, так и зарубежной науке.

В лингвистическом энциклопедическом словаре представлено следующее определение понятия фразеологизм: «Фразеологизм (фразеологическая единица) — общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [24]. К.Я. Авербух определяет фразеологическую единицу как «устойчивое, воспроизводимое в речи сочетание слов или предложения с полностью или частично переосмысленным значением» [Авербух, 2009, с.

10]. Согласно А. В. Кунину «фразеологизмы являются сочетаниями слов, т.е. отдельно оформленными образованиями с полностью или частично переосмысленными компонентами, фразеологическими значениями» [Кунин, 1996, 5]. Автор обращает внимание на то, что для фразеологических единиц характерна «устойчивость на фразеологическом уровне, закономерные зависимости словесных компонентов и структурно-семантическая немоделированность» [Кунин, 1996, 5].

В работе «Русский язык» В.В. Виноградов выделяет три типа фразеологизмов:

- фразеологические сращения

Фразеологические единицы этого типа немотивированны и непроизводны. Значение таких фразеологизмов не имеет связи со значением их отдельно взятых компонентов.

- фразеологические единства

Фразеологические единицы такого рода также семантически неделимы, однако их значение мотивировано и возникает в результате слияния значений компонентов.

- фразеологические сочетания

В данном случае фразеологическими сочетаниями являются фразы, которые образуются путем реализации несвободных значений слов [Виноградов, 1977, 140-161].

Цель данного исследования заключается в сравнении фразеологизмов и их переводов на английский язык.

Перевод - это особый вид деятельности, которая заключается в восприятии смысла текста на одном языке и его последующей интерпретации на другом языке. Перед переводчиками стоит сложнейшая задача, которая заключается не только в передаче содержания, но и преодолении несоответствий, возникающих в процессе перевода с одного языка на другой, создании адекватного перевода, который бы максимально соответствовал оригиналу. Переводчик должен создать произведение, которое соответствует исходному тексту по форме, стилю и смыслу, но и самое главное, по создаваемому впечатлению от прочитанного. Н.К. Гарбовский обращает внимание на значимость производимого переводом впечатления в сравнении с оригиналом: при переводе необходимо руководствоваться тем, вызывает ли перевод такие же эмоции, что и оригинал [Гарбовский, 2007, с. 177].

Иногда переводчику приходится использовать определенный набор лингвистических инструментов. Под переводческими трансформациями понимаются технические приемы, которые могут быть использованы при переводе для передачи смысла, заложенного автором и преодоления несоответствий в языках.

Л.С. Бархударов определял переводческие трансформации как «многочисленные и качественно разнообразные преобразования, которые осуществляются для достижения

переводческой эквивалентности, вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [Бархударов, 1975, с. 190]. В свою очередь Р.К. Миньяр-Белоручев рассматривал переводческие трансформации как «изменении формальных (лексические и грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи» [Миньяр-Белоручев, 1980, с. 201]. Существуют различные виды переводческих трансформаций в зависимости от характера языковых единиц, рассматриваемых в качестве исходных в процессе преобразования.

Что же касается перевода фразеологизмов, в своей работе Я.И. Рецкер выделял четыре способа передачи фразеологических единиц с образной основой:

- 1) сохранение в полном объеме образа исходного языка;
- 2) частичное изменение образа исходного языка;
- 3) в процессе перевода образ языка оригинала заменяется целиком;
- 4) отказ от образности, использование описательного перевода [Рецкер, 1974, с.158]

В.Н. Комиссаров рассматривал три вида соответствий образным фразеологическим единицам оригинала:

- 1) фразеологические эквиваленты

Фразеологизм языка перевода во всех отношениях совпадает с фразеологической единицей исходного языка.

- 2) фразеологические аналоги

В случае отсутствия в языке перевода эквивалента необходимо обратить внимание на

фразеологизмы, которые имеют такое же переносное значение, однако основаны на другом образе.

- 3) калькирование иноязычной образной основы.

Автор отмечает, что при создании кальки необходимо убедиться, правильно ли будет понято ее переносное значение. [Комиссаров, 1999, 181-182]

В данной работе мы рассмотрим некоторые примеры фразеологических единиц и их переводы на английский язык. В ходе анализа выступлений политических деятелей мы выделили следующие способы перевода фразеологизмов:

- Сохранение в полном объеме образа исходного языка – подбор фразеологического эквивалента.
- Частичное изменение образа исходного языка.
- Замена образа оригинала – подбор фразеологического аналога

- Использование описательного перевода в процессе перевод
- Использование приема опущения – отказ от перевода фразеологической единицы.

По способу перевода фразеологических единиц мы разделили примеры на:

- Фразеологизмы, при переводе которых образ исходного языка был полностью сохранен.

Надеемся, что Генконференция даст зеленый свет разработке Рекомендации по этике искусственного интеллекта.

We hope that the General Conference will give the green light to the drafting of a global code of ethics for artificial intelligence.

В русском языке фразеологизм «дать зелёный свет» означает «позволять или способствовать беспрепятственному осуществлению чего-либо» и имеет эквивалент в английском языке «give the green light to sth» – «to give permission for someone to do something or for something to happen», значение которого дословно переводится как «дать разрешение кому-то сделать что-то или чему-то случиться».

В данном случае при переводе был подобран фразеологический эквивалент: фразеологическая единица в исходном языке преобразована в аналогичную единицу языка перевода, поскольку в языке перевода существует фразеологизм с образной основой, который во всех отношениях совпадает с фразеологической единицей оригинала.

В Венесуэле я чувствую себя как дома.

I feel at home in Venezuela.

Фразеологизм «чувствовать себя как дома» имеет следующее значение: «чувствовать себя уютно и комфортно, быть в привычной обстановке». В данном предложении при переводе был выбран фразеологизм с образной основой, который по всем параметрам совпадает с фразеологической единицей оригинала: «feel at home» - «to feel comfortable and relaxed» (досл. чувствовать себя комфортно и расслабленно).

В приведенных выше примерах для перевода фразеологических сращений был использован наиболее приемлемый способ передачи фразеологической единицы – подбор иноязычного эквивалента. Подбор фразеологического эквивалента позволяет не только в полном объеме передать интерпретировать смысл фразеологизма исходного текста, но и сохранить образность речи, более ярко выразить отношение к высказыванию.

- Фразеологизмы, при переводе которых образ исходного языка был частично изменен.

*И конечно, в отношении террористических группировок недопустимы двойные стандарты или какие бы то ни было компромиссы, тем более их авантюрное использование в геополитических целях, поскольку любые заигрывания с террористами **играют им на руку**, побуждают совершать новые кровавые злодеяния.*

*Of course, double standards or any compromises are unacceptable when it comes to terrorist groups, not to mention making reckless use of them to achieve geopolitical ends, since flirting with terrorists **plays into their hands** and emboldens them to commit new bloody atrocities.*

Фразеологизм «играть на руку» означает «косвенно помогать, содействовать кому-либо (обычно противной стороне) в чём-либо». В исходном языке он преобразован в практически аналогичную единицу языка перевода, поскольку в языке перевода существует фразеологизм с образной основой, который частично совпадает с фразеологической единицей оригинала: «play into someone's hands» - «to do exactly what an opponent or enemy wants one to do» (досл. делать именно то, что хочет оппонент или враг). В приведенном выше примере образ был сохранен, однако грамматическая форма выражения изменена: единственное число в русском языке «на руку», множественное – в английском «into their hands».

- Замена образа оригинала – подбор фразеологического аналога

*Нынешний кризис неизбежно **наложит отпечаток** на глобальное развитие, причём на длительный срок.*

*The current crisis will inevitably **take its toll** on global development, and for the long term.*

Фразеологизм «наложить отпечаток на кого, на что» означает «оставить заметный след, оказать воздействие». Для перевода данной фразеологической единицы был использован способ подбора аналога: «Take its toll» - «To have a bad effect on someone or something, especially over a long period of time» (Оказывать негативное воздействие на кого-то или что-то, в особенности в течение длительного периода времени).

При переводе фразеологизма «наложить отпечаток» была подобрана фразеологическая единица с похожим переносным значением, которая основана на другом образе. Однако фразеологизм, использованный в исходном тексте, нейтрален, он может иметь как положительную коннотацию, так и употребляться в отрицательном смысле. В то время как выражение «take its toll» обладает отрицательной коннотацией. В этом случае мы считаем, что необходимость использования данного выражения оправдана и связана с контекстом.

- Использование описательного перевода в процессе перевод

Рассчитываем, что на текущей сессии будет дан «зеленый свет» учреждению Международной премии ЮНЕСКО-Россия им. Д.И.Менделеева за достижения в области фундаментальных наук.

*We hope that participants in the current session will **signal the approval** of the UNESCO-Russia Mendeleev International Prize for achievements in the area of fundamental research.*

Фразеологизм «дать зелёный свет» означает «позволить или способствовать беспрепятственному осуществлению чего-либо». В приведенном выше примере несмотря на наличие соответствующего как по форме, так и внутреннему содержанию эквивалента «give the green light», переводчик решил отказаться от образности и передать значение фразеологизма «зелёный свет» с помощью описательного перевода «одобрить, выразить одобрение». Смысл данной фразеологической единицы был выражен сжато и в легкой для восприятия форме.

*Кто-то уже думает **уйти на заслуженный отдых**, посвятить больше времени семье, детям, внукам.*

*Some are already thinking about **retiring**, devoting more time to their family, children, and grandchildren.*

В данном предложении переводчик решил отказаться от образности и передать значение фразеологизма «уйти на заслуженный отдых» с помощью описательного перевода. Использование данного способа позволило в более краткой и ясной форме объяснить смысл фразеологической единицы, а также значительно облегчить текст стилистически за счёт употребления нейтрального слова «retiring».

*Так, мы увеличиваем экспортные пошлины на лес-кругляк, для примера, но одновременно готовы **подставить плечо** тем, кто готов вкладываться в мощности по переработке леса.*

*For example, we will raise export duties on round timber, but at the same time, we are ready **to provide assistance** to those who are willing to invest in timber processing, and create the most favourable conditions for the export of finished products, including to third countries.*

Фразеологическая единица «подставить плечо» означает «приходить на помощь кому-либо в трудные для него минуты». При переводе был использован приём описательного перевода: значение фразеологизма «подставить плечо» было передано с помощью выражения «provide assistance- оказывать помощь, содействие». Смысл выражения был передан полностью, однако образный строй оригинала не был сохранен, также была утрачена эмоциональная окраска предложения.

В приведенных выше примерах значение фразеологических единиц исходного текста было передано с помощью описательного перевода. Данный способ перевода

фразеологических единиц может быть использован, в случае если в языке перевода отсутствует эквивалент. Он позволяет точно передать смысл, заложенный автором, однако не всегда представляется возможным сохранить экспрессивность, эмоциональную окраску высказывания путем развернутого объяснения.

- Использование приема опущения – отказ от перевода фразеологической единицы

*Современная Россия, уже **имеющая за плечами** опыт успешного сотрудничества со странами Африки во времена СССР, сегодня готова предложить Африканскому континенту взаимовыгодное равноправное партнерство и совместно реализовывать накопленный десятилетиями потенциал.*

*Modern Russia, **with** its vast experience of successful cooperation with African countries during the Soviet era, is now ready to offer the African continent a mutually beneficial equal partnership and jointly uncover the potential accumulated over decades.*

Фразеологизм «за плечами», использованный в данном фрагменте текста, имеет два значения: первое – «позади кого-либо и в непосредственной близости» и второе – «то, что было в прошлом, что пришлось пережить, испытать». При переводе был использован прием опущения: значительно сокращен текст оригинала, за счет отказа от перевода фразеологической единицы «имеющая за плечами». Переводчик устранил образность без потери смысла высказывания. Это может быть обусловлено отсутствием в языке перевода эквивалентной единицы, а отказ от подбора фразеологического аналога – стремлением избежать чрезмерной избыточности высказывания.

*Отмечу и действия наших западных коллег, направленные на подрыв универсальных принципов реализации Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО), что также **вносит лепту** в углубление кризисных явлений в сфере нераспространения оружия массового уничтожения.*

It should be said that our Western colleagues' activities are undermining the fundamental principles of the Chemical Weapons Convention (CWC), which is deepening the crisis in the non-proliferation of weapons of mass destruction.

Фразеологизм «вносить лепту» имеет значение «принимать посильное участие в каком-л. деле». Переводчик использовал приём опущения: отказался от передачи фразеологизма «вносит лепту» при переводе. Это в свою очередь позволило не только сократить объём предложения без потери смысла, но и облегчить его восприятие.

Цель исследования заключалась в сравнении фразеологизмов и их переводов на английский язык, анализе способов перевода фразеологических единиц в политических

текстах. В качестве материала для исследования были использованы 23 выступления российских политических деятелей и их переводы на английский язык.

Как известно, политические тексты главным образом нацелены на формирование конкретной позиции, на воздействие на массового адресата. Это обуславливает тот факт, что одной из характерных особенностей политической коммуникации является общедоступность. Политические тексты должны быть понятными, а также легко восприниматься адресатами. Политической коммуникации также присуща экспрессивность. Благодаря использованию специальных выразительных средств языка усиливается образность, обогащается содержание, а также подчеркивается значимость отдельного высказывания.

Сравнительный анализ фразеологизмов, используемых в политических текстах и их переводов на английский язык, позволил выявить наиболее эффективные способы передачи фразеологических единиц: подбор фразеологических эквивалентов и аналогов. Данные способы позволяют точно и четко передать смысл, а также сохранить образность и выразительность речи, которые ей придают фразеологизмы. Что касается описательного перевода и приёма опущения, можно сделать вывод, что их использование даёт возможность правильно передать значение в случае отсутствия эквивалентов в языке перевода, однако зачастую отказ от образности может привести к изменению производимого впечатления.

Список литературы:

- Авербух К.Я.* Лексические и фразеологические аспекты перевода / К.Я. Авербух О.М. Карпова. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 176 с.
- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. / Л.С. Бархударов. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977. - С. 140-161.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. / Н.К. Гарбовский. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. Курс лекций. — М.:ЭТС,1999.192 с.
- Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. — М., 1996. 396 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. / Р.К. Миньяр - Белоручев. М.: Воениздат, 1980. 238 с.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика. / Я.И. Рецкер—М.: Международные отношения, 1974. 216с.

References:

- Averbukh K.Ya.* Leksicheskie i frazeologicheskie aspekty perevoda / K.Ya. Averbukh O.M. Karpova. M.: Izdatel'skii tsentr «AkademiYA», 2009. 176 s.
- Barkhudarov L.S.* Yazyk i perevod. / L.S. Barkhudarov. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 s.
- Garbovskii N.K.* Teoriya perevoda. / N.K. Garbovskii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. 544 s.
- Komissarov V.N.* Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. M.: Vyssh. shk., 1990. 253 s.
- Komissarov V.N.* Sovremennoe perevodovedenie. Kurs lektzii. — M.:EHTS,1999.192 s.
- Kunin A.V.* Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka. — M., 1996. 396 s.

Min'yar-Beloruhev R.K. Obschchaya teoriya perevoda i ustnyi perevod. / R.K. Min'yar - Beloruhev. M.: Voenizdat, 1980. 238 s.

Retsker Ya.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. / Ya.I. Retsker– M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. 216s.

Vinogradov V.V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. - M., 1977. - S. 140-161.

Электронный ресурс:

1. <http://kremlin.ru/events/president/news/61451>
<http://en.kremlin.ru/events/president/news/61451>
2. <http://kremlin.ru/events/president/news/60756>
<http://en.kremlin.ru/events/president/news/60756>
3. <http://kremlin.ru/events/president/news/59272>
<http://en.kremlin.ru/events/president/news/59272>
4. <http://kremlin.ru/events/president/news/58405>
<http://en.kremlin.ru/events/president/news/58405>
5. https://www.mid.ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/4028967
https://www.mid.ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/4028967?p_p_id=101_INSTANCE_ICoYBGcCUgTR&_101_INSTANCE_ICoYBGcCUgTR_languageId=en_GB
6. https://www.mid.ru/atr/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/4019364
https://www.mid.ru/atr/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/4019364?p_p_id=101_INSTANCE_0vP3hQoCPRg5&_101_INSTANCE_0vP3hQoCPRg5_languageId=en_GB
7. https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3904674
https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3904674?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB
8. https://www.mid.ru/ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/3739893
https://www.mid.ru/ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/3739893?p_p_id=101_INSTANCE_MCZ7HQuMdqBY&_101_INSTANCE_MCZ7HQuMdqBY_languageId=en_GB
9. https://www.mid.ru/ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/3692774
https://www.mid.ru/ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/3692774?p_p_id=101_INSTANCE_MCZ7HQuMdqBY&_101_INSTANCE_MCZ7HQuMdqBY_languageId=en_GB
10. <http://kremlin.ru/events/president/news/63453>
<http://en.kremlin.ru/events/president/news/63453>
11. <http://kremlin.ru/events/president/news/63445>
<http://en.kremlin.ru/events/president/news/63445>
12. <http://kremlin.ru/events/president/news/63372>
<http://en.kremlin.ru/events/president/news/63372>
13. <http://kremlin.ru/events/president/news/63367>
<http://en.kremlin.ru/events/president/news/63367>
14. <http://kremlin.ru/events/president/news/63416>
<http://en.kremlin.ru/events/president/news/63416>
15. <http://kremlin.ru/events/president/news/63070>
<http://en.kremlin.ru/events/president/news/63070>
16. https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3908341
https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3908341?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB
17. https://www.mid.ru/organizacia-ob-edinennyh-nacij-po-voprosam-obrazovania-nauki-i-kul-tury/-/asset_publisher/IKce0ngQQV7r/content/id/3860771
https://www.mid.ru/organizacia-ob-edinennyh-nacij-po-voprosam-obrazovania-nauki-i-kul-tury/-/asset_publisher/IKce0ngQQV7r/content/id/3860771?p_p_id=101_INSTANCE_IKce0ngQQV7r&_101_INSTANCE_IKce0ngQQV7r_languageId=en_GB

18. https://www.mid.ru/ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4025776
https://www.mid.ru/ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4025776?p_p_id=101_INSTANCE_MCZ7HQuMdqBY&_101_INSTANCE_MCZ7HQuMdqBY_languageId=en_GB
19. https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3900846
https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3900846?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=en_GB
20. https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/YCxLFJnKuD1W/content/id/4172523
https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/YCxLFJnKuD1W/content/id/4172523?p_p_id=101_INSTANCE_YCxLFJnKuD1W&_101_INSTANCE_YCxLFJnKuD1W_languageId=en_GB
21. https://www.mid.ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/3894915
https://www.mid.ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/3894915?p_p_id=101_INSTANCE_O3publba0Cjv&_101_INSTANCE_O3publba0Cjv_languageId=en_GB
22. <http://kremlin.ru/events/president/news/58297>
<http://en.kremlin.ru/events/president/news/58297>
23. <http://kremlin.ru/events/president/news/62888>
<http://en.kremlin.ru/events/president/news/62888>
24. <http://tapemark.narod.ru/les/559a.html>

Вьюнов Юрий Андреевич
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Viunov Yuri
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

РУССКОЕ МЕССИАНСТВО КАК ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

RUSSIAN MESSIANISM AS A FACTOR OF INTERCULTURAL COMMUNICATIONS IN HISTORICAL CONTEXT

В данной статье, в историческом контексте, исследуются смысл и характерные черты русского национального мессианства как органичной части его духовных ориентаций и как фактор межкультурной коммуникации. Автор отмечает, что укоренение в русском общественном сознании, еще со времени Московской Руси, христианско-православной идеи о Москве - третьем Риме, стало истоком, духовной, мировоззренческой основой национального мессианства.

Большое место автор уделяет возрождению мессианства, как характерной черты русского национального самосознания в советское время, на новой социальной и духовно-нравственной основе. При этом подчеркивается, что несмотря на трансформации мессианской идеи в новую эпоху, ее смысл и характерные черты, воплощаемые в общественной практике, оставались неизменными.

В статье, на конкретных примерах, показывается реализация исторической миссии России в событиях мирового уровня и значения. Особое внимание в исследовании уделяется роли русского народа, его культурной и социально-психологической толерантности, как важных факторов объединения народов многонациональной России, развития российской государственности и культуры в разные исторические эпохи.

In this article, in the historical context, the meaning and characteristic features of Russian national messianism as an organic part of its spiritual orientations and as a factor of intercultural communication are studied. The author notes that the rooting in Russian public consciousness, since the time of Moscow Russia, the Christian Orthodox idea of Moscow - the third Rome, has become the source, spiritual, worldview basis of the national Messianism.

The author gives a great place to the revival of Messianism, as a characteristic feature of Russian national consciousness in Soviet times, on a new social and spiritual and moral basis. At the same time, it is emphasized that despite the transformation of the Messianic idea into a new epoch, its meaning and characteristic features, embodied in public practice, remained unchanged.

The article shows, by concrete examples, the realization of Russia's historical mission in the events of world level and significance. Particular attention is paid to the role of the Russian people, its cultural and socio-psychological tolerance as important factors in uniting the peoples of multinational Russia, the development of Russian statehood and culture in different historical epochs.

Ключевые слова: русское мессианство, межкультурная коммуникация, христианско-православные истоки, духовные ориентации, национальное самосознание, социально-психологическая толерантность, «всемирная отзывчивость», социалистические идеалы, государствообразующий народ.

Key words: Russian messianism, intercultural communication, Christian-Orthodox origins, spiritual orientations, national identity, social and psychological tolerance, "world responsiveness," socialist ideals, state-forming people.

Как известно, межкультурная коммуникация включает самые разные формы, виды и типы общения между людьми: народами, культурами, религиями, субкультурами внутри больших культур. При этом содержание коммуникационных процессов, их цели,

особенности и результаты во многом зависят от того, какие духовные ориентиры, морально нравственные ценности, этические нормы и установки являются господствующими в той или иной национальной культуре, обществе. В данной статье мы рассмотрим, в историческом контексте, смысл и характерные черты русского национального мессианства как органичной части его духовных ориентаций и как фактор межкультурной коммуникации. Что представляется особенно актуальным сегодня, в связи с растущим вниманием к изучению различных аспектов развития российской цивилизации, как локальной культурно-исторической общности и русских как государствообразующей нации России. Неслучайно, в связи с поправками к Конституции РФ, вынесенными на народное голосование 22 апреля 2020 г., предлагается включить и такую: «Государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык, как язык государствообразующего народа».

Россия давно является одной из крупнейших европейских и мировых держав, которая играет важную роль в мировой политике и культуре. При этом считалось, да и сегодня считается многими (несмотря на современную труднейшую ситуацию), что Россия не только самобытная страна, но страна, предназначение которой – великие свершения, что она, уже в силу своего геополитического положения, просто обречена быть великой. Известный русский философ Н.А. Бердяев по этому поводу писал: «С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому...» [Бердяев, 1992, с. 296].

Действительно, эта мысль берет свое начало еще с той поры, когда возникла идея о Москве как третьем Риме. Свое идейно-теоретическое оформление данная идея получила в XVI в. в «Послании» Филофея, инока Псковского Елизарова монастыря. Согласно этой теории история человечества есть ни что иное, как процесс возникновения, развития и упадка мировых царств. Смена мировых царств определяется Богом. Исходя из провиденциального понимания «богоизбранности» народов, Филофей полагал, что первым мировым царством был Древний Рим, но он не устоял перед языческими искушениями и был за это осужден Богом на гибель. Вторым Римом стала Византия во главе с Константинополем, который явился продолжателем истинной христианской традиции. Однако за то, что Византийская, греко-православная церковь, пошла на соглашение с римско-католической церковью и признала Флорентийскую унию (1439), Византийское царство также было наказано – отдано на разрушение и разграбление туркам-османам.

После падения Восточно-Римской империи хранителем христианско-православного вероучения становится, по Филофею, русский народ, Россия, а Москва предназначена быть «третьим Римом». Одновременно в «Послании» подчеркивалось, что Москва -«третий Рим» будет стоять вечно: «Два Рима пали, третий стоит, а четвертому не бывать». При этом

политическое влияние Москвы рассматривалось как прямое следствие ее приверженности православному христианству, религиозной непоколебимости. Именно на этой мировоззренческой основе формировалась идея русского национального мессианства, глубоко укоренившаяся в российском общественном сознании. Ее стержнем явилось неистребимое стремление всех спасти, «принести страждущим» истинную высокую духовность, христианско-православное милосердие и сострадание.

Этими представлениями об особой исторической роли Московской Руси (а затем и России) как «третьего Рима», которые глубоко укоренились в российском общественном сознании, вдохновлялись русские религиозные подвижники и движения (включая духовных вождей старообрядчества), православное учение о русских как о богоизбранном народе, славянофильская идеология и идейные искания евразийцев. Заметим, что и вся русская культура (особенно литература и философия) в значительной мере пронизана идеями мессианства. Все это во многом определило историю и судьбу Московского государства, а затем и Российской империи. Оно отразилось и на взаимоотношениях России с другими народами и государствами.

Здесь следует уточнить само понятие *мессианства* и его отличие от *миссионерства*. Мессианство, как известно, есть религиозная вера в пришествие Мессии – спасителя, который явится людям для установления справедливого порядка - «Царства Божьего». В рассматриваемом же нами контексте этот термин означает воззрение на особую роль какого-либо народа (государства) в изменении к лучшему хода мирового развития, общественных условий, конкретно-исторической кризисной ситуации в той или иной стране. Мессианские воззрения восходят еще к иудаизму и в ходе своего развития проделали сложную историческую эволюцию. Формула об особой исторической роли Московского государства - «третьего Рима», как видим, также имеет корни в мессианских представлениях о богоизбранности. Однако, с развитием процессов секуляризации, мессианские воззрения на ход исторического развития постепенно утрачивают религиозное содержание. Особая историческая миссия того или иного народа (государства) начинает объясняться другими причинами, а именно: сочетанием уникальных политических, социально-экономических, культурных и национально-психологических качеств.

Что касается миссионерства, то это деятельность религиозных организаций, направленная на распространение своего вероучения среди населения с другим вероисповеданием. Миссионерство характерно для всех мировых и некоторых национальных религий. Однако, наибольшее распространение оно получило именно в христианстве, что явилось следствием не только собственно религиозных, но и иных факторов. Например, великие географические открытия в XV-XVI вв., приведшие к

образованию огромных колониальных владений европейских монархий, создали предпосылки для прозелитизма, активной и систематической деятельности римско-католической церкви. Миссионерство может быть обусловлено и культурным призванием народа. Так, Ф.М. Достоевский верил не только в религиозное призвание, но и вообще в «исключительную миссию русского народа». «Русская душа..., гений народа русского, - отмечал писатель, - может быть наиболее способный, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь *нравственная черта*» [Достоевский, 1992, с. 132].

Объясняя *христианско-православные истоки* (курсив мой- Ю.В.) русского мессианства один из лидеров евразийства Е.Н. Трубецкой в статье «Старый и новый национальный мессианизм» отмечал: «Так или иначе, русский национальный мессианизм всегда выражался в утверждении *русского Христа...*» [Трубецкой, 1992, с. 243]. И далее продолжает: «...Н.А. Бердяев совершенно правильно считает признаком национального мессианизма утверждение *исключительной* близости одного народа ко Христу, признание его первенства во Христе. В этом он совершенно справедливо полагает отличие мессианизма от *миссионизма*. Народов с каким-либо призванием или миссией, в частности с миссией религиозной, может быть много. Между тем народ-Мессия может быть только один...» [Там же].

В историческом прошлом, например, в эпоху Московского государства, христианизация населения способствовала, с одной стороны, укреплению государственной власти, единству страны и народа, а с другой, проникновению достижений великорусской культуры в самые отдаленные уголки огромного государства, способствовали приобщению к ним (а в более широком контексте и к европейским культурным ценностям) многих ранее отсталых, в культурном отношении, азиатских народов. Так было и позже, в XVIII - и в XIX вв. Как писал выдающийся русский философ и политический мыслитель И.А. Ильин «...Православная церковь никогда не обращала иноверных в свою веру, мечом и страхом, открыто осуждая это и запрещая уже в ранние века своего распространения... В религии, как и во всей культуре, русский организм *творил и дарил, но не искоренял, не отсекал и не насиловал...*» [Ильин, 1992, с. 433]

Мессианское христианско-православное сознание особенно было характерно для допетровской Руси, когда Москва «считала себя единственным убежищем правой веры и истинного благочестия». Не случайно этот период в истории связывают с понятием Святая Русь. Однако со временем, по мере секуляризации общественной жизни, оно постепенно

утрачивало питавшие его религиозные корни. В середине XIX в. наиболее последовательными сторонниками и носителями мессианских воззрений в российском общественном сознании становятся представители одного из важнейших течений русской общественно-политической мысли - славянофилы (И. С. и К.С. Аксаковы, И.В. и П.В. Киреевские, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков и др.). Позже, некоторые идеи славянофилов получили развитие в идеологии почвенничества (ставившей целью сближение образованного общества с народом – «почвой» на религиозно-этической основе) и панславизма.

В этой связи обратим внимание, что христианско-православное мессианство как доктрина включало в себя всемерное укрепление славянского братства, содействие благополучию и процветанию славянских народов. Здесь нельзя не сказать, например, о благотворном влиянии на южнославянскую культуру и литературу творчества А.С.Пушкина. Начиная с 20-х годов XIX в. стали появляться произведения великого русского поэта на сербском, хорватском, словенском, болгарском и других славянских языках. При этом заметим, что время распространения его трудов совпало с процессом формирования и развития национальных культур у южных славян, тесно связанного с процессом роста национального самосознания и освободительной борьбы народов балканского полуострова. О значении творчества А.Пушкина, так говорилось, например, в «Антологии творчества А.С.Пушкина», изданной в Белграде на хорватском языке в 1899 г.: «Великие гении не живут только для себя и своего народа, они снабжают богатством своих идей, красотой своих сочинений все народы. Пушкин дарил и еще долго будет дарить все человечество... Имя Пушкина каждому славянину – святыня» [Цит.по: Манько, 2010, с.92]. Да и у самого Пушкина славянская тема обнаружилась уже в ранних работах. Может быть в наибольшей степени она нашла свое отражение в «Песнях южных славян».

И еще один пример: Россия никогда не бросала в беде южных славян. В XIX в. именно Россия помогла Болгарии и Сербии, другим славянским народам, освободиться от османского ига, отстаивать свою свободу и независимость. Заметим, что во время сербо-турецкой войны 1876 г. Россия официально не могла оказывать помощь Сербии. Поэтому ее поддержка опиралась главным образом на массовое общественное движение, энтузиазм и духовный подъем русского народа: во многих губерниях Российского государства были созданы в то время славянские комитеты. Сотни добровольцев устремились на Балканы к своим братьям по крови и вере. В результате число русских военных в 20-тысячной сербской армии достигло тогда 5 тысяч. В госпиталях Сербии и Черногории работали русские добровольцы-врачи, среди которых были и такие известные медики, как Н.В. Склифосовский и С.П.Боткин. В защиту южных славян выступали выдающиеся деятели

отечественной культуры – Ф.М.Достоевский, Д.И.Менделеев, Н.И.Пирогов, И.Е.Репин, Л.Н.Толстой, И.С.Тургенев и др. Тогда Россия, ее мессианская идеология и практика помогли освободить балканские народы от турецкого владычества, способствовали образованию свободных славянских государств – Сербии, Черногории, Болгарии, Греции и др. Позднее именно Россия, уже в начале XX в., по сути спасла от истребления армян на территориях, контролируемых властями Османской империи.

С тех пор прошло более ста лет. За это время мир пережил множество локальных и глобальных общественных катаклизмов, и все в нем, кажется, изменилось. Однако в конце XX столетия мы стали свидетелями того, как история повторяется. И когда НАТО во главе с США в марте 1999 г. осуществил прямую военную акцию против суверенной Югославии, Россия, практически единственная из европейских стран, вновь заняла твердую позицию, осудив агрессию и выступив в поддержку суверенных прав славянского государства. Миротворческая деятельность России, дипломатическая, моральная и гуманитарная помощь с ее стороны жертве агрессии Сербии сыграли важную роль в разрешении этого опасного конфликта на Балканах.

Впрочем, здесь нельзя не сказать и о некоторых негативных тенденциях внутри славянского мира по отношению к самой России, которые наблюдались в прошлом и сегодня проявились, может быть, особенно явно. Об этом с горечью писали отечественные мыслители (в частности, Ф. Достоевский) в самый разгар событий на Балканах в конце XIX в. и позже, уже в наше время (В. Распутин). Как не вспомнить в этой связи слова Н. Бердяева, будто написанные в наше время: «В великий час освобождения России все вдруг пожелали от нее отделиться, никто не хочет оставаться с ней в единении свободной любви... Ни у кого не оказалось благородного уважения к первым дням освобождения страны и народа от долгого рабства... Если неблагодарная вражда к нам и желание отделиться от нас идет от чужих нам по крови и по духу иноплеменников и инородцев, то это еще не так печалит и не так возмущает, как подобное отношение со стороны братьев по крови...» [Цит. по: Михайлов, 1998, с. 149]. Однако эта сложная и важная проблема заслуживает особого, внимательного изучения и оценки.

Но вернемся к сути заявленной проблемы. Итак, мессианство, как характерная черта русского национального сознания, имеет своим истоком христианско-православное учение, носит в основном религиозно-мистический характер и ярко выражено в идее «Святой Руси» (прежде всего эпохи русского средневековья). Цель русского мессианства, на протяжении всего исторического пути народа, состояла в том, чтобы послужить всем народам мира, делу их избавления от зла и страданий. Показательна, в этой связи, мысль П.Я. Чаадаева, который говорил, что само «провидение создало нас слишком великими, чтобы быть

эгоистами». Оно, по мнению философа, «поставило нас вне интересов национальностей, поручив нам интересы человечества» [Чаадаев, 1992, с. 43]. Слияние воедино «всечеловечности» русской культуры (согласно Ф.М.Достоевскому), концепции «всеединства», созданной известным русским религиозным философом В.С. Соловьевым и идеи русского космизма, разработанной выдающимся русским ученым – естествоиспытателем и философом В.И.Вернадским, создают ту прочную духовную основу, которая имеет непреходящее значение для укрепления духа партнерства, доверия и сотрудничества между народами в современном сложном и меняющемся мире

Обратим внимание, что не только у русских, но и у других крупных наций возникает идеал национального мессианства. Можно привести немало примеров вселенской миссии стран и народов, которые в своем национальном творчестве, исторической деятельности воплощали сверхнациональные ценности и таким образом оказывали влияние на жизнь и судьбу других народов. Интерес представляют, в этой связи, идеи русского ученого и публициста Н.Я.Данилевского (1822-1885), впервые разработавшего теорию культурно-исторических типов. В своей широко известной работе «Россия и Европа» он писал: «Только народы, составлявшие культурно-исторические типы, были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях их духовной культуры, так и в особенных внешних условиях, в которые они были поставлены, и этим вносили свой вклад в общую сокровищницу» [Данилевский, 1869: электр.ресурс]. Позже большой вклад в разработку концепций локальных цивилизаций внесли – немецкий ученый О.Шпенглер («Закат Европы»), англичанин А.Дж.Тойнби («Исследование истории»).

В свое время (конец XV- XV111 вв.) Испания, например, в значительной мере определила общественное развитие и направленность культурного процесса огромного региона, в так называемом Новом Свете – Латинской Америке. Множество местных субкультур объединили тогда, испанский язык и католическое христианство. И еще один пример, уже из современной жизни: сегодня большинство граждан США, как отмечают социологи, не только свято верят в превосходство американской государственной системы и образа жизни, но и считают распространение этого образа жизни во всем остальном мире делом нужным и важным. Это несомненно укрепляет стремление правящего политического класса США насаждать свое понимание демократии, свой образ жизни во всех уголках нашей планеты (порой применяя не только политические или финансово-экономические инструменты, но и военную силу, как это было в Югославии, Ираке, Ливии и др.).

Эпоха революций начала XX в. в России увенчалась созданием атеистического Советского государства. Церковь была отделена от государства, в результате чего

религиозные конфессии, в том числе и Русская православная церковь, стали частными организациями. Более того, в течение десятилетий в стране велась целенаправленная и жесткая борьба с религией, причем разными средствами и методами: и пропагандой научного атеизма, и административными решениями, и разрушением храмов, и запретами, и прямыми репрессиями. Тем не менее, религиозно-православное мировоззрение всегда оставалось не только одной из важных сфер общественной жизни, но и внутренней потребностью многих людей.

Что касается мессианства, как глубинной и характерной черты русского национального самосознания, то оно продолжало жить в народе и в советское время, возродившись, однако, *на новой социальной основе* (курсив мой - Ю.В.). Свое наиболее полное выражение оно получило в идеях (рассматриваемых иррационально, чуть ли не религиозно) о построении на земле светлого будущего, о мировой революции и победе социализма во всем мире. При этом призыв к построению в России «первого в мире социалистического государства», как оплота мирового социализма вполне укладывался в тезис о «богоизбранности» русского народа, а христианско-православное мессианство получило свое логическое продолжение в идеях «пролетарского» и «социалистического интернационализма», в стремлении помочь другим народам перестроить жизнь на основе социалистических идеалов, в лозунгах о «расцвете и сближении наций» Советского Союза. Процесс создания в СССР, после Октября 1917 г., нового общества был настолько всеобъемлющ и глубок, что можно говорить о появлении, за время существования Советского государства, «русско-советского человека». «Русский коммунизм, если взглянуть на него глубже, в свете русской исторической судьбы, есть деформация «старой русской мессианской идеи» и универсализма...», - писал, в этой связи, уже упоминавшийся здесь Н.Бердяев [Бердяев, 1990, электр. ресурс]. Таким образом, мессианство русских, по сути, предлагает миру другие пути, другое общественное бытие, отличающееся от западноевропейского.

Социальное мессианство, пассионарность, искреннее стремление оказать помощь другому народу, прекрасно демонстрируют, например, строчки известного стихотворения «Гренада», советского поэта М. Светлова, посвященные революции в Испании (1931-1939): *«Я хату покинул, пошел воевать, // Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать. // Прощайте, родные! Прощайте, семья! // «Гренада, Гренада, Гренада моя!»* Как видим, русский человек в стихотворении Светлова бросает свой родной дом, близких друзей и дела ради того, чтобы в далекой Испании помочь бедным крестьянам отстоять свои права. «Всечеловечность русской души» довольно широко отражена в высказываниях и трудах многих видных деятелей отечественной культуры, но *главное, в самой общественно-исторической*

практике (курсив мой – Ю.В.). И, что здесь особенно обращает на себя внимание, так это не только отзывчивость русского человека, но и бескорыстное стремление к братскому единению с другими народами, его толерантность («генетическая гибкость», по определению историка Л.Н.Гумилева).

Ф.М. Достоевский говорил в своей знаменитой речи при открытии памятника А.С. Пушкину в Москве: «Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите» [Достоевский, 1992, с.145]. И далее подчеркнул: «Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретённая, а силою братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» [Там же]. А один из крупнейших деятелей Сербской Православной Церкви, Преподобный Иустин (Попович) (1894-1979) вслед за Ф.М.Достоевским (которого считал своим «вечным учителем»), говоря о тайне религиозно-мессианского призвания России, утверждал, что «... всечеловечность – это национальная русская идея» [Прп. Иустин (Попович), 2004. с.185].

Особенно ярко и наиболее полно социальное мессианство русского народа проявилось в советскую эпоху, в отношении народов СССР. И, практически, во всех областях общественной жизни: экономике, науке и технике, образовании, культуре и др. Но, что это стоило самому русскому народу, России? Об этом до недавнего времени говорили и писали очень мало. Только в последние годы, в связи с распадом СССР и проблемой соотечественников, оказавшимся в одночасье, не по своей воле за пределами России, данная проблема привлекла большое общественное внимание. Председатель Ассоциации по комплексному изучению русской нации, проф. Е.С.Троицкий, имея ввиду советский период отечественной истории, пишет: «Просто трагично, что Россия ежегодно отрывала от себя в пользу других республик на десятки миллиардов рублей товаров и услуг. К тому же миллионы русских людей были заняты в соседних республиках... вне своей исторической Родины» [Троицкий, 1994, с. 29], помогая развивать их экономику, сферу науки, образования и культуры.

Думается, что одна из причин этой ситуации состоит в том, что христианско-православное и социальное мессианство, тесно связаны с такой органичной частью русского национального самосознания, как жертвенность. Она, можно сказать, вошла в кровь и плоть народа, стала неотъемлемой чертой его характера, склада мышления и образа действий. Конечно, в жизни любого народа можно найти немало примеров жертвенности. Однако для русских – это не эпизоды, а правило, имманентная черта и важнейшая составная часть национальной истории. Без преувеличения, русский народ – жертва по своему

историческому призванию, своей сложной исторической судьбе. Жертвенность охватывает буквально все стороны общественной, да и бытовой жизни россиян: политику, экономику, социальную среду, религию, культуру, нравственность. Это нашло отражение и в русском языке - в нем есть немало слов, связанных с понятием жертвенности: самопожертвование, героизм, героический труд, трудовой и воинский подвиг, приносить в жертву, самоотверженный труд и т.д. Жертвы-герои, жертвы-веры, жертвы-идеи, жертвы-судьбы, жертвы обстоятельств, жертвы-террора – бесконечные жертвы на всем многотрудном пути России. Вспомним постоянные войны за свою (и других народов) свободу и независимость, самоотверженную, титаническую работу по собиранию земель и созданию могучего государства, борьбу во имя справедливости и социального освобождения, мировой революции и воплощения в жизнь идей коммунизма, во имя интернационализма и дружбы народов.

Во все времена жертвенность диктовалась не только объективной ситуацией, но и использовалась властью, политиками, освещалась официальной идеологией. До Октября 1917 г. выражением такой идеологии был лозунг: «За веру, царя и отечество» (вспомним, например, историю с названием оперы М.И.Глинки «Иван Сусанин», которая была переименована в «Жизнь за царя»), или «За единую и неделимую Россию». В советский период жертвенность, героизм, приоритет общественного долга культивировались не только официальной идеологией, но и всей системой образования и воспитания. И это понятно, так как построение социализма «в одной отдельно взятой стране», создание в кратчайшие сроки могучей промышленной державы, «социалистическое преобразование сельского хозяйства», осуществление культурной революции с неизбежностью потребовали значительных жертв. Так случилось, что призрак коммунизма, который «бродил» по Европе, пришел в Россию, и русский народ, поверив в возможность построения справедливого общества, дружно и с энтузиазмом начал осуществлять свою мечту. На рубеже XX-XXI вв. народу вновь пришлось очень многим жертвовать ради создания демократического государства, перехода к рынку и интеграции в мировую экономику.

Историческая миссия России на протяжении столетий не раз была реализована в событиях мирового уровня и значения. Среди них назовем прежде всего такие, как борьба с монгольским нашествием, остановившая продвижение воинственных азиатских орд на запад, когда «христианская цивилизация была спасена» и «нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех» [Пушкин, 1992, с. 50]; Отечественная война 1812 г., не позволившая Наполеону осуществить свои планы завоевания мирового господства. Наконец, Великая Отечественная война (1941-

1945) против гитлеровского фашизма. 27 миллионов жизней советских людей были принесены на алтарь Победы, за освобождение от коричневой чумы не только своей страны, но и других народов Европы и всего мира. В этой связи, нельзя не сказать и о том, что в последние годы появилось немало тех, кто стремиться в угоду политической конъюнктуре пересмотреть, подвергнуть фальсификации, стереть в памяти людей результаты нашей общей великой победы, 75-летие которой будет широко отмечаться в этом году. Да и попытка реализации социалистических идеалов в СССР, осуществлявшаяся в стране на протяжении 70 с лишним лет, имела огромное значение для мирового сообщества, современной цивилизации, внося много положительного в мировую культуру (включая освоение космического пространства) и обогатив ее бесценным опытом. Без этого опыта мир был бы другим и не смог так далеко продвинуться по пути социального прогресса, за столь короткое по историческим меркам время.

Можно было бы назвать и немало других, не таких масштабных, но очень важных событий, когда усилия России, ее помощь и жертвы имели решающее значение для других народов и мира в целом. Проявления мессианства как составной части русского национального самосознания, может быть не так рельефно, как отмеченные выше, мы можем наблюдать и сегодня, в общественной практике современной России: как с точки зрения ее внутренней жизни, так и внешней политики. Например, в отношении стран СНГ, когда многие миллионы людей из бывших республик Советского Союза получили в России возможность жить, учиться и работать, обеспечивать свои семьи в трудных условиях постсоветского периода.

Генетическая и культурная толерантность русского народа, его коммунитарность, несмотря на жёсткую колониальную политику самодержавия, во многом смягчила процесс присоединения новых народов и освоения новых земель. При этом следует заметить, что положение главенствующей, государствообразующей нации - русского народа в «единой и неделимой» Российской империи, никогда не было лучше, привилегированней, по сравнению с другими народами. Напротив, порой оно было даже хуже, чем положение входивших в единое государство других этносов. И еще одно важное замечание: вхождение в состав России многих народов носило мирный и добровольный характер. Как писал еще И.А.Ильин: «... русский народ оказался естественным ведущим ...народом, «культуртрегером», народом защитником, а не угнетателем [Ильин, 1992, с 434]. Более того, защита и помощь русского народа позволила им сохранить свою государственность и себя как народ. Вспомним, в этой связи, великое историческое событие – воссоединение Украины с Россией в середине XVII века. Тогда, в январе 1654 г. на собрании представителей украинского казачества, жителей городов и сёл Украины в г. Переяславле

(Переяславская Рада), гетман Богдан Хмельницкий от имени всего украинского народа провозгласил: «С русским народом – на вечные времена!». Здесь же была зачитана и грамота русского царя Алексея Михайловича Романова о том, что украинский народ, истекавший кровью в многолетней и неравной борьбе с иноземными захватчиками, принимается под защиту России. С тех пор в течение 300 с лишним лет мы вместе прошли большой и нелёгкий путь, вместе делили и радость, и горе, вместе развивали и защищали свою общую державу. Об этом нельзя забывать, хотя сегодня на Украине находятся люди, которым очень хотелось бы переписать историю заново, разделить два братских народа, отдалить их друг от друга. Более того, сделать врагами. И политический нарратив, связанный с этой общественной практикой, в последние годы стал, к сожалению, стержнем всей политики руководства украинского государства.

Или возьмём, например, присоединение Армении к России, которое спасло древний армянский народ от практически полного физического уничтожения. В 1915–1922 гг. правящие круги Османской империи инициировали массовое истребление армян на территории Западной Армении. В результате этого погибло, по разным оценкам от одного до полутора миллионов человек. В те трагические годы Россия оказала действенную помощь армянскому народу в решении вопросов о его защите. По инициативе России европейские великие державы ещё в 1915 г. квалифицировали действия Турецкой империи в отношении армянского народа как «преступление против человечества». Позже Россия, исходя из своих национальных традиций и «нравственного долга защиты христиан» содействовала культурному и социальному развитию армянского народа, росту его национального самосознания. В октябре 2003 г. именно в Москве состоялся первый Всемирный съезд представителей армянского народа и, что симптоматично, говорили гости съезда, прибывшие из разных уголков планеты, на русском языке. Главная мысль, звучавшая на этом съезде: союз с Россией – залог благополучия армянского народа. И таких примеров в русской истории множество.

Что касается исторической миссии русского народа в создании и развитии многонационального российского государства, то она подтверждается прежде всего, тем, что он стал государствообразующей нацией страны, ее культурной и языковой доминантой; ядром гигантского суперэтноса, вокруг которого объединились разные народы. Здесь уместно привести такой пример. До революции 1917 г. экономический и культурный уровень развития многих народов страны был очень низким: господствовал феодальный строй; было полное отсутствие промышленности, отсталое сельское хозяйство, сплошная неграмотность. Многие народы даже не имели своей письменности. Русский народ, который и сам находился в тяжелом положении, тем не менее, оказал большую и

бескорыстную помощь другим, ранее отсталым, народам страны. Он поделился с ними своими знаниями и опытом, техникой и машинами, кадрами ученых, специалистов и преподавателей. Повсюду была создана современная индустрия, развивалось сельское хозяйство, возникали новые города, поднимался жизненный и культурный уровень людей.

По всей огромной стране, во всех республиках Советского Союза, был осуществлен переход ко всеобщему среднему образованию. Там, где никогда не было ни одного высшего учебного заведения возникли десятки вузов: институтов и университетов. В республиках были созданы Академии наук, национальные драматические и оперные театры, киностудии. Появились творческие союзы писателей, художников, композиторов.... Это был беспрецедентный в мировой практике прогресс в развитии всех народов страны. Здесь нелишне заметить - осуществленный в кратчайшие исторические сроки.

И сегодня, как и в историческом прошлом, Россия – Российская Федерация - это общий дом многих народов. Конституция (Основной закон) современной России (1993 г.) начинается словами: «Мы многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, стремясь обеспечить благополучие и процветание России..... принимаем Конституцию Российской Федерации» [Конституция РФ, 1993, с.3]. Эти слова выражают ключевые, принципиальные моменты, связанные с организацией жизни в многонациональной стране. Уместно, в данном контексте, привести очень важное высказывание Президента России В.В.Путина: «Мы всегда, на протяжении столетий, опирались на свои ценности, и они нас никогда не подводили, и они нам еще пригодятся» [Путин, 2012, с.1].

В статье сделана попытка исследовать только некоторые, на взгляд автора, наиболее важные проблемы заявленной темы. Дальнейший внимательный анализ такого исторического, мировоззренческого и социально-психологического феномена как русское мессианство, осознание его истоков, причин и последствий будет способствовать не только лучшему пониманию сути и своеобразия российской цивилизации как органичной части мирового сообщества государств и народов, но и современных глобальных проблем, сложных процессов межкультурной коммуникации.

Список литературы:

- Бердяев Н.А.* Душа России. Н.А.Бердяев. М.: Русская идея. Изд. Республика, 1992, с.296
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Н.А.Бердяев. [Электронный ресурс] - 1990. – Режим доступа: Platona.net...berdiaev...istoki...1990
Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине. Пушкин. Ф.М.Достоевский. М: Русская идея. Изд. Республика. 1992.с.145

Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Н.Я.Данилевский. -1869. [Электронный ресурс] -1869 – Режим доступа: Litres.ru...danilevskiy... i-evropa.

Ильин И.А. Россия есть живой организм. И.А.Ильин М.: Русская идея. Изд.Республика. 1992, с.433
Конституция Российской Федерации. М.: «Юридическая литература». 1993, с. 3

Михайлов И. Вытеснение. И. А.Михайлов. М.: Новый мир. 1998., №2, с.149

Манько А.В. Вук Караджич и А.СМ.Пушкин. Из истории сербско-русских литературных связей в первой половине XIX в. А.В.Манько. М.: Вестник международного славянского университета имени Г.Р.Державина. 2010, №12, с. 92

Прп. Иустин (Попович). Философские пропасти. Прп. М: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. с.185.

Троицкий Е.С. О русской идее. Очерк теории возрождения нации (в 2-х частях). Е.С.Троицкий. М.: 1994, с.29

Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм. Е.Н.Трубецкой. М.: Русская идея. Изд. Республика. 1992, с.243

Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. П.Я.Чаадаев. М.: Русская идея. Изд. Республика. 1992, с.43

References:

Berdyayev N.A. Dusha Rossii. M.: Russkaya ideya. Izd. Respublika, 1992, s.296 (In Russian)

Berdyayev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. [Ehlektronnyi resurs] - 1990. – Rezhim dostupa: Platona.net...berdiaev...istoki...1990 (In Russian)

Dostoevskii F.M. Ob"yasnitel'noe slovo po povodu pechataemoi nizhe rechi o Pushkine. Pushkin. M.,: Russkaya ideya. Izd. Respublika. 1992.s.145 (In Russian)

Danilevskii N.Ya. Rossiya i Evropa. Vzgl'yad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. -1869. [Ehlektronnyi resurs] -1869 – Rezhim dostupa: Litres.ru...danilevskiy... i-evropa. (In Russian)

Il'in I.A. Rossiya est' zhivoi organizm. M.: Russkaya ideya. Izd.Respublika. 1992, s.433

Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii. M.: «Yuridicheskaya literaturA». 1993, s. 3 (In Russian)

Mikhailov I. A. Vytesnenie. M.: Novyi mir. 1998. №2, s.149 (In Russian)

Man'ko A.V. Vuk Karadzhich i A.SM.Pushkin. Iz istorii serbsko-russkikh literaturnykh svyazei v pervoi polovine Kh1Kh v. M.: Vestnik mezhdunarodnogo slavyanskogo universiteta imeni G.R.Derzhavina. 2010, №12, s. 92 (In Russian)

Prp. Iustin (Popovich). Filsofskie propasti. M.: Izdatel'skii Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi, 2004. s.185. (In Russian)

Troitskii E.S. O russkoi idee. Ocherk teorii vozrozhdeniya natsii (v 2-kh chastyakh). M.: 1994, s.29 (In Russian)

Trubetskoi E.N. Staryi i novyi natsional'nyi messianizm. M.: Russkaya ideya. Izd. Respublika. 1992, s.243 (In Russian)
Tam zhe.

Chaadaev P.Ya. Apologiya sumasshedshego. M.: Russkaya ideya. Izd. Respublika. 1992, s.43 (In Russian)

*Гик Анна Владимировна
Петрова Зоя Юрьевна*
Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН
г. Москва (Россия)

*Gik Anna
Petrova Zoia*
Vinogradov Russian Language Institute
Moscow (Russia)

**ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗНОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:
ФРАГМЕНТ «ЧЕЛОВЕК - НАСЕКОМОЕ»⁶⁵**

**THE EVOLUTION OF THE WORLD IMAGE OF THE RUSSIAN LITERATURE:
“HUMAN - INSECT” FRAGMENT**

В статье рассматривается эволюция фрагмента образной картины мира русской литературы – образная параллель «Человек – насекомое». В компаративных тропах русской литературы, характеризующих человека словами семантического класса «Насекомые», отражены базовые представления о насекомых, связанные, в первую очередь, с их мелким размером, ассоциирующимся с их незначительностью, и с общенегативной оценкой насекомых. Кроме того, отдельные свойства насекомых – особенности их внешнего вида, движений и звуков и некоторые другие – также описывают внешний вид человека, его характер, особенности его поведения. Ряд элементов рассматриваемой образной параллели образует постоянное ядро, проходя через разные произведения на протяжении веков, в то же время в различные периоды писатели по-разному обновляют, индивидуализируют, конкретизируют устойчивые образы. Отмечены три аспекта эволюции исследуемого фрагмента образной картины мира русской литературы: пополнение класса традиционно употребляемых в компаративных конструкциях слов новыми элементами, среди которых важное место принадлежит научным терминам; появление новых признаков (оснований) сравнения у традиционных опорных слов тропов и использование художниками слова новых определений устойчивых образов.

The article discusses the evolution of a fragment of a figurative world image of the Russian literature – a figurative parallel “Human – insect”. In the comparative tropes of the Russian literature that characterize a person with the words of a semantic class “Insects”, basic ideas about insects are reflected, primarily connected with their small size associated with their insignificance, and with a generally negative attitude to insects. In addition, various characteristics of insects – the features of their appearance, movements and sounds, and some others – also describe the appearance of a person, his/her character, behavior. Some elements of the figurative parallel form a permanent core, being used by different writers over the centuries, at the same time, at different time periods, writers update, individualize, and concretize traditional images in different ways. Three aspects of the evolution of the studied figurative parallel are noted: replenishment of the class of words traditionally used in comparative constructions with new elements, among which an important place belongs to scientific terms; the emergence of new comparison criteria in the traditional figurative words, and the use of new attributes of traditional images.

Ключевые слова: метафора, сравнение, образная параллель, образная картина мира русской литературы, лексико-семантический класс, эволюция.

Key words: metaphor, simile, figurative parallel, figurative world image of the Russian literature, lexical-semantic class, evolution.

⁶⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-012-00009 «Интерактивный словарь компаративных тропов русской художественной литературы XIX–XXI вв.».

Образную картину мира мы определяем как систему устойчивых образных соответствий, которые выражаются в конструкциях компаративных тропов, основные из них – метафоры и сравнения.

В образную картину мира русской литературы входят такие крупные классы тропов, как зооморфные, образы сравнения которых относятся к семантическому классу «Животные», антропоморфные, образы сравнения которых относятся к классу «Человек», фитоморфные – образы сравнения класса «Растения», а также тропы с образами сравнения классов «Камни, металлы», «Вода», «Огонь», «Свет», «Ткани, одежда» и некоторые другие. Среди зооморфных тропов можно выделить такие классы, как «Звери», «Птицы», «Насекомые», «Рыбы», «Пресмыкающиеся» и некоторые другие. Мы выбрали для нашего исследования класс «Насекомые».

Предметы сравнения данных компаративных тропов (образно характеризуемые денотаты) объединяются в следующие группы: «Человек в целом», «Части тела человека», «Внутренний мир человека: ощущения, интеллект, эмоции, душа», «Жизненный цикл человека, судьба», «Общественный строй, социально-политические реалии», «Языковые явления», «Предметы, сделанные человеком», «Растения», «Атмосферные явления», «Земля», «Вода», «Свет», «Огонь», «Звук» и другие. Тропы, характеризующие человека в целом, составляют около 80% общего количества компаративных конструкций (как известно, антропоцентричность – важный признак языковой картины мира [Постовалова, 1988]).

Материалом исследования стали контексты из поэтических и прозаических произведений русских писателей XIX–XXI вв., описанные в выпуске 2 Словаря метафор и сравнений русской литературы русской литературы XIX–XX вв. [Кожевникова, Петрова, 2010] и Национальном корпусе русского языка, в том числе его Поэтическом подкорпусе [НКРЯ].

Рассматриваемый фрагмент образной картины мира определяется составом класса слов «Насекомые», состоящий из родового слова *насекомое* и множества видовых обозначений, из которых наиболее часто встречаются в компаративных конструкциях в художественной литературе *муха, мотылек, бабочка, жук, муравей, стрекоза, таракан, пчела, оса, шмель*; несколько меньше частота встречаемости в тропах у слов *мошка, козявка, букашка, трутень, тля, вошь, слепень, овод, клоп, кузнечик, сверчок, моль, мокрица* и нек. др. Кроме названий насекомых, в метафорах и сравнениях используются названия стадий их развития: *гнида, личинка, опарыш, куколка*. Употребляются также дериваты названных слов: *муравьиный (муравьиное упорство), тараканий (тараканьи усы)* и пр.

Важно отметить, что эта образная параллель (как и любая другая) в языке художественной литературе эволюционирует. Ряд элементов в ней образует постоянное ядро, проходя через разные произведения на протяжении веков, в то же время в различные периоды писателями начинают использоваться другие элементы семантического класса слов «Насекомые». Эволюция рассматриваемой образной параллели составляет основной предмет нашего исследования.

В компаративных тропах русской литературы, характеризующих человека словами поля «Насекомые», отражены базовые представления о насекомых, связанные, в первую очередь, с их мелким размером, ассоциирующимся с их незначительностью, и с общенегативной оценкой насекомых. Подобные оценки отражают уничижительное отношение к человеку, его роли в обществе. Так, А.С. Пушкин в известной эпиграмме характеризует подобным образом некоторых литераторов-современников: «Мое собранье *насекомых* Открыто для моих знакомых: Ну, что за пестрая семья! За ними где ни рылся я! Зато какая сортировка! Вот Глинка – *божия коровка*, Вот Каченовский – злой *паук*, Вот и Свиньин – российский *жук*, Вот Олин – черная *мурашка*, Вот Раич – мелкая *букашка*. Куда их много набралось! Опрятно за стеклом и в рамках Они, пронзенные насквозь, Рядком торчат на эпиграммах» (1829). В контекстах с этим смысловым инвариантом употребляются слова *муха*: «Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая *муха*» (Н. Гоголь 1842), *мошка*: «так как все равно меня как за *мошку* считали всю вашу жизнь, а не за человека» (Ф. Достоевский 1880), *букашка*, *козявка*: «Ольге Ивановне хотелось громко крикнуть, ударить художника по голове чем-нибудь тяжелым и уйти, но она ничего не видела сквозь слезы, была подавлена своим стыдом и чувствовала себя уж не Ольгой Ивановной и не художницей, а маленькой *козявкой*» (А. Чехов 1892), *муравей*, *блоха*, *вошь*: «А отдельное двуногое вроде жены там какой-то, это так, тьфу, последняя *блоха* или *вошь*» (Б. Пастернак 1958), *тля*, *моль*.

Негативная оценка насекомых связана с неприятным впечатлением, которое они производят (*насекомое*, *вошь*, *гнида*, *клоп*, *мокрица*: «Стыдоба меня берет, что с таким связалась. Слизняк ты, *мокрица* паршивая!» (Б. Лавренев 1924)), с их вредностью, назойливостью (*муха*: «<...> иногда, бодрясь, становился сенатор <...> непоседу, вертуном, приставалой, дразнилой, походя в те минуты на *мух*, лезущих тебе в глаза, в ноздри, в ухо» (А. Белый 1913), *комар*: «Рядом с Сохачом он казался великаном, и было странно видеть, как маленький, тщедушный старичонка донимал его, точно *комар*» (Д. Мамин-Сибиряк 1899), *овод*, *оса*), кусачестью (*насекомое*, *пчела*, *оса*: «Брат ее любил, хотя уверял, что она жалится не как *пчела*, а как *оса*, потому что пчела ужалит да и умрет,

а осе ужалить ничего не значит» (И. Тургенев 1854), *клец, клоп*). Все эти неприятные свойства насекомых влекут за собой обозначения разных способов их уничтожения, которые становятся основаниями сравнения компаративных тропов: *убить, уничтожить, давить, прихлопнуть, морить*: «– Плут он, Алексей-то Иваныч, вот что! – повторял старик каким-то сухим голосом, точно у него присохло в горле. – Морит он нас, как *тараканов*. Да... И работой морит и едой морит» (Д. Мамин-Сибиряк 1897), *вымораживать*: «Затем из печей совсем вынимались вьюшки – и должник вымораживался, как *таракан*» (В. Немирович-Данченко 1893).

С другой стороны, некоторые насекомые наделяются положительными характеристиками, что позволяет отметить соответствующие свойства характера / внешности человека: трудолюбие – *пчела, муравей*: «Умен, как бес, но скуп на речи, Трудолюбив, как *муравей*» (И. Никитин 1861), «Почему? Да потому, что там каждый работает, как *пчела*, там нет бесполезных тунеядцев, паразитов... там благосостояние каждого определяется его собственным трудом!» (Н. Успенский 1866), внешняя красота, нарядность – *бабочка*: «Как мальчик кудрявый, резва, Нарядна, как *бабочка* летом» (М. Лермонтов 1840).

Кроме того, отдельные свойства насекомых – особенности их внешнего вида, движений и звуков и некоторые другие свойства – также описывают внешний вид человека, его характер, особенности его поведения. Каждая единица семантического поля «Насекомые» обладает определенным набором свойств и характеристик, которые актуализируют набор соответствующих образных характеристик человека.

Так, для жука характерен черный цвет: «Работник Лука, черный, как *жук*, хотя и булочник, заложил хлебы в печь» (И. Тургенев 1847), «<...> сама черненькая, глаза остры и веселы, коса с красною ленточкою – *жук*» (А. Ремизов 1910), у таракана выделяется такая особенность внешнего вида, как усы: «отставной майор имел весьма недовольный вид и то и дело, как *таракан*, поводил усами» (И. Тургенев 1870), у осы – «талиия»: «Дмитрий Дмитрич в самом деле имел много достоинств: всегда безукоризненно и по моде одетый, с перетянутой, как у *осы*, талией» (А. Писемский 1865). Среди движений, которыми характеризуются насекомые в компаративных тропах, можно выделить быстрые неупорядоченные движения в разных направлениях (*муравей*: *сновать, гомозиться, копошиться, расходиться*; *муха*: *суетиться, мелькать, бегать, ползать*; *овод*: *биться, метаться, носиться*), кружение (*пчела, оса, муха*): «Теперь Устин, босой, в синем жилете поверх кумачной рубахи, *оводом* носится по двору, по улице и командует, сбивая с толка всех своих помощников» (М. Горький 1916), разные другие движения, например *клоп* – *вползти на перину*: «Ай да бригадир! к мужней жене, словно *клоп*, на перину вползти хочет»

(М. Салтыков-Щедрин 1869), *кузнечик – сучить ножками*: «Белоярцев сейчас же усики по губке расправил и ножки засучил, как зеленый *кузнечик*» (Н. Лесков 1864) и др. Звуки, производимые человеком, уподобляются звукам насекомых: *пчела – гудеть, жужжать; шмель – гудеть; оса, муха – жужжать; комар – пищать, петь*, например: «Люди – точно *пчелы* гудели над домом Марии и Марфы» (Л. Андреев 1906), «Народ от восемнадцати до пятидесяти зажужжал еще пуще – как *пчелы*, в воздухе ощущались рои событий» (Замятин 1926).

В некоторых тропических конструкциях, уподобляющих людей насекомым, можно выделить семантический инвариант «множество». Этот признак особенно характерен для тропов с образом сравнения *саранча*, часто встречается в тропах с опорными словами *мухи, тараканы, пчелы, шмели, муравьи*: «славное, хорошее село, да вот господ-то больно много – видимо-невидимо, словно *мух...*» (М. Салтыков-Щедрин 1847), «Народ кишел, как *муравьи*, толпился около речки, выползал из барачков, торчал в открытых балаганах чайных и закусовых, группами беседовал на площади» (Ф. Крюков 1904).

Надо отметить, что многие из перечисленных выше образов сравнения компаративных тропов, уподобляющих человека насекомым, входят в число устойчивых образов-зоонимов русской языковой картины мира (*бабочка, блоха, вошь, гнида, клещ, клоп, мотылек, муравей, муха, паук, пчела, тля, трутень*), как показывают материалы словарей, фиксирующих зоонимы в русском культурном пространстве [Русское культурное пространство, 2004; Гудков, 2019]. Сравнение наших материалов с указанными словарями, выявление сходств и различий компаративных конструкций образной картины мира русской художественной литературы и «когнитивной базы лингвокультурного сообщества» [Гудков, 2019, с. 10] может стать задачей дальнейших исследований.

Обратимся к проблеме эволюции рассматриваемой образной параллели. Первый аспект эволюции – это расширение состава семантического класса слов «Насекомые», выступающих в качестве образов сравнения компаративных тропов (ср. [Кожевникова, 1990]. В начале XIX в. этот класс, по данным словаря [Кожевникова, Петрова, 2010, с. 281–299] состоял из слов *насекомое, муха, мошка, букашка, козявка, мотылек, бабочка, жук, саранча, муравей, мурашка, паук, пчела, шмель, оса, блоха*. Во второй половине XIX в. в тропах, характеризующих человека, появляются *стрекоза, комар, таракан, трутень, тля, вошь, клещ, кузнечик, сверчок*, в начале XX в. – *гусеница, шелкопряд, моль, мокрица, жужелица, термит*. В XX в. в тропах фиксируются редко встречающиеся названия насекомых, характеризующие идиостиль отдельного автора, например, *сколопендра* и *сороконожка* у Андрея Белого: «Средь столиков ерзала тощим крестцом “Отеро” <...> безбедрая и сухоногая тварь, показалась мне бегающей *сколопендрой*; костлявую руку

забросив за спину, привздернула юбку почти до колен (1934), «Гржебин и Коппельман бегали всюду за ним на коротеньких ножках, как *сороконожки*» (1934). В современной литературе появляются элементы *богомол*, *долгоносик*, *уховертка*: «Рябков скорее напивался сам, делаясь обидчивым и странно рукастым, будто *насекомое богомол*» (О. Славникова 1995–1999), «Тут же сидел щуплый, сутулый, похожий на *богомол* человек, свесив на слабой шее длинную рыжеватую голову с лысым лбом и подслеповатыми глазками» (А. Проханов 2001), «Устраивали погромы и отдельные лихие отряды армии Буденного, в особенности кубанские и донские казаки, уставшие от жестокой, отвратительной вьедливости комиссаров-*долгоносиков*» (С. Липкин 1962–1976), «Уже меня Бабой Ягой кличет. – Она скажет, *уховертка*. Не-не, баба Ньюра, таких подарков нам не надо» (В. Личутин 1973).

В тропах начинают использоваться обозначения насекомых, связанные с традиционными элементами отношением «род – вид». Так происходит более тонкая проработка образа человека. Например, с родовым словом *бабочка*, употреблявшимся в качестве образа сравнения в XIX в., связаны появляющиеся в тропах в XX в. видовые обозначения *махаон*, «*аполлон*», *цейлонская бабочка*, *капустница*. С родовым словом *жук* связаны видовые обозначения *скарабей*, *майский хрущ*, *жук-водомер*, *жук-вредитель*: «Пока мама возилась со мной в роддоме, эти *скарабеи* подгрести всё, что могли» [Зоя о соседях] (Е. Водолазкин), «Отпихнулся чем водится – и пошел *жуком-водомером* безвредным рывками ширь мерить» (С. Соколов), «Нередко он заставлял жену прилепившейся к зеленой стенке, разделяющей квартиры, – толстенькую и невинную, будто *жук-вредитель* на листе, – ужасно боялся, что она просто изгрызет преграду в кружево и вот-вот прорежет первую округлую дыру» (О. Славникова).

Надо отметить наличие научных терминов среди названий насекомых в тропах, названий частей их тела, процессов, происходящих с насекомыми. Используя образы насекомых, авторы часто углубляются в тонкости энтомологии. Ю. Буйда характеризует мужчину латинским названием вида паука: «В шестнадцать Ириска вышла замуж. Он был энигматической личностью с мощными античными ногами. Биолог, диссидент. Но через два года они развелись. – Видишь ли, он вроде *пауков Cyrtophora citricola*, которым не все равно, какая самка их съест после совокупления, – они предпочитают скармливать себя молодым и девственным паучихам. А я к тому времени была уже паучихой потрепанной...».

Ряд традиционных элементов образных параллелей, обозначающих стадии развития насекомых – *личинка*, *куколка* – в современной литературе пополняется научными терминами. Например, Л. Улицкая, в сложной энтомологической метафоре в романе

«Зеленый шатер» описывает процесс превращения личинки в бабочку, уподобляя этому процессу процесс взросления человека и использует термины: *метаморфоз, неотения, имаго, хитиновая скорлупка*.

Второй аспект эволюции класса тропов – появление новых признаков сравнения у традиционных опорных слов. Так, слово *насекомое* применительно к человеку традиционно употреблялось с общенегативной, уничижительной оценкой (см. выше), а в современной литературе в тропях с этим словом делается акцент на конкретном зрительном образе, который развертывается в объемную, многостороннюю характеристику, порождая целый фрагмент текста: «Одна нога у старухи то ли не сгибалась, искалеченная артритом, то ли не держала, парализованная, и старуха переставляла перед собой табуретку, опиралась на неё обеими руками и вместо шага совершала какое-то странное телодвижение, подволакивая себя вперед. В этом было *что-то от насекомого. Похоже ползает жук с оторванной конечностью, припадает на бок*» (А. Иванов 2011), «Смотрел удивленно, как журналист втискивается в прогал частями, *ноги подбирая и переноса так неловко, словно он какое-то ползучее насекомое и у него с другой стороны забора уже несколько ног томятся в нерешительности*» (З. Прилепин 2006). Сравнение человека (людей) с саранчой с начала XIX в. происходит по признакам сравнения «многочисленность», «прожорливость», в XX в. появляются основания сравнения, сосредотачивающиеся на внешнем сходстве: *дрыгать ногами, как саранча*: «Баба, связанная, лежит на полу. Глаза закатила и ногами дрыгает, как *саранча*» (С. Григорьев 1925), *сухая, как саранча*: «И правда, хотя Лидке уже исполнилось шестнадцать, она была небольшого роста, и Танька в этом году ее сильно переросла. Зато Лидка была просторная, с мясом, как говорила их бабушка, а Танька сухая как *саранча*» (Л. Улицкая 1998).

В качестве третьего аспекта эволюции образной параллели «Человек – насекомое» можно отметить тот факт, что у некоторых образов в конце XX в. появляются новые определения, модифицирующие традиционные представления. У образа *муха* на протяжении всего рассматриваемого периода фиксируются устойчивые определения *осенняя, сонная*: «Казалось, однако, что они не так сердиты были, как накануне; они едва тащили ноги, как *осенние мухи*, и видно было, что они через силу держали свои копыя...» (А. Погорельский 1829), «Слуги ходили по дому как *сонные мухи*» (Ю. Тынянов 1935-1943). В поздний период появляются новые определения: *муха, у которой оторвали крылья, полураздавленная муха*: «Она осталась совсем одна, а по своей физиологической природе одиночества выносить не умела, испытывала состояние *обезумевшей мухи, у которой оторвали крылья*: крутилась, кружила на месте, а мир проваливался под ногами или падал куда-то вбок...» (Л. Улицкая 1997), «У Тани дрожали губы, ей казалось, что она сейчас куда-

то побежит, влестся в какую-нибудь стенку, и будет по ней ползти, как *полураздавленная муха*» (В. Аксенов 1977-1979).

Выявленные нами направления развития образной параллели «Человек – насекомое» – пополнение класса традиционно употребляемых в компаративных конструкциях слов новыми элементами, среди которых важное место принадлежит научным терминам; появление новых признаков (оснований) сравнения у традиционных опорных слов тропов и использование художниками слова новых определений устойчивых образов – вносят свой вклад в общий процесс эволюции образной картины мира русской литературы.

Список литературы:

- Гудков Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе: Лингвокультурологический словарь М.: ЛЕНАНД, 2020. 200 с.
- Кожевникова Н. А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской литературы XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. С. 6–79.
- Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Выпуск 2 «Звери, насекомые, рыбы, змеи». М.: Языки славянской культуры, 2010. 512 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. // URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 9–47.
- Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. М.: Гнозис, 2004. 318 с.

References:

- Gudkov D. B. Lyudi i zveri. Russkie pretsedentnye imena i zoonimy v natsional'nom mife: Lingvokul'turologicheskii slovar' [People and animals: precedent names and zoonyms in the national myth: Linguoculturological dictionary]. Moscow: LENAND, 2020. 200 p. (In Russ.).
- Kozhevnikova N. A. Ehvolyuetsiya tropov [The evolution of tropes]. Ocherki istorii yazyka russkoi literatury XX veka. Obraznye sredstva poehticheskogo yazyka i ikh transformatsiya [Essays on the history of the language of Russian literature of the 20th century. The figurative means of poetic language and their transformation]. Moscow: Nauka, 1995. P. 6–79. (In Russ.).
- Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Yu. Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX-XX vv. Vypusk 2 «Zveri, nasekomye, ryby, zmei» [Materials for the dictionary of metaphors and similes of the XIX-XX centuries Russian literature. Issue 2 «Beasts, insects, fish, snakes»]. Moscow Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2010. 512 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus] // URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Postovalova V. I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [World image in human life]. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira [Role of the human factor in language. Language and world image] B. A. Serebrennikov (ed.). Moscow: Nauka, 1988. P. 9–47.
- Russkoe kul'turnoe prostranstvo: Lingvokul'turologicheskii slovar': Vyp. pervyi [Russian cultural space: Linguoculturological dictionary: Vol. 1]. I. S. Brileva, N. P. Vol'skaya, D. B. Gudkov, I. V. Zakharenko, V. V. Krasnykh. Moscow: Gnozis, 2004. 318 p.

Голубева-Монаткина Наталья Ивановна

Чэнь Хао

Высшая школа перевода (факультет)

МГУ имени М.В. Ломоносова

г. Москва (Россия)

Golubeva-Monatkina Nataliya

Chen Hao

High School of Translation and Interpretation

Lomonosov Moscow State University

Moscow (Russia)

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РУССКО-КИТАЙСКОГО ТРАНСФЕРА ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

SOME ASPECTS OF THE RUSSIAN-CHINESE TRANSFER OF PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE

Статья посвящена интеркультурному трансферу философского знания. В настоящее время активно развивается трансферология, наука, изучающая разные аспекты переноса знаний от одной культуры к другой, от одного профессионального сообщества к другому, от одного дискурса к другому. Цели, задачи и методы трансферологов, которые занимаются исследованием механизмов «культурного переноса» смыслов, «маршрутами» переноса терминов, отличаются от целей, задач и методов исследователей в области межкультурной коммуникации. В статье исследуется то, как в китайском контексте за менее чем 60 лет изменилось содержание философских терминов «богоискательство» / 寻神说, «богостроительство» / 造神说, «эмпириомонизм» / 经验一元论, «эмпириосимволизм» / 经验符号论, «народничество» / 民粹主义. При исследовании использовались «Философская энциклопедия» (Т. 1, 1960 г.), «Философский словарь» (1963 г.), их переводы на китайский язык начала 1960-ых гг., а также «中国大百科全书» (Большая китайская энциклопедия. Т. 16, 2009 г.) и «大辞海» (Большое море слов. Т. 2: Философия, 2015 г.).

The article is devoted to the intercultural transfer of philosophical knowledge. Currently, transferology is actively developing, a science that studies different aspects of transferring knowledge from one culture to another, from one professional community to another, from one discourse to another. The goals, tasks, and methods of transferologists who study the mechanisms of "cultural transfer" of meanings and "routes" of term transfer differ from the goals, tasks, and methods of researchers in the field of intercultural communication. The article explores how the content of the philosophical terms "God-seeking", "God-building", "empiriomonism", "empirio-symbolism" and "populism" has changed in the Chinese context in less than 60 years. The study used the "Philosophical encyclopedia" (Vol. 1, 1960), "Philosophical dictionary" (1963), their translations into Chinese in the early 1960s, as well as the "Great Chinese encyclopedia" (Vol. 16, 2009) and "The Great sea of words" (Vol. 2: Philosophy, 2015).

Ключевые слова: культурный трансфер, трансферология, трансфер философских терминов, русская философия, китайская философия.

Key words: cultural transfer, transferology, transfer of philosophical terms, Russian philosophy, Chinese philosophy.

Общеизвестна важность международной научной коммуникации, но «международному общению специалистов-гуманитариев <...> зачастую препятствуют несоответствия между различными национальными традициями в гуманитарной науке, особенно в части специфических метаязыков, терминов и концептов. Требуется выделение как универсальных, так и идиокультурных стандартов представления и концептуализации

знания, а также реконструкция «маршрутов» переноса терминов, концептов и понятий из одних национальных школ в другие. Все эти обстоятельства указывают на необходимость комплексного проблемно-ориентированного изучения техник культурного трансфера в условиях многоязычного обмена экспертными знаниями» [Фещенко, Бочавер, 2016, с. 6].

Культурный трансфер – это «процесс переноса знаний между разными культурами, профессиональными сообществами и дискурсами <...>. В отличие от межкультурной коммуникации в общем виде, направленной на облегчение общения между представителями разных культур и сравнительное изучение двух отдельных национальных традиций, методология культурного трансфера предполагает исследование механизмов «культурного перемещения» смыслов – тех концептуальных трансформаций, которые возникают при их «импортировании» и «экспортировании» из одной культуры в другую. При таком подходе значимыми являются не столько национально-специфические особенности той или иной культуры или того или иного дискурса, сколько выявляемые траектории «миграции концептов» при взаимодействии двух или более языков. Тем самым демонстрируется, в какой мере какое-либо лингвоспецифическое или идионациональное явление оказывается в действительности сплавом разных культур, взаимовлияний и дискурсных смешений» [Фещенко, Бочавер, 2016, с. 5].

Российские исследователи опираются на работы французских основоположников теории культурного трансфера, цитируют их («Трансфер подразумевает глубинную трансформацию в принимающей культуре. Именно установление отношения между двумя системами, автономными и асимметричными, заложено в понятие трансфера» [Transferts. Les relations interculturelles dans l'espace franco-allemand. Textes réunis et présentés par M. Espagne et M. Werner. Paris, 1988. P. 5; цит. по Фещенко, Бочавер, 2016, с. 19], подчеркивая, что «именно лингвистика в ее современном, коммуникативном варианте способна предложить новый инструментальный анализ переводимости текстов одной культуры в тексты другой культуры», выработать лингвистические технологии «более эффективной конвертации знаний в другие культуры» [Фещенко, Бочавер, 2016, с. 8].

Знание может пониматься как «форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания <...>. Теоретическое знание (философия, теология, идеология, наука) <...> ориентировано на выработку новых смыслов и внесение их в реальность. Оно в той или иной степени дистанцировано от объекта и содержит, скорее, схемы специфической деятельности (дискурса, исследования) и общения (диспута, диалога), обретающие форму понятий, законов, теорий в ходе их рефлексивной разработки. <...> теоретическое знание предполагает явную текстуально-словесную форму <...>.

Знание есть не только преобразование опыта в сознание путем структуризации, обозначения его элементов, не только фиксация опыта в социальной памяти. Оно является способом трансформации знаковых систем, сознания, деятельности и общения, придания им новой формы, т.е. нового смысла и значения» [Касавин, 2001]. Лингвисты указывают, что «изучение темы трансферологии знания вносит свой вклад <...> в формирование одного из важнейших направлений гуманитарной мысли – «идеографии», или изучения жизни идей. Одним из разделов данной дисциплины могла бы стать «идеографическая компаративистика», направленная на сравнительный анализ различных мировоззрений и типов ментальностей» [Постовалова, 2016, с. 58].

Известна неодинаковость философского языка («системы средств организации мысли, которая существует по определенным правилам» и «системы языковых средств со своей лексикой, грамматикой, синтаксисом»), что осложняет философскую коммуникацию, поскольку философия «воплощается в материальности языка и его означающих механизмов», построена в национальном языке: «Хайдеггер [...] родился в своем родном немецком языке, и Бибихин, переводчик Хайдеггера, родился в своем родном русском языке» [Автономова 2011, с. 16–17, 25]. Это приводит к проблеме рецепции – «слов, понятий, концепций. <...> восприятие работ русских мыслителей (Бахтина, Лотмана или Выготского) тоже зависит от качества переводов и комментариев, от механизмов и обстоятельств межкультурной рецепции» [Автономова, 2008, с. 19].

Для трансфера философского знания необходим перевод с языка на язык, но такой перевод считается «лишь одной из версий трансфера, одним из вариантов того, как может осуществляться перенос. Переводной текст объективирует процесс переноса, заимствования из одной традиции в другую. Важно, что перевод перестает оцениваться в терминах эквивалентности / неэквивалентности, перестает быть удачным или неудачным, расхождения между оригиналом и переводом более всего занимают исследователя, поскольку именно в них и проявляется динамика трансфера. Результат культурного переноса рассматривается как ценный и самодостаточный <...>. Статус переводного текста радикально изменяется, когда исследователь встает на позиции культурного трансфера <...>. В недавних работах отмечается необходимость адаптации традиционного переводоведения и методологии культурного трансфера друг к другу <...>» [Фещенко, Бочавер, 2016, с. 21–22].

Исследователи обращают внимание на то, что «знание, о котором идет речь в различных гуманитарных технологиях и социокультурных практиках, представляет собой многомерное и многоплановое образование, существующее во множестве конкретных форм своих проявлений и эпистемологических типов» [Постовалова, 2016, с. 39]. При

трансфере знания речь может идти об эпистемологических единицах самого разного типа, к каковым могут относиться идеи, понятия, концепции, принципы, термины, парадигмы, картины мира. В настоящее время наиболее разработана эпистемологическая структура научного знания. По словам Г.П. Щедровицкого, «новейшие исследования по общей методологии и теории науки показывают, что в систему всякого достаточно развитого научного предмета (или специальной научной дисциплины) входят, по крайней мере, восемь основных типов единиц и еще несколько сложных суперединиц, объединяющих и рефлексивно отображающих исходные единицы» [Щедровицкий Г.П. Синтез знаний: проблемы и методы // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. С. 648]. В число единиц первого уровня, по Щедровицкому, входят факты, методические предписания, онтологические схемы, изображающие идеальную действительность изучения, модели, репрезентирующие частные объекты исследования, теоретические знания, проблемы и задачи научного исследования, а также средства выражения, куда входят «языки» разного типа, оперативные системы математики, системы понятий, представления и понятия из общей методологии и др. [Постовалова, 2016, с. 41].

При трансферизации знания с необходимостью возникают смысловые модификации: «Изучение опытов переноса и адаптации знания в гуманитарном познании свидетельствует о невозможности трансферизации знания без смысловых модификаций, которые сопровождают всякий, даже самый элементарный процесс заимствования знания. Наиболее часто встречаются смысловые модификации двух типов: редуцирование части смыслов при адаптации заимствованных элементов и смысловые наращения» [Постовалова, 2016, с. 51].

Процессы смысловых модификаций при трансферизации знания должны изучаться с целью «установления адекватности такой проведенной трансферизации», а «необходимость оценки степени адекватности процессов трансферизации знания выдвигает задачу разработки особых корректирующих концептуальных процедур <...>. К числу корректирующих процедур относится изгнание чуждых для соответствующих эпистемологических систем понятий <...>. Вторая ситуация в числе корректирующих процедур заключается в очищении заимствуемых понятий от чуждых смысловых привнесений» [Постовалова, 2016, с. 55–57].

Что касается трансфера терминов в науке, то он «осуществляется в несколько этапов, для каждого из которых характерны свои частные технологии взаимодействия сближающихся областей терминологического и нетерминологического знания» [Фещенко, Бочавер, 2016, с. 25], а в научную революцию «изменяется и тематическая направленность в рассмотрении одних и тех же вещей <...>, вследствие чего меняются и сами понятия: компоненты значения терминов, раньше казавшиеся существенными, теперь

нивелируются, и, наоборот, нечто малосущественное в объеме понятия становится общепризнанно существенной или даже главной стороной старого понятия» [Демьянков, 2016, с. 68]. Исследователи отмечают: «Различные межпарадигмальные переходы – в том числе трансферы знаний – обслуживаются различными же языковыми техниками для демонстрации объяснительной силы, новаторства и превосходства над конкурирующими (предшествующими) теориями, для того чтобы констатировать рождение новой научной эпохи и воспитать новые поколения исследователей в духе этой новой эпохи. Есть языковые техники для демонстрации междисциплинарных и «трандисциплинарных» научных решений, а также для ниспровержения того, что ранее казалось очевидным» [Демьянков, 2016, с. 80–81].

Исследование истории русской философии в Китае позволяет увидеть, что китайские читатели знакомились с большинством выдающихся русских философов и их работами именно благодаря переводам, основные из которых были опубликованы в серии сборников-антологий «苏联哲学资料选辑» (Избранные материалы по советской философии), издание которой началось в 1963 г. и в которой с 1963 г. по 1966 г. было опубликовано 26 выпусков. Среди произведений, отобранных для этой серии, были «Философская энциклопедия», издававшаяся с 1960 г. по 1970 г. под редакцией Ф.В. Константинова, и «Философский словарь», вышедший в 1963 г. под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. Благодаря изданию переводов этих работ в китайский философский дискурс были введены многие новые проблемы и понятия.

10-й выпуск «Избранных материалов по советской философии» включает полный перевод «Философского словаря». Из 5-томной «Философской энциклопедии» на китайский язык переведены только первые два тома, и 11-й выпуск «Избранных материалов» (1963 г.) содержит частичный перевод первого тома (А – ДИДРО, 1960 г.), 12-й выпуск (1964 г.) – частичный перевод второго тома (ДИЗЬЮНКЦИЯ – КОМИЧЕСКОЕ, 1962 г.). Потом проект «Избранные материалы по советской философии» был заброшен в связи с культурной революцией в Китае (1966–1976 гг.). В 80-ые годы, с началом периода реформ и открытости, этот проект было решено продолжить, и в 1984 г. был издан полный перевод первого тома «Философской энциклопедии» под названием 苏联哲学百科全书 (Советская философская энциклопедия).

Далее сделана попытка проследить изменение толкования нескольких русских философских терминов из «Философской энциклопедии» и «Философского словаря» в современных китайских энциклопедиях, вышедших уже в XXI в. – «大辞海» (Большое море слов) и «中国大百科全书» (Большая китайская энциклопедия) по сравнению с первыми

китайскими переводами, опубликованными в «Избранных материалах по советской философии». Стоит отметить, что в первых китайских переводах проявляется максимальное уважение к оригиналу, дается дословный перевод даже при несовпадении позиций редакторов перевода и авторов оригинальных статей. При этом более ранние и современные переводы различаются, что позволяет продемонстрировать некоторые аспекты трансфера философского знания между Россией и Китаем.

Термин «богоискательство» в советской «Философской энциклопедии» толкуется следующим образом: «Человек должен стремиться к Христу, искать бога в своей душе, которая бессмертна» [Философская, 1960, с. 178], дословный перевод 1984 г. таков: «寻神说 <...> 人必须向往基督, 在自己的灵魂中寻求神, 灵魂是不灭的» [苏联哲学百科全书, 1984, с. 201], а в современной китайской энциклопедии – «寻神说 <...> 只有在人的自我意识和自我感觉中才能发现神的奥秘 (Богоискательство <...> тайну бога можно найти только в самосознании и самоощущении человека)» [大辞海, 2015, с. 423]. В обеих версиях подчеркивается добровольное стремление к богу, но разные аспекты этого стремления: в переводной версии бога можно обрести в бессмертной душе, а в современной энциклопедии акцентируются самосознание и самоощущение человека.

«Богостроительство» в «Философской энциклопедии» объясняется как «создание «новой» религии – без бога. <...> пыталось выступать «от лица социал-демократии», претендовало на дальнейшее «развитие» социализма Маркса» [Философская, 1960, с. 179], в китайском переводе дается дословный перевод «造神说 <...> 创立一个没有神的“新”宗教。 <...> 以“社会民主主义的面目”出现, 自命为马克思社会主义的进一步“发展”» [苏联哲学百科全书, 1984, с. 402], а в современной китайской энциклопедии – «造神说 <...> 试图将科学社会主义与宗教结合起来, 创立“宗教的无神论”或没有神的“无产阶级宗教”

(Богостроительство <...> пытается объединить научный социализм с религией, создать «религиозный атеизм» или «пролетарскую религию», у которого нет бога)» [大辞海, 2015, с. 423]. В переводной версии подчеркивается связь новой религии и социал-демократии, а в современной версии делается акцент на объединение религии и научного социализма.

Об «эмпириомонизме» в «Философском словаре» говорится: «все есть так или иначе организованный опыт (<...>). При этом физический мир – коллективно и социально организованный опыт, а психическое – опыт, организованный индивидуально» [Философский словарь, 1963, с. 521], в китайском дословном переводе мы видим: «经验一元论 <...> 一切事物都是这样或那样组织起来的经验 (<...>)。在这种情况下, 物理世界是集体地和社会地组织起来的经验, 而心理的东西是个人地组织起来的经验» [苏联哲学

资料选辑, 1965, с. 552], а в современной китайской энциклопедии – «经验一元论 <...> 认为经验来自感觉, 从感觉出发, 经过“心理的经验”, 产生“物理的经验”, 再产生人们的意识。心理的东西与物理的东西只是人类经验的不同形式, 它们都是组成“单一经验”的因素 (Эмпириомонизм <...> предполагает, что опыт происходит из чувств, начиная с чувств, посредством «психического опыта» создается «физический опыт», который формирует сознание людей. Психическое и физическое являются различными формами опыта людей, которые являются факторами, составляющими «единый опыт»)» [大辞海, 2015, с. 459]. В переводе подчеркивается различия между физическим миром и миром психического, а в современной энциклопедии внимание направлено на процессе формирования опыта.

«Эмпириосимволизм» в «Философском словаре» объясняется так: «Понятия (истина, бытие, сущность и т. д.) суть только символы и ничего не отражают реального, <...> мир – это совокупность эмпириосимволов (т. е. символов опыта), <...> эмпириосимволизм – субъективный идеализм» [Философский, 1963, с. 521], в китайском дословном переводе – «经验符号论 <...> 概念 (真理、存在、本质等) 只不过是符号, 丝毫不反映实在的东西。<...> 世界是经验符号的总和, <...> 经验符号论是主观唯心主义» [苏联哲学资料选辑, 1965, с. 554], а в современной китайской энциклопедии – «经验符号论 <...> 表象与概念只是人们随意创造出来的经验符号, 世界就是经验符号的总和。这种学说否定客观物质世界, 是贝克莱的自然符号论的翻版 (Эмпириосимволизм <...> представления и понятия являются только символами опыта, который создан людьми по желанию. Мир – это совокупность эмпириосимволов. Это учение отвергает объективный материальный мир и является переосмыслением теории символизма природы Беркли)» [大辞海, 2015, с. 459]. Толкования, которые представлены в переводной и современной версиях, почти одинаковы, но в современной версии добавлены оценка и историческая перспектива, а именно указывается на большое сходство с теорией символизма природы Беркли.

«Народничество» в «Философском словаре» объясняется как «1) социалистические мечты, надежда миновать путь капитализма, предупредить капитализм; 2) проповедь радикального преобразования аграрных отношений» [Философский, 1963, с. 291], в китайском буквальном переводе – «民粹主义 <...> 1) 社会主义的幻想, 希望避免资本主义道路, 防止资本主义; 2) 宣扬根本改革土地关系» [苏联哲学资料选辑, 1965, с. 133], а в современной китайской энциклопедии – «民粹主义 <...> 1) 对资本主义的发展持鄙视、厌恶的态度 <...>; 2) 极力否定俄国发展资本主义的可能性 <...>; 3) 认为俄国人民的绝大多数都充满着公有制的精神 <...>; 4) 认为俄国农民作为天生的共产主义者, 同西欧无产者比起

来, 更加接近社会主义 (Народничество <...> 1) 表达着蔑视和厌恶, 对资本主义的发展 <...>; 2) 完全地否认资本主义在俄罗斯 <...>; 3) 认为, 对俄罗斯的大多数人来说, 精神是集体所有的 <...>; 4) 认为, 俄罗斯农民是天生就有的共产主义者, 他们比西方欧洲的无产阶级更接近社会主义» [中国大百科全书, 2009, с. 83]. 在翻译版和现代版中表达着对资本主义的消极态度, 但在现代百科全书中注意力也转向了人民在历史中的作用。

Список литературы:

Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка / Н.С. Автономова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 704 с.

Автономова Н.С. Философия языка Жака Деррида / Н.С. Автономова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 510 с. (Российские Пропилеи).

Демьянков В.З. Языковые техники «трансфера знаний» // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 61–85.

Касавин И.Т. Знание // Новая философская энциклопедия / Под ред. В.С. Степина. В 4 тт. 2001. URL: https://platon.neta.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/znanie/3-1-0-1609.

Постовалова В.И. Пути и принципы трансферизации знания в гуманитарных науках // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 36–60.

Фещенко В.В., Бочавер С.Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С.5–34.

Философская энциклопедия. Т. 1: А – Дидро / Гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1960. 504 с.

Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Политиздат, 1963. 544 с.

大辞海. 第2卷, 哲学卷 / 夏征农, 陈至立主编. 上海: 上海辞书出版社, 2015. 812页 (Да цы хай (Большое море слов). Т. 2: Философия / Гл. ред. Ся Чжэннун, Чэнь Чжили. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2015. 812 с.).

苏联哲学百科全书. 第1卷 / 康斯坦丁诺夫主编. 上海: 上海译文出版社, 1984. 572页 (Советская философская энциклопедия. Т. 1 / Гл. ред. Ф.В. Константинов. Шанхай: Шанхай ивэнь чубаньшэ, 1984. 572 с.).

苏联哲学资料选辑. 第10辑 / 《哲学研究》编辑部编. 上海: 上海人民出版社, 1965, 652页 (Избранные материалы по советской философии. 10-й выпуск / Редакция «Философские исследования». Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1965. 652 с.).

中国大百科全书. 第16卷 / 《中国大百科全书》总编委会编. 北京: 中国大百科全书出版社, 2009. 600页 (Большая китайская энциклопедия. Т. 16 / Главная редакционная коллегия «Большая китайская энциклопедия». Пекин: Чжунго да байкэ цюаньшу чубаньшэ, 2009. 600 с.).

References:

Avtonomova N.S. Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka / N.S. Avtonomova. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 2008. 704 s. (In Russ.)

Avtonomova N.S. Filosofiya yazyka Zhaka Derrida / N.S. Avtonomova. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN), 2011. 510 s. (Rossijskie Propilei). (In Russ.)

- Dem'yankov V.Z.* Yazykovye tekhniki «transfera znaniy» // *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, principy, tekhnologii. Kollektivnaya monografiya* / Otv. red. V.V. Feshchenko. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2016. S. 61–85. (In Russ.)
- Kasavin I.T.* Znanie // *Novaya filosofskaya ehnciklopediya* / Pod red. V.S. Stepina. V 4 tt. 2001. URL: https://platona.net/board/novaja_filosofskaja_ehnciklopedija/znanie/3-1-0-1609. (In Russ.)
- Postovalova V.I.* Puti i principy transferizacii znaniya v gumanitarnykh naukakh // *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, principy, tekhnologii. Kollektivnaya monografiya* / Otv. red. V.V. Feshchenko. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2016. C. 36–60. (In Russ.)
- Feshchenko V.V., Bochaver S.Yu.* Teoriya kul'turnykh transferov: ot perevodovedeniya – cherez cultural studies – k teoreticheskoj lingvistike // *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, principy, tekhnologii. Kollektivnaya monografiya* / Otv. red. V.V. Feshchenko. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2016. C.5–34. (In Russ.)
- Filosofskaya ehnciklopediya*. T. 1: A – Didro / Gl. red. F.V. Konstantinov. M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1960. 504 s. (In Russ.)
- Filosofskij slovar'* / Pod red. M.M. Rozentalya i P.F. Yudina. M.: Politizdat, 1963. 544 s. (In Russ.)
- 大辞海. 第2卷, 哲学卷 / 夏征农, 陈至立主编. 上海: 上海辞书出版社, 2015. 812页 *Da cy khaj (Bol'shoye slovo)*. T. 2: Filosofiya / Gl. red. Sya Chzhennun, Chehn' Chzhili. Shankhaj: Shankhaj cysu chuban'sheh, 2015. 812 s.
- 苏联哲学百科全书. 第1卷 / 康斯坦丁诺夫主编. 上海: 上海译文出版社, 1984. 572页 *Sovetskaya filosofskaya ehnciklopediya*. T. 1 / Gl. red. F.V. Konstantinov. Shankhaj: Shankhaj ivehn' chuban'sheh, 1984. 572 s.
- 苏联哲学资料选辑. 第10辑 / 《哲学研究》编辑部编. 上海: 上海人民出版社, 1965, 652页 *Izbrannyye materialy po sovetskoj filosofii*. 10-j vypusk / Redakciya «Filosofskie issledovaniya». Shankhaj: Shankhaj zhehn'min' chuban'sheh, 1965. 652 s.
- 中国大百科全书. 第16卷 / 《中国大百科全书》总编委会编. 北京: 中国大百科全书出版社, 2009. 600页 *Bol'shaya kitajskaya ehnciklopediya*. T. 16 / Glavnaya redakcionnaya kollegiya «Bol'shaya kitajskaya ehnciklopediya». Pekin: Chzhungo da bajkeh cyuan'shu chuban'sheh, 2009. 600 s.

Громова Людмила Георгиевна
Тверской государственной университет
г. Тверь (Россия)

Громова Виктория Романовна
МОУ Средняя общеобразовательная школа № 20
г. Тверь (Россия)

Gromova Liudmila
Tver State University
Tver (Russia)

Gromova Victoriya
Municipal educational institution Secondary School No. 20
Tver (Russia)

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА В ВОСПРИЯТИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

FEATURES OF THE LINGUISTIC AND CULTURAL SPACE OF THE MODERN RUSSIAN CITY IN THE PERCEPTION OF FOREIGN STUDENTS

В статье авторы исследуют лингвокультурную среду провинциального современного российского города с позиций антропоцентрического подхода. Данный подход стимулирует интерес как к изучению региональной специфики городского пространства, так и к исследованию возможностей взаимодействия языковой личности иностранного студента с этим пространством. Важность использования культурного потенциала города в формировании коммуникативной и межкультурной компетенции иностранцев признаётся ведущими специалистами в методике преподавания русского языка. В статье приводятся результаты лингвокультурного исследования городского пространства: описаны номинации торговых объектов (эмпоронимы), с которыми студенты-иностранцы встречаются с первого дня пребывания в городе.

В результате исследования выявлено, что тверская эмпоронимия носит поликультурный характер и отличается высоким культурным потенциалом. В номинациях использована как лексика русского языка, так и различных иностранных языков. Переплетение алфавитов (латиницы и кириллицы), а также русской и иностранной лексики вносит элементы креативности и языковой игры. Анкетирования российских и иностранных студентов, обучающихся в Тверском государственном университете, показало толерантное отношение к использованию русскоязычных и иностранных названий.

In the article, the authors explore the linguistic and cultural environment of a modern provincial Russian city from the standpoint of an anthropocentric approach. This approach stimulates interest both in studying the regional specificity of urban space and in exploring the possibilities of interaction of foreign student's linguistic personality with this space. The importance of using the city's cultural potential in forming the communicative and intercultural competence of foreigners is recognized by leading experts in the methodology of teaching Russian. The article presents the results of linguistic and cultural study of urban space: it describes the categories names of commercial facilities (emporonyms) that foreign students meet from the first day of their stay in the city.

The study reveals that Tver emporonymy is multicultural in nature and has high cultural potential. In the names the vocabulary of both the Russian language and various foreign languages has been used. The interweaving of alphabets (Latin and Cyrillic), as well as Russian and foreign vocabulary, introduces elements of creativity and language play. Surveys of Russian and foreign students studying at Tver State University have shown their tolerant attitude toward the use of Russian and foreign names.

Ключевые слова: обучение иностранцев, городская лингвокультурная среда, названия городских объектов.

Key words: training of foreigners, urban linguistic and cultural environment, names of urban facilities.

Антропоцентрический подход к изучению языкового пространства современного российского города как особой лингвокультурной среды, с которой взаимодействуют иностранные студенты, предполагает исследование проблемы как в лингвистическом, так и в коммуникативном, лингвокультурном, социолингвистическом и других аспектах. Язык города как сложный комплекс разнообразных языковых компонентов, отражающий социальные, политические, экономические, культурные процессы, происходящие в обществе, является актуальным направлением фундаментальных исследований современной лингвистики. Данная проблематика разработана в трудах таких известных лингвистов, как Н.В. Подольская (1998), Т.В. Шмелёва (1989, 1990, 1997 и др.), И.В. Крюкова (1993), Л.З. Подберёзкина (1997), М.В. Китайгородская (2003), Л.П. Крысин (2004), Н.А. Гусейнова (2014) и др.

Внимание к специфике городского культурного пространства с позиций преподавания РКИ является оправданной и актуальной, так как региональная информация переплетается со значимой информацией общероссийской культуры. Важность обучающей функции русской лингвокультурной среды, предоставляющей широкий контекст фоновых знаний в процессе адаптации иностранцев, обоснована в работах российских учёных-методистов [Орехова, 2003, с. 30-33]⁶⁶. Комплексное исследование восприятия иностранными студентами городского лингвокультурного пространства полезно для преподавателей РКИ с целью организации эффективного межкультурного взаимодействия студентов-иностранцев в естественной среде проживания для реализации учебных и утилитарно-потребительских мотивов [Громова, 2014]⁶⁷.

В нашей статье будут представлены результаты исследования лингвокультурного пространства города Твери, а также отношения российских и иностранных студентов к культурной специфике номинаций города. Изучение особенностей речи городских жителей является самостоятельной темой и остаётся за рамками данной статьи. Для анализа тверских номинаций мы воспользовались сайтом, который содержит более 300 наименований предприятий общественного питания.⁶⁸

Тверь, являясь областным центром, отвечает характеристикам поликультурности, так как по результатам переписи 2010 года кроме русских в городе проживают

⁶⁶ Орехова Н.А. Языковая среда. Попытка типологии /Н.А. Орехова. М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2003. 194с.

⁶⁷ Громова Л.Г. Роль регионального лингвокультурного потенциала при формировании межкультурной компетенции иностранных студентов-филологов // В сборнике: Динамика языковых и культурных процессов в современной России / Л.Г. Громова. Материалы IV Конгресса «РОПРЯЛ», 2014. С. 36-41.

⁶⁸ Ресурсы удалённого доступа Интернет [Сайт города Твери <http://tver.ktogdeest.com/restorany>] https://www.tripadvisor.ru/Restaurants-g298487-Tver_Tver_Oblast_Central_Russia.html#EATERY_OVERVIEW_BOX

представители 108 национальностей. В условиях академической активности и интернационализации образования в тверских государственных вузах обучаются иностранные студенты из Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Языком межнационального общения иностранных студентов на первых порах пребывания в России, как правило, является английский. Современная российская молодёжь также активно осваивает английский язык, стремясь пройти определённый период обучения в зарубежных вузах, совершает путешествия, знакомясь с новыми странами и культурами, общается в Интернете. Так формируется позитивное отношение к новой лингвокультурной городской среде, в которой значимость англоязычных названий и латинского алфавита возрастает. Распространение иностранных слов и латиницы в номинациях российского города объясняется также ксенофилией – модой на иноязычные элементы, которая ярко проявилась в 90-ые годы прошлого века.

На сегодняшний день положено начало комплексному описанию лингвокультурной среды города Твери. Нужно отметить, что за последние несколько лет студенткой Тверского государственного университета факультета иностранных языков ми международной коммуникации Громовой В.Р. были выполнены исследования англоязычной лексики в коротких текстах тверских вывесок, которые представляют собой названия городских торговых объектов – эмпоронимы (2016, 2017, 2018). Тверские номинации же на русском языке пока изучены недостаточно, хотя эта тема была затронута в одной из статей вышеуказанного автора [Громова, 2017 с. 39-40]⁶⁹.

Фактический материал тверских номинаций, представленный в последних исследованиях, отражает процесс интернационализации. В Твери распространены эмпоронимы, включающие лексику на русском, английском, французском, итальянском, немецком, чешском языках [Громова, 2017(а)]⁷⁰. Самой многочисленной группой являются названия на русском языке, а среди иностранных наиболее распространёнными являются номинации с использованием английского языка и англоязычных заимствований. Приведём примеры иноязычной лексики в тверской эмпоронимии: англицизмы – *HappyBurger, City bar, Traveler's coffee, Chicken House, Kotleta Citybar, Baar B.Q., Big Ben* – кафе; *Fashion City, Citymarket* – магазины; лексика французского языка – *Л' Этуаль* – сеть магазинов косметики, *Kofe Art, Bonneville Cafe, Boulangerie, Moncafe* – кафе и рестораны с блюдами

⁶⁹ Громова В.Р. (в) Особенности функционирования русской и заимствованной лексики на материале тверской эмпоронимии // Сборник статей стипендиатов Оксфордского Российского фонда. «Наука. Молодость. Талант» / В.Р. Громова. Тверь: ТвГУ, 2017. С. 39-42.

⁷⁰ Громова В.Р. (а) К вопросу об англоязычных заимствованиях в современной тверской эмпоронимии // IX Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты» [электронный ресурс] / В.Р. Громова. Тверь, 27 апреля 2017 г. http://old.tversu.ru/rgf.tversu.ru/sites/default/files/doc-files/Gromova_VR_2017.pdf

французской кухни, –; названия на итальянском языке *Ла Грота, Пьетро Мацца, Giovanni* – кафе, *Дольче Вита* – парфюмерный магазин и др.

Все эмпоронимы по признаку использования языка подразделяются на три группы: 1) представленные на русском языке, 2) представленные на иностранных языках, 3) представленные сочетанием русских и иноязычных слов.

Рассмотрим первую группу русскоязычных эмпоронимов, которые содержат культурный компонент и представляют интерес в плане обучения и адаптации иностранцев. Нужно отметить, что одной из важнейших функций эмпоронима после номинативной является рекламная [Шмелёва, 1997, с. 117]⁷¹. Для эффективной реализации данной функции номинаторы используют различные приёмы, способствующие привлечению внимания потребителя. Анализ русскоязычных эмпоронимов показал, что таковыми являются следующие: приём «анимации», использование имён собственных, включение уменьшительно-ласкательных форм (деминутивов), употребление прецедентных имён, несущих культурный потенциал.

Одним из популярных приёмов является анимация, т.е. изображение внешнего мира вещей как самостоятельного, существующего параллельно с миром человека. Подразумевается, что к нему можно приобщиться, если вы станете покупателем. По мнению исследователей, в основу названий крупных магазинов, или, если их хотят представить таковыми, используют слова «мир», «планета», «империя». В Твери наиболее частотными являются названия, в которых мы видим слово «мир»: *Ароматный мир* – винный магазин, *Мир сумок, Мир обуви, Мир ткани, Стекломир* и др. [Громова, 2017(в), с. 40]⁷²

Как верно замечено, словосочетания со словом «мир» до 90-ых годов XIX века образовывали с абстрактными существительными, как, например, «мир прекрасного», «мир музыки», «мир кино», «мир искусства». Например, в названии книжного магазина «Мир книг» акцент сделан не на вещном, а на идеальном, т.е. в номинации содержится указание на тот неведомый мир, который открывается в книгах. Можно привести немало современных абсурдных примеров таких названий, которые могут вызывать непонимание как у носителей, так и у иностранцев, например: названия магазинов – *Мир сантехники,*

⁷¹ Шмелёва Т.В. Письменность городской среды // Фонетика-орфоэпия-письмо в теории и практике: Межвуз. сб. научн. трудов / Т.В. Шмелёва. Красноярск, 1997. С. 114–123.

⁷² Громова В.Р. (в) Особенности функционирования русской и заимствованной лексики на материале тверской эмпоронимии // Сборник статей стипендиатов Оксфордского Российского фонда. «Наука. Молодость. Талант» / В.Р. Громова. Тверь: ТвГУ, 2017. С. 39-42.

Стекломир, Мир проволоки, или современного агентства по продаже квартир – *Мир недвижимости*.

Большой культурный потенциал заложен в русских именах собственных. Частотным приёмом при номинации является употребление имён собственных, которые в Твери, в основном, используются в названиях небольших магазинов и кафе, например: *Светлана-бутик, Мария* – магазин кухонной мебели, *Виктория* – магазин одежды для всей семьи. Встречаются уменьшительная форма имени собственного: *Нюша* – магазин одежды, где *Нюша* – производное от полного имени *Анна*. Уменьшительное имя *Аня* зашифровано посредством графики в названии *Мир ткАни*.

Кроме того, достаточно часто можно встретить названия, в которых используется только отчество: *Петрович* – магазин запчастей, *У Палыча* – сеть продуктовых магазинов. В русском коммуникативном поведении в такой форме обращаются к хорошо знакомому человеку своего круга, что полезно знать иностранцам. Такая номинация у россиян вызывает чувство доверия, привлекает внимание покупателя положительной эмоциональностью и предложением приобрести товар почти у своего приятеля.

Отдельную довольно значительную группу представляют эмпоронимы, при образовании которых были использованы деминутивы с характерной положительной коннотацией. Чаще всего – это названия магазинов, где продаются товары для детей, например: *Ножки сапожки* – магазин детской обуви, *Модные детки* – магазин детской одежды. Можно привести примеры названий продуктовых магазинов: *Молочный дворик, Пивко-табачок*. Для иностранных студентов требуется комментарий преподавателя, так как эти формы могут быть не вполне активизированы в их речи.

Среди тверских эмпоронимов выявлена довольно большая группа, в которых используются прецедентные имена, содержащие культурный потенциал, известный носителям русской культуры. Например, в номинации книжного магазина *Кириллица* в эмпорониме содержится название славянской азбуки. К таковым относится также, например, название бара: *Бар Суворов*, где эмпороним представлен именем выдающегося русского полководца, генералиссимуса А.В. Суворова. В Твери встречаются названия советского времени, имеется – ресторан *Ленинград, Бар Калинин*. Название бара включает старое советское название города Твери, тем самым, указывает на национально-культурную историческую и региональную специфику. Эта специфика актуализирована в оформлении интерьера бара, в котором использованы советские символы. Данные эмпоронимы представляют несомненный интерес для преподавателей РКИ и студентов-иностранцев, так как выявление культурного компонента эмпоронима раскрывает содержательную сторону культуры города.

В номинациях города встречаются яркие имена персонажей известных русских народных сказок. В названии тверского продуктового магазина по продаже куриного мяса *Рябушка* использовано прецедентное имя – *курочка Ряба*, которое с детства знают носители русской культуры, а для иностранцев оно чаще всего незнакомо.

Идиомы в тверских номинациях встречаются достаточно редко. Мы обнаружили название бара *Кузькина мать*, которое основывается на идиоме «*Показать Кузькину мать*». Номинаторы, вероятно, рассчитывали на интерес клиентов и желание узнать, что скрывается в этом заведении с таким парадоксальным названием.

В последнее время появляются новые эмпоронимы, которые указывают на иную культуру: *Чайхана Восток*, *Красный дракон*, *Нияма*, *PRO SUSHI* – кафе японской кухни, *Чешская пивница PĪTNIČA* – кафе, *Лотос* – магазин товаров из Индии.

Обратимся ко второй группе эмпоронимов, в которых использованы заимствования из разных языков. Было выявлено, что тверские номинации, выраженные средствами английского языка, являются наиболее частотными и представлены в названиях кафе, баров, магазинов. Особенно частотными являются заимствования *gold* (англ.) 'золото, позолота'; *house* (англ.) 'дом, жилище'; *city* (англ.) 'город' и др. Данные слова представляют собой общеупотребительные и краткие слова, понятные даже для тех, кто не владеет английским языком, например, в Твери: *Golden Plaza* – ресторан для банкетов, *Chicken House* – сеть кафе, *Citybar* – кафе, *Cumi обувь* – магазин. В этом ряду стоят также номинации, образованные с помощью слов *market*, *евро*, содержащие указание на «европейскость», которые часто написаны кириллицей и входят в название как часть сложного слова: *Гипермарке 4 сезона*, *Минимаркет*, *Еврошок*, *Евросвет*, *Евросеть* [Громова, 2017 (а)]⁷³.

В 90-ые годы начали активно использовать заимствования при номинации объектов города, так как иностранное слово воспринималось как более престижное. Это явилось одной из социально-психологических причин. Л.П. Крысин отмечает, что слово, которое в языке-источнике именуется обычным объектом, в заимствующем языке относится к объекту более значительному [Крысин, 2004, с. 153]⁷⁴.

Среди названий на английском языке в Твери можно встретить такие, которые заключают в себе привлекательный для клиента образ. К данной группе названий относится

⁷³ Громова В.Р. (а) К вопросу об англоязычных заимствованиях в современной тверской эмпоронимии // IX Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты» / В.Р. Громова. Тверь, 27 апреля 2017 г.

⁷⁴ Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л.П. Крысин. М.: «Языки славянской культуры», 2004. С.153.

запоминающийся и прозрачный по смыслу эмпороним *LEGENDS BAR* (кальянная-бар). Внутреннее оформление помещения этого бара украшено портретами легендарных личностей писателя Эрнеста Хемингуэя, исследователя подводного мира Жака Ива Кусто, Мика Джаггера, что соответствует названию и создаёт привлекательную атмосферу для посетителей.

Как одну из важных особенностей письменности современной городской среды исследователи отмечают тенденцию к графико-орфографическому иноязычию в номинациях города [Григорьева, 2000, с. 48]⁷⁵. В тверской эмпоронимии выявлены: 1) номинации на английском языке, при написании которых пользовались только латиницей: кафе – *Cloud Hut, Old School*; бары – *Budweis, Grizzly pub*; магазины одежды – *Fantasy fly, Tom Tailor, NewYorker*; 2) номинации с использованием русских слов и имён, написанных латиницей с зашифрованным смыслом – *PutInBar, iRazbil*; 3) номинации на английском языке, при написании которых использована кириллица: магазины – *Евросеть, Зоолэнд, Гайд Парк Бар*; 4) номинации, при написании которых характерно переплетение алфавитов: бары – *ВЕЕРоКрат, ВеерЖа, Декорации Lounge*; аптека-оптика – *ПроЗрение*; рестораны – *Grill cad, iПана, Веранда* [Громова, 2018].⁷⁶ В тверском названии магазина электронной техники (и мастерской по ремонту) *iRazbil* наблюдаем элементы языковой игры, так как у клиента появляется ассоциация с русским выражением «я разбил» или «ай, разбил». В первом случае «i» переводится как личное местоимение «Я», а во втором как эмоционально-оценочное междометие «ай» со значением досады.

Для изучения отношения российских и иностранных студентов к использованию иностранных слов в номинациях тверских городских объектов в 2017-2019 годах был применён метод интервьюирования, в котором участвовали российские и иностранные студенты Тверского государственного университета.

В качестве информантов выступили российские студенты, обучающиеся на факультете иностранных языков и международной коммуникации (далее ИЯ и МК), и иностранные студенты кафедры русского языка как иностранного (далее РКИ). Иностранцами участниками интервьюирования были граждане Великобритании, Италии, Польши, Финляндии, которые являются студентами университетов Глазго, Тампере, Турку, Восточной Финляндии и проходят курс включённого обучения русскому языку на кафедре

⁷⁵ Григорьева Т.М. Графико-орфографические приметы современности // Активные процессы конца XX в. / Т.М. Григорьева. М., 2000. – С. 47.

⁷⁶ Громова В.Р. Особенности современной тверской эмпоронимии // X Всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты» [Электронный ресурс ТвГУ] / В.Р. Громова. Тверь: ТвГУ, 2018 // Режим доступа: http://rgf.tversu.ru/websites/29/ckeditor_assets/attachments/5022/Gromova-VR_2018.pdf

РКИ. Все иностранцы уже владеют русским языком на уровне В1-В2, поэтому понимали содержание анкеты на русском языке и ответили на все вопросы.

В 2019 году всего было получено интервью от 57 студентов, из которых российские студенты составили 33, а иностранцы 24. Ранее по данной теме уже был проинтервьюирован 31 иностранец, результаты опубликованы в статье [Громова, 2017 (а)].

Сначала нам было интересно узнать, как относятся российские и иностранные студенты к явлению поликультурности их родных городов. Российские студенты на вопрос «Как вы относитесь к названиям на иностранных языках в Твери?» ответили следующим образом: отлично 12/33 (36,3%), хорошо 8/33 (24,2%), нормально 7/33 (21,2%), не думал(а) 1/33 (3%), мне все равно 4/33 (12,1%). Таким образом, 81,7% относятся к иноязычным эмпоронимам положительно. Как выяснилось, большинство студентов полагают, что названия на иностранном языке делают облик города для его жителей привлекательным и интернациональным.

Студенты-иностранцы на вопрос «На каком языке встречаются названия в вашем родном городе?» дали следующие ответы. Например, студенты из Финляндии (г. Тампере и г. Йоэнсуу) показали следующие результаты: на шведском – 6,25%, на китайском – 12,5%, на турецком – 12,5%, на английском – 31,25%, на польском – 12,5%. Можно сделать вывод о том, что городская среда в провинциальных финских городах поликультурна, а при номинации городских объектов наряду с другими иностранными языками, как и в России, чаще всего используется английский язык. Языковое и культурное разнообразие характерно и для шотландского города Глазго. От студентов из университета Глазго мы получили следующие ответы: названия встречаются на итальянском – 37,5%, на японском – 12,5%, на китайском – 12,5%, на индийском – 12,5%. Итальянский язык в номинациях встречается чаще всего.

Более 68% иностранных студентов из университетов Финляндии относятся позитивно к тверским номинациям на иностранных языках, а из университета Глазго – 75%. Для остальных студентов – не важно, на каком языке даны названия городских объектов. На вопрос о том, как влияют номинации на иностранных языках на облик города, были получены следующие ответы.

Почти половина опрошенных (45,8%) отметила, что названия на иностранных языках делают город для его жителей более привлекательным. Другая же половина считает, что названия на иностранных языках не особенно меняют облик города. Если говорить о значении англоязычных названий для иностранных туристов, то результаты изменяются следующим образом: более привлекательным – 50%, более удобным – 54,1%, не влияют – 4,1%. Для иностранцев характерно прагматическое отношение к англоязычным

номинациям. Более важными для них оказались номинации на английском языке, наличие которых помогает ориентироваться в городе.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о поликультурном характере тверской эмпоронимии. Наряду с эффективным использованием русских названий с ярко выраженным культурным компонентом при номинации торговых точек, объектов общественного питания и сферы обслуживания зафиксированы эмпоронимы из английского и других языков. Переплетение различных алфавитов привносит примеры креативного использования языка, в том числе, языковой игры.

Тверские эмпоронимы заключают в себе ярко выраженный культурный потенциал, который представляет интерес для иностранных студентов в плане познания окружающей языковой среды в целях более быстрой адаптации и комфортного проживания. Описание городского культурного пространства предоставляет преподавателю РКИ уникальный материал, который позволит ему использовать полученную информацию для формирования коммуникативной и межкультурной компетенции иностранных студентов, а также и для повышения мотивации интереса к изучению русского языка.

Российские и иностранные студенты, в основном, осмысленно и позитивно относятся к номинациям на иностранных языках, активно взаимодействуют с лингвокультурной средой современного города.

Список литературы:

- Григорьева Т.М.* Графико-орфографические приметы современности // Активные процессы конца XX в. – М., 2000.
- Громова В.Р.* (а) К вопросу об аглоязычных заимствованиях в современной тверской эмпоронимии // Сб. материалов IX Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты» Тверь: ТвГУ, 2017 / [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://old.tversu.ru/rgf.tversu.ru/node/2389.html>
- Громова В.Р.* (в) Особенности функционирования русской и заимствованной лексики на материале тверской эмпоронимии. Сборник статей стипендиатов Оксфордского Российского фонда. "Наука. Молодость. Талант." Тверь: ТвГУ, 2017.
- Громова В.Р.* Особенности современной тверской эмпоронимии // Сб. материалов X Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных. Тверь: ТвГУ, 2018 // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://rgf.tversu.ru/websites/29/ckeditor_assets/attachments/5022/Gromova-VR_2018.pdf
- Громова Л.Г.* Роль регионального лингвокультурного потенциала при формировании межкультурной компетенции иностранных студентов-филологов // В сборнике: «Динамика языковых и культурных процессов в современной России» / Материалы IV Конгресса «РОПРЯЛ», в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе». 2014.
- Крысин Л.П.* Русское слово, своё и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: «Языки славянской культуры», 2004.
- Крюкова И.В.* Рекламные имена как знаки городской культуры // Язык города. Матер. Научно-практической конференции. Бийск: БПГУ им. Шукшина, 2007.
- Орехова И.А.* Языковая среда. Попытка типологии. Москва: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2003.
- Шмелёва Т.В.* Письменность городской среды // Фонетика-орфоэпия-письмо в теории и практике: межвузовский сб. научн. трудов. Красноярск, 1997.

References:

- Grigor'eva T.M.* Grafiko-orfograficheskie primety sovremennosti // Aktivnye protsessy kontsa XX v. – M., 2000. (In Russian).
- Gromova V.R.* (a) K voprosu ob agloyazychnykh zaimstvovaniyakh v sovremennoi tverskoi ehmporonomii // Sb. materialov IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh «Dialog yazykov i kul'tur: lingvisticheskie i lingvodidakticheskie aspektY» Tver': TVGU, 2017 / [Ehlektronnyi resurs] // Rezhim dostupa: <http://old.tversu.ru/rgf.tversu.ru/node/2389.html> (In Russian).
- Gromova V.R.*(v) Osobennosti funktsionirovaniya russkoi i zaimstvovannoi leksiki na materiale tverskoi ehmporonomii. Sbornik statei stipendiatov Oksfordskogo Rossiiskogo fonda. «Nauka. Molodost'. Talant.» Tver': TVGU, 2017. (In Russian).
- Gromova V.R.* Osobennosti sovremennoi tverskoi ehmporonomii // Sb. materialov X Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh. Tver': TVGU, 2018 // [Ehlektronnyi resurs] Rezhim dostupa: http://rgf.tversu.ru/websites/29/ckeditor_assets/attachments/5022/Gromova-VR_2018.pdf (In Russian).
- Gromova L.G.* Rol' regional'nogo lingvokul'turnogo potentsiala pri formirovanii mezhkul'turnoi kompetentsii inostrannykh studentov-filologov // V sbornike: «Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoi Rossii» / Materialy IV Kongressa «ROPRYAL», v ramkakh I Pedagogicheskogo foruma «Russkii yazyk v sovremennoi shkolE». 2014. (In Russian).
- Krysin L.P.* Russkoe slovo, svoe i chuzhoe. Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike. M.: «Yazyki slavyanskoi kul'turY», 2004. (In Russian).
- Kryukova I.V.* Reklamnye imena kak znaki gorodskoi kul'tury // Yazyk goroda. Mater. Nauchno-prakticheskoi konferentsii. Biisk: BPGU im. Shukshina, 2007. (In Russian).
- Orekhova I.A.* Yazykovaya sreda. Popytka tipologii. Moskva: GIRYa im. A.S. Pushkina, 2003. (In Russian).
- Shmeleva T.V.* Pis'mennost' gorodskoi sredy // Fonetika-orfoehpiya-pis'mo v teorii i praktike: mezhvuzovskii sb. nauchn. trudov. Krasnoyarsk, 1997. (In Russian).

Дондоков Доржи Дондокович
Институт востоковедения, Институт иностранных языков
Российского государственного педагогического университета
имени А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург (Россия)

Dondokov Dorzhi
Institute of Oriental Studies, Institute of Foreign Languages
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg (Russia)

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ
(КРАУДСОРСИНГОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)⁷⁷**

**ETHNIC STEREOTYPES VERBALIZATION AND DAILY LIFE REPRESENTATION
IN RUSSIAN SOCIAL MEDIA (CROWDSOURCING-BASED RESEARCH)**

В исследовании с помощью краудсорсинга выявлены популярные стереотипы о носителях русской лингвокультуры, вербализуемые в социальных сетях: стереотипы, связанные с алкоголем, медведями, глупостью и ленью. Результаты опроса подкрепляются данными подкорпуса ВКонтате Генерального Интернет-Корпуса Русского Языка (ГИКРЯ). Исследование стереотипов, вербализуемых в социальных сетях, позволит выявить особенности тезаурусного уровня русской языковой личности, репрезентируемой в персональном интернет-дискурсе. Однако хотя стереотипы отражают картину мира языковой личности, нельзя утверждать, что стереотипы можно считать достоверным способом репрезентации лингвокогнитивного уровня языковой личности. Также респондентами названы аспекты повседневности, часто обсуждаемые в социальных сетях – тематические группы “еда” и “семья и отношения”, они и определяют бытийную парадигму человека. Полученные результаты будут использованы при сопоставлении способов репрезентации языковых личностей носителей различных лингвокультур в интернет-дискурсе.

This crowdsourcing-based research reveals popular stereotypes about Russians in social media: stereotypes connected with alcohol, bears, stupidity and laziness. Survey results are supported by the data from General Internet-Corpus of Russian (GICR) VK Subcorpus. The study of stereotypes verbalized in social media reveals the characteristics of Russian linguistic personality’s thesaurus level represented in the personal Internet discourse. Even though stereotypes represent linguistic personality’s worldview, it is impossible to state that stereotypes can be considered as an accurate way of linguistic personality’s linguocognitive level representation. Besides, respondents have named daily life aspects most frequently discussed in social media: food and family & relations, they define man’s existential paradigm. Retrieved results may be used in comparing of ways of different culture bearers’ linguistic personalities representation in the Internet discourse.

Ключевые слова: стереотипы, повседневность, социальные сети, краудсорсинг, корпус, языковая личность.

Keywords: stereotypes, daily life, social media, crowdsourcing, corpus, linguistic personality.

Социальные сети стали популярной площадкой для межличностной коммуникации. Вместе с тем они являются плодородным пространством для репрезентации языковой личности интернет-пользователей. О. Е. Морозова называет национальные стереотипы инвариантной составляющей языковой личности [Морозова, 2005, с. 113]. По Э. Сепиру,

⁷⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90014

культурные стереотипы олицетворяются в каждом члене социума [Сепир, 1993, с. 582]. Стереотип определяется учёными как зафиксированный в языке и обладающий национально-культурной спецификой признак концепта, который чаще других воспроизводится в дискурсе [Орлова, 2011, с. 46]. Таким образом, исследование стереотипов, вербализуемых в социальных сетях, позволит выявить особенности тезаурусного уровня русской языковой личности, репрезентируемой в персональном интернет-дискурсе. Исследователи отмечают, что бытийная парадигма человека обусловлена культурными константами [Банкова, Угрюмова, Агапова, 2017, с. 10]. Для исследования бытийной парадигмы языковой личности мы попросили респондентов – носителей русской лингвокультуры – назвать самые обсуждаемые, по их мнению, аспекты повседневности.

Представленная работа является частью сопоставительного лингвокультурологического исследования с использованием краудсорсинга и анализа корпусных данных, в настоящем исследовании использованы данные Генерального Интернет-Корпуса Русского Языка (далее – ГИКРЯ) [Генеральный Интернет-Корпус Русского Языка]. Вопросы о стереотипах и повседневности входили в число вопросов анкеты, предложенной респондентам. Анкета для опроса была создана через Google Формы и размещена в социальных сетях ВКонтакте и Facebook.

Социокультурные характеристики респондентов

В опросе приняло участие 82 респондента в возрасте от 17 до 60 лет, в том числе 60 женского пола, 22 мужского. 45 из них имеют высшее образование, 3 — среднее профессиональное, среднее общее — 2, 3 — с учёной степенью, 2 из них кандидаты наук, 29 — студенты вузов, 1 студент учреждения среднего профессионального образования.

На вопрос «Из какого Вы региона?» ответы респондентов отличались, в ответах на этот вопрос можно проследить примеры региональной самоидентификации респондентов: некоторые указывали субъекты Российской Федерации, другие — названия городов, остальные — названия федеральных округов и др. Среди опрошенных 30 человек из Санкт-Петербурга, остальные представляют следующие регионы: Москва – 11, Забайкалье и Забайкальский край, Чита – 11, Республика Бурятия, Улан-Удэ – 7, Ленинградская область – 3, «Северо-западный» – 3, Пермский край – 2, Тамбовская область – 2, Дальний Восток – 2, Иркутская область – 1, Казахстан – 1, Калмыкия – 1, Краснодарский край – 1, Крым – 1, «Западный» – 1, Люберцы – 1, Орёл – 1, Тверская область – 1, УрФО – 1, Челябинская область – 1.

Родной язык большинства опрошенных – русский (68 человек), бурятский как родной указали 12 человек, калмыцкий – 1, крымско-татарский – 1, хотя следует полагать, что они – билингвы и русский язык также является для них родным.

Вербализация стереотипов в социальных сетях

Вопрос о вербализации этнических стереотипов в социальных сетях стал одним из наиболее сложных для респондентов. 13 респондентов не смогли ответить на этот вопрос.

Преобладающее количество респондентов ответило, что в социальных сетях наиболее распространены стереотипы о русских, связанные с алкоголем (19 респондентов). Один из респондентов привёл пример «русский – значит пьяница» и прокомментировал этот стереотип: «Это глупо, так как по статистике ВОЗ Россия даже не входит в 20 стран с алкогольной зависимостью». [Режим доступа: <https://visasam.ru/samotur/marshrut/samyepiushie-strany.html>]. Однако по данным ВОЗ, обновлённым 16 мая 2020 года, по среднему показателю общего употреблению алкоголя на душу населения (95% ДИ) за 2016-2018 годы Российская Федерация находится на 15 месте [Global Health Observatory data repository]. Пьянство было одним из стереотипов, названных респондентами. В результате поиска в сегменте «ВКонтакте» Генерального Интернет-корпуса русского языка было найдено 80 вхождений по запросу «пьянство», среди найденных примеров в двух постах пользователи употребили цитату: «Мы не знаем постоянства никакого кроме пьянства, потому что пьянство это и есть наше постоянство». Один пользователь задаётся вопросом: «...или наше пьянство на борту уже иностранных компаний главная угроза другим народам?». Один пользователь опровергает утверждение о традиционности пьянства в России: «...утверждение, что в России пьянство традиционно, в корне неверно». Среди примеров со стереотипом «алкоголизм» (69 вхождений) в сегменте ВКонтакте ГИКРЯ встречается пост, содержащий цитату о простом русском мужике: «в душе простого русского мужика натянуты только три струны: империализм, алкоголизм и ...». Одним из интернет-пользователей водка наряду с матрёшкой названа одним из двух русских сувениров.

По мнению респондентов, второе место среди распространенных стереотипов о русских занимают стереотипы, связанные с медведями (7 респондентов). В сегменте ВКонтакте ГИКРЯ всего 84 вхождения по запросу «медведь». Здесь больше стереотипизации подвергаются не носители русской лингвокультуры, а сама Россия: «Россия – как медведь большой и сильный», «Россия – как медведь, что спит в берлоге, спокоен, если кто проходит мимо».

Далее в рейтинге популярных стереотипов о русских, по мнению респондентов, идут стереотипы о глупости (6 респондентов). Словосочетание «глупые русские», приведённое в пример одним из респондентов, встречается в исследуемом корпусе 21 раз. Прецедентное

имя «Иван-дурак» упоминается в корпусе 61 раз. «Тупость» встречается в корпусе 65 раз, в одном из примеров она описывает российские СМИ, в другом названа интернет-пользователем одним из проблем российского общества: «Хамство, тупость, неэтичные вопросы – проблемы нашего общества». «Глупость» встречается реже – 48 вхождений, в найденных примерах эта черта характерна для власти – «...глупость и бездарность власти», одним из интернет-пользователей продуктовые контрсанкции названы глупостью: «продуктовые контрсанкции – ну чистая же глупость, их надо как можно скорее отменять».

По мнению 4 респондентов стереотипы о лени наиболее распространены в социальных сетях (93 вхождения в корпусе). 3 респондента считают наиболее распространенными стереотипы об отсутствии толерантности (17 вхождений в корпусе) и нетерпимости (76 вхождений). Среди примеров в корпусе со словосочетанием «отсутствие толерантности» встречаются обращения: «Люди, до чего вы дошли! Взаимные оскорбления, безграмотность и полное отсутствие толерантности», «Этой неоправданной критикой и типичными оскорблениями вы показываете явное отсутствие толерантности, зрелости». Среди примеров, выданных по запросу «нетерпимость» встречаются нетерпимость россиян к мигрантам, нетерпимость к свободному гражданскому выбору в новейшей русской истории, чаще всего упоминается религиозная нетерпимость. Стереотип «грубость, грубые» назван 2 респондентами, «грубость» употребляется в корпусе 51 раз, «грубые» – 47, при этом «грубые» в одном из постов ВКонтакте в ГИКРЯ определяет французов. Балалайка, названная распространенным стереотипом 2 респондентами, в корпусе упоминается 83 раза в разных контекстах, например, «Медведь, балалайка, матрёшка и водка – постоянный набор Рашн патриота», «Факты: да вообще москаля, мы че изобрели на свою историю? Балалайка, водку и калаш?», «Идем в гости только покормили медведя, балалайка в сумке. Всех с праздником», «Ой, чую "талон на интернет" войдет в список "медведь, балалайка, валенки, водка, реактор"», «И всё – что осталось, ноги да руки, Кислые щи, да балалайка от скуки». Гомофобия (54 вхождения в корпусе) также названа 2 респондентами одним из наиболее распространенных в соцсетях стереотипов о носителях русской лингвокультуры, далее приведём примеры употребления данной лексической единицы в корпусе: «страшная гомофобия в московском метро», «Гомофобия и бандитизм – добро пожаловать в ... Русь». Один интернет-пользователь задаётся вопросом: «Почему в России так развита гомофобия?».

Наиболее распространенными в социальных сетях респондентами также названы политические стереотипы: «слабая организованность, отсутствие внутренней дисциплины, воинственность в связи с внешней политикой России», «российская угроза». Также респонденты назвали распространенными гендерные стереотипы, прежде всего о

женщинах: «женщины хотят только денег, а мужчины – секса», «парни смелые и рукастые, девушки – красивые и сильные», «красавица», «образ русской блондинки», «коня на скаку остановит».

По мнению одного из респондентов, наиболее распространены следующие стереотипы о россиянах: “необоснованная агрессия, нетолерантность к национальным/этническим меньшинствам, их дискриминация, «В России опасно и по улицам ходят медведи». Другой респондент отметил, что стереотипы о русских чаще всего являются автостереотипами: «никто так не склонен к стереотипам о русских как сами русские». Респондентами назывались стереотипы не только о русских, но и других народах и даже городах, представителях какого-либо региона, например:

- о бурятах: «кочевой образ жизни, до сих пор живут в юртах», «Азиаты не живут в России. Россия только для русских», незнание языка (*видимо родного – прим. Д. Д.*), скромность, сдержанность, трудолюбие, терпеливость, доминирование русской культуры, угасание национальных традиций, «думают, что плохо соображают»;

- о городах: «Улан-Удэ сравнивают с городом из 90-х»;

- о разных народах: хохлы ненавидят русских, грузины – спекулянты, поляки (или любая другая этническая/национальная общность) нам завидуют, и вишенка на торте – «нет плохих народов, но есть отдельные плохие представители разных народов», «Все молдаване умеют класть плитку и белить потолок. Из-за постоянных шуток на эту тему я рассорилась с близким приятелем», жадные евреи, мусульманин - шахид, хачи, негры, тупые китайцы;

- о калмыках: ленивые;

- о сибиряках: конкретные, немногословные, надежные.

Репрезентация повседневности в социальных сетях

Далее респондентам предлагалось назвать черты повседневности/быта, о которых чаще всего пишут в социальных сетях. Наиболее обсуждаемым аспектом повседневности 10 респондентами была названа тематическая группа «еда» (еда, напитки, прием пищи, кулинария, готовка). Так, например, Food porn/фудпорн был назван компанией «Яндекс» одним из трёх популярных новых слов 2019 года из запросов «что это», «что значит» и «что такое», про которые в данный год стали спрашивать минимум в 10 раз чаще, чем в предыдущий [Официальная страница Яндекса на Facebook].

Далее, по мнению респондентов, идёт тематическая группа «семья и отношения», куда вошли следующие темы: «взаимоотношения полов, отношения между мужчиной и женщиной, отношения между полами, отношения муж и жена, зять и тёща» (5

респондентов); семья; социальные отношения; дети, воспитание детей (3 респондента); домашнее насилие (2 респондента).

4 респондента считают, что в социальных сетях чаще всего пишут о бедности, необеспеченности и малоимущих семьях. Также 4 респондента назвали темы, связанные с деньгами, в частности с их отсутствием: денежный достаток, «мало денег», «денег нет», «Как выжить в России без денег». Такое же количество респондентов считает, что в социальных сетях чаще всего обсуждается работа/тяжелая работа.

3 респондента назвали учебу самой обсуждаемой темой в социальных сетях. Также 3 респондента назвали наиболее обсуждаемыми в социальных сетях проблемы разного рода: проблемы в семье, преодоление проблем в жизни; «проблемы нашего государства, хотя не видят и, наверное, и не хотят видеть, что государство начинается с людей и если и менять страну, то начинать нужно с себя!»; проблемы дома, на работе, в личной жизни, «У всех одни сплошные проблемы». Такое же количество респондентов посчитали путешествия часто обсуждаемыми в социальных сетях. 3 опрошенных назвали поведение и очереди часто обсуждаемыми: поведение в общественных местах; очереди в общественных местах, ругань в очереди. 3 респондента назвали самыми обсуждаемыми темы, связанные с властью: власть и политика, критика власти, «Какие-то разборки "наверху" с какими-то депутатами и вообще непонятными людьми (такие темы вообще являются максимально отдаленными от граждан России. Если б хоть немного были близки, то не было бы безумства в стране по типу материнского капитала 50р в месяц или пенсии 6,5 тысяч в месяц)». По 3 респондента назвали часто обсуждаемыми темы «внешность, красота, непринятие разной внешности людей» и «животные, кошки, жизнь с домашними животными». Стоит отметить, что на смену популярным интернет-мемам с героями сериала «Ходячие мертвецы» Карлом и его отцом Риком (см. Рисунок 1) в русскоязычные социальные сети пришли мемы с котами «Наташ, вставай!» (Рисунок 2). Представленные ниже рисунки без надписей, но, как правило, в социальных сетях они сопровождаются различными надписями.

Рисунок 1. Интернет-мем “Карл”

Рисунок 2. Интернет-мем “Наташ, вставай”

По 2 респондента назвали часто обсуждаемыми темами в социальных сетях: серые будни, серость; безразличие; пенсию; «веселость, тягу к постоянному веселью»; криминал, преступления.

Таким образом, по мнению респондентов, наиболее часто обсуждаемыми в социальных сетях аспектами повседневности являются «еда» и «семья и отношения». Можно утверждать, что они и определяют бытийную парадигму человека.

Стереотипы, чаще всего вербализуемые в социальных сетях, отражают картину мира языковой личности. Однако следует полагать, что лишь некоторые из выявленных популярных стереотипов действительно в какой-то мере репрезентуют когнитивный (тезаурусный) уровень русской языковой личности, например, лень, отсутствие

толерантности/нетерпимость, гомофобия и т.д. По В. В. Красных, стереотипы — это ментальные «картинки» мира, инварианты определенных участков картины мира [Красных, 2003, с. 231]. Стереотипы, входящие в представления, которые в свою очередь относятся к ментефактам — базовым единицам когнитивной подсистемы лингвокультуры, принадлежащим к ипостаси Homo litteratus (человек культурный/национальный) Homo Loquens (человека говорящего), культурно маркированы [Красных, 2006]. О. Г. Почепцов утверждает, что «социокультурные стереотипы восприятия мира формируют языковую ментальность» [Почепцов, 1990, с. 119]. Мы придерживаемся позиции, что картина мира и стереотипы тесно взаимосвязаны, и невозможно отрицать социокультурную обусловленность и маркированность национальных/этнических стереотипов.

Ключевые слова определённой культуры считаются одним из эффективных средств экспликации констант культуры в языке, поэтому в перспективы исследования входит исследование ключевых слов как способа экспликации культурных констант в персональном интернет-дискурсе.

Список литературы:

- Банкова Т. Б. Константы русской народной культуры: языковые воплощения / Т. Б. Банкова, М. М. Угрюмова, Н. А. Агапова; под ред. Т. Б. Банковой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. 200 с.
- Генеральный Интернет-Корпус Русского Языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.webcorpora.ru>.
- Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
- Красных В. В. Homo loquens и система координат культуры [Электронный ресурс] / В. В. Красных // Языковая личность: текст, словарь, образ мира: к 70-летию члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова: [сборник статей] / Российская акад. наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, Российский ун-т дружбы народов. М., 2006. – Режим доступа: https://istina.msu.ru/media/publications/articles/21b/777/3230875/Krasnyih-HL_i_sistema_koordinat_LK.pdf.
- Морозова О. Е. Мир человека и его речь / О. Е. Морозова. Архангельск: Поморский университет, 2005. 256 с.
- Орлова О. Г. Стереотипы о России и русских: монография / О. Г. Орлова. Кемерово, 2011. 154 с. Официальная страница Яндекса на Facebook [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/yandex/photos/a.10150358106400577/10163623149800577>.
- Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. 1990. №6. С. 110-122.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; Пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Е. Кибрика. - М.: Прогресс: Изд. группа “Универс”, 1993. - 654 с.
- Global Health Observatory data repository [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.A1036>.

References:

- Bankova T.B. Konstanty russkoi narodnoi kul'tury: yazykovye voploshcheniya / T. B. Bankova, M. M. Ugryumova, N. A. Agapova; pod red. T. B. Bankovoi. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2017. 200 s.
- General'nyi Internet-Korpus Russkogo Yazyka [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.webcorpora.ru>.

- Global Health Observatory data repository* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.A1036>
- Krasnykh V.V.* «SvoI» sredi «chuzhiKH»: mif ili real'nost'? / V. V. Krasnykh. M.: ITDGK «GnoziS», 2003. 375 s.
- Krasnykh V.V.* Homo loquens i sistema koordinat kul'tury [Elektronnyi resurs] / V. V. Krasnykh // Yazykovaya lichnost': tekst, slovar', obraz mira: k 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN Yuriya Nikolaevicha Karaulova: [sbornik statei] / Rossiiskaya akad. nauk, In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, Rossiiskii un-t druzhby narodov. M., 2006. – Rezhim dostupa: https://istina.msu.ru/media/publications/articles/21b/777/3230875/Krasnyih-HL_i_sistema_koordinat_LK.pdf.
- Morozova O.E.* Mir cheloveka i ego rech' / O. E. Morozova. Arkhangel'sk: Pomorskii universitet, 2005. 256 s.
- Orlova O.G.* Stereotipy o Rossii i russkikh: monografiya / O. G. Orlova. Kemerovo, 2011. 154 s.
- Ofitsial'naya stranitsa Yandeksa na Facebook [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.facebook.com/yandex/photos/a.10150358106400577/10163623149800577>.
- Pocheptsov O.G.* Yazykovaya mental'nost': sposob predstavleniya mira / O. G. Potseptsov // Voprosy yazykoznaniiya. 1990. №6. S. 110-122.
- Sepir Eh.* Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii / Eh. Sepir; Per. s angl. pod red. i s predisl. A. E. Kibrika. - M.: Progress: Izd. gruppa “UniverS”, 1993. - 654 s.

*Жауыншиева Жазира Билимовна
Жандыкеева Гулнар Есенбековна
Киынова Жанар Кабдыляшымовна*

Казахский национальный женский педагогический университет
г. Алматы (Казахстан)

*Zhauynshiyeva Zhazira
Zhandykeyeva Gulnar
Kiynova Zhanar*

Kazakh National Women's Teacher Training University
Almaty (Kazakhstan)

СИМВОЛИКА ЧИСЛА «СЕМЬ» В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

SEVEN SYMBOLS IN CROSS- CULTURAL COMMUNICATION

В статье описывается символика и семантика числа «семь», имеющем сакральный смысл в истории, культуре и мировосприятии многих народов. Сопоставляются символические значения числа «семь» в традиционной культуре тюркских и славянских народов. В качестве примеров приводятся фразеологизмы, которые ярко иллюстрируют культурно обусловленную семантику и символику числовых обозначений. В статье анализируются фольклорные мотивы числовых обозначений, рассматриваются их символические значения в географических обозначениях и космогонии. Особое внимание уделяется описанию национального мировоззрения казахского народа, у которого число «семь» наделен особым смыслом, связанным, в первую очередь, с религиозными верованиями, народной философией и мифопоэтикой космоса. Так, название небесных светил в казахском языке отождествлены с цифрой «семь» как, например, *Жеті қарақшы* (в древнетюркском *Жетиген*).

The article describes the symbolism and semantics of the number "seven," which has a sacral meaning in the history, culture and worldview of many peoples. Symbolic values of the number "seven" in the traditional culture of Turkic and Slavic peoples are compared. Examples include phraseologisms, which clearly illustrate culturally conditioned semantics and the symbolism of numerical designations. The article analyzes the folklore motifs of numerical designations, and considers their symbolic meanings in geographical designations and cosmogony. Special attention is paid to the description of the national world view of the Kazakh people, whose number "seven" has a special meaning, primarily related to religious beliefs, folk philosophy and mythopoeitics of space. So, the name of heavenly bodies in Kazakh *Zhet_ of a • ara• sha* are identified with figure "seven" as, for example, (in Old Turkic *Zhetygen*).

Ключевые слова: число, семь, символика, семантика, фразеологизм, сакральный смысл.

Key words: number, seven, symbolism, semantics, phraseologism, sacral meaning.

Современная антропоцентричная парадигма научного знания актуализировала значимость изучения языковых явлений с позиции их лингвокультурологического осмысления в связи с чем возрос интерес к культурному компоненту содержания языковых знаков и их влияние на межкультурную коммуникацию.

«Число» в лингвокультурологическом аспекте предстает как культурный феномен, в котором, наряду с собственно цифровым значением, содержится культурно-типологическая семантика, восходящая к первоосновам модели мира. Число как языковая универсалия имеет не только количественные характеристики, но имеет глубокий сакральный и историко-культурный смысл. По справедливому замечанию В.Н. Топорову,

числа представляют собой «элементы особого числового кода спомощью которого описывается мир, человек и сама система мироздания» [Топоров, 1980, с. 629].

«Число» в тюркском мировосприятии соотносится с ключевыми ценностями каждого народа и культом космического божества Тэнре, которому поклонялись тюрки и монголы Великой Степи. Во многих реалиях и культурах есть числа, наделенные особым сакральным смыслом. Число «семь» одно из сакральных у тюркских народов. Чите хыс - Семь девушек называется гора у хакасов, с которой связан миф о всемирном потопе, Жидегэн чишмэ"- «Семь родников», которые воспеваются в фольклоре казанских татар. Семь братьев-праведников (один из которых - Ульгень), спасшихся от Всемирного потопа, есть у тюрков-алтайцев.

В истории и культуре тюркских народов важную роль играет число «семь», что связано с мифологией и астрономией. В казахском и других тюркских языках многие сочетания с компонентом «семь» стали устойчивыми, т.е. фразеологизмами, выражающими не только количественную семантику, но культурно обусловленные ценности. Так, название небесных светил в казахском языке отождествлены с цифрой «семь» как, например, *Жеті қарақшы* (в древнетюркском *Жетіген*). В традиционной культуре казахского народа всегда была и остается актуальной проблема преемственности поколений и очень важно, чтобы каждый казах знал и почитал своих предков до седьмого колена - *Жеті ата* в следующей последовательности: *бала, әке, ата, арғы ата, баба, тұлға ата, тек ата*. Мотив фразеологизма *жеті галам* в значении *вселенная* в казахском языке обусловлен мировосприятием народ, который делил окружающий мир на семь частей: восток, запад, юг, север, небо (верхний мир), земля (средний мир), подземный мир (нижняя часть вселенной). Фразеологизм *Жеті жұрт* в значении «народы» отождествляет земли святые земли предков тюрков.

Число знаменует божественный порядок, является магическим ключом к пониманию космической гармонии. В мифологической картине мира с помощью чисел передавалась качественно-количественная сторона явлений. Суеверия, связанные с числами, часто основываются на традиционной символике чисел (например, «священная» семерка, «несчастливое» число 13).

Древние народы придавали цифрам сакральную силу, приписывали им скрытый смысл и магическую возможность влияния на все окружающее: считалось, что числа использовались богами для управления миром. Особого внимания заслуживает «магия» и «мистика» чисел.

Во многих культурах слово *семь* является сакральным числом. Так, в русском языке огромное число фразеологизмов в своем составе имеет компонент *семь*, где он используется

в значении «очень», например, *за семью замками, книга за семью печатями, семи пядей во лбу, семь потов сошло, за семь верст киселя хлебать* и др. В описании чисел особое место занимает «семь»: «Магическое число 7» (по словам Дж. Миллера) характеризует общую идею вселенной, константу в описании мирового дерева, полный состав пантеона, число сказочных героев - братьев (ср. «Семь братьев», «Семь Симеонов» и сестёр и т. п.), число дней недели, число дней праздников, количество цветов спектра, тонов в музыке, основных запахов стереохимической теории, константу, определяющую объем человеческой памяти, и т. п. В некоторых культурно-языковых традициях существует семиричная система счисления и/или число 7 выступает вообще как наиболее употребительное число, характеризующее почти универсально всё, что исчисляется в мифопоэтическом космосе (ср. число 7 у кетов на Енисее) [Топоров, 1980, с. 629].

К примеру, «у монголоязычных народов числовые понятия применялись первоначально охотничьими, а впоследствии пастушескими и скотоводческими племенами, поскольку в каждом хозяйстве была потребность в измерениях веса, объема продуктов питания, длины и ширины предметов (для шитья одежды, обуви, предметов домашнего обихода и т.д.)⁷⁸. Следовательно, бытование числа как знака естественного языка вызвано коммуникативными целями или, иными словами, число используется для сознательной передачи определенной информации. В акте языковой коммуникации некая идеальная сущность – информация – переходит от одного человека к другому не непосредственно, а опосредованно, с помощью материальных сущностей – языковых выражений, представляющих собой определенным образом организованные последовательности звуков или начертаний. То есть языковые выражения чисел функционируют в процессе коммуникации как знаки» [Гармаева, 2009, с. 13].

Семь – священное число, символ божественности; именно семерка характеризует солнечных богов и общую идею Вселенной. Древние греки признавали за этим числом высочайшее совершенство. Семерку считали девственным числом на том основании, что только семь (среди чисел первой десятки) не является ни частью, ни произведением любого из них. Это число считалось атрибутом девственной Афины.

Число «семь» значимо и для европейских народов (*семь гномов, семь богатырей, семь ягнят* в европейском фольклоре) и для славян, что нашло отражение во фразеологизмах и названиях: *на седьмом небе* (выражение счастья, восторга), *семеро по лавкам* (в значении «много детей»), *за семерых* (много), *за семью морями* (далеко), *на семи ветрах* (о находящемся на пересечении дорог), *на семи холмах* (на очень холмистой местности), *семи*

⁷⁸ Батуев Б.Б. Буряты в XVII-XVIII вв. / Б.Б. Батуев. – Улан-Удэ, 2006. – С. 77-105.

пядей во лбу (очень умный), видеть седьмой сон (долго спать); работать до седьмого пота; семь смертных грехов, семь чудес света; семеро одного не ждут; у семи нянек дитя без глаза; семь бед – один ответ; семь верст до небес да все лесом; один с сошкой – семеро с ложкой; семь раз отмерь – один раз отрежь; сем патоў выйшла, сем пятніц на тыдні, садзіца на сем сукоў. В географических названиях – Семилуки, Семипалатинск, Семиречье; фильмов – «Семеро смелых», «Великолепная семерка», «Седьмое небо» – мы также встречаемся с этим числом. Число семь, будучи выражением идеи Вселенной, закрепилось в таких своих вариантах, как *семь нот, семь цветов спектра, семь звезд Большой Медведицы, семь ветвей Мирового Дерева, семь координат Вселенной, семь планет, седмица* (славянское название недели), магическое число Миллера (объем оперативной памяти человека).

Наурыз-көже – особое блюдо, которое готовят к празднику Наурыз, знаменующему начало нового года. Особенностью этого блюда-супа являлось сочетание в *көже* минимум семи ингредиентов. Само количество ингредиентов – не менее семи – обладает символическим значением, что отражено в ряде словосочетаний, где числительное *жеті* выступает в значении «главные», «основные». Так, в языковом сознании казахов слово *жеті* используется при обозначении следующих понятий:

1. **Семь проводников человека в его жизни:** ум (руководит), стремление (движет), мысль (сопутствует), ремесло (друг), терпение (поддержка), характер (защита), народ (оценка) (Саккулак би).

2. **Семь пар влюбленных**, о которых знает весь мир: Лейля – Меджнун, Фархад – Ширин, Тахир – Зухра, Арау – Камбар, Уалик – Гарра, Уаки – Кульшах, Жусуп – Злиха.

3. **Семь законов Аз Тауке:**

1) Бунтовщики и подстрекатели приговариваются к смертной казни;

2) Предавшие интересы и продавшие достояние тюркского народа приговариваются к смертной казни;

3) Внутри государства человек, безвинно погубивший кого-либо, приговаривается к смертной казни;

4) За аморальное поведение и разрушение чужой семьи человек приговаривается к смертной казни;

5) За кражу боевого коня, если даже он в путях, человек приговаривается к смертной казни;

6) При нанесении увечий в ссорах и драках выплачивается следующая плата: а) выбивший глаз отдает свою дочь замуж за пострадавшего, при отсутствии дочери выплачивает стоимость калыма за девушку; б) за увечье конечностей человека отдает коня.

7) За украденных лошадей или другого ценного имущества штраф выплачивается в десятикратном размере.

4. **Жеті казына** – семь сокровищ: смелый жигит, красивая жена, знания, быстроногий скакун, ловчая птица, хорошее ружье, охотничья собака и др.

См. также устойчивые сочетания: *жеті атадан бері* (от семи колен), *жеті тозақ* (семь кругов ада), *жеті жұртқа белгілі* (всем известный), *жеті қараңғы түн* (крошечная ночь) и др.

Сакральное число семь (*жеті*) всегда находилось в поле зрения исследователей. Одни просто квалифицировали его как загадочное, таинственное, сакральное, другие – пытались, анализируя конкретные употребления лексемы *жеті* в поговорках, фразеосочетаниях, фольклорных текстах, выявить семантику и функции этого числительного.

Относительно употребления древними тюрками цифры «семь» имеются различные предположения. По мнению Б.А. Фролова, это число выражает комплекс идей, связанных, во-первых, с изменениями Вселенной и ритма времени, а во-вторых, с сотворением мира и людей, с душой человека, ее метаморфозами в жизненном цикле, во времени от рождения до смерти [Фролов, 1974, с. 108].

«Магическое значение цифре *семь* присваивалось еще в древнейших цивилизациях, в библейских сказаниях, в различных культурах мира. Цифра семь считается магической во многих древних цивилизациях, и в разных этнических культурах она выражает множество смыслов. Единство значений *семерки* в древних и в более поздних цивилизациях объясняется космическими (лунными) изменениями, влияющими на ритм времени. В разных частях света человек невооруженным глазом мог наблюдать за самым крупным небесным телом, за семью фазами его изменений в течение лунного месяца (ориентировочно 28 дней, поскольку в период новолуния Луну нельзя видеть в течение одного или двух дней). Возможно, лунные изменения, лунный календарь времени, а также следование традициям предков в понимании окружающего мира и есть причина частого употребления древними тюрками «семерки» (17,70,700). Сакральность *семерки* в мировидении тюрков «дошла» сквозь века и сохранилась в культуре, традиции тюркских народов, в том числе в этнокультуре казахского народа» [Шаймердинова, 2009, с. 79].

Б.А. Фролов пишет: «Объяснение оказалось возможным после того, как мы предположили, что значения эти имеют один общий, очень древний и глубокий корень, уходящий в быт и представления людей палеолита и так или иначе связанный с наблюдением за Луной и учетом времени» [Фролов, 1974, с. 49].

В этом аспекте интересным представляется исследование Н. Уалиева «Жұмбақ жетілер», в котором автор, по нашему мнению, смог приблизиться к разгадке тайны

числительного *жеті*. Н. Уалиев подробно останавливается на каждом устойчивом сочетании с лексемой *жеті* [Уалиев, 1988, с. 106].

Фразеологизм *жеті қат көк, тоғыз қат көк* в современном казахском литературном языке используется в значении «необычайно высокое, бескрайнее небо». В данном случае сочетание *жеті қат көк* – это термин, который использовали древние восточные астрономы, имея в виду «семь планет»: Луна, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн, каждый из которых по представлениям астрономов, являл собой отдельный слой (*қат*= *қабат*) пространства. Такое представление восходит к космологической системе сирийско-греческого мыслителя Диносия (IV-V вв.).

В средние века существовало представление о мироздании, согласно которому центром является земля, далее идет девятый слой – космос, *тоғыз қат көк*. Сочетания *жеті ғалам, жеті дүние, жеті жұрт* в современном казахском литературном языке используется в значении «весь мир», в котором мы не ощущаем наличия количественной семантики, однако в нем отражено древнее мифологическое представление о семи представлениях света: юг, север, восток, запад, небо – верхний мир, земля – средний мир, под землей – нижний мир. Это древнее представление об устройстве мира нашло отражение в фольклорных текстах, в частности, в сказках. Указанная мифологическая модель вселенной отражена через сочетания *древо жизни, древо шамана*, характерные для многих народов. В сочетании *жеті мүше* уже прослеживается количественное значение, ибо в произведениях восточных поэтов это сочетание выражает значение «части тела человека», где в число семи частей тела человека входят: голова, ноги, две руки, грудь, живот. Иногда этот список выглядит несколько иначе: голова, две руки, две ноги, грудь, спина, левый бок, правый бок. В современном казахском языке сочетание *жеті мүше* используется скорее для характеристики общего телосложения человека. Н. Уалиев отмечает, что данное сочетание отмечено в литературных памятниках XII в. [Уалиев, 1988, с. 108].

Вместе с тем, следует отметить, что в узусе произошла семантическая трансформация некоторых фразеологизмов. К примеру, фразеологическое сочетание *семь свободных искусств* подразумевает быть хорошо образованным в различных сферах знаний: в области грамматики, риторики, логики, диалектики, арифметики, геометрии, музыки и астрономии. В современном русском языке значение данного фразеологизма подверглось переосмыслению и используется в значении: всезнайка, хвостун.

Таким образом, в условиях современного динамично развивающегося мира и расширения границ культурного пространства межкультурная коммуникация решает такую глобальную проблему, как компромиссное решение конфликтов культур, порождаемых процессами межкультурного диалога. Именно различие этнокультурных стереотипов

является одной из причин непонимания в процессе межкультурной коммуникации. Изучение культурной семантики языковых знаков различных лингвокультур имеет особое значение для межкультурного общения, в процессе которого проявляются особенности национального характера и этническая принадлежность его участников.

Список литературы:

- Топоров В.Н.* Числа // Мифы народов мира. Т.2. М., 1980.
Фролов Б.А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974.
Гармаева Э.Д. Числовая символика в монгольских языка. Улан-Удэ, 2009.
Уалиев Н. Жұмбақ жетілер: Халықтың өткендегі ой-қиялы, тыныс тіршілігі, дүниетанымы туралы сыр шертетін сөз жұмбақ сандар жайында // Жалын. – Алматы, 1988. – №3.
Шаймердинова Н.Г. Репрезентация в языке древнетюркской картины мира: учебное пособие. Астана, 2009.

References:

- Toporov V.N.* Chisla // Mify narodov mira. T.2. M., 1980 (in Russian).
Frolov B.A. Chisla v grafike paleolita. Novosibirsk: Nauka, 1974 (in Russian).
Garmaeva Eh.D. Chislovaya simbolika v mongol'skikh yazyka. Ulan-Udeh, 2009 (in Russian).
Ualiev N. Zhұmbaq zhetiler: Khalыqtуң өtkendeги ой-қиялы, tynys tirshiligi, dүnietanymy туралы сыр shertetin сөз zhұmbaq sandar zhajynda // Zhalyn. – Almaty, 1988. – №3 (in Kazakh).
Shajmerdinova N.G. Rerezentaciya v yazyke drevnetyurkskoj kartiny mira: uchebnoe posobie. Astana, 2009 (in Russian).

Новикова Марина Геннадьевна
Российский государственный университет правосудия
г. Москва (Россия)

Novikova Marina
Russian State University of Justice
Moscow (Russia)

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ НЕПЕРЕВОДИМОСТИ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

HERMENEUTIC APPROACH TO POETIC TEXTS CULTUROLOGICAL UNTRANSLATABILITY

В статье рассматривается понятие культурологической непереводимости, определяется, что наиболее сложным барьером при осуществлении художественного перевода является передача глубинных смыслов оригинала. Для решения данной проблемы успешно апробируется герменевтико-переводческий методологический стандарт на материале романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Первые два этапа стандарта – предпонимание и понимание – служат для преодоления смыслового сопротивления культурно, пространственно и исторически дистанцированного текста оригинала. На этапе интерпретации происходит формирование нескольких равноправных вариантов перевода исходного текста, на этапе принятия переводческого решения осуществляется определение итогового варианта перевода, отчуждаемого для реципиента. Границы между этапами стандарта условные. При успешной передаче прагматического значения оригинала, система глубинных смыслов выносится переводчиком «на поверхность», при этом сохранение особенностей формы исходного текста не представляется возможным.

The article discusses the concept of cultural untranslatability, it is found out that the most difficult barrier in literary translation is revealing and conveying to the reader the author's message of the original. To solve this problem a hermeneutic-translational methodological standard is successfully tested on the material of the novel in verses by A.S. Pushkin "Eugene Onegin". The first two stages of the standard – pre-understanding and understanding – serve to overcome the semantic resistance of the culturally, spatially and historically distanced text of the original. At the stage of interpretation, the formation of several equal versions for the translation takes place, at the stage of making a translation decision, the final version of the translation, intended for the recipient, is determined. The boundaries between the stages of the standard are transparent. With the successful revealing and conveying the pragmatic meaning of the original, the system of deep meanings is placed "to the surface" by the translator, while preserving the peculiarities of the form of the source text is not possible.

Ключевые слова: культурологическая непереводимость, система глубинных смыслов, герменевтико-переводческий методологический стандарт, предпонимание, понимание, интерпретация, принятие переводческого решения.

Key words: cultural untranslatability, author's message, hermeneutic-translational methodological standard, pre-understanding, understanding, interpretation, making a translation decision.

«Непереводимость – это скорее то,
что не перестает (не)переводиться»

[Барбара Кассен, цит. по Маяцкий, 2011, с. 18].

Перевод – это естественная языковая деятельность, основанная на ассоциативном мышлении, характеризующимся высокой скоростью функционирования (за счет использования уже имеющихся образов, ассоциативных цепочек), оригинальностью (из-за

способности устанавливать нестереотипные связи между явлениями) и, следовательно, творческой направленностью.

Перевод осуществляется не только в ситуации дву-полиязычного общения, но и в рамках одного языка, ибо основной задачей данного вида деятельности является преодоление непонимания коммуникантов. Реципиент часто может «не понять» или «понять неправильно» мысль, выраженную на родном языке, «ибо язык внутри себя различен». Опыт преодоления подобных различий (в случае сопротивления текста пониманию, активизации герменевтической (смыслоразличающей и смыслополагающей) способности, которая требует усилий интерпретации) [Автономова, 2012, с. 11] проецируется на процесс перевода в традиционном понимании термина.

Различия или непереводимости между ИТ и ПТ можно условно разделить на лингвистические (рассмотрение которых не входит в цели настоящего исследования) и культурологические.

Интересную классификацию межкультурных барьеров в переводе предложил Р.Р. Чайковский.

Во-первых, это сопротивление принимающего языка, выражающееся в неизбежном использовании трансформаций и замен для частичной ассимиляции культурно-маркированных реалий ИЯ.

Во-вторых, это этноцентризм восприятия инокультурного текста, заключающийся в склонности оценивать явления окружающего мира сквозь призму традиций и норм своей этнической группы.

В-третьих, это ментальность нации, заключающая в себе универсальные и специфические нормы и ценности нации, воплощающие ее культурное ядро и определяющие ее самобытность. Данный барьер имеет опосредованное отношение к языку и выражается в готовности культуры реципиентов принять фрагмент чужой для него действительности. Например, попытки экранизации произведений А.И. Солженицина «Один день Ивана Денисовича» в Америке потерпели неудачу из-за обилия в содержании снега и длинных русских имен и отсутствия быстрой смены деятельности, женщин и насилия.

В-четвертых, это культурная дистанцированность коммуникантов (временная и пространственная).

В-пятых, это социальная маркированность ИТ. Использование языкового материала, специфичного для определенного социума – двойная сложность для переводчика, ибо необходимо не только идентифицировать и правильно интерпретировать единицы социо-групповых диалектов, но и найти способ передачи «социолектизмов» средствами ЯП.

В-шестых, это этнодифференцирующие культурологические признаки, к которым относятся различия, возникающие при сопоставлении вербального и невербального поведения носителей, контактирующих лингвокультурных сообществ, обусловленные своеобразием традиций, обычаев и т.д. Например, перевод названий групп заключенных.

Наконец, это сопротивляемость оригинала переводу на уровне лексики, синтаксиса (семантика которого является частью смыслового содержания оригинала), на уровне стиля. Самым главным сопротивлением оригинала переводу является передача глубины содержания ИТ, под которой понимают авторские смыслы ситуаций, предполагающих недосказанность, типичную для художественного текста [Чайковский, 2016, с. 34-41].

Рассмотрим данный вид непереводимости подробнее.

Для того, чтобы перевести художественный текст, переводчику необходимо понять его систему смыслов: текстовых, контекстных, затекстовых. «Чем больше глубина контекста, тем меньше текст поддается переводу» [Чайковский, 2016, с. 37]. Следовательно, работа над переводом художественного произведения подразумевает первоначальное извлечение системы смыслов последнего, которая неразрывно связана с культурной принадлежностью автора тому или иному народу. Неслучайно П. Рикер призывает переводчиков изначально постигнуть все манифестации духа культуры, и только затем спускаться от текста к предложению, от предложения к слову [Ricoeur, 2006, с. 31; Чайковский, 2016 с. 37].

Понять глубину содержания художественного текста не всегда удается даже носителям исходного языка произведения. Примером послужат строки, открывающие роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»:

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог».
[Пушкин, ЭР].

На протяжении многих лет в научной среде ведутся споры о смысле, скрывающемся за пушкинскими строками. Существует множество переводов данного произведения на разные языки (анализу подвергнутся английские версии). С одной стороны, если под «непереводимостью» понимать невозможность подбора прямого соответствия элементу ИТ на языке перевода, то данный феномен применительно к стихотворению не наблюдается. Однако если принимать во внимание глубину контекста, понять и перевести начало первой главы «Евгения Онегина» крайне сложно.

В подобных случаях приблизиться к пониманию и далее к переводу произведения поможет герменевтико-переводческий методологический стандарт, предложенный Э.Н. Мишкуровым.

Первый этап работы – **предпонимание** – представляет собой расширенный трансдисциплинарный анализ исходного текста с целью установления оптимальных «горизонтов понимания», т.е. степени осмысления глубин и границ проникновения в ИТ [Мишкуров, 2018 с. 196].

Следовательно, нужно обеспечить необходимые и достаточные сведения социокультурного, исторического, ситуативного характера для понимания замысла Александра Сергеевича Пушкина. Поскольку разделение между этапами стандарта условное, а переводоведение – это в большей степени наука – рефлексия, чем знание, то информация из раздела «предпонимание» будет предоставляться по частям и подкрепляться гипотезами этапа **«понимание»**. Под «пониманием» усматривается использование ряда специальных методик анализа и осмысления исходного текста, ведущих к глубокому пониманию системы текстовых смыслов. Данный вид деятельности является подготовительным для иноязычной **интерпретации**.

Итак, попробуем разобраться, что означает «быть самых честных правил», и каким образом можно «заставить себя уважать».

Александр Сергеевич Пушкин сам определяет продолжительность работы над романом в «7 лет, 4 месяца и 17 дней» [Вовченко, Новиченков, 2016, с. ЭР]. Первую главу «Евгения Онегина» поэт начал писать 9 мая 1823 года в Кишеневе, а закончил 22 октября в Одессе.

Данному времени предшествовало несколько событий, которые, вероятно, оказали влияние на закладываемый в произведение смысл.

Во-первых, смысловая емкость пушкинских строк может быть обусловлена пересечением или частичным заимствованием популярных литературных контекстов того времени.

Так, осенью 1820 г. вышел в свет новый роман Метьюрина «Мельмот Скиталец» ("Melmoth the Wanderer"), который, являясь лучшим образцом готических романов, быстро приобрел популярность среди англоязычной публики и был переведен на европейские языки. Русский перевод романа в стихах впервые вышел в 1833 г. и получил широкую известность, а его название сделалось употребляемым крылатым выражением в обиходной русской речи [Алексеев, Шадрин, 1983, ЭР]. Однако Пушкин познакомился с романом гораздо раньше, чем его соотечественники, вероятно во французском переводе. Подтверждение находим в исследованиях Ю.М. Лотмана: «...в момент работы над началом

романа Пушкин был увлечен романом Ч.Р. Метьюрина «Мельмот-скиталец». Роман начинается тем, что молодой Джон Мельмот отправляется «к умирающему дяде, средоточию всех его надежд на независимое положение в свете» [Метьюрин, 1976, с. 7], а кончается тем, что Скитальца уносит дьявол». Подобная схожесть «вносит, с одной стороны, в сюжетное начало романа элемент пародии, а с другой раскрывает параллель Онегин – Мельмот как элемент самооценки героя, на которую автор смотрит иронически» [Лотман, 1983, ЭР]. К 1823 году не только Пушкин, но и его окружение знакомо с работой Метьюрина и активно ее обсуждает. Так в письме к А.Н. Раевскому (октябрь 1823 г.) Александр Сергеевич пишет о «мельмотическом характере» Онегина [Пушкин, 1949, с. 71, 378]. Таким образом, сюжетно-пародийно-ироническая связь английского произведения и Пушкинского романа была ясна современникам поэта и не нуждалась в дополнительных комментариях.

Однако литературные переплетения на этом не заканчиваются.

В 1820 году в России проходит премьера впоследствии популярной комедии П.А. Катенина «Сплетни», в которой персонаж Варягин использует следующую реплику, характеризующую Зельского: «Веселый, умница и самых честных правил; Знаком со всей Москвой», на что другой персонаж Игорер иронически замечает: «Он там себя прославил» [Катенин, 1965, с. 479]. Согласимся с выводом Ю.П. Фесенко, что в данном контексте лексема «честных» может восприниматься как прилагательное и существительное, а слово «правил» – как существительное и глагол (в значении «исправлять») [Фесенко, ЭР]. Становится понятным ироническое отношение Онегина к своему дяде, который был недалеким человеком, ибо совершал абсурдные действия.

Ответ на вопрос, каким образом дядя заставил себя уважать находим еще в двух популярных комедийных постановках того времени.

В 1817 г. выходит в свет комедия М.Н. Загоскина «Г-н Богатонов, или Провинциал в столице». Герои произведения, обсуждая бывшего мужа баронессы Вольмар, употребляют следующие выражения:

Граф Владимиров

Целые два года мучила она бедного барона своими капризами, прихотями, ветреностью, наконец, несчастный муж потерял все терпение...

Мирославский

И развелся с нею?

Граф Владимиров

Нет, умер и лучше этого верно ничего не мог бы придумать [Загоскин, 1889, с. 87].

В 1818 г. на сцене появляется пьеса Н.И. Хмельницкого «Воздушные замки», содержащая диалог вдовы Аглаева со служанкой Сашей:

Аглаева

А с первым мужем здесь, проживши столько лет,
Повеселиться мне какое было средство?

Саша

Что умер он и вам оставил все наследство,
Умнее ничего он выдумать не мог.

Аглаева

К несчастью! Мой муж исполнил этот «долг» ... [Хмельницкий, 1990, с. 457].

Таким образом, становится понятно, что А.С. Пушкин в иронической форме говорит о смерти дяди. Однако в строках произведения упоминается всеобщее уважение к данному персонажу.

В этом случае, вероятно, используется завет древнегреческого политика и поэта Хилона из Спарты (VI в. до н. э.): «Мертвых не хули» (*Mortuo non maledicendum*) [Диоген Лаэртский, 1986, с. 75].

Много позже римляне на основе греческой традиции модифицируют данное изречение: «о мёртвом либо хорошо, либо ничего» (*De mortuis aut bene, aut nihil*). Это выражение дошло до современности в неизменном виде. Однако римлянам приписывают еще одну модификацию, которая вышла из употребления: «о мёртвом либо хорошо, либо ничего, кроме правды» (*De mortuis aut bene, aut nihil nisi verum*) [Бабичев, Боровской, 1982, ЭР].

На этом литературные контекстные пересечения не заканчиваются. Существует версия, согласно которой И.А. Крылов, А.С. Пушкин, П.А. Вяземский и другие играли в фанты, Крылову выпало «залезть под стол и написать басню». Так родилась первая строчка – «Осел был самых честных правил» – написанной позднее басни «Осел и Мужик» (1818 – 1819). Выражение так понравилось Пушкину и Вяземскому, что всех не нравившихся им людей (ослов), они характеризовали фразой «самых честных правил». Данная привычка нашла свое выражение в первой строке «Евгения Онегина» [Семенов, 2009, ЭР]. Связь с басней поддерживалась мнениями В.В. Набокова и Н.А. Бродского, однако Ю.М. Лотман придерживался иного мнения, с которым не возможно не согласиться: «встречающееся в комментариях к «ЕО» утверждение, что выражение «самых честных правил» – цитата из басни Крылова «Осел и мужик» («Осел был самых честных правил»), не представляется убедительным. Крылов использует не какое-либо редкое речение, а живой фразеологизм устной речи той поры (ср.: «он набожных был правил...» в басне «Кот и повар»). Крылов

мог быть для Пушкина в данном случае лишь образцом обращения к устной, живой речи. Современники вряд ли воспринимали это как литературную цитату» [Лотман, 1983, ЭР].

Во-вторых, смысловая трактовка четверостишия может определяться семантико-синтаксическими причинами.

Например, в черновом варианте «Евгения Онегина» после слова «занемог» обнаруживается точка с запятой, что приводит к следующей логической цепочке: «*мой дядя* – человек *самых честных правил* потому, что он заболел – и сразу смертельно; только это заставило Онегина *уважать* дядю – и *лучше* (для Онегина) его дядя и *выдумать не мог*» [Гринбаум, 2008, с. 6].

Обратим внимание на замену обстоятельства времени «когда» союзом «потому что» в данном рассуждении, который позволяет проследить логику объяснения. И.С. Тургенев, в свою очередь, придает необоснованно большое значение обстоятельству времени, что меняет смысл четверостишия до неузнаваемости в его совместном с Виардо прозаическом переводе романа на французский язык: «*Des qu'il tombe serieusement malade, mon oncle professe les principes les plus moraux*» (Когда мой дядя серьезно заболел, он стал придерживаться более нравственных правил) [Непомнящий, ЭР].

Иную трактовку лексемы «когда» предоставляют черновой вариант первой главы романа и первое ее издание 1825 года.

В черновиках находим следующее четверостишие:

«Мой дядя самых честных правил

Он лучше выдумать не мог

Он уважать себя заставил

Когда не в шутку занемог»,

которое беспощадно раскрывает «махровый» эгоизм и цинизм Онегина. Дядя совершает «честный» поступок по отношению к племяннику, достойный уважения с точки зрения Онегина, только *при условии* смертельной болезни.

В окончательном варианте А.С. Пушкин смягчает не свойственную ему резкость характеристики главного героя, синтаксически перестраивает строфу, после глагола «занемог» ставит точку с запятой, но смысл лексемы «когда» сохраняется от первоначального варианта, т.е. «при условии» или «если»:

«Мой дядя самых честных правил,

Когда не в шутку занемог;

Он уважать себя заставил

И лучше выдумать не мог».

Таким образом, в контексте скрыт смысл: *«мой дядя – человек самых честных правил при условии, если он занемог смертельно; только этим он заставил себя уважать – и лучше выдумать не мог»* [Непомнящий, ЭР].

«Сочетание в первой строфе» многочисленных смысловых «наслоений» начинает ту взаимоигру, в которую вовлечены автор, его персонажи, читатель. Создается ироническая атмосфера, определяющая в дальнейшем весь пушкинский роман. Возникает сложное многоголосие, а также неоднозначность точек зрения, как авторской и персонажей» [Рейфман, ЭР], так и читательской.

Вместе с тем, изучение влияния популярных литературных контекстов Пушкинского времени и семантико-синтаксических особенностей первого четверостишия «Евгения Онегина» позволяет определить глубину содержания начала романа. Скрытым, но главным авторским смыслом является не высокоморальное описание дяди, а жесткая характеристика Онегина, который воспринимает дядю как человека глупого и никчемного во всех случаях, за исключением одного: случая смертельной болезни, который поможет главному герою без проблем поправить свое материальное и социальное положение.

Передача глубины контекста и формы ИТ происходит на заключительных этапах герменевтико-переводческого методологического стандарта – интерпретации и принятии переводческого решения.

Интерпретация – это «герменевтическая душа перевода». Она определяется как «особый вид деятельности переводчика по выбору стратегии движения переводческой рефлексии «от автора к читателю / от читателя к автору», или в других терминах – по выбору стратегии «форенизация» / «доместикация». Вместе с тем он осуществляет перебор вариантов перевода функционально-закономерных соответствий, ищет пути преодоления «непереводимого» доступными способами переложения, порождает исходно «черновой» вариант текста, который будет служить основой для принятия **окончательного переводческого решения.**

Не исключено, что в ходе интерпретации у переводчика происходит сложение инвариантного рабочего «промежуточного иноязыка», рефлексивно-интуитивно настраиваемого переводчиком на формирование первичных вариантов образа будущего итогового языка перевода, отчуждаемого для реципиента» [Мишкурин, 2018, с. 233].

Отметим, что поэтический перевод – особый вид переводческой деятельности, ибо заключает в себе принципиальную невозможность сохранения в ПТ и содержания, и формы оригинала. Поддержим мнение британского поэта и переводчика Дона Патерсона, если «... сохранить и форму, и содержание поэтического произведения, то это приведет к катастрофе» [Paterson, 2006, с. 80]. Д. Патерсон считает, что самый удачный перевод

поэтического произведения – не более чем аппроксимация по отношению к оригиналу. Чем ближе автор перевода подходит к подлиннику по «духу», а не по «букве», тем совершеннее перевод. Внимание должно быть сосредоточено, прежде всего, на передаче «духа» оригинала или «голоса поэта» средствами современного английского языка, тем самым воссоздавая прагматическую адекватность подлинника. Тем не менее, по возможности следует пытаться хотя бы отчасти воспроизводить особенности уникальной формы стихотворного произведения, однако, не жертвуя смыслом оригинала в угоду форме [Paterson, цит. по Чайковский, 2016, с. 134 - 136].

Из рассмотренного примера становится понятно, что глубинный смысл выявить сложно для носителей языка оригинала, не говоря об иноязычных представителях.

Рассмотрим переводы первой строфы романа «Евгений Онегин», выполненные на английском языке. Практически все они, за единственным исключением, направлены на сохранение формы произведения, представляя собой, по сути, буквальный перевод.

Добавим, что англоязычные переводы в хронологической последовательности для анализа взяты из статьи «Трудности перевода» автора под псевдонимом Модест Камнеедов [Камнеедов, 2017, ЭР]. Представленные в данной работе материалы отличаются высокой достоверностью.

В 1881 году выходит в свет перевод профессионального военного, служившего в посольстве Санкт-Петербурга, Генри Сполдинга (Henry Spalding, 1840-1907):

«My uncle's goodness is extreme,	Добродетель моего дяди безгранична,
If seriously he hath disease;	Если он тяжело заболел,
He hath acquired the world's esteem	Он приобрел уважение всего мира,
And nothing more important sees;	И это для него самое важное;
A paragon of virtue he!»	Образец добродетели он! »

[Spalding, 1881, ЭР], который дает английскому читателю общее представление о романе. И.С. Тургенев оценил данную работу следующим образом: «мне давали читать один перевод „Онегина“, сделанный английскими рифмованными стихами каким-то полковником в отставке, верности невероятной, изумительной – и такой же изумительной дубинности!» [цит.по Измайлов, ЭР].

Перевод первой главы выполнил романист Клайв Филлипс-Вулли (sir Clive Phillipps-Wolley, 1853-1918), который был опубликован в сборнике стихов в 1917 году в Канаде:

«A perfect life without a flaw,	«Он вел идеальную жизнь без недостатков,
Till sickness laid him on his bed,	Пока болезнь не приковала его к постели,
My grandsire lived: himself a law	Мой предок жил по собственному закону,

By which our lesser lives were led.
Respect from all (or high or low),
The best he knew, or cared to know!»

В соответствии с которым текли наши не
столь выдающиеся жизни.
Всеобщее уважение (в большей или
меньшей степени),
Он познал сполна, и это все, о чем он
хотел знать!»

[Phillipps-Wolley, 1917, ЭР1].

Данную работу можно охарактеризовать как вольное сочинение в стихах на тему русского романа. Клайв Филлипс-Вулли был выдающимся охотником, с русской культурой он познакомился во время путешествий по Крыму и Кавказу [Phillipps-Wolley, ЭР2].

Первые переводы «Евгения Онегина» объединяет то, что они выполнены не профессиональными переводчиками, а образованными людьми того времени, увлекающимися русской культурой. Маловероятно, что подобные работы способствовали увеличению популярности великого поэта в англоязычном мире. Представленные буквальные переводы не затрагивают глубинного смысла, «а отражают самую очевидную поверхность», смыслы бытовой направленности, которые «вряд ли могут убедить читателя-иностранца, что перед ним открывается мир высокой поэзии. При таком упрощенном переводе глубинный смысл поэтического текста совершенно утрачивается» [Челышев, 2015, ЭР].

Однако ситуация не улучшается, когда на роман в стихах обращают внимание профессионалы. К столетию со дня смерти поэта в 1936 году выходит совместный перевод пушкинского произведения американской поэтессы, романиста, издателя и критика Бабетт Дойч (Babette Deutsch, 1895-1982) с ее супругом – писателем и переводчиком Аврамом Ярмолинским, который в то время возглавлял Славянский отдел Нью-Йоркской публичной библиотеки. Соответственно, интерес к произведениям Пушкина был закономерен:

My uncle always was respected,
But his grave illness, I confess,
Is more than could have been
expected:

Мой дядя всегда был уважаем,
Но его тяжелая болезнь, я признаюсь,
Это больше, чем можно было ожидать:
Гениальный поступок, не иначе!

A stroke of genius, nothing less!

[Deutsch, 1936, ЭР].

Отметим, что, несмотря на буквальность данного перевода, в нем чувствуется ирония. И это несомненное достоинство работы Дойч и Ярмолинского.

Славянской культурой со времен первой мировой войны активно интересуется британский литературовед, профессор Оливер Элтон (Oliver Elton, 1861-1945), который

вскоре после отставки (1925) обосновывается в Оксфорде – долгое время являвшимся местом притяжения для выдающихся деятелей русской науки и искусства. Например, в 1839 году поэт и переводчик Василий Жуковский получает там почетную степень доктора гражданского права; докторской степени удостоиваются Иван Тургенев (1879), Дмитрий Менделеев (1894). В 1921 году Оксфордский университет оканчивает Г.П. Струве – русский литературный критик, литературовед, поэт и переводчик (к которому за советом по поводу учебы обращались братья Владимир и Сергей Набоковы). В университете длительное время преподавал русскую филологию Сергей Александрович Коновалов (1899-1982) – создатель журнала «Oxford Slavonic Papers». В это же время в Оксфорде училась, жила и преподавала профессор славистики Надежда Даниловна Городецкая (1901-1985) [Кизилов, 2009, с. 103-111]. Неудивительно, что интерес к русской культуре у Элтона вспыхивает с новой силой и в 1937 году выходит в свет его перевод «Евгения Онегина».

When Uncle, in good earnest, sickened (His principles were always high), My own respect for him was quickened; "This was his happiest thought," said I. [Elton, 1936, ЭР].	Когда дядя по-настоящему смертельно заболел, (Его моральные принципы всегда были высоки), Мое собственное уважение к нему резко возросло; «Это была его лучшая идея», – сказал я.
--	---

Как видим, ирония в переводе сохраняется.

В том же 1937 году выходит перевод «Онегина» поэтессы и переводчика Дороти Радин (Dorothea Prall Radin, 1889–1948) в сотрудничестве с профессором русского языка Джорджем Патриком (George Zinovei Patrick, 1886–1946):

My uncle's verse was always upright And now that he has fallen ill In earnest he makes one respect him: He is a pattern for us still. [Radin, 1937, ЭР]	Стих моего дяди всегда был правдивым И теперь, когда он заболел Он всерьез заставляет себя уважать: Он до сих пор для нас образец.
---	---

В данном переводе форма исходного текста передана с поразительной точностью, однако, перевод потерял ироничную окраску оригинала.

До 1963 года англоязычных переводов романа в печать не выходило, но этот год ознаменовался изданием, на наш взгляд, лучшего перевода «Евгения Онегина», выполненный Уолтером (Вальтером) Арндтом (Walter Werner Arndt, 1916-2011), который вызвал жаркие споры. Но об этом чуть позже.

В 1964 году бывший профессор экономики Юджин Кейден (Eugene Mark Kayden, 1886-1977) представляет публике свою работу:

My uncle was the soul of honor	Мой дядя был «душой» чести
And, when at last he took to bed,	И когда он, наконец, слег,
He had the sense to make his kin	У него был замысел заставить свою семью
Respect his smallest wish, in dread	Уважать его малейшее желание, в страхе
Before his disapproving gaze.	Под его неодобрительным взглядом.

[Kayden, 1964, ЭР].

Приведем мнение К.И. Чуковского. «Как ни отнестись к качеству этих переводов, нужно сказать, что каждый из них – результат многолетнего, большого труда. В два-три месяца "Онегина" стихами не переведешь: в нем 5540 рифмованных строк. Лучшим из всех этих переводов считается перевод Юджина Кейдена. И это мнение, пожалуй, справедливо. Юджин Кейден отнюдь не халтурщик: почтенный труженик, искренне преданный Пушкину Юджин Кейден сообщает в своем предисловии, что он работал над "Онегиным" двадцать лет. ...И замечательно, что англо-американская критика (не то, что в былые годы!) встречает каждого нового "Онегина" несметным количеством статей и рецензий, обсуждая азартно и шумно его верность великому подлиннику.... Мне, русскому, радостно видеть, как близко принимают к сердцу заморские и заокеанские люди творение гениального моего соотечественника» [Чуковский, 1988, с. 334].

Далее последовал перевод Чарльза Джонстона (sir Charles Hepburn Johnston, 1912 – 1986),

My uncle – high ideals inspire him;	Мой дядя – высокими идеалами
But when past joking he fell sick,	вдохновляемый;
He really forced one to admire him –	Но когда, кроме шуток, он заболел,
And never played a shrewder trick	Он действительно заставил восхищаться
[Johnston, 1977, ЭР].	собой –
	И никогда не исполнял более хитрого
	трюка

но мы остановимся на работе филолога, профессора русской литературы Университета Теннесси Джеймса Фалена (James E. Falen, 1935), вышедшего в 1990 году, а изданного в виде книги в 1995 году:

My uncle, man of firm convictions	Мой дядя, человек твердых убеждений
By falling gravely ill, he's won	Тяжело заболев, он добился
A due respect for his afflictions-	Должного уважения к своим страданиям –

The only clever thing he's done.

[Falen, 1995, ЭР].

Единственная умная вещь, которую он

сделал.

Данный перевод примечателен тем, что максимально приближается к передаче мелодики формы оригинала. «Сложность при переводе “Евгения Онегина” ... состоит в том, чтобы передать неподражаемую легкость и изменчивость пушкинской речи, чтобы эмоциональные-лирические отступления по стилю не слились с относительно нейтральными описаниями природы, чтобы в тексте сохранилась авторская ирония, которой буквально пронизано все повествование, и чтобы части романа, особенно памятные русскому читателю... в переводе не утратили своей простоты и проникновенности» [Липгарт, 1999, с. 16]. Далекое не все англоязычные переводы оказались удачными. Но «применительно к ... переводу Дж.Э. Фэлена (1996), – можно сказать, что эти попытки увенчались успехом» [Липгарт, 1999, с. 17].

Далее последовало еще семь переводов «Евгения Онегина», в которых больше внимания уделяется форме, нежели содержанию: Дугласа Хофштадтера (Douglas Hofstadter, 1945) [Hofstadter, 1999, ЭР]; Тома Бека (Tom Beck, 1941) [Beck, 2004, ЭР]; Стэнли Митчелла (Stanley Mitchell, 1932–2011) [Mitchell, 2008, ЭР]; Энтони Кляйна (Anthony S. Kline) [Kline, 2009, ЭР], Роджера Кларка (Roger Clarke, 1939) [Clarke, 2005, ЭР]; Джулиан Лоуэнфельд (Julian Henry Lowenfeld, 1963) [Lowenfeld, 2015, ЭР]; Мэри Хобсон (Mary Hobson, 1926) [Hobson, 2016, ЭР].

Последний на настоящее время перевод вышел в 2016 году. Его выполнил профессор Бристольского университета Энтони Бриггс (Anthony David Peach Briggs, 1938). Во времена холодной войны Энтони Бриггс учился на военного переводчика и в это время познакомился с русской литературой, которую полюбил всей душой и перевел для своих соотечественников «Войну и мир» Толстого и роман в стихах Пушкина:

Uncle, a man of purest probity,

Has fallen ill, beyond a joke.

Respected now, and scorned by

nobody,

He has achieved his masterstroke

[Briggs, 2016, ЭР].

Дядя, человек чистосердечный, (честность,

неподкупность)

Заболел, без шуток.

Сейчас уважаем и никем не презираем,

Он достиг своего мастерства

Переводчик постарался передать контекстуально обусловленное значение всех лексем, и это ему удалось. Однако глубина контекста оказалась скрыта от английского читателя.

Единственным из переводчиков, сумевших передать пронзительную иронию романа и систему глубинных смыслов произведения, на наш взгляд, является Уолтер (Вальтер) Арндт:

Now that he is in grave condition,	Теперь, будучи на краю могилы,
My uncle, decorous old dunce,	Мой дядя, приличный дурачок,
Has won respectful recognition;	Познал уважительное признание;
And done the perfect thing for once	И это лучшее из всего, что он мог сделать.

[Arndt, 1963, ЭР].

Буквальный перевод поэтических слов Арндта не передает сарказм переводчика. Но англоязычному читателю с первых строк становится понятным презрительное отношение Онегина к дяде («dunce» может переводиться не только как «дурачок», но и как «тупица», «болван», «раздолбай», «глупец»). Очевидно и то, что исключительно пребывание на краю могилы («grave condition» – «тяжелое состояние»), заставляет главного героя, если не уважать («respectful recognition» – «почтительное / уважительное признание») дядю, то одобрять его смертельную болезнь («the perfect thing» – «лучшее, идеальное»), ибо скорая смерть принесет Онегину легкую наживу. Арндту удалось блестяще донести посыл Пушкина читателю с той разницей, что у русского поэта он завуалирован, находится между строк, а в переводе глубинный смысл оказывается очевидным, на «самой поверхности». На наш взгляд, идентичность глубинного смысла важнее сходства формы, ибо именно смысл напрямую воздействует на чувства: задевает читателя за живое, заставляет думать, анализировать, сопереживать, сравнивать, приходить к собственным выводам, что способствует воспитанию интереса и любви к другой культуре.

Данное мнение разделяется далеко не всеми лингвистами. Так в американском журнале “The New York Review Of Books” от 30 апреля 1964 года Владимир Владимирович Набоков (1899-1977) печатает разгромную рецензию на перевод Арндта под названием “Pounding the Clavichord” («Бренча на клавикордах»), в которой едко высмеивает найденные в работе недостатки. Это комический размер и клоунские рифмы, искаженные клише и испорченные идиомы, вульгаризмы и устаревший сленг (к числу которых Набоков относит «old dunce»), ляпы – плоды одновременно невежества и самоуверенности и расхлябанный английский язык, отсебятина и убогие примечания [Набоков, 1964, ЭР]. Вот далеко неполный список «преступлений» Арндта перед романом Пушкина, с чем сложно согласиться.

Причина столь жесткой критики скрывается в пятнадцати годах собственной кропотливой работы над переводом «Онегина» и во взглядах Набокова на перевод. С точки зрения писателя, «теория перевода в действительности очень проста. Единственное, что

имеет значение, – это идеальная точность перевода, а для этого переводчик должен знать язык, на котором написан текст, так же хорошо, как и свой собственный. Иными словами, это проблема владения информацией, а вовсе не изящества или гладкости. В своей книге о Пушкине и во множестве полемических статей, где я уничтожил атаковавших меня невежд, я объяснил и показал, что рифмованный перевод Онегина невозможен, ибо пришлось бы постоянно искажать смысл, чтобы получить точное число слогов и найти рифму, как правило, весьма банальную. ...Подстрочный перевод с объяснением текста и обширными заметками останется для меня навсегда единственным возможным инструментом» [Набоков, 1996, с. 62]:

My uncle has most honest principles:	У моего дяди самые честные принципы:
When he was taken gravely ill,	Когда он смертельно заболел,
He forced one to respect him,	Он заставил уважать себя,
And nothing better could invent.	И ничего лучше не мог выдумать.

В свою очередь Уолтер Арндт не оставил язвительную рецензию без внимания и в скором времени опубликовал ответную статью, в названии которой обыграл слова Пушкина о переводчиках – почтовых лошадях просвещения – «Настегивая лошадь». В ней переводчик не опустился до уровня резкой и грубой критики Набокова, а тактично заметил: «Я адресую свой перевод «Онегина» тем, кто любит читать стихи, а не тем, кто готов пробираться через легкий пушкинский текст на прозаической лошади мистера Набокова, спотыкаясь на каждом шагу о груды сносок и комментариев. Как все, кто изучает Пушкина, я с огромным интересом жду работу мистера Набокова, но прошу его не забывать, что при всей значительности его труда он не выходит за рамки информации» [Цит. по Ефимова; 2001, ЭР].

Безусловно, великие писатели и переводчики, к коим относится В. Набоков, имеют собственные взгляды на законы художественного перевода, подкрепленные годами практики. Но пропагандируемый В. Набоковым буквализм заметно снижает качество перевода, особенно стихотворного, убивает «поэтическую душу», ибо переводчик «не может отвлечься от поиска буквальных соответствий подлиннику и сосредоточиться на создании текста, который бы в первую очередь оказывал на читателя эстетическое воздействие... Крайний случай такого далеко зашедшего буквализма, пример переводческого сизифова труда – английский текст «Евгения Онегина» и трехтомный комментарий к нему, выполненный Владимиром Набоковым» [Липгарт, 1999, с. 8].

Критика А. Липгарта верна, но лишь отчасти. Подробные комментарии Набокова – замечательный исторический материал, позволяющий исследователям окунуться в эпоху Пушкина, познакомиться с биографией поэта и его окружением. К. Чуковский отмечает,

что «в своих комментариях, Набоков обнаружил и благоговейное преклонение перед гением Пушкина, и эрудицию по всем разнообразным вопросам, связанным с «Евгением Онегиным» [Чуковский, 1988, с. 251]. Однако на наш взгляд, данная работа писателя предназначена, скорее для узкого круга специалистов, а не для широкой читательской аудитории.

Что касается самого текста перевода, отметим, что многие лингвисты приняли его в штыки.

Например, близкий друг В. Набокова Эдмунд Уилсон (1895 – 1972) – литератор и критик, один из самых влиятельных литературоведов США середины XX века – в 1965 году выпустил достаточно резкую статью "The Strange Case of Pushkin and Nabokov" («Странный случай Пушкина и Набокова») в журнале «The New York Review of Books». Критик напомнил читателям о нападках Набокова на перевод Арндта и результат переводческой деятельности писателя прокомментировал следующим образом: «The results of this have been more disastrous than those of Arndt's heroic effort. It has produced a bald and awkward language which has nothing in common with Pushkin or with the usual writing of Nabokov» [Wilson, 1965: ЭР]. (Результат переводческой деятельности (Набокова) гораздо более катастрофичен, чем героические усилия Арндта (по созданию поэтического перевода). Писатель породил безликий и неуклюжий язык, не имеющий ничего общего с языком Пушкина или с обычной манерой письма самого Набокова).

Морис Фридберг (1929-2014) – американский литературовед, профессор словесности упрекает В. Набокова в неуважительном отношении писателя к авторам предыдущих переводов «Онегина», в «небрежно-высокомерном отношении к советским пушкиноведам, чьими достижениями, несмотря на исключительно трудные условия работы, вправе гордиться мировая наука, ... в пренебрежении к работам пушкиноведов, как Модзалевский, Томашевский, Бонди, Щеголев, Гофман» и многих других. М. Фридберг мягко замечает, что перевод Набокова нельзя назвать удачным [Фридберг, 1964, с. 297-300].

Подводя черту под обсуждением набоковского «Онегина» добавим, что перевод писателя не пользуется популярностью у широкой читательской аудитории, а является предметом исследования узких специалистов, изучающих особенности творчества Набокова; в то время как перевод Арндта переиздается и читается и по сей день, вызывая интерес к творчеству великого русского поэта и восхищение его романом в стихах.

Итогом настоящего исследования послужат следующие выводы:

– среди культурологических непереводаемостей наиболее сложным барьером в переводе является передача глубинных смыслов оригинала;

- для преодоления смыслового сопротивления культурно дистанцированного (а также пространственно и исторически) текста оригинала успешно используется герменевтико-переводческий методологический стандарт;
- этапы предпонимания и понимания упомянутого стандарта позволяют переводчику раскрыть систему текстовых смыслов оригинала;
- этапы интерпретации и принятия переводческого решения позволяют сформировать несколько приемлемых вариантов перевода и выбрать с точки зрения переводчика наиболее оптимальный из них;
- наличие глубинного смысла в поэтическом произведении не позволяет сохранить в тексте перевода как форму, так и содержание оригинала;
- при передаче особенностей формы романа в стихах переводчиками в большинстве случаев используется метод форенизации, который дает общее представление о поверхностных смыслах и мелодике оригинала;
- при передаче особенностей содержания поэтического произведения Уолтер Арндт использовал метод доместикации, который позволил вывести на поверхность (сделать доступной для реципиента) систему глубинных смыслов оригинала, что способствовало наибольшему когнитивно-эмоциональному воздействию на широкую читательскую аудиторию, воспитанию у англоязычной аудитории интереса и любви к автору «Евгения Онегина» и русской культуре в целом.

Список литературы:

- Автономова Н.С.* Перевод и непереводаемость: европейская перспектива // Вестник РЦДН, серия Философия, 2012. №4.
- Алексеев М.П., Шадрин А.М.* Ч.Р. Метьюрин и его «Мельмот скиталец» [Электронный ресурс]. 1983. URL: http://lib.ru/INOOLD/METURIN/melmoth0_1.txt_with-bigpictures.html (дата обращения: 12.12.18).
- Бабичев Н.Т., Боровской Я.М.* De mortuis aut bene, aut nihil // Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений. М.: Русский Язык. 1982. [Электронный ресурс]. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/563/De (дата обращения: 12.12.18).
- Вовченко Е., Новиченков А.* Что об известном романе в стихах Александра Пушкина должен знать каждый? 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://godliterature.ru/events-post/10-faktov-o-evgenii-ologine-pushkina> (дата обращения: 14.12.18).
- Гринбаум О.Н.* Изначальный Онегин: ритм, смысл, интерпретации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Литературоведение. Вып. 3. Ч. I, 2008.
- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; Перевод М.Л. Гаспарова, 2-е изд. М.: Мысль, 1986. *Ефимова М.* Юджин Онегин, 2001. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24200360.html> (дата обращения: 14.12.18).
- Загоскин М.Н.* Соч. в 7т. СПб, 1889. Т. 6.
- Измайлов Н.В.* И.С. Тургенев – переводчик Пушкина на французский язык. [Электронный ресурс]: URL: <http://feb-web.ru/febbit/pushkin/serial/is7/is7-185-.htm> (дата обращения: 14.12.18).
- Камнеёдов М.* Трудности перевода, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/community/5548/content/6020531> (дата обращения: 23.01.19).

- Катенин П.А.* Избранные произведения. М.: Л.: Советский писатель, 1965.
- Кизилов М.* Русские в Оксфорде: краткий обзор истории // Русское присутствие в Британии / Серия «Русское присутствие в Британии». М.: Современная экономика и право, 2009.
- Липгарт А.* Об английских переводах поэзии и драматургии А.С. Пушкина // А.С. Пушкин. Избранная поэзия в переводах на английский язык. М.: Рудомино; Радуга, 1999.
- Лотман Ю.М.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» [Электронный ресурс]. URL: <https://unotices.com/book.php?id=44737&page=28> (дата обращения: 21.01.19).
- Маяцкий М.* Непереводимости реальные и воображаемые. Листая «европейский словарь философий: лексикон непереводимостей» под ред Б. Кассен (2004). // Логос 5-6 (84), 2011.
- Метьюрин Ч.Р.* Мельмот Скиталец. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1976. *Мишуров Э.Н.* Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт). Монография. М.: Воен. ун-т., 2018.
- Набоков В.* Беседа Владимира Набокова с Пьером Домергом / Пер. О. Сконечная // ЗВЕЗДА. 1996. №11.
- Набоков В.* Бренча на клавикордах / перевод В. Минушина. [Электронный ресурс]. URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/brencha-na-klavikordah.htm> (дата обращения: 21.01.19).
- Непомнящий В.С.* Из наблюдений над текстом «Евгения Онегина». [Электронный ресурс]. URL: <http://speakrus.ru/articles/uncle1.htm> (дата обращения: 29.01.19). *Пушкин А.С.* Евгений Онегин. [Электронный ресурс]. URL: ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html (дата обращения: 29.01.19).
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч., т. XIII. Изд. АН СССР, М.-Л., 1949.
- Рейфман П.* Кто такой Мельмот? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/505314.html> (дата обращения: 2.02.19).
- Семенов А.* Мой дядя самых честных правил. 2009. [Электронный ресурс]. URL: alekseys.livejournal.com/75874.html (дата обращения: 2.02.19).
- Фесенко Ю.П.* Из комментариев к «Евгению Онегину». [Электронный ресурс]. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=EoOkDQLh_Ck%3D&tabid=10358 (дата обращения: 3.02.19).
- Фридберг М.* «Евгений Онегин» в переводе Набокова // Новый журнал. 1964. № 77.
- Хмельницкий Н.И.* Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII – начала XIX века / Составитель: А.А. Гозенпуд. Т. 2. Л.: Советский писатель, 1990. *Чайковский Р.Р., Вороневская Н.В., Лысенкова Е.Л., Харитонова Е.В.* Художественный перевод как вид межкультурной коммуникации: (основы теории): монография; под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. Р.Р. Чайковского. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.
- Чельшев Е.П.* Из истории постижения смыслов пушкинского текста: проблемы языка, понимания и культуры перевода. Электронное научное издание Альманах Пространство и Время Т. 10. Вып. 1, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-postizheniya-smyslov-pushkinskogo-teksta-problemy-yazyka-ponimaniya-i-kultury-perevoda> (дата обращения: 25.01.19).
- Чуковский К.И.* Высокое искусство. Авторский сборник. М.: Советский писатель, 1988.
- Чуковский К.И.* Онегин на чужбине // Дружба народов 1988. № 4.
- Arndt, W.* (1963) Alexander Pushkin, Eugene Onegin: A novel in verse. The Bollingen prize translation in the Onegin Stanza by Walter Arndt. Critical Essays by Roman Jakobson, D.J. Richards, J. Thomas Shaw and Sona Stephan Hoisington. New York, NY: Dutton 1963. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=oUEjCQAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Eugene+Onegin+Walter+Arndt&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiXhoeJy_nVAhWiHpoKHTjJC5UQ6AEIJAA#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 14.02.19).
- Beck, T.* (2004) Alexander Pushkin: Eugene Onegin . Translated by Tom Beck. Sawtry, Cambs: Dedalus. [Электронный ресурс] URL: https://books.google.ru/books?id=mawDH06yv3kC&pg=PT3&lpg=PT3&dq=Alexander+Pushkin:+Eugene+Onegin+:+Translated+by+Tom+Beck&source=bl&ots=sKFonJ69lt&sig=zYdsEbRsYwR0pNsiNrAFnmw5a0&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj7xt2dz_7VAhWJbZoKHXzUBdg4ChDoAQgqMAE#v=onepage&q=Alexander%20Pushkin%20Eugene%20Onegin%20.%20Translated%20by%20Tom%20Beck&f=false (дата обращения: 14.02.19).
- Briggs, A.* (2016) Yevgeny Onegin: A Novel in Verse by Alexander Pushkin, translated from the Russian with an introduction by Anthony Briggs. London: Pushkin Press. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=48F1CwAAQBAJ&pg=PT27&dq=Alexander+Pushkin,+Yevgeny+Onegin:+A+novel+in+verse.+Translated+by+Anthony+Briggs&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwja_qSG_o3WAhXiQJoKHW6dC-wQ6AEIKDAA#v= (дата обращения: 14.02.19).

- Clarke, R. (2005) Eugene Onégin & Four Tales from Russia's southern frontier: A prisoner in the Caucasus, The fountain of Bahchisaráy, Gypsies, Poltáva by Alexander Pushkin, Translated into English prose with an Introduction and Commentary by Roger Clarke. Ware, Herts: Wordsworth [Электронный ресурс] URL: <https://books.google.ru/books?id=8o8ZsIKhfXwC&pg=PR3&lpg=PR3&dq=Eugene+Onégin+%26+Four+Tales+from+Russia's+southern+frontier:+A+prisoner+in+the+Caucasus,+The+fountain+of+Bahchisaráy,+Gypsies,+Poltáva+by+Alexander+Pushkin,+Translated+into+English+prose+with+an+Introduction+and+Commentary+by+Roger+Clarke&source=bl&ots=fC5zbOxhm9&sig=Xbxmhi0Dd7OOv1yeI7ZCwVzjwGk&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjnqKG90KvWAhWiQZoKHQoMDFsQ6AEIKTAA#v=onepage&q=Eugene%20On%20n%20C3%A9gin%20%26%20Four%20Tales%20from%20Russia%20E2> (дата обращения: 3.02.19).
- Deutsch, B. (1936) Eugene Onegin, a novel in verse in The Poems, Prose and Plays of Alexander Pushkin. Selected and Edited, with an Introduction by Avraham Yarmolinsky. New York: Random House. [Электронный ресурс]: URL: https://books.google.ru/books?id=tB3An0yijvIC&pg=PR2&lpg=PR2&dq=Alexander+Pushkin,+Eugene+Onegin:+A+novel+in+verse.+Translated+by+Babette+Deutsch&source=bl&ots=PIkaMv2hG1&sig=SU8i2n8Y_xa5esCXeofNj0hJ8iY&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEWjW1Nvq_43WAhUkM5oKHT0xAOW4ChDoAQhEMAQ#v=onepage&q=Alexander%20Pushkin%20%20Eugene%20Onegin%20A%20A%20novel%20in%20verse.%20Translated%20by%20Babette%20Deutsch&f=false (дата обращения: 3.02.19).
- Elton, O. (1936) Evgeny Onegin. Translated by Oliver Elton. London: The Pushkin Press.
- Falen, E. (1995) Alexander Pushkin, Eugene Onegin: A Novel in Verse. Translated and with an introduction by James E. Falen. Oxford and New York: Oxford University Press. [Электронный ресурс]. URL: <http://lingualeo.com/ru/jungle/eugene-onegin-by-alexander-pushkin-a-novel-in-verse-translated-by-james-e-falen-291492#/page/1> (дата обращения: 3.02.19).
- Hobson, M. (2016) Eugene Onegin: A Novel in Verse by Alexander Pushkin. Translated by Mary Hobson. London: Anthem Press. [Электронный ресурс] URL: https://books.google.ru/books?id=tP01DgAAQBAJ&pg=PP2&lpg=PP2&dq=Eugene+Onegin:+A+Novel+in+Verse+by+Alexander+Pushkin.+Translated+by+Mary+Hobson&source=bl&ots=DvPb5SMida&sig=OSjVPovQltsWgqDf-pSH_ohcPHE&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwibk_T2t9TWAhXMC5oKHWrJBEkQ6AEIYjAJ#v=onepage&q=Eugene%20Onegin%20A%20A%20Novel%20in%20Verse%20by%20Alexander%20Pushkin.%20Translated%20by%20Mary%20Hobson&f=false (дата обращения: 3.02.19).
- Hofstadter, D. (1999) Eugene Onegin: A Novel in Verse by Alexander Sergeevich Pushkin. A Novel Versification by Douglas Hofstadter. New York, NY: Basic Books. [Электронный ресурс] URL: <http://www.nytimes.com/books/first/p/pushkin-onegin.html?mcubz=0> (дата обращения: 3.02.19).
- Johnston, Ch. (1977) Alexander Pushkin, Eugene Onegin. Translated by Charles Johnston. London: Scholar Press. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/ENGLISH/onegin_j.txt (дата обращения: 3.02.19).
- Kayden, E. (1964) Alexander Pushkin, Eugene Onegin: A Novel in Verse. Translated from the Russian by Eugene M. Kayden. Yellow Springs, OH: The Antioch Press.
- Kline, A.S. (2009) Alexander Pushkin, Eugene Onegin. Translated by A.S. Kline. [Электронный ресурс] URL: <http://www.poetryintranslation.com/PITBR/Russian/OneginI.htm> (дата обращения: 3.02.19).
- Lowenfeld, J.H. (2010) My Talisman, The poetry and life of Alexander Pushkin: Translated with Commentary, and a Biography of Pushkin, New York, NY: Green Lamp Press.
- Mitchell, S. (2008) Alexander Pushkin, Eugene Onegin: A Novel in Verse Translated with an introduction and notes by Stanley Mitchell. London, etc.: Penguin Books. [Электронный ресурс]. URL: <http://originalbook.ru/eugene-onegin-by-a-pushkin-english-evgenij-onegin-a-s-pushkin/> (дата обращения: 3.02.19).
- Nabokov, V. (1964) Eugene Onegin. A novel in verse by Aleksandr Pushkin. Translated from the Russian with a Commentary by Vladimir Nabokov. NY, Pantheon. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.scribd.com/doc/45082427/Pushkin-nabokov-Trans-eugene-Onegin-bollingen-Vol-1-of-4> (дата обращения: 5.02.19).
- Paterson, D. (2006) Fourteen Notes on the Version // Orpheus. A Version of Rilke's Die Sonette an Orpheus. London: Faber and Faber. P. 73-84.
- Phillips-Wolley, C. (1917) Songs from a Young Man's Land. Published Toronto: Thomas Allen, Copyright Canada; printed by Warwick Bros & Rutter, Limited, Printers and Bookbinders, Toronto, Canada. [Электронный ресурс] URL: [1\)http://maxpark.com/community/5548/content/6020531; 2\)https://abcbookworld.com/writer/phillips-wolley-clive/](http://maxpark.com/community/5548/content/6020531;https://abcbookworld.com/writer/phillips-wolley-clive/) (дата обращения: 7.02.19).

- Radin, D., Patrick, G.* (1937) Eugene Onegin. Translated from the Russian of Alexander Pushkin by Dorothea Prall Radin and George Z. Patrick. Berkeley, CA: University of California Press.
- Ricoeur, P.* (2006) On translation: tr. By Eileen Brennan. – London; New York: Routledge Taylor & Francis Gr. – 46 p.
- Spalding, H.* Eugene Onegin in English Translation. [Электронный ресурс]. URL: <http://onegininenglish.blogspot.com/2009/02/chapter-one-stanza-one-henry-spalding.html> (дата обращения: 1.02.19).
- Wilson, E.* (1965) The Strange Case of Pushkin and Nabokov // The New York Review of Books. Электронный ресурс. <https://www.nybooks.com/articles/1965/07/15/the-strange-case-of-pushkin-and-nabokov/> (дата обращения: 3.02.19).

References:

- Alekseyev, M.P., Shadrin, A.M.* (1983) CH.R. Met'yurin i ego «Mel'mot skitalets» [H.R. Metyurin and his "Melmot the Husk"] URL: http://lib.ru/INOOLD/METURIN/melmoth0_1.txt_with-bigpictures (In Russian).
- Arndt, W.* (1963) Alexander Pushkin, Eugene Onegin: A novel in verse. The Bollingen prize translation in the Onegin Stanza by Walter Arndt. Critical Essays by Roman Jakobson, D.J. Richards, J. Thomas Shaw and Sona Stephan Hoisington. New York, NY: Dutton 1963. [Электронный ресурс]. URL: [https://books.google.ru/books?id=oUEjCQAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Eugene+Onegin+Avtonomova,N.S.\(2012\)Perevod+in+neperevodimost':evropeyskaya+perspektiva+Untranslatability:+A+European+Perspective+//+Vestnik+RTSDN,+seriya+Filosofiya,+2012.+№4.+P.+6+–+16.\(In+Russian\).](https://books.google.ru/books?id=oUEjCQAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=Eugene+Onegin+Avtonomova,N.S.(2012)Perevod+in+neperevodimost':evropeyskaya+perspektiva+Untranslatability:+A+European+Perspective+//+Vestnik+RTSDN,+seriya+Filosofiya,+2012.+№4.+P.+6+–+16.(In+Russian).)
- Babichev, N.T., Borovskoy, YA.M.* (1982) De mortuis aut bene, aut nihil // Latinsko-russkiy i russko-latinskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy. M.: Russkiy YAzyk. URL: dic.academic.ru/dic.nsf/latin_proverbs/563/De (In Russian).
- Beck, T.* (2004) Alexander Pushkin: Eugene Onegin. Translated by Tom Beck. Sawtry, Cambs: Dedalus. [Электронный ресурс] URL: https://books.google.ru/books?id=mawDH06yv3kC&pg=PT3&lpg=PT3&dq=Alexander+Pushkin:+Eugene+Onegin+.+Translated+by+Tom+Beck&source=bl&ots=sKFonJ69lt&sig=zydsEbRsYwR0pNsiNrAFnmw5a0&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj7xt2dz_7VAhWJbZoKHxzUBdg4ChDoAQgqMAE#v=onepage&q=Alexander%20ushkin%3A%20Eugene%20Onegin%20.%20Translated%20by%20Tom%20Beck&f=false
- Briggs, A.* (2016) Yevgeny Onegin: A Novel in Verse by Alexander Pushkin, translated from the Russian with an introduction by Anthony Briggs. London: Pushkin Press. URL: <https://books.google.ru/books?id=48FICwAAQBAJ&pg=PT27&dq=Alexander+Pushkin,+Yevgeny+Onegin>
- CHaykovskiy, R.R., Voronevskaya, N.V., Lysenkova, E.L., KHaritonova, E.V.* KHudozhestvennyy perevod kak vid mezhkul'turnoy kommunikatsii: (osnovy teorii): monografiya [Literary translation as a kind of intercultural communication: (theory fundamentals): monograph]; pod obshch. red. d-ra filol. nauk, prof. R.R. CHaykovskogo. – 3-e izd., ster. – M.: FLINTA: Nauka, 2016. – 224p. (In Russian).
- CHelyshev, E.P.* Iz istorii postizheniya smyslov pushkinskogo teksta: problemy yazyka, ponimaniya i kul'tury perevoda. [From the history of comprehending the meanings of Pushkin's text: problems of language, understanding and culture of translation] Elektronnoye nauchnoye izdaniye Al'manakh Prostranstvo i Vremya T. 10. Vyp. 1, 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-postizheniya-smyslov-pushkinskogo-teksta-problemy-yazyka-ponimaniya-i-kul'tury-perevoda> (In Russian).
- CHukovskiy, K.I.* (1988) Onegin na chuzhbine [Onegin in a foreign land] // Druzhba narodov 1988. № 4 P. 246-257. (In Russian).
- CHukovskiy, K.I.* (1988) Vysokoye iskusstvo. Avtorskiy sbornik. [High art. Author's collection.] M.: Sovetskiy pisatel'. 352 p. (In Russian).
- Clarke, R.* (2005) Eugene Onegin & Four Tales from Russia's southern frontier: A prisoner in the Caucasus, The fountain of Bahchisaráy, Gypsies, Poltáva by Alexander Pushkin, Translated into English prose with an Introduction and Commentary by Roger Clarke. Ware, Herts: Wordsworth URL: <https://books.google.ru/books?id=8o8ZsIKhfXwC&pg=PR3&lpg=PR3&dq=Eugene+Onegin+%26+Four+Tales+from+Russia's+southern+frontier>
- Deutsch, B.* (1936) Eugene Onegin, a novel in verse in The Poems, Prose and Plays of Alexander Pushkin. Selected and Edited, with an Introduction by Avraham Yarmolinsky. New York: Random House. URL: https://books.google.ru/books?id=tB3An0yijvIC&pg=PR2&lpg=PR2&dq=Alexander+Pushkin,+Eugene+Onegin:+A+novel+in+verse.+Translated+by+Babette+Deutsch&source=bl&ots=PlkaMv2hG1&sig=SU8i2n8Y_xa5esCXeofNj0hJ8iY&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjW1Nvq_43WAhUkM5oKHT0xAOW4Ch

- DoAQhEMAQ#v=onpage&q=Alexander%20Pushkin%2C%20Eugene%20Onegin%3A%20A%20novel%20in%20verse.%20Translated%20by%20Babette%20Deutsch&f=false.
- Diogen Laertskiy*. (1986) O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov [About the life, teachings and sayings of famous philosophers] / Red. toma i avt. vstup. st. A.F. Losev; Perevod M.L. Gasparova, 2-e izd. M.: Mysl'. 571p. (In Russian).
- Efimova, M.* (2001) Eugene Onegin URL: <https://www.svoboda.org/a/24200360.html> (In Russian).
- Elton, O.* (1936) Evgeny Onegin. Translated by Oliver Elton. London: The Pushkin Press.
- Falen, E.* (1995) Alexander Pushkin, Eugene Onegin: A Novel in Verse. Translated and with an introduction by James E. Falen. Oxford and New York: Oxford University Press. URL: <http://lingualeo.com/ru/jungle/eugene-onegin-by-alexander-pushkin-a-novel-in-verse-translated-by-james-e-falen-291492#/page/1>.
- Fesenko, YU.P.* Iz kommentariyev k «Evgeniyu Oneginu». [From the comments to "Eugene Onegin"] URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=EoOkDQLh_Ck%3D&tabid=10358 (In Russian).
- Fridberg, M.* (1964) «Evgeniy Onegin» v perevode Nabokova ["Eugene Onegin" in the translation of Nabokov] // Novyy zhurnal. № 77. P. 297–300. (In Russian).
- Grinbaum, O.N.* (2008) Iznachal'nyy Onegin: ritm, smysl, interpretatsii [Primary Onegin: rhythm, meaning, interpretation] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Literaturovedeniye. Vyp. 3. CH. I. P. 3 – 12. (In Russian).
- Hobson, M.* (2016) Eugene Onegin: A Novel in Verse by Alexander Pushkin. Translated by Mary Hobson. London: Anthem Press. URL: https://books.google.ru/books?id=_tP01DgAA_QBAJ&pg=PP2&lpg=PP2&dq=Eugene+Onegin:+A+Novel+in+Verse+by+Alexander+Pushkin.+Translated+by+Mary+Hobson&source=bl&ots=DvPb5SMida&sig=OSjVPovQltsWgqDf-pSH.
- Hofstadter, D.* (1999) Eugene Onegin: A Novel in Verse by Alexander Sergeevich Pushkin. A Novel Versification by Douglas Hofstadter. New York, NY: Basic Books. URL: <http://www.nytimes.com/books/first/p/pushkin-onegin.html?mcubz=0>.
- Izmaylov, N.V.* I.S. Turgenev – perevodchik Pushkina na frantsuzskiy yazyk. [I.S. Turgenev - Pushkin's translator into French. URL: <http://feb-web.ru/febweb/pushkin/serial/is7/is7-185-.htm> (In Russian).
- Johnston, Ch.* (1977) Alexander Pushkin, Eugene Onegin. Translated by Charles Johnston. London: Scholar Press. URL: http://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/ENGLISH/onegin_j.txt
- Kamneyedov, M.* Trudnosti perevoda [Translation difficulties] URL: <http://maxpark.com/community/5548/content/6020531> (In Russian).
- Katenin, P.A.* (1965) Izbrannyye proizvedeniya. [Selected Works] M.: L.: Sovetskiy pisatel'. 744 p. (In Russian).
- Kayden, E.* (1964) Alexander Pushkin, Eugene Onegin: A Novel in Verse. Translated from the Russian by Eugene M. Kayden. Yellow Springs, OH: The Antioch Press.
- KHmel'nitskiy, N.I.* (1990) Stikhotvornaya komediya, komicheskaya opera, vodevil' kontsa XVIII – nachala XIX veka [Poetic comedy, comic opera, vaudeville of the end of the XVIII - beginning of the XIX century] / Sostavitel': A.A. Gozenpud. T. 2. L.: Sovetskiy pisatel'. 768 p. (In Russian).
- Kizilov, M.* (2009) Russkiye v Oksforde: kratkiy obzor istorii [Russian at Oxford: a brief overview of the history] // Russkoye prisutstviye v Britanii / Seriya «Russkoye prisutstviye v Britanii». M.: Sovremennaya ekonomika i pravo, P. 101-116. (In Russian).
- Kline, A.S.* (2009) Alexander Pushkin, Eugene Onegin. Translated by A.S. Kline. URL: <http://www.poetryintranslation.com/PITBR/Russian/Onegin1.htm>.
- Lipgart, A.* (1999) Ob angliyskikh perevodakh poezii i dramaturgii A.S. Pushkina [On English translations of poetry and drama A.S. Pushkin] // A.S. Pushkin. Izbrannaya poeziya v perevodakh na angliyskiy yazyk. M.: Rudomino; Raduga. P. 5-20. (In Russian).
- Lotman, YU.M.* Kommentariy k romanu A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin» [Commentary on the novel by A.S. Pushkin "Eugene Onegin"] URL: <https://unotices.com/book.php?id=44737&page=28> (In Russian).
- Lowenfeld, J.H.* (2010) My Talisman, The poetry and life of Alexander Pushkin: Translated with Commentary, and a Biography of Pushkin, New York, NY: Green Lamp Press.
- Mayatskiy, M.* (2011) Neperevodimosti real'nyye i voobrazhayemye. Listaya «evropeyskiy slovar' filosofiy: leksikon neperevodimostey» pod red B. Kassen (2004). [Untranslatable real and imaginary. Leafing through the "European Dictionary of Philosophy: the Lexicon of Untranslatability" edited by B. Cassin (2004).] // Logos 5-6 (84). P. 13-21. (In Russian).
- Met'yurin, CH.R.* (1976) Mel'mot Skitalets. [Melmoth the Wanderer] L.: Nauka (Leningradskoye otdeleniye). 740 p. (In Russian).

- Mishkurov, E.N.* (2018) *Germenevtika perevoda (teoretiko-metodologicheskii standart)*. [Translation hermeneutics (theoretical and methodological standard)]. *Monografiya*. M.: Voen. un-t. 299 p. (In Russian).
- Mitchell, S.* (2008) *Alexander Pushkin, Eugene Onegin: A Novel in Verse Translated with an introduction and notes by Stanley Mitchell*. London, etc.: Penguin Books. [Электронный ресурс]. URL: <http://originalbook.ru/eugene-onegin-by-a-pushkin-english-evgenij-onegin-a-s-pushkin>.
- Nabokov, V.* (1964) *Eugene Onegin. A novel in verse by Aleksandr Pushkin*. Translated from the Russian with a Commentary by Vladimir Nabokov. NY, Pantheon. URL: <https://ru.scribd.com/doc/45082427/Pushkin-nabokov-Trans-eugene-Onegin-bollingen-Vol-1-of-4>
- Nabokov, V.* (1996) *Beseda Vladimira Nabokova s P'yerom Domergom [Conversation of Vladimir Nabokov with Pierre Domerg]* / Per. O. Skonechnaya // ZVEZDA. №11. S. 56-64. (Interv'yū) (In Russian).
- Nabokov, V.* *Brencha na klavikordakh [Clavicord Brench]* / perevod V. Minushina URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika-nabokova/brencha-na-klavikordah.htm> (In Russian).
- Nepomnyashchii, V.S.* *Iz nablyudeniy nad tekstem «Evgeniya Onegina» [From observations on the text of "Eugene Onegin"]* URL: <http://speakrus.ru/articles/uncle1.htm> (In Russian).
- Paterson, D.* (2006) *Fourteen Notes on the Version // Orpheus. A Version of Rilke's Die Sonette an Orpheus*. London: Faber and Faber. P. 73-84.
- Phillipps-Wolley, C.* (1917) *Songs from a Young Man's Land*. Published Toronto: Thomas Allen, Copyright Canada; printed by Warwick Bros & Rutter, Limited, Printers and Bookbinders, Toronto, Canada. URL: 1)<http://maxpark.com/community/5548/content/6020531>; 2)<https://abcbookworld.com/writer/phillipps-wolley-clive/>
- Pushkin, A.S.* (1949) *Poln. sobr. soch. [Full Composition of Writings]*, t. XIII. Izd. AN SSSR, M.-L. 489 p. (In Russian).
- Pushkin, A.S.* *Eugene Onegin* URL: ilibrary.ru/text/436/p.2/index.html (In Russian).
- Radin, D., Patrick, G.* (1937) *Eugene Onegin*. Translated from the Russian of Alexander Pushkin by Dorothea Prall Radin and George Z. Patrick. Berkeley, CA: University of California Press.
- Reyfan, P.* *Kto takoy Mel'mot? [Who is Melmot?]* URL: <http://www.ruthenia.ru/document/505314.html> (In Russian).
- Ricoeur, P.* (2006) *On translation: tr. By Eileen Brennan*. – London; New York: Routledge Taylor & Francis Gr. – 46 p.
- Semenov, A.* (2009) *Moy dyadya samykh chestnykh pravil. [My uncle of the most honest rules]*. URL: aleksey-s.livejournal.com/75874.html (In Russian).
- Spalding, H.* *Eugene Onegin in English Translation*. [Электронный ресурс]. URL: <http://onegininenglish.blogspot.com/2009/02/chapter-one-stanza-one-henry-spalding.html>.
- Vovchenko, E., Novichenkov, A.* (2016) *CHto ob izvestnom romane v stikhakh Aleksandra Pushkina dolzhen znat' kazhdyy? [What should everyone know about the famous novel in verses by Alexander Pushkin?]* URL: <https://godliterary.ru/events-post/10-faktov-o-evgenii-onegine-pushkina> (In Russian).
- Wilson, E.* (1965) *The Strange Case of Pushkin and Nabokov // The New York Review of Books*. URL: <https://www.nybooks.com/articles/1965/07/15/the-strange-case-of-pushkin-and-nabokov/>.
- Zagoskin, M.H.* (1889) [writings] *Soch. v 7t. SPb, 1889. T. 6. 875p.* (In Russian).

Пушкарева Наталия Викторовна
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург (Россия)

Pushkareva Natalia
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg (Russia)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛА В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ)

PROFESSIONAL'S LINGUISTIC PERSONALITY IN RUSSIAN LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN PROSE)

Особенности языковой личности профессионала-ученого рассматриваются в статье как проявление русской языковой картины мира в научном и частном дискурсе. Источником материала послужила повесть Д.А. Гранина «Зубр», в которую включены цитаты из записей речи выдающегося русского биолога Н.В. Тимофеева-Ресовского. На основании концепции языковой личности, сформулированной Ю.Н. Карауловым, анализируются компоненты языковой личности ученого, наблюдающиеся на разных структурных уровнях. Устанавливается набор используемых языковых средств, определяются прагматические задачи их применения. Отмечаются особенности языковой личности ученого как представителя определенной социальной и профессиональной группы. Результаты исследования могут быть применены в теоретических разработках и при подготовке профессионалов, работа которых протекает в контакте с людьми и связана с языковой и исследовательской деятельностью.

The article studies the peculiarities of the professional's language personality as the reflection of the Russian linguistic view of the world in scientific and private discourse. Illustrative material was extracted from D. Granin's novel "The Bison". The novel contains documental quotations of speech of the outstanding Russian biologist N.V. Timofeev-Resovsky. The analysis of the components of the scientist's language personality traced on the different structural levels is provided on the base of the language personality conception formulated by Y.N. Karaulov. The study describes the set of linguistic means used in the material and determines pragmatic goals of their usage. The peculiarities of the scientist's language personality which characterize him as a representative of a certain social and professional group are marked in the paper. The results of the research can be applied to theoretical studies and to the professional training of the specialists who contact people and while working and who are connected to the language and research activities.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, языковая личность профессионала, речевая деятельность ученого, русская проза, повесть Д.А. Гранина «Зубр».

Key words: Russian linguistic view of the world, professional's linguistic personality, speech activity of a scientist, Russian prose, D. Granin's novel "The Bison".

Одной из особенностей русского мировосприятия, традиционно отмечаемой как русскоговорящими, так и иностранными наблюдателями, является уважение к образованию, воспринимаемому как средство достижения личностного, профессионального и социального успеха и как необходимая составляющая развития человека. Образование, обучение в широком смысле на протяжении многих лет входит в набор духовных ценностей русской картины мира как неизменная составляющая. Мысль о нужности образования прослеживается издавна и отражается и в устном народном творчестве, и в художественных произведениях. Успех кампании по ликвидации безграмотности населения в 30-е годы XX в. и последовавшее за этим вовлечение людей в

образовательный процесс сформировали представления о связи образования и получения хорошей работы, а также о возможностях развития личности путем приобщения к культурным ценностям. Подобное отношение к знаниям переносилось на их носителей — профессионалов, от личных качеств которых зависел успех конкретных дел. Стремление дать детям образование и сегодня сохраняет свое место в системе приоритетов, хотя непростые условия жизни современной России выдвигают на первый план вопрос о том, сохраняют ли образование и профессионализм свой высокий ценностный статус.

Как отмечается, «... при переходе от общества созидания к обществу потребления в последнем наращивание интеллектуального потенциала граждан страны уходит на второй план, а престиж профессионала — представителя творческих видов деятельности — падает. Очевидно, что при этом проблемы образования, и прежде всего проблемы высшей школы, теряют свою значимость среди главных для общества приоритетов» [Сенашенко, 2017, с. 37-38]. В то же время исследования показывают, что, несмотря на отмеченные выше обстоятельства, в молодежной среде в целом бытуют достаточно позитивные представления о личности ученого. По мнению молодежи, идеального ученого отличают «целеустремленность, решительность, принципиальность, разносторонность, неординарность, высокая работоспособность, нацеленность на результат, воображение» [Разина, Володарская, 2017, с. 20]. Респонденты считают, что для ученого важны «терпимость к неопределенности, способность правильно сформулировать проблему» [Там же]. Таким образом, образ сотрудника научной сферы включает в себя характеристики независимой, психологически устойчивой и многогранной личности, способной четко выражать свои мысли. Во многом эта ситуация связана и с изменениями условий, в которых развивается наука и общество в целом. Кроме владения специальной информацией и навыками практической работы, важными качествами профессионала, в том числе и работника научно-образовательной сферы, оказываются сегодня коммуникативная компетентность, позволяющая вести дискуссию с коллегами и людьми иного круга, и широкий кругозор, предоставляющий профессионалу аналогии и материал для размышления. В этой связи актуальным становится понятие языковой личности профессионала, структура которой соответствует решаемым задачам и способствует успеху коммуникации во всех сферах деятельности и в межличностном общении.

Понятие языковой личности, введенное Ю.Н. Карауловым, позволяет соотнести речевую деятельность человека с индивидуальными качествами его характера, условиями существования, профессиональной активностью, личными вкусами и пристрастиями. Речевые характеристики личности выявляются на широком историко-культурном фоне, отражающем судьбы народа, к которому относится индивид. В структуре языковой

личности взаимодействуют несколько уровней: нулевой, на котором прослеживаются «системно-структурные данные о состоянии языка в соответствующий период»; первый, демонстрирующий «социальные и социолингвистические особенности языка общности, к которой относится рассматриваемая личность»; второй, предоставляющий «сведения психологического плана, обусловленные принадлежностью изучаемой личности к более узкой референтной группе или целевому коллективу и определяющие те ценностно-установочные критерии, которые и создают уникальный неповторимый эстетический и эмоционально-риторический колорит» дискурса языковой личности [Караулов, 2010, с. 42]. Языковая личность актуализируется в рамках национальной языковой картины мира, способствуя передаче основных идеологических, этических и эстетических норм посредством языка. Традиционное восприятие образованности, коммуникативной компетентности и профессионализма как необходимых качеств положительно оцениваемого деятеля делает значимым компонентом русской языковой картины мира языковую личность профессионала. В русской прозе присутствует ряд персонажей, соответствующих этому описанию.

Особое место среди русских литературных персонажей-профессионалов занимает ученый, как правило, специалист по естественным наукам или врач. Персонажи-ученые не просто служат проводниками научных теорий — они в подавляющем большинстве выступают в роли камертонов, откликаясь на происходящие события, а также оказываются хранителями нравственных принципов, профессиональной этики, духовных и культурных ценностей. В русской картине мира сложилось восприятие ученых как людей, связанных с духовной сферой развития человека; это соответствует современному взгляду на взаимосвязь науки, образования и развития общества, отраженному в опубликованном в 2005 г. докладе ЮНЕСКО «К обществам знаний» [Доклад]. По словам В.К. Журавлева, «Истинно русский ученый вносит в свои исследования начала *созерцательности, творческой свободы* (курсив автора — Н.П.) и живой ответственности, совести, вдохновенной любви к своему предмету, обладает редчайшей способностью подняться до созерцания целого» [Журавлев, 2004, с. 42-43]. Именно в этом проявляется «национальный характер, менталитет русского ученого, не собственно этнически русского, но ученого, возвращенного в лоне русских культурно-исторических традиций» [Там же, с. 42].

Яркий образ русского ученого возникает в повести Д.А. Гранина «Зубр»⁷⁹, посвященной замечательному биологу Н.В. Тимофееву-Ресовскому (1900-1981). Повесть

⁷⁹ По словам ученика Н.В. Тимофеева-Ресовского В.И. Иванова, название повести «Зубр», опубликованной в 1987 г., «прижилось как посмертное прозвище Николая Владимировича» (Н.В. Тимофеев-Ресовский. Воспоминания, М., 1995, с.7).

построена как чередование авторского текста и высказываний героя; обе эти составляющие дополняются мнениями людей, встречавшихся с ученым в различные годы. Реплики героя в тексте основаны на магнитофонных и рукописных записях рассказов Н.В. Тимофеева-Ресовского, вошедших позднее в книгу его воспоминаний⁸⁰. Таким образом, с одной стороны, в художественном произведении присутствует уникальный материал, привносящий элемент документальности и предоставляющий поле деятельности для исследования структуры языковой личности конкретного человека.

Н.В. Тимофеев-Ресовский притягивал людей своим жизнелюбием, энергией, поглощенностью наукой, и все эти качества проявляются в его поступках и в речевой деятельности. Он был не только неординарным человеком и талантливым ученым, но и блестящим лектором, способным говорить о сложных вещах простыми словами. Речевая деятельность героя (лекции, воспоминания об учителях и коллегах, рассказы о предках, изложения научных концепций, рассуждения на далекие от биологии темы и т.п.) по мере развертывания повествования выдвигается на первый план, переплетающиеся сюжетные линии оттеняются афоризмами или рассказами персонажа.

Воспоминания учеников и продолжателей дела Н.В. Тимофеева-Ресовского проливают свет на еще одну грань его натуры — педагогический дар. Основной формой, применяемой им для обучения и вовлечения людей в научную деятельность, были лекции, за которыми следовали обсуждения и дискуссии. Жанровые и языковые особенности лекции и научной дискуссии определяются их прагматикой, а именно необходимостью разъяснения и доказательства научной позиции, стремлением к убеждению слушателей, а также нацеленностью на привлечение сторонников. Научный дискурс преследует двойную цель: он «предполагает воздействие на сферу мышления (ориентирован прежде всего на разум, сознательность, здравый смысл человека и подразумевает наличие способности принимать взвешенные, рациональные решения, делать логические умозаключения) и в меньшей степени на чувственную сферу реципиента» [Мухина, 2019, с. 791]. Следовательно, кроме необходимых научному дискурсу объективности, точности и документированности, произведения названных выше жанров должны содержать набор элементов для привлечения и удержания внимания аудитории. Важным фактором, влияющим на речевую деятельность ученого в этих жанрах, оказывается личностное отношение к предмету беседы: научный, или академический дискурс насыщается оценочностью, «именно через оценочность достигается столь необходимое понимание, которое способствует достижению общих и индивидуальных образовательных целей»

⁸⁰ Тимофеев-Ресовский Н.В. Воспоминания. М: Издат. группа «Прогресс», «Пангея». 1995.

[Водяницкая, 2019, с. 687-688]. Демонстрация пристрастного отношения к материалу воздействует на аудиторию, способствуя как запоминанию материала, так и восприятию научной позиции лектора.

В лекциях Н.В. Тимофеева-Ресовского использовались самые различные приемы и тактики: широкий тематический спектр аналогий и отступлений, разнообразие языковых средств, выбор конструкций, повышавших экспрессию высказываний, совмещение в речи различных речевых масок — все это позволяло воздействовать на слушателей, убеждая их и подводя к необходимым выводам или к новым задачам. Языковая личность Зубра имеет мощную культурную базу, в которой центральное место занимает русская литературная классика. Цитаты и прецедентные имена постоянно возникают в речи ученого, однако он обращается с этими вкраплениями вольно, трансформируя и дополняя их: «...*протопоп Аввакум, которого Зубр чрезвычайно чтит, цитировал и приписывал ему свои собственные изречения для пущего авторитета: — Вернемся на первое, как говаривал **протопоп Аввакум**, и посмотрим, почему же сие важно в-пятых, и увидим, что в-пятых сие вовсе и не важно*» [Гранин, 2017, с. 297].

Протопопу Аввакуму приписан вопрос, который в рассказе Н.С. Лескова «Шерамур» (1879) священник задает ученику, однако парадоксальное завершение высказывания принадлежит самому Зубру. Упоминание исторического персонажа, знаменитого своим неистовым характером и писательским даром, выделяет завершающий лекцию пассаж и подталкивает слушающих к восстановлению в памяти информации, связанной с Аввакумом. В итоге новые научные знания сопровождаются в сознании слушателей яркой деталью, что усиливает запоминание. При этом актуализируется культурный запас слушателей — участники семинаров и биошкол, руководимых ученым, были достаточно хорошо начитаны и могли расшифровать интертекстуальные включения и отсылки к различным произведениям. По словам автора повести, участники семинаров, «*Читали, вчитывались, запоминали, цитировали. В их речи то и дело звучали строки, фразы, стихи*» [См: Гранин, 2017, с. 412]. Цитировал и сам Тимофеев-Ресовский, порой вольно изменяя исходный текст. Так, например, выглядела его любимая присказка: «*Кончено дело, зарезан старик, / Дунай серебрится, блистая*» [Гранин, 2017, с. 314]. Начало строки взято из стихотворения А.К. Толстого «Как филин поймал летучую мышь...» (1841), оно соответствует исходному тексту, а финальная часть — творческая «доработка» ученого. Подобные умственные упражнения подстегивают интерес и развивают слушателей, расширяя их кругозор и предоставляя новые просторы для мысли.

Приведенные примеры не просто демонстрируют богатство языковой личности героя — они показывают развитость и функциональную гибкость сложившейся к XX в.

системы русского литературного языка, готовой к обслуживанию всех видов человеческой деятельности. Нулевой уровень исследуемой языковой личности оказывается весьма информативен и разнообразен. Не менее интересны особенности первого уровня. Привычное для героя обращение в процессе профессиональной коммуникации к литературным текстам подтверждает мысль о литературоцентричности русской культуры [Перова, 2014, с. 152] и одновременно указывает на коммуникативные особенности и пристрастия того круга собеседников, которому адресованы высказывания.

Личностные особенности героя ярче всего проявляется на втором уровне языковой личности. Большая часть записей устной речи Тимофеева-Ресовского в повести состоит из рассуждений на профессиональные темы. Образцы его профессионального дискурса отступают от канонов научного стиля, требующего отстраненности и объективности [ЭССРЯ, 2003, с. 89]. Высказывания ученого насыщены парадоксальными суждениями, включают в себя разговорные обороты и оценочные единицы, как с положительной, так и с отрицательной коннотацией. Лектор не стесняется в выражениях, обосновывая неверность какого-либо суждения: *«Биохимией называют у нас те случаи, когда **скверные химики** занимаются **грязными и плохими работами** на **малоподходящем** для химии материале. Не это биохимия. Биохимия — это физико-химический структурный анализ активных макромолекул»* [Гранин, 2017, с. 419]. Оценка человека науки обычно сопровождается оценкой результатов его работы: *«...многое Вавилов получил от Бэтсона, который был **одним из самых образованных** генетиков. В восьмидесятые годы он выпустил **замечательную** книгу «Изменчивость животных» - **толстенная штука**, в которой собран **громадный** материал по изменчивости биологической и физиологической. **Читать ее нельзя, ею можно пользоваться. Вообще читать** научные книги **не стоит, ими надо пользоваться. А читать надо** Агату Кристи...»* [Гранин, 2017, с. 415]. Отрывок распадается на две части как по смыслу, так и конструктивно. В первой части эксплицировано мнение героя, характеризующее личность и результаты деятельности английского биолога, одного из основателей генетики и автора термина «генетика» Уильяма Бэтсона (1861-1926). Словосочетание *один из самых образованных* и прилагательные *замечательный, громадный* не выходят за рамки привычного научно-популярного стиля. Разговорное выражение *толстенная штука* снижает пафос рассказа и может быть истолковано двояко: как выражение неодобрения большого объема книги и как демонстрация восхищения им. Положительные оценки автора и книги уравниваются во второй части резюмирующими высказываниями, казалось бы, опровергающими это мнение. Инфинитивные предложения с модальными словами и с безличным глаголом (*не стоит* в финале приведенного отрывка передают «модальную оценку» [Виноградов, 1950,

с. 66], которая в сочетании с лексическим наполнением фразы представляет тему беседы в неожиданном ракурсе и отражает характерные черты личности выступающего. Синтаксическая организация отрывка вынуждает читателя домысливать интонационные особенности экспрессивной речи героя; главную роль в этом играет фразовое ударение, то есть «интонационно-просодическая единица, оформляющая законченность фразы и выражение ее коммуникативного типа <...> в большинстве языков реализуется в зоне последнего ударного слога фразы» [ЛЭС, 1990, с. 561]. Значимо также и противопоставление контекстуальных значений глаголов *читать* и *пользоваться*, которое могло бы быть развернуто в отдельное авторское отступление.

Афористичность и парадоксальность присутствует в любом жанре устной речи героя: от лекции до воспоминаний. Много их в беседах о науке и экспериментальной деятельности: «*Кнопка «стоп» — самое мудрое техническое изобретение. Я ее в каждом приборе прежде всего ищу. Аппаратура, — ворчал он, — должна быть оптимальной, а не максимальной точности*» [Гранин, 2017, с. 427]. Кроме неожиданного содержания высказывания на слушателя воздействует структура предложения, оба главных члена, которого выражены существительными. Такие конструкции типичны в научном стиле при формулировке определений (как это сделано в предыдущем примере), противоречащее ожиданиям слушателей.

По свидетельству Д.А. Гранина, речи ученого была свойственна формульность: «...формулы его запоминались, усваивались: «*Леонардо всерьез гениальный человек. Всерьез гениальный человек это здоровый человек. Бывает такой масштаб личности, что не поймешь, человек это или бог*» [Гранин, 2017, с. 653]. Предельная экономичность языковых средств, то есть та же самая структурная модель определений (подлежащие и сказуемые в двух предложениях выражены существительными) формирует безапелляционное заявление. Высказыванию присущи краткость, сведенное к минимуму присутствие второстепенной информации, выражаемой определениями и наречиями, точность дефиниций; преимущественно используются простые предложения, в которых преобладают глагольные формы. Все средства нацелены на создание мгновенно запоминающейся сентенции. Языковые особенности лекций Н.В. Тимофеева-Ресовского соответствуют пушкинским принципам точности и краткости, с учетом того, что проза (научная в том числе) «*требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат*» [Пушкин, 1978, с. 12-13]. Тенденции и приемы русской классической литературы вплетаются в русский научный дискурс, а знакомство с классикой помогает слушателям воспринимать выстроенные таким образом выступления.

Краткость и точность формулировок вполне уживались в научных выступлениях

Зубра с экспрессивными разговорными конструкциями, как, например, в речи «во славу дрозодилы»: *«Незаменимый объект! Быстро размножается. Потомство большое. Наследственные признаки четкие. Мутацию не спутать с нормальной. Глаза красные, глаза белые»* [Гранин, 2017, с. 362]. Преимущественно простые короткие предложения с небольшим количеством второстепенных членов не позволяют слушателю отвлечься от основной темы. Неполнота высказываний и свойственное разговорной речи отсутствие эксплицированных связей между ними подталкивают слушателей к работе по заполнению смысловых лагун: *Мутацию не спутать с нормальной. Глаза красные, глаза белые.* Реплика адресована кругу единомышленников, в расчете на то, что они легко восстановят несказанное.

При этом в рассказах о коллегах или учителях персонаж не отказывается от сложных предложений с четко выраженной связью между частями: *«Вы, неспециалисты, не представляете себе того огромного материала по изменчивости, которым владел Николай Иванович (Вавилов — Н.П.). И вот не тонуть в этом огромном материале, найти какие-то генетические закономерности за этим многообразием — дар особый, им он владел в совершенстве. Я могу об этом судить потому, что мне пришлось заниматься системной изменчивостью и я представляю способности, какие надо было иметь молодому Вавилову, чтобы не захлебнуться, как захлебывается большинство»* [Гранин, 2017, с. 413]. Воспоминания о предках Тимофеев-Ресовский выстраивает в разговорной традиции, смешивая лексику различных стилистических пластов: *«При Петре один из молодых Всеволожских полюбился царю и был послан за границу учиться в числе прочих абитуриентов. Вернувшись, как положено, стал работать на благо отечества. Заимел дом в Санкт-Петербурге, процветал. Однако при Бироне, когда петровским птенцам приходилось плохо, его однажды предупредили об аресте, и он драпанул с чадами на своей лошадиной тяге»* [Гранин, 2017, с. 303-304].

Зафиксированные реплики Н.В. Тимофеева-Ресовского свидетельствуют о его умении пользоваться языковыми ресурсами для привлечения внимания слушателей, для развлечения их и себя, а также для достижения целого комплекса практических целей коммуникации. Языковая личность ученого в полной мере реализуется на всех структурных уровнях, оказывая непреодолимое воздействие на слушателей. Языковую личность Н.В. Тимофеева-Ресовского отличала пластичность, выражающаяся в свободном владении функциональными стилями языка и широким спектром коммуникативных навыков, в умении менять речевые маски в зависимости от коммуникативной ситуации. Как пишет Д.А. Гранин, «слушать его было интересно. Все оживало с его появлением, попадало под напряжение. Его просили говорить, его хотелось слушать» [Гранин, 2017, с. 648]. Все это

приводило к расширению рамок дискуссий, поиску аналогий и моделей для дальнейшего осмысления научных проблем, подталкивало слушателей-профессионалов к саморазвитию и самостоятельному мышлению. Иными словами, в речевой деятельности ученого решаются различные задачи, от профессиональных (поиски решений научных задач) до частных (создание комфортной среды для межличностного общения). В этом процессе задействованы все уровни языковой личности, однако второй уровень проявляется более ярко: важной особенностью индивидуального профессионального дискурса Н.В. Тимофеева-Ресовского оказывается оценочность, отражающая его заинтересованность и личностное отношение к научной деятельности и к жизни вообще. Исследование языковой личности профессионала позволяет оценить кругозор и спектр интересов человека, его систему ценностей и способов выражения смыслов в разных типах дискурса. При этом профессионал предстает не только как деятель, достигший значимых результатов в какой-то сфере, но и как человек, придерживающийся определенных этических и эстетических критериев, вокруг которых организуется его профессиональная и частная жизнь. Человек науки предстает как индивидуум, нацеленный на поиски истины и несущий ответственность за результаты своего труда. Способы вербального представления ученым гипотез и их доказательства приоткрывают завесу над ходом его мысли, показывая истоки решений и подходов. Таким образом, исследование языковой личности профессионала-ученого имеет не только теоретическую, но и практическую ценность для образовательного процесса и для отбора дисциплин и специальных курсов при обучении будущих специалистов.

Список литературы:

- Виноградов В.В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка АН СССР. Т. 2 М., 1950. С.38-79.
- Водяницкая А.А.* Академический дискурс: оценочность в продвижении образовательных технологий // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике. Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике 16–18 мая 2019 года. Москва – Тамбов – Нижний Новгород. 2019. Нижний Новгород: Изд-во ДЕКОМ, 2019. С.683-688.
- Гранин Д.А.* Мой лейтенант; Зубр. М.: Изд-во «Э», 2017. 672 с.
- Журавлев В.К.* Русский язык, русский национальный характер и облик русского ученого // Семиотика. Лингвистика. Поэтика: К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. М.: Языки славянской культуры, 2004 (Studia philologia). 776 с. С.36-46.
- К обществам знаний.* [Электронный ресурс] / Доклад ЮНЕСКО. — 2005. — Режим доступа: <https://www.ifap.ru/library/book042.pdf> (Доклад)
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* М: Советская энциклопедия, 1990. 685 с. (ЛЭС)
- Мухина Ю.Н.* Лингвосенсорика научного дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике. Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике 16–18 мая 2019 года. Москва – Тамбов – Нижний Новгород. 2019. Нижний Новгород: Изд-во ДЕКОМ, 2019. С.790-795.

Перова Е.Ю. Литературоцентричность русской культуры // Вестник МГЛУ. Вып. 21(707). 2014. С.152–159.

Пушкин А.С. О прозе // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. 1978б. С.12–13.

Разина Т.В., Володарская Е.А. Образ идеального ученого у современной российской молодежи // Российский психологический журнал, 2017. Т.14, №4. С.8-25.

Сенашенко В.С. О престиже профессии «преподаватель высшей школы», ученых степеней и ученых званий // Высшее образование в России, №2, 2017. С.36-44.

Тимофеев-Ресовский Н.В. Воспоминания. М: Издат. группа «Прогресс», «Пангея». 1995. 382 с.

Энциклопедический стилистический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука — 2003. — Режим доступа: <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/89-Научный%20стиль> (ЭССРЯ)

Список используемых в статье сокращений:

Доклад — К обществам знаний. / Доклад ЮНЕСКО. 2005.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М: Советская энциклопедия, 1990.

ЭССРЯ — Энциклопедический стилистический словарь русского языка. М.: Флинта, Наука. 2003.

References:

Granin D.A. Moi leutenant; Zubr [My lieutenant; The Bison]. M.: Izd-vo «E», 2017. 672 p. (In Russ.)

Ehntsiklopedicheskii stilisticheskii slovar' russkogo yazyka [Encyclopedic stylistic dictionary of Russian language] [Ehlektronnyi resurs] / Pod red. M.N. Kozhinoi. M.: Flinta, Nauka — 2003. — Available at: <https://rus-stylistics-dict.slovaronline.com/89-Научный%20стиль> (In Russ.)

K obshchestvam znanii [To the societies of knowledge]. [Ehlektronnyi resurs] / Doklad YUNESKO. — 2005. — Available at: <https://www.ifap.ru/library/book042.pdf> (In Russ.)

Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. M.: Izd-vo LKI, 2010. 264 p. (In Russ.)

Lingvisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. M: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1990. 685 p. (In Russ.)

Mukhina Yu.N. Lingvosensorka nauchnogo diskursa [Sensory features of scientific discourse] // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXVII. Integrativnye protsessy v kognitivnoi lingvistike. Materialy Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoi lingvistike 16–18 maya 2019 goda. Moskva – Tambov – Nizhnii Novgorod. 2019. Nizhnii Novgorod: Izd-vo DEKOM, 2019. P.790–795. (In Russ.)

Perova E.Yu. Literaturotsentrichnost' russkoi kul'tury kak osobennost' natsional'nogo mirovospriyatiya // Vestnik MGLU. Vyp. 21(707). 2014. P.152–159. [The central part of literature in Russian culture as a feature of national perceptions] // Vestnik MGLU. Vyp. 21(707). 2014. P.152–159. (In Russ.)

Pushkin A.S. O proze [On prose] // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenii v 10 t. T. 7. L.: Nauka. Leningr. otd-nie. 1978b. P.12–13. (In Russ.)

Razina T.V., Volodarskaya E.A. Obraz ideal'nogo uchenogo u sovremennoi rossiiskoi molodezhi [The image of an ideal scientist among modern Russian youth] // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal, 2017. T.14, №4. P.8–25. (In Russ.)

Senashenko V.S. O prestizhe professii «prepodavatel' vysshei shkoly», uchenykh stepeni i uchenykh zvaniy [On the prestige of the university teacher profession, postgraduate academic degrees and titles] // Vysshee obrazovanie v Rossii, №2, 2017. P.36–44. (In Russian)

Timofeev-Resovskii N.V. Vospominaniya [Reminiscences] M: Izdat. gruppya «Progress», «Pangeya». 1995. 382 p. (In Russian)

Vinogradov V.V. O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom yazyke [On the category of modality and modal words in Russian language] // Trudy instituta russkogo yazyka AN SSSR. T. 2. M., 1950. P.38–79. (In Russian)

Vodyanitskaya A.A. Akademicheskii diskurs: otsenochnost' v prodvizhenii obrazovatel'nykh tekhnologii [Academic discourse: evaluation in promoting education technologies] // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXVII. Integrativnye protsessy v kognitivnoi lingvistike. Materialy Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoi lingvistike 16–18 maya 2019 goda. Moskva – Tambov – Nizhnii Novgorod. 2019. Nizhnii Novgorod: Izd-vo DEKOM, 2019. P.683–688. (In Russian)

Zhuravlev V.K. Russkii yazyk, russkii natsional'nyi kharakter i oblik russkogo uchenogo [Russian language, Russian national character and the image of Russian scientist] // Semiotika. Lingvistika. Poehtika: K

stoletiyu so dnya rozhdeniya A.A. Reformatskogo. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004 (Studia philologia). 776 p. P.36–46. (In Russian)

Abbreviations used in the article:

Доклад — К obshchestvam znaniy [To the societies of knowledge] / Doklad YUNESKO. 2005.

ЛЭС — Lingvisticheskii ehnsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. M: Sovetskaya ehnsiklopediya, 1990.

ЭССРЯ — Ehnsiklopedicheskii stilisticheskii slovar' russkogo yazyka [Encyclopedic stylistic dictionary of Russian language]. M.: Flinta, Nauka. 2003.

Разумовская Вероника Адольфовна
Сибирский федеральный университет
г. Красноярск (Россия)

Тарасенко Татьяна Васильевна
Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева
г. Красноярск (Россия)

Razumovskaya Veronica
Siberian Federal University
Krasnoyarsk (Russia)
Tarasenko Tatiana
Reshetnev Siberian State University
of Science and Technology
Krasnoyarsk (Russia)

ПАМЯТЬ: МЕГАОБЪЕКТ НАУКИ, ИСКУССТВА И ПЕРЕВОДА

MEMORY: MEGAOBJECT OF SCIENCE, ART AND TRANSLATION

В статье рассматриваются вопросы памяти, ставшей в современном научном дискурсе популярным объектом исследования. Память переводчика описывается как гетерогенный феномен, существующий в двух основных контекстах – психофизиологическом и культурологическом. С позиций психологии и физиологии краткосрочный и долгосрочный виды памяти являются основными мнемическими системами, которые напрямую обеспечивают возможность осуществления устного перевода. Способность сохранения наиболее значимой части культурной информации на длительное время определяется в работе как культурная память – информационный феномен, являющийся внешним измерением человеческой памяти, имеющий временной и социальный аспекты, социальную традицию и предполагающий социальную коммуникацию. Культурная память, которая традиционно рассматривается относительно деятельности письменного переводчика, играет важную роль и в процессе устного перевода. Все виды памяти находятся в отношении дополнительности и непосредственно связаны с формированием и функционированием переводческой компетенции. В контексте переводческой деятельности более правильным будет говорить не о различных видах памяти у переводчика, а об ее различных уровнях и, прежде всего о биологическом и культурном уровнях. «Археология» культурной памяти переводчика рассматривается как совокупность приемов, обеспечивающих качество перевода.

The article deals with the issues of memory, which has become a popular research object in modern scientific discourse. Translator /interpreter's memory is described as heterogeneous phenomenon, which exists in two main contexts – psychophysiological and culturological. From the point of view of psychology and physiology short-term and long-term memory are the main mnemonic systems providing the possibility of interpreting activity. The ability to preserve the most significant part of cultural information over a long period is defined in the paper as cultural memory, which is an external dimension of human memory, has temporal and social aspects, tradition and involves social communication. Cultural memory, which is traditionally considered in relation to the activities of a translator, also plays an important role in the interpretation process. All memory types are in complementarity relation and are directly related to the formation and functioning of translation competence. In the context of translation activity, it would be more correct to speak not about the different types of translator's memory, but about its different levels and, above all, the biological and cultural ones. The "archeology" of translator /interpreter's cultural memory is considered as a set of techniques providing the quality of translation.

Ключевые слова: переводческая деятельность, межъязыковой перевод, краткосрочная и долгосрочная память, культурная информация и память, переводческая компетенция, «археология» культурной памяти.

Key words: translation activity, interlingual translation, short-term and long-term memory, cultural information and memory, translation competence, "archeology" of cultural memory.

Современный научный дискурс имеет отличительной особенностью появление ряда мегаобъектов, регулярно рассматриваемых в различных областях науки и научных парадигмах, а также и в других областях деятельности человека и, прежде всего, в области искусства. Информационная сложность мегаобъектов диктует необходимость обращения к ним с позиции общенаучного принципа дополнительности, предложенного физиком Н. Бором почти 100 лет назад. Данный принцип во многом созвучен с новаторскими идеями методологического плюрализма (К. Поппер, Л. Берталани, Дж. Мидгли) и позволяет детально оценить различные стороны объектов исследования, определить методологию приемлемую для их изучения и объединить научные подходы и категории, который не принадлежат одной области знаний или искусства, но способны наиболее эффективному решению научных задач. Таким образом, объекты науки и искусства и связанные с ними исследовательские задачи рассматриваются с позиции новаторский научной унификации. Согласно указанному принципу конкретный объект может быть рассмотрен и описан с взаимоисключающих, но не противоречащих друг другу точек зрения. Отстаивая свою идею эпистемологической дополнительности, Бор подчеркивал, что предложенная им методологическая идея способна по-новому осознать ситуацию в науке, которая возникла в результате традиционной специализации. Ученый считал, что ситуация в науке имеет аналогию с общими трудностями образования человеческих понятий, возникающими в результате традиционного насильственного разделения субъекта и объекта. Понятие и принцип дополнительности были впервые применены для квантовой механики, но достаточно быстро они вышли за пределы чисто физических проблем в силу своей очевидной методологической общности и универсальности, что в итоге позволило сформулировать универсальный научный принцип дополнительности. Несомненная важность и значимость принципа дополнительности для процесса научного анализа постулируется ученым в следующем высказывании: «...наша способность анализировать гармонию окружающего мира, и широта его восприятия всегда будут находиться во взаимно исключающем, дополнительном соотношении» [Бор, 1961, с. 87-88]. Приведенное высказывание Бора справедливо не только исключительно для научных объектов и процессов, но и для объектов и процессов искусства и для других сфер деятельности человека. Таким образом, данный научный принцип оказывается напрямую связанным с проблемой единства знания и приобретает статус универсальности. Необходимо подчеркнуть, что плодотворная идея единства знаний может быть сформулирована и как идея единства информации. Таким образом, осознание проблемы единства информации созвучно с радикальными изменениями представлений современного человека об

окружающей реальности, с фундаментальной перестройкой установок на понимание природы структурности реальности, что в конечном итоге и обеспечивает преодоление феноменологизма [Солонин, 1995].

Одним из наиболее значимых современных мегаобъектов, бесспорно, является память, ставшая в последнее время сверхпопулярным объектом науки и искусства. П. Нора, французский историк и автор оригинальной концепции «мест памяти» [Нора, 1999], эксплицитно заявляет в своей работе о всемирном торжестве памяти [Нора, 2005].

Одной из значимых ипостасей памяти становится ее репрезентация в художественном творчестве. Так ярким примером большого интереса к феномену памяти в пространстве художественного текста служит опубликованная в 2017 году и ставшая одним из самых заметных литературных явлений последнего времени книга М. Степановой «Памяти памяти». Художественный текст Степановой – это не просто ретроспективная проза, проза-воспоминание, исследование автором истории своей семьи на протяжении нескольких поколений, собрание свидетельств и мемуаров, детальное рассмотрение и описание вещей, предметов и фотографий из прошлого. Интересно, что литературный критик Н. Александров определяет повествование Степановой как «археологическое» путешествие по местам прошлого (ср. с концепцией «мест памяти» П. Нора), что и делает художественный текст прямым результатом «археологии» памяти: «Это пытлиное, утонченное исследование самой сути памяти, живой/мертвой воды человеческого мышления вообще (ведь без памяти нет мысли)» [Александров]. Книга основана на трудных поисках и важных находках «археологии» памяти и связанных с ними эмоциях не только отдельного человека, но и семьи, страны, различных поколений. Нарратив произведения помещен в широкий контекст российской и мировой культуры.

Возвращаясь к приведенному выше тезису о насильственном разделении субъекта и объекта науки и искусства, можно с уверенностью утверждать, что такое разделение в полной мере очевидно в предметном поле переводоведения, в осмыслении переводческой деятельности, где центральным субъектом является переводчик с разнообразными механизмами памяти и переводимый текст (объект перевода), являющийся хранилищем культурной информации и памяти. Признавая бесспорные и существенные отличия между устным и письменным видами перевода, необходимо отметить наличие инвариантных категорий, объединяющих указанные виды перевода в переводе как уникальной коммуникативной деятельности. К таким категориям традиционно относят тексты оригинала и перевода, единицу перевода и т.д. Одной из таких инвариантных (но еще недостаточно изученных) категорий перевода, бесспорно, является память. Память переводчика (центрального субъекта переводческой деятельности) является уникальным

гетерогенным феноменом, регулярно представленном в двух основных контекстах – психофизиологическом и культурологическом. С позиций психологии и физиологии краткосрочный и долгосрочный виды памяти считаются основными мнемическими системами, которые напрямую обеспечивают возможность устного перевода. Кратковременная память традиционно рассматривается как главная система, в которой происходят процессы текущей переработки информации [Козелецкий, 1979, с. 44]. Кратковременная память нередко определяется в специальных работах как оперативная память [Аткинсон, 1980, с. 54]. Рассматривая кратковременную память, исследователи отмечают ее активную роль при переработке информации, быстроту и точность ее функционирования и также определяют ее как память активную, буферную или рабочую [Алексеева, 2019]. Кратковременная память считается необходимым компонентом устной переводческой деятельности, обеспечивающей ее возможность и далее успешность.

В отличие от кратковременной долговременная память (долгосрочная, вторичная, перманентная, длительная) является главным хранилищем знаний человека, являющихся результатом его непосредственного и опосредствованного опыта. Такой вид памяти в последнее время стал рассматриваться не как статичное хранилище информации, а как некая динамичная познавательная структура, посредством которой происходит активный процесс включения тех или иных сведений в систему уже имеющихся знаний. В отличие от кратковременной памяти важной характеристикой долговременной памяти является практически неограниченный объем. Взаимодействие данных видов памяти получило в современном переводе различное осмысление, варьирующее от их традиционного противопоставления как обособленных функциональных блоков до признания их тесной связи, общности при различии ряд процессов на уровне кодировки, хранения и извлечения той или иной информации, включенной в определенные когнитивные структуры [Алексеева, 2019]. Интересными являются сомнения исследователей памяти относительно ограниченности объема кратковременной памяти. Различия в длительности хранения информации не могут быть достаточным аргументом для разделения рассматриваемых видов памяти. Так И. Хофман, выступающий против разграничения кратковременной и долговременной памяти и предпочитающий говорить об активной памяти переводчика, считает, что ограниченность объема кратковременной памяти необходимо «понимать не как ограниченность числа “ячеек” в статическом блоке памяти, а как указание на ограниченность возможностей механизма кодирования» [Хофман, 1986, с. 250]. Выполняя роль буфера, кратковременная память осуществляет сортировку поступившей переводчику информации: стирает или отправляет ее в долговременную память. В данном вопросе мы разделяем мнение исследователей устного перевода о том, что функционирование

оперативной памяти по буферному принципу свидетельствует, прежде всего, об ограниченных возможностях конкретного субъекта перевода. В данном контексте интересен следующий постулат: объем кратковременной (оперативной) памяти не является постоянным, и удерживаемые в ней смыслы имеют разные количественные и качественные показатели в зависимости от степени владения субъектом иностранным языком. Т.Д. Алексеева отмечает, что при недостаточно владении иностранным языком можно говорить о низком уровне оперативных смыслов, так как информативная избыточность лингвистических элементов воспринимаемого сообщения является низкой и переводчику приходится запоминать практически каждое услышанное слово. При свободном владении иностранным языком речь оратора аудировается переводчиком непосредственно: внимание аудитора концентрируется не на осознании языковой формы, а на осознании смысла или содержания речевого сообщения. В этом случае оперативные смыслы обладают качественно другими характеристиками, и их можно отнести к высшим уровням оперативных смыслов [Алексеева, 2019, с. 18-19].

Если краткосрочная и долгосрочная память относятся к психофизиологическому аспекту переводческой деятельности, то переход к культурному аспекту происходит при обращении к феноменам культурной информации и памяти. Способность субъекта сохранять определенную (наиболее значимую) часть культурной информации на протяжении длительного времени получило в научном дискурсе определение культурной памяти. Понятие культурной памяти подразумевает, прежде всего, внешнее измерение памяти человека и имеет временной и социальный аспекты, социальную традицию, предполагает социальную коммуникацию [Assmann, 1992]. Считается, что данный вид памяти не наследуется индивидуально, а передается в коллективе посредством культурной и научной традиций, а также образовательных институтов. Данное явление выходит за рамки культурного опыта отдельного индивида и отражает наиболее значимое прошлое, общее для определенного народа, нации или даже для большинства человечества. Именно введение в научный обиход понятия культурной памяти переместило проблемы исследования памяти из традиционных областей биологии и психологии в область культуры, что радикально изменило методологию и исследовательские подходы изучаемого явления. Данное перемещение стало наглядным свидетельством о движении современной научной мысли к единству знаний. Культурная память является символической формой передачи (трансляции) и актуализации культурных смыслов и предполагает не фактографическое и чисто понятийное восприятие культуры, а ее семантическое и ценностное освоение и интерпретацию. Именно культурная память способствует пониманию во всем его многообразии единства мира, в котором каждое

явление существует во множестве ценностно-смысловых контекстов. В различных подходах к ее изучению культурная память также определяется как коллективное явление или как коллективная память [Halbwachs, 1968], социальная память [Warburg, 1992], а также как надындивидуальный механизм хранения и передачи сообщений (текстов) и выработки новых сообщений [Лотман, 1992].

В настоящее время культурная память стала популярным объектом комплексных междисциплинарных исследований в различных областях знаний: литературоведении, философии, религиоведении, социологии, истории, теологии, антропологии, этнологии, этнографии, лингвистике и т.д. Сравнительно недавно культурная память стала объектом переводоведения и, прежде всего, переводоведения художественного [Razumovskaya, 2012; Масленникова, 2016].

Успешность и достоверность результатов научного изучения культурной памяти в различных сферах деятельности человека во многом зависит от точности определения и применения эффективной методологии исследования и его направления. Так неотермин и необъект «археология знания», предложенный М. Фуко [Foucault, 1969], предполагает, что именно текст (как письменный, так и устный) является одним из традиционных форм и мест хранения культурной информации и, соответственно, культурной памяти. В данном случае именно «археология» становится эффективным методом извлечения архивированной в тексте культурной информации. Переводчик проецирует на воспринимаемый текст свой культурный опыт, культурную память, что помогает ему правильно воспринимать и далее декодировать получаемую культурную информацию. К сложному процессу перевода деятельности позже подключаются психофизиологические механизмы памяти. Дидактика и методика перевода говорят о том, что гиперфункцией переводческой деятельности является интерлингвокультурная функция, конституируемая набором гипофункций. С точки зрения «археологии» культурной памяти среди переводческих гипофункций важное место принадлежит герменевтической (обеспечивает постижение смысла воспринимаемого текста) и кумулятивной гипофункции (заключается в создании переводов, сохраняющих «истоки национальной культуры») [Поршнева, 2002]. При этом рассмотренные виды памяти непосредственно связаны с формированием переводческой компетенции [Porshneva; Abdulmianova, 2015]. Е.Р. Поршнева определяет профессиональную компетенцию переводчика как «стержневую характеристику, <...> заключающуюся в индивидуальной способности мобилизовать организованные в систему сквозные профессионально значимые компетенции (частные операционные готовности) и личностные качества, необходимые для эффективного решения профессиональной задачи. При этом психологической основой профессиональной компетенции является готовность к

постоянному повышению своего образовательного уровня» [Поршнева, 2002, с. 73]. Операционные готовности и личные качества переводчика непосредственно соотносятся с психофизиологическим аспектом памяти, а готовность к постоянному повышению уровня образования связана с расширением объема культурной памяти.

В контексте переводческой деятельности более правильным будет говорить не о различных видах памяти переводчика, а об ее различных уровнях и, прежде всего о биологическом и культурном уровнях. Успех и качество переводческой деятельности в полной мере зависит от сформированности у переводчика всех уровней памяти в рамках профессиональной компетенции переводчика. Наряду с наукой и искусством память может быть отнесена к классу переводческих мегаобъектов, которые демонстрируют методологическую важность не разделения субъекта и объекта и могут быть описаны с позиций принципа универсального принципа дополнительности.

Список литературы:

- Александров Н.* Интервью / Н. Александров // Спорная книга: Мария Степанова, «Памяти памяти». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://krupaspb.ru/zhurnal-piterbook/intervyu/spornaya-kniga-mariya-stepanova-pamyati-pamyati.html>
- Алексеева Т.Д.* О роли памяти при устном переводе / Т.Д. Алексеева // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 8, № 1 (26), 2019. С. 17-20.
- Аткинсон Р.* Человеческая память и процесс обучения / Р. Аткинсон. М.: Прогресс, 1980. 528 с.
- Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание / Н. Бор. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 152 с.
- Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений / Ю. Козелецкий. М.: Прогресс, 1979. 504 с.
- Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 200-202.
- Масленникова Е.М.* Художественная коммуникация перевода: параметры и особенности / Е.М. Масленникова. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 197 с.
- Нора П.* Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.
- Нора П.* Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 2-3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora_22.html
- Поршнева Е.Р.* Базовая лингвистическая подготовка переводчика / Е.Р. Поршнева. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2002. 148 с.
- Солонин Ю.Н.* К проблеме единства научного знания / Ю.Н. Солонин // Гуманитарий. Ежегодник, №1, 1995. С. 29-36.
- Хофман И.* Активная память / И. Хофман. М.: Прогресс, 1986. 312 с.
- Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen / J. Assmann. München: C. H. Beck, 1992. 333 s.
- Foucault M.* L'Archéologie du savoir / M. Foucault. Paris: Gallimard, 1969. 218 p.
- Halbwachs M.* La memoire collective / M. Halbwachs. Paris: PUF, 1968. 204 p.
- Porshneva E., Abdulmianova I.* Assessing the Maturity of General Professional Competencies of Future Interpreters/ Translators: Problems and Solutions / E. Porshneva, I. Abdulmianova // Linguae European scientific language journal, vol. 8, № 4, 2015. P. 60-65
- Razumovskaya V.A.* Cultural Information/Memory and Aesthetic Information in Literary Translation / V.A. Razumovskaya // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 6 (2012 5). P. 839-852.

References:

- Aleksandrov N.* Interv'yu [Interview] // Spornaya kniga: Mariya Stepanova, "Pamyati pamyati" [Controversial book. Maria Stepanova. "Post-memory"]. [Electronic resource]. Available at: <https://krupaspb.ru/zhurnal-piterbook/intervyu/spornaya-kniga-mariya-stepanova-pamyati-pamyati.html> (In Russian).
- Alekseeva T.D.* O roli pamyati pri ustnom perevode [On the role of memory in interpreting] // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal [Baltic Humanitarian Journal]. Vol. 8, № 1 (26), 2019, pp. 17–20. (In Russian).
- Assmann J.* Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: C. H. Beck, 1992. 333 s.
- Atkinson R.* Chelovecheskaya pamyat' i protsess obucheniya [Human memory and the learning process]. M.: Progress, 1980. 528 p. (In Russian).
- Bor N.* Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie [Atomic physics and human cognition]. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1961. 152 p. (In Russian).
- Foucault M.* L'Archéologie du savoir. Paris: Gallimard, 1969. 218 p.
- Halbwachs M.* La memoire collective. Paris: PUF, 1968. 204 p.
- Khofman I.* Aktivnaya pamyat' [Active memory]. M.: Progress, 1986. 312 p. (In Russian).
- Kozeletskii Yu.* Psikhologicheskaya teoriya reshenii [Psychological decision theory]. M.: Progress, 1979. 504 p. (In Russian).
- Lotman Yu.M.* Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii [Memory in the light of cultural studies] // Izbrannye stat'i [Selected articles]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra, 1992, pp. 200–202. (In Russian).
- Maslennikova E.M.* Khudozhestvennaya kommunikatsiya perevoda: parametry i osobennosti [Artistic communication of translation: parameters and peculiarities]. M.: Berlin: Direkt-Media, 2016. 197 p. (In Russian).
- Nora P.* Problematika mest pamyati [The issues of memory places] // Frantsiya-pamyat' [France-memory]. SPb: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999, pp. 17–50. (In Russian).
- Nora P.* Vsemirnoe torzhestvo pamyati [World triumph of memory] // Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture [Emergency stock: debates about politics and culture]. 2005. № 2–3. [Electronic resource]. Available at: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora_22.html (In Russian).
- Porshneva E.R.* Bazovaya lingvisticheskaya podgotovka perevodchika [Basic linguistic training of a translator]. Nizhnii Novgorod: Izdatel'stvo NNGU im. N.I. Lobachevskogo, 2002. 148 p. (In Russian).
- Porshneva E., Abdulmianova I.* Assessing the Maturity of General Professional Competencies of Future Interpreters/ Translators: Problems and Solutions // Linguae European scientific language journal, vol. 8, № 4, 2015. P. 60–65.
- Razumovskaya V.A.* Cultural Information/Memory and Aesthetic Information in Literary Translation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 6 (2012 5), pp. 839–852.
- Solonin Yu.N.* K probleme edinstva nauchnogo znaniya [On the problem of scientific knowledge unity] // Gumanitarii. Ezhegodnik [Humanitarian. Yearbook], №1, 1995, pp. 29–36. (In Russian).
- Warburg A.M.* Ausgewählte Schriften und Würdigungen. Baden-Baden, 1992. 652 s.

Сванидзе Кетеван Автандиловна
Батумский государственный университет имени Шота Руставели
г. Батуми (Грузия)

Диасамидзе Тамара Володьевна
Батумский учебный университет навигации
г. Батуми (Грузия)

Svanidze Ketevan
Batumi Shota Rustaveli State University
Batumi (Georgia)

Diasamidze Tamar
Batumi Navigation Teaching University
Batumi (Georgia)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ПОСЛОВИЧНОГО ФОНА (КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ)

NATIONAL-CULTURAL SEMANTICS OF A PROVERBIAL BACKGROUND (CROSS-CULTURAL ANALYSIS)

Статья посвящается рассмотрению национально-культурной семантики пословичного фона как фактора, определяющего порог из понимания в межкультурном общении. Генетический прототип пословицы, воспринимаемый как её внутренняя форма, возбуждает у носителя языка целый комплекс фоновых знаний, которые и составляет национально-культурную семантику пословичного фона. Культурная среда как бы, выступает в качестве экстралингвистического фактора, облегчающего понимание текста. Но, с другой стороны, и становится причиной понимания для человека, не принадлежащего к данной общности, а изучающего язык или владеющего им. Не следует забывать и о том, что культура каждого народа есть непосредственное выражение его сознания, и тесно слита с жизнью народа. Поэтому у каждого народа свой быт, свои традиции, свой образ жизни, и, именно поэтому, культура одного народа на похожа на культуру другого народа, и, не похожи также друг на друга пословичные фонды народов.

The article is devoted to the consideration of the national cultural semantics of the proverbial background as a factor determining the threshold of understanding in intercultural communication. The general prototype of the proverb, perceived as its internal form, excites the native speaker with a whole complex of background knowledge, which is the national cultural semantics of the proverbial background. The cultural environment, as it were, acts as an extra linguistic factor that facilitates the understanding of the text, but on the other hand, it becomes the reason for understanding a person who does not belong to this community, but learns a language or owns it. We should not forget that the culture of each people is a direct expressive of its consciousness, and is closely fused with the life of the people therefore, each nation has its own tradition, precisely for this reason, the culture of one people is similar to the culture of another people, and the proverbial foundations of peoples are also not similar to each other.

Ключевые слова: национальная специфика пословичного фонда, национальная культура, национальный язык, лингвистическая ситуация, универсальность пословиц, национальная специфика пословиц.

Key words: national specificity of the proverbial background, national culture, national language, linguistic situation, universality of proverbs, national specificity of proverbs.

Из чего складывается способность носителя культуры правильно употреблять и понимать пословицы? Н. Барли предполагает, что «носитель языка владеет базовым лексиконом пословичных изречений, на основе которого он может создавать описания окружающего мира в соответствии с релевантными отношениями [Барли, 1984, с. 133]. 3.

Каньо же отмечает, что члены культурного сообщества, в котором пословица является живым жанром, обладают интуитивным знанием того, что есть пословица» [Каньо, 1984, с. 179], и, соответственно, и умением его употреблять. А правильное употребление определяется не свойствами предметов реальности, к которым прилагаются выражения, а исключительно навыками, внедряемыми обществом [Самсонов, 1978, с. 8], в том числе и владением родного языка.

Основным свойством текста (в том числе и пословичного), является информативность, т.е. передача определённого социально значимого содержания. Но при этом необходим учёт того, что текст перестаёт функционировать как социально значимый, если адресат теряет или не имеет соответствующих фоновых знаний. Фоновые знания представляют собой совокупность внеязыковых и языковых пресуппозиций, отражающих культурное (в широком понимании) наследие и современность данного национального коллектива, существующих в сознании носителей языка. И если мы встречаем – либо в письменном виде, либо в устной форме, либо в конкретном содержательном контексте, либо вне всякого контекста пословицу родного языка, то в большинстве случаев мы практически моментально способны не только понять, что перед нами пословица, но и выработать некое мнение о том, *что* данная пословица могла бы означать, т.е. *о чём* в ней идёт речь и что об этом *что-то* нам хотят сообщить, несмотря на то, что слова выступают в ней отнюдь не в своих обычных языковых значениях.

Правда, мы способны на это далеко не во всех ситуациях, не всегда наша интерпретация является совершенно правильной. Это может происходить из-за того, что для несовременных текстов (каковыми в абсолютном большинстве являются пословичные тексты) правильная (задуманная) интерпретация иногда оказывается совершенно недоступной получателю нашей эпохи из-за отсутствия промежуточных звеньев, т.е. незнания суждений, которые относились к знанию отправителя о мире. Знания о мире современного получателя текста, безусловно, отличается от знания автора текста, жившего много лет назад. Соответственно, у него нет фоновых знаний, главным из которых является социально-культурный аспект. Национально-культурные факторы накладывают отпечаток на процессы создания текста, определяя его форму и характер, он накапливается в языке и находит отражение в речи, в текстах. Этот факт отражает этнопсихолингвистическую специфику, свойственную типу мотивации, характеру имеющихся или предлагаемых потребностей в том или ином социуме.

В свете всего сказанного пословичный текст можно рассматривать как вид коммуникации, обладающий национально-культурной спецификой использования языковых и речевых средств и передающий национально-культурную информацию.

Специфическими особенностями обладает и сам носитель национального языка и культуры. В культурном общении необходимо учитывать особенности национального характера коммуникантов, специфику их эмоционального склада, национально-специфические особенности мышления. Соответственно, подразумевается интуитивное (о котором мы говорили выше) знание носителем языка – традиций, быта, что делает естественным восприятие текста.

То же самое можно сказать и о пословичном фонде. Следует отметить, что национальная специфика пословичного фонда любого языка связана с так называемой национально-культурной семантикой пословичного фона. Генетический прототип пословицы, воспринимаемый как её внутренняя форма, возбуждает у носителя языка целый комплекс фоновых знаний, которые и составляет национально-культурную семантику пословичного фона. Культурная среда как бы, выступает в качестве экстралингвистического фактора, облегчающего (или, точнее, делающего естественным) понимание текста). Но, с другой стороны, и становится причиной понимания для человека, не принадлежащего к данной общности, а изучающего язык или владеющего им. Не следует забывать и о том, что культура каждого народа есть непосредственное выражение его сознания, и тесно слита с жизнью народа. Поэтому у каждого народа свой быт, свои традиции, свой образ жизни, и, именно поэтому, культура одного народа на похожа на культуру другого народа, и, не похожи также друг на друга пословичные фонды народов. Очевидно, что непонимание возникает по причинам различных бытовых несоответствий; неодинакового развития человеческих коллективов. Соответственно, основной фонд пословиц народов, принадлежащих к разным семьям, формируется самостоятельно, и вся разница между ними, «вся их этническая, географическая и прочая специфика – в их образном строе, в местных реалиях и понятиях, и только в них» [Пермяков, 1968, с. 26]. Разумеется, специфика национальных культур и пословичных фондов, а также языков и лингвистических ситуаций определяют специфичность пословичных фондов, но можно уверенно полагать, что единство отражаемого в сознании материального мира всё-таки обуславливает отсутствие принципиальных различий в содержании, передаваемой средствами любого языка, поэтому всё общее между пословичных фондов и языков находится «в логическом содержании, в характере передаваемых ими отношений между вещами реальной жизни» [Пермяков, 1968, с. 26].

Картины мира отдельных языков могут, конечно, различаться в деталях. Такое вполне реальное различие можно обнаружить при сравнении пословиц разных народов и идеи пословиц, как выражение общего здравого смысла, могут повторяться у многих народов безо всякого намеренного заимствования.

Несмотря на специфику национальных ситуаций, всё-таки происходит сближении национальных культур и языков. Поэтому в соответствующих социальных условиях они могут сближаться и взаимообогащаться. Но не следует забывать о том, что такое взаимодействие не проходит гладко и по одной определённой схеме. При «встрече» двух культур возможны следующие ситуации:

а) конфликт культур («то, что для вас хорошо, для нас плохо», например, смотреть в глаза при разговоре у русских и японцев);

б) неполная интерференция культур («мы в чём-то похожи, а в чём-то и отличаемся друг от друга, однако это отличие заслуживает внимания»);

в) полная интерференция культур («мы не признаём, что бывают какие-то национальные культуры, есть только культура общечеловеческая»).

Под интерференцией понимается изменения в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого языка, или же случаи отклонений от норм двух языков. Кроме сказанного одной из важнейших причин непонимания или неправильной дешифровки текста может стать явление так называемого «языкового дефицита». Под языковым дефицитом нами понимается отсутствие у говорящего «готовых» языковых средств для выражения определённой мысли. В таких случаях говорящий может использовать такие средства передачи мысли как: а) поиск слова, подходящего для выражения заданного смысла; б) создание окказиональных сочетаний или в) создание описательного определения, попытки толкования искомого слова. Всё это, естественно, осложняет понимание текста реципиентом.

Лишь адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам можно назвать межкультурным общением, межкультурной коммуникацией. Дело в том, что даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной этого часто является именно расхождение культур, традиций и быта. Например, не всякий, даже хорошо владеющий русским языком может понять, о чём идёт речь в пословице *Погоди, дед, не умирай, за киселём побежали* (раньше на Руси после смерти человека варили кисель).

Поэтому изучение языка, и уж тем более, пословичного фонда предполагает их изучение на фоне тех социокультурных контекстов, в которых они возникли, ибо даже при отсутствии чисто языковых преград для взаимопонимания, препятствием может стать культурный барьер между участниками общения. По этой причине довольно часто в двух- или более язычных сборниках пословиц приводится не дословный их перевод, а адекватный (даётся пословица, существующая в переводимом языке, т.н. эквивалент). Как видим,

особое практическое значение приобретает национально-культурный фактор в плане проблемы перевода, поскольку одним из важнейших источников изучения иностранного языка является именно переводимый текст. Проблема поиска и нахождения средств при переводе пословиц очень важна, ибо во многих случаях без лингвостилистического комментария, т.е. без оценки смысловой и эстетической целесообразности переводимого текста, невысказана успешная передача его идейного и художественного своеобразия средствами иного языка.

Перевод не только служит обогащению языка, но и приходится говорить об его отрицательном влиянии. Речь идёт о формальном (буквальном) переводе, (язык которого характеризуется конгломерантностью), «воспринимается как противоестественный, чужеродный по отношению к родному» [Низамов, 1989, с. 153]. При таком буквальном переводе все пословицы звучат как самостоятельные тексты, что, впрочем, понятно: «иноязычная пословица с большим трудом вживается в новый язык» [Джавахидзе, 1994, с. 64]. Именно поэтому пословица при переводе на иностранный язык часто «требует не передачи в точном соответствии содержания цитируемого выражения, а подыскания, бытующего в языке, на который переводит, близкого по смыслу выражения» [Булаховский, 1972, с. 178]. Пословица и есть один из видов текстов, который могут иметь идентичное содержание и не допускать буквального перевода на другие языки. Наличие таких идентичных и адекватных текстов приводит нас к явлению универсальности пословиц.

В культуре и психологии каждого народа есть черты, составляющие своеобразие, специфику, но такое своеобразие не означает, что вообще невозможно установить общие закономерности развития культуры и искусства этих народов. Естественно, существуют черты, объединяющие эти народы. Более того, существуют черты, объединяющие один народ не только с одним конкретным народом, но и с группами народов, а также со всем человечеством.

С одной стороны, общеизвестно, что, будучи общественным явлением, язык отражает своеобразие конкретно-исторических особенностей развития каждого из народов, их неповторимые социальные и коммуникативные ситуации, соответственно и в пословицах выражается национальный характер, «душа народа» – словом, в них есть то, что характерно именно для данного народа, что определяет их специфику.

Однако, известно, что, несмотря на всё разнообразие общественной жизни и связанной с нею языковой жизни социально-этнических общностей, в языках разных народов довольно-таки часто встречаются сходные, а то и совпадающие явления. Известно, что для почти любой пословицы данного народа можно почти всегда найти синоним среди пословиц любого народа. Учёные, изучающие причины совпадения пословиц разных

народов мира, предпринимали попытки соотнесения пословиц разных народов с фактами и законами социально-исторической действительности. Они по-разному отвечают на эти вопросы. Одни из них объясняют их сходство этническим и языковым родством народов, другие – заимствованиями, обусловленными хозяйственными и культурными контактами, что пословицы «легко мигрируют из одной культуры в другую. Они легко переводятся и воспринимаются» [Барли, 1984, с. 143]. У паремиологов даже имеется некоторое общее представление об основных направлениях пространственно-временного передвижения и заимствования пословиц в целом; третьи – сходством исторического опыта и «однородностью идеологии» на одинаковых ступенях общественного развития.

Но не только сами пословичные тексты, но и «содержание понятийных категорий может варьировать от культуры к культуре. Но это допустимо лишь в тех случаях, когда имеет место непосредственное или отдалённое, но всё-таки соприкосновение культур и наций. Но ведь невозможно говорить о соприкосновении русской и южноафриканской или новозеландской культур. Однако у народов, не состоящих в родстве, не имеющих и не имевших общения друг с другом и находящихся на разных ступенях общественного развития, тоже встречаются одинаковые по смыслу пословицы. Что же лежит в основе происхождения адекватных пословиц? Ведь как справедливо отмечает Г.Л. Пермяков, «при всей своей специфичности сборники пословиц самых разных народов очень сходны друг с другом. Какой бы из них ни попал к вам в руки, стоит только его открыть, как вы тут же наткнетесь на знакомое изречение. При более внимательном чтении такие находки учащаются и, наконец, перейдут в систему. Если полистать издания азербайджанских, армянских, арабских, курдских, персидских, осетинских и турецких пословиц, то в каждом из них вы найдёте пословицу о сапожнике, который ходит босым (т.е. без сапог) или в дырявой обуви. Близкие к этому изречения есть в китайских, индийских, японских и многих других [в том числе африканских и европейских) сборниках [Пермяков, 1968, 24]. Или, например, пословицы:

Не пугай волка овечьей шкурой (татар.) - Не грози попу кадиллом, он от него сыт живёт;

Чужое горе – после обеда (татар.) – skhvisi chiri – gobes chkhiri [чужое горе – щепка в заборе];

Доверь кошке стеречь закуску (корейская) - toabares mgels batkani [доверили волку ягнелка].

Пословица *Не плюй в колодезь, пригодится воды напиться* имеет не только многочисленные вариации в разных словарях пословиц русского народа, но и многочисленные эквиваленты в пословицах других народов.

В бурятском языке – *Не плюй в колодец, из которого пил* - это сходство можно объяснить соседством с русским народом;

В лакийском языке – *В родник, откуда пьют воду, камень не бросают*;

В армянском языке – *На сосок дойной коровы не плюют*;

В татарском языке – *Съел соль – солонку не разбивай*.

Разница между этими пословицами заключается в индивидуальном наборе образов, связанных с местными особенностями и реалиями. Но смысл всех этих изречений, или точнее, логическая форма их содержания, абсолютно совпадают. Все они, хотя по-своему, утверждают одно и то же, иными словами, мораль, заключённая в них – одна, общая. Таким образом, всё общее между ними лежит в их содержании, в морали, выводимой из каждой из них, в характере передаваемых ими отношений между вещами реальной жизни, закономерностям мышления, которые священны по своему назначению и могут быть выражены в аллегорической форме (что со своей стороны, тоже является универсальным явлением (признаком) для пословиц любого народа) и поняты на любом из языков человечества.

Таким образом, подводя итоги, попытаемся ответить на вопрос, какими же явлениями являются пословицы? Универсальны ли они или национальны, специфичны? В любом языке можно выделить пословицы (явления) национально-специфические, ибо у каждого народа существуют, возможно, лишь в небольшом количестве, пословицы – эндемики (национальные), которые «не опровергая явления универсальности знаний, все же формируют национально-характерный слой в его паремиологическом фонде» [Левин, 1984, с. 123].

С другой стороны, в любом языке имеются пословицы-универсалии – с абсолютно идентичной конечной целью, что есть результат сходного характера отношений между вещами. Каждому из нас не раз доводилось употреблять «к слову» ту или иную пословицу. Скажем, если наш собеседник (или третье лицо) сделал кому-то подлость, но всё обернулось против него же самого, мы скажем: *Не рой другому яму – сам попадёшь*. Или подававшему напрасные надежды возразим: *Не сули журавля в небе, дай синицу в руки*. А если человеку из-за своих плохих пристрастий может грозить опасность, можно его предупредить и предостеречь: *Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить*, следовательно, становится возможным заставить его воздержаться от осуществления им ранее намеченного им или привычного для него действия.

Иначе говоря, мы всегда подбираем пословицы по характеру ситуации и когда мы эти пословицы воспроизводим, то каждый владеющий русским языком сразу же (и адекватно) понимает, что мы этим хотим выразить, т.е. какую ситуацию обозначаем. И это

вполне естественно, ведь каждая из приведённых пословиц соответствует описанной ситуации. А поскольку пословицы связаны с необходимостью осуществления воздействия на индивида и обусловлены как общественными задачами пословицы, так и условиями её социального функционирования, то в этом смысле пословица выступает в качестве знака определённой социальной ситуации и используется в контексте социальной жизни.

Благодаря конкретному выражению общего пословица может применяться ко многим однотипным явлениям. Такой способ обобщения даёт основу для употребления пословиц во многих сходных ситуациях, т.е. служить знаком нескольких (и даже многих) ситуаций. В пословицах *Когда съел ушницу – не жалея рыбку, Заварил кашу – не жалея масла* или *Когда не поп, так и не мыкайся в ризы* прямое значение совмещается с переносным. Но переносный смысл пословицы могли приобретать в силу расширения их значений. Это происходило иногда потому, что они утрачивали прямое значение (т.к. исчезали из жизни явления, которые отмечались в пословице), оставаясь и функционируя при этом в качестве близких, сходных ситуаций (которые всё ещё имели место в жизни).

Пословицы, возникшие в давние времена, когда каждая из них соответствовала событиям ежедневной реальной жизни, сейчас употребляется лишь в переносном значении. С уходом из человеческого быта ситуаций, для обозначений которых появились пословицы, эти последние не исчезли, а функционируют по сей день, как знаки аналогичных ситуаций, как условные образы по той причине, что в своё время из общей массы наблюдений выделяется впечатление самое характерное, типизированное.

Сходство функционально-типологических черт ситуаций, в которые может попасть индивид, позволяет обобщить и выделить главнейшие формы поведения и оперировать ими как единицами свода норм поведения человека (как члена общества), и, постепенно, происходит их закрепление в каком-либо «теле» знака. И подобных ситуаций (а также сказок, басен, шванков), объясняющих возникновение и знаковый смысл различных пословиц возможно привести сколько угодно. Сущность пословицы же как стандартного текста заключается в том, что определённой типовой речевой ситуации соответствует определённая стандартизированная форма текста.

Таким образом, пословицы являются языковыми знаками, типовыми текстами – «готовыми имеющимися в языке обозначениями для тех или иных фрагментов действительности» [Саввина, 1984, с. 204]. К такому закреплению привела сотни тысяч раз повторяемость для обозначения сходных ситуаций, удовлетворяя тем самым запросы общества в целом и его отдельных социальных сословных, профессиональных, возрастных, половых групп.

Список литературы:

- Барли Н.* Структурный подход к пословице и максиме. // Паремнологические исследования, М., 1984, 127-149.
- Булаховский Л.А.* Курс русского литературного языка. Киев, 1972.
- Джавахидзе М.* К проблеме межъязыковой идентификации пословиц (на материале русского и грузинского языков). Тбилиси, 1994.
- Каньо З.* Мыслительно-языковые условия отображения структуры пословицы. // паремнологические исследования. М., 1984, 179-200.
- Левин Ю.И.* Провербиальное пространство. // Паремнологические исследования. М., 1984, 108-127.
- Низамов И.М.* Перевод как речевая деятельность. М., 1989.
- Пермяков Г.Л.* Избранные пословицы и поговорки народов востока. М., 1968.
- Саввина Е.Н.* О трансформации клишированных выражений в речи. // Паремнологические исследования. М., 1984.
- Самсонов В.Ф.* Значение и перевод. Челябинск, 1978.

References:

- Barli N.* Strukturnyi podkhod k poslovitse i maksime. // Paremiologicheskije issledovaniya, M., 1984, 127-149. (In Russ.)
- Bulakhovskii L.A.* Kurs russkogo literaturnogo yazyka. Kiev, 1972. (In Russ.)
- Dzhavakhidze M.* K probleme mezh"yazykovoi identifikatsii poslovits (na materiale russkogo i gruzinskogo yazykov). Tbilisi, 1994. (In Russ.)
- Kan'o Z.* Myslitel'no-yazykovye usloviya otobrazheniya struktury poslovitsy. // paremiologicheskije issledovaniya. M., 1984, 179-200. (In Russ.)
- Levin Yu.I.* Proverbial'noe prostranstvo. // Paremiologicheskije issledovaniya. M., 1984, 108-127.
- Nizamov I.M.* Perevod kak rechevaya deyatel'nost'. M., 1989. (In Russ.)
- Permyakov G.L.* Izbrannye poslovitsy i pogovorki narodov vostoka. M., 1968. (In Russ.)
- Savvina E.N.* O transformatsii klisirovannykh vyrazhenii v rechi. // Paremiologicheskije issledovaniya. M., 1984. (In Russ.)
- Samsonov V.F.* Znachenie i perevod. Chelyabinsk, 1978. (In Russ.)

Сивова Татьяна Викторовна
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
г. Гродно (Республика Беларусь)

Sivova Tatyana
Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno (Republic of Belarus)

КОЛОРИСТИЧЕСКАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ НЕБЕСНЫХ СВЕТИЛ В ПРОЗЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО. ЛУНА

COLORISTIC VISUALIZATION OF CELESTIAL BODIES IN K. PAUSTOVSKY'S PROSE. THE MOON

В статье на материале произведений, составляющих 1–8 тт. Собрания сочинений К.Г. Паустовского, раскрываются особенности индивидуально-авторской колористической визуализации луны, значимого в языковой картине мира писателя небесного тела. В результате проведённого исследования: 1) выявлен широкий спектр характеристик, актуализируемых писателем для многостороннего описания луны, среди которых, помимо собственно световой и цветовой, важное значение имеют акциональная характеристика, пространственная, параметрическая, темпоральная, антропоморфная; 2) описан формируемый терминами цвета колористический спектр, используемый писателем для визуализации луны; установлены его доминанты; 3) выявлен функциональный потенциал создающих цветовую характеристику луны терминов цвета; 4) установлено соотношение авторского колористического спектра, используемого К.Г. Паустовским для передачи цветового впечатления о луне, и спектра, иллюстрирующего русский национальный колористический стандарт восприятия луны; 5) сделан вывод о месте луны в системе координат, моделирующих космическое пространство произведений К.Г. Паустовского; о значимости исследования специфики её колористической визуализации для комплексной реконструкции колористической картины мира писателя.

In the article on the material of literary works included in 1–8 volumes of K. Paustovsky's Collected Works the main features of the individual author's coloristic visualization of the moon, a significant celestial body in the writer's linguistic picture of the world were revealed. The results of the study are: 1) a spectrum of characteristics used by the writer for multilateral description of the moon, among which, in addition to light and colour, the primary are actional, spatial, parametric, temporal, anthropomorphic was identified; 2) the colour spectrum used by the writer to visualize the moon was described, its dominants were established; 3) the colour term's functional potential was revealed; 4) the correlation of the author's colour spectrum used by K. Paustovsky to convey the colour impression of the moon, and the spectrum illustrating the national colour standard of moon perception was established; 5) the conclusion about the place of the moon in the system of coordinates modeling the outer space of K. Paustovsky's literary works was made; the importance of researching the specifics of the moon coloristic visualization for reconstructing the linguistic picture of the writer's world was proved.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, луна, языковая картина мира, идиостиль, К.Г. Паустовский.

Key words: linguistics of color, color term, the moon, linguistic picture of the world, individual style of writing, K. Paustovsky.

Концепт «Луна», являясь одним из ключевых концептов, формирующих концептосферу русского языка [Концептосфера, 2017], на протяжении многих лет закономерно находится в поле научного внимания филологов. Убедительно свидетельствуют о мощном научном потенциале темы многообразие подходов к её изучению, объектов исследования, широкий спектр методов и разнообразие материала, на котором проводятся исследования. Так, материалом являются словарные дефиниции,

зафиксированные в толковых, фразеологических, идиоматических, этимологических и др. словарях [Стафеева, 2003], фольклорные источники [Сидорова, 2008], а также, в большинстве своём – произведения классической и современной литературы [Журавлёва, 2007; Сидорова, 2010; Холина, 2011; Захарова, 2013; Кочнова, 2015; Ерофеева, Сабирова, 2017; Штырлина, 2017; Исаев, 2018 и др.].

Обусловленный тенденциями современной антропоориентированной лингвистики исследовательский интерес к выявлению особенностей концептуализации луны в авторской картине мира на материале художественных произведений представляется перспективным, что подтверждается выводами⁸¹, сделанными О.Н. Журавлёвой в ходе анализа особенностей «изображения М. Булгаковым природной реалии “луна”, к которой писатель обращается на протяжении всего романа» [Журавлёва, 2007, с. 115], Е.Г. Штырлиной, выявившей «особенности поэтического воплощения и символического содержания образа луны в произведениях К.Д. Бальмонта» [Штырлина, 2017, с. 96], И.В. Ерофеевой и А.И. Сабировой, раскрывших специфику индивидуально-авторского восприятия луны в творчестве А.А. Фета и Ф.И. Тютчева [Ерофеева, Сабирова, 2017].

О значимости небесного пространства, небесных светил в языковой картине мира К.Г. Паустовского⁸² наглядно свидетельствует⁸³ многообразие номинаций со значением «небесное тело», списочный состав которых включает:

– названия планет (*Венера, Земля, Марс, Нептун, Сатурн, Юпитер*): *Кабы был тут телескоп хороший, то, может, я бы и нашёл на небе тот **Нептун**, хоть он и представляется очам вроде самой что ни на есть малесенькой песчиночки* [Паустовский, 1983а, с. 504]; *Через час [машина] шла в небо, разворачиваясь к югу, где низко, среди просек и пустошей, **дотлевал пепельным огнём Юпитер*** [Паустовский, 1983а, с. 224];

– названия спутников планет (*Луна*): ***Луна** подымалась над островом в своём великолелии* [Паустовский, 1981b, с. 83];

– названия звёзд (*Альфа Центавра, Вега, Сириус, Солнце*): [Васильев] *рассказывал мне, что расстояние **от** нашего **Солнца** до солнца ближайшей к нам солнечной системы – **звезды Альфа Центавра** – в двести пятьдесят тысяч раз больше, чем расстояние от*

⁸¹ См. также работы К.А. Кочновой (А.П. Чехов) [Кочнова, 2015], Г.Г. Исаева (Рюрик Ивнев) [Исаев, 2018], Н.П. Сидоровой (Оскар Уайльд) [Сидорова, 2008], Д.А. Холиной (У.Б. Йейтс) [Холина, 2011], Т.В. Захаровой (Клеменс Брентано) [Захарова, 2013] и др.

⁸² Материалом исследования послужили тексты, включённые в 1–8 тт. Собрания сочинений в 9 т. [Паустовский, 1981а, 1981b, 1982а, 1982b, 1982с, 1983а, 1983b, 1984]. За рамками исследования остались лишь тексты писем 1915–1968 гг.

⁸³ Более того, название созвездия северного полушария неба Гончие Псы легло в основу названия повести «Созвездие Гончих Псов» (1937 г.).

Земли до Солнца [Паустовский, 1981а, с. 524]; *Среди чёрных ветвей сверкал зелёный холодный Сириус, – приближался рассвет* [Паустовский, 1983а, с. 224];

– названия созвездий, находящихся как в северном полушарии неба (*Гончие Псы, Медведица, Персей*), так и в южном (*Южный Крест*), в области небесного экватора (*Орион*), а также зодиакальных созвездий (*Близнецы, Водолей, Дева, Стрелец*): *Созвездия Персея и Ориона* проходили над землёй свой медлительный путь, дрожали в воде озёр, тускнели в зарослях, где дремали волки, и отражались на чешуе рыб, спавших на отмелях в *Старице и Прорве* [Паустовский, 1983а, с. 159]; *Я любил ночи, хотя мне было страшно от мысли, что в вышине проходят, над Лукьяновкой, над крышей нашего флигеля, Стрелец и Водолей, Близнецы, Орион и Дева* [Паустовский, 1982b, с. 211];

– названия звёздных скоплений (*Млечный Путь, Плеяды, Стожары*): *Дорогу освещали звёзды. Пылью лёг через небо Млечный Путь* [Паустовский, 1981b, с. 319].

Согласно результатам наших исследований, солнце – абсолютная доминанта системы небесных координат, отражённой в произведениях К.Г. Паустовского. Вместе с тем луна⁸⁴ также значима в языковой картине мира писателя, что подтверждается:

1) количеством словоупотреблений лексемы *луна*⁸⁵ – более 140 и *месяц* – более 60 словоупотреблений;

2) функционированием лексем не только в пространстве природы, но и в значимом для писателя пространстве творчества (интертекст): [А.С. Пушкин] *Я вырос на Украине, – продолжал так же отрывисто говорить Луговой. – Есть такой городок Белая Церковь. «Луна спокойно с высоты...» Помните? Столица гетманов* [Паустовский, 1981b, с. 392]; [М.М. Пришвин] *Несколько слов: «Ночь прошла под большой чистой луной» – совершенно ясно передают молчаливое и величавое течение ночи над спящей страной* [Паустовский, 1982а, с. 354]; *Достаточно один раз прочесть: «меркнет молодость» (у Лескова), «пронзительный свет луны» (у Гончарова), «солнца луч умолк» (у Данте), чтобы эти эпитеты остались в нашей памяти на всю жизнь* [Паустовский, 1984, с. 229];

3) широкой атрибуцией. Так, спектр характеристик, соотносимых с луной, включает:

– акциональную: а) луна (*бежит, бледнела, блистала, взошла, висела, вставала, всходила, выползла, горит, делалась светлее, зашла, клонилась, льётся, опускалась, поднялась, подымалась, показалась, появляется, пробивалась, разбухала, сияла, стояла,*

⁸⁴ В текстах актуализируются следующие значения: *луна* «небесное тело, естественный спутник Земли, светящийся отражённым солнечным светом» и «спутник любой планеты» [Большой, 2000, с. 507]: *Луна высоко стояла над Севастополем, плескали по воде канаты, и кто-то протяжно и долго вопил с берега* [Паустовский, 1981а, с. 144]; *Нет, в то время у меня не было никакой охоты унести с Земли на Луну или Марс!* [Паустовский, 1982а, с. 201]; *месяц* разг. О Луне [Большой, 2000, с. 536]: *Месяц затянуло чёрными тучами* [Паустовский, 1982b, с. 625].

⁸⁵ *Луна, лунный, безлунный, луноцвет.*

томится и др.): *Над заливом разбухала луна, и чёрные борта пароходов змеились медным огнём* [Паустовский, 1983а, с. 24]; *Перед утром над мокрыми перелесками выползла рыжая луна* [Паустовский, 1981а, с. 197]; б) месяц (бледнел, взошёл, висел, возникнет, зайдёт, запутался, летел, опускался, отражается, повисал, поднялся, подымается, показался, поплыл, сверкал, склонился, стоял и др.): *Цвели каштаны, и над морем взошёл затуманенный месяц* [Паустовский, 1982с, с. 45]. А также связанную с движением степень быстроты движения: *зажглись молочные огни и над пустыней подымалась медленная луна* [Паустовский, 1981а, с. 463];

– пространственную (локализация и направление): а) луна (*над городом, над Китаем, над мокрыми перелесками, над порубками и болотами, над пустыней, над равнинами Усть-Урта, над просторами вечерней земли, над чертой горизонта; в небе, в глубине неба, в тёплом воздухе; за пыльным окном, за облаками, за тучами; к земле; на головокружительной высоте; комплексно – далеко у маяка, на востоке низко, в сизом небе за Соротью, а также в воду и др.*): *Очевидно, за толщей ночных облаков светила луна* [Паустовский, 1984, с. 388]; *Тусклая луна опускалась в воду, и в саду среди берёз печально крикнула птица* [Паустовский, 1983а, с. 188]; б) месяц (*над дорогой, над зарослями деревенского сада, над мёртвой рощей, над морем, над уснувшей Москвой; в вышине; за лесом, за этой тучей; на востоке, на синем пологе ночи; с туманных ночных небес; то справа, то слева; комплексно – высоко в небесном колодце, далеко над лесом и др.*): *На востоке поднялся мутный месяц* [Паустовский, 1982б, с. 258], а также, что свидетельствует о важности передачи эффекта отражения в идиостиле писателя: *мокрые гроздьё черёмухи в деревенском саду, отражение месяца в лесном озере и грибной воздух берёзовых чащ гораздо милее запаха магнолий и снежных вершин Кавказа* [Паустовский, 1983б, с. 254];

– параметрическую (размер и форма): а) луна (*большая, исполинская – маленькая; клубок, круг, луч, полоса, серп, струя, шар; круглая икона.*): *На юге в сизой мгле всходила исполинская луна* [Паустовский, 1981а, с. 336], а также опосредованно: *Лунные круги разошлись к берегам* [Паустовский, 1982б, с. 108]; *Лунная полоса бежит по воде* [Паустовский, 1984, с. 329]; б) месяц (*серп, огромный серп, ущербный*⁸⁶): *красавиц – томных, волооких, сидящих, заложив нога на ногу, на огромном серпе месяца* [Паустовский, 1982с, с. 259];

– темпоральную: а) луна (*предрассветная, полночная, подымавшаяся к полуночи, поздняя; средневековая и др.*): *В небе висела далёкая, только что родившаяся*⁸⁷ *луна*

⁸⁶ *ущерб* «о луне, месяце в виде серпа, который постепенно уменьшается» [Большой, 2000, с. 1412] – связь параметрической (форма) и темпоральной составляющей.

⁸⁷ Взаимосвязь темпоральной и антропоморфной характеристик.

[Паустовский, 1981b, с. 169]; *луна* поднялась над чащами и *поплыла* своим *вековечным путём* [Паустовский, 1983а, с. 422]; б) месяц (молодой⁸⁸, тонкий – поздний, умирающий и др.): сумерки, когда над зарослями деревенского сада висит *тонкий месяц*, яростные споры за чаем [Паустовский, 1982а, с. 537]; *взошёл над тёмным Киевом серп умирающего месяца* и поплыл над беззвучной украинской ночью [Паустовский, 1982b, с. 651];

– антропоморфную: а) луна (только что родившаяся; убранная, как невеста; владетель этих тёмных вод; слепая, опухшая, смертельно бледная, мёртвая; томится и др.): за лесами и низкими чащами поднялась багровая *мёртвая луна*, прогудела выть [Паустовский, 1982b, с. 78]; б) месяц (усталый, умирающий; запутался в лесной чаще, внимательно смотрел и др.): *Розовые лучи протянулись в вышину, где ещё висел месяц, усталый и побледневший от ночного скитания по огромному небу* [Паустовский, 1982а, с. 151]. Прогнозируемо использование в её создании и термина цвета: *Поседевшая луна висела среди голых ветвей* [Паустовский, 1982b, с. 293];

– световую: а) луна (блеск, зарево, огонь, свет; блистала, сверкает, светила, сияла – мгла; не давала света и др.): *Казалось, его [моря] дно состояло из хрусталя, освещённого снизу лунным огнём* [Паустовский, 1981b, с. 79]; *Почти все пристани убраны в затоны, бакены сняты, и ночью наш пароход мог идти только потому, что над землёй лежала серая лунная мгла* [Паустовский, 1983а, с. 389]; б) месяц (свет, свечение; сверкал, светил): *Только едкий дым быстро струился к небу и застлал свет месяца* [Паустовский, 1982а, с. 86]. В основе создания световой характеристики часто лежит использование изобразительно-выразительных средств языка: *Она [луна] была похожа на громадный, догорающий после праздника фонарь, – она висела в пыли, как бы поднятой тысячными толпами, собравшимися на народные увеселения* [Паустовский, 1984, с. 272];

– интенсивность освещения: а) луна (бледная, чистая – тусклая, туманная, мутная и др.): *Но не всё ли равно, – уже поднялась смертельно⁸⁹ бледная луна* [Паустовский, 1983b, с. 142]; *Тусклая луна за облаками, – страшная даль* [Паустовский, 1982а, с. 198]; б) месяц (бледный, побледневший, нежный, прозрачный, необыкновенно чистый – мутный, туманный, затуманенный и др.): *Месяц бледнел при каждой вспышке молнии* [Паустовский, 1982b, с. 258]; *В туманном небе низко висел мутный месяц. Он почти не давал света* [Паустовский, 1983b, с. 372];

– оценочную: а) луна (бесплодный, бесстрастный; великолепие, могущество; магически блистала и др.): *Хаким ненавидел две вещи – луну и паровой катер, который*

⁸⁸ Луна в первой четверти.

⁸⁹ Взаимосвязь с антропоморфной характеристикой.

часто приходил к ним на северные промыслы из залива [Паустовский, 1981а, с. 475];

б) месяц: *Только **месяц был всё же мутен, зловещ*** [Паустовский, 1982а, с. 87];

– температурную: луна (*холодная – жар* и др.): *увидел за окном в освещении, похожем на отблеск **лунного холодного огня**, пенистую даль океана и чёрное дерево под окном* [Паустовский, 1983а, с. 433]; *От луны исходил **жестокий жар*** [Паустовский, 1983б, с. 90];

– влажностную: *показался **мокрый от дождя месяц*** [Паустовский, 1982б, с. 561].

Таким образом, количество словоупотреблений лексем *луна, месяц* и создаваемая посредством их широкой атрибуции многосторонняя характеристика небесного тела свидетельствуют о важности луны в языковой картине мира К.Г. Паустовского, описание которой было бы неполным без учёта колористической составляющей, чрезвычайно значимой для мировосприятия писателя [Сивова, 2018].

Тем более, что цвет луны, согласно исследованиям проф. В.К. Харченко, включён в цветовую палитру современного русского языка, что подтверждают следующие зафиксированные в «Словаре цвета» цветообозначения⁹⁰: *лунно, лунно-бликий, лунно-загадочный, лунно-зелёный, лунно-золотой, лунный* [Харченко, 2009, с. 232–233].

Колористический диапазон, используемый К.Г. Паустовским для визуализации луны, включает 15 терминов цвета, которые можно сгруппировать по блокам цвета, разработанным проф. Р.М. Фрумкиной [Фрумкина, 1984]. Таким образом, качественный состав данного диапазона специфичен преобладанием имён цвета из блока «красные»: ***багровый** (висит багровая луна), **красный** (месяц покрывался красноватым пеплом), **кровавый** (низкая кровавая луна), **розовый** ([луна] казалась розовым облаком)* и квазиблока «оранжевые»: ***оранжевый** (луна – оранжевая и зрелая), **рыжий** (выползла рыжая луна), **ржавый** (подымалась заржавленная луна)*. В меньшей мере – из блока «жёлтые»: ***золотой** (в золотеющем тумане молодого месяца), **жёлтый** (вокруг неё [луны] переливался желтоватый круг)*, блока «серые»: ***серый** (серая лунная мгла)* и блока «белые»: ***белый** (белая луна над ними)*, а также «промежуточного» имени цвета: ***серебристый / серебряный** (серебряная луна низко висела)*. Не представлены имена цвета из блоков «зелёные», «синие», «фиолетовые», «коричневые», квазиблока «кремовые». Колористический спектр расширяется цветообозначениями, не включёнными в блоки цвета, но зафиксированными в лексикографических источниках: ***медный** (луна освещала медным огнём), **ртутный***

⁹⁰ *лунно* лунным светом, бледно, зеленовато; *лунно-бликий* цвета луны, лунного цвета, блестящий желтовато-белый; *лунно-загадочный* с таинственным лунным блеском, серебристо мерцающий; *лунно-зелёный* серебристый жёлто-зелёный, лимонно-зеленоватый; *лунно-золотой* цвета золотой луны, светящийся жёлтый; *лунный* с бледным светом, будто освещённый луной; белый с палево-голубым отливом; похожий на свет луны, очень бледный [Харченко, 2009, с. 232–233].

(*ртутный её* [луны] *свет*), *седой* (*поседевшая луна*), и образными колоративами, наделяемыми семантикой цвета контекстуально (*пыльная луна*).

В количественном отношении значим термин цвета *серебряный*⁹¹, который, как и *золотой*, создаёт эффект динамики цвета, актуализируя значение «становиться серебристым», «блестеть, отливая серебром»: *Над умолкнувшими рощами и полями на смену солнцу подымался, серебрясь в глубине неба, серп луны* [Паустовский, 1982b, с. 343]; *В Саксонском саду в сумраке, в золотеющем тумане молодого месяца распускалась сирень* [Паустовский, 1981a, с. 186]. Характерно, что оба термина цвета активно участвуют в создании высокохудожественных колористических описаний луны, основанных на использовании изобразительно-выразительных средств языка: *Молодой, нежный месяц, будто забытый жницей серебряный серп, лежал на синем пологе ночи* [Паустовский, 1983a, с. 464]; *Мутно светили лампы, и только луна за пыльным окном сияла круглой золотой иконой* [Паустовский, 1982a, с. 450], что в значительной степени верно и для характера функционирования термина цвета *розовый*: *луну, видную снизу даже днём и похожую на клубок розового пара, замёрзшего в холоде недосягаемых высот* [Паустовский, 1981b, с. 138]; *Она [луна] казалась розовым облаком, занесённым на головокружительную высоту* [Паустовский, 1983a, с. 92]; *В чистом небе над осокорями стояла луна, убранная, как невеста, розовыми венцами* [Паустовский, 1983b, с. 9].

В колористической визуализации луны в равной степени представлены термины цвета *багровый* и *красный*, входящие в блок «красные»: *Волны лениво перекачивали багровый⁹² лунный шар* [Паустовский, 1981a, с. 336], причём функционирование последнего константно сопряжено с негацией: *поднялась кровавая⁹³ луна, и свет её казался мне зловещим и мёртвым* [Паустовский, 1983a, с. 155].

Термин цвета *белый* расширяет область функционирования лексем *луна, месяц* за рамки не только небесного пространства: *Татьяна Андреевна долго умывалась. В окна светила луна. Вода лилась из кувшина в таз белой лунной струёй* [Паустовский, 1981b, с. 317], но и собственно природного (пространство сна): *Снились миражи – мелкие красные моря и белая луна на головокружительной высоте* [Паустовский, 1983b, с. 90].

Функциональный потенциал термина цвета *жёлтый* заключается как в собственно цветообозначении: *Мы сидели за столом, освещённым только уличными фонарями и большой и слепой жёлтой луной* [Паустовский, 1983b, с. 221], так и в передаче цвето-

⁹¹ Значение «серебристо-белый» передаётся также термином цвета *ртутный*: *Ртутный её [луны] свет проникал в чащи, где всё трубил, печально звал кого-то лось* [Паустовский, 1983a, с. 423].

⁹² *багровый* «густо-красный», «цвета крови», «пурпурный», «тёмно-красный с синеватым отливом» [Большой, 2000, с. 54].

⁹³ *кровавый* «ярко-красный, цвета крови» [Большой, 2000, с. 471].

световых впечатлений: *В туманном небе на головокружительной высоте стояла одинокая луна, и вокруг неё переливался⁹⁴ желтоватый круг* [Паустовский, 1983а, с. 261], что верно и для цветообозначения *медный*: *Только луна, поднявшаяся к полуночи, мелькала позади сосен и освещала медным огнём лица пассажиров* [Паустовский, 1983а, с. 409].

Несут отпечаток образности колористические описания, построенные на основе терминов цвета *оранжевый*: *Над путями всходила луна – оранжевая и зрелая, как исполинский апельсин* [Паустовский, 1984, с. 267], *красный*: *Месяц опускался к земле, покрывался красноватым пеплом* [Паустовский, 1981b, с. 319], *серый*: *бакены сняты, и ночью наш пароход мог идти только потому, что над землёй лежала серая лунная мгла* [Паустовский, 1983а, с. 389], *ржавый*: *Над пустошами, заросшими низким лесом и жёлтой травой, над порубками и болотами подымалась заржавленная луна* [Паустовский, 1982а, с. 449], равно как и на основе образных колоративов, принадлежащих области авторского словотворчества и в высшей степени отражающих уникальность цветовосприятия писателя: *Пыльная луна висела над городом* [Паустовский, 1982b, с. 156].

Особого внимания заслуживают контексты, в которых лексема *лунный* актуализирует цветовое значение, приобретая статус термина цвета: *Там, в сиянии голубого, розового, золотого и лунного света, появился дворец. И мама, убегая из него, потеряла на лестнице хрустальную туфельку* [Паустовский, 1983b, с. 34]; *обстановка репетиций – заглушённая музыка, повторяющая двадцать раз одно и то же, стук молотков, сказанная внезапно и нараспев пушкинская строфа, перемены света то лунного, то золотого, вопли художника и режиссёров* [Паустовский, 1984, с. 363].

Опосредованно информация о цвете луны содержится в функционирующих в текстах К.Г. Паустовского описаниях лунного камня⁹⁵, актуализирующих как цветовую: *[мыс] представал в неузнаваемом и великолепном виде – то жёлтым и диким, выпукло отлитым на синеве далёких гор, похожих на грозовые тучи, то чёрным, как сиенит, изрезанным синими провалами ущелий, то голубым, как лунный камень* [Паустовский, 1981b, с. 116]; *Их [отблесков волн] зелёное сияние было нежно, как цвет лунного камня* [Паустовский, 1981а, с. 432], так и световую составляющую: *А после дождей небо над Киевом светилось, как купол из лунного камня* [Паустовский, 1982а, с. 182].

Принимая во внимание, что ассоциативный тезаурус – это «модель сознания, которая представляет собой набор правил оперирования знаниями определённой культуры (вербальными и невербальными значениями), отражающими образ мира данной культуры»

⁹⁴ *переливаться* «блестеть, сверкать переходящими один в другой оттенками, тонами» [Большой, 2000, с. 808].

⁹⁵ *лунный камень* «разновидность полевого шпата с синевато-голубым отливом» [Большой, 2000, с. 507].

[Уфимцева, 2016, с. 245], сопоставим⁹⁶ колористический спектр, иллюстрирующий авторское цветовое впечатление о луне / месяце: *серебряный, золотой, багровый, кровавый, розовый, белый, жёлтый, медный, оранжевый, ржавый, ртутный, рыжий, седой, серый, красный*, с «цветовыми» реакциями на стимулы «луна», «месяц», зафиксированными в «Русском ассоциативном словаре»: луна – *жёлтая, белая, голубая, жёлтый, золотая, белая, белолицая, жёлтое, желток, молоко, печальная желтела, синяя* [Русский, 2002, с. 301]; месяц – *серебристый, жёлт, жёлтый, золотой, красный, перламутр, серебряный* [Русский, 2002, с. 318]. Результаты свидетельствуют о превалировании авторского цветового восприятия луны.

Помимо этого отметим, что колористический спектр, используемый К.Г. Паустовским, значительно шире спектра, который приводится в описании формируемой когнитивными признаками, «в своей совокупности отображающими представления о различных существенных для понимания концепта аспектах конкретизации объекта» [Концептосфера, 2017, с. 15] приядерной зоны концепта Луна: «Цвет луны меняется от бледно-жёлтого до оранжевого, редко красного в зависимости от погодных условий, времени суток, времени года» [Концептосфера, 2017, с. 45].

Сопоставление⁹⁷ выявленных проф. В.Г. Кульпиной на материале художественных текстов присущих русскоязычному ареалу цветовых характеристик месяца (в алфавитном порядке): *алый, багровый, жёлтый, золотой, розовый, рыжий, серебряный* и луны: *белый, голубой, серебряный* [Кульпина, 2001, с. 225] с колористическим спектром, эксплицирующим авторское восприятие небесного тела: *серебряный, золотой, багровый, кровавый, розовый, белый, жёлтый, медный, оранжевый, ржавый, ртутный, рыжий, седой, серый, красный*, также свидетельствует в пользу уникальности индивидуально-авторской колористической перцепции луны. Вместе с тем К.Г. Паустовский остаётся в притяжении национального языкового стандарта, для которого в большей степени характерна, согласно исследованиям проф. В.Г. Кульпиной, корреляция *луна – серебряная* [Кульпина, 2001, с. 227].

Таким образом, являясь одним из ключевых концептов русского языка, концепт «Луна» обладает ярко выраженной, обусловленной индивидуально-авторским восприятием спецификой, проявляющейся в художественной прозе К.Г. Паустовского. Принимая значимое участие в моделировании пространства и времени произведений, луна соотносится с широким спектром взаимопересекающихся характеристик, среди которых колористическая имеет особое значение. Проявляя основные черты цветописи писателя,

⁹⁶ Выделены уникальные для каждого списка термины цвета.

⁹⁷ Выделены уникальные для каждого списка термины цвета.

наделённые мощным функциональным потенциалом, термины цвета создают прямые и опосредованные колористические описания луны, в которых фокус авторского внимания направлен не столько на собственно цветообозначение, сколько на приращение смыслов, усиление эффекта эмоционального воздействия на основе цвета. Колористическая визуализация луны отмечена высокой степенью авторского восприятия, вместе с тем несёт отпечаток национального цветового стандарт, таким образом многосторонне отражая языковую личность трижды номинированного на Нобелевскую премию русского советского писателя К.Г. Паустовского.

Список литературы:

- Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.
- Ерофеева И.В.* Луна как элемент поэтической картины мира Ф.И. Тютчева и А.А. Фета / И.В. Ерофеева, А.И. Сабирова // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика: междунар. конф. VI Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 18–21 окт. 2017 г.): тр. и матер. : в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина [и др.], Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2017. Т. 1.
- Журавлёва О.Н.* Луна как действующий персонаж в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (о метафоризации деятельности) / О.Н. Журавлёва // Лингвокультурология, 2007. Вып. 1.
- Захарова Т.В.* Концептуализация луны в индивидуально-авторской картине мира Клеменса Брентано / Т.В. Захарова // Вестник Кузбас. гос. пед. акад., 2013. № 2 (27).
- Исаев Г.Г.* Солнце и луна в художественной картине мира книги Рюрика Ивнева «Солнце во гробе» / Г.Г. Исаев // Современные исследования в филологии, лингводидактике и журналистике: сб. науч.-метод. ст. / Астрахан. гос. ун-т. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2018.
- Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии): словарь / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2017.
- Кочнова К.А.* Ночь в языковой картине мира А.П. Чехова / К.А. Кочнова // Вестник Томск. гос. ун-та., 2015. № 393.
- Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках / В.Г. Кульпина. М. : Моск. Лицей: Рус. филол. вестник, 2001.
- Паустовский К.Г.* Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит. 1981–1986. Т. 1: Романы и повести. 1981а.; Т. 2: Роман и повест и. 1981b; Т. 3: Повести. 1982а; Т. 4: Повесть о жизни. Кн. 1–3. 1982b; Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6. 1982с; Т. 6: Рассказы. 1983а; Т. 7: Сказки; Очерки; Литературные портреты. 1983b; Т. 8: Пьесы; Теория капитана Гернета: Документальная повесть; Статьи и выступления. 1984.
- Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / редкол.: Ю.Н. Караулов [и др.]. М.: АСТ-Астрель, 2002. Т. I: От стимула к реакции. 2002.
- Сивова Т.В.* Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Т.В. Сивова; БГУ. Минск, 2018.
- Сидорова Н.П.* Особенности концептуализации луны в авторской картине мира Оскара Уайльда / Н.П. Сидорова // Язык. Текст. Дискурс, 2008. № 6.
- Сидорова Н.П.* Сопоставительный анализ структур и способов актуализации русского и английского концептов луна и moon: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Н.П. Сидорова; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2010.
- Стафеева О.В.* Естественнонаучное и филологическое знание как объект лингвистической категоризации. Космонимы «Солнце» и «Луна» в контексте языка и культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О.В. Стафеева; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2003.
- Уфимцева Н.В.* Языковая картина мира: проблемы моделирования / Н.В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики, 2016. № 1.
- Фрумкина Р.М.* Цвет. Смысл. Сходство (аспекты психолингвистического анализа) / Р.М. Фрумкина. М.: Наука, 1984.

Харченко В.К. Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское / В.К. Харченко. М.: Лит. ин-т им. А.М. Горького, 2009.

Холина Д.А. Метафора и миф в лингвопоэтической картине мира У.Б. Йейтса / Д.А. Холина // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2011. № 1.

Штырлина Е.Г. Образ луны в поэтическом творчестве К.Д. Бальмонта / Е.Г. Штырлина // Филология и культура. Philology and culture, 2017. № 3 (49).

References:

Babenko L.G. Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii v yazyke i rechi (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii). Slovar' [The Conceptosphere of the Russian language: Key concepts and their representations in language and speech (based on vocabulary, phraseology, and paremiology). Dictionary]. Moscow, Izd. tsentr «Azbukovnik», 2017. 784 p. (In Russian).

Erofeeva I.V., Sabirova A.I. Luna kak ehlement poehticheskoi kartiny mira F.I. Tyutcheva i A.A. Feta // I.A. Boduehn de Kurteneh i mirovaya lingvistika [I.A. Baudouin de Courtenay and World Linguistics]. Izd-vo Kazan. un-ta, 2017. Vol. 1. P. 83–86 (In Russian).

Frumkina R.M. Tsvet. Smysl. Skhodstvo (aspekty psikholingvisticheskogo analiza) [Color. Meaning. Similarity (aspects of psycholinguistic analysis)]. Moscow: Nauka, 1984. 175 p. (In Russian).

Isaev G.G. Solntse i luna v khudozhestvennoi kartine mira knigi Ryurika Ivneva «Solntse vo grobe» // Sovremennye issledovaniya v filologii, lingvodidaktike i zhurnalistike [Modern studies in philology, linguodidactics and journalism]. Izd. dom «Astrakhanskii universitet», 2018. P. 127–133 (In Russian).

Karaulov Yu.N. Russkii assotsiativnyi slovar': v 2 t. T. 1: Ot stimula k reaktzii [Russian associative dictionary: in 2 v. Vol. 1: From stimulus to reaction]. Moscow: Izd-vo «Astrel'», 2002. 784 p. (In Russian).

Kharchenko V.K. Slovar' tsveta: real'noe, potentsial'noe, avtorskoe [Color vocabulary: real, potential, author's]. Moscow: Lit. in-t im. A.M. Gor'kogo, 2009. 532 p. (In Russian).

Kholina D.A. Metafora i mif v lingvopoehicheskoi kartine mira U.B. Ieitsa [Metaphor and myth in the Yeats's linguistic-poetic picture of the world]. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2011. № 1. P. 73–77 (In Russian).

Kochnova K.A. Noch' v yazykovoii kartine mira A.P. Chekhova [Night in A.P. Chekhov's language picture of the world]. Tomsk State University Journal. 2015, № 393. P. 28–36 (In Russian).

Kul'pina V.G. Lingvistika tsveta. Terminy tsveta v pol'skom i russkom yazykakh [Linguistics of color. Color terms in Polish and Russian]. Moscow: Mosk. Litsei: Rus. filol. vestnik, 2001. 470 p. (In Russian).

Kuznetsov S.A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big explanatory Russian dictionary]. Saint Petersburg: Norint, 2000. 1534 p. (In Russian).

Paustovskii K.G. Sobranie sochinenii: v 9 t. T. 1: Romany i povesti. 1981a; T. 2: Roman i povesti. 1981b; T. 3: Povesti. 1982a; T. 4: Povest' o zhizni. Kn. 1–3. 1982b; T. 5: Povest' o zhizni. Kn. 4–6. 1982c; T. 6: Rasskazy. 1983a; T. 7: Skazki; Ocherki; Literaturnye portrety. 1983b; T. 8: P'esy; Teoriya kapitana Gerneta: Dokumental'naya povest'; Stat'i i vystupleniya. 1984 [Collected Works: in 9 v. Vol. 1: Novels. 1981a; Vol. 2: Novels. 1981b; Vol. 3: Tales. 1982a; Vol. 4: A Tale of Life. B. 1–3. 1982b; Vol. 5: A Tale of Life. B. 4–6. 1982c; Vol. 6: Stories. 1983a; Vol. 7: Tales; Essays; Literary portraits. 1983b; Vol. 8: Plays; Captain Gernet's Theory: A Documentary Story; Articles and speeches. 1984]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1981–1986 (In Russian).

Shtyrlina E.G. Obraz luny v poehticheskom tvorchestve K.D. Bal'monta [The image of the moon in K.D. Balmont's poetry]. Philology and culture, 2017. № 3 (49). P. 96–100 (In Russian).

Sidorova N.P. Osobennosti kontseptualizatsii luny v avtorskoi kartine mira Oskara Uail'da [Features of the moon conceptualization in the Oscar Wilde author's picture of the world]. Language. Text. Discourse, 2008. № 6. P. 215–222 (In Russian).

Sidorova N.P. Sopostavitel'nyi analiz struktur i sposobov aktualizatsii russkogo i angliiskogo kontseptov luna i moon: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Comparative analysis of the structures and methods of updating the Russian and English concepts of луна and moon: Ph.D. Abstract Thesis]. Volgograd, 2010. 23 p. (In Russian).

Sivova T.V. Vzaimosvyaz' tsveta, sveta i khronotopa v yazyke proizvedenii K.G. Paustovskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Interrelation of color, light and chronotope in the language of K.G. Paustovsky's works of fiction: Ph.D. Abstract Thesis]. Minsk, 2018. 32 p. (In Russian).

Stafeeva O.V. Estestvennonauchnoe i filologicheskoe znanie kak ob"ekt lingvisticheskoi kategorizatsii. Kosmonimy «Solntse» i «Luna» v kontekste yazyka i kul'tury: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Natural

sciences and philological knowledge as an object of linguistic categorization. Cosmonyms “Sun” and “Moon” in the context of language and culture: Ph.D. Abstract Thesis]. Moscow, 2003. 25 p. (In Russian).

Ufimtseva N.V. Yazykovaya kartina mira: problemy modelirovaniya [Language picture of the world: the problem of modeling]. *Psycholinguistics Issues*, 2016. № 1. P. 238–249 (In Russian).

Zakharova T.V. Kontseptualizatsiya luny v individual'no-avtorskoi kartine mira Klemensa Brentano [Conceptualization of moon in individual and author's world's picture of Clemens Brentano]. *Bulletin of the Kuzbass State Pedagogical Academy*. 2013, № 2 (27). P. 86–89 (In Russian).

Zhuravleva O.N. Luna kak deistvuyushchii personazh v romane M. Bulgakova «Master i Margarita» (o metaforizatsii deyatelnosti) [Moon as a character in the novel “The Master and Margarita” by M. Bulgakov (on metaphorization of activity)]. *Linguoculturology*. 2007, Vol. 1. P. 115–132 (In Russian).

Шмелева Елена Яковлевна
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
г. Москва (Россия)
Швечкова Любовь Аркадьевна
Финансовый университет при Правительстве РФ
г. Москва (Россия)

Shmeleva Elena
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow (Russia)
Shvechkova Lyubov
Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow (Russia)

РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ СОБСТВЕННОСТИ В ЗЕРКАЛЕ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА

RUSSIAN AND ENGLISH WORDS WITH THE MEANING OF PROPERTY IN THE MIRROR OF THE PARALLEL CORPUS

В статье анализируются языковые средства выражения категории посессивности в русском языке в сопоставлении с английским: общие имена и глаголы посессивного отношения, названия субъекта и объектов посессивного отношения. Эти слова используются как в повседневном языке, так и в качестве юридических, экономических и финансовых терминов. На основе анализа примеров из «Национального корпуса русского языка», в том числе русско-английского и англо-русского параллельных подкорпусов удалось уточнить семантику и сочетаемость русских слов со значением собственности. Общее положение, согласно которому универсальная по своей природе категория посессивности имеет разные формы выражения в разных языках получает подтверждение на материале переводных текстов. Из этого вытекает как необходимость особого внимания к соответствующим терминам в официальных документах, так и осознание возможных «подводных камней» при переводе бытовых текстов, затрагивающих отношение собственности.

The article analyzes the linguistic means of expressing the category of possessiveness in the Russian language in comparison with English: general nouns and verbs of the possessive category, the names of the subjects and objects of the mentioned category. These words are used both in everyday language and as legal, economic and financial terms. Based on the analysis of examples from the “Russian National Corpus”, Russian-English and English-Russian parallel corpus inclusive, it was possible to clarify the semantics and compatibility of Russian words with the meaning of possessiveness. The general principle, according to which the universal category of possessiveness has different forms of expression in different languages, is confirmed on the material of translated texts. This implies both the need for special attention to relevant terms in official documents, and the awareness of possible “pitfalls” in the translation of everyday texts concerning the attitude of possessiveness.

Ключевые слова: посессивность, семантический анализ, переводные эквиваленты, Национальный корпус русского языка, параллельный корпус.

Key words: possessiveness, semantic analysis, translation equivalents, Russian National Corpus, parallel corpus.

Среди слов, выражающих значение посессивности, можно выделить общие имена посессивного отношения (*собственность, владение, обладание*), глаголы посессивного отношения (*иметь, владеть, обладать*), названия субъекта посессивного отношения (*собственник, владелец, обладатель, хозяин*) и названия объектов посессивного отношения

(*собственность, имущество, владение*). Эти слова используются как в повседневном языке, так и в качестве юридических, экономических и финансовых терминов. Мы исходим из общего положения, согласно которому универсальное или почти универсальное поле посессивности оказывается очень по-разному разработано разными языками⁹⁸, даже столь типологически схожими, как русский и английский. Мы попытаемся это показать на множестве примеров из «Национального корпуса русского языка», в том числе параллельных англо-русского и русско-английского подкорпусов⁹⁹.

Для английского языка чрезвычайно важно представление о собственности. Слово *property* активно используется в оригинальных английских текстах на самые разные темы для обозначения объекта обладания¹⁰⁰. Этим оно отличается от русского аналога *собственность*, которое редко используется для обозначения объекта обладания. Отсюда его относительно небольшая частотность в повседневных текстах на бытовые темы и в произведениях художественной литературы. По-русски мы редко, если только в шутку, называем то, что нам принадлежит, *собственностью*, мы не скажем **забор вокруг моей собственности, в углу моей собственности, забыть свою собственность* [зонтик или кошелек] *в магазине* и т. п.¹⁰¹, а по-английски в этих конструкциях часто используют слово *property*. Поэтому переводчикам приходится переводить это слово разными русскими словами – *владение, территория, участок, вещи* или вообще опускать в переводе. Ср. (здесь и далее разрядка в примерах наша – Е. Ш., Л. Ш.):

- They had come to ask my grand-aunt the permission to use an empty barn on the confines of her *property* for the staging of a play. / Они пришли просить у моей тетки позволения воспользоваться пустой ригой на границе ее *владений* для устройства там спектакля. [Vladimir Nabokov. Pnin (Г. Барабтарло, Вера Набокова)].

- If a man owns a little *property*, that property is him, it's part of him, and it's like him. / Есть у человека небольшой участок, и он с этим *участком* одно целое, их не отделишь один от другого. [John Steinbeck. The Grapes of Wrath (Н. Волжина)].

- Your embassy has no jurisdiction except on their own *property*. / Юрисдикция вашего посольства распространяется только на его *территорию*. [Dan Brown. The Da Vinci Code (Н. Рейн)]

⁹⁸ См., например, [Иванов 1989].

⁹⁹ В дальнейшем мы не указываем «Национальный корпус русского языка» в тех случаях, когда он использован в качестве источника примера.

¹⁰⁰ У слова *property* есть еще одно значение, которое на русский обычно переводится как *свойство*; здесь мы это значение не рассматриваем.

¹⁰¹ Ср. очевидно шуточное использование слова *собственность* в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова: *Ваши часики? Прошу получить, — развязно улыбаясь, сказал клетчатый и на грязной ладони подал растерянному Римскому его собственность.*

- There is nothing I would not do to bring back thy *property*. / Я бы все сейчас отдала, чтобы вернуть твои *вещи*. [Ernest Hemingway. For Whom The Bell Tolls (Н. Волжина, Е. Калашникова)].

- At the far end of the *property*, netting was erected on high utility poles to protect the freeway drivers from long balls. / В дальнем конце натянули сетку, защищающую от попаданий машины на шоссе. [Michael Connelly. City of Bones. (Д. Вознякевич)].

В русском языке для объектов владения в основном используется слово *имущество*, тогда как слово *собственность*, в отличие от *имущества*, чаще используется не в качестве обозначения объекта, а для указания на отношение владения (можно сказать *иметь имущество в собственности*, но нельзя **иметь собственность в имуществе*)¹⁰².

На английский язык и слово *собственность*, и слово *имущество*, как правило, переводятся словом *property*, ср. статью 35 Конституции РФ и ее перевод на английский язык. В п. 1 ст. 35 *собственность* переводится как *property*:

Право частной собственности охраняется законом. / The right of private property shall be protected by law.

В п. 2 словосочетание *имущество в собственности* переведено при помощи одного слова *property*:

Каждый вправе иметь *имущество в собственности*, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. / Everyone shall have the right to have *property*, possess, use and dispose of it both personally and jointly with other people.

В п.3 *имущество* переводится как *property*:

Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. / No one may be deprived of property otherwise than by a court decision.

Property также является переводным эквивалентом таких русских слов, как *имение, поместье, добро, состояние* и др.:

¹⁰² Посессивное отношение выражается как словом *обладание*, так и словом *владение*. При этом у слова *владение* есть также объектное значение, но в этом значении оно понимается узко, словари отмечают у *владения* в этом значении только значение ‘земли, территории’ (*владения Великобритании, соседские владения*). На самом деле *владениями* также называют большие и/или старинные здания:

Для оптовой торговли Товариществом Тверской мануфактуры было приобретено *владение* на Варварке; старые *владения* все были снесены, и на месте их воздвигнут роскошный дом, с большими светлыми залами, где размещались образцы вырабатываемых ими товаров... [Николай Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое]

Ср. также диалог, в котором официальное значение слова *владение* (*частное vs муниципальное владение*) вступает в противоречие с со значением ‘большой роскошный дом’:

— А тут по документам указано, что частное *владение*, где вы прописаны, принадлежит твоей матери. Это как же так, Горобец? — А вы видали это частное *владение*? Да знаете ли вы, что это — развалившийся сарай, где мы живем уже седьмой год. [Евгений Попов. Мыслящий тростник].

Но в любом случае слово *владение* относится только к ограниченному кругу объектов.

- В каждом слове и движении его выражалась гордость, основанная на сознании того, что он пожертвовал собой для матери и выкупил *имение*, и презрение к другим за то, что они ничего подобного не сделали. / In his every word and movement spoke pride based upon a consciousness of having sacrificed himself for his mother and redeemed the *property*, as well as contempt for any one who had not done something of the same kind. [Л. Н. Толстой. Юность (C. J. Hogarth)]

- Ну вот живет генерал в своем поместье в две тысячи душ, чванится, третирует мелких соседей как приживальщиков и шутов своих. / So our general, settled on his property of two thousand souls, lives in pomp, and domineers over his poor neighbors as though they were dependents and buffoons. [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (Constance Garnett)]

- А после него опять тоненькие наследники спускают, по русскому обычаю, на курьерских все отцовское *добро*. / And is destined to leave his *property* to heirs who are purposing to squander the same on foreign travel. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (D.J. Hogarth)]

- Имел он *состояние* независимое, по прежней пропорции около тысячи душ. / He had an independent *property* of about a thousand souls, to reckon in the old style. [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (Constance Garnett)]

Объектами владения может быть недвижимое имущество (*имение, дом, квартира*) или большое движимое (*машина, яхта или самолет*), но также человеку могут принадлежать личные вещи – *шляпа, зонтик, часы, носовой платок*, которые по-русски называются словом *собственность* или словом *имущество* только в особых контекстах, как в приведенной выше реплике Коровьева (Фагота), в которой слово *собственность* применено к наручным часам, и в реплике Бобынина, говорящего министру Абакумову в романе Солженицына «В круге первом»:

У меня ничего нет, вы понимаете — нет ничего! <...> *Имущества* у меня всего на земле — носовой платок, а комбинезон и вот бельё под ним без пуговиц, — он обнажил грудь и показал, — казённое¹⁰³.

В имеющихся переводах на английский язык слово *собственность* в примере из «Мастера и Маргариты» переводится как *property* (переводчики — Larissa Volokhonsky, Richard Pevear)¹⁰⁴, а фраза *Имущества у меня всего на земле — носовой платок* в примере из Солженицына – как *All I own in this world is a handkerchief* (переводчик — Harry T. Willetts), но как кажется и во втором примере можно было бы перевести слово

¹⁰³ В телесериале по роману «В круге первом» необычное употребление слова *имущество* по отношению к носовому платку еще подчеркивается тем, что Абакумов указывает Бобынину на забытый им в кабинете носовой платок и говорит: «Вы свое имущество забыли».

¹⁰⁴ ‘Kindly take it,’ the checkered one said, smiling casually and offering the bewildered Rimsky his own *property* on a dirty palm.

имущество как *property*. Но обычно, когда говорят о небольшом имуществе, о том, что по-русски часто называют словами *вещи* или *пожитки*, в качестве переводного эквивалента слова *имущество* чаще используют слово *possession* во множественном числе, т. е. *possessions*.

- Когда пошли из коридора, Гелла несла чемодан, в котором был роман и небольшое *имущество* Маргариты Николаевны, а кот помогал Гелле. / When they left the corridor, Hella was carrying the suitcase containing the novel and Margarita Nikolaevna's few *possessions*, and the cat was helping Hella. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky)]

- Мигом он сообразил, как это исполнить, как сделать, чтобы в Берлин не возвращаться более, как выписать сюда свое небольшое *имущество* — книги, синий костюм, ее фотографию. / In a moment he figured out how De would manage it so as not to have to return to Berlin again, how to get the few *possessions* that he had — books, the blue suit, her photograph. [В. В. Набоков. Облако, озеро, башня (Peter Pertzov, Vladimir Nabokov)]

- Легко сказать «трудись», или «раздай свое имущество бедным», или «познай самого себя», и потому, что это легко сказать, я не знаю, что ответить. / It is easy to say “work,” or “give your possessions to the poor,” or “know yourself,” and because it is so easy to say that, I don't know what to answer. [А. П. Чехов. Скучная история (Constance Garnett)]

Хотя слово *собственность* считается «основным» русским посессивным словом¹⁰⁵, оно так и не стало обычным русским словом — не только в тексте Конституции, законов или договоров, но и в текстах СМИ или в разговорной речи оно сохраняет юридические коннотации и, как уже говорилось, чаще указывает не на объект посессивного отношения, а на само отношение. Ср. словосочетания *находиться в собственности, формы собственности, частная, государственная, федеральная, интеллектуальная собственность*, напр.:

- ...жилье находится в *собственности* партнера банка — лизинговой компании, а клиент имеет статус арендатора. [Алексей Чеботарев. Жильем по ипотеке // «Эксперт», 2014]

¹⁰⁵ Ср. «В русском языке много слов, выражающих так называемые посессивные отношения (отношения принадлежности). Это притяжательные местоимения *мой, наш, твой, ваш, свой*, глаголы *иметь, владеть, обладать, присвоить, принадлежать*, прилагательные *личный, частный, собственный*, существительные *собственность, имущество, добро, имение, владение*. / *Собственность* имеет ряд преимуществ по сравнению со всеми этими словами. Конечно, на роль носителя концепта больше подходит существительное, чем другие части речи. Кроме того, слово *собственность* имеет ясную внутреннюю форму. *Собственный, собственность* этимологически связано с возвратным местоимением *себя/собой* и поэтому лучше всего выражает идею нерасторжимой связи с объектом обладания» [Левонтина, Шмелев, 2019, с. 128]

- ...можно было привлечь к реализации программы как можно больше СМИ вне зависимости от их форм *собственности*. [Маргарита Спиричева. Деньги, выброшенные на слова // «Богатей» (Саратов), 2003.10.09]

- В том типе государства, которым был СССР, всё было национализировано и не могло быть частной *собственностью*. [Екатерина Григорьева, Елена Загородняя, Игорь Моисеев. Кремлевская мечта. Четыре президента сочинили новый экономический союз // «Известия», 2003.02.24]

- Мы можем много говорить о столичных функциях, спорить о федеральной, муниципальной *собственности*... [Александр Кузьмин. До восьми — инвестор, после восьми — обычный москвич // «Вечерняя Москва», 2002.04.11]

- Игорь Артемьев пояснял, что регулирование распространяется не на интеллектуальную *собственность*, а на товар, который произведен с ее использованием и выведен на рынок. [Александр Лабькин. Не надо ограничивать рост // «Эксперт», 2014]

Можно добавить, что и русское слово *собственность*, и английское *property* используется как метаязыковые единицы, через которые объясняется значение других слов, ср. словарные толкования русских глаголов *владеть* и *обладать* «иметь что-л. в собственности» и английских *to own* «have as property» и *to possess* «hold as property».

Правда, строго говоря, *владеть* – это не совсем то же самое, что *иметь в собственности*. Так, в юриспруденции это понятия, имеющие разный правовой статус, точно так же, как *владение чем-л.* – это не то же, что *собственность*. Вспомним, приведенное выше словосочетание из Конституции Российской Федерации *иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им*. Ср. также:

...в начале XX века российская цивилистика переживала настоящий подъём. Особенно это касалось институтов *собственности* и *владения*. (Эти термины обозначают различные формы господства над вещью и не являются синонимами...) [Наталья Фёдорова. Неотъемлемое свойство // «Родина», 2007]

Но в не строго терминологическом употреблении *владеть* и *иметь в собственности* и *владение* и *собственность* — более-менее одно и то же. Ср.:

В отличие от юридической терминологии, в русском разговорном языке слово «владение» обычно является синонимом слова «собственность», а слово «владелец» в быту обычно используется как синоним слова «собственник». [<https://ru.wikipedia.org/wiki/Владение>].

При этом и глагол *владеть*, и особенно отглагольное имя *владение* в русском языке часто используются при описании отношения с собственностью, имуществом, ср. сочетания *владеть собственностью, владеть имуществом, владение собственностью,*

*владение имуществом, а также временное, совместное, наследственное, потомственное владение; вступить, получить, перейти во владение и др.*¹⁰⁶

Субъектом глагола *владеть* может быть как физическое лицо (одушевленный субъект), так и юридическое лицо (неодушевленный субъект):

- Я осталась — *владеть* зданиями, парками, банками, доставшимися мне. [А. А. Старобинец. Живые (2005)]

- Он включает и тех, кто *владеет* мощными заводами и корпорациями, сетями магазинов и супермаркетов, самолётами и теплоходами, и тех, кто имеет небольшой доход от торгового места на вещевом рынке... [Янис Астафьев. Кто будет работать в России в 2015 году? // «Отечественные записки», 2003]

- Органы управления здравоохранением и медицинские учреждения имеют право *владеть* акциями страховых медицинских организаций. [Закон О медицинском страховании граждан в Российской Федерации (1991) // «Энциклопедия российского права», выпуск 2 (96) 2004]

- ООП платила пенсии и стипендии, оплачивала медицинские расходы, *владела* газетами, фармацевтическими и текстильными фабриками... [Вячеслав Белаш. Организатор освобождения Палестины // «Коммерсантъ-Власть», 1999]

Как правило, глагол *владеть* направлен на неодушевленные ценные объекты (ср. толкование соответствующего значения в «Активном словаре русского языка»: «Только А1 имеет право делать с достаточно ценным объектом А2 все, что не нарушает закон» [Июдин, 2014, с. 151]): *жилье, земля, вклады, акции, компании, средства массовой информации*. Если с юридической точки зрения человек владеет квартирой, дачей или вкладом в банке независимо от их размера и стоимости, то в обычной речи объектами глагола *владеть* является только элитная недвижимость или большие деньги: *Он владеет виллой на Лазурном берегу, десятью акрами земли и миллионом долларов, но не Он владеет квартирой в пятиэтажке, шестью сотками и тремя тысячами рублей*. Исторически объектом глагола *владеть* могли быть люди – рабы или крепостные крестьяне, но поскольку их продавали, передавали по наследству, дарили, они в каком-то смысле рассматривались как неодушевленные объекты. В более позднее время сочетания, в которых глагол *владеть* имеет в качестве объекта слово, обозначающее человека, стали иметь метафорическое значение:

¹⁰⁶ Поссесивное значение глагола *владеть* («иметь в собственности») на английский язык чаще всего переводится одним из двух глаголов: *to own* и *to possess*.

Безраздельно хочет она *владеть* этим Человеком! Его желаниями, его порывами, его фантазией. [А. Н. Вербицкая. Ключи счастья]¹⁰⁷

Объектом глагола *владеть* в стандартном употреблении не могут быть дети, по-видимому, так можно сказать только в шутку:

Владеет двумя дочерьми, собакой и кошками. [Ирина Дедюхова. Я обвиняю! // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.12.21].

На первый взгляд кажется, что *владеть собакой и кошками* – это тоже шуточное или образное употребление. Однако оказалось, что конструкция *владеть кошкой, собакой* используется в современных текстах. Ср. примеры из Интернета:

- *Владеть* собакой – дело ответственное. [https://www.gamamarket.ru/articles/soveti_vladelcam_sobak/vladet_sobakoy_delo_otvetstvennoe]
- Каждая четвёртая семья в Великобритании *владеет*, по меньшей мере, одной собакой. [<https://maxpark.com/user/4297704877/content/4497893>]
- Сколько стоит *владеть* собакой или кошкой? [АиФ, 04.10.2019].

Такие употребления все же представляются не вполне нормативными.

Объектами при существительном *владение* тоже обычно являются ценные предметы, а также рабы и крепостные (*души*). Возможно также образное или шуточное употребление этого слова по отношению к предметам, которые кажутся ценными тому, кто в данный момент получает их, или по отношению к человеку, над которым кто-то получает власть:

- Хозяин наполнил фужер до краев и любезно преподнес его Моргунову, оставив ему в персональное *владение* и весь графин. [Георгий Жженов. Прожитое (2002)]
- Я протянул ей остатки своего состояния и вступил во *владение* бутылкой. [Борис Левин. Блуждающие огни (1995)]
- Чибо подняла вуаль, бледная и вызывающая, молча показала носильщику место, куда поставить вещи, и положила руку на рукав своего спутника, будто беря его в свое *владение*. [М. А. Кузмин. Крылья (1905-1906)]

Помимо значения «иметь в собственности», толковые словари русского языка выделяют у глагола *владеть* также значения «контролировать что-л., управлять чем-л.» (*владеть собой, владеть ситуацией*) и «уметь пользоваться, искусно обращаться с чем-л.» (*владеть компьютером, владеть английским языком*). Субъект глагола *владеть* в обоих

¹⁰⁷ В отличие от глагола *овладеть*, имеющего значение «вступить в половую связь», у глагола *владеть* такое значение не отмечается, хотя есть отдельные примеры такого употребления: *И мне пока радостно жить, так как остаюсь мужиком — мыслимое ли дело далеко за 70 почти каждый Божий день (вечер) владеть женщиной (и какой!)* [Последняя любовь // «Профессионал», 1998.07.01]

значениях всегда одушевленный, прототипически это человек; номинализацией этих значений, как и посессивного значения, также является слово *владение* (*владение английским языком, владение ситуацией*¹⁰⁸).

Особняком стоит только значение, которое словари считают оттенком значения «управлять чем-л.», в которых субъектом являются мысли и чувства, а объектом человек (*только одно желание владело им*). Это значение не подвергается номинализации: нельзя сказать **владение им только одного желания*. Если значение в оборотах *владеет собой, ситуацией* русскими толковыми словарями объясняется через понятие контроля, а их английский переводной эквивалент – *to be in control of oneself, of smth.*, то состояние, когда кем-то владеют чувства или эмоции, обозначается английским языком как *to take possession of smb.*

У глагола *обладать* словари выделяют три основных значения: (1) иметь своей собственностью, (2) иметь в числе своих характерных качеств, свойств, (3) иметь в качестве жены, любовницы. В отличие от слов *владеет, владение*, слова *обладать, обладание* не являются юридическими терминами, это слова повседневного языка. При этом в повседневном языке *обладать, обладание* часто используются в тех же конструкциях, что и *владеет, владение*, ср. *обладать собственностью, обладать имуществом, обладание собственностью, обладание имуществом*, а также *обладать долями собственности, способы вступления в обладание собственностью*. Как и у *владеет*, субъекты глагола *обладать* в этом значении могут быть как одушевленными (люди), так и неодушевленными. Объектами при глаголе *обладать* в первом значении могут быть разные предметы (ковры, хрусталь, квартира, машина), а также крепостные (*души*), но нельзя *обладать* мужем/женой, детьми или домашними животными: **Он обладает двумя детьми и кошкой*¹⁰⁹.

При названиях стран или государств объектом *обладать* может быть и неотъемлемая собственность:

Россия *обладает* огромными природными ресурсами. [Кузнецов, 1998]

¹⁰⁸ Интересно, что не говорят **владение собой*, хотя есть слово *самообладание* (от *обладать собой*, ср.: *Проговорил Смердяков хоть и не спеша и обладая собою по-видимому, но уж в голосе его даже послышалось нечто твердое и настойчивое, злобное и нагло-вызывающее*. [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы]).

¹⁰⁹ По-видимому, в XIX в. можно было сказать *обладать дочерью*, ср. *Из той ватаги гулявших господ как раз оставался к тому времени в городе лишь один участник, да и то пожилой и почтенный статский советник *, обладавший семейством и взрослыми дочерьми...* [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. 1-2) (1878)]. В современном языке такие словосочетания, как **обладать сыном* или **обладать собакой*, возможны только в особом контексте, когда ребенок или домашнее животное рассматривается в ряду особо престижных вещей.

Как люди, так и неодушевленные субъекты могут *обладать* абстрактными сущностями, такими, как *власть, право* и т. п., напр. *обладать полнотой власти, обладать правом на самоопределение*.

В переводах на английский язык словосочетаний *обладать недвижимостью* или *обладать ценными бумагами* обычно используются глаголы *to own* и *to possess (to own real estate, to possess securities)*, а в переводах *обладать властью, правами* — чаще глагол *to have (to have the power, rights)*.

Значительная часть примеров с глаголом *обладать* в НКРЯ – это примеры на *обладать* в значении «иметь своими характерными качествами, свойствами». Объектом *обладать* в этом значении является «неотъемлемая собственность» – внешние или внутренние качества человека или животного, свойства предмета. Если субъектом глагола *обладать* является человек, его свойства могут быть как природными, так и благоприобретенными (*Он обладал хорошей внешностью, высокой культурой речи, большой музыкальностью, ярким темпераментом, искусством перевоплощения*). При этом и природные свойства человека могут меняться с течением времени, ср. *В молодости она обладала прекрасной фигурой, но после родов потолстела*. Если субъектом *обладать* является неодушевленный предмет, обычно речь идет об обладании постоянными свойствами. Конструкция *обладать какими-либо свойствами, чертами характера* переводится на английский конструкциями с глаголами *to possess* и *to have*, а *обладание какими-либо качествами* так же, как и *обладание женщиной*, — как *possession*¹¹⁰.

В этом значении глагол *обладать* не синонимичен глаголу *владеть*: нельзя сказать ни **он владел хорошей внешностью*, ни **экстракты одуванчика и ромашки владеют противовоспалительными свойствами*. Глагол *владеть* может сочетаться со словами, называющими части тела, тело или голос, но в этих конструкциях он имеет значение ‘быть в состоянии действовать, уметь пользоваться’: *владеть ногами, своим телом, голосом*.

Тот, кому принадлежит что-л., может быть назван по-русски *владелец, обладатель, собственник* или *хозяин* (ср. соответствующую словарную статью в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [Левонтина, 2004, с. 110-112]). Слово *владелец* соотносится только с посессивным значением глагола *владеть*, не говорят ни **владелец мячом*, ни **владелец ситуацией*, ни **владелец английским языком*. Так же, как и *владеть*, и *владение*, слово *владелец* используется как юридический термин, причем в юридическом языке это не то же, что *собственник*. Однако в бытовом языке *владелец* и *собственник* синонимичны, и *владелец*, как и *собственник*, апеллирует к представлениям о

¹¹⁰ Вообще в английском языке слово *possession* часто встречается в конструкциях *to have smth in smb's possession*, которые на русский язык переводятся конструкциями с глаголами *быть, иметь* и др.

том, что собственность должна принадлежать кому-л., чему-л. по закону, ср. *законный / незаконный владелец*.

Владелец чаще всего человек, но владельцем может быть также банк, государство и др. *Владельцу* может принадлежать собственность самых разных видов, не только банки, компании, магазины, недвижимость, машины, яхты, но и небольшие и недорогие предметы, такие, как книга или телефон. Кроме того, *владелец* могут принадлежать деньги (причем независимо от их количества, ср. *владелец десяти миллионов* и *владелец тысячной купюры*), а также домашние животные.

Слово *обладатель*, как правило, указывает на человека, хотя может использоваться и по отношению к животным:

Неужели все эти слова применимы к каким-то букашкам? Обладателям примитивных инстинктов? [Кирилл Ефремов. Размышления у книжной полки: Бегство от одиночества // «Знание – сила», 2003]

Кроме того, *обладателем* может быть компания, фирма или государство.

В число принадлежащих *обладателю* объектов могут входить самые разные предметы, но обычно небольшие и недорогие (чаще говорят *обладатели мобильных телефонов*, но *владельцы загородных домов*). Часто объектами при слове *обладатель* являются призы, медали, премии и т. п. (с этими объектами слова *владелец*, *собственник*, *хозяин* не сочетаются). Поскольку награды или медали можно получать чаще одного раза, слово *обладатель* сочетается с прилагательными, указывающими на их количество (*двукратный обладатель премии Оскар*). В ряде случаев — преимущественно с названиями документов, дающих право на что-либо, — слово *обладатель* «может указывать на положительную оценку субъекта» [Левонтина, 2004, с. 110].

Слово *собственник*, как и *собственность*, является юридическим термином и сохраняет юридические коннотации в повседневной речи. *Собственником* может быть как физическое, так и юридическое лицо, то есть один человек, группа лиц, компания, организация, а также государство.

Собственнику могут принадлежать разные объекты: движимое и недвижимое имущество (машины, яхты, самолеты, квартиры, дачи), земля, заводы, фирмы. Поскольку *собственник* – слово более официальное, нежели *владелец* или тем более *обладатель*, *собственнику* обычно принадлежат те объекты, на которые нужно оформлять право собственности; поэтому *собственник шляпы* или *собственник бутылки водки* можно сказать только в шутку. Объектами, принадлежащими *собственнику*, не могут быть документы, награды, денежные средства, информация и др., ср. **собственник диплома, медали, миллиона долларов*. У этого слова есть еще одно значение — *неодобр.* «тот, кто

стремится безраздельно обладать, распоряжаться кем-л., чем-л.». «В этом случае предполагается, что **собственнику** присущи жадность, страсть к наживе, эгоизм; ср. дериват *собственнический (собственнические наклонности)*» [Левонтина, 2004, с. 111]. В этом значении слово *собственник* чаще употребляется без указания объекта.

Слово *хозяин* не является юридическим термином, не встречается в договорах и законах. Однако оно чаще других обозначений субъекта посессивного отношения используется в разговорной речи и в художественной литературе¹¹¹. *Хозяину* могут принадлежать самые разные объекты – квартиры, дачи, машины, домашние животные, но не деньги, вклады и акции (**хозяин счета, 10 % акций*). Главное отличие слова *хозяин* от других русских обозначений посессоров состоит в наличии «эмоциональной связи» [Левонтина, 2004, с. 111] между субъектом и объектом обладания¹¹².

Кратко охарактеризуем английские соответствия русских слов, указывающих на субъекта посессивного отношения.

Слову *владелец* независимо от объекта владения в подавляющем большинстве случаев соответствует английское *owner*: *владелец банка / кафе* — *owner of the bank / of the café*, *владелец гостиницы / машины* — *hotel / car owner*, *владелец портсигара / ножа* — *the owner of the cigarette case / of the knife*, *владелец собаки* — *dog's owner* и др. Реже используются такие переводы, как *landlord, proprietor, possessor, keeper*, а когда речь идет о документе, дающем право на что-л., частое соответствие — *holder* (*владелец полиса* — *policy holder*). Слову *обладатель* независимо от объекта обладания: квартиры, картины, медалей или красивых ног — тоже часто соответствует английское *owner*. Когда речь идет о документе, который дает какое-л. право, частое соответствие — *holder*, а обладатель какого-л. приза — *winner*. Соответствия *possessor* и *proprietor* встречаются относительно редко.

Слово *собственник* в первом значении переводится и в юридических документах, и в литературных текстах переводится как *owner* или (реже) как *proprietor*, а в переносном значении «тот, кому присущи собственнические инстинкты» слову *собственник* в английском языке может также соответствовать слово *possessor*. Слово *хозяин* часто

¹¹¹ Частотны и другие значения этого слова — значение ‘глава дома по отношению к гостям, посетителям’ (на английский язык слово *хозяин* в этом значении переводится словом *host*), а также значения, близкие к значению субъекта посессивного отношения, — ‘человек, ведущий хозяйство’ (*хозяин он плохой*) и ‘тот, кто имеет власть распоряжаться кем-, чем-н.’ (*у нас в доме я хозяин*).

¹¹² «С одной стороны, субъект чувствует ответственность за свою собственность, заботится о ее сохранности. <...> С другой стороны, существует и эмоциональная связь со стороны объекта. Это касается в первую очередь тех случаев, когда объектом является живое существо; ср. *любить хозяина, ласкаться к хозяину*. <...> В случае, если между субъектом и объектом трудно представить эмоциональную связь, употребление данного синонима затруднено или невозможно; ср. *хозяин мобильного телефона* < ??авторучки, *редких книг>» [Левонтина 2004, с. 111].

переводится на английский язык как *master* (особенно, если речь идет о хозяине животного) и *master of the house*; кроме того, переводными эквивалентами слова *хозяин* могут выступать слова *owner* и *proprietor*, а также *landlord* (часто о *хозяине* арендуемой квартиры или дома) и *-keeper* (*hotel keeper*, *inn-keeper*, *tavern-keeper* и т. п.). Когда речь идет о *хозяине* предприятия часто используются соответствия *boss* и *employer*, а *хозяину* поместья стандартно соответствует слово *lord*.

Итак, мы видим, что русский и английский языки демонстрируют значительную асимметрию в отношении разработанности семантического поля посессивности. Общее положение, согласно которому универсальное поле посессивности оказывается по-разному разработано разными языками, получает подтверждение на материале переводных текстов и, в частности, текстов, вошедших в параллельные подкорпусы НКРЯ (но не только их). Из этого вытекает как необходимость особого внимания к соответствующим терминам в официальных документах, так и осознание возможных «подводных камней» при переводе бытовых текстов, затрагивающих отношение собственности.

Список литературы:

- Иванов Вяч. Вс.* Синхронная и диахронная типология посессивности // Категория посессивности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1989. С.5-43.
- Иомдин Б. Л.* ВЛАДЕТЬ / Б.Л. Иомдин // Активный словарь русского языка. М., 2014. С. 151-152.
- Левонтина И. Б.* ВЛАДЕЛЕЦ, ОБЛАДАТЕЛЬ, ХОЗЯИН 1, СОБСТВЕННИК 1 / И.Б. Левонтина // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва — Вена, 2004. С. 110-112.
- Левонтина, И. Б. Шмелев А. Д.* Либеральный лексикон. С.-Пб.: Нестор-история, 2019. 184 с.

References:

- Ivanov Vyach. Vs.* Sinkhronnaya i diakhronnaya tipologiya posessivnosti // Kategoriya posessivnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh [Category of possessiveness in Slavic and Balkan languages]. Moscow: Nauka, 1989. P. 5-43. (In Russ.)
- Iomdin B. L.* VLADET' // Aktivnyi slovar' russkogo yazyka [Active dictionary of the Russian language]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. P. 151-152. (In Russ.)
- Levontina I. B.* VLADELETS, OBLADATEL', KHOZYAIN 1, SOBSTVENNIK 1 // Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Moscow — Vienna: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. P. 110-112. (In Russ.)
- Levontina I. B., Shmelev A. D.* Liberal'nyi leksikon [The liberal lexicon]. S.-Pb.: Nestor-istoriya, 2019. 184 p. (In Russ.)

Янкович Михал
Краковский педагогический университет
г. Краков (Польша)

Jankowicz Michal
Uniwersytet Pedagogiczny w Krakowie
Krakow (Poland)

ЯЗЫК СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ. ВОЕННЫЕ МЕТАФОРЫ В ТЕКСТАХ О КОНФЛИКТЕ В ДОНБАССЕ

LANGUAGE OF MODERN RUSSIAN PRESS. MILITARY METAPHORS IN TEXTS ABOUT CONFLICT IN DONBASS

В статье описываются публицистические военные метафоры, касающиеся начального этапа конфликта на юго-востоке Украины. Проанализированный материал охватывает тексты, опубликованные в ежедневной газете «Известия» в апреле 2014 года. Теоретической основой исследования является типология военных метафор, разработанная Джорджем Лакоффом, который дал подробную характеристику военных метафор, использованных американскими политиками для оправдания вмешательства в Персидском заливе. Военные метафоры, употребляемые в дискурсе политиков и в публицистике, существенно отличаются от тех, встречаемых в художественных текстах, и выполняют совершенно другую функцию. Они даются легко осмыслить, а их содержание является однозначным. В публицистических текстах используются образные метафоры, которые чаще всего имеют своей целью воздействовать на читателя и убедить его в определенных взглядах.

The article describes journalistic military metaphors regarding the initial stage of the conflict in southeastern Ukraine. The analyzed material covers the texts published in the daily newspaper “Izvestia” in April 2014. The theoretical basis of the study is the typology of military metaphors developed by George Lakoff, who gave a detailed description of the military metaphors used by American politicians to justify the Persian Gulf War. The military metaphors used in the discourse of politicians and in journalism are significantly different from those encountered in literary works and perform a completely different function. Military metaphors are easy to comprehend, and the content is unambiguous. Figurative metaphors are used in journalistic texts to influence the reader and convince him of certain views.

Ключевые слова: публицистика, метафора, язык прессы, речевое воздействие, газета Известия.

Key words: journalism, metaphor, language of the press, persuasion, newspaper Izvestija.

В настоящей статье дается характеристика военных метафор, относящихся к конфликту на юго-востоке Украины. Материалом для анализа послужили статьи из газеты «Известия», охватывающие первый месяц конфликта, то есть апрель 2014 года. В статье метафора понимается как «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п. для характеристики наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов [Языкознание, 1998, с. 296].

Метафоры являются всеобщими и реализуются во всех стилях и коммуникационных ситуациях, независимо от различий между ними. Метафоры используются как в статьях профессиональных журналистов, речи официальных лиц, так и в репликах лиц без особо высокого образования и начитанных. Они как языковое

средство отображают ситуацию общения и состояние сознания участников коммуникационного процесса. Соотнесенность метафоры с конкретной ситуацией, реалиями является особо заметной в случае публицистических текстов и высказываний политиков [Dobrzyńska, 1995, с. 202]. Данные тексты и высказывания имеют своей целью воздействовать на реципиентов, убедить их в своей позиции, а иногда склонить к определенным действиям. Преимущественно они понимаются широким реципиенту, поскольку опираются на обобщенный опыт общества с одной стороны и опыт обыкновенного читателя с другой. Они, будучи тесно связанными с конвенцией, базируются также на стереотипах, закреплённых коннотациях слов, являющихся носителями метафор. В отличие от художественных текстов метафоры в публицистике понятны широкому кругу читателей, однозначны и интуитивны, относятся к общеизвестным темам. Не создают они интерпретационных трудностей, не требуют от читателя особых усилий, а наоборот, делают сообщение более метким, сжатым, насыщенным, оперируя не одной чертой описываемого объекта, а их целым комплексом, помещающимся в компонентах метафоры отдельно, так и в ней как одно целое. Метафора описывает объект или явление, освещая определенные его аспекты или признаки, что может ускорить восприятие информации читателем. Богатство содержания, отнесенность к определенной ситуации, однозначность и доступность широкому читателю делают публицистическую метафору подходящим языковым средством, предоставляющим возможность быстро, метко передать мысль и эффективно воздействовать на читателя. Легко замечаются семантические оттенки, окраска и коннотации слов-носителей, составляющих метафоры в публицистических текстах. Вышеуказанное порождает их оценочность, которая непосредственно связана с воздействием на читателя. Однако данная оценочность не выражена прямо, что в некоторой степени лишает автора ответственности за свои слова, ибо она применяется как языковое средство, в рамках которого допустимо преувеличение, усиление выразительности, гиперболизацию. Авторы текстов благодаря метафорам могут выдвинуть на первый план совокупность признаков описываемого объекта, передавать свою оценку и навязывать свою точку зрения [Dobrzyńska, 1995, с.203]. Метафоры позволяют объяснить доступно широкому кругу читателей непростые явления и процессы, происходящие в политике и экономике. Среди многочисленных метафор, выступающих в публицистике доминируют образные переносные значения.

В период конфликтов и кризисов бурно развиваются политические метафоры, используемые журналистами, публицистами и политиками в СМИ [Чудинов, 2013, с. 108]. Количественным анализом метафор занимался Х. Де Ландтсхеер, который пришел к выводу, что в кризисные периоды в СМИ растет количество политических метафор.

В данной статье не будем рассматривать часто употребляемых устойчивых словосочетаний и оборотов, опирающихся на метафорах, поскольку они являются речевыми клише, часто применяющимися автоматически в определенных контекстах и ситуациях без цели воздействовать на читателя. С нашей точки зрения более интересными для исследования являются метафоры вполне новые или авторские, часто составляемые на базе существующих раньше устойчивых речевых оборотов.

При образовании метафор, употребляемых в публицистическом дискурсе, значимую роль играют коннотации их составляющих элементов. Несмотря на то, что в метафоре не сохраняется дословный смысл слов-компонентов, на нее переходит часть их коннотации. Новообразованная единица обладает эмоциональной окраской, частично основанной на них [Wiława, 2008, с. 173]. Коннотации являются прагматическими средствами выражения оценки, обусловленными контекстом, хотя на поверхностном уровне текста дается выделить коннотационная лексема.

Коннотация определяется как эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска языковой единицы узуального (закрепленного в системе языка) или окказионального характера [Языкознание, с. 234]. Коннотация является элементом, дополняющим денотативное и грамматическое содержание лексемы и придающим экспрессивную функцию. По своей природе коннотация является субъективной, то есть от отношения говорящего к называемому объекту зависит то, на какие дополнительные признаки, связанные с ним, делается акцент. Ю. Д. Апресян определяет коннотацию как «совокупность элементов прагматики, которые отражают связанные со словом культурные представления и традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи и многие другие внеязыковые» [Апресян, 1995, с. 67]. Как отмечает Ю.Д. Апресян, несмотря на то, что коннотации не входят непосредственно в семантику слова, зачастую благодаря им слова метафоризируются, включаются в сравнения, участвуют в словообразовании и других языковых процессах. Именно в новых переносных значениях слов их коннотации выдвигаются на первый план, акцентируя в семантике избранные признаки или реалии. В толковании лексем с метафорически мотивированным значением может даже не выступать сходство с толкованием исходного значения, поскольку коннотации вытеснили или заменили элементы значения первоначального референта [Апресян, 1995, с. 178].

Метафорические **заглавия** встречаются чаще всего в газете «Известия» в постоянной рубрике «Мнения», состоящей обычно из нескольких фельетонов. В фельетонах обсуждаются самые актуальные вопросы внутренней и мировой политики. Иногда несколько фельетонов в рубрике касается одной и той же темы. Метафоры в

заголовках оперируют как правило определенным образом, который затем выступает в тексте фельетона и нередко становится его доминантой.

Для **теории политической метафоры** большое значение имеют публикации Джорджа Лакоффа, посвященные конфликтам в Персидском заливе. В своих работах американский лингвист описывает использование метафор в политическом дискурсе США в фазе подготовки к первой войне в Ираке в 1990 г. Помимо основной статьи Д. Лакоффа «Метафора и война» [Lakoff, 2003, с. 29-49], характеризующей систему метафор, употребляемых американскими политиками на примере войны в Ираке, данную проблему исследователь затрагивает также в контексте других конфликтов, в частности, войны в Сирии в статье «Метафоры идут на войну» [Lakoff, 2013].

Сложная действительность интерпретируется с помощью метафор нередко даже не вполне сознательно. Концептуализации данного типа подвергаются международные отношения и конфликты. Д. Лакофф перечисляет несколько типов метафор, используемых в политическом дискурсе, касающихся темы войны. Одной из них является метафора «государство как индивид», в которой у государства наподобие человека есть свои соседи, друзья, враги, оно также вступает в отношения с мировым сообществом [Lakoff, 2003, с. 29-49]. По аналогии домом является его территория. Государство как индивид может обладать чертами характера, быть агрессивным или уступчивым, ответственным или неответственным, трудолюбивым или ленивым. Государство с успешно функционирующей экономикой и администрацией представляется как здоровый человек. По аналогии в рамках данной метафоры угроза для состояния здоровья обозначает опасность, питание – поставку сырья, сила – армию и т.д. Наподобие человека, который старается быть сильным и здоровым, государство стремится к развитию экономики и военному могуществу. Таким образом война является борьбой двух индивидов друг против друга, в которой один борется за нравственность и справедливость. Данная метафора вписывается в сценарий так называемой «сказки о справедливой войне», в которой выступают герой, жертва и злодей. Жертва страдает в результате действий злодея, а герой спасает ее и совершает акт правосудия. Он побеждает злодея и приводит к состоянию морального равновесия. Герой обладает лишь одними положительными чертами, а злодей является его противоположностью, олицетворением зла.

В газете «Известия» в анализированный период выступают метафоры, обладающие некоторыми элементами образа «государство как индивид», однако не наблюдаются все его признаки. В фельетоне «Вторая Донецкая» Эдуарда Лимонова, писателя и политика, опубликованном 09.04.2014 г. в рубрике «Мнения», описывается состояние Украины как государства, системы государственной администрации. Наподобие живого существа

украинская государственность определяется как *дохлая и больная, еле дышащая* (*Те, кто организовывал евромайдан в Киеве, кто подстрекал к майдану, все они не сообразили, что перебивают хребет дохлой и больной, еле дышащей государственности* [Из 09.04.2014]). В данном фрагменте метафора выполняет сильно оценочную функцию. Автор делится с читателем образом больного, жалкого существа. Словосочетание *перебивать хребет*, обладающее переносным смыслом 'серьезно повредить' тоже связано с образом живого существа, для которого *хребет* является одной из самых важных частей тела. Соответственно в переносном смысле существительное *хребет* обозначает опору. В данном фельетоне автор описывает Украину с помощью прилагательных *хрупкий* и *ломкий*, использованных также в переносном значении «слабый», а в данном контексте «нестабильный» (*Поэтому неудивительно, что Украина как государство оказалась такой хрупкой и ломкой* [Из 09.04.2014]).

В рамках метафоры «государство как индивид» Д. Лакофф выделяет два возможных сценария: **самообороны** и **спасения**. В случае конфликта на юго-востоке Украины в российской прессе согласно сценарию самообороны жертвой является Донбасс, атакованный в рамках антитеррористической операции Украиной–злодеем. Герой является одновременно жертвой, поскольку защищается сам. Сценарий спасения в анализированном материале выступает намного реже и только в фельетонах, что логично обосновано, поскольку Россия не является стороной конфликта и ее силы официально в нем не участвуют. Однако в фельетонах, в которых выражается субъективная оценка происходящего в Донбассе, наблюдаются и элементы **сценария спасения**, когда авторы пытаются убедить читателя в необходимости вмешательства России в конфликт и защите русскоговорящего населения юго-востока Украины [Lakoff, 2003, с. 33].

Метафора «государство как индивид» может приобретать также форму метонимии «правитель как государство». Согласно данному сценарию злодеем будет считаться правитель, в случае конфликта в Донбассе в зависимости от его фазы будет ним Александр Турчинов, Александр Аваков либо Петр Порошенко. Данная метафора применяется по отношению к лицам, получившим власть спорным образом, по мнению российских журналистов, нелегитимно. Согласно позиции российских властей Александр Турчинов 23.02.2014 был назначен Верховной радой Украины исполняющим обязанности президента, то есть получил власть неконституционным образом, поскольку президент Виктор Янукович не ушел в отставку. Благодаря данному событию противники А. Турчинова и новых властей получили возможность подрывать легитимность и.о. президента и министров. В российской прессе стали часто появляться сильно оценочные,

пейоративные номинации, такие как *хунта*, *клика*, характеризующие представителей власти в Киеве.

В фельетоне Константина Затулина *Кому достался сыр в Женеве* [Из 23.04.2014] можно обнаружить метафору **родства**, определяющую европейских правителей. В нижеуказанном фрагменте автор называет европейцев, то есть европейских политиков, *меньшие братья*. Метафора родства используется здесь в ироническом контексте и вписывается в главную мысль политика, согласно которой решения и действия стран ЕС в большой степени зависят от позиции США (*Как показала Женеве, углубление кризиса на Украине поставило американцев, как и их меньших братьев-европейцев, перед выбором: продолжать в том же духе или все-таки умерить аппетиты* [Из 23.04.2014]). В христианской культуре номинация *меньшие братья* употребляется по отношению к животным. В данном контексте автор с ее помощью выражает негативное отношение по поводу представителей ЕС, которые зависят, по его мнению, от властей США, наподобие животных, подчиняющимся своим хозяевам.

В группу метафор, объясняющих причинные связи, входит ряд образов, связанных с экономикой и азартом. Намеренные действия властей являются причиной противостояния им [Lakoff, 2003, с. 34]. В случае конфликта в Донбассе как его причина указывается ограничение прав русскоговорящего населения региона и уменьшение влияния восточной части страны на политику государства.

В случае конфликта в Донбассе выделяемая Лакоффом метафора **«расходов и доходов»** не применяется широко в прессе. Нет необходимости оправдывать участие России в военных действиях, поскольку РФ не является непосредственно стороной конфликта. Однако метафора данного типа используется в фельетонах как аргумент за потенциальным вмешательством, не только военным, но и политическим. С вышеуказанным образом связана метафора «риска как азартной игры», поскольку на войне используется определенная стратегия, и невозможно точно определить последствия военных действий, которые могут привести к успехам – доходам и поражениям – расходам. Для военных метафор важную роль играет понятие рациональности, понимаемое как максимализация прибыли. Сочетание метафор «государство как индивид» и «рациональность как максимализация прибыли» генерирует образ «международная политика как бизнес». Согласно ней государство показывается как индивид, действующий рационально, который стремится к получению самой большой прибыли путем заключения самых выгодных сделок.

Похожий образ наблюдается в фельетоне политика Константина Затулина «Кому же достался сыр в Женеве» [Из 23.04.2014]. Заголовок фельетона является метафорой пользы,

выгоды, полученной в результате переговоров представителей России, Украины, ЕС, США. Метафора основана на сюжете популярной басни И. Крылова «Ворона и лисица», в которой лисица благодаря своей хитрости отнимает у вороны кусок сыра. В тексте описываются итоги встречи лидеров государств и приводятся фрагменты их совместного заявления. Помимо вышеуказанной в тексте выступает еще метафора, используемая в устойчивом фразеологическом обороте *таскать каштаны из огня* (*Либо Ринат Ахметов и его однопартийцы в ключевых вопросах федерализации Украины увидят свой собственный интерес и на самом деле единственную гарантию самосохранения. Либо напуганные «народными губернаторами» продолжат таскать на Востоке каштаны из огня для той «единой унитарной Украины», которая уже скончалась в феврале с.г. В этом случае России и народным массам Востока Украины вдвойне правильнее поддержать в этом регионе новые силы и новых лидеров* [Из 23.04.2014]). Как видно характерной чертой стиля автора являются метафоры, опирающиеся на сюжетах басен. Первоисточником выражения стала басня «Обезьяна и Кот» французского баснописца Жана Лафонтена. Согласно ее сюжету обезьяна заставляет кота таскать каштаны из огня, на котором те поджариваются. Кот обжигает себе лапы, не получает ничего, а обезьяна съедает каштаны. Выражение имеет неодобрительный оттенок и обозначает работу на пользу другого, вопреки собственным интересам [Серов, 2003]. В данном контексте образное выражение становится еще более сильным, ярким, поскольку потенциальные действия олигарха и его соратников были бы выполнены ради «единой унитарной Украины», которая уже скончалась в феврале с.г, то есть помимо того, что поддержка не была бы выгодной для Ахметова. Она была бы также бессмысленной, поскольку унитарную Украину не получится спасти. Метафора, в основу которой положены крылатые слов Лафонтена, была таким образом усилена и пополнена новым смыслом. В вышеуказанном фрагменте автор не замечает и не допускает другой возможности, чем поддержка местными олигархами Восточной Украины при одновременном содействии России самопровозглашенным народным республикам.

При предупреждениях, касающихся военного вмешательства, используется метафора *красная черта* или *красная линия*, очень часто употребляемая в дискурсе американских политиков. В проанализированном материале данное словосочетание наблюдается в заглавии фельетона историка Алексея Миллера «От «красной линии» – к тропе над пропастью» [Из 23.04.2014]. Словосочетание *red line*, в русском варианте *красная линия* или *красная черта*, в политическом дискурсе обозначает предел терпения, позицию, которую нельзя нарушать [The Wall Street Journal]. Сообщение красной черты имеет своей целью удержать оппонента от совершения необратимых действий. Образно пересечение красной линии связано с большим риском и должно восприниматься как предупреждение.

Вторая часть заглавия – словосочетание трапа над пропастью — также является метафорой риска, но обладающего другими особенностями, поскольку передвижение по такому пути сложно, опасно и непредсказуемо, оно может закончиться достижением цели или падением в пропасть. С помощью метафоры описываются действия, выполняемые в нестабильной ситуации, связанные с риском, но направлены на прекращение конфликта и достижение мира дипломатическими средствами. В контексте дипломатического процесса, касающегося событий на юго-востоке Украины, метафора выступает также в тексте фельетона и сопоставляется с образом *курса напрямик в пропасть*, понимаемого как эскалацию конфликта (*Ясно, что соглашение составлялось не с задачей прописать все как можно четче, но по принципу минимума, приемлемого для всех сторон. Это тонкая тропинка над пропастью, но это намного лучше, чем тот курс напрямик в пропасть полномасштабного конфликта, к которому, казалось, мы неумолимо движемся* [Из 23.04.2014]).

К действиям противников относится метафора **«война – это преступление»**. Именно в ней делается акцент на моральные аспекты военных действий, их жестокость, представление врага в негативном освещении. В случае конфликта в Донбассе данная метафора применяется в текстах в основном по отношению к украинской стороне. Приведем пример из статьи *Для силовиков, сохранявших верность Януковичу, ищут защиты в ОБСЕ и ООН* [Из 11.04.2014], опубликованной в рубрике Россия-новости. В статье с подзаголовком *По данным российских правозащитников, в Киеве началось составление списков врагов народа* действия украинских властей описываются как опасные для их политических оппонентов. В тексте называются примеры обвинений за которые фамилии около 60 лиц попали в так называемый «список люстрации». Приводятся курьезные фрагменты, которые имеют своей целью доказать, что на Украине в «список люстрации» может попасть почти каждый человек, например, *ставленник регионалов, активно выступал за повышение тарифов на проезд* [Из 11.04.2014]. В данном контексте неслучайно автор в статье употребляет словосочетания *враг народа, расстрельный список*, имеющие коннотации, связанные с тоталитарной системой, особенно сталинским режимом. Не будем сосредотачиваться на словосочетании *враг народа*, которое является термином и нашло даже отражение в Конституции СССР 1936 года (*Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа* [Конституция СССР 1936]).

Похожим образом как словосочетание *враг народа*, на читателя должна воздействовать метафора *расстрельный список* (*Новая структура уже начала составлять «расстрельные» списки госслужащих и силовиков, не признающих новую власть или каким-*

либо образом участвовавших в противостоянии с активистами майдана. [Из 11.04.2014]). Слово *расстрельный* толкуется как «предусматривающий наказание смертной казнью, расстрелом». Словосочетание *расстрельный список* обладает метафорическим смыслом в основе которого заложена гипербола. В зависимости от контекста *расстрельный список* может обозначать перечень предметов, которые следует запретить или которых необходимо лишиться, список лиц, которых следует отчислить, уволить и т.п. К примеру в студенческом сленге словосочетание обозначает «список отчисляемых за не сдачу сессии или систематические дисциплинарные взыскания» [Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014]. Лексема *расстрельный* обладает отрицательными коннотациями связанными с тоталитарной властью, жестокостью, сталинскими репрессиями, которые до сих пор находят отражение в сознании россиян.

Что интересно метафоры типа «война как преступление» в «Известиях» могут относиться тоже к России, то есть «своим», но в ироническом освещении антироссийских взглядов украинцев. Таким образом подвергаются критике действия некоторых украинцев, направленные против российской экономики. В фельетоне Игоря Мальцева, писателя и журналиста, «Бумеранг деструкции» [Из 11.04.2014] иронически описывается бойкот российских товаров украинскими потребителями. В тексте автор обращает внимание читателей на глобализацию и интернационализацию экономик современных государств, сильную взаимосвязь между ними и бессмысленность действий, направленных против народного хозяйства другого государства, поскольку ранее или позднее они нанесут ущерб экономике родной страны. Метафорическое заглавие текста удачно передает его главную мысль – обратный результат бойкота российских товаров. Наподобие бумеранга, который сам возвращается, бойкот российских товаров может вызвать нежеланные последствия в экономике Украины. Слово *деструкция*, обладающее пейоративными семантикой и коннотациями, относится к действиям украинцев, сознательно отказывающихся от покупки российских товаров. В иронический стиль автора фельетона вписываются сочетания слов, контрастирующих друг с другом по своим коннотациями и оценочной окраске. Во фрагменте *Нельзя же, право, хрустеть батончиком агрессора, сосать леденец имперца, лизать кровавое мороженое* [Из 11.04.2014] наблюдается нагромождение оценочных метафор. С одной стороны словосочетания *хрустеть батончиком, сосать леденец и лизать мороженое* вызывают положительные ассоциации у читателя (описывают действия доставляющие удовольствие и сладости, обладающие приятным вкусом), с другой – существительные *агрессор, имперец* обладают пейоративной семантикой, а прилагательное *кровавый* имеет коннотации, связанные с насилием. Неодобрительная лексема *имперец* обозначает сторонника имперских политических взглядов, человека, считающего, что

Россия должна доминировать на постсоветском пространстве. Негативно оценочное слово *агрессор* также используется в ироническом контексте, чтобы высмеять радикальные взгляды бойкотирующих российские товары. Образность метафор еще сильнее проявляется в случае словосочетания *кровавое мороженое*, с помощью которого представлены обвинения в военной агрессии России на Украине. Прилагательное *кровавый* имеет явно негативные коннотации связанные с насилием, но в сочетании с прилагательным *мороженое*, обладающим положительными коннотациями, создает эффект иронии и насмешки. Несмотря на то, что фельетон опирается, судя по стилю приводимых высказываний, на публикациях одного человека в блоге или социальной сети, автор создает впечатление массовости абсурдных антироссийских взглядов среди украинцев, которые проявляются, например, в бойкоте российских продуктов. Сознательный выбор украинских продуктов автор определяет иронически как *ответный удар империи* – переносную насмешку над бездарной попыткой экономического ослабления России ([...] *она нанесла империи ответный удар и купила творожок с настоящим укр-названием и укр-рецептом* [...] [Из 11.04.2014]).

Образ «война как преступление» используется также в фельетоне «День дыма» [Из 18.04.2014]. В заглавии делается акцент на негативные коннотации слова *дым*, понимаемого как результат военных действий, обстрела, бомбежки. Его автор, Игорь Караулов, поэт и переводчик, использует образные метафоры для поэтического описания начала войны (*Война прорастает из военных слухов. Из митинговых лозунгов и досужего трепя, из блефа и бравады. Призрак войны обрывает плоть, начинает сочиться кровью. Из дыма рождается пламя* [Из 18.04.2014]). В данном фрагменте как средство поэтизации описания применяется устаревшая и книжная лексика *плоть* – тело (устар.), *бравата* – смелость (книжн.), а также просторечное слово *треп* – трепетня. Образное представление начала конфликта и его постепенного развития имеет своей целью сильнее воздействовать на читателя.

Кроме типов метафор, выделенных Д. Лакоффом, в рассматриваемых текстах, встречаются и другие виды метафор, относящиеся к конфликту в Донбассе. В проанализированном материале наблюдаются также **зооморфные метафоры**. В фельетоне публициста Егоря Холмогорова «Ястребы невмешательства» [Из 23.04.2014] помимо заглавия периодически появляются образы ястребов – сторонников силы и голубей – сторонников переговоров. Как известно, белый голубь является общепринятым символом мира и в связи с этим имеет положительные коннотации. Ястреб, хищная птица, ассоциируется с жестокостью, агрессией. В переносном лексико-семантическом варианте лексема *ястреб* обозначает агрессивно настроенных сторонников войны, либо гонки

вооружений [Ожегов, 1973, с. 842]. Заголовок состоит из двух контрастирующих компонентов, чтобы показать, что сторонники переговоров и дипломатического решения конфликта (невмешательства) являются более сильными – соответственно автор называет их ястребами. Играя с принятой конвенцией, в заголовке автор сторонников мирных переговоров и диалога называет, вопреки ожиданиям читателя, ястребами, потому что они, по его мнению, преобладают в российских СМИ (*[...] если «голуби» начинают ворковать, их воркование превращается в боевой клетот и оглушает, забывая даже официальные заявления, в то время как голос «ястребов» слышен приглушенно и более менее выражен только в благо-сфере* [Из 23.04.2014]). В свою очередь в тексте согласно общепринятой конвенции голубями называются сторонники мира, ястребами – сторонники вмешательства (*В любой политической системе разделение на сторонников силы и сторонников переговоров, на «ястребов» и «голубей», по вопросам внешней политики абсолютно нормально* [Из 23.04.2014]). Несмотря на то, что лексема *голубь* имеет положительные коннотации, особенно по сравнению со словом *ястреб*, в тексте автор показывает голубей в негативном освещении, считая, что они вводят в заблуждение участников так называемой «российской весны» (*Российским «голубям» уже несколько раз удавалось перепугать участников «русской весны» на востоке Украины, создав (вопреки официальным заявлениям из Кремля) впечатление, что «Москва их сдаст».* [Из 23.04.2014]).

В фельетоне «Вторая Донецкая» Эдуарда Лимонова [Из 09.04.2014] выступает метафора, выполняющая функцию **эвфемизма** – *вежливые ребята в хаки*. Она является совмещением двух устойчивых словосочетаний *вежливые ребята* и *зеленые человечки*, широко употребляемых в публицистическом дискурсе в связи с событиями на Украине в 2014 году. Оба словосочетания обозначают военнослужащих Российской Федерации без знаков различия. Так называемые *зеленые человечки* в данном фрагменте показаны в положительном освещении, высоко оцениваются также их действия в Крыму. Автор отождествляет миротворческий контингент с так называемыми зелеными человечками. Ниже приведенный фрагмент можно понимать как оправдание потенциального военного вмешательства России в конфликт в Донбассе (*Донецкая Народная Республика попросила Владимира Путина ввести на свою территорию миротворческий контингент — вежливых ребят в хаки которые отлично справились с задачей в Крыму* [Из 09.04.2014]).

Метафора **единства**. В проанализированных газетных текстах наблюдаются также метафоры содержащие историзмы. В заглавии «Славянское вече» [Из 15.04.2014] описываются протесты пророссийских активистов на юго-востоке Украины и захват ими административных зданий, который в подзаголовке определяется эвфемистично как *взятие под контроль* (*Сторонники федерализации Украины на юго-востоке берут под контроль*

областные и городские администрации [Из 15.04.2014]). Сочетание *сторонники федерализации* также является эвфемизмом, поскольку в статье идет речь о лицах, которые силой захватили областные и городские административные здания. В заглавии используется историзм *вече*, обозначающий «Собрание горожан в древней Руси для обсуждения государственных и общественных дел» [Ушаков, 2009, с. 70]. Современные активисты показаны в тексте в положительном освещении, на что влияет также метафорический образ преемников давних восточных славян, которые образовали один народ. В таком контексте заглавие можно понимать также как метафору единства восточных славян. Таким образом автор ссылается на совместные русские традиции, объединяющие в давние века местных жителей. В заглавии наблюдаются также элемент языковой игры, поскольку прилагательное *славянский* в данном контексте может относиться как к городу Славянску, в котором были захвачены здания местной администрации, так и к славянам, то есть жителям Руси и их наследникам – современным жителям Донбасса.

Типы военных метафор, выделенные Джоржом Лакоффом, наблюдались в политическом дискурсе, касающемся конфликтов, в которых принимали участие США, в основном двух войн в Персидском заливе. Данные войны существенно отличались по своей специфике от конфликта на юго-востоке Украины, происходящего с 2014 года. Во-первых, американские солдаты непосредственно участвовали в интервенции, а Россия, в отличие от США, даже не является стороной конфликта, что находит отражение в дискурсе газетных текстов. Соответственно, в России не обязательно убеждать читателей в необходимости вмешательства, как это было в случае американских войн на Ближнем Востоке. Во-вторых, конфликт в Донбассе происходит на территории, соседствующей с Россией, на которой проживают этнические русские, а не в удаленном от США Ираке. Конфликт в Донбассе обладает признаками гибридной войны, и в нем нет четко обозначенных сторон. Несмотря на существенные различия между обоими конфликтами в публицистическом дискурсе газеты «Известия», наблюдаются часть метафор, выделяемых Лакоффом. Джордж Лакофф называет также несколько типов других военных метафор, которое не встречаются в анализированных статьях. Среди них выделяются следующие метафоры: «война как хирургическая операция», «война как соревнование», «строгий отец – непослушные дети».

Financed with funds from the project „PROM – International scholarship exchange of PhD candidates and academic staff” within the Operational Programme Knowledge Education Development, co-financed from the European Social Fund; project no. POWR.03.03.00-00-PN13/18

Список литературы:

- Апресян Ю., Избранные труды том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка., Восточная литература Москва 1995, 472 с.
- Конституция СССР 1936 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1936.htm>
- Известия – газета, 2014 [условное обозначение в тексте: Из_дата]
- Чудинов А., Очерки по современной политической метафорологии: Монография, Екатеринбург, 2013, 176 с.
- Ожегов С., Словарь русского языка, Советская энциклопедия, Москва 1973, 846 с.
- Словарь современной лексики, жаргона и сленга. 2014. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://argo.academic.ru/4454/>
- Серов В., Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, Москва 2003, [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3482/
- Ушаков Д., Большой толковый словарь русского языка, Альта-Принт, Москва 2009, 1239 с.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь., ред. В. Ярцева, Большая Российская энциклопедия, Москва 1998, 685 с.
- Dobrzyńska T., Metafory wartościujące w publicystyce i wypowiedziach polityków [w:] Kreowanie świata w tekstach. red. A. Lewicki, M. Tokarski, UMCS, Lublin 1995, c. 201-214
- Bulawa M., Konotacja semantyczna jako środek wyrażania sądów wartościujących w tekstach prasowych [w:] Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego LXIV, Universitas, Kraków 2008, c. 173-184,
- Lakoff G., Metafory i wojna: system metafor użyty, by usprawiedliwić wojnę w Zatoce Perskiej, s.29-49, [w:] Etnolingwistyka: problemy języka i kultury, nr 15, Lublin, Wydawnictwo UMCS 2003
- Lakoff G., Metafory idą na wojnę, 2013, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.institutobywatelski.pl/16831/komentarze/metafory-ida-na-wojne>
- The Wall Street Journal [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323993804578612210634238812>

References:

- Aprasyan Yu., Izbrannyye trudy tom 1. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka., Vostochnaya literatura Moskva 1995, 472 s.
- Bulawa M., Konotacja semantyczna jako środek wyrażania sądów wartościujących w tekstach prasowych [w:] Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego LXIV, Universitas, Kraków 2008, c. 173-184
- Chudinov A., Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii: Monografiya, Ekaterinburg, 2013, 176 s.
- Clovar' sovremennoi leksiki, zhargona i slenga. 2014. [Ehlektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <https://argo.academic.ru/4454/>
- Dobrzyńska T., Metafory wartościujące w publicystyce i wypowiedziach polityków [w:] Kreowanie świata w tekstach. red. A. Lewicki, M. Tokarski, UMCS, Lublin 1995, c. 201-214
- Izvestiya – gazeta, 2014 [uslovnoe oboznachenie v tekste: Iz_data]
- Konstitutsiya SSSR 1936 goda [Ehlektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1936.htm>
- Lakoff G., Metafory i wojna: system metafor użyty, by usprawiedliwić wojnę w Zatoce Perskiej, s.29-49, [w:] Etnolingwistyka: problemy języka i kultury, nr 15, Lublin, Wydawnictwo UMCS 2003,
- Lakoff G., Metafory idą na wojnę, 2013, [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.institutobywatelski.pl/16831/komentarze/metafory-ida-na-wojne>
- Ozhegov S., Slovar' russkogo yazyka, Sovetskaya ehntsiklopediya, Moskva 1973, 846 s.
- Serov V., Ehntsiklopedicheskii slovar' krylatykh slov i vyrazhenii, Moskva 2003, [Ehlektronnyi resurs] – Rezhim dostupa: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/3482/
- The Wall Street Journal [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424127887323993804578612210634238812>
- Ushakov D., Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka, Al'ta-Print, Moskva 2009, 1239 s.
- Yazykoznanie. Bol'shoi ehntsiklopedicheskii slovar', red. V. Yartseva, Bol'shaya Rossiiskaya ehntsiklopediya, Moskva 1998, 685 s.

ПОЭЗИЯ С.А. ЕСЕНИНА В МИРОВОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (К 125 ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Анастасьева Ирина Леонидовна
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Anastasyeva Irina
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ОККАЗИОНАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ПОНЯТИЯ «ЧЕЛОВЕК» В ПОЭМЕ С.А. ЕСЕНИНА «ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

NONCE MEANING OF THE CONCEPT OF "MAN" IN S.A. ESEININ'S POEM "THE DARK MAN"

В статье предпринята попытка прочитать поэму С. Есенина «Черный человек» как в литературно-культурологическом контексте рубежа XIX-XX веков (антиномия христианства и язычества, символика цвета, богоискательство и богостроительство, эзотерические откровения и мистические прозрения), так и с опорой на те идеи, которые были сформулированы поэтом в статье «Ключи Марии».

The article presents a new attempt of reading S. Esenin's poem "The Dark Man". The research relies on both issues of the literary and cultural context of the turn of the 19th-20th centuries (the antinomy of Christianity and paganism, the symbolism of color, God-seeking and God-building, esoteric revelations and mystic insights) and issues which were formulated by the poet in his article "Mary's Keys".

Ключевые слова: С. Есенин, Черный человек, Ключи Марии, двоеверие, двоемирие.

Key words: S.Esenin.

На рубеже XIX-XX веков в обществе пробуждается необычайно мощный интерес к образу Человека, и именно Человека — с большой буквы.

Символисты, большая часть которых примкнула к «богоискательству» (как их называли идеологические оппоненты, например, В. Базаров — в своей знаменитой статье), были устремлены к Богочеловеку. Их поисками вдохновлено возникновение как Религиозно-философских собраний, так и несколько позже — Религиозно-философского общества, на заседаниях которых формулировались законы «неохристианства», провозгласившего «единство двух бездн», духа и плоти. Артикулированные Д.С. Мережковским задачи, стоявшие перед интеллигенцией, народом и церковью, предполагали не столько обретение Бога-Христа, сколько Христа-Человека. Своим явлением Он, по мысли Мережковского, реабилитировал плоть, возвысив ее до значения духа, подчеркнув равносвятость духа и плоти, и тем самым вдохнул надежду в человека, стремящегося в своей земной жизни приблизиться к великому, но бесконечно далекому

идеалу. Таким образом, идея «мистической реабилитации» плоти находилась в корреляционной зависимости с идеалами богочеловеческой «безгосударственной религиозной общности». На раннем этапе творчества писатель пытался примирить Бога и Антихриста, развивая в своей концепции ряд гностических тезисов о творческой роли человека в мироздании.

Иным направлением литературно-философской мысли стало «богостроительство», концепции которого разрабатывались в трудах А. Горького, А. Луначарского, А. Богданова и других участников этого движения. Горьковская поэма «Человек» явилась манифестом крайнего антропоцентризма как самого писателя, так и его единомышленников, вдохновленных «естественнонаучной философией Эрнеста Маха» [Плеханов, 1909]. Марксистский вопрос об отношении мышления к бытию писатель решал в духе махизма, подменив душу мыслью, ставшей «подругой Человека», с которой он ныне неразлучен. Образ Человека получился странным, нищенским, лишенным гуманизма, попросту сказать — не получился. Не случайно А.П. Чехов называл Горького «грубым, рудиментарным», хотя и талантливым «беллетристом». А в письме Чехова к А.В. Амфитеатрову от 13 апреля 1904 г. прозвучали слова и вовсе саркастические: «Сегодня читал "Сборник", изд. "Знания", между прочим горьковского "Человека", очень напомнившего мне проповедь молодого попа, безбородого, говорящего басом на о...» [Переписка, 1951].

В ранних попытках писателя создать образ сверхчеловека, Человекобога, например, в «Старухе Изергиль», этот персонаж выглядел куда более привлекательным. Принадлежавший древнему племени, Данко существовал в рамках законов «первобытного родового коммунизма», если пользоваться выражением Г. Плеханова. Подобно Христу, позднее воплощенному Мережковским в «Иисусе Неизвестном», он пришел к людям, чтобы ввести их в Царствие Небесное; но, как и у Мережковского, «свой к своим пришел, но свои своего не признали». Поэтому высшие цели достигнуты не были, и человечество по-прежнему влачит брренное существование. Следующая попытка Горького создать модель Человекобога в романе «Мать», где эта роль отводилась Павлу Власову, а роль Богоматери — Ниловне, обнажила религиозные корни большевизма, но и продемонстрировала готовность создать новую религию и нового Человекобога.

Еще одна поэма «Человек» была создана В.В. Маяковским. Как и большинство его произведений, — это рассказ о себе самом, опирающийся на евангельский прототип. Поэма делится на главы, композиционно дублирующие новозаветные сюжеты: «Рождество Маяковского», «Жизнь Маяковского», «Страсти Маяковского», «Вознесение Маяковского», «Маяковский на небе», «Возвращение Маяковского» (не иначе как второе

пришествие), «Маяковский векам» и «Последнее». И все же эта поэма ни в коем случае не претендует на роль произведения о самообожествлении, и поэт своей книгой не стремится доказать, как некоторые из его современников, что человеческое понимание Бога не исключительно-совершенно, а относительно, и потому подвержено изменению и развитию. Маяковский не занимался поисками правды о Боге, или решением вопросов о богочеловечестве, о религиозной сущности русской революции, хотя и его ранняя поэма «Тринадцатый апостол» («Облако в штанах») и ряд других внешне напоминают проповедничество. Несколько неожиданно, но, как нам кажется, — точно разъясняет позицию поэта Д. Быков, невольно вводя в его творчество тему теодицеи: «Лирический герой некоторых <...> его стихотворений 1913-1917 годов — богочеловек Владимир Маяковский, ощущающий себя ответственным за все беды и уродства мира <...> Он проходит через новое распятие — почему душа его оказывается на ржавом кресте колокольни <...> Это Бог, верховная его ипостась, любит смотреть, как умирают дети, это он так издевается над собой в ответ на бесконечные упреки — как же он это терпит? Он не терпит, он всем этим мучается, этот ужас мира ежесекундно распинает его заново. И, может быть, многие obsessions Маяковского были той же природы: он должен был выполнять свои ритуалы, потому что от этого зависело не просто личное благополучие, а спасение человечества» [Быков, 2016, с. 257-258].

Еще одно направление художественной отечественной мысли этого периода представлено «Черным человеком» С. Есенина. Поскольку поэма оказалась его последним крупным произведением, то ряд критиков ограничивался, прежде всего, поисками в ней тех идей и авторских раздумий, которые подсказали бы им причины свершившейся трагедии, либо искали прототипов черного человека среди людей, окружавших поэта. Неоднозначную характеристику внутреннего состояния поэта дал писатель, литературный критик и теоретик искусства Александр Константинович Воронский во вступительной статье к первому посмертному изданию стихотворений Есенина. Говоря об амбивалентности личности и Музы поэта, он не мог не подчеркнуть его огромный талант, исключительную роль, которую тот сыграл в русской литературе, и безграничный творческий потенциал, который остался невостребованным по вине самого поэта. Воронский пишет: «Образ Есенина двоится. Два человека вели в нем тяжкую, глухую и постоянную тяжбу: юноша с кроткими глазами — более синими, чем небо в тихом осеннем листопаде, в грустной и нежной дреме, внимательный и сосредоточенный, простой и искренний, чуткий и даже застенчивый, скромный и понимающий, влюбленный в плоть жизни и наше однообразное полевое раздолье, — и городской гуляка, забияка, скандалист и озорник, безрассудный мот и больной человек, менявший позы, нарочито подчеркивающий

и заострявший свои противоречия, обнажавший их напоказ, игравший ими для "авантюристических целей в сюжете". В борьбе этих двух душ в себе пал Есенин. В его поэзии преодолевал все-таки первый человек, и "Черный человек" чаще всего уступал ему свое место. Может быть, поэзия была ареной, где первый человек наиболее решительно и легко одерживал победы над вторым. Потому так и отдавался ей Есенин. Но она же и заставила его платить полновесной ценой» [Воронский, 1926, с. XXXII].

Этой заметкой Воронский задает основное направление критической мысли в разговоре о Есенине и его поэме на долгие годы. «Черный человек», с его точки зрения, — это преломление темы двойничества, которая была наиболее актуальной в поздний период его творчества. При этом Воронский не упоминает о двоemiрии или двоеверии поэта.

Н.М. Солнцева обнаруживает в есенинской поэме, прежде всего, дань имажинистской эстетике. Хотя профессор и приветствует устремленность поэта к созданию художественно органичных образов, совершенство которых превознесло его поэтические открытия над «образотворчеством» многих собратьев по перу, в том числе А. Мариенгофа и В. Шершеневича (еще В.Л. Львов-Рогачевский назвал Есенина и его товарищей образоносцами в книге 1921 года «Имажинизм и его образоносцы: Есенин. Кусиков. Мариенгоф. Шершеневич»), ее оценка, данная имажинистским произведениям Есенина, звучит противоречиво. «В ряде произведений Есенина, пишет Солнцева, появились по-авангардистски визуальные, чрезвычайные образы, выразительность которых достигалась за счет соединения семантически разнородных понятий: "Пролей, как масло, / Власа Луны", "Лай колоколов" <...> и т.п. Или в "Черном человеке" (1925): "Осыпает мозги алкоголь. // Голова моя машет ушами, / как крыльями птица. / Ей на шее ноги / Маячить больше невмочь» [Солнцева, 2017, с. 176].

Эти поэтические строчки не есть стремление ремесленника от слова соединить, подобно «миниатюристам словесной образности» (С. Есенин), оксюморонно звучащие слова; он ищет «забытые знаки» древних мистерий. В нашей попытке проникнуть в смысл необычных метафор поэмы мы попытались наложить текст произведения на ранее написанную статью «Ключи Марии» (в комментарии к названию Есенин пояснил, что «Мария на языке хлыстов шелапутского толка означает душу») [Есенин, 2003, с. 378]. «Ключи Марии» — важная работа не только для понимания теоретических представлений поэта об искусстве, но и для понимания его системы двоеверия. Стремление Есенина объединить христианство с язычеством идет, в первую очередь, не от внутренней христианской ипостаси поэта, как это было у раннего Мережковского, А. Блока, имевшего сильное влияние на его миропредставление, и особенно А. Белого, беседы с которым, по признанию самого Есенина, воздействовали на него даже значительно, чем творчество.

Есенин — сначала язычник, а уже потом христианин. Именно поэтому в «Ключах...» он апеллирует к «Голубиной книге». Напомню, что впервые «Стих о Голубиной книге» был записан Киршей Даниловым в 1760-е годы, и этот текст, как настаивает М.Л. Серяков (см.: «Голубиная книга — священное сказание русского народа»), представляет собой языческое сказание о сотворении вселенной, на которое был накинута плащ христианства. Очень подробно о «двоеверии, сложном сплетении языческих и христианских верований» в творчестве Есенина писал В.Г. Базанов [Захаров, 1995, с. 46].

«По языческим понятиям, — объясняет Д. Дудко, — не было ничего плохого в том, чтобы наряду со своими богами почитать еще и чужих (например, греческого Христа) или отождествлять своих богов с чужими, лишь бы не отступиться полностью от веры отцов и сохранять уважение к ней. Христианство же видело в этом "двоеверие", явление худшее, чем само язычество» [Голубиная книга]. Есенин уверен, что из язычества, из фольклорных орнаментальных песен, философских представлений и дум «мистически помазанных» пастухов родилось современное символическое древо культуры, древо вселенной: дуб ли, ясень ли — неважно. «Наши бахари орнамента <...> увидели через листья своих ногтей, через пальцы ветвей, через сучья рук и через ствол — туловища с ногами, — обозначающими коренья, что мы есть чада древа, семья того вселенского дуба, под которым Авраам встречает Св. Троицу», — так выстраивает Есенин генеалогию человечества в «Ключах Марии»: он уверен в происхождении человека от древа, а древа от человека [Есенин, 2003, с. 380]. Именно в этом контексте следует прочитывать начальные строчки поэмы:

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рощу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.
Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь. [Есенин, 2003, с. 374].

Поэт ощущает себя деревом, давшим начало вселенной. Голова подобна кроне дерева, уши — ветви, мозги (или мысли) — листья, шея — ствол, ноги — корни. Есенин выстраивает цепочку метафор, которые актуализируются в зависимости от контекста. В начале статьи «Ключи Марии» он объединяет понятия древа и семьи, позднее присоединяя

к ним дом, даже не сам дом — а «коньков на крышах, петухов на ставнях, голубей на князьке крыльца» [Есенин, 2003, с. 382]. Конь — это знак устремления к Богу, полагает Есенин, так же как и символ петуха на ставнях должен иллюстрировать отношение народа к «вечности как к родительскому очагу». Переплетаясь в едином узоре метафоры, языческое и христианское, древо и птица, которая машет крыльями, наполняют образ лирического героя, носителя собственно человеческого начала, чертами божественными, богочеловеческими. Это «почти» Христос, он распят и страдает, и его искушает сатана — Черный человек. Разделение души на сакральную и инфермальную ипостаси этим не завершается. Есть еще третья — душа скандального поэта, о котором Черный человек рассказывает герою:

Черный человек!

Ты не смеешь этого!

Ты ведь не на службе живешь водолазовой.

Что мне до жизни

Скандального поэта.

Пожалуйста, другим

Читай и рассказывай [Есенин, 2003, с. 375].

Душа героя — арена борьбы света и тьмы. Поэма структурно представляет собой диалог между героем-богочеловеком и сатаной, в таком случае его история должна восприниматься как апокриф, или книга, в которой «много прекраснейших мыслей и планов» [Есенин, 2003, с. 374]. В этой книге повествуется и о всадниках Апокалипсиса, но и в этих строчках автор связывает в один узел христианскую и языческую поэтику: «И деревья, как всадники, / Съехались в нашем саду. / Где-то плачет / Ночная зловещая птица. / Деревянные всадники сеют копытливый стук» [Есенин, 2003, с. 376]. Дудко, говоря о «Голубиной книге», поясняет, что «излагать священное знание о начале и устройстве мира в форме диалога, цепи загадок и отгадок — древняя индоевропейская традиция. Она известна индийским брахманам (*брахмодья* — «рассуждение о Брахмане»), иранской Авесте, «Старшей Эдде», кельтским друидам. Отголосками ее являются и греческий миф об Эдипе и Сфинксе, и «трудные загадки» русских сказок, и философские диалоги эллинов, и космогонические апокрифы-диалоги. Но исконный индоевропейский диалог загадок — это не застольная беседа-симпозиум и не церковный катехизис. Это — состязание в мудрости, порой смертельно опасное. Ибо состязаться приходится богу или человеку с представителем древнейшей, часто грозной и злой силы. Так состязается иранский мудрец Иовиигга Фриана со злым колдуном Ахтьей, Один — с великаном Вафтрудниром, Тор — с карликом Альвисом-Всезнайкой, Эдип — со льводевой Сфинкс (Сфингой). Проигравший

платит жизнью, и гибель Сфинги или Альвиса знаменует закат древнейших богов, не способных более состязаться в знании с новыми богами и людьми» [Голубиная книга].

В данном дискурсе финал поэмы приобретает мистические черты, герой пытается уничтожить своего двойника, кидая трость ему в лицо, разбивает зеркало. О теме зеркала, двойника, теме переселения душ, важной для Есенина в «Ключах Марии», очень подробно и убедительно пишет Н.И. Шубникова-Гусева: «В поэме сложным образом слились широкие философские обобщения с жизненными впечатлениями, приметамы культурной жизни первой четверти XX века» [Шубникова-Гусева, 2001, с. 491] Сложно дать однозначный ответ на вопрос, кем является черный человек и носителем какого начала выступает он в поэме. Но мистериальный характер мировосприятия Есенина, сотканный из эзотерических и оккультных идей Рудольфа Штейнера, способствует созданию абсолютно оригинального произведения. В книге «Мистерии древности и христианство» Штейнер размышляет о человеке, пожелавшем изменить свое восприятие действительности, и в таком случае реальность предстает человеку не через чувственность, а через мир духов. Философ пишет: «Для каждого, желающего прийти к высшему познанию, это становится однажды реальностью. Он достигает предела, где дух являет ему всякую жизнь, как смерть. Тогда он больше не в мире; он под миром, в преисподней, и совершает путешествие в Аид. Благо ему, если он не погибнет теперь, когда перед ним открывается новый мир. Он или исчезнет в нем, или предстанет перед самим собой измененным» [Штейнер, 1990, с. 15]. И поэт вторит Штейнеру в «Ключах Марии»: «Ничто не дается без жертвы. Ни одной тайны не узнаешь без послания в смерть» [Есенин, 2003, с. 381.] Таким образом, поэму можно прочитать как раздумья автора об искушении, смерти и воскрешении героя.

Список литературы:

- Быков Дмитрий.* Тринадцатый апостол. Маяковский: Трагедия-буфф в шести действиях. 2-е изд. - М.: Молодая гвардия, 2016. - 827 с.
- Воронский А.* Об отошедшем. // Собрание стихотворений С. Есенина в 4-х тт. Т1. М.-Л.: Гослитиздат, 1926. С. VII-XXXIII.
- Голубиная книга.* Сост., переводы, коммент. Д. Дудко. [Электронный ресурс] // Дудко Д. Эксмо. 2008. — Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=284522&p=1>
- Захаров А.Н.* Поэтика Есенина. М.: Международная академия информации, Гуманитарное отделение, Филологический центр, 1995. 224 с.
- Есенин С.А.* Стихотворения. Поэмы. М.: ООО «Издательство Астрель». 2003. - 699 с.
- Переписка. М. Горький и А. Чехов.* Статьи высказывания. [Электронный ресурс] // М.: ГИХЛ, 1951 — Режим доступа: az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0570.shtml
- Плеханов Г.* «О так называемых религиозных исканиях в России». [Электронный ресурс] // *Плеханов Г.В.* Сочинения. Том XVII. О так называемых религиозных исканиях в России. М.: Государственное издательство. 1909. — Режим доступа: http://az.lib.ru/p/plehanow_g_w/text_1909_o_relig_iskaniah.shtml
- Солнцева Н.М.* С.А. Есенин // История русской литературы серебряного века (1890-е — начало 1920-х годов). Часть 3. Акмеизм, футуризм и другие. Учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт. 2017. С. 165 - 177.

Штейнер Рудольф. Мистерии древности и христианство. М.: Духовное Знание. СП Интербук. 1990.

Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001.

References:

Bykov Dmitrii. Trinadtsatiy apostol. Mayakovskii: Tragediya-buff v shesti deistviyakh. [The thirteenth apostle. Mayakovsky: Tragedy Buff in Six Acts] 2-e izd. - M.: Molodaya gvardiya, 2016. - 827 pp. (In Russian)

Voronskii A. Ob otoshedshem. [About deceased] // Sobranie stikhotvoreniy S. Esenina v 4-kh tt. T1. M.-L.: Goslitizdat, 1926. S. VII-XXXIII. (In Russian)

Golubinaya kniga. [A pigeon book] Sost., perevody, komment. D. Dudko. [Elektronnyi resurs] // Dudko D. Ehksmo. 2008. — Rezhim dostupa: <https://www.litmir.me/br/?b=284522&p=1> (In Russian)

Zakharov A.N. Poehtika Esenina. [Yesenin's style] M.: Mezhdunarodnaya akademiya informatsii, Gumanitarnoe otdelenie, Filologicheskii tsentr, 1995. 224 pp. (In Russian)

Esenin S. A. Stikhotvoreniya. Poehmy. [Rhymes. Poems.] M.: OOO «Izdatel'stvo Astrel'». 2003. - 699 pp. (In Russian)

Perepiska. M. Gor'kii i A. Chekhov. Stat'i vyskazyvaniya. [Correspondence. M. Gorky and A. Chekhov. Articles, statements] [Elektronnyi resurs] // M.: GIKHL, 1951 — Rezhim dostupa: az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0570.shtml (In Russian)

Plekhanov G. «O tak nazyvaemykh religioznykh iskaniiakh v Rossii». ["On the so-called religious searches in Russia"] [Elektronnyi resurs] // Plekhanov G. V. Sochineniya. Tom XVII. O tak nazyvaemykh religioznykh iskaniiakh v Rossii. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1909. — Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/p/plehanov_g_w/text_1909_o_relig_iskaniah.shtml (In Russian)

Solntseva N.M. S.A. Esenin [S.A. Esenin] // Istoriya russkoi literatury serebryanogo veka (1890-e — nachalo 1920-kh godov). Chast' 3. Akmeizm, futurizm i drugie. Uchebnyk dlya bakalavriata i magistratury. M.: Yurait. 2017. pp. 165 - 177. (In Russian)

Shteiner Rudol'f. Misterii drevnosti i khristianstvo. [Mysteries of antiquity and Christianity] M.: Dухovnoe Znanie. SP Interbuk. 1990. (In Russian)

Shubnikova-Guseva N.I. Poehmy Esenina: Ot «ProrokA» do «Chernogo chelovekA»: Tvorcheskaya istoriya, sud'ba, kontekst i interpretatsiya. [Yesenin's poems: From the "Prophet" to the "Dark Man": Creative history, destiny, context and interpretation] M.: IMLI RAN, Nasledie, 2001.

Артемяева Юлия Вячеславовна
Академия гражданской защиты МЧС России
г. Москва (Россия)

Явари Юлия Владимировна
Тверской государственный технический университет
г. Тверь (Россия)

Artemyeva Julia
Civil Defence Academy EMERCOM of Russia
Moscow (Russia)

Yavary Julia
Tver State Technical University
Tver (Russia)

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКИХ РЕАЛИЙ В ПЕРЕВОДАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С.А. ЕСЕНИНА

THE INTERPRETATION OF RUSSIAN REALIAS IN TRANSLATION OF WORKS BY SERGEY ESENIN

В статье проводится анализ интерпретаций реалий, встречающихся в произведениях С.А. Есенина, при передаче их с русского языка на английский и немецкий языки. Авторы рассматривают художественный перевод как базу для пополнения литературного языка переводящего (ПЯ) новыми словами. Однако понятие адекватности и эквивалентности перевода в данном явлении в полной мере применяться не может, поскольку возможны лишь интерпретации, поиски вариантов передачи референта на ПЯ. Таким образом, каждый случай перевода реалии должен быть рассмотрен отдельно. Авторы статьи считают, что в любом случае, переводчику необходимо учитывать интенцию автора, поэтому наличие реалий в дискурсе намного усложняет решение переводческой задачи – адекватно и полноценно перевести произведение. Поиск методов и приёмов сопряжён с методом проб и ошибок. Используя опыт перевода и опираясь на знание экстралингвистических факторов, можно достичь адекватного перевода.

The article analyses the interpretations of realias which are in the works by Sergey Esenin, translating them from Russian into English and into German. The authors consider fiction translation as a base for addition Standard language with new words. However, the notions of adequacy and equivalence of translation in this case aren't applied to the full, because only interpretations can be used for searching of variant translation of referent. Thus, every case of realia translation must be regarded individually. The authors consider that in any case the interpreter is to take into account the intention of the original text; therefore, the presence of realias in the discourse complicates the solution of task of adequacy in translation very much. The search of translation methods is connected with the trial-and-error method. Using the experience of translation and knowledge of extralinguistic factors it's possible to help us to achieve adequacy in translation.

Ключевые слова: переводчик, языковая личность, языковая культура, гендерная идентификация, интенция автора, дискурс, метод проб и ошибок, экстралингвистический фактор, реалия, адекватность в переводе, полноценность, эквивалентность.

Key words: a translator; language personality; language culture; gender identification; author's intention; a discourse; the trial-and-error method; an extralinguistic factor; a realia; the adequacy in translation; completeness; equivalence.

Художественный перевод, к которому относится передача литературных произведений Сергея Александровича Есенина с русского языка на иностранный язык, представляет собой наиболее сложный из всех типов перевода, различающихся по функциональной направленности. Это обусловлено многими причинами. Прежде всего, зависимостью качества перевода от языковой личности переводчика, его языковой и

творческой подготовки, таланта, в отдельных случаях существенной оказывается влияние пола переводчика [Артемьева, Явари, 2018]. В художественном переводе, отмечал

В своих произведениях С.А. Есенин изображает жизнь русской деревни, недаром он сам в 1920 году в стихотворении «Я последний поэт деревни» называет себя «последним поэтом деревни» [Есенин, 1990, т. 1, с. 107]. Для создания наиболее красочной и достоверной картины русской деревни он использует в своих произведениях большое количество реалий, передача которых на другие языки может вызвать затруднения у переводчиков, а результаты их труда – интерес у исследователей.

При анализе способов интерпретации реалий были рассмотрены переводы на английский и немецкий языки следующих произведений С.А. Есенина: стихотворения «Письмо матери» [Есенин, 1990, т. 1, с. 135-136]; [Esenin, 1982, с. 149; 18; 19]; [Jessenin, 1981, с. 149-151; 23], «Гой, ты, Русь моя родная!» [Есенин, 1990, т. 1, с. 52]; [Esenin, 1982, с. 171; 17], «Русь советская» [Есенин, 1990, т. 1, с. 268-270]; [Esenin, 1982, с. 171]; [Jessenin, 1981, с. 159-163], «Белая свитка, алый кушак» [Есенин, 1990, т. 2 с. 74; 21], «В хате» [Есенин, 1990, т. 1, с. 50]; [Esenin, 1982, с. 45], поэма «Анна Снегина» [Есенин, 1990, т. 1, с. 358-378]; [Esenin, 1982, с. 313-357; 23] и монолог Хлопуши из поэмы «Пугачев» [Есенин, 1990, т. 1, с. 329-357]; [Esenin, 1982, с. 295-299]; [Jessenin, 1981, с. 141], причем, анализу подвергались переводы, как изданные в литературных издательствах, так и опубликованные в интернете на различных поэтических форумах и сайтах [Сайт Стихи.Ру].

К сожалению, некоторые переводы опубликованы на сайтах и форумах без указания автора, что не дает возможности составить представление о личности и квалификации переводчика, кроме А.С. Вагапова, лингвиста, переводчика и преподавателя иностранных языков [Сайт Стихи.Ру].

Названия представителей русского крестьянства «мужик» и «баба» в поэме «Анна Снегина» и стихотворениях «Русь» и «Русь советская» передаются на английский язык при помощи гиперонимов *men (of the neighbouring village)* – *мужчины (из соседнего села)* [Esenin, 1982, с. 315], *peasants* [Esenin, 1982, с. 325] и *peasant* [Esenin, 1982, с. 297], *woman* [Esenin, 1982, с. 173] (*женщина*) и замены *Wives and mothers* [Esenin, 1982, с. 59] соответственно, а на немецкий язык – при помощи эквивалента *Jungs* (парни) для «мужики» эквивалента *Weib* (женщина) и уточнения *Bauer-* (крестьянский) [Jessenin, 181, с. 159]. Для передачи на английский язык реалии «мужик» Питер Темпест выбирает данный прием гиперонимического перевода, хотя существуют и другие варианты передачи данной реалии на ПЯ, так, например, переводчик романа «Дворянское гнездо» на английский язык использует транскрипцию *muzhik* [Turgenev, 1951, с. 9] (a Russian peasant [Concise Oxford Dictionary, the 4-th ed., 1995, с. 899]), однако в данном случае уместнее говорить о

«словарной», или «постоянной» [Явари, 2017, с. 222] транскрипции, т. е. о лексических единицах, освоенных ПЯ, которые когда-то были заимствованы из ИЯ при помощи транскрипции, заняли свое место в лексическом составе ПЯ и отражены в словарях. Наличие в ПЯ данной лексической единицы значительно облегчает задачу переводчика, в то время как из-за отсутствия в немецком языке заимствованной транскрибированной лексической единицы переводчику приходится прибегнуть к эквиваленту, который можно рассматривать как гиперонимический перевод – *Bauer* (крестьянин) [Turgenjew, 1947, с. 7], реалию же «баба» [Тургенев, 1974, с. 59] *peasant women* [Turgenev, 1951, с. 69] переводчик романа «Дворянское гнездо» передает на английский язык описательно – *peasant women* [Turgenev, 1951, с. 69].

Для передачи на английский и немецкий языки названия традиционного русского деревенского дома «изба» переводчики выбирают различные способы, так, при переводе стихотворения «В том краю, где желтая крапива» Питер Темпест выбирает близкий к функциональному аналогу эквивалент *cottage* [Esenin, 1982, с. 69], но, поскольку электронный словарь *AbbyLingvoProfessionalx5* предлагает данную английскую лексическую единицу в качестве эквивалента русскому «изба» [Электронный словарь *AbbyLingvox5 Professional 20*], в данном случае можно считать данный способ передачи реалии на ПЯ эквивалентным переводом. При переводе другого стихотворения, а именно, «Русь» [Есенин, 1990, Т1, с. 211] он выбирает другой способ – функциональный аналог: *homes* [Esenin, 1982, с. 57], при переводе стихотворения «В том краю, где желтая крапива» на немецкий язык Адельхайд Кристоф (*Adelheid Christoph*) передает реалию «изба» как *Hütte* [Jessenin, 1981, с. 19], а при переводе романа «Дворянское гнездо» на английский и немецкий языки переводчик и для передачи реалии «изба» [Тургенев, 1974, с. 59] используют эквиваленты – *hut* (англ.) [Turgenev, 1951, с. 69] и *Hütte* (нем.) [Turgenjew, 1947, с. 80] соответственно. При переводе стихотворения «Письмо матери» реалия «избушка» [Т1, с. 135] (уменьшительная форма от *изба*) передается на английский и немецкий языки различными способами, так, Питер Темпест использует эквивалент *cottage* [Esenin, 1982, с. 149], А.С. Вагапов использует нулевой перевод, заменяя «над твоей избушкой» на «над тобой» (*above you*) [Esenin S. Letter to mother. [электронный ресурс], а Руперт Мортон (*Rupert Moreton*) функциональный аналог – *home* [Esenin S. Martha Governor's wife. [электронный ресурс]. При переводе этого стихотворения на немецкий язык переводчик Райнер Кирш (*Reiner Kirsch*) использует гипероним *Häuschen* [Немецк, с. 149], уменьшительная форма от немецкого *Haus* [Esenin S. Martha Governor's wife. [электронный ресурс] использует эквивалент *Kate* (*изба, крестьянский дом; хижина, хибарка, лачуга* [Электронный словарь *AbbyLingvox5 Professional 20*]). При переводе «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина

для передачи данной реалии [Пушкин, 1999, с. 125] переводчики на английский и немецкий языки используют эквивалент *cottage* [Пушкин, 1999, с. 125] и гипероним *Haus* [Puschkin, 1974, с. 68] соответственно.

В стихотворении «Гой, ты, Русь, моя родная!» С.А. Есенин использует не русскую реалию «изба», а ее украинский и южно-российский аналог «хата» [Есенин, 1990, Т 1, с. 51], который Питер Темпест (Peter Tempest) передает на английский язык как *cottage* [Esenin, 1982, с. 47], что вполне закономерно, поскольку при передаче локализмов следует переводить аналог данной лексической единицы в литературном языке. В данном случае таким аналогом является «крестьянский дом», «изба», имеющим в английском языке однословный эквивалент «*cottage*» [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20], однако перевода, опубликованного на сайте Стихи.Ру, передает данную реалию как *hut*, снабжая текст перевода пояснением: «*in this case is the Ukrainian name for house*» [Esenin S. Letter to mother. [электронный ресурс]. Данное пояснение указывает на то, что автор перевода, возможно, пытался транскрибировать данную лексическую единицу, однако переводческая транскрипция [Явари, с. 222] данного локализма полностью омонимична английской лексической единице *hut* (*лачуга, хибар(к)а, хижина; барак* [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20]), что не соответствует замыслу автора оригинала, поскольку Есенин писал о красивых нарядных жилищах, сравнивая их с иконами в ризах. Украинская реалия «хата» довольно часто встречается в произведениях русской литературы и не единожды подвергалась передаче на иностранные языки, так, например, в переводе повести Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» на английский язык данная реалия [Гоголь, 1985, с. 68] передается при помощи гиперонимического перевода – *house* [Gogol, 1991, с. 83].

Для достоверного и красочного изображения незнакомой читателям действительности авторы литературных произведений используют реалии. Так и С.А. Есенин при описании жизни русской деревни прибегает к помощи реалий, обозначающих предметы деревенского быта, как традиционную русскую одежду, так и блюда, и напитки. Одной из основных трудностей передачи реалий в переводе считается отсутствие в переводящем языке однословных эквивалентов. Однако это не всегда так. В некоторых языках для некоторых реалий существуют словарные эквиваленты, которые некогда в результате различных контактов между странами были заимствованы ПЯ, адаптированы и нашли свое место в лексическом составе, а, следовательно, и в словарях. Так, например, название традиционного русского напитка квас и в английском, и в немецком языках имеет свои эквиваленты, полученные в результате транскрипции – *англ.* *kvass* [Concise Oxford Dictionary, the 4-th ed. Oxford University Press, 1995 с. 755; 30] и

немецк. Kwaß [Klappenbach, 1968, с. 2280; 30], которые и используют переводчики для передачи данной реалии [Есенин, 1990, т. 1, с. 45; Esenin, 1982, с. 313; 23].

Для передачи на ПЯ других реалий, не имеющих эквивалентов в ПЯ переводчики используют другие средства. Так, например, для передачи на английский и немецкий языки названия старинной верхней женской одежда вроде *кофты* или *телогрейки* [Ожегов, 1986, с. 783] «шушун» [Есенин, т. 1 с. 135] переводчики в основном используют гиперонимический перевод: англ. jacket [Esenin, 1982, с. 149], *overcoat* [Esenin S. Letter to mother. [электронный ресурс], *dress* [Esenin S. Martha Governor's wife. [электронный ресурс] и немецк. Pelz [Jessenin, 1981, с. 24, 149;]. Реалию «свитка» (название верхней длинной распашной одежды из домотканого сукна у русских, украинцев и белорусов [Ожегов, 1986, с. 611]) [Есенин, 1990, т. 2, с. 74] А.С. Вагапов передает на английский язык как *Sweatshirt* (*фудфайка, балахон* [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20]) [Esenin S. White is the sweatshirt, and red the sash [электронный ресурс], т. е. при помощи гиперонимического перевода, этот же способ перевода выбирает и Кристофер Инглиш (Christopher English) при передаче данной реалии в переводе повести Н.В. Гоголя «Сорочинская ярмарка» [Гоголь, с. 31] – *coat* [Gogol, с. 26], реалию «кушак» [Есенин, т. 2, с. 74] А.С. Вагапов передает также гиперонимом *sash* [Esenin S. White is the sweatshirt, and red the sash. [электронный ресурс]. Название транспортного средства «дрожки» и в английском, и в немецком языках имеет свои эквиваленты, полученные в результате транскрибирования англ. *Droshky* [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20] и немецк. *Droschke* [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20], поэтому, говоря о передаче реалии при помощи данных лексических единиц, способ передачи следует обозначить как «словарную транскрипцию» [Явари, с. 222].

Название блюда «оладьи» [Есенин, т. 1, с. 362] Питер Темпест передает на английский язык при помощи функционального аналога – *fritters* [Esenin, 1982, с. 323] (фриттер (фрукты, овощи, рыба или мясо, мелко порезанные и обжаренные в жидком тесте) [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20]), а название такого напитка, как «самогонка» [Есенин, 1990, т. 1, с. 360] – при помощи функциональной замены: *raw spirit* (неразбавленный спирт [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20]) [Esenin, 1982, с. 319]. Название питейного заведения «кабак» [Есенин, 1990, т. 1, с. 135] передаются на английский язык при помощи замены реалии ИЯ на реалию ПЯ *tavern* [Esenin, 1982, с. 18; 19, 149;], в другом же случае Питер Темпест передает данную реалию при помощи контекстуального перевода, используя в предложении *пойти в кабак* лексическую единицу *booze* [Esenin, 1982, с. 341] (*выпивка* [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20]). На немецкий язык данная реалия передается при помощи вивалента *Schnapsspelunke*

[Jessenin, 1981, с. 149] (*трущоба; нора; притон; кабак* [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20]).

При описании деревенской жизни не обойтись без упоминания различных явлений и понятий социального и административного характера, к которым относятся названия административных должностей и социальных статусов. Некоторые из них имеют эквиваленты в ПЯ, которые и используются при переводе: *русск.* губернатор [Есенин т. 1, с. 344] – *англ.* governor [Esenin, 1982, с. 297], *немецк.* Gouverneur [Jessenin, 1981, с. 113]; *русск.* помещик [Есенин, 1990, т. 1, с. 344] – *англ.* landlord [Esenin, 1982, с. 297], *немецк.* Gutsbesitzer [Jessenin S. Brief an die Mutter. [электронный ресурс], а Райнер Кирш для передачи данной лексической единицы выбирает гипероним *Herr* (господин) [Jessenin, 1981, с. 111]. Для передачи реалии «помещица» [Т 1, с. 362] Питер Темпест при переводе поэмы «Анна Снегина» использует другой эквивалент – *landowner* [Esenin, 1982, с. 323], который, в отличие от лексической единицы *landlord*, не указывает на пол референта, а переводчик на немецкий язык выбирает эквивалент *Gutsbesitzer* [Jessenin S. Brief an die Mutter. [электронный ресурс]. Для передачи реалий, не имеющих в ПЯ эквивалентов, переводчикам приходится из всего арсенала средств передачи реалий выбирать наиболее подходящие для каждого конкретного случая. Так, например, название такой должности, как «исправник» [Есенин, 1990, т. 1, с. 358] в царской России начальник полиции в уезде [Ожегов, 1986, с. 220] и на английский, и на немецкий языки передается описательно – *англ.* *district officer* (районный чиновник) [Esenin, 1982, с. 313] и *немецк.* *Polizeihau* [Esenin, 1982, *man* (начальник полиции) [Jessenin S. Brief an die Mutter. [электронный ресурс], а реалию «старшина» [Есенин, 1990, т. 1, с. 358] (до революции выборное лицо, руководящее делами какой-нибудь сословной организации [Ожегов, 1986, с. 663]) переводчик на английский язык передает при помощи описательного пояснения *Headman* (начальник, руководитель, глава) [Esenin, 1982, р. 313], а автор немецкого перевода, опубликованного на сайте, выбирает для передачи на немецкий язык значение лексической единицы из другой сферы деятельности, из производственной и использует эквивалент *Vorarbeiter* (старший рабочий, бригадир) [Jessenin S. Brief an die Mutter. [электронный ресурс]. Для передачи на английский и немецкий языки такого понятия сельской жизни, как «сходка» [Есенин, 1990, т. 1, с. 359] оба переводчика используют описательный перевод: *англ.* *met to settle* (встретились, чтобы принять решение) [Esenin, 1982, с. 315], *немецк.* *Treffen* (встреча) [Jessenin S. Brief an die Mutter. [электронный ресурс]. Реалию «сотские» [Есенин, 1990, т. 1, с. 212] (в царской России крестьянин, назначавшийся в помощь полиции [Ожегов, 1986, с. 653]) Питер Темпест передает на английский язык при помощи замены реалии ИЯ на реалию ПЯ *constables* (констебль (низший полицейский чин в Великобритании и США

[Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20]), добавив уточнение *rural* (сельские) [Esenin, 1982, с. 59]. Для передачи на английский язык такого социального статуса, как «солдатка» (жена или вдова солдата) [Есенин, 1990, т. 1, с. 365] Питер Темпест прибегает к помощи описательного перевода в некоторой степени близкого эквиваленту, используя идиому «grass widow» (соломенная вдова) [Esenin, 1982, с. 329] с уточнением *soldier's* (солдатская), сочетание которых в итоге создает для читателей перевода довольно полную картину статуса женщины.

В стихотворении «Русь советская» «волость» (у волости собрались) [Есенин, 1990, т. 1 с. 269], очевидно, следует понимать как название органа местной власти, однако данный историзм может вызвать затруднения в понимании даже у носителей русского языка не говоря об иноязычных переводчиках, не удивительно, что Питер Темпест, вероятно, не распознав данную лексическую единицу, использует нулевой перевод, вообще не упоминая в своем переводе место сбора крестьян (*from all sides congregate*) [Esenin, 1982, с. 173], а Вячеслав Четин, автор перевода данного стихотворения на сайте Стихи.ру [Сайт Стихи.Ру [Электронный ресурс]] использует транскрипцию *volost* [Esenin S. White is the sweatshirt, and red the sash. [электронный ресурс], что не дает читателям перевода ни малейшего понятия по поводу места сбора сельчан. Казалось бы, место сбора сельчан не имеет особого значения для сюжета, но может быть важным, если принимать во внимание противопоставление автором мест встречи крестьян: ранее – у церкви, сейчас же, после 1917 года – у волости (т.е. местной администрации). С данной точки зрения из трех рассмотренных вариантов перевода (двух на английский язык: Питера Темпеста и Вячеслава Четина и на немецкий Райнера Кирша [немецк, с. 161]) самым удачным вариантом следует признать перевод на немецкий язык – *Gemeindeamt* (местное самоуправление, местный совет [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20]) [Esenin, 1981, с. 161].

Историческую реалию «посадница» (женщина-посадник или жена посадника) [Есенин, 1990, т. 1, с. 203] и авторы переводов на английский и немецкий языки, размещенных на сайте, передают одинаково описательно (жена посадника) *англ. Governor's wife* [Esenin S. Soviet Russia (transl. by V.Chetin) [электронный ресурс] и *немецк. Gouverneursfrau* [Pushkin A. Märchen. M.: «Прогресс», der Kinderbuchverlag, Berlin,] соответственно, используя для передачи исторической русской реалии «посадник» (в древней и средневековой Руси: наместник князя, а также в феодальных республиках, выборный глава гражданской администрации [Ожегов, 1986, с. 480]) функциональную замену, если расценивать *Governor* и *Gouverneur* как «губернатор» [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20] или гиперонимический перевод, если считать их

эквивалентами для «правитель» [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20]. В некоторых своих произведениях С.А. Есенин употребляет южнорусские локализмы, т. е. слова (или выражения), употребление которых ограничено такой-то областью, таким-то городом и т. п. и которые неизвестны в литературном образце данного языка [Ахманова, 2010, с. 222], которые, как и реалии, придают произведениям их самобытный колорит. Так, стихотворение «В хате» [Есенин, 1990, т. 1, с. 50] отличается ярким южно-российским колоритом, чему способствуют многочисленные, способные вызвать трудности в понимании даже у носителей русского языка локализмы южных областей России, такие, как, например, *драчена* (русское кушанье – запеченная лепешка из яиц, замешанных на молоке с мукой, крупой или тертым картофелем [Ожегов, 1986, с. 155]), *дежка* (*дежа*) – большой металлический сосуд, в котором замешивают тесто [Ожегов, 1986, с. 134] *попелица* (образовано от диалектного слова «попел» – «пепел» [Букринская]) и «махотка» (глиняный горшок [Gogol Nikolai, 1991]). Локализмы имеют некоторые сходные черты с реалиями, такие, как определенная окраска и отсутствие эквивалентов в ПЯ, а также ограниченная известность и тех, и других. Известность локализмов определяется территориальными границами, а реалий – национально-культурными. Из-за этой своей ограниченной известности за пределами данных границ в случаях употребления их в языках других народов, или локализмов в литературном языке, может возникнуть необходимость их пояснения. Однако существуют различия между реалиями и локализмами: реалии не имеют эквивалентов в других языках из-за отсутствия в жизни других народов самих референтов, т. е. присущих одним нациям материальных предметов национального быта и культуры, а также явлений и понятий жизни одного народа и чуждые представителям других народов, в то время как предметы, явления и понятия, обозначаемые локализмами, представлены в быте и различных сферах жизни обоих народов, а локализмы, хотя и неизвестные в литературном варианте языка, имеют в нем соответствия. Локализмы, как и реалии, не имеют однозначных эквивалентов в ПЯ. Однако они имеют в литературном языке эквиваленты, которые в свою очередь без особых затруднений могут быть переведены на другой язык в словарном порядке. Таким образом, при переводе локализмов основной трудностью для переводчика, особенно не носителя ИЯ, является определение эквивалента локализма в литературном образце языка.

Несмотря на обилие лексических единиц, не всегда понятных даже русскоязычным читателям, Питер Темпест великолепно справляется с интерпретацией всех этих локализмов в переводе на английский язык, создавая у читателей полную и правдоподобную картину обстановки и предметов быта крестьянской избы того времени, для чего ему сначала пришлось идентифицировать локализмы, используемые в

стихотворении, т. е. определить их эквиваленты в литературном варианте русского языка, которые и переводить на английский язык. Так, например, название блюда драчена [Есенин, 1990, т. 1, с. 50] Питер Темпест передает при помощи лексической единицы *ovencake* [Esenin, 1982, с. 45] (пирог из печи), что можно с одной стороны считать гиперонимическим, а с другой – описательным переводом, а дежка (дежа) [Есенин, 1990, т. 1, с. 50] передается на английский язык при помощи *tub* [Esenin, 1982, 45] (*кадка, бадья, бочонок, бочка* [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20]), что является эквивалентом для соответствия локализма «дежа» в литературном русском языке (*кадушка*). Не понятную без пояснения даже носителям языка оригинала лексическую единицу «попелица» [Есенин, 1990, т. 1, с. 50] Питер Темпест так же передает при помощи перевода слова-соответствия в литературном варианте языка – *ash* [Esenin, 1982, с. 45]. Локализм «махотка» [Есенин, 1990, т. 1, с. 50] переводчик, очевидно, не смог «расшифровать» и использовал нулевой перевод, никак не упоминая название утвари в переводе, что не помешало ему передать атмосферу быта в российской *избе* (*xatme*).

Образность языка С.А. Есенина в сочетании с обилием реалий создает немало трудностей при переводе его произведений на иностранные языки. Так, например, в стихотворении «Гой, ты, Русь моя родная!» образное сравнение жилищ (хат) с образами (иконами) в ризах (фигурная металлическая накладка на иконах, оставляющая открытыми только изображения лица и рук [Ожегов, 1986, с. 590]); [Есенин, 1990, т. 1, с. 51] вызвало определенные трудности у переводчиков. Данные затруднения обусловлены многозначностью русской лексической единицы «риза», означающей и одежду священника, и оклад иконы (фигурная металлическая накладка на иконах). При сравнении двух переводов данного стихотворения на английский язык – Питера Темпеста [Esenin, 1982, с. 47] и неизвестного автора, опубликованного на сайте Стихи.Ру, более удачным вариантом передачи данной метафоры следует признать перевод Питера Темпеста – *англ. in icon guise* [Esenin, 1982, с. 47] (*русск.* в виде икон). Автор же другого рассматриваемого перевода [Esenin S. Letter to mother. [электронный ресурс] выбирает для передачи на ПЯ другое значение слова «риза» и передает его при помощи эквивалента «соре» (*риза* (верхнее облачение священника во время богослужения) [Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20]).

При анализе и сравнении нескольких переводов на английский и немецкий языки можно отметить, что в случае удачного выполнения задачи передачи русских реалий на ПЯ переводчики довольно часто использовали эквиваленты переводимых реалий, имеющиеся в ПЯ. Кроме этого, отмечены случаи использования таких приемов передачи реалий в переводе, как гиперонимический перевод (*шушун* – *dress*; *кушак* – *sash*; *драчена* – *ovencake*;

избушка – Häuschen), функциональный аналог (*избушка – home; свитка – sweatshirt; каба́к – Schnapsspelunke; оладьи – fritters*), замена реалии ИЯ на реалию ПЯ (*кабак – tavern, Taverne*) и описательный перевод (*баба – peasant woman; красноармеец – red-army soldier*).

Таким образом, при рассмотрении вариантов перевода различными авторами художественных произведений С.А. Есенина и сравнении передачи реалий напрашивается вывод о необходимости комментария даже при эквивалентном или адекватном переводе. Это связано с пространственной референцией и временной референцией, которые возникают в соответствии с временем и местом описанных в художественных произведениях событий. Для внедрения реалии в ПЯ происходит явление, которое можно назвать известным в программировании термином адаптивное кодирование с преобразованием.

Список литературы:

- Артемяева Ю.В., Явари Ю.В.* Перевод реалий в произведениях кинематографа. Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. с. 10-109.
- Артемяева Ю.В., Разыграева С.А., Явари Ю.В.* Роль языковой личности при переводе реалий в произведениях И.С. Тургенева / Артемяева Ю.В., Разыграева С.А., Явари Ю.В. // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. – 2018. – № 4. – С. 35-45.
- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 576 с.
- Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Литературный русский язык и говоры. // Русский язык [электронный ресурс]. URL: [rus.1sept.ru>article.php?id=200602103](http://rus.1sept.ru/article.php?id=200602103) (дата обращения 1.11. 2019)
- Влахов, С.И., Флорин, С.П.* Непереводимое в переводе. изд. 4-е, М.: Р. Валент, 2009. 360 с.
- Гоголь Н.В.* Повести / Вступит. Статья С. Машинского. Переизд. М.: Дет. Лит., 1985. 271 с., ил.
- Есенин С.А.* Собрание сочинений: В 2 т. М.: Сов. Россия: Современник, 1990.
- Есенин С.А.* Собрание сочинений: В 2 т. М.: Сов. Россия: Современник, 1990. С. Есенин. Избранные стихотворения и поэмы *На английском языке с параллельными русскими текстами* Compiled by А.А. Kozlovsky. Изд-во «Прогресс», 1982. English translation Progress Publishers 1982. 385 p.
- Кашкин И.А.* Для читателя-современника Статьи и исследования. М.: Сов писатель, 1968, 1977. 560 с.
- Пушкин А.С.* Сказка о рыбаке и рыбке. // Пушкин А. С. Сказки. А. S. Pushkin. Fairy Tales. / А.С. Пушкин. На английском языке с параллельным текстом на русском языке. М.: Literatura Publishers, 1999 136 с. С. 124-129.
- Тургенев И.С.* Дворянское гнездо. Роман. М., «Дет. лит.» 1974. 176 с.
- Явари Ю.В.* Транскрипция как один из способов передачи реалий в переводе.// Вестник Тверского государственного университета Серия «Филология». 2017. № 2. с. 219-224.
- Сайт Стихи.Ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stihi.ru/avtor/vagalec/> (дата обращения 04.11.2019).
- Сайт Стихи.Ру [Электронный ресурс]. URL: <https://sergey-esenin.su/?lang=de/> (дата обращения 04.11.2019).
- Словарь Академик [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/27732/махотка/> (дата обращения 01. 11. 2019).
- Gogol Nikolai Ночь перед Рождеством и другие рассказы *На английском языке* Raduga Publishers.1991. 424 с.
- Pushkin. A. S. Fairy Tales. / А. С. Пушкин Сказки на английском языке с параллельным текстом на русском языке М.: Literatura Publishers, 1999. 136 с.
- Turgenev I.A.* A Nest of the Gentry. М., Издательство литературы на иностранных языках. 1951. 180 с.

Esenin S. Hey, there, Russia, mother country. [электронный ресурс]. URL: <https://www.stihi.ru/2012/05/18/5493> (дата обращения 27.10.2019).

Esenin S. Letter to mother. [электронный ресурс]. URL: http://zurnal.siwatcher.ru/v/vagapov_as/yesen-1.shtml (дата обращения 22.10.2019).

Esenin S. Letter to mother. [электронный ресурс]. URL: <https://ruverses.com/sergey-esenin/letter-to-his-old-mother/6024/> (дата обращения 27.10.2019)

Esenin S. Martha Governor's wife.[электронный ресурс]. URL: https://sergeyesenin.ru/?page_id=301&en (дата обращения 26.10.2019).

Esenin S. Soviet Russia (transl. by V.Chetin) [электронный ресурс]. URL: <https://www.stihi.ru/2011/11/12/1144> (дата обращения 26.10.2019).

Esenin S. White is the sweatshirt, and red the sash [электронный ресурс]. URL: <https://www.stihi.ru/2007/07/28-1526> (дата обращения 22.10.2019).

Sergej Jessenin. Gedichte russisch-deutsch (aus dem Russischen Nachdichtung von Paul Celan, Adelheid Christoph, Adolf Endler, Elke Erb und Reiner Kirsch).Verlag Philipp Reclam jun. Leipzig 1981. 247 S. S.149.

Jessenin S. Anna Snegina. [электронный ресурс]. URL: http://sergey-esenin.su/?page_id=1015&lang=de (дата обращения 1.11.2019).

Jessenin S. Brief an die Mutter. [электронный ресурс]. URL: <https://ruverses.com/sergey-esenin/letter-to-his-old-mother/1817/> (дата обращения 15.11.2019).

Jessenin S. Martha Gouvernoursfrau. [Электронный ресурс]. URL: http://sergey-esenin.su/?page_id=301&lang=de (дата обращения 26.10.2019).

Pushkin A. Märchen. М.: «Прогресс», der Kinderbuchverlag, Berlin, 1974. 136 с.

Turgenev I. Ein Adelnest. Moskau Verlag für fremdsprachige Literatur. 1947. 208 S.

Concise Oxford Dictionary, the 4-th ed. Oxford Univerity Press, 1995. 1674 с.

Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartsprache Berlin: Akademie Verlag, 1968. 4580 с.

Электронный словарь AbbyLingvox5 Professional 20.

References:

Artem'eva Yu.V., Yavari Yu.V. Pervod realij v proizvedeniyah kinematografa. Vestnik MGOU. Seriya: Lingvistika. 2018. № 1. s. 10-109 (In Russian).

Artem'eva Yu.V., Razygraeva S.A., Yavari YU.V. Rol' yazykovej lichnosti pri perevode realij v proizvedeniyah I.S. Turgeneva / Artem'eva Yu.V., Razygraeva S.A., Yavari Yu.V. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22, Teoriya perevoda. – 2018. – № 4. – S. 35-45 (In Russian).

Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e. М.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010. 576 s. (In Russian).

Bukrinskaya I.A., Karmakova O.E. Literaturnyj russkij yazyk i govory. // Russkij yazyk [elektronnyj resurs]. URL: <rus.1sept.ru/article.php?id=200602103> (data obrashcheniya 1.11. 2019) (In Russian).

Vlahov, S.I., Florin, S.P. Neperevodimoe v perevode. [Untraslatable in Translation] izd. 4-e, М.: R. Valent, 2009. 360 s. (In Russian).

Gogol' N.V. Povesti / Vstupit. Stat'ya S. Mashinskogo. Pereizd. М.: Det. Lit., 1985. 271 s., il. (In Russian).

Esenin S.A. Sobranie sochinenij: V 2 t. М.: Sov. Rossiya: Sovremennik, 1990. (In Russian).

Esenin S.A. Sobranie sochinenij: V 2 t. М.: Sov. Rossiya: Sovremennik, 1990. S. Esenin. Izbrannye stihotvoreniya i poemu Na anglijskom yazyke s parallel'nymi russkimi tekstami Compiled by A.A. Kozlovsky. Izd-vo «Progress», 1982. English translation Progress Publishers 1982. 385 p. (In Russian).

Kashkin I.A. Dlya chitatelya-sovremennika Stat'i i issledovaniya. М.: Sov pisatel', 1968, 1977. 560 s. (In Russian).

Pushkin A.S. Skazka o rybake i rybke. // Pushkin A. S. Skazki. A. S. Pushkin. Fairy Tales. / A.S. Pushkin. Na anglijskom yazyke s parallel'nym tekstom na russkom yazyke. М.: Literatura Publishers, 1999 136 с. S. 124-129. (In Russian).

Turgenev I.S. Dvoryanskoe gnezdo. Roman. М., «Det. lit.» 1974. 176 s. (In Russian).

Yavari YU.V. Transkripciya kak odin iz sposobov peredachi realij v perevode.// Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya «Filologiya». 2017. № 2. s. 219-224. (In Russian).

Sajt Stihi.Ru [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.stihi.ru/avtor/vagalec/> (data obrashcheniya 04.11.2019).

Sajt Stihi.Ru [Elektronnyj resurs]. URL: <https://sergey-esenin.su/?lang=de/> (data obrashcheniya 04.11.2019).

Slovar' Akademik [Elektronnyj resurs]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/27732/mahotka/> (data obrashcheniya 01. 11. 2019).

Gogol Nikolai Noch' pered Rozhdestvom i drugie rasskazy Na anglijskom yazyke Raduga Publishers.1991. 424 c.

Pushkin. A. S. Fairy Tales. / A. S. Pushkin Skazki na anglijskom yazyke s parallel'nym tekstom na russkom yazyke M.: Literatura Publishers, 1999. 136 c.

Turgenev I.A. A Nest of the Gentry. M., Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah. 1951. 180 s.

Esenin S. Hey, there, Russia, mother country. [elektronnyj resurs]. URL: <https://www.stihi.ru/2012/05/18/5493> (data obrashcheniya 27.10.2019).

Esenin S. Letter to mother. [elektronnyj resurs]. URL: http://zurnal.siwatcher.ru/v/vagapov_as/yesen-1.shtml (data obrashcheniya 22.10.2019).

Esenin S. Letter to mother. [elektronnyj resurs]. URL: <https://ruverses.com/sergey-esenin/letter-to-his-old-mother/6024/> (data obrashcheniya 27.10.2019)

Esenin S. Martha Governor's wife.[elektronnyj resurs]. URL: https://sergeyesenin.ru/?page_id=301&en (data obrashcheniya 26.10.2019).

Esenin S. Soviet Russia (transl. by V.Chetin) [elektronnyj resurs]. URL: <https://www.stihi.ru/2011/11/12/1144> (data obrashcheniya 26.10.2019).

Esenin S. White is the sweatshirt, and red the sash [elektronnyj resurs]. URL: <https://www.stihi.ru/2007/07/28-1526> (data obrashcheniya 22.10.2019).

Sergej Jessenin. Gedichte russisch-deutsch (aus dem Russischen Nachdichtung von Paul Celan, Adelheid Christoph, Adolf Endler, Elke Erb und Reiner Kirsch).Verlag Philipp Reclam jun. Leipzig 1981. 247 S. S.149.

Jessenin S. Anna Snegina. [elektronnyj resurs]. URL: http://sergey-esenin.su/?page_id=1015&lang=de (data obrashcheniya 1.11.2019).

Jessenin S. Brief an die Mutter. [elektronnyj resurs]. URL: <https://ruverses.com/sergey-esenin/letter-to-his-old-mother/1817/> (data obrashcheniya 15.11.2019).

Jessenin S. Martha Gouvernoursfrau. [elektronnyj resurs]. URL: http://sergey-esenin.su/?page_id=301&lang=de (data obrashcheniya 26.10.2019).

Pushkin A. Märchen. M.: «Progress», der Kinderbuchverlag, Berlin, 1974. 136 c.

Turgenjew I. Ein Adelnest. Moskau Verlag für fremdsprachige Literatur. 1947. 208 S.

Concise Oxford Dictionary, the 4-th ed. Oxford Univerity Press, 1995. 1674 c.

Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartsprache Berlin: Akademie Verlag, 1968. 4580 c.

Elektronnyj slovar' [electronic dictionary] AbbyLingvox5 Professional 20.

Борис Людмила Алексеевна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Boris Liudmila
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

ПИСЬМА ВСЛУХ: РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОНОЛОГОВ В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

LETTERS OUT LOUD: THE RHETORICAL ASPECT OF MONOLOGUES IN THE POETRY OF SERGEI YESENIN

Секрет сценического успеха произведений Сергея Есенина кроется в особой устной доверительной интонации, которая наиболее явственно выражена в эпистолярном жанре: письмах к матери, сестре, деду, друзьям. Это «письма вслух», слова, подобранные и скомпонованные таким образом, чтобы можно было читать заинтересованным посторонним или перечитывать адресату. Чтение писем от родных другим людям – ушедшая традиция в современном мире, наиболее близким аналогом могут служить письма с фронта – одновременно личные и публичные, рассчитанные на чтение вслух. Риторические обращения, повторы, умелые паузы – эти и многие другие приемы до последнего стихотворения – «До свиданья, друг мой, до свиданья» – оформляли поэтическую мысль Есенина как его личное доверительное высказывание на всю Россию.

The secret of the stage success of Sergei Yesenin's works lies in a special verbal confidential intonation, which is most clearly expressed in the epistolary genre: letters to mother, sister, grandfather, friends. These are "letters aloud", words selected and arranged in such a way that it can be read by interested outsiders or re-read to the addressee. Reading letters from relatives to other people is a bygone tradition in the modern world, the closest analogue can be letters from the front - both personal and public, designed to be read aloud. Rhetorical addresses, repetitions, skillful pauses - these and many other techniques to the last poem - "Goodbye, my friend, goodbye" - shaped Yesenin's poetic thought as his personal confidential statement to the whole of Russia.

Ключевые слова: традиция чтения писем вслух, риторические приемы, общие темы, эпистолярные жанры.

Key words: the tradition of reading letters aloud, rhetorical techniques, general themes, epistolary genres.

Возникновение эпистолярного жанра по своей древности сопоставимо с возникновением письменности: как для деловой, так и для частной переписки существовал особый жанр *письма, послания, уведомления* – со своими правилами оформления, структурой и обязательными (этикетными) речевыми оборотами. Правила эти прописывались в так называемых «письмовниках», где постулировались:

- 1) Начало, содержащее уважительное обращение;
- 2) Головная часть, раскрывающая подробно основное содержание, в случае ответного письма – сначала по пунктам ответы на заданные вопросы;
- 3) Концовка, где суммируется написанное;
- 4) Этикетное прощание и иногда постскрипtum. [Лаврентьева, 1999, с. 148-155]

Много позже, с возникновением художественной литературы, проникновение эпистолярного стиля мы находим как в поэтических опусах (послания А.С. Пушкина), так и в эпических произведениях (роман «Бедные люди» Ф.М. Достоевского, рассказ «Ванька» А.П. Чехова) вплоть до стилизации интимной переписки по электронной почте («Одиночество в сети» Януша Вишневского). Не затрагивая публицистического жанра «открытого письма» и довольно разработанной темы о преимуществах посланий у Сергея Есенина от пушкинской лирики, мы постараемся выделить практически не рассматривавшиеся признаки составления текстов писем для того, чтобы их (письма) можно было читать вслух, а также другие риторические аспекты поэтических монологов поэта.

Практика чтения вслух имеет богатую традицию: чтение вслух текстов Писания в церкви, чтение сказок взрослыми детям, чтение в избах-читальнях грамотными для неграмотных, чтение сиделками старикам развлекательной литературы и под. Отдельным видом чтения монологических высказываний была четкая декламация в кругу родных и друзей послания от далёкого родственника: получение такого письма было событием, как правило, не частым, заинтересованных в новостях было много, набиралась значительная аудитория, что, безусловно, учитывалось пишущим. Именно «ориентация на адресата, пусть и воображаемого, составляет важный опознавательный признак эпистолярной литературы, отличающий ее от записок или дневника». [Протопопова, 2003, с.152] Автор примерно представлял себе, кого позовут слушать мама или сестра, передавал другим родным приветы, обращался не только непосредственно к адресату; в случае с письмами к жене или мужу – адресат читал вслух сам, но с купюрами: «это личное, а вот дальше...». Впоследствии письма сохранялись и перечитывались, как для новых слушателей, так и для уже ознакомившихся, – для того, чтобы вспомнить информацию и тёплые слова далекого путешественника, да и просто для удовольствия. Приведем литературный пример: почтмейстер Шпекин из «Ревизора» Н.В. Гоголя постоянно оставляет самые интересные письма, чтобы на досуге их перечитывать, а последнее письмо Хлестакова он несет на собрание к Городничему, поскольку там важная информация для всех, – и это письмо все читают вслух по очереди, пропуская замечания насчет себя. «Существовало понятие "красивое письмо". Это значило не только соблюдение вышеперечисленных правил, но и хороший литературный слог, добрый тонкий юмор, самоиронию. Информация могла выходить за будничные круги. Если кто-то из родственников писал письма красиво, то их часто зачитывали детям в качестве примера для подражания. Такому корреспонденту прощали даже очень редкие весточки». [Баранова, 2016, №9]

Фактически из личных, интимных писем тексты превращались в открытые послания. Автор балансировал между необходимостью узнать и сообщить личную информацию и требованием не написать ничего лишнего, что было бы не одобрено, с одной стороны, цензурой, с другой – строгими читателями или слушателями. Тон и стиль письма также получали амплитуду от искреннего и лиричного до пафосного и декларативного. Самый известный пример таких писем в XX веке – это письма с фронта. Солдатские треугольники времен Великой Отечественной войны даже не заклеивали, поскольку все были прекрасно осведомлены, что письма просматривают, учитывали требование не сообщать никаких конкретных данных с линии фронта на тот случай, если письмо попадет в руки врага. Поэтому формальные обороты речи, строгое следование правилам построения письма, последовательные ответы, изложение событий, вопросы о всех членах семьи, передача приветов каждому лично – всё это наполняло объем текста, который должен был составлять не менее страницы, позволяло «уважить» каждого слушателя, никого не пропустить, поддержать впечатление разговора в письмах. Обращение в письме к родственникам должно было начинаться словом «дорогой (-ие)» и включать перечисление всех живущих вместе родственников, даже если текст относился к одному из них. Имена родни перечислялись в определенном порядке. Сначала старшее поколение. Первым писалось имя жены, вторым – мужа. Потом второе поколение в такой же иерархии после имен родителей по старшинству перечислялись сестры, а потом по старшинству – братья. В конце писали имена всех малышей в уменьшительно-ласкательных формах или их домашние общеизвестные прозвища. Обобщающие обращения типа: «Дорогие родные», «Лиза и вся твоя семья», – были уместнее в открытках с ограниченным местом. Вот пример начала письма солдата Михаила Колокольникова (орфография автора письма сохранена): «Здравствуйте *Дорогие Мои* Луша Зоя и Любочька. *Кланиюсь вам и желаю здоровья.* Ещё кланиюсь Маме Даше Томочке Люсе Идее и Валерику. *Ещё привет* Нине Серёже мамаше Ксении Максимовне, Толе и Стёпе...». (курсив наш – Б.Л.) [Фронтовые письма, 1982]

В таких «обобщенно-личных» письмах было тем не менее место для любви и нежности. Вот пример фронтового письма С. Н. Репецкого: «Шлю горячий фронтовой привет. На дворе бушует пурга, и мне в тесный блиндаж приносят конверт со знакомым почерком: "Вам письмо!" Распечатав, нахожу фотографию. У меня даже сердце стало мягче. Ведь мы хотя люди огрубевшие, но сохранившие *сердце, способное любить...*». [Жаравин, 2018, с. 112] Описывали бойцы и пафос военных трудностей, но без фактологических подробностей, скорее эмоции и переживания, призывы к родным. Из письма командира пулемётного взвода 310-го стрелкового полка младшего лейтенанта Ивана Степанова: «*Знай, маманя,* что я до последнего дыхания буду помнить тебя и всю нашу семью. Я о вас

никогда не забываю – в дни, когда смотрим смерти в лицо. Может случиться, что мы больше не увидимся в жизни никогда. Ведь страшная здесь идёт война, и погибают тысячи людей, а боёв впереди ещё много и много. Моя последняя надежда: может, это письмо получишь, и *этот кусочек бумаги будет напоминать тебе о сыне Иване и его любви к матери.* Декабрь 1941 года». [там же, с.142] Очень часто встречаются в таких письмах стихи известных (А. Суркова, К. Симонова, О. Берггольц и др.) и неизвестных поэтов. Письма с фронта всегда читали в широком кругу родных, друзей, соседей и все вместе обсуждали, и не один раз.

Всесоюзный радиокomitee создал передачи «Письма с фронта» и «Письма на фронт». Это были ежедневные чтения, которые начали действовать уже 9 июля 1941 года. За годы войны Радиокomitee получил около 2 млн. писем, позволивших создать свыше 8 тыс. передач. Чтецы на радио не пропускали ни одного имени, ни одного слова из, казалось бы, стандартных формул *«ваш любящий сын и брат Евгений Селетков»*. Если можно сравнить стихотворение К. Симонова «Жди меня и я вернусь, только очень жди...» с молитвой, в которой присутствует и просьба, и многократное анафорическое повторение желания в императиве, то перечень имен в письме всех дорогих людей – это своего рода церковный список «О здравии», содержащий имена тех, о ком следовало молиться, и эти имена произносились в радиопередаче вслух, почти как во время церковной службы.

Великолепный пример типичных крестьянских «писем вслух», которые неизвестно, когда дойдут до адресата, создал Марк Захаров для фильма «Белое солнце пустыни» (1970 г.). Полагаем, уверения литературоведов в том, что «жанр поэтического послания, давший яркие образцы в русской поэзии XIX в., к началу XX в. переживает кризис и уже в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона (1898 г.) характеризуется как «литературная форма, почти вышедшая из употребления» [Петрова, 2013], несколько преждевременны. Возможно, такое впечатление складывается потому, что эпистолярный жанр перешел сначала в кино, а затем в сеть. Письма товарища Сухова любимы зрителями, очень часто цитируются, выкладываются в блогах и на информационных ресурсах, в рассуждениях о *сетикете* – сетевом этикете дистанционного общения. «Выражение «А ещё скажу вам, разлюбезная Катерина Матвеевна» стало общеупотребительным в русскоязычном интернете и вошло в сборник современного городского фольклора»¹¹³. Отдельные фразы и выражения вошли во многие толковые словари, словари современных цитат и крылатых фраз отечественного кино, как в своё время стало афоризмом чеховское выражение «на деревню дедушке».

¹¹³Красноармеец_Сухова#Письма_красноармейца_Сухова: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%>

В этих письмах есть тёплые и вместе с тем типичные эпистолярные зачины: *«Добрый день, веселая минутка. Здравствуйте, бесценная Катерина Матвевна. За прошедшую отсрочку не обессудьте, видно, судьба моя такая. Однако ничего этого больше не предвидится, а потому спешу сообщить вам, что я жив, здоров, чего и вам желаю (обязательные пожелания здоровья)».* (письмо 7). Есть обязательные извинения за долгое молчание и вопросы к адресату: *«А еще хочу приписать для вас, Катерина Матвевна, что иной раз такая тоска к сердцу подступит, клешнями за горло берет. Думаешь, как-то вы там сейчас? Какие нынче заботы? С покосом управились или как? Должно быть, травы в этом году богатые».* (письмо 6) Автор намеренно преуменьшает трудности собственного положения, чтобы не тревожить дорогих людей: *«Ну да недолго разлуке нашей тянуться. Еще маленько подсоблю группе товарищей, кое-какие делишки улажу и к вам подамся, бесценная Катерина Матвевна. (письмо 5) Однако случилась у нас небольшая заминка. Полагаю, суток на трое, не более. А именно, мне как сознательному бойцу, поручили сопровождать группу товарищей с братского Востока. Отметим надобно – народ подобрался покладистый, можно сказать, душевный, с огоньком, так что ноги мои бегут теперь по горячим пескам в обратную сторону, потому как долг революционный к тому нас обязывает».* (письмо 3) В письме мы видим заверения в том, что далекий путешественник справляется с обстоятельствами, хотя на экране разворачивается очень опасное действие с непредсказуемым исходом. Очень аккуратно Сухов (мысленно) пишет неоднократно и прощание на случай гибели: *«А ежели вовсе не судьба нам свидеться, Катерина Матвевна, то знайте, что был я и есть, до последнего вздоха, преданный единственно вам одной»; «И поскольку, может статься, в песках этих лягу навечно, с непривычки вроде бы даже грустно. А может, от того это, что встречались мне люди, в последнее время, душевные, можно сказать, деликатные...»* И даже образцовую подпись под письмом красноармеец Сухов мысленно проговаривает: *«боец за счастье трудового народа всей земли, Закаспийского интернационального революционного пролетарского полка имени товарища Августа Бебеля, красноармеец Сухов Федор Иванович».* [Письма Сухова, 2018]

Фактически Марку Захарову удалось создать «Новейший письмовник XX века», поэтому не случайно на продвинутом этапе изучения русского языка студентам-иностранцам предлагают посмотреть фильм и изучить текст «Евангелия от товарища Сухова», как названы были закадровые монологи в сценарии к фильму. В 80-х годах в комедии Владимира Меньшова «Любовь и голуби» зрители также оценили общее семейное чтение письма, присланного отдыхающим на курорте мужем жене в деревню: *«Чувствую себя наверно хорошо, еще не понял. Оле набрал ракушек полну тумбочку, а ветку пальмы*

срежу перед отъездом, а то засохнет...»¹¹⁴ Письмо Дяди Фёдора из Простоквашино, в котором дописали свои соображения Пёс и Кот, из книги Э.Н. Успенского перекочевало в мультфильм, и с тех пор также успешно цитируется зрителями разных поколений.

Об удивительном жанре эпистолярной литературы – письмах одновременно личного и общественного характера – можно писать много. Хотелось бы подчеркнуть линию преемственности, характерную именно для крестьянских писем: церковную традицию (писцовую и проповедническую), шаблонность структуры и клишированность речевых оборотов (многие из которых перешли в официально-деловую переписку) и риторические приемы, призванные произвести впечатление не столько на читателей, сколько на слушателей посланий к родным и близким людям. Наличие избыточных повторов, разговорные вводные обороты, оценочная лексика и поговорки – все это создает неповторимое впечатление искреннего монологического высказывания. Литературные примеры стихотворных посланий Пушкина и Лермонтова, даже самые личные, более интеллектуальны и оформлены как литературные опусы, декларации, а не как письма: «Мой первый друг! Мой друг бесценный!», «Наедине с тобою, брат, хотел бы я побыть...». Есенин же в своих письмах к матери, деду, сестре, любимой женщине, касаясь понятных бытовых семейных тем – долгое отсутствие, покупка штанов, пьянки в кабаках, идейные разногласия – актуализировал именно крестьянскую разговорную интонацию, максимально соблюдая формальные признаки письма, которое можно и нужно читать вслух.

Сергей Есенин был не только поэтом, но и исполнителем своих собственных произведений, и в качестве чтеца имел огромный успех у публики и множество фанатов. Максим Горький в воспоминаниях о декламации Есениным монолога Хлопуши из поэмы «Пугачев» называл его чтение потрясающим, отмечал, что слушать его было «тяжело до слёз», но при этом нельзя было назвать его чтение «артистическим, искусным... Даже не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой чувства, такой совершенной выразительностью»¹¹⁵. Многие стихи Сергея Есенина положены на музыку и продолжают исполняться со сцены. Секрет сценического успеха его произведений кроется в особой устной доверительной интонации, которая наиболее явственно выражена в эпистолярном жанре. Риторические обращения, повторы, умело расставленные паузы – эти и многие другие приемы от «Радуницы» вплоть до последнего послания – «До свиданья, друг мой, до свиданья» – оформляли поэтическую мысль Есенина как его личное доверительное сообщение как родным, так и всем потенциальным слушателям.

¹¹⁴ Письмо. «Любовь и голуби». <https://www.youtube.com/watch?v=cf8Ua3ED2Q8>

¹¹⁵ <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/vospominaniya/sergej-esenin.htm>

И это была непростая творческая работа – написать душевные письма, затрагивающие душу любого слушателя или читателя. Петр Вайль описал сцену празднования 100-летия поэта, когда участники мероприятия прослушав и отговорив официальные речи, отправились пить, продолжая разговор о поэте и роняя слезы над «Письмом матери». [Вайль, 2006, с. 224-230] Если сравнивать собственно есенинские письма с его литературными произведениями, то в первых мы можем отметить большую жёсткость и деловитость: у матери он спрашивал про здоровье, что купить, а в стихотворении: «...я по-прежнему такой же нежный и мечтаю только лишь о том...» [Есенин, 1977, с. 111]. Вот Есенин пишет любимой женщине М.П. Бальзамовой 10 июня 1913 г.: «Я, признаться сказать, не люблю писать письма, читать их люблю ...сегодня я вышел из рамок, обыкновенно я всегда стараюсь как бы поскорее отделаться от письма» [Есенин, 1980, с. 38]. И вместо подписи: «Больше, хоть убей, не могу дописать письма, да, к счастью, уже половина 1-го» [там же]. В большинстве случаев, Сергей Есенин подписывал письма «С. Есенин» и ставил перед фамилией «Жму Вашу руку», «Любящий тебя», – но это были письма к друзьям, с родными и близкими он особо не церемонился, мог закончить письмо фразой «нет времени», «объяснюсь потом» и не всегда подписаться хотя бы инициалами. Но по правилам письмовников «эмоциональность письма не должна была выходить за рамки приличий, в конце обязательно высказывались добрые пожелания, корректно писали об ожидании скорого ответа или сетовали на нерегулярность переписки». [Баранова, 2016, №9] Поэтому в литературном «Письме к женщине» стоит сначала благословение: «Живите так, как Вас ведет звезда, под кущей обновленной сени»; и потом образцово-показательная подпись:

«С приветствием,
Вас любящий всегда
Знакомый Ваш

Сергей Есенин» [Есенин, 1977, с.109-110].

Исследователь эпистолярного творчества поэта А.А. Боровская справедливо подчеркивает, что Есенин, воссоздавая структуру эпистолярного жанра, «имитирует подпись, которая выделена курсивом и вынесена в отдельную строку. Граница между художественным текстом и фиктивно-документальным, бытовым стирается за счет введения в повествование фигуры одноименного автору лирического героя, тем самым сокращая максимально дистанцию между лирическим "я" и автором», но в то же время это произведение «не просто личное письмо, но и декларация изменившихся взглядов на происходящее и художественный документ эпохи». [Боровская, 2009] Добавим, что рассматривая особенности эпистолярной лирики поэта, нужно помнить не только о том, что

автор и лирический герой не совпадают, но и о том, что такие письма рассчитаны на традицию чтения вслух¹¹⁶, следовательно, в дополнение к образу автора текстов возникает ораторский образ, образ чтеца.

В качестве чтеца Сергей Есенин экспериментировал со многими образами¹¹⁷: «последнего поэта деревни» (в косоворотке и с балалайкой), имажиниста (денди в котелке и фраке), «самого яростного попутчика» революционных изменений, «московского озорного гуляки»; в последний год одевался а-ля Пушкин (включая трость и перстень), что наглядно проводило параллель с письмами к Арине Родионовне; вживался в анархические образы Хлопуши и батьки Махно (Номах), беседовал со своим чёрным alter ego. Но все эти образы позволяли писать письма в деревню, из которой он уехал в ранней юности и куда теперь шлет редкие весточки, описывая собственные и общественные изменения в письмах, которые не стыдно зачитать родственникам и соседям, не зазорно прочесть со сцены. Есенин создавал *эпистолярную составляющую биографии своего лирического героя*, вычлняя самые душевные аспекты дистанционного общения. И сколько бы исследователи не раскладывали письма на «составляющие» или «лоскуты», или «скрытые цитаты» (см. например: «Расшифровка: Есенин. Письмо матери»¹¹⁸), все равно строчки «*Ты жива еще, моя старушка?*» или «*Вы помните, Вы всё, конечно, помните*» вызывают горячий отклик и запоминаются, потому что это правильно подобранные *общие места* (в риторическом именовании *топосы*), которые близки и понятны всем, уместны и удачно скомпонованы с небольшой примесью личных обстоятельств и фактов жизни.

Есенинские письма к родным уже давно объединяют в единый цикл и анализируют как порознь, так и в целом, отмечая сюжетообразующие мотивы. Кроме двух вышеупомянутых посланий в цикл включают еще «Письмо от матери» плюс «Ответ», «Письмо деду» и «Письмо сестре». [Мекш Э.Б.] Если рассматривать этот цикл как документы биографии лирического героя, то к ним можно также добавить письма к друзьям, возлюбленным, коллегам по перу («Поэтам Грузии»). Это открытые письма, рассчитанные на широкую целевую аудиторию читателей, но прежде всего – слушателей, которые должны были воспринимать стихи как излияния родного человека и сочувствовать им. Отсюда индивидуальные, и вместе с тем обобщенные обращения: «*сестра, бабушка, родная, любимая, голубчик, старушка*». По поводу последнего нужно сказать отдельно, так как это обращение к матери, к которой, скорее, нужно обратиться «мама», как, например, Маяковский: «*Мама! Ваш сын прекрасно болен!...*». В известном сохранившемся письме от

¹¹⁶ Грамотеи в дореволюционной русской деревне: <https://kulturologia.ru/blogs/200318/38256/>

¹¹⁷ Сергей Есенин. Опасная игра. 4 января 2020: <https://www.youtube.com/watch?v=wBqmS30qJ0g>

¹¹⁸ <https://arzamas.academy/materials/1219>

20.10.1916 Сергей Есенин пишет: «Дорогая мамаша, свяжи, пожалуйста, мне чулки шерстяные и обшей по пяткам. Здесь в городе не достать таких. Пришли мне *закрытое письмо* и пропиши, что с Шуркой и как учится Катька. Отец мне недавно прислал письмо, в котором пишет, что он лежит с отцом Гриши Панфилова. Для меня это какой-то перст указующий заколдованного круга. Пока жизнь моя течет по-старому, только всё простужаюсь часто и кашляю. По примеру твоему натираюсь камфорой и кутаюсь» [Есенин, 1980, с. 76] – обычное письмо, подписанное *Сергей Есенин*. Но по воспоминаниям друзей, поэт считал слово «мамаша» неподходящим, он предпочел «старушка», которое сразу отсылает и к пушкинской строке «Что же ты, *моя старушка*, приумолкла у окна?», и к старинному романсу, где «напрасно *старушка* ждет сына домой¹¹⁹» и даже к блатному фольклору типа: «в воскресенье *мать-старушка* к воротам тюрьмы пришла». Это обращение дает широчайший охват аудитории и свидетельствует о как бы мысленном разговоре с той, кому он давно не пишет, но другие ему сообщают, что она тревожится и часто ходит на дорогу, надеясь на встречу с ним. Это же обращение с прилагательным «милая» используется в ответе на пересказанное письмо от матери: «*Старушка милая*, / Живи, как ты живешь. / Я нежно чувствую / Твою любовь и память.» [Есенин, 1977, с.115]

Также вместе с *обращениями* и отдельно используется *риторический прием повтора*: «Привет, *сестра!* Привет, привет! *Крестьянин* я или не *крестьянин*?! Ну как теперь ухаживает дед за вишнями у нас, в Рязани?» – рассчитанный на донесение мысли слушающих, позволяющий немного мыслей написать в пространных словах по правилам хорошего тона. Повторение личного местоимения первого лица вообще характерный для нарциссической личности Есенина прием, с далекими родными и близкими слушающими он постоянно применяется: Сегодня *я* / В ударе нежных чувств.

Я вспомнил вашу грустную усталость.

И вот теперь / *Я* сообщить вам мчусь,

Каков *я* был / И что *со мною* случилось!

Подобный самопиар в целом характеризует произведения С. Есенина: «У Есенина за семь лет, с 1919 по 1925 год включительно, слово «я» встречается в 116 стихотворениях из 127, то есть, без слова «я» им написано всего 11 стихотворений; причём два последних таких стихотворения появились в начале октября 1925 года, а дальше почти за три последних месяца его жизни ни одного стихотворения без слова «я» Есениным написано не было». [Москвина, 2010, №10] Поэтому последнее стихотворение «До свиданья, друг

¹¹⁹«Раскинулось море широко...» - народная песня на основе романса А.Л.Гурилёва

мой...» можно отнести к последнему открытому письму, но есть сомнения в авторской принадлежности по языковой характеристике.

Типичная для многих риторов, декламаторов и артистов склонность автора к самовосхвалению: *«И это я! Я, гражданин села, / Которое лишь тем и будет знаменито, / Что здесь когда-то баба родила / Российского скандального пиита.* («Русь Советская») – коррелирует с расширением контента. Содержание таких личных «писем вслух» просто обязано было быть наполненным размышлениями о собственном месте в вихре жизни:

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю...

– чётко, с паузами, выделенными стихотворной «лесенкой», скандирует поэт в «Ответе» на «Письмо от матери», которое написал он сам, и где мать якобы говорит о портках и платке в подарок, сетует, что не нянчит внуков и не видит помощи от невестки и сына. Лирический герой не готов к такой прозе жизни, письмо так и лежит «на столике угрюмом», а он отвечает в стихотворном письме от себя и от других таких же оторвавшихся от дома и не пишущих сыновей, у которых мало тем для разговора с родными: «Но только ты / Ни капли *не поймешь* – Чем я живу / И чем я в мире занят». [Есенин, 1977, с. 116]

С сестрой поэт может говорить только о детстве и о саде, но не о творчестве, хотя вворачивает имена великих поэтов, по-хлестаковски называя Пушкина «Сашей»: «Ты знаешь *Сашу, Саша был хороший...*». Деда он пытается убедить, что паровоз – это мощный стальной конь, а мать уверяет, что еще обязательно приедет повидаться. Есть еще тема религии, которую в он отсёк ещё в юности, объявив себя в «Инонии» (1918) новым *пророком* и «выплюнув Христово тело изо рта». Через много лет он подтверждает в письме к деду: «Но внук учебы этой / *Не постиг* / И, к горечи твоей, / Ушел в страну чужую. / По-твоему, теперь / Бродягою брожу я, / Слагая в помыслах / Ненужный глупый стих». [Есенин, 1977; с.114] А к матери обращается с просьбой: «*И молиться не учи меня*, не надо, к старому возврата больше нет...». Безбожие и атеизм были тенденцией времени, ушедших из деревни молодых людей было великое множество, но обратиться с мольбой и оправданиями, кроме как к родным, больше было не к кому. И это получалась *еще одна общая тема* для многочисленной аудитории страны. А в виде открытых писем, якобы адресованных родным, получалось своего рода *публичное покаяние*, надрывное и близкое слушателям.

«Есенин был по преимуществу поэтом всечеловеческого братства, но не марксистского, боже упаси: ощущение единства с миром проистекало у него из врожденного, острого, не оставляющего его до конца чувства единства участи». [Быков Д., 2015; с.60]

Больше, чем в письмах к родным, обобщающих и пафосных объяснений о трудностях эпохи в «Письме к женщине», которая, по-видимому, лучше его понимала:

Лицом к лицу

Лица не увидеть.

Большое видится на расстоянье.

Когда кипит морская гладь,

Корабль в плачевном состоянье.

Но эти объяснения нужны для того, чтобы пожаловаться и найти себе оправдание:

Не знали вы, что *в сонмище людском*

Я был, как лошадь, загнанная в мыле,

Пришпоренная смелым ездоком.

И дважды, на бис, повторяется: «С того и *мучаюсь*, что не пойму – Куда несет нас *рок событий*». Если сравнить это письмо с (опять же открытым) письмом к Шаганэ, то можно увидеть те же темы: самопиар, красование: «*Я готов* рассказать тебе поле, Эти волосы взял я у ржи, Если хочешь, на палец вяжи – *я нисколько не чувствую боли*». Намек на другие романы – «там на севере девушка тоже...», попытка красиво вызывать сочувствие – «не буди только память...» и показательный патриотизм: «как бы ни был красив *Шираз, он не лучше рязанских раздолий*», в которые, заметим, автор давно не ездит и не собирается. Но и этот не совсем уместный патриотизм вызывает понимание и сочувствие у слушателей и читателей, потому что родное гнездо, из которого человек давно вырос, все равно будит теплые воспоминания. Любовь к Родине, страдания, тяжелая жизнь в лихие времена – это всё *общие темы*, которые обязательно нужно *повторять*, они вызывают терапевтический эффект у слушателей, возможно, тоже давно не проводывавших маму или не нашедших понимания у любимой, или запутавшихся в неприглядных эпизодах жизни.

И в заключение стоит сообщить факт резонансного воздействия на открытую аудиторию таких текстов, как «Письмо матери»: в 1946 г. Постановлением Совета министров СССР за Т.Ф. Есениной, матерью непрактичного и рано ушедшего из жизни поэта, было «сохранено пожизненное право на получение авторского гонорара за издания и *исполнение* произведений поэта С.А. Есенина». [Есенин, 1980, с. 276]

Список литературы:

- Баранова В., Лямин С., Орлова В. «Письмецо в конверте погоди – не рви...» О неписанных правилах эпистолярного жанра в XX веке. «Родина», №9 (916), 2016 <https://rg.ru/2016/09/06/rodina-perepiska.html>
- Боровская А. А. Жанровые трансформации в русской поэзии первой трети XX века: дис. д-ра филол. наук. Астрахань, 2009. <https://culture.wikireading.ru/53133>
- Быков Дмитрий. Советская литература: расширенный курс. М., 2015 – 575 с.
- Вайль Пётр. Стихи про меня. – М.: Колибри, 2006. – 687 с.
- Есенин С.А. Собрание сочинений в шести томах. Том II. Стихотворения (1912-1925). – М.: ХЛ, 1977 – 258 с.
- Есенин С.А. Собрание сочинений в шести томах. Том IV. Письма – М.: ХЛ, 1980 – 509 с.
- Жаравин В. С., Попцова Л. Г., Чемоданов П. А. Письма с войны: сборник документов из фондов КОГБУ «ГАСПИ КО». Сост.. – Киров, 2018 – 253 с.
- Лаврентьева Е.В. Светский этикет пушкинской поры. М.: ОЛМА ПРЕСС, 1999 – 640 с.
- Мекш Э. Б. «Письма к родным» С. Есенина как лирический цикл. / ВикиЧтение : <https://culture.wikireading.ru/53133>
- Москвина Зинаида. Текст как свидетель. / «Литературная Россия». 2010, - №10 <https://litrossia.ru/item/4644-oldarchive/>
- Петрова М. А. Стихотворные письма С.Есенина родным и близким как жанровая модификация эпистолярной лирики. / «Наука и школа», 2013 -<https://cyberleninka.ru/article/n/stihotvornye-pisma-s-esenina-rodnyim-i-blizkim-kak-zhanrovaya-modifikatsiya-epistolynoy-liriki>
- Письма Сухова из кинофильма «Белое солнце пустыни» / House.ru, 2018 Электронный ресурс: http://www.vothouse.ru/films/beloe_solntse_pustyni_letters.html
- Протопопова О.В. Эпистолярный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М.Н. Кожина. — М.: "Флинта", "Наука", 2003. – 512 с.
- Фронтовые письма / Великая Отечественная в письмах: сб. / сост. В. Г. Гришин. — М.: Политиздат, 1980, 1982. — I 288 с: ил. Электронный ресурс http://bibliodeti-volg.ru/about-company/Фронтовые_письма.pdf

References:

- Baranova V., Lyamin S., Orlova V. «Pis'metso v konverte pogodi – ne rvi...» O nepisannykh pravilakh ehpistolyarnogo zhanra v KHKh veke. «RodinA», №9 (916), 2016 <https://rg.ru/2016/09/06/rodina-perepiska.html> (In Russian).
- Borovskaya A. A. Zhanrovye transformatsii v russkoi poehzii pervoi treti XX veka: dis. d-ra filol. nauk. Astrakhan', 2009. <https://culture.wikireading.ru/53133> (In Russian).
- Bykov Dmitrii. Sovetskaya literatura: rasshirennyi kurs. M., 2015 – 575 p. (In Russian).
- Vail' Petr. Stikhi pro menya. – M.: Kolibri, 2006. – 687 p. (In Russian).
- Esenin S.A. Sobranie sochinenii v shesti tomakh. Tom II. Stikhotvoreniya (1912-1925). – M.: KHL, 1977 – 258 p. (In Russian).
- Esenin S.A. Sobranie sochinenii v shesti tomakh. Tom IV. Pis'ma – M.: KHL, 1980 – 509 p. (In Russian).
- Zharavin V. S., Poptsova L. G., Chemodanov P. A. Pis'ma s voiny: sbornik dokumentov iz fondov KOGBU «GASPI KO». Sost.. – Kirov, 2018 – 253 p. (In Russian).
- Lavrent'eva E.V. Svetskii ehtiket pushkinskoi pory. M.: OLMA_PRESS, 1999 – 640 p. (In Russian).
- Meksh Eh. B. «Pis'ma k rodnyM» S. Esenina kak liricheskii tsikl. / VikiChlenie : <https://culture.wikireading.ru/53133> (In Russian).
- Moskvina Zinaida. Tekst kak svidetel'. / «Literaturnaya RossiYA». 2010, - №10 <https://litrossia.ru/item/4644-oldarchive/> (In Russian).
- Petrova M. A. Stikhotvornye pis'ma S.Esenina rodnym i blizkim kak zhanrovaya modifikatsiya ehpistolyarnoi liriki. / «Nauka i shkolA», 2013 -<https://cyberleninka.ru/article/n/stihotvornye-pisma-s-esenina-rodnyim-i-blizkim-kak-zhanrovaya-modifikatsiya-epistolynoy-liriki> (In Russian).

Pis'ma Sukhova iz kinofil'ma «Beloe solntse pustynI» / House.ru, 2018 Ehlektronnyi resurs: http://www.vothouse.ru/films/beloe_solntse_pustyni_letters.html (In Russian).

Protopopova O.V. Ehpistol'yarnyi stil' // Stilisticheskii ehntsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka / M.N. Kozhina. — M.: "Flinta", "Nauka", 2003. — 512 p. (In Russian).

Frontovye pis'ma / Velikaya Otechestvennaya v pis'makh: sb. / sost. V. G. Grishin. — M.: Politizdat, 1980, 1982. — I 288 s: il. Ehlektronnyi resurs http://bibliodeti-volg.ru/about-company/Frontovye_pis'ma.pdf (In Russian).

Кур-Кононович Иоланта
Жешувский университет
г. Жешув (Польша)

Kur-Kononowicz Jolanta
University of Rzeszów
Rzeszów (Poland)

ФЛОРООБРАЗ В ИДИОСТИЛЕ ЕСЕНИНА – ЧЕРЕМУХА. ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

FLOROSCAPE (PLANT IMAGES) IN THE IDIOSTYLE OF JESIENIN – BIRD CHERRY. ATTEMPTED INTERPRETATION (LINGUISTIC ASPECT)

В статье сделана попытка нового подхода к интерпретации поэтических текстов с точки зрения выделения символики отдельных лексем. Для анализа символики такого растения как черёмуха в идиостиле Сергея Есенина используется метод семантического анализа и лингво-культурологического описания языкового материала в семантических полях в сочетании с герменевтическим методом. С лингвистической точки зрения черёмуха составляет субполе «растения» в функционально-семантическом поле (ФСП) «природа». Внимание обращено на архетипичность символов и на разнообразные феномены, которые символизирует черёмуха в идиостиле русского поэта. Показано, что образ черёмухи является частью выразительного полотна природного мира Есенина, выражая мироощущение лирического субъекта. Это один из ключевых символов природы и крестьянской жизни. Итогом продолжения данной темы может быть сравнительный анализ символики черёмухи в идиостиле других русских и европейских поэтов.

The article talks about the need for a new interpretation of poetic texts in terms of analyzing the symbolism of individual lexemes. For the analysis of bird cherry symbolism in Sergei Jesienin's idiosstyle, the method of semantic analysis and linguistic-cultural description of language material in semantic fields was used in combination with the hermeneutic method. Bird cherry is a subfield „of plants” in the semantic field „of nature”. Attention was drawn to the archetypes of bird cherry symbols used in the idiosstyle of the Russian poet. It has been shown that bird cherry symbolizes, among others phenomena: perception of the world (beauty, memory, purity, warmth, mystery, harmony, worship of God, contact with the dead, combat readiness), feelings (joy, love, freedom), man (beloved, young girl, army), things (foam, sea wave, sleeve, girlish curls, smoke, incense, bedspread (cleansing agent), cleansing agent), seasons (spring, winter), atmospheric phenomenon (blows, snowstorm, snowflakes), physical condition (sleep), celestial bodies (sun). A possibility of comparative analysis of bird cherry symbolism in the idiosstyles of other Russian or European poets was suggested.

Ключевые слова: символика черёмухи, флорообразы, семантика, интерпретация символики, поэзия, идиостиль.

Key words: bird cherry symbolism, flora paintings (plant images), semantics, symbolic interpretation, poetry, idiosstyle.

В современных работах проблема исследования функции словесных символов в поэтических текстах остается актуальной. Задача филологической науки на ближайшее время – выявить состав слов-символов в поэзии XX века и составить словарь поэтических символов [Маслова, 2019, с. 75]. Можно констатировать, что на сегодняшний день недостаточно количество защищенных диссертаций, посвященных конкретному поэтическому символу.

Трудности вызывает уже само определение понятия *символ*, являющимся многозначным термином¹²⁰. Мы разделяем концепцию польского лексикографа, который трактует символ в широком смысле, как образ, объект, понятие, представление, переживание, связанные какой-то внутренней связью, ассоциирующиеся с другими предметами, понятиями [Koraliński, 1990, с. 4]. С семантической точки зрения символ помогает выразить при помощи одного слова то, что сложно сделать, даже используя большее их число, т.е. в итоге использование символа ведет к значительному расширению значения слова [Авдеенко, 2013, с. 17].

Поэтическое воображение относится к пространству, в котором царит символ. В поэтическом образе всё время появляется и возрождается символическая структура [Ricoeur, 1985, 61]. Русские поэты неоднократно подтверждали созидательную роль слова, утверждая, что слово создаёт новый мир – мир символов, посредством которого освещаются тайны мира [Белый, 1994, 23].

Герменевтика, как искусство интерпретации текста, помогает обнаружить скрытый смысл, расшифровать символику [Ricoeur, 1985, с. 69].

Как заметили лингвисты, главной составляющей идиостиля Есенина являются ассоциативные связи [Curkan-Dróžka, 2018, с. 183]. Как мы полагаем, эти ассоциативные связи вытекают из глубоко символического восприятия мира поэтом. В индивидуально-авторской картине мира Есенина образ черёмухи дан сквозь призму её символики.

Черёмуха¹²¹ представляет собой высокий кустарник или небольшое листопадное дерево с собранными в кисти белыми душистыми цветками и черными съедобными ягодами. Слово появилось в русском языке во второй половине XVIII века (1794 г.) (БАС 17:870).

Черёмуха не так популярна в верованиях и фольклоре славян, как дуб, берёза, ель, осина, которые обладают развитой системой языковых коннотаций. В славянской народной традиции образ черёмухи представлен крайне редко.

Известно, что на севере Польши из терпких, вяжущих плодов черёмухи гнали водку или варили повидло. На Мазовье верили, что растущая на могиле покойника черёмуха, свидетельствует о том, что умерший был недостаточно оплакан и его дух вызывает в молитве к Богу [Szcześniak, 2008, с. 152].

¹²⁰ О дефиниции символа писали: А.Ф. Лосев (1982), Н.Д. Артюнова (1988), Ю.М. Лотман (1996).

¹²¹ Об изменении названий черёмухи в русском языке на протяжении веков с учетом их мотивированности и этимологии смотри в: J. Kur-Kononowicz. О названиях черёмухи в русском языке. // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Glottodydaktyka 8. Zeszyt 92.* Rzeszów: Wydawnictwo UR, 2016. S. 31–42.

Восточные славяне считали черёмуху священным деревом, её сажали около дома, приписывая ей чудодейственные свойства. Плоды, кору, листья черёмухи использовали во врачевании. В русском фольклоре это дерево символизирует влюбленность, сентиментальность. В культуре черёмуха наделена положительной семантикой, закреплённой поэтической традицией [Черкашина, 2006, с. 115].

Для анализа символики черёмухи в идиостиле Есенина мы отобрали фрагменты следующих стихотворений: *Сыплет черёмуха снегом* (1910), *Край ты мой, заброшенный* (1914), *Черёмуха* (1915), *За тёмной градьё перелесиц* (1915–1916), *Дождик мокрыми метлами чистит (Хулиган)* (1919), *Кобыльи корабли* (сентябрь 1919), *Синий май. Заревая теплынь* (1925).

[1] **Сыплет черемуха снегом**¹²², / **Зелень в цвету и росе.** / В поле, склоняясь к побегам, / Ходят грачи в полосе¹²³. / (...) Думаю я о невесте, / Только о ней лишь пою. / **Сыпь ты, черемуха, снегом,** / Пойте вы, птахи¹²⁴, в лесу. / **По полю зыбистым**¹²⁵ **бегом / пеной я цвет**¹²⁶ **разнесу.** *Сыплет черемуха снегом* (1910) (Е 72)

Черёмуха недолго цветет в самый разгар весны, разделяя её на два периода. Зацвела черёмуха, значит кончается зелёная ранняя весна и наступает поздняя. Её белые кисти цветов символизируют и обновление в природе, и быстротечность, вызывают у лирического субъекта воспоминание о невесте в подвенечном наряде.

Цветущая черёмуха ассоциируется с полем и морем, то есть с бесконечностью любви. Падающие на землю цветы черёмухи в финальной строфе стихотворения, словно снежная белая пена, отсылают к образу волны, моря, создавая ощущение бескрайности (Кор 232). Цветущие ветки черёмухи вызывают ассоциации с чем-то нежным и лёгким. Травы, злаки, колеблемые ветром, также отсылают к волнам, морской пене (БАС 2:612). Сдуваемые ветром цветы черёмухи кажутся нежной белой пеной, которая образуется на поверхности воды при сильном её волнении (БАС 9:371).

Поле в русском фольклоре наделяется постоянным эпитетом *чистое*, что в свою очередь, свидетельствует о бесконечности, это эпический символ свободы. Оно по масштабу равно земле или стороне света; к тому же поле соотносится с прилагательным *полюй* в значении «открытый настежь» (БАС 10:1133; СД 4:133-134).

¹²² Изменение шрифта во всех цитированных фрагментах стихотворений выделено нами.

¹²³ Лексема *полоса* «земельный участок» принадлежит к устарелым (БРПС 2:909).

¹²⁴ Лексема *птаха, птяха* «птичка, пташка» – диалектное слово: псковское, осташковское, тверское (СРНГ 33:100).

¹²⁵ Лексема *зыбистый*, по-видимому, происходит от диалектного слова *зыбать* «качать, раскачивать» (архангельское, новгородское, вологодское, нижегородское, томское, псковское); «трясти, колебать, расшатывать» (новгородское, вологодское); близкое слово – *зыбень, зыбь* «волна на воде без ветра, или как несообразная с ним» (СРНГ 12:27-28).

¹²⁶ Лексема *цвет* имеет значение множественного числа – *цветы* (неисчисляемое существительное).

В стихотворении в образе черёмухи при помощи приёма олицетворения (*Сыплет черёмуха*) и, особенно, благодаря глаголу *сыплет* «во множестве посылает, направляет; заставляет падать куда-л., постепенно выпуская», усиливается значение множества таких понятий как *цветы, белизна, снег* и их символических соответствий (БАС 14:357). То, что к общему знаменателю приведены понятия, имеющие общую семантическую направленность, усиливает поэтическое восприятие.

Снег здесь можно отнести к символу чистоты, а также, в соотнесении с белым цветом – праздничности, воодушевления (Кор 22). Ощущение чистоты в тексте стихотворения усилено (снег, белый цвет, цветы) (Кор 184; СД 5:83). Снег связывается с семантикой множества¹²⁷ (как роса, звезды, ягоды, насекомые). Снег, как непостоянная субстанция (принимает разные формы: сугробы, вода, лед), также может служить предвестием изменений, что соотносится и с весенней порой (СД 5:84). Семантику изобилия и весеннего возрождения усиливает символическое значение, связанное с образом росы. В фольклоре роса, как и всё, что падает с неба – снег, град, дождь, метеорит, наделяется обычно сакральным значением (Кор 356). Образ снега совмещает в себе ещё и символику святости и тайны. Его белизна и чистота символизируют девичью невинность [Oesterreicher-Mollwo, 1992, с. 158].

Есенинский весенний пейзаж динамичен, быстро меняется. Перифрастическая метафора¹²⁸ *Зелень в цвету и росе*, благодаря зелени, добавляет семантику возрождения: красоты, радости, ассоциирующихся с пробуждением природы.

В этом фрагменте стихотворения обращают на себя внимание следующие языковые средства: неисчисляемые существительные (*снег, цвет*), олицетворение *Сыплет черёмуха снегом*. Архетип символов – индивидуально-авторский, народный, общекультурный.

Черёмуха (цветы черёмухи) символизирует:

- мировосприятие: красота, чистота, праздничность, тайна, возрождение, святость;
- чувства: любовь (к женщине и миру), надежда, радость;
- количество: бесчисленность, множество;
- пора года: весна;
- вещи: пена, волна;
- атмосферные осадки: хлопья снега.

¹²⁷ Ср. полесское название снега: *белые мухи* (СД 5:84).

¹²⁸ В статье мы придерживаемся разделения метафор по Х. Маркевичу на: перифрастические (описательные), эвкативные (ассоциативные), перифрастическо-эвкативные, конфронтативные. Ср. H. Markiewicz, *Uwagi o semantyce i budowie metafory*. // M. Głowiński, A. Okopień-Sławińska (red.). *Studia o metaforze II. Z dziejów form artystycznych w literaturze polskiej*. Wrocław: Ossolineum: PAN, 1983. S. 43-59.

[2] Край ты мой, заброшенный, / Край ты мой, пустырь, / Сенокос некошенный, / Лес да монастырь. / (...) В окна бьют без промаха / Вороны крылом, / **Как метель, черёмуха / Машет рукавом.** *Край ты мой, заброшенный* (1914) (Е 90)

В народных верованиях ворон – нечистая птица, которая стала чёрной из-за того, что её создал дьявол. Она предвещает смерть, понимаемую в буквальном и переносном смысле – как уничтожение прежних деревенских традиций, которые исчезают вместе с уходящими из деревни людьми (СД 1:435). Зловещая птица символизирует беспокойство, зло, несчастья, хищность (Кор 172). Вороны бьют в окна изб крылом и таким образом предвещают медленно приближающуюся гибель. При помощи лексемы *крыло*, которая связана с символикой смерти, запустения, оскудения, осуществляется гиперболизация этих отрицательных коннотаций (Кор 383).

Стихотворение посвящено судьбе русской деревни. У Есенина деревня исчезает, скрывается под снежной периной цветов черёмухи. Метель и холод сковывает всё то позитивное, что было в прежней довоенной деревне.

Лепестки белых черемуховых цветков ассоциируются с метелью, белым саваном, символом смерти. Хлопья снега, как и другие знаки непогоды, приписываются действиям демонических сил. Образ метели «ветра со снегом» в народе связан с вихром, т.е. со злым ветром (СД 5:84). Метель зарождается из снежного вихря, символизирующего уничтожение, разрушение, опасность (Кор 453).

Таким образом, поэт совмещает на первый взгляд несовместимые образы: метели и цветущей черемухи. Благодаря метафоре *Как метель, черёмуха машет рукавом* происходит метонимическая замена части тела на часть одежды: рукав вместо руки. Рука здесь отсылает к символике труда, то есть чему-то созидательному, позитивному, но контекст (заброшенный край, пустырь, некошенный сенокос, чёрные вороны) не дает возможности именно так воспринимать этот образ. В царящем в мире запустении и заброшенности во время войны и весна напоминает холодную зиму. Сама метель может символизировать и женщину, а лепестки черёмухи укрывают её, словно платье.

Рукав ассоциируется с рукой как символом труда, но также и власти, а здесь власть в руках метели. В контексте вышеупомянутых символических образов черёмуха персонифицируется, сравнивается с метелью не только на основе сходства (белый цвет), но важную роль играет её разрушительная сила.

Надо обратить внимание на языковые средства в тексте: метонимия и олицетворение (черёмуха машет рукавом). Архетип символов – индивидуально-авторский и народный.

Черёмуха (ее лепестки) символизируют:

– атмосферные осадки: хлопья снега, снег;

- температура: холод, мороз;
- вещь: женская одежда, рукав, рука;
- мировосприятие: труд, власть;
- пора года: зима;
- атмосферные явления: метель;
- человек: женщина.

[3] **Черёмуха душистая/ С весною расцвела/ И ветки золотистые, / Что кудри, завила./ (...) Черемуха душистая/ Развесившись, стоит,/ А зелень золотистая/ На солнышке горит./ Ручей волной гремячу/ Все ветки обдаёт/ И вкрадчиво под кручею/ Ей песенки поёт.** *Черемуха* (1915)

В стихотворении ветки черёмухи, освещенные солнцем, сравниваются с золотистыми –светло-русыми кудрями юной девушки. Куст черёмухи, посредством олицетворения, напоминает молодую девушку, ассоциируется с юностью. Перенесение человеческих свойств на неодушевленный предмет – ручей, приводит к тому, что его образ можно интерпретировать как образ влюбленного юноши, ухаживающего за девушкой. Ручей орошает черёмуху водой, а роса предстаёт символом молодости, радости (Кор 356).

Образ черёмухи в стихотворении связан с нежным, ни с чем несравнимым ароматом. Цветы черёмухи душистые, они пахнут весной, мёдом и детством.

С языковой точки зрения, надо подчеркнуть приём олицетворения (черемуха и ручей напоминают молодых влюбленных) и сравнения (ветки – кудри). Архетип символов – народный, индивидуально-авторский.

Черемуха предстает символом:

- человек: молодая девушка;
- мировосприятие: юность, молодость;
- вещи: девушкины волосы (кудри).

[4] **А степь под пологом зелёным/ Кадит черёмуховый дым/ И за долинами по склонам/ Свивает полымя¹²⁹ над ним.** *За тёмной градью перелесиц* (1915–1916) (Е 95)

Лепестки черёмуховых цветков напоминают дым; черёмуха, благодаря глаголу *кадит*, ассоциируется с ладаном как очистительным средством, оберегом от нечистой силы (СД 3:74). С религиозной точки зрения ладан связан с символикой преклонения перед Богом [Oesterreicher-Mollwo, 1992, с. 87]. Дым – медиатор между земным и потусторонним миром, связан с воспоминаниями, ностальгией (Кор 78). В тексте стихотворения чувствуется тоска лирического субъекта по Божьему покровительству. Символика полога отсылает к

¹²⁹ Лексема *полымя* «пламя» принадлежит к народнопоэтической, устаревшей и разговорной лексике (БАС 10:1133-1134).

отречению от мира, тайне (Кор 487). Народнопоэтическая лексема *попымя* может быть связана с религиозной символикой огня – присутствием Божьей любви (Кор 266).

Следует обратить внимание на языковые средства: народнопоэтические и разговорную лексику (*попымя*). Архетип символов: народный, религиозный, индивидуально-авторский.

Черемуха символизирует:

- вещи: дым, ладан, очистительное средство;
- мировосприятие: преклонение перед Богом; тайна.

[5] **Кто видал, как в ночи кипит/ Кипяченых черемух рать¹³⁰? Мне бы в ночь в голубой степи/ Где-нибудь с кистенем¹³¹ стоять.** Ах, увял головы моей куст, / Засосал меня песенный плен. *Дождик мокрыми метлами чистит (Хулиган) (1919)*

В полночь, одурманенному запахами степи, заросли черёмухи кажутся ратью, охраняющей рубежи страны. Повторение *кипит/ Кипяченых* «беспокойных» (*черемух рать*) считается средством гиперболизации волнения, возмущения, боевой готовности. Черемухи здесь предстают воинами, стерегущими Русь. Растение заражает лирического героя охотой нести охрану в спокойной гармонической, родной степи с оружием в руках (Кор 27). Очертания черемух ночью вызывают желание помочь родной стране, спасти ее от невзгод, стать оружием (метонимическое значение: орудие вместо действия, кистень вместо защищать).

Преобладает символика ожидания больших перемен, изменений в жизни страны, возможно и в личной жизни.

Надо обратить внимание на языковые средства: повторение *кипит/ Кипяченых* (*черемух рать*); (метонимическое значение). Архетип символов: индивидуально-авторский, общекультурный.

Черемуха символизирует:

- человек: воин;
- мировосприятие: волнение, возмущение, боевая готовность, сила, ожидание больших перемен.

[6] **Все познать, ничего не взять/ Пришел в этот мир поэт. / Он пришел целовать коров,/ Слушать сердцем овсяный хруст./ Глубже, глубже, серпы стихов!/ Сыпь черемухой, солнце-куст! Кобыльи корабли** (сентябрь 1919) (Е 332)

¹³⁰ Лексема *рать* считается устарелой в значении «битва, война» или поэтической – в значении «войско» (БРПС 2:1105).

¹³¹ *Кистень* «старинное оружие в виде короткой палки, на одном конце которой подвешен на коротком ремне или цепочке металлический шар» (Ож 237).

Поэтическое вдохновение связано с солнечным кустом черемухи (родство с солнцем и с пожинанием плодов труда при помощи серпа). Черемуха сравнивается с солнцем, благодаря чему раскрывается символика бесконечности, свободы, непринужденности (Кор 387-388). Лепестки черемуховых цветков становятся символом бесконечной красоты, радости, светлости (Кор 184).

Черемуха здесь является символом поэтического вдохновения. Стихи сравниваются с серпом. Стих предстает как жнец, который пожинает плоды своего труда.

Лепестки черемуховых цветков сравниваются с лучами солнца, т.е. опять-таки черемуха вызывает положительные ощущения. Можно полагать, что поэт опосредованно сравнивается с кустом черемухи.

Стихотворец вдохновляется, восхищается повседневными пейзажами русской деревни средней полосы, в том числе коровами и пожелтевшим овсяным хрустом. Серп-стих, как символ жатвы, жнива, старается собрать большой урожай, т.е. поэт заинтересован тем, чтобы написать хорошую поэзию (Кор 379). Здесь использовано положительное значение главного орудия земледельца, его оберегающую способность – защиту от несчастья. В народе серп, как и другие острые предметы, помогал отпугать тучи или остановить град (СД 4:629).

Солнце-куст в этом контексте подтверждает деревенское происхождение поэта. Солнце, под которым может подразумеваться поэт, как и его стихи, является источником тепла и жизни (СД 5:101). Деревенские реалии подтверждают лексемы: *коровы, кобылы, (овсяный) хруст, серпы, куст*.

Необходимо обратить внимание на языковые средства: обращение *Сыпь черемухой, солнце-куст!* Архетип символов: индивидуально-авторский, общекультурный.

Черемуха символизирует:

- небесное тело: солнце;
- вещи: лучи солнца;
- мировосприятие: бесконечность, непринужденность, красота, поэтическое вдохновение;
- чувства: свобода, радость.

[7] Синий май. Заревая теплынь¹³²./ Не прозвякнет кольцо у калитки./ **Липким запахом веет полынь. Спит черемуха в белой накидке.** *Синий май. Заревая теплынь* (1925)

¹³² Лексема *теплынь* «очень теплая погода» принадлежит к разговорной (Ож 690).

Если трактовать черёмуху как символ девушки в накидке, покрывающей фигуру с головы до ног, то в этом случае используется прием олицетворения. Однако в контексте всего стихотворения видно, что цветы черемухи напоминают накидку, покрывало для подушек на постели, раскрывая, таким образом, символику сна – душевную жизнь, пророчество, предсказания (Кор 367). Белый цвет покрывала добавляет символику невинности, чистоты, спасения, спокойствия, гармонии, а также красоты (Кор 22). Сон дает возможность связи с умершими близкими, которых уже нет в жизни (СД 5:119). Здесь присутствует метонимическое понимание сна (спит вместо сон).

Прилипающий запах с метонимическим значением «клеякий», т.е. «очень близкий, личный, да еще веющий (связанный с ветром и его символикой времени)», активизирует и гиперболизирует воспоминание (Кор 453). Соседство полыни с ее символикой нейтрализации нечистой силы, здесь – злых воспоминаний, и способностью наделять здоровьем, утверждает в положительной семантике наступающего далее сна (СД 3:320; СД 5:160). Полынь и белый цвет (белизна) успокаивают, умиротворяют.

Среди языковых средств внимание обращает олицетворение: *Спит черемуха*.
Архетип символов: индивидуально-авторский, народный.

Черемуха символизирует:

- вещи: накидка;
- человек: девушка;
- мировосприятие: красота, гармония, чистота, невинность, воспоминание, связь с умершими близкими, тайна;
- чувства: радость;
- физиологическое состояние: сон (добрый, положительный).

Нами было проанализировано 7 фрагментов стихотворений Есенина с символикой черёмухи. Анализ показал, что черёмуха символизирует следующие феномены: мировосприятие (красота (4), тайна (3), воспоминание (2), чистота (2), юность (2), теплота, поэтическое вдохновение, отрада, утешение, обновление жизни, боевая готовность, сила, труд, власть, пробуждение природы, контакт с умершими, преклонение перед Богом, нежность, гармония), чувства (радость (4), любовь, свобода), человек (любимая, молодая девушка (2), женщина, невеста, войны), вещи (пена, волна, женская одежда (рукав), рука, кудри молодой девушки, дым, ладан, накидка, очистительное средство), время года (весна (2), зима), количество (множество, бесчисленность), атмосферные явления (метель, хлопья снега), температура (холод, мороз), физическое состояние (сон), небесное тело (солнце).

Преобладают архетипы символов – индивидуально-авторский (7), народный (5), общекультурный (3), религиозный (1).

Анализ показал, что черемуха принадлежит к излюбленным Есениным кустам и поэтому в идиостиле поэта ее символика богата. Внимание стихотворца привлекли, прежде всего, белые, собранные в кисти, цветки, которые обычно красуются на зеленом фоне травы и голубом фоне неба, вызывая самые приятные ощущения. Впечатление от них осталось на всю жизнь. Оно ассоциируется с невестой, а черемуха и плывущий внизу ручей символизируют влюбленную пару. Шелест черемух напоминает признание в любви.

В кустарнике поэт замечает женщину (девушку), которая машет рукавом и засыпает, завораживая, ландшафт снегом. Взгляд на черемуху связан с воспоминанием о любимой девушке, с размышлениями о любви и ее радостном влиянии на жизнь. Огромное количество цветов соотносится с бесконечностью чувства любви, потому черемуха появляется на фоне поля, степи или морской бездны. Растение символизирует необыкновенную красоту – у него вьющиеся кудри (локоны).

Отрицательная символика появляется редко, например: на фоне заброшенного, запустелого деревенского пейзажа черемуха оказывается олицетворением метели или строгой вьюги.

Поэт обращается к образу черемухи всегда после разочарования в любви и жизни. Кустарник помогает восстановить душевное равновесие, одаря его надеждой и поднимая в нравственном падении.

Большая симпатия к черемухе позволяет в ее присутствии ощущать тепло в суровую зиму, а жарким летом наслаждаться ее приятной прохладой. Зимой поэт окутывает ее белой накидкой, а летом одевает в женское платье.

Черемуха – это неисчерпаемый источник поэтического вдохновения. Она всегда скрывает в себе тайны, помогает забыть, почувствовать себя в полусне, увидеть невиденное. Растение представлено спящим, а сон способствует переходу в другое состояние и помогает открыть тайны иного мира.

Черемуха наделяет поэта радостью, любовью, а когда надо, приводит его в боевую готовность. Образ черёмухи провоцирует сакральные ассоциации, обнаруживает тоску по Божьему покровительству, символизируя святость.

В идиостиле Есенина появляется черемуха, постоянно сбрасывающая белые цветки. По Есенину, тайна счастливой жизни заключается в том, чтобы навсегда сохранить в памяти образ черемухи. Воспоминание черемухи имеет исцеляющее для человека значение.

Лирика поэта впитала в себя народнопоэтическое восприятие природного мира, однако, его образы обыгрываются в индивидуально-авторском стиле.

Как и любой флорообраз, интересующий нас обладает традиционными коннотациями, отражает стереотипный спектр значений, однако, в творчестве конкретного поэта он приобретает своеобразную, свойственную лишь Есенину субъективную семантику. Наиболее частотна и традиционная для народного творчества ассоциация черёмухи с невестой, девушкой, образ которой связан с воспоминаниями о юности, прошлом, является лейтмотивом утраченных иллюзий. Нередко данный образ отсылает к теме невозвратности прошлого.

Образ черёмухи является частью выразительного полотна природного мира поэта, выражая чувства, переживания, двойственность и эволюцию в мироощущении лирического субъекта.

Необходимо подчеркнуть, что сравнительный анализ символики черёмухи в идиостиле Есенина с лирикой других русских и европейских поэтов мог бы показать национально-культурную ассоциативную специфику в восприятии данного фитонима.

Список литературы:

- Авдеенко И.А.* Символ и метафора // Филологические науки. Вопросы теории и практики № 3(21). Ч. II. Тамбов: Грамота, 2013. С. 16–18.
- Артюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
- БАС – Чернышев В.И.* Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Москва – Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1950–1965.
- Белый А.* Символизм как миропонимание. Москва: Республика, 1994. 528 с.
- БРПС – Минович А., Дулевич И., Грек-Пабис И., Марыняк И.,* Большой русско-польский словарь. Т. 1–2. Москва–Варшава: Państwowe Wydawnictwo Wiedza Powszechna. Wydawnictwo Sowietkaja Encykłopedija, 1970.
- Е – Есенин С.А.* Собрание сочинений: в 3 т. / Т. 1. Москва: Издательство Правда, 1977. 448 с.
- Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. Москва: Издательство Московского университета, 1982. 480 с.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Маслова В.А.* Филологический анализ поэтического текста. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 180 с.
- Ож – Ожегов С.И.* Словарь русского языка. Москва: Издательство Русский Язык, 1981. 816 с.
- СД – Толстой Н.И.* Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Москва: Международные отношения, 1995–2012.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров.* Т. 1–. Москва: Наука, 1965–.
- Черкашина О.Н.* Трудности, связанные с переводом фитонимов, обладающих национально-культурными ассоциациями. // Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод. Курск, 2006. С. 114–119.
- Curkan-Drózka E.* Метафора в творчестве Сергея Есенина и ее перевод на польский язык. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. 196 s.
- Kop – Kopalinski W.* Słownik symboli. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1991. 512 s.
- Kur-Kononowicz J.* О названиях черёмухи в русском языке. // Z. Czapiga, E. Dźwierzyńska, M. Kossakowska-Maras, A. Rudyk, M. Dziedzic (red.). Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Glottodydaktyka 8. Zeszyt 92, Rzeszów 2016: Wydawnictwo UR. S. 31–42.
- Markiewicz H.* 1983, Uwagi o semantyce i budowie metafory. // M. Głowiński i A. Okopień-Sławińska (red.). Studia o metaforze II. Z dziejów form artystycznych w literaturze polskiej. Wrocław: Ossolineum: PAN, 1983. S. 43–59.

Oesterreicher-Mollwo M. Leksykon symboli. Warszawa: Wydawnictwo ROK Corporation SA, 1992. 199 s.
Ricoeur P. Egzystencja i hermeneutyka. Rozprawy o metodzie. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985. 383 s.
Szcześniak K. Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008. 410 s.

References:

Avdeenko I.A. Simvol i metafora // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki № 3(21). Ch. II. Tambov: Gramota, 2013. S. 16–18. (In Russ.).
Artyunova N.D. Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt. Moskva: Nauka, 1988. 341 s.
BAS – Chernyshev V.I. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. Moskva – Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1950–1965. (In Russ.).
Belyi A. Simvolizm kak miroponimanie. Moskva: Respublika, 1994. 528 s. (In Russ.).
BRPS – Mirovich A., Dulevich I., Grek-Pabis I., Marynyak I., Bol'shoi russko-pol'skii slovar'. T. 1–2. Moskva–Varshava: Państwowe Wydawnictwo Wiedza Powszechna. Wydawnictwo Sowiet'skaja Encykłopedija, 1970. (In Russ.).
E – Esenin S.A. Sobranie sochinenii: v 3 t. / T. 1. Moskva: Izdatel'stvo Pravda, 1977. 448 c. (In Russ.).
Losev A.F. Znak. Simvol. Mif. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1982. 480 s. (In Russ.).
Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1996. 464 s. (In Russ.).
Maslova V.A. Filologicheskii analiz poehticheskogo teksta. Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2019. 180 c. (In Russ.).
Ozh – Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka. Moskva: Izdatel'stvo Russkii Yazyk, 1981. 816 s. (In Russ.).
SD – Tolstoi N.I. Slavyanskie drevnosti. Ehtnolingvicheskii slovar': v 5 t. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995–2012. (In Russ.).
SRNG – Slovar' russkikh narodnykh govorov. T. 1–. Moskva: Nauka, 1965–. (In Russ.).
Cherkashina O.N. Trudnosti, svyazannye s perevodom fitonimov, obladayushchikh natsional'no-kul'turnymi assotsiatsiyami. // Lingvistika. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Perevod. Kursk, 2006. C. 114–119. (In Russ.).
Curkan-Dróżka E. Metafora v tvorchestve Sergeya Esenina i ee perevod na pol'skii yazyk. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. 196 s.
Kop – Kopaliński W. Słownik symboli. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1991. 512 s.
Kur-Kononowicz J. O nazvaniyakh cheremukhi v russkom yazyke. // Z. Czapiga, E. Dźwierzyńska, M. Kossakowska-Maras, A. Rudyk, M. Dziedzic (red.). Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego. Seria Filologiczna. Glottodydaktyka 8. Zeszyt 92, Rzeszów 2016: Wydawnictwo UR. S. 31–42.
Markiewicz H. Uwagi o semantyce i budowie metafory. // M. Głowiński i A. Okopień-Sławińska (red.). Studia o metaforze II. Z dziejów form artystycznych w literaturze polskiej. Wrocław: Ossolineum: PAN, 1983. S. 43–59.
Oesterreicher-Mollwo M. Leksykon symboli. Warszawa: Wydawnictwo ROK Corporation SA, 1992. 199 s.
Ricoeur R. Egzystencja i hermeneutyka. Rozprawy o metodzie. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985. 383 s.
Szcześniak K. Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008. 410 s.

Лыткина Оксана Ивановна
Высшая школа перевода (факультет)
МГУ имени М.В. Ломоносова
г. Москва (Россия)

Lytkina Oksana
High School of Translation and Interpretation
Lomonosov Moscow State University
Moscow (Russia)

АМЕРИКАНСКИЙ ТЕКСТ С.ЕСЕНИНА

S. ESENIN'S AMERICAN TEXT

Настоящее исследование посвящено проблеме формирования языковой картины мира. В частности, рассматривается вопрос о том, какую роль в формировании национальной картины мира играют художественные произведения авторитетных авторов, а также в какой степени национальная картина мира отражена в художественной картине мира. Материалом исследования послужили стихотворные и прозаические произведения С. Есенина об Америке (разговорный вариант США), оказавшие большое влияние на традицию изображения США в литературе XX и XXI вв. Использование описательного метода, контент-анализа, компонентного анализа, приемов количественного и сравнительно-сопоставительного анализа позволило выявить основные типы информации в содержании «Американского текста» С. Есенина, описать способы его языковой репрезентации. Полученные результаты были сопоставлены с материалами ассоциативных экспериментов и данными словарей русского языка, в которых, как известно, находит свое отражение русская национальная картина мира.

The research touches a problem of the forming a linguistic picture of the world. Particularly, the question of a role in forming of the national worldview by works of well-known authors is researched, and to what extent the national picture of the world is reflected in the artistic picture of the world. Poetry and prose works of S. Esenin about America (the colloquial version of the USA), which had a great influence on the tradition of depicting the USA in the literature of the 20th and 21st centuries are materials for the study. By using the descriptive method, content analysis, component analysis, methods of quantitative and comparative analysis allowed us to identify the main types of information in the content of the "American text" by S. Esenin, to describe the ways of its language representation. The results obtained during the research were compared with materials of associative experiments and data from dictionaries of the Russian language, in which, as you know, the Russian national picture of the world is reflected.

Ключевые слова: С. Есенин, текст, Америка (США), «Американский текст», художественная картина мира, русская литература.

Key words: S. Esenin, text, America (USA), «American text», art picture of the world, Russian literature.

В настоящее время традиционное определение текста в гуманитарной науке подверглось глубокому переосмыслению: текст стал трактоваться как функция в контексте других текстов и интерактивном диалоге с ними, а изолированный текст стал считаться научной фикцией. Отсюда обозначение термином «*текст*» очень широкого круга явлений: текстом, по сути, может называться любая содержательная сущность: совокупность текстов, словарь, библиотека, композиционная группа, жанр, литература, культура и т.д. [Лотман, 1981, с. 1992], наконец, сама действительность может быть выступать в качестве текста [Налимов, 2000, с. 83].

Основополагающим для нашей работы является определение текста «как сложного устройства, хранящего многообразные коды, способного трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационного генератора, обладающего чертами интеллектуальной личности» [Лотман, 2002, с. 162]. В дальнейшем такое понимание текста послужило базой для появления теории сверттекста (термин носит условный характер, как его полные синонимы в исследованиях выступают термины «X-текст», «макротекст», «архитекст»). Понятие сверттекста возникло на стыке понятий текста и культуры. Специфика построения сверттекста заключается в том, что его единицы, относящиеся «к одним и тем же культурным концептам, литературным универсалиям, стереотипам, с одной стороны, реализуют интертекстуальные связи, определяя его место в текстовой концептосфере и устанавливая сеть отношений, точки пересечения, взаимодействия с другими текстами, с другой – объединяясь, составляя своего рода постоянный репертуар в рамках текстового ансамбля, они осуществляют сверттекстовые связи, реализуют метатекстовые функции» [Лошаков, 2007, с. 91-92]. К важным свойствам сверттекста относятся: тематическая связанность, открытость структуры (возможность дополняться другими текстами), динамичность, наличие единой модальной установки, локальная или темпоральная объединенность и др.

Одними из первых исследований сверттекстов стали работы Н.П. Анциферова (1991), Ю.М. Лотмана (2002), В.Н. Топорова (2003), посвященные «Петербуржскому тексту» в русской литературе. Позднее появились работы, описывающие «Московский» (1997), «Крымский» (Люсый 2003), «Итальянский» (Крюкова 2007), «Венецианский» (Меднис 1999), «Пермский» (Абашев 2000), «Германский» (Лебедева, Янушкевич 2000) и многие др. тексты. Как показывает наш опыт, чаще всего объектом исследования становятся топосные (или локусные) сверттексты, хотя есть работы, посвященные личностным сверттекстам (например, «Пушкинский текст» [Шатин: URL]), «дачному тексту» [Нагих, 2006], «пасхальному тексту» [Николаева, 2004] и т.д.

В данной работе описан «Американский текст» в творчестве С.А. Есенина. С одной стороны, тексты С.А. Есенина об Америке продолжили традиции русских писателей в изображении Америки (В.Г. Короленко и М. Горького), а с другой – стали новым этапом в развитии «Американского текста» русской литературы (например, В.В. Маяковский в очерках об Америке выбирал для описания те места, которые упоминал С.А. Есенин в «Железном Миргороде»), можно сказать, что Есенин выполнил своеобразную роль гида по Америке для советских писателей [подробнее см. Пономарев, 2012].

С.А. Есенин прибыл в США 1 октября 1922 г. вместе с женой Айседорой Дункан. Их задержали иммиграционные власти по подозрению в коммунистической пропаганде,

однако после вмешательства президента, лично знакомого с Айседорой Дункан, въезд на территорию США был разрешен [Воронова, 2012]. Тем не менее, этот инцидент послужил началом «череды» разочарований русского поэта в Америке.

С. Есенин был первым посланцем новой России в великую Америку, свою задачу он видел в знакомстве американцев с русским искусством. В заявлении, подготовленном для американской печати, поэт, прежде всего, выразил благодарность американскому народу и надежду на развитие дружбы двух народов: «Благодарность — такова наша первая мысль. Мы — представители молодой России. Мы не вмешиваемся в политические вопросы. Мы работаем только в сфере искусства. Мы верим, что душа России и душа Америки скоро поймут друг друга» [Есенин, 1922: URL]. Однако надежды не оправдались. Американская публика не приняла Есенина, интерес к нему был вызван только одним фактором: он был мужем гениальной танцовщицы, «философа», реформатора танца – Айседоры Дункан. В американских газетах имя русского поэта упоминалось в связи со скандалами, сопровождавшими их гастрольное турне, и интересом к личной жизни знаменитой танцовщицы [Юшкова, 2010]. Эти факторы и то, что Есенин был крестьянским поэтом, стало причиной неприятия индустриальной Америки поэтом [Кубанев, 2004]. Неслучайно, что у Есенина нет ни одного стихотворения, посвященного Америке. Сразу после возвращения на родину в «Известиях» был опубликован очерк «Железный Миргород», который должен был открывать цикл статей, но после опубликованной в газете «Правда» критики поэт прекратил работу над путевыми заметками, хотя американская тема не могла не волновать советских читателей.

Интерес советских людей к Америке в 20-ые гг. XX в. можно объяснить следующими причинами. Во-первых, в течение долгого времени в России (и не только) об Америке сложился устойчивый миф как свободной стране равных возможностей, земле обетованной [Русский ассоциативный словарь, 2002: URL]. Во-вторых, в 20-ые гг. XX в. США переживает период «просперити» (процветания), годы небывалого экономического подъема, стремительного роста промышленности, банковского дела, строительства небоскребов, повсеместного распространения радиовещания, развития кинематографа и т.п., а молодая страна Советов активно искала новые пути развития не только в области экономики, но и искусства, ставила перед собой задачу воспитания нового человека. В-третьих, США, как оплот капитализма, являлись идеологическим противником СССР.

Впервые С.А. Есенин обратился к теме Америки в 1918 г., когда написал поэму «Инония». Тогда поэт, по его собственному признанию, почувствовал себя другим/иным, и именно в этом состоянии пророка он уверенно заявляет о появлении новой, «иной», страны, превосходящей Америку. В поэме Есенина образ Америки – образ «отколотой половины

земли», поражающей своей непревзойденной технической мощью, пускающей «железные корабли», опутавшей «чугунной радугой» и гранитом реки, с «проволочными лучами» и лавой стали, однако будущее, по мнению поэта, не за Америкой, он отказывает ей в появлении нового человека, ср. например:

И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, -
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!

Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом - рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек! [Есенин: URL]

В таком же «другом» состоянии Есенин пишет об Америке после знакомства с ней. Америка изменила его: «Да, я вернулся не тем. Много дано мне, но и много отнято»; «Зрение мое преломилось особенно после Америки» [Есенин, 1997, с. 161]. Его мировоззрение изменилось после того, как поэт увидел масштаб, мощь и силу человеческих возможностей, воплотившихся в США.

Знакомство с Америкой начинается с описания путешествия на корабле «Paris», на котором поэт вместе А. Дункан прибыл в Нью-Йорк. Есенин уже был знаком с благами цивилизации Европы, но он был потрясен увиденным: и океаном, и громадностью самого лайнера: «Если взять это с точки зрения океана, то все-таки и это ничтожно, особенно тогда, когда в водяных провалах эта громадина качается своей тушей, как поскользящийся... (Простите, что у меня нет образа для сравнения, я хотел сказать — как слон, но это превосходит слона приблизительно в 10 тысяч раз. Эта громадина сама — образ. Образ без всякого подобия» [Есенин, 1997, с. 162]; «Я шел через громадные залы специальных библиотек, шел через комнаты для отдыха, где играют в карты, прошел через танцевальный зал, и минут через пять чрез крупнейший коридор спутник подвел меня к нашей кабине. Я осмотрел коридор, где разложили наш большой багаж, приблизительно в 20 чемоданов, осмотрел столовую, свою комнату, две ваннные комнаты и, сев на софу, громко расхохотался. Мне страшно показался смешным и нелепым тот мир, в котором я жил раньше» [Там же].

Но даже шестидневное путешествие на лайнере не могло подготовить к тому, что Есенин увидел в Нью-Йорке: «Здания, заслонившие горизонт, почти упираются в небо. Над всем этим проходят громаднейшие железобетонные арки. Небо в свинце от дымящихся

фабричных труб. Дым навевает что-то таинственное, кажется, что за этими зданиями происходит что-то такое великое и громадное, что дух захватывает» [Там же, с. 163].

Футуристической картиной предстает Бродвей, где мощь электричества подчинена человеку: «Перед глазами — море электрических афиш. Там, на высоте 20-го этажа, кувыркаются сделанные из лампочек гимнасты. Там, с 30-го этажа, курит электрический мистер, выпуская электрическую линию дыма, которая переливается разными кольцами. Там, около театра, на вращающемся электрическом колесе танцует электрическая Терпсихора и т. д., все в том же роде, вплоть до электрической газеты, строчки которой бегут по 20-му или 25-му этажу налево непрерывно до конца номера» [Там же, с. 169].

Знакомство с Америкой делит мир поэта на ДО и ПОСЛЕ, и это находит отражение в ее описании, которое часто проходит в сравнении со старым миром России: «Вспомнил про «дым отечества», про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за «Русь» как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию» [Там же, с. 162].

Есенин пишет о трагедии коренного населения Америки, о том, что индейцы пали жертвой хищнической политики пришельцев, но он замечает, что «если взглянуть на ту беспощадную мощь железобетона, на повисший между двумя городами Бруклинский мост, высота которого над землей равняется высоте 20-этажных домов, все же никому не будет жаль, что дикий Гайавата уже не охотится здесь за оленем. И не жаль, что рука строителей этой культуры была иногда жестокой. Индеец никогда бы не сделал на своем материке того, что сделал «белый дьявол»» [Там же, с. 167]. Жалеть уже нужно «бедного русского Гайавата», который до сих пор верит «в деда с бородой» и уповаet на его милость.

Однако состоянии, когда «дух захватывает» мгновенно проходит после знакомство с бюрократической системой США и допроса представителя иммиграционной службы на острове Элис-Аленд. Вопросы чиновника («В бога верите?», «Какую признаете власть?») сразу же отбрасывают поэта из будущего назад, в гоголевский Миргород. В этот момент поэт испытал разочарование: «Садясь на маленький пароход в сопровождении полицейских и журналистов, мы взглянули на статую свободы и прыснули со смеху. «Бедная, старая девушка! Ты поставлена здесь ради курьеза!» — сказал я» [Там же, с. 165].

Очерк «Железный Миргород», бесспорно, является художественным, однако, следует отметить, что текст содержит и ценную информацию о реалиях американской жизни, характерную для историко-культурного очерка. Есенин отмечает погоню за сенсацией, характерную для американских газет («Сотни кинематографистов и журналистов бегают по палубе, щелкают аппаратами, чертят карандашами и всё

спрашивают, спрашивают и спрашивают. Это было приблизительно около 4 часов дня, а в 5^{1/2} нам принесли около 20 газет с нашими портретами и огромными статьями о нас. Говорилось в них немного об Айседоре Дункан, о том, что я поэт, но больше всего о моих ботинках и о том, что у меня прекрасное сложение для легкой атлетики и что я наверняка был бы лучшим спортсменом в Америке» [Там же, с. 164]), власть рекламы (примеры см. выше), главенство доллара («Владычество доллара съело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Американец всецело погружается в «Business» и остального знать не желает» [Там же, с. 170]), отсутствие собственной культуры («Сами американцы — народ тоже весьма примитивный со стороны внутренней культуры» [Там же]) и др.

Поэт пишет о том, что в Америке нет места искусству в том значении, в котором оно понимается в России и Европе. Америка создала новый тип искусства, когда само производство становится искусством: «...американцы — народ весьма молодой и не вполне сложившийся. Та громадная культура машин, которая создала славу Америке, есть только результат работы индустриальных творцов и ничуть не похожа на органическое выявление гения народа. Народ Америки — только честный исполнитель заданных ему чертежей и их последователь» [Там же]. Также поэт отмечает узость мировоззрения американцев: «Сила железобетона, громада зданий стеснили мозг американца и сузили его зрение. Нравы американцев напоминают незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича. Как у последних не было города лучше Полтавы, так и у первых нет лучше и культурней страны, чем Америка» [Там же, с. 172].

Наблюдения поэта подтверждаются исследованиями современных ученых. Например, Г. Гачев отмечает: США - страна изобретателей в технике. Однако американская ургия способствует тому, что человек становится автоматом в своем труде-работе (девиз Америки: «Молись и трудись!»). «Перехлест ургии над гонией – и в том, что тут искусственно производятся потребности (а они ведь обычно были прерогативой природы человека): рекламой навязываются изделия; а жизнь в кредит и пользование вещами в рассрочку есть явное житие в настоящем из будущего...» [Гачев, 1998, с. 195]. Ценностями американского общества являются Успех, Паблицити («публичность»), Просперити («процветание»), реклама («стяжение потребительских ожиданий к моему текущему делу, кредит ему, прикорм из будущего, чтобы оно в настоящем мире развивалось» [Там же, с. 211]).

Об отсутствии духовности пишет и Баталов, отмечая, что американская мечта нацелена на материальный успех: «Разве могла бы Американская мечта, как популярный миф-утопия, получивший распространение в массовом обществе, не делать акцента на *материальном успехе*? Тем более что одним из источников – причем источником очень

важным – Американской мечты была народная утопия, которая (мы говорим о родовом явлении) всегда, даже если она была проникнута религиозным духом, делала особый акцент на *материальной* стороне свободы. Да и религией, определившей во многом духовный облик американской нации, был, как известно, протестантизм, вполне гармонизировавший с духом капитализма и оправдывавший такие добродетели, как труд и накопительство» [Баталов, 2001, с. 253].

После путешествия в Америку творчество С.А. Есенина приобрело общественно-политическую направленность. Показательна в этом отношении поэма «Страна негодяев», испытавшая на себе воздействие американского фактора. Главный герой поэмы комиссар Рассветов, до революции живший в Америке, делится своими впечатлениями об этой стране. Примечательно, что монолог Рассветова был написан во время пребывания поэта в Нью-Йорке. Рассветов, характеризуя американцев как людей, способных на любой обман ради наживы, невольно восхищается талантом американцев из всего делать деньги, их жизненной цепкостью:

О! Эти американцы...
Они - неуничтожимая моль.
Сегодня он в оборванцах,
А завтра золотой король.
Так было и здесь...
Самый простой прощельга,
Из индианских мест,
Жил, по-козлиному прыгал

И вдруг в богачи пролез [Есенин, 1923: URL].

Есенин восторгается индустриальной мощью США, но не приемлет погоню американцев за долларом:

Места нет здесь мечтам и химерам,
Отшумела тех лет пора.
Все курьеры, курьеры, курьеры,
Маклера, маклера, маклера.
От еврея и до китайца
Проходимец и джентельмен,
Все в единой графе считаются
Одинаково - business men,
На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет.

Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она - мировая биржа!
Вот они - подлецы всех стран [Там же].
Однако спасение для России поэт видит именно в индустриализации страны:
10 тысяч в длину государство,
В ширину около верст тысяч 3-х.
Здесь одно лишь нужно лекарство -
Сеть шоссе и железных дорог.
Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жость.
Города создаются руками,
Как поступками - слава и честь.
Подождите!
Лишь только клизму
Мы поставим стальную стране,
Вот тогда и конец бандитизму,
Вот тогда и конец резне [Там же].

После посещения Америки в творчество С. Есенина вошла тема «Руси советской», раскрытие которой невозможно без противопоставления США — «коммуной вздыбленной Руси».

Список литературы:

- Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь, 2000. 399 с.
Анциферов Н.П. Душа Петербурга. М., 1991. 101с.
Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М.: РАН ИСКРАН, 2001. 70 с.
Воронова О. «Русская американка»: к 135-летию со дня рождения Айседоры Дункан // Современное есениноведение. 2012 (21). С. 70-80.
Гачев Г.Д. Америка // Национальные образы мира: Курс лекций. М.: Академия, 1998. С. 187-216.
Есенин С.А. Заявление для американской печати. [Электронный ресурс]. 1922. Режим доступа: <http://esenin-lit.ru/esenin/text/articles/amerikanskoe-zayavlenie.htm> (дата обращения 31.07.2020).
Есенин С.А. Инония [Электронный ресурс]. 1918. Режим доступа: <http://esenin-lit.ru/esenin/text/inoniya.htm> (дата обращения: 29.07.2020).
Есенин С.А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. Проза / Сост., подг. текста и коммент. А.Н. Захарова, С.П. Кошечкина, Е.А. Самоделовой, С.И.Субботина и Н.Г. Юсова. М.: Наука; Голос, 1997. 560 с.
Есенин С.А. Страна негодяев [Электронный ресурс]. 1923. Режим доступа: <http://esenin-lit.ru/esenin/text/inoniya.htm> (дата обращения: 29.07.2020).

- Крюкова О.С.* Архетипический образ Италии в русской литературе XIX века. - М.: КДУ, 2007. 216 с.
- Кубанев Н.* Американский фактов в творчестве Сергея Есенина // Современное есениноведение. 2004. № 1. С. 25-34.
- Лебедева О.Б., Якушевич А.С.* Германия в зеркале русской словесной культуры XIX- начала XX в. Кельн, Вена, 2002. 274 с.
- Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города// Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб, 2002. С. 208-220.
- Лотман Ю.М.* Текст как динамическая система // Структура текста-81: Тезисы симпозиума. – М., 1981. С. 104-105.
- Лошаков А.Г.* Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. – Архангельск: Поморский ун-т, 2007. 342 с.
- Люсьи А.П.* Крымский текст в русской литературы. СПб., 2003. 314 с.
- Меднис Н.Е.* Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999. 391 с.
- Московский» текст русской культуры // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. 857 с.
- Нагих Т.А.* Образ дачи как «летней усадьбы» // Провинция в контексте истории и литературы: Материалы Крапивенской краеведческой конференции. Тула, 2006. С.341-356.
- Налимов В.В.* Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
- Николаева С.Ю.* Пасхальный текст в русской литературе XIX в. М., Ярославль, 2004. 360 с.
- Пономарев Е.Р.* Путешествие в царство Кощея: Англия и Америка в советской путевой литературе 1920-1930-х гг. Часть 1. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012 № 1(10). С. 29-42.
- Русский ассоциативный словарь* [Электронный ресурс] / Ю.Н. Караулова. Режим доступа: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 30.07.2020).
- Скорыходов М.* Прибытие С.А. Есенина и А. Дункан в Америку (по архивным материалам) // Современное есениноведение. 2013. № 27. С. 16-23.
- Скорыходов М.* Сергей Есенин в зеркале американской печати 1922-1925 годов // Современное есениноведение. 2013. № 27. С. 16-23.
- Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. - СПб., 2003.
- Шатин Ю.В.* «Пушкинский текст» как объект культурной коммуникации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prometeus.nsc.ru/museum/texts/sibpush/shatin.ssi>. (дата обращения 31.07.2020).
- Юшкова Е.В.* Айседора Дункан как феномен творческой личности (Обзор исследований современных ученых США) // Современное есениноведение. 2010 (13). С. 11-21.

References:

- Abashev V.V.* Perm` kak tekst. Perm`, 2000. 399 s.
- Anciferov N.P.* Dusha Peterburga. M., 1991. 101s.
- Batalov E.Ya.* Russkaya ideya i amerikanskaya mechta. M.: RAN ISKRAN, 2001. 70 s.
- Voronova O.* «Russkaya amerikanka»: k 135-letiyu so dnya rozhdeniya Ajsedory` Dunkan // Sovremennoe eseninovedenie. 2012 (21). S. 70-80.
- Gachev G.D.* Amerika // Nacional`ny`e obrazy` mira: Kurs lekcij. M.: Akademiya, 1998. S. 187-216.
- Esenin S.A.* Zayavlenie dlya amerikanskoj pechati. [E`lektronny`j resurs]. 1922. Rezhim dostupa: <http://esenin-lit.ru/esenin/text/articles/amerikanskoe-zayavlenie.htm> (data obrashheniya 31.07.2020).
- Esenin S.A.* Inoniya [E`lektronny`j resurs]. 1918. Rezhim dostupa: <http://esenin-lit.ru/esenin/text/inoniya.htm> (data obrashheniya: 29.07.2020).
- Esenin S.A.* Polnoe sobranie sochinenij: V 7 t. T. 5. Proza / Sost., podg. teksta i komment. A.N. Zaxarova, S.P. Koshechkina, E.A. Samodelovoj, S.I.Subbotina i N.G. Yusova. M.: Nauka; Golos, 1997. 560 s.
- Esenin S.A.* Strana negodyaev [E`lektronny`j resurs]. 1923. Rezhim dostupa: <http://esenin-lit.ru/esenin/text/inoniya.htm> (data obrashheniya: 29.07.2020).
- Kryukova O.S.* Arxetipicheskiy obraz Italii v russkoj literature XIX veka. - M.: KDU, 2007. 216 s.
- Kubanev N.* Amerikanskiy faktov v tvorchestve Sergeya Esenina // Sovremennoe eseninovedenie. 2004. № 1. S. 25-34.
- Lebedeva O.B., Yakushevich A.S.* Germaniya v zerkale russkoj slovesnoj kul`tury` XIX- nachala XX v. Kel`n, Vena, 2002. 274 s.

- Lotman Yu.M.* Simvolika Peterburga i problemy` semiotiki goroda// Lotman Yu.M. Istoriya i tipologiya russkoj kul`tury`. SPb, 2002. S. 208-220.
- Lotman Yu.M.* Tekst kak dinamicheskaya sistema // Struktura teksta-81: Tezisy` simpoziuma. – M., 1981. S. 104-105.
- Loshakov A.G.* Sverxtekst kak slovesno-konceptual`ny`j fenomen. – Arxangel`sk: Pomorskij un-t, 2007. 342 s.
- Lyusy`j A.P.* Kry`mskij tekst v russkoj literatury`. SPb., 2003. 314 s.
- Mednis N.E.* Veneciya v russkoj literature. Novosibirsk, 1999. 391 s.
- «Moskovskij» tekst russkoj kul`tury` // Lotmanovskij sbornik. Vy`p. 2. M., 1997. 857 s.
- Nagix T.A.* Obraz dachi kak «letnej usad`by» // Provinciya v kontekste istorii i literatury`: Materialy` Krapivenskoj kraevedcheskoj konferencii. Tula, 2006. S. 341-356.
- Nalimov V.V.* Razbrasy` vaju my`sli. V puti i na pereput`e. M.: Progress-Tradicija, 2000. 344 s.
- Nikolaeva S.Yu.* Pasmal`ny`j tekst v russkoj literature XIX v. M., Yaroslavl`, 2004. 360 s.
- Ponomarev E.R.* Puteshestvie v czarstvo Koshheya: Angliya i Amerika v sovetskoj putevoj literature 1920-1930-x gg. Chast` 1. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul`tury` i iskusstv. 2012 № 1(10). S. 29-42.
- Russkij asociativny`j slovar` [E`lektronny`j resurs] / Yu.N. Karaulova. Rezhim dostupa: <http://thesaurus.ru/dict/> (data obrashheniya: 30.07.2020).
- Skoroxodov M.* Priby`tie S.A. Esenina i A. Dulkan v Ameriku (po arxivny`m materialam) // Sovremennoe eseninovedenie. 2013. № 27. S. 16-23.
- Skoroxodov M.* Sergej Esenin v zerkale amerikanskoj pečati 1922-1925 godov // Sovremennoe eseninovedenie. 2013. № 27. S. 16-23.
- Toporov V.N.* Peterburgskij tekst russkoj literatury`: Izbranny`e trudy`. - SPb., 2003.
- Shatin Yu.V.* «Pushkinskij tekst» kak ob`ekt kul`turnoj kommunikacii [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.prometeus.nsc.ru/museum/texts/sibpush/shatin.ssi>. (data obrashheniya 31.07.2020).
- Yushkova E.V.* Ajsedora Dulkan kak fenomen tvorcheskoj lichnosti (Obzor issledovanij sovremenny`x ucheny`x SShA) // Sovremennoe eseninovedenie. 2010 (13). S. 11-21.

Петрова Зоя Юрьевна
Фатеева Наталья Александровна
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
г. Москва (Россия)

Petrova Zoia
Fateeva Natalia
Vinogradov Russian Language Institute
Moscow (Russia)

ПЕРСониФИЦИРУЮЩИЕ МЕТАФОРЫ И СРАВНЕНИЯ В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА

PERSONIFYING METAPHORS AND SIMILES IN S. ESEIN'S POETRY

В статье дается описание фрагмента образной картины мира Есенина на основе перечисления всех семантических классов предметов и образов сравнения персонифицирующих тропов в связи с особенностями мировоззрения поэта. Предметы сравнения представлены двумя основными классами «Природа» и «Предметы». В классе «Природа» самая частотная группа – «Растения», далее следуют группы «Свет», «Земля», «Части суток», «Времена года», «Птицы», «Звери», «Вода», «Звук». Персонификация других денотатов, относящихся к внутреннему миру человека, экзистенциальной сфере, языку, для Есенина не характерна. Среди образов сравнения персонифицирующих тропов в поэзии Есенина наиболее многочисленны и частотны группы «Части тела», «Речь, пение» и «Обозначения людей» (в том числе термины родства). Проведенный анализ позволяет выделить образные доминанты среди персонифицирующих тропов в идиостиле Есенина. Среди них можно отметить сферу любовных отношений персонифицированных реалий, сферу религии и крестьянского быта. Доминантные состояния олицетворенных реалий окружающего мира у Есенина – тоска и печаль, сон и грезы. Предложенная в данной работе модель описания персонифицирующих метафор и сравнений может стать основой сравнительного изучения образной картины мира разных художников слова.

The article discusses a fragment of a figurative world image of Esenin based on a listing of all the semantic classes of tenors and vehicles of personifying tropes in connection with the poets's worldview. Tenors are represented by the two main classes "Nature" and "Artifacts". In the "Nature" class, the most frequently used group is "Plants", followed by the groups "Light", "Earth", "Parts of the day", "Seasons", "Birds", "Animals", "Water", "Sound". The personification of other denotata related to the inner world of man, the existential sphere, language, is not peculiar to Esenin. Among the vehicles of personifying tropes in Esenin's poetry, the most numerous and frequently used groups are "Parts of the body", "Speech, singing" and "Designations of people" (including terms of kinship). The analysis allowed us to distinguish figurative dominants among personifying tropes in Esenin's idiosyle. Among them, the sphere of love relationships of personified entities can be noted, the sphere of religion and peasant life. The dominant states of the personified entities of the world in Esenin's poetry are grief and sadness, sleep and dreams. The model for describing personifying metaphors and similes proposed in this work can become the basis for a comparative study of the figurative world images of different writers.

Ключевые слова: идиостиль С. Есенина, метафора, сравнение, персонификация, образная картина мира, доминанта идиостиля.

Key words: S. Esenin's idiosyle, metaphor, simile, personification, figurative world image, dominant feature of the idiosyle.

Идиостиль Есенина часто становится предметом лингвопоэтических исследований. Попытки целостного описания идиостиля поэта содержатся в работах [Степанченко, 1991, Некрасова, 1995]. Исследователи отмечают в качестве доминантной сферы поэтического мировидения Есенина русский пейзаж, реалии деревенского мира, которые часто

приобретают антропоморфные черты. Есенинские контексты, в которых природа олицетворяется, специально изучались в работах [Некрасова, 1994, Аминова, 2014], анализируются и персонифицирующие контексты Есенина в ряду других поэтов [Константинова, 1996, Туранина, Биль, 2012 и др.]. Отметим также лексикографическую фиксацию образных средств поэта на фоне современной ему поэзии [Туранина, 2009]. В приведенных выше работах содержится анализ отдельных персонифицирующих контекстов Есенина, исследуются синтаксические модели олицетворения, обсуждаются границы понятия «олицетворение». Мы же ставим своей задачей дать исчерпывающее описание рассматриваемого фрагмента образной картины мира поэта, перечислив все семантические классы предметов и образов сравнения персонифицирующих тропов и связав их с особенностями мировоззрения поэта.

Под персонифицирующими тропами мы понимаем метафоры и сравнения, образы сравнения которых относятся к семантической категории «Человек». Исследование проводилось путем сплошной выборки персонифицирующих контекстов из издания [Есенин, 1961].

Рассмотрим основные группы предметов сравнения, располагая их в порядке убывания частоты употребления. Они делятся на два основных класса: **«Природа»** (235 персонифицирующих контекстов) и **«Предметы»**. В первом из них самая частотная группа – это **«Растения»** 82, из них **«Деревья»** 58: береза (березка) 15, клен 7, ива 5, черемуха 5, ель 3, сосна 2, рябина 2, осина 2, верба 2, липа 1, ракета 1, кедр 1, тополь 1, кипарис 1, дерево 1; листья 1; обозначения совокупностей деревьев: роща 5, лес 2, сосняк 1, **«Трава, злаки»** 18: ковыль 3, камыш 3, крапива 2, овес 2, конопляник 2, солома 2, трава 1, лещуга 1, рожь 1, зеленыя 1; **«Цветы»** 6: цветок 4, лилия 1, роза 1. Далее следует класс **«Свет»** 46, подразделяющийся на группы **«Светила»** 30: луна 10, месяц 8, солнце 7, звезда 5; **«Световые явления в природе»** 16: заря 6, закат 2, рассвет 1, восток 1, зарница 1; сумрак 2, сумерки 2, тень 1. Следующий по частоте употребления – класс **«Атмосферные явления»** 42: ветер 20, вьюга 3, метель 2, пурга 1, дождь 6, непогода 1, облако 3, туча 3, туман 1, мороз 1, холод 1. Далее следуют классы **«Земля»** 16: земля 5, дорога 3, сторона 1, Соловки 1, глухомань 1, пашни 1, нивы 1, пастбища 1, доли 1, холмы 1, **«Части суток»** 16: вечер 7, день 6, ночь 2, полночь 1, **«Времена года, месяцы»** 9: зима 3, весна 3, осень 2, октябрь 1; **«Птицы»** 10: птица 2, иволга 1, глухарка 1, петух 1, воробей 1, сорока 1, галка 1, соловей 1, кулик 1; **«Звери»** 5: собака 2, корова 1, лисица 1, мышь 1, **«Вода»** 8: море 3, волна 2, река 1, ручей 1, прибой 1; **«Звук»** 1: тишина.

К классу **«Предметы»** 29, значительно меньшему по объему и по частоте употреблений, относятся группы **«Строения»** 12: дом 3, изба 3, хата 1, церковь 1,

колокольня 1, мельница 1, родимый очаг 1, плетень 1, «Музыкальные инструменты и другие предметы, издающие звук» 10: тальянка 3, колокол 2, флейта 1, колокольчик 2, бубенец 2, «Другие предметы» 7: карандаш 2, фонарь 2, крест 1, колеса 1, бляхи 1.

Персонификация других денотатов, относящихся к внутреннему миру человека, экзистенциальной сфере, языку, – для Есенина не характерна. Соответствующие примеры единичны: «Смерть в потемках *точит бритву...*» (1915-1916), «И опять, как раньше, с *дикой злостью Запоет тоска...*» (1917), «Ну что же? Молодость прошла! Пора приняться мне За дело, Чтоб *озорливая душа Уже по-зрелому запела*» (1925).

Выделяется также класс предметов сравнения олицетворяющих тропов, объединяющий обозначения России, – Родина, родимый край, Русь (13 контекстов).

Что касается образов сравнения персонифицирующих тропов, т. е. слов семантической категории «Человек», то в поэзии Есенина наиболее многочисленны и частотны группы «Части тела», «Речь, пение» и «Обозначения людей» (в том числе термины родства). Среди соматизмов часто встречаются обозначения, относящиеся к волосам: *косы, кудри, власа, волосья, пряди, локоны, прическа, космища, седины*. Они характеризуют деревья: «Улыбнулись сонные березки, Растрепали шелковые *косы*» (1914), «Черемуха душистая С весною расцвела И ветки золотистые, Что *кудри*, завила» (1915), светила – луну, звезды: «Пролей, как масло, *Власа* луны В мужичьи ясли Моей страны» (1917-1918)¹³³, «Словно *космища* кудесниц, Звезды в яблонях висят» (1913-1914), ветер: «Ветер тоже спросонок Вскочил Да и шапку с *кудрей* Уронил» (1918), тучи: «Траурные *косы* тучи разметали, В *пряди* тонких *локон* впуталась луна» (1914). Отметим устойчивую в идиостиле Есенина образную характеристику «волосы дня», которая выделяет его среди других поэтов: «*Седины* пасмурного дня Плывут всклокоченные мимо (1915-1916)», «Пойду по белым *кудрам* дня Искать убогое жилище» (1915-1916), «О новый, новый, новый, Прорезавший тучи день! <...> Дай мне твои *волосья* Гребнем луны расчесать» (1918).

Повторяются образные обозначения *лик, лицо*, характеризующие широкий круг предметов сравнения: родина, земля: «Многих ты, родина, *ликом* своим Жгла и томила по шахтам сырым» (1916), «Не изменят *лик* земли напевы, Не стряхнут листа... (1916-1917)», месяц: «Прячет месяц за овинами Желтый *лик* от солнца ярого» (1915-1916), заря, восток: «Не хочу, чтоб умело хмуриться На озерах зари *лицо*» (1918), «Не потому ль в березовых Кустах поет сверчок О том, как *ликом* розовым Окапал рожь восток» (1917), ива: «Наклонивши *лик* свой кроткий, Дремлет ряд плакучих ив» (1913-1914). С помощью

¹³³ «Метафорическая характеристика лунного света как <...> волос, опущенных с небес», отмечается в работе [Некрасова, 1995, с. 416].

наименования *лицо* Есенин персонифицирует животное, присваивая ему антропоморфный облик: «[Лисица] На раздробленной ноге приковыляла, У норы свернулася в кольцо. Тонкой прошвой кровь отмежевала На снегу дремучее *лицо*» (1916).

Есенин использует и соматизмы, обозначающие различные части лица: *щеки, ланиты, скулы; глаза, бельма, веки, брови; рот, губы, язык, челюсть, зубы*: «И со *щек* заката Спрыгнут *скулы-дни*» (1916), «Вспучил *бельма* вечер черный» (1916), «Изба-старуха *челюстью* порога Жует пахучий мякиш тишины» (1916) и другие части тела, включенные в изображение различных природных реалий и созданных человеком предметов: *голова, грудь (груды), перси, живот, рука*: «И я знаю, есть радость в нем Тем, кто листьев целует дождь, Оттого что тот старый клен *Головой* на меня похож» (1918), «Зеленая прическа, Девическая *грудь*, О тонкая березка, Что загляделась в пруд?» (1918), «Се изб древенчатый *живот* Трясет стальная лихорадка!» (1920), «И дремлет Русь в тоске своей веселой, Вцепивши *руки* в желтый крутосклон» (1916).

Особенно детально представлены обозначения, относящиеся к ногам: *нога (ножка), колено, голень, ляжка, бедро, стопа, пята, пальцы ног*: «Стережет голубую Русь Старый клен на одной *ноге*» (1918), «И вечер, свесившись над речкою, полощет Водой белой *пальцы* синих *ног*» (1916), «Как же быть, как же быть теперь нам На измызганных *ляжках* дорог?» (1920).

Отличительными для Есенина соматизмами являются просторечные наименования *закорки* и *микитки*, которые употребляются в устойчивых сочетаниях *на закорки (на закорках)* и *под микитки*: «И плакучая лещуга Лезет к ветру *на закорки*» (1915-1916), «Пусть хоть ветер теперь начинает *Под микитки* дубасить рожь» (1923).

Среди обозначений речи, пения и других артикулируемых звуков Есенин употребляет как традиционные для поэзии предикаты и их производные: *говорить, сказать, вести разговоры, отговорить, уговаривать, разговорчивый; шептать, шептаться, перешептываться, шепот, кричать, кликать, сзывать, аукать, петь, песня* и др., так и более редкие *шамкнуть, гнусавить*: «А карандаш в его руке *Ведет* с ним [поэтом] тайно *разговоры*» (1910-1912), «Лепестками роза расплескалась, Лепестками тайно мне *сказала*: «Шаганэ твоя с другим ласкалась, Шаганэ другого целовала» (1925), «У побережья зеленого, Наклонив головки нежные, *Перешептывались* лилии С ручейками тихозвонными» (1917), «Как будто тысяча Гнусавейших дьячков, *Поет* она плакидой – Сволочь-вьюга!» (1924), «Друг... Ты откуда?» «Шел за тобой...» «Кто ты?» – «Иуда!» – *Шамкнул* прибой» (1917), «Облезлый клен Своей верхушкой черной *Гнусавит* хрипло В небо о былом» (1924).

В текстах поэта повторяются и слова, обозначающие звуки, отражающие эмоциональное состояние человека: *плакать, плач, рыдать, рыдания, смех, хохотать*: «На соборах Кремля колокола *заплакали*» (1914), «Вот опять вдруг *зарыдали* Разливные бубенцы» (1925), «В темной роще, по поляне, *Плачет смехом* бубенец» (1915), «Потому что над всем, что было, Колокольчик *хохочет* до слез» (1925).

В группе персонифицирующих тропов со значением речи и пения для Есенина характерны обозначения, связанные с религиозными обрядами: *молитва, молебен, запевать обедню, звать к всенощной, читать псалтырь, псалмы, пророчить*: «Но мелкий дождь своей *молитвой* ранней Еще стучит по мутному стеклу (1916), «На дворе *обедню* стройную *Запевают* петухи» (1914); «У лесного аналая Воробей *псалтырь читает*» (1914); «Внимаю, словно за обедней, *Молебну* птичьих голосов» (1915). Субъектами этих предикатов чаще всего являются птицы.

Среди обозначений людей среди прочих выделяются большие группы: «Обозначения по полу и возрасту», «Обозначения по профессии», «Обозначения по родству». Среди обозначений по полу и возрасту отмечаются *девица, девушка, отрок, старушка, дедушка*: «Ой, прощайте, белы птахи, Прячьтесь, звери, в терему. Темный бор, – щекочут свахи, – Сватай *девицу-зиму*» (1913-1914), «*Отрок-ветер* по самые плечи Заголил на березке подол» (1918), «Словно белой косынкой Подвязалась сосна. Понагнулась, как *старушка*, Оперлася на клюку» (1914), «Плачет Маша, крепнет стужа. Злится *дедушка-мороз*» (1914).

Обозначения по профессии (роду занятий) включают слова *страж (сторож), садовник, пахарь, вой (воин), мельник, клоун, сваха, рыдальщик*: «Край ты, край мой, родимый, Вечный *пахарь* и *вой*, Словно Вольга под ивой, Ты поник головой» (1916), «Срежет мудрый *садовник* осень Головы моей желтый лист» (1919), «Посмотри: меж скелетов домов, Словно *мельник*, несет колокольня Медные мешки колоколов» (1921), «Обиду мою На болоте Оплакал *рыдальщик-кулик*» (1925), «Клен ты мой опавший, клен заледенелый, Что стоишь нагнувшись под метелью белой? <...> И, как пьяный *сторож*, выйдя на дорогу, Утонул в сугробе, приморозил ногу» (1925), «Луна хохотала, как *клоун*» (1925).

Обозначения по родству включают имена *мать (матерь), сестра, брат, невеста, жена, супруга, свекровь* и предикат *повенчаться*. *Мать, сестра, брат, жена* относятся к традиционным поэтическим метафорам, выражающим родственную близость лирического субъекта и персонифицированной сущности. *Мать* для Есенина – в первую очередь, Родина: «Небо – как колокол, Месяц – язык, *Мать* моя – родина, Я – большевик» (1918), но отношения с ней носят сложный характер: «О родина, о новый С златою крышей кров,

Труби, мычи коровой, Ревя телком громов. <...> И всю тебя, как знаю, Хочу измять и взять, И горько проклиная За то, что ты мне *мать*» (1917). Поэт выстраивает сыновние отношения и с некоторыми другими олицетворяемыми сущностями: «Тот поэт, врагов кто губит, Чья родная правда *мать*» (1912), «Пополам нашу землю-мать Разломлю, как золотой калач» (1918), «Здравствуй, *мать* голубая осина! Скоро месяц, купаясь в снегу, Сядет в редкие кудри сына» (1920).

Близость к «братьям меньшим» он выражает словами *сестры* и *братья*, проецируя на себя их несчастное положение: «*Сестры*-суки и *братья*-кобели, Я, как вы, у людей в загоне» (1919).

К особенностям идиостиля Есенина можно отнести образ *чужой жены*: «Сам себе казался я таким же кленом, Только не опавшим, а вовсю зеленым. И, утратив скромность, одуревши в доску, Как *жену чужую*, обнимал березку» (1925), в котором выражена не только родственная близость, но и сладость запретной любви. С образом свекрови, достаточно редким в поэзии, связываются негативные коннотации: «Лиходейная разлука, Как коварная *свекровь*» (1911).

Выделяется и значимая для Есенина группа обозначений лиц, связанная с религией. Это, с одной стороны, названия лиц, относящихся к церкви: *схимник*, *монашка*, *дьячок*, с другой – названия объектов религиозного поклонения: *приснодева*, *дева*. Многие из них связаны с олицетворением России: «Родина, черная *монашка*, Читает псалмы по сынам» (1915), «О Русь, *приснодева*, Поправшая смерть! Из звездного чрева Сошла ты на твердь» (1917). Религиозные наименования характеризуют и природные явления: «*Схимник*-ветер шагом осторожным Мнет листву по выступам дорожным И целует на рябиновом кусту Язвы красные незримо Христу» (1914-1916), «По меже, на переметке, Резеда и риза кашки. И вызванивают в четки Ивы – кроткие *монашки*» (1914).

Динамика Есенинского мира обеспечивается персонифицирующими предикатами – обозначениями движений и активных действий человека.

Метафорические наименования, обозначающие движения, можно подразделить на следующие группы: «Перемещение в пространстве»: *гулять*, *бродить*, *обходить*, *шаг*, *лезть*, *влезать* и т. д.: «Испугалась пурга На снегах, *Побежала* скорей На луга» (1918), «Там дряхлое время, *Бродя* по лугам, Все русское племя Сзывает к столам» (1917), «Положение в пространстве и изменение положения»: *сутулиться*, *наклониться*, *приютиться*, *вскочить*, *нагнуться*, *застыть*, *присесть на корточки*: «Как будто бы на *корточки* погреться *Присел* наш клен перед костром зари» (1920), «Низкий дом без меня *ссутулится*» (1922-1923), «Движения с эксплицитным указанием на часть тела»: *наклонить голову*, *поникнуть головой*, *водить ухом*, *махать рукой*, *протягивать руки*, *вцепить руки*,

насупить брови, вспучить бельма и т. д.: «Седые вербы у плетня Нежнее головы наклонят» (1915-1916), «Кудрявый сумрак за горой *Рукою машет* белоснежной» (1915-1916), «Вечер черные брови *насопил*» (1923), «Движения с указанием на деталь одежды»: *махать рукавом, трясти подолом*: «Как метель, черемуха *Машет рукавом*» (1914), «Только ивы над красным бугром Обветшалым *трясут подолом*» (1917). Выделяется также группа персонифицирующих слов со значением «Танец»: «Пусть хоть ветер на моем погосте *Пляшет трепака*» (1917), «Где *пляшет*, сняв порты, Златоколенный дождь» (1917), «Эх вы, сани, сани! Конь ты мой буланый! Где-то на поляне клен *танцует* пьяный» (1925).

Большинство обозначений действий в поэзии Есенина отсылают к крестьянскому быту и труду: уходу за конями: «За ровной гладью вздрогнувшее небо *Выводит* облако из *стойла под уздцы*» (1916), «И желтый ветер осенницы <...> Как будто бы с *коней скребницей, Очесывает* листья с кленов» (1920), женским рукоделием: «В пряже солнечных дней время *выткало нить*» (1910), «*Вяжут кружево* над лесом В желтой пене облака» (1914), «*Прядите*, дни, свою былую *пряжу*» (1924), «В декабре в той стране Снег до дьявола чист, И метели *заводят* Веселые *прялки*» (1925), «*Вяжет* взбалмошная луна На полу *кружевные узоры*» (1925)¹³⁴. Встречаются и обозначения других действий, например, действий с одеждой и другими изделиями из ткани, нитей: «Трава, поблекшая, в *расстеленные полы* *Сбирает медь* с обветренных раки» (1916), «Красный вечер за куканом *Расстелил* кудрявый *бредень*» (1916) и некоторые другие наименования.

Класс образных обозначений чувств включает в себя преимущественно названия негативных эмоций: *злость, злиться, пугаться, томиться, пригорюниться, печаль*: «А вьюга с ревом бешеным Стучит по ставням свешенным И *злится* все сильней» (1910), «И опять, как раньше, с дикой *злостью* Запоет тоска...» (1917), «Темная ночь молчаливо *пугается*, Шалями тучек луна закрывается» (1915), «*Затомилась* деревня невесточкой – Как-то милые в дальнем краю?» (1914), «*Пригорюнились* девушки-ели» (1915). Особенно частотны слова *тоска, тосковать*, характеризующие различные реалии: «Кругом с *тоской* глубокою Плынут в страну далекую Седые облака» (1910), «О сторона ковыльной пуши, Ты сердцу ровностью близка, Но и в твоей таится гуще Солончаковая *тоска*» (1915), «*Тоскуют* брошенные пашни, И вянет, вянет лебеда» (1916).

К персонифицирующим словам у Есенина относятся и названия ментальных процессов: *грезить, задуматься, думы, примечтаться*: «*Грезит* над озером рыжий овес»

¹³⁴ Е. А. Некрасова [1995, с. 415] отмечает «объемный вариативный мотив ткачества (и рукоделия) как образную основу пейзажных фрагментов» в поэзии Есенина.

(1916), «О красном вечере *задумалась* дорога» (1916), «Дремлет взрытая дорога. Ей сегодня *примечталось*, Что совсем-совсем немного Ждать зимы седой осталось» (1917-1918).

Среди обозначений физических состояний человека в поэзии Есенина чаще всего встречаются слова *дремать, спать, сонный*: «Заколдован невидимкой, *Дремлет* лес под сказку сна» (1914), «*Спит* черемуха в белой накидке» (1925), «Колокол *дремавший* Разбудил поля, Улыбнулась солнцу *Сонная* земля» (1914).

Проведенный анализ позволяет выделить образные доминанты среди персонифицирующих тропов в идиостиле Есенина. В первую очередь надо отметить эротическое начало в отношениях лирического субъекта с деревьями, преимущественно березой. При этом лирический субъект отождествляет себя с кленом, а береза выступает в роли его возлюбленной («Клен ты мой опавший...»). Как пишет М. Эпштейн, «Есенин – создатель единственного в своем роде «дересного романа», лирический герой которого – клен, а героини – березы и ивы» [1990, с. 248]. Образно представленные части деревьев выступают как части женского тела, приобретающие эротические коннотации: «Так и хочется к телу прижать *Обнаженные груди* берез. <...> Так и хочется руки сомкнуть Над древесными *бедрами* ив» (1917-1918), «Уж и береза! Чудная... А *грудь*... Таких *грудей* У женщин не найдешь» (1925), «Тот, кто видел хоть однажды Этот край и эту гладь, Тот почти березке каждой *Ножку* рад поцеловать» (1925).

Ситуация персонификации в поэзии Есенина часто связана со сферой религии. Как мы показали, к этой сфере принадлежат образные обозначения классов «Речь, пение»: *молитва, молебен, всенощная, обедня* и др., «Обозначения людей»: *монашка, схимник, приснодева* и др. В этой сфере выделяется доминантный для Есенина мотив похорон, непосредственно связанный с лирическим субъектом. Часто персонифицированные реалии оплакивают человека, рыдают над ним, хоронят, служат панихиду, поминают: «Родина, черная монашка, *Читает псалмы* по сынам» (1915), «Закружилась пряжа снежистого льна, *Панихидный* вихорь плачет у окна, Замело дорогу вьюжным рукавом, С этой *панихидой* век свой весь живем» (1916), «Только будут колосья-кони О хозяине старом тужить. Будет ветер сосать их ржанье, *Панихидный* справляя *пляс*» (1920), «*Слезу обронит* месяц *На* мой завялый *труп*» (1917-1918), «Снежная равнина, белая луна, Саваном покрыта наша сторона. И березы в белом *плачут* по лесам. Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?» (1925). В стихотворении «Ночь и поле...» создается целостная картина подготовки похорон средствами персонификации: родимый очаг грезит о погибшем, месяц месит кутью,мышь тревожит помином тишь.

Доминантные состояния олицетворенных реалий окружающего мира у Есенина – тоска и печаль, сон и грезы.

В качестве одного из доминантных признаков идиостиля Есенина Е. А. Некрасова отмечает ориентированность «на отражение реалий деревенского мира» [1995, с. 397]. Помимо изображения деревенского пейзажа России в его поэзии, при персонификации многие контексты образно описывают действия, характерные для крестьянского деревенского быта (см. выше). Этой же доминанте подчинены и контексты с изображениями одежды персонифицированных реалий: *порты*, *сарафан* и т. д.: «Где пляшет, сняв *порты*, Златоколенный дождь» (1917), «Я навеки за туманы и росы Полюбил у березки стан, И ее золотистые косы, И холщовый ее *сарафан*» (1925). Сюда же относятся просторечные обозначения – образы сравнения олицетворяющих тропов, например указанные выше *на закорки*, *под микитки*.

Предложенная в данной работе модель описания персонифицирующих метафор и сравнений может стать основой сравнительного изучения образной картины мира разных художников слова.

Список литературы:

- Аmineva T. A.* Олицетворение в поэтических произведениях С. А. Есенина и способы его передачи на немецкий язык // Фундаментальные исследования. 2014. №12. С. 402-406.
- Есенин С.* Собрание сочинений в 5 томах. Тт. 1-3. М.: Художественная литература, 1961.
- Константинова С. К.* Олицетворение в художественном тексте: Семантические и грамматические аспекты. Дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 1996. 223 с.
- Некрасова Е. А.* Олицетворение в идиостиле (функциональный аспект) // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М.: Наука, 1994. С. 54-104.
- Некрасова Е. А.* Сергей Есенин // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. М.: Наука, 1995. С. 396-448.
- Степанченко И. И.* Поэтический язык Сергея Есенина (анализ лексики). Харьков: ХГПИ, 1991. 189 с.
- Туралина Н.* Словарь образных средств Александра Блока, Сергея Есенина и Владимира Маяковского. — Москва — Белгород, 2009. 174 с.
- Туралина Н. А., Биль О. Н.* Олицетворение как средство персонификации космического пространства в поэзии начала XX в. // Вестник РУДН, серия Лингвистика. 2012. № 4. С. 73-79.
- Эпштейн М. Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

References:

- Amineva T. A.* Olitsetvorenje v poehticheskikh proizvedeniyakh S. A. Esenina i sposoby ego peredachi na nemetskii yazyk [Personification in the poetry of S A Esenin and ways of its translation into German]. Fundamental'nye issledovaniya. 2014. №12. P 402-406. (In Russ.).
- Esenin S.* Sbranie sochinenii v 5 tomakh [Collected works in 5 volumes]. Vol. 1-3. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1961. (In Russ.).
- Konstantinova S. K.* Olitsetvorenje v khudozhestvennom tekste: Semanticheskie i grammaticheskie aspekty. Diss. ... kand. filol. nauk [Personification in a literary text: Semantic and grammatical aspects. Cand. diss.]. Belgorod, 1996. 223 p. (In Russ.).
- Nekrasova E. A.* Olitsetvorenje v idiosstile (funktsional'nyi aspekt) [Personification in idiostyle (functional aspect)]. Ocherki istorii yazyka russkoi poehzii XX veka. Tropy v individual'nom stile i poehticheskom

yazyke [Essays on the history of the language of the twentieth century Russian poetry. Tropes in an individual style and poetic language]. Moscow: Nauka, 1994. Pp. 54-104. (In Russ.).

Nekrasova E. A. Sergei Esenin [Sergei Esenin]. Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka. Opyty opisaniya idiostilei [Essays on the history of the language of the twentieth century Russian poetry. Description of idiostyles]. Moscow: Nauka, 1995. Pp. 396-448.

Stepanchenko I. I. Poehticheskii yazyk Sergeya Esenina (analiz leksiki) [Poetic language of Sergei Esenin (analysis of vocabulary)]. Khar'kov: Kharkov State Pedagogical Institute, 1991. 189 p.

Turanina N. Slovar' obraznykh sredstv Aleksandra Bloka, Sergeya Esenina i Vladimira Mayakovskogo [A dictionary of figurative means of Alexander Blok, Sergei Esenin and Vladimir Mayakovsky]. Moscow; Belgorod, 2009. 174 p.

Turanina N. A., Bil' O. N. Olitsetvorenie kak sredstvo personifikatsii kosmicheskogo prostranstva v poezii nachala XX v. [Personification of cosmic space in the poetry of the early twentieth century]. Vestnik RUDN, ser. Linguistics. 2012. № 4, pp. 73-79.

Ehpshtein M. N. «Priroda, mir, tainik vselennoi...»: Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii [«My world, my universe, my nature...»: A system of landscape images in the Russian poetry]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. 303 p.

Трубина Ольга Борисовна
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва (Россия)

Trubina Olga
Russian State University for the Humanities
Moscow (Russia)

**О ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ СТИХОТВОРЕНИЯ С. ЕСЕНИНА
«НЕ НАПРАСНО ДУЛИ ВЕТРЫ»**

**ABOUT TRANSLATION RECEPTION OF THE POEM S. ESENIN
«НЕ НАПРАСНО ДУЛИ ВЕТРЫ»**

В статье автор рассматривает творчество С. Есенина на примере одного стихотворения «Не напрасно ветры дули» с точки зрения переводческой рецепции. В статье сравниваются два перевода стихотворения с русского языка на итальянский язык, выполненные Angelo Maria Ripellino и Giovanni Belussi совместно с автором статьи. При этом анализируются особенности творческого почерка С. Есенина, актуальные для перевода, предлагаются «переводческие решения» для трансляции поэтического текста. Актуальность исследования определена необходимостью обновления и расширения источниковедческой базы современного есениноведения, а также исследовательской основы отечественной компаративистики.

Resume: In the article, the author considers S. Esenin's work on the example of one poem “Не напрасно ветры дули” from the point of view of translation reception. The article compares two translations of a poem from Russian into Italian, made by Angelo Maria Ripellino and Giovanni Belussi together with the author of the article. At the same time, the features of S. Esenin's creative style that are relevant for translation are analyzed, and “translation solutions” for translating a poetic text are offered. The relevance of the study is determined by the need to update and expand the source study base of modern Yeseninology, as well as the research basis of Russian comparative studies.

Ключевые слова: Есенин; поэзия; Италия; рецепция; переводы; авторский стиль.

Key words: Yesenin; poetry; Italy; reception; translations; author's style.

Как известно, первые упоминания имени С. Есенина за рубежом относятся к 1918–1920 гг. В начале 20 века С. Есенин стал известен не только в России, но и в Европе, Америке, в Японии и Китае. При жизни поэта его стихи переводились на разные языки: на немецкий, английский, французский, итальянский, японский, польский, болгарский, чешский, словацкий, сербскохорватский, а также на идиш, латышский, армянский, грузинский, украинский, белорусский языки. Всего более чем на 17 языков. Исследователи творчества поэта отмечают, что более ста произведений С. Есенина были переведены на иностранные языки еще при жизни поэта. При всей ярко выраженной национальной природе своего поэтического дарования С. Есенин близок и понятен читателям – носителям иной ментальности, иной культуры, иных традиции и другой веры. С. Есенина называли «Дон Кихот деревни и берёзы», «московский Франсуа Вийон», «Русский Моцарт», «российский Верхарн», «советский Мюссе» ... Ф. Дивуар пишет о нем как о поэте, «струящим подлинную поэзию, ту, что исходит из почвы, из обычаев, из зова предков. <...> Маленькая пьеса «Пугачёв», которая идёт после стихотворений, особенно ценна пылом

диалога и (местами) своими светотенями в духе Метерлинка». (Рецензия Ф. Дивуара на книгу Есенина (подпись: Les Treize) из парижской газеты L'Intransigeant).¹³⁵

Известен С. Есенин и в Италии, русскую поэзию в этой стране любят, изучают и активно переводят. По числу публикаций русских писателей и поэтов Италия не отстаёт от других европейских стран. Интерес к русской культуре, и литературе в частности, обусловлен работой итальянских переводчиков-славистов, таких как: Дж. Чамполи, Дж. Унгаретти, Э. Ло Гатто, Р. Кюфферле, Т. Ландольфи, Р. Поджиоли, Дж. Буттафава, А.М. Рипеллино и С. Витале и многих других.

Современные подходы к изучению творчества С. Есенина в России и за рубежом разнообразны: произведения поэта подвергаются и дискурсивному, и структурному, и статистическому, и другим видам анализа. Многие исследователи творчества поэта применяют авторские методы, рассматривая есенинскую лирику. Стремление к использованию новых методов при изучении творчества поэта, его произведений и индивидуального стиля С. Есенина является характерной чертой современного есениноведения.

Стихотворение «Не напрасно дули ветры» относится к первому этапу творческого пути С. Есенина, в это время молодой поэт только пытался делать первые шаги в творчестве. Написано оно в 1917 году. Композиционная структура произведения состоит из пяти катренов, объединенных перекрестной рифмой, точной и неточной. Написано стихотворение четырехстопным хореем, что характерно для многих произведений С. Есенина. Сравним два варианта перевода:

Не напрасно дули ветры

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

Все в них благостно и свято,

Non invano i venti hanno soffiato,
non invano ha infuriato la tempesta.
Qualcuno, misterioso, di calma luce
ha imbevuto i miei occhi.

Qualcuno con tenerezza primaverile
nella nebbia turchina ha placato
la mia malinconia per un'arcana e
bellissima
terra straniera.

Non mi opprime il latteo silenzio,
non mi turba la paura delle stelle.
Io amo il mondo e l'eterno
come il natio focolare.

¹³⁵ Цитируется по Шубникова-Гусева Н. Литературная газета №39 (6340) (2011-10-05)

Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

Сергей Александрович Есенин

Tutto in essi è benevolo e santo,
tutto ciò che turba è luminoso.
Il papavero scarlato del tramonto
guazza sul vetro del lago.

E senza volerlo nel mare di grano
un'immagine scatta dalla lingua:
il cielo che ha figliato
lecca il suo rosso vitello.

Перевод Angelo Maria Ripellino

Наш вариант перевода:

Не напрасно дули ветры,
Не напрасно шла гроза.
Кто-то тайный тихим светом
Напоил мои глаза.

С чьей-то ласковости вешней
Отгустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

Не гнетет немая млечность,
Не тревожит звездный страх.
Полюбил я мир и вечность,
Как родительский очаг.

Все в них благостно и свято,
Все тревожное светло.
Плещет рдяный мак заката
На озерное стекло.

И невольно в море хлеба
Рвется образ с языка:
Отелившееся небо
Лижет красного телка.

С. Есенин

Non invano soffiavano i venti,
Non invano infuriava la tempesta.
Qualcuno misterioso, di luce silenziosa
mi imbeveva gli occhi.

Con certa primaverile carezzevolezza
mi placavo nelle tenebre blu. Per
la splendida, ma estranea,
impenetrabile terra.

Non mi opprime la muta latteosità,
non mi turba lo sgomento delle stelle.
Amavo la pace e l'eterno
come il focolare paterno.

Tutto è in loro benefico e divino,
tutto l'inquietante è luminoso. Si
spande il papavero scarlato del tramonto
sullo specchio del lago.

E involontaria, nel mare di grano
si strappa dalla lingua una sagoma:
il cielo sgravatosi
lecca la rossa giovenca.

Дж. Белусси. О.Трубина

Первая фраза: *Не напрасно дули ветры, / Не напрасно шла гроза...* буквально может переводиться следующим образом: *I venti non hanno soffiato (soffiavano) invano, un temporale non è andato (andava) invano.* Обращает внимание переводчика форма глагола: *hanno soffiato /soffiavano* (passato prossimo / tempo imperfetto). На наш взгляд, уместнее, с точки зрения грамматической точности, употребление формы *soffiavano*, поддерживающей значение постоянного / неоднократного действия, что соответствует значению глагола несовершенного вида русского глагола дуть. В дальнейшем мы будем придерживаться этой

позиции при переводе текста стихотворения. Кроме того, была необходимость сделать выбор между двумя возможными глаголами: *spirare* и *soffiare*.

Итальянское слово *spirare* имеет значение: *дуть; скончаться; веять; исходить* (о запахе); *умирать; истекать; кончаться* (о сроке); *издавать, испускать* (о запахе); *испустить дух и вдохновлять* (книжное), *вдыхать* (поэтическое).¹³⁶ В своем словаре В. Ковалев указывает у глагола *spirare* как первое (основное) значение – *дуть (о ветре)* и дает синоним *soffiare*. Глагол *soffiare* можно переводить следующими русскими глаголами: *дуть, сопеть, пыхтеть, шипеть, фыркать, задуть, выдувать, раздувать*.¹³⁷ Наш выбор – *soffiavano*, он обусловлен не только семантически, но и благозвучностью слова.

В своем тексте С. Есенин употребил выражение *шла гроза*. В русском языке это устойчивое выражение, имеющее нейтральную эмоциональную окраску. В своем варианте перевода мы транслировали его с помощью глагола *infuriare*, который имеет значение *приходить в бешенство, свирепствовать*¹³⁸, что, на наш взгляд, «усиливает эмоциональный смысл» высказывания. Такое решение мы видим и в тексте перевода Angelo Maria Ripellino. Таким образом, первая фраза переведена нами: *Non invano soffiavano i venti, non invano infuriava la tempesta*. Кроме того, важно отметить, что в данном варианте перевода сохранена авторская инверсия.

Во второй фразе первой строфы представлен разный вариант перевода выражения *тихим светом*: *di calma luce* (перевод А. Ripellino) и *di luce silenziosa* (наш вариант перевода), по-разному переведен атрибут *тихий*.

Итальянское слово *calma* имеет следующее значение: *спокойный, тихий, безветренный, хладнокровный, silenziosa – молчаливый, тихий спокойный, безмолвный*.¹³⁹ Наш выбор обоснован не только значением слова, но и возможностью построения внутренней рифмы: *silenziosa – misterioso*.

Во второй строфе интерес представляет перевод выражения *в синей мгле*: *nella nebbia turchina* (вариант итальянского переводчика) и *nella tenebre blu*. Итальянское слово *nebbia* можно перевести как *туман, туманность, неясность (перен.)*; слово *turchina* —

¹³⁶ Арефьев Л.В. Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticheskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020).

¹³⁷ Dizionario russo – italiano, italiano – russo. Di V. Kovalev. 6 ed. Bologna: Zanichelli, 2007. P. 2432.].

¹³⁸ Арефьев Л.В. Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticheskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020).

¹³⁹ Арефьев Л.В. Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticheskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020).

бирюзовый, синий, темно-синий.¹⁴⁰ Русское слово *мгла* имеет следующее значение: **МГЛА**, -ы; ж. 1. Пелена тумана, пыли, дыма и т.п. Снежная, туманная м. Покрыться мглой. М. рассеялась. 2. Сумрак, темнота. Вечерняя м. Скрыться во мгле. * На холмах Грузии лежит ночная мгла (Пушкин). 3. Книжн. О том, что мало известно в прошлом, неясно предполагается в будущем и т.п. Заглянуть во мглу веков. * Грядущие годы таятся во мгле (Пушкин)¹⁴¹. То есть, у слова *nebbia* есть значение *сумрак, темнота*, но первое значение — *туман*, что семантически «осложняет» итальянский текст, кроме того, слово *туман* в русском языке имеет дополнительные ассоциативные связи. Наш вариант перевода этого выражения — *tenebre blu*, который, на наш взгляд, ближе к значению оригинального текста, а также он окрашен экспрессивно за счет аллитерации (*tenebre blu*). Русское слово *отгрустить* (*отгрустить* - 1. перестать грустить¹⁴²) не имеет прямого однословного аналога в итальянском языке, итальянский переводчик использует выражение *ha placato la mia malinconia* (буквально: *успокоил мою грусть (тоску, печаль)*). Но, на наш взгляд, оно отражает концепт, несколько отличный от оригинального. Мы решили искать другое переводческое решение: не пытаться перевести слово буквально, а «перевести смысл» метафорически, использовали слово *placarsi* (*успокоиться, смириться, утихнуть (о ветре, о боли)*). Другое выражение, которое требует особого внимания переводчика, — *нездешняя земля*. Первое очевидное решение — *terra straniera* (буквально: *иностранная земля*). Таков выбор итальянского переводчика. Есть и другое решение — *estranea* (*чужеродный, удаленный*)¹⁴³, но и в этом случае «неизбежны потери смысла». Русское слово *нездешний* имеет значения: **НЕЗДЕШНИЙ**, -я, -ее. 1. Разг. Не проживающий, не родившийся в данной местности; приезжий. Н. человек. Учительница была нездешней. // Не относящийся к данной местности; чужой. Н-ие обычаи. 2. Трад. -поэт. Неземной, потусторонний. Н-ие звуки. Н-ие муки, страдания. Н-яя любовь.¹⁴⁴ В поэтическом тексте варианты перевода (*terra*) *straniera* и (*terra*) *estranea*, на наш взгляд, не передают всего смысла русского выражения.

¹⁴⁰ Арефьев Л.В. Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticheskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁴¹ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка: [БТС: А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2004, 1534 с.

¹⁴² Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный. - М.: Рус. яз. 2000. - в 2 т. - 1209 с.

¹⁴³ Арефьев Л.В. Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticheskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁴⁴ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка: [БТС: А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2004, 1534 с.

В третьей строфе интересно для перевода выражение *немая млечность*. Вполне возможен, на наш взгляд, его окказиональный характер и отсылка к выражению *Млечный Путь*, имеющему стилистическую окраску, при всем этом играет свою важную роль и соотношение слов *млечный* — *молочный*. В своем переводе мы хотели, по возможности, сохранить все эти смыслы. В своем переводе стихотворения *Angelo Maria Ripellino* употребил выражение *il latteo silenzio*, которое буквально можно перевести как *молочная тишина (молочное безмолвие)*. В итальянском языке есть аналог русского слова *молочный* — *latteo* и слово *lattiginoso* — 1. *подобный молоку*, 2. *бот. выделяющий млечный сок*. Астрономический термин *Млечный Путь* в итальянском языке не построен на той же метафорической основе, в этом значении используется слово *galassia*.¹⁴⁵ Мы стремились в своем переводе подчеркнуть окказиональную основу русского выражения и использовали слово *latteosita`*, построенное по продуктивной модели итальянского языка, соотносимой с русской словообразовательной моделью: *молоко* — *молочность (млечность)* / *latteo* — *latteosita`*. При этом мы отказались от буквального варианта перевода *Via Lattea (Млечный Путь)*. Выражение *Не тревожит звездный страх* итальянский переводчик транслирует практически буквально: *non mi turba la paura delle stelle*. Но при этом стоит отметить, что атрибутивный оборот он переводит как именное выражение: *la paura delle stelle*. Наш вариант перевода: *non mi turba lo sgomento delle stele* также содержит именное выражение, что обусловлено требованиями сохранения ритмической структуры текста. Но мы в своем переводе использовали слово *sgomento*, имеющее значение *испуг, смятение, ужас, замешательство*. Итальянское слово *paura* имеет значение *боязнь, страх*, то есть описывается в первую очередь физическое состояние человека.¹⁴⁶

Во фразе *Полюбил мир и вечность, как родительский очаг* для переводчика важно адекватно перевести русское слово *мир*. Как известно, в русском языке существуют омонимы: *мир*: 1. **МИР**, -а; мн. миры, -ов; м. 1. Совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве; Вселенная. Происхождение мира. 2. Отдельная часть Вселенной; планета. Далёкие звёздные миры. Изучать марсианский мир. 3. Земной шар, Земля со всем существующим на ней. Объехать половину мира. Страны мира. Чемпион мира. Лучший в мире бамбук. Самое большое животное мира. 4. Всё, реально существующее на Земле, проявляющееся в её жизни. Весь мир засверкал под лучами

¹⁴⁵ *Арефьев Л.В.* Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticheskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.202)

¹⁴⁶ *Арефьев Л.В.* Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticheskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020).

солнца. Не дать погибнуть миру на Земле. 5. обычно с опр. Человеческое общество как единство, характеризуемое определённым общественным строем, культурными и социально-историческими признаками. Античный мир. Капиталистический мир. Весь мир выступает против войны. Цивилизованный мир. 6. Окружающее кого-л. общество; люди. Известный в мире человек. ... 7. чего или с опр. Область, сфера деятельности людей. Вступить в мир искусства. Успешно работать в мире юриспруденции. Сделать что-л. достоянием научного мира. 8. Устар. Сельская община; члены этой общины. Принять в мир. Землёй распорядился мир. ... 9. По религиозным представлениям: всё, что создано Богом. Мир Божий. И **2. МИР**, -а; м. 1. Согласие, отсутствие разногласий, вражды или ссоры. Жить в мире. 2. Отсутствие войны, вооружённых действий между государствами; согласное сосуществование государств, народов. Борьба народов за мир. Проводить политику мира. ... 3. Соглашение между воюющими сторонами об окончательном прекращении военных действий; мирный договор. Заключить мир. ... 4. Покой, спокойствие. Наступил душевный мир у кого-л. Устав от суеты, желать мира.¹⁴⁷

В итальянском языке для каждого из этих слов-омонимов есть свой эквивалент: *mondo* (вселенная, мир, свет, среда, общество) и *pace* (мир, покой, согласие, примирение, смирение).¹⁴⁸ На наш взгляд, в контексте произведения С. Есенина возможны оба варианта перевода: и *mondo*, и *pace*, но, в первую очередь, нужно иметь в виду, что в стихотворении описывается психологическое состояние лирического героя и его эмоциональное восприятие окружающего (...*все в них благостно и свято*...), с этим точнее, на наш взгляд, коррелирует слово *pace*. При этом нужно отметить, что в решение итальянского переводчика (*mondo*) также есть и «переводческая логика», и «поэтический смысл».

В первой фразе третьей строфы *Все в них благостно и свято, / Все тревожное светло* особого внимания переводчика требует слово *благостно*: оно отражает важный для текста концепт, занимающий особое место в картине мира, которую описывает поэт. Практически буквальный перевод этого слова не возможен, на наш взгляд, но при этом можно использовать слова: *piacevole, benevolo*. *Angelo Maria Ripellino остановился на варианте benevolo. (благосклонный, благожелательный)*. Наш вариант перевода: *benefice*

¹⁴⁷ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка: [БТС: А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2004, 1534 с.

¹⁴⁸ Арефьев Л.В. Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticheskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020).

(*благотворный, благодетельный*),¹⁴⁹ в этом случае, по нашему мнению, создается более сложный и глубокий поэтический образ. Выражение *все тревожное (светло)* итальянский переводчик транслирует следующим образом: *tutto ciò che turba*, буквально: *все (это), что тревожит (мешает)*, он использовал глагол *turbare* — *мешать, волновать, смущать, тревожить*.... Наш вариант: *tutto l'inquietante è luminoso* (буквально: *все тревожное светло*), мы использовали именную форму.¹⁵⁰ Во-первых, это грамматически ближе к оригинальному тексту, во-вторых значение слова *l'inquietante* точнее передает смысл русского слова (*l'inquietante* — *тревожное, беспокоящее*), и, в-третьих, мы избегаем повтора слова *turba*.

Фразу *Плещет рдяный мак заката/ на озерное стекло* мы перевели как *Si spande il paravero scarlatto del tramonto /sullo specchio del lago*. Вариант *Angelo Maria Ripellino: Il paravero scarlatto del tramonto/guazza sul vetro del lago*. В своем переводе мы сохранили авторскую инверсию. Слово *плещет* мы перевели как *si spande*: *разливать(ся), проливать(ся), разбрасывать(ся), расширять(ся), распускаться, растрачиваться, растекаться, распространяться*.¹⁵¹ На наш взгляд, это сохраняет образность оригинального текста.

В последней строфе стихотворения мы видим метафору *в море хлеба*, она «интернациональна», и возможно ее буквальное «прочтение» — *nel mare di grano*, русский фразеологический оборот *сорвалось с языка* трансформируется в тексте С. Есенина в выражение *рвется образ с языка*. В итальянском языке существует аналогичный фразеологический оборот *mi è sfuggito di bocca или mi è scappato di dire*. Такой «прямолинейный» перевод для стихотворного текста кажется стилистически и поэтически не оправданным. Итальянское слово *strappare* имеет значение *рваться, сорваться*.¹⁵² Использование этого слова дополнительно подчеркивает самопроизвольный характер действия (*рвется*) и его неудержимую силу, хорошо «поддерживает» метафору рождения (*отелившееся небо*). То есть, *si strappa dalla lingua* — практически дословный перевод русского устойчивого русского выражения, но без использования стилистически

¹⁴⁹ *Арефьев Л.В.* Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticheskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁵⁰ *Арефьев Л.В.* Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticheskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁵¹ *Арефьев Л.В.* Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticheskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁵² *Арефьев Л.В.* Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticheskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020).

окрашенной сопоставимой идиомы итальянского языка. Вариант *Angelo Maria Ripellino: scatta dalla lingua*. Итальянское слово *scattare* имеет значение *рвануть* и *рвануться* (о неожиданном ускорении), *снимать* (разг.) и *спускать* (воен.).¹⁵³ Но, как известно, русские идиомы (*со)рвать(ся) с языка* и *снять с языка* имеют разное значение. Русское слово *образ* итальянский поэт переводит, используя слово *un'immagine* (*образ*), наш вариант *sagoma*. Итальянское слово *sagoma* имеет значение *силуэт, контур, шаблон* (*sagomare* — *придать форму*),¹⁵⁴ в данном случае переводим, используя метафорическое значение итальянского слова, что «создает определенное смысловое приращение».

Выражение *Отелившееся небо / Лижет красного телка*. мы перевели следующим образом: *il cielo sgravatosi / lecca la rossa giovenca*. Для перевода интересны слова *отелившееся* (*небо*), *телок*, это однокоренные слова, и они поддерживают одну метафору (рождение), но отразить это в переводе трудно. *Angelo Maria Ripellino переводит слово отелиться следующим образом: figliare* — *произвести потомство* (о животных). Наш вариант — *sgravatosi* (*освободиться от тяжести, заботы, бремени*)¹⁵⁵, это слово употребляется в речи и о человеке, и о животном, на наш взгляд, оно хорошо «поддерживает» метафору оригинального текста. Русское слово *телок* итальянский переводчик транслирует так: *vitello* (*теленка, телятина*), мы перевели *giovenca* (*giovenca* – *телка, от лат. iuvenca, der. di iuvenis 'giovane*).¹⁵⁶

Переводить поэзию С. Есенина — отвечать на творческий и профессиональный вызов: его язык «ярко метафоричен», при этом используется много редко употребляющихся, архаичных слов, отражающих национальную русскую картину мира.

Список литературы:

- Арефьев Л.В.* Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticeskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020).
- Гарбовский Н.К.* Русский переводной дискурс: миф или реальность // «Русский язык и культура в зеркале перевода», М., 2012
- Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-образовательный.- М.: Рус. яз. 2000.- в 2 т.
- Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка: [БТС: А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2004.
- Шубникова-Гусева Н.* Литературная газета №39 (6340) (2011-10-05)
- Dizionario russo – italiano, italiano – russo. Di V. Kovalev. 6 ed. Bologna: Zanichelli, 2007. P. 2

¹⁵³ *Арефьев Л.В.* Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticeskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020)

¹⁵⁴ *Арефьев Л.В.* Универсальный итальяно-русский, русско-итальянский словарь с грамматическим приложением, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticeskim-prilozheniem-v-l-arefev> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁵⁵ Dizionario russo – italiano, italiano – russo. Di V. Kovalev. 6 ed. Bologna: Zanichelli, 2007. P. 2432.].

¹⁵⁶ Dizionario russo – italiano, italiano – russo. Di V. Kovalev. 6 ed. Bologna: Zanichelli, 2007. P. 2432.].

References:

- Arefev L.V.* [Universal Italian-Russian, Russian-Italian dictionary with grammatical applications] *Universal'nyi ital'yano-russkii, russko-ital'yanskii slovar' s grammaticheskimi prilozheniyami*, 2013 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000746685-universalnyj-italyanorusskij-russkoitalyanskij-slovar-s-grammaticheskimi-prilozheniyami-v-1-arefev> (data obrashcheniya: 10.02.2020). (In Russian).
- Dizionario russo – italiano, italiano – russo.* [Russian - Italian, Italian - Russian dictionary] Di V. Kovalev. 6 ed. Bologna: Zanichelli, 2007. P. 2432
- Garbovsky N.K.* *Teoriya perevoda* [The Theory of Translation]. 2 izd. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2007. 544 p. (In Russian).
- Efremova T.F.* [The new dictionary of the Russian language. Intelligent and educational]. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyi*. M.: Rus. yaz., 2000.- v 2 t.- 1209 s. (In Russian).
- Kuznetsov S.A.* [Large explanatory dictionary of the Russian language]: (In Russian). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka: [BTS: A-Ya]* / Ros. akad. nauk, In-t lingvist. issled.; gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2004. 1534 s. (In Russian)
- Shubnikova-Guseva N.* [Literary newspaper] *Literaturnaya gazeta* №39 (6340) (2011-10-05) (in Russian)

ЯВЛЕНИЯ ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА В ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

THE MANIFESTATIONS OF YESENIN'S TALENT IN ITALIAN CULTURE

Явление таланта Есенина в итальянской культуре ознаменовано тремя событиями: переводы поэта-«герметика» Унгаретти (1936), ученого-слависта Поджоли (1940) и слависта-поэта Рипеллино (1957): сильное впечатление произвели на итальянского читателя талант поэта, его трагическая судьба, бунтарский дух и первозданное единение с природой. В переводческой практике сложились два разных «видения» рязанского поэта: вольное семантически, но в твердых традиционных формах стиха (Поджоли) и филологически точное в передаче содержания, но в более свободных формах, близких к верлибру (Рипеллино). Именно этот второй вариант, доминирующий до сих пор в итальянской поэтике перевода, резко отличается от формы оригинала, радикально меняет музыкальную сущность есенинского стиха, вызывая иногда неподдельное недоумение у русского итальяниста. Недавно появились попытки в новых переводах (Фет, 2012) - весьма удачных, по мнению специалистов – «примирить» обе тенденции – вольность и точность (Гаспаров), что проявилось в основном в изыскании новых метрических соответствий. В будущем, может быть, и «итальянский» Есенин зазвучит по-новому.

The manifestation of Yesenin's talent in Italian culture is remembered by three events: the three different translations made in order by the Hermetic poet Ungaretti (1936), by the Slavic academic Poggioli (1940) and by the Slavic scholar and poet Ripellino (1957). The poet's talent, his tragic fate, rebellious spirit and primordial unity with nature impressed the Italian reader. In translation practice, two different "visions" of the Ryazan poet took shape: free semantically, but in solid traditional forms of verse (Poggioli) and philologically accurate in the transfer of content, but in more free forms, close to vers libres (Ripellino). It is this second option, which still dominates the Italian poetics of translation, that sharply differs from the form of the original and radically changes the musical essence of Yesenin's verse, causing sometimes genuine bewilderment among the Italian Philology scholars in Russia. Recently, attempts have appeared in new translations (Fet, 2012), which are very successful, according to experts, to "reconcile" both tendencies - poetic license/exactness (Gasparov), which manifested itself mainly in the search for new metric correspondences. In the future, maybe the "Italian" Yesenin will sound in a new way.

Ключевые слова: вольность/точность; одомашнивающий/очуждающий перевод; твердые формы стиха /верлибр; метр и смысл.

Key words: poetic license/exactness; domestication/ foreignization; forms fixes/vers libres; metre and sense.

Первое появление Сергея Есенина в итальянской культуре – несомненно – явление, произошедшее в 1936 г., когда итальянский поэт (1888 года рождения, а значит ровесник русского) Джузеппе Унгаретти включил две поэмы «Сорокоуст» и «Кобыльи корабли» в тонкую книжицу, похожую скорее на тетрадь, под названием «Traduzioni», которая вышла в римском издательстве Novissima Officina grafica в 1936 году. В сборник вошли также его поэтические переложения таких поэтов, как Сен-Жон Перс, Уильям Блейк, Луис де Гонгора, Жан Полан. Вот что вспоминает по этому поводу его более молодой современник поэт Джорджо Капрони в интервью известной итальянской русистке Серене Витале, которая включила его в предисловие к очередной книге стихов Есенина, вышедшей в издательстве Гуанда под её редакцией в 1977 году: «В 1936 г. мне было 24 года. И я был

полностью под впечатлением от сборников Джузеппе Унгаретти «*Allegria di naufragi*» («Радость кораблекрушений») и «*Sentimento del tempo*» («Чувство времени»), которые уже в 1933 г. были переплетены вместе, я носил их в походной сумке во время военной службы среди немногих других книг, которые в сумке помещались, иначе она бы слишком разбухла. И поэтому мой первый Есенин – это «герметический» Есенин: [...] и этим мы обязаны поэту, кого сегодня назвали бы представителем «герметизма». Именно таким Есенин стал частью меня самого (как в общем и многих других молодых людей моего века) – с первого настоящего «открытия» в Италии рязанского поэта, который вошел – благодаря переводу Унгаретти – в живое течение нашей тогдашней поэзии». [Caproni...].

Сам Унгаретти в предисловии пишет о том, что в переводах ставит перед собой ученические цели: упражнение ради совершенствования в поэтическом мастерстве; в том, же что касается русского поэта, то - «я захотел перевести две поэмы Есенина, чтобы понять причину сопротивления деревенских масс советской власти. В действительности этим переводом я обязан друзьям Мари Милославски (Мария Милославская) и Францу Элленсу. В 1922 г. Элленс жил в Париже, поддерживая с Есениным дружеские отношения, и от него самого получил ценнейшие соображения о его поэтическом искусстве. Мари Милославски и Франц Элленс предоставили мне точный дословный перевод, на основании которого я и работал» [Ungaretti, 3].

Как бы ни казалось парадоксальным, но именно вариант Унгаретти, созданный через французский посредник, произвел необыкновенный эффект в ту пору в Италии. Из произведений Есенина Унгаретти выбрал «Сорокоуста» и «Кобыльи корабли», которые соответственно в переводе стали называться «*Requiem*» и «*Le navi delle cavalle*». «Два «безумных» текста (такими она тогда показались мне, и поэтому тогда меня покорили), - цитирую опять Джорджо Капрони, - «которые тогда уже были на волне будущего. Есенина я до сих пор знаю только на языке Унгаретти, [...] потому что ни один другой перевод, на который я потом наталкивался – даже более близкий к оригиналу - не сумел передать силу той музыки. ... Повторяю, я не знаю русского языка, и поэтому не могу сверить перевод с оригиналом. Но тогда произошло настоящее «слияние» обоих поэтов, и именно тогда Есенин приобрел почетное гражданство в Италии.» [Caproni, 138].

Вот знакомый нам всем эпизод о красногривом жеребенке – в оригинале и в итальянском переводе: (Три текста полностью приводятся в приложении 1).

Видели ли вы,
Как бежит по степям,
согге
В туманах озерных кроась,

Avete visto nelle steppe,
Nella nebbia dei laghi come
Il grosso treno sopra le sue zampe,

Железной ноздрей храпя,
 На лапах чугунных поездов?
 А за ним
 По большой траве,
 Как на празднике отчаянных гонок,
 testa,
 Тонкие ноги закидывая к голове,
 Скачет красногривый жеребенок?
 Милый, милый, смешной дуралей,
 Ну куда он, куда он гонится?
 vinto
 Неужель он не знает, что живых коней
 Победила стальная конница?
 Неужель он не знает, что в полях бессиянных
 Той поры не вернет его бег,
 Petschnech
 Когда пару красивых степных россиянок
 Отдавал за коня печенег?

Come sbuffa al ferro delle sue froge,
 Come dopo di lui, sulle erbe grasse
 Un cavallino di criniera rossa
 Rimandandosi disperato
 Le gambe gracili intorno alla

 Va di galoppo? Scemerello,
 O caro, caro e buffo,
 Perché corre? Non sa
 Che la cavalleria d'acciaio ha

 I cavalli di carne?
 Non sa che la sua corsa
 Nei campi senza luce
 Non rammenta più i tempi di

 Dava due belle donne della steppa
 Per un cavallo?

Тщательное сравнение трех текстов выполнил итальянский исследователь и переводчик русской литературы Иджинио Де Лука. Подчеркивая исключительную верность оригиналу французских переводчиков, он заметил у Унгаретти самобытные решения ритмического характера, весьма отдаляющие его от оригинала, поскольку тот ставил себе целью создание самостоятельного произведения: «нельзя не заметить вкус и стремление к литературному слогу (но иногда и к обычной и прозаической лексике...; ритмическую и синтаксическую фрагментацию строки, мучительные инверсии ...». Игра чисто звуковых элементов становится нескончаемой. К примеру, в итальянском варианте французский стих, точно следующий порядку слов оригинала, намеренно изломан так, чтобы ясно выделить насыщенные драматической силой слова «в полях бессиянных». Семантическая замена «CAVALLI DI CARNE - КОНИ ИЗ ПЛОТИ» вместо «ЖИВЫЕ КОНИ – CHEVAUX VIVANTS – CAVALLI VIVI» обусловлена единством ассонансов CAR – COR, что позволяет собрать в едином консонантизме CORSA – СКАЧЕТ, CARNE – ЖИЗНЬ и CARO- НЕЖНОСТЬ. Все это сливается в единое чувство ностальгии, которым пронизана вся поэма. Ему отвечает и аллитерация CAVALLI – КОНИ, CAVALLERIA – КОННИЦА, CAMPI – ПОЛЯ, тонко замечает французский литературовед Изабель Виоланте Павон [Vionate Pavon,95]. Есенинскому дольнику соответствует в итальянском переложении вольное сочетание девяти- и семисложников.

Поразительно, как смог найти Унгаретти, - по всей вероятности, не зная и не слыша музыки русского оригинала, такое изумительное слово – выудив его по наитию из богатейшего тосканского наречия – как SCEMERELLO – для ласкового, ироничного и трогательного МИЛЫЙ МИЛЫЙ СМЕШНОЙ ДУРАЛЕЙ! Удивительно еще и потому, что

в тексте-посреднике фигурирует скорее банальное и безликое «*Mais pourquoi le cher, cher sot ridiclue, / pourquoi court-il?*» против: «*Va di galoppo? / Scemerello, /O caro, caro e buffo, /Perché corre?*». Талант итальянского поэта - угадал и сумел мастерски выразить – лексически, синтаксически и просодически - то теплое, обволакивающее весь эпизод чувство – «сильное и первозданное, если уж не первобытное – довольно редкое в интеллектуальной и, следовательно, аристократической поэзии XX века.» [...], по словам Джорджо Капрони.

Несколько слов о герметизме: в Италии как поэзия и поэтика он появляется в 20-е годы XX века и быстро набирает силу в период между двумя мировыми войнами. Основателями этого движения принято считать Джузеппе Унгаретти и Эудженио Монтале (лауреат Нобелевской премии по литературе 1975 г.). Подобное определение ему впервые дал в уничижительном смысле итальянский критик Франческо Флора в 1936 г.: он резко отрицательно отозвался о затемненности смысла и недоступности для понимания читателем стихов новых поэтов. Свой очерк он так и назвал «Герметическая поэзия», ссылаясь на герметическую традицию, восходящую к почитанию синкретического божества Тотта-Гермеса Трисмегиста (Трижды величайшего), автора эзотерических трактатов и магических книг, лежащих в основе многих иррациональных течений. Герметическая поэзия в Италии сложилась в рамках декадентизма, продолжая поэзию французских символистов (Рембо, Малларме, Верлен). Поэты-герметики стремятся к идеалу «чистой свободной поэзии», освобожденной не только от традиционных метрических и риторических форм, но и от каких бы то ни было дидактических или популяризаторских целей.

Центральной темой герметической поэзии выступает ощущение отчаянного одиночества современного им человека, потерявшего веру в ценности предыдущих эпох. Каждое слово несет в себе интенсивный заряд аллюзии, аналогии и символа. Поэзия стремится к выражению самой сущности: слово лишено логических связей, пунктуации не существует, пробелы и долгие частые паузы являют собой моменты сосредоточенности, молчания, ожидания. В синтаксисе отдается предпочтение паратаксису, и традиционные метры стихосложения разрушаются до основания. В герметической поэзии внушающая сила звука слов так же важна, как и их значение. Очень важно и то, что поэты и переводчики этого «герметического» поколения были широко распахнуты навстречу иностранным литературам, гордились своей эстерофилией, иными словами, были склонны вобрать в себя самые разные зарубежные поэтики (или проникнуться ими). Италия переживала в 30-е годы поистине бум поэтических переводов. Марио Доменикелли отмечает исключительную «потребность в пении, в возврате к пению: есть у поэтов-герметиков общее внимание к

музыкальным и ритмическим факторам; внимание, которое приводит к тому, что их переводы, правильные или неправильные, верные оригинальному смыслу или далекие от него, являют собой исповедание веры в поэзию как универсальный язык и в перевод поэзии как поиск в звуках и ритме, поиск языка, который был бы парадоксально способен выразить то, что в нем умалчивается». [Domenichelli: Niero, 182]

Оговорюсь сразу же: разговор о Есенине дал мне возможность представить в этом выступлении кратчайший обзор – по самым верхам – переводоведческих фактов и свежих, наиболее влиятельных и интересных идей итальянских руссистов, изложенных в печатных трудах, в интернете и в интервью.

Итак, вслед за Джузеппе Унгаретти появились многочисленные переложения Есенина от руки итальянских переводчиков и литературоведов, и русского происхождения. Вот далеко не полный список: Ольга Резневич-Синьорелли, Леоне Пачини Савой, Ренато Поджоли, Анджело Мария Рипеллино, Эридано Баццарелли, Иджинио Де Лука, Бруно Карневали, Серена Витале, Джузеппе П. Самона ... Все они значительно обогатили итальянскую литературу русскими поэтическими традициями XX века, но остановлюсь более подробно на вкладе в поэтику русского перевода флорентийского ученого-русиста Ренато Поджоли (1907-1963). В 1929 г. он окончил, вместе с Томмазо Ландольфи, Флорентийский университет, где учился у замечательного петербургского историка-медиевиста Николая Оттокара. Его сборники «La violetta notturna» («Ночная фиалка») Есенин 1933, первое ядро будущей антологии «Il fiore del verso russo» («Цвет русского стиха») Эйнауди, Турин 1949 – «настоящие события в итальянской культуре. ... Они открывают новый период в переводах с русского языка: отдается большее внимание исходному тексту, а именно его стилистическим, часто в урон семантическим, особенностям» [Garzonio]. Автор представляет итальянскому читателю 20 поэтов – от Бальмонта до Цветаевой. А в предисловии – настоящем очерке о русской поэзии - заявляет о своем «избранном сродстве» с Блоком и Есениным. В переложении «Инонии», «Кобьльких кораблей», «Сорокоуста» и «Пугачева», и еще 9 лирических стихотворений Поджоли стремится к воспроизведению его во всей стилистической полноте.

Именно на стилистическом уровне (цитирую Алессандро Ньеро, профессора Болонского университета) складывается - «самая заметная асимметрия между русским и итальянским текстом», [Niero, 231] вообще и, в частности, в отношении «музыки стиха», глубинной мелодичности, исконно русской песенности поэзии Есенина возникают наиболее явные расхождения между двумя поэтиками и вырисовывается контраст между тенденцией к очуждающему переводу и одомашниванию исходного текста. Поджоли ищет соответствия между русскими и итальянскими метрами, такими как одиннадцатисложник,

девяти-, семи- и шестисложник в свободном перемежении, verso martelliano - итальянский александрийский стих из 14 слогов, и др., перечитывает русскую поэзию через призму поэтического стиля Италии начала XX века, где явно слышны отзвуки поэзии Габриэле Д'Аннунцио и так называемых сумеречных поэтов, по мнению профессора Пизанского университета Гардзонио [Garzonio]. И Есенин, поэт русского революционного авангарда, бунтарь и певец народа и русской деревни, предстаёт в чуждом метрическом облачении, уже сданном в архив у себя на родине.

В приложении, для сравнения с переводом Унгаретти, привожу вариант Поджоли того же самого отрывка из «Сорокоуста». Становится явно и то, что подобный подход выливается в крайнюю вольность в передаче смыслового содержания исходного текста, если пользоваться общеизвестной терминологией М.Л. Гаспарова, точность приносится в жертву вольности [Гаспаров].

Алессандро Ньеро замечает, что «операция, произведенная Поджоли, очень похожа на весьма распространенную и «институционализованную» прежде всего в России деятельность тех, кто выражает свою творческую энергию во «вторичном» (только в хронологическом смысле) и «производном» (не обязательно в качественном отношении) секторе, таком как перевод ..., используя так называемый подстрочник... Это весьма престижная ипостась, обладающая полным художественным и профессиональным признанием в русском и русском-советском ареале, даже если эта профессиональная фигура не находит соответствия в итальянской действительности».

Судя о творчестве Ренато Поджоли на расстоянии более чем полувека, Ньеро считает, что «...несомненно чрезмерны – выходят далеко за приемлемые сегодня пределы – те поэтические вольности, которые Поджоли позволял себе на семантическом уровне. В настоящее время кажется немислимым так бесцеремонно удаляться от точности» оригинала. «Флорентийский славист ... издал историческую и весьма ценную антологию идейно завершает, в свое время открыв его, определенный период, предоставляя читателю последнее крупное собрание относительно вольных переложений» [Niero, 74].

При последующем исключительно скором росте славистики подобные явные отступления от оригинала больше не появляются; а скорее наоборот, наблюдается склонность к противоположной крайности: в жертву филологической точности приносится та самая поэтическая, формальная ипостась, которая и создает музыку стиха. Однако, итальянская руссистика не прерывает поиска точек соприкосновения двух традиционных систем стихосложения: так, руссист Микеле Колуччи почти 50 лет спустя, создал общую сравнительную таблицу итальянских и русских стихотворных метров [Niero, 139].

В послевоенные годы появляется и завоевывает признание молодой славист и переводчик Анджело Мария Рипеллино (1923 - 1978), которому итальянский читатель обязан новым открытием – а вместе с ним и вся итальянская культурная элита – творчества поэтов Серебряного века и авангарда во всем его разнообразии. Эудженио Монтале подчеркивал, что в переводах Рипеллино становились явными «созвучность с новыми декадентами или герметиками, или пуристами других европейских стран». Итальянский контекст тех лет был ознаменован преобладанием верлибра. [Garzonio].

Благодаря неоспоримому поэтическому таланту Рипеллино (за свою весьма недолгую жизнь – 55 лет – он опубликовал несколько сборников и своих стихотворных опытов) прочно утверждается метод, который можно было бы назвать «поэтическая интерпретация». В этой перспективе уже существовал знаменитый прецедент – переложение Есенина Унгаретти [Garzonio].

Основной труд слависта – «Poesia russa del Novecento», Guanda 1954 («Русская поэзия XX века»): среди 44 поэтов – от Соловьева до Твардовского - Есенин представлен поэмами «Черный человек» и «Русь советская» и еще 16 лирическими стихотворениями, среди которых и «Исповедь хулигана».

Итак, в отличие от своего предшественника, Рипеллино в переводах сознательно избегает рифмы, несмотря на то, что она играет основную роль в оригинале. Он намеренно отказывается от формальных возможностей итальянской традиции – в то время, когда преобладал верлибр, как уже было сказано, она предстает устаревшей, не годится для передачи модернистской и авангардистской стихии русской поэзии начала XX века. Исходя из филологической точности в передаче смысла, автор стремится воссоздать музыку русского метра для итальянского современного слуха, изыскивая в естественной гармоничности и мелодичности итальянского языка, до конца исчерпанной веками стихосложения в рамках жестких канонов, новые возможности, которые предоставляют ему освобожденный ритм и утонченная игра ассонансов и аллитераций, необычный сложный синтаксис, лексические изыскания во всей многогранности родного языка: от старинных, вышедших из употребления слов, до экспрессивных диалектальных находок. Создается неявная на первый взгляд, но внятная музыка, чтобы услышать которую нужно сделать усилие, охватив все сложное единство произведения во всех его составляющих. Лишь иногда Рипеллино уступает традиции и обращается к главному итальянскому метру – одиннадцатисложнику (а иногда и семи- и шестисложнику) – но трактуя их чрезвычайно вольно, в зависимости от переводимого поэта, явно отступая от этого размера и используя его скорее как «метрический фон», в качестве своеобразного ориентира (это действительно в отношении поэзии футуристов и подобных экспериментаторов в поэтике). В приложении

– два варианта перевода Поджоли и Рипеллино - есенинского «Я последний поэт деревни...». В дальнейшем – под почти гипнотизирующим влиянием Учителя – сложилась целая когорта его учеников и адептов, которые до наших дней верны его методу: Серена Витале, Катерина Грациадеи, Стефано Трочини, Клаудиа Скандура ...

Как ни странно, но многими годами позднее – в 1975 году, когда прочно утвердилась противоположная той, что следовал Поджоли, тенденция - поющий автор Анджело Брандуарди включил в свой второй альбом *La luna «Confessioni di un malandrino»* (есенинскую «Исповедь хулигана»), положив на музыку именно вариант флорентийского слависта. И эта песня пользовалась огромным успехом у тогдашней молодежи.

Однако русская лирическая традиция XX века, как пронизательно замечает Алессандро Ньеро, несмотря на радикализм анагарда всех красок и оттенков, так и не оставила позади – даже в последние годы – «твердые формы» (в строфическом, метрическом и рифменном смыслах), а напротив, избрала их как отличительный признак своей культурной самобытности [Niero]. Писать ямбом для русского поэта так же естественно, как дышать. Может быть, еще и потому, что русская метрика не так тираннически строга, как итальянская” [Gandolfi: Niero 144], в то время традиционные итальянские формы в приложении к русскому переводу звучат иногда как барабанный бой, монотонно и предсказуемо, производя нежелательное впечатление частушки, детской считалочки или набившей оскомину оперной арии ... Подобное совпадение двух фактов - преобладающий вес верлибра в XX веке в Италии (приучивший слух к тайной мелодии, звучащей без всякой рифменной связи) и консерватизм (в лучшем смысле этого слова) характерных форм русской традиции, живых течение всего XX века – может привести к тому, что русскому переводчику, не знакомому с особенностями и частичной дискразией между итальянской и русской лирико-переводческими традициями, наибольшее количество итальянских переводов до сих пор не перестает казаться «ритмизированной прозой» или чем- то вроде «прозаической амальгамы» [Niero, 178] .

Еще и потому, что как показали блестящие исследования уже упомянутого М.Л.Гаспарова, каждый стихотворный метр имеет для нас, русских, свой, освященный традицией смысл; каждый метр осенен гением того или иного русского поэта, и разорвать эту связь равносильно разрушению высшей гармонии, все равно, что лишить «Божественную комедию» Данте его божественных терцин!

Вот мнение Катерины Грациадеи – ученицы легендарного Рипеллино, профессора – доктора наук Сиенского университета, переводчицы стихов Ходасевича, Анненского, Мандельштама, Бродского и лауреат премии «Лучший переводчик года 2019» за книгу стихов Марины Цветаевой «Лебединый стан» (с авторским предисловием и в переводе на

итальянский язык с параллельным текстом на языке оригинала), вышедшей в том же году в московском издательстве Рудомино:

«В отношении метра и рифмы ... в Италии нет единого мнения. ... Кстати, в итальянской просодии нет односложных знаменательных слов – ни существительных, ни глаголов - с ударением на последнем слоге, и русское чередование мужской и женской рифмы невозможно в итальянском языке, где преобладают слова с ударением на предпоследнем слоге – *parole riane*. Вот только одно из непреодолимых препятствий при рифмованном переводе с русского, если мы хотим избежать впечатления монотонного и устаревшего стиха». И добавляет, что «любой выбор итальянского переводчика подчиняется различию между двумя просодическими системами: русской – силлаботонической и итальянской – силлабической, давно забывшей латинское квантитативное стихосложение» [Graziadei, 403]. «А в переводе поэтов века XX стал примером мой бывший учитель, поэт и литературовед Анджело Мария Рипеллино: в те же самые годы он почти никогда не обращался к рифме, а работал в основном – возможно под влиянием итальянского герметизма – над лексикой и синтаксисом. Вслед за ним я старалась передать ритм - «абсолютное, безраздельное господство ритма», - так заканчивает она данное мне интервью.

Итак, стихия итальянских переводов русской поэзии весьма динамична в описанных выше пределах: достаточно сказать, что за более, чем 150 лет было выполнено 10 переложений «Евгения Онегина» (плюс одно в стадии написания, 2019) - от подстрочного перевода Ло Гатто (дидактического и популяризаторского характера) к функциональному переводу одиннадцатисложником того же автора (1957), вплоть до блестящего варианта в стихах поэта Джованни Джудичи, где пушкинский четырехстопный ямб виртуозно передан вольным итальянским восьмисложником (1974), противовесом которому предстает «переход к прозе», который, вслед за Набоковым, предложила писательница-славист Пия Пера (1996) - и этот постоянный поиск новых возможностей итальянской поэтики перевода далек от завершения. Непроизвольно приходят на ум слова М.Л. Гаспарова: «В каждой развитой культуре классические памятники прошлой литературы должны существовать не в одном, а в нескольких переводах. Каждый перевод, сколь бы он ни был превосходен, проецирует многомерную сложность подлинника на плоскость, делает оригинал упрощенным и представляет его односторонне. ... Старый перевод может остаться памятником переводящей литературы, шедевром ее, но этим он не может закрыть дорогу новым переводам, которые хотят увидеть новое в классическом памятнике». [Гаспаров].

Предлагаются все новые и новые варианты (четыре разных перевода Фета -2012 ; небезынтересен и вариант Ремо Факкани: в 1998 г. он опубликовал книгу своих

переложений Осипа Мандельштама, сопровождая их комментариями по образцу переводов античных авторов); наблюдается стремление к преодолению разрыва между вольностью и точностью при переводе поэзии, к созданию более совершенного согласования «метра и смысла» и в принимающем языке и культуре, раз от разу экспериментируется соотношение между одомашнивающим и очуждающим подходом в разных градациях и разной последовательности. И поскольку последние переложения стихов Есенина восходят в 80-м годам прошлого века - 1981 Самона Есенин Стихи (Samonà Esenin Poesie); 1982 Серена Витале, Есенин Революционные поэмы (Serena Vitale Esenin. Poemi rivoluzionari, Guanda Milano) - остается только пожелать, чтобы новое – талантливое – прочтение было не за горами. Как бы тот ни было, наверно прав Джорджо Капрони, когда говорит: «... Я знаю Есенина – весьма малую часть Есенина – только через толщу переводов, которые если не затемняют или размывают очертания как туман, конечно же, неизбежно гасят или искажают музыку, т.е. именно тот элемент, который у Есенина ... исконная энергия. ... Но по-видимому в Есенина сам чёрт вселился – «ha più d'un diavolo in corpo» - если ему удастся пережить все новые и новые перипетии!» [Caproni].

В заключение невозможно не вспомнить об уникальном, неповторимом, до сих пор непревзойденном явлении поэзии Есенина в Италии, которое совершилось благодаря необыкновенному театральному дару Кармело Бене, *enfant terrible* итальянского театра последних пятидесяти лет XX века (1937 – 2002). (Он был знаком и российским театрам: в начале 90-х он приезжал в Москву на фестиваль итальянского театра, и к его приезду издали книгу «Театр без спектакля»). Актер не раз обращался к русской поэзии XX века в театре (1960) и на телевидении (1974), а 1980 году, к пятидесятилетию смерти Маяковского, он выступил в Римском оперном театре с концертом для голоса соло и ударных инструментов (музыку Гаэтано Джани Лупорини исполнял Антонио Стриано). Стихи Сергея Есенина - одного из «сплоченного поэтического квартета»: Блок, Маяковский, Есенин и Пастернак в переводах Амброджо, Рипеллино, Поджоли и Карневали - таким образом пережили настоящее преображение. Поразительный голос артиста – как мощный орган - не декламировал, а скорее исполнял их как музыкальную партитуру, в сопровождении перкуссиониста. Он был так виртуозно загримирован, что менял личину и представлял поочередно то одним, то другим поэтом. Мне посчастливилось видеть и слышать его с галерки. Незабываемые впечатления! Произошло редчайшее явление – полное взаимопроникновение таланта четырех русских поэтов и их переводчиков и таланта итальянского лицедея: создалось впечатление, будто они заговорили по-итальянски - таким полным было слияние переводного слова, музыки и действия. Описать словами реакцию публики в зале просто невозможно: восторг, экстаз, катарсис, буря аплодисментов без

конца, казалось, вот-вот рухнет расписной плафон театра. Может быть, выступления наших поэтов в начале века в революционной России могли бы дать представление о том, что происходило тогда. К счастью, в Италии недавно вышла антология Кармело Бене в формате CD и DVD, а мы, благодаря YOUTUBE, сможем присутствовать при том, как в единстве двух языков и разных жанров искусства воскресает музыка поэтической стихии Есенина.

Список литературы:

Gasparov M.L. Метр и смысл, М. 1999

Gasparov M.L. О новом переводе «Ада» Данте, выполненном В. Г. Маранцманом

<http://nevmenandr.net/scientia/gasparov-maranman.php>

Caproni Giorgio IL MONDO HA BISOGNO DEI POETI

INTERVISTE E AUTODOCUMENTI 1948-1990, Firenze University Press, 2014;

De Luca Iginio, Esenin, Fissi Firenze 1947

Stefano Garzonio, La poesia russa nelle traduzioni italiane del 900

<http://sites.utoronto.ca/tsq/17/garzonio17.shtml>

Graziadei Caterina: Марина Цветаева. Лебединый стан, Москва, Центр книги Рудомино', 2017

Niero, Alessandro Tradurre poesia russa, Analisi e autoanalisi, Quodlibet Studio Macerata

2019

Picon Isabelle Violante, Une oeuvre originale de poésie Giuseppe Ungaretti traductuer, Presses de l'Université de Paris-Sorbonne 1998

Poggioli Renato, Il fiore del verso russo, Einaudi, Torino 1949

Ripellino Angelo Maria, La poesia russa del Novecento, Guanda 1954

UNGRETTI Giuseppe, TRADUZIONI St.J.Perce William Bllake Gongora Essenine Jean Paulhan, Roma

Novissima Officina grafica 1936

Ссылки на видео в YOUTUBE:

Angelo Branduardi (Анджело Брандуарди)

<https://www.youtube.com/watch?v=A-QgSm1Ti5A>

Carmelo Bene (Кармело Бене)

<https://www.youtube.com/watch?v=Em36o4fVIdY>

QUATTRO MODI DI MORIRE IN VERSI (Умереть в стихах: четыре образа действия)

или <https://www.youtube.com/watch?v=iZWOwaeEN1w> (Маяковский и др.).

References:

Caproni Giorgio IL MONDO HA BISOGNO DEI POETI

INTERVISTE E AUTODOCUMENTI 1948-1990, Firenze University Press, 2014;

De Luca Iginio, Esenin, Fissi Firenze 1947

Gasparov M.L. Metr i smysl, M. 1999

Gasparov M.L. O novom perevode «AdA» Dante, vypolnennom V. G. Marantsmanom

<http://nevmenandr.net/scientia/gasparov-maranman.php>

Graziadei Caterina: Марина Цветаева. Лебединый стан, Москва, Центр книги Рудомино', 2017

Niero, Alessandro Tradurre poesia russa, Analisi e autoanalisi, Quodlibet Studio Macerata

2019

Picon Isabelle Violante, Une oeuvre originale de poésie Giuseppe Ungaretti traductuer, Presses de l'Université de Paris-Sorbonne 1998

Poggioli Renato, Il fiore del verso russo, Einaudi, Torino 1949

Ripellino Angelo Maria, La poesia russa del Novecento, Guanda 1954

Stefano Garzonio, La poesia russa nelle traduzioni italiane del 900

<http://sites.utoronto.ca/tsq/17/garzonio17.shtml>

UNGRETTI Giuseppe, TRADUZIONI St.J.Perce William Bllake Gongora Essenine Jean Paulhan, Roma

Novissima Officina grafica 1936

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА
ВЫСШАЯ ШКОЛА ПЕРЕВОДА (ФАКУЛЬТЕТ)

ESTI.MSU.RU
INFO@ESTI.MSU.RU